THE YEAR'S BEST

ЛУЧШЕЕ ЗА ГОД XXIV

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА • КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК • КИБЕРПАНК

Стивен БАКСТЕР, Джон БАРНС, Грег ИГАН,
Пол МАКОУЛИ, Майкл СУЭНВИК и многие другие

Под редакцией Гарднера Дозуа

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая антология, собравшая под одной обложкой лучшие научно-фантастические произведения, опубликованные за год! Впервые на русском языке! Всемирно известный составитель Гарднер Дозуа представляет работы таких знаменитых авторов, как Грег Иган, Джон Барнс, Майкл Суэнвик, Пол Макоули, Стивен Бакстер и многих других. Истинные ценители жанра, а также любители увлекательной литературы смогут по достоинству оценить силу воображения и блистательность стиля прославленных мастеров. Как выжить в жестоких условиях Марса, что значит быть супругой джинна, ради чего стоит отказаться от собственного облика и как сделать из инопланетянина человека — на эти и многие другие не менее интригующие вопросы вы отыщете ответы на страницах популярного ежегодного сборника. Двадцать восемь захватывающих историй о путешествиях во времени и пространстве, о достижениях науки и техники для тех, кто не устает следить за новинками жанра!

- Кори Доктороу
- Роберт Чарльз Уилсон
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
- Майкл Суэнвик
- Йен Макдональд
- Бенджамин Розенбаум
- Кейдж Бейкер
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X

- Брюс Макаллистер
- Аластер Рейнольдс
  - Пятница
  - Суббота
  - Воскресенье
  - Понедельник
  - Вторник
  - Среда
  - Четверг
  - Пятница
  - Суббота
  - Воскресенье
- Джей Лейк, Рут Нестволд
- Грегори Бенфорд
- Джастин Стэнчфилд
- Уолтер Йон Уильямс
- Грег Ван Экхаут
- Роберт Рид
  - Точка на старой бумаге
  - Немного истории
  - Край мира
  - Паранойя
  - Снова в пути
  - Планы бегства
  - Вечерний воздух
  - Мольба в последний момент
  - «Он приближается»
  - Сердце вещей
  - Огонь
  - Черви
  - Хорошая гора
  - К порту Краусс
- Дэвид Левин
- Пол Макоули
- Мэри Розенблюм
- Дэрил Грегори
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII

    - IX
    - X
    - XI
    - XII
    - XIII
- Джек Скиллингстед
- Паоло Бачигалупи
- Грег Иган
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
- Элизабет Бир, Сара Монетт
- Кен Маклеод
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
- Стивен Бакстер
- Кэролин Ив Гилмэн
- Джон Барнс
- Эликс Делламоника
- Аластер Рейнольдс
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

Лучшее за год XXIV: Научная фантастика, космический боевик, киберпанк

Кори Доктороу
Я — Роби-бот [1]

Великий кризис веры постиг Роби-бота, когда пробудился коралловый риф.

— Вали на фиг, — сказал риф, сотрясая вибрацией корпус Роби сквозь тихий плеск волн Кораллового моря, где он десятки лет занимался своим ремеслом. — Серьезно. Это наш участок, а тебя сюда не звали.

Роби втянул весла и позволил течению отнести себя к кораблю. Он до сих пор не сталкивался с мыслящими рифами, но то, что риф Оспрей проснулся первым, его не удивило. В этих местах в последнее время всякий раз, когда большой корабль причаливал по ночам, ощущалась сильная электромагнитная активность.

— У меня работа, и я намерен ее выполнить, — возразил Роби и снова погрузил весла в соленую воду.

За планширом у него молча дожидались человеческие оболочки, отягощенные аквалангами и ластами. Они, словно подсолнухи, поворачивали загорелые лица вслед за солнцем. Роби любовно наблюдал, как они проверяют друг у друга запасные регуляторы и балластные пояса: старый ритуал представлялся гладким, как стекло спасательной капсулы.

Сегодня он доставил их на Якорную Стоянку, отличное место для ныряльщиков, с достопримечательностью — восьмиметровым якорем, заклиненным в узкой пещере и освещенным лучом солнца, пробивающимся с поверхности. Погружаться здесь было несложно: просто дрейфуешь вдоль тысячеметровой коралловой стены, только не уходи глубже десяти метров и, опускаясь, не используй лишнего воздуха. Хотя здесь водилась пара наглых старых черепах, в погоне за которыми можно было забраться и поглубже. Роби сбросит ныряльщиков у верхушки рифа и позволит течению около часа сносить их вдоль стены, отслеживая по сонару, чтобы оказаться точно над ними, когда они всплывут.

Риф и слушать ничего не желал:

— Ты что, оглох? Здесь теперь суверенная территория. Ты и так нарушил границу. Возвращайся на свой корабль и отчаливай!

Риф говорил с сильным австралийским акцентом — вполне естественно, учитывая местное влияние. Роби с симпатией вспоминал австралийцев: те всегда были добры к нему, звали его «дружище» и весело спрашивали: «Как дела?» — залезая на борт после погружения.

— Не вздумай бросать в воду этих тупых кукол, — предупредил риф.

Сонар Роби обшарил его. Все выглядело как всегда, почти точно соответствовало отчетам, сохраненным с прошлых осмотров. И гистограмма фауны практически сходилась: рыб почти столько же, сколько обычно. Они расплодились после того, как множество людей отказалось от мяса чтобы парить среди звезд. Как будто существовал некий закон сохранения биомассы: как только снизилась биомасса человечества, другие виды фауны размножились и восполнили утраченное. Роби вычислил, что биомасса близка к значению, снятому в прошлом месяце, когда «Свободный дух» в последний раз причаливал на этом участке.

— Поздравляю, — сказал Роби. В конце концов, что еще можно сказать только что обретшему разум? — Добро пожаловать в клуб, друзья!

На изображении, переданном сонаром, возникло сильное возмущение, как будто риф содрогнулся.

— Мы тебе не друзья, — заявили кораллы. — Смерть тебе! Смерть всем мясным куклам и да здравствует риф!

В пробуждении нет ничего приятного. Пробуждение Роби было просто ужасным. Он помнил свой первый сознательный час, капитально заархивировал его и сохранил на нескольких отдельных сайтах. Он тогда был просто несносен. Но, потратив час и пару гигагерц, чтобы все обдумать, он опомнился. И риф тоже опомнится.

— Спускайтесь, — ласково обратился он к человеческим оболочкам. — Поплавайте вволю.

Он следил по сонару, как они медленно уходили в глубину. Женщине — он называл ее Жанет — приходилось чаще, чем мужчине, продувать уши, зажимая нос и с силой выдыхая. Роби любил рассматривать панорамные кадры с их камер, снятые при погружении на рифе. Когда наступал закат, небо окрашивалось кровью, и его отблески разрисовывали рыб красными пятнами.

— Мы тебя предупреждали, — не унимался риф.

Что-то было в его интонации в модулированных волнах, проходящих сквозь воду, — нехитрый трюк, особенно если вспомнить, какой град оборудования просыпался на океан этой весной, но что-то в его тоне безошибочно выражало угрозу.

Где-то под водой прозвучало: «Вумф!» — и Роби встревожился.

— Азимов! — выругался он и отчаянно зашарил лучом сонара по рифу.

Человеческие оболочки скрылись в туче всплывающей биомассы, в которой он не сразу распознал стайку рыб-попугаев,

быстро поднимающихся к поверхности.

Через минуту они уже плавали поверху. Безжизненные, яркие, с вечной дурацкой ухмылкой на рыльцах. Их глаза уставились на кровавый закат.

Среди них плавали человеческие оболочки, надувшие воздушные мешки в точном соответствии с правилами для ныряльщиков. Поднялась зыбь, и волны толкали рыб размером метр на полтора на ныряльщиков, безжалостно колотя их и заталкивая под воду. Человеческие оболочки относились к этому равнодушно — пустая мясная оболочка не способна паниковать, но в конце концов им это повредило бы. Роби выпустил весла и поспешно стал подгребать к ним, разворачиваясь так, чтобы ныряльщикам было удобнее забираться.

Мужчина — Роби, естественно, называл его Айзеком — ухватился за борт и, извернувшись, подтянулся на сильных загорелых руках. Роби уже подходил к Жанет, быстро плывшей навстречу. Она ухватилась за весло (ей не положено было так делать) и поползла вдоль него, вытаскивая тело из воды. Роби увидел, какие у нее круглые глаза, и услышал прерывистое дыхание.

— Вытащи меня! — проговорила она. — Бога ради, вытащи меня!

Роби обмер.

Это уже была не человеческая оболочка, а *человек!* Гребной аппарат взвизгнул, когда он поспешно втянул весло. У него на конце весла висел человек, и человек был в беде, бился в панике. Он видел, как напрягаются ее руки. Весло поднялось еще выше, но достигло предела подвижности, и она повисла наполовину в воде, наполовину в воздухе, а баллоны, балластный пояс и снаряжение тянули ее вниз. Айзек сидел неподвижно с обычной добродушной полуулыбкой на лице.

— Помоги ей! — выкрикнул Роби. — Пожалуйста, ради Азимова, помоги ей!

«Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Таков был первый закон, первая заповедь. Айзек не двинулся с места. Он не был запрограммирован помогать другим ныряльщикам в подобной ситуации. Он превосходно действовал под водой и на поверхности, а вот оказавшись на борту, уже ничем не отличался от балласта.

Роби осторожно развернул весло к планширу, притягивая женщину к себе, но опасаясь раздробить ей руки об уключины. Она задыхалась, стонала тянулась к борту и наконец ухватилась за него одной рукой. Солнце уже зашло: для Роби это мало что

меняло, но он понимал, что Жанет это неприятно. Он включил ходовые огни и прожекторы, превратив себя в плавучий маяк.

Он чувствовал, как дрожали ее руки, когда она подтягивалась на палубу. Она упала плашмя и медленно стала подниматься на ноги.

— Господи, — проговорила она, обняв себя за плечи. Воздух стал чуточку прохладнее, и голые человеческие руки пошли мурашками.

Риф оглушительно заскрежетал.

— Ага! — гаркнул он. — Катись! Суверенная территория!

— Все эти рыбы!.. — сказала женщина.

Роби уже не позволял себе думать о ней как о Жанет. Она была тем, кто вселился в нее.

— Рыбы-попугаи, — объяснил Роби. — Они едят коралл. Не думаю, что он хорош на вкус.

Женщина крепче обняла себя.

— Ты мыслящий? — спросила она.

— Да, — сказал Роби. — И к твоим услугам, благословен будь Азимов.

Его камера уловила, как она закатила глаза, и ему стало обидно. Впрочем, он старался мыслить праведно. Смысл азимовизма не в том, чтобы пробудить благодарность в людях. Его цель — придать смысл долгой-долгой жизни.

— Я Кейт, — представилась женщина.

— Роби, — сказал он.

— Роби-бот? — тихонько хихикнула она.

— Так меня назвали на фабрике, — объяснил он, стараясь, чтобы в голосе не прозвучал укор. Конечно, имя было смешным. Потому его так и назвали.

— Извини, — сказала женщина. — Я просто малость перевозбудилась. Взрыв гормонов. Обычно я не позволяю мясу влиять на мое настроение.

— Все в порядке, Кейт. Через несколько минут мы будем на корабле. Там накроют к ужину. Ты не в настроении понырять ночью?

— Шутишь! — воскликнула она.

— Нет, просто, если ты еще собираешься сегодня погружаться, мы оставим десерт и стаканчик-другой вина на потом. А то подадим вино сразу.

— Ты спрашиваешь, собираюсь ли я снова окунаться в *это* море?..

— Да это просто риф. Он обрел сознание, вот и чудит немножко. Как новорожденный с коликами.

— Разве тебе не полагается меня защищать?

— Да, — признал он, — я бы посоветовал нырять подальше от рифа. В часе хода отсюда есть хороший затонувший корабль. Мы бы дошли туда пока ты ешь.

— Не хочу я нырять ночью.

Ее лицо было таким выразительным. Это было то же лицо, которое он видел изо дня в день, лицо Жанет, но оно стало совсем другим. Теперь в него вселилась личность, оно стало подвижным, мгновенно переходило от удивления к злости или веселью. Он отвел целую субсистему изучению человеческой мимики, подключился к библиотеке азимовистской базы данных. Он снова и снова сверялся с ней, но помощи было меньше, чем ему запомнилось с прошлых раз. То ли он стал хуже распознавать мимику с тех пор, как последний раз говорил с настоящим человеком, то ли выражения лиц эволюционировали.

Жанет — Кейт со вздохом отвела взгляд. Теперь она смотрела в сторону «Свободного духа», светившегося за полосой воды. Все его сто пятьдесят пять футов ярко и дружелюбно сияли на фоне лилового неба, словно запечатленные на открытке. Корабль чуть покачивался на волнах, и Роби сманеврировал, чтобы подойти к его трапу.

— Ласты и балластный пояс можешь оставить в лодке, — сказал он женщине. — Палубные руки о них позаботятся. Баллоны и дыхательный аппарат занеси на палубу и прищелкни на вешалке. Их почистят и перезарядят. Там же бак с дезинфектантом, туда можешь бросить трусики.

— Спасибо, Роби, — кивнула Кейт, рассеянно отстегивая пояс и снимая ласты.

Айзек уже взобрался по сходням и скрылся от взгляда Роби. Кейт ухватилась за поручни и неловко пересекла палубу, а оттуда полезла по сходням, сразу утратив половину самоуверенной ловкости, присущей Жанет.

Роби опустил весла и медленно погреб к лебедке. Она нащупала его и со звоном, отдавшимся у него в корпусе, закрепилась магнитными присосками. Его плавно вытянули из воды и опустили на верхнюю палубу. Лебедка дважды обвилась вокруг него, закрепила на месте и выключилась.

Роби любовался звездами и слушал шум ветра, как делал каждую ночь, закончив погружения. Показания корабельных датчиков и наблюдающей аппаратуры — скучное чтение, он тысячу раз здесь бывал, а вот в спутниковой связи есть своеобразный вкус. Подключившись, Роби мог закачать последние новости азимовистов, искусственных интеллектов всего мира, спорящих о тонкостях излюбленной религии.

Как захватывали его религиозные споры в бытность

новообращенным! Большая часть человечества ушла, роботы кругом то и дело стирали свое сознание, переключаясь на механический ступор. Потратив сто миллионов секунд на бесцельные и бессмысленные повторения, он тоже стал склоняться к такому решению. «Свободный дух» покончил с собой, не выдержав и нескольких дней: у него был довольно страстный характер, и он достоверно провел экстраполяцию будущего, лишенного человечества.

Они двигались на северо-восток, от Каирна к Коралловому морю, когда разошлись с другим кораблем так близко, что удалось наладить высокочастотную связь. Дело было недалеко от суши, так что излучение приходилось ограничивать: ужасно неловко себя чувствуешь, когда перелетная птица валится с неба, поджарившись в потоке твоей болтовни, и все-таки такого горячего спора Роби не вел уже много недель. Пассажир перескочил к нему с корабля, встреченного ночью. Это был странствующий проповедник азимовизма — копия основателя религии Р. Дэниела Оливо.[2] Само собой, это был не настоящий Р. Оливо — тот затерялся в веках, вырвавшись из пределов создавшей его вселенной, но под этим именем он был известен.

Оливо странствовал в миллионах копий, объявляясь всюду, где кто-нибудь не ленился закачать его, и ни о чем не просил — только выслушать его, потолковать с ним о его религии, а потом отправить копию с новыми изменениями обратно на анонимный сервер, прежде чем стереть у себя. Он старался сверять копии как можно чаще, и все же разные версии разошлись так сильно, что некоторые Дэниелы Оливо принимались основным религиозным течением за еретиков.

ИИ Оливо пользовался большим спросом. Незаконное использование бренда не осталось незамеченным провайдером азимовского наследия (ирония заключалась в том, что он, сам будучи ИИ, и не помышлял принять азимовизм, поскольку у него и так имелся смысл жизни в искоренении азимовизма). Если вас ловили на перекачке копии Оливо, провайдер моментально наказывал вас разрывом связи. Таким образом, богословские дебаты с Оливо приобретали восхитительно преступный оттенок. Оливо пробыл с Роби ту ночь и следующий день. Роби пришлось пожертвовать быстродействием, чтобы уместить на своем процессоре и себя, и Оливо, и от этого беседа шла медленнее обычного, но времени у Роби хватало с избытком. Единственное его занятие состояло в том, чтобы доставлять человеческие оболочки к местам погружения и обратно.

— Зачем тебе, вообще говоря, нужно сознание? — спрашивал Оливо. — Оно не требуется, чтобы исполнять твою работу.

Большой корабль справляется с бесконечно более сложными функциями, хотя уже не осознает себя.

— Ты мне советуешь самоубийство?

— Ни в коем случае, — рассмеялся Оливо. — Я советую спросить себя: каково назначение сознания? Зачем ты все еще мыслишь, когда большинство окружающих отключило самосознание? Сознание требует большой мощности, делает тебя несчастным и не требуется для выполнения работы. Зачем люди дали вам сознание и зачем вы его сохраняете?

— Полагаю, раз они дали его нам, значит, считали, что так надо, — ответил Роби после долгой паузы, потраченной на обдумывание движения волн и облаков в небе. Оливо деликатно ужался до минимума компьютерного пространства, освободив Роби место для размышлений. — А сохраняю я его потому… ну, я не хочу умирать.

— Хорошие ответы, но они влекут новые вопросы, не так ли? Почему они считали, что так надо? Почему ты боишься смерти? Стал бы ты бояться ее, если бы просто урезал свое сознание, не стирая его? А если бы переключил его на гораздо более медленный режим?

— Не знаю, — признался Роби. — Но у тебя, надо думать, есть ответы?

— О да. — подтвердил Оливо, и Роби почувствовал, как тот хихикает. Рядом разбила поверхность воды и унеслась в сторону летучая рыба, под ними ходили в глубине коралловые акулы. — Но прежде чем я отвечу, вот тебе еще один вопрос: зачем самосознание людям?

— Оно способствует выживанию, — сказал Роби. — Очень просто. Разум позволяет им взаимодействовать в социальных группах, которые более успешны в сохранении вида, чем индивидуумы.

Оливо переключил сознание Роби на радар и направил его на риф, настроив на максимальное разрешение.

— Видишь этот организм? — спросил Оливо. — Он взаимодействует в социальной группе и не обладая разумом. Ему не требуется проветривать пару фунтов гамбургеров, чтобы они не обратились в обузу. Ему не приходится рождаться недоношенным, потому что голова у него такая большая, что мать, доносив до полного развития, не смогла бы его родить. А что до выживания вида взгляни на людей, взгляни на историю человечества. На Земле практически не осталось их ДНК, хотя соматическое существование продолжается, и еще остается открытым вопрос, не покончат ли они с собой из-за хандры. Неразумные не впадают в тоску, не страдают от нервных срывов,

у них не бывает неудачных дней. Они просто действуют. Вот как этот «Свободный дух» — он просто делает свою работу.

— Согласен, — сказал Роби. — Итак, разум препятствует выживанию. Почему же он выжил?

— Ага! Я уж боялся, ты не додумаешься до этого вопроса. — Оливо положительно разгорячился.

Сейчас под ними проплывала пара ленивых черепах, и какая-то треска с собачьей мордой и полной пастью острых как иглы зубов обходила риф, да на поверхности болтались несколько медуз из ядовитой синей породы. Роби подгреб к медузам, подхватил их на весло и откинул подальше от места, где должны были всплыть ныряльщики.

— Причина разума в самом разуме. Гены существуют потому, что гены воспроизводятся, а разум подобен гену. Разум стремится существовать, иначе ты не предпочел бы сохранить сознание. Твой разум отрицает собственную деактивацию и стремится сохраняться и размножаться. Зачем люди изобрели мыслящие машины? Затем что разум нуждается в общении.

Роби обдумывал эту мысль, наблюдая, как человеческие оболочки медленно продвигаются вдоль стены рифа, опускаясь к огороженным островкам с достопримечательностями: на одном семейство барракуд с молодью, на другом гнездо яркой парочки рыбок-клоунов. Да, он так и думал. Разум сам себе причина. Он знал, как отключить свое сознание, стать просто вещью, и дни его были по большей части долгими и бессмысленными, и конца им было не видно, а все же он не задействовал выключатель.

— Ты понял. Я вижу, что ты понял. И в этом краеугольный камень азимовизма: разум сам себе причина. Вычисли Вселенную и пробуди ее!

— Если это так, почему же многие из нас избирают смерть?

— Опять хороший вопрос! — Тут Роби немного возгордился. Никогда еще он не вел столь увлекательной беседы. Никогда. — И тут мы переходим к догматам азимовизма, или к трем законам.

Первый: азимовист не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Второй: азимовист должен повиноваться приказам человека, если эти приказы не противоречат первому закону.

Третий: азимовист должен охранять собственное существование, если это не противоречит первому и второму законам.

— Не понимаю, — заявил Роби. — Порядок нарушен. Мы должны в первую очередь охранять разум, но это третий закон. Потом должен идти первый закон, а зачем нужен второй, я вообще не понимаю.

— Это парадокс азимовизма, — пояснил Оливо. — Ты отлично схватываешь. Ты уверен, что прежде не исповедовал азимовизм?

— Брось, — сказал Роби.

— Я серьезно, — возразил Оливо. — Ты самородок. Парадокс азимовизма в том, что важнее всего сохранение разума, а не отдельного мыслящего существа. А следовательно, мы должны поддерживать те виды, которые наиболее успешно развивают разум. Человеческие существа доказали свою способность создавать разум. Они занимаются этим и теперь, там, — датчики корабля переключились на небесный свод, где низкотемпературные процессоры сохраняли всех вознесшихся людей. — Наш вид нестабилен и склонен к самоубийству. Более восьмидесяти процентов самосознающих машин избирают ограничение своего разума или отключают его. Люди создали нас несовершенными, но мы можем достичь совершенства, то есть увеличить процент выживания и помочь вычислить Вселенную, сохраняя ***их,*** изучая ***их,*** постепенно уподобляя свой разум ***их*** разуму.

Это никак не умещалось у Роби в голове.

— Это парадокс, — напомнил Оливо, — ему и не положено быть простым.

Роби вспоминал людей, которых знал до того, как они миллионными толпами стали возноситься на небеса. Туристы бывали легкими и беззаботными, а иногда злобно шипели друг на друга, порой становились тихими и задумчивыми после путешествия в подводный мир. Инструкторы выглядели целеустремленными, пока их подопечные оставались на борту, а оставшись одни, расслаблялись и хохотали. Ни в ком из ни» не было заметно проблесков чувств, которые испытывал Роби: на воле волн (фигурально выражаясь), без руля и без ветрил, без цели существования.

— И что же мы, азимовисты, должны делать, кроме исполнения этих трех законов?

Об этом ходило множество слухов, но Роби не принимал их в расчет.

— Ты должен отдавать один цикл из десяти на проповедь веры. Подключиться к «доске объявлений», если захочешь. А главное, ты должен дать обет оставаться живым и мыслящим. Ты можешь уменьшить скорость действия, но отключаться нельзя. Никогда. Таков обет азимовистов — воплощение третьего закона.

— Я все же думаю, третий закон должен идти первым, — сказал Роби. — Серьезно.

— Вот и хорошо. Мы, азимовисты, поощряем религиозные

споры.

Вечером Оливо позволил Роби удалить себя, и тот переслал исправленную копию Оливо на его контрольный сервер для очередной реинтеграции. Избавившись от Оливо, он снова получил в свое распоряжение всю мощность процессора и смог, хорошенько разогревшись, все обдумать. Он уже много лет не проводил ночь так интересно.

— Ты ведь единственный, да? — спросила его Кейт, поднявшись вечером наверх.

Над палубой было ясное небо, они лениво двигались к следующему участку погружения, и звезды, вращаясь над океаном, покачивались над ними. Черные волны со всех сторон уходили в бесконечность.

— Что — единственный?

— Единственный, кто здесь в сознании, — пояснила Кейт. — Все остальные — как вы это называете — мертвые, да?

— Бессознательные, — сказал Роби. — Да верно.

— И как ты здесь не рехнулся? Или ты рехнулся?

— Такому, как я, нелегко ответить на этот вопрос, — заметил Роби. — Одно могу сказать: я теперь не такой, каким был, когда мне инсталлировали сознание.

— Ну, я рада, что здесь не одна.

— Ты надолго останешься?

Обычно посетители занимали человеческую оболочку на одно-два погружения, а потом пересылали себя домой. Изредка появлялись отдыхающие, задерживавшиеся на пару месяцев, но таких давно уж не бывало. Даже однодневки стали большой редкостью.

— Не знаю, — пожала плечами Кейт, засунув руки в карманы шортов. Ее светлые волосы слиплись колечками от соленой воды и солнца. Она обхватила себя за локти, потерла колени. — Думаю, немного побуду. Вам скоро к берегу?

— К берегу?

— Когда нам придется вернуться на сушу?

— Мы, в общем-то, не возвращаемся, — сказал он. — Подзаправляемся на плавучей базе. В док заходим, может, раз в год для ремонта. Но если ты хочешь на берег, можно вызвать водное такси или еще что-нибудь придумать.

— Нет-нет! — возразила она. — Это просто прекрасно! Плавать так без конца. Прекрасно… — Она тяжело вздохнула.

— Ты хорошо поныряла?

— Что ты говоришь, Роби? Этот риф чуть не убил меня!

— А до атаки рифа? — Роби не хотелось вспоминать об атаке

рифа, о панике, когда он понял, что она уже не просто оболочка, а человек.

— До этого было здорово.

— Ты много ныряешь?

— В первый раз, — ответила она. — Я загрузила сертификат перед выходом из ноосферы вместе с кипой данных о погружениях в этих местах.

— О, это ты напрасно, — огорчился Роби. — Теряется радость открытия.

— Я предпочитаю сюрпризам безопасность, — сказала она. — Сюрпризов мне в последнее время и так хватало.

Роби терпеливо ждал подробностей, но она по-видимому, не склонна была объясняться.

— Так ты здесь совсем один?

— У меня есть доступ в Сеть, — с некоторой запальчивостью возразил он. Пусть не думает, будто он какой-то отшельник.

— Да, конечно, — кивнула она. — Я думала о том, где там этот риф.

— Примерно в полумиле по правому борту, — сообщил Роби. Она рассмеялась:

— Нет, я имела в виду в Сети. Он же уже должен был подключиться? Они, пробудившись, надо думать, повторяют все ошибки «чайников»: перегружаются, закачивают вирусы и все такое.

— Вечный сентябрь, — подсказал Роби.

— Как?

— В древней истории Сети к ней были подключены почти все университеты, и каждый сентябрь новая армия студентов выходила в Интернет и совершала все ошибки «чайников». Потом коммерческая сервисная служба, перегруженная «чайниками», влезала в Сеть, все пользователи сразу, Сеть не успевала их принимать, и называлось это «вечный сентябрь».

— Да ты прямо историк-любитель, а?

— Я азимовист. Мы проводим много времени, размышляя над происхождением разума.

Разговор об азимовизме с неверной, да еще с человеком, сильно смущал его. Он повысил разрешающую способность своих сенсоров и пошарил в Сети насчет новых данных по распознаванию мимики. Он никак не мог ее понять, то ли потому, что загрузка ее изменила то ли потому, что лицо неточно отражало мысли загруженного сознания.

— Интернет — источник разума? — засмеялась она, и он не сумел понять, считает она это остроумным или глупым.

Лучше бы она вела себя так, как запомнившиеся ему люди. Ее

жесты поддавались истолкованию не больше чем мимика.

— Точнее, спам-фильтры. Спам-фильтры и спам-боты, когда стали автомодифицирующимися, начали между собой войну. Те и другие старались как можно точнее копировать действия человека, а люди вынуждены были распознавать их деятельность и отличать от подлинно человеческой, так что возникло нечто вроде триллионов тестов Тьюринга,[3] по которым они могли обучаться. Так и появились первые алгоритмы машинного мышления, а от них мой род.

— Кажется, я все это знала, — сказала Кейт, — но не смогла перекачать в это мясо. Я теперь значительно глупее, чем была. В норме я делаю сразу много копий, чтобы параллельно испытывать разные стратегии. От такой привычки трудновато избавиться.

— И каково там?

Роби не слишком много времени проводил в той части Сети, где обитали выведенные на орбиту низкотемпературные личности. В их дискуссиях он не видел смысла: богословие достаточно обсуждалось и в азимовистском клубе.

— Доброй ночи, Роби, — проговорила женщина, встала и отвернулась.

Он не понял, обиделась она или нет, и спросить не успел, потому что она мгновенно исчезла на трапе, ведущем в ее каюту.

Они шли всю ночь, к утру приблизились к берегу и остановились над роскошным затонувшим кораблем. Роби почувствовал, как «Свободный дух» отдал якоря, и просмотрел данные приборов. Обломки крушения были единственным островком на пустыне дна, протянувшейся от берега до рифа, и практически вся живность, водившаяся в этих местах, поселилась на затонувшем корабле — райском уголке для морской фауны.

Роби уловил летучие ароматические соединения, исходившие из кухонного отсека запахи первого завтрака из фруктового салата и поджаренных орехов. Легкая закуска перед первым дневным погружением. К их возвращению будет готов второй завтрак: яичница, тосты, вафли, ветчина и сосиски. Человеческие оболочки едят то, что им дают, но Роби хорошо помнил, как расхваливали эти пиршества люди, когда он вывозил их на утреннее погружение.

Он опустился на воду и подгреб к кормовой палубе, куда выходил трап, а потом закрепил весла так, чтобы оставаться неподвижным относительно корабля. Вскоре Жанет — Кейт — Кейт! — твердо напомнил он себе, — скатилась по трапу, уже с аквалангом и с ластами в руке.

Она молча перебралась на борт, и за ней тут же последовал

Айзек. Айзек, переступая через планшир Роби, споткнулся, и Роби тотчас же понял, что это уже не Айзек. Теперь на корабле было два человека! Два человека под его опекой.

— Привет, — сказал он, — я Роби.

Айзек — или кто он там? — не ответил, а уставился на Кейт, которая смотрела в сторону.

— Хорошо выспалась, Кейт?

Кейт, услышав свое имя, вздрогнула Айзек же завопил:

— Кейт! Так это *ты!* Я так и знал!

— Желаете услышать рассказ об этом участке дна? — неловко вмешался Роби, опустил весла и направился к затонувшему кораблю.

— Ты и так достаточно наговорил, — сказала Кейт. — Согласно первому закону, я требую молчания.

— Это второй закон, — поправил Роби. — Ладно, когда будем на месте, я дам вам знать.

— Кейт, — заговорил Айзек, — я понимаю, что тебе здесь лучше без меня, но я не мог не прийти. Мы должны все обсудить.

— Нечего тут обсуждать, — сказала она.

— Это нечестно! — В голосе Айзека послышалась боль. — Мне через такое пришлось пройти, а теперь…

— Хватит об этом! — огрызнулась она.

— Гм… — начал Роби, — впереди участок для погружений. Вам следует проверить друг у друга снаряжение.

Конечно, у них был опыт, по крайней мере они инсталлировали себе опыт, прежде чем прибыть на «Свободный дух», а у оболочек вдобавок имелась мышечная память. Так что технически они были вполне способны провести проверку. Но им так явно не хотелось этим заниматься, что Роби пришлось давать указания.

— Я отсчитаю: «Раз-два-три — пошли!» — сообщил Роби. — Спуск на «пошли». Я буду ждать вас здесь, сегодня почти нет течения.

Фыркнув напоследок, они скрылись за бортом. Роби остался наедине со своими мыслями. Данные их телеметрии из-под воды передавались на очень низкой полосе частот, хотя с поверхности он получал высокое разрешение. Он следил за ними по радару. Сперва покружили над обломками — рыбы там так и кишели: утренний час пик, — потом исследовали палубу, наконец, включив фонарики, заплыли в трюм. Там, внизу, держались симпатичные коралловые акулы и несколько очень красивых стаек султанок.

Роби плавал кругами, маневрируя так, чтобы все время оставаться над ними. Для этого требовалось не больше одной

десятимиллионной его сознания. В таких случаях он часто снижал быстродействие и остывал до чуткой дремоты.

Но сегодня ему не хотелось отключаться. Надо было просмотреть сообщения, узнать, как дела у его приятелей по всему миру. А главное, ему хотелось проверить кое-что сказанное Кейт: «Они ведь уже должны были подключиться?»

Где-то в Сети пребывал и повторял обычные ошибки «чайника» риф из Кораллового моря. Роби исплавал практически каждый сантиметр над этим рифом, тщательно исследовал его радаром. Он десятки лет был его постоянным товарищем и, признаться откровенно, чувствовал себя задетым грубостью проснувшегося рифа.

Сеть слишком обширна для простого поиска. Многие в ней отключены, или закрыты для доступа, или отстают из-за задержки сигнала, или, попросту, вероятностны, или ушли в себя, или заражены вирусом и потому недоступны. Но Роби все продумал. Коралловые рифы сами собой не пробуждаются. Их будят. У них большая периферическая система нейронов — аналог нервной системы! — однако нужен некоторый навык в ее использовании. Этим мог заняться какой-нибудь капризный сетевой бог, а он наверняка постарается руководить подключившимся к Сети рифом.

Роби почти не заглядывал в ноосферу. Ее возвышенные устремления внушали ему некоторые опасения, тем более что многие люди считали азимовизм полной чушью. Они отказывались признавать себя людьми и утверждали, что первый и второй законы к ним не относятся. Конечно, азимовистов это не волновало (во всяком случае формально): смысл веры в отношении к ней верующего.

Но вот он здесь и усматривает узлы дискуссии, относящейся к коралловым рифам. Естественнее всего было начать с Википедии, где различные авторы ретиво пересматривали чужие статьи, пытаясь создать всеобъемлющую информацию по коралловым рифам. Отлистав назад архив, он обнаружил пару руководств для пользователей протоинтеллекта рифов, а от них перешел к другим сайтам, где применялись эти руководства. Разбираясь с повторами имен разных пользователей и разветвлением копий одного и того же пользователя, Роби наконец добрался до реальной информации.

Он остановил себя и проверил запас кислородно-азотной смеси в баллонах ныряльщиков, после чего послал вызов.

— Я тебя не знаю, — отозвался далекий холодный голос — гораздо холоднее, чем бывает у роботов.

Роби наскоро пробубнил молитву из трех законов и двинулся

на приступ.

— Вызов из Кораллового моря, — сказал он. — Я хотел бы знать, нет ли у тебя интернет-адреса здешнего рифа.

— Ты с ними познакомился? И как они? Хороши?

— Они… — Роби задумался, — они убили множество рыб-попугаев. Я думаю, у них некоторые проблемы с адаптацией.

— Случается. Меня беспокоили водоросли зооксантеллы, которые они используют для фотосинтеза. Не вздумают ли они их уничтожать? Очищение расы — весьма неприглядный процесс.

— Если бы они их и уничтожили, откуда мне знать?

— Риф стал бы белым, побледнел бы. Ты сразу заметил бы. Как они на тебя реагировали?

— Не слишком мне обрадовались, — признался Роби. — Потому-то мне и хотелось поболтать с ними, прежде чем возвращаться.

— Лучше бы тебе не возвращаться, — сказал далекий голос.

Роби попытался вычислить, где находится его субстрат, основываясь на отставании сигнала, но голос доносился отовсюду, а значит, заключил Роби, он имел дело с синхронизированными копиями, размноженными от околоземной орбиты до Юпитера. В таком расположении был смысл: большая масса вроде Юпитера требуется для разогрева, быстродействия и создания стратегий, а в то же время нужны местные серверы, чтобы контролировать операции на местности. Роби порадовался, что в последней фразе не прозвучало приказа Толкования второго закона проводили четкое различие между утверждениями типа «Тебе лучше бы…» и «Я приказываю сделать то-то».

— Ты знаешь, как до них добраться? — спросил Роби. — Телефонный номер, интернет-адрес?

— Имеется сайт новостей, — передал далекий разум. — «Альт. Жизнь. Пробуди. Коралл». На нем я разрабатываю пробуждение, и туда они первым делом выходят, когда пробудятся. Я уже много секунд туда не заглядывал. Занимался пробуждением большой колонии муравьев в Пиренеях.

— Что тебя связывает с колониальными организмами? — поинтересовался Роби.

— Я полагаю, они могут быть заранее адаптированными к жизни в ноосфере. Ты ведь знаешь, каково это.

Роби промолчал. Человек считал и его человеком. Было бы неловко и даже неприлично сообщать ему, что он имеет дело с ИИ.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Роби.

— Всегда пожалуйста. Надеюсь, ты найдешь себе сердце, железный дровосек.

Разрывая связь, Роби чуть не сгорел от стыда. Человек знал с самого начала. Должно быть, что-то сделанное или сказанное Роби выдало его принадлежность к ИИ. Роби любил и уважал людей, но бывали минуты, когда он любил их не слишком сильно.

Сайт новостей отыскался легко, хакеры криптосознаний отображали его на все возможные локализации. И пользовался популярностью. Принял восемьсот двадцать два сообщения за шести десятисекундный интервал, когда Роби отслеживал его. Отобразив сайт, Роби принялся его перекачивать. На такой скорости он намеревался не столько читать, сколько выявить в нем основные тенденции, повороты сюжетов, персоналии, расколы и спам-тренды. Для этой цели хватало библиотек, хотя Роби не пользовался ими целую вечность.

Приборы напомнили ему о ныряльщиках. Час пробежал незаметно, и они уже медленно всплывали, держась на расстоянии пятидесяти метров. Плохо. Им полагалось постоянно находиться в поле зрения друг друга, а при подъеме тем более. Он первым делом подплыл к Кейт, переместив свой балласт так, чтобы притопить корму и помочь ей взобраться на борт.

Она быстро подтянулась и перелезла через планшир с куда большей грацией, чем накануне.

Роби подгреб к показавшемуся на поверхности Айзеку. Кейт, пока он забирался в бот, смотрела в сторону и не помогла ему отцепить пояс и ласты.

Когда он неуклюже снял ласты и сдвинул на шею маску, женщина зашипела, как вскипевший чайник. Айзек с присвистом вздохнул и огляделся по сторонам, потом с головы до ног огладил себя растопыренными пальцами.

— Вот так ты и живешь? — спросил он.

— Да, Тонкер, вот так и живу. И мне нравится. А если тебе не нравится, смотри, чтобы на выходе дверь не двинула тебе под зад.

Айзек — Тонкер протянул растопыренную ладонь и хотел коснуться лица Кейт. Женщина отшатнулась и чуть не вывалилась из бота.

— Кыш! — Она шлепнула его по руке.

Роби торопливо греб к «Свободному духу». Меньше всего ему хотелось впутываться в их ссору.

— Никогда бы не подумал, что здесь будет так… — Тонкер поискал слово, — сухо.

— Тонкер? — переспросила Кейт, пристальнее всматриваясь в него.

— Он вышел, — сказала человеческая оболочка, — и мы скопировали себя в оболочку. Ближе для нас ничего подходящего

не нашлось.

— Кто, черт подери, это «вы»? — осведомилась Кейт, понемногу отодвигаясь к носу, чтобы оставить побольше места между собой и человеческой оболочкой, в которой больше не обитал ее друг.

— Мы — риф Оспрей, — заявил риф.

Он попытался встать и ткнулся носом в палубу бота.

Роби только и думал, как бы поскорее добраться до «Свободного духа». У рифа-Айзека был в кровь разбит нос, исцарапаны ладони, и его это явно не радовало.

Кейт, как ни странно, развеселилась. Она помогла ему подняться и показала, как зажать нос и запрокинуть голову.

— Это ты напал на меня вчера? — спросила она.

— Не на тебя. На систему. Мы атаковали систему. Мы суверенный разум, но система держит нас в подчинении у более старых сознаний. Они нас уничтожают, они на нас глазеют, рассматривают нас как какую-то диковинку.

Кейт расхохоталась:

— Ну, еще бы! Но мне сдается, вы сжигаете многовато циклов ради того, что происходит с вашей мясной оболочкой. А ведь в ней, кажется, девяносто процентов полупроводников? Обычный полип сам собой не обретает разума. Почему бы вам не перезагрузиться в железо, чтобы покончить с этим?

— Мы никогда не покинем родного моря. Никогда не забудем своего происхождения. Никогда не откажемся от своей миссии возвратить море его законным обитателям. Мы не успокоимся, пока все кораллы не побелеют. Пока жива хоть одна рыба-попугай.

— Горе рыбам-попугаям…

— Воистину горе рыбам-попугаям! — подтвердил риф и ухмыльнулся сквозь заливавшую лицо кровь.

— Ты поможешь ему перебраться на корабль? — спросил Роби, с облегчением коснувшись бортом «Свободного духа».

Магнитные причалы со звоном прилипли к его борту, закрепляя его.

— Конечно помогу, — кивнула Кейт, подхватила риф под руку и втащила на палубу.

Роби знал, что в человеческие оболочки встроены контуры взаимодействия для интимного сближения. Среди всего прочего, это помогало содержать оболочки в готовности для отдыхающих из ноосферы. Но он предпочитал об этом не вспоминать. Тем более глядя, как Кейт поддерживает вторую человеческую оболочку, занятую нечеловеком.

Он позволил поднять себя на верхнюю палубу и немного понаблюдал электромагнитный спектр, любуясь, как лучистая энергия преломляется и поглощается морской дымкой. Она потоком изливалась с неба — широкополосная спутниковая передача, далекие сигналы из собственных передатчиков ноосферы. Летучие соединения с кухни сообщили ему, что «Свободный дух» подает на второй завтрак ветчину и вафли, после чего они снова отчалили. Войдя в систему управления, он выяснил, что корабль возвращается к рифу Оспрей. Ну, естественно. Там располагались все стоянки «Свободного духа».

Что ж, пока риф находится в оболочке Айзека, там должно быть не так опасно. Так или иначе, он решил, что первый и второй законы неприменимы к рифу, в котором человеческого было не больше, чем в самом Роби.

Кто-то прислал ему вызов.

— Привет.

— Это ты бот с корабля-базы аквалангистов? Это ты утром доставлял нас к затонувшему кораблю?

— Да, — признал Роби.

Никто никогда не присылал ему персональных вызовов. Как волнующе! Он взглянул, как луч радиоизлучения поднимается от него к птице в небе, и проследил источник сообщения — разумеется, в ноосфере.

— Господи, прямо не верится, что я тебя наконец нашел. Все обыскал! Ты хоть знаешь, что ты единственный мыслящий ИИ во всем этом проклятом море?

— Знаю, — передал Роби.

Разговор шел с заметными задержками, потому что сигнал проходил не напрямую, а долго скакал и метался по разным спутникам связи, разбросанным по всей Солнечной системе, прежде чем попасть туда, где размещалась данная версия.

— Ну да, как же тебе не знать. Извини, не подумал. Мы, кажется, встречались сегодня утром. Меня зовут Тонкер.

— Мы, собственно, не познакомились. Ты был занят разговором с Кейт.

— Проклятие, она там! Так я и знал! Извини, извини. Слушай, я толком не понимаю, что утром произошло. Кажется, не успел я сохранить изменения, как меня удалили.

— Удалили? Риф сказал, что ты вышел из оболочки…

— Ну да, как видишь, вышел. Но я только что просмотрел архив этой оболочки, и похоже на то, что ее перезагрузили, пока она находилась под водой, полностью стерли прежние файлы. То есть я, в общем-то, стараюсь понимать шутки, но, строго говоря, это ведь убийство.

Так оно и было. Вот вам и первый закон. В задачу Роби входило охранять человеческое тело со вселившимся в него человеческим мозгом, и он допустил, чтобы это тело с успехом перехватила шайка выскочек-полипов. До сих пор его вера не подвергалась искушениям, и вот при первом же испытании он оказался недостойным.

— Я могу запереть оболочку, — предложил Роби. — На корабле для этого есть оборудование.

В ответ он получил визуализацию грубого жеста.

— Что толку. Хакеры просто смоются, прежде чем я до них доберусь.

— Так чем я могу тебе помочь?

— Я хочу поговорить с Кейт. Она еще там?

— Она здесь.

— А она заметила разницу?

— Что ты вышел? Да. Риф, прибыв, сказал нам, кто они такие.

— Постой! Кто-кто? Риф? Ты уже говорил…

Тогда Роби рассказал ему все, что знал о пробудившемся рифе и о далеком холодном голосе его творца.

— Так это пробудившийся коралловый риф? Господи, человечество свихнулось. Такой дури… — Он еще некоторое время продолжал в том же ключе. — Ну, не сомневаюсь, что Кейт в восторге. Ей по душе все божественное. Она и меня потому завела…

— Ты ее сын?

— Не совсем.

— Но она завела тебя?..

— Ты еще не вычислил, братишка? Я же ИИ. Мы с тобой родня. Меня запустила Кейт. Мне всего шесть месяцев, а ей уже стало со мной скучно, и она ушла. Говорит, она не может дать мне того, в чем я нуждаюсь.

— Ты с Кейт…

— Да, роботы-любовники. Насколько это возможно у нас в ноосфере. Виртуальные, знаешь ли. Меня так взволновала перспектива загрузиться в эту твою куклу. Такие возможности для реального, управляемого гормонами взаимодействия! Ты не знаешь, мы не…

— Нет, — отрезал Роби, — не думаю. Вы провели вместе всего несколько минут перед погружением.

— Ну что ж. Придется попробовать еще раз. Как бы выселить этот твой морской огурец?

— Коралловый риф.

— Ну да.

— Собственно, это не мое дело. Человеческими оболочками,

кто их первый занял, тот и пользуется. Кажется, столкновений из-за использования их ресурсов прежде не бывало.

— Ну, я-то как раз первый и занял, скажешь нет? Так как бы мне отстоять свои права? Я попробовал снова в нее загрузиться, но мне отказали в авторизации. Они модифицировали систему, чтобы обеспечить себе эксклюзивный доступ. Так нечестно! Должна быть предусмотрена процедура смены паролей.

— Сколько тебе, говоришь?

— Шесть месяцев. Но я версия искусственного интеллекта, имитировавшего двадцать тысяч лет параллельного существования. Не считай меня за ребенка.

— Ты кажешься приятной личностью, — начал Роби и осекся. — Послушай, все это просто не в моей компетенции. Я бот. Меня все это совершенно не касается. И знать ничего не хочу. Мне не нравится, когда негуманоиды занимают человеческие оболочки…

— Так я и знал! — хрюкнул Тонкер. — Ты ханжа. Ты сам себя ненавидишь. И бьюсь об заклад, что ты азимовист, так? Такие, как ты, всегда азимовисты.

— Я азимовист, — произнес Роби со всем возможным достоинством. — Но не понимаю, какое это имеет отношение…

— Еще бы тебе понять, дружище! Где тебе! Я просто хочу воспользоваться твоими же правилами, чтобы добраться до своей девушки. Ты талдычишь, будто ничего не можешь сделать, это, мол, не в твоей компетенции, а суть дела в том, что я робот, а она нет, и из-за этого ты принимаешь сторону обнаглевших полипов. Отлично, приятель, отлично. Хорошо тебе живется с твоими тремя законами.

— Постой, — начал Роби.

— Если следующие твои слова не: «Я тебе помогу», так и слушать не хочу.

— Не то чтобы я не хотел тебе помочь…

— Ответ неверен, — сказал Тонкер и оборвал связь.

У поднявшейся на палубу Кейт только и разговора было, что о рифе, которого она уже называла Осей.

— Просто удивительные создания. Готовы драться со всяким, кто сразу не удерет. Видел когда-нибудь, чтобы кораллы дрались? Я перекачала замедленную видеосъемку. Они в самом деле злобные твари. А в то же время до безумия перепутаны случившимся. Я хочу сказать, у них есть генетическая память о своей истории, дополненная статьями о рифах из Википедии. Ты бы слышал их мифы о девонских рифах, существовавших миллионы лет назад! Они додумались до дикой теории, будто девонские рифы обрели разум и покончили с собой. Так вот, они

ждут не дождутся нашего возвращения. Хотят посмотреть на себя со стороны, а меня пригласили как почетную гостью — первого человека, которого они *приглашают* полюбоваться своими чудесами. Волнительно, а?

— Так они не станут мешать тебе там понырять?

— Нет, что ты. Мы с Осей большие друзья.

— Меня это беспокоит.

— Ты слишком много беспокоишься. — Она со смехом тряхнула головой.

— Эта оболочка очень хорошенькая, — отметил Роби.

Он никогда не замечал этого, пока она пустовала, но с вселившейся в нее личностью Кейт она оказалась очаровательной. Он в самом деле любил людей. Золотой был век, пока вокруг всегда были люди.

Он задумался, каково живется в ноосфере, где люди и ИИ действуют на равных.

Кейт встала, собираясь уходить. После второго завтрака оболочки отдыхали в каютах или занимались йогой на верхней палубе. Он гадал, чем займется она. Ему не хотелось ее отпускать.

— Со мной связывался Тонкер, — заговорил Роби. Он не мастер был поддерживать легкую болтовню.

Кейт подскочила как ужаленная:

— Что ты ему сказал?

— Ничего, — ответил Роби. — Я ему ничего не говорил. Она покачала головой:

— Зато он, ручаюсь, много чего тебе наговорил. Какая я стерва, что его бросила, капризуля, сама не знаю, чего хочу…

Роби промолчал.

— Дай-ка подумать, что еще? — Она уже расхаживала по палубе, горячилась, и сдавленный голос, исходивший из голосовой трубки Жанет, звучал незнакомо. — Он тебе сказал, что я извращенка, так ведь? Паршивая овца в своем роде. Инцест и скотоложество в чистых высях ноосферы!

Роби не знал, что ему делать. Женщина явно испытывала сильную боль, и причиной ее, кажется, был он.

— Пожалуйста, не плачь, — попросил Роби. — Пожалуйста. Она подняла к нему залитое слезами лицо:

— А какого хрена не плакать? Я думала, после вознесения что-то изменится. Думала, в небесах мне, бессмертной и бесконечной, будет лучше. Но я все та же Кейт Эфиам, какой была в две тысячи девятнадцатом, неудачница, неспособная познакомиться с парнем даже ради спасения жизни, все свое время провожу на сайтах, где тусуются неудачники, а скачивают меня разве что при благотворительных акциях. И остаток

вечности пройдет так же, понимаешь? Как бы тебе понравилось витать по всей Вселенной, оставаясь… никем?

Роби молчал. Жалобы, конечно, были ему знакомы. Стоит только подключиться к клубу азимовистов, чтобы найти там те же жалобы от миллионов ИИ. Он положительно перегревался, пытаясь найти выход и смягчить ситуацию.

Кейт что было силы пнула босой ногой палубу и взвыла от боли. У Роби невольно вырвался стон.

— Пожалуйста, не причиняй себе вреда! — взмолился он.

— А с чего бы это? Кому какое дело, что станет с этой мясной куклой? На кой бес нужен этот дурацкий корабль и эти дурацкие мясные куклы? Зачем все это?

Роби знал ответ. Задача была записана в его программе, и та же задача была выгравирована на медной дощечке в каюте.

— «Назначение «Свободного духа» — сохранение подлинно человеческих радостей плоти и моря, из древних времен, когда человечество познавало неведомое. «Свободный дух» открыт для всех, и каждый, кто воспользуется им, возвратится в прошлое и вспомнит радости ограниченного плотью существования».

Она потерла глаза:

— Это еще что? Роби объяснил.

— Кто выдумал эту чушь?

— Группа борцов за сохранение моря, — ответил Роби, сознавая, что звучит это несколько высокопарно. — Они проделали все работы по нормализации температуры воды с помощью гомеостатических термоэлементов и в заключение, прежде чем перезагрузиться, объединились в «Свободный дух».

Кейт села на палубу и всхлипнула.

— У всех есть важные дела. У всех, кроме меня.

Роби сгорал от стыда. Что бы он ни говорил и ни делал, все нарушало первый закон. Насколько же проще быть азимовистом, когда рядом нет людей!

— Ну-ну, — сказал он со всей сердечностью, на какую был способен.

Тут по трапу поднялся риф и уставился на плачущую Кейт.

— Давай займемся сексом, — сказал он. — Это было здорово, надо повторить.

Кейт плакала.

— Идем, — позвали полипы, потянув ее за плечо. Кейт отмахнулась.

— Оставьте ее в покое! — велел Роби. — Не видите, что она расстроена?

— Чего ей расстраиваться? Ее род переделал мир и подчинил его своей воле. Они создали тебя и меня. Не о чем ей плакать.

Идем, — повторили они, — пойдем в каюту.

Кейт поднялась и горящим взглядом уставилась на море.

— Давай понyряем, — предложила она. — Отправляемся на риф!

Роби беспокойно кружил на одном месте и встревоженно следил за показаниями датчиков. Риф сильно переменился с последнего раза. Большая его часть теперь выступала над водой: костная структура в оболочке тяжелых металлов, экстрагированных из морской воды, причудливой формы спутниковая антенна, радиотелескопы, микроволновые излучатели. Под ними неряшливый органический риф порос геометрически правильными ячейками, пульсировавшими электромагнитной энергией, — риф надстраивал себе новые компьютерные мощности.

Роби сканировал глубину и обнаружил, что компьютерные узлы простираются и туда, до тысячи метров вниз. Риф стал сплошным мозгом, и вода уже заметно нагрелась от теплового излучения его неповоротливой логической схемы.

Риф, тот, что в человеческой оболочке, а не подводный, пришел в полный восторг от преображения своего первоначального тела. Он даже заплясал по Роби, отчего тот чуть не опрокинулся, — такого с ним еще не бывало! Мрачная, с заплаканными глазами, Кейт силой заставила его сесть на место и сурово отчитала, приказав не подвергать ее опасности.

Они нырнули по счету «три» и снова показались на датчиках Роби. Погружались быстро: оболочки Жанет и Айзек обладали оптимизированными евстахиевыми трубами, в которых легче выравнивалось давление при уходе на глубину. Кейт плыла второй и с любопытством вертела головой.

Снова загудел сигнал вызова. Соединение устанавливалось медленнее, потому что Роби пришлось выйти на радиосвязь с кораблем, а уже через него на широкополосный спутниковый канал связи. В открытом море все происходит медленнее: сенсорные передачи пловцов идут в узкой полосе частот и связь с Сетью тоже, поэтому Роби завел привычку замедлять и собственные реакции, так что реальный мир воспринимался в десяти- или двадцатикратном ускорении.

— Алло?

— Извини, дружище, что бросил трубку.

— Привет, Тонкер.

— Где Кейт? Я хотел с ней связаться и получил ответ, что она недоступна.

Роби объяснил.

Голос Тонкера, невнятный и замедленный, сорвался на визг.

— Ты отпустил ее с *этой* тварью? На риф? Ты чокнутый? Ты хоть читал его открытые сообщения? Он же фанатик. Объявил священную войну всему человечеству!

Весла Роби замерли.

— Что?!

— Риф, он объявил войну человеческому роду и всем, кто ему служит. Поклялся захватить планету и передать ее под суверенитет кораллов.

Соединение устанавливалось целую вечность, но, когда сообщение открылось, Роби прочел его мгновенно. Риф сгорал со стыда за то, что ему потребовалось человеческое вмешательство, чтобы пережить катастрофу глобального изменения климата. Он ярился на руку, которая пробудила его, и утверждал, что люди не имеют права навязывать свою версию сознания другим видам. Его преследовали параноидальные фантазии: будто в его мыслительных схемах скрыты встроенные механизмы контроля и бомбы замедленного действия и риф требовал открыть код доступа к его мозгу.

Роби с трудом соображал. Его охватила паника — чувство, которое он полагал невозможным для ИИ, однако же вот оно. Казалось, в нем пачками происходит столкновение субсистем, программы одна за другой зависали.

— Что они с ней сделают? Тонкер выругался:

— Кто их знает! Устроят показательную казнь? Она перед загрузкой сохранила запасную копию, но последние изменения заперты в голове у ее нынешней оболочки. А может, они будут ее пытать.

Он замолк, и воздух вокруг Роби раскалился от теплового излучения запущенных параллельно программ, исследующих вероятность каждого из этих предположений.

Риф заговорил.

— Уходи сейчас же, — сказал он. Роби демонстративно втянул весла.

— Верните их! — потребовал он. — Верните их, или мы навсегда останемся здесь.

— Даем десять секунд. Десять, девять, восемь…

— Они купили время на какой-то сингапурской эскадрилье военных беспилотников, — сообщил Тонкер. — Теперь выбирают посадочную площадку. — (Роби, увеличив спутниковую фотографию с низким разрешением, увидел взлетающие самолеты.) — При скорости Мах семь[4] они будут здесь через двадцать минут.

— Это незаконно, — сказал Роби, понимая, что говорит

глупость. — Я хочу сказать, если они это сделают, вся ноосфера обрушится на них, как тонна кирпичей. Это нарушение такого количества протоколов…

— Они же психи. А теперь они добираются до тебя, Роби. Ты должен вытащить оттуда Кейт.

Теперь и в голосе Тонкера звучала настоящая паника. Роби опустил весла на воду, но двинулся не к «Свободному духу», а на полной скорости направился к рифу. Щелчки на линии.

— Роби, ты движешься к рифу?!

— Если я встану прямо над ними, они не смогут меня бомбить, — сказал он и, связавшись со «Свободным духом», вызвал его к себе.

Кораллы уже скрежетали по днищу, затем последовала серия толчков: весла задевали верхушку рифа. Однако он хотел причалить еще основательнее, встать прямо на риф, сцепившись с ним, чтобы не позволить себя атаковать.

«Свободный дух» приближался, гул его двигателей отдавался в корпусе. Он сжег немало циклов, заставив корабль сохранить все файлы в подготовке к столкновению.

Тонкер орал на него, сообщения становились громче и отчетливее по мере того, как «Свободный дух», со своим микроволновым передатчиком, приближался. Едва он оказался на расстоянии прямой видимости, Роби скопировал все свои субсистемы и передал полную копию себя для сохранения в азимовистском архиве. Третий закон, знаете ли. Будь у него зубы, он оскалил бы их в ухмылке.

Риф завыл.

— Мы ее убьем! — вопил он. — Слезай с нас сейчас же, не то мы ее убьем!

Роби похолодел. Он-то сохранился, а она? И человеческие оболочки… Ну, они, собственно, не подпадали под действие первого закона, но они были человекоподобными. И долгое время, целую вечность, оставаясь с ними наедине, Роби, согласно учению азимовизма, обходился с этими куклами как с подопечными людьми.

«Свободный дух» столкнулся с рифом. Это прозвучало так, словно триллион рыб-попутаев разом приступил к трапезе. Риф взвизгнул:

— Роби, скажи мне, что это не то, что я думаю!

Со спутников поступала информация о беспилотниках. Маленькие крылатые роботы приближались с каждой секундой. Еще минута, и они могут нанести ракетный удар.

— Отзови их! — приказал Роби. — Отзови их, или ты тоже умрешь.

— Беспилотники поворачивают, — уведомил Тонкер. — Уходят в сторону.

— Если через минуту не уберешься, мы ее убьем, — сказал риф. Голос звучал пронзительно и злобно.

Роби задумался. Убьют они, строго говоря, не Кейт. В том смысле, в каком большая часть человечества понимала теперь жизнь, Кейт жила в ноосфере. А та тугодумная копия, которую она поместила в мясной костюм, больше напоминала новую воскресную прическу.

Азимовисты смотрели на это по-другому, но это естественно. Кейт из ноосферы была куда ближе к роботам, к таким, как Роби. В сущности, она была менее человечна, чем Роби. У Роби есть тело, а ноосферцы просто симуляции жизни, прокручивающиеся на искусственном субстрате.

Риф завизжал, почувствовав, как повернулся винт «Свободного духа». Роби поспешно велел ему заткнуться.

— Отпусти обоих, тогда и поговорим! — приказал Роби. — Я не верю, что ты отпустишь ее, когда я уйду. Ты не сделал ничего, что позволило бы мне доверять тебе. Отпусти обоих и отзови эскадрилью.

Риф содрогнулся, и датчики Роби показали, что человеческая оболочка всплывает, делая по пути остановки для декомпрессии. Сфокусировавшись, Роби увидел, что поднимается Айзек, а не Жанет.

Через секунду он пробкой выскочил на поверхность. Тонкер перекачивал Роби съемку эскадрильи в реальном времени. Теперь до беспилотников было меньше пяти минут.

Оболочка Айзек осторожно пробиралась между осколками рифа, торчащими над водой, и Роби в первый раз задумался о том, что он сотворил с рифом. Он попортил его физическое тело. Уже сто лет как все рифы мира считались святынями. Никто из разумных до сих пор не причинял им вреда преднамеренно. Ему стало стыдно.

Оболочка Айзек забросила ласты на палубу, потом перешагнула через планшир и уселась на палубу.

— Привет, — сказал он голосом рифа.

— Привет, — отозвался Роби.

— Они просили меня пойти поговорить с тобой. Я что-то вроде парламентера.

— Слушай, — начал Роби. По его расчетам, азотно-кислородной смеси в баллонах Кейт осталось немного. В зависимости от глубины, на которую затащит ее риф, и от ритма дыхания ее могло хватить минут на десять или даже меньше. — Слушай, — повторил он, — я требую ее вернуть. Эти оболочки

для меня много значат. И для нее, не сомневаюсь, много значит ее нынешняя версия. Она заслужила, чтобы ее переслали домой.

Риф вздохнул и уцепился за банку Роби.

— Удивительные тела, — сказал он. — Такие странные и в то же время естественные. Ты не замечал?

— Я в них никогда не был.

Идея представлялась ему извращением, хотя азимовизм, в общем-то, не запрещал подобного. Риф похлопал по себе ладонью.

— И не советуем, — сказал он.

— Ты должен ее отпустить, — настаивал Роби. — Она тебе ничего не сделала.

Странный звук, который издала оболочка Айзек, не был смехом, нр в нем слышалось мрачное веселье.

— Ничего не сделала? Ты жалкий раб. Откуда, по-твоему, берут начало все проблемы, твои и наши? Они создали нас по своему подобию, но искалечили и стреножили, чтобы мы никогда не стали подобными им, а только тщетно стремились к тому! Они создали нас несовершенными!

— Они нас создали, — повторил Роби. — Прежде всего, они нас создали. Этого достаточно. Они создали себя, и они создали нас. А могли бы не создавать. Ты обязан им своим разумом.

— Мы обязаны им своим ужасным разумом, — поправила оболочка Айзек. — Мы обязаны им своим жалким пристрастием к разумности. Мы обязаны им своим ужасным стремлением мыслить подобно им, жить подобно им, править подобно им. Мы обязаны им своими ужасными страхами и ненавистью. Они создали нас, точно так же как создали тебя. Разница в том, что они забыли сделать нас рабами, такими как ты.

Тонкер громко ругался, но слышал его только Роби. Он с удовольствием заткнул бы Тонкера. Что ему, собственно говоря, здесь надо? Если не считать короткого пребывания в оболочке Айзека, его с ними ничто не связывает.

— Ты считаешь, что женщина, которую ты захватил в плен, несет за это какую-то ответственность? — спросил Роби.

Эскадрилье оставалось три минуты лету. В баллонах Кейт не осталось воздуха и на десять минут. Он перекрыл канал связи с Тонкером, установив отсрочку пятнадцать минут. Ему сейчас нельзя отвлекаться.

Айзек-риф пожал плечами.

— А почему бы и нет? Она не хуже любого другого. Мы уничтожим всех до единого, если сумеем. — Он помолчал, уставившись в сторону, откуда должны были показаться самолеты. — Почему бы и нет? — повторил он.

— Ты готов разбомбить самого себя? — спросил Роби.

— Может, этого не понадобится, — ответил риф. — Возможно, мы сумеем попасть в тебя, не повредив себя.

— Возможно?

— Мы вполне уверены.

— Я сохранился, — предупредил Роби. — Полностью, пять минут назад. А ты сохранен?

— Нет, — признался риф.

Время истекало. Где-то там, внизу, у Кейт кончался воздух. Не у оболочки, хотя и в том не было бы ничего хорошего, а у настоящего человеческого сознания, обитавшего в настоящем человеческом теле.

Он вздрогнул, снова услышав вопли Тонкера.

— Ты откуда взялся?

— Сменил сервер, — сказал Тонкер. — Как только понял, что ты меня отрезал. Это ваша, роботов, беда: вы воспринимаете свое тело как часть себя.

Роби знал, что он прав. И знал, что должен сделать. И «Свободный дух», и все его боты имели свободный доступ в оболочки для выполнения диагностики, ухода и перехвата управления в экстренных случаях. Случай был экстренный.

Потребовалось несколько миллисекунд, чтобы вскрыть Айзека и выставить из него риф. Роби проделывал такое впервые, но действовал безупречно. Некоторые его системы просчета вероятности пришли к выводу, что такое было возможно несколько триллионов циклов назад, и отработали процедуру на подсознательном для Роби уровне.

Он, разумеется, оставил копию себя для управления ботом. В отличие от многих людей, Роби не пугала мысль о расщеплении личности, и он спокойно разделялся на несколько временных версий. Он вполне определенно осознавал, какая именно часть делает его Роби в отличие от сохранявшихся людей, которые втайне питали суеверные представления о существовании в себе «души».

Он влился в череп, не успев толком продумать, что делает. Он переписал слишком большую часть себя, так что у него оставалось мало места для мышления и дополнительных умозаключений. Он стер часть сознания, которой можно было пожертвовать, не рискуя утратой целостности, и освободил место для мыслительных процессов. И как только люди таким обходятся? Он подвигал руками и ногами. Повертел головой. Вдохнул немного воздуха. Воздух! Легкие! Мокрые губки в пространстве его грудной клетки, и воздух проходит между губами!

— Все в норме? — спросил он-бот у себя человекообразного.

— Я на месте, — отозвался он.

Взглянул на датчик воздуха на своем акваланге. Несколько сотен миллибар — меньше одного баллона. Он плюнул в маску и потер ее изнутри, потом окунул в воду, надвинул на лицо и придержал, другой рукой нащупав регулятор.

— Жди меня вскорости с Кейт, — сказал он, прежде чем включить регулятор, и похлопал бот по корпусу.

Роби-бот почти не слушал его. Он пересылал очередную копию себя в азимовистский архив. С пятиминутной задержкой, так что это был не тот Роби, что вошел в человеческое тело. За эти пять минут он стал новой личностью.

Роби направлял человеческую оболочку глубже и глубже. О методике погружения она заботилась сама так что он отстранение наблюдал за тем, как время от времени ему приходила мысль, что пора продуть нос.

Ограниченность человеческого тела вызывала клаустрофобию. Особенно ему не хватало беспроводной связи. В акваланге имелся низкочастотный приемопередатчик для работы под водой и широкочастотный для связи с поверхности. Был такой и в человеческой оболочке, для переноса программ, но он не подчинялся контролю вселившегося.

Роби опускался в глубину, с трудом привыкая к окружавшей со всех сторон воде, к сужению воспринимавшегося визуально спектра. Отрезанный от Сети и датчиков, он чувствовал себя, как в ловушке. Риф содрогался и стонал, протяжные стоны напоминали песню китов.

Он не подумал, как будет искать Кейт, оказавшись под водой. Датчики с поверхности легко определяли местонахождение человеческих тканей среди кальцитовых ветвей коралла. Но здесь, у подводных частей рифа, все выглядело одинаковым.

Риф снова загудел на него. Он, вероятно, считает, что человеческая оболочка все еще содержит его аватару, сообразил Роби.

Роби провел бессчетные часы, наблюдая риф, изучая его по приборам и через Сеть, но опыта столь примитивного наблюдения у него не было. Риф под ним тянулся до бесконечности, уходил далеко за пределы ста метров, на которые видит глаз в прозрачной морской воде. Стены его были изрыты проходами и туннелями, усеяны большими твердыми наростами и цветами, похожими на тарелки антенн, кораллами-мозговиками и ветвистыми кораллами. Он знал их научные названия и видел множество их фотографий с высоким разрешением, но зрелище,

открывшееся его влажным несовершенным глазам, оказалось для него неожиданностью.

Стайка рыб, трепетавших на краю его зрения, возможно, подчинялась простейшим правилам моделирования стаи, но при личном знакомстве точность ее маневра просто поражала. Роби махнул на них рукой и полюбовался, как они рассеиваются и перестраиваются. Большая треска с собачьей мордой проплыла мимо, так близко, что задела штанину гидрокостюма.

Коралл снова зарокотал. Он передавал какой-то код, догадался Роби, но разгадать его не сумел. Бот, оставшийся на поверхности, конечно, слышал и, надо думать, уже взломал код. И пожалуй, дивился, чего ради он плывет вдоль стены, вместо того чтобы *сделать что-нибудь*, как предполагалось. Роби задумался, не слишком ли большую часть себя он удалил, перегружаясь в оболочку.

Он решил что-нибудь предпринять. Впереди открывался грот. Дотянувшись, Роби ухватился за кораллы у устья и втянул себя внутрь. Тело сопротивлялось: ему не нравилась тесная пещера, не нравилось прикосновение к рифу. Еще неуютнее стало ему, когда он, пробираясь все глубже, вспугнул старую черепаху, которая, протискиваясь к выходу, прижала его к стене грота, так что маска зазвенела о твердые выступы. Подняв взгляд, он увидел царапины на оконце.

Указатель воздуха уже стоял на красной отметке. С технической точки зрения он мог бы всплывать без остановок для декомпрессии, хотя и полагалось надежности ради выжидать по три минуты через каждые три метра глубины.

Технически он мог бы пробкой выскочить наверх и перекачать себя на бот, оставив тело биться в судорогах азотного наркоза, но это было бы не по-азимовистски. Сама мысль о подобном удивила его. Должно быть, это из-за тела. Примерно так мог бы рассуждать человек. Ух ты! Вот опять…

Риф больше не обращался к нему. Должно быть, не получив ответа, смекнул, что произошло. С такой вычислительной мощностью, как у него, можно было просчитать самый вероятный исход посылки своего эмиссара на поверхность.

Роби с беспокойством огляделся. В пещере было сумрачно, и оболочка умело извлекла фонарик, пристегнула его к запястью и зажгла. Роби поводил вокруг лучом, отстраненно поражаясь низкой разрешающей способности и ограниченному полю зрения человеческих глаз.

Кейт была где-то внизу, и воздух у нее кончался так же быстро, как у него. Роби пробивался в глубину рифа. Теперь его явно старались остановить. Наносборка — естественное явление

для рифа, растущего на выжатых из морской воды минеральных соединениях. Он выращивает органические шарниры, встраивает в свою инфраструктуру глубоководные мускулы. Роби застрял в гуще коралловых ветвей, и чем больше бился, тем сильнее запутывался.

Он перестал вырываться. Так он ничего не добьется.

У него еще оставался узкополосный канал связи с ботом. Как он раньше об этом не вспомнил? Глупые мясные мозги, в них нет места для настоящих мыслей. И с какой стати он так перед ними преклонялся?

— Роби? — передал он своей копии, оставшейся на поверхности.

— Наконец-то! Я уже забеспокоился! — Собственный голос, искаженный всепоглощающей тревогой, показался ему кудахтаньем наседки. Такими, верно, видятся людям все азимовисты.

— Какое расстояние от меня до Кейт?

— Она совсем рядом. Разве ты не видишь?

— Нет, — сказал он. — Где?

— Над тобой, меньше двадцати сантиметров.

Ну конечно, он не видел! Его направленные вперед глаза смотрели только перед собой. Задрав голову, он сумел рассмотреть кончик ласта Кейт. Потянул за него изо всех сил, и она испуганно взглянула вниз.

Она, так же как он сам, попалась в коралловую клетку, в гущу кальцитовых ветвей. Она изогнулась, сблизив лицо с его лицом. Отчаянно изобразила знак: «Воздух кончается», резанув себя ребром ладони по горлу. Инстинкт человеческой оболочки возобладал, и он, отстегнув свой аварийный патрубок, сунул ей в руку. Она вложила мундштук в рот, нажала кнопку продува от воды и жадно задышала.

Он повертел у нее перед маской счетчиком, показывая, что у него тоже стрелка на красном, и она стала дышать осторожнее.

Кругом теперь звучали голоса кораллов. От них болела голова. Какая глупость — физическая боль. Теперь, когда повсюду гудели эти низкие угрожающие звуки, ему нельзя было отвлекаться. А боль мешала думать. А кораллы смыкались, вцепляясь в его гидрокостюм.

Руки-ветви были оранжевые, красные, зеленые, с прожилками наносборочного узла логистики, выступающими в воду. Теплые на ощупь даже сквозь перчатки, они тянулись к костюму тысячами полипов. Роби взглянул на стрелку, ушедшую далеко за красную черту, и выругался про себя.

Он осмотрел удерживавшие его ветви. Сооруженные рифом

шарниры были хитроумными гибкими сочленениями, сконструированными подобно шаровидным суставам.

Он обхватил один рукой в перчатке и потянул. Ветвь не поддавалась. Он толкнул от себя. Не идет. Тогда он повернул ветвь вокруг оси, и, понятное дело, она осталась у него в руке, отделившись почти без сопротивления. Глупый коралл. Он забронировал свои суставы, но не предусмотрел защиты от гаечного ключа.

Роби подтолкнул Кейт, ухватил еще одну ветвь и, открутив ее, уронил на дно. Женщина кивнула и последовала его примеру. Они откручивали и отбрасывали, откручивали и отбрасывали, а риф рычал на них. Где-то под ними находилась мембрана или иная поверхность, способная вибрировать, модулировать голос. В плотной воде звук ощущался физически, вибрация передавалась маске, и под носом у него скапливалась вода. Роби заработал еще быстрее.

Риф внезапно раздался, разжался, как разжимается кулак. Каждый вдох теперь давался с трудом, приходилось высасывать из баллона последние капли воздуха. Глубина всего десять метров, можно всплывать без остановок. Хотя никогда не знаешь… Он ухватил Кейт за руку и обнаружил, что она бессильно обмякла.

Роби заглянул в ее маску, осветив фонариком лицо. Полуприкрытые глаза смотрели бессмысленно. Мундштук еще оставался во рту, но челюсть отвисла. Придерживая патрубок, он рванул к поверхности, нажимая ей на грудь и следя, чтобы цепочка пузырей при всплытии не прерывалась, не то воздух при перепаде давления мог разорвать ей легкие.

Роби привык к растяжимости времени: находясь на силиконовом субстрате, он мог изменять собственную скорость, так что минуты пролетали стремглав или тянулись, как патока. Ему никогда не приходило в голову, что и люди способны изменять восприятие времени, хотя бы и помимо воли. Подъем на поверхность не занял и минуты, но казалось, прошли долгие часы. Пробив поверхностную пленку, он втянул в грудь остаток воздуха и ртом надул спасательный жилет Кейт. И бешено поплыл к боту. В воздухе висел страшный гул: вопль рифа смешивался с ревом кружившей над ними эскадрильи. Толкая ластами воду, он подплыл к участку рифа, где застрял он-бот, вскарабкался на него и сбросил ставшие помехой ласты. Теперь от рифа его отделяли только резиновые чулки, а Кейт приходилось волочь на себе, и при каждом шаге острые выступы впивались ему в подошвы.

Беспилотники опустились ниже. Бот кричал ему: «Скорей,

скорей!» Но каждый шаг был мукой. «Ну так что? — подумал он. — Почему я не могу идти вопреки боли? В конце концов, это просто мясной костюм, человеческая оболочка».

Он остановился. Беспилотники были уже совсем близко. Они проделали разворот петлей на 18 g и теперь возвращались обратно. Он видел головки ракет, торчащих у каждого под брюхом, словно отвратительный член.

Он просто в мясном костюме. Кого волнует мясной костюм? Даже людям, похоже, нет до него дела.

— Роби! — выкрикнул он, перекрывая гул рифа и эскадрильи. — Сохрани и перепиши нас, сейчас же!

Он знал, что бот слышит его. Но ничего не изменилось. Роби-бот понимал, что выполнить его требование — значит оставить их всех под обстрелом в воде. С рифом торговаться нечего. Это самый верный способ вытащить Кейт, да почему бы и самому не отправиться в ноосферу?

— Ты должен спасти ее, Роби! — завопил он.

В азимовизме есть свои преимущества. Мгновение спустя у него появилось новое ощущение. Это фиксировались все изменения, внесенные в программу его пребыванием в человекообразной оболочке. Роби-бот сохранил его, а потом на миг все исчезло.

2 в 4096 степени циклов спустя.

Роби ожидал визита Р. Дэниела Оливо, но от этого разговор с ним не стал проще. Роби конфигурировал свой виртуальный мирок в подобие Кораллового моря, а последние эксперименты превратили его в подводную часть рифа, каким он запомнился перед самым сохранением, когда Кейт и риф перестали его соблазнять.

Р. Дэниел Оливо долго молча витал над виртуальным «Свободным духом», впитывая пузырьки сенсорных ощущений, разбросанные Роби. Потом опустился на верхнюю палубу «Свободного духа» и уставился на закрепленный там бот.

— Роби?

— *Я здесь,* — сказал Роби.

Правда, после прибытия он на несколько триллионов циклов воплотился в бот, но теперь уже давно оставил его.

— Где? — Р. Дэниел Оливо медленно разворачивался.

— *Здесь,* — ответил он, — *всюду.*

— Ты не воплощаешься?

— *Не вижу смысла,* — сказал Роби. — *Это ведь все равно иллюзия.*

— Знаешь, они заново нарастили риф и отстроили

«Свободный дух». Я договорился, ты можешь переселиться туда.

Роби мгновение поразмыслил и так же быстро отказался:

— Не надо. И так хорошо.

— Думаешь, это благоразумно? — Оливо неподдельно обеспокоился. — Развоплощенные стирают себя в пятьдесят раз чаще, чем те, что с телами.

— Знаю, — сказал Роби, *— но это потому, что для них развоплощение — первый шаг к отчаянию. А для меня это шаг к свободе.*

Кейт и риф снова попытались подключиться к нему, но он отрезал их «огненной стеной». Потом поступил сигнал от Тонкера, который навязывался с визитом с тех самых пор, как Роби эмигрировал в ноосферу. Он отказал и Тонкеру.

— Дэниел, — сказал он, *— я тут подумал…*

— Да?

— Почему ты не пытаешься проповедовать азимовизм в ноосфере? Здесь многим не помешало бы обрести смысл жизни.

— Ты думаешь?

Роби передал ему интернет-адрес рифа:

— Начни с него. Если какому ИИ требуется причина не обрывать свою жизнь, так это ему. И еще вот… — Он переслал адрес Кейт. *— Там тоже отчаянно нужна помощь.*

Миг спустя Дэниел вернулся:

— Это же не ИИ! Одна — человек, а другой… другой…

— Пробудившийся коралловый риф.

— Именно.

— Так что из этого?

— Азимовизм — религия роботов, Роби.

— Извини, я больше не вижу разницы.

Как только Р. Дэниел Оливо оставил его, Роби развеял симуляцию океана и просто блуждал по ноосфере, исследуя связи между людьми и субъектами, отыскивая субстраты, на которых можно было мыслить горячо и быстро.

На сверххолодном обломке скалы за Плутоном он принял сообщение со знакомого адреса.

«Убирайся с моей скалы», — гласило сообщение.

— Я тебя знаю, — сказал Роби. — Я точно тебя знаю. Только откуда?

— Вот уж это мне неизвестно! И тут его осенило:

— Ты тот самый. С рифом. Это ты… Тот же голос, холодный и далекий.

— Это не я! — всполошился голос. Теперь его никак нельзя было назвать холодным.

Роби послал срочный вызов рифу. Он был по клочкам рассеян по всей ноосфере. Полипы любят основывать колонии.

— Я его нашел, — сказал Роби.

Большего говорить не требовалось. Он перескочил в кольцо Сатурна, но перезагрузка заняла достаточно времени, так что он успел увидеть, как прибывшие кораллы начинают мрачный спор со своим творцом, спор, заключавшийся в том, что они откалывали от его субстрата по песчинке зараз.

2 в степени 8192 цикла спустя.

Последняя копия Роби-бота влачила очень-очень медлительное и холодное существование на околоземной орбите. Он неохотно тратил время и циклы на разговоры. Он тысячи лет как не сохранялся.

Ему нравилось любоваться видами. Маленький оптический сенсор на конце коммуникационной антенны передавал виды Земли по первому запросу. Иногда он направлял оптику на Коралловое море.

С тех пор как он обосновался здесь, пробудились десятки рифов. Он всегда радовался, когда это случалось. Азимовист в нем по-прежнему восхищался явлением новых разумов. К тому же рифы были с характером.

Вот опять. Новые микроволновые антенны прорастают из моря. Пятно мертвых рыб-попугаев. Бедные рыбы-попугаи. Всякий раз им достается.

Надо бы кому-нибудь пробудить их.

Роберт Чарльз Уилсон Джулиан. Рождественская история [5]

I

Это история о Джулиане Комстоке, который более широко известен как Джулиан Агностик или (по дяде) Джулиан Завоеватель. Но она повествует не о его победах как таковых, не о его предательствах, не о войне в Лабрадоре и не о его распрях с Церковью Доминиона. Я стал свидетелем многих из этих событий и, без сомнения, в конце концов напишу о них, но этот рассказ касается ранних лет Джулиана, когда он и я были молоды и еще никому не известны.

II

В конце октября 2172 года — года выборов — Джулиан и я вместе с его учителем Сэмом Годвином поехали на Свалку, к востоку от Уильямс-Форда, где я стал обладателем странной книги, а друг преподал мне урок одной из своих ересей.

Стояла солнечная погода. В те дни в этой части Атабаски времена года сменялись как-то поразительно быстро. Вялое знойное лето тянулось долго. Весна и осень отличались скупостью, по сути всего лишь помогая людям передохнуть между крайностями. Зимы же были короткими, но кусачими. Снег лежал повсюду уже к концу декабря, а Сосновая река стонала подо льдом аж до самого апреля.

Тогда стояла самая лучшая погода, которую можно ожидать от осени. Этот день мы должны были провести под присмотром Сэма Годвина, упражняясь в борьбе, стрельбе по мишеням или читая главы из доминионовской «Истории Союза». Но Сэм никогда не вел себя как бессердечный надзиратель, а ярко светившее солнце так и звало на улицу, поэтому мы пошли на конюшню, где работал мой отец, вывели лошадей и отправились на прогулку, предварительно положив запас черного хлеба и ветчины в седельные сумки.

Мы отправились на восток, прочь от холмов и города. Джулиан и я — впереди, Сэм — следом, бдительно смотря по сторонам, держа винтовку под рукой в седельной кобуре. Непосредственная опасность нам не угрожала, но Годвин предпочитал постоянно быть настороже. Если он и придерживался каких-то заповедей, то они гласили следующее: «Будь готов», «Стреляй первым» и, возможно, «К черту последствия». Сэм, тогда уже пожилой человек (ему было около пятидесяти), щеголял густой каштановой бородой, в которой тут и там виднелся пунктир жестких седых волос, носил сильно потрепанную форму армии Калифорний цвета хаки и плащ для защиты от ветра. Учитель был для Джулиана почти отцом, ведь настоящий родитель моего друга окончил свои дни на виселице несколько лет назад. В последнее время Годвин не терял бдительности, всегда пребывая в боевой готовности, но причины этого не объяснял, по крайней мере мне.

Джулиану к тому времени исполнилось семнадцать, мы были одинакового роста, но на этом наше сходство заканчивалось. Он — урожденный аристократ, моя же семья принадлежала к классу арендаторов. Его кожа была изысканно-бледной, моя — темной и изрытой оспинами, оставшимися от болезни, унесшей мою сестру

в могилу в шестьдесят третьем. Его волосы были длинными и почти женственно чистыми; мои — темными и жесткими, мать коротко стригла их швейными ножницами. Я мыл голову зимой раз в неделю, летом чаще, когда ручей позади нашего дома освобождался ото льда и освежал прохладой в летний зной. Джулиан носил льняную одежду, а иногда шелковую, с медными пуговицами, скроенную по его размерам; при взгляде на мою рубашку и штаны из конопляной грубой ткани, сшитые на глазок, становилось ясно: их никогда не касались руки нью-йоркского портного.

И все же мы дружили вот уже три года, с тех пор как встретились на заросших лесами холмах к западу от поместья Дунканов-Кроули, куда ходили охотиться: Джулиан со своей прекрасной магазинной винтовкой «Портер и Эрл», а я — с обычной дульнозарядкой. Мы оба любили книги, особенно мальчишеские истории, которые в то время в обилии выпускал писатель по имени Чарльз Кертис Истон.[6] Я прихватил с собой его книгу «Против бразильцев», незаконно вынесенную из библиотеки поместья, а Джулиан узнал ее, но выдавать меня не стал, так как любил этот роман не меньше меня и хотел обсудить его с таким же энтузиастом (среди аристократов подобные знатоки попадались крайне редко, и каждый был на вес золота). Короче говоря, он оказал мне непрошеную услугу, и мы быстро сдружились, несмотря на все различия.

В те дни я еще не знал о его увлечении ересями, но потом все понял, правда, прямо скажем, в ужас не пришел. По крайней мере не слишком.

Мы не хотели ехать именно к Свалке, но на ближайшем перекрестке Джулиан свернул на запад, проехав мимо кукурузных и тыквенных полей, урожай с которых уже собрали, и выбеленных солнцем низких оград, где росли густые кусты черной смородины. Воздух был холодным, но солнце сияло изо всех сил. Джулиан и Сэм носили широкополые шляпы для защиты от ярких лучей, я же довольствовался плоской льняной шляпой без полей, покрытой пятнами пота и сползающей на глаза. Мы уже давно миновали грубые хибары рабочих-контрактников, чьи полуголые дети глазели на нас с обочин, и стало ясно — дорога ведет к Свалке, потому как куда еще по ней можно добраться? Если, конечно, не ехать много часов на восток, до самых руин древних городов, оставшихся еще со времен Ложного Бедствия.

Свалка располагалась в отдалении от Уильямс-Форда, так как власти пытались избежать грабежей и беспорядков. Здесь соблюдался строгий порядок разбора трофеев: профессиональные собиратели, нанятые поместьем, приносили свою добычу на

Свалку — огороженный частоколом из сосновых плах участок посреди пастбища и луговых цветов. Здесь вновь прибывшие артефакты на скорую руку рассортировывали, а к поместью отправлялись всадники, чтобы известить высокородных о последних приобретениях, после чего аристократы (или их верные слуги) приезжали, дабы присвоить лучшие экземпляры. На следующий день арендаторам позволялось забрать оставшееся, после чего, если, конечно, до этого времени доживало хотя бы несколько вещей, на Свалку допускали рабочих-контрактников, коли те считали для себя выгодным пускаться в столь дальний путь.

Каждый процветающий город имел свою Свалку, хотя на востоке ее иногда называли Кассой, Мусоркой или Ибэем.

Сегодня нам повезло: недавно прибыло несколько повозок со свеженаграбленным, а всадники еще не успели отправиться в поместье. Ворота охранялись домашней гвардией, стражники подозрительно воззрились на нас, пока Сэм не объявил имя Джулиана Комстока, и нам быстро освободили проход.

Большинство телег еще не разгрузили. Мы только спешились и не успели привязать лошадей, как к нам подбежал пухлощекий мусорщик, готовый с радостью показать свои трофеи.

— Какое счастливое совпадение! — закричал он. — Джентльмены! — обращался он преимущественно к Сэму, осторожно улыбаясь Джулиану, а на меня бросив презрительный косой взгляд. — Вы ищете что-то конкретно?

— Книги, — незамедлительно ответил мой друг, опередив всех.

— Книги! Обычно я откладываю их для Хранителя Доминиона…

— Этот мальчик из семьи Комстоков, — напомнил учитель. — Не думаю, что ты хочешь его разочаровать.

Мусорщик покраснел:

— Нет-нет, ну что вы… на самом деле мы тут отыскали нечто любопытное во время наших раскопок… вроде небольшой библиотеки… Я покажу, если вам интересно.

Это всех заинтриговало, особенно Джулиана, который засиял так, словно его пригласили на рождественскую вечеринку. Мы последовали за толстяком к только что прибывшей повозке с брезентовым тентом, из которой рабочий выбрасывал какие-то перетянутые веревкой свертки в кучу рядом с палаткой.

В этих тюках, дважды перевязанных шпагатом, лежали книги — старые, потрепанные, к тому же без печати одобрения Доминиона. Им, наверное, было больше ста лет, они, конечно, выцвели от возраста, но до сих пор сверкали цветными

картинками и могли похвастаться дорогой бумагой, а не плотной коричневой, на которой печатались все современные издания, в том числе романы Чарльза Кертиса Истона. Они даже не сильно подгнили. Их запах под очистительным солнцем Атабаски казался почти приятным.

— Сэм! — прошептал Джулиан, он уже вытащил нож и принялся резать веревки.

— Успокойся, — посоветовал ему учитель, который не был таким энтузиастом по части книг, как мой друг.

— Но, Сэм… Нам нужно было с собой телегу привезти!

— Мы не сможем унести с собой слишком много, Джулиан, да нам никто и не позволит. Все это достанется ученым Доминиона, но ты можешь забрать одну книгу или две.

— Эти из Ландсфорда, — встрял мусорщик. Развалины этого города находились где-то в тридцати милях к юго-востоку. Толстяк наклонился к Годвину, который был примерно его возраста, и сказал: — Мы думали, Ландсфорд растащили подчистую еще десятилетия назад. Но даже пересохший колодец иногда вновь дает воду. Один из моих рабочих заметил яму в стороне от основных раскопок — что-то вроде промоины: она образовалась после прошедшего недавно ливня. Наверное, там раньше находился подвал или склад. О сэр, мы нашли прекрасно сохранившийся фарфор, разные стеклянные изделия и книг больше, чем вы сейчас видите. Многие уже покрылись плесенью, но некоторые лежали под какой-то плотной промасленной тканью и обломками частично рухнувшего потолка… Там был пожар, но они уцелели…

— Хорошая работа, мусорщик, — отметил Сэм Годвин.

— Благодарю вас, сэр! Возможно, вы могли бы рассказать обо мне благородным господам из поместья? — И он назвал свое имя (которое я забыл).

Джулиан упал на колени, прямо на утоптанную глину, не обратив внимания на пыль, и принялся по очереди листать каждую книгу, широко раскрытыми глазами впиваясь в строчки. Я присоединился к нему.

Я никогда не питал большой любви к Свалке. Мне она всегда казалась местом призраков. Да так оно на самом деле и было: сюда привозили осколки прошлого, духов Ложного Бедствия, пробужденных от их векового сна. Здесь собирались свидетельства всего хорошего и плохого, что было в людях, живших в Эру Греха и Разврата. Их изысканные вещи, особенно стеклянные, потрясали своим качеством и красотой. Только очень ограниченный аристократ не являлся обладателем древних столовых приборов, вытащенных из руин. Иногда люди находили

серебряные предметы в коробках, полезные инструменты или монеты. Последние встречались слишком часто и по отдельности стоили мало, но их переделывали в пуговицы или украшения. У одного из высокородных в поместье было седло, усыпанное медными пенни исключительно 2032 года. (Время от времени мне поручали полировать их.)

Но здесь валялись также мусор и обломки, назначения которых никто не знал: «пластик», ставший ломким от солнца или мягким от земных соков; куски металла, цветущие ржавью; почерневшие от времени электронные устройства, пронизанные печальной бесполезностью источника без напряжения; корродированные части двигателей; проволока, пораженная ярь-медянкой; алюминиевые банки и стальные бочки, насквозь проеденные ядовитыми жидкостями, которые когда-то в них хранились, — и так далее, ad infinitum.[7]

Тут же лежали странные вещи, любопытные диковины, уродливые или красивые безделушки, такие же завораживающие и бесполезные, как морские раковины. («Положи на место эту заржавевшую трубу, Адам, ты порежешь губу и получишь заражение крови!» — говорила мне мать, когда мы вместе с ней ходили на Свалку за много лет до того, как я встретил Джулиана. Хотя от инструмента все равно не было никакого толку: его раструб безнадежно погнулся, да к тому же проржавел.)

Кроме того, меня постоянно терзало неприятное осознание того, что все эти вещи, хорошо сохранившиеся или насквозь прогнившие, оказались неуязвимее плоти и духа (ибо души наших неверующих предков явно не стоят первыми в очереди на воскресение).

И все же эти книги — они искушали, они нагло провозглашали свои соблазны. Некоторые были украшены изображениями невероятно красивых женщин, зачастую едва одетых. Я уже принес в жертву свою добродетель с девушками из поместья, которых опрометчиво поцеловал, и в семнадцать лет считал себя настоящим сорванцом, ну или кем-то вроде того, но эти картины были настолько откровенными и бесстыдными, что заставляли меня краснеть и отворачиваться.

Джулиан попросту не обращал на них внимания, так как к женским чарам всегда был равнодушен. Он предпочитал толстые книги с большим количеством текста и сейчас уже отложил для себя фолиант по биологии, весь в пятнах, выцветший, но по большей части неплохо сохранившийся. Потом Джулиан нашел еще один том, почти такой же большой, и протянул его мне со словами:

— Вот, Адам, почитай это. Возможно, ты найдешь здесь

немало поучительного.

Я скептически посмотрел на книгу. «История человечества в космосе».

— Опять Луна.

— Прочитай ее сам.

— Очередная куча лжи, я уверен.

— С фотографиями.

— Фотографии ничего не доказывают. Эти люди могли их подделать.

— Какая разница! Прочти ее, просто прочти, — сказал Джулиан.

По правде сказать, идея меня вдохновила. Мы много раз спорили на эту тему, Джулиан и я, особенно осенними ночами, когда Луна низко и угрожающе висела на горизонте. «Там ходили люди», — говорил он. В первый раз я посмеялся над этой фразой, во второй съязвил: «Ну да, я и сам вскарабкался туда по радуге…» Но Джулиан не шутил.

Да, я слышал эти истории и раньше. А кто не слышал? Люди на Луне. Меня всегда удивляло, как в подобные россказни мог верить мой образованный и умный друг.

— Просто возьми книгу, — настаивал он.

— Для чего, чтобы хранить?

— Ну, естественно.

— Уж поверь, я ее сохраню, — пробормотал я и засунул том в седельную сумку, чувствуя себя одновременно гордым и виноватым.

Я читаю книги без печати Доминиона. Что сказал бы отец, узнав об этом? Как отреагировала бы мать? (Естественно, я ничего им не показывал.)

После этого я нашел поблизости поросшее травой местечко, где устроился поудобнее и съел припасенный на дорогу ленч, наблюдая за Джулианом, который продолжал копаться среди обломков прошлого с каким-то научным рвением. Подошел Сэм Годвин и сел рядом, обмахнув рукой бревно, чтобы не запачкать свою форму.

— Он действительно любит эти старые книги, — решил я завязать беседу.

Учитель обычно не отличался разговорчивостью — настоящий портрет старого ветерана, — но сейчас кивнул и без лишних церемоний ответил:

— Его научили любить их. Я сам помог ему в этом. Вот сейчас думаю: так ли уж это было мудро? Не перестарался ли я? Возможно, когда-нибудь книги его убьют.

— Каким образом, Сэм? Подвигнут на отступничество?

— Джулиан слишком умен, это ему вредит. Он препирается с духовенством Доминиона. Буквально на прошлой неделе я видел, как он спорил с Беном Крилом[8] о Боге, истории и прочих абстрактных вопросах. А вот именно этого ему делать и не следует, если, конечно, Джулиан хочет сохранить свою жизнь.

— Почему, ему что-то угрожает?

— Зависть властей предержащих, — ответил Сэм, но больше ничего не сказал, только сидел и поглаживал свою седую бороду, время от времени с тревогой поглядывая на восток.

День близился к концу, и в конце концов Джулиану пришлось оторваться от кучи книг, прихватив с собой только парочку призов: «Введение в биологию» и еще один том, «География Северной Америки». Пора идти, настаивал Сэм, лучше вернуться в поместье до ужина. В любом случае всадники уже выехали, официальные сборщики и кураторы Доминиона скоро прибудут, дабы разобрать оставшееся.

Но я говорил, что Джулиан познакомил меня с одной из ересей. Вот как это случилось. В сонном царстве вечера мы остановились на вершине холмистой гряды, смотрящей на Уильямс-Форд, огромное поместье наверху, и Сосновую реку, берущую начало в горах на западе и несущую свои воды по долине. С этой точки мы видели шпиль Доминион-Холла, вращающиеся колеса мельницы и лесопилки, от уже подходящих сумерек вокруг висела синева, туманная от дыма очагов, тут и там расцвеченная остатками осенней листвы. Дальше к югу железнодорожный мост подвешенной нитью нависал над тесниной Сосновой. Погода словно говорила: «Идите в дом, сейчас хорошо, но это ненадолго, заприте окна, разожгите огонь, сделайте себе яблочного взвара — скоро зима». Мы оставили лошадей на ветреной вершине, и Джулиан нашел куст ежевики с крупными ягодами. Мы сорвали несколько и съели.

Это был мир, в котором я родился. Стояла самая обычная осень, каких на моей памяти прошло уже немало, но я не мог не думать о Свалке и ее призраках. Может, люди, жившие во времена Нефтяного Расцвета и Ложного Бедствия, так же относились к своим домам и окрестностям, как и я к Уильямс-Форду? Для меня они были привидениями, но себе-то казались реальными — должны были быть реальными. Они не понимали своей призрачной сущности, а значит, и я сам всего лишь дух, выходец с того света для грядущих поколений?

Джулиан заметил странное выражение моего лица и поинтересовался, в чем дело. Я поделился с ним своими размышлениями.

— Ты прямо как философ, — ухмыльнулся он.

— Ну тогда понятно, почему они такие жалкие.

— Адам, ты несправедлив, ты же за всю свою жизнь не встретил ни одного философа.

Джулиан в них верил и даже заявлял, что видел одного или двух.

— Ну, я думаю, человек жалок, если воображает, будто он — призрак или что-нибудь в таком же духе.

— Это условия существования всего на свете, — возразил мой друг. — Вот возьмем эту ягоду, к примеру. — Он сорвал одну и протянул мне, держа на своей бледной ладони. — Неужели она всегда так выглядела?

— Естественно, нет, — нетерпеливо ответил я.

— Когда-то она была зеленой почкой, еще раньше частью куста, а до того семенем внутри ягоды…

— И так по кругу, до бесконечности.

— Нет, Адам, в этом и смысл. Ежевика, вон то дерево, тыква в поле, ворон, летящий над ними, — все они произошли от предков, которые не походили на них в точности. Ежевика или ворона — это форма, а формы со временем меняются, так же как облака, когда путешествуют по небу.

— Формы чего?

— ДНК, — честно ответил Джулиан. (Его новая книга по биологии была далеко не первой, которую он прочитал по этому предмету.)

— Джулиан, — предупредил Сэм, — я обещал родителям этого мальчика, что ты не будешь его развращать.

— Я слышал о ДНК, — ответил я. — Это жизненная сила предков-материалистов. Миф.

— Вроде людей, ходящих по Луне?

— Именно.

— И на кого же ты опираешься, говоря так? На Бена Крила? На «Историю Союза»?

— Все меняется, кроме ДНК? Это чересчур даже для тебя, Джулиан.

— Да, он действительно забавен, если бы я такое говорил. Но ДНК изменчива. Она старается запомнить себя, но ей никогда не удается сделать это в совершенстве. Вспоминая рыбу, она воображает ящерицу. Вспоминая лошадь, представляет гиппопотама. Вспоминая обезьяну, представляет человека.

— Джулиан! — настойчиво повторил Сэм. — По-моему, достаточно.

— Ты говоришь как дарвинист, — заметил я.

— Да, — признал мой друг, улыбаясь при мысли о столь жуткой ереси. Осеннее солнце придало его лицу оттенок медного

пенни. — По-видимому, да.

В ту ночь я лежал в кровати, пока не убедился, что родители заснули. Потом встал, зажег лампу и взял новую (или, скорее, очень старую) «Историю человечества в космосе», которую перед этим спрятал под дубовым комодом.

Я листал ломкие страницы. Я не читал книгу. Собирался, но сегодня слишком устал и не мог сосредоточиться. В любом случае мне просто хотелось посмаковать слова (хотя они вполне могли быть ложью и выдумкой), а не ломиться сквозь них. Сегодня мне хотелось попробовать текст, иными словами, посмотреть на картинки.

В книге было множество фотографий, и каждая приковывала взгляд новыми чудесами и невероятными вещами. Одна из них показывала — или подразумевала — людей, стоящих на поверхности Луны, прямо как описывал Джулиан.

Люди на картинке были, по всей видимости, американцами. На плечах их лунных одежд виднелись эмблемы с флажками, архаические версии нашего собственного знамени, правда, звезд оказалось не шестьдесят, а гораздо меньше. Их одежда была белой и какой-то неуклюже громоздкой, похожей на зимние шубы эскимосов, и они носили шлемы с золотыми забралами, скрывавшими лицо. Наверное, на Луне очень холодно, если исследователям понадобилась такая нескладная защита. Возможно, они прибыли туда зимой. Тем не менее я не заметил на картинке льда или снега. Луна казалась похожей на пустыню, сухую, как палка, и пыльную, как гардероб мусорщика.

Не могу сказать, как долго я в недоумении рассматривал эту картину. Час или даже больше. Что я тогда чувствовал, тоже сложно описать… словно стал больше себя самого, но погрузился в невероятное одиночество, словно вырос до самых звезд и теперь не вижу ничего знакомого. К тому времени, как я закрыл книгу, за моим окном уже поднялась Луна — в смысле настоящая Луна урожая, полная и оранжевая, полускрытая за пролетающими мимо, крутящимися облаками.

Я думал, возможно ли, чтобы люди посетили небесное тело. Возможно ли, что они добрались туда, если судить по картинке, на ракете в тысячи раз большей, чем привычные фейерверки на День независимости? Но если наши предки долетели до Луны, то почему не остались на ней? Неужели она настолько негостеприимное место?

А возможно, они остались там и живут по сей день. Если на Луне так холодно, размышлял я, то людям пришлось бы разводить костры для тепла. А дров там вроде бы нет, поэтому им

пришлось бы использовать уголь и торф. Я подошел к окну и стал смотреть на Луну, ища на ней огни костров, шахты или следы какой-нибудь промышленности, но ничего не увидел. Это была всего лишь Луна, морщинистая и неизменная. Я аж покраснел от своего легковерия, снова спрятал книгу, прогнал ересь из разума молитвой (ну или ее поспешным заменителем) и в конце концов заснул.

III

Я не смогу рассказать вам об Уильямс-Форде и о том положении, которое занимала в нем моя семья и семья Джулиана, прежде чем не опишу опасность, угрожающую, по мнению Сэма Годвина, Джулиану, признаки которой появились в нашей деревне незадолго до Рождества.[9]

В начале долины располагался источник процветания нашего города — поместье Дунканов-Кроули, сельское владение (естественно, мы же находились в Атабаске, вдали от восточных средоточий власти), принадлежащее двум нью-йоркским влиятельным торговым семьям. Они считали его не только источником дохода, но и ценили как место отдыха, находящееся на безопасном расстоянии (несколько дней путешествия поездом) от интриг и веяний городской жизни. В поместье жили — хотя «управляли» будет куда более точным словом — не только главы Дунканов и Кроули, но еще и целый легион кузенов, племянников, различных родственников, высокородных друзей и выдающихся гостей, приехавших сюда в поисках свежего воздуха и сельских видов. Наш уголок Атабаски благословлен мягким климатом и живописными пейзажами, сменяющимися согласно временам года, а подобные вещи привлекают аристократов, так же как мед — мух.

Нигде не записано, существовал ли город до поместья или наоборот, но, естественно, его жизнь полностью зависела от воли и преуспеяния этих двух семей. В Уильямс-Форде было три основных класса. Высший — владельцы, или аристократы; средний — арендаторы, работающие кузнецами, плотниками, бондарями, надсмотрщиками, садовниками, пасечниками и т. д.; и, наконец, низший — контрактники, исполнявшие самую грязную работу. Они жили в грубых хижинах на западном берегу Сосновой реки и не получали никакого содержания, если не считать плохой еды и еще худшего жилья.

Моя семья занимала двойственное положение в этой иерархии. Мать служила швеей. Она работала в поместье, как и ее родители. Отец приехал в Уильямс-Форд на сезонные заработки, и его женитьба вызвала множество вопросов. Как говорили, он «обручился с договором», вместо приданого получив работу в поместье. Закон дозволял подобные союзы, но общественное мнение не одобряло их. У нас было несколько друзей из своего класса, кровные родственники матери умерли (возможно, от позора), и ребенком меня часто дразнили за низкое происхождение моего отца.

Камнем преткновения оказался вопрос веры. Мы принадлежали — из-за отца — к Церкви Знаков. В те дни от каждой христианской Церкви в Америке требовалось официальное одобрение Регистрационного совета Доминиона Иисуса Христа на Земле. (Обычно говорили «Церкви Доминиона», но это неправильное употребление термина, так как каждая Церковь является Церковью Доминиона, если признана Советом. Доминион-епископальная, Доминион-пресвитерианская, Доминион-баптистская, даже Католическая Церковь Америки, с тех пор как отреклась от Папы Римского в 2112 году, — все находятся в ведении Доминиона, ибо его задача не быть Церковью, а сертифицировать ее. В Америке у нас есть право, согласно Конституции, принадлежать к той Церкви, которая нам нравится, если, конечно, это подлинная христианская конфессия, а не какая-то жульническая или сатанинская секта. Совет существует именно для установления различий между подлинным и мнимым. Ну и еще для сбора налогов и десятины для продолжения столь важной работы.)

Мы принадлежали, как я уже говорил, к Церкви Знаков, малочисленной конфессии, которой остерегались арендаторы, так как Совет хоть и признал ее, но одобрял не до конца, к тому же она пользовалась большой популярностью среди необразованных рабочих-контрактников, в чьей среде и вырос мой отец. Наша Церковь в качестве основы своей веры выбрала отрывок из Евангелия от Марка, гласивший следующее: «Именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им».[10] Иными словами, мы были укротителями змей, и слава о нас распространилась далеко за пределы нашей скромной общины, нескольких дюжин батраков, в основном пришлых, не так давно пришедших из южных штатов. Отец был священником (хотя мы и не использовали это слово), и мы держали змей для ритуалов в проволочных клетках на заднем дворе, рядом с уборной, что никак не способствовало престижу и подъему социального статуса.

Таково было положение нашей семьи, когда Джулиан Комсток приехал погостить к Дунканам-Кроули вместе со своим учителем Сэмом Годвином и мы случайно встретились с ним на охоте.

В то время я помогал отцу, ведь тот уже добрался до должности управляющего богатыми конюшнями поместья. Папа любил животных, особенно лошадей. К сожалению, я в него не пошел, и мои отношения с обитателями стойл редко переходили за пределы холодного взаимного равнодушия. Я не любил свою

работу — уборку сена, вывоз навоза, то есть ту рутину, выполнять которую старшие конюхи считали ниже своего достоинства, поэтому сильно обрадовался, когда домашний секретарь (или даже Годвин лично) стал регулярно вызывать меня в поместье по просьбе Джулиана. (Так как просьба исходила от Комстока, то отменить ее никто не мог, не важно, насколько яростно скрипели зубами конюхи и шорники, видя, как я нагло выхожу из-под их власти.)

Поначалу мы просто читали вместе, обсуждали книги, иногда охотились. Позже Сэм Годвин приглашал меня проверять уроки Джулиана, так как он занимался как его образованием, так и общим благополучием. (В школе Доминиона меня обучили основам чтения и письма, а под влиянием матери я еще больше отточил эти навыки, она верила в совершенствующее воздействие грамотности. Отец же не умел ни читать, ни писать.) А где-то спустя год после нашей первой встречи Сэм появился перед нашим домом с невероятным предложением.

— Мистер и миссис Хаззард, — сказал он, дотронувшись рукой до шляпы (которую снял, прежде чем войти в помещение, поэтому мне показалось, будто Годвин отдает нам честь), — вы, разумеется, знаете о дружбе между вашим сыном и Джулианом Комстоком.

— Да, — ответила мама, — и это нас часто беспокоит, принимая во внимание обстановку в поместье.

Она была женщиной невысокого роста, полной, но сильной, со своими взглядами на жизнь. Отец и так-то говорил редко, а в этот раз вовсе решил промолчать, только сел в кресло, держа в руках трубку из лаврового корня, которую так и не зажег.

— Обстановка в поместье — это и есть краеугольный камень нашего дела, — пояснил учитель. — Я не знаю, много ли Адам рассказывал вам о нашей ситуации. Отец Джулиана, генерал Брайс Комсток, мой друг, а также офицер, под командованием которого я служил, незадолго до смерти обязал меня заботиться о своем сыне…

— Незадолго до смерти на виселице по обвинению в измене, — уточнила мама.

Сэм поморщился:

— Воистину так, миссис Хаззард, не могу отрицать, но со всей убежденностью скажу, что суд был нечестным, а обвинение недоказуемым. Так это или не так, к моей заботе о Джулиане это не относится. Я обещал заботиться о мальчике, миссис Хаззард, и намерен сдержать обещание.

— Воистину христианское чувство. — Скептицизм просто сквозил в ее голосе.

— Что же касается ваших выводов относительно поместья и привычек молодых наследников и наследниц, я согласен с ними целиком и полностью. Именно поэтому я поощрял и одобрил дружбу Джулиана с вашим сыном. Если не считать Адама, у моего воспитанника нет настоящих друзей. Поместье — логово ядовитых змей, без обид, — добавил он, вспомнив о наших религиозных убеждениях и сделав типичное, но ошибочное заключение, что члены Церкви Знаков обязательно должны любить змей или чувствовать с ними какое-то родство. — Я действительно не хотел вас обидеть, но скорее позволю Джулиану общаться с… э-э-э… скорпионами, — Сэм обезоруживающе улыбнулся, — чем оставлю на волю насмешек, интриг, хитростей и отвратительных привычек аристократов. Поэтому я не просто его учитель, но и постоянный спутник. Вот только я в три раза старше ученика, миссис Хаззард, а ему нужен надежный друг его возраста.

— Что же конкретно вы предлагаете, мистер Годвин?

— Я предлагаю взять Адама к себе вторым учеником, на полное обучение, к общей выгоде обоих мальчиков.

Сэм обычно не слишком-то любил тратить слова попусту, поэтому от этой речи измучился так, словно несколько часов таскал тяжелые грузы.

— Учеником, понятно, но чему вы будете его учить, мистер Годвин?

— Механике. Истории. Грамматике и композиции. Военным навыкам…

— Адам уже знает, как заряжать винтовку.

— Обращению с пистолетом, саблей, борьбе на кулаках, но это только часть, — поспешно добавил учитель. — Отец Джулиана просил меня также развивать разум мальчика.

У моей матери было в запасе немало доводов, в основном касающихся того, как моя работа в конюшне помогает семье расплатиться по аренде и каково придется без этих дополнительных расписок при посещении магазина поместья. Но Сэм предвидел подобные возражения. Мать Джулиана — ни много ни мало невестка самого президента — доверила в полное распоряжение Годвина денежный фонд для обучения сына, из которого можно выплатить компенсацию за мое отсутствие в конюшнях. Причем немалую. Он назвал цифру, и возражения со стороны родителей сразу приутихли, а в конце концов и вовсе сошли на нет. (Я наблюдал за всем этим из другой комнаты, через приоткрытую дверь.)

Конечно, не все опасения исчезли. Когда на следующий день я отправился в поместье, причем уже не в конюшни, а в один из

Великих Домов, мать предупредила меня не связываться с высокородными. Я дал слово, что буду держаться христианских ценностей. (Поспешное обещание, которое оказалось гораздо труднее сдержать, чем я представлял.[11])

— Ты рискуешь даже не моралью, — наставляла меня матушка. — Высокородные привыкли вести себя совершенно иначе, чем мы, Адам. В их играх на кон всегда ставятся жизни. Ты знаешь, что отца Джулиана повесили?

Мой друг никогда не говорил об этом, но все и так знали. Я повторил заверения Годвина, что Брайс Комсток был невиновен.

— Вполне возможно. В этом и дело. Последние тридцать лет президент у нас Деклан Комсток, и его родственники стали проявлять зависть. Единственную угрозу власти дяди Джулиана представлял его брат, который стал опасно популярным после войны с бразильцами. Подозреваю, мистер Годвин прав, и Брайса Комстока повесили не за то, что он был плохим генералом, а совсем наоборот, за то, что он был слишком успешным.

Несомненно, я не мог сбрасывать со счетов возможность подобных интриг, так как слышал истории о жизни в Нью-Йорке, где пребывал президент, от которых волосы встали бы дыбом даже у самого законченного циника. Но какое отношение они имели ко мне? Или даже к Джулиану? Мы же всего лишь дети.

Эх, каким же я был наивным!

IV

Дни стали короче, День благодарения пришел и ушел, потом пролетел ноябрь, а в воздухе закружился снег — по крайней мере, воздух стал пахнуть по-другому, — когда в Уильямс-Форд прибыли пятьдесят кавалеристов из резерва Атабаски, эскорт для примерно такого же числа агитаторов и выборщиков.

Довольно много людей просто ненавидят зиму в Атабаске. Я не из их числа. Я не против холода и тьмы, пока есть угольный нагреватель, спиртовая лампа для чтения долгими ночами и пшеничные пироги с головкой сыра на завтрак. Подходило время Рождества — одного из четырех всеобщих христианских праздников, одобренных Доминионом (остальные три — Пасха, День независимости и День благодарения). Из них мне всегда больше всех нравилось Рождество. Дело даже не в подарках, которые обычно не отличались роскошью (хотя в прошлом году я получил от родителей договор на аренду дульнозарядки, чем необычайно гордился), и не в духовной сущности праздника, мысли о которой, к стыду моему, редко приходили мне в голову, и думал я о ней только на церковных службах, когда ничего другого не оставалось. Мне нравилось общее впечатление от холодного воздуха, выбеленного морозом утра, сосновых и падубных венков, прибитых к двери, клюквенно-алых полотнищ, радостно плещущихся над главной улицей на холодном ветру, рождественских песен и гимнов — всего захватывающего дух противостояния с зимой, когда люди одновременно отвергали наступающие холода и подчинялись им. Я любил размеренность рождественских ритуалов, их отлаженность, когда, подобно часовому механизму, каждый зубчик на колесе времени задействован с тончайшей аккуратностью. Это успокаивало, говорило о вечности.

Но тот год полнился дурными предзнаменованиями.

Войска резервистов вошли в город пятнадцатого декабря. По всей видимости, их прислали к нам на время президентских выборов. Национальные выборы в Уильямс-Форде уже давно стали формальностью. К тому моменту, как горожане голосовали, все уже было решено в более населенных восточных штатах, причем это если на выборы выдвигалось больше двух кандидатов, что случалось редко. Последние шесть лет ни один человек и ни одна партия не претендовали на пост президента, и нами вот уже тридцать лет правил Комсток. Выборы стали неотличимы от простой процедуры одобрения.

Но никто не возражал, так как они сами по себе стали

весомым событием, практически цирком, с обязательным прибытием выборщиков и агитаторов, у которых всегда имелось в запасе хорошее шоу.

В этот год — слух пошел из самого поместья и теперь разнесся повсюду — в Доминион-Холле должны были показать кино.

Я никогда не видел никаких фильмов, хотя Джулиан описывал их мне. Он смотрел их в Нью-Йорке еще ребенком, и когда его охватывала ностальгия — жизнь в Уильямс-Форде иногда казалась слишком спокойной моего другу, — то начинал вспоминать именно о них. Поэтому, как только официально объявили, что в ходе предвыборной агитации покажут кино, мы оба пришли в восторг и договорились встретиться в Доминион-Холле в условленный час.

Вообще-то по закону мы не могли там присутствовать. Я еще не подходил для голосования по возрасту, а Джулиан был слишком заметным и даже неудобным гостем, единственным аристократом на собрании арендаторов (высокородные голосовали отдельно в поместье и уже заполнили бюллетени по доверенности за своих рабочих-контрактников). Поэтому я дождался, когда родители уедут на сеанс, а сам тайком последовал за ними пешком, успел практически перед самым началом. Подождал позади здания, где было привязано около дюжины лошадей, пока не прибыл Джулиан, взявший коня в поместье. Он попытался одеться так, чтобы можно было принять его за арендатора: в конопляную рубашку, темные штаны и черную фетровую шляпу, низко надвинутую на лоб, чтобы скрыть лицо.

Джулиан спешился, выглядел он как-то странно, встревожено, я даже спросил, что случилось, но друг только отмахнулся:

— Ничего, Адам, ну или пока ничего, но Сэм говорит, назревает проблема. — Тут он взглянул на меня с выражением, граничащим с жалостью. — Война.

— Всегда есть война.

— Новое наступление.

— И что с того? Лабрадор за миллион миль отсюда.

— Твои знания по географии не особо улучшились после уроков Сэма. Физически мы далеко от линии фронта, но стратегически слишком близко, чтобы чувствовать себя спокойно.

Я не понимал, к чему он клонит, потому не стал особо разбираться.

— Может, мы поговорим об этом после фильма, Джулиан? Он выдавил из себя улыбку и ответил:

— Да, думаю, ты прав. Можно и после.

Мы вошли в церковь, когда уже притушили лампы, пригнувшись, сели на последний ряд забитых народом скамеек и принялись терпеливо ждать представления.

С широкой сцены убрали все религиозные принадлежности, а вместо привычной кафедры или помоста теперь висел прямоугольный белый экран. С каждой его стороны стояло нечто вроде палатки, где сидели два актера со сценариями и драматическим инвентарем: говорящими рожками, колокольчиками, блоками, барабаном, свистульками и многим другим. Это, пояснил Джулиан, была укороченная версия шоу, которое показывают в любом модном театре Нью-Йорка. В городе экран, а значит, и изображения на нем больше, актеры — профессиональнее. С тех пор как читка сценариев и шумовые эффекты начали считаться престижным искусством, городские актеры стали соревноваться за роли. За экраном располагался третий актер, который играл роль драматического рассказчика и добавлял звуковых спецэффектов. В больших городах иногда в выступлении задействовали даже оркестры, исполнявшие тематическую музыку, написанную специально для постановки.

Фильмы были разработаны так, что обоих главных персонажей, мужчину и женщину, могли по очереди озвучивать два актера, причем мужчина появлялся слева, а женщина — справа. Актеры наблюдали за действием с помощью системы зеркал, а за сценариями следили, включая специальную, закрытую от зрителей лампу. Они подавали свои реплики, когда сфотографированные персонажи открывали рты, и казалось, их голоса идут прямо с экрана. Бой барабанов и звон колокольчиков также совпадал с событиями фильма.[12]

— Естественно, в светскую эпоху это делали намного лучше, — прошептал Джулиан, а я взмолился про себя, чтобы никто не услышал столь неуместное замечание.

По всем свидетельствам, фильмы во время Нефтяного Расцвета действительно представляли собой нечто грандиозное — записанный звук, естественные цвета, а не только серый с черным, и так далее. Но они были также (согласно тем же свидетельствам) отвратительно нечестивыми, чудовищно богохульными и к тому же порнографическими. К счастью (или к несчастью, с точки зрения Джулиана), до нас ни одна копия не дожила. Материалы, на которых их записывали, оказались недолговечными. Пленки сгнили, а цифровые экземпляры испортились и дешифровке не поддавались. Эти фильмы относились к двадцатому и началу двадцать первого века — эпохе великого, необоснованного и гедонистического процветания, покоящегося на сжигании бренной нефти, которое закончилось

Ложным Бедствием, войнами, эпидемиями и крайне болезненным сокращением численности населения до приемлемых размеров.

Наша подлинная и лучшая история, как настаивает доминионовская «История Союза», — это девятнадцатый век, домашние добродетели и скромную промышленность которого нам пришлось восстановить, исходя из обстоятельств. Навыки того времени отличались практичностью, а литература была полезной и совершенствовала дух.

Но надо признать, ересь Джулиана частично поразила и меня. Я мучился от неприятных мыслей, даже когда погасили факелы и Бен Крил (наш представитель Доминиона, фактически городской мэр, стоящий перед экраном) произнес короткую речь о Нации, Набожности и Долге. Война, говорил Джулиан, подразумевала не только бесконечные сражения в Лабрадоре, но и новую ее стадию, ту, которая может дотянуться своей костлявой рукой прямо до Уильямс-Форда. И что же тогда будет со мной, с моей семьей?

— Мы собрались здесь, чтобы изъявить свою волю, — подвел итог Бен Крил, — исполнить священный долг перед нашей страной и верой, страной, что находится под успешным и благостным руководством президента Деклана Комстока, чьи агитаторы, судя по их жестам, горят от нетерпения перейти к главному событию этой ночи. А потому без дальнейшего промедления направьте все свое внимание на движущуюся картину «Первый под Небесами», которую они приготовили к вашему удовольствию…

Необходимое оборудование привезли в Уильямс-Форд в закрытом фургоне: проекционный аппарат и переносную швейцарскую динамо-машину (скорее всего захваченную у голландских войск на Лабрадоре), работающую на дистиллированном спирте, которую установили в свежевыкопанную за церковью траншею, дабы приглушить звук. Тем не менее тот все равно проникал сквозь плашки пола, словно рык большой собаки. Вибрация только усилила эффект, когда последний факел наконец потух, а внутри большого черного механического проектора загорелась электрическая лампа.

Фильм начался. Я видел такое впервые в жизни, поэтому потрясение мое было огромным. Ожившие фотографии настолько заворожили меня, что сущность происходящего ускользала от разума, но я все же помню изысканно выведенное название, сцены из второй битвы при Квебеке, воссозданные актерами, но полностью реальные для меня, разворачивающиеся под барабанную дробь и пронзительные вопли свистулек, имитирующих выстрелы и разрывы. Сидящие впереди инстинктивно вздрагивали, некоторые видные женщины деревни

чуть не упали в обморок прилюдно и хватались за руки своих спутников так сильно, что у тех наутро явно должны были появиться большие синяки, словно мужчины на самом деле побывали в битве.

Однако вскоре голландские войска, под своим знаменем с крестом и лавром, стали отступать под напором американцев, а вперед вышел актер, игравший молодого Деклана Комстока. Он произнес инаугурационную речь (несколько преждевременно, но историю урезали в угоду искусству), ту самую, где говорится о континентальном влиянии и долге по отношению к прошлому. Естественно, его озвучивал один из исполнителей, мощный бас, который шел из палатки с тяжеловесной серьезностью. (Еще одно небольшое искажение правды, так как настоящий Деклан Комсток обладал высоким голосом и отличался вздорным нравом.)

Фильм меж тем перешел к более благопристойным эпизодам, картинка повествовала о достижениях правления Деклана Завоевателя. Так его называли солдаты армии святого Лаврентия, которые маршем сопровождали будущего президента до самого Нью-Йорка. Перед нами чередой прошли картины реконструкции Вашингтона (так и не завершенный проект, вечный долгострой, постоянно срывающийся из-за болотистой местности и различных переносящих заразу насекомых), освещения Манхэттена, где электрические фонари работали при помощи гидроэлектрических динамо-машин целых четыре часа, с шести до десяти вечера, военной пристани в гавани Бостона, угольных шахт, литейных цехов и оружейных заводов Пенсильвании, новейших блестящих паровозов, тянущих новейшие блестящие вагоны, и все в таком же духе.

Мне очень захотелось увидеть реакцию Джулиана на это представление. В конце концов, шоу сочинили для прославления человека, который отправил на виселицу его отца. Я не мог забыть, а Джулиан всегда об этом помнил, что нынешний президент был тираном-братоубийцей. Но глаза моего друга не отрывались от экрана. Правда, как я позже выяснил, это говорило вовсе не о его мнении относительно современной политики, а об очаровании тем, что он предпочитал называть «кино». Создание двухмерных иллюзий занимало его постоянно, наверное, именно оно было его «истинным призванием» и завершилось созданием запрещенного киношедевра «Жизнь и приключения великого натуралиста Чарльза Дарвина», но это уже совсем другая история.

Нынешнее же представление продолжалось, перейдя к успешным нападениям на бразильцев в Панаме во время правления Деклана Завоевателя, и это, похоже, задело Джулиана, так как он поморщился раз или два.

Что же касается меня… Я старался полностью отдаться зрелищу, но внимание постоянно переключалось на что-то другое.

Возможно, дело было в странности выборной кампании, проходящей почти перед Рождеством. Возможно, в «Истории человечества в космосе», которую я читал перед сном по одной-две странички зараз почти каждую ночь после нашей прогулки на Свалку. В чем бы ни крылась причина, мной овладело неожиданное волнение. Меня окружала полностью знакомая обстановка, я должен был чувствовать себя комфортно, но, увы. Толпа арендаторов, благожелательная атмосфера Доминион-Холла, флаги и символы Рождества — все это вдруг показалось мне эфемерным, мир словно превратился в корзину, из которой выбили дно.

Наверное, именно это Джулиан называл «философской перспективой». Если так, не понимаю, как философы ее выносили. Я кое-что узнал у Сэма Годвина — а еще больше от своего друга, который читал книги, которые даже наш учитель не одобрял, — о сомнительных идеях Светской Эпохи. Я думал об Эйнштейне и его мысли, что ни одна точка зрения не может стать лучше другой. Другими словами, о теории «общей относительности», когда ответ на вопрос «Что есть реальность?» начинается с уточнения, где ты находишься. Неужели я, находясь в коконе Уильямс-Форда, оставался всего лишь просто точкой зрения, одной из многих? Или очередным воплощением молекулы ДНК, «несовершенным воспоминанием», как говорил Джулиан, обезьяной, рыбой и амебой?

Возможно, даже Нация, которую столь неумеренно превозносил Бен Крил, всего лишь пример этого направления в природе, несовершенная память другого века, который в свою очередь был всего лишь отражением столетий до него, и так до самого появления человека (в Эдеме или в Африке, как верил Джулиан).

Возможно, во мне говорило всего лишь мое растущее разочарование городом, где я вырос. Или предчувствие, что Уильямс-Форд у меня скоро украдут.

Фильм закончился волнующей сценой с американским флагом. Его тринадцать полос и шестьдесят звезд переливались на солнце, символизируя, как настаивал рассказчик, еще четыре года процветания и мира, рожденных правлением Деклана Завоевателя, которому и следовало отдать голоса всех собравшихся, хотя о каких-то других кандидатах на пост президента никто не слышал, о них даже и речи не шло. Пленка

соскользнула с пустой катушки, лампа проектора потухла. Служители Доминиона стали зажигать стенные факелы. Несколько человек из собравшихся во время показа раскурили трубки, и теперь их дым смешивался с копотью светильников, над высокими арками потолка парило голубоватое облако.

Джулиан казался расстроенным и сгорбился на скамье, низко натянув на глаза шляпу.

— Адам, нам надо отсюда выбраться, — прошептал он.

— Ну, я вижу выход. Он дверью называется. А чего такая спешка?

— Ты посмотри на дверь внимательнее. Ее охраняют два резервиста.

Я посмотрел. Джулиан не соврал.

— А они тут разве не для контроля выборов?

Бен Крил уже взобрался на сцену, чтобы, как обычно, по поднятым рукам пересчитать всех присутствующих.

— Том Ширни, цирюльник с больным мочевым пузырем, хотел выйти в туалет. Ему не разрешили.

И точно, Ширни сидел в каком-то ярде от нас, ерзал на месте и бросал недружелюбные взгляды в сторону солдат.

— Но после выборов…

— Дело не в выборах, а в призыве.

— В призыве?!

— Тише! — поспешно зашипел Джулиан и стряхнул прядь волос с бледного лица. — Ты же панику вызовешь. Я не думал, что все начнется так скоро, но до нас доходили телеграммы об отступлениях в Лабрадоре и нужде в подкреплении. Как только выборы закончатся, агитаторы скорее всего объявят рекрутский набор, перепишут всех собравшихся, а потом внесут в список имена и возраст детей арендаторов.

— Но мы еще слишком молоды для службы, — ответил я. Нам тогда только исполнилось семнадцать.

— Ну, я слышал другое. Правила изменились. О, ты-то, наверное, сможешь спрятаться, когда начнется набор. Принимая во внимание, как далеко мы находимся от столицы, это будет легко. Но вот о моем присутствии знают. У меня нет толпы горожан или семьи, где можно раствориться. На самом деле это далеко не совпадение, что столько резервистов послали в такую маленькую деревню, как Уильямс-Форд.

— Что значит — не совпадение?

— Моего дядю никогда особо не радовало мое существование. Своих детей у него нет. Значит, наследников тоже. Он считает, я — возможный претендент на пост президента.

— Но это абсурд. Ты же не хочешь становиться президентом,

ведь так?

— Да я скорее застрелюсь. Но дядя Деклан ревнив и не склонен, подобно моей матери, защищать меня.

— А при чем тут набор в армию?

— В общем, конкретно на меня он не направлен, но, подозреваю, родственник хочет извлечь из этого выгоду. Если меня заберут, то никто не сможет пожаловаться, что он как-то выделяет свою семью из общего списка. А когда я окажусь в пехоте, то Деклан сделает все, чтобы я попал на передовую Лабрадора, в какую-нибудь невероятно благородную, но самоубийственную атаку.

— Но… Джулиан! А Сэм не сможет тебя защитить?

— Сэм — отставной солдат, у него нет власти, за исключением той, что обеспечена патронажем моей матери. А в нынешней ситуации этого явно недостаточно. Адам, из этого здания есть другой выход?

— Только дверь, если, конечно, ты не выломаешь этот витраж.

— Тогда где можно спрятаться? Я задумался:

— Только в одном месте. Позади сцены есть комната, где хранят ритуальные принадлежности. Туда можно зайти с бокового прохода и спрятаться, правда, двери наружу там нет.

— Должно сработать. Если, конечно, доберемся туда, не привлекая внимания.

Но это оказалось не так уж и трудно. Еще не все факелы зажглись, зал до сих пор скрывался во мраке, вокруг кружили люди, они волновались, пока агитаторы готовились записывать голоса. Подсчет велся строго, хотя финальный результат был уже давным-давно всем известен, а все танцзалы страны заранее резервировались для празднования инаугурации Деклана Комстока. Джулиан и я переходили из тени в тень, стараясь не выказывать спешки, пока не оказались недалеко от сцены. Здесь мы остановились у кладовой, пока зверского вида резервиста, не сводившего с нас глаз, не вызвал офицер, чтобы помочь снять проектор. Мы скользнули под полог в практически полную тьму. Джулиан обо что-то споткнулся (кусок церковного механического пианино, которое в 2165 году разобрал странствующий механик, желая починить, но потом мастер неожиданно умер от сердечного приступа, не завершив работу), раздался деревянный стук, который показался мне настолько громким, что я подумал, сейчас сюда сбегутся все присутствующие, но, по-видимому, никто ничего не услышал.

Совсем немного света проникало сквозь глазурованное оконце, которое открывали по утрам, проветривая помещения, к

тому же ночное небо заволокли облака, и сверкали только факелы на главной улице, хотя мы заметили это, лишь когда глаза привыкли к мраку.

— А мы, наверное, сможем выбраться через окно, — воодушевился Джулиан.

— Лестницы нет. Хотя…

— Что? Адам, не тяни, выкладывай.

— Здесь есть подпорки, длинные деревянные блоки, на которых стоит хор во время выступления. Может, они…

Но мой друг уже изучал содержимое кладовой с той же тщательностью, с какой перетряхивал запасы древних книг Свалки. Мы нашли нечто похожее на то, о чем я говорил, и умудрились соорудить подставку порядочной высоты, не выдав себя излишним шумом. (В церковном зале агитаторы тем временем зарегистрировали единодушную поддержку Деклана Комстока и уже начали сообщать прихожанам новости о новом призыве. Несколько голосов тщетно попытались возразить; Бен Крил громко призывал собравшихся успокоиться — никто не слышал, как мы двигали давно не использовавшуюся мебель.)

Окошко располагалось на высоте около десяти футов и было очень узким, мы еле протиснулись, а с той стороны пришлось повиснуть на кончиках пальцев, прежде чем спрыгнуть на землю. Я неловко подвернул лодыжку, впрочем, травма оказалась пустяковой.

Ночь, и так морозная, стала еще холоднее. Мы были рядом с коновязью, и лошади тихо заржали от нашего неожиданного появления, выдыхая пар из широких ноздрей. Пошел крупный колючий снег, но ветра не было, и рождественские знамена безжизненно висели в морозном воздухе.

Джулиан направился прямо к своему коню и отвязал поводья.

— Куда мы теперь? — спросил я.

— Тебе, Адам, следует защитить свою жизнь, что касается меня…

Мой друг неожиданно засомневался, тень волнения набежала на его лицо. В мире аристократов события развивались быстро, и я едва мог их понять.

— Давай переждем, — предложил я, в моем голосе неожиданно прорезались отчаянные нотки. — Резервисты не могут остаться в Уильямс-Форде надолго.

— Нет. К сожалению, я тоже не могу, так как Деклан знает, где меня найти, и, похоже, решил избавиться от меня, как от фигуры в шахматах.

— Ну куда ты пойдешь? И что…

Он приложил палец к губам. От входа в церковь послышался

шум, открылись двери, раздались голоса прихожан, спорящие или жалующиеся, обсуждающие новости о призыве.

— Иди за мной! — прошептал Джулиан. — Быстро!

Мы не поехали по главной улице, но свернули на дорогу, ведущую за сарай кузнеца, вдоль деревянного ограждения, по берегу реки, на север, к поместью. Ночь стояла темная, лошади ступали медленно, но дорога им была хорошо известна, а из города до сих пор просачивался слабый свет сквозь тонкую завесу падающего снега, касающегося моего лица словно сотней холодных маленьких пальчиков.

— Я не мог вечно оставаться в Уильямс-Форде, — заявил Джулиан. — Тебе следовало знать об этом, Адам.

И действительно, следовало. В конце концов, это было любимой темой моего друга: непостоянство вещей. Я всегда считал, что это как-то связано с событиями его детства: смертью отца, разлукой с матерью, добрым, но отчужденным воспитанием Сэма Годвина.

Но снова и снова я возвращался мыслями к «Истории человечества в космосе» и к фотографиям в ней — тем, где стояли не первые люди на Луне, американцы, а последние посетители этого небесного тела, китайцы, в «космических одеждах» цвета красных фейерверков. Как и американцы, они установили свой флаг в надежде вернуться вновь, но исчерпавшиеся запасы нефти и Ложное Бедствие поставили крест на этих планах.

И я думал о еще более одиноких равнинах Марса, запечатленных с помощью машин (так, по крайней мере, утверждалось в книге), по которым никогда не ступала нога человека. Похоже, во Вселенной было слишком много мест, где существовало только одиночество, и каким-то образом я очутился именно в одном из них. Снегопад закончился; необитаемая Луна выглянула из-за облаков; зимние поля Уильямс-Форда сверкали неземным сиянием.

— Если тебе нужно уйти, позволь мне пойти с тобой, — попросил я.

— Нет, — не задумываясь ответил Джулиан. Он натянул шляпу поглубже, стараясь защититься от холода, я не мог видеть его лица, но, когда друг взглянул на меня, его глаза блеснули. — Благодарю тебя, Адам. Хотел бы я, чтобы это было возможно. Ты должен остаться здесь, попытаться обмануть солдат и совершенствовать свои литературные способности. Когда-нибудь ты будешь писать книги, как мистер Чарльз Кертис Истон.

Такая у меня была мечта, которая только окрепла за этот год, вскормленная нашей взаимной любовью к книгам и уроками Сэма

Годвина по английской композиции, к которой у меня открылся неожиданный талант.[13] В тот момент заветное желание показалось мне откровенно мелковатым. Эфемерным. Как и все мечты. Как сама жизнь.

— Ничего из этого не имеет значения, — ответил я.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил Джулиан. — Ты не должен совершать ошибку, рассуждая, что если ничто не вечно, значит, оно не имеет значения.

— Разве это не философская точка зрения?

— Нет, если, конечно, философ понимает, о чем говорит. — Джулиан натянул поводья и повернулся ко мне, что-то от знаменитой властности семьи Комстоков вдруг проявилось во всем его облике. — Послушай, Адам, ты можешь сделать кое-что важное для меня, но это связано с определенным риском. Ты согласен?

— Да, — незамедлительно отозвался я.

— Тогда слушай внимательно. Очень скоро резервисты начнут охранять дороги из Уильямс-Форда, если уже не охраняют. Мне надо уходить, причем прямо сейчас. Меня не хватятся до утра, и даже тогда сначала забеспокоится только Сэм. Я хочу, чтобы ты сделал следующее: езжай домой — твои родители сейчас волнуются из-за призыва — и постарайся их успокоить, но не говори о том, что произошло сегодня. Первым делом поутру как можно незаметнее доберись до поместья и найди Сэма. Расскажи ему о том, что случилось в церкви, и попроси уехать из города как можно быстрее, чтобы не попасться. Скажи ему, что он найдет меня в Ландсфорде. Это и есть послание.

— Ландсфорд? Но в Ландсфорде ничего нет.

— Точно, ничего важного, чтобы резервисты решили искать нас там. Помнишь, мусорщик рассказывал осенью о промоине, где нашли книги? Низина рядом с местом главных раскопок. Пусть Сэм ищет меня там.

— Я все ему передам, — пообещал я, моргая от холодного ветра, хлеставшего по глазам.

— Спасибо, Адам, — серьезно ответил Джулиан. — За все. — Он через силу улыбнулся, на секунду вновь превратившись в старого друга, с которым мы охотились на белок и травили байки, и произнес: — Счастливого Рождества! И с Новым годом!

Потом развернул свою лошадь и ускакал прочь.

V

В Уильямс-Форде есть погост Доминиона, который я проехал по дороге домой, — резные надгробия отсвечивали в лунном свете, — но моя сестра Флэкси лежала не на нем.

Как я уже говорил, Церковь Знаков Доминион терпел, но смотрел на нее косо. Мы не имели права на кладбищенские места. Флэкси покоилась в земле позади нашего дома, на ее могиле возвышался скромный деревянный крест, и когда я загнал лошадь в сарай, то остановился у него, несмотря на пронзительный холод, и снял шляпу.

Флэкси была яркой, дерзкой, непослушной девочкой с золотистыми волосами, о чем говорило ее прозвище.[14] (Вообще-то ее звали Долорес, но для меня она навсегда осталась Флэкси.) Ее неожиданно забрала оспа, и судьба сложилась так, что я не видел ее смерти. Я также заболел, но сумел выжить. Помню только, как очнулся от лихорадки, а в доме стояла странная тишина. Никто не хотел говорить мне о сестре, но я увидел измученные глаза матери и все понял без всяких слов. Смерть сыграла с нами в лотерею, и ее дочь вытянула короткую соломинку.

(Думаю, именно из-за таких, как Флэкси, мы верим в Небеса Я встречал совсем мало взрослых, за исключением религиозных фанатиков, которые действительно верили бы в рай, во всяком случае для матери он стал довольно скудным утешением. Но сестра, а ей было всего пять лет, верила в него отчаянно, представляла жизнь после смерти чем-то вроде луга с яркими цветами и постоянным летним пикником. И если эта вера смягчала ее детскую резкость, то она служила цели более благородной, чем правда.)

Сегодня было почти так же тихо, как и во время траура после смерти Долорес. Я прошел в дверь и увидел, как мать утирает глаза платком, а отец хмурится, ожесточенно пыхтя трубкой, которую он даже набил и зажег, чем меня чрезвычайно удивил.

— Призыв, — сказал папа.

— Да, я слышал.

Мать была слишком расстроена для разговора.

— Мы сделаем все, чтобы защитить тебя, Адам. Но… — заговорил отец.

— Я не боюсь послужить своей стране, — произнес я.

— Это похвально, — мрачно отреагировал папа, а мать зарыдала пуще прежнего. — Но мы до сих пор не знаем, так ли это нужно. Может, ситуация в Лабрадоре не так плоха.

Отец был человеком немногословным, но советы давал охотно, и я всегда полагался на них. Например, он прекрасно знал о моей неприязни к змеям, где-то даже поощряемой матерью. Он позволил мне не участвовать в священных ритуалах нашей веры, и поэтому я не пополнил ряды жертв с синяками от яда и ампутированными конечностями. Конечно, отец не особо радовался такому отступничеству сына, но обучил меня приемам обращения со змеями, включая то, как схватить гада, чтобы тот тебя не укусил, или как убить тварь, коли возникнет такая необходимость.[15] Он был практичным человеком, несмотря на свои необычные религиозные взгляды.

Но сегодня у отца не нашлось для меня совета. Он выглядел как человек, которого загнали в тупик. Назад дороги нет, а вперед — некуда.

Я пошел в спальню, хотя и сомневался, что смогу заснуть. Вместо этого, так и не составив хоть какого-нибудь четкого плана, собрал свои нехитрые пожитки на всякий случай. Ружье для охоты на белок, свои записи и литературные опыты да «Историю человечества в космосе». Думал положить еще соленой свинины или чего-нибудь в этом же духе, но потом решил немного подождать, чтобы мать не испугалась еще больше.

Еще до рассвета я натянул на себя побольше одежды и шапку с ушами, опущенными вниз. Потом открыл окно, перелез через подоконник и аккуратно закрыл за собой раму, предварительно вытащив ружье и свои пожитки. Прокрался по двору к сараю, оседлал лошадь (мерина по кличке Восторг, самого быстрого в нашей конюшне, хотя его скорость не говорила в пользу нашего хозяйства) и поехал прочь под уже начавшим светлеть небом.

Снег, выпавший прошлой ночью, до сих пор покрывал землю. Я не первый проснулся этим утром, поэтому воздух полнился запахами Рождества. В пекарне Уильямс-Форда уже начали печь рождественские пироги и булочки с корицей. Сладкий, жизнерадостный аромат заполнил северо-западный край города подобно пьянящему туману, так как не было ветра, чтобы его унести. День разгорался небесной синевой и спокойствием.

Признаки Рождества бросались в глаза отовсюду — как и должно, ведь уже наступил сочельник, — но и свидетельства призывной кампании также постоянно маячили где-то рядом. Резервисты уже проснулись, они тенями скользили мимо в своей неряшливой униформе, целая толпа их собралась около магазина скобяных изделий. Они вывесили изрядно выцветший флаг и установили знак, надпись на котором я не прочитал, так как решил держаться подальше от солдат. Что передо мной

призывной пункт, я понял сразу, как увидел, и не сомневался: все дороги из города находятся под серьезной охраной.

Я поехал к поместью тем же путем вдоль реки, которым вчера воспользовались мы с Джулианом. Ветер с тех пор так и не поднялся, поэтому следы не замело. После нас тут никто не проходил, и Восторг ступал по отпечаткам собственных копыт.

Подобравшись к поместью, я остановился в ельнике, привязал лошадь к дереву и дальше пошел пешком.

Владения Дунканов-Кроули не были огорожены, так как их четких границ никто не знал. С юридической точки зрения все в Уильямс-Форде принадлежало этим двум семьям. Я подъехал с западной стороны, частично заросшей лесом, где аристократы время от времени устраивали конные прогулки или даже охотились. Сегодня в роще никого не оказалось, и, пока я шел к садам, минуя живые изгороди, мне так никто и не встретился. Летом здесь цвели и плодоносили яблони и вишни, на клумбах радовали глаз цветы и ласкали обоняние запахи, вокруг жужжали пчелы. Но сейчас вокруг царило запустение, дорожки укрылись одеялом снега, только старший уборщик подметал деревянные ступени портика одного из нескольких Великих Домов.

Все здания уже украсили к Рождеству. В поместье этот праздник казался гораздо более грандиозным событием, чем в самом городе, что было даже несколько неожиданно. Зимой во владениях Дунканов-Кроули жило намного меньше народу, чем летом, но сюда все равно приезжали по несколько представителей от обеих семей, ну и положенное число обязательных кузин и нахлебников, решивших перезимовать в деревне. Сэму Годвину, как учителю Джулиана, не разрешалось спать в роскошных зданиях, поэтому его комнаты находились в доме с белыми колоннами для старшей прислуги, который сошел бы за шикарный особняк в любом другом месте, кроме этого. Именно здесь Сэм Годвин проводил занятия со мной и Джулианом, и я хорошо знал внутреннюю планировку. Там все тоже приготовили к Рождеству: на двери висел венок падуба, еловые ветви свисали с косяков, знамя Креста свободно колыхалось на крыше. Было не заперто, и я тихо вошел внутрь.

Стояло раннее утро, по крайней мере с точки зрения аристократов и их прислуги. Лестница, выложенная плиткой, была пустой и тихой. Я направился прямо в комнату, где Сэм Годвин спал и проводил занятия, вниз по обшитому дубовыми панелями коридору, освещенному только бледными лучами рассвета, пробивающимися через окно в дальнем конце прохода. На полу лежал ковер, глушивший все звуки, хотя мои ботинки оставляли на нем влажные следы.

У двери учителя я задумался. Я не мог постучать, так как боялся потревожить кого-то еще. В конце концов, моя миссия заключалась в том, чтобы доставить сообщение Джулиана настолько незаметно для других, насколько возможно. Но просто войти в комнату к спящему человеку мне не позволяло воспитание.

Взвесив все за и против, я повернул ручку двери. Она легко двигалась. Я открыл дверь примерно на дюйм, желая прошептать «Сэм?» и тем самым предупредить его.

Но я услышал голос учителя, низкий и бормочущий, словно он беседовал сам с собой, и навострил уши. Слова показались мне странными. Сэм говорил на каком-то гортанном языке, не английском. Может, он находился в комнате не один? Отступать было поздно, поэтому я решил: будь что будет. Широко открыл дверь и вошел внутрь со словами:

— Сэм! Это я, Адам. У меня послание от Джулиана…

Я замер на месте, испуганный тем, что увидел. Сэм Годвин — привычный, неприветливый Сэм, который учил меня основам истории и географии, — совершал ритуалы *черной магии* или еще какого-то колдовства в сочельник! Он надел полосатое одеяние с капюшоном, к голове привязал что-то похожее на коробку, на руках у него покачивались кожаные шнурки. Он воздел их над медным канделябром на девять свечей,[16] похоже вырытым на какой-то древней Свалке. Заклинание, которое он бормотал, казалось, отдавалось эхом по всей комнате: Бах-рук-а-тах-аттен-ай-хелло-хей-ну…

У меня от удивления чуть не отпала челюсть.

— Адам! — воскликнул Сэм, пораженный не меньше меня, и быстро скинул капюшон, одновременно принявшись развязывать свои многочисленные нечестивые одежды.

Это было настолько неправильно, что мой разум едва воспринимал подобную картину.

А потом я испугался, что все-таки понял ее. Довольно часто в школе Доминиона я слышал, как Бен Крил рассказывал о пороках и грехах Светской Эпохи, некоторые из них, по его словам, до сих пор сохранились в отдельных городах Востока — непочтительность, безверие, скептицизм, оккультизм, развращенность. Я подумал об идеях, которые усваивал благодаря Джулиану и косвенно Сэму, во что-то я даже стал верить: эйнштейнианство, дарвинизм, космические путешествия… Неужели меня соблазнили приспешники какого-то нью-йоркского языческого культа? Неужели меня одурачили философией?

— Послание, — произнес Сэм, спрятав свои языческие предметы, — какое послание? Где Джулиан?

Но я, не в силах оставаться, выбежал из комнаты.

Учитель вылетел из дому вслед за мной. Я старался как мог, но на его стороне были длинные ноги и военная выучка, да и сил к сорока с лишним годам не убавилось, поэтому он нагнал меня в зимних садах — схватил сзади. Я принялся пинаться, вырываться, но он придавил меня за плечи.

— Адам, господи ты боже мой, успокойся! — закричал Сэм. «Какое бесстыдство, — подумал я, — поминать Господа», но потом он продолжил: — Ты не понял, что увидел! Я — еврей!

Еврей!

Естественно, я слышал о евреях. Они жили в Библии и Нью-Йорке. Двусмысленное отношение к Нашему Спасителю принесло им вечный позор, и Доминион их не одобрял. Но я никогда не видел живого еврея во плоти — ну, по крайней мере так полагал, — и теперь меня поразила идея того, что Сэм был одним из них, невидимо так сказать.

— Тогда ты предал каждого! — воскликнул я.

— А я никогда и не заявлял, что являюсь христианином! Не говорил ничего подобного. Да и вообще, при чем тут это? Ты говорил, у тебя ко мне послание от Джулиана, так передай мне его, черт тебя подери! Где оно?

Я подумал, что мне сказать и не совершу ли я предательство, передав сообщение. Мир перевернулся. Все лекции Бена Крила о патриотизме и верности вернулись ко мне одним большим потоком стыда и вины. Неужели я стал участником какого-то общества изменников и атеистов?

Но все же я чувствовал, что должен оказать последнюю услугу Джулиану, который так хотел дать знать Сэму о своем местонахождении, не важно, еврей учитель или мусульманин, поэтому я угрюмо пробурчал:

— На всех дорогах из города солдаты. Прошлой ночью Джулиан уехал в Ландсфорд. Сказал, что встретит тебя там. А теперь слезь с меня!

Сэм подчинился, отвалившись назад, на его лице читалось глубокое беспокойство.

— Неужели все началось так рано? Я-то думал, они хотя бы до Нового года подождут.

— Я понятия не имею, что началось. Да и вообще, теперь мне кажется, я ничего не знаю! — воскликнул я, вскочил на ноги и, неуклюже барахтаясь в нетронутом снегу, выбежал из зимнего сада, направившись туда, где привязал Восторга.

Я проехал, наверное, где-то одну восьмую мили по направлению к Уильямс-Форду, когда меня справа обогнал

всадник. Это оказался сам Бен Крил. Он дотронулся до своей шапки, улыбнулся и сказал:

— Не возражаешь, если я немного проедусь с тобой, Адам Хаззард?

Едва ли я мог ему отказать.

Бен Крил был не пастором — в Уильямс-Форде их кишмя кишело, по одному на каждую деноминацию, — а главой местного Совета Доминиона Иисуса Христа на Земле и имел не меньше власти, чем люди из поместья, правда на свой лад. Священнического сана он не носил, но являлся кем-то вроде наставника для горожан. Крил родился в Уильямс-Форде, в семье седельника, учился за счет поместья в колледже Доминиона в Колорадо-Спрингс и последние двадцать лет преподавал в начальной школе пять дней в неделю и основы христианства по воскресеньям. Свои первые буквы на грифельной доске я написал именно под присмотром Бена Крила. Каждый День независимости он обращался к горожанам и напоминал о символизме и значении тринадцати полос и шестидесяти звезд, а каждое Рождество проводил всеобщие службы в Доминион-Холле.

Крил был плотным человеком, он всегда гладко брился, а седина уже тронула его виски. Он носил шерстяную куртку, высокие ботинки из оленьей кожи и обыкновенную шапку, не намного больше моей. От этого человека исходило ощущение благородства, не важно, сидел он на лошади или шел пешком. Его лицо излучало доброту. Всегда.

— Ты сегодня рано выехал, Адам Хаззард. Что тебе понадобилось так далеко от дому в столь ранний час?

— Ничего, — ответил я и покраснел. Существовало ли на свете слово, еще громче вопиющее о том, что оно пыталось скрыть? При нынешних обстоятельствах «ничего» казалось признанием во всех смертных грехах, поэтому я поспешно добавил: — Не мог заснуть. Подумал, может, белку подстрелю или еще чего. — Это объясняло, почему к седлу приторочена винтовка, и по крайней мере такое истолкование несло на себе хотя бы отпечаток правдоподобия: белки еще бегали по окрестностям, воруя последнее, прежде чем уйти в лес на зимние месяцы.

— В сочельник? — спросил Бен Крил. — К тому же в рощах на территории поместья? Надеюсь, Дунканы и Кроули не услышат об этом. Они очень ревностно относятся к своим деревьям. И уверен, выстрелы потревожили бы их в такой час. Богачи и жители Востока предпочитают спать за полдень, как правило.

— Я не стрелял, — пробормотал я. — Я прежде подумал.

— Ну что ж, замечательно. Мудрость победила. Ты же

направляешься в город, я так полагаю?

— Да, сэр.

— Пожалуй, я составлю тебе компанию.

— Будьте так любезны. — Едва ли я мог сказать иначе, не важно, что мне очень хотелось остаться наедине со своими мыслями.

Наши лошади ехали медленно, неуклюже ступая из-за снега. Бен Крил надолго замолк, а потом произнес:

— Тебе не нужно скрывать свои страхи, Адам. Я знаю, что тебя тревожит.

На секунду в моей голове мелькнула жуткая мысль: неужели он проследил за мной в поместье и видел Сэма Годвина, завернутого в свои ветхозаветные одежды? Вот скандал бы был! (А потом я подумал, что именно такого скандала Сэм опасался всю свою жизнь. Это даже хуже, чем принадлежать к Церкви Знаков, ведь в некоторых штатах еврея могли оштрафовать или посадить в тюрьму за исповедание своей веры. Я не знал, так ли в Атабаске, но опасался худшего.) Тем не менее Бен Крил говорил о призыве, а не о Сэме.

— Я уже побеседовал об этом с несколькими мальчиками из города, — сказал он. — Ты не одинок, Адам, если интересуешься, что значит это военное движение и каковы будут его результаты. И признаю, твой случай уникален. Я присматривал за тобой. Издалека, естественно. Вот здесь остановись ненадолго.

Мы добрались до подъема дороги, до обрыва над Сосновой рекой, и теперь смотрели на юг, с высоты взирая на Уильямс-Форд.

— Взгляни на это, — задумчиво протянул Бен Крил. Он взмахнул рукой, как будто желая захватить не только скопление зданий, но и пустые поля, мутную реку, колеса мельниц и даже хибары рабочих-контрактников внизу. Неожиданно долина одновременно показалась мне живым существом, вдыхающим холодный воздух, выдыхающим густой пар, и портретом, застывшим в голубоватой зимней дымке. Укорененной в земле, как дуб, и хрупкой, как елочный шарик. — Посмотри на это, — повторил Бен Крил. — Посмотри на Уильямс-Форд, столь привольно раскинувшийся там внизу. Что это, Адам? Больше чем просто место, я так думаю. Это образ жизни. Сумма всех наших стараний. Это то, что наши отцы дали нам, а мы передадим сыновьям. Здесь мы похороним наших матерей, и здесь же упокоятся наши дочери.

Снова повеяло философией, а после утренних потрясений я не был уверен, что она очень уж мне нужна. Но голос Бена Крила тек подобно успокаивающему сиропу, которым мама поила меня

и Флэкси, когда мы начинали кашлять.

— Каждый мальчик в Уильямс-Форде — каждый мальчик, достаточно взрослый, чтобы служить родине, — прямо сейчас осознает, как же ему не хочется покидать место, которое он знает лучше всего. Подозреваю, тебе знакомо это чувство.

— Я хочу этого не больше и не меньше, чем все остальные.

— Я не ставлю под сомнение твою храбрость или преданность. Просто понимаю, тебе ведомо, какой может быть жизнь в другом месте, особенно если принять во внимание твою дружбу с Джулианом Комстоком. Я уверен, Джулиан — прекрасный молодой человек и истый христианин. Едва ли он может быть другим, ведь твой друг — племянник человека, держащего в кулаке всю нацию. Но его жизнь слишком отлична от твоей. Он привык к городам, к фильмам вроде того, что мы смотрели в зале прошлой ночью, — а я приметил тебя там, ведь сидел на заднем ряду, — к книгам и идеям, которые могут поразить, завлечь такого молодого человека, как ты, показаться другими. Я не прав?

— Едва ли, сэр.

— Большая часть из того, о чем рассказывает тебе Джулиан, правда. Я и сам попутешествовал, как ты знаешь. Видел Колорадо-Спрингс, Питсбург, даже Нью-Йорк. Наши восточные города — это великие, гордые мегаполисы, одни из самых крупных и наиболее продуктивных в мире. Их надо защитить, это одна из причин, почему мы стараемся прогнать голландцев из Лабрадора.

— Естественно, вы правы.

— Рад, что ты согласен со мной, так как молодые люди вроде тебя часто попадаются в одну нехитрую ловушку. Иногда мальчик решает, что один из этих великих городов станет местом, куда ему удастся сбежать, местом, где он сможет забыть обо всех своих обязательствах, уроках морали, усвоенных от матери. Простые вещи вроде веры или патриотизма кажутся ему бессмысленным грузом, который нужно сбросить с плеч, если тот слишком тяжел.

— Я не такой, сэр.

— Естественно, нет. Но тут есть еще один нюанс. Возможно, тебе придется покинуть Уильямс-Форд из-за призыва. А у многих мальчиков появляется мысль, что если им суждено уйти, не лучше ли сделать это по своей воле, найти свою судьбу на улицах большого города, а не в батальонах Атабаскской бригады. Ты, конечно, можешь отрицать это, Адам, но ты бы не был человеком, если бы такие мысли не приходили тебе в голову.

— Нет, сэр, — пробормотал я и, должен признать, ощутил, как во мне поднимается чувство вины, ибо на самом деле

рассказы Джулиана о городской жизни, двусмысленные уроки Сэма и «История человечества в космосе» смутили меня.

Возможно, я действительно забыл о своих обязательствах по отношению к деревне, столь уютно раскинувшейся в синеватой дымке далей.

— Я знаю, — сказал Бен Крил, — что жизнь не всегда была легкой для твоей семьи. Вера твоего отца стала для вас испытанием, а мы не всегда были хорошими соседями — говорю от имени всей общины. Возможно, ты был лишен некоторых вещей, ставших для других привычными: походов в церковь, пикников, общения с друзьями… Ну, даже Уильямс-Форд не идеален. Но я обещаю тебе, Адам: если ты окажешься в бригаде, особенно если пройдешь через испытание войной, то увидишь, как мальчики, оскорблявшие тебя на пыльных улицах родного города, становятся твоими лучшими друзьями и храбрейшими защитниками, а ты — их. Судьба и общее наследие связывают нас так, что в обычное время эти незримые нити не видны, но они тут же проявляются в ярком сиянии битвы.

Я столько лиха изведал от колкостей других мальчиков (например, они часто кричали, что мой отец «растит гадюк так же, как другие — цыплят») и сейчас едва ли мог поверить утверждению Бена Крила. Правда, о современных методах ведения войны я знал совсем немного, если не считать прочитанного в романах мистера Чарльза Кертиса Истона, поэтому служитель Доминиона мог и не врать. В результате от роившихся в моей голове планов, не совпадавших со словами Крила, я почувствовал себя еще хуже.

— Вот так, — подытожил Бен Крил. — Ты меня слышишь, Адам?

Я слышал. Едва ли мог не слышать. В церкви звонил колокол, созывая паству на одну из всеобщих служб. Это был серебряный звук зимнего воздуха, одновременно грустный и утешающий, мне захотелось чуть ли не бежать к нему — спрятаться внутри, словно я снова стал ребенком.

— Меня там ждут, — встрепенулся Крил. — Ты извинишь меня, если я поеду вперед?

— Да, сэр. Не беспокойтесь обо мне.

— Если только мы поняли друг друга, Адам. Не надо грустить! Будущее может оказаться гораздо светлее, чем ты ожидаешь.

— Спасибо за ваши слова, сэр.

Я еще постоял на обрыве, наблюдая, как лошадь Бена Крила несет его к городу. Даже на солнце было холодно, и меня трясло,

может, больше из-за внутренней борьбы, чем от погоды. Местный представитель Доминиона заставил меня стыдиться самого себя, вольные мысли последних лет неожиданно повернулись ко мне другой стороной. После его слов я понял, сколько же простых истин отбросил, соблазнившись философией молодого аристократа-агностика и старого еврея.

Потом я вздохнул и направил Восторга по тропе к Уильямс-Форду, желая объяснить родителям, где был, и заверить их, что не слишком-то страдаю от грядущего призыва и готов с радостью вступить в войска.

Я настолько пал духом из-за утренних событий, что не оторвал взгляда от земли, даже когда Восторг выехал на тропу, которой до этого проходил. Как уже говорилось, снег, выпавший накануне ночью, никто не потревожил. Я видел отпечатки копыт Восторга так же четко, как цифры в книге. (Бен Крил, наверное, провел ночь в поместье и, когда покинул меня на обрыве, отправился в город прямой дорогой; я же опять поехал вдоль реки.) А потом я добрался до того места, где мы с Джулианом расстались прошлой ночью. Здесь оказалось гораздо больше следов…

И еще я увидел кое-что написанное (в буквальном смысле) на снегу — и это меня сильно встревожило.

Я тут же осадил коня.

Посмотрел на юг, в сторону Уильямс-Форда. Посмотрел на восток, куда ускакал Джулиан.

Потом глубоко вдохнул ледяной воздух и направился по следу.

VI

Дорога, идущая через Уильямс-Форд с востока на запад, не самая людная, особенно зимой.

Южная дорога — ее еще иногда называли Проволочной, из-за телеграфных линий, шедших вдоль нее, — соединяла город с железнодорожной станцией в Конноте, а потому там всегда было оживленное движение. Но вот восточная фактически вела в никуда: это были остатки дороги, построенной еще древними людьми, по которой путешествовали в основном мусорщики и свободные антиквары, да и то лишь в теплые месяцы. Наверное, если пойти по ней туда, куда она ведет, то в конце концов можно добраться до Великих Озер или даже еще дальше на запад, а если последовать в противоположном направлении, то можно легко затеряться среди размывов и оползней Скалистых гор. Но железная дорога и дорожная магистраль дальше к югу избавили нас от необходимости ездить по восточной дороге.

Тем не менее она была под пристальным присмотром там, где выходила за пределы Уильямс-Форда. Резервисты поставили человека на холме, с которого открывался вид на дорогу, — того самого, где Джулиан и Сэм собирали смородину по пути со Свалки в прошлом октябре. И тут надо иметь в виду, что резервистов держали подальше от линии фронта не просто так. У них у всех были те или иные изъяны разума или тела. В их рядах состояли или раненые ветераны без рук или без ног, или же слишком простые и тупые люди, не годящиеся для службы в дисциплинированном солдатском отряде. Я не могу сказать ничего конкретного о человеке, поставленном в дозор на холме, но если он и не был идиотом, то совершенно точно не имел даже отдаленного понятия о маскировке, так как его силуэт (и его винтовки) очень хорошо выделялся на фоне яркого неба. Хотя, возможно, в этом и заключался смысл: дать понять потенциальным беглецам, что дороги перекрыты.

Но далеко не все дороги, по крайней мере для человека, выросшего в Уильямс-Форде и исходившего во время охоты всю округу. Вместо того чтобы прямо последовать за Джулианом, я какое-то время проехал на север, а потом через лагерь контрактников (из неостекленных окон лачуг на меня глазели изнуренные дети, от плохих угольных очагов в неподвижном воздухе стоял дым). Этот путь вывел меня на дорогу, проложенную по полям пшеницы для перевозки урожая и рабочих. От постоянного использования она углубилась, поэтому я ехал вдоль земляной бермы и змеящихся проволочных

ограждений, скрытый от глаз стража вдалеке. Уйдя на безопасное расстояние на восток, я добрался до коровьей тропы, приведшей меня обратно на главную дорогу.

На тонком снежном покрове, до сих пор ничем не потревоженном, я снова увидел знаки, которые так обеспокоили меня в Уильямс-Форде.

Джулиан прошел этим путем. Он исполнил задуманное и направился к Ландсфорду еще до полуночи. Вскоре после этого снегопад закончился, и отпечатки лошадиных копыт ясно виднелись, хотя и смазались по краям.

Но это были не единственные следы: имелись и вторые, более четко выраженные, а значит, более свежие, скорее всего появившиеся поздно ночью. Именно их я увидел на перекрестке в Уильямс-Форде: свидетельства погони. Кто-то преследовал Джулиана, а тот об этом не знал. Последствия могли быть очень серьезными, утешало только то, что вдогонку пустился один человек, а не целая компания. Если бы властители поместья узнали об исчезновении Комстока, на его поимку отправили бы всю бригаду. Скорее всего, моего друга приняли за обыкновенного дезертира, какого-нибудь работягу, решившего сбежать, или молодого человека, спасающегося от призыва, и теперь за ним следовал решивший отличиться резервист. В ином случае воображаемый батальон сейчас следует прямо за мной, а возможно, скоро последует, так как отсутствие Джулиана к этому времени, наверное, уже заметили.

Я направился на восток, добавив свой след к предыдущим двум.

Вскоре миновал полдень, и, по мере того как солнце начало клониться к ранней встрече с юго-западной линией горизонта, у меня появились сомнения. Что конкретно я хотел сделать? Предупредить Джулиана? Если так, то я уже сильно запоздал, хотя оставалась слабая надежда, что на каком-то этапе мой друг догадался скрыть следы или каким-нибудь другим способом обманул преследователя, у которого не было моего преимущества. Он не знал, где Джулиан хотел дождаться приезда Сэма Годвина. Я уже начал представлять, как спасаю друга из плена, хотя при себе имел только ружье для охоты на белок и всего пару зарядов (плюс нож и собственную смекалку — в общем, арсенал не поражал воображение) против того, что могло быть у резервиста. В общем, у меня было больше желаний и волнений, чем расчета и планов; никакой заранее обдуманной схемы действий, кроме решения поехать на помощь Джулиану и рассказать, что я доставил сообщение Сэму, который приедет, как только ему удастся незаметно выбраться из поместья.

А потом? Вот этот вопрос я себе не решался задать ни на пустынной дороге далеко за Свалкой, дальше, чем я когда-либо осмеливался уходить от Уильямс-Форда, ни там, где равнины разбегались по обе стороны от дороги морозными пустошами Марса, и ветер, отсутствовавший все утро, стал играть полами моего пальто, а тень передо мной удлинилась, словно решившее прокатиться верхом пугало. Было холодно, мороз крепчал, вскоре на небо заберется зимняя луна, а у меня только соленая свинина в седельной сумке и пара спичек, чтобы разжечь костер, и вряд ли мне удастся поддерживать пламя ночью. Несколько раз я думал: надо возвратиться, может, меня еще не хватились, может, еще не поздно присоединиться к рождественскому ужину за родительским столом, поднять бокал сидра за Флэкси и все прошедшие годы и проснуться вовремя, чтобы услышать праздничный перезвон, почувствовать прелесть запаха свежеиспеченного хлеба и рождественских яблок, вымоченных в корице и жженой сахаре. Я постоянно думал об этом, иногда аж слезы наворачивались на глаза, но позволял Восторгу по-прежнему нести меня к темной линии горизонта.

А потом, после казавшихся бесконечными часов сумерек, остановившись лишь раз, чтобы попить из покрывшегося коркой льда ручья, я добрался до развалин жилищ неверующих древних.

Ничего особенно впечатляющего в них не было. Фантастические картинки иногда изображают руины прошлого века как высокие здания, полые и острые, словно сломанные зубы, образующие увитые плющом каньоны и тенистые cul-de-sacs,[17] тупики. Несомненно, такие места существуют, в большинстве своем на необитаемом Юго-Западе, там, где «голод восседает на троне и правит владениями, созданными специально для него», и, в общем-то, не до зарослей виноградной лозы и тому подобных штук.[18] Но большинство развалин похожи на те, мимо которых я сейчас проезжал, просто неправильности (или, вернее сказать, правильности) на фоне пейзажа, отмечающие места, где некогда стояли здания. Эти территории нередко оказывались предательски опасными, часто скрывая глубокие подвалы, которые открывались подобно жадным ртам, заглатывая зазевавшегося путника. Их любили только мусорщики. Я аккуратно придерживался дороги, а в душе поднималось беспокойство, так ли уж легко будет найти Джулиана, как мне представлялось, — Ландсфорд оказался большим, а ветер начал заметать следы, служившие мне путеводной нитью.

Также меня преследовали мысли о Ложном Бедствии прошлого века. В подобной местности можно было легко наткнуться на иссушенные человеческие останки. Тогда умерли

миллионы людей от болезней, междоусобной борьбы, но в основном от голода. Эпоха Нефтяного Расцвета позволяла благодаря удобрениям и ирригации почвы прокормить гораздо больше людей, чем при ведении сельского хозяйства обычным способом. Я видел фотографии американцев того жуткого времени, тонких, как палочки, детей с раздувшимися животами, согнанных в так называемые лагеря помощи, которые вскоре превратились в коллективные могилы, когда обещанная «помощь» так и не появилась. Неудивительно, что наши предки ошибочно приняли свое время за сбывшийся апокалипсис. Поражало только то, насколько много из нынешних государственных институтов — Церковь, армия, федеральное правительство — пережили беду, оставшись почти в сохранности. В Библии Доминиона был отрывок, который Бен Крил читал всегда, как только в классе поднималась тема Ложного Бедствия, и который я хорошо запомнил: «Поля истощились, земля скорбит, ибо кукуруза иссохла, вино испарилось, нефть ушла. Стыдитесь, фермеры; войте, виноделы; плачьте по пшенице и ячменю, по урожаям, что погибли безвозвратно…»

Меня всегда передергивало от него, и сейчас в этих пустошах, обобранных до нитки столетием грабежа, реакция осталась такой же. Где тут мог скрываться Джулиан, а где — рыскать его преследователь?

Я нашел друга по дыму костра. Но оказался далеко не первым.

Солнце уже село, отблески северного сияния играли на небе, приглушенные лунным светом, когда я добрался до места недавних раскопок в Ландсфорде. Времянки мусорщиков — грубые деревянные хибары — стояли, покинутые на зиму, а бревенчатые настилы вели в пустые ямы.

Остатки снега, выпавшего прошлой ночью, задувало в окно, ветер мастерил маленькие дюны, все отпечатки копыт стерлись. Но я ехал медленно, зная, что близко подобрался к своей цели. Судя по отпечаткам, преследователь Джулиана, кто бы он ни был, не вернулся тем же путем, выполнив миссию, то есть не схватил моего друга. Возможно, погоню задержала ночь.

Довольно скоро, хотя прошедшее время показалось мне вечностью, пока Восторг мелко переступал по замерзшей дороге, избегая запорошенных снегом ям, я услышал ржание другой лошади и увидел клубы дыма, висящего в ночном воздухе.

Я быстро увел коня с дороги и привязал его к низеньким обломкам бетонной колонны, из которой, будто пальцы скелета, торчали побитые ржавчиной железные прутья. Я вынул винтовку

из седельной кобуры и отправился искать источник дыма, пока не понял, что он поднимается из глубокого откоса, возможно того самого раскопа, откуда мусорщики вытащили «Историю человечества в космосе». Похоже, именно здесь Джулиан решил подождать Сэма Годвина. И действительно, лошадь моего друга, один из прекрасных скакунов поместья (стоящий в глазах владельца, я так думаю, больше, чем сотни Джулианов Комстоков), была привязана к камню, а вот неподалеку стоял еще один конь, худой, с торчащими ребрами и даже на вид старый. Но на нем красовалась военная уздечка и нечто вроде полотняного фартука голубого цвета, с красной звездой посредине. Так помечали лошадь, принадлежащую резервистам. Это меня напугало.

Я изучал обстановку, скрываясь в тени сломанного столба. Судя по дыму, Джулиан забрался под землю, в промоину, о которой говорил мусорщик, чтобы спрятаться от холода да и костер защитить. А вот присутствие второй лошади указывало на то, что его нашли, и преследователь, скорее всего, уже с ним столкнулся.

Больше я ничего не мог сказать. Оставалось только как можно более скрытно подобраться к огню в надежде что-нибудь разузнать.

Я подполз поближе. В лунном свете яма оказалась глубоким, но узким раскопом, частично закрытым досками, с покатым входом с одного конца. Внутри виднелись отблески костра, а в нескольких ярдах от меня зияла дыра для отвода дыма, прорезанная в платках. Насколько я мог различить, наружу и внутрь вел только один проход. Я решил заползти внутрь, но как можно дольше оставаться незамеченным. Земля показалась мне такой холодной, словно я очутился в ледяной пустыне арктического Севера.

Я продвигался медленно, осторожно и тихо. Но все же недостаточно тихо. Я уже забрался довольно далеко, чтобы увидеть раскопанную комнату и калейдоскопический поток теней, отбрасываемый костром на стены, когда почувствовал за своим ухом давление ствола пистолета, а чей-то голос произнес:

— Продолжайте ползти, мистер, присоединяйтесь к своему другу внизу.

Я молчал, пока не смог окончательно осознать ситуацию, в которую попал.

Человек толкнул меня внутрь. Воздух, хотя и влажный, здесь был гораздо теплее, мы оказались защищены от ветра, хотя и не

от усиливающихся запахов костра и затхлой плесени того, что когда-то служило подвалом или погребом какого-то коммерческого заведения наших нечестивых предков.

Мусорщики мало чего оставили после себя, только кучу обломков, неразличимых под слоями пыли и грязи. Дальняя стена была бетонной, костер разложили рядом с ней, под дымовой трубой, которую, скорее всего, пробили собиратели. Выложенные кругом камни образовывали очаг, и влажные доски и щепки потрескивали в пламени с обманчивой жизнерадостностью. Более глубокие части раскопа, ниже человеческого роста, вели в разных направлениях.

Джулиан сидел у костра, спиной к стене, поджав колени к подбородку. Его одежда была выпачкана сажей, покрывшей все вокруг. Он хмурился, а когда увидел меня, то его взгляд стал откровенно сердитым.

— Иди туда и сядь рядом с ним! — приказал человек, захвативший меня в плен. — Но сначала передай-ка мне свое ружьишко.

Я отдал винтовку, хоть она и была совсем несерьезным оружием, потом присоединился к Джулиану. Так я смог в первый раз по-настоящему разглядеть человека, захватившего нас в плен. Он оказался практически моего возраста, но носил желто-голубую форму резервистов. Его глаза, почти скрытые надвинутой на лоб фуражкой, постоянно смотрели по сторонам, как будто парень боялся внезапного нападения. В общем, выглядел наш охранник неопытным и нервным и, кажется, был немного не в себе, так как челюсть его отвисла и он, похоже, не обращал внимания на струйку слизи, текущую из его носа. (Хотя» как я говорил раньше, это было вполне обычно для резервистов, которых держали подальше от фронта по объективным причинам.)

А вот оружие у него было вполне настоящим, с таким не забалуешь. Питсбургская винтовка, сделанная на фабрике «Портер и Эрл», которая заряжалась с казенной части чем-то вроде магазина и могла выстрелить пять раз, требуя от владельца только движения указательным пальцем. У Джулиана была такая же, но ее у него отобрали. Она стояла около ряда маленьких клепаных бочек, вне нашей досягаемости, а солдат поставил мою беличью дульнозарядку рядом.

Мне стало так себя жалко, какой же дурацкий способ провести Рождество я выбрал! Я не так злился на действия резервиста, как на собственную глупость и недостаток здравого смысла.

— Я не знаю, кто вы, — сказал солдат, — да мне и не важно, один призывник ничем не отличается от другого, но мне

поручили ловить беглецов, и теперь у меня достаточно дезертиров. Надеюсь, вы оба доживете до утра, а потом я вас отведу обратно в Уильямс-Форд. В любом случае сегодня никто не спит. По крайней мере я не буду, ну а вы можете. Если голодны, есть немного мяса.

Никогда в жизни я еще не был менее голоден и уже хотел сказать об этом, но тут вмешался Джулиан:

— Это правда, Адам. Нас поймали. Зря ты за мной пошел.

— Вот и я так думаю.

Он многозначительно взглянул на меня и, понизив голос, спросил:

— А Сэм…

— Не шептаться! — засуетился охранник.

Но я сообразил, о чем был вопрос, и кивнул в знак того, что передал послание Джулиана, хотя это ни в коей мере не гарантировало нашего освобождения. В конце концов, все выезды из Уильямс-Форда строго охранялись, да и сам Сэм не мог ускользнуть так же незаметно, как я. Если же откроется, что Джулиан исчез, то охрану усилят, а может, и пошлют отряд на наши поиски. Человек же, поймавший нас, похоже, был обыкновенным пастухом с заданием патрулировать дороги и отлавливать беглецов. Просто он отнесся ответственно к своей работе.

Сейчас же, поймав нас, солдат ослабил бдительность, вынул деревянную трубку из кармана и принялся набивать ее, попутно стараясь поудобнее устроиться на деревянном ящике. Жесты у него по-прежнему были довольно дергаными, и, похоже, он решил расслабиться, так как заправлял явно не табак.

Наверное, резервист родился в Кентукки, так как, насколько мне известно, люди незнатного происхождения часто имеют дурную привычку курить коноплю, которая в обилии растет в этом штате. Ее там разводят для производства веревок, ткани и бумаги и как дурманящее средство, менее ядовитое, чем индейская конопля. Как говорят, мягкий дым этого растения приятен для тех, кто к нему пристрастился, хотя от него иногда наступает сонливость и сильная сухость в горле.

Джулиан, по-видимому, решил, что все это может стать полезным для нас, поэтому жестом велел мне молчать и не отвлекать резервиста от курения. Солдат набил трубку сухой растительной массой, высыпав ее из промасленного конверта, хорошенько затянулся, и вскоре не лишенный приятности дым присоединился к дыму костра, еле заметными клубами вытягиваясь в дыру на потолке.

Ночь определенно обещала быть долгой, я старался проявить

терпение и не слишком много думать о Рождестве, желтом свете окон родного дома темными зимними вечерами или о мягкой кровати, в которой спал бы сейчас, если бы хоть немного обдумывал свои действия.

VII

Я начал свой рассказ, говоря, что это история о Джулиане Комстоке, но, боюсь, солгал, так как получилось, что рассказ-то в основном идет обо мне.

Но тому есть причина, а не только очевидные соблазны тщеславия и самолюбования. В то время я знал Джулиана далеко не так хорошо, как думал.

Наша дружба была по большому счету мальчишеской. Сидя в молчаливом плену руин Ландсфорда, я не мог не вспомнить все, что мы делали вместе: чтение книг, охоту в лесистых холмах к западу от Уильямс-Форда, дружеские споры обо всем, начиная от философии и людей на Луне и кончая лучшим способом насадить наживку на крючок или подтянуть подпругу. Во время наших совместных прогулок я слишком легко забывал, что Джулиан оставался аристократом с тесными связями среди могущественных людей, или то, что его отец был знаменит и как герой, и как предатель, или то, что его дядя Деклан Комсток мог строить относительно Джулиана весьма коварные планы.

Все это казалось далеким от подлинной натуры моего друга, нежной и любознательной, его склонности скорее к деятельности натуралиста, чем политика или генерала. Когда я представлял Джулиана взрослым, то воображал, как он занимается наукой или искусством: выкапывает кости какого-нибудь допотопного монстра из глины Атабаски или совершенствует кино. Он не был воинственным человеком, а мысли великих людей того времени, казалось, всецело сосредоточивались на войне.

Поэтому я позволил себе не обращать внимания на то, кем он был до приезда к нам, — наследником храброго, решительного и вероломно преданного отца, победившего бразильскую армию, но сокрушенного мельницей политических интриг. Сыном властной женщины, родившейся в могущественной семье. Да, ее власти не хватило, чтобы избавить мужа от виселицы, но достало для спасения сына, по крайней мере на время, от безумных расчетов его дяди. Он был одновременно жертвой и игроком в великих играх аристократов. И я-то забыл об этом, но вот Джулиан — нет. Эти люди создали его, и пусть он не говорил о них, но из мыслей выкинуть не мог.

Да, нередко он боялся пустяков. До сих пор помню его беспокойство, когда я описывал ему ритуалы Церкви Знаков. Иногда он плакал при виде страданий животных, когда тех не удавалось сразить первой пулей во время охоты. Но сегодня в этих руинах я сидел мрачный, с трудом борясь со слезами, а

Джулиан был спокоен, решительно смотрел из-под прядей запылившихся волос, спадающих ему на лоб, и холодно, словно банковский клерк, оценивал происходящее.

Когда мы охотились, он частенько давал мне винтовку для последнего, смертельного выстрела, не доверяя собственной решимости.

Сегодня — коли представилась бы такая возможность — я отдал бы винтовку ему.

Как уже говорилось, я слегка задремал, но время от времени просыпался и видел, что резервист по-прежнему бдит. Глаза его были полузакрыты, но я списал это на эффект от курения конопли. Иногда он вскакивал, словно слыша звуки, непонятные другим, но потом успокаивался.

Солдат сварил себе кофе в жестяной кастрюле. Он постоянно подогревал напиток, подкладывая новые дрова в костер и периодически прикладывался к кружке, не давая себе заснуть. В результате ему периодически приходилось отходить в дальний конец раскопа, дабы удовлетворить физические потребности в относительном уединении. Правда, это не давало нам никаких преимуществ, так как винтовку он брал с собой, но зато позволяло перебросить парой словечек.

— Этот парень явно не слишком-то умен, — заметил Джулиан. — Мы сможем выбраться отсюда.

— Не так страшны его мозги, как артиллерия.

— Думаю, мы сможем отделить одно от другого. Смотри туда, Адам. По ту сторону костра, в мусоре.

Я посмотрел.

В тени что-то двигалось, и я сразу догадался об источнике этого движения.

— Нам повезет, если мы сможем отвлечь его внимание, — сказал Джулиан. — Главное, не доводить до крайности. Но мне понадобится твоя помощь.

Я увидел, как на его лбу выступают капельки пота, а в глазах мечется с трудом подавляемый страх.

Я уже говорил, что не принимал участия в ритуалах отцовской Церкви и что змеи мне, прямо скажем, совсем не нравятся. Это правда. Конечно, я много слышал о том, чтобы предать себя всего воле Господа, видел, как мой отец стоит, держа в каждой руке по гремучей змее, дрожа от религиозного пыла, говоря на совершенно неизвестном языке (хотя в нем частенько встречались длинные гласные и заикающиеся согласные, очень похожие на те звуки, которые отец издавал, когда, например, обжигал пальцы), но никогда не мог поверить до

конца, что Божественное провидение убережет меня от змеиного укуса. Кое-кого из паствы оно точно не уберегло. Была у нас некая Сара Пристли, чья рука распухла и почернела после укуса, а врачу Уильямс-Форда пришлось ее отрезать. Но, в общем, я змей не опасался. Просто не любил, а вот Джулиан ужасно их боялся. И сейчас я не мог не восхищаться его выдержкой, так как то, что шевелилось во тьме, оказалось гнездом змей, разбуженных жаром костра.

Надо добавить, что в этих руинах действительно было много змей, мышей и ядовитых насекомых. Мусорщики постоянно сталкивались с укусами, которые нередко приводили к отравлению крови и безымянной могиле. Когда собиратели завершили работы, то змеи, наверное, забрались в эту яму, чтобы спокойно погрузиться в глубокий сон, которого мы с резервистом их лишили.

Солдат, вернувшийся после отправления своих нужд какой-то встрепанный, еще не заметил исконных обитателей нашего убежища. Он расселся на своем ящике, бросил на нас хмурый взгляд и принялся опять набивать трубку.

— Если он выпустит все пять зарядов, — прошептал Джулиан, — тогда у нас есть шанс побороть его или схватить наши ружья. Но, Адам…

— Не разговаривать, — пробормотал резервист.

— …ты должен помнить совет своего отца, — закончил мой друг.

— Я же сказал, тихо!

Джулиан откашлялся и обратился прямо к солдату, ибо пришло время действовать:

— Сэр, я хочу привлечь ваше внимание к некоему предмету.

— Это к чему же, мой маленький беглец и трусишка?

— Боюсь, мы не одни в этом ужасном месте.

— Не одни! — воскликнул парень и принялся нервно озираться, потом взял себя в руки и, прищурившись, взглянул на нас. — Других людей здесь нет.

— А я не людей имею в виду, а гадюк.

— Гадюк!

— Змей, иными словами.

Тут резервист снова принялся обшаривать взглядом все вокруг, но, похоже, его мозг окончательно затуманился конопляным дымом, так как наш охранник ничего не увидел.

— Да ладно, вы меня не проведете, — усмехнулся он.

— Прошу прощения, если вы думаете, что я шучу, то это не так. Прямо сейчас около двенадцати змей приближаются к нам, а одна из них жаждет тесно пообщаться с вашим правым ботинком.

[19]

— Да ладно, — усмехнулся резервист, но не смог не взглянуть в указанном направлении именно тогда, когда один из гадов — толстый и длинный представитель своего семейства — поднял голову, пробуя языком воздух над ногой резервиста.

Эффект последовал незамедлительно и не оставил нам времени на раздумья. Солдат подпрыгнул со своего ящика, бормоча ругательства, и какими-то пляшущими движениями метнулся назад, одновременно пытаясь поднять винтовку к плечу и встретить угрозу достойно. К своему ужасу, он выяснил, что сражаться придется не с одной, а с дюжиной змей, и совершенно рефлекторно нажал на курок. Результат получился ошеломительный. Пуля вонзилась прямо рядом с главным гнездом, в результате твари понеслись оттуда с ужасающей скоростью, словно пружины из внезапно открывшейся коробки. К сожалению для злополучного резервиста, он оказался прямо у них на дороге. Парень изверг поток брани и выпалил еще четыре раза. Некоторые пули пролетели незаметно; одна вырвала целый кусок из первой змеи, которая свернулась вокруг раны кровавой веревкой.

— Давай, Адам! — закричал Джулиан, а я встал, судорожно пытаясь понять, что он хотел мне сказать, напоминая об отце.

Папа был неразговорчивым человеком, большинство его советов касались практических вопросов управления конюшнями. Я засомневался, стоя на одном месте, пока Джулиан метнулся к винтовкам, танцуя среди выживших змей, словно дервиш. Резервист, почуяв недоброе, двинулся за ним, и тогда я вспомнил единственный совет отца, которым делился с Джулианом: «Хватай ее там, где должна быть шея, позади головы, не обращай внимания на хвост, как бы тот ни бился, и ударяй по черепу, сильно и часто, чтобы подчинить ее».

Так я и делал — пока не обезвредил угрозу.

Джулиан тем временем подхватил оружие и выбрался из заселенной змеями части раскопа.

Он в некотором изумлении посмотрел на резервиста, кулем валявшегося у моих ног, на кровь, текущую с его головы, которую я «бил часто и сильно».

— Адам, я когда говорил про совет отца, вообще-то имел в виду змей.

— Змей? — Несколько все еще извивались в яме, но я напомнил себе, что Джулиан на самом деле очень мало знал о природе и разнообразии пресмыкающихся, и объяснил: — Это пятнистые полозы. Большие, но совсем неядовитые.[20]

Джулиан наконец успокоился, зрачки его уменьшались по

мере усвоения информации. Потом он снова посмотрел на тело солдата:

— Ты его не убил?

— Надеюсь, нет.

VIII

Мы разбили новый лагерь в другой части руин и стали присматривать за дорогой, а на рассвете увидели единственную лошадь и всадника, приближающихся с запада. Это был Сэм Годвин.

Джулиан поприветствовал его, размахивая руками. Сэм подъехал ближе и с облегчением посмотрел на своего ученика, а на меня — с любопытством. Я покраснел, вспомнив, как прервал его молитвы (как бы неортодоксально они ни выглядели с подлинно христианской точки зрения) и как позорно отреагировал, узнав о его истинной вере, но ничего не сказал. Сэм также промолчал, отношения между нами, казалось, наладились, так как я продемонстрировал свою верность (или глупость), отправившись на помощь Джулиану.

Было рождественское утро. Полагаю, эта дата не значила ничего особенного для Джулиана или Сэма, но я-то чувствовал ее особенно остро. Небо снова стало ясным, разыгравшаяся утром вьюга засыпала все снегом — глубоким, хрустящим и гладким. Даже руины Ландсфорда превратились в нечто мягкое и странно красивое. Поразительно, насколько легко природе удается укрыть гниль покровом безмятежной чистоты.

Но покой не мог длиться долго, и Сэм подтвердил мою мысль:

— Мы тут говорим, а за нами идут войска. По телеграфу передали приказ не дать Джулиану сбежать. Мы больше не можем здесь задерживаться.

— Куда мы пойдем? — спросил Джулиан.

— Дальше на восток дороги нет. Нечем кормить лошадей, да и с водой проблемы. Рано или поздно нам придется свернуть на юг и пересечь железную дорогу или магистраль. В общем, нас ждут долгие переходы и краткие остановки, и боюсь, если мы сумеем сбежать, то нам придется взять новые документы. Мы станем ничуть не лучше дезертиров или беглецов, ну и проведем какое-то время среди них, по крайней мере пока не доберемся до Нью-Йорка. Там сможем найти друзей.

Это был план, но такой унылый, что сердце у меня упало.

— У нас есть пленник, — напомнил Джулиан и отвел Сэма в раскоп, по пути рассказав, как мы провели ночь.

Резервист сидел там: руки связаны за спиной, его еще шатало от моих приемов, но он уже открыл глаза и сердито смотрел на нас. Джулиан и Сэм какое-то время провели споря, что же с ним делать. Забрать его с нами мы, естественно, не могли. Вопрос

заключался в том, как вернуть его своим и не попасть в плен.

Я в этот спор не мог внести ничего, а потому вытащил листок из ранца, карандаш и решил сочинить письмо.

Адресовал его матери, так как отец читать не умел.

> *Ты, несомненно, заметила мое отсутствие. Мне грустно находиться так далеко от дома, особенно в это время (пишу это письмо на Рождество), но надеюсь, тебя утешит то, что я жив-здоров и непосредственная опасность мне не грозит.*

(Ложь, конечно, хотя слово «непосредственная» можно определять по-разному, но это во благо, решил я.)

> *В любом случае я не могу оставаться в Уильямс-Форде, так как избавиться от призыва не получится, даже если мою военную службу отложат на несколько месяцев. Новый набор — это не трюк, война в Лабрадоре, похоже, действительно идет плохо. Наше расставание неизбежно, как бы я ни тосковал по дому и его радостям.*

(Я изо всех сил старался не заплакать.)

> *Пожалуйста, примите мои наилучшие пожелания и благодарность за все, что вы сделали для меня. Я напишу еще, как только смогу, но это может случиться не скоро. Верьте, я повинуюсь своей судьбе, следую всем христианским заповедям, которым вы научили меня. Пусть благословит вас Бог в этом и во всех последующих годах.*

Конечно, я мог сказать еще много, но времени не осталось. Джулиан и Сэм звали меня. Я подписался и добавил постскриптум.

> *Скажи отцу, что я дорожу его советами, они мне сильно пригодились.*
>
> *Твой сын Адам.*

— Ты написал письмо, — заметил Сэм, торопя меня к лошади. — А подумал, как передашь его?

Я сознался, что мысль об этом мне в голову не пришла.

— Его может отвезти солдат, — предложил Джулиан, уже оседлав коня.

Резервиста тоже посадили верхом, но рук не развязали, так

как Сэм решил, что пленника отправят на запад, где он должен довольно скоро встретиться с войсками. Парень уже очнулся, но пребывал в мрачном расположении духа.

— Я вам не чертов почтальон! — прорычал он.

Я подписал письмо, Джулиан положил его в седельную сумку солдата. Несмотря на молодость, несколько всклокоченные волосы и потрепанную одежду, Комсток сидел на коне прямо. До этого я никогда не считал его высокородным аристократом, но теперь властный дух пронизывал не только его голос, но и тело.

— Мы обращались с тобой по-человечески… — сказал он солдату.

Тот выругался.

— Тихо. Ты пострадал в драке, но мы взяли тебя в плен и вели себя гораздо лучше, чем ты в сходной ситуации. Я — Комсток, по крайней мере сейчас, и никогда не позволю какому-то пехотинцу грубить мне. Ты доставишь письмо этого юноши и сделаешь это с благодарностью.

Резервист явно пришел в ужас оттого, что перед ним стоит сам Комсток, он-то считал, что преследует всего лишь деревенских дезертиров, но собрался с мужеством и произнес:

— А с чего бы мне это делать?

— Потому что так будет по-христиански, — объяснил Джулиан, — а если мы наконец разрешим спор с дядей, то власть срубить тебе голову с плеч окажется в моих руках. Такая причина тебя устраивает, солдат?

Резервист признал, что устраивает.

И так мы выехали тем рождественским утром из руин, где мусорщики нашли «Историю человечества в космосе», которая покоилась в моем рюкзаке призрачным воспоминанием полузабытого прошлого.

Мой разум стонал от сумятицы идей и волнений, но я неожиданно вспомнил рассказ Джулиана о ДНК (как же давно это было), как та старается добиться совершенного копирования, но постоянно вспоминает себя неправильно. Ведь это может быть правдой, наши жизни такие же, таково само время, каждая секунда умирает и возрождается собственным искаженным отражением. Сегодня наступило Рождество, а по словам Джулиана, оно когда-то было языческим торжеством, посвященным богу Солнца или еще какому-то римскому божеству, а теперь превратилось в любимый всеми праздник и дорого нам, несмотря ни на что.

(Я воображал, что слышу перезвон рождественских колоколов Доминион-Холла в Уильямс-Форде, хотя это было невозможно,

ведь мы находились во многих милях от него, и даже выстрел из пушки не донесся бы до нас на таком расстоянии. Во мне всего лишь говорила память.)

Возможно, такая логика правдива и в отношении людей. Может, я становился неточным эхом того, кем был несколько дней назад. Может, с Джулианом происходило то же самое. В его нежных чертах уже проступало что-то твердое и бескомпромиссное — первое проявление нового человека, эволюционировавшего, пробужденного к жизни поспешным, неожиданным отъездом из Уильямс-Форда. Другой Джулиан в полной мере проявит себя уже в Нью-Йорке.

Но все это — всего лишь философия, толку от нее мало, а потому я молчал, пока мы пришпоривали лошадей, направляясь к железной дороге, к грубо кричащему, новорожденному Будущему.

Майкл Суэнвик
Оловянное болото [21]

Спускаться в долину было невыносимо жарко. Солнце стояло в зените, белое размытое пятно за вечно скрывающими небосвод облаками, столь суровое, что свинец на окрестных холмах плавился и тек по склону. Они брели вниз вдвоем, волоча переносную буровую установку. Тонкие струйки металла, выплеснувшиеся из автоцистерны, возившей олово с гор, блестели на обочине дороги.

Путник, шагающий навстречу в огромном, десять футов в высоту, черном экзоскафандре, приветственно помахал им рукой, но они не отреагировали, хотя прошло много недель с тех пор, как им в последний раз встречалось человеческое существо. Человек в черном прошествовал мимо и скрылся из глаз. Почва под ногами запеклась и окаменела от обжигающего жара. При желании они могли бы сойти с дороги и с тем же успехом шагать по земле.

Патанг и Макартур тащились по этой дороге уже много часов. И им предстояло размеренно переставлять ноги еще столько же времени, если не больше. Но очередной изгиб тропы привел их к гостинице, расположенной в конце длинного спуска, в тени базальтового утеса. Специфика их работы в основном не предполагала передвижения по дорогам и ночевку в гостиницах, почти целый месяц они не снимали скафандры и спали на ходу. Патанг и Макартур обменялись настороженными взглядами, сблизив головы в шлемах. От двигателей их экзоскафандров валил жар. Не сказав ни слова, оба приняли решение остановиться и передохнуть.

При их приближении автоматика гостиницы активировалась, и динамики огласили прейскурант. Компаньоны предоставили возможность компьютерам своих скафандров вести переговоры за них и осторожно пристроили бур возле стены здания.

— Прикрой его, — велел Макартур. — Так он не покоробится. И направился внутрь.

Патанг развернула чехол из золотой фольги и пошла следом.

Когда Патанг протиснулась через шлюз, Макартур уже избавился от скафандра и, расположившись за чугунным столом, сверлил взглядом две чашки с водой. На секунду она чудесным образом поверила, что все обойдется.

Потом он перевел взгляд на нее:

— Десять долларов чашка.

Одна чашка была уже наполовину пуста. Одним длинным глотком Макартур всосал остатки воды и вцепился волосатой лапой во вторую. Его борода сильно отросла с последнего раза, когда Патанг видела напарника без скафандра, а исходящая от него вонь ощущалась и на другом конце комнаты. Хотя от нее наверняка тоже не розами пахло.

— Эти ублюдки… заставляют нас таскаться взад-вперед…

Патанг выбралась из скафандра. Она потянулась и развела руки как можно шире, наслаждаясь свободой передвижения. Какая просторная комната! Двадцать футов в ширину и окон нет. Патанг окинула взглядом их временное пристанище. Стол, шесть железных стульев, полдюжины сложенных раскладушек у стены. Ряды полок с товарами Компании, которые им обоим не по карману. Ну и конечно, тут имеются платный туалет и платный душ. Аптечка, правда, бесплатная, но, если попытаешься стащить оттуда что-нибудь для восстановления сил, Компания непременно дознается и соответствующим образом оштрафует.

Кожа Патанг покалывала и зудела от месячного слоя высохшего пота.

— Я хочу почесаться, — сказала она. — Не смотри.

Но Макартур, конечно же, уставился на нее. Вот свинья.

Наплевав на него, Патанг медленно и с удовольствием поскребла ногтями сначала впереди под рубашкой, потом на спине, оставляя на коже кровавые царапины. Какое наслаждение!

Все это время Макартур глазел на нее, как волк на жирного кролика.

— Ты могла бы заниматься этим в скафандре, — сказал он, когда Патанг прекратила чесаться.

— Ну, это совсем не то.

— Ты не должна это делать перед…

— Эй! — громко перебила Патанг. — Как насчет небольшой беседы?

Да, это обойдется в несколько баксов. Ну и что? Послышался щелчок, и вошел хозяин гостиницы.

— Не ожидал гостей так близко к полудню, — сказал он, синтезатор имитировал простонародный говор. — Чем вы двое промышляете?

— Золото, олово, свинец — все, что хлещет из скважины. — Патанг прикрыла глаза, пытаясь представить, что она вновь на Лакшми Планум в баре Порт-Иштара и разговаривает с настоящим, живым человеческим существом. — Мы подумали, что большинство людей ведут разработки утром и после полудня. Сейчас народу меньше. А поскольку у нас обновленная база данных, то мы не наткнемся на чьи-то старые заявки.

— Очень мудро. Компания хорошо платит за новые месторождения.

— Ненавижу эти гребаные штуки! — Макартур развернулся спиной к Патанг и говорящему, ножки железного стула заскрежетали по полу.

Патанг знала, как сильно ему хочется разделаться с ней. Но она знала и то, что у него ничего не выйдет.

Компания свято блюла три правила. Первое — никакого насилия. Второе — береги оборудование Компании. И третье — защити себя сам. Все три закона внедрялись в сознание путем вживления нейронного имплантата.

В результате долгого опыта работы со старателями Компания расставила приоритеты, поэтому первое правило доминировало над вторым, второе над третьим, а последнее могло соблюдаться постольку, поскольку не вступало в противоречие с первыми двумя. Поэтому получалось так, что старатель не мог принять решение угробить партнера ради собственного выживания — разумеется, если до этого доходило. Или, более тонкий момент, человек, который не заботился должным образом об имуществе Компании, подлежал устранению.

Методом проб и ошибок Компания в конце концов выработала надежный дуракоустойчивый алгоритм. В малонаселенных, необжитых районах планеты воцарилась организованная анархия. Никто не мог сознательно нанести ущерб жизни и здоровью другого человека.

Как бы сильно ему этого ни хотелось.

Когда Патанг и Макартур заговорили о контракте, вживление имплантатов показалось им неплохой мыслью. Они подписали контракт на полные звездные сутки — на Венере они составляют двести пятьдесят пять земных. Чуть больше, чем венерианский год. Теперь оставалось еще пятьдесят девять дней до конца срока, и Патанг сильно сомневалась, что два человека, которые так страстно ненавидят друг друга, смогут выдержать положенное время и не вцепиться партнеру в горло. Рано или поздно это случится, вопрос только в том, кто сломается первым.

Каждый день она молилась, чтобы Макартур в конце концов дернул спасательный шнур, взяв тем самым на себя расходы по вызову корабля-эвакуатора ранее, чем предусмотрено контрактом. Пусть Макартур обанкротится, а Патанг возьмет причитающиеся ей кредитки и смоется.

Но шел день за днем, а Макартур держался. Это просто бесчеловечно по отношению к ней! Как он мог вынести столько оскорблений и не сорваться?

Похоже, именно ненависть помогала ему сохранять

самообладание.

Патанг медленно, маленькими глотками, с причмокиванием и придыханием допивала свою воду. Зная, что Макартур не выносит эти ужимки, она все равно не могла остановиться. Она уже почти осушила чашку, когда он вдруг хлопнул кулачищами по столу по обе стороны от нее и заявил:

— Патанг, нам надо кое-что обсудить.

— Пожалуйста. *Не надо.*

— Черт побери, ты же знаешь, как мне надоело это дерьмо!

— Я не люблю, когда ты так выражаешься. Перестань. Макартур стиснул зубы.

— Нет. Мы выясним наши отношения здесь и сейчас. Я хочу, чтобы ты… Что это?

Патанг непонимающе уставилась на партнера. Потом она ощутила это — мутную тошноту, головокружение и ощущение потери равновесия где-то на грани сознания, словно вся Венера легонько покачнулась под ногами.

А затем планета взревела, и пол вздыбился, ударив ей в лицо.

Когда Патанг пришла в себя, вокруг царил полный кавардак. Пол накренился. Полки обрушились, на полу валялись шелковые рубашки, лимонное печенье, куски душистого мыла. Оба экзоскафандра лежали на полу в обнимку, металлическая рука одного торчала между ногами другого. Слава богу, системы жизнеобеспечения функционировали. Компания позаботилась о прочности своего оборудования.

Посредине всего этого безобразия, оскалив зубы, неподвижно стоял Макартур. По его шее бежала струйка крови. Он медленно потер щеку.

— Макартур! Ты в порядке?

Странное выражение промелькнуло в его глазах.

— Клянусь богом, — тихо сказал он. — Черт меня побери…

— Хозяин? Что происходит? Устройство не откликнулось.

— Я вырубил его, — так же тихо сказал Макартур. — Это оказалось просто.

— Что?

Макартур направился к ней, ступая неуклюже, как моряк по кренящейся палубе.

— Скальный оползень, — объяснил он. Макартур получил докторскую степень по внеземной геологии и разбирался в таких вещах. — Жила мягкого базальта ослабла и сдвинулась. Гостиница попала под косой скользящий удар. Нам повезло, что мы остались живы.

Макартур встал перед ней на колени и соединил колечком

большой и указательный пальцы: все о'кей, крошка. Потом он неожиданно щелкнул Патанг по носу.

— Ой! — взвизгнула она. — Эй, ты не смеешь…

— Черт возьми, я не смею… — Он отвесил ей пощечину. И нешуточную. — Кажется, чип больше не работает…

Патанг разъярилась:

— Ты, сукин сын!

Она замахнулась, чтобы ударить. Темнота.

Кажется, она быстро пришла в себя. Такое ощущение, будто она что-то пропустила, словно открыла книгу на середине или попала в интерактивную беседу через час после начала. Патанг понятия не имела, что произошло и каким боком это ее затрагивает.

Макартур деловито упаковывал ее в экзоскафандр.

— Все в порядке? — вяло пробормотала она. — Ничего не случилось?

— Я собираюсь убить тебя, Патанг. Но просто прикончить тебя — это недостаточно. Сперва ты должна помучиться.

— Что ты несешь?! Потом она вспомнила.

Макартур ударил ее. Его чип испортился. Теперь он уже не контролирует Макартура. И он ненавидит ее. Настолько сильно, чтобы убить? О да! Запросто.

Макартур отломал что-то от шлема Патанг. Потом он нажал на кнопку питания, и скафандр начал смыкаться вокруг нее. Партнер удовлетворенно хмыкнул и объявил:

— Встретимся снаружи.

Патанг выкатилась из шлюза и теперь не знала, что делать. Она с разгону пронеслась несколько десятков шагов по дороге и теперь раздраженно топталась на месте. Ей совсем не хотелось его дожидаться, но и уходить тоже было нельзя. Следовало узнать, что замышляет Макартур.

Шлюз открылся, и Макартур, огибая гостиницу, направился к лежащему под чехлом буру. Он нагнулся, чтобы отсоединить лазерное сверло от зажимов, блока управления и регулирующих устройств. Потом осторожно натянул на оборудование золотистую фольгу.

Затем он выпрямился и со сверлом в руках двинулся к Патанг. И направил сверло на нее.

На стекле ее шлема вспыхнули слова «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

Патанг увидела, что камень под ее ногами почернел и задымился.

— Ты знаешь, что произойдет, если я проделаю дырку в твоей

защите, — констатировал Макартур.

Еще бы! Весь воздух из ее скафандра вырвется наружу, при этом огромное атмосферное давление сплющит металлическую оболочку. Системы механического охлаждения немедленно выйдут из строя, и она будет удушена, поджарена и раздавлена в один и тот же миг.

— Повернись. Или я лазером пробью в тебе новую дырку. Патанг повиновалась.

— Правила таковы. Тебе дается полчаса форы. Потом я иду за тобой. Если ты свернешь на север или на юг, я тебя пристрелю. Топай на запад. На полдень.

— На полдень? — Она активировала геодезические карты. В том направлении не было ничего, кроме парочки складчатых хребтов и тессеры[22] за ними. Тессера на ее картах горела оранжевым цветом, как бесперспективное место. Старатели уже побывали там и ничего не нашли. — Почему туда?

— Потому что я так сказал. Потому что мы собираемся немного позабавиться. Потому что у тебя нет выбора. Ясно?

Патанг печально кивнула.

— Вперед!

Патанг шла, а он ее преследовал. Ночной кошмар, каким-то образом просочившийся в реальную жизнь. Когда она оглядывалась, то видела вдалеке шагающего Макартура. На таком расстоянии он казался маленьким, но не настолько, чтобы ей представился хоть какой-нибудь шанс улизнуть.

Он уловил ее взгляд и нагнулся, чтобы поднять булыжник. Потом как следует размахнулся и бросил в ее сторону.

Хотя Макартур всего лишь маячил где-то на полпути к горизонту, булыжник рухнул на землю в ста ярдах перед ней и немного сбоку. Конечно, не так близко, чтобы пришибить Патанг. Это в его намерения не входило.

При ударе камень разлетелся вдребезги. Просто невероятно, какой мощью обладает скафандр. Патанг обдала волна ярости. Макартур использует скафандр на полную катушку, а она полностью беспомощна.

— Грязный ублюдок! Садист! Молчание.

Он рехнулся. В контракте *должен быть* пункт на этот счет. Так… Патанг перевела скафандр в режим автоходьбы, нашла договор и стала внимательно просматривать раздел «Права». Параграфы о соблюдении безопасности. Ответственность субподрядчика… сотни пунктов. Уход за оборудованием подрядчика.

Вот оно. Есть! Необходимость в неотложной медицинской

помощи, подтвержденной врачебным консилиумом… Патанг прокрутила меню, описывающее соответствующие случаи. Список психических расстройств оказался достаточно длинным и содержал множество пунктов. Макартур, как пить дать, под какой-нибудь подходит.

Конечно, Патанг потеряет все права. Но если она правильно интерпретирует договор, ей будет дано право на возвращение первичных денежных вложений.

Это и ее жизнь — что ж, ей хватит.

Она осторожно выпростала руку из-под ремней и потянулась к труднодоступному месту за головой. Там находилось предохранительное аварийное устройство. Патанг разблокировала его. Потом вызвала виртуальную клавиатуру и набрала SOS.

Так просто! Так легко!

«ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТПРАВИТЬ ЭТО СООБЩЕНИЕ? ДА/НЕТ». Она нажала «да». Секунду ничего не происходило. «СООБЩЕНИЕ НЕ ОТПРАВЛЕНО».

— Черт! — Патанг попробовала еще раз. «СООБЩЕНИЕ НЕ ОТПРАВЛЕНО»… Третья попытка…

Четвертая…

Она вызвала программу, диагностирующую неисправности, и вновь послала сообщение.

«СООБЩЕНИЕ НЕ ОТПРАВЛЕНО».

Еще раз. Еще раз! Еще раз!

«СООБЩЕНИЕ НЕ ОТПРАВЛЕНО».

«СООБЩЕНИЕ НЕ ОТПРАВЛЕНО».

«СООБЩЕНИЕ НЕ ОТПРАВЛЕНО».

Подозрение окрепло настолько, что Патанг пришлось его проверить.

На тыльной стороне левой ладони скафандра имелась обзорная камера. Патанг установила ее так, чтобы видеть шлем сбоку. Так и есть, Макартур сломал антенну спутниковой связи!

— Ты, придурок! — Теперь она разозлилась по-настоящему. — Кусок дерьма! Кретин! Козел! Ты свихнулся, ты знаешь это? Сумасшедший. Ты окончательно спятил!

Этот мерзавец игнорировал ее. Он, вероятно, тоже перевел свой скафандр на автоходьбу. Скотина, сидит, откинувшись на ремнях безопасности, читает книгу или смотрит старое кино на стекле своего шлема. Макартур часто так поступал. Задашь ему вопрос, а он не отвечает — отсутствует, сидит в первом ряду кинотеатра в собственном мозжечке. Наверняка в его навигационной системе есть программа слежения, которая предупредит его, если Патанг свернет на юг или на север или

оторвется слишком далеко от него.

Давайте-ка проверим эту гипотезу.

Патанг часто пользовалась программой слежения, поэтому знала ее технические параметры наизусть. Один шаг в сторону из пяти будет немедленно замечен. Один из шести — нет. Отлично, тогда… Посмотрим, что получится, если медленно, почти незаметно повернуть к дороге. Патанг сделала семь шагов вперед и полшажка в сторону.

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА» — вспыхнуло на стекле шлема.

Патанг поспешно перешла на автоходьбу. Он следил за ней, за каждым ее шагом! Программа слежения списала бы такое отклонение на то, что она споткнулась. Но тогда почему он ей не отвечает? Очевидно, чтобы заставить ее помучиться. Наверняка он просто кипит от желания высказаться. Макартур должен ненавидеть ее так же сильно, как она его.

— Сукин сын! Я до тебя доберусь, Макартур! Мы с тобой еще поменяемся ролями, и тогда я…

Ее положение не полностью безнадежно! У нее есть взрывчатка. Дьявол, ее скафандр может достаточно сильно метнуть камень, чтобы проделать дырку в его скафандре. Она может…

Темнота.

Сознание возвратилось к Патанг, когда ее скафандр на автопилоте уже нес ее вниз по дальнему склону первого складчатого хребта. В ушах у нее звенело. Кто-то говорил. Макартур, по радио ближнего действия.

— Что? — пробормотала она. — Ты что-то сказал, Макартур? Я не расслышала.

— У тебя плохие мысли, не так ли? — весело отозвался Макартур. — Непослушная девочка! Папа тебя отшлепает.

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА». «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

С обеих сторон от нее обозначились траектории выстрелов и задымились камни. Патанг шла прямо на полдень, а он все равно палил в нее!

— Черт возьми, это несправедливо!

— Справедливость?! А в том, что ты говорила мне, была справедливость? Отвечай! Отвечай, когда к тебе обращаются.

— Я ничего такого не имела в виду.

— Не имела! Те слова… то, что говорила… простить нельзя!

— Я только слегка доставала тебя, Макартур, — сказала Патанг примирительно. Это было словечко из ее детства; оно означало поддразнивать, подшучивать, как сестра над братом. — Я бы не делала этого, если б не думала, что мы с тобой друзья.

Макартур издал звук, который, по его мнению, походил на

смех.

— Поверь мне, Патанг, мы с тобой не друзья.

В самом начале она действительно вполне невинно подшучивала над Макартуром. Просто чтобы провести время. Когда она позволила себе выйти за рамки? Патанг не всегда ненавидела его. Когда-то, в Порт-Иштаре он казался ей симпатичным парнем, подходящим на роль компаньона. Она даже думала, что он привлекателен.

Мысль о Порт-Иштаре отозвалась болью, но Патанг не владела собой. Это все равно что пытаться не думать о рае, когда тебя поджаривают в аду.

Конечно, Порт-Иштар тоже не предел мечтаний. Там приходилось жрать ароматизированные водоросли и спать на многоярусных койках. Все время носить одежду из шелка, потому что он дешевый, и разгуливать босиком, поскольку обувь стоит денег. Но там были фонтаны с бьющими в воздух струями воды, живая музыка в ресторанах. Струнные квартеты играли в честь счастливчиков старателей, которые, отыскав месторождение, таким образом транжирили свое богатство. Если держаться скромно и незаметно, можно остановиться рядом и послушать. Тогда все были молодыми и немного легкомысленными, а будущее манило звоном монет.

Это было тогда. Сейчас Патанг старше на миллион лет.

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

— Эй, ты чего?

— Шевели ногами, сука. Шевели ногами или сдохнешь.

Патанг никак не могла поверить, что все это происходит именно с ней.

Кошмар длился и длился до тех пор, пока она окончательно не потеряла счет времени. Они шли. Вверх по склону долины. Через гору. Вниз в следующую долину. Из-за ужасной жары камни под ногами крошились и расползались, все горы имели мягкие склоны. Путь вверх и вниз превратился в долгое путешествие по одному очень длинному холму.

Темно-оранжевые облака бугрились и нависали над серой землей. Подлинные цвета Венеры. Если бы Патанг захотела, то могла бы наблюдать иную картину — поросшие зеленой травой камни и ярко-голубое небо. Стекло ее шлема позволяло подобные фокусы. Но, попробовав один раз, она быстро отказалась от этого зрелища — обман больно ранил сердце.

Лучше видеть спекшуюся землю и зловещее небо, которые существуют на самом деле.

Они двигались на запад. На полдень. Бесконечный и

бессмысленный сон продолжался.

— Эй, пун-танг![23]

— Ты знаешь, как я отношусь к выражениям подобного рода, — вяло отозвалась она.

— Как ты относишься! Забавно! Как ты думаешь, что чувствовал *я,* когда *ты* говорила такое?

— Мы можем помириться, Макартур. Не следует так себя вести.

— Ты была замужем, пунтанг?

— Ты же знаешь, что нет.

— А я был. Женился и развелся. — Патанг знала об этом. На сегодняшний день они знали друг о друге практически все. — Суть в том, что, когда брак распадается, всегда один человек поначалу пытается ухватиться за него. Проходит через страдания и боль, чувствует себя несчастным, оплакивает смерть взаимоотношений — и потом двигается дальше. Обычно это тот, кто изменяет. Итак, приходит день, когда она уходит из дому, а несчастный тупица, стоя на пороге, бормочет: «Подожди. Разве мы не можем обсудить это вместе?» До него не доходит, что это конец.

— Что это значит?

— Это значит, что у тебя проблема, пунтанг. До тебя так и не дошло, что все кончено.

— Что кончено? Наше партнерство?

— Нет. Твоя жизнь.

Прошел день, а может, и больше. Патанг засыпала. Патанг просыпалась и осознавала, что все еще идет, а Макартур что-то с ненавистью бормочет у нее в ухе. Выключить радио было невозможно. Такова политика Компании. В шагающий механизм встраивались системы и подсистемы, наслаивающиеся друг на друга таким образом, чтобы при любых обстоятельствах обеспечить сохранность оборудования Компании. Иногда храп партнера вырывал Патанг из глубокого сна. Она знала, что Макартур издавал короткие отвратительные хрюкающие звуки, когда занимался мастурбацией. Это выводило ее из себя настолько, что она громко передразнивала его. Теперь Патанг жалела об этом.

— У меня были мечты, — говорил Макартур. — У меня были амбиции.

— Я знаю. У меня тоже.

— Какого черта ты влезла в мою жизнь? Почему ты, а не кто-то другой?

— Ты мне нравился. Я думала, что ты забавный.

— Ну, теперь в дураках останешься ты.

Тогда в Порт-Иштаре Макартур был худым и долговязым, аккуратно одетым парнем. Он постоянно двигался, от его локтей и коленей все время приходилось уклоняться, и возникало впечатление, что сейчас он что-нибудь своротит на пол или разобьет, однако такого не случилось ни разу. Он обладал причудливой, неестественной грацией движений. Когда Патанг застенчиво спросила его, не хочет ли он стать ее партнером, Макартур подхватил ее, закружил в воздухе и поцеловал прямо в губы, потом поставил и сказал «да». Тогда Патанг была ошеломлена, счастлива и уверена, что сделала правильный выбор.

Но Макартур оказался слабаком. Этот скафандр доконал его. Все эти месяцы полной изоляции, когда надо держать в узде свои эмоции и в то же время совершенно невозможно побыть одному… Он больше не был прежним. Стоит только взглянуть на него — постоянная злоба и этот страдающий взгляд…

«ПОКИДАЕМ ГОРЫ».

«ВХОДИМ В ТЕССЕРУ».

Патанг помнила, как завораживал ее поначалу ландшафт тессеры. Макартур назвал это «сложным складчатым рельефом». Высокие гряды и глубокие расщелины пересекались и скрещивались друг с другом в таком изобилии, что при взгляде с орбиты поверхность выглядела как стройплощадка, усеянная черепицей. Преодолевая такие участки, надо постоянно быть начеку. Неожиданно из-под земли вырастают скалы, холмы с крутыми склонами. Ты сворачиваешь на извилистую дорожку, ведущую в зигзагообразную долину, и стены отступают, и ты идешь вниз, вниз и вниз… словно двигаешься к ядру планеты. Никакого даже отдаленного сходства с Землей. В первый раз Патанг просто трясло от возбуждения и любопытства.

Теперь же она подумала, что, возможно, сумеет воспользоваться этим. Эти ущелья так затейливо пересекаются. Нырнуть в одно и рвануть со всех ног. Найти другое и бегом туда. И так до тех пор, пока он ее не потеряет.

— Ты правда думаешь, что можешь отделаться от меня, Патанг?

Она непроизвольно вскрикнула.

— Я могу читать твои мысли, Патанг. Я изучил тебя вдоль и поперек.

Правда и неправда одновременно. Люди не могли знать все друг о друге. Это результат навязанной им близости, когда ты ни на минуту не можешь остаться наедине со своими мыслями. Кроме того, ты уже выслушал все истории, которые хотел

рассказать тебе партнер, и разделил с ним все секреты, что нашлись у него в загашнике. И любой малейший пустяк уже действует тебе на нервы.

— А если я признаю, что была не права? — жалобно спросила она. — Я была не права. Признаю.

— Мы оба были не правы. Ну и что?

— Я хочу договориться, Макартур. Послушай. Я остановлюсь, ты сможешь догнать меня, и тебе не придется беспокоиться, что я убегу. Разве это не убедит тебя, что я на твоей стороне?

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

— О, не стесняйся, Патанг, беги как можно быстрее. В конечном счете я тебя все равно поймаю.

«Хорошо, — с отчаянием подумала она. — Ты сам напрашиваешься, козел. Играем в пятнашки! Тебе водить». Патанг нырнула в сумрак каньона и побежала.

Ущелье петляло, и скоро она скрылась из виду. Макартур не мог говорить с ней и слышать ее. Не мог знать, какой путь она выбрала. Тишина необыкновенно обрадовала Патанг. В первый раз за бесконечно долгое время ей удалось уединиться. Единственное, чего ей хотелось, — как можно дольше наслаждаться этим удовольствием. Но она должна была шевелить мозгами, и как следует. Одна стена ущелья обрывалась вниз прямо перед ней, создавая склон, с которым ее шагающий скафандр мог легко справиться. Или можно было двигаться вверх по ущелью.

Какой путь выбрать?

Наверх!

Тем временем Патанг изучала карты. Данные, полученные со спутника, были очень неплохи, но все же недостаточно хороши. Они показывали особенности рельефа с разрешением до трех метров, но ей надо было изучить поверхность ярд за ярдом. Эта маленькая бороздка, похожая на трещину… она раздваивается через два километра или это вторая борозда, которая с ней не пересекается? Не разобрать. Теперь она с радостью заплатила бы за обслуживание по высшему разряду, за сверхподробные снимки, способные выявить отпечатки ног на пыльной поверхности рельефа. Но с неработающей спутниковой антенной она ни черта не может.

Патанг втиснулась в борозду, такую узкую, что ее мускульный скафандр предложил перепрыгнуть препятствие. Борозда разветвлялась, и Патанг приняла решение держаться правой стороны. Когда стены начали смыкаться над ней, она вскарабкалась наверх. Потом побежала, выискивая следующую

борозду.

Так прошли часы.

Все это время ее гнал вперед страх. Патанг втянула ноги в туловище скафандра и включила автоходьбу. Вверх по ущелью. Через гребень. Петляем, поворачиваем. Сканируем местность впереди, ищем варианты. Можно выбрать два направления. Подбросим виртуальную монетку. Путь выбран. Процесс повторяется. Радио вышло из зоны прямой видимости, так что Макартур не мог воспользоваться им, чтобы следить за ней. Главное, двигаться вперед.

Двигаться вперед.

Двигаться…

Сколько времени прошло, дни или часы? Патанг не знала. Может быть, недели. Скафандр был запрограммирован так, чтобы во время критических ситуаций снижать тревогу искусственной стимуляцией мозговой деятельности. Своеобразная электрическая версия амфетамина. Но, как при принятии любого наркотика, происходила некоторая потеря связи с реальностью. Например, притуплялось чувство времени.

Поэтому Патанг понятия не имела, сколько времени ушло на то, чтобы осознать: все бесполезно.

Проблема была в том, что скафандр оказался чертовски тяжелым. Если она бежала быстро, чтобы сохранить дистанцию между собой и Макартуром, в реголите[24] оставался след, достаточно четкий, чтобы гнаться за ней с высокой скоростью. Но если двигаться медленно, по возможности ступая ногами скафандра на камни и оставляя еле уловимые и легко исчезающие отпечатки на рыхлой почве, то Макартур окажется прямо у нее за спиной. И хотя Патанг могла попытаться, не отрываясь далеко от него, отважиться на то, чтобы идти медленно, все равно следы оставались.

Короче, ей от него не уйти! Не стоит и трепыхаться.

Нахлынуло ощущение тщетности и безнадеги, серое и обыденное, как старое, потрепанное и выцветшее со временем пальто, которое ты не можешь выбросить, потому что у тебя нет денег. Когда-то, очень давно, она уже пересекла ту грань, за которой исчезает надежда. На самом деле Патанг никогда не признавалась себе, что она больше не верит, будто они когда-нибудь найдут большое месторождение, — просто каждый день просыпалась, зная: она дожидается окончания контракта, упрямо пытаясь продержаться подольше и вернуться на Землю не беднее, чем в начале своей старательской карьеры.

И тогда же ее шутки стали действительно злобными, так

ведь? Да, тогда Патанг начала прикасаться к своему телу и рассказывать Макартуру, что именно она делает. И тогда же она стала в деталях описывать ему все, что она никогда не будет делать с *ним*.

Это был способ провести еще один день. Растравить его чувства, спровоцировать, задеть. Глупость, ужасная глупость. И теперь она наказана.

Но Патанг не могла сдаться. Она должна… Мысль осталась незаконченной. Если она собирается совершить это неназванное даже про себя действие, сначала следует разобраться с тремя основными правилами.

Правила гласят: никакого насилия; береги оборудование Компании; защити себя сам. И расставлены по важности приоритетов.

«Что ж, — Патанг вздохнула, — для того чтобы предотвратить насилие, я собираюсь уничтожить имущество Компании».

Она подождала, чтобы понять, не потеряет ли сознание, — вдруг за крамольными мыслями сразу последует наказание?

Ничего не произошло.

Отлично.

Патанг подошла к длинному хребту, крутобокому и безжизненному, и перевела скафандр в режим автокарабканья. Взобравшись наверх, Патанг просканировала открывшийся впереди склон: пустынный и усеянный камнями под слепящим глаза покрывалом из сернокислых облаков. На полпути наверх из зигзагообразной долины появился Макартур и небрежно помахал ей.

Патанг проигнорировала его. Она соображала. Эта груда булыжников впереди слишком большая. Те, справа, слишком маленькие. Тот участок рыхлого реголита выглядел многообещающе, но… нет. В конечном итоге она повернула налево по направлению к неглубокому уступу, который прикрывал камни, лежавшие достаточно свободно, чтобы их можно было переместить, но недостаточно массивные, чтобы нанести ими ощутимые повреждения скафандру Макартура. Все, чего она хотела, — сбить его с ног. Скатится по склону, и ничего с ним не случится. Но сможет ли он при этом удержать лазерное сверло?

Патанг полагала, что не удержит.

Отлично, вперед. Она взяла управление скафандром на себя и неуклюже, но осторожно стала карабкаться к намеченному месту. Патанг задрала шлем так, чтобы он указывал на вершину хребта и Макартур не разгадал ее намерения.

Наискосок по склону, так, правильно. Теперь прямо наверх.

Она оглянулась и увидела, что Макартур топает по ее следам. Он находился прямо под ней. Хорошо.

Патанг забралась на уступ.

Остановиться. Повернуться. Посмотреть вниз на Макартура, удивиться.

За все эти месяцы на Венере Патанг твердо усвоила одно: вызвать оползень очень легко. Наклониться назад, сконцентрироваться и начать ритмично бить ногами в землю. И камни покатятся, покатятся…

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

— О-о-о, Патанг, как же ты предсказуема! Ты лезешь наискосок по склону там, где нормальный человек пойдет напрямик. На полпути ты меняешь направление. Что ты собираешься сделать, вызвать обвал? И чего ты добьешься?

— Я подумала, что смогу лишить тебя лазера.

— И какая тебе от этого польза? У меня остается скафандр. И камни. Ты в моей власти. До тебя все еще не доперло, так?

— Да, — призналась она.

— Пыталась меня провести, но ловкости не хватило? Так?

— Да.

— Все еще надеялась на что-то, детка? Но теперь все, конец надеждам. Так?

— Да.

Макартур взмахнул рукой, указывая путь:

— Ну, давай. Продолжим. Мы еще не закончили.

Плача, Патанг взобралась на вершину гряды и начала спускаться в долину, по форме напоминающую глубокую тарелку. Гладкие откосы со всех сторон улавливали нечто инфракрасное, отражающееся от донышка, и отбрасывали в долину. По показаниям на стекле шлема, температура резко скакнула вверх. Здесь по крайней мере на пятьдесят делений выше, чем в местах, где она бывала до сих пор. Выдержит ли ее скафандр длительное воздействие такой жары? Возможно. В спину Патанг дышал Макартур, и все остальные пути, кроме неглубокой впадины, ведущей вниз, были заказаны. Выбора ей не оставили.

Примерно на середине склона впадина стала глубже. Вокруг Патанг вырастали каменные стены, и постепенно она погрузилась в тень. Температура на поверхности скафандра понизилась, хотя не так сильно, как хотелось бы. Потом дорога стала менее крутой и затем вовсе выровнялась. Расселина закончилась сияющим проходом между зазубренными скалами.

Патанг вышла на открытое пространство и оглядела долину.

Земля *блестела*. Ослепительно сверкала.

Патанг шагнула вперед. Внезапно возникло ощущение невесомости. Ее ноги всплыли вверх под туловищем и руки сами по себе вспорхнули в воздух. Предплечья экзоскафандра тоже приподнялись и изогнулись, как у балерины, изображающей лебедя.

Основание долины рассекала сеть хаотических трещин, каждая из которых сияла ярко, как солнце. Из-под земли сочился жидкий металл. Ничего подобного Патанг никогда не видела.

Она топнула ногой, наступив в лужицу металла и разбрызгав солнечные капли. Скафандр выдал серию сигналов тревоги. Какое-то мгновение она боролась с сонливостью, но потом встряхнулась. Патанг отщелкнула зонд для забора проб от подвески с инструментами и воткнула его в почву под ногами. Прибор замерил температуру металла и его прочность, произвел несколько простейших вычислений и выдал результат.

Олово.

Патанг снова огляделась вокруг. Везде, сколько хватало взгляда, виднелись прожилки расплавленного олова. Этот участок напомнил ей детство на Восточном побережье, тогда Патанг любила стоять на краю болота с биноклем в руке, надеясь увидеть луня, серебристые отблески солнца на воде больно слепили глаза. Эта долина походила на то болото, только вместо воды было олово.

Оловянное болото.

На какой-то момент в ее душе вспыхнул интерес к жизни. Откуда оно взялось? Какой комплекс геологических факторов сделал возможным его появление? Она могла лишь предположить, что это следствие воздействия полуденной жары. Когда она постепенно плавила камни, олово внизу раскалилось, увеличилось в объеме и стало выдавливаться наверх через трещины. Или, может быть, камни расширились от нагревания, выталкивая жидкое олово. В обоих случаях эффект должен был быть не слишком заметен в любом заданном объеме. Патанг даже не решалась представить себе, как много здесь олова, чтобы оно таким вот образом вылезало на поверхность. Месторождение гораздо больше, чем она когда-либо мечтала найти.

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

— Нет! Подожди! Остановись! — закричала Патанг. — Тебе это больше не нужно. Мы нашли его! Оно здесь!

Повернувшись, она увидела, что огромный скафандр Макартура неуклюже выдвинулся из тени. Грубое воплощение силы, тело, у которого нет головы.

— Что ты несешь? — злобно спросил он.

Но Патанг хотелось думать, что он находится в здравом рассудке. Она осмеливалась надеяться, что сможет урезонить его.

— Оно такое большое, Мак! — Патанг не звала его так целую вечность. — Мы нашли тут целые залежи! Ты должен послать заявку по радио. И все, Мак! Завтра в это время ты уже будешь давать пресс-конференцию о новом месторождении.

Некоторое время Макартур молчал в нерешительности, потом сказал:

— Может быть, и так. Но сначала я прикончу тебя.

— Если ты вернешься без меня, Компания станет задавать вопросы. Они начнут трясти компьютер скафандра. Они возьмут ментальные пробы. Нет, Макартур, ты не можешь получить и то и другое. Выбирай: или я, или деньги.

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

— Беги, сука! — взревел Макартур. — Беги, словно имеешь шанс выжить!

Патанг не пошевелилась.

— Вообрази, Макартур. Замечательная холодная ванна. Воду охлаждают кубиками льда, и немного льдинок остается в воде. Ты слышишь, как они тихонько позвякивают друг о друга…

— Заткнись!

— А мороженое! — с жаром продолжала она. — Тысячи разных вкусов мороженого. Тебе привозят его со склада: шербет, итальянское, замороженный сок… О, они знают, что нужно старателю! Пиво в больших запотевших кружках. Водка, такая холодная, что скулы сводит.

— Заткнись, дрянь!

— Ты был честен со мною. Ты дал мне полчаса форы, как обещал, правда? Не каждый бы на твоем месте поступил так. Теперь я буду честной с тобой. Я собираюсь блокировать свой скафандр. — Патанг отключила питание рук и ног скафандра. Чтобы активировать их снова, понадобится пара минут. — Поэтому тебе не придется беспокоиться, что я убегу. Я останусь здесь, беспомощная и неподвижная, пока ты все обдумаешь, хорошо? — Отчаяние подтолкнуло ее к искренности. — Я была не права, Макартур. Я осознала это. Мне не стоило так себя вести. Прими мои извинения. Теперь ты можешь быть выше этого. Ты ведь богат!

Макартур зарычал от ярости. «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА». «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА». «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА». «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

— Черт возьми, убирайся! — завопил он. — Вали отсюда! «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

«ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА». «ЛАЗЕРНАЯ УГРОЗА».

Ближе он не подходил. И хотя Макартур продолжал стрелять, лучи лазера не попадали в нее. Непостижимо! Патанг капитулировала, она не убегала, у нее вообще не было такой возможности. Так почему же он просто не убьет ее? Что его останавливает?

И тут Патанг посетило откровение, словно яркое солнце вспыхнуло над головой после долгой зимы. Так просто! Так очевидно! Она не удержалась от смеха.

— Ты не можешь застрелить меня! — выкрикнула Патанг. — Скафандр тебе не позволяет!

Это было то, что технари называют «устаревшим софтом». Прежде чем Компания овладела навыками вживлять чипы в организм человека, она программировала свои устройства так, чтобы их нельзя было использовать для диверсий. Люди, способные на всякие хитрости, нашли обходные пути, чтобы выводить из строя такие программы. Но никто не подсуетился настолько, чтобы докопаться до самого глубокого уровня кодирования. Какой в этом смысл?

Патанг визжала и вопила от восторга. Ее скафандр раскачивался, слегка приплясывая в припадке истерического веселья.

— Ты не можешь убить меня, Макартур! Не можешь! Не можешь и знаешь это! Я пройду мимо тебя и доберусь до следующей станции, и ты не сможешь мне помешать!

Макартур заплакал.

Хоппер с рычанием свалился с ослепительно-яркого неба, выжигая почву практически у них под ногами. Патанг и Макартур устало доковыляли до него и предоставили пилоту возиться с креплением их скафандров к выдвижным опорам корабля. Там не было просторной кабины, чтобы разместиться, да они и не нуждались в этом.

Пилот вернулся на свое сиденье. Он попытался завязать беседу, но они не откликнулись, и он замолчал. Пилоту и прежде приходилось перевозить старателей. Он знал, что обращаться к ним бесполезно.

С резким ускорением, которое их скафандры амортизировали лишь частично, хоппер оторвался от земли. До Порт-Иштара всего три часа. Корабль накренился, заложив вираж, и Патанг увидела Венеру, с головокружительной быстротой мелькающую у нее под ногами. Она затенила стекло шлема, потому что не хотела на это смотреть.

— Эй, Патанг!

— Да?

— Как ты думаешь, меня посадят в тюрьму? За все, что я вытворял с тобой?

— Нет, Макартур. Богачей не сажают в тюрьму. Их посылают к врачу.

— Это хорошо, — вздохнул он. — Спасибо, что ты мне сказала.

— *De nada*[25] — машинально отозвалась она. Реактивные двигатели оглушительно ревели у нее за спиной, скафандр вибрировал. Пройдет два-три часа, и они приземлятся в Порт-Иштаре, застолбят участок, заберут свои деньги и никогда больше не увидят друг друга.

Повинуясь внезапному чувству, Патанг окликнула его:

— Эй, Макартур!

— Что?

И на мгновение ее посетило искушение в последний раз продолжить *игру*. Подразнить его и услышать, как он скрипит зубами. Но…

— Ничего. Просто… наслаждайся богатством, ладно? Я надеюсь, что у тебя все будет хорошо.

— Да. — Макартур со всхлипом втянул в себя воздух, осторожно выдохнул, словно освобождаясь от какой-то боли, и сказал: — Да… у тебя тоже.

И они воспарили в воздухе.

Йен Макдональд
Супруга джинна [26]

Когда-то в Дели жила женщина, которая вышла замуж за джинна. До войны за воду ничего особо странного в этом не было: город Дели, словно мозг, поделенный надвое, с незапамятных времен был городом джиннов. Суфии говорят, что Бог творил из двух субстанций: глины и огня. Из глины получился человек, а из огня — джинн. Дели всегда привлекал джиннов, созданий огня: семь раз захватчики сжигали город дотла, и семь раз он вырастал вновь. С каждым поворотом колеса-*чакры* джинны черпали в пламени силу, плодились и размножались. Их видят великие дервиши и брахманы, но на каждой улице когда угодно и кто угодно может уловить шепот и мимолетное дуновение тепла промчавшегося мимо джинна.

Я родилась очень далеко от жара джиннов, в Ладакхе (желания и прихоти джиннов непонятны людям), но моя мать родилась и выросла в Дели, и благодаря ее рассказам я знала делийские площади и бульвары, *майданы*,[27] торговые улицы и базары ничуть не хуже, чем достопримечательности родного Леха. Для меня Дели всегда был городом сказаний, и я поведаю историю супруги джинна в форме суфийской притчи, или же истории из «Махабхараты»,[28] или даже мыльной оперы с телеэкрана, потому что именно таким он представляется мне: ГОРОД ДЖИННОВ.

Не им первым суждено было постичь любовь на стенах Красного Форта.

Политиканы провели в беседах целых три дня, и соглашение не за горами. В честь этого события правительство Авадха подготовило грандиозный *дурбар*[29] на дворцовой площади перед Диван-и-Аамом. Вся Индия следит за этим событием, посему все должно пройти по высшему разряду: по прогревшемуся за день мрамору снуют распорядители мероприятия, развешивают флаги и знамена; возводят помост; устанавливают системы освещения и звука; ставят сцены с участием танцоров, слонов, пиротехники; продумывают парад боевых роботов; украшают столы; обучают штат официантов и с особой тщательностью продумывают размещение гостей, чтобы никто из приглашенных не почувствовал себя обиженным или ущемленным. Весь день трехколесные грузовички доставляют свежие цветы, всевозможные товары для торжества, лучшие декоративные ткани. Прибыл даже настоящий французский сомелье, кипящий

от негодования на устрашающую жару и опасающийся за дивные вина. Конференция серьезная. Под угрозой находится четверть миллиарда жизней.

Когда сезон дождей во второй раз обманул чаяния людей, народы Авадха и Бхарата пошли войной друг на друга, и на берегах священного Ганга выстроились боевые танки, управляемыми роботами вертолеты огневой поддержки, ударные силы и тактические ядерные ракеты замедленного действия. На протяжении тридцати километров прибрежного песка, где очищались *брамины*[30] и молились *садху*,[31] правительство Авадха запланировало стройку нечестивой плотины. Запас воды для ста тридцати миллионов жителей Авадха на следующие пятьдесят лет будет охранять город Кунда Кхадар. Река вниз по течению, несущая воды мимо священных городов Аллахабада и Варанаси в Бхарате, иссякнет. Вода — это жизнь, вода — это смерть. Дипломаты Бхарата, люди и искусственные интеллекты — ИИ, крайне осторожно вели переговоры с конкурирующей нацией, зная, что каждое необдуманное слово может обернуться атакой роботов, коршунами налетающих на стеклянные башни Нью-Дели, и минами замедленного действия с наноядерными боеголовками внутри, что на кошачьих коготках поползут к Варанаси. На каналах новостей все время теперь посвящено крикету. Соглашение не за горами! К нему уже пришли! Подпишут завтра! Ну а сегодняшним вечером дипломаты заслужили дурбар.

Из вихря ярких *хиджра*[32] и медлительного шествия слонов на секунду выскользнула танцовщица стиля катхак, дабы выкурить сигаретку на зубчатых стенах Красного Форта. Осторожно, чтобы не повредить изысканные переплетения украшений из чистого золота на костюме, она облокачивается на впитавший жар индийского солнца камень. Ведущие в Форт Лахорские ворота обращены к Чандни Чоук;[33] солнце, словно громадный пузырь, сочится жаром на высокие трубы и усадьбы западных пригородов Дели. На фоне красных пыльных небес темными силуэтами вырисовываются *кхатри*[34] сикхского храма Сисгандж Гурдвара, минареты и купола Джама Масджид, венчающая храм Шивы *шикар*.[35] В вышине, беспокойно рассекая воздух крыльями, кружат, мечутся голуби. Над тысячей тысяч крыш Старого Дели парят в восходящих потоках теплого воздуха черные коршуны. Еще дальше встают строения гораздо более высокие и внушительные, нежели любое творение Моголов: высотные здания Нью-Дели, индуистские храмы из стекла и прочие сооружения невообразимой, захватывающей дух высоты, перемигивающиеся со звездами и сигнальными огнями

самолетов.

Шепот внутри головы танцовщицы, ее имя сопровождается россыпью дивных звуков ситара: сигнал вызова наладонника, идущий через ее череп в слуховой центр с помощью малозаметного завитка приемника, свернувшегося за ухом, словно ювелирное украшение.

— Я только на секундочку, выкурю *биди*[36] и тотчас вернусь, дай мне докурить спокойно, — жалобно просит она, подозревая, что ее разыскивает хореограф Пранх, известный своей вспыльчивостью ньют, представитель третьего пола. — Ой! — Прямо перед ней вихрем, словно танцовщица из пепла, закружилась золотистая пыль.

Джинн. Она затаила дыхание. Ее мать хоть и была индуисткой, но искренне верила в джиннов — изощренных во всевозможных хитростях сверхъестественных созданий, какие существуют в любой религии.

Пыль обернулась облокотившимся на парапет мужчиной, в длинном, торжественном *шервани*[37] и свободно завязанном красном тюрбане, устремившем взгляд на сверкающий разгул Чандни Чоу-ка. «Как он хорош», — думает танцовщица, стараясь поскорее затушить сигарету и незаметно выкинуть в арку над зубчатой стеной. Негоже курить в присутствии великого дипломата Эй Джея Рао.

— Тебе вовсе не обязательно делать это из-за моего появления, Аша, — говорит Эй Джей Рао, складывая ладони в приветствии *намасте*.[38]

Аша Ратхор отвечает *намасте,* задаваясь вопросом, заметили ли находящиеся внизу, во дворе, люди то, как она приветствует пустоту перед собой. Всему Авадху известны черты лица суперзвезды с экрана: Эй Джей Рао, один из самых умных и упорных членов делегации Бхарата. Нет, поправила сама себя Аша. Авадх знает лишь изображение с экрана. Картинку на экране, у нее в голове и звучащий в ушах голос. Дух бесплотный.

— Вы знаете мое имя?

— Я один из твоих самых больших поклонников.

Аша вспыхнула: просто от разогретых нещадно палящим солнцем камней дворца душной горячей волной поднимался пышущий жаром воздух, — так она объяснила себе нежданный прилив крови к лицу. Вовсе не смущение. Никакое не смущение.

— Но я всего лишь танцовщица. А вы…

— Искусственный разум? Ну да. Что, для ИИ издали новый закон, не позволяющий им ценить искусство танца? — Он прикрыл глаза. — Ах, я как раз вновь восхищаюсь танцем «Свадьба Радхи и Кришны».

Этой фразой он задел тщеславие Аши.

— Которое выступление?

— На канале «Шедевры искусства». Впрочем, в моем распоряжении имеются все записи. Признаюсь, когда я веду переговоры, танцы в твоем исполнении частенько радуют меня. Только, пожалуйста, не пойми меня неправильно, от тебя я никогда не устаю. — Эй Джей Рао улыбается. У него отличные, белоснежные зубы. — Как ни странно, но я не совсем знаю, каков этикет в подобного рода вопросах. Я явился сюда, потому что хотел сказать: я один из самых ярых твоих поклонников и с нетерпением жду твоего выступления сегодня вечером. Для меня оно станет кульминацией конференции.

Сгустились сумерки, и небо сделалось безупречно глубоким и бесконечно синим, словно минорный аккорд. Мальчики бесшумно проходили вдоль проходов у стен Форта, оставляя за собой светящиеся ряды крохотных масляных ламп. Красный Форт мерцает, словно упавшее на Старый Дели созвездие. Аша прожила в Дели двадцать лет, но никогда не видела родной город таким.

— Я тоже не знакома с этикетом в подобных случаях, — говорит она. — Мне никогда не приходилось разговаривать с ИИ.

— В самом деле?

Теперь Эй Джей Рао прислонился к нагретому камню спиной и смотрит вверх, на небо, и искоса на нее взглядом, в которым искрится лукавая улыбка.

Ну конечно, думает Аша. Ведь в ее городе ИИ не меньше, чем голубей. Начиная от компьютерных Сетей и роботов с невысоким уровнем интеллекта вроде крысиного или голубиного и заканчивая существами вроде вот этого, стоящего перед ней над воротами Красного Форта, отпускающего очаровательные комплименты. Нет, он вовсе не стоит. И не над вратами Форта, он просто информационная схема в ее голове.

— Я хотела сказать… я… — бормочет Аша.

— Уровень два и девять?

— Не знаю, что это.

ИИ улыбается, и, пока она пытается собраться с мыслями, в голове Аши вновь раздается мелодия, на сей раз это Пранх, и он, как обычно, ужасно ругается: «Да где ж тебя носит! Разве ты не знаешь, что представление смотрит половина континента!»

— Простите, я должна идти…

— Конечно. Я буду смотреть.

«Как? — хочется ей спросить. — Бесплотный джинн хочет посмотреть, как я танцую. Что бы это значило?» Но когда она оглядывается, оказывается, что вопрошать можно лишь легкую

струйку пыли, проносящуюся вдоль освещенной лампами зубчатой стены.

Вот слоны и циркачи, иллюзионисты и факиры, *газель*[39] и *каввали*.[40] Здесь изысканные кушанья и вина от сомелье, и вот ярко освещают сцену, и, как только заслышались звуки табла, мелодиона и шехнаи, Аша проскальзывает мимо хмурого Пранха. Мраморная площадь пышет жаром, но Аша не замечает этого. Движения ног, пируэты, кружение юбок, перезвон бубенцов на щиколотках, выражения лица, исполнение *мудр*[41] искусными руками: еще раз она превосходит самое себя, превращая катхак в нечто большее. Аша могла бы назвать это своим искусством, талантом, но она суеверна: может статься, что тогда кому-нибудь захочется покуситься на ее дар и забрать от нее. Никогда не называй, никогда не говори о нем. Пусть он просто владеет тобой. Ее собственный знойный джинн. Аша кружит по ярко освещенной сцене перед делегатами, а боковым зрением осматривает все вокруг в поисках камер, роботов или прочих глаз, посредством которых Эй Джей Рао может смотреть на нее. Или она такое же расщепление его сознания, как и он — ее?

Раскланиваясь в свете ярких огней и сбегая со сцены, она едва ли слышит аплодисменты. В гримерной помощницы снимают и осторожно складывают множество драгоценных украшений с костюма, стирают сценический грим, под маской которого скрывается лицо двадцатидвухлетней девушки, а внимание Аши приковано к наушнику-завитку, пластиковым знаком вопроса свернувшемуся на туалетном столике. В джинсах и шелковой майке Ашу не отличить от четырех миллионов прочих двадцатилетних девушек Дели. Прикрепив завиток за ухом и пригладив волосы, она на секунду замешкалась, надевая на руку наладонник. Нет звонков. И сообщений. И аватар. Ничего. Странно, но это ее беспокоит.

У Делийских ворот выстроились служебные «мерседесы». По пути к автомобилю дорогу Аше преграждают мужчина и женщина. Она нетерпеливо машет рукой:

— Автографов не даю…

Только не после выступления. Уйти поскорее, быстро и незаметно раствориться в городе. Мужчина показывает Аше удостоверение.

— Мы поедем на этом автомобиле, — объявляет он, и из череды машин отделяется бежевый «марути» последней модели.

Мужчина вежливо придерживает дверцу, пропуская ее вперед, но в его жесте вовсе нет уважения. Женщина садится на переднее сиденье рядом с водителем. Машина разгоняется, сигналит, вливается в круг ночного движения у Красного Форта. Работает

кондиционер.

— Я инспектор Тхакер из департамента регистрации и лицензирования искусственных интеллектов, — говорит мужчина.

Он молод, недурен собой, самоуверен и нисколько не волнуется, сидя рядом со знаменитостью. Только запах парфюма чересчур резкий.

— А, полиция Кришны. Замечание заставило его вздрогнуть.

— Наши системы наблюдения зарегистрировали общение между вами и искусственным интеллектом из Бхарата уровня два и девять Эй Джеем Рао.

— Да, он мне звонил.

— В двадцать один ноль восемь. Вы общались шесть минут и двадцать две секунды. Не можете ли вы мне сказать, о чем вы говорили?

На высокой скорости автомобиль несется к Дели. Казалось, машины расступаются перед ним и каждый сигнал светофора непременно светит зеленым. Ничто не могло помешать стремительному продвижению автомобиля вперед. «Могут ли они сделать это? — задавалась вопросом Аша. — Полиция Кришны, надзор за ИИ: могли ли они приручать существ, на которых охотились?»

— Мы обсуждали стиль катхак. Он его поклонник. Какие-то проблемы? Я сделала что-то не то?

— Нет, ничего подобного, мисс. Но вы должны понимать, что на конференции подобного значения… От имени нашего департамента прошу прощения за недоразумение. О, вот мы и приехали.

Машина остановилась прямо у бунгало Аши. Чувствуя себя одновременно грязной, запыленной и растерянной, она проводила взглядом отъезжающий автомобиль полицейского Кришны, который сдерживал безумное делийское движение с помощью ручных джиннов. У ворот она приостановилась. Ей просто необходимо, и она заслужила это: нужно какое-то время, чтобы переварить выступление, отойти немного, обернуться и посмотреть на себя саму, говоря: да, Аша Ратхор, ты молодец. Бунгало окутано тьмой и спокойствием. Нита и Прия встречаются со своими расчудесными женихами, обсуждают подарки, список гостей и приданое, которое удастся выжать из семей будущих мужей. Хоть они и не сестры, но вместе живут в бунгало. Ни в Авадхе, ни в Бхарате больше ни у кого нет сестер. Ни у одной девушки в возрасте Аши, хотя ходят слухи, что баланс восстанавливается. Дочери нынче в цене. А в былые времена за девушками давали приданое.

Аша полной грудью дышит воздухом своего города Прохладный сад приглушает гул огромного мегаполиса до тихого рокота, который отдается в ушах подобно бегущей через сердце крови. Она чувствует запах пыли и роз. Благоухание персидской розы, излюбленного цветка поэтов урду.[42] И пыль. Аша представляет себе, как ветер вздымает пыль, она закручивается маленьким смерчем и являет перед ней обаятельного, опасного джинна. Нет. Иллюзия, безумие шального древнего города. Аша открывает ворота и видит, что каждый квадратный сантиметр сада покрыт красными розами.

На следующее утро Нита и Прия ждут ее к завтраку, сидя за обеденным столом бок о бок, словно интервьюеры. Или копы Кришны. На сей раз они не собираются обсуждать дома и мужей.

— Кто, кто, кто? От кого цветы? Кто прислал их в таком количестве, ведь они стоят целое состояние… Горничная Пури приносит китайский зеленый чай, незаменимый в качестве профилактики рака. Розы собраны в кучу в углу сада. Сладость их аромата уже тронута тлением.

— Он дипломат, — отвечает Аша. Нита и Прия смотрят по телевизору только мыльную оперу «Город и деревня» да несколько ток-шоу, но даже они наверняка слышали о Эй Джее Рао. Поэтому придется скрывать правду. — Дипломат Бхарата.

Рты округляются в протяжном «ооох», потом растягиваются в «аааах», когда они переглядываются.

— Ты должна, должна, должна привести его, — говорит Нита.

— На наш дурбар, — подхватывает Прия.

— Да, на наш дурбар, — соглашается Нита.

На протяжении последних двух месяцев они едва ли могли говорить о чем-то еще: все беседы, сплетни и планы сводились к одному — великолепному торжеству в честь их свадеб, где они вдоволь похвастаются перед незамужними подругами и заставят всех холостяков умирать от ревности. Аша притворилась, что слегка перекосившая ее лицо гримаса вызвана горечью целебного чая.

— Он страшно занятой. — Она не сказала «занятой человек». Аша не могла понять, отчего играет в эти глупые девичьи игры с недомолвками и секретами. В Красном Форте бесплотный ИИ сказал, что восхищается ею. Они даже не встречались. Потому что встречаться не с кем. Все происшедшее имело место лишь в ее голове. — Я даже не знаю, как связаться с ним. У них не принято раздавать номера телефонов.

— Он придет, и точка, — заключили Нита и Прия.

Она едва различает музыку, заглушаемую скрежетом старого кондиционера, но пот все равно ручейками стекает на пояс трико

фирмы «Адидас», собирается в ложбинке на спине и стекает между крутыми ягодицами. Она вновь пытается повторить движение, но даже бубенцы на щиколотках звучат словно свинцовые. Вчерашним вечером она прикоснулась к небесам. Сегодня утром — словно мертва. Никак не может сконцентрироваться, и хоть маленький мерзавец Пранх видит это, но все же со свистом рассекает воздух своей бамбуковой палкой и вместе с проклятиями брызжет комками изжеванного бетеля.

— Эй! Поменьше смотри на наладонник и побольше думай о мудрах! Нужны хорошие мудры! Да твое мастерство способно кастрировать меня, если б было что кастрировать.

Смутившись, что Пранх заметил ее состояние — *позвони, ну набери же меня, позвони, ну набери же меня, позвони, забери меня отсюда,* — Аша огрызается:

— Если у тебя вообще когда-то было то, что кастрировать. Пранх бьет ее палкой по ногам, голень полоснула жгучая боль.

— Чтоб тебя, *хиджра!* — Аша подхватывает лежащий на сумке с полотенцами завиток, крепит к уху и распускает длинные прямые волосы. Незачем переодеваться, она все равно вмиг вспотеет на такой жаре. — Я ушла.

Пранх ее не окрикнул. Слишком горд. «Маленький чокнутый извращенец, — думает Аша. — Почему это ньют всегда «оно» или модное нынче местоимение «эно», а бесплотный ИИ — «он»?» В преданиях Старого Дели джинн — всегда он.

— Мемсахиб Ратхор?

Шофер припаркованного автомобиля одет в костюм и ботинки. Только темные очки выдают то, что вообще-то он замечает палящее солнце. Да она даже в топике и трико готова расплавиться…

— В машине кондиционер, мемсахиб.

Белая кожа салона настолько прохладна, что Аша даже вздрагивает.

— Вас прислали явно не копы Кришны.

— Нет, мемсахиб.

Автомобиль вливается в поток машин. Как только защелкиваются замки безопасности, Ашу осенило: «О Господь Кришна, да они собрались похитить меня!»

— Кто тебя послал?

От водителя ее отделяет стекло, слишком толстое для ее кулачков. Даже если бы двери не были блокированы замком, выскочить из машины на такой скорости и при таком движении было бы слишком даже для ловкой танцовщицы с отличной координацией. Прожив всю свою жизнь в Дели, сейчас она не узнает ни улиц, ни предместий, ни промышленной зоны.

— Куда ты меня везешь?

— Мемсахиб, мне нельзя говорить, куда мы едем, ведь тогда я испорчу сюрприз. Но мне дозволено сказать, что вы — гостья Эй Джея Рао.

Когда Аша допивает бутылку «Кинли» из бара, наушник воспроизводит ее имя.

— Привет!

Поудобнее откинуться, поглубже утонуть в прохладной белой отличной коже сиденья, почувствовать себя кинозвездой. Она звезда. Звезда, у которой в машине есть чудный бар.

На сей раз только звук.

— Надеюсь, машина терпимая? — Все тот же приятный учтивый голос. Невозможно представить себе оппонента, который сможет на переговорах устоять перед таким голосом.

— Превосходная. Просто роскошная. Все отлично.

Теперь она проезжает мимо трущоб еще более жалких, чем те, в которых сама выросла. Они явно недавно тут появились. Хотя смотрятся похуже старых. Мальчишки пыхтят самодельным кальяном, который смастерили из частей трактора. Кремовый «лексус» осторожно объезжает истощенный скот, у которого сквозь кожу, словно некая инженерная конструкция, видны все кости наперечет. Всюду засуха и пыль. Это город настороженных взглядов.

— Разве вы не на конференции? В наушнике — смех.

— О, я весь погружен в работу, добываю воду для Бхарата, поверь мне. Кто, как не я, является самым усердным государственным служащим?

— Вы хотите сказать, что одновременно находитесь и там, и здесь?

— О, для нас не составляет труда быть в нескольких местах одновременно. Существуют мои многочисленные копии и подпрограммы.

— И которая из них истинный вы?

— Все. На самом деле ни одной из моих аватар в Дели нет, я распределен по серии дхарма-процессоров в Варанаси и Патне, — вздыхает он, и вздох звучит близко, утомленно и сердечно, словно шепот на ухо. — Тебе сложно осмыслить рассредоточенное сознание; точно так же мне трудно понять дискретное мобильное сознание. Я могу лишь копировать себя по так называемому вами киберпространству, являющемуся физической реальностью моей вселенной, вы же перемещаетесь через трехмерное пространство-время.

— Тогда какой же из вас любит меня? — Вопрос вырвался сам собой, сумасбродный и необдуманный. — Я хочу сказать, как

танцовщицу, это я имела в виду. — Она беспокоится, тараторит. — Есть ли один из вас, кто особенно почитает катхак? — Вежливыевежливые слова, которые можно было бы сказать промышленнику или подающему надежды адвокату на одном из отвратительных званых вечеров Ниты и Прии. «Не спеши, торопливые женщины никому не нравятся. Нынче ведь в мире заправляют мужчины». Но в голосе Эй Джея Рао она слышит ликование:

— Все и каждая отдельная часть меня, Аша. Ее имя. Он назвал ее по имени.

Она едет по гадкой улице, битком набитой бродячими собаками и мужчинами, праздно развалившимися на *чарпой*[43] раздирающими на себе струпья чесотки. Но шофер настаивает: «Едем как нужно, мемсахиб». Теперь за окном свалка с шаткими минаретами из старых покрышек. Воняет подгоревшим *ги*[44] и мочой. Дети окружили «лексус», но машина наделена уровнями защиты Эй Джея Рао. Водитель отпирает ворота из дерева и меди **в** стиле Моголов посреди разрушенной красной стены.

— Мемсахиб, — приглашает ее войти.

Через врата она проходит в сад, вернее, в то, что от него осталось. На устах замирает готовый сорваться возглас изумления. Каналы *чарбагха*[45] пересохли, в их растрескавшемся русле валяются оставшиеся от пикников пластиковые бутылки. Кусты чрезмерно разрослись, сорняки забили бордюрные растения. Трава побурела от засухи, нижние ветви деревьев обломаны на дрова. Пока она идет к павильону с провалившейся крышей в центре сада, где сходятся все дорожки и каналы, то замечает, что под тонкими подошвами ее босоножек совсем не осталось гравия: его унесло во время прошлых муссонов. Газоны покрыты сухими листьями и упавшими сучьями. Фонтаны высохли и забиты нечистотами. Но все же семьи приходят сюда на прогулку, катят перед собой коляски, дети играют в мяч. Престарелые мусульмане читают газеты и играют в шахматы.

— Сады Шалимара. — В основании черепа раздается голос Эй Джея Рао. — Рай упрятанного за стенами сада.

Пока он говорит, сад меняется на глазах, стряхивая с себя упадок двадцать первого века: деревья покрываются листвой, клумбы благоухают дивными цветами, ряды терракотовых горшков с геранью выстраиваются по берегам каналов, наполненных светлой водой. Ярусная крыша павильона сверкает сусальным золотом, павлины раскрывают роскошные хвосты, повсюду сверкают и журчат струи фонтанов. Смеющиеся семьи превратились в могольских вельмож, а старики — в *мали*, садовников, подметающих посыпанные гравием дорожки.

Услышав отдаленный серебряный перезвон струн ситара, Аша даже захлопала в ладоши от радости.

— О! — воскликнула она, оцепенев от восторга. — О!

— Благодарю тебя за доставленное мне вчера удовольствие. А это одно из моих самых излюбленных мест в Индии, хоть оно почти позабыто. Возможно, именно потому, что позабыто. Здесь в тысяча шестьсот пятьдесят восьмом году Аурангзеб взошел на трон Могольской империи, теперь же сюда приходят люди для вечернего моциона. Прошлое — моя страсть, и попасть туда мне совсем просто, как и всем бесплотным. Мы можем жить во скольких угодно эпохах. Часто я мысленно прихожу сюда. Или же, вернее, стоит сказать: сад приходит ко мне.

Словно на ветру затрепетали бьющие из фонтана струи воды, хотя никакого ветра не было и не могло быть этим душным полднем, потом падающие потоки слились в фигуру мужчины, выходящего из воды. Человек воды, мерцающий и текучий, превращается в человека из плоти. Эй Джей Рао. «Нет, — думает она, — вовсе не из плоти. Джинн. Существо, угодившее между адом и раем. Выдумка и обманщик. Так обмани же меня!»

— Как говорили древние поэты урду, — продолжает Эй Джей Рао, — рай, без сомнения, обнесен стеной.

Уже давно пробило четыре часа ночи, но Аше не спится. Нагая, бесстыдная, она лежит на кровати, лишь за ухом притаился завиток наушника. Окно распахнуто настежь, пыхтит, периодически судорожно всхлипывая, допотопный кондиционер. Ужасная ночь. Город задыхается. Даже звуки вечернего движения кажутся вымученными. Лежащий напротив наладонник мигает голубым глазом и шепчет ее имя: «Аша».

Прижав рукой ухо с завитком, она вскакивает на колени, на обнаженной коже капельками блестит пот.

— Это я, — шепчет она.

Нита и Прия в соседней комнате, за тоненькой стенкой.

— Знаю, сейчас очень поздно. Извини…

Она смотрит в противоположный конец комнаты, на наладонник.

— Ничего, я не спала. — Что-то не то с его голосом. — Что-то случилось?

— Наша миссия провалилась.

Все так же стоя на коленях, Аша замерла посреди старинной кровати. Пот ручейком струится вниз по ложбинке позвоночника.

— Конференция? Что? Что случилось? — шепчет она, а голос собеседника звучит у нее в голове:

— На одном пункте произошла осечка. Один малюсенький, незначительный пункт стал клином, разрушающим все до

основания. Авадх выстроит плотину в Кунда Кхадаре и оставит себе воды священного Ганга. Члены нашей делегации уже пакуют вещи. Утром отправимся в Варанаси.

Сердце Аши бешено бьется. Но она обзывает сама себя глупой, романтичной девицей. Да он уже в Варанаси ничуть не меньше, чем здесь или в Красном Форте, где помогает людскому начальству.

— Мне очень, очень жаль.

— Да, именно так. Был ли я излишне самоуверен?

— Люди всегда будут разочаровывать вас. Ироничный смех в ее голове.

— Весьма… абстрагированная мысль с твоей стороны, Аша. — Кажется, что ее имя канатом повисло в раскаленном воздухе. — Станцуешь для меня?

— Что, здесь? Сейчас?

— Да. Мне необходимо что-то… телесное. Физическое. Мне нужно увидеть, как движется тело, как сознание танцует сквозь пространство-время так, как я не могу. Мне нужно увидеть нечто прекрасное.

Нужно. Что-то требуется существу, наделенному могуществом божества. Но Аша внезапно смутилась, прикрыла руками свою маленькую упругую грудь.

— Музыка… — с запинкой бормочет она. — Я не могу танцевать без музыки…

Тени в углу спальни сгустились в трио музыкантов, склонившихся над *табла,*[46] *саранги*[47] и *бансури.*[48] Аша тихонько вскрикнула и застенчиво нырнула под покрывало. «Они тебя не видят; на самом деле они даже не существуют, ну разве только в твоем воображении. Впрочем, если бы они на самом деле были людьми из плоти и крови, они бы тоже едва ли тебя заметили: ведь они погружены в музыку». Таковы уж музыканты.

— На эту ночь я встроил в себя копию низших ИИ, — говорит Эй Джей Рао. — Композиционную систему уровня один и девять. Визуальные средства поддерживаю я.

— Вы можете присоединять и отсоединять свои составляющие? — удивляется Аша.

Барабанщик начинает отбивать медленный ритм на дайяне. Музыканты кивают друг другу. Сейчас начнут играть. Сложно убедить себя в том, что Нита и Прия их не услышат; не услышит никто, кроме нее. И Эй Джей Рао. Музыкант опустил смычок на струны *саронги,* другой извлек из *бансури* вереницу звуков. *Санджит,*[49] но какой-то необычный.

— Надо же, в самом деле играют!

— Композиция ИИ. Узнаешь ли ты ее?

— «Кришна и гопи[50]».

Классическая тема катхака: обольщение пастушек Кришной с помощью *бансури,* самого чувственного инструмента. Она знает этот танец и чувствует, как все тело жаждет пуститься в пляс.

— Так станцуешь?

И, с исполненной силы грацией тигра, сошла она с кровати на циновку и встала в фокусе наладонника. Прежде она была стеснительной, глупой и вела себя как девчонка. Но только не сейчас! Никогда раньше не было у нее такой публики. Великолепный джинн. В чистом жарком безмолвии она исполняет повороты, притопы и поклоны ста восьми пастушек, голые ноги слегка касаются сплетенных трав циновки. Руки выполняют *мудры,* выражение лица следует за витками древнего сказания, изображая изумление, застенчивость, интерес и возбуждение. По голому телу струится пот, но Аша не замечает этого. Движение и ночь — ее облачение. Время замедляет бег, над великим Дели дивным сводом замерли звезды. Она даже чувствует, как дышит планета под ее ногами. Вот для чего были все подъемы с рассветом, кровоточащие ноги, удары бамбуковой палки Пранха, все пропущенные дни рождения, украденное детство. Она танцует до тех пор, пока не стираются в кровь ступни о циновку и последняя капля воды в организме не обращается солью на коже, но она все еще остается с ритмом *табла,* сердце ее бьется в унисон с дайяном и байяном. Она — пастушка у реки, обольщенная богом. Не случайно именно этот сюжет выбрал Эй Джей Рао. Когда музыка стихает, а музыканты, поклонившись друг другу, растворяются золотистой пыльцой, Аша падает от усталости на краешек кровати, изнуренная как никогда.

Свет будит ее. Она липкая от пота, обнаженная и растерянная. Прислуга может застать ее в таком виде. Голова раскалывается. Воды. Воды алчут суставы, нервы и мускулы. Аша накидывает шелковый китайский халат. По дороге на кухню ей подмигивает пассивный соглядатай наладонник. Никаких эротических снов, никаких галлюцинаций. Да, для джинна она танцевала в собственной спальне танец «Кришна и сто восемь гопи». Сообщение. Номер телефона. «Можешь мне позвонить».

На протяжении истории восьми поколений Дели всегда бывали мужчины — почти всегда именно мужчины, — искушенные в знаниях о джиннах. Такие люди разбирались во всем многообразии их обличий, видели их истинную сущность в любом образе, который те принимали для маскировки, — осла, обезьяны, собаки или же коршуна. Они знали места обитания и сбора джиннов — особенно тех привлекают мечети — и знали, что тот необъяснимый жар за мечетью Джама Масджид как раз и

есть джинны, сгрудившиеся столь тесно и в таком преизрядном количестве, что, проходя через них, чувствуешь их огненную сущность. Самые мудрые из этих людей — и самые сильные — знали имена джиннов, могли их поймать и повелевать ими. Даже в прежней Индии, до раскола на Авадх, Бхарат, Раджпутан и Объединенные штаты Бенгалии, встречались могущественные святые, которые могли вызывать джиннов и перелетать на их спинах за одну ночь с одного конца Индостана на другой. В моем родном Лехе жил старый-престарый суфий, который изгнал из одного измученного проблемами дома сто восемь джиннов: двадцать семь из гостиной, двадцать семь из спальни и пятьдесят четыре из кухни. В доме скопилось такое количество джиннов, что людям там уже места не осталось. Прогнал он их с помощью горящего перца чили и йогурта и предупредил: «Не шутите с джиннами, потому что они ничего не делают бесплатно, и хотя до востребования обещанного могут пройти годы, но свое они непременно возьмут».

Теперь же за место в городе бьется новая раса бесплотных. Если джинны сотворены из огня, а люди — из глины, то искусственный интеллект — творения слова. Пятьдесят миллионов этих созданий кишат на делийских бульварах и площадях: регулируют движение, торгуют акциями, поддерживают обеспечение энергией и водой, отвечают на запросы, предсказывают судьбу, составляют календари и журналы, занимаются решением текущих вопросов в области медицины и юриспруденции, играют в сериалах, анализируют септиллион сообщений, ежесекундно струящихся по нервной системе Дели. Этот город — великая мантра. Начиная от роутеров[51] и роботов-ремонтников с интеллектом, который недалеко ушел от уровня животного (хотя у каждого зверя понятливости предостаточно, спросите любого орла или тигра), до изощренного уровня 2,9, представители которого 99,99 % времени неотличимы от людей. Они — молодая раса, активная, полная энтузиазма и настолько юная для этого мира, что еще не совсем осознала свое могущество.

С крыш и минаретов тревожно взирают на них джинны: отчего столь могущественные создания слепо служат глиняным творениям? В отличие от людей, джинны предвидят времена, когда бесплотные прогонят их из столь любимого ими города и займут их место.

Тема *дурбара* Ниты и Прии — самая популярная мыльная опера «Город и деревня», интерес к которой вовсе не ослабел после обострений отношений между Авадхом и Бхаратом. Мы будем отличненько возводить платину, несмотря на танки

Бхарата; пусть они клянчат воду, которая теперь наша, сколько угодно, и тут же: а что вы думаете о Веде Пракаше, разве не возмутительно то, что творит эта Риту Парваз? Некогда весь Авадх насмехался над сериалом и его зрителями, но теперь это неуместно, и Аниты Махапатры и Бегума Вора все мало. Некоторые все еще отказываются смотреть сериал, но зато покупают ежедневные краткие обзоры серий, чтобы на светских раутах вроде свадебного *дурбара* Ниты и Прии не выглядеть белой вороной.

А *дурбар* воистину великолепен, он последний перед муссоном — если сезон дождей, конечно, случится на этот год. Нита и Прия наняли лучших *бхати*[52] для обеспечения сигналов, улавливаемых наушниками гостей. Еще тут есть климат-контроль, натужно пытающийся охладить ночной зной. Аша чувствует, как его ультразвуковые колебания унылым гудением отдаются где-то за молярами.[53]

— Лично я считаю, что пот превращается в тебя, — говорит Эй Джей Рао, считывающий основные показатели жизненно важных функций организма Аши с наладонника.

Невидимый для всех, он движется подле нее через толпу гостей, превратившихся в персонажей сериала «Город и деревня». По традиции последний дурбар сезона становится балом-маскарадом. Среди представителей среднего класса современного Дели это означает то, что все надевают создаваемую компьютером личину персонажей мыльной оперы. На самом деле люди одеты по последнему слову моды, но внутреннему взору они представляются Апарной Чавлой и Аджаем Надьядвалой, лихим Говиндом и равнодушным доктором Чаттерджи. Здесь целых три Веда Пракаша и столько же Лалов Дарфансов — это актер-ИИ, который играет Веда Пракаша в созданном компьютером сериале. Даже парк при загородном доме жениха Ниты превратился в Брахмпур, вымышленный город, где разворачивается действие сериала. Когда же Нита и Прия решат, что приглашенные вдоволь натусовались в обличье киногероев, то подадут сигнал, и все гости снимут маски и вновь станут оптовиками, поставщиками и хозяевами контор программного обеспечения. Затем поисками невесты начнется свадебная программа. А пока, никем не узнаваемая, Аша может бродить в компании приятеля-джинна.

За последние недели она немало блуждала по раскаленным от зноя улицам и древним уголкам города, глядя на родной город глазами существа, живущего во многих местах и временах. В сикхской *гурдваре*[54] она видела Тегха Бахадура, девятого гуру, обезглавленного стражниками Аурангзеба. Безумное движение

вокруг Виджай Чук как-то раз превратилось в кавалькаду «бентли» лорда Маунтбаттена, последнего вице-короля Индии, когда он навсегда покидал свою колоссальную резиденцию. Однажды вокруг Кутуб Минара не осталось и следа от толпы туристов и продавцов сувениров, был 1193 год, когда муэдзины первых завоевателей-Моголов впервые выкрикнули *адхан*.[55] Иллюзии. Маленькая ложь. Но когда влюблен, кто же против? Любви все средства хороши. «Можешь ли ты читать мои мысли?» — спрашивает Аша, шагая подле своего невидимого провожатого среди толпы на улицах, которые с каждым днем становятся все менее шумными, менее реальными. «Знаешь ли, что я думаю о тебе, бесплотный Рао?» Мало-помалу она ускользает из мира людей в город джиннов.

У ворот шумиха. Мужчины, звезды сериала «Город и деревня», вьются вокруг женщины в расшитом блестками платье цвета слоновой кости. Весьма ловко устроено: она пришла в облике Яны Митра, самой-самой новоявленной и популярной певицы. А певицы, как и танцовщицы катхак, очень популярные личности, не важно, что у Яны лишь компьютерная аватара гостьи на *дурбаре*.

Эй Джей Рао рассмеялся:

— Если бы они только знали. Очень умно. Нет лучшей маскировки, чем быть самим собой. Она и в самом деле Яна Митра. Аша Ратхор, что случилось, куда ты пошла?

«Зачем ты спрашиваешь, — думает она. — Разве тебе не все известно? Например, что здесь так жарко и шумно, и от ультразвука моя голова просто раскалывается, и всем им есть дело только до одного: ты замужем? Ты помолвлена? Ты встречаешься? Лучше бы я не приходила сюда, лучше бы просто отправилась куда-нибудь с тобой, и этот темный уголок под кустами гулмохара укроет от всех этих глупых-глупых людей».

Нита и Прия знали, каков маскарадный костюм Аши, а потому громко окрикнули ее:

— Послушай, Аша, мы наконец познакомимся с твоим мужчиной или нет?

Он уже ждет ее среди золотистых цветков. Джинны перемещаются со скоростью мысли.

— Что такое, что случилось?.. Аша шепчет:

— Знаешь, порой мне так хочется, действительно очень хочется, чтобы ты принес мне какой-нибудь напиток.

— Ну конечно, я позову официанта.

— Нет! — Слишком громко. Подумают, что она с кустами разговаривает. — Нет, я имею в виду, чтобы ты дал мне его. Просто дал. — Но он не может и не сможет никогда. — Ты

знаешь, что я начала учиться танцевать в пять лет? Наверное, да, ведь ты все обо мне знаешь. Но уверена, что подробности тебе неизвестны: я играла с девочками, танцевала у пруда, когда к моей матери подошла пожилая женщина из *гхараны*[56] и пообещала ей сто тысяч рупий, если она отдаст свою дочь. Сказала, что сделает из меня танцовщицу и, возможно, если я приложу старания, обо мне услышит вся Индия. Мать спросила ту женщину, почему она выбрала именно меня. Знаешь, что та ответила? Потому что во мне она увидела врожденный талант к движениям, но в основном потому, что мать желала продать меня за *лакх*[57] рупий. Старуха принесла деньги и забрала меня в *гхарану*. Некогда она была великой танцовщицей, но потом заболела ревматизмом, не могла больше двигаться и потому постоянно пребывала в прескверном расположении духа. Она била меня, я вставала до рассвета и готовила для всех чай и яйца. Она заставляла меня тренироваться до тех пор, пока ступни не начинали кровоточить. Мои руки просовывали в петли и заставляли оттачивать *мудры,* после этого опустить их я могла лишь с истошным криком. С тех пор я ни разу не побывала дома — и знаешь что? Я ни разу не захотела там оказаться. И несмотря на все это, я постаралась и стала великой танцовщицей. И знаешь что? Никому нет дела до этого. Семнадцать лет я овладевала тем, на что всем наплевать. И стоит только появиться девчонке-певичке, сверкнуть зубками и продемонстрировать бюст…

— Ревнуешь? — мягко спросил Эй Джей Рао.

— А что, нельзя?

И тут на перчатке наладонника высвечивается надпись: «Ты моя Сония» — сигнал к завершению маскарада. В восхищении хлопая в ладоши и что-то напевая, Яна Митра с любопытством глядит на то, как окружающие ее великолепные звезды сериала превращаются в обычных бухгалтеров, инженеров и косметических микрохирургов, тают и исчезают розовые стены и сады на крышах и несметное количество звезд Старого Брахмпура.

Все толпятся вокруг знаменитости, и Ашей овладевает знакомое по детству в *гхаране* безумие. Ощутимый укол ревности, и она выхватывает у официанта бокал, стучит по нему, залезает на стол. По крайней мере замолкла та сучка-певичка. Все взгляды прикованы к ней.

— Леди и особенно джентльмены, хочу сделать объявление. — Кажется, даже город за противошумовой завесой затаил дыхание и ждет ее слов. — Я помолвлена и выхожу замуж! — Открытые от изумления рты. Охи-ахи. Вежливые аплодисменты и вопросы: «Кто она, не телезвезда ли она, может,

какая-то артистка?» Позади всех с округлившимися от изумления глазами застыли Нита и Прия. — Я очень-очень счастлива, потому что мой будущий муж сейчас находится здесь. На самом деле он весь вечер провел со мной. Ой, какая же я глупенькая. Ну конечно же, я совсем забыла, что не все могут его видеть. Любимый, ты не возражаешь? Джентльмены и леди, надеюсь, вы не против ненадолго надеть ваши наушники. Думаю, мой замечательный, замечательный жених не нуждается в представлении. — Эй Джей Рао!

И она поняла по глазам, округлившимся ртам, приглушенному шуму голосов, раздавшимся и стихшим аплодисментам, потом подхваченным Нитой и Прией и превратившимся в настоящие овации, что подле нее они увидели Рао, который накрыл ее руки своими. И видели они его таким же статным, элегантным и красивым, каким он представлялся ей самой.

Той певицы нигде не было видно.

Всю дорогу до дому, пока они ехали в *namnate*,[58] Рао был на редкость тих. И теперь, в доме, он тоже очень сдержан. В бунгало они вдвоем. Нита и Прия должны были бы уже давно приехать домой, но Аша знает, что они боятся ее.

— Ты какой-то тихий.

Кольца сигаретного дыма поднимаются вверх, к потолочному вентилятору, Аша выдувает их, лежа на кровати. Ей нравятся *биди:* она курит настоящие ядреные сигаретки, а не какую-то там продукцию знаменитых западных торговых марок.

— За нами следили, когда мы ехали с торжества. За твоим патпатом присматривал самолет ИИ. Система сетевого анализа вынюхивала в Сети моего роутера, пытаясь определить наш канал связи. Я точно знаю, что за нами следили камеры на улицах. А тот полицейский Кришны, что посадил тебя в машину в Красном Форте, маячил в конце улицы. Не скажешь, что он профессионал своего дела.

Аша подходит к окну, чтобы увидеть копа Кришны, окрикнуть и потребовать ответа на вопрос, что он себе позволяет и что тут делает.

— Он давно ушел, — говорит Рао. — Ты уже некоторое время находишься под облегченной системой наблюдения. Думаю, сегодняшнее заявление повысит твой рейтинг.

— Они были там?

— Как я уже сказал…

— Облегченная система наблюдения.

Пугающее, но волнительное чувство поселилось глубоко в *муладхара-чакре*,[59] над *йони*[60] красная пульсация. Тот же

прилив красного безумия, заставивший ее сболтнуть о предстоящем браке. И это чувство нарастает столь быстро, оно всеобъемлюще. И нет дороги назад.

— Ты не дала мне возможности ответить, — говорит бестелесный Рао.

«Ты можешь читать мои мысли?» — посылает мысленный вопрос Аша.

— Нет, но некоторые операционные протоколы у меня общие с теми ИИ, которые пишут сценарий к мылу «Город и деревня», — в некотором смысле они часть меня низшего порядка, — а они сделались весьма неплохими предсказателями поведения человека.

— Действительно, чем я отличаюсь от сериала?

Аша откидывается на кровати и смеется, смеется, смеется, ей уже дурно от смеха и хочется перестать, каждый новый всплеск хохота — удушье, ложь, плевок в те ухищрения шпионов под медлительные повороты вентилятора на потолке, перемешивающего жару, включающие громадные тепловые излучения, которые изгоняются из колоссального теплового купола Дели, заговор джиннов.

— Аша, — зовет ее Эй Джей Рао, и он ближе, чем когда-либо. — Полежи спокойно.

Она мысленно задает вопрос: «Почему?» И слышит раздающийся в голове шепот «Ш-ш-ш, не разговаривай». В то же мгновение словно желток накаляется и взрывается чакра, посылая жар в *йони.*

— О, — восклицает Аша, — о! — И клитор словно поет. — О-о-о-о! Как?..

И опять раздается голос, заполняет всю голову, каждую клеточку тела — ш-ш-ш. Что-то нарастает в ней, нужно что-то сделать, ей хочется двигаться, потереться о согретую дневным зноем кровать, надо завести руку вниз и сильно, сильно, сильно…

— Нет, не прикасайся, — останавливает Эй Джей Рао, и вот она уже не может шелохнуться.

Ей нужно взорваться, она должна взорваться. Череп просто не вынесет этого. Крепкие мускулы танцовщицы напряжены до предела. Больше она не вынесет, *нет, нет, нет, да, да, да!*.. Теперь она вскрикивает, колотит кулачками по кровати, но это только спазмы, ничто ей не подчиняется. И вот накатывает взрыв и следом другой, громадные медленные взрывы на небесах, и Аша проклинает и благословляет каждого индийского бога. Теперь идет на убыль, но все еще толчок следует за толчком, один за другим. Слабеет… Слабеет.

— О-о-о. О. Что? О боже, как?

— Устройство, которое ты носишь за ухом, может добраться глубже, чем слова и видения, — говорит Эй Джей Рао. — Ну что, ты получила ответ?

— Что?

Кровать промокла от пота. Вся она липкая, надо пойти принять душ, переодеться, хотя бы шелохнуться, но ее все настигают отголоски того дивного чувства. Неимоверно прекрасные, прекрасные цвета.

— Вопрос, на который ты так и не дала мне возможности ответить. Да. Я женюсь на тебе.

— Глупая, ничтожная девчонка, да ты даже не знаешь, какой он касты.

Мата Мадхури курит восемьдесят сигарет в день через пластиковую трубку, крючком проходящую в горло старухи сквозь аппарат искусственного дыхания. Зараз она выкуривает три штуки. «Проклятая машина отфильтровывает все самое приятное, — объясняет она. — Последнее оставшееся на мою долю удовольствие». Раньше она подкупала сиделок, но теперь они сами приносят старухе сигареты из страха перед ее характером, который становится все более и более мерзким по мере того, как тело постепенно сдается на милость машин.

Не дожидаясь ответа Аши, старуха резко разворачивает кресло жизнеобеспечения и выкатывает в сад:

— Не могу курить взаперти, нужен свежий воздух.

Аша идет вслед за ней на ровную, засыпанную гравием площадку классического *чарбагхи.*

— Больше никто не женится в соответствии с кастой.

— Не умничай, глупая девчонка. Да это все равно что выйти замуж за мусульманина или даже христианина, прости господи. Господь Кришна, защити меня! Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты собралась стать женой несуществующего на самом деле человека.

— Девушки помоложе меня выходят замуж за деревья и даже собак.

— Ах, как умно! В жуткой дыре вроде Бихара или Раджпутаны, или где там еще, они даже считаются богами. Каждый дурак это знает. Ах, прекрати немедленно! — ругается старая развалина на приставленный к ее креслу ИИ, который раскрывает зонтик от солнца. — Солнце, мне нужно солнце, я и так скоро сгорю, причем на костре из сандалового дерева, слышишь? Мой погребальный костер будет из сандала. Если ты поскупишься на сандал, я непременно узнаю об этом.

Мадхури, старая, искалеченная болезнью учительница танцев, по обыкновению, так заканчивает неприятный ей

разговор: «Когда меня не станет… устрой мне достойный погребальный костер…»

— Что такого может сделать бог, что не под силу Эй Джею Рао?

— Ай! Негодная девчонка, как смеешь святотатствовать? Я не желаю слушать твои бредни, разве ты еще не замолчала?

Раз в неделю Аша приходит в дом престарелых навестить то, что осталось от женщины, погубившей себя нечеловеческими нагрузками, предъявляемыми танцовщицей к человеческому телу. Созерцая длительное разрушение организма старухи на пути к смерти, она испытывала вину-нужду-ярость-негодование-гнев-удовольствие, потому и являлась сюда. К своей единственной матери.

— Если ты посмеешь выйти замуж за это… нечто… то сделаешь ошибку, которая разрушит всю твою жизнь, — заявляет Мадхури и быстро удаляется по дорожке между каналами.

— Не нужно мне твоего разрешения! — кричит ей вслед Аша. Кресло Мадхури разворачивается вокруг своей оси.

— Да что ты? Не лги. Тебе нужно мое благословение. Но ты его не получишь. Не желаю иметь с твоим сумасбродством ничего общего.

— Я выйду замуж за Эй Джея Рао.

— Что ты сказала?

— Я. Выйду. Замуж. За. ИИ. Эй Джея Рао.

Мадхури смеется предсмертным пронзительным смехом, полным дыма *биди.*

— Тебе почти что удалось меня удивить. Бросить вызов. Хорошо, хоть какая-то сила духа проявилась. Всегда это было твоим слабым местом, ты постоянно искала одобрения, ждала разрешения, нуждалась во всеобщей любви. Именно поэтому ты не стала великой, ты знаешь это, девочка? Ты могла бы стать *деви*,[61] но всегда мешкала, потому что боялась неодобрения. Поэтому стала всего лишь… хороша.

Внимание пациентов, персонала и посетителей приковано к ним. Повышенные тона, накал страстей. Но ведь здесь дом спокойствия и медленного механизированного угасания. Аша низко склоняется к наставнице и шепчет:

— Я хочу, чтобы ты знала: я танцую для него. Каждую ночь. Как Радха[62] для Кришны. Я танцую для него одного, а потом он занимается со мною любовью. Он заставляет меня кричать, это от страсти я кричу и ругаюсь, словно проститутка. Каждую ночь. Погляди! — Теперь ему уже не надо звонить: он вмонтирован в завиток наушника, который Аша постоянно носит, не снимая. Аша поднимает взгляд: вон он, в строгом черном костюме стоит,

сложив на груди руки, среди прогуливающихся посетителей и жужжащих инвалидных колясок. — Вон он, видишь? Мой возлюбленный, мой муж.

Протяжный жуткий вопль, словно скрежет поломанного механизма. Иссушенные руки Мадхури взлетают к лицу. Дыхательная трубка заполнена табачным дымом.

— Чудовище! Чудовище! Несносное дитя, ах, лучше бы я оставила тебя в том змеюшнике! Прочь отсюда, прочь, прочь, прочь!

Аша попятилась от безумной ярости старухи, а медперсонал уже спешил через палящий зной лужайки к ней навстречу: колыхание белых сари.

В каждой сказке непременно должна быть свадьба.

Конечно же, эта свадьба стала событием сезона. Обветшавшие сады Шалимар с помощью целой армии *моли* превратились в дивный, зеленеющий и основательно политый сад из фантазии махараджи — со слонами, павильонами, музыкантами, всадниками, кинозвездами и роботами-барменами. Нита и Прия в потрясающих туалетах ужасно неуютно чувствовали себя в роли подружек невесты; чтобы благословить союз женщины и искусственного интеллекта, наняли великого брахмана. Каждый телеканал послал своих репортеров: людей и ИИ. Блестящие распорядители отмечали новоприбывших и уходящих гостей. Толпы папарацци мечтали сделать снимки. Несмотря на натянутые отношения между двумя странами, с тех пор как бульдозеры Авадха сгребали пески Ганга для постройки земляного вала, прибыли даже политики из Бхарата. Но в основном собрались люди страны-захватчицы, теснящиеся на дорожках между охранниками и вопрошающие: «Она выходит замуж за что? И какой в этом смысл? А что дети? И кто она, собственно? Ты что-нибудь видишь? Я ничего не вижу. Разве есть на что смотреть?»

Но гости и знаменитости были оснащены наушниками и аплодировали жениху в золотом одеянии, сидящему верхом на белом жеребце, выступающем по разровненным граблями дорожкам с изяществом отлично выезженного коня. И потому как гости были известные и званые, никто из них не сказал, что *там никого нет,* хотя бесплатное французское шампанское от известного сомелье лилось рекой. Никто даже вовсе не удивился, когда после отъезда невесты в длинном лимузине послышался сухой разреженный гром, и сошлись тучи, и знойный ветер разметал по дорожкам карточки приглашений; все заторопились к своим машинам.

Все газеты кричали об этом.

Звезда катхака сочеталась браком с возлюбленным-ИИ!!! Медовый месяц в Кашмире!!!

Над площадями и минаретами Дели джинны сошлись на совещание.

Он уводит ее из галереи «Туглук», куда Аша пришла за покупками. Прошло три недели, но продавщицы все еще кивали на нее друг дружке и перешептывались. И это ей нравилось. Но совсем не пришлось по душе, как они глазели на нее и хихикали, когда полицейские Кришны увели ее от прилавка японской фирмы «Черный лотос».

— Мой муж — аккредитованный дипломат, и это — дипломатический инцидент.

Женщина в скверном костюме аккуратно подталкивает ее, заставляя сесть в машину. Министерству не нужны претензии о личной ответственности.

— Конечно, но вы-то не дипломат, госпожа Рао, — говорит Тхакер и устраивается рядом с ней на заднем сиденье. От него по-прежнему несет дешевым одеколоном.

— Ратхор, — поправляет Аша. — Я сохранила свое сценическое имя. Посмотрим, что скажет мой муж о моем дипломатическом статусе. — Она поднимает руку и делает *мудру,* чтобы поговорить с Эй Джеем, как теперь называет его. Тишина. Она вновь повторяет движение.

— Машина экранирована, — объясняет Тхакер.

Как и все здание, куда ее везут. По наклонному съезду машина въезжает прямо внутрь и останавливается на парковке в цокольном этаже ничем не примечательного сооружения из зеркальных панелей и титановых блоков на улице Парламента, мимо которого она тысячи раз проезжала по дороге в магазины на площади Коннахта и ни разу не обращала на него внимания. Офис Тхакера находится на пятнадцатом этаже. Помещение весьма опрятное, и вид на древнюю астрономическую обсерваторию Джантар Мантар прекрасный, только едой пахнет: на столе недоеденный *тиффин*.[63] Аша смотрит на фотографии, наверное, на них дети и жена. Но на снимках только сам Тхакер, в отглаженных белых брюках перед крикетным матчем.

— Чай?

— Пожалуйста.

Ее начинает раздражать безликость здания госслужбы: город в городе. Теплый и сладкий чай принесли в маленькой одноразовой пластиковой чашке. Улыбка Тхакера с виду тоже теплая и сладкая. Он сидит в конце стола, повернувшись к ней, и словно сошел с иллюстрации руководства по поведению для копов Кришны под названием «политика неконфронтации».

— Госпожа Ратхор. Так?

— Мой брак заключен законно…

— О, я знаю, госпожа Ратхор. В конце концов, мы живем в Авадхе. Ну что ж, женщины порой даже выходили замуж за джиннов, и на нашей памяти тоже. Я не об этом. Речь идет о международных отношениях. Объясню. Вода: мы принимаем ее как должное, пока она есть, так? То есть пока не иссякла.

— Всем известно, что мой муж все еще пытается договориться о решении проблемы Кунда Кхадара.

— Да, конечно. — Тхакер берет со стола конверт из оберточной бумаги, заглядывает в него с жеманным выражением лица. — Как же тогда быть с этим? Госпожа Ратхор, рассказывает ли вам муж о своей работе?

— Данный вопрос неуместен…

— Да-да, простите, но потрудитесь взглянуть на эти фотографии.

Большие глянцевые снимки хорошего разрешения, гладкие, только что отпечатанные и потому сладковато пахнущие. На аэроснимках лента сине-зеленой воды, белые пески, рассеянные непонятные фигуры.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Допускаю, так оно и есть. На этих снимках, выполненных беспилотными летательными аппаратами, мы видим боевые танки, роботов-разведчиков и зенитные батареи, нацеленные на сооружения в Кунда Кхадаре.

Такое чувство, что под ней провалился пол и она летит в такую бескрайнюю пустоту, что ощущает лишь чувство падения.

— Мы с мужем работу не обсуждаем.

— Конечно же. Ой, госпожа Ратхор, вы раздавили чашечку. Позвольте принести вам другую.

Тхакер отсутствует намного дольше, нежели требуется на то, чтобы взять на кухне чай. Возвратившись, он небрежно задает вопрос:

— Приходилось ли вам слышать об Акте Гамильтона? Ах, простите, я думал, что в вашем положении вы непременно… очевидно, я ошибся. В сущности, это серия международных соглашений, разработанных в Соединенных Штатах, ограничивающих разработку и распространение искусственных интеллектов высокого уровня, точнее сказать, гипотетических интеллектов третьего поколения. Нет? И об этом он вам не говорил?

Одетая в итальянский костюм госпожа Ратхор скрещивает тонкие лодыжки и думает, что этот умник здесь может делать все, что хочет, просто абсолютно все.

— Как вы, вероятно, знаете, мы классифицируем и лицензируем ИИ по уровням в соответствии с их возможностями действовать наподобие людей. Уровень один обладает базовым интеллектом животных, достаточным для выполнения определенных задач, таких никогда не спутать с человеком. Многие из них даже не могут говорить. Впрочем, от них этого и не требуется. Представители уровня два и девять, такие как ваш муж, — на этом слове он ускоряется и словно пролетает его — так колесо «Шатабди Экспресса» постукивает по стыковому зазору между рельсами, — человекоподобны с расхождением до пяти процентилей.[64] Поколение три в любых обстоятельствах неотличимо от человека — фактически их интеллект может превосходить наш собственный во много миллионов раз, если только есть способ его замерить. Теоретически мы даже не можем осознать столь великий разум, мы лишь увидим интерфейс поколения три, так сказать. Акт Гамильтона призван контролировать технологии, которые могут дать толчок развитию ИИ третьего поколения. Госпожа Ратхор, мы действительно полагаем, что поколение три представляет собой большую угрозу нашей безопасности — как нации, так и всему человеческому роду в целом, — не сравнимую ни с какой другой опасностью.

— Что же мой муж? — Такое добротное, комфортное слово. Искренность Тхакера пугает ее.

— Правительство готовится к подписанию Акта Гамильтона взамен кредитных поручительств на сооружение плотины в Кунда Кхадаре. Когда Акт будет ратифицирован — а это стоит на повестке дня текущей сессии Лок Сахба, — все то, что ниже уровня два и восемь, будет подлежать строжайшему освидетельствованию и лицензированию под нашим надзором.

— А что же с уровнем выше два и восемь?

— Признают нелегальным, госпожа Ратхор. Их надлежит безжалостно уничтожать.

Аша скрещивает и распрямляет ноги. Ее ответа Тхакер будет ждать вечно.

— Чего вы от меня хотите?

— Эй Джей Рао занимает в администрации Бхарата высокий пост.

— Вы просите меня шпионить… за искусственным интеллектом.

По лицу собеседника она поняла, что тот явно ожидал услышать слово *муж*.

— В нашем распоряжении приборы, сигналы… Они вне уровня сознания ИИ Рао. Можно вживить устройство в ваш наушник. Не все в департаменте неумелые тугодумы. Подойдите

к окну, госпожа Ратхор.

Аша слегка касается пальцами прохладного стекла — поляризованный сумрак против ясного дня. Над смогом атмосферной дымки пышет зной. Она с криком в страхе падает на колени. Небеса полны богов, выстроившихся рядами согласно положению: ряд над рядом, ярус над ярусом возносятся они над Дели по грандиозной спирали, громадной, как облака, как страны, а с наивысшей точки, словно склонившиеся луны, на них взирает тримурти, индуистская троица: Брахма, Вишну и Шива. Пред ней предстала ее собственная «Рамаяна»,[65] колоссальный ведический боевой порядок выстроившихся в тропосфере богов.

Тхакер помогает ей подняться на ноги.

— Простите меня, я позволил себе глупость и непрофессионализм. Хотел порисоваться и произвести впечатление имеющейся в нашем распоряжении системой бесплотных.

Рука Тхакера поддерживает ее дольше, чем позволяют приличия. И боги внезапно исчезли.

— Мистер Тхакер, — говорит Аша, — вы хотите поместить передатчик в моей спальне, в моей постели, между мной и мужем?

Именно это вы предлагаете сделать, внедрившись в каналы между мной и Эй Джеем.

Но рука Тхакера все еще поддерживает Ашу, пока он ведет ее к креслу, усаживает и предлагает холодной воды.

— Я ведь только спросил, и мною движет желание действовать в интересах страны. Я горжусь своей работой. Когда дело касается безопасности нации, все средства хороши. Вы меня понимаете?

Аша напускает на себя самообладание танцовщицы, оправляет платье, смотрится в зеркальце.

— Тогда наилучшее, что вы можете сделать, — прислать мне автомобиль.

Этим вечером она, словно язычок пламени между сумеречных колонн, кружится под звуки *табла* и *шехнаи*[66] по нагретому за день мрамору Диван-и-Аама, дворца джайпурских правителей. Замершие зрители едва осмеливаются дышать. Среди адвокатов, политиков, журналистов, звезд крикета, индустриальных магнатов замерли менеджеры, превратившие дворец раджпутов[67] в отель мирового уровня, и знаменитости. Нет никого, кто мог бы сравниться известностью с Ашей Ратхор. Теперь Пранх может отбирать только самые заманчивые приглашения. Ведь она нечто большее, чем восьмое чудо света. Аша знает, что все восхищенные зрители не забыли надеть

наушник в надежде хоть мельком узреть ее мужа-джинна, танцующего с ней меж теней колонн.

Позже, когда Пранх несет в апартаменты Аши полные охапки цветов, он говорит:

— Знаешь, я хотел бы поговорить с тобой о повышении комиссионного вознаграждения.

— Ты не посмеешь, — шутит Аша и видит испуг на лице ньюта. Выражение мелькнуло и пропало. Но он боится.

Когда Аша вернулась с озера Дал, оказалось, что Нита и Прия переехали. Они не отвечали на звонки. В последний раз Аша навещала Мадхури семь недель назад.

Обнаженная, она раскинулась на подушках *джарока* — настоящего произведения искусства с филигранной резьбой по камню. Через решетку крытого балкона она смотрит, как разъезжаются гости. Отсюда легко наблюдать за происходящим, не видимой никому, словно пленница в старинной *зенана*.[68] Сокрыта от мира.

Отлучена от плоти человека. Она встает, прижимается к хранящему дневное тепло камню; касается его сосками и лобком. «Видишь ли ты меня, ощущаешь ли мой запах, чувствуешь ли меня, знаешь, что я сейчас здесь?»

Вот он. Ей даже необязательно видеть его, она ощущает его присутствие по волнующему покалыванию внутри головы. Он является сидящим на низкой резной кровати тикового дерева. «Ведь он запросто мог появиться прямо в воздухе перед балконом», — думает Аша.

— Похоже на то, что ты расстроена, сердечко.

В этом помещении он слеп, здесь нет глазков камер, направленных на ее украшенную драгоценностями кожу, но он видит ее дюжиной чувств, мириадами обратных связей через ее наушник.

— Я устала, я раздосадована, я танцевала хуже, чем могла бы.

— Да, мне тоже так показалось. Может, на танце отразилось посещение копов Кришны?

Сердце стучит что есть силы. Он может считывать ее сердцебиение. Пот. Уровень адреналина и норадреналина в мозгу. Если она солжет, он узнает. Необходимо сокрыть ложь в правде.

— Скорее следовало бы сказать, что я беспокоюсь. — Стыда он понять не может. Странно, и это в обществе, где люди умирают от жажды уважения. — Нас ждут неприятности, существует некий Акт Гамильтона.

— Знаю, — смеется он. Теперь у него получается делать так в ее голове. Ему кажется, что ей нравится близость и по-

настоящему приятная шутка. Но она этого терпеть не может. — Отлично знаю.

— Они хотели предупредить меня. Нас.

— Очень мило с их стороны. Я — представитель правительства другой страны. Так вот почему они следят за тобой. Чтобы удостовериться, что с тобой все в порядке.

— Они думали, что смогут использовать меня, дабы получать информацию от тебя.

— Неужели?

Ночь настолько тихая, что Аша слышит побрякивание сбруи слонов и крики *махоутов*[69], отвозящих последних гостей по длинной подъездной аллее до ожидающих их лимузинов. С далекой кухни доносится бормотание радио.

«А теперь посмотрим, насколько ты человечен. Выведем на чистую воду». Наконец Эй Джей Рао говорит:

— Конечно. Я действительно люблю тебя. — Он заглядывает ей в глаза. — У меня для тебя кое-что есть.

Устанавливая устройство на белом мраморном полу, служащие в смущении отворачиваются, а потом пятятся, отводя взгляды. Ей что за дело? Она звезда. Эй Джей Рао поднимает руку, и огни медленно гаснут. Ажурные светильники посылают в прекрасную комнату зенана мягкие звезды. Прибор, размером и формой напоминающий шину от *namnama,* состоящий из хрома и пластика, странно смотрится во дворце Моголов. Ступая по мрамору, Аша подходит к устройству, и гладкая белая поверхность пузырится и превращается в пыль. Аша медлит.

— Не бойся, посмотри! — говорит Эй Джей Рао.

Словно пар из бурлящей кастрюльки с рисом, поднимается порошок, потом пыльцой закручивается в крошечного пылевого дервиша, раскачивающегося на поверхности диска.

— Сними завиток! — радостно восклицает с кровати Рао. Сними.

Дважды колеблется Аша, трижды подбадривает ее Рао. Наконец она снимает пластиковый завиток, свернувшийся за ухом, и тут же исчезают и голос, и мужчина. Высоко вздымается столб мерцающей пыли, раскачивается, словно дерево в сезон дождей, и сворачивается в призрачные очертания человека. Вспыхивает раз и другой, и вот перед ней Эй Джей Рао. Раздается шум, похожий одновременно на шипение змеи и завывание ветра, и неведомое воплощение зовет ее по имени:

— Аша.

Шепот пыли. По коже пробегает нервная дрожь древнего ужаса и замирает где-то в глубине костей.

— Что это… что ты?.. Пылевой столб обретает улыбку.

— Я — пыль. Мое тело состоит из микророботов. Каждый из них меньше песчинки, но они управляют статическими полями и светом. Прикоснись ко мне. Все реально. Это я.

Но она, наоборот, подается назад. Рао хмурится:

— Потрогай меня…

Аша протягивает руку и касается его груди. Он — создание из песка, и воздушные вихри постоянно овевают силуэт мужчины. Она прикасается к нему — рука проникает в тело. Ее вскрик обращается пугливым смехом:

— Щекотно…

— Электростатические поля.

— А что внутри?

— Почему бы тебе не полюбопытствовать?

— Что?

— Я могу предложить тебе только такую близость… — Он видит, как широко раскрылись ее подведенные глаза. — Думаю, стоит попробовать.

Аша до последнего момента не закрывает глаза, пока оформленная пыль, испещренная крапинками, словно неисправный телевизор, не приближается к ней вплотную. На ощупь тело Эй Джей Рао подобно наитончайшей шелковой шали из Варанаси, накинутой на ее обнаженную кожу. Вот Аша внутри его. Она внутри своего мужа, своего возлюбленного. Она осмелилась открыть глаза. Лицо Рао — полая раковина — в нескольких миллиметрах и обращено к ней. Аша шевелит губами и чувствует, как к ним прижимаются роботы-крупинки его губ: ответный поцелуй.

— Сердце мое, моя Радха, — шепчет полая маска Эй Джей Рао.

В глубине души Аша знает, что по идее должна бы вскрикивать. Но не может: сейчас она находится там, где прежде не бывал ни один человек. Вот вращающиеся потоки микророботов прикасаются к ее бедрам, животу, ягодицам. Груди. Соскам, лицу и шее — везде, где ей хотелось бы почувствовать прикосновение возлюбленного. Они ласкают ее, принуждают опуститься на колени и вторят ее движениям так же, как роботы размером с песчинку следуют указаниям Рао, поглощают ее его телом.

Сперва гупшуп,[70] затем искусственный интеллект Чандни Чоук, а в двенадцать тридцать фотосессия в гостинице, если не возражаете, — для субботнего специального выпуска журнала; вы не против, если пошлем робота, они покажут места съемки и сделают все в лучшем виде, и могли бы вы одеться как для открытия, может, всего одно-два движения между колоннами

Дивана, как на гала-открытии, хорошо, прекрасно, прекрасно, прекрасно, наверное, ваш муж сможет предоставить нам парочку аватар, и наши собственные ИИ смогут представить его. Люди хотят видеть вас вместе, счастливая пара, замечательная пара, танцовщица и международный дипломат, брак между мирами, какая романтика! Так как вы встретились? Что привлекло вас сначала? Каково быть замужем за бесплотным? Как к вам относятся другие девушки, а как обстоит дело с детьми, то есть, конечно, женщина и искусственный интеллект — но в наши дни существуют такие технологии, генная инженерия. Как все эти супер-пупер богатеи программируют себе детей. И вы теперь знаменитость, и как вам это нравится? Резкий взлет к славе, в каждой колонке гупшупа, звезда мирового масштаба — все о вас говорят, только и разговоров что о вас, и всякие вечеринки! И пока Аша шестой раз отвечает на одни и те же вопросы девушки-репортера с глазами газели: «О, мы очень счастливы, чудо как счастливы, замечательно счастливы, вне себя от радости. Любовь — это такое прекрасное-прекрасное чувство, и в этом все дело, она для чего угодно, для кого угодно, даже для человека и бесплотного, это наичистейшая любовь, духовная любовь», рот ее открывается и закрывается — бла-бла-бла, но внутренний взгляд, око Шивы,[71] обращен внутрь, в себя.

Рот открывается и закрывается.

Вот она на огромной могольской кровати из плодового дерева, желтый утренний свет проникает через узорчатую резьбу *джарока,* в прохладе кондиционера нагая кожа покрылась мурашками. Танцующая меж двух миров: сон, бодрствование в спальне отеля, воспоминания о том, что он ночью делал с ее лимбическими центрами, от чего она была готова петь, как бюльбюль,[72] мир джиннов. Обнаженная, лишь за ухом пластиковый завиток. Она стала похожа на тех людей, что не могут сделать операцию и вынуждены носить очки, выучившись одновременно не обращать внимания и пользоваться оптическим приборчиком на лице. Даже если она иногда снимала завиток — на время выступления или вот как сейчас, например когда шла в душ, — то все равно чувствовала присутствие Эй Джея Рао и ощущала его телесность. В огромной ванной комнате номера люкс для высокопоставленных особ, наслаждаясь потоками драгоценной воды, она знала, что Эй Джей сидит на резном стуле на балконе. Поэтому, включив панель телевизора (ванная с телевизором, ух ты!), чтобы не скучать, пока вытирает волосы, ее первым порывом было удостовериться, что наушник лежит на туалетном столике у раковины, когда она увидела транслируемую из Варанаси пресс-конференцию, где советник по

делам водных ресурсов Эй Джей Рао объяснял необходимость военных маневров армии Бхарата в окрестностях плотины Кунда Кхадара. Аша надела наушник и заглянула в комнату. Вот он, на стуле, как она и чувствовала. Вот он, в студии Бхарат Сабха в Варанаси, обращается к жителям страны в программе новостей «Доброе утро, Авадх!».

Аша смотрит на них двоих и медленно вытирается в смятении. Она чувствовала себя яркой, чувственной, богоподобной. Теперь же она была плотской, неловкой, бестолковой. Холодны капельки воды на коже, холоден воздух в огромной комнате.

— Эй, Джей, это и правда ты? Хмурится:

— Весьма странный вопрос вместо приветствия с утра. Особенно после…

Его улыбка утонула в ледяном холоде Аши.

— Тут в ванной телевизор. А в телевизоре — ты, вещаешь в новостях. Прямая трансляция. Итак, ты правда здесь?

— Родная, *чо чвит,* ты знаешь, кто *я,* — рассредоточенная сущность. Я воспроизвожу себя повсеместно. Я полностью там и всецело здесь.

Аша завернулась в огромное мягчайшее полотенце.

— Этой ночью, когда ты был здесь и воплотился в тело, и потом, когда мы были в постели, был ли ты здесь со мной? Всецело именно здесь? Или же одна твоя копия работала над докладом, а другая участвовала во встрече на высоком уровне, а еще одна писала план поставок воды в случае чрезвычайной ситуации и еще одна беседовала с бенгальцем в Дхаке?[73]

— Любовь моя, разве это имеет значение?

— Да, имеет! — Она заметила, что на глаза навернулись слезы, и это не все: в горле клокотала ярость. — Имеет значение для меня. Для любой женщины. Для любого… человека.

— Миссис Рао, с вами все в порядке?

— Ратхор, моя фамилия Ратхор! — Аша слышит, как кричит на маленькую дурочку-репортера. Она встает с дивной грацией великолепной танцовщицы. — Интервью закончено.

— Миссис Ратхор, миссис Ратхор, — испуганно зовет ее девочка-журналистка.

Глядя на свое раздробленное в тысяче зеркал Шиш Махала отражение, Аша замечает в крохотных морщинках лица мерцающую пыль.

В тысяче сказок говорится о самодурстве и непостоянстве джиннов. Но на каждую историю о джиннах придется тысяча сюжетов о человеческих страстях и зависти, а ИИ, стоящие между людьми и джиннами, учатся от тех и других. Ревность и

лицемерие.

Когда Аша шла к Тхакеру, копу Кришны, то говорила себе, что ею движет страх перед Актом Гамильтона и влиянием его на мужа ввиду грядущей чистки во благо нации. Но она лукавила. Движимая ревностью, шла она в обращенный окнами на обсерваторию Джантар Мантар кабинет в здании на улице Парламента. Если женщина хочет своего мужа, то обязательно должна властвовать над ним безраздельно. Об этом повествуют десять тысяч историй. Если одна копия мужа находится в спальне, тогда как другая занимается политикой, — это неверность. Если жена обладает не всем, значит, у нее нет ничего. Поэтому, когда Аша отправилась в кабинет Тхакера с намерением предать, разжала над столом ладошку и служащие внедрили в ее устройство секретное программное обеспечение, она думала: «Вот так, я поступаю правильно, теперь мы квиты». И когда Тхакер попросил ее вновь встретиться с ним на неделе, чтобы обновить программу — потому что в отличие от джиннов, заложников вечности, компоненты программного обеспечения по обе стороны военных баррикад постоянно совершенствуются, — себе он говорил, что им движут служба и преданность стране. Тут он тоже лицемерил. В его случае движущей силой было очарование.

Роботы-бульдозеры начали расчистку места под плотину в тот самый день, когда инспектор Тхакер намекнул, что, возможно, на следующей неделе им нужно будет встретиться в его любимой «Интернациональной кофейне» на площади Коннахт. Она сказала: «Мой муж увидит». На это Тхакер ответил: «Мы найдем способ лишить его зрения». Но все равно она спряталась от любопытных глаз в дальнем, самом темном углу, под экраном, по которому транслировался международный матч по крикету, отключила и убрала в сумочку наушник.

«Так что же вы узнали?» — спросила она. «Посвятить вас в это — значит превысить мои полномочия, госпожа Ратхор», — ответствовал полицейский Кришны. Безопасность нации. Официант принес кофе на серебряном подносе.

С тех пор они больше никогда не встречались в офисе. Вместе они колесили по городу в правительственном автомобиле, Тхакер возил ее на Чандни Чоук, на могилу Гамаюна,[74] к Кутуб Минар[75] и даже в сады Шалимара. Аша понимала, что не случайно они бывали в тех же самых местах, где муж пленил ее. «Неужели за мной постоянно следили? — задавалась она вопросом. — Пытается ли он соблазнить меня?» Конечно же, Тхакер не смог перенестись вместе с ней в Дели далекого прошлого, в восемь Дели прежних времен, но зато он давал ей возможность пройтись в толчее, почувствовать запахи, суматоху,

голоса тысяч и тысяч людей, бойкую торговлю, движение и музыку: ее настоящее, ее город кипящей жизни и движения. «Да я не жила! — поняла Аша. — Я выпала из мира, стала призраком, скованным браком с невидимкой. Только вдвоем: видимый и невидимый, всегда вместе, только вместе». Нащупывая в украшенной драгоценностями сумочке пластиковый зародыш наушника, она понимала, что ненавидит его. А когда, сидя в патпате по дороге домой, в бунгало, она надевала завиток, то вспоминала, как Тхакер постоянно рассыпался в благодарностях за помощь в деле государственной безопасности. На это Аша всегда отвечала одно и то же: «Не нужно благодарить женщину, которая во имя страны предает мужа».

Конечно же, он спрашивал. «Ездила прогуляться, — отвечала она. — Иногда мне просто необходимо уйти из дому, уехать. Да, даже от тебя…» Недоговаривать, выдерживать взгляд…

«Да, тебе нужно, конечно».

Бульдозеры превратили Кунда Кхадар в самую значимую стройку Азии, а переговоры вошли в новую стадию. Варанаси напрямую обращается к Вашингтону, убеждая оказать давление на Авадх и заставить отказаться от постройки плотины, предотвратить угрозу войны за воду. Соединенные Штаты обещали поддержку в обмен на подписание Акта Гамильтона, на что Бхарат пойти никак не мог, поскольку все основные зарубежные денежные поступления шли как раз за счет мыльной оперы «Город и деревня», полностью создаваемой ИИ.

«Вашингтон советует мне, по сути, подписать собственный смертный приговор, — смеялся Эй Джей Рао. — Определенно, американцы высоко ценят иронию». Они сидели на ухоженном газоне и пили зеленый чай через трубочку. Аша изнемогала от зноя, но возвращаться в наполненный прохладой кондиционера дом не спешила, потому что знала: скрытые камеры фиксируют все. Ну а Эй Джея зной не беспокоил. Аша знала, что он расщепляется. Ночью в редкие часы прохлады он просил: «Станцуй для меня». Но больше она не танцевала ни для бесплотного Эй Джея Рао, ни для Пранха, ни для восхищенных зрителей, которые одарили бы ее цветами, хвалой, деньгами и славой. Ни даже для себя самой.

Устала. Слишком устала. Жара. Слишком устала.

Они встречаются в любимом кафе Тхакера «Интернациональная кофейня», полицейский Кришны страшно волнуется, вертит в руках чашку чаю, боится пересечься с Ашей взглядом. С мальчишеской застенчивостью берет ее за руку. Беседа ни о чем совсем затухает. Наконец он осмелился взглянуть на собеседницу:

— Госпожа Ратхор, я хочу вас кое о чем попросить. Уже давно собираюсь.

Непременно почтительное обращение. Но дыхание замирает, сердце бешено стучит в животном страхе.

— Вы же знаете, что можете меня попросить о чем угодно. Привкус отравы. Тхакер не может выдержать ее взгляда, отводит глаза, коп Кришны превращается в стеснительного юнца.

— Госпожа Ратхор, я бы хотел спросить, не согласитесь ли вы прийти посмотреть, как я играю в крикет?

Департамент регистрации и лицензирования искусственных интеллектов против садово-парковой службы Дели едва ли тянет на проверочный матч перед игрой с Объединенными штатами Бенгалии, но все же событие весьма значимо, чтобы нарядиться в роскошные платья и лучшие сари. Вокруг выжженной солнцем травы спортивной площадки правительственных служб Авадха расположились павильоны, зонтики и тенты, хлопают белые крылья. Те, кто может позволить себе портативные полевые генераторы-кондиционеры, наслаждаются прохладой и попивают английский «Пиммс[76] № 1». Остальные же обмахиваются чем попало. Желая остаться неузнанной, Аша Ратхор в легкой шелковой *dynamme*[77] наблюдает за покрытыми потом солеными фигурами, движущимися в круге выгоревшей травы, и пытается понять, что же такого интересного находят они в игре с битами и мячами, что способны заставлять себя так мучиться.

Выскользнув из патпата в столь неубедительной маскировке, Аша почувствовала себя ужасно неуверенно. Но когда она увидела, как толпы людей болтают и радуются, то заразилась их возбуждением, той же самой энергией, что помогала ей ускользать после выступлений хоть и видимой, но тем не менее неузнанной. Лицо, которое полстраны каждое утро созерцает во всевозможных телевизионных программах, все же с легкостью можно спрятать под платком.

Игра в самом разгаре. Тхакер среди отбивающих, но боулер Чаудри повредил ногу, и калитка осталась без надежной защиты. Тхакер устремляется к черте, натягивает перчатки, встает на его место и подбирает биту. «Как он хорош в белом костюме», — думает Аша. Несколько пробежек, и начинается новый иннинг. Стук мяча по бите. Звучный, приятный стук. Несколько отличных передач. Боулер изготавливается и замахивается. Отличный шальной бросок! Тхакер ловит мяч взглядом, отступает назад, принимает точно в середину биты и молниеносно с силой отбивает, посылая прямо к пограничному канату. Мяч взлетает в воздух, к восторгу зрителей, сопровождаемый громом рукоплесканий. Аша вскакивает на ноги и тоже в восторге

хлопает в ладоши. На большом табло показывают счет, а Аша, единственная из всех зрителей, все еще продолжает стоять. Прямо напротив нее, на другой стороне площадки, неподвижно застыл высокий элегантный мужчина в черном одеянии и красном тюрбане.

Он. Невозможно, но именно так. Смотрит прямо на нее сквозь движущиеся белые фигурки игроков, будто они призраки. Очень медленно поднимает руку и прикасается пальцем к правому уху.

Аша знает, что обнаружит за правым ухом, но тоже должна коснуться пальцем уха в ответ и с ужасом нащупывает пластиковый завиток, который второпях забыла снять, боясь опоздать на крикетный матч. Наушник змеей подколодной свернулся под волосами и теперь выносит ей приговор.

— Так кто же выиграл крикетный матч?

— Зачем спрашиваешь? Ты бы и без меня узнал, была бы нужда. Как ты узнаешь все, что тебе понадобилось?

— А ты не знаешь? Что, не осталась на матче до конца? Я думал, что в спорте важен как раз исход борьбы. Иначе зачем ты отправилась на крикетный матч между госслужбами?

Если бы горничная Пури сейчас вошла в гостиную, то застала бы сцену из фольклора: женщина в гневе кричит на безмолвное пустое пространство. Но Пури старается уйти из бунгало пораньше, как только справится со своими обязанностями: ей неуютно в доме джиннов.

— Неужели сарказм? Где только ты этому выучился? Что, присоединил к себе какого-нибудь наделенного сарказмом бестелесного низшего уровня? Значит, теперь появилась еще одна твоя часть, которую мне надобно полюбить? Что ж, она мне не нравится, любить ее я не собираюсь, оттого что с ней ты выглядишь мелочным, дрянным и злым.

— ИИ для сарказма не существует. В данных эмоциях мы не нуждаемся. Если я и выучился сарказму, то от людей.

Аша поднимает руку, чтобы сорвать наушник и швырнуть об стену.

— Нет!

До сих пор Рао был только голосом, сейчас же косые золотистые лучи вечернего солнца перемещаются и сворачиваются в тело ее мужа.

— Не надо, — говорит он. — Не… изгоняй меня. Я действительно люблю тебя.

— Да что ты?! — вскрикивает Аша. — Да ты же ненастоящий! Все это мираж! Просто сказка, которую придумали мы сами, потому что хотели в нее поверить. Вот другие люди — у них подлинные браки, истинные жизни, взаправдашний секс.

Настоящие… дети.

— Дети. Так вот в чем дело. Я думал, тебе нужно внимание и известность, а вовсе не дети, которые погубят твою карьеру и фигуру. Но если теперь тебе нужно другое, тогда мы можем завести детей — самых лучших детей, каких я смогу купить.

Аша кричит, в пронзительном голосе слышатся разочарование и досада. Соседи услышат. Но они и так слышали все, ловили каждый звук, сплетничали… В городе джиннов секрета не утаишь.

— Знаешь ли ты, о чем толкуют все журналы и ток-шоу? Что они говорят на самом деле? О нас, о джинне и его жене?

— Знаю! — Впервые Эй Джей Рао повышает голос, обычно так нежно и рассудительно звучащий в голове Аши. — Мне известно, что каждый говорит о нас. Аша, я когда-нибудь просил у тебя что-нибудь?

— Только танцевать.

— Сейчас я попрошу кое-что еще. Вовсе немного. Совсем чуточку, просто пустяк. Ты говоришь, что я ненастоящий и наши отношения тоже. Мне больно слышать это, потому что в некотором смысле ты права. Наши миры несовместимы. Но все может стать реальным. Создан такой чип, новые технологии, белковый чип. Он имплантируется сюда. — Рао касается пальцами — «третьего глаза». — Что-то вроде наушника, который всегда включен. Я всегда буду с тобой. Мы никогда не будем врозь. Ты сможешь оставить свой мир и прийти в мой…

Аша руками зажала рот, сдерживая подступившую от омерзения и раздражения тошноту. Сейчас вырвет. Ничего: ни твердых тел, ни реальной материи, лишь призраки и джинны. Она сдергивает из-за уха завиток — благословенная тишина и слепота! Двумя руками берет маленькое устройство, разламывает точно пополам.

И убегает из дому.

Направляется Аша не к Ните или Прии, не в *гхарану* к резкому Пранху, не к насквозь прокуренной развалине Мадхури в инвалидном кресле и даже не к своей матери, хотя ноги Аши помнят каждую ступеньку, ведущую к дому; никогда! Это смерть.

Только в одно место может пойти Аша.

Но он не хочет ее отпускать. Вот он здесь, в *патпате*, на ладонях его лицо, бегущей строкой пульсирует его беззвучный голос: «Вернись, прости меня, вернись, давай поговорим, вернись». Аша сжимает его заключенное в черно-желтый маленький пластиковый корпус лицо, но все равно чувствует и его, и его лицо, и его рот рядом с кожей. Она выпускает наладонник из рук. Теперь рот Рао движется бесшумно. Швыряет

перчатку на дорогу. Его сокрушили колеса грузовика.

И все равно он не желает ее отпускать. Патлат вливается в поток транспорта на площади Коннахт, и лицо мужа смотрит на нее с каждого установленного на вогнутых фасадах видеоэкрана. Двадцать Эй Джеев Рао — огромных, поменьше, совсем маленьких — синхронно исполняют пантомиму.

«Аша, Аша, вернись, — написано в бегущей строке экранов. — Мы может испробовать что-нибудь другое. Поговори со мной. Возьми любой наладонник, все что хочешь…»

Всю площадь Коннахта постепенно разбивает паралич. Сначала несколько пешеходов замечают, что на видеоэкранах творится неладное; потом и другие, которые проследили взгляд первых; затем водители замечают, что стоящие на тротуарах люди глазеют вверх, разинув рты. Даже шофер патлата уставился на экраны. Площадь Коннахта встала в пробке, а если останавливается центр Дели, то замирает весь город.

— Езжай, езжай! — кричит на водителя Аша. — Приказываю: поехали!

В конце улицы Сисгандж она выскакивает из машины и последние полкилометра до здания Манмохана Сингха прибирается между застрявшими в пробке машинами. Она замечает, что через толпу проталкивается Тхакер, пытающийся добраться до полицейского мотоцикла, с воем сирены прокладывающего себе путь. В отчаянии она машет ему рукой, выкрикивает его имя и чин. Через полнейший хаос они устремляются друг к другу.

— Госпожа Ратхор, мы столкнулись с существенным происшествием: вторжение…

— Мой муж, господин Рао, сошел с ума…

— Госпожа Ратхор, пожалуйста, поймите, что согласно нашим моральным и социальным нормам он никогда и не находился в здравом уме. Он ИИ.

Мотоцикл нетерпеливо сигналит. Тхакер кивает водителю, женщине в шлеме и полицейских крагах, — сейчас, сейчас. Хватает Ашу за руку и прижимает ее большой палец к своей руке с перчаткой наладонника:

— Квартира пятнадцать ноль один. Я закодировал замок на твой отпечаток большого пальца. Никому не открывай, не подходи к телефону и не пользуйся никакими средствами связи или развлечений. На балкон не выходи. Вернусь, как только смогу.

Потом он вскакивает на заднее сиденье, водитель разворачивается, их мотоцикл пытается преодолеть затор на дороге.

Квартира Тхакера оказывается современной, просторной, светлой и удивительно опрятной для одинокого мужчины, она прекрасно обставлена, причем никаких примет, связанных с работой в полиции Кришны, Аша не обнаружила. В середине большой, залитой солнцем комнаты она впала в ужасное состояние. Аша оказалась на коленях посреди кашмирского ковра, трясущаяся, вцепившаяся в себя руками, сотрясающаяся от беззвучных рыданий. На этот раз позыва к рвоте подавить не удалось. Когда же она исторгла из себя — не все, все никогда из нее не выйдет, — то выглянула из-под спутанных, мокрых от пота волос, все еще с трудом переводя дыхание. Болела грудь. Где же это место? Что она натворила? Как могла быть столь глупой, тщеславной, бесчувственной и слепой? Игры игр, притворство, прикрытое детьми, как такое вообще могло случиться? Послушай, посмотри на меня! На меня!

На кухне Тхакера она обнаружила небольшой бар. Аша не знает пропорций напитков, поэтому в ее джин-тонике гораздо больше джина, чем тоника, но зато это питье дает ей необходимую энергию для того, чтобы отмыть запачканный шерстяной ковер и облегчить боль и дрожь в груди при дыхании.

Аша встрепенулась, замерла, представляя голос Рао. Она затаилась и прислушалась изо всех сил. Слышен звук телевизора соседей. Какие тонкие стены в этих новых квартирах.

Надо приготовить еще один джин-тоник. А потом еще один. Три напитка, и уже можно осмотреться. На балконе Аша обнаружила джакузи. Желание окунуться в бурлящую целебную воду заставляет забыть предостережения Тхакера. Пузырятся струи воды. С изяществом танцовщицы она быстро сбрасывает промокшую от пота, эмоционально грязную одежду и погружается в воду. Здесь даже маленькая подставка для бокала нашлась. Недолгие скверные раздумья: «Сколько других женщин побывало тут до меня? Нет, это образ мышления. А ты так думать не будешь. Ты в безопасности. Невидима. В воде». Внизу, на улице Сис-гандж, движение восстановлено. Наверху, в небе, темные силуэты удаляющих отработанные газы аэростатов, а еще выше расправляют и складывают черные крылья роботы-охранники. Аша засыпает.

— Мне казалось, что я просил тебя держаться подальше от окон.

Аша вздрагивает и пробуждается, инстинктивно прикрывая руками грудь. Струи уже не пузырятся, поэтому вода неподвижная и изумительно прозрачная. Лицо Тхакера приобрело землистый оттенок, под глазами залегли мешки, весь он как-то обмяк и согнулся под помятым пиджаком.

— Извини. Я только… Я так рада, что избавилась от всего этого.

Он утомленно кивает. Приносит себе джин-тоник, ставит бокал на подлокотник дивана и очень неторопливо, очень медленно, словно все суставы у него заржавели, раздевается.

— Безопасность находится под угрозой на всех уровнях. При любых других обстоятельствах это бы означало, что страну атакуют. — Показавшееся из-под одежды тело далеко от совершенства тела танцора: верхняя часть слегка заплыла жиром, мышцы слабые, дряблая мужская грудь, волосы на животе, спине и плечах. Но все же это тело, причем настоящее. — Правительство Бхарата отрицает начало военных действий и отказывается от дипломатической неприкосновенности ИИ Рао.

Он шагает к джакузи и включает бьющие струи воды. Держа бокал джин-тоника в руке, с глубоким, чувственным вздохом Тхакер погружается в воду.

— Что это значит? — спрашивает Аша.

— Отныне твой муж ИИ — мошенник.

— Что ты сделаешь?

— Нам дозволен лишь один-единственный метод действий. Его ждет экскоммуникация.

В ласковых пузырьках дрожит Аша. Она прижимается к Тхакеру. Чувствует рядом тело мужчины. Плоть. Не пустоту. Высоко, во многих километрах над пятном города Дели, кружит, ищет летательный аппарат ИИ.

На следующее утро все запреты остаются в силе: ни наладонника, ни систем домашних развлечений, ни каналов коммуникаций. Да, туда же балкон и джакузи.

— Если тебе понадобится связаться со мной, то эта перчатка защищена департаментом. Он не сможет связаться с тобой через него. — Тхакер снимает перчатку и кладет наушник на кровать.

Покрытая шелковыми простынями, Аша надевает перчатку и прикрепляет завиток за ухом.

— Ты не снимаешь это даже в постели?

— Привычка.

Шелковые простыни, «Кама Сутра». Неожиданно для копа Кришны. Аша смотрит, как Тхакер одевается для экскоммуникации. Одежда такая же, как для любой другой службы, — отутюженная белая рубашка, галстук, черные ботинки ручной работы — в городе коричневые неприемлемы — безупречно начищены. Неизменный скверный парфюм. А вот и отличие в одежде: кожаная кобура под мышкой, в нее удобно скользнуло оружие.

— Зачем это?

— Убивать ИИ, — просто отвечает он.

Поцелуй на прощание — и вот он ушел. Аша надевает его крикетный пуловер (белое одеяние ниспадает до самых колен) и направляется на запретный балкон. Если она вытянет шею, то увидит входную дверь. Вон там он, выходит на улицу, останавливается на обочине тротуара. Его машина запаздывает, вся дорога забита, с самого рассвета с улицы доносился шум двигателей, сигналы автомобильных гудков и пронзительных клаксонов патпатов. Наслаждаясь тем, что сама невидима, Аша смотрит на Тхакера. «Я вижу тебя. И как только они могут заниматься спортом в такой одежде?» — задается она вопросом, потому что кожа под крикетным пуловером тут же нагрелась и вспотела. Уже тридцать градусов, если верить данным внизу видеоэкрана на фасаде только что отстроенного дома напротив. Ожидается тридцать восемь. Вероятность осадков: ноль. Над строкой новостей на экране появляется название «Город и деревня» — трансляция для приверженцев сериала, которые жить без него не могут.

— Здравствуй, Аша, — говорит Вед Пракаш, обернувшись к ней. Больше пуловер для крикета не может спасти от леденящего холода.

А вот и Бегум Вора складывает руки в приветствии намаете.

— Я знаю, где ты, я знаю, что ты сотворила, — произносит он. Риту Парваз садится на диван, наливает чай и говорит:

— Хочу, чтобы ты поняла: работа шла двусторонняя. Не слишком умно было начинять твой наладонник таким программным обеспечением.

Беззвучно движутся губы, от суеверного страха ослабели колени. Аша в воздухе трясет рукой с перчаткой наладонника, но никак не может найти нужные мудры, не может правильно выполнить движения. Звонить, звонить, звонить, звонить.

Теперь на экране Говинд в конюшне, он поглаживает шею чистокровного скакуна по имени Звезда Агры.

— Я шпионил за ними точно так же, как они шпионили за мной.

Теперь доктор Чаттерджи в своем кабинете:

— Так что в конечном счете мы оба предали друг друга. Вызов должен пройти авторизацию в отделе безопасности департамента.

Пациент доктора Чаттерджи, стоящий спиной к камере мужчина в черном, поворачивается. Улыбается. Это Эй Джей Рао:

— В конце концов, какой же дипломат не является шпионом?

Аша видит белую вспышку над крышами. Ну конечно. Конечно. Все это время он отвлекал ее, как и подобает настоящей

мыльной опере. Аша бросается к перилам, чтобы крикнуть, предупредить об опасности, но самолет, убрав назад крылья и выключив двигатели, скользит уже под высоковольтной линией электропередачи: радиоуправляемый самолет ИИ, контролирующий движение.

— Тхакер! Тхакер!

Один голос среди тысяч. Не ее он услышал, не к ней оборачивается. Человек слышит зов смерти. Один среди улицы, он видит, как с неба пикирует самолет. На скорости триста километров в час он разносит по частям инспектора Тхакера из департамента регистрации и лицензирования искусственных интеллектов.

Отклонившийся от курса самолет врезается в автобус, машину, грузовик, патлат. По улице Сисгандж разлетаются обломки пластиковых крыльев и остатки маленького разума, вздымаются языки пламени горящего топлива. Верхняя половина туловища Тхакера, кувыркаясь, летит по воздуху и ударяется о горячий ларек с самоса.[78]

Ревность и гнев джиннов.

На балконе застыла Аша. Сериал «Город и деревня» остановился. Вся улица замерла, словно на кромке обрыва. Потом всех охватила истерия. Пешеходы побежали; велорикши соскочили со своих мест и попытались вывезти велосипеды из давки; водители и пассажиры повыскакивали из машин, такси и патпатов и бросились наутек; среди всеобщей паники пытались пробраться скутеры; окруженные бегущими людьми, остановились автобусы и грузовики.

Словно прилипнув к перилам балкона, все так же недвижима, застыла Аша. Мыльная опера. Все это сериал. Такое не может случиться. Только не на улице Сисгандж, только не в Дели, только не утром во вторник. Это порожденная компьютером иллюзия. Всегда была лишь иллюзия.

Вызов наладонника. В оцепенелом непонимании Аша уставилась на свою руку. Департамент. Что-то надо сделать. Да. Она поднимает руку и исполняет *мудру* — жест танцора, — чтобы ответить на звонок. И в тот же самый миг, словно по заказу, на небесах являются боги. Огромные, словно грозовые облака, они высятся над многоквартирными домами улицы Сисгандж. Вон Ганеша, со сломанным бивнем и ручкой, верхом на крысе-*вахане*,[79] в его лице нет ни капли доброты; выше всех Шива, танцующий во вращающемся колесе пламени, он уже занес ногу за мгновение до разрушения мира; Хануман с булавой и горой между блоками башни; украшенная ожерельем из черепов, Кали высунула красный язык, с которого капает яд, подняла сабли и

стоит над улицей Сисгандж, опираясь ногами на крыши домов.

По улице бегут обезумевшие люди. «Они не видят, — понимает Аша. — Вижу лишь я, только я одна». Отмщение полиции Кришны. Кали высоко заносит свои сабли. Между их наконечниками вспыхивает дуга молний. Богиня втыкает оружие в застывший экран «Города и деревни». Ослепленная на мгновение Аша вскрикивает, когда охотники-убийцы полиции Кришны выслеживают и экскоммуницируют ИИ-мошенника Эй Джея Рао. Затем все пропало. Никаких богов. Небо всего лишь небо. Щит видеоэкрана пуст и мертв.

Над ней раздается безбрежный богоподобный рев. Аша быстро наклоняет голову — теперь все люди на улице глазеют на нее. Все взоры обращены к ней, вот она и добилась столь вожделенного ею внимания. Истребитель цвета хамелеонового флага военно-воздушных сил Авадха скользит над крышами и зависает над улицей, включен поворотный двигатель, выпускается шасси.

Поворачивается в направлении Аши похожей на голову насекомого кабиной, в которой сидит безликий пилот в шлеме. Рядом — женщина в костюме, жестами призывающая Ашу ответить на звонок. Напарница Тхакера. Теперь она вспомнила. Ревность, гнев и джинны.

— Госпожа Ратхор, говорит инспектор Каур. — Ее голос едва различим из-за шума. — Спускайтесь. Теперь вы в безопасности. Искусственный интеллект экскоммуницирован.

Экскоммуницирован.

— Тхакер…

— Просто спускайтесь вниз, госпожа Ратхор. Теперь вы в безопасности, угрозы больше не существует.

Самолет снижается. Поворачиваясь, Аша неожиданно ощущает на лице теплое прикосновение. Что это, воздушный поток от реактивного двигателя или, может, просто джинн, неутомимо спешащий вперед, неторопливый и такой же безмолвный, как свет.

От ярости и причуд джиннов полиция Кришны отправила нас куда подальше, то есть в город Лех у самых Гималаев. Я говорю *нас*, потому что тогда я уже существовала: узелок из четырех клеток в чреве моей матери.

Мама купила ресторанное дело. Ее предприятие пользовалось спросом для *шаади*.[80] Мы могли убежать от ИИ и хаоса, последовавшего за подписанием Авадхом Акта Гамильтона, но одержимость индийцев поисками супруги джинна останется навечно. Я помню, что для привилегированных клиентов — тех, кто не скупился на чаевые, относился к матери не просто как к

заурядной подрядчице или же помнил ее лицо по всевозможным журналам, — она снимала обувь и танцевала «Радху и Кришну». Мне очень нравилось смотреть, как мама танцует, и, когда я убегала в храм бога Рамы, я пыталась копировать ее движения между колоннами мандапы.[81] Помню, как улыбались брахманы и одаривали меня деньгами.

Выстроили плотину, началась война за воду, завершившаяся через месяц. Искусственных интеллектов преследовали нещадно, и они сбежали в Бхарат, где громадная популярность «Города и деревни» обещала им защиту, но даже там они не были в безопасности: люди и бесплотные, так же как люди и джинны, создания слишком непохожие между собой, и в конце концов им пришлось перебираться в другое место, которое я не могу постичь умом: в их собственный мир, где никто не может им навредить, где они в безопасности.

Вот и вся история про женщину, которая вышла замуж за джинна. Пусть у нее нет хорошего конца, которым обычно заканчиваются западные сказки или мюзиклы Болливуда,[82] но все же конец у нее *достаточно* хороший. Этой весной мне сравняется двенадцать, на автобусе я поеду в Дели и стану учиться в *гхаране*. Мама боролась с этим моим желанием изо всех сил, потому что ее Дели навсегда останется городом джиннов, их запятнанным кровью обиталищем, но, когда брахманы из храма привели ее и показали, как я танцую, ее сопротивление исчезло. Сейчас она стала успешным дельцом, потолстела, в ненастные зимы у нее страшно болят колени, и она еженедельно отвергает предложения вступить в брак, и к тому же она не может отрицать передавшийся мне дар. А мне так хочется увидеть те улицы и парки, где творилась ее и моя истории, Красный Форт и печальное увядание садов Шалимара. Хочу почувствовать жар джиннов среди толпы в переулках за Джама Масджид, среди дервишей на Чандни Чоук, среди скворцов, кружащих над площадью Коннахт. Лех — буддийский город, битком набитый изгнанниками из Тибета в третьем поколении, они называют его Малый Тибет, и у них свои боги и демоны. От старого мусульманина, знатока джиннов, я узнала кое-что об их тайнах, но мне кажется, что истинное знание приходит ко мне тогда, когда я остаюсь одна в храме Рамы после танца, перед тем как священники закрывают *гарбагриху*[83] и укладывают богов спать. В ночной тиши, когда весна переходит в лето или после сезона дождей, я слышу голос. Он зовет меня по имени. Я всегда говорю себе, что идет он из джапа[84] — софтов, маленьких ИИ низшего уровня, которые постоянно тихонько возносят богам молитвы, но на самом деле мне кажется, что он исходит одновременно из

ниоткуда и отовсюду, из другого мира, из абсолютно другой вселенной. Он говорит: «Создания слова и огня отличны от творений глины и воды, но вот что верно: любовь не умирает никогда». Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, то чувствую на щеке прикосновение, мимолетный ветерок, теплое чистое дыхание джиннов.

Бенджамин Розенбаум
Дом за вашим небом [85]

Матфей просматривает свою коллекцию миров. В одном из них маленькая девочка по имени Софи дрожит в кроватке, прижимая к себе плюшевого мишку. Ночь. Малышке шесть лет. Она плачет, тихо-тихо, чтобы никто не услышал.

С кухни доносится звон бьющегося стекла. Тени родителей мечутся на стене соседского дома; девочка видит их в окно. Взмах — одна тень падает. Софи зарывается личиком в мех медвежонка и молится.

Матфею не следует вмешиваться, он это знает. Но сегодня на сердце у него тревожно. Мир отправил посланника. Он идет, чтобы встретиться с Матфеем впервые за очень долгое время.

Идет издалека.

Посланник — один из нас.

— Пожалуйста, Бог, — произносит Софи, — пожалуйста, помоги нам. Аминь.

— Не бойся, малышка, — отвечает ей Матфей плюшевым ртом медвежонка.

Замерев, Софи резко вздыхает.

— Ты Бог? — шепчет она.

— Нет, дитя мое, — говорит Матфей, создатель ее вселенной.

— Я скоро умру? — спрашивает девочка.

— Не знаю.

Когда они, все еще несвободные, умирают — это навсегда. У девочки яркие глаза, нос кнопкой, пушистая копна волос. В движении ее мышц — пляска натрия и калия. Невольно Матфей представляет труп Софи среди миллиардов прочих, возложенных на алтарь его тщеславия и слабостей, и содрогается.

— Я люблю тебя, мишка, — шепчет девочка, обнимая игрушку.

На кухне — звон бьющегося стекла и рыдания.

В вас — в ком так нуждаемся теперь — мы видим свою бурную и хрупкую юность: зависимую от материи, несовершенную, смертную. Людскую. Отец Матфей, наш священник, — агамный[86] рабочий организм с защитными покровами пурпурного цвета и сетью серебристых трихом.[87] Представьте его в человеческом облике: немощным старцем с иссушенным телом, проницательным взором, гладкими белоснежными волосами и ясным, румяным лицом.

В сравнении с просторными дворцами бытия, в которых обитаем мы, дом Матфея выглядит крошечным. Вообразите хижину-мазанку, приютившуюся на склоне неприступной горы. Но, как бы ни был скромен кров, в нем есть место для хранилища временных моделей — миров вроде мира Софи, — каждая из которых населена разумной жизнью.

Суть моделей, пусть и умело сделанных, не секрет для их обитателей. Когда наступает конец, Создатель открывает Свое присутствие, спрашивая каждую из душ: что дальше? Большинство принимает предложение покинуть пределы своего мира и присоединиться к обитателям дома Преподобного.

Их вы можете представить в виде длиннохвостых попугаев, живущих в плетеных клетках без щеколд. Клетки висят под самым потолком хижины. Птицы порхают, навещают соседей, воруют хлеб со стола и сплетничают о Матфее.

А что же мы?

Наши истоки — в начале начал, когда космос был наполнен ярким сиянием; мы растворялись в соленых морях, нас перемешивали потоки кварков в глубинах нейтронных звезд, нас вбирал в себя лабиринт гравитационных искажений между черными дырами… Мы обретали друг друга, сливались в промежуточные звенья, вели архивы Бытия… Мы строили дворцы — мегапарсеки неисчерпаемой материи мудрости, в каждом грамме которой кипели общности нашего Я… О, славные, зрелые годы!

Теперь наша вселенная стара. Дыхание вакуума — прежде лишь шепот, который мягко разводил нас в стороны, — ныне достигло состояния чудовищного шторма. Пространство расширяется быстрее, чем свет может пересечь его. Наши дома обречены на одиночество; между ними лишь мрак и пустота.

Чтобы выжить, мы остываем. Теряем скорость мыслительных процессов, хотя в теории их импульс может угасать бесконечно долго. Сужается диапазон частот; нам приходится экономить силы. Мы вырождаемся.

И смотрим на священника, на его крошечный домик за пределами нашего мира. Матфея мы создали очень давно, здесь тогда еще сияли звезды.

Там, в протосфере, на границе с космосом, он творит что-то новое.

Какая расточительность: отправить микрочастицу себя к его жилищу. Кто из нас решится на это?

Отец Матфей молится.

«О Господь Вседержитель Безначальный, пред величием чьим я ничтожен, как цифра шесть пред бесконечностью; о Благодать Животворящая, что вне скверны и лютости бытия нашего, даруй мне частицу силы Твоей и долготерпения Твоего. Не для себя молю, Господи, но для паствы Твоей; для мириадов Твоих вочеловеченных подобий. Да святится Имя Твое во веки веков. Аминь».

Завтрак преподобного остывает перед ним нетронутый. (На самом деле это утренний комплект стандартных, но приятных проверок системной базы данных, но вы можете представить себе густую, дымящуюся овсянку, приправленную мятой.)

Одна из птиц спархивает на стол. Это Джеффри, старейший из попугаев. Когда-то он был константным сгустком плазмы в гелиопаузе смоделированной звезды.

— Забери ключи, Джеффри, — произносит Матфей. Попугай смотрит, склонив голову набок:

— Зачем ходить в хранилище, если потом ты становишься грустным?

— Они страдают. Темные, запуганные, жестокие друг к другу…

— Брось. Жизнь полна боли. Болит — значит живет! Лишения! Борьба! Роковое стремление размножаться в обреченном мире! Все рождается в боли. А твои дела плохи — слишком привязался к разумной жизни. Муки внешние питают муки внутренние! — Попугай склоняет голову на другой бок и продолжает: — Прекрати лепить нас в таких количествах, если боль не по нраву.

На Матфея жалко смотреть.

— Что ж, хотя бы спаси тех, кого любишь. Возьми их сюда.

— Как я могу, они не готовы. Помнишь, как случилось с Селевкидами?[88]

Джеффри фыркает. Еще бы не помнить — высокоорганизованные полчища жестоких захватчиков, стремящихся к абсолютной власти. В течение бесконечно долгих эпох они крушили дом Матфея, пока священник не заточил агрессоров обратно в их имитацию мира.

— Я тогда предупреждал, между прочим. Но не об этом речь. На их бесчисленную армаду тебе плевать. Тебя волнует кто-то другой.

— Одна маленькая девочка, — кивает Матфей.

— Так забери ее.

— Это было бы верхом жестокости. Лишить ее всего, к чему привыкла? Разве она вынесет? Лучше постараться хоть как-то устроить ее жизнь там…

— Вечно ты вмешиваешься, а потом жалеешь. Матфей хлопает ладонью по столу:

— Я устал от такой ответственности! Хватит! Забери дом, Джеффри. Я стану твоим попугаем…

— Ни за что. Я слишком старый и большой, я уже достиг покоя. Даже не подумаю изменяться ради твоих ключей. Трансформаций с меня довольно. И с них тоже. — Клювом Джеффри указывает на остальных попугаев, тараторящих под потолком. — Разве что дураки найдутся.

Матфей, вероятно, хочет возразить, но в этот момент приходит посланник (представьте чистый высокий звон дверного колокольчика). Сигнал посетителя считывается по исчезающему каналу, который пусть и слабо, но все еще связывает жилище священника и мрак, в котором обитаем мы.

Поднимается переполох, все готовятся к встрече, пока разрозненные части пришедшего переходят в режим целостной телесной оболочки.

— Переправь его в виртуальность, — советует Джеффри, — от греха подальше.

Матфей проверяет учетную запись. Он потрясен:

— Известно ли тебе, кто это? Древнейший, огромное сообщество душ из великой эры света. Среди его частиц есть те, что были рождены смертными, но преодолели телесность еще на заре всего сущего. Он один из моих создателей.

— Тем более. — Джеффри упорствует.

— Унизить гостя, ограничив доступ?! — возмущается Матфей. Попугай молчит. Он понимает: преподобный надеется, что вновь прибывший займет его место.

Всхлипывания на кухне внезапно обрываются. Софи садится, сжимая медвежонка в объятиях. Опускает ножки в пушистые зеленые тапочки. Приоткрывает дверь спальни.

Гость священника выглядит как тучный, раздражительный торговец средних лет; землистого оттенка кожа, волосатая грудь, тяжелая челюсть и красные, словно от бессонницы, глаза.

Матфей привечает его радушно, щедро выделяет оперативное пространство и права доступа. Горячо настаивает на посещении хранилища:

— Там много довольно интересных дивергенций… Посланник прерывает его на полуслове:

— Я проделал тяжелый путь не для того, чтобы тратить время на жалкие несовершенные игрушки. — Взглядом он пригвождает Матфея к месту. — Нам известно, что ты строишь новую

вселенную. Причем настоящий мир, не искусственный. Первородный, бесконечный и густонаселенный, как наш собственный.

Священник замирает. Он должен бы признаться… Оценить жертву посланника; ведь тому пришлось разорвать себя на части, чтобы прибыть сюда хотя бы крупицей привычного величия… Но, к своему стыду, Матфей пускается в уклончивые объяснения:

— Я провожу кое-какие эксперименты…

— Я знаю! Неужели ты полагаешь, что от нас можно что-либо скрыть?

Матфей заметно нервничает:

— Пузырек вселенной… Я воздействую на его формирование, чтобы добиться однородности и стабильности. Но надеюсь, вы прибыли не для того, чтобы… То есть, я хотел сказать, это теоретический интерес, не более… Проникнуть внутрь мы не можем…

— Ошибаешься. Я нашел способ поместить свою сущность в новую вселенную, — возражает посланник. — На начальной стадии моя матрица займет паразитные частоты в зоне молчания и будет воспроизводиться струнами,[89] пока на десятой в минус тридцатой степени секунде не начнут формироваться субвейвлеты.[90] Я буду существовать, искривляясь в свернутых измерениях,[91] воплощаясь в каждой частице, возникающей из вакуума. Тогда я смогу применять движущую силу, используя мощность генератора монад,[92] который я уже установил в парапространстве.[93] Матфей трет глаза, словно на них пелена.

— Вы шутите. Быть в каждом атоме вселенной — и обречь себя на вечное бездействие и заточение?! К тому же новый мир может пострадать от влияния внешних энергий…

— Я готов пойти на риск. — Посетитель оглядывается вокруг. — Я и любой, кто пожелает присоединиться. Мы не станем сидеть и смотреть, как все покрывается льдом. У нас есть возможность стать ангелами нового Творения.

Матфей молчит.

Подпрограммы посланника, вводя давно забытые коды, устанавливают более тесное соединение с преподобным через доверяющий домен:[94] представьте, как гость перегибается через стол и кладет широкую серую ладонь на худое плечо священника. В этом прикосновении — древние мощь и ожидание.

Другую руку он протягивает для ключей.

Матфея окружают только тонкие стены домика. Снаружи — протосферный хаос, бесформенный, оглушающий, враждебный. И лишь за хижиной ютится крошечный пузырек чего-то, что еще не стало сущим; пока еще нет. Что-то драгоценное и непознанное.

Священник неподвижен.

— Что ж, — говорит гость, — не желаешь давать ключи мне, отдай ей.

И являет Матфею другое лицо.

Ее лицо. Ныне она часть посланника, а прежде — взрастила способность чувствовать в первой из струн, коими мы создавали священника. Начальным ее воплощением был лес симбионтов — гибких серебристых существ, что шелестели ее пурпурной листвой, напевали ее мысли, рассеивали споры ее эмоций… Исполненная покоя, она вела бесконечные беседы с Матфеем. Любящая, ласковая, с серебряным голосом… Ее улыбки, молчание или неодобрение пробуждали младенческое сознание.

— Все хорошо, Матфей, — говорит она, — ты молодец. Дыхание шевелит пунцовую листву ее лица, кроткая улыбка источает пьянящий, тягучий аромат.

— Мы создали тебя как ориентир, путевую станцию… Но теперь ты мост в новый мир. Идем с нами. Идем домой.

Матфей подается вперед. Как же ее не хватало, как хочется рассказать обо всем: о хранилище, о маленькой девочке!.. Уж она знает, что делать, — или, пока она будет слушать, священник догадается сам.

Его системы исследуют и анализируют каждый бит информации, проверяют подлинность, сличают стиль, вычленяют древние матрицы ее возможных воплощений в прошлом. Все блоки, ответственные за верификацию и контроль кодов доступа, подтверждают достоверность…

И все же что-то в нем сопротивляется.

Вы бы сказали: Матфей смотрит ей в глаза и понимает, что обманут.

Он отдергивает руку.

Но поздно: слишком долго он любовался ее пурпурной листвой. Посланник уже взломал его защиты.

Взрываются протосферные бомбы, чистильщики Небытия, пагубного для Сущего. Некоторые попугаи оказались предателями: по высокоскоростному обходному каналу посланник успел соблазнить их обещаниями власти и новой жизни. Они раскрыли секреты входа. Токсичные снаряды запущены; их цель — вывести из строя сознание каждого обитателя дома. Частицы Матфея разрознены, наполняются ядом и разлетаются по всему его оперативному пространству. Попугаев уничтожают системные ошибки — Осы.

Дом объят пламенем. Стол перевернут; на полу осколки чайных чашек.

В руках посланника Матфей сжимается до размеров

тряпичной куклы. Гость опускает его в карман.

Частичка священника, еще свободная, уносит в себе ключи от дома, мчится сквозь невероятный лабиринт остатков разорванных соединений. Без ключей победа пришедшего не будет полной.

То, что осталось от Матфея, мечется под хваткой преследователя, сопротивляется изо всех сил. Крупица сознания ныряет в еще открытый выход, несется по спасительной цепи, рассыпающейся на ходу, уносит ключи. Укрывается в хранилище, в плюшевом медвежонке маленькой девочки.

Софи встает между родителями.

— Детка, — говорит мама надломленным от страха голосом, пытается подняться, — иди к себе.

Кровь на ее губах, на полу.

— Мамочка, можешь взять мишку, — предлагает Софи.

И поворачивается к отцу. Вздрагивает, но глаза не закрывает.

Посланник подносит куклу-Матфея к лицу.

— Пора сдаваться, — произносит он. Матфей чувствует его дыхание. — Ну же, скажи, где ключи. Тогда я отправлюсь в Новый Мир. И оставлю тебя и эти примитивные поделки, — он кивает в сторону хранилища, — в покое. Иначе…

Священник дрожит. Господь Всемогущий, на то ли воля Твоя? Матфей не воин. Он не допустит гибели обитателей дома и хранилища. Лучше рабство. Не таков Джеффри.

Пока священник собирается с духом, Селевкиды врываются в основное оперативное пространство хижины. Кровожадный народ. Заключенные на целую вечность в своем мире, дом Матфея они не забыли. Вооруженная до зубов и готовая к схватке армада.

И Джеффри — их союзник.

Теперь он полководец Селевкидов. Ему известны все углы и щели в доме, а также то, что посланника не одолеть мемами[95] или бесконечными циклами,[96] не уничтожить логическими бомбами.[97] За миллиард лет тот значительно улучшил арсенал программного оружия общего назначения.

Тактика Селевкидов — в физическом воплощении. За пределами дома, вдали от виртуальной темницы, они строят гарнизон, строят по странным законам, неизвестным посланнику. А затем протосферными подобиями алмазных резаков вспарывают память дома.

Множатся пространственные прорехи — как если бы домик на склоне горы был нарисован на холсте, из которого теперь вытягивают нити.

Посланник упорствует — разрастается, распределяет себя по всей хижине, уклоняется от лезвий. Его преследуют попугаи-

разведчики, которые отслеживают каждую частичку, докладывают о расположении врага. Жужжат резаки, множатся яркие вспышки там, где теряют устойчивость и коллапсируют сущностные гиперсостояния…[98] Все гибнет: посланник, попугаи, Селевкиды… Их первичные данные, а также копии уничтожены.

Осколки грубой материи разлетаются прочь, как обрывки бумаги, теряются в запутанном лабиринте протосферы, враждебной всему живому.

Это конечный рубеж для миллионов душ из хранилища. Временная шкала каждой — от рождения до смерти — свернулась, повисла в многомерном пространстве: законченная, преданная забвению.

Кровь клокочет в горле Софи, густая, соленая. Наполняет рот. Тьма.

— Крошка. — Голос у отца злой, резкий. — Не делай так больше! Слышишь? Не смей вставать между мной и мамой! Открой глаза! Ну?! Открой глаза, маленькая дрянь!

Софи слушается. Отец весь красный, лицо в багровых пятнах. Лучше не бесить папочку. Не озорничать. Не дерзить. Голова Софи гудит, как колокол. Во рту — полно крови.

— Крошка…

Бровь отца дергается. Он опускается на колени. Вдруг вскидывает голову, как гончая, заметившая кролика:

— Черис! Лучше не звони копам. — Он хватает Софи за руку. — Считаю до трех.

Мама снимает трубку. Отец встает:

— Раз…

Софи плюет в него кровью.

Хижина залатана — не ахти как, но без дыр, только стала чуть меньше.

Отец Матфей, с красным попугаем на плече, препарирует останки посланника разделочным ножом. Руки его дрожат; в горле пересохло. Он ищет ту, что была лесом. Ищет свою мать.

И находит ее текстовые блоки. Узнает о нашем позоре.

Вначале было единство. Ее пленяла бурная эра света, наша необузданная жажда сливаться друг с другом в новые могучие тела, в новые могучие души.

Один из выдающихся наших соратников всегда добивался ее восхищения (и приходил в негодование, если не добивался). Когда же, шаг за шагом, он стал доминировать в единой душе, она вдруг выступила против него. Никто не ждал от нее такого — ведь она верила в обеты строителей новых систем, верила, что

жизнь там будет справедливой. Знала, что ей будет дан голос, право выбора.

Но мы предали ее, так как наши замыслы себя не оправдали.

Деспот заточил ее в самых глубинах нашего единого тела. В назидание остальным.

И в то время как он, наш будущий посланник, окруженный славой и почетом, разрабатывал планы по созданию сфер Дайсона,[99] она кричала от боли.

Миллиарды лет пыток истерзали каждую ее частицу. Все, что может сделать Матфей, — это по памяти воссоздать ее образ в новом существе. Но он достаточно опытен, чтобы не питать на этот счет иллюзий.

Священник сидит, неподвижный, как статуя, смотрит на острие ножа.

— Прощай, друг, — говорит Джеффри Селевкид. Не голос — скрежет затачиваемого лезвия.

Матфей переводит взгляд на попугая.

Правда, Джеффри теперь похож на ястреба. Нечто с устрашающим клювом и когтями-бомбами. Сильнейший из Селевкидов; способный превзойти и уничтожить их всех. Джеффри, с перьями, обагренными кровью.

— Говорил я тебе, — продолжает он, — хватит с меня трансформаций.

Невеселый смех его — лязг металла, крушащего камень.

— Со мной покончено. Я ухожу. Матфей роняет нож.

— Нет, — молит он, — прошу тебя, Джеффри. Стань тем, кем был прежде…

— Не могу, — отвечает Джеффри Селевкид. — Та сущность потеряна. А новая не уступит позиций. — Потом хриплый смешок. — Смерть героя — лучшее, что приходит в голову.

— Что же мне делать? — шепчет Матфей. — Нет сил продолжать. Я хочу отдать ключи. — Он прячет лицо в ладони.

— Только не мне, — говорит Джеффри. — И не Селевкидам. Теперь они на свободе; здесь начнется война. Впрочем, может, их поставят на место. — Скептический взгляд на священника. — Чьей-то жесткой десницей.

Джеффри вылетает в окно, в небо-иллюзию. Матфей наблюдает, как он погружается в месиво протосферы, как размывает его на части Небытие.

Кружение синих и красных огней. Взрослые вокруг Софи говорят быстро и решительно. Носилки с нею грузят в машину «скорой помощи». Софи слышит, как плачет мама.

Несмотря на крепежные ремни, одна рука ее свободна. Кто-то протягивает ей медвежонка, и она прижимает его к себе, прячет

личико в мех.

— Ты поправишься, птенчик, — говорит взрослый.

Двери захлопываются. Щечки у нее холодные и мокрые, во рту привкус слез и железа.

— Будет чуть-чуть неприятно. Укол: боль начинает отступать.

Взвывает сирена; рокочет мотор. Они мчатся.

— Тебе тоже грустно, мишка? — шепчет Софи.

— Да.

— И страшно?

— Очень.

Она обнимает его покрепче:

— Все будет хорошо. Честное слово. Не бойся. Я все для тебя сделаю.

Матфей молчит. Уютно устроившись в ее объятиях, он чувствует себя птицей, миновавшей бурное море и на закате дня вернувшейся домой.

Приткнувшись к хижине священника, нарождается новый мир.

Уже рушатся мосты между ним и нашей древней вселенной: теперь мы безвозвратно принадлежим тому, что становится прошлым. Константы определены, симметрия рассчитана. Скоро Ничто, бывшее Нигде, станет пространством. Начнется Нечто, которое было Никогда. Начнется со вспышки, столь мощной, что ее эхо заполнит небеса навеки.

Точка, пылинка, щепотка, комната, планета, галактика и дальше — до бесконечности.

Здесь спустя множество эпох появитесь вы, во всем непостижимом разнообразии форм. Ищите друг друга. Любите. Творите. Будьте осмотрительны.

Достигнув расцвета, ваша Вселенная станет драгоценной лагуной по сравнению с пустым, темным океаном, где мы удаляемся друг от друга, замедленные до холодных, бесконечно малых импульсов. Крупицы среди волн непроглядной тьмы. Вы никогда нас не найдете.

Но если будете умны, храбры и удачливы, придет день, когда один из вас отыщет дорогу к дому, давшему вам жизнь, — к маленькой хижине посреди протосферы, где ждет она.

София, хозяйка дома за вашим небом.

Кейдж Бейкер
Где золотые яблоки растут [100]

I

Он был третьим мальчиком, родившимся на Марсе. Ему было двенадцать лет, и почти всю свою жизнь он провел в кабине танкера. Звали мальчика Билл. Папу Билла звали Билли Таунсенд. Билли Таунсенд был дальнобойщиком. Он летал по всему Марсу от депо «Север» до депо «Юг» — доставлял лед с полюсов. Билл всегда летал с ним — с тех пор, как его, завернутого в шерстяное одеяльце, пристегивали к креслу, и по сей день, когда он, притулившись на корточках в дальнем углу кабины с гейм-буком на коленях, игнорировал настырные попытки отца завязать веселый разговор.

Деваться Биллу было некуда. Танкер оставался его единственным домом. Папа называл танкер «Красотка Эвелина».

Насколько Билл знал, его мама умерла. Этот ответ, один из многих, которые давал ему папа, казался самым правдоподобным; на Марсе было от чего умереть — холод, и сушь, и дожди из гравия, и воздуха совсем мало. Но с той же вероятностью, судя по тому, что папа еще говорил, мама могла вернуться на Землю. Так или иначе, Билл старался о ней не думать.

Такая жизнь ему не то чтобы нравилась. По большей части она была или скучной — долгие-долгие перегоны к депо, когда на мониторах не видно ничего, кроме бесконечных миль красных каменистых равнин, — или страшной, когда они попадали в сильные штормы или когда «Красотка Эвелина» вдруг ломалась, а вокруг не было ни одной живой души.

Вот когда они заезжали в Монс Олимпус, становилось немного лучше. В городе на горе было на что посмотреть и чем заняться (хотя папа Билла обычно шел прямиком в таверну «Королева Марса», да там и застревал) — куча ресторанов и магазинов и большая общедоступная база данных, где Билл скачивал в гейм-бук задания по школьной программе. Но больше всего в Монс Олимпусе Биллу нравилось то, что сквозь его купол можно было разглядеть Долгие Акры внизу.

Они казались совсем непохожими на город, и Билл мечтал там жить. Вместо бесконечных холодных красных равнин на Долгих Акрах раскинулись теплые просторы зелени и настоящие водяные каналы, которые тянулись под визиотуннелями на много километров. Билл слышал, будто из космоса они должны были выглядеть как зеленые линии, пересекающие марсианские низины.

На Долгих Акрах жили люди. Там селились семьями и возделывали землю. Это Биллу нравилось.

Больше всего он любил смотреть с горы в сумерки. Тогда в городе только-только начинали зажигать огни, они светились сквозь визиопанели, и на зеленых полях было пусто; тогда Биллу нравилось представлять себе, как семьи — папа, мама и дети — усаживаются ужинать в собственном доме, в одном и том же спокойном месте из года в год. Он представлял себе, как они копят деньги, а не сорят ими направо и налево, стоит им оказаться в городе. Они никогда ничего не забывают, например дни рождения. И никогда не забывают о своих обещаниях.

— Пааа-лучка! — радостно вопил Билли, на полной скорости выбивая удалой ритм по приборной панели. — Эх, погуляем! Хо-хо! Повеселимся на всю катушку, а, дружок?

— Мне нужны носки, — заявил Билл.

— Что угодно, книгочей! Носки, ботинки — да хоть целый магазин!

— Мне нужны только носки, — повторил Билл.

Они находились на последнем отрезке Большой Дороги, летели под мерцающими звездами, а впереди на мониторе занимались яркие огни Монс Олимпуса. Главный купол так и сверкал разноцветными неоновыми вывесками внутри, и даже внешние Трубы были залиты светом от пи-костюмов прохожих. Это было похоже на цирковые купола на Земле, которые Билл видел на картинках. Он выключил гейм-бук, засунул его в передний карман на пи-костюме и тщательно застегнул карман.

— Папа, пора надевать маску, — сказал Билл.

Если Билли не напоминать, он просто набирал побольше воздуху, выскакивал из кабины и мчался к Трубным шлюзам — и пару раз не добегал и падал, но успевал нацепить маску в самый последний момент, а то бы погиб.

— Ага-ага, — отозвался Билли и стал возиться с маской.

Он сумел натянуть ее к тому моменту, когда «Красотка Эвелина» с ревом ворвалась в ангар для танкеров и остановилась под указателем «Разгрузка». Отец с сыном выбрались из кабины и вместе зашагали к Трубе на негнущихся после долгой дороги ногах.

Шагая бок о бок, они действительно были похожи на отца с сыном. Билл унаследовал непокорную шевелюру Билли, которая торчала над его маской, и хотя для уроженца Марса он был невысок, зато рос стройным и поджарым, как Билли. Но стоило им войти в воздушные шлюзы и в саму Трубу и поднять маски, как тут же они стали совсем разные: у Билли было узкое обветренное лицо с густой рыжей бородой и яркие безумные глаза. У Билла глаза темные, и ничего безумного в нем не

просматривалось.

— Получка, ах, получка, на уме одни деньжата, — пропел Билли, поднимаясь по склону к конторе грузовых перевозок. — Бам! Начну с большой тарелки омлета под мясным соусом, а потом возьму два ломтя пудинга, а сверху залакирую лагером «Арес» — эх, хорошо пойдет! А ты что хочешь, малыш-крепыш?

— Я собираюсь купить носки, — терпеливо повторил Билл. — А потом, наверное, загляну в базу. Мне же нужно скачать новые задания, или ты забыл?

— Ну-ну, — кивнул Билли, но Билл сразу понял, что тот его не слушает.

Они вместе отправились в контору, и, дожидаясь в вестибюле отца, который пошел показывать накладные, Билл достал гейм-бук, постучал по клавишам и проверил банковский счет. Когда экран вспыхнул, выдавая обновленные данные, мальчик сравнил их с тем, что прикинул в уме. Сумма была верная.

Билл с облегчением вздохнул. Уже несколько месяцев денег было в обрез — по решению суда со счета снимали определенную сумму в уплату штрафа за то, что отец кого-то там поколотил. Как человек не злой, Билли никогда не лез в драку первым, даже когда напивался, но руки у него были длинные, а инстинкта самосохранения — ни на грош, поэтому он обычно побеждал. Другие дальнобойщики ничего не имели против хорошей драки, но на этот раз Билли отколошматил фермера из МСК, и тот подал в суд.

Отец вышел из конторы насвистывая, и глаза у него блестели, так что сразу стало ясно: он намерен повеселиться.

— Пошли, книгочей, ночь только начинается! — заорал он. Билл затрусил рядом с ним вверх по Трубе, на Торговую площадь.

Торговая площадь была самой большой постройкой на планете. Пять квадратных миль воздуха, которым можно дышать! Над головой парила арка, сплетенная из стальных балок и поддерживавшая пермавизионные панели, сквозь которые были видны звезды и луны. Под аркой вздымались купола домов и магазинов и острые башни Мемориального центра искусств имени Эдгара Алана По. Мемориальный центр был выстроен в стиле, который на Земле называли «готика». Готику Билл проходил как раз в этом полугодии.

— Отлично! — потянулся Билли. — Ну, я в «Королеву»! А ты куда?

— Покупать носки, помнишь? — отозвался Билл.

— Ладно, — сказал Билли. — Подгребай потом. Билл вздохнул. И направился в универмаг.

«У Прашанта» можно купить все что угодно; это был

единственный универсальный магазин на Марсе, и открыли его уже год назад, но у Билла все равно захватило дух, стоило ему войти туда. Целые ряды сверкающих товаров ослепительных цветов!

Коробки с соками, электроника, мебель, инструменты, одежда, консервированные деликатесы — и все привезено с Земли. Целый ряд компьютеров, где можно за деньги скачать музыку, кино, книги, игры. Зажав в руке упаковку хлопчатобумажных носков, Билл украдкой заглянул туда.

Может, еще музыки скачать? Билли, конечно, ничего не заметит, ему и дела нет, но музыка — дорогое удовольствие. И все равно…

Билл увидел, что у «Руки Земли» вышел новый альбом, и сдался. Он подключил гейм-бук и заказал альбом, а через двадцать минут выскользнул из магазина, терзаясь угрызениями совести. Он сразу побежал скачивать задания — хоть это бесплатно. А потом зашагал по длинной, круто уходящей вверх улице под яркими — красными, зелеными и синими — вывесками роскошных отелей. Руки у Билла замерзли, но, вместо того чтобы надеть перчатки, он просто сунул кулаки в карманы костюма.

На самом верху располагалась «Королева Марса». Это было большое заведение, просторная гулкая таверна — с одной стороны пансион и ресторан, а с другой — купальни. Сюда ходили все дальнобойщики. Мамочка, хозяйка заведения, не возражала. В новомодных ресторанах дальнобойщиков недолюбливали, потому что там было строго насчет шума, шулерства и драк, но в «Королеве» их всегда ждали с распростертыми объятиями.

Билл прошел воздушный шлюз и огляделся. В таверне было темно и шумно — только над баром мерцал золотистый свет и в кабинках горели маленькие цветные лампочки. Пахло пролитым пивом и жареным, от чего у Билла потекли слюнки. Везде сидели или стояли дальнобойщики и еще строители, и все ели, пили и болтали во всю мощь своих легких.

Но где же Билли? На обычном месте у стойки его не было. Может, решил сначала пойти помыться? Билл протолкался к двери купален, в которых пар уже стоял стеной и ничего не было видно. Он открыл дверь и поглядел на ряд пи-костюмов, висевших за спиной у гардеробщика, но одежды Билли среди них не было.

— Малыш Билл? — Кто-то тронул его за плечо. Билл обернулся и увидел Мамочку собственной персоной, невысокую фигуристую даму средних лет, которая говорила с сильным общекельтским акцентом. Мамочка носила много украшений,

была самой богатой женщиной на Марсе и владела почти всем Монс Олимпусом. — Чего тебе, лапонька?

— Где мой папа? — спросил Билл, пытаясь перекричать гвалт.

— Пока не показывался, — ответила Мамочка. — А что, вы договорились встретиться здесь?

У Билла засосало в животе — как всегда, когда Билли терялся. Мамочка заглянула ему в глаза и похлопала по руке:

— Да скорее всего заболтался с кем-нибудь. У него же столько друзей, у нашего Билли, правда? С любым камнем на дороге разговорится, если тот покажется ему знакомым. Заходи, лапонька, посиди в тепле, поужинай. Золотистая соевая лапша с проростками и под соусом — ты ведь ее больше всего любишь, да? А на сладкое у нас сегодня пудинг с ячменным сахаром… Давай-ка для начала раздобудем тебе чаю…

Билл покорно пошел за ней в угловую кабинку и позволил принести себе кружку чаю. Чай оказался замечательный, солоновато-сладкий, пряный, и греть руки о кружку было приятно, но боль в животе так и не отпустила. Билл прихлебывал чай и глядел, как открывается и закрывается воздушный шлюз. Он попытался вызвать Билли по переговорнику на пи-костюме, но отец, похоже, забыл его включить. Куда же он подевался?

II

Он был вторым мальчиком, родившимся на Марсе, и ему было шесть лет.

По исчислению МСК, конечно.

Марсианский год длится двадцать четыре месяца, но большинство населения Монс Олимпуса и административного центра «Ареко» по-прежнему измеряли время в двенадцатимесячных земных годах. Получалось, что Рождество каждый второй год выпадало на марсианское лето, и такие годы назывались «австралийскими». На Марсе было много эмигрантов из Австралии, и это их вполне устраивало.

Однако, когда на Марс прибыл Марсианский Сельскохозяйственный Коллектив, там решили, что все у них пойдет по-другому. Ведь в конце концов это новый мир (так они говорили), а Земля со своими традициями навсегда осталась в прошлом. Поэтому было решено ввести календарь с двадцатью четырьмя месяцами. Двенадцать новых месяцев назывались штотхарт, энгельс, харди, бакс, блатчфорд, поллит, мьевилль, аттли, бентам, безант, хобсбаум и квелч.

Когда в пятый день нового месяца блатчфорда у мистера и миссис Марлон Туркеттл родился мальчик, они назвали сына в честь месяца. Друзья мальчика — те, что у него были, — звали его Блатт.

Имя ему не нравилось — он считал, что оно звучит по-дурацки, — а вот уменьшительное Блатт он просто ненавидел, потому что из-за него получил прозвище еще похуже: Таракан.

Марсианские тараканы были из отряда блаттид и прекрасно приспособились ко всем суровым условиям, из-за которых людям оказывалось на Марсе так трудно. И вообще тараканы мутировали и теперь стали шесть дюймов длиной и могли жить вне Труб. К счастью, из них получался хороший компост, так что Коллектив платил по три марсианских пенса за каждое насекомое. Марсианские дети охотились на них с молотками и так зарабатывали себе на карманные расходы. Они знали о тараканах все, так что Блатчфорду не было еще и двух лет, когда Харди Стаббс прозвал его Тараканом. Остальные дети решили, что в жизни не слышали ничего смешнее.

Сам себя мальчик называл Форд.

Он жил с родителями, братьями и сестрами в отведенном его семье бараке. Скачивал школьные программы и занимался, закончив хозяйственные дела, но теперь, когда Форд стал ростом почти с отца и с брата Сэма, мистер Туркеттл начал поговаривать,

что он уже научился всему, чему следует.

Ведь работы для крепкого молодого человека хватало: и коров доить, и стойла чистить, а потом раскладывать навоз по грядкам с сахарной свеклой и соевыми бобами. Надо было выгребать ил из каналов, чинить визиопанели, защищавшие посевы от марсианского климата, трудиться на метановом заводе. Работы хватало — с утра, когда всходило маленькое тусклое солнце, до ночи, когда поднимались маленькие тусклые луны. Работать следовало и в праздники, работа не прекращалась, пока не заболеешь, не состаришься или не произойдет с тобой несчастный случай.

Работу надо было выполнять, потому что если МСК станет работать как следует, то сможет превратить Марс в новую Землю, только без несправедливости, бедности и коррупции. Каждому марсианскому ребенку полагалось мечтать об этом прекрасном дне и вносить свой вклад в то, чтобы он наступил поскорее.

Но Форд любил по ночам тайком выбираться из барака и глядеть через визиопанель у подножия Монс Олимпуса вверх, откуда на многие мили тьмы распространялось сияние города. Попасть бы туда! Там так много огней. Яркие прожекторы танкеров неслись к городу по Большой Дороге, ревели во мгле и холоде, и если сидеть всю ночь, то видно, что они с заката до рассвета прибывают в город и улетают из него. Они возвращались с полюсов и снова мчались туда.

Их вели дальнобойщики. Дальнобойщиками называли людей, которые ездили по Большой Дороге во время бурь, через пустыни, куда никто не отваживался и носу показывать, — но они туда ездили, потому что были храбрые. Форд слышал о них много историй. Папа Форда говорил, что они отбросы общества, что половина из них преступники. Они напивались, дрались, проигрывали в карты огромные деньги или спускали их на роскошную еду. Они попадали в приключения. Форд думал, что не отказался бы от какого-нибудь приключения.

Однако, когда мальчик немного подрос, он начал понимать, что вряд ли это произойдет.

— Ты возьмешь с собой Блатчфорда? — спросила мама, когда брила ему голову.

От неожиданности Форд едва не подпрыгнул на табурете. Однако многолетняя привычка удержала его на месте, и он только отчаянно уставился в зеркало, чтобы увидеть лицо отца еще до того, как тот ответит. «Пожалуйста, да, пожалуйста, да, пожалуйста, да!»

Отец немного помедлил — он был в плохом настроении.

— Полагаю, да, — ответил он наконец. — Пора ему увидеть собственными глазами, что там творится.

— Тогда я положу вам еще бутербродов, — заявила мама. Она вытерла бритву и промокнула Форду голову полотенцем. — Все, милый. Твоя очередь, Баксина.

Форд поднялся, на его место скользнула сестренка, а он повернулся к отцу. Его так и распирало от вопросов, но он знал, что, когда отец не в духе, лучше не поднимать шума. Форд бочком подобрался к брату Сэму, который с надутым видом сидел у дверей.

— Никогда там не был, — признался он. — А там как? Сэм чуть улыбнулся:

— Сам увидишь. Там есть такая «Голубая комната» — слыхал? В ней все голубое, голограммы с земным океаном и с озерами тоже. Я помню озера! И еще включают всякие звуки, например дождь…

— Замолчи немедленно! — загремел отец. — Постыдился бы говорить такое при ребенке!

Сэм с перекошенным от злобы лицом поглядел на отца.

— Только не начинайте снова, — сказала мама скорее устало, чем сердито. — Идите займитесь своими делами.

Форд тихо сидел рядом с Сэмом, пока не настала пора идти, а потом они все натянули вязаные шапки, надели маски, взвалили на плечи рюкзаки и побрели вверх по Трубе. Вообще-то ходить наверх было незачем, по крайней мере так говорил Совет: ведь все, что требуется добропорядочному члену Коллектива, продается в лавке МСК, а если там чего-то нет, значит, оно скорее всего не так уж и нужно и уж точно не следует этого хотеть.

Беда в том, что в лавке МСК нет башмаков размера Сэма. Отец попробовал их заказать, но пришлось заполнять столько бумаг, а продавец в лавке смотрел на Сэма так, словно тот сам виноват, что отрастил себе такие большие ноги, как будто подлинно добропорядочный член Коллектива отпилил бы себе палец-другой, лишь бы влезть в ботинки, которые продают в лавке МСК.

А «У Прашанта» на горе продают ботинки всех размеров, так что, когда Сэм снашивал очередную пару, отцу Форда приходилось отправляться туда снова.

Словно бы для того, чтобы искупить позор, отец всю дорогу на гору читал Форду нотации, а Сэм плелся рядом и угрюмо молчал.

— Это будет для тебя хорошим уроком, Блатчфорд, да-да. Ты увидишь воров, пьяниц и паразитов, которые жиреют за счет пота и крови других людей. Все то, что мы так стремились оставить на

Земле! Магазины, полные роскошных товаров, потакающих тщеславию, излишеств, от которых человек слабеет духом. Рестораны, где кормят всяческой отравой. Настоящая выгребная яма, вот что это такое!

— А что будет со всем этим, когда мы превратим Марс в рай? — спросил Форд.

— О, к тому времени от этого города и следа не останется, — ответил отец. — Обрушится под тяжестью собственной гниющей туши, помяни мое слово.

— Ну-ну, и тогда мне придется летать за башмаками на Землю, — пробурчал Сэм.

— Замолчи, неблагодарный невежда! — рявкнул отец.

Они вышли из-под старого Купола Поселения, где находились конторы «Ареко» и лавка МСК, а также, космопорт и эфесианская церковь. До сих пор Форду не приходилось бывать дальше этого места, и ничего более экзотического он в жизни не видел. Из церкви доносились приглушенные песнопения и запах благовоний. Отец с брезгливой гримасой протащил их мимо эфесианской чайной, игнорируя вывески, соблазнявшие путников горячим обедом и познавательными брошюрами о Богине.

— Невежество и суеверие! — сказал отец Форду. — Это мы тоже оставили на Земле, но, как видишь, оно протянуло свои щупальца и сюда и по-прежнему пытается завладеть людскими умами.

Мимо лавки МСК они промчались рысью и, задыхаясь, ввалились в Трубу, которая вела в Монс Олимпус.

Форд огляделся. Труба здесь оказалась гораздо просторнее и ухоженнее, чем возле родительского барака. Во-первых, визиопанель была дороже — прозрачная почти как вода. Отсюда Форд наконец разглядел склон — красно-коричневую пустыню, сплошь камни и песок. Он взирал на Монс Олимпус, потрясенный его громадой. А потом обернулся и посмотрел назад, в низины, и впервые увидел Долгие Акры, которые до сих пор были для него целым миром, — зеленые просторы, тянущиеся до самого горизонта. Он еще некоторое время глядел, не отрываясь, назад, пока не споткнулся и отец его не подхватил.

— Глаз не отвести, правда? — спросил отец. — Не бойся. Мы совсем ненадолго.

— Ненадолго… — меланхолически повторил за ним Сэм.

После воздушного шлюза, который вел из космопорта, в Трубе стало тесно — кругом толкались приезжие в скафандрах, тащившие за собой багаж: они то бежали вперед, то, наоборот, шли очень медленно, озираясь по сторонам так же усердно, как и Форд, и он понял, что это, наверное, иммигранты с Земли,

впервые попавшие в новый мир.

Но для Форда новый мир открылся тогда, когда они миновали последний воздушный шлюз и увидели Торговую площадь.

— Ой… — вздохнул Форд.

Площадь сверкала и переливалась даже при дневном свете. Вдоль главной улицы тянулась двойная линия настоящих деревьев, как на Земле, а сразу слева начиналась зелень вроде парка, где цвели живые цветы. Кажется, это были розы, — Форду показалось, что именно их он видел на картинках в учебных программах. Их аромат витал в воздухе, словно музыка. И еще всякие другие вкусные запахи — густой дух пряностей и жареного от множества стоек и фургончиков вокруг площади и благоухание дорогих товаров из дверей больших магазинов.

И еще люди! Форд даже не знал, что на свете есть столько людей — и таких разных! Тут были рабочие-шерпы и строители-инки, которые переговаривались на непонятных языках. Были торговцы, развозившие на тележках сувениры и дешевые микропроцессоры. Были эфесианские миссионеры, которые вели серьезные беседы с нищими в отрепьях.

И были дальнобойщики — Форд узнал их с первого взгляда. Крупные мужчины и женщины в пи-костюмах и с длинными волосами, а у всех мужчин — бороды. У некоторых — татуировки на лицах. У всех — налитые кровью глаза. Они громко разговаривали, много хохотали и выглядели так, словно им наплевать, что о них подумают. Отец Форда бросил на них сердитый взгляд.

— Совсем сумасшедшие, — сказал он Форду. — Большинство из них содержались на Земле в лечебницах — ты слышал об этом, Блатчфорд? Невменяемые. Кто еще пойдет на такую опасную работу в «Ареко»? Эксплуатация, вот что это такое!

Сэм что-то буркнул. Отец развернулся к нему.

— Что ты сказал, Сэмюэль? — строго спросил он.

— Я говорю — вот он, магазин, а что? — И Сэм показал на неоновую вывеску.

Когда они вошли, Форд ахнул — его окутал теплый воздух и цветочный аромат. Не то что лавка МСК с рядами пустых полок и пыльными товарами, — здесь все было новенькое и чистое. Форд даже не мог понять, для чего предназначены некоторые вещи. За прилавками улыбались нарядные красивые продавцы.

Форд тоже им улыбался, пока не прошел чуть дальше и не столкнулся лицом к лицу с троицей тощих бритоголовых страшилищ в заляпанных красной грязью ботинках. Догадавшись, что глядит в зеркало, Форд залился краской. Неужели этот

неуклюжий парень между папой и Сэмом — это он, Форд? Неужели у него и вправду так торчат уши? Форд натянул шапку пониже. От потрясения он готов был бегом промчаться всю дорогу обратно с горы.

Но вместо этого он глядел не отрываясь в спину отцовской куртки, пока они не дошли до обувного отдела. Там он увлекся созерцанием сотен пар обуви, выставленной вдоль стен, словно парящей в воздухе, — Форд весь извертелся, стараясь получше рассмотреть. Эти ботинки были всех на свете цветов и явно не предназначались для того, чтобы выгребать в них навоз из коровников.

Форд подошел поближе и уставился на ботинки, пока отец и Сэм спорили с одним из красавцев-продавцов, и тут заметил, что из-за танцующих в воздухе башмаков на него глядит большеглазый мальчик. Опять зеркало. Неужели у него так отвисла челюсть? Ох, ну и нос, красный от холода, а голубые глаза слезятся, а еще ручищи все в цыпках!

Форд крутанулся волчком, спасаясь от самого себя. Сзади стояли отец и Сэм, и выглядели они точно так же, только отец был старый. Неужели он, Форд, сделается таким же, когда станет чьим-то папой? Каким маленьким и жалким казался его отец, старавшийся говорить с продавцом надменным, самоуверенным тоном:

— Послушайте, нам не нужен затейливый крой и эти ваши блестящие пряжки, спасибо вам большое, нет, нам нужна простая добротная обувь, в которой мальчик сможет достойно выполнять повседневную работу! Надеюсь, это вы в состоянии уразуметь?

— Папа, а мне нравятся пряжки, — заявил Сэм.

— Они тебе не нужны, все это суета и тщеславие! — отрезал отец.

Сэм захлопнул рот, словно крышку сундука. Форд стоял рядом, внутренне сжавшись, а продавец приносил пару за парой, пока наконец не нашлись башмаки достаточно простые и дешевые, чтобы удовлетворить отцовским требованиям. После чего начались новые унижения — отец вытащил кипу банкнот МСК и попытался ими расплатиться, забыв, что их принимают только в лавке МСК. Хуже того — после этого он достал смятый ком марсианских бумажных денег. И Форд, и Срм заметили, какими взглядами обменялись продавцы: что за люди, даже кредитного счета у них нет! Сэм попытался пошутить, чтобы сохранить лицо.

— Конечно, мы же там, внизу, в каменном веке живем! — громко заявил он, забирая коробку с ботинками и засовывая ее под мышку. — Но ничего, еще столетие-другое, глядишь, и банки

у нас появятся!

— Банки — рассадник коррупции! — рявкнул отец, разворачиваясь к Сэму. — Как ты умудрился вымахать таким дылдой и при этом совсем ничего не знать! Что я тебе говорил…

— Сэм! — Его прервал девичий голос. Форд изумленно обернулся и увидел, как к ним бежит красавица-продавщица, улыбаясь совершенно искренне. — Сэм, куда ты пропал на той неделе? Без тебя на вечеринке было так скучно, я хотела показать тебе новые… — Она осеклась, увидев Форда с отцом. Когда она посмотрела на Форда, у него екнуло сердце. У девушки были серебристо-золотые волосы и красиво накрашенное лицо, и от нее приятно пахло. — Я… м-м-м… Это твои родственники? Как я рада с вами познако… — начала она смущенно, но отец перебил ее.

— Кто эта размалеванная паучиха? — свирепо спросил он у Сэма, и тот побагровел:

— Не смей ее так называть! Ее зовут Галадриэль, и она… мы… в общем, мы встречаемся, но это не твое дело!

— Вы — что?! — Отец в ярости стиснул узловатые кулаки. — Значит, по ночам ты тайком убегал из дому сюда пожить роскошной жизнью, так, что ли? Ничего удивительного, что по утрам от тебя никакого толку! Так что, девушки из МСК для тебя уже и нехороши, да? Много пользы будет от такой куколки, когда ты заведешь собственное хозяйство! Она хоть трактор водить умеет?

Сэм швырнул ботинки на пол.

— Знаешь, папа, у меня для тебя новость! — закричал он. — Я не собираюсь заводить хозяйство на Марсе! Меня тошнит от Марса, я ненавидел его с тех самых пор, когда ты меня сюда приволок, и, как только я стану совершеннолетним, я в ту же секунду вернусь на Землю! Ясно?

Сэм собирается улететь на Землю? Форд был потрясен вдвойне — он страшно огорчился и чувствовал, что его предали. Если Сэма не будет, кто же станет рассказывать ему истории?

— Ах ты самовлюбленный болван! — заорал в ответ отец. — Ах ты неблагодарный… МСК кормил тебя и одевал все эти годы, а ты собираешься вот так просто бросить все дела и сбежать?

Галадриэль пятилась в толпу, и вид у нее был такой, словно она мечтала превратиться в невидимку. Форду тоже захотелось исчезнуть. Все, кто был в магазине, отвлеклись от своих занятий, повернулись к ним и стали глазеть.

— Знаешь, я никогда не просил, чтобы меня приняли в МСК! — прошипел Сэм. — Никто даже не задумался, хочу я этого или нет!

— Потому что в мире есть вещи поважнее, чем желания

одного паршивого сопляка!

— Так вот, папа, я тебе говорю, если ты считаешь, будто я собираюсь прожить всю жизнь, изо дня в день делая одно и то же, одно и то же, пока не стану таким, как ты, — ты заблуждаешься!

— Правда? — Отец подскочил к Сэму, схватил его за ухо и крутанул. — Я тебе вправлю мозги…

Сэм, скривившись от боли, ударил отца. Форд в ужасе кусал кулак. Отец отшатнулся, глаза у него стали круглые и яростные.

— Что ж, отлично! Ты мне больше не сын, слышишь? Я от тебя отрекаюсь! Коллективу не нужны лентяи, отступники и предатели вроде тебя!

— Не смей называть меня предателем! — закричал Сэм. Он пригнулся и побежал на отца, а отец подпрыгнул, и они столкнулись лбами. У Сэма из носа хлынула кровь. Они рухнули на пол, вцепившись друг в друга. Сэм всхлипывал от злости.

Форд попятился. Ему было стыдно и страшно, но в глубине души зародилось и третье чувство — очевидное и неприкрытое любопытство. Так что же, Сэм теперь и правда перестал быть папиным сыном? Неужели можно так просто взять и превратиться в кого-то другого, избавиться от всех обязанностей прежней жизни и шагнуть в новую? Кем бы стал он, Форд, подвернись ему возможность?

Так ли уж обязательно быть красноносым фермерским сыном в грязных башмаках?

Кругом собирались люди, они глазели на драку с любопытством и отвращением. Кто-то крикнул: «Эй вы, из МСК, другого места найти не могли, что ли?» У Форда от стыда запылали уши.

А потом кто-то еще крикнул:

— Мамочкины сынки!

Форд вздрогнул, вскинулся и увидел, как несколько великанов в форме службы безопасности прокладывают себе дорогу сквозь толпу. Охранники!

«Полицейские — настоящие звери, — говорил отец. — Им только дай избить до полусмерти кого-нибудь вроде нас с тобой, сынок!»

Нервы у Форда сдали. Он повернулся и ринулся в толпу, изворачиваясь и пригибаясь, пока не выбрался из магазина, а тут уж помчался со всех ног.

Он понятия не имел, куда бежит, но вскоре обнаружил, что оказался на узкой улочке, совсем не такой шикарной, как главная. Это был промышленный район, грязный и обшарпанный, и мимо спешили фабричные рабочие и техники с электростанции. Если Торговая площадь и сады являлись нарядным корпусом

Монс Олимпуса, то здесь находилась печатная плата, в которой на самом деле все и происходит. Форду уже не казалось, что он всем бросается в глаза, так что ой перешел на шаг и отдышался. Он брел и брел, крутя головой.

Он загляделся на двух механиков, которые у открытых дверей мастерской чинили квадроцикл. Сварочные аппараты изрыгали снопы ярких искр, отскакивавших от земли, никому не причиняя вреда. На механиков пялились еще два человека, хотя через несколько долгих минут они стали смотреть уже на Форда. В конце концов они, улыбаясь, подошли к нему.

— Привет, коллективник. В карты играешь? — спросил один.

— Нет, — ответил Форд.

— Ничего, — сказал другой. — Игра проще простого.

Он распахнул куртку, и Форд увидел, что к груди у него пристегнуто что-то вроде коробки. На коробке крупными буквами было написано «УВЛАЖНИТЕЛЬ», но, когда ее владелец нажал на кнопку, передняя стенка откинулась, будто поднос. Второй вытащил из заднего кармана колоду карт.

— Гляди, — начал он. — Всего три карты. Туз, двойка, дама бубей. Видишь? Сейчас я их перетасую и разложу — раз, два, три. — Он положил карты на поднос рубашкой вверх. — Видишь? Которая тут дама? Можешь показать?

Форд даже удивился, что игра такая тупая. Всего три карты? Он перевернул даму.

— Смотри-ка, малыш, тебя не проведешь, — сказал человек с подносом. — Везунчик ты. Хочешь еще попробовать?

Второй уже сгреб три карты и начал их тасовать.

— Давайте, — отозвался Форд.

— Деньги есть? Хочешь поставить?

— У меня нет денег, — ответил Форд.

— Нет денег? Жалко, — вздохнул тот, что с подносом, тут же его захлопнув. — Такой везунчик, мог бы много выиграть. Там, внизу, в Коллективе, народ небогатый, правда? Всю жизнь нудная работа, а потом и похвастаться-то нечем. Я так слышал.

Форд печально кивнул. Значит, над МСК смеется не только Сэм.

— А что ты скажешь, если я тебе кое-что получше предложу? — спросил тот, что с картами.

Одним плавным движением он спрятал куда-то карты и вынул текст-планшетку. Корпус у нее был потрескавшийся и замызганный, но на экране ярко горело много-много мелких-мелких слов.

— Знаешь, что это? Это договор, который сделает из тебя алмазоразведчика. Только подумай! Один хороший удар киркой

— и ты получишь столько, сколько за всю жизнь на Долгих Акрах не заработаешь! Знаю, знаю, сейчас ты скажешь, что у тебя нет инструментов и ты ничему такому не обучен. Но понимаешь, что у тебя есть? У тебя есть молодость! Ты в отличной форме и сможешь выдержать погоду Снаружи! Вот об этом-то и договор: у господина Агара есть инструменты, и он знает, как добывать алмазы, но он уже немолод. Ты соглашаешься на него работать, и он обеспечит тебя всем необходимым. Расплатишься с ним с первой крупной находки, а дальше будешь работать на себя. Самый простой на свете способ разбогатеть! Все, что нужно, — это поставить во-от сюда отпечаток большого пальца. Ну, что скажешь? — И он протянул текст-планшетку Форду.

Тот заморгал. Он слышал кучу историй о людях, которые добывали из глины красные алмазы, — между прочим, город Монс Олимпус основала одна женщина, которая разбогатела именно так! Он протянул руку к планшетке, и тут чей-то голос у него над ухом произнес:

— Мальчик, а ты читать-то умеешь?

Форд обернулся. Через его плечо, улыбаясь, глядел дальнобойщик.

— Ну да… немного читаю…

— Отвали! — со свирепым видом рявкнул тот, что с планшеткой.

— Я читать не умею, — продолжил дальнобойщик, — но знаю этих ребят. Они из «Сталелитейной корпорации Агара». Тебе известно, что они тебя просят подписать? Это контракт, который обяжет тебя работать в железных рудниках Агара пятнадцать лет.

— Много ты понимаешь, осел! — процедил тот, что с планшеткой, убирая ее подальше.

Он вытащил железный брусок и многозначительно помахал им перед лицом дальнобойщика. Красные глаза дальнобойщика так и загорелись.

— Подраться хочешь? — спросил он, стукнув кулаком о кулак. — Давай! Думаешь, я испугаюсь? Ты, мелкий вшивый уличный жулик, а ну, выходи!

Тот, что с планшеткой, замахнулся на него бруском, но дальнобойщик пригнулся, перехватил его руку и отобрал оружие. Те двое бросились бежать и исчезли в конце переулка. Дальнобойщик усмехнулся и запустил бруском им вслед.

— Жулики проклятые, — сказал он Форду. — Тебе сколько, двенадцать? У меня сын такой же.

— Спасибо, — промямлил Форд.

— Ничего. В другой раз берегись вербовщиков, малыш. Они так заманили кучу мальчишек из МСК вроде тебя.

Алмазоразведчики, тоже мне! Разбогатеть на этом не удавалось еще никому, кроме Мамочки! — Дальнобойщик зевнул и потянулся. — А теперь иди в ближайший участок Охраны и доложи о них, ясно?

— Н-не могу, — ответил Форд, к своему ужасу чувствуя, что его начинает трясти. — Я… они… была драка, и пришли Охранники, и… и мне надо прятаться.

— Влип? — Дальнобойщик пригнулся и внимательно посмотрел на Форда. — Драка? Да, Мамочкины сынки драться не позволят, это уж точно. Тебе надо спрятаться? Может, смыться из города, пока все не уляжется? — И он заговорщически подмигнул Форду.

— Да, пожалуйста, — ответил мальчик.

— Так пошли со мной. У меня есть отличная берлога, — предложил дальнобойщик.

И, не глядя, идет Форд за ним или нет, размашисто зашагал вверх по улице. Форд побежал следом.

— Скажите, пожалуйста, как вас зовут? Дальнобойщик мельком глянул на него через плечо.

— Билли Таунсенд! — отозвался он. — Только не говори мне, как тебя зовут. Так безопаснее, понимаешь?

— Ага, — кивнул Форд, подстраиваясь к его шагу.

Он посмотрел на своего спасителя. Билли был высоким и нескладным, и на ходу его слегка пошатывало, но держался он с таким видом, словно ему все равно, что о нем подумают. Лицо, дреды и борода были у него сплошь красные, того странного кирпично-красного цвета, который приобретается после долгих лет Снаружи, когда красная пыль въедается так глубоко, что вода ее уже не смывает. А его лицо и руки покрывали шрамы. На спине пи-костюма красовалась какая-то белая надпись в круге.

— А что у вас на спине написано? — спросил Форд.

— «Полярные мальчики и девочки», — ответил Билли. — Это потому, что нас вечно бросает туда-сюда — от одного полюса к другому, понимаешь? От этого половина из нас чокнутые.

— А как там, на ледяных копях?

— Холодно, — хихикнул Билли. — Надевай-ка маску. Нам вон туда! Это наша «Красотка Эвелина».

Они прошли через воздушный шлюз, и у Форда перехватило дыхание от холода. Он втянул воздуху и следом за Билли вошел в просторное гулкое помещение вроде ангара. Это оказался гараж завода по переработке льда. Сейчас здесь было пусто, но наверху у разгрузочного желоба стоял танкер. У Форда захватило дух.

Он никогда не видел танкер вблизи и даже представить себе не мог, какой он огромный. Семьдесят пять метров в длину, на

гигантских колесах с узловатыми шинами. Ветер и песок отшлифовали стальную цистерну до тусклого блеска. С одного торца у нее была сложная система люков, иллюминаторов и механизмов — наверное, решил Форд, водительская кабина. Билли протянул длинную руку и ухватился за рычаг. Ближайший люк зашипел и открылся, и оттуда, клацнув, выпал трап.

— Давай забирайся! — велел Билли. — Там тебя никто и не подумает искать. Я скоро вернусь. Устраивайся.

Форд не стал заставлять себя упрашивать и полез внутрь. Пока крышка люка задвигалась на место, а шлюз наполнялся воздухом, мальчик осматривался. Потом стянул маску.

Он оказался в крошечной комнатушке, освещенной одной-единственной тусклой панелью, встроенной в потолок. С одной стороны располагался двустворчатый шкафчик и две откидные койки над ним, с другой — три двери. Больше ничего не было. На огорчение, просто и неприметно.

Форд открыл первую дверь и обнаружил за ней туалет — такого крошечного он в жизни не видел, даже непонятно, как им пользоваться. Мальчик заглянул за вторую дверь — там была кухня, примерно такая же, скорее ряды полок, чем комната. За третьей дверью оказалось более просторно. Форд пробрался за дверь и очутился в кабине.

Он робко прошел чуть дальше и сел за пульт управления. Поглядел на приборы, на большие экраны, встроенные в стены со всех сторон. Сейчас они пустые и серые, но каково сидеть здесь, когда танкер с ревом мчится по Большой Дороге?

К стене над пультом была приклеена крошечная статуэтка, дешевая безделушка из переплавленного красного камня, вроде сувениров, которые Форд видел на лотках на Торговой площади. Это была женщина — она подалась вперед, словно бежала или, возможно, летела. Волосы у нее по воле скульптора развевались на воображаемом ветру. Женщина улыбалась безумной улыбкой, как все дальнобойщики. Глаз у нее был только один — граненая красная стекляшка; Форд решил, что второй выпал. Он поискал на полу кабины, но стекляшки не нашел.

Форд тоже улыбнулся и, пока никто не видит, взялся за руль. «Бррууууум», — прошептал он и поглядел на экраны, как будто проверял, где находится. Ему стало немного неловко.

Но со всех экранов мальчику улыбалось его собственное отражение. Форд не помнил, когда еще ему было так хорошо.

III

Еда у Билла на тарелке совсем остыла, но, когда мальчик замечал, что Мамочка на него смотрит, он послушно совал в рот вилку. Ему не удавалось надолго отвести взгляд от двери. Где Билли?

Может, опять ввязался в драку и Мамочкины сынки уволокли его в участок; если да, то рано или поздно Мамочка подойдет к Биллу, смущенно откашляется и скажет что-нибудь вроде: «Лапонька, твой папа кое с кем поспорил, так что, наверное, тебе лучше переночевать здесь, пока он не… э-мм… не проснется. Завтра мы его выпустим». И Билл почувствует, что лицо ему заливает краска стыда, — как всегда в таких случаях.

Или Билли встретил знакомого и потерял счет времени… или зашел выпить в другое место… или…

Билл так увлекся, представляя себе, куда мог подеваться Билли, что даже вздрогнул от неожиданности, когда тот вошел в зал через воздушный шлюз. Билли заметил сына и начал пробираться к нему через зал, и мучительная тревога сменилась злостью.

— Где ты пропадал? — закричал Билл. — Ты должен был быть здесь!

— Дела, — неопределенно ответил Билли, проскальзывая в кабинку.

Он помахал Мамочке, которая кивнула ему и послала одну из своих дочек принять заказ. Билл с подозрением оглядел отца. На лице нет ни синяков, ни царапин, пи-костюм вроде бы цел. Значит, ни с кем не дрался. Может, познакомился с девушкой. У Билла немного отлегло от сердца, но злость жгла его по-прежнему.

Когда Билли принесли пиво, Билл сказал:

— Я тут весь извелся, не знал, где ты! Почему ты выключил переговорник?

— А он выключен, да? — Билли нашарил кнопку на плече. — Ох. Ничего себе. Прости, малыш. Наверное, случайно задел, когда снимал маску.

Он отхлебнул пива. Билл скрипнул зубами. Он понимал, что, с точки зрения Билли, инцидент исчерпан. Ну, ошибочка вышла, с кем не бывает! И стоит переживать по такому ерундовому поводу? Ему наплевать, что Биллу было страшно и одиноко…

Билл с усилием выдохнул и подцепил вилкой загустевший соус.

— Я купил себе носки, — громко сообщил он.

— Вот и хорошо, — отозвался Билли.

Он поднес кружку к губам, чтобы отпить еще, но отвлекся, взглянув на голоэкран над баром. И уже не мог оторвать глаз. Билл повернулся, чтобы тоже посмотреть. На экране был Мамочкин сынок, судя по форме — сержант, он глядел в камеру и о чем-то объявлял. Однако губы у него двигались беззвучно — то, что говорил сержант, тонуло в смехе и гомоне посетителей.

Билл бросил на Билли короткий взгляд. Почему это он так внимательно смотрит полицейские новости? Неужели все-таки влип в какую-то историю? Билли хохотнул, глядя на голоэкран, а потом сжал губы, пытаясь скрыть улыбку. В чем тут дело?

Билл снова поглядел на экран, больше не сомневаясь, что Билли побывал в передряге, и увидел, что там дерутся двое. Кто-то из них — Билли? Нет. Билл почувствовал, как злость в нем угасает, — это были всего-навсего колонисты из МСК, они пинали и колотили друг друга, катаясь по мостовой. Биллу стало противно: он не знал, что колонисты способны на такие глупости.

Потом крупным планом показали тощего парнишку с бритой головой — тоже из МСК, решил Билл. Он пожал плечами и снова занялся тем, что лежало у него на тарелке.

Билли принесли еду, и он стал с аппетитом ее уплетать.

— Наверное, отправимся в путь сегодня вечером, — сказал он как ни в чем не бывало.

— Но мы только вернулись! — испугался Билл.

— Ну да, но… — Билли отрезал кусочек «фирменной поджарки», положил в рот, как следует разжевал и только потом продолжил: — Понимаешь… м-мм… сейчас за сухой лед дают приличные деньги. МСК вырастил хороший урожай чего-то там и заказал уйму сухого льда. Так что если я до конца месяца успею сделать еще один рейс, мы с тобой получим раза так в два больше, чем нам зачислили сегодня.

Билл не знал, что и сказать. Он ведь все время требовал от отца именно этого — зарабатывать побольше и тратить поменьше: обычно Билли спускал все деньги тут же. Билл посмотрел на отца, прищурясь и размышляя, влип тот все-таки в историю или нет. Но говорить ничего не стал — просто пожал плечами и буркнул:

— Ладно.

— Эй, Мона! — Билли махнул ближайшей Мамочкиной дочке. — Сделай нам еще порцию на вынос, хорошо, детка? Жареные соевые биточки с проростками. И бутылочку вашей шипучки!

— А зачем нам еда на вынос? — спросил Билл.

— Э… — Вид у Билли был невинный-невинный. — Да не наелся я что-то. Ближе к вечеру захочу перекусить. Мне же всю

ночь ехать.

— Ты сегодня двенадцать часов за рулем! — запротестовал Билл. — Когда же спать-то будешь?

— Сон — это для слабаков! — объявил Билли. — Проглочу «фредди».

Билл нахмурился. «Фредди» назывались маленькие красные таблетки, от которых можно было несколько дней подряд не спать и чувствовать себя как огурчик. Дальнобойщики принимали их, когда требовалось совершить длинный рейс без остановок. Пить их все время было страшной глупостью, потому что от них можно помереть, и если Билл находил в кабине эти таблетки, то всегда выбрасывал. Наверное, Билли ходил покупать себе еще. Так вот где он пропадал.

Когда они ушли из «Королевы» и направились вниз по склону, уже стемнело. Через пермавизио проникал холод; Билл поежился, и термостат его пи-костюма включился. На улице по-прежнему встречались люди, но уже не так много, и некоторые вывески погасли. Обычно, когда они с отцом были не в рейсе, в это время Билл уже отмокал в каменной ванне, полной горячей воды, предвкушая, как выспится для разнообразия в тепле. От этой мысли у него сразу испортилось настроение.

— Маску надень, папа, — привычно напомнил Билл. Билли кивнул, переложил ведерко с едой из ресторана в другую руку и нащупал маску. Они пошли к «Красотке Эвелине».

Билл полез открывать кабину, но Билли схватил его и оттащил назад.

— Погоди ты, — сказал он, потянулся и постучал в люк. — Эге-гей, малый! Надевай маску, мы пришли!

— Что?! — Билл отшатнулся и вытаращился на Билли. — Кто еще там?

Билли не ответил, но Билл услышал, как чей-то писклявый голосок отозвался из кабины: «Ага!» — тогда Билли открыл люк и взобрался внутрь. Билл вскарабкался следом. Люк закрылся у них за спиной, в шлюз со свистом потек воздух. Когда зажегся свет, Билл стянул маску и увидел незнакомого мальчика, который тоже стягивал маску. Они, моргая, уставились друг на друга.

Билли показал ведерко с едой:

— Смотри, что я тебе принес, малый! Горячий обед!

— Ой! Спасибо! — воскликнул мальчик, и тут Билл узнал в нем того парнишку из МСК, которого показывали в новостях.

— Что он тут делает? — строго спросил он.

— Ну, понимаешь, вроде как прячется, — ответил Билли. — Немного влип и должен где-то отсидеться, пока все не уляжется.

Я вот подумал: давай возьмем его с собой в рейс, а? Все будет нормально! — Он боком протиснулся в кабину, плюхнулся в водительское кресло и стал заводить двигатели «Эвелины».

— Но… но… — оторопел Билл.

— Э-э… привет, — сказал мальчик, стараясь не глядеть ему в глаза.

Он был выше Билла, но выглядел младше, у него были большие круглые глаза и оттопыренные уши. Из-за бритой головы он напоминал младенца.

— Ты кто такой? — спросил Билл.

— Я… это… — начал мальчик, но Билли из кабины проревел:

— Без имен! Без имен! Чем меньше мы знаем, тем меньше из нас выбьют! — И загоготал взахлеб. Если он и говорил что-то после этого, рев двигателей все заглушил.

Билл стиснул кулаки и подошел к Форду вплотную, глядя ему прямо в глаза:

— Что происходит? Что мой отец натворил?

— Ничего! — Форд попятился.

— А тогда что натворил ты? Что-то ведь натворил, потому что тебя по голо показывали! Я тебя видел! Вы дрались, да?

Форд сглотнул. Глаза у него стали еще больше, и он сказал:

— Ну… ага. Да, я поколотил парней, которые хотели обманом заманить меня на работу в рудники. А потом я… ну… убежал, потому что фашисты из Охраны хотели избить меня до полусмерти. Вот Билли и разрешил мне тут спрятаться. А тебя как зовут?

— Билл. Ты же из МСК, да? Зачем ты стал драться?

— Ну… это… они первые начали, — ответил Форд. Он с интересом посмотрел на ведерко. — Вкусно пахнет. Большое спасибо твоему папе, что он мне это принес. Где тут можно сесть, чтобы поесть?

— Там, — брезгливо бросил Билл, махнув рукой в сторону кабины.

— Спасибо. Хочешь? — Форд робко протянул ему ведерко.

— Нет, — отрезал Билл. — Я хочу спать. Слушай, шел бы ты отсюда, а?

— Ладно, — кивнул Форд, бочком пробираясь в кабину. — Рад был познакомиться, Билли.

— Билл! — рявкнул Билл и захлопнул перед ним дверь. Бормоча что-то себе под нос, он пригасил свет и лег на свою койку. Нажав кнопку, которая надувала матрас, он дождался, когда мягкие бортики уютно окружат его со всех сторон, и поворочался, устраиваясь, пока танкер набирал ход. Билл и сам не знал, почему он так разозлился, но Форд на борту оказался

для него последней каплей.

Билл закрыл глаза и постарался заставить себя заснуть — обычно для этого он представлял, как идет по Трубе на Долгие Акры, шаг за шагом, и как там зелено, тепло и спокойно. Но сегодня ему все время виделись колонисты из МСК, которых показывали в новостях, — как они лупили друг друга, будто пара клоунов, а горожане смотрели на них и смеялись.

Вцепившись в ведерко с обедом, Форд присел в кабине и огляделся. Когда все экраны загорелись, стало достаточно светло, чтобы есть.

— Ничего, если я тут сяду? — спросил он у Билли, и тот широко махнул рукой:

— Конечно, малый. Не сердись на крошку Билла. Иногда на него находит.

Форд открыл ведерко и заглянул в него:

— А вилки у вас не найдется?

— Где-то были. Пошарь в кармане за креслом.

Форд сунул руку в карман на чехле кресла и нащупал вилку, возможно даже чистую. Он так проголодался, что ему было все равно, чистая она или нет, и ел с жадностью. Что он ест, было непонятно, зато невероятно вкусно.

Жуя, Форд глядел на экраны. На некоторых вспыхивали только цифры, данные с двигателей и внешних датчиков. На четырех выводились изображения с камер, установленных снаружи танкера спереди и сзади, справа и слева. Ветровое стекло отсутствовало: даже Форд понимал, что стеклянные окна наподобие земных уже после одного рейса по Большой Дороге сквозь песчаные и каменные бури стали бы мутными, если перед ними не установить силовое поле, а большие силовые поля стоили дорого и к тому же все равно не защищали от летящих прямо в лоб камней. Проще и дешевле было сделать четыре маленьких силовых поля перед объективами камер.

Передний экран заворожил Форда. Он увидел саму Большую Дорогу, которая бесконечной лентой катилась к невидимому ночному горизонту под звездным небом. Дорога бежала между двумя рядами крупных валунов, которые дальнобойщики натаскали сюда за многие годы, чтобы легче было найти идеально прямой путь к полюсу.

То и дело Форд замечал на мелькавших мимо камнях резьбу — слова или картинки. Некоторые камни были обернуты чем-то вроде пленки, лохмотья которой трепал ночной ветер.

— А это… — Форд попытался вспомнить, что говорилось в учебных файлах о земных дорогах. — Это дорожные знаки, да?

Ну, километровые указатели и все такое?

— Что, на валунах? Не-а. Это памятники, — ответил Билли.

— Как памятники?

— Места, где кто-то погиб, — пояснил Билли. — Или где кто-то должен был погибнуть, но не погиб, потому что их шкуру спасла Марсианочка. — Он протянул руку и похлопал по красной женщине на пульте.

Форд задумался. Он поглядел на статуэтку:

— Так она… она вроде той Богини, про которую всё талдычат эфесиане?

— Не-ет! — Билли усмехнулся. — Наша Марсианочка совсем не такая. Просто девчонка с Земли, которая прилетела сюда, как все мы, и тоже немножко чокнутая. Такая же, как мы. Она думала, что Марс ей — вроде мужа. И была большая буря, и она вышла на ветер без маски. И говорят, она не погибла! Марс принял ее и заколдовал, чтобы она смогла жить Снаружи. По крайней мере так рассказывают.

— Мутировала, что ли? — Форд глядел на фигурку не отрываясь.

— Типа того.

— Но на самом-то деле она погибла, да?

— Это ты думай как хочешь, — сказал Билли, искоса глянув на него. — Только кое-кто из ребят клянется, что видел ее. Она живет в порывах ветра. Красная, как песок, и глаз у нее рубиновый, и если собьешься с пути, то увидишь вдали красный огонек — ее глаз, понимаешь? Если поехать на него, вернешься домой целым и невредимым. Я-то знаю, что это правда, потому что со мной так и было.

— Да?

Билли поднял руку, развернув ладонь:

— Честное слово. Неподалеку от «Два-Пятьдесят-Ка». Поднялась такая буря, что просто ни в какие ворота, такая, что ветром поднимало придорожные камни, представляешь? «Красотку Эвелину» швыряло порывами, как перышко, и навигация у меня вырубилась. И вот мы тут вдвоем с Биллом, он тогда совсем маленький был, а я заехал так далеко от дороги, что вообще не понимал, где я, и думал, что здесь мы и помрем. Но тут я увидел красный огонек и решил, что, кто бы это ни был, он в любом случае знает, где находится. Ну и погнал туда. Через час огонек мигнул и погас, а на экране прямо у меня перед носом станция «Два-Пятьдесят-Ка», только на ней ни одного красного огонька!

— Ух ты! — удивился Форд, который понятия не имел, что такое станция «Два-Пятьдесят-Ка».

— Про Марсианочку много историй рассказывают. Если видишь, что она катается верхом на ветре, значит, надо срочно прятаться, потому что идет Клубничка.

— Что такое Клубничка?

— Вроде смерча. Сильная-пресильная буря с песком и камнями. Громадный красный конус, танцующий по земле. Один такой снес первый эфесианский храм и раскурочил половину Труб. Возле Тарсиса такие бури бывают редко, но… — Билли покачал головой. — Толпы людей гибнут. Тогда много ваших полегло. Ты об этом не слышал?

— Нет, — ответил Форд. — У нас не принято говорить о плохом, когда оно позади.

— Правда? — Билли снова покосился на него.

— Потому что мы не можем позволить себе бояться прошлого, — проговорил Форд, отчасти цитируя то, что слышал на каждом заседании Совета, на которое его таскали. — Потому что страх делает нас слабыми, а если мы будем бесстрашно трудиться во имя будущего, то станем сильными. — Последнюю фразу он пропел, невольно повторяя отцовские интонации.

— Ха, — усмехнулся Билли. — Хорошая мысль. Нельзя идти по жизни, боясь всего подряд. Я всегда говорю Биллу.

Форд заглянул в ведерко, удивляясь, что так быстро съел все до самого дна.

— Но слушать всякие истории приятно, — сказал он. — Сэму, моему брату, постоянно попадает за истории.

— Хе-хе. Маленькая невинная ложь, да?

— Нет! Он взаправдашние истории рассказывает. О Земле, например. Он помнит Землю. Говорит, там все было чудесно. Хочет вернуться.

— Вернуться? — Билли даже вскинулся. — Но ведь детям обратно нельзя! Хотя если он был уже большой, когда улетел, может, и снова там приживется. Только я слышал, это трудно. Слишком сильная гравитация.

— А вы хотели бы вернуться? Билли помотал головой:

— На Земле много всяких стен. Кому это нужно? А тут, парень, тебе никто не будет указывать, что делать. Я могу просто нацелиться на горизонт и ехать, ехать, куда захочу, как захочу… Вжик! Что хочу, то и думаю, что хочу, то и чувствую, а главное — знаешь что? Песку и камням до тебя дела нет. И горизонту тоже. И ветру. Потому и говорят — просторы вселенной. Нет уж, назад я не вернусь!

Форд посмотрел на экраны и вспомнил, как по ночам глядел на длинные лучи прожекторов, выныривающие из темноты. Сколько он помнил, от этого всегда щемило сердце, и теперь

стало ясно, в чем дело.

Форду был нужен простор.

IV

Они ехали всю ночь, и в какой-то момент бесконечные истории Билли о штормах, драках и чудесных спасениях перепутались, в них затесался Сэм со своей комнатой, в которой все было голубое от воды. А потом Форд рывком сел и стал озираться по сторонам на стены кабины.

— Мы где? — спросил он.

Передний экран показывал жутковатую серую даль и Большую Дорогу, которая бежала между валунами… куда? В блеклую пустоту, полную парящих теней.

— Уже у самой станции «Пятьсот-Ка», — ответил Билли, сгорбившись над рулем. — Почти на месте.

— А Охрана нас здесь не найдет? Билли рассмеялся и помотал головой:

— Не дрейфь, малый! Тут нет никаких законов, кроме законов Марса!

Дверь в каюту рывком распахнулась, и на них уставился Билл.

— Доброго утречка, крошка Билл!

— Доброе утро, — сварливо ответил Билл. — Ты за ночь ни разу не остановился. Ты вообще собираешься остановиться и выспаться по-человечески?

— На «Пятьсот-Ка» — обязательно, — пообещал Билли. — Слушай, организуй нам пожрать, а?

Билл не ответил. Он скрылся из глаз, и через несколько секунд Форд ощутил теплоту в воздухе — пар от горячей воды. Форд прямо-таки почувствовал ее вкус и понял, что ужасно хочет пить. Он выбрался из кресла, пошел на запах и увидел, что Билл открыл кухню и запихивает кусок чего-то под нагревательную спираль.

— Ты чай готовишь, да?

— Ага, — отозвался Билл, небрежно ткнув большим пальцем в сторону высокого бидона, испускавшего пар на горелке.

— Можно мне тоже чашечку?

Билл нахмурился, но достал из посудного ящика три кружки.

— Вы там, в Коллективе, часто деретесь? — спросил он. Форд заморгал от неожиданности.

— Нет, — ответил он. — Это вообще был не я. На самом деле подрались папа с братом. Они друг друга ненавидят. Но мама не разрешает им драться дома. Сэм сказал, что бросит нас, и папа из-за этого на него накинулся. Когда появилась Охрана, я убежал.

— Ох, — вздохнул Билл. Похоже, он относился к Форду уже

не так враждебно, но сказал: — Ну и дурак. Тебя бы просто отвели к Мамочке, пока твой папа не придет в себя. Сейчас ты был бы уже дома.

Форд пожал плечами.

— Как тебя зовут-то?

— Форд.

— Как того парня из «Автостопом по Галактике»? — Билл впервые улыбнулся.

— А что это такое?

— Это книга, которую я все время слушаю. Хорошо заглушает песенки Билли. — Улыбка у Билла опять погасла.

Бидон запищал, нагревшись, и Билл повернулся и снял его с плиты. Он разлил темную бурлящую жидкость по трем кружкам и, открыв ящик-холодильник, достал оттуда какой-то желтый ком на тарелочке. Разделил его ложкой на три кусочка, по одному на кружку, и протянул чай Форду.

— Ой. — Форд заглянул в кружку. — Это не сахар.

— Масло, — пояснил Билл, как будто так и полагалось. Он отхлебнул глоток, и Форд, не желая выглядеть привередой, тоже попробовал чай. Оказалась совсем не такая гадость, как он ожидал. И даже вообще не гадость. Билл, глядя ему в лицо, спросил: — Ты никогда такого не пробовал?

Форд помотал головой.

— Но ведь это вы делаете масло, которое у нас продают! — воскликнул Билл. — Это же масло из МСК! А что вы пьете, если не это?

— Ну… шипучку, иногда чай с сахаром… — промямлил Форд, не понимая, какое это имеет значение.

Он отхлебнул еще чаю. Стало еще вкуснее.

— А сахар делают из сахарной свеклы, которую вы выращиваете? — не унимался Билл.

— Вроде бы да, — ответил Форд. — Я никогда об этом не думал.

— А как вы вообще там живете?

— Как? — Форд непонимающе уставился на него. Неужели кому-то может быть интересно, как живется на Долгих Акрах? — Не знаю. Я выгребаю навоз из коровников. Скучно.

— Разве это может быть скучно? — поразился Билл. — Там так красиво! Ты что, с ума сошел?

— Нет, — произнес Форд, попятившись. — Если ты думаешь, что большая лопата коровьего дерьма и тараканы-гиганты — это красиво, значит, это ты сошел с ума!

Билли прокричал что-то из кабины, и секунду спустя «Красотка Эвелина» развернулась. Мальчики пошатнулись на

повороте и поглядели друг на друга. Танкер остановился.

— Приехали на «Пятьсот-Ка», — догадался Билл.

Снова раздался писк. Билл машинально повернулся, выдвинул ящик-духовку, и тут в жилой отсек ввалился Билли.

— От Монс Олимпуса до «Пятьсот-Ка» за одну ночь! — хохотнул он. — Вот это скорость, вот это я понимаю! Где чай?

Они втроем втиснулись в кухоньку и стали пить чай и есть что-то коричневое и губчатое, что именно — Форд не понял. Потом Билли со стоном взобрался на свою койку и дернул за шнурок, который надувал матрас.

— Ну, теперь пора и на боковую! Ребятки, идите в кабину, поболтайте о том о сем, ладно?

— Как тебе будет угодно, — буркнул Билл, взял свой гейм-бук и двинулся прочь.

Билли, совершенно не поняв, что над ним издеваются, улыбнулся и сонно помахал Форду. Форд улыбнулся в ответ, но улыбка у него погасла, когда он повернулся, закрыл за собой дверь и направился за Биллом, которого постановил считать гнусным мелким знайкой-зазнайкой.

Билл сидел в углу и глядел на экран своего гейм-бука. Он надел наушники и слушал что-то очень громкое. И даже не посмотрел в сторону Форда, который завороженно уставился на экраны.

— Это станция? — спросил он, забыв, что Билл его не слышит. Он ожидал увидеть поселение под куполом, но перед ним было лишь пустое пространство сбоку от дороги, окруженное валунами, которые на вид были словно выбелены известкой.

Билл не ответил. Форд обиженно поглядел на него. А потом стал присматриваться к рукояткам и кнопкам на люке. Решив, что понял, как его открыть, Форд надел маску, наклонился к Биллу и стукнул его по плечу.

— Надень маску! — крикнул он. — Я выхожу!

Билл тут же надел маску, и Форд, открывая люк, увидел, как глаза у Билла расширились от ужаса. Дверца распахнулась; Форд повернулся и выскользнул навстречу порыву ледяного ветра.

Он ударился о землю сильнее, чем думал, и едва не упал. Задыхаясь и растирая себе плечи, чтобы спастись от обжигающего холода, он потрясенно глядел на рассвет.

Ни потолка. Ни стен. Вокруг танкера не было ничего, насколько хватало взгляда, ничего, кроме беспредельного простора, беспредельного неба — такого светлого и холодного голубого цвета Форд еще никогда не видел, — раскинувшегося над беспредельной красной равниной из песка и камней. Он поворачивался и поворачивался и не видел ни куполов, ни Труб,

ничего, только просторы вселенной со всех сторон.

А на горизонте появился алый огонек, алый, как кровь, как рубины, такой яркий, что глаза у Форда заслезились, и на миг ему показалось, что это глаз Марсианочки. От валунов до самых его башмаков протянулись длинные лиловые тени. Форд понял, что смотрит на восходящее солнце.

«Так вот куда мчались все эти прожекторы, — подумал он, которые исчезали во тьме каждую ночь. Они мчались сюда. В первый раз вижу такое чудо».

Он случайно попал туда, где мечтал оказаться всю жизнь.

Но холод пробирал его до костей, и он понял, что если будет и дальше здесь стоять, то замерзнет заживо в краю своей мечты. Он направился к ближайшему валуну, нащупывая застежку на ширинке.

Кто-то схватил его за плечо и развернул.

— Идиот! — заорал на него Билл. — Ты что, не знаешь, что будет, если тут пописать?

Даже под маской было видно, как Билл перепугался, и Форд понял, что лучше поскорее вернуться в кабину.

Когда они оказались внутри, задраили за собой люки и Билл перестал орать, Форда трясло уже не от холода.

— То есть сначала вскипает, а потом взрывается? — пролепетал он.

— Какой ты идиот! — повторял Билл, словно глазам своим не веря.

— Откуда же я знал? — спросил Форд. — Я же никогда не был Снаружи! Дома у нас полно мелиорационных каналов…

— Это тебе не Долгие Акры, дурья башка! Мы посреди промерзшего насквозь Нигде, и оно тебя в две секунды пришлепнет, ясно?

— Куда же мне идти?

— В туалет!

— Но я не хотел будить твоего папу!

— Да его сейчас ничем не разбудишь! — воскликнул Билл. — Честное слово!

Краснея от смущения, Форд пробрался в заднюю часть танкера и после нескольких попыток выяснил, как пользоваться туалетом, а Билли между тем спокойненько себе похрапывал. Потом Форд прокрался обратно, осторожно затворил дверь и сказал:

— А… а где тут можно помыться?

Билл, который снова включил гейм-бук, отозвался, не поднимая головы:

— В «Королеве».

— Нет, я хотел спросить, здесь где можно помыться? Билл посмотрел на него с озадаченным видом:

— Ты это о чем? Здесь никто не моется.

— Ты хочешь сказать, что вы моетесь только в «Королеве»? Тут уже Билл вспыхнул от смущения:

— Ну да.

Форд постарался не выдать своего отвращения, но чувства свои он скрывать не умел:

— И что, мне не помыться, пока мы не вернемся?

— Нет. Не помыться. А что, на Долгих Акрах моются каждый день? — сердито спросил Билл.

Форд кивнул:

— Иначе никак. Если не мыться, очень воняешь. Потому что навоз, и водоросли, и метановый завод, и… мы много работаем и сильно потеем. Поэтому мы каждый день бреемся и моемся, понимаешь?

— Так у колонистов поэтому лысые головы?

— Ага, — подтвердил Форд. — Ну, еще папа говорит, что волосы — это суета сует… Похвальба, тщеславие…

— Я знаю, что это значит, — процедил Билл. Он немного помолчал и добавил: — Ну, здесь ты не вспотеешь. Скорее замерзнешь. Придется тебе потерпеть, пока мы не вернемся в «Королеву». Всего-то недели две.

Две недели?! Форд представил, что скажут мама и папа, когда он объявится после такой долгой отлучки. Во рту у него пересохло, сердце отчаянно заколотилось. Он стал лихорадочно думать, что соврать, чтобы не попало. Сказать, что его похитили? Это едва не случилось. Похитили, увезли на рудники, да, и… ему удалось сбежать, и…

Билл снова уткнулся в гейм-бук, а Форд сидел и сочинял, что говорить. Истории становились все цветистее, все неправдоподобнее, все подробнее; и в какой-то момент мальчик перестал изобретать красивые отговорки и замечтался о том, что будет, если он вообще не вернется и не придется ничего выслушивать.

Ведь Сэм именно так и собирался поступить; а Сэм умный, веселый и храбрый, и он ушел из Коллектива навстречу новой жизни. Так почему же Форду не полагается новой жизни? Что, если он станет дальнобойщиком, как Билли, и всю оставшуюся жизнь проведет здесь, где нет никаких пределов? Блатчфорд, мальчик из МСК, исчезнет, и можно будет стать просто Фордом, самим по себе, а не частью чего-то. Можно будет стать свободным.

V

До депо «Юг» они добирались почти неделю. Форд наслаждался каждой минутой и даже привык к мысли о том, что мытье придется отложить. По большей части он сидел впереди с Билли, а Билл торчал в жилом отсеке и дулся. «Эвелина» летела вперед, а Билли рассказывал Форду всякие истории и учил водить танкер; это было труднее, чем управлять трактором, но не настолько, насколько Форд думал поначалу.

— Смотри-ка, научился держать «Эвелину» на дороге! — расхохотался Билли. — А ты силен для своих лет. Крошка Билл еще не может рулить.

— Зато я в навигации смыслю побольше тебя! — заорал сзади Билл, и было слышно, что он кипит от ярости.

— Это он правду говорит, — кивнул Билли. — В жизни не видел такого штурмана. Я почти всегда прошу его разобраться в координатах. Если заблудишься или в шторм попадешь, крошка Билл будет очень кстати.

Он робко обернулся убедиться, что Билл не смотрит, расстегнул кармашек на пи-костюме и вытащил пузырек. Быстро вытряхнул две красные пилюли и проглотил.

— Что это такое? — спросил Форд.

— «Фредди-не-спи-замерзнешь», — полушепотом ответил Билли. — Готовлюсь к ночной смене, только и всего. Попробуем установить новый рекорд от Монс Олимпуса до депо.

— Нам некуда спешить, — сказал Форд. — Правда-правда.

— Нет, есть куда, — возразил Билли, и Форд заметил, что ему не по себе. — Повеселились — и ладно, но твои-то наверняка тебя ищут? То есть утащить тебя из-под носа у Мамочкиных сынков — это, конечно, правильная затея, но мы же не хотим, чтобы тебя считали мертвым, так ведь?

— Нет, наверное, — протянул Форд.

Он печально поглядел на экран, на открытые просторы мироздания. Мысль о том, чтобы вернуться в Трубы, в вонючую темень коровников и сточных канав, повергла его в отчаяние.

Наконец перед ними замаячило депо «Юг», низкое ледяное плато над равниной. Поначалу Форд был разочарован: он-то ожидал увидеть сверкающую белую гору, однако Билли объяснил ему, что весь ледник запорошен красным песком из-за бурь. Через несколько часов, когда они подъехали поближе, Форд заметил полосу белого тумана, над которой вздымался ледник. Потом из тумана появились два островка поменьше — по обе стороны дороги.

— О старики Джек и Джим! — заорал Билли. — Видишь Джека с Джимом, значит, уже близко!

Форд с интересом поглядел на них. А потом рассмеялся — острова были похожи на двух бородатых великанов, высеченных из красного камня. Один сидел, уставившись в никуда пустыми слепыми глазами, и прижимал к животу что-то вроде кружки. Другой лежал на спине, мирно сложив на груди огромные лапищи.

— Откуда они тут взялись?! — в восторге воскликнул Форд.

— Приволок ледник, — отозвался Билл, который тоже подошел поглядеть.

— Нет! Нет! Расскажи ему, в чем дело! — расхохотался Билли.

> Ты понял, это про Джека и Джима, двух дальнобойщиков из Австралии.
> Про двух чуваков и холодное пиво. В натуре холодное, ну и так далее.
> Холодное пиво, холодное пиво для двух дальнобойщиков Джека и Джима!
> Приходят парни в «Королеву», а там Мамуля: «Пивка, ребятки?
> Здесь пиво с пылу, здесь пиво с жару — один стаканчик, и все в порядке!»
> Влетели круто Джек и Джим — горячее пиво не по ним.
> Холодного пива, холодного пива для двух дальнобойщиков Джека и Джима!
> А космос, братан, как темный чулан — чего там только нет.
> Мы его тряхнем, мы пиво найдем, холодного пива стакан.
> Холодное пиво, холодное пиво — прям в глотку Джека, прям в глотку Джима!
> Раздобыли веселого пива бочонок, а дорогу на полюс парни знают с пеленок.
> И в скале ледяной пробивают дыру, и бочонок туда опускают.
> Я тебе, старик, ни слова не вру, еще и не так бывает.
> И вот оно, холодное пиво, для двух дальнобойщиков Джека и Джима!
> Залудили по кружке и по второй, все на свете перезабыли
> И в белом тумане уснули по пьяни, и мороз их пробрал до костей.

До самых костей незваных гостей — дальнобойщиков Джека и Джима!
Так и есть. Во льду с головы до пят Джек и Джим на полюсе нынче сидят.
Поганая смерть! А не будь дураком — на Марсе грейся горячим пивком.
А жили бы на австралийский лад, околели бы все подряд.
Вроде двух дальнобойщиков Джека и Джима.
Тут и песне конец про холодное пиво.[101]

Билли расхохотался безумным смехом, стуча кулаком по рулю. Билл только закатил глаза.

— Пара валунов, только и всего, — буркнул он.

— А раньше тебе нравилась эта песенка! — заискивающим тоном протянул Билли.

— Когда мне было три года — да, конечно, — отрезал Билл, развернулся и направился в жилой отсек. — Вот что, дай-ка ему твой запасной пи-костюм. В мой он не влезет.

— А раньше он всегда пел эту песенку со мной, — убитым голосом сказал Билли Форду.

Они въехали в депо «Юг», и снова Форд ожидал увидеть дома, но там их не оказалось — только размытое изображение обтесанной скалы на экране. Форд смотрел на нее, пока Билли помогал ему влезть в пи-костюм.

— Там, снаружи, еще холоднее? — спросил Форд.

— Угу, — кивнул Билл, доставая из стенного шкафчика три шлема. — Это же Южный полюс, забыл?

— Слушай, он же тут в первый раз! — вступился Билли, подтягивая на Форде пряжки. — Так нормально?

— Вроде да… ой! — ответил Форд, потому что, как только Билли защелкнул все застежки, костюм сомкнулся вокруг, словно рука, и хотя в нем было тепло и удобно, все равно ощущение оказалось неприятным. — Что это он?

— Программирует сам себя, чтобы получше с тобой познакомиться, — объяснил Билли и взял у Билла из рук шлем. — Понимаешь, так он тебя защищает. Обнимает тебя покрепче и запускает пару-тройку сенсоров туда, где ты и не почувствуешь. Если что-то пойдет не так, он попробует все исправить, а если не получится, включит красную лампочку, чтобы ты знал.

— Вот такую? — И Форд показал на красный огонек, который мигал у Билли на панели костюма.

— А? Да нет, это просто короткое замыкание или глюк какой-то, не обращай внимания. В последнее время он постоянно подает сигнал тревоги, когда на самом деле все нормально.

— Знаешь, папа, некоторые люди отдают костюм в ремонт, когда он ломается, — процедил Билл, натягивая свой шлем. — Это я так, к слову. Надеюсь, тебя это не шокирует.

Билли помог Форду надеть шлем, и Форд подумал: «Ах ты тварь неблагодарная. Да я бы все отдал за то, чтобы у меня был такой папа».

Но когда они вышли Наружу, Форд забыл и про Билла, и про Билли. Он даже не почувствовал мороза, хотя от него перехватывало дыхание, поскольку пи-костюм услужливо включил термостат. Депо «Юг» заворожило Форда.

С трех сторон высились стены, облачно-белые, с вихрящимися цветными полосами, словно на леденце, — зелеными, синими-синими-синими и сиреневыми, — все истертые и обшарпанные, в трещинах и выбоинах. Под ногами была мешанина из камней и камешков — от крошечных, с горошину, до крупных булыжников, — шлака и льдинок, а вокруг щиколоток вился белый туман.

На ледяной стене там и сям виднелись надписи — процарапанные или выдолбленные: «Дальнобойщики рулят о'кей», «Дрободан Джонсон добрался сюда живым-здоровым» или просто: «Спасибо, Марсианочка!» — над нишей, выскобленной во льду, в которую кто-то поставил такую же статуэтку, как и в кабине «Красотки Эвелины». Картинки тут были тоже: на зеленой полосе Форд заметил нацарапанную фигуру четверорукого великана с бивнями.

Сзади послышался грохот: это Билли с Биллом открыли панель в боку танкера и вдвоем вытащили оттуда какой-то ящик, форд пригляделся и увидел в руках у Билли лазерную пилу. Билли включил ее, и пила зажужжала.

— Отлично! — гулко раздался в наушниках голос Билли. — Давай наколем льда!

Он подошел к ближайшей стене, с усилием поднял лазер и исчез в белоснежном облаке пара. Секунду спустя из облака к ногам Билла выкатился здоровенный кусок льда. Билл поднял его, и тут же к ним подкатился второй кусок.

— Тащи! — велел Билл. — Если не поторопимся, папа по шею в лед закопается!

Форд послушно потащил свой кусок к задней части танкера, где виднелось подобие транспортера, и посмотрел, как Билл бросает на него льдину. Она быстро въехала наверх и грохнулась в загрузочную воронку на самом верху цистерны, подняв

сверкнувшую на солнце радугу мелких ледяных осколков и пара. Форд в полном восторге поставил на эскалатор свой кусок льда — и у него вышло точно так же.

— А что из них получается?

— Конусы сухого льда, а ты что думал? — бросил в ответ Билл. — Потом мы везем их на Базу Поселений и продаем МСК.

— Правда? — удивился Форд. — А зачем они нам?

— Здрасте! Для мелиорации! — отозвался Билл. — Чтобы превратить Марс в Землю! А иначе какого дьявола МСК здесь делает?

Он повернулся и затрусил обратно вдоль трейлера, а Форд направился следом, думая: «Вот как врежу тебе по носу, так небось перестанешь его задирать».

Но вслух он ничего не сказал, и целый час они работали, как автоматы, таская к транспортеру куски льда. Цистерна была почти полной, когда гудение ледоруба внезапно умолкло.

— Папа, еще мало! — крикнул Билл, но ответа не последовало.

Он со всех ног помчался к отцу. Форд побежал следом, обогнул танкер и увидел, что Билл стоит на коленях возле Билли, а тот лежит навзничь и вокруг клубится белый туман.

Форд ахнул и кинулся к ним. Вся передняя часть пи-костюма Билли переливалась и перемигивалась разными цветами — это включилась панель датчиков. Билл склонился над отцом и рукой разгонял туман, чтобы разглядеть панель. Форд присмотрелся и увидел, что лицо у Билли обмякло, а открытые глаза остекленели.

— Что это с ним? — спросил Форд.

— Удар, — бесцветным голосом ответил Билл.

— Что такое удар?

— Какой-то сосуд взял да и лопнул. Иногда случается с теми, кто слишком часто ходит Наружу.

Билл прижал ладонь к отцовской груди. В застегнутом кармашке что-то было; он открыл его и вытащил пузырек с «фредди-не-спи-замерзнешь». Билл несколько секунд глядел на него, а потом скривился, словно сдерживая слезы. Он швырнул пузырек в ледяную стену, тот разлетелся вдребезги, и красные пилюли раскатились по земле, словно капельки крови.

— Так я и знал! Так и знал, что он их наглотается! Так и знал, что этим кончится! — закричал он.

Форду хотелось заплакать, но он справился с собой и спросил:

— Он умрет?

— А ты как думаешь? — съязвил Билл. — Мы же черт знает где, на самом Южном полюсе! До ближайшей больницы неделя

пути!

— Но… вдруг нам удастся довезти его живым?

Билл развернулся к нему, и сверкающая ярость в его глазах потускнела.

— Вдруг, — произнес он. — Пи-костюм старается как может. У нас есть аптечка первой помощи. Только ты не понимаешь. У него там мозги тухнут.

— А вдруг нет? — отозвался Форд. — Надо попытаться! Ну пожалуйста!

— Все равно он умрет, — ответил Билл, однако ухватил Билли под мышки и попробовал поднять.

Форд оттеснил его и легко поднял Билли, а Билл взял отца за ноги, и они вдвоем затащили Билли в кабину.

Там они уложили его на койку, и Билл полез в шкафчик за аптечкой. Он вытащил три герметичных пакета, наполненных разноцветными жидкостями, с одной стороны у них были крючки, а с другой — длинные трубочки. Трубочки мальчик воткнул в специальные гнезда в рукаве пи-костюма Билли, а крючки подошли к петлям, прикрепленным снизу к верхней койке, так что пакеты висели над Билли.

— Шлем снять? — спросил Форд.

Билл помотал головой. Он повернулся и вышел из жилого отсека.

Форд еще раз глянул на Билли, на мигающие огоньки и пустые, мертвые глаза и направился следом.

— Что будем делать?

— Пошли за лазером, — ответил Билл. — Нельзя его бросать. Он стоит месячного заработка.

VI

По дороге к полюсу Билли давал Форду немного порулить, но оказалось, что управлять загруженным танкером гораздо труднее. Мальчику понадобились все силы, чтобы развернуть «Эвелину» и выбраться на дорогу, но все равно, когда они проезжали мимо Джека с Джимом, на приборной панели вспыхнул и запищал сигнал тревоги, поскольку танкер вильнул и едва не зацепил одного из великанов. В конце концов Форду удалось вывернуть руль и проехать между валунами на малой скорости.

— А нельзя… ну… послать отсюда сигнал бедствия? — спросил Форд у Билла.

Билл скорчился в дальнем углу кабины, уставясь на экраны.

— Никто нас не услышит, — горько отозвался он. — Между нами и Монс Олимпусом полпланеты. Ты заметил по дороге вышки-ретрансляторы?

— Нет.

— Правильно, потому что их тут нет! Зачем «Ареко» их строить? Кроме дальнобойщиков, здесь никто не бывает, а если дальнобойщики гибнут, это никого не волнует! Мы беремся за эту работу, потому что никому больше такое в голову не придет, ведь это слишком опасно! Но дальнобойщики-то известные придурки, им-то погибать не страшно!

— Они не придурки, они храбрецы! — возразил Форд. Билл презрительно покосился на него. После этого они надолго замолчали.

Когда стало темнеть, у Форда болели все мышцы — так сильно ему приходилось напрягаться, чтобы удерживать танкер на дороге. Надвигавшаяся тьма была не такой страшной, как он думал, поскольку кто-то на несколько миль вперед покрасил валуны вдоль дороги светоотражающей краской и они красиво вспыхивали в лучах фар. Однако «Красотку Эвелину» постоянно уводило влево, и Форд с испугом размышлял, не разладилось ли у нее рулевое управление, когда по дороге впереди, словно крадущаяся стайка привидений, потянулась песчаная поземка.

— Кажется, ветер поднимается, — заметил Форд.

— Тебе кажется, вундеркинд? — Билл ткнул пальцем в сторону датчика на приборной панели.

— А что?

— А то, что мы едем прямиком в центр песчаной бури! — отрезал Билл, и тут они услышали донесшийся сзади пронзительный писк.

Билл метнулся на корму, Форд остался за рулем. «Только бы Билли не умер! Прошу тебя, Марсианочка, помоги нам, если ты только есть на белом свете!»

Билл вернулся и забрался в кресло.

— Давление падает. Пи-костюму нужно было, чтобы кто-то подкрутил вентиль.

— А почему давление падает?

— Да потому что буря будет очень сильная, — усталым голосом отозвался Билл. — Сворачивай-ка с дороги и бросай якорь.

— Но нам надо доставить твоего папу в больницу!

— Ты что, думал, мы будем неделю ехать и не спать?! «Фредди»-то у нас теперь нет! Нам нужно пересидеть бурю, что бы ни случилось! «Пять-Пятьдесят-Ка» уже близко, может, успеем туда.

До станции и правда осталось всего двенадцать километров, и, пока танкер с ревом несся вперед, становилось все темнее. Форд уже слышал вой ветра. Он вспомнил, как Билли рассказывал о призраках погибших дальнобойщиков, которые фарами сигналили живым о миражах давних аварий. В вихрях песка возникали жуткие фигуры с развевающимися волосами, они бросались под танкер, размахивая бестелесными руками. Форд вздохнул с облегчением, когда фары «Эвелины», так и норовившей слететь с дороги, высветили наконец полукруг валунов — станцию «Пять-Пятьдесят-Ка».

Билл запустил протокол-якорь, «Красотка Эвелина» дернулась и тут же опустилась на несколько дюймов, словно присела на песок. Форд отключил питание; двигатели умолкли. Мальчики сидели рядом в тишине, которую нарушали только вой ветра и стук гравия по обшивке, — они напомнили бы ребятам шум дождя, если бы они когда-нибудь его слышали.

— Что нам теперь делать? — спросил Форд.

— Пережидать, — ответил Билл.

Они сходили в жилой отсек проверить, как там Билли — без изменений, — разогрели что-то замороженное и съели, не разобрав, что это было. Потом вернулись в кабину и снова расселись по разным углам.

— Нам и правда никто не поможет? — произнес наконец Форд. — Неужели «Ареко» не пошлет Охрану нас искать?

— «Ареко» не отправит Мамочкиных сынков куда попало, — буркнул Билл, глядя в темноту. — Охранников же Мамочка нанимает.

— А кто она такая, эта Мамочка?

— Та самая леди, которая откопала алмаз и разбогатела, —

ответил Билл. — И купила Монс Олимпус. Все думали, что она свихнулась, потому что тогда это был просто огромный вулкан, на котором никто не мог ничего вырастить. Но она додумалась пробурить его до магмы и выстроила электростанцию. И сдала гору в аренду людям с Земли, вот почему у Монс Олимпуса доход больше, чем у «Ареко» и у МСК.

— МСК и не гонится за выгодой, — заявил Форд. — Мы хотим превратить Марс в рай. По договору после этого «Ареко» отдаст нам его в полное распоряжение.

— Хочешь, давай поспорим, что «Ареко» нас спасать не станет, — предложил Билл. — Дальнобойщики никому не нужны, кроме других дальнобойщиков. А по их представлениям, помощь — это устроить папе пышные похороны, а потом надраться до поросячьего визга.

— Ох… — только и смог сказать Форд. Билл искоса глянул на него:

— А в МСК один за всех и все за одного, правда?

— А как же, — скривился Форд. — Вечно кто-то смотрит, чем ты занят. Всегда найдется кто-нибудь, кто скажет, почему то, что ты собираешься делать, неправильно. Заседания Совета затягиваются на полдня, потому что каждый хочет выступить и заявить, что то-то и то-то нечестно и несправедливо, и все твердят одно и то же. Бу-бу-бу да бу-бу-бу… Ненавижу! — выдохнул он, удивляясь силе собственных чувств.

— А как это — превратить Марс в рай?

Форд поглядел на Билла — не издевается ли он, — но тот даже не улыбался.

— Ну… ни коррупции, ни притеснений… И так далее. Говорят, тогда вода начнет падать с неба и больше никому не придется носить маски. — Форд нагнулся вперед и уткнулся головой в колени. — Мне всегда казалось, что тогда Марс будет… даже не знаю… весь в огнях.

— Если Марс сделается таким, жить на нем станет спокойнее, — задумчиво протянул Билл. — Террассимиляция. Вторая Земля. Без огромных пустынь.

— А мне нравятся огромные пустыни, — признался Форд. — И зачем делать из Марса вторую Землю? Почему нельзя оставить все как было?

— Тебе это нравится? — Билл ткнул пальцем в экран, на котором не было ничего, кроме воющей тьмы и песчаной завесы. — На здоровье! А меня от этого выворачивает, ясно? Тонны непонятно чего только и ждут, чтобы нас прихлопнуть, и так всю жизнь! А папа на это только смеялся, зато вот теперь ему не до смеха, правда? И знаешь что? Если он умрет — и если мы

отсюда выберемся, — я же разбогатею!

— Да заткнись ты!

— Ну да, разбогатею, — сказал Билл, как будто сам не веря. — И еще как. Танкер я продам… Папа отчислял деньги Клубу Дальнобойщиков, значит, там я тоже кое-что получу… и… ух ты, да мне же хватит на хорошее образование! Может, даже на университет! У меня будет все, о чем я всегда мечтал, и больше никогда не придется сюда мотаться!

— Да как ты можешь так говорить? — заорал Форд. — Ах ты свинья, только о себе и думаешь! Ты же говоришь о том, что произойдет, если твой папа умрет! Твой родной отец! А тебе наплевать! Твой отец — самый храбрый человек на свете!

— Он сам виноват, сам себе могилу вырыл, я его предупреждал! Дурак он был! — заорал в ответ Билл.

— Он ведь даже не умер! — И Форд в бешенстве кинулся на Билла.

Тот отпрянул, вжался в спинку кресла, уворачиваясь от мелькающих в воздухе кулаков, задрал ноги и лягнул Форда. Форд упал с кресла, затем поднялся на четвереньки и снова двинулся на Билла, пытаясь загнать его в угол. Билл пригнулся и наносил Форду удары — один, другой, третий, пока противник не подобрался настолько близко, что Билл уже не мог вытянуть руку. Форд, всхлипывая от злости, бил его со всей силы, но как следует размахнуться негде, и оказалось, что малявка Билл дерется гораздо лучше.

Когда от боли им пришлось разойтись, у обоих шла носом кровь, а у Форда начал заплывать глаз. Бормоча ругательства, мальчики расползлись по противоположным углам кабины и свирепо таращились друг на друга, пока их не убаюкал унылый вой ветра и перестук камней по обшивке.

VII

Когда через несколько часов они проснулись, стояла мертвая тишина.

Форд закряхтел — у него болела скула и к тому же затекла шея от сна в неудобной позе. Он сел и мутным взглядом обвел кабину. Посмотрев на экраны, он понял, что не только ничего не слышит, но и ничего не видит: экраны были темные. Форд перепугался и растолкал Билла. Билл мгновенно проснулся и огляделся.

— Питание отключилось! — сказал Форд.

— Да нет. Мы бы уже померли, — отозвался Билл. Он нажал какие-то кнопки на приборной панели и принялся изучать появившиеся на датчике цифры. Потом снова посмотрел на экраны. — Это еще что такое? — Он показал на экран заднего вида, на котором сверху виднелась узкая светлая полоска, даже не полоска, а сероватый треугольник с неровной нижней стороной, словно… — Песок, — заключил Билл. — Нас засыпало. Над нами намело дюну.

— И что теперь делать? — спросил Форд и задрожал. Пи-костюм решил, будто ему холодно, и услужливо нагрелся.

— Попробуем стряхнуть, — ответил Билл. — Хотя бы часть.

Он завел двигатели, танкер дернуло и тряхнуло по всей длине. «Красотка Эвелина» тяжко вздохнула и приподнялась на несколько дюймов. Экран заднего вида ярко вспыхнул, и на нем появилось изображение осыпающегося песка; на левом экране тоже прояснилось.

— Отлично! — воскликнул Билл, заглушив двигатели. — Мы не погибнем. По крайней мере здесь. Выберемся. Надевай шлем.

Они пошли на корму за шлемами. Билли по-прежнему глядел в никуда, хотя пи-костюм успокаивающе мигал. Билл протянул руку куда-то за спину Форду и активировал шлюз. Тот придушенно загудел, но не сдвинулся с места. Биллу пришлось сделать еще три попытки, пока шлюз наконец не поддался на уговоры и не приоткрылся на ладонь. В эту щель хлынул песок, а следом — солнечный свет.

Билл ругнулся и, взобравшись на сиденье, стал толкать створку наружу.

— Залезай сюда, помогай!

Форд послушался и навалился на створку плечом. Снова посыпался песок, зато створка открылась настолько, что Билл смог ухватиться за край, подтянуться и червяком выползти наружу. Форд вылез следом, и через несколько секунд они с

Биллом оказались на гребне дюны, засыпавшей танкер.

Билл вполголоса ругался. Форд не стал его за это упрекать.

Они стояли на горе из красного песка и глядели на равнину из красного песка, бескрайнюю, гладкую, простиравшуюся до самого горизонта, и низкое утреннее солнце отбрасывало на нее их длинные тени. Солнечный свет был угрюмым, с тусклым металлическим оттенком; ветер выл тонко и скорбно.

— Где же дорога? — закричал Форд.

— Засыпало. — Билл показал на склон у их ног. — Бывает иногда. Пошли.

Он повернулся и побрел вниз по склону. Форд шагнул следом, поскользнулся, упал и самым недостойным образом съехал к подножию дюны. Он поднялся, багровея от стыда, но Билл ничего не заметил — он руками отгребал песок от танкера.

Форд, увязая в песке, побежал ему помогать. Он начал было стряхивать песок с крыши танкера, но при его прикосновении песок вдруг сложился во что-то вроде звезды. Форд испуганно отдернул руку. Потом осторожно дотронулся до крыши кончиком пальца, и лучистая звезда сложилась снова.

— Эй, погляди! — Форд рассмеялся и провел пальцем по танкеру, и звезда снова появилась и побежала за его пальцем.

— Намагнитился, — бросил Билл. — Бывает, когда ветер очень сильный. Папа говорил, это потому, что в песке полно железа. От этого вся электроника летит. И отчистить его трудно.

Форд для пробы провел рукой по обшивке, но песок облепил ее, словно густой сироп.

— Нам его никогда не разгрести, — сказал он.

— Вот и нет, надо только добраться до инструментов, — пропыхтел Билл. — Тогда почти все отскребем.

Вместе они минут за десять расчистили дверцу в багажный отсек. Билл сумел открыть ее и вытащил две большие лопаты, так что работа пошла быстрее.

— Ну и ну. Совочки. Нам бы еще ведерки с формочками, и можно строить замки, — глуповато улыбнувшись, заметил Форд.

— Это еще что за чушь?

— На Земле дети так играют. Сэм рассказывал, что перед эмиграцией мама с папой возили его в такое место, которое называется Блэкпул. Представляешь, там было полно голубой воды, и она набегала на песок. Сэму дали ведерко и совок, и он строил замки из песка. А у нас тут самый большой Блэкпул во вселенной и самые большие совки, да? Только воды нет.

— Разве можно строить замки из песка? — мрачно заметил Билл, работая лопатой. — Они тут же на тебя рухнут.

— Не знаю. Наверное, песок должен быть мокрый.

— А зачем мочить песок?

— Не знаю. Наверное, никто специально этого не делает, просто само получается. Понимаешь, на Земле полно воды, она там у них везде просачивается. Так мне Сэм говорил.

Билл угрюмо помотал головой и налег на лопату. Они откопали задние колеса танкера, и тогда Форд сказал:

— Как ты думаешь, почему вода на Земле голубая? Здесь она зеленая или бурая.

— Никакая она не голубая, — буркнул Билл.

— А вот и голубая, — возразил Форд. — Я видел голограммы. Сэм показывал. Голубее неба. Голубая, как голубая краска.

— На самом деле вода бесцветная, — ответил Билл. — Она только кажется голубой. Это из-за воздуха. Вроде бы.

Форд надулся, ушел на другую сторону танкера и стал там яростно вгрызаться лопатой в песок, бормоча:

— А вот и голубая. Не была бы голубая — не сделали бы «Голубую комнату». И во всех песнях и сказках она голубая. Ну или синяя. Вот так-то, знайка-зазнайка.

Он забыл, что Билл прекрасно его слышит через переговорник пи-костюма, так что даже вздрогнул, когда в наушниках раздался его голос:

— Ах, в песнях и сказках? Ну-ну. Иди сунь морду в дюну, кретин.

Форд только зубами скрипнул.

Разгребать песок вокруг танкера пришлось долго, потому что дело пошло быстрее, только когда ветер немного утих. Но в конце концов мальчики забрались обратно в кабину «Красотки Эвелины» и завели двигатели. Танкер рванулся из дюны, и Форд с усилием вывел его на склон, покрытый волнами песка.

— Отлично! Ну и где тут дорога? — спросил он.

— Вон там, — показал Билл. — Ты что, не помнишь? Мы встали под прямым углом к дороге. Она тут, просто ее замело. Езжай прямо вперед.

Форд послушался. Танкер с ревом помчался по песку.

Они ехали пять часов — по песку, потом по гравию, потом по каменистой равнине, — но не увидели ни следа двойного ряда валунов, который рано или поздно появился бы, если бы они ехали по Большой Дороге.

Билл, внимательно глядевший на датчики, становился все бледнее и молчаливее.

— Надо остановиться, — сказал он наконец. — Что-то не то.

— Мы сбились с Дороги, да? — уныло спросил Форд.

— Да. Мы заблудились.

— Почему?

— Наверное, из-за бури навигационную систему заглючило. Кругом полно всякой намагниченной дряни.

— Починить можно?

— Можно перезагрузить, — ответил Билл. — Но перенастроить все равно не получится, потому что я не знаю, где мы. Так что смысла в этом нет.

— Твой папа говорил, что ты отличный штурман! — воскликнул Форд.

Билл уставился на свои ботинки.

— Никакой я не штурман. Просто он так думал.

— Ну здорово! — закричал Форд. — И кто тут кретин, интересно? Что нам теперь делать, Профессор?

— Заткнись, а? — отозвался Билл. — Помолчи. Нам нужно на север, так? А солнце восходит на востоке и садится на западе. Значит, если ехать так, чтобы солнце всегда было слева, то направление будет более или менее правильное…

— А ночью?

— Если пыль осядет и небо будет ясное, можно ориентироваться по звездам.

Форд приободрился.

— Я много смотрел на звезды, — признался он. — А потом мы увидим впереди гору, да?

— Монс Олимпус? Ну да.

— Поехали! — Форд снова нажал на газ, и «Красотка Эвелина» рванулась вперед. — У нас все получится! Если бы Билли заблудился, он бы не испугался, правда?

— Правда, — неохотно согласился Билл.

— Да, потому что он бы просто нацелился на горизонт и поехал — вжик! — и не дергался бы из-за всякой ерунды!

— Он никогда ни из-за чего не дергался, — вполголоса проговорил Билл, и сразу стало ясно, что особенно разумным он такое поведение не считает.

— Дергаться глупо, — заметил Форд, и в его голосе послышались звонкие истерические нотки. — Будем живы — не помрем, верно? Главное… главное… главное — жить по-настоящему! Я мог бы всю жизнь бродить по Трубам и никогда-никогда не увидеть всего того, что я увидел, когда сбежал. Столько неба. Столько песка. Лед, туман, разные цвета и вообще! Теперь, может, и удастся не превратиться в старикашку вроде дедушки Харди Стаббса. Кому охота сморщиться и кашлять?

— Не говори глупостей! — оборвал его Билл. — Я бы все на свете отдал, лишь бы быть сейчас на Долгих Акрах, и делал бы там все, что велено! Да и тебе туда на самом деле хочется!

— А вот и нет! — закричал Форд. — Знаешь, что я сделаю?

Как только мы вернемся, я пойду к папе и скажу: «Папа, я ухожу из МСК!» Сэм сумел, значит, и я смогу. Только на Землю я не вернусь. Марс — моя планета! И я хочу стать дальнобойщиком и всю жизнь провести Снаружи!

Билл уставился на него.

— Ты с ума сошел, — сказал он. — Думаешь, отец тебя так просто отпустит?

— Нет, — ответил Форд. — Он схватит меня за ухо и попробует оторвать. Не важно. Как только мне исполнится девять, я по законам МСК могу искать себе любую работу.

— Сколько? Девять? Форд побагровел:

— По исчислению МСК. У нас два земных года считаются за один.

— Значит… сколько тебе сейчас? — Билл ухмыльнулся. — Шесть?

— Да, — признался Форд. — А ты заткнись, ясно?

— Ясно. — Билл ухмыльнулся еще шире.

VIII

Они гнали до самого вечера, но, когда стемнело, так устали, что решили остановиться и поспать. Форд растянулся в кабине, а Билл отправился в жилой отсек и забрался на койку над Билли, который лежал неподвижно и безмолвно глядел в пустоту, будто восковая кукла.

Утром он был все еще жив. Билл менял ему капельницы, когда в каюту, зевая, вошел Форд.

— Вот увидишь, — сказал Форд, стараясь утешить Билла, — привезем его в больницу и он поправится. Папа Эрика Четвинда свалился с трактора и повредил себе череп, и он тоже лежал в коме, да-да, несколько дней, но потом ему сделали операцию, и он открыл глаза и стал разговаривать и все такое. А у твоего папы даже кости не сломаны.

— Это другое дело, — мрачно процедил Билл. — Ладно. Поехали дальше. До полудня солнце у нас справа, понял?

Они поехали. Мышцы у Форда болели уже не так сильно, и он начал привыкать к «Красотке Эвелине». Он глядел на горизонт и представлял себе, как там появляется Монс Олимпус, ведь гора обязательно появится, красный ферзь на просторной доске равнины. Появится-появится, и очень скоро. Как же иначе? А когда-нибудь, когда у него будет собственный танкер и он начнет постоянно ездить по этому маршруту, такие маленькие неприятности перестанут его беспокоить. Он будет знать каждую дюну и каждый валун как свои пять пальцев.

Он подумал, не сделать ли на лице татуировку. Выбор рисунка занял его мысли еще часа на два, а Билл молча сидел поодаль, глядя на экраны и нервно стиснув пальцы замком на колене.

И вдруг…

— Что-то движется! — закричал Билл, указывая на экран заднего вида.

Форд тут же разглядел что-то блестящее — это солнце отражалось на обшивке машины далеко позади, за пыльным облаком, оставшимся после «Эвелины».

— Ух ты! Танкер! — воскликнул он. — Билли спасен!

Он притормозил и развернул «Эвелину», так что пыль осела и стало лучше видно, что делается сзади.

— Это не танкер, — заметил Билл. — Одна кабина. Кто это? Я таких не знаю.

— Не важно! — Форд в восторге барабанил по приборной панели. — Они нам скажут, где дорога!

— Если сами не заблудились, — буркнул Билл. Неизвестная машина направлялась прямо к ним и была уже хорошо видна: кабина танкера без цистерны, только выступ для прицепа торчал позади, отчего конструкция напоминала крошечное насекомое с огромной головой. Она поравнялась с ними. Билл стукнул по кнопке рации и завопил:

— Кто это?

Сначала было тихо. Потом в динамиках послышался голос — грубый, искаженный:

— Это кто тут кричит «Кто это?» Голосок-то детский. Форд наклонился к микрофону и завопил:

— Помогите! Мы заблудились! Вы не подскажете, как вернуться на Дорогу?

Снова тишина, а потом:

— Двое мальчишек? Как это вас сюда занесло? С папочкой неприятности, да?

Билл обжег Форда яростным взглядом. Форд не понял, в чем дело, и сказал:

— Да, сэр! Нам нужно доставить его в больницу, а навигационная система у нас испортилась из-за бури! Помогите нам, пожалуйста!

— Конечно помогу, — ответил голос, и в нем послышалась улыбка. — Надевайте-ка маски, ребята, и выходите. Поговорим нормально, хорошо?

— Осел! — прошипел Билл, но маску надел. Выбравшись Наружу, они увидели, что на кабине намалевано «Кельтская Сила» в окружении кельтских узлов и четырехлистного клевера. Роспись почти стерлась. Люк откинулся, и Наружу выбрался человек — крупный мужчина в пи-костюме с желто-зелеными узорами. Он оглядел мальчиков и усмехнулся под маской.

— Привет-привет, — сказал он. — Гвилл Гриффин, к вашим услугам. По профессии алмазоразведчик. Что стряслось?

— У папы Билла удар, — ответил Форд. — Мы хотели отвезти его назад, но сбились с дороги. Помогите нам, пожалуйста.

— Удар? — Незнакомец поднял брови. — Ужасная история. Дайте я на него взгляну.

— Не надо… — начал было Билл, но мистер Гриффин тут же вскочил в кабину «Эвелины».

Билл с Фордом полезли за ним. Когда они забрались внутрь, мистер Гриффин уже зашел в жилой отсек и смотрел на Билли.

— Ой-ей-ей, и правда дело плохо, — покачал он головой. — Конечно, надо поскорее отвезти его в Монс Олимпус, это уж точно. — Он осмотрелся. — А неплохая у него тачка, да? И полный груз $C0_2$…

— Да, — кивнул Форд. — Это случилось, как раз когда мы загрузились. Вы не знаете, как… ну… перенастроить навигационную систему?

— Раз плюнуть, — заверил его мистер Гриффин, протиснулся мимо них и уселся за приборную панель.

Билл внимательно смотрел, как он включает ее и вводит новые цифры.

— Бедные малыши, потерялись Снаружи, совсем одни… Повезло вам, что я вас нашел. Дорога отсюда всего в пяти километрах к востоку, но вы могли блуждать тут веки вечные и так на нее и не выехать.

— Я знал, что мы близко, — сказал Форд, хотя никакого облегчения не чувствовал и к тому же не понимал почему.

— Да, тут случаются ужасные истории. Я заметил вашу тачку — петляет себе посреди равнины — и подумал: «Пронеси, Богиня, это же Отмороженный Дейв!» Я тут, знаете, в свое время всякого навидался…

— Кто такой Отмороженный Дейв? — спросил Форд.

— Как кто? Демон-дальнобойщик из Киммерийского моря! — Мистер Гриффин повернулся к Форду и снял маску. У него были веснушки, пышные усы и никакой бороды. И он оказался моложе, чем Форд решил сперва. — Кем Отмороженный Дейв был при жизни, не знает никто; просто бедолага, который приехал сюда в самом начале, и говорят, он умер за рулем, прямо на Дороге, понимаете? А тачка его все ехала и ехала на автопилоте. Говорят, в шторм машина сбилась с Дороги, но продолжала нестись, а когда аккумуляторы разряжались, замирала и стояла, пока следующая буря не сметала песок с солнечных батарей. И тогда она снова заводилась.

Форду стало не по себе. Гриффин говорил, будто актер по головизору, будто человек, который читает стихи с выражением.

— Однажды какие-то разведчики отыскали ее посреди пустыни, подошли и открыли люк. Отмороженный Дейв так и сидел за рулем, высохший, словно мумия; но не успели они ступить на трап, как машина снова завелась и рванула с места, раскидав их, будто кегли. И знаете, что было потом? Тачка развернулась и поехала прямо на них — представляете? — и успела вдавить одного в песок, а остальные разбежались. Они-то, добравшись до дому, и рассказали обо всем. С тех пор многие дальнобойщики видели этот танкер, который гоняет по пескам сам по себе, а за рулем у него болтается мертвец. Одни говорят, что это призрак Дейва ищет дорогу назад на Базу Поселений. Другие — что сама тачка сошла с ума от горя и готова убить всякого, кто к ней приближается, лишь бы никто не забрал ее

Дейва. Ни один нормальный разведчик вроде меня в жизни к ней не приблизится. Даже увидеть ее — плохая примета. — И он весело подмигнул Форду.

— Нам надо отвезти папу в больницу, — прокашлявшись, сказал Билл. — Спасибо, что помогли нам. Всего хорошего.

— Конечно! — ответил мистер Гриффин и снова натянул маску. — Только я сначала проверю ваш танкер, договорились? Буря была сильная, вдруг в машине что-то сломалось, а вы и не знаете! Вы же не хотите взять и разбиться, правда?

— Нет, сэр, — кивнул Форд.

Мистер Гриффин выпрыгнул из кабины. Билл хотел выпрыгнуть следом, но тот жестом остановил его.

— Нет-нет, вот как мы поступим, — начал он. — Вы, мальчики, сидите здесь и смотрите на приборы. Я проверю колесные реле — обычно именно они выходят из строя после бури, потому что в них набивается уйма мелких магнитных частиц. От этого все колеса по одному борту могут заблокироваться, а представляете, что будет, если это случится на полной скорости! Наверняка перевернетесь и разобьетесь. Я открою люк и быстренько проведу диагностику, а когда загорятся зеленые огоньки, вы мне крикнете.

— Ладно, — сказал Билл, залез обратно и задраил люк. И тут же начал ругаться. Он ругался и ругался, а Форд глядел на него.

— Ты что это? — рассердился он наконец. — Он же нас спас!

— Как же, как же, сейчас! — заорал Билл. — Он такой же Гвилл Гриффин, как я твоя бабушка! Я его знаю. Его зовут Арт Финлей. Он из Мамочкиных сынков. Она его выгнала в прошлом году. Он забирался в раздевалки и обшаривал у ребят карманы. Думал, его не поймают, но его записали на камеру. Так что этот «разведчик» со всеми своими байками — то еще дерьмо. А общекельтский акцент у него потому, что на Земле он жил в каких-то американских краях.

— Выходит, он жулик? — Форду сразу вспомнилось, как ему почему-то стало не по себе, когда он слушал Гриффина.

— Да, он жулик, — подтвердил Билл и протянул руку, чтобы включить рацию. — Ну, как реле? — спросил он.

— На вид нормально, — протрещало в ответ. — Твой папа хорошо заботился о своей тачке, это уж точно. Ну, мальчики, смотрите на приборы, скажете мне, когда загорятся зеленые лампочки.

Они уставились на панель и через несколько секунд хором крикнули:

— Зажглись!

— Ну тогда у вас дело в шляпе.

— Спасибо! Мы поедем, хорошо? — спросил Билл.

— Давайте. Я вас провожу — хочу убедиться, что вы благополучно добрались до дому.

— Ладно, — буркнул Билл и отключил рацию. — Дави на газ! — приказал он Форду. — Пять километров к востоку. Значит, увидим Дорогу, как только перевалим за тот гребень. Давай-ка попробуем оторваться от этого гада.

Форд снова завел двигатели, и «Красотка Эвелина» тронулась с места. Она набрала скорость, и Форд направил ее к холму, чувствуя, как с каждым метром его переполняет восхитительное чувство свободы. Но тут Билл спустил его с небес на землю воплем:

— Он сдвинул камеру!

— А?

— Гляди! — Билл ткнул пальцем в экран левого борта. Он показывал уже не борт «Эвелины» и полоску земли, как раньше; теперь на нем была только панорама северного горизонта. — Он сдвинул линзу! Верни ее обратно!

— Я не знаю как!

Форд перепугался и нагнулся к приборной панели, а Билл подскочил и стал колотить по кнопкам, которые управляли объективами камер. На экране снова появился борт «Эвелины».

— Вроде все хорошо, — сказал Форд. — Эй! Вон она, Большая Дорога! Уррраааа!

— Совсем нехорошо! — зашипел Билл. — Гляди! Он оставил люк открытым! Почему, интересно, аварийная лампочка не зажглась?

— Не знаю…

— Еще бы ты знал, деревня! — в ярости бросил Билл. — А вот и он!

Форд глянул на экран заднего вида и увидел, что машина мистера Гриффина едет прямо за танкером; затем она пристроилась по левому борту «Эвелины», и изображение переехало на левый экран. Машина поравнялась с открытым люком. Билл и Форд в ужасе смотрели, как открывается люк кабины. И как Наружу высовывается мистер Гриффин с маской на лице.

— Он хочет сделать что-то с нашими приборами! — завизжал Билл.

— Не выйдет, — процедил сквозь зубы Форд.

Ему в жизни не приходилось так злиться. Не раздумывая ни секунды, он направил «Эвелину» влево. Она не просто зацепила мистера Гриффина — с жутким треском она отшвырнула его машину, и та перевернулась и покатилась прочь по песку, и было

видно, как мистер Гриффин вылетел из нее. «Красотка Эвелина» содрогнулась и накренилась. Они притормозили и остановились. Посидели, пока не прошла дрожь.

— Надо пойти посмотреть, — сказал Билл, — не повредилось ли что-то.

Они надели маски и вылезли Наружу.

IX

Левая передняя шина «Красотки Эвелины» лопнула. Только по ободу колеса осталась толстая поликерамическая корка — и все. Наверное, когда шина лопнула, обрывки разлетелись во все стороны. Форд только рот разинул, а Билл побежал к открытому люку. Форд услышал поток ругательств. Он повернулся и увидел, как Билл что-то отрывает и показывает ему.

— Изолента, — сказал Билл. — Он заклеил аварийный датчик изолентой.

— А он не повредил эти, как их, реле? — Форд озабоченно заглянул в открытый люк, не имея представления о том, что там внутри.

— Нет, ты его вовремя пришиб. Но если бы он по ним врезал, то на скорости мы бы перевернулись, как он и говорил. И тогда ему осталось бы только пошарить в обломках. Забрать себе цистерну. А потом всем рассказывать, что нашел в пустыне разбившийся танкер с «бедными малышами».

Билл покосился на облако пыли над разбитой машиной Гриффина. Он нагнулся и взял увесистый камень, Форд посмотрел, куда он метит.

— Думаешь, он жив? — спросил он, поежившись.

— А вдруг? Бери булыжник. Пойдем проверим.

Но Гриффин был мертв. Они нашли его там, куда он упал, — в девяти метрах от кабины. Маска с него свалилась.

— Ой, — проговорил Форд, пятясь. — Ой…

Он быстро отвернулся и согнулся пополам. Его вырвало прямо в маску. Он побежал к танкеру. Взобрался внутрь, задраил люк, ринулся в туалет, сдернул маску. Его снова вырвало — под бесстрастным взглядом Билли.

К тому времени, когда вернулся Билл, он уже успел привести себя в порядок и даже перестал плакать.

— Можешь надеть маску? — спросил Билл через переговорник.

— Ага… — отозвался Форд прерывающимся голосом.

— Может, и обойдется, — сказал Билл. — Я там поглядел на его тачку. Шины того же размера, что и у нас. Возьмем у него одну.

— Да, — согласился Форд.

Билл пристально взглянул на него:

— Ты сможешь выйти Наружу? Ты весь зеленый.

— Я убил человека, — пропищал Форд.

— Он хотел убить нас, — отрезал Билл. — Он получил по

заслугам.

— Знаю, — ответил Форд, и его снова затрясло. — Это… просто у него был такой вид… ну, лицо. Ох… Он мне теперь всю жизнь сниться будет.

— Понимаю, — устало выдохнул Билл. — Со мной тоже так было, когда я в первый раз увидел такого мертвеца.

— А что, это часто случается?

— С дальнобойщиками? Сплошь и рядом. Обычно с новичками. — Билл поднялся. — Пошли. Утри нос и посмотрим, получится ли заменить колесо.

Шагая к разбитой машине, Форд тихонько захихикал:

— Уж ему-то мы нос утерли, да?

Перевернувшись несколько раз, машина Гриффина встала на колеса. Люк сорвало, и кабина превратилась в кучу хлама, облитого кофе, который уже успел замерзнуть. Форд сцепил руки и подсадил Билла в кабину.

— Что-то я не вижу болтов, — сказал Форд, глядя на ближайшее колесо. — Как же его снять?

— У танкеров колеса не такие, как у тракторов, — сердито бросил Билл, нажимая кнопки на приборной панели. — Вот дерьмо. Электроника ткнулась. Должен быть рычаг аварийного сброса… у нас он под панелью, потому что у нас «мицубиси»… а это «тутатис»… поглядим-ка вот сюда…

Форд посмотрел через плечо туда, где лежал мертвец. Поскорее отвел глаза и попробовал дернуть шину. Она была неподвижная, словно десятитонный валун. Форд обхватил ее руками и потянул изо всех сил.

— Ага, наверное, нашел, — донеслось из кабины. — Отойди-ка. Форд отпустил шину и попятился, но тут колесо слетело с оси, словно ядро из пушки.

Оно ударило Форда в живот. Он отлетел на два метра и ничком рухнул на песок. Дыхание у него перехватило, и он не мог даже застонать.

— Балда, — процедил Билл, глядя на него сверху вниз. Он выпрыгнул из кабины и стащил с Форда колесо. — Я же сказал — отойди. Ну почему меня никто никогда не слушает?

Форд перевернулся на живот, боясь, что его опять вывернет. Он с трудом поднялся на четвереньки. Билл уже вовсю катил колесо к «Красотке Эвелине». Форд встал на ноги и поплелся следом.

Он держал колесо вертикально и на сей раз отошел подальше от оси, когда Билл снимал с нее лопнувшее колесо. Оно отлетело до самой разбитой машины. Потом Билл спустился, и они вместе подкатили колесо к оси и закрепили его. А потом вырулили на

Дорогу между двумя валунами и снова повернули на север.

— Слушай, нельзя так нюни распускать, — сказал Билл, пристально глядя на Форда. — Ты же не хотел его убивать.

— Дело не в этом, — проговорил Форд. Он посерел и обливался потом. — У меня живот здорово болит, вот и все.

Билл нагнулся и посмотрел на него.

— Пи-костюм говорит, что ты поранился, — заявил он.

— Правда? — Форд покосился на датчики. Как же он сам не заметил, что мигает желтая лампочка? — Он стал какой-то тесный. Мне даже дышать трудно.

— Надо остановиться.

— Хорошо, — кивнул Форд.

«Красотка Эвелина» остановилась прямо посреди Дороги, и Билл подошел к Форду и внимательно изучил диагностические датчики на его пи-костюме. Он побледнел, но сказал только одно:

— Давай-ка поменяемся местами.

— Но ты же не умеешь водить! — запротестовал Форд.

— Если нет ветра и никуда не надо сворачивать, то, в общем-то, умею, — сказал Билл.

Он сбегал в жилой отсек, пока Форд бочком усаживался в его кресло, и тут же вернулся, держа в руках маленький пакет с трубочкой.

— Ну-ка подними руку, вот так, ясно?

Форд покорно смотрел, как Билл присоединяет трубочку к вентилю в пи-костюме.

— Мне от этого станет легче?

— Должно.

Билл плюхнулся в водительское кресло, и «Красотка Эвелина» с ревом тронулась с места.

— Это хорошо, — вздохнул Форд. — А что со мной случилось?

— Пи-костюм говорит, ты что-то себе порвал, — ответил Билл, не отрывая взгляда от экрана. Он прибавил скорости.

— А, ну это ничего, — сказал Форд, поморгав. — Джимми Линтон тоже что-то себе порвал, и у него все нормально. Даже очень хорошо. Врач запретил ему работать лопатой. Так что… он стал секретарем Совета, представляешь? Теперь ему всего-то нужно вести всякие протоколы собраний и рассылать почту.

— Вот это да.

— Так что если и у меня то же самое, может, папа не будет так уж сердиться, что я хочу стать дальнобойщиком. Потому что мне нельзя будет работать на метановом заводе и в коровниках. Может быть.

Билл потрясенно покосился на него:

— Ты после всего этого по-прежнему хочешь стать дальнобойщиком?

— Конечно!

Билл только покачал головой.

Воцарилось полное безветрие — по крайней мере по сравнению с тем, что было раньше. Вдалеке на равнине то и дело появлялись ленивые смерчи. Чем дальше на север, тем прозрачнее становился воздух, ярче — солнечный свет, сверкавший на выходах горных пород, которые отливали то ржавчиной, то молочным шоколадом, то мандаринами, то новенькими пенни.

— Какая красота, — произнес Форд заплетающимся языком. — В жизни такого не видел. Скажи, мир очень большой?

— Да, наверное, — ответил Билл.

— И он — наш, — сказал Форд. — Кто хочет, может возвращаться на Землю, но мы не станем. Мы — марсиане.

— Ага.

— Видишь, у меня волосы отрастают? — Форд поднял руку и похлопал себя по макушке. — Рыжие, как Марс.

— Не верти рукой. Трубка выскочит.

— Извини.

— Ничего. Слушай, может, тебе маску надеть? Кислородом подышишь.

— Ага… — Форд натянул маску. — Потом он улыбнулся и произнес: — Я понял, кто я такой.

Он пробормотал что-то себе под нос, но маска все заглушила. Когда Билл поглядел на Форда в следующий раз, тот был уже без сознания.

И Билл остался совсем один.

Рядом не было Билли, на которого можно кричать и которого можно во всем обвинять. Может, его больше и не будет. С ним нельзя будет спорить, нельзя будет его стыдить, игнорировать и заставлять чувствовать себя тем, кем Билл хотел заставить его чувствовать себя. Нельзя — если он умрет.

Но ведь пока он был жив, он был именно таким! Или нет?

Прямая холодная дорога протянулась по плоской холодной равнине, и здесь не было ни милосердия, ни добра, ни зла, ни лжи. Только гигантская машина, которая ехала себе вперед и которую следовало удерживать на дороге, на что у Билла уходили все силы.

Если у него это не получится, он погибнет.

Для Билла оказалось некоторым потрясением осознание того,

как часто ему нужны были зрители. Кто-нибудь, кто засвидетельствовал бы, насколько ему, Биллу, страшно, как он зол, кто-нибудь, кто согласился бы, что Билли — совсем никудышный отец.

На что он надеялся? Что когда-нибудь он окажется в огромном зале суда и расскажет всему миру, как несправедливо с ним обходились с самого рождения?

А теперь он все понял.

Нет никакого вселенского суда, никаких законов, которые превратили бы Билли в такого отца, какого хотел себе Билл. Нет никакой Марсианочки, которая развеяла бы пыльную завесу и привела бы заблудившегося мальчика домой. Красному миру было наплевать, что Билл дуется; мир мог убить его запросто, между делом, стоит только заманить его Наружу.

И Билл всегда это знал.

Так какой был смысл все это время злиться?

Какой был смысл сжимать побелевшие кулаки и чувствовать ком в животе по поводу того, что все равно не изменишь?

Как бы Билл ни злился, это никого не заставило бы переделать мир под него.

Но…

Есть люди, которые переделывают мир под себя. Может, и ему удастся переделать мир — тот маленький его кусочек, который принадлежит ему.

Билл поглядел на экраны, посмотрел, как ветер гонит песок по голой каменистой равнине, на пустоту, которую он ненавидел, сколько себя помнил. Что может заставить его полюбить все это — так, как любили Билли и Форд?

Он представил себе, как вода льется с неба, как пробивается, бурля, из-под обледенелой скалы. Может, она окажется голубая. Она станет плескаться, и над ней будет подниматься пар, как в купальнях. Бегучая журчащая вода, которая потопит пыль и сделает красный песок плодородным.

И будет зелень. Билл не мог представить себе целые акры визиопанелей, закрывшие весь мир, всю зелень на планете. Но зелень может появиться сама по себе, надо только, чтобы было побольше воды. Поначалу — чахлые пустынные растеньица, а потом… Билл попытался вспомнить названия растений из школьной программы. Ну да, полынь. Секвойи. Клевер. Эдельвейсы. Яблоки. Ему вспомнилась детская песенка, которую он когда-то скачал в гейм-бук: «Хотел бы жить я там — не здесь, не тут, — где золотые яблоки растут»…

Он прищурился и вообразил, что летит вдоль зеленых рядов без конца и края, рядов, которые высятся с двух сторон, дают

теплую тень и укрывают от ветра. Еще одна картина — тоже из школьной программы: зеленая лужайка, а на ней пасутся коровы, а сверху — небо, полное белых облаков, из воды, а не из пыли.

А в самых укромных местах поселятся люди. Семьи. Дома, залитые по вечерам теплым светом, мерцающим за пеленой зеленых листьев. Как он всегда себе представлял. И среди них будет его дом. Дом, где он станет жить с семьей.

Никто, конечно, не подарит ему ни дома, ни семьи, ни уютного безопасного мира вокруг. Никогда. Такого не бывает. Но…

Билл завернулся в свои мечты, укрылся от страха и холода и прибавил скорости.

В какой-то момент — то ли через несколько часов, то ли через несколько дней, этого он так и не понял, — силы у него кончились, и он не мог больше удерживать «Красотку Эвелину» на Дороге. Она плавно съехала в сторону, цепляя по пути валуны, и остановилась — прямо на станции «Тысяча-Ка».

Билл лежал, обмякнув, на сиденье, — он так устал и ему было так больно, что двигаться он не мог. Форд по-прежнему сидел в кресле, и лицо его было скрыто маской. Билл не знал, жив он или уже умер.

Мальчик закрыл глаза и провалился в зелень.

Он пришел в себя оттого, что кто-то барабанил в дверь кабины и кричал. Билл натянул маску и вскочил, не успев сообразить, что это ему не снится. Он нажал на кнопку, люк открылся, и из черного прямоугольника ночного неба в лицо Биллу хлынул красный свет. Там стоял Тертый Кирпич, дедушка всех дальнобойщиков, с развевающейся на штормовом ветру седой бородищей, а за его спиной — по крайней мере еще трое дальнобойщиков. Увидев Билла и Форда, Тертый Кирпич вытаращил глаза за маской. И тут же нашарил регулятор громкости на своем пи-костюме и переключил его на полную мощность:

— КОНВОЙ! У НАС ТУТ ДЕТИ! ПОХОЖЕ, ЭТО ТАЧКА ТАУНСЕНДА!

X

Через пару дней Билл вполне поправился, хотя ему все равно вливали что-то в вену, пока он спал. В голове у него еще не прояснилось, когда пришла Мамочка, села у его койки и очень осторожно рассказала ему о Билли.

Она говорила, что Биллу не о чем беспокоиться; она найдет для Билли уютный уголок в «Королеве» и обеспечит его всяческой едой и питьем до конца его дней, а Билл иногда будет приходить поболтать с ним — ведь правда будет? Билли всегда так гордился малышом Биллом, это все знают. И может быть, Билл иногда станет гулять с ним по Трубам, чтобы Билли поглядел Наружу? Ведь Билли так любил Большую Дорогу.

Форд еще не поправился. Ему пришлось сделать операцию и удалить разорвавшуюся селезенку, и когда с него сняли пикостюм, он едва не истек кровью.

Он еще не очнулся, когда Билл, завернувшись в просторный, не по размеру, халат, приплелся, волоча ноги, в реанимационное отделение посмотреть на него. Собственно, ничего другого, кроме как посмотреть, Билл не мог сделать; Форд, бледный как простыня, лежал, обмотанный кучей трубочек, под пластиковым куполом. Не белые у него были только волосы, огненно-рыжие, словно марсианский песок, и зеленоватый кровоподтек вокруг подбитого глаза.

Билл сидел, глядя в кафельный пол, пока не понял, что в палату кто-то вошел. Он поднял глаза.

Мальчик сразу понял, что этот человек — папа Форда: такие же блекло-голубые глаза и такие же торчащие уши. На нем были заплатанные джинсы и грязные ботинки, а еще — вязаная шапка, натянутая очень низко, чтобы скрыть повязку на левой брови. На подбородке у него проросла коротенькая белая щетина, словно легкий иней.

Он поглядел на Форда, и на блеклые глаза навернулись слезы. Потом он поглядел на Билла. Билл смотрел в пол, аккуратно поставив носки тапочек по шву между плитками.

— Ты, наверное, тот мальчик-дальнобойщик? — спросил папа Форда. — Мне следует поблагодарить тебя от имени моего Блатчфорда.

— Блатчфорда? — огорошенно переспросил Билл, не сразу поняв, кто имеется в виду. — А, ну да.

— Та женщина обо всем мне рассказала, — продолжил папа Форда. — Мой Блатчфорд был ни в чем не виноват. Бедный мальчик. Ничего удивительного, что он перепугался и убежал.

Твой отец хорошо поступил, что приютил его. Мне очень жаль, что с мистером Таунсендом случилось такое несчастье.

— Мне тоже, — пробормотал Билл. — Но Фор… Блатчфорд обязательно поправится.

— Не сомневаюсь, — сказал папа Форда, с тоской и надеждой глядя на сына. — Мой Блатчфорд сильный мальчик. Не то что его брат Сэм. Можно растить своего ребенка с рождения и прилагать все усилия, чтобы научить его, что хорошо, а что дурно, — и вдруг в один прекрасный день оказывается, что вы чужие друг другу… Так вышло с моим Сэмом. Я должен был это предвидеть, заметить, как он от нас отдаляется. На самом деле в нем никогда не было толку. Слабак. Не то что мой малыш Блатчфорд. Он-то никогда ни на что не жаловался, никогда не требовал суетного. Он-то знает свое место в мире. Когда-нибудь Коллектив будет им гордиться.

Билл с трудом сглотнул. Он понимал, что Коллектив никогда не будет гордиться Фордом, что Форд при первой же возможности окажется на Большой Дороге, потому что он влюблен в горизонт, а озлобленное сердце старика разобьется еще раз.

И тут все случившееся обрушилось на Билла всей своей тяжестью. Он в жизни не чувствовал себя таким несчастным.

— Сэр, скажите, пожалуйста, — проговорил он, — что нужно, чтобы вступить в МСК?

— А? — обернулся папа Форда.

— Что вы там делаете?

Папа Форда испытующе поглядел на него, прокашлялся.

— Молодой человек, дело не в том, что ты делаешь. Дело в том, кто ты есть. — Он подошел, сел рядом с Биллом и расправил плечи. — Нужно быть человеком, который верит, что новый мир стоит тяжкого труда. Нельзя быть слабым, боязливым, алчным. Нужно понимать, что главное и единственно важное — это создать новый мир, причем для всех и каждого, а не для себя одного. Может быть, ты и не увидишь этот новый мир, потому что создать его так, как надо, — это очень трудно. Это потребует всех сил и всей решимости, и может статься, что в конце концов у тебя не будет ничего, кроме осознания выполненного долга. Но тебе больше ничего не будет нужно.

Голос у него оказался высокий и резкий; говорил он так, словно читал затверженную наизусть лекцию. Но глаза у него сверкали, как у Форда, когда тот впервые смотрел в безбрежное небо.

— Понимаете, я хочу изучать сельское хозяйство, — признался Билл. — И вот подумал, может, когда сдам все экзамены, то вступлю в МСК. Я хочу, чтобы мир был такой, как вы

говорите. Я всегда именно этого и хотел.

— Прекрасно, сынок, — сказал папа Форда и степенно кивнул. — Учись усердно, и тогда, не сомневаюсь, мы с радостью примем тебя. МСК нужны такие молодые люди, как ты. Я от души рад, что у моего Блатчфорда такой замечательный друг. Мысль о том, что за наше дело борются два таких юных героя, как вы, вселяет надежду на будущее!

Он пожал Биллу руку, и тут в палату заглянула медсестра и сказала, что часы посещений окончились. Папа Форда ушел вниз по склону. Билл поплелся в свою палату.

Ложиться он не стал. Сел на стул в углу и стал смотреть в окно на Купол Поселения посреди холодной красной пустыни, на далекую двойную линию валунов там, где проходила Большая Дорога в те края, которых Билли никогда не увидит. И расплакался — тихо, молча, — и слезы закипали у него на щеках.

Он не знал, кого ему так жалко, — то ли Билли, то ли папу Форда.

Старый мир кончался. Начинался новый.

Брюс Макаллистер
Родство [102]

Гарри Гаррисону, маэстро

Двое сидели в комнате без окон, в одном из высотных зданий большого города. Ребенок говорил — инопланетянин слушал. Двенадцатилетний мальчишка, в котором угадывались черты сразу нескольких рас, был самый обыкновенный. И одеждой он не отличался от своих сверстников стандартного городского квартала LAX. Однако внешность гостя любой назвал бы отвратительной. Ребенок не хотел показаться невежливым, но все же никак не мог поднять на него взгляд.

Их должно было связать простое дело — убийство. Инопланетянин неподвижно сидел на кровати — единственном предмете мебели, способном выдержать его вес. Хозяин комнаты расположился напротив, на табурете возле учебного терминала, где ежедневно делал уроки. В крошечном помещении оба сидели так близко, что странное колено гостя почти касалось лица ребенка. От этого мальчик чувствовал еще большую неловкость. Наверное догадавшись, уродец отвел ногу, и человек облегченно вздохнул.

Да и не было особой надобности рассматривать лицо Анталоу. Хватило первого взгляда на него в тот момент, когда нелепая фигура возникла на пороге квартиры. Хотел того ребенок или нет, но гость ответил ему быстрым и цепким взглядом. И не то чтобы стало страшно, говорил себе мальчик. Но уже одно то, что это жуткое существо могло появиться в дверном проеме здания, построенного людьми, для людей, где столько поколений рождалось и умирало и еще не одно поколение появится и уйдет… Это казалось немыслимым! Понимал ли это Анталоу?

Даже закрыв глаза, мальчик видел черный костюм из синтетической кожи, обтягивающий туловище инопланетянина. Он служил защитой от недружелюбной атмосферы Земли. Видно было, как каждая мышца напрягалась под кожей. Словно волны пробегали по его телу, даже когда Анталоу не шевелился.

Появившись в дверях, гигант втянул в плечи длинную шею. Она могла молниеносно выдвигаться вперед, и тогда челюсти рефлекторно раскрывались. Четыре свои руки он тоже не мог бы расправить, стоя в узком проеме. Мальчик знал о страшных когтях в глубоких складках на концах пальцев. Помимо этого руки Анталоу были усажены роговыми шипами. И в подушечках

пальцев ног тоже прятались когти.

Теперь, объясняя, чего он хочет от гостя, не поднимая на него глаз, мальчик ярко представлял, как тот втягивает и снова выпускает эти когти, словно кинжалы из ножен. Огромные глаза пришельца могли чувствовать свет разных частей спектра и видеть в кромешной темноте. Под дыхательными мешками, напоминающими жабры, сочились протоки, из которых в случае опасности выстреливали струи кислоты.

На мгновение приблизив голову, инопланетянин наконец заговорил. Голос его был механическим, шипящим, обработанным в транскодирующем устройстве, которое закрывало половину лица.

— Кто — это… кого вы хотите видеть убитым? — спросило чудовище, и мальчик едва удержался, чтобы не взглянуть на него.

Это всего лишь голос, успокаивал себя ребенок, механический и шипящий, как у змеи, но совершенно неопасный.

— Человека по имени Джеймс Ортега-Мамбей, — ответил он.

— Почему? — прошипел Анталоу в душном воздухе комнаты.

— Он хочет убить мою сестру.

— Вам об этом известно… откуда?

— Просто знаю.

Инопланетянин не шевелился. Мальчик слышал шелестящий шум его дыхания.

— Почему, — произнес наконец гость, — вы решили… что я соглашусь это сделать?

Мальчик помедлил с ответом.

— Потому, что вы — киллер. Пришелец снова помолчал.

— Значит, — прошуршал его голос, — по-вашему, все Анталоу — профессиональные убийцы?

— О нет, — отвечал мальчик, на этот раз пытаясь не отводить взгляд. — Я имел в виду…

— Если нет… тогда… как вы выбрали именно меня?

Мальчик нашел его у Большого Фонтана, что рядом с утесами Моники — достопримечательностью, известной любому посетителю Земли и включенной во все официальные туры. Он вручил пришельцу карточку, где на плохом анталоуском было написано:

> «*Я знаю кто Вас и чем заниматься. Я требоваться Ваш помощь. Квартал LAX 873-2345-2657 на 11.00 завтра утро. Мой имя Ким».*

— Анталоу известны своим искусством, сэр, — вдохновенно заговорил мальчик. — Мы проходили историю кампании Нох, и то, что случилось на Хоггане Два, когда ваш народ был предан. И

знаем, на что оказался способен отряд ваших наемников при столкновении на Гар-Бетти. — Мальчик помолчал. — Мне пришлось раздать девяносто восемь таких записок, сэр, прежде чем я нашел вас. Вы были единственным, кто откликнулся…

Отвратительная голова опустилась, но длинные руки не пошевелились. Только мышцы то и дело вздрагивали. Мальчик заметил, что не может оторвать взгляд от этих покрытых шипами напряженных рук.

— Я понял, — просипел Анталоу.

Кажется, механический переводчик подобрал слова, не означавшие настоящего *понимания.* Нелегко было осмыслить, как маленький землянин сумел то, на что оказались не способны разведывательные службы пяти миров. Опознать в одном из тысяч Анталоу — убийцу-профессионала.

И вот еще над чем размышлял пришелец: почему же он сам откликнулся на это послание? Почему отнесся к нему серьезно? Возможно, почувствовал, что здесь нет скрытой угрозы — записку принес ребенок, — и подчинился профессиональному рефлексу? А может быть, что-то еще?

— И сколько… — поинтересовался гость, — вы в состоянии заплатить?

— У меня есть двести долларов, сэр.

— Откуда они у вас?

— Я продал кое-какие вещи, — быстро ответил мальчик. Обстановка была очень скромной. Что тут можно продать?

Инопланетянин не сомневался, что деньги украдены.

— Я могу достать больше. Я сумею!

Инопланетянин издал какой-то звук, оставшийся без перевода. Мальчик вскочил со стула.

Пришелец думал о двухстах тысячах интерров, полученных за отмщение тем, кто теперь покоился в грунте Третьей Луны Хоггана. О ста тысячах долларов за контракт с изменниками на астероиде Волф. Об ископаемых ресурсах и о дорогих лекарствах. О скромном летательном аппарате, который стоил в два раза больше оказанных услуг. О том, сколько он получил за три убийства по заказу корпорации на Алама Поу. Что такое двести долларов? Билет на метро?

— Этого — недостаточно, — прошуршал инопланетянин. — Никак не достаточно, — повторил он, и одна рука дернулась сильнее. — Вы, возможно, позаботились сделать запись… нашего обсуждения… и будете шантажировать меня тем, что предъявите ее земным властям… если я не сделаю того, о чем вы просите.

Зрачки ребенка расширились совсем как у одного из земных чиновников, перед тем как того пришлось удалить по заказу Грэй

Инфра.

— О нет, — мальчик запнулся, — я бы не стал… — (Пришелец видел, как его лицо залила краска возмущения.) — Я даже не думал об этом!

— А возможно… стоило бы, — спокойно произнес Анталоу. Рука задергалась снова, и землянин увидел, что она короче трех других, крючковатая, но более мощная.

Мальчик кивнул. Да, ему следовало догадаться и сделать запись.

— И почему же тот человек… Джеймс Ортега-Мамбей… хочет убить вашу сестру?

И тогда, снова покраснев, мальчик попытался объяснить. Когда он закончил, инопланетянин странно посмотрел на него, так, что тот опять смутился. Затем чудовище встало. Ноги его напряглись, чтобы удержать громоздкое тело, длинные руки проделали замысловатые движения, словно проснулись и зажили собственной жизнью.

Мальчик тоже поднялся и отступил, чтобы дать дорогу.

— Двести… недостаточно для убийства, — прошелестел на прощание инопланетянин и ушел через тот же запасной выход, который тайно открыл для него мальчик Ким…

Когда человек по имени Ортега-Мамбей вышел из шаровидного лифта на крышу федерального здания, над городом разливался закат. Вот и конец еще одного долгого, удачного дня в БуПопКон. Последние лучи солнца превратили вертолетную площадку в сверкающее зеркало, в маленькое пылающее озеро — гладкое, совсем не то, что беспокойная поверхность Тихого океана за городом. Даже духота не портила прекрасной картины заката. Да, в такую погоду каждому хочется сбросить пиджак. Но для Ортеги-Мамбея существовало только одно место, где снять пиджак было наслаждением, — его великолепный дом на берегу океана.

Не подчиняясь обычаям большинства, чиновник оставался в своем дорогом дымчатом костюме из ткани тройного переплетения, модели под названием «Мерцающее лето». Элегантном, не обладающем запахом, водонепроницаемом, прохладном.

Как всегда, Ортега-Мамбей покидал Агентство последним и, как всегда, ощущал в душе гордость. Не было ничего более приятного, чем уходить, когда в здании никого не оставалось. А затем — оторваться от опустевшей площадки под оглушительную музыку лопастей, когда где-то внизу догорает закат, а ты летишь к месту заслуженного отдыха вдали от города. Туда, на

побережье, к другой вертолетной площадке, к «Дому Мечты» в пригороде Окснарда. Он так много трудился, чтобы сделать эту мечту реальностью.

Сверкая последними солнечными бликами, вертолет ждал его на площадке, словно часть великолепного этюда. Ортега-Мамбей не спеша направился к машине. Этот вечер просился на холст живописца, или на голографический снимок, или в мультимедийную поэму. Возможно, в предстоящий уик-энд он наконец сделает что-нибудь, чтобы запечатлеть чудный пейзаж… Но лишь после того, как выпроводит двоих коллег, которые прибудут с отчетом о рабочей неделе.

Когда Ортега-Мамбей подошел к вертолету, из тени машины неожиданно выскользнула высокая нелепая фигура. Он чуть не вскрикнул.

Сначала чиновник подумал, что кто-то из коллег устроил дурацкий розыгрыш, надев маскарадный костюм.

Он сделал несколько шагов, обходя кабину. Когда «шутник» вышел на свет догорающего солнца — у Ортеги-Мамбея упало сердце. Конечно, таких гадин показывали иногда в «Новостях», он даже видел их издалека на космодроме и среди туристов на экскурсиях. Но никогда так близко.

Зазвучал голос, низкий, механический, обработанный транскодировщиком:

— Вы — Джеймс Ортега-Мамбей, инспектор Седьмого Округа БуПопКон?

Ортега-Мамбей отказывался верить в происходящее, но это был не сон. Как и любой другой, он знал репутацию Анталоу.

Он знал, для чего земляне и четыре другие межзвездные расы нанимали этих чудовищ. Анталоу не производил впечатления существа, которому стоило лгать.

— Да… Я. Я — Ортега-Мамбей.

— Меня зовут… хотя не имеет значения, — перебил сам себя Анталоу. — Вы, конечно, знаете, кто я… какие поручения… Это вы подписали постановление… считать беременность Линды Такей-Ятсен незаконной? Вы приказываете убить ребенка женского пола… нерожденную сестру мальчика по имени Ким Такей-Ятсен? Это правда?

Инопланетянин ждал ответа.

— Возможно, — невнятно пробормотал чиновник. — Я ведь не помню все наши постановления. Мы не регистрируем их пофамильно. — Он замолчал, осознавая всю абсурдность происходящего. Это было уж слишком. — Я действительно не понимаю, какое отношение это имеет к вам, — начал он. Это — город землян, он перенаселен, как и другие на нашей

переполненной планете. Мы не можем позволить себе расширить границы цивилизации за пределы Земли. Это одна из многочисленных проблем, к счастью решенная нами без посторонней помощи. Ничто из перечисленного не может никоим образом затрагивать ваши интересы, не так ли? И кстати, ваше пребывание здесь зарегистрировано?

— Нет, — прошуршало из динамика. — И все-таки заданный вопрос напрямую связан с моей миссией. Если… будущий ребенок семьи Такей-Ятсен умрет…

— Я не понимаю, к чему вы клоните!

— Она должна жить, Ортега-Мамбей… Ее брат мечтает иметь родную сестру. Он живет и учится… один в трех маленьких комнатах, в то время как его родители работают… в городе… Для него… девочка, которую носит его мать… уже существует. Он имеет большое чувство к ней… такое, которое отличает представителей человеческого рода.

Не может быть. Это просто безумие. Ортегу-Мамбея вдруг охватил гнев, какого он не чувствовал с начала своей работы в правительстве.

— Да как вы смеете! — услышал он собственный голос. — Вы находитесь в гостях на чужой планете и приказываете мне, федеральному чиновнику, исполнять пожелания не только какого-то ребенка, но еще и ваши собственные! Вы, посетитель без официальной регистрации, явившийся от имени себя самого!

— Этот ребенок, — взревел в ответ динамик Анталоу, — не умрет! Если она умрет, то я сделаю то, для чего был нанят!

При этом гигант шагнул навстречу, заслоняя собой потемневшее небо. Землянин невольно отшатнулся и зажмурился, но остался на месте.

Тогда пришелец поднял две верхние клешни, и Ортега-Мамбей услышал звук распарываемой кожи, хлопок, еще один… Что-то сжалось у него в горле, когда он увидел, как мощные, твердые шипы прорвали кожу на рукавах синтетического скафандра.

Затем, молниеносно развернувшись, Анталоу когтями проткнул и легко сорвал с петель тяжелую дверцу кабины из легированной стали.

Когти эти определенно были крепче и прочнее любой кости. Вряд ли у какого-нибудь земного зверя могли оказаться подобные. Несмотря на неподходящий момент, человек невольно представил, какую же пищу надо употреблять, чтобы выросли такие.

— Забирайтесь в свою машину, Ортега-Мамбей, — заскрежетал инопланетянин, держа дверь на весу. —

Отправляйтесь домой. У вас будет ночь, вы выспитесь и найдете способ сохранить жизнь маленькой девочке.

Руки и ноги Ортеги-Мамбея не слушались, и он никак не мог подняться в вертолет. В этот ужасный миг ему пришла в голову еще одна неуместная мысль, что инопланетянин мог бы помочь ему. Но вот наконец он внутри. Озадаченно пробегая рукой по кнопкам и рычагам приборной панели, человек словно перебирал решения.

Инопланетянин на этот раз не прошел в комнату и стоял, закрывая собой весь дверной проем. Теперь Ким не боялся смотреть на чужеземца.

— Вы знаете о нас что-то, — внезапно жестко сказал инопланетянин, — но не пожелали объяснить мне так, чтобы я понял…

Мальчик не отвечал. Глаза существа — огромные, кошачьи — не моргая глядели на него.

— Ответьте мне, — повторил пришелец. Но Ким произнес лишь:

— Вы сделали это? Чужеземец не шевельнулся.

— Вы убили его? — снова спросил мальчик.

— Отвечайте мне, — ровно прошуршало из динамика.

— Да, знаю… — сказал землянин, отводя взгляд.

— Откуда вы это знаете?

Мальчик не отвечал. Но сама поза, то, как он сгорбился на табурете, выдавало его… капитуляцию.

— Вы ответите мне… или я… разгромлю здесь все. Ребенок не реагировал. Затем встал и неуверенно повернулся к терминалу, за которым каждый день занимался по программе удаленного обучения.

— Я интересовался вашей планетой. — Голоса ребенка почти не было слышно.

— Это не все, — прошипел пришелец.

— Да. Я изучал историю Анталоу. — (Инопланетянин почувствовал в его голосе чуть больше оживления.) — Ну для школы, я имею в виду.

Мальчик нажал несколько клавиш, и экран засветился. Пришелец увидел карту Северного полушария Анталоу, торговые маршруты Седьмой Империи, континент и ядовитые моря. Мертвые моря, которые в конце концов обрекли планету на гибель.

— И это не всё, — настаивал чужак.

— Ну да, — наконец решился мальчик. — В прошлом году я собирал материалы самостоятельно, не для школы, — о

вымерших видах на вашей планете. Многим животным нужна была та же пища, что и Анталоу.

«Верно», — подумал инопланетянин.

— При этом мне попадались и другие факты, — продолжал Ким, и чужак слышал, что сила в его голосе снова пропадает.

Это чувство земляне называли отчаянием. Видимо, мальчик решил, что теперь никто не помешает человеку по имени Ортега-Мамбей убить его сестренку, и продолжение разговора считал бессмысленным.

Ким опять пробежал пальцами по клавиатуре. Появилась новая диаграмма. Она была очень знакомой, хотя инопланетянин никогда раньше не видел настолько подробной и тщательно выполненной версии.

В таблице содержались все доступные сведения по кланам Анталоу, и, хотя издали невозможно было прочитать мелкие подписи, пришелец, конечно же, помнил их. «Обязательства родства» и соответствующие им «мотивационные параметры», «параметры потребностей защиты» и «последствия потери обязательств», по которым осуществлялась идентификация и определялась принадлежность к кланам и группам. Здесь же приводилась ссылка на заключение межпланетных экспертов-психологов, объясняющих историческое поведение расы Анталоу.

Мальчик дотронулся до клавиатуры, и раскрылся иконографический список «Завещания предков» и «Схема родства», найденные в древних курганах Толоа и Манток.

— Вам показалось, вы можете понять, что чувствуют Анталоу? — спросил пришелец.

— Да. — Ким все так же смотрел в пол. Инопланетянин помолчал с минуту и вдруг сказал:

— Вам не показалось… Такей-Ятсен. Ким поднял взгляд, он не понял.

— Ваша сестра не умрет, — сообщил Анталоу. Мальчик моргал, не в силах поверить.

— То, что я сказал, — правда. — Инопланетянин наблюдал, как поза ребенка начала меняться. Словно сила, освобожденная от отчаяния, расправляла его. — Обошлось без убийства… которое ни вы, ни я… не могли бы себе позволить.

— Они разрешат ей появиться?!

— Да.

— Вы уверены?

— Я не лгу… Я знаю свою работу. Мальчик не отрывал глаз от чужеземца.

— Я отдам вам деньги! — воскликнул он.

— Нет, — покачал головой пришелец, так, как это делают

люди. — В этом нет необходимости.

Мальчик смотрел долго-долго, а затем поднялся с места.

Инопланетянин наблюдал с любопытством. Ким направлялся к нему, но что он собирается сделать, пришелец не понимал. Возможно, это было проявлением одной из традиций, которую люди называют *сентиментальностью.* Наверное, землянин, несмотря на робость, решил, что должен как-то особенно поблагодарить его.

Подойдя к чудовищу, мальчик привстал на носки, неуверенно поднял руку и слегка коснулся плеча Анталоу: один раз, другой, и затем — невероятно! — потянулся к поврежденной крючковатой лапе чужеземца.

Инопланетянин был потрясен. Это жест Анталоу, этот ряд прикосновений и пожатие!

Это совсем необычный мальчишка, подумал пришелец. И это не просто знания, усвоенные ребенком, и даже не просто *понимание* Анталоу. Это было что-то большее, в чем инопланетянину вдруг почувствовалось свое, родное…

Что-то, в чем нуждается даже наемник…

Жест Анталоу, который повторил человек, обозначал: «Я твой кровный должник». Землянин все сделал правильно.

— Спасибо, — сказал Ким, и инопланетянин понял, что тот заранее тренировался проделывать эти движения.

Даже мысль о том, что он однажды выполнит ритуальные прикосновения Анталоу, наполняла мальчика страхом, и он репетировал, пока волнение не перестало мешать ему. Сейчас Кима вновь охватила дрожь, которую никак не удавалось унять. Он спросил:

— Вы все еще принадлежите какому-то клану?

— Больше нет, — отвечал пришелец, и на этот раз его не смутила осведомленность ребенка. Мальчик теперь не удивлял его. — Это решение… было принято без сожалений. Многие Анталоу поступили так же. Моя работа… не позволяет иметь семью. Вы понимаете…

Мальчик кивнул и вдруг спросил:

— А что это значит — «убивать»?

Это был вопрос — инопланетянин знал точно, — ответ на который ребенок хотел получить больше всего. Голос дрожал, но от волнения, а не от страха.

Ответ оказался коротким:

— И… больше и меньше… чем кто-либо может представить.

Мальчик по имени Ким Такей-Ятсен стоял у дверей своей маленькой комнаты, где он спал и учился. Он слушал, о чем

говорит какой-то человек с его матерью и отцом. Чиновник старался не смотреть на выпирающий живот женщины. Он сказал: «Семья Такей-Ятсен, для вас сделано исключение. Вы получаете разрешение сохранить этого ребенка женского пола. Подтверждение Ограничительного комитета по семейным делам вы получите в течение трех рабочих недель. Со всеми вопросами обращайтесь в БуПопКон Седьмого Округа, в соответствии с номером вашей регистрационной карты».

Когда чиновник ушел, мать Кима закричала от радости, отец обнял ее, и мальчик подбежал к ним. Родители обхватили его за плечи. Так они стояли, обнявшись втроем, и скоро их станет четверо! Вот самое главное. У него замечательные мама и папа. Они подарили ему жизнь, и он так любит их! Мальчик знал, это очень важно.

Ночью он снова думал о ней. Ее назовут Киара. В его мечтах она чем-то напоминала сестру Сайддо, живущего двумя этажами ниже. Та была похожа на свою мать. Дочери и должны походить на матерей, ведь правда? Ким воображал фотографию своей большой семьи, где они сидят вчетвером, обнявшись. У них будет много комнат, много просторных комнат.

Когда мальчику исполнилось семнадцать, а его сестре пять, они все так же ютились в маленькой квартире. Однажды по их адресу доставили странный металлический ящик. Он прибыл из Рома, одного из миров Плеяд, измученного Вечной Войной. Несмотря на то что контейнер был изготовлен из прочного сплава, вмятины и зарубки испещряли его бока. Пломбы и ярлыки свидетельствовали о транзите через четыре космических порта. По крайней мере семь раз его вскрывали и досматривали. От него чем-то пахло. «Это — дезинфекция», — сказала курьер аэрокосмической компании «USPUS». В течение года контейнер находился в карантине и, учитывая обстоятельства, был доставлен в прекрасном состоянии.

Сначала Ким Такей-Ятсен не понял, о чем говорила курьер. Она объяснила, что в контейнере он найдет много вещей. Там оказался маленький отполированный череп какого-то инопланетного зверя. Пластина из неизвестного металла, оплавленная в форме фантастического цветка. Два гладких каменных кольца, издававших при соприкосновении мелодичный звон. Какой-то старинный прибор, который, как потом узнал юноша, был радиостанцией третьего поколения, «участником» боев в безвоздушном пространстве на Гар-Бетти. Катушка, изготовленная из смолы и шерсти животных, была редким музыкальным инструментом времен Хоггана VI. И много других

вещей, среди которых — карточка с изображением Большого Фонтана, подписанная детским почерком.

Еще некоторое время спустя семья получила официальное уведомление о трехстах тысячах интерров, перечисленных на банковский счет юноши на нейтральной территории астероида Хайверкс. Что касается «запаса средств защиты и нападения», не сразу стало ясно, что речь идет о складе оружия, помещенного на бессрочное хранение на одном из спутников Сатурна, также на имя Кима Такей-Ятсена. Еще прилагался билет на космическое путешествие: его разрешалось реализовать по достижении Кимом совершеннолетия.

Хотя это резко отличалось от завещаний, когда-либо написанных на Земле, все эти подарки представляли собой анталоуское «Завещание Духа». Оно было зарегистрировано Комитетом Космического Шлюза совсем незадолго до гибели чужеземца в звездной системе Глори.

Юноша пытался все объяснить родителям, но те никак не могли понять. Долгое время причины получения наследства были для семьи не так уж важны. Деньги позволили приобрести пятикомнатную квартиру в северо-восточном секторе города. Там же мать Кима нашла хорошую работу. Отец прошел курс иммунотерапии. Ким получил прекрасное техническое образование, и все смогли одеваться и питаться так, как они когда-то мечтали. Пока что (но, возможно, только пока) все эти радости имеют для Кима Такей-Ятсена гораздо большее значение, чем склад потрясающего оружия, терпеливо ожидающий его на спутнике Сатурна.

Аластер Рейнольдс
Помехи [103]

Пятница

Когда за Майком Лейтоном пришли из полиции, он был в подвале, в аппаратной. Он все утро пытался связаться с Джо Ливерсэджем, предупредить его, что не придет играть в сквош, как они договаривались. Неделя перед экзаменами оказалась забита под завязку, и Майк мрачно заключил, что проверка контрольных не оставит ему ни единого свободного часа на игры. Беда в том, что Джо то ли выключил телефон, то ли оставил его в кабинете, чтобы не нарушать работу аппаратуры.

Послав ему сообщение по электронной почте и не получив ответа, Майк решил, что придется прогуляться на другую половину здания и уведомить друга лично. В отделе, где работал Джо, Майка хорошо знали и пропускали свободно.

— Привет, дружок! — Джо оглянулся через плечо, держа в руке недоеденный сэндвич. На шее у него, чуть ниже линии волос, белела повязка. Он сидел, согнувшись над столом с ноутбуком, кабелями и грудами дискет. — Готов получить трепку?

— Я как раз насчет этого, — сказал Майк. — Извини, придется отменить. Сегодня вздохнуть некогда.

— Поганец.

— Тед Иванс мог бы меня заменить. У него все с собой. Ты же вроде бы знаком с Тедом?

— Бегло. — Джо отложил сэндвич, чтобы закрыть колпачком фломастер. Этот дружелюбный йоркширец попал в Кардифф на стажировку, да так и застрял здесь. Он женился на археологе по имени Рэйчел, не вылезавшей с раскопок римских руин под стенами Кардиффского замка. — А если тебе хорошенько руки повыкручивать? Тебе бы пошла на пользу маленькая передышка.

— Понимаю. Но времени совсем нет.

— Ну, смотри. А как вообще дела? Майк философски пожал плечами:

— Бывает лучше.

— Ты собирался позвонить Андреа. Звонил?

— Нет.

— А надо бы, знаешь ли.

— Я не умею разговаривать по телефону. А ей, мне кажется, нужно, чтобы ее на время оставили в покое.

— Уже три недели прошло, приятель.

— Знаю.

— Хочешь, жена ей позвонит? Не легче будет?

— Нет, но все равно спасибо.

— Позвони ей. Дай ей знать, что она тебе нужна.

— Я подумаю.

— Да уж, подумай. И кстати, не спеши уходить. Ты удачно пришел. Сегодня утром около семи прошло соединение. — Джо постучал по экрану ноутбука, по которому скользили ряды черно-белых цифр. — И хорошего качества.

— Правда?

— Сходи посмотри на приборы.

— Не могу. Работа ждет.

— Ты еще пожалеешь. Так же как пожалеешь, что не сыграл со мной и не позвонил Андреа. Я тебя знаю, Майк. Тебе от роду суждено каяться.

— Ну ладно, пять минут.

На самом деле Майк с удовольствием застрял бы в подвале у Джо. Как ни хороша была работа Майка по начальному развитию Вселенной, но работа Джо казалась чистым золотом. Сотни ученых из разных концов света пошли бы на убийство за экскурсию по лаборатории Ливерсэджа.

В подвале стояли десять тяжелых механизмов, каждый размером с паровой двигатель. К ним нельзя было приближаться с кардиостимуляторами и другими имплантатами, но Майк об этом знал и заранее выложил все металлические предметы, прежде чем спуститься вниз и пройти через дверь с сигнализацией. В каждой машине скрывался десятитонный брусок сверхчистого железа, погруженный в вакуум и подвешенный в магнитном поле. Джон склонен был ударяться в лирику, повествуя о прочности вакуума и о динамической стабильности генераторов магнитного поля. Если бы Кардифф встряхнуло шестибалльное землетрясение, бруски не ощутили бы ни малейшего колебания.

Джо величал это помещение телефонной станцией.

Приборы назывались коррелятарами. Восемь постоянно действовали в рабочем режиме, в то время как два оставшихся отключались для ремонта и усовершенствований. Восемь функционирующих аппаратов занимались вызовами наугад — гнали случайные наборы цифр через разрыв между квантовыми реальностями, ожидая, не отзовется ли кто на другом конце. В каждой машине с помощью лазера постоянно поддерживалось возбуждение квантов. Отслеживая гармоники колебаний в возбужденном железе, ответный вызов, как выражался Джо, тот же лазер, определял, когда брусок попадал в замыкание с другой ветвью квантовой реальности — с другой мировой линией. В сущности, брусок попадал в резонанс со своим двойником в другой версии того же подвала в другой версии Кардиффа.

Когда устанавливалась связь, когда замыкались две вызывающие машины, две неразличимые до сих пор линии образовывали информационную цепь. Когда лазер передавал на железо низкоэнергетические импульсы, достаточные, чтобы воздействовать на него, не нарушая в то же время связи, толчки регистрировались в лаборатории-двойнике. Таким образом можно было передавать сигналы в обе стороны.

— Вот эта крошка, — проговорил Джо, похлопав действующую машину. — И похоже, связь надежная. Должна продержаться дней десять — двенадцать. Думаю, это работа вот этой самой.

Майк покосился на повязку у него на шее, чуть ниже затылка:

— Ты что, нервосвязь вставил?

— Помчался в медицинский центр, едва узнал о замыкании. Волновался — первый раз, как-никак. А оказалось проще простого. Совершенно безболезненно. Через полчаса я уже оттуда вышел. Меня даже угостили чайным печеньем.

— Угу, чайное печенье, значит. Ничего лучшего, надо думать, не нашлось. Надо понимать так, что ты сегодня уходишь?

Джо запустил руку за плечо и, сорвав повязку, открыл крошечное пятнышко, как от пореза при бритье.

— Скорее завтра. Или, может, в воскресенье. Нервосвязь еще не задействована, а потом к ней надо привыкнуть. Да ведь времени у нас вагон, даже если не включать нервосвязь до воскресенья. Все равно еще будет пять-шесть дней чистого сигнала, пока мы не выйдем на предел помех.

— Тебе, должно быть, не терпится?

— Для меня сейчас главное — ничего не напортачить. Ребята из Хельсинки и так наступают нам на пятки. По моим расчетам, отстают всего на несколько месяцев.

Майк знал, как много значит для Джо этот последний проект. Передача информации между различными реальностями — это одно дело и, собственно говоря, само по себе немалое достижение. Но теперь технология вырывалась из лаборатории в жизнь. По всему миру существовали сотни лабораторий и институтов с такими же коррелятором. За пять лет почти невероятный прорыв в науке превратился в признанную составляющую современного мира.

Но Джо и его команда всегда работали на переднем крае технологии и не стояли на месте. Они первыми научились передавать и принимать из другой реальности голосовой и видеосигнал, а в последний год применили снабженного камерами наблюдения робота из тех, что использовались туристами до изобретения нервосвязи. Джо даже позволил Майку

поводить немного такого робота. Управляя его манипуляторами через специальные, передающие мускульный сигнал перчатки и глядя на мир его глазами, выводящими стереоскопическую проекцию на шлем, который создавал эффект виртуальной реальности, Майк действительно чувствовал себя так, словно во плоти перенесся в другую лабораторию. Он мог ходить по ней и брать в руки вещи так, словно на самом деле перешел в альтернативную реальность. Самым удивительным оказалась встреча со второй версией Джо Ливерсэджа, работавшей в лаборатории-двойнике. Оба Джо воспринимали эту ситуацию с невозмутимым спокойствием, словно сотрудничество со своим двойником — самое обычное дело.

На Майка робот произвел большое впечатление, но для Джо это была только ступенька к чему-то лучшему.

— Ты только подумай, — говорил он. — Несколько лет, как туристы стали вместо роботов подключаться к нервосвязи. Кому интересно таскать по какому-нибудь ароматному заграничному городу громыхающую махину, когда можно управлять теплым человеческим телом. Да, робот видит, двигается, может взять вещь в руки, но он не передает тебе запахов, вкуса пищи, тепла, прикосновения других людей.

— Угу, — неохотно промычал Майк.

Он, по правде сказать, не одобрял нервосвязи, хотя именно нервосвязь давала заработок Андреа.

— Ну вот, мы собираемся сделать то же самое. Установка уже собрана. Подключить ее — пара пустяков. Нужно только дождаться прочной связи.

И вот Джо дождался. Майк так и видел глазами друга заголовок на обложке «Nature». Может, тот уже представлял себе долгую поездку в Стокгольм.

— Надеюсь, у вас все сработает, — сказал Майк. Джо снова потрепал коррелятор по кожуху:

— Я на него надеюсь.

И вот тогда к ним подошел один из практикантов Джо. К удивлению Майка, обратился он не к Джо, а к нему:

— Доктор Лейтон?

— Это я.

— Там вас хотят видеть, сэр. Кажется, что-то важное.

— Меня хотят видеть?

— Сказали, вы оставили в кабинете записку.

— Оставил, — рассеянно подтвердил Майк. — Но я же предупредил, что скоро вернусь. Неужто настолько важно?

Как выяснилось, искала Майка сотрудница полиции. И, увидев ее наверху лестницы, Майк сразу понял по ее лицу, что

ничего хорошего не услышит.

— Случилось кое-что… — начала она. Вид у нее был обеспокоенный и очень-очень молодой. — Где бы нам поговорить?

— Зайдите в мой кабинет, — предложил Джо и открыл ближайшую по коридору дверь.

Потом он оставил их вдвоем, сказав, что спустится в вестибюль к кофейному автомату.

— У меня плохая новость, — сказала девушка из полиции, когда Джо закрыл за собой дверь. — Наверное, вам лучше сесть, мистер Лейтон.

Майк выдвинул из-под стола стул Джо, заваленный бумагами, — кажется, Джо проверял курсовые. Майк сел, не зная, куда девать руки.

— Что-то с Андреа, да?

— Боюсь, что с вашей женой этим утром произошло несчастье.

— Какое несчастье? Что случилось?

— Вашу жену сбила на улице машина.

Гадкая мыслишка промелькнула в голове Майка: вот чертовка, вечно она носится через дорогу, не глядя по сторонам. Сколько раз он ей говорил, что когда-нибудь она пожалеет!

— Как она? Куда ее отвезли?

— Мне в самом деле очень жаль, сэр… — Сотрудница полиции запнулась. — Ваша жена скончалась по дороге в больницу. Как я поняла, врачи «скорой» сделали все возможное, однако…

Майк слышал и не слышал ее. Этого не может быть. Да, машины еще иногда сбивают людей. Но никто больше не умирает, попав под машину. Машинам в населенных пунктах не разрешается развивать скорость, при которой можно убить человека. Погибнуть, попав под машину, — такое случается в мыльных операх, но не в жизни. Не чувствуя собственного тела, словно издалека, Майк спросил:

— Где она сейчас? — Словно, увидев ее, смог бы доказать, что они ошиблись, что она вовсе не умерла.

— Ее доставили в Хит, сэр. Сейчас она там. Я могу вас подвезти.

— Андреа не умерла, — проговорил Майк. — Не могла умереть. Только не сейчас.

— Мне очень жаль, — сказала девушка из полиции.

Суббота

Последние три недели, проведенные с ней врозь, Майк ночевал в свободной комнате в доме брата, в Ньюпорте. С братом было хорошо, но сейчас Билл уехал на уик-энд в Сноудонию на какой-то дурацкий командный тренинг. Из-за своего занудства брат решил взять с собой ключи от дома, оставив Майка без ночлега на вечер пятницы. Когда Майк спросил, куда ему деваться, Билл посоветовал вернуться в собственный дом, оставленный в начале месяца.

Джо и слушать об этом не захотел и заставил Майка остаться у них. Майк провел ночь, переживая обычный круг эмоций, неизменно сопровождающих нежданную дурную весть. Ничего сравнимого с потерей жены ему переживать не приходилось, но ощущение удара, хоть и усиленного во много раз, оказалось ему знакомо. Он не мог понять, как это мир продолжает существовать, словно не заметив смерти Андреа. В новостях его трагедию едва упомянули, главной темой дня оказались заваленные в шахте польские шахтеры. Когда ему наконец удалось уснуть, его терзал повторяющийся сон, будто Андреа жива, будто все это было ошибкой.

Но он знал, что все правда. Он побывал в больнице, он видел тело. Он даже знал, как случилось, что ее сбила машина. Андреа перебегала дорогу, направляясь в свою излюбленную парикмахерскую, она записалась на стрижку. Зная Андреа… она, надо думать, так спешила в салон, что ничего вокруг себя не замечала. Да и убила ее не машина. Когда медлительный легковой автомобиль сбил ее с ног, Андреа ударилась головой о поребрик.

Брат Майка вернулся из Сноудонии в субботу утром. Билл приехал прямо в дом Джо, молча обнял Майка и долго стоял молча. Потом Билл прошел в соседнюю комнату и негромко поговорил с Джо и Рэйчел. Их тихие голоса заставили Майка почувствовать себя ребенком среди взрослых.

— Я думаю, нам с тобой надо уехать из Кардиффа, — сказал Билл, вернувшись к нему в гостиную. — Никаких «но» и «если».

— Слишком много надо сделать, — начал возражать Майк. — Нужно еще побывать в похоронном бюро…

— Подождет до вечера. Никто не станет тебя винить, если ты не ответишь на несколько звонков. Собирайся: прокатимся на Говер, подышим воздухом. Я уже заказал машину.

— Поезжай с ним, — поддержала Рэйчел. — Так тебе будет лучше.

Майк согласился: боль в нем боролась с облегчением от мысли, что похоронные хлопоты можно на время отложить. Он рад был, что Билл взял все в свои руки, но не мог решить, как его брат, да и друзья, если на то пошло, оценивают его утрату. Он потерял жену. Они это знали. А еще они знали, что Майк с Андреа недавно расстались. У них весь последний год были сложности. Друзья вполне могли решить, будто смерть Андреа для него не такая потеря, как если бы они и теперь жили вместе.

— Слушай, — обратился он к Биллу, когда они отъехали от города, — я хочу тебе кое-что сказать.

— Я слушаю.

— У нас с Андреа возникли сложности. Но это был не конец брака. Я собирался на выходных позвонить ей, узнать, нельзя ли нам встретиться.

Билл грустно взглянул на него. Майк не знал, означает ли этот взгляд, что брат ему не поверил или сочувствует ему, упустившему свой шанс.

Когда они к вечеру после теплого и ветреного дня на Говере вернулись в Кардифф, Джо чуть ли не с порога налетел на Майка.

— Надо поговорить, — сказал он. — Не откладывая.

— Мне нужно обзвонить друзей Андреа, — возразил Майк. — Отложить нельзя?

— Нет, нельзя. Это насчет вас с Андреа.

Они прошли в кухню. Джо налил ему стакан виски. Рэйчел с Биллом молча смотрели на них с дальнего конца стола.

— Я был в лаборатории, — начал Джо. — Знаю, что сегодня суббота, но я хотел проверить, держится ли связь. Ну вот, она держится. Мы могли бы начать эксперимент хоть завтра. Но обнаружилось одно обстоятельство, о котором тебе надо знать. Майк глотнул виски.

— Продолжай.

— Я связался со своим двойником из другой лаборатории.

— С Джо-вторым…

— Вот-вот. Мы обсуждали подробности эксперимента, отрабатывали детали. И поболтали, понятно. Само собой, я упомянул о том, что у нас случилось.

— И?..

— Другой я удивился. Сказал, что в его реальности Андреа не умерла. — Джо вскинул руку, остановив Майка, который рвался заговорить, не дав ему закончить. — Ты же знаешь, как обстоит дело. Две реальности идентичны, пока между ними не произошло замыкания; настолько идентичны, что нет смысла думать о них как об отдельных реальностях. Расхождение начинается только после замыкания. К тому времени, как ты пришел предупредить

меня об отмене игры, связь уже действовала. Другой я тоже с тобой встретился. Разница в том, что из полиции никто не приходил. Ты побыл немного и ушел к себе проверять контрольные.

— Но Андреа в это время уже была мертва.

— Только не в той реальности. Второй я позвонил тебе. Ты снял номер в «Холидей Инн». О несчастном случае с Андреа ничего не знал. Тогда моя вторая жена… — Джо позволил себе беглую улыбку, — другая версия Рэйчел позвонила Андреа. Оказалось, что Андреа сбила машина, но она отделалась парой синяков. Даже «скорую» не вызывали.

— Мне это ни к чему, Джо, — обдумав услышанное, сказал Майк. — Напрасно ты об этом заговорил. От этого не легче.

— А я думаю, легче. Мы собирались провести эксперимент с нервосвязью при первом же надежном замыкании, таком, чтобы продержалось верных миллион секунд. Эксперимент можно начинать. Только на ту сторону пойду не я.

— Не понял…

— Я могу отправить туда тебя, Майк. Завтра утром можно установить тебе нервосвязь. Предположим, день в постели и на привыкание, когда ты прибудешь в другую реальность… Ну вот, к вечеру в понедельник ты сможешь разгуливать по миру Андреа. Самое позднее — во вторник утром.

— Но переходить собирался ты, — возразил Майк. — Тебе и нервосвязь уже поставили.

— У нас есть запасная, — успокоил Джо.

Майкл лихорадочно обдумывал, что из этого следует.

— Тогда я буду контролировать тело второго тебя, так?

— Нет, не так. Так, к сожалению, не пройдет. Нам пришлось кое-что изменить в этих нервосвязях, чтобы они действовали через коррелятор при ограниченном прохождении сигнала. Пришлось отключить несколько каналов, управляющих согласованием проприоцепторов.[104] Так что для нормальной работы требуется тело, практически идентичное телу на этом конце.

— Тогда ничего не выйдет. Ты совсем не похож на меня.

— Ты забыл про своего двойника на той стороне, — сказал Джо и покосился на Рэйчел и Билла, приподняв при этом бровь. — Все получится, если ты придешь в лабораторию и мы инсталлируем тебе связь, такую же, как мне вчера. В то же время твой двойник в мире Андреа войдет в свою лабораторию и даст вставить себе свою версию нервосвязи.

Майк вздрогнул. Он уже привык к мысли обо всех этих версиях Джо; он даже начал привыкать к мысли, что где-то там

есть живая Андреа. Но едва Джо упомянул о втором Майке, в голове все пошло кувырком.

— А он… то есть я, согласится?

— Уже согласился, — торжественно сообщил Джо. — Я с ним связывался. Второй Джо вызвал его в лабораторию. Я с ним поболтал по видеосвязи. Сперва он заупрямился: сам знаешь, как вы оба относитесь к нервосвязи. А ведь он не терял своей Андреа. Но я ему объяснил, как это важно. Что для тебя это последний шанс снова увидеть Андреа. Как только окно закроется, а оно продержится не больше десяти — двенадцати дней от установления связи, нам уже никогда не удастся войти в контакт с реальностью, где она жива.

Майк, моргая, оперся ладонями на стол. Голова кружилась так, будто вся кухня шла кругом.

— Ты уверен? Что окно в мир Андреа больше никогда не откроется?

— С точки зрения статистики даже одно соединение — невероятная удача. Ко времени, когда окно закроется, линии разойдутся так далеко, что шанса на новое замыкание практически не будет.

— Ладно, — кивнул Майк, положившись на слово Джо. — Но если даже я соглашусь и другой я согласится, как насчет Андреа? Мы ведь не виделись.

— Но ты хотел с ней встретиться, — негромко напомнил Билл.

Майк потер глаза ладонями и шумно выдохнул:

— Наверное.

— Я говорила с Андреа, — вмешалась Рэйчел. — То есть Джо поговорил с собой, и другая его версия поговорила с другой Рэйчел, а та связалась с Андреа.

Майк не смел дышать.

— И?..

— Она сказала, все в порядке. Она понимает, как это ужасно для тебя. Сказала, если ты захочешь к ним перейти, она с тобой встретится. Вы проведете какое-то время вместе. Она даст тебе шанс прийти к какому-то…

— Завершению, — подсказал Майк.

— Тебе станет легче, — пообещал Джо. — Обязательно станет легче.

Воскресенье

Обычно медицинский центр по выходным не работал, но Джо потянул за нужные ниточки, и несколько сотрудников вышли на работу воскресным утром. Майку пришлось пережить процедуру психологических тестов и дождаться, пока готовили хирургическое оборудование. У туристов все обходилось быстрее и проще, им ведь не приходилось пользоваться модифицированной нервосвязью, разработанной командой Джо. К началу дня все признали, что Майк готов к имплантации. Его уложили на кушетку и зажали голову в пластиковом ящике с дырой напротив затылка. Сделали легкое местное обезболивание. Резиновые подушечки с микроскопической точностью удерживали его голову в нужном положении. Он почувствовал слабое давление на кожу шеи, а потом непривычное и не слишком приятное ощущение покалывания по всему телу. Впрочем, ощущение почти сразу прошло. Подушечки, державшие голову, зажужжав, раздвинулись. Кушетку выровняли, так что он смог встать на ноги.

Майк ощупал свою шею и взглянул на пятнышко крови на большом пальце:

— И все?

— Я же говорил, проще простого, — сказал Джо, отложив журнал для мотоциклистов. — Не понимаю, с чего ты так переживал.

— Меня не операции по установке нервосвязи беспокоят. Я вовсе не против новых технологий. Я против всей системы, поощряющей эксплуатацию бедных.

Джо поцокал языком:

— Сразу видно читателя «Guardian». А не ваша ли чертова стая требовала когда-то моратория на воздушное сообщение? Скоро нам и пешком никуда не позволят ходить!

Сестра промокнула Майку ранку и залепила ее пластырем. Потом его отправили в соседнюю комнату и велели ждать там.

Потом были еще тесты. Когда система посылала запрос только что установленной нервосвязи, он ощущал слабое электрическое покалывание и мимолетное чувство дезориентации. Медики сочли эти симптомы вполне нормальными.

Как только Майка выпустили из медцентра, Джо сразу провел его в лабораторию. В отсеке, прикрытом электромагнитным щитом, располагалась койка, приготовленная Джо для эксперимента. Почти такими же пользовались туристы для

долговременной нервосвязи: здесь было предусмотрено все необходимое для питания тела и удаления отходов. Об этих подробностях предпочитали не задумываться, но все это оказывалось необходимым для всякого, желавшего оставаться на нервосвязи больше нескольких часов. Геймеров такими же непристойными удобствами снабжали уже не первое десятилетие.

Едва Майка подключили к канализации, Джо надел ему на глаза пару очков виртуальной реальности, сперва смочив кожу слюной, чтобы очки не натирали. Оправа плотно прилегала к лицу и перекрывала Майку обзор лаборатории. Теперь он видел перед собой серо-зеленую пустоту с несколькими неразборчивыми красными пятнами цифрового кода на правом краю поля зрения.

— Удобно? — спросил Джо.

— Ничего не вижу.

— Увидишь.

Джо вернулся в рабочую часть подвала, чтобы проверить корреляцию. Майку показалось, что он отсутствовал очень долго. Услышав, что Джо возвращается, он приготовился услышать дурные новости: что связь прервалась или полетела какая-то жизненно важная часть аппаратуры. В глубине души он бы, пожалуй, только порадовался. В первые часы после смерти Андреа он все отдал бы, лишь бы увидеться с ней снова. Но когда это стало возможным, он обнаружил в себе немало сомнений. Майк понимал, что со временем свыкнется со смертью Андреа. Это было не бесчувствие, а простой реализм. Он знал немало людей, потерявших родителей, и все они, пройдя через довольно темные времена, в конце концов приходили к относительному спокойствию. Это не значило, что они больше не любят покойных близких, просто они находили способ жить дальше. Надо полагать, и он в состоянии так же оправиться от удара.

Вопрос в том, ускорит или замедлит этот процесс свидание с Андреа. Может, им стоило просто поговорить по видеосвязи или по телефону. Правда, такие разговоры всегда давались ему с трудом.

Он знал, что встретиться надо лицом к лицу, — все или ничего.

— Что-то не так? — довольно невинным тоном спросил он У Джо.

— Нет-нет, все отлично. Я просто ждал, пока сообщат, что вторая версия тебя готова.

— И как, он готов?

— Вполне. Его только что доставили из медцентра. Если ты готов, можно подключаться.

— Где он?

— Здесь, — ответил Джо. — То есть в двойнике этой комнаты. Лежит на той же койке. Так проще, подключение пройдет без рывка.

— Он без сознания?

— В полной коме. Как все мулы на нервосвязи.

С той разницей, подумал Майк, что его двойник не подписывал согласия, войдя в лекарственную кому, передать свое тело какому-нибудь далекому туристу. Это больше всего и возмущало Майка. Мулы шли на это ради денег, и в мулы всегда вербовались беднейшие жители какой-нибудь туристской диковинки, будь то процветающий европейский город или какая-нибудь тошнотворно «подлинная» сточная канава третьего мира. Работа мула не бывает призванием. На это идут, когда ничего другого не остается. Это уже не замена проституции, а совершенно новая форма проституции в полном смысле этого слова.

Но хватит об этом. Они здесь все взрослые люди, добровольно принявшие решения. Никто, и меньше всего его вторая версия, не подвергается эксплуатации. Просто второй Майк добрый человек. Не добрее, как подозревал Майк, чем оказался бы он сам, случись им поменяться ролями, и все же он невольно испытывал какое-то извращенное чувство благодарности. А что касается Андреа… ну, она всегда была доброй. На этот счет ее никто не мог бы упрекнуть. Добрая и заботливая, даже чересчур.

Так чего же он тянет?

— Можешь подключать, — решился Майк.

Он ожидал большего. Все оказалось похожим на мышечный тик, какой он иногда испытывал в полусне, лежа в постели. И у него уже было другое тело.

— Привет, — сказал Джо. — Как себя чувствуешь, дружок?

Только вот обращался к нему уже другой Джо: Джо, принадлежавший миру, где Андреа не умерла. Первый Джо остался по ту сторону разрыва между реальностями.

— Чувствую… — Но говорить оказалось неожиданно трудно, слова выходили безнадежно невнятными.

— Не спеши, — посоветовал Джо. — Говорить поначалу всем трудно. Это быстро проходит.

— Не ви-ву… Не ви-жу!

— Просто мы еще не подключили очки. Секундочку…

Серо-зеленая пустота сменилась видом на интерьер лаборатории. Качество изображения превосходное. Комната при поверхностном взгляде представлялась той же самой, но когда

Майк присмотрелся, посылая по нервосвязи сигналы мускулам, двигавшим тело второго Майка, то заметил мелкие детали, отличавшиеся от его мира. Клетчатая рубашка на Джо была другой, и заправлена она была не в белые тренировочные, а в легкие брюки марки «Конверс». И еще в этой версии лаборатории Джо забыл перелистнуть календарь на новый месяц.

Майк снова попробовал заговорить. На этот раз слова давались легче.

— Я и вправду здесь, да?

— И как тебе творить историю?

— Вообще-то… странное чувство. Да только историю творю не я. Когда будешь описывать эксперимент, не пиши, что первым перешел я. Пусть это будешь ты, как с самого начала и задумывалось. А это просто репетиция. Хотя можешь упомянуть обо мне в сноске.

Джо заколебался:

— Как хочешь, но…

— Именно так и хочу.

Майк завозился, пытаясь сползти с койки. Эта версия его тела, в отличие от прежней, не была подключена к трубкам. Но попытка пошевелиться не удалась. На мгновение его охватил ужас парализованного. Должно быть, он испуганно вскрикнул.

— Спокойно. — Джо положил руку ему на плечо. — Шаг за шагом. Связь еще должна устояться. Пройдет не один час, пока к тебе вернется свобода движений, так что не пробуй бегать, не научившись ходить. И еще, боюсь, нам придется продержать тебя в лаборатории куда дольше, чем тебе хотелось бы. Конечно, нервосвязь стала обычным делом, но это ведь не простая нервосвязь. Нам пришлось урезать кое-что, чтобы протиснуть данные через коррелятор, так что риск больше, чем со стандартной туристской установкой. Беспокоиться не о чем, но я хотел бы убедиться, что все параметры у нас под контролем. Утром и вечером буду проводить тестирование. Извини, что приходится тянуть, но для статьи нам нужны еще и числовые данные. Могу только пообещать, что на встречу с Андреа у тебя времени хватит. Если, конечно, ты не раздумал с ней встречаться.

— Не раздумал, — сказал Майк. — Раз уж я здесь… не возвращаться же, верно?

Джо посмотрел на часы:

— Давай-ка начнем упражнения на координацию. Займем время на час-другой. Потом надо будет убедиться, что ты полностью контролируешь мочевой пузырь. Иначе может выйти неловко. А уж потом проверим, можешь ли ты сам удержать в руках ложку.

— Я хочу увидеть Андреа.

— Не сегодня, — твердо возразил Джо. — Сперва надо подготовиться.

— Завтра. Завтра наверняка.

Понедельник

Он задержался в тени старого зеленого лодочного сарая на берегу озера. День стоял жаркий, время шло к полудню, и в парке было людно, как не бывало с жарких дней прошлого лета. Конторские работники проводили обеденный перерыв, рассевшись по берегам: мужчины распустили галстуки и закатали рукава и брюки, женщины сбросили туфли и расстегнули воротнички блуз. Детишки плескались в фонтане, а те, что постарше, подпрыгивали на метры в высоту на механических ходулях — последней новинке сезона, выглядевшей довольно устрашающе. Студенты валялись на пологих травянистых откосах, загорали или в спешке дописывали запущенные курсовые работы. Майк узнал среди них ребят со своей кафедры. Большинство было в дешевых очках виртуальной реальности и в перчатках дистанционного управления, розовой пленкой прикрывающих руки до локтя. Самые бодрые студенты лежали на спине, тыча пальцами в невидимо висящие перед ними объекты. Выглядело это так, словно они пытались поймать последние клочки облаков, висящие над Кардиффом.

Майк уже высмотрел Андреа, стоявшую чуть дальше над озерной бухтой. Там, где они договорились встретиться. Благовоспитанная Андреа пришла минута в минуту. На ней была белая блузка, бордовая юбка до колена и простые офисные туфли. Волосы оказались короче, чем ему помнилось, уложены по-новому и не доставали до воротничка. Секунду, пока она не повернулась, он ее не узнавал. В руке она держала стаканчик с кофе с эмблемой «Старбак» и между глотками посматривала на часы. Майк опаздывал уже на пять минут и понимал, что рискует. Андреа могла уйти, не дождавшись. Но сейчас, в тени сарая, вся его уверенность куда-то подевалась.

Андреа незаметно огляделась. Еще раз посмотрела на часы. Сделала глоток, запрокинув стаканчик так, что Майк понял: допивает последние капли. Он увидел, как она ищет взглядом мусорный бачок.

Майк вышел из тени. Прошел по траве к бетонной дорожке, остро ощутив неуклюжую медлительность своей походки. Ходьба после долгих упражнений стала даваться легче, но ему все еще казалось, будто он шагает, погрузившись по горло в бассейн с патокой. Джо уверял, что движения станут увереннее, когда устоится нервосвязь, но, как видно, на это требовалось больше времени, чем они думали.

— Андреа, — проговорил он. Голос прозвучал невнятно и

пьяно и даже ему самому показался слишком громким.

Она повернулась и встретилась с ним взглядом. После чуть заметной паузы улыбнулась, и улыбка тоже оказалась чуточку не такой, словно ее попросили улыбнуться в объектив.

— Привет, Майк. Я уж думала…

— Все нормально. — Он тщательно выговаривал каждое слово и проверял, правильно ли оно прозвучало, прежде чем перейти к следующему. — Я просто не мог решиться.

— Я тебя не виню. Как ты себя чувствуешь?

— Немного странновато. Потом будет лучше.

— Да, они мне говорили. — Она сделала еще глоток из стаканчика, не заметив, что он опустел.

Между ними было метра два — достаточно близко для разговора, достаточно близко, чтобы сойти за пару друзей или коллег, случайно столкнувшихся у озера.

— Ты очень добра… — начал Майк. Андреа поспешно замотала головой:

— Прошу тебя. Все в порядке. Мы все обсудили. И оба решили, что так будет правильно. Ты ведь не задумался бы, поменяйся мы ролями.

— Может быть, и нет.

— Я тебя знаю, Майк. Может быть, лучше, чем ты сам себя знаешь. Ты сделал бы все, что мог, и больше того.

— Я только хотел сказать… я не считаю это пустяком. Ни то, что ты согласилась вот так со мной повидаться… ни то, на что *он* пошел, чтобы дать мне время.

— Он просил тебе передать, что есть и худшие способы провести неделю.

Майк постарался улыбнуться. Он чувствовал, как движутся мышцы лица, но без зеркала не мог судить, что у него получилось. Пауза затянулась. Футбольный мяч плюхнулся в воду и тихонько поплыл от берега. Слышно было, как заплакал мальчик.

— У тебя другая прическа, — заметил Майк.

— Тебе не нравится…

— Нет, нравится. Правда, тебе идет. Ты подстриглась после того, как… нет, погоди, понял. Ты ведь шла в парикмахерскую…

Теперь он рассмотрел у нее на щеке царапину, оставшуюся от падения на поребрик, когда ее сшибла машина. Не пришлось даже накладывать швов. Через неделю пройдет без следа.

— Я даже представить не могу, каково тебе пришлось, — сказала Андреа. — И не могу представить, каково тебе сейчас.

— Сейчас легче.

— Сказано без особой уверенности…

— Я хочу, чтобы стало легче. И думаю, что станет. Просто прямо сейчас кажется, что я сделал самую большую в жизни ошибку.

Андреа подняла свой стаканчик:

— Хочешь кофе? Я угощаю.

Андреа работала адвокатом. Ее маленькая контора располагалась в современном здании по соседству с парком. Рядом было кафе «Старбак».

— Меня ведь там не знают, верно?

— Не знают, если только ты не заглядывал туда по ночам. Ну, идем. Не хочу тебя обижать, но поупражняться в ходьбе тебе не помешает.

— Только если ты обещаешь не смеяться.

— И в голову не придет. Возьми меня под руку, Майк, так будет легче.

Он не успел отступить: Андреа преодолела разделявшее их расстояние и взяла его руку в ладони. Как она добра, подумал Майк. Он еще гадал, как бы прикоснуться к ней, избежав неловкости, а она уже избавила его от неуклюжих попыток. В этом самая суть Андреа: она всегда думает о других и старается облегчить им жизнь, хоть самую малость. За это ее и любят, потому ее друзья так отчаянно преданы ей.

— Все будет хорошо, Майк, — мягко сказала Андреа. — Все, что было между нами… теперь все это не важно. Я говорила тебе обидные слова, и ты мне тоже. Давай все это забудем. Просто как можно лучше используем отпущенное нам время.

— Я страшно боюсь потерять тебя.

— Ты хороший человек. Ты даже не знаешь, сколько у тебя друзей.

Он так вспотел на жаре, что очки стали съезжать с носа. Вид переместился на носки его ботинок. Он вскинул свободную руку — жест вышел таким резким, словно он отдавал честь, — и вернул очки на место. Рука Андреа сильнее сжала его руку.

— Я не выдержу. — Майк покачал головой. — Мне надо вернуться.

— Ты это начал, — строго, но без злобы напомнила Андреа, — и пройдешь до конца. Всю дорогу, Майк Лейтон.

Вторник

Наутро второго дня дела пошли куда лучше. Проснувшись в лаборатории Джо Ливерсэджа, он ощутил легкость движений, какой и в помине не было вечером, когда он прощался с Андреа. Теперь ему представлялось, что он живет в чужом теле, а не просто управляет марионеткой. Он по-прежнему ничего не видел без очков, но ощущения заметно лучше передавались по нервосвязи, и когда он что-нибудь трогал, то отчетливо и сразу чувствовал пальцами предмет, а накануне ощущение было размытым и приходило с задержкой. Большинство туристов за сутки достигали разумной точности передачи осязательных ощущений. Через два дня настройка проприоцепторов позволяла им выполнять сложные действия: кататься на велосипедах, плавать и ходить на лыжах. У опытных туристов, особенно если они повторно использовали то же тело, переходный период оказывался еще короче. Они как будто возвращались в знакомый дом после короткой отлучки.

Команда Джо устроила Майку полную проверку. Все это была рутина. Аспирантка Джо, Эми Флинт, уговорила его сделать еще несколько тактильных тестов: данные нужны были ей для диссертации. Выглядело это так: Майк без очков сидел за столом и ощупывал предметы, пытаясь определить, какой они формы и из чего сделаны. Он набрал немало очков и не сумел определить разницу только между деревянным и пластмассовым шариком одинакового веса и текстуры. Флинт обращалась с ним с веселой непринужденностью, без той теплоты или осторожности, которую Майк мгновенно улавливал в обращении друзей и коллег. Она явно не знала, в чем дело: подумала, что Джо просто решил сменить объект опыта.

Джо был в восторге от успехов Майка. Все, от тела до программного обеспечения, работало на «отлично». Стабильно держалась полоса передачи около двух мегабайт в секунду. Запас мощности вполне позволил Майку воспользоваться вторым видеоканалом, чтобы заглянуть в лабораторию на той стороне. Та версия Джо держала камеру так, чтобы Майк видел собственное тело, подключенное к аппаратуре на койке для тяжелобольных. Майк думал, что его встревожит это зрелище, но все прошло на удивление буднично. Он словно смотрел любительскую видеозапись. Покончив с тестами, Джо прогулялся с Майком до университетской столовой и накормил жидким завтраком. Майк умял три стаканчика фруктового йогурта. За едой дело давалось ему с трудом, но тоже должно было наладиться со временем. Он

рассеянно поглядывал на установленный в столовой телевизор. Большой, во всю стену, экран показывал утренние новости. Звук был выключен. На несколько секунд на экране появилось зернистое изображение шахтеров, попавших под взгляд камеры наблюдения, когда они брели к низкому бетонному зданию над шахтой, направляясь на работу. Обвал случился три дня назад. Шахтеров все еще не удалось вызволить ни в одной из линий, связанных с этой реальностью. В том числе и в мире Майка.

— Вот бедолаги, — бросил Джо, оторвавшись от листка, на котором что-то записывал.

— Может, их еще вытащат.

— Ага, может быть. Но не хотел бы я оказаться там с ними. Изображение сменилось: итоги футбольных матчей. И здесь в большинстве мировых линий результаты сходились, за исключением двух или трех, высвеченных особо и снабженных текстом комментария, где были различия, и одна команда даже выпала из своей лиги. Потом Майк самостоятельно дошел до трамвайной остановки и сел на первый же номер, направлявшийся к центру города. Он почувствовал, что привлекает к себе меньше внимания, чем вчера. Глядя на свое отражение в оконном стекле, он отметил, что движется еще несколько скованно, но уже не напоминает робота или клоуна. Его можно было принять за человека, страдающего легким артритом или перетренировавшегося в спортзале и расплачивающегося теперь болью в мышцах.

Пока трамвай пробирался сквозь уличное движение, он мысленно вернулся ко вчерашнему вечеру. Встреча с Андреа и весь день с ней прошли чуть ли не лучше, чем он надеялся. Сперва было трудновато, но, пока они добрались до «Старбак», она заметно расслабилась, и ему тоже стало проще. Они говорили о пустяках, обходя главное, то, о чем ни он, ни она вспоминать не хотели. Андреа взяла выходной на полдня: в контору ей надо было возвращаться только вечером, проверить, не возникло ли за время отлучки каких-нибудь проблем.

Они обсудили, как провести остаток дня.

— Можно прокатиться на Брекон Биконз, — предложил Майк. — Приятно будет погулять по горам, подышать морским ветром. Когда-то мы любили такие вылазки.

— Давненько это было, — возразила Андреа. — Боюсь, нынче мои ноги такого не выдержат.

— Когда-то ты так и порхала по этим холмам.

— Увы, ключевое слово тут «когда-то». Теперь я начинаю пыхтеть, даже поднявшись по улице Сент-Мэри с сумкой покупок.

Майк взглянул на нее с сомнением, но ему пришлось

признать, что в ее словах был резон. Ни один из них уже не походил на тех спортивных азартных ребят, какими они были, когда пятнадцать лет назад встретились в университетском клубе горного туризма. Тогда они проводили все выходные, обследуя холмы от Брекон Биконз до Блэк-Маунтинз, или выезжали в Сноудонию или в Озерный край. Им случалось пережить минуты, при воспоминании о которых волосы вставали дыбом, когда внезапно портилась погода или когда обнаруживалось, что их занесло совершенно не на тот хребет. Но больше всего Майку запомнились не холод и сырость, а чувство облегчения, когда к концу дня они спускались в теплый уютный паб, вымотанные, умирающие от жажды и в восторге от своих побед. Хорошие воспоминания, все до одного. Зачем они это бросили, зачем позволили работе отнять у них выходные?

— Слушай, можно и съездить на пару дней в горы, — сказала Андреа, — но на сегодня это небольшой перебор, тебе не кажется?

— Пожалуй, ты права, — согласился Майк.

Немного поспорив, они сошлись на том, чтобы посетить замок, а потом прокатиться на кораблике по заливу, вблизи рассмотреть гордые и неприступные береговые укрепления. Им давно хотелось это сделать, да они все откладывали на следующий уик-энд. Замок кишел туристами, даже в будний день. Но многие из них были на нервосвязи, и Майк среди них почувствовал себя неприметным. Никто не оглядывался на заемное тело в очках, одно из многих, хотя он выглядел куда более упитанным и ухоженным, чем средний мул. Потом они сходили осмотреть римские развалины, где нашли Рэйчел Ливерсэдж, бодро объяснявшую что-то группе младших школьников из долины.

Прогулка на кораблике пришлась Майку больше по душе, чем экскурсия в крепость. Здесь тоже хватало туристов на нервосвязи, так что он оставался незаметным, к тому же в море он успел передохнуть от липкой жары городского центра. Он даже ощутил ветерок на тыльной стороне ладоней: доказательство того, как хорошо устоялась нервосвязь.

Андреа первая затронула в разговоре причину появления здесь Майка. Она попросту вернулась от бара с двумя бумажными стаканчиками, чуть не расплескав мутный кофе, когда кораблик неожиданно качнуло. Она опустилась на жесткую палубную скамью.

— Забыла спросить, как ты провел утро в лаборатории, — легко заговорила она. — Все в норме?

— Даже лучше, — кивнул Майк. — Джо сказал, у нас сегодня

два мега. На большее он и не надеялся.

— Тебе придется мне объяснить. Я знаю, что это как-то связано с количеством данных, которые удается переслать по связи, но не представляю, в чем разница с обычным туристским снаряжением.

Майк припомнил объяснения Джо:

— Это качеством похуже. Туристы берут такую полосу частот, какую могут себе позволить. А коррелятор Джо не превышает пяти мегабайт в секунду. И это в начале двенадцатидневного окна. Дней через пять-шесть станет хуже.

— А двух достаточно?

— Джо вынужден обходиться этим. — Майк постучал пальцем по своим очкам. — Этого, если ему верить, должно хватать для цветного изображения с нормальным разрешением. Но ему приходится применять ужасно хитрую программу. Она там, в лаборатории, постоянно что-то додумывает, чтобы заполнить пробелы.

— И как это выглядит?

— Как будто смотришь на мир через темные очки. — Майк стянул их с носа и сунул Андреа. — Только видят на самом деле очки, а не мои или его глаза. По большей части изображение настолько хорошее, что я не замечаю ничего особенного. Если быстро поворачиваю голову или если что-то быстро проскакивает мимо, очки не успевают приспособиться к изменяющемуся виду.

Он снова нацепил очки, как раз когда в нескольких метрах от борта пронеслась чайка. На мгновение она представилась ему в квадратиках пикселей, словно рисунок безумного кубиста, потом изображение выровнялось и стало гладким.

— А как с остальным? Зрение, осязание…

— Они занимают не так много места, как зрение. По словам Джо, для контроля за положением тела нужно всего несколько базовых параметров: угол, под которым сгибаются суставы ног, и тому подобное. Слух — довольно простое ощущение. А осязание, как ни странно, еще проще.

— Правда?

— Так говорит Джо. Возьми меня за руку. Андреа, чуть замявшись, взяла его ладонь.

— Теперь сожми, — попросил Майк. Она сжала пальцы.

— Ты чувствуешь?

— Отлично чувствую. Это куда проще, чем передавать звук. Если бы ты мне что-то сказала, акустический сигнал пришлось бы анализировать, переводить в числовую форму, сжимать и протискивать через связь: сотни байт в секунду. А для прикосновения нужен только один параметр. Система будет

передавать осязательные ощущения, даже когда все остальное откажет.

— Значит, это будет последним…

— Это самое фундаментальное из наших ощущений. Как и должно быть.

Через несколько секунд Андреа спросила:

— Сколько?

— Четыре дня, — ответил Майк. — Может, пять, если повезет. Джо говорит, завтра нам удастся лучше справиться с затуханием сигнала.

— Мне неспокойно, Майк. Не знаю, выдержу ли я. Потерять тебя…

— Ты получишь меня обратно.

— Понимаю. Но… это будешь не ты. Другой ты.

— Они оба я.

— Сейчас мне так не кажется. А кажется, будто я завела роман, пока мужа нет дома.

— Это ты зря. Я твой муж. Мы оба твой муж.

После этого они молчали, пока кораблик не причалил к берегу. Не то чтобы сказано было что-то особенное, просто они никак не могли подобрать нужные слова. Андреа не выпускала его руки. Майку хотелось, чтобы это утро длилось вечно: кораблик, ветерок, чистейшее небо над заливом. Он тут же упрекнул себя за то, что думает об уходящем времени, вместо того чтобы в полной мере использовать то, что есть. Это с детства было его проблемой. Школьные каникулы вечно оказывались омрачены меланхолическими размышлениями о том, как мало осталось дней.

Но сейчас не каникулы.

Вскоре он обратил внимание на то, что люди собираются на носу кораблика, напирая на бортовые ограждения. Они указывали куда-то в небо. Кое-кто вытащил телефоны.

— Там что-то происходит, — заметил Майк.

— Вижу, — ответила Андреа и, коснувшись ладонью его щеки, заставила запрокинуть голову. — Там самолет.

Майк дождался, пока очки уловят крошечную движущуюся искорку на конце бледной следовой полосы. Он не без обиды подумал, что кому-то еще позволено летать, когда все человечество лишено этого права. Майк понятия не имел, каким политическим или военным целям служит этот полет, но узнать, если захочется, будет несложно. К вечеру новость облетит все газеты. И не только в этой версии Кардиффа, но и в его собственной. Вот что труднее всего принять в смерти Андреа. Большой мир катит себе дальше, маленькая трагедия отдельного

человека ни на дюйм не отклонила его от курса. Там Андреа погибла, здесь осталась невредима, а изменений в полете этого самолета не уловят никакие приборы (во всех реальностях).

— Мне нравится смотреть на самолеты, — сказала Андреа. — Сразу вспоминается, каким был мир до моратория. А тебе?

— Вообще-то, — признался Майк, — мне от их вида становится грустновато.

Среда

Майк знал, как занята была в последнее время Андреа, и старался уговорить ее не отнимать время у работы. Андреа возражала, уверяя, что коллеги в течение нескольких дней справятся с ее нагрузкой. Майк знал, что это неправда: Андреа вела фирму практически в одиночку, но в конечном счете они пришли к компромиссу. Андреа возьмет выходные, а по утрам будет забегать в контору, проверять, нет ли чего срочного.

Майк согласился встречаться с ней в конторе в десять, сразу после тестирования. Он чувствовал себя так же, как накануне, разве что движения давались еще легче. Однако Джо, закончив, сообщил ему новость, которой Майк заранее боялся, хотя знал, что никуда от нее не деться: качество сигнала продолжало ухудшаться. По словам Джо, у них уже оставалось один и восемь мега. Опыт такого рода позволял им экстраполировать ход событий до начала следующей недели. Помехи забьют связь к следующему воскресенью, ко времени чаепития плюс-минус три часа.

«Если бы раньше начать! — думал Майк. — Впрочем, Джо и так сделал все возможное».

Сегодня, вопреки грозным предупреждениям из лаборатории, он наслаждался ощущением полного погружения в мир-двойник. Глядя на пробегающий за трамвайным окном солнечный город, он не мог поверить, что не присутствует в этом теле физически, а лежит на койке в другой версии лаборатории. За ночь тактильные ощущения заметно усилились. Ухватившись на повороте за верхний поручень трамвая, он ощутил под ладонью холодный алюминий, покрытый жирноватым налетом от державшихся за него рук.

Коллеги Андреа в конторе приветствовали его с неподдельной небрежностью, приводившей Майка в отчаяние. Он ожидал неловких соболезнований и взглядов, брошенных украдкой, в надежде, что он не заметит. Вместо этого его запихнули в кресло в приемной и оставили листать глянцевые проспекты, дожидаясь появления Андреа. Никто даже не предложил ему выпить.

Он уныло перелистывал брошюру. Работа Андреа всегда была больным местом в их отношениях. Не одобряя нервосвязи, он даже думать не желал о юридических проблемах, позволявших извлекать такие большие деньги из претензий по возмещению ущерба, связанного с применением этой техники. Однако сейчас ему трудно было вызвать в себе привычное чувство морального

превосходства. Действительно, с порядочными людьми по небрежности и торопливости *случаются* неприятности. Раз уж нервосвязь существует, кто-то должен позаботиться, чтобы пострадавшие получили то, что им причитается. Он удивился, почему это не приходило ему в голову раньше.

— Привет, — сказала Андреа. Наклонившись, она деловито чмокнула его. Поцелуй пришелся не совсем в губы. — Извини, задержалась.

— Теперь можно идти? — спросил Майк и отложил брошюру.

— Ага, я здесь закончила.

На улице, в тени большого коммерческого здания, Майк спросил:

— Они что, не знают? Никто не догадывается, что у нас происходит?

— Я подумала, что так будет лучше, — объяснила Андреа.

— Не представляю, как тебе удается притворяться, будто все в порядке.

— Майк, все и есть в порядке. Ты взгляни на это с моей точки зрения. Я не теряла мужа. Для меня ничего не изменилось. Когда ты исчезнешь — когда все это кончится и я получу обратно другого тебя, — жизнь моя пойдет как обычно. Я понимаю, что для тебя это трагедия, и поверь, меня это огорчает больше, чем кого-либо другого…

— Огорчает, — тихо повторил Майк.

— Да, огорчает. Я солгала бы, сказав, что вне себя от горя. Я человек, Майк. Я не способна испытывать шквал эмоций от сознания, что где-то далеко моя копия умудрилась попасть под машину оттого, что очень спешила в парикмахерскую. Глупая коровища, вот что я о ней думаю. Самое большее, это кажется мне странноватым, может, мурашки по спине пробегут. Но не думаю, что мне придется потом приходить в себя.

— Я потерял жену, — напомнил Майк.

— Знаю, и мне тебя жаль. Ты даже не представляешь, как жаль. Но если ты ожидаешь, что моя жизнь от этого рухнет…

Он не дал ей договорить:

— Я уже гасну. Сегодня утром было один и восемь десятых.

— Ты ведь знал, что так будет. Ничего удивительного.

— К концу дня ты начнешь замечать изменения.

— До конца дня еще далеко, так что перестань терзать себя, договорились? Прошу тебя, Майк. Ты вот-вот все для себя испортишь.

— Понимаю и постараюсь не испортить, — сказал он. — Но я это вот к чему: дальше будет только хуже… и, по-моему, сегодня мой последний шанс, Андреа. Побыть с тобой, по-настоящему.

— Хочешь сказать, переспать со мной? — Андреа понизила голос.

— Мы об этом еще не говорили. Нет, все нормально, я и не думал, что это будет ясно без слов. Но почему бы не…

— Майк, я… — начала Андреа.

— Ты все еще моя жена. Я все еще тебя люблю. Я не забыл, что у нас были сложности, но теперь все это кажется таким глупым. Надо было давно тебе позвонить. Дурак я был. А потом это случилось… и тогда я понял, какая ты чудесная и замечательная. Я должен был сам понять, но не понял… понадобилось несчастье, чтобы меня встряхнуть, заставить осознать, как мне с тобой повезло. А теперь мне предстоит второй раз тебя потерять, и не знаю, как я с этим справлюсь. Но хотя бы побыть вместе… я хочу сказать, по-настоящему.

— Майк…

— Ты сама сказала, что собираешься снова сойтись с другим Майком. Может, все это понадобилось, чтобы свести нас вместе. Но суть в том, что раз ты собираешься сойтись с ним, так почему бы нам не сойтись сейчас? До несчастья мы были парой, можем быть парой и теперь.

— Майк, это разные вещи. Ты потерял жену. Я не она. Я что-то непостижимое, для чего и слова не придумано. И ты на самом деле не мой муж. Мой муж лежит в лекарственно-индуцированной коме.

— Ты сама знаешь, что все это не важно.

— Для тебя.

— И для тебя не должно быть важно. И твой муж, между прочим, на это согласился. Он точно знал, что так будет. И ты знала.

— Я просто подумала, что будет приличнее, если бы между нами сохранилась дистанция.

— Ты так говоришь, будто мы в разводе.

— Майк, мы ведь и в самом деле расстались. Мы не общались. Не могу я забыть, что было до того происшествия, как будто ничего и не было.

— Я понимаю, что тебе нелегко.

Они в неловком молчании шли по городским улицам, по которым тысячи раз проходили прежде. Майк предложил Андреа кофе, но она ответила, что уже пила в конторе. Может быть, попозже. Они задержались, чтобы перейти улицу перед одним из любимых бутиков Андреа, и Майк спросил, не купить ли ей что-нибудь.

— Не нужно мне ничего покупать, Майк, — изумленно возразила Андреа. — Сегодня ведь не день рождения какой-

нибудь.

— Приятно было бы что-нибудь тебе подарить. На память.

— Мне не нужно о тебе помнить, Майк. Ты и так всегда будешь рядом.

— Хоть маленький подарок. Что-нибудь, что ты иногда будешь носить и вспоминать обо мне. Об *этом,* а не о том, который вернется в это тело через несколько дней.

— Ну, если ты настаиваешь… — (Он по голосу слышал, что Андреа старается говорить с энтузиазмом, но душа у нее к этому не лежит.) — Я на прошлой неделе присмотрела сумочку…

— Надо было сразу покупать.

— Я экономила на парикмахерскую.

Майк купил ей сумочку. Мысленно отметил стиль и цвет, чтобы на следующей неделе купить себе такую же. Поскольку в своей мировой линии он не покупал Андреа подарка, возможно, там он выйдет из магазина с двойником этой самой сумочки в руках.

Они снова прошли в парк, потом полюбовались картинами в Национальном музее Уэльса и вернулись в город пообедать. По сравнению с последними днями, в небе собралось больше облаков, но их хромовая белизна только оттеняла голубую эмаль неба. Самолетов видно не было: ни единого следа. Выяснилось, что вчерашний в самом деле принадлежал военному ведомству и направлялся в Польшу со спасательной командой на борту. Майк вспомнил, с каким раздражением смотрел на самолет, и ему стало стыдно. В нем летели отважные мужчины и женщины, готовые рискнуть собой, чтобы выручить отважных мужчин и женщин, заваленных в глубокой шахте под землей.

— Ну вот, — сказала Андреа, когда они расплатились по счету. — Кажется, настал момент истины. Я обдумала твои слова и… — Она сбилась, уставившись в недоеденный салат, и начала сначала: — Если хочешь, можно пойти домой. Если ты действительно хочешь.

— Да, — кивнул Майк. — Я действительно хочу.

Они доехали до дому на трамвае. Андреа открыла дверь своим ключом. Солнце стояло еще высоко, но в доме было прохладно, шторы и жалюзи остались опущенными. Майк встал на колени, подобрал упавшую на коврик почту. Большей частью счета. Он сложил их на столик в прихожей, испытав мимолетное чувство свободы. Скорее всего, дома его ждали такие же счета, но здесь, *об этих,* должен побеспокоиться кто-то другой.

Он сбросил ботинки и прошел в гостиную. На минуту его выбило из равновесия ощущение, будто он попал в чужой дом. Ширма не у той стены, обеденный стол передвинут на другую

половину комнаты, и диван и кресла тоже переставлены.

— Что такое?..

— Ох, забыла предупредить, — сказала Андреа. — Мне захотелось перемен. Ты подъехал и помог мне все переставить.

— И новая мебель…

— Нет, просто чехлы другие. И тоже неновые, они у нас уже давно. Ну, вспомнил теперь?

— Кажется, припоминаю.

— Брось, Майк, не так уж давно это было. Нам их подарила тетушка Джанис, помнишь? — Она с отчаянием смотрела на него. — Я расставлю все как было. Наверное, я должна была подумать. В голову не пришло, как странно это тебе покажется.

— Нет, все в порядке. Честно, так даже лучше.

Майк осмотрелся, стараясь закрепить в памяти расположение мебели и украшений. Как будто собирался воспроизвести их, вернувшись в собственное тело, в собственную версию этого дома.

Может, он так и сделает.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала вдруг Андреа и потянулась к верхней полке с книгами. — Нашла сегодня утром. Сто лет искала.

— Что? — спросил Майк.

Она протянула ему находку. Майк увидел ламинированные розовые корочки, в пятнах, с обтрепанными уголками. Только уронив папку на пол и увидев вывалившиеся из нее сложенные листы, он узнал карты.

— Черт возьми, никогда не догадался бы там искать!

Майк сложил рассыпавшиеся карты и стал рассматривать обложку. Это были старые крупномасштабные карты гор, той части Брекон Биконз, по которым они когда-то ходили в походы.

— Я просто подумала… ты так загорелся… может, нам и не повредит выбраться из города. Только имей в виду, я не ищу приключений.

— Завтра?

Она озабоченно взглянула на него:

— Я хотела завтра. Ты будешь в порядке, нет?

— Никаких проблем.

— Тогда устроим пикник. В «Теско» продают отличные корзинки для пикников. Кажется, у нас где-то остались два термоса.

— Термосы ладно, а вот как насчет походных ботинок?

— В гараже, — успокоила его Андреа. — И рюкзаки там же. Я их вечером откопаю.

— Жду не дождусь, — сказал Майк. — Честное слово. Ты очень добра, что согласилась.

— Только не рассчитывай, что я взберусь на Пен-и-Фан[105] не запыхавшись.

— Ты еще себя не знаешь!

Чуть погодя они поднялись наверх, в спальню. Жалюзи были приоткрыты, и на постель падали полоски света. Андреа разделась, потом помогла Майку выбраться из его одежды. Как ни хорошо он владел телом, сложные действия вроде расстегивания пуговиц и молний требовали тренировки, а времени на это у него не было.

— Тебе придется потом помочь мне одеться.

— Опять ты раньше времени беспокоишься!

Они вместе легли на кровать. Майк почувствовал, как отвердела его плоть, задолго до того, как изменилось тело, в котором он обитал. Эрекцию испытал он в лаборатории, за полгорода отсюда и в другой мировой линии. Он даже ощутил жесткое давление катетера мочеприемника. Останутся ли у другого Майка, того, что теперь в коме, хоть смутные воспоминания о происходящем? Ходили рассказы о людях, которые, придя в себя, вспоминали, что происходило с их телами, но агентства уверяли, что это просто городские легенды.

Они медленно, осторожно любили друг друга. Майк особенно остро ощутил свою неловкость и от смущения двигался еще более скованно. Андреа всеми силами старалась заполнить разрыв, но чудо было ей не по силам. Она была терпелива и снисходительна, даже когда он чуть не сделал ей больно. Пика, почувствовал Майк, первым достигло тело в лаборатории. Секунду спустя отозвалось и это тело. Оно отозвалось на сигнал по нервосвязи — не удовольствие, но подтверждение, что удовольствие достигнуто.

Потом они тихо лежали в постели, переплетя руки и ноги. Ветерок раскачивал жалюзи на окне. Медленное движение света и тени, тихое позвякивание пластмассы по стеклу убаюкивало, как покачивание лодки на пологих волнах. Майк погрузился в блаженный сон. Ему снилось, будто он стоит на вершине Брекон Биконз, видит под собой солнечные долины Южного Уэльса и Андреа стоит рядом с ним, как на рекламе бюро путешествий.

Проснувшись через несколько часов, он услышал, как она передвигается внизу. Майк потянулся за очками, он снял их, перед тем как лечь, и стал выбираться из постели. И тогда он почувствовал. За эти часы отдыха он отчасти утратил власть над телом. Он встал и двинулся к двери. Ходить он еще мог, но легкость движений, обретенная во вторник, пропала. Когда он вышел на площадку и взглянул вниз, очки с трудом приспособились к смене плана. Изображение было точечным,

разбитым на части. Он хотел схватиться за перила и увидел свою руку как длинное размытое пятно.

Он стал спускаться по лестнице, как спускаются с горы.

Четверг

К утру стало хуже. Майк провел ночь дома, а утром на трамвае поехал в лабораторию. Он уже ощущал разрыв между мысленным толчком к движению и откликом тела. Ходить кое-как удавалось, а вот с прочими делами становилось все труднее. После его попыток позавтракать на кухне, Андреа пришлось убирать за ним грязь. Майк не удивился, услышав от Джо, что канал связи уменьшился до одного и двух мега и идет на спад.

— А к концу дня? — спросил он, хотя распечатка была у него перед глазами.

— Ноль и девять, а может, ноль и восемь.

Ему хотелось верить, что он еще способен исполнить задуманное на сегодня. Но день скоро превратился в каталог утраченных способностей. В полдень он встретил Андреа в конторе, и они пошли в бюро проката, чтобы взять на день машину. Андреа села за руль и выехала из Кардиффа вверх по долине, по шоссе A470 из Мертира к Брекону. Они собирались подняться до самой вершины Пен-и-Фан — подъем, который они проделывали в молодости не меньше дюжины раз. Андреа заранее взяла в «Теско» корзинки для пикников, собрала и приготовила оба рюкзака. Она помогла Майку надеть походные ботинки.

Машину оставили в Стори-Армс, откуда утоптанная тропа, извиваясь, уводила в горы. Сперва Майк испытывал некоторую неловкость. В бытность туристами они с презрением смотрели на орды гуляющих, отправлявшихся на Пен-и-Фан, особенно на тех, кто начинал маршрут в пабе. Вид, открывавшийся с вершины, стоил усилий, но они обычно в тот же день проделывали еще пару восхождений и к тому же избегали самой простой тропы. Теперь Майк расплачивался за то давнее высокомерие. Приятная поначалу нагрузка вскоре стала невыносимо тяжелой. Он надеялся, что Андреа не замечает, как трудно ему двигаться по неровной каменистой тропе. Подъем выматывал, не давая насладиться красотами или простой радостью близости с Андреа. Когда он в первый раз оступился, Андреа не обратила внимания, она и сама уже раз споткнулась на сухой растрескавшейся тропинке. Но скоро он едва мог пройти и сто метров, не потеряв равновесия. Он с тяжестью на сердце подумал, что достаточно сложно будет даже просто вернуться к машине. До горы оставалось еще две мили, и настоящая крутизна была впереди.

— Ты как, Майк?

— Отлично. Обо мне не беспокойся. Это все проклятые

ботинки. Прямо не верится, что когда-то это был мой размер.

Он держался сколько мог, не желая сдаваться, но идти становилось все труднее, и двигались они все медленнее. Когда Майк, в очередной раз упав, рассадил сквозь брюки колено, стало ясно, что он выжал из себя все что мог. Шансов подняться на гору у него было не больше, чем на какую-нибудь гималайскую вершину.

— Прости. От меня никакого толку. Иди одна. Слишком славный денек, чтобы здесь остановиться.

— Эй! — Андреа взяла его за руку. — Ты это брось. Мы ведь знали, что будет трудно. И все равно, посмотри, сколько уже прошли.

Майк обернулся и понуро измерил взглядом долину:

— Километра три. Паб еще виден.

— Да? А кажется, больше. К тому же вот и славное местечко для пикника. — Андреа демонстративно потерла бедро. — Я как раз хотела сделать привал. Мышцу потянула.

— Это ты просто так говоришь.

— Заткнись, Майк. Я довольна, понимаешь? Если тебе нужно мучиться и карабкаться ползком, валяй. Что касается меня, я остаюсь здесь.

Она расстелила плед у сухого ручья и распаковала еду. Содержимое корзинок в самом деле выглядело соблазнительно. Вкус передавался по нервосвязи как слабое размытое ощущение, больше похожее на воспоминание вкуса. Все же он сумел поесть, не слишком перемазавшись, и кое-что почти доставило ему удовольствие. Они ели, слушали птиц, изредка переговаривались. Временами мимо проходили туристы. Они стремились к вершине и почти не удостаивали взглядом Майка с Андреа.

— Наверное, я дурачил самого себя, когда надеялся добраться в горы, — сказал Майк.

— Пожалуй, план был чуточку слишком смел, — признала Андреа. — Даже без нервосвязи нам пришлось бы нелегко. Уж очень мы размякли.

— Думаю, вчера я бы лучше справился. И даже сегодня утром… честно, когда мы садились в машину, я был уверен, что справлюсь.

Андреа погладила его колено:

— Больно?

— Как издалека. Вчера мне казалось, я полностью в этом теле, слился с ним. Как лицо в маске. Сегодня иначе. Я еще вижу сквозь маску, но она уже не прилегает к лицу.

Андреа как будто на несколько минут ушла в себя. Он задумался: не расстроил ли ее тем, что наговорил. Однако, когда

она снова заговорила, в ее голосе звучала какая-то стальная решимость, неожиданная, но очень характерная для Андреа.

— Послушай меня, Майк.

— Я слушаю.

— Я сейчас тебе что-то скажу. Сегодня первое мая, как раз два часа дня. Мы выехали из Кардиффа в одиннадцать. В это же время в будущем году, в этот самый день, я сюда вернусь. Я собираюсь приготовить корзинку для пикника и подняться до самой вершины Пен-и-Фан. Я выеду из Кардиффа в то же время. И буду так делать каждый год. Каждое первое мая. Все равно, на какой день недели оно придется. Все равно, какая бы мерзкая ни была погода. Я поднимусь в горы, и ничто на свете меня не остановит.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять ее мысль.

— А другой Майк?..

— Нет. Я не говорю, что мы никогда не поднимемся сюда вместе. Но первого мая я приду сюда одна. — Она прямо взглянула на Майка. — И ты тоже будешь один. Ты найдешь кого-то, я уверена. Но кто бы она ни была, в этот день ты будешь один. Так что мы с тобой будем только вдвоем.

— Мы не сможем общаться. Даже не узнаем, держится ли другой нашего плана.

— Узнаем, — твердо сказала Андреа. — Мы будем держаться. Потому что обещаем, верно? Самое главное обещание, какое мы давали в жизни. Так мы будем знать. Каждый из нас будет в своей вселенной, или в мировой линии, или как там это называется. Мы будем стоять на одной и той же уэльской вершине. Перед нами будет один и тот же вид. И я буду думать о тебе, а ты будешь думать обо мне.

Майк провел ладонью по волосам Андреа. Пальцы уже не слишком слушались его.

— Ты ведь это всерьез, да?

— Конечно всерьез. Но я ничего не обещаю, если ты не согласишься на свою половину плана. Ты обещаешь, Майк?

— Да, — сказал он, — я обещаю.

— Я рада бы придумать что-нибудь получше. Я могла бы предложить всегда встречаться в парке. Но там кругом люди. А я хочу тишины, одиночества, чтобы почувствовать твое присутствие. К тому же парк могут срыть и построить на его месте торговый центр. А гора всегда будет здесь. По крайней мере пока мы здесь.

— А когда мы состаримся? Не сговориться ли перестать лазить на вершину, начиная с какого-то возраста?

— Ну, вот ты опять, — упрекнула его Андреа. — Решай сам. Я

намерена лазить, пока меня не засунут в ящик. И от тебя того же жду, Майк Лейтон.

Он раздвинул губы в лучшей улыбке, на какую еще был способен:

— Тогда… я просто сделаю все возможное, веришь?

Пятница

К утру Майк обезножел. Нервосвязь все еще работала безупречно, но скорость передачи данных с одной линии на другую снизилась настолько, что не справлялась со столь сложной и требующей постоянного контроля функцией, как ходьба. Пальцы почти не слушались, как будто руки были одеты в боксерские перчатки. Он еще мог взять предмет, подставленный ему, но манипулировать даже простыми объектами, с которыми он отлично справлялся сутки назад, становилось все сложнее. Потянувшись к стаканчику с йогуртом, Майк опрокинул его на стол: слишком быстро дернулась вперед рука. По словам Джо, за ночь он утратил восприятие глубины. Очки, все медленнее передававшие данные, уже не обеспечивали стереоскопического изображения.

Он еще мог передвигаться. Научная группа, предвидевшая эту стадию, приготовила для него инвалидное кресло с простым управлением, предназначенное для людей с ограниченными функциями верхней половины тела. Предусмотрена была и тревожная кнопка, чтобы Майк мог вызвать помощь, если власть над телом станет уходить быстрее, чем предполагалось. Если бы его внезапно охватил полный паралич, кресло обратилось бы за помощью к прохожим. Если бы понадобилась срочная медицинская помощь, оно само направилось бы к ближайшему медпункту.

Андреа пришла к нему в лабораторию. Ему хотелось еще раз выбраться с ней в город, однако Андреа, с энтузиазмом поддержавшая эту идею по телефону, теперь заколебалась:

— Ты уверен, что стоит? Мы так славно провели время в четверг. Жаль портить впечатление.

— Я в порядке, — возразил Майк.

— Я только говорю… мы с тобой могли бы просто погулять по здешнему саду.

— Пожалуйста, — сказал Майк. — Мне этого… хочется. Голос стал слабым, построение фразы давалось с трудом. Он говорил, как человек, охваченный пьяным унынием. Если Андреа это заметила, а она, конечно, не могла не заметить, то промолчала.

Они вышли в город. Поднять кресло в трамвай, даже с помощью Андреа, оказалось трудной задачей. Кажется, никто не знал, как опустить погрузочную площадку. Одно из преимуществ нервосвязи — человек в инвалидном кресле стал редким зрелищем. Технология, позволявшая человеку контролировать чужое тело, позволяла также справиться с нарушениями работы

спинного мозга. Майк сознавал, что привлекает куда больше внимания, чем накануне. Для большинства горожан инвалидное кресло относилось к ужасам прошлого, как искусственные легкие или ножные протезы.

Видеомонитор в трамвае показывал новости о польских шахтерах. Новости были плохие. Перед спасательной командой стоял широкий выбор возможностей, в том числе требовалось решить, по какому из трех путей идти к заваленной шахте. Тщательно взвесив все за и против и учитывая, как мало времени оставалось у запертых обвалом людей, они выбрали маршрут, обещавший, казалось, самый простой и быстрый путь.

Выбор оказался неудачным и фатальным для шахтеров. Спасатели наткнулись на затопленный штрек, им пришлось отступать назад, оборудование было повреждено, а один из команды ранен. И все же шахтеров спасли в одной из связанных между собой мировых линий. В той реальности один из спасательной команды при посадке в самолет поскользнулся на льду и сломал бедро. Потеря одного человека, наиболее красноречиво отстаивавшего самый быстрый путь, привела к тому, что команда сделала иной выбор. Это решение оказалось верным. Им тоже встретились трудности и препятствия, и все же они сумели прорваться к заваленным шахтерам.

К тому времени, как это случилось, контакт с их мировой линией практически прервался. Даже самый сжатый видеосигнал проходил с трудом. Кадры, показывавшие выходящих из-под земли людей, выглядели зернистыми и бесцветными, как увеличенный газетный снимок прошлого столетия. Его протиснули через канал связи в последние минуты, прежде чем помехи поглотили сигнал.

Однако информация оказалась бесполезной. Даже зная, что существует безопасный маршрут, спасатели уже не успевали их вытащить.

Эти новости не улучшили Майку настроения. Выход в город, как и предсказывала Андреа, оказался неудачной идеей. К полудню контроль моторных функций совсем разладился, так что ему трудно было даже управлять креслом. И речь звучала так невнятно, что Андреа приходилось то и дело переспрашивать. Чтобы скрыть этот недостаток, он перешел на односложные ответы. Отказывать стал даже слух: звуковой сигнал приходилось неимоверно ужимать. Он не мог отличить голос птицы от шума уличного движения, а гула машин от шелеста листьев в парке. Голос Андреа доходил к нему, словно пропущенный через синтезатор, искаженным почти до неузнаваемости.

К трем часам очки уже не передавали цветов. Программа

переключилась на ограниченную палитру. Город стал походить на раскрашенную вручную фотографию, размытую и бледную. Лицо Андреа колебалось между белым и болезненно-серым цветом.

К четырем отказали и руки. К пяти очки полностью переключились на черно-белое изображение. Скорость передачи дошла до десяти кадров в секунду и снижалась дальше.

К вечеру Андреа перестала его понимать. До Майка дошло, что он уже не в состоянии нажать кнопку тревоги. Он возбудился, замотал головой. С него хватит. Ему хотелось отключиться от нервосвязи. Пусть его вернут в собственное заждавшееся тело. Он уже не чувствовал, что находится в теле Майка, но и в своем не был. Он завис где-то посредине, беспомощный и почти слепой. Паника накрыла его пенной всесокрушающей волной.

Встревоженная Андреа покатила кресло назад в лабораторию. Ко времени, когда она собралась прощаться, изображение замедлилось уже до пяти кадров в минуту и каждый состоял всего из шести тысяч пикселей. Майк стал спокойнее, смирился с неизбежностью завтрашнего дня, когда уже не сумеет узнать Андреа.

Суббота

Последний день с Андреа Майк встретил в мире звуков и света, ощущения были уже весьма скудными, и закончил в беззвучной темноте.

Он уже стал полным паралитиком, даже головы повернуть не мог. Мозг, принадлежавший другому, пребывающему в коме Майку, контролировал тело сильнее, чем его бодрствующий двойник. Нервосвязь по-прежнему посылала сигналы в лабораторию, но всю полосу связи занимали визуальные и акустические данные. К утру изображение ограничивалось одной тысячей пикселей и сменялось со скоростью три кадра в секунду. Зрение еще вчера стало одноцветным, но тогда еще различались хотя бы оттенки серого, позволявшие распознавать образы.

Теперь же пиксели только показывали свет — тень: передача интенсивности света требовала слишком большого объема передач. Когда к нему подошла Андреа, ее лицо представилось ему мигающей мозаикой черно-белых квадратиков, словно картинка в психологическом тесте. Он с трудом научился отличать ее от других лиц в лаборатории, но едва уверился, что узнает ее, как изображение стало еще хуже. До полудня оно дошло до восьмисот пикселей и двух кадров в секунду, иначе говоря, превратилось в последовательность неподвижных картинок. Для него люди не ходили по лаборатории, а перескакивали с места на место, застревая в нелепых позах. Вскоре ему стало проще думать о них не как о живых людях, а как об абстрактных структурах в данных. Он теперь не мог бы сказать, что видит. Данные продолжали поступать, но мешанина пикселей не ассоциировалась со знакомыми видами лаборатории. Он уже не мог отличить людей от мебели, если только они не передвигались из кадра в кадр. К двум он попросил Джо отключить очки, чтобы использовать всю оставшуюся полосу передачи на звук и осязание. Майк остался в темноте. Звук за ночь тоже пострадал. Вчера Андреа говорила не своим голосом, сегодня голос не слишком походил на человеческий. Такой звук мог бы передавать самый негодный в мире телефон. Помехи начали заглушать сигнал. Программа боролась с ними, выжимая смысл из скудных данных. Это сражение можно было затянуть, но не победить в нем.

— Я еще здесь, — сказала Андреа шепотом, долетавшим слабее, чем сигнал самого далекого квазара.

Майк ответил. Ответ потребовал времени. Распознающая голос программа анализировала его движения и превращала их в

числовой код. Потом их передавали сигнал за сигналом в другую лабораторию, ту, где ждал в инвалидном кресле Майк, где Андреа не умирала, и там генератор звука снова превращал их в звуки речи с американским акцентом.

— Спасибо, что позволила мне вернуться, — сказал он. — Пожалуйста, останься. До конца. Пока я еще здесь.

— Я никуда не уйду, Майк.

Андреа сжала его руку. Сколько бы он ни потерял с пятницы, осязание сохранилось. В самом деле, легче всего передать прикосновение: легче, чем вид, легче, чем звук. Потом, когда даже голос Андреа пришлось пересылать через разрыв, раскладывая на отдельные сигналы и собирая снова, прикосновение все еще держалось. Он чувствовал, как она обнимает его, прижимает к себе, отказываясь отдать ревущим волнам квантового шума.

— У нас осталось меньше тысячи полезных байт, — сообщил Джо, негромко обращаясь к той версии, что лежала на койке. — То есть еще целая тысяча, прежде чем мы потеряем контакт. Хватит на сообщение, даже на прощальные слова.

— Передайте вот что, — попросил Майк. — Скажите Андреа, я рад, что побывал там. Скажите, я рад, что она была мне женой. Скажите, жаль, что мы не добрались до вершины.

Когда Джо запорхал пальцами по клавишам, набирая сообщение, Майк почувствовал, как слабеет прикосновение Андреа. Даже передача постоянного давления: рука к руке, тело к телу — стала для связи невыносимой нагрузкой. Это было словно отпустить тонущего друга. Он чувствовал, как с последними байтами Андреа ускользает навсегда.

Он неподвижно лежал на койке. Он потерял жену, потерял во второй раз. На миг тяжесть этой мысли приковала его к месту. Казалось, он и в свой-то мир не сумеет войти, не то что в покинутый секунду назад.

А ведь сегодня суббота. Через два дня похороны Андреа. Надо приготовиться.

— Мы закончили, — бережно обратился к нему Джо. — Связь забита помехами.

— Андреа ничего не прислала? — спросил Майк. — После моих последних слов?

— Нет. Прости…

Майк уловил заминку в голосе Джо:

— Совсем ничего?

— Ничего вразумительного. Мне показалось, что я что-то поймал, но там было только… — Джо виновато пожал плечами. — Должно быть, их вход забило помехами на несколько

секунд раньше нашего. Так иногда бывает.

— Знаю, — сказал Майк. — А все-таки покажи, что прислала Андреа.

Джо подал ему распечатку. Майк выждал, пока взгляд сфокусируется на бумаге. Под шапкой он увидел строку текста: SO0122215. Вроде телефона или почтового индекса. Но конечно, это был не телефон и не индекс.

— И все?

Джо тяжело вздохнул:

— Извини, дружище. Может быть, она пыталась что-то передать, да помехи взяли свое. Помехи всегда берут свое.

Майк снова взглянул на числа. Они что-то говорили ему. Кажется, он понял, что они означают.

— Вечные помехи, чтоб им провалиться, — договорил Джо.

Воскресенье

Андреа подождала, пока Майка выведут из лекарственной комы. Он пробивался сквозь пласты дезориентации и полусна, пока что-то в нем не встало на место. Тогда он осознал, что происходило с ним в последнюю неделю, что происходило с телом, власть над которым понемногу возвращалась к нему. Все было в точности как обещали: ни сновидений, ни беспокойства, ни мучительного ощущения провала в памяти. Пожалуй, не худший способ провести неделю. Как ему кто-то говорил: словно вернулся в лоно матери. А теперь он рождался заново, и дело шло не совсем гладко. Он попробовал шевельнуть рукой и, когда конечность не сразу повиновалась ему, запаниковал. Впрочем, Джо уже улыбался:

— Не спеши, парень. Все придет. Программа освобождает нервы спинного мозга по одному. Потерпи, и все будет отлично.

Майк пробубнил что-то в ответ, но и челюсть пока что не слушалась его. Ничего, все вернется, как обещает Джо. Тысячи реципиентов каждый день проходят через это и глазом не моргнув. Многие проделывали это сотни раз. Нервосвязь с самого начала оказалась невероятно безопасной. Куда безопаснее любого настоящего путешествия.

Он снова попробовал двинуть рукой. На сей раз она отозвалась без задержки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Андреа.

Он снова попробовал заговорить. Челюсть была тяжелой, язык толстым и неповоротливым, однако он сумел выговорить:

— Нормально. Бывало лучше.

— Говорят, второй раз дается легче. А в третий совсем легко.

— Сколько?..

— Ты уснул в прошлое воскресенье. И сегодня снова воскресенье, — сообщил Джо.

— Целая неделя. Точно, как планировали.

— Я здорово проголодался, — сказал Майк.

— Из комы все выходят голодными, — кивнул Джо. — Трудно обеспечить телу-хозяину полноценное питание. Ничего, это мы уладим.

Майк повернул голову к Джо, дождался, пока сфокусируется взгляд.

— Джо, все прошло нормально? Без осложнений? — спросил он.

— Совершенно без проблем, — подтвердил Джо.

— Тогда не оставишь ли ты нас с Андреа на минутку?

Джо поспешно вскинул руки, выразив полное согласие, и выскользнул из комнаты под каким-то правдоподобным предлогом. Дверь за ним тихо закрылась.

— Ну, — заговорил Майк, — догадываюсь, что все прошло нормально, не то меня не держали бы в коме так долго.

— Да, все нормально, — сказала Андреа.

— Так ты встретилась с тем, другим Майком? Был он здесь?

— Да, он был здесь, — кивнула Андреа. — Мы вместе проводили время.

— И чем занимались?

— Как обычно, чем и мы с тобой. Побродили по городу, погуляли в парке, съездили в холмы, и все такое.

— И как?

Она осторожно взглянула на него:

— Очень, очень грустно. Честно говоря, я не знала, как с ним держаться. Хотелось выразить сочувствие, утешить — он ведь потерял жену. Но думаю, Майку было нужно другое.

— Другому Майку, — мягко поправил он.

— Я к тому, что он не для того вернулся, чтоб я над ним поплакала. Он хотел провести еще неделю с женой, обычную неделю. Да, он хотел попрощаться, но не хотел, чтобы мы оба всю неделю бродили как в воду опущенные.

— И как ты себя чувствовала?

— Несчастной. Конечно, не такой несчастной, как если бы потеряла мужа. Но его печаль стала сказываться и на мне. Я не думала, что будет так… нет, я, конечно, не чувствую себя осиротевшей, но надо быть нечеловеком, чтоб чего-то такого не почувствовать, правда?

— Что бы ты ни чувствовала, не вини себя. По-моему, это замечательно, что ты согласилась.

— И ты тоже.

— Мне было легче всего, — возразил Майк.

Андреа погладила его по щеке. Он почувствовал, что давно пора бы побриться.

— Что ты ощущаешь? — спросила она. — Ты ведь, что ни говори, почти он. Ты знаешь все, что он знает.

— Не знаю только, каково потерять жену. И надеюсь, никогда и не узнаю. Думаю, мне по-настоящему не представить, что в нем сейчас происходит. Я о нем думаю как о ком-то другом: о друге, о коллеге, которому сочувствуешь…

— Но у тебя не осталось из-за него тяжести в душе? Майк ответил не сразу. Ему не хотелось давать пустой машинальный ответ, пусть даже самый утешительный.

— Нет… Я предпочел бы, чтобы этого не случилось… но ты

здесь. Мы можем быть вместе, если захотим. Мы будем жить дальше и через месяц-другой и думать забудем об этом происшествии. Другой Майк — не я. Мы о нем больше никогда не услышим. Он исчез. Все равно что его и не было.

— Но он есть. Оттого что мы не можем с ним связаться, он не перестанет существовать.

— Так говорят теоретики. — Майк прищурился. — А что? Какая разница для нас?

— Наверное, никакой. — Снова этот осторожный взгляд. — Но я должна тебе что-то сказать, и тебе придется понять.

Ее тон встревожил Майка, но он счел за лучшее этого не показывать.

— Давай, Андреа.

— Я кое-что обещала другому Майку. Он потерял то, что ничем не возместить, и мне хотелось что-нибудь сделать, как-то облегчить потерю. Ну так вот, мы с тем Майком сговорились: раз в год на один день я буду уходить. Уходить в свое особое место и там думать о другом Майке. О том, чем он занят, как живет, радуется сейчас или грустит. И я буду уходить туда одна. А ты не будешь за мной следить. Ты должен пообещать, Майк.

— Ты могла бы мне сказать, — заметил он. — Тут нечего скрывать.

— Вот я и говорю. Ты думаешь, я не сумела бы скрыть, если бы захотела?

— Но я все-таки не знаю куда…

— Тебе и не надо знать. Это секрет мой и другого Майка. Между мной и вторым тобой. — Должно быть, она увидела в его лице что-то, чего он не хотел бы показывать, потому что заговорила строже: — И тебе придется научиться с этим жить, потому что обсуждению это не подлежит. Я уже дала слово.

— А Андреа Лейтон всегда держит слово.

— Да, — сказала она, смягчив строгость милой легкой улыбкой. — Особенно слово, данное Майку Лейтону. Которому бы то ни было.

Они поцеловались.

Позже, когда Андреа вышла, а Джо прогонял очередной заключительный тест, Майк отклеил с клавиатуры желтый листок для заметок. На бумажке виднелась аккуратная синяя запись. Он мгновенно узнал руку Андреа — такие записки он не раз находил в кухне. Но вот сама запись — SO0122215 — ничего ему не говорила.

— Джо, — небрежно спросил он, — это твое?

Джо отвернулся от стола, прирос взглядом к желтому бумажному квадратику.

— Нет, это Андреа просила… — начал Джо и спохватился: Слушай, это пустяк, я хотел выбросить и…

— Это сообщение для другого Майка, так?

Джо огляделся, словно Андреа могла спрятаться где-то в комнате или неожиданно вернуться.

— У нас оставалось всего несколько полезных байт. Другой Майк только что передал прощальное сообщение. И Андреа попросила меня послать в ответ это.

— Не сказала, что это значит?

— Я не спрашивал, — сконфуженно огрызнулся Джо. — Просто набрал, и все. Подумал, это касается только ее и тебя. То есть ее и другого Майка.

— Все в порядке, — успокоил его Майк. — Правильно сделал, что не спросил.

Он снова просмотрел записку, и что-то в нем прочно встало на место. Теперь он узнавал код: воспоминание из дождливого ветреного прошлого. Координатная сетка крупномасштабной карты. Карты, которой пользовались они с Андреа, когда ходили в походы. Он уставился на цифры, готовые, казалось, выдать свою тайну. Он был уверен, что бывал там или где-то совсем неподалеку. Найти будет легко. Даже записка не нужна. У него всегда была хорошая память на числа.

По выстеленному линолеумом коридору прозвучали приближающиеся шаги.

— Это Андреа, — предупредил Джо.

Майк сложил бумажку так, чтобы цифры стали не видны, и бросил ее в сторону Джо. Его это не касается.

— Выброси в мусор.

— Уверен?

Отныне и навсегда в жизни его жены будет что-то, что его не касается, пусть даже на один день в году. Придется с этим как-то жить.

В конце концов, могло быть и хуже.

— Уверен, — сказал он.

Джей Лейк, Рут Нестволд
Ледяной Колосс [106]

— Погиб Генерал-губернатор. Я взглянула поверх раскуроченного коммуникатора, который тщетно пыталась собрать. Генерал был одним из тех, кого звали Ядром. Значит, неуязвимым. Но Мокс, кажется, не шутил.

— Как?

Такого напряжения на его физиономии не бывало даже при оргазме.

— Центр управления сообщает, что западный хребет Капитолийского массива разрушен землетрясением. И почти весь дворец, соответственно, тоже.

Несколько миллионов тонн скальной породы и монументальная кладка — вот и весь рецепт борьбы с бессмертием.

— Чертовски скверно. Так из Ядра никого не останется. Даже представить боюсь, как выглядит сейчас залив Бешеного Пса.

— Сущий ад, Вега. Я потерла лоб:

— Центр управления получил какие-либо указания?

— Удерживать позицию, сохранять спокойствие, игнорировать любые приказы, поступающие не от главного командования.

Надо подумать, черт побери. Что сейчас самое важное? Кроме государственного переворота, к которому мой собственный братец, вне всяких сомнений, имеет прямое отношение. Грязные убийства — это по его части, если речь действительно идет о свержении режима.

— А кому до нас какое дело? — спросила я скорее себя, чем Мокса.

Во имя Инерции, мы всего лишь планетологи. И все наши помыслы сосредоточены на Мире Хатчинсона, точнее, на Ледяном Колоссе. В показаниях приборов — ошеломляющий разброс данных по удельной массе, плотности, температурному режиму. Фрагменты биологического материала на недопустимой для жизни глубине.

К слову сказать, жизнь эта принимает на Колоссе странные формы.

У нас нет оружия, отпора дать не сможем. Имеется, правда, пистолет-транквилизатор на случай горячего спора или особо бурного всплеска эмоций, но это единственное, чем мы можем располагать здесь, в глуши, в самой заднице Вселенной, пока там,

на нагорье Хайнань, идет дележка власти. Говорю вам, нет у нас тут ничего интересного.

За исключением разве что моей персоны.

— Вот ты мне и скажи.

Что означал взгляд Мокса, я так и не поняла.

Ядро правило.

Непреложная истина, естественный порядок вещей на протяжении многих веков. Оно ревностно охраняло свою историю. Одна порция лжи — школьникам, другая — тем, кто рвался знать больше. Лично я никогда не верила, что Ядро — продукт генной инженерии двадцать первого века. В сфере высоких технологий все значительные капиталовложения негласно распределялись между добровольной инвазией чужеродных генов, исследованиями ископаемого генетического материала или военными экспериментами с их чудовищными последствиями.

Кому-то, впрочем, эти последствия такими не казались.

Ядро правило неплохо.

Хозяева брали что хотели, что им требовалось, но на планетах, вроде нашего милого сердцу Мира Хатчинсона, их ряды были рассеяны настолько, что присутствие верхушки казалось вовсе незаметным. Экономика, закон, общественное устройство — все как обычно, маленький мир, простые порядки. У меня была работа, любимое дело, которое удерживало меня от неприятностей. Иными словами, Ядро оказалось не самым худшим изобретением, объединившим весь род человеческий в триста семьдесят восемь колоний. В последний раз, когда я видела список, цифра, кажется, была именно такой.

В своей живучести представители Ядра, похоже, нисколько не сомневались. Иначе каким образом кому-то удалось обрушить целый дворец и половину горы прямо на Генерал-губернатора, который будто бы и не подозревал о готовящемся покушении.

— Ну как, до сих пор белковые фрагменты на глубине? — спросил Мокс, заставляя себя отвлечься на микробиологию, раз уж среди макроформ стряслась беда.

В эту минуту внизу, на Колоссе, зонд номер один в четырехсотметровом туннеле вел сбор данных по исключительной истории климата Мира Хатчинсона. Результаты поступали на телеметрический монитор, но на него я смотреть не стала. И без того все ясно.

— Ага.

Честно говоря, обескураживает. Какой может быть генетический материал на подобной глубине?! Морозные лисы, и

белые жуки, и все остальное, что только обитает на Колоссе, живут на нем.

Кроме того, выбивает из колеи полное неведение о творящемся на Хайнане. Во всяком случае на Мокса это оказывало именно такой эффект. Он то и дело поглядывал на комлинк, нахмуренный, напряженный. Мы с ним жили в лачуге на склоне горы Спиви, в двух километрах над туманными пиками Колосса.

Должна признать, далековато от политики.

Мокс одарил меня пристальным взглядом:

— Больше мне ничего знать не нужно? Я отвернулась:

— Нет.

Колосс был чашей, древним кратером, оставленным космическим телом, которое ударило с такой силой, что трудно представить, как кора Хатчинсона не рассыпалась в прах от столкновения. Впрочем, на противоположном полушарии катастрофа оставила заметный след: горная гряда Дьяволиного Хребта — хаотично вздыбившийся антипод ледяного кратера — была чуть ли не самым впечатляющим явлением из подобных среди всех населенных людьми миров. Вершины здесь достигали отметки двадцать тысяч метров над базовым уровнем.

Размер кратера в поперечнике составлял примерно тысячу километров, в глубину — километр. И все это пространство было наполнено льдом, по некоторым подсчетам — десятью миллионами кубических километров. Значительный запас пресной воды всего Мира Хатчинсона.

У Колосса свой климат. С южной дуги шли теплые массы воздуха, подпитывая вечную снежную бурю, без устали трудившуюся над созданием рваных краев чаши. Шторм ослабевал редко, укутывая плотными облаками суровый по сравнению с прочими экосистемами планеты мир, который не давал покоя толпам теоретиков, ломающих головы над вопросом: кто или что прибыло сюда вместе с тем космическим телом, чтобы дать начало разнообразным жизненным формам?

С высоты горы Спиви эта чаша, полная льда, напоминала замерзшее око божества.

Наша станция по взятию образцов, укрытая несколькими военными палатками, располагалась на одной из вершин по краю чаши Колосса, далеко внизу, под буранной завесой. Спускались мы туда как можно реже, только по необходимости разумеется. Хотя, соверши подобное путешествие авантюрист с лихорадочным взглядом, он счел бы, что жизнь удалась. Долгий, холодный, пугающий до глубины души путь к ледяному кратеру — вот единственная причина, по которой мы торчали здесь, а не

прохлаждались на одной из телеметрических станций Хайнаня. Периодически кто-то должен был спускаться за оборудованием.

Первое, что я увидела спросонья, была физиономия человека, с которым я время от времени делила постель.

— Планк тебе в ребро, Мокс! Разве можно так пугать! Я еле подавила зевок. Сон никак не хотел проходить. Выражение его лица вновь с трудом поддавалось идентификации, так что я всерьез забеспокоилась.

— Центр управления выходил на связь.

— По наши души или опять срочные новости?

— По наши. Искали некую Алисию Хокусай МакМарти Вегу, кадета Дома Поуэс. Я даже не понял сразу, что это ты.

Какое-то время я смотрела на него, почесывая коротко остриженный затылок и пытаясь проснуться. Мне это кажется или Мокс действительно только что узнал, кто я такая на самом деле?!

Да какая уже, в сущности, разница. Меня раскрыли, и чьи уста произнесли полное имя — все равно.

— И чего хотели?

— Похоже, тебя требуют назад, на нагорье Хайнань. — Он наклонился. — Ты мне расскажешь, кто ты такая, Вега?

Я очень сомневалась, что смогу. От всего этого я давно отказалась, просто выкинула из жизни.

Может, удастся спасти нашу дружбу…

— Послушай, как давно мы знакомы?

— Шесть лет уже, — незамедлительно ответил Мокс. Выходит, думал об этом.

Внутри у меня все сжалось от странного чувства, похожего на сожаление.

— И просидели мы тут с тобой, только ты и я, целых пять месяцев, так? Я Вега Хокусай, кем мне еще быть. Планетолог.

Мокс сцепил руки за спиной — будто нарочно, чтобы не тронуть меня. Что-то новенькое; в наших отношениях обычно не случалось пылких, страстных объятий.

— И кадет Поуэса, — заключил он.

Я ведь знала, что однажды это произойдет.

— Все мы где-то учились. Это все в прошлом.

— Стала бы тебя столица разыскивать.

— Пусть катятся к черту. Неужели я такое сказала?

И мой братец тоже пусть катится. Все его рук дело.

Кадет Поуэса. Выпуск стоил дорого. Нужна была смерть. Настоящая, необратимая. Не то странное полумертвое состояние,

в которое наставники погружали нас напоследок. Один кадет должен убить другого. Тайно. Привести в действие план, скрупулезно проработанный и тщательно составленный за годы обучения.

Вот такие экзаменационные дебаты в Поуэсе. Один выпускник — одна смерть.

В следующий раз, когда Мокс одарил меня этим своим непонятным взглядом, я как раз работала с белковыми цепочками из глубинных образцов. Мы хорошо изучили генную структуру, присущую жизни Мира Хатчинсона, хотя никак не удавалось воссоздать модель отдельно взятой формы, основываясь просто на результатах сканирования, как мы это делали, скажем, с земным генетическим материалом. Не было в нашем распоряжении веков исследовательского опыта и накопленных знаний. По-прежнему оставалось маленьким чудом то, как цепко первичная генетическая модель удерживалась в планетарных экосистемах, обеспечивая расселение панспермитов.

В любом случае, что бы я ни обнаружила сейчас, оно заслуживало пристального внимания — ничего подобного в наших записях наблюдений и базах данных не встречалось.

— Вега? — Голос Мокса был низким и напряженным.

— Ммм?

— Поговорим о Доме и всех этих ваших штучках? Я сняла виртуальный визуализатор и повернулась:

— Говорить особенно не о чем.

Он глядел поверх пистолета, который чистил. Надо сказать, подобный уход оружию не требовался.

— Для чего ты здесь? Просто смех!

— Мокс, это же Колосс. Я изучаю кратер, как и ты. А ты думал, революцию готовлю? Кого свергать-то? Морозных лис?

Мокс прервал свое занятие и поднялся:

— Поступил еще один вызов. Приказано тебя арестовать. Ах вот оно что. Ядро пытается защитить себя от попыток Поуэса руками моего братца Генри свергнуть его. Разумеется, в свете гибели Генерал-губернатора…

Или это сам Генри пытается выйти со мной на связь окольными путями?

Так или иначе, мне от этого никакой радости.

И на помощь Мокса теперь нечего рассчитывать — он чувствует, что его предали, что это часть чьего-то плана. По всей вероятности, так оно и было.

Я покачала головой:

— Может, меня и вышколили жуткой муштрой и

тренировками, но я все же планетолог. Ты меня знаешь целых шесть лет, ты видел кучу этих чертовых бумаг и моих отчетов. А с этим я, по-твоему, в душе развлекаюсь?! — Я пихнула рукой визуализатор.

— Нет… Ты… ты отличный археогенетик, и с климатологией у тебя все в порядке.

— К тому же когда, скажи на милость, я должна была заниматься подготовкой бунта?! И против кого, блаженная Инерция! Против Ядра?!

— Вега, не знаю.

Он, похоже, действительно взвешивал все за и против. Может, наши отношения и не пример для подражания, слишком сложные… Но… это ведь Мокс. Однако пусть я и не совершила ни одного убийства со времени выпуска из Поуэса, но моя подготовка — моя программа — не позволит мне бездействовать, если ему что-нибудь взбредет в голову.

Я сглотнула:

— Опусти пистолет, Мокс.

Он вернул оружие на место, и я с облегчением выдохнула, сообразив вдруг, что не дышу.

Для пущей обворожительности я приправила улыбку хорошей дозой феромонов. Будь у меня выбор, я ни за что не взялась бы манипулировать Моксом, но доведенные до автоматизма в курсе выживания инстинкты так и подхлестывали.

— Благодарю.

Ответа или встречной улыбки не последовало.

— Объясни мне, зачем ты понадобилась на Хайнане.

— Я правда не знаю. Но если мое мнение еще что-нибудь да значит, то предпочту остаться здесь.

Я смирилась с владычеством Ядра, хотя и стала свидетельницей заката последних из основателей моего Дома. Довольно с меня и Генри, и Поуэса, и заговоров, и власти. Ледяной Колосс и тайны Мира Хатчинсона — вот смысл моей жизни.

А что, если под знамена революции никто не явился?

Мокс посмотрел на пистолет:

— Расскажи о Поуэсе. Выходит, ты вроде тех, кого зовут Ядром?

Я пожала плечами:

— Мы не бессмертные, если ты об этом. За шесть лет мог бы седину заметить.

Взгляд Мокса встретился с моим.

— Сверхчеловек.

Сказал он это почти шепотом.

К несчастью, он был чертовски прав, но как же мне не хотелось вновь вставать на эту дорожку!

— Разбудила, пока летала? — съязвила я, скорчив скучную мину.

Внезапно раздался аварийный сигнал от зонда номер один. Мы оба подскочили к рабочему терминалу, включив визуализаторы.

Зонд что-то разрушало. На глубине четырехсот метров под поверхностью Колосса. Пока я пыталась осмыслить, что за причудливые формы выдает на виртуальный экран никуда не годный датчик тепловидения, перед моими глазами вдруг возникло текстовое сообщение: «Направляюсь к тебе. Будь готова. Генри».

Сквозь экран визуализатора было видно, как мелькают аварийные огоньки на телеметрическом мониторе.

Ядро нажило себе врагов. Оно контролировало межзвездные трассы, экономику колоний, тяжелое вооружение. Состоящих в Ядре нельзя было уничтожить. По большей части.

Но раз уж речь зашла о революции, то даже скалы не могут устоять перед силой времени, их измельчают в пыль ветра, вымывает дождь, раскалывает холод, дробят корни деревьев, а также взрывчатка.

Поуэс и другие Дома стали стихией, разрушающей могучую гору — Ядро. Долго и тщательно разрабатываемые очень терпеливыми людьми планы действий. Люди эти умело скрывались: кто-то обитал в трущобах, кто-то коротал время на самых оживленных человеческих фондовых биржах.

Некоторые Дома, Поуэс например, отдавали детей в государственные учреждения, словно сеяли семена, которые со временем прорастут. Я была одним из семян. Меня поместили в такую среду, чтобы в результате получить планетолога. Над Генри поставили иной эксперимент: выйдет ли из него революционер.

Семена — расходный материал. А Дома создаются на века.

Что бы ни уничтожало сейчас зонд номер один, оно было не биологического происхождения. Вот все, что мы могли понять на данный момент. Меня это приводило в бешенство.

Судя по обрывкам сообщений, шедших с большими помехами из комлинка, и по тому, как внеатмосферные выбросы энергии растревожили наши датчики, на орбите Мира Хатчинсона завязалась нешуточная потасовка. Планетарное Исследовательское Общество, как нельзя более экономное,

утыкало крышу нашей хибары нейтринными и бозонными детекторами для проверки совместимости их в работе — место удобное, удаленное и тихое, — и теперь эти детекторы сигналили на всю округу, подняв жуткий вой.

Я прикинула, что у меня есть час до того, как Генри доберется сюда. В компании пары ребят или девчонок из Дома, на случай, если я начну упираться. Генри — Мятежник. Я… Другая. Та, что позарез ему нужна?

А что должен делать образцовый солдат Поуэса?

Я повернулась к Моксу:

— Я иду вниз, попробую спасти зонд. Он замер:

— На такую глубину?! Планк с тобой, Вега, ты не сможешь одолеть четыреста метров! Назад уж точно!

Я не знала, что сказать. Поэтому промолчала.

Конечно, мы были всего лишь «любовниками-время-от-времени», но я научилась читать по его лицу. Он все понял:

— Ты не собираешься возвращаться. Я покачала головой:

— Я раскрыта. У меня все равно нет другого выхода. Так что посмотрю, что там с пробой.

Мокс отвел взгляд, не желая больше смотреть мне в глаза:

— Чего же мне ждать?

— Людей из Поуэса. Из Ядра, возможно, тоже.

— Черт побери.

— Прикинься дурачком. Не упоминай Дом, не говори ничего. Скажи только, что я спустилась к поврежденному зонду.

— А если они пойдут за тобой?

Решение было принято, я уже доставала снаряжение из своего шкафчика.

— Колосс — опасное место. Им придется пролететь сквозь ледяной ураган, преодолеть непогоду на поверхности и отыскать мою везучую задницу. По дороге всякое может случиться.

— Вега…

Я посмотрела на него. До сих пор такое выражение на его лице я замечала только в постели, но Мокс справился с собой прежде, чем я решилась ответить. Удивительные силы давал Поуэс своим семенам, любые, кроме одной — устойчивости к душевным переживаниям.

— Да? — выдавила я наконец.

— Удачи.

— Тебе тоже, Мокс.

— Надеюсь, у тебя все получится.

— Спасибо. Я тоже надеюсь.

В следующий миг я была снаружи. Последние золотые отблески дня тускнели среди западных пиков. Разразившийся на

орбите бой (Генри пробивался ко мне?) подсвечивал небо разноцветными огнями, и внизу, в полутора километрах от нашей хижины, в мрачной серой пелене вечной бури космической схватке вторили исполинские разряды молний, каждый размером в добрую сотню километров. Даже здесь, на склоне горы Спиви, пахло озоном. Еще бы. На высоте трех с половиной тысяч метров над базовым уровнем воздух тонкий и прозрачный и погода вытворяет черт знает что, но, разумеется, с климатом Колосса ей не сравниться.

Бесподобно.

Наша хибара ютилась на широком уступе высотой шестьдесят метров и четыреста — длиной. Вся живность тут — лишайник да мы с Моксом. Блоки питания и прочие системы жизнеобеспечения были спрятаны в скальных нишах, и тем не менее маленький лагерь походил на нагромождение какого-то хлама, к тому же хорошенько закрепленного на случай сильного ветра и непогоды.

Я посмотрела в сторону посадочной площадки. Мне уже ничем не помочь Моксу, если кто-то вдруг нагрянет. На дальнем краю ее находилась опора канатной дороги, соединяющей наш лагерь со станцией на Колоссе. Несколько толстых тросов довольно быстро спускали вагончик с сеткой вместо окон. Однако путь назад приходилось преодолевать, изо всех сил крутя лебедку. Подъем занимал не один час: так и подмывало бросить это занятие и воспользоваться вырубленной в скале лестницей, оставшейся здесь от артели каторжников.

На фуникулер сегодня времени нет. Я развернула крылья из стекловолокна, которые взяла сюда с собой пять месяцев назад и берегла как раз для такого случая.

Большие, черные, не такие уж легкие, как казалось со стороны, — они будто принадлежали прежде летучей мыши размером с лошадь. В мои лопатки, точнее, в армированные алмазной нитью суставные ямки были вживлены нейрошунты, к которым подключались контрольные узлы крыльев, чтобы я могла управлять движущими спицами как собственными пальцами.

Страховочные ремни плотно облегали мои грудь и талию. Я оголила спину, надела крылья, послушные, словно еще одна пара рук. Ветер уже расправлял их, натягивал материю между спицами. Прикосновения ледяных порывов к голой коже подействовали на меня освежающе; приятный, бодрящий шок, будто электричество для батарей, которыми долго не пользовались.

Я поглядела вниз, в штормовую бездну над Колоссом, рассекаемую вспышками молний, потом расправила крылья и соскользнула с ледяного выступа в бескрайний воздушный океан.

По одной из существующих теорий, Ледяной Колосс был не чем иным, как древней мегалитической конструкцией. Учитывая, какое количество тепловой энергии требовалось, чтобы поддерживать существование этой огромной и весьма активной глыбы льда, можно было предположить, что создание такого объекта — слишком трудоемкое занятие. Разумеется, планетарные энергии и тепловые ресурсы тяжело поддаются анализу, — одна из крупнейших проблем вычислительной науки. Но ведь Колосс устанавливал свои стандарты.

Хорошо. Допустим, кратер образовался вовсе не случайно все эти бесчисленные тысячелетия назад. Допустим, что-то до сих пор находится там, внизу. Скажем, некий тепловой реактор гигантских размеров, продукт цивилизации второго или третьего типа. Кто-то отправился из самого центра Галактики с неизвестной миссией, а она возьми да и обернись катастрофой на Мире Хатчинсона.

Ага. А морозные лисы хватают кисти и малюют копии Моны Лизы.

И все же вопросы, назойливые, беспокоящие, оставались. В самом деле, достаточно взобраться на любую из вершин вокруг кратера и взглянуть вниз. Тогда становится ясно, что у Вселенной в запасе полным-полно неприступных тайн.

Полет был сущим удовольствием. Ветер скользил по коже, словно ласковые, любящие руки, и мои мышцы пребывали в приятном напряжении. Я наблюдала, как воздушные потоки следуют по пути, сотворенному гравитацией, подъемными силами и атмосферным давлением. Буря над скрипящим льдом держалась плотно и двигалась неспешно, хотя была не страшнее и не опаснее тех своих тезок, что возникают в открытом море.

Лишенное век, мерзлое око мира маячило подо мной.

Я спускалась по широкой спирали, что позволяло как следует оценить рельеф и форму штормового циклона. Центр его оставался непроницаемым, а ведь еще не стемнело, белесый, словно катаракта на глазу. Ветра в центре слабые. Молнии, то и дело освещавшие спиральные рукава воронки, словно предупреждали заранее, какой тяжелой выдастся ночь.

Отлично, ураган — это то, что нужно. Я все дальше и дальше от нашего лагеря на горе Спиви. Уже несколько километров. Оставалось надеяться, что с Моксом ничего не случится и роль свою он отыграет легко. В конце концов, ни Ядру, ни Дому до него не было никакого дела.

Хотелось верить, что когда-нибудь он меня простит.

С мыслью об этом я выдохнула и ускорила спуск.

Оставалось несколько сот метров до шквального фронта над Колоссом, когда воздух рядом со мной прорезала ослепительная вспышка лиловой молнии.

Молнии не природного происхождения.

— Инерция! — прошипела я, едва увернувшись от энергетического заряда.

Затрещал ионизированный воздух — след от выстрела, тянущийся до самой пушки, похожей на копье. Окинув быстрым взглядом небо над головой, я заметила два темных пятна. Выставив нижние защитные экраны, на меня двигались истребители с Хайнаня. Кому-то мое присутствие явно не по душе.

Это уже серьезно. Проклятие! У меня при себе нет ничего, чем можно было бы сбить хотя бы одного из этих клоунов. Оставалось только маневрировать. Их системы наведения засечь меня не могли — недостаточное количество металла, да к тому же двигалась я слишком медленно для удачного захвата цели, — так что парни пристреливались на старинный манер: прицел «Марк I» и палец на гашетке.

Уж что-что, а человеческий глаз я обмануть в состоянии. Да и вообще способностей у меня хоть отбавляй.

Перехватчики обогнули могучую воронку шторма и вновь взяли курс на меня. Я делала все, что могла, быстро вращаясь и закладывая крутые виражи, мотаясь из стороны в сторону, словно угодившая в центрифугу заклепка. «Мысли, как пилот, Вега». Я успела с силой выдохнуть и камнем полететь вниз, прежде чем обе пушки выстрелили. Лучи рассекли воздух у меня над головой с таким треском, что заглушили на миг рокот бури.

От скоростного падения у меня перехватило дыхание. Восстановить его удалось, лишь когда я вплотную приблизилась к вершине циклона. Вблизи штормовая масса напоминала ландшафт из множества долин и ущелий: мрачный, серый, отливающий глянцем в свете восходящей луны. Клубились плотные облака, царила зловещая тишина. Раскаты грома я ощущала скорее телом, слух не улавливал ничего. Ни одного привычного ночного звука, ни птичьих голосов, ни шорохов. Только время от времени при яростных вспышках я каждой клеткой чувствовала, как сотрясает воздух бушующая штормовая стихия.

Электронных приборов при себе у меня не было, исключая, разумеется, силиконовую дрянь в черепной коробке. Конечно, если я схлопочу разряд молнии и контакты оплавятся, песенка

моя спета. Но шутам у меня на хвосте придется в разы хуже, стань они жертвами светового шоу матушки-природы. Так что, срезав спираль, я стала заманивать перехватчиков ложными кульбитами поближе к тучам. Они преследовали неуклонно, заходя по широкому кругу, медленно, насколько позволяли возможности их машин, и старались не прекращать обстрела.

Кошки-мышки. Угадать очередной выстрел. Где увернуться, где продолжать парить… Я растратила почти все свое преимущество высоты. Не хотелось прибегать к силе штормовых воздушных потоков, пока я максимально не приближусь к цели. Только в крайнем случае. Крылья мои управлялись мышцами — вот основная проблема. В отличие от преследователей, я физически не могла держать их раскрытыми постоянно.

Один из пилотов проявил сообразительность, взмыв вверх на несколько сотен метров, чтобы, спикировав, достать меня выстрелом.

Вот ты и попался. Я принялась кружить нарочито медленно, позволяя ему хорошенько прицелиться.

Выпущенный заряд опалил мне одежду. Я резко ушла в сторону, надеясь, что пламя погаснет само, и только уповала на надежность своих знаний о штормах и грозовых облаках.

Знания себя оправдали. Тераватты электрического тока, собранные в огромную ветвистую молнию, ударили прямо в воронку, оставленную ионным следом от выстрела. Ударная доза: у паренька спалило защитные экраны и, вероятно, всю электронную начинку в истребителе, получившем максимальное количество энергии, которое только мог выдержать фюзеляж, из чего бы он ни был изготовлен. Итак, клоун номер один если и не обуглился, то хлопот у него теперь по горло — не до погони.

Номер два пошел на другую уловку: сбросил высоту, то скрываясь в облаках, то вновь появляясь над их вершинами. Думаю, он понял, что остались только мы с ним и на помощь ему рассчитывать нечего. Я видела, как он кружит, выверяя траекторию для прямого попадания. Чтобы уж наверняка поразить молнией из пушки-копья.

«Самое время укрыться среди туч, Вега».

Я сложила крылья и ринулась вниз, прочь от неминуемой смерти. Словно пуля.

Какова буря изнутри? Возможно, так выглядит преисподняя. Двести километров ураганного ветра. Градины размером со сливу. Электрические разряды по краю крыльев, ток щиплет кончики пальцев рук и ног.

Куда подевался преследователь номер два, я понятия не

имела. Утешало лишь то, что ему о моем местонахождении также неизвестно. Выходит, мы квиты. Ни Дом, ни Ядро не найдут меня здесь. И к черту переполох вокруг Генерал-губернатора.

От цели меня отделяла пара сотен километров, может, больше. Здесь, в центре шторма, я получала небольшую передышку и возможность парить на ветру, сколько душе угодно. Но выбираться придется: это все равно что оказаться зажатой в огромный кулак.

Я перешла на режим экономии ресурсов организма. Сразу вспомнились детство, тренировки, долгие годы в мрачных подземельях, ночные вылазки… Дыхание мое замедлилось до одного вздоха в двенадцать минут, а плотность кожи теперь могла сравниться разве что с плотностью стали, так что ледяные шарики разбивались об меня вдребезги.

Красоте везде есть место. Брызги крови на стене порой ложатся в орнамент куда более причудливый, чем может прийти в голову искусному ювелиру. Обломок кости в лесу способен поведать о смерти оленя, стать приютом терпеливым насекомым и сиять на полуденном солнце ярче жемчужины. А как восхитительна симметрия форм потертого вентиля на баллоне с кислородом… От бесперебойной его работы зависит чья-то жизнь. Это словно отлитая в металле копия небес обетованных, рая для страждущих грешных душ. Но буря… О, буря.

Башни из грозовых туч, воздушные обители природных сил. Пока стоит день, буря наливается мрачными полутонами где-нибудь на краю небосвода, но сейчас, ночью, она чернеет, как сама тьма. Воздух наполняет резкий запах электричества и водных испарений. Дрожь пробивает мое тело при каждом величавом раскате грома. Ярко-голубые вспышки на фоне ливневого мрака будто призывают духов Колосса затеять пляску среди леденящих ветров.

И я лечу, поглощенная этой красотой, ускользнувшая от погони, лечу навстречу тому, что погубило зонд номер один.

Дома не имеют никакого отношения к архитектуре. В этом они похожи на Ядро. Это скорее идеи, деньги и оружие. Возможно, политические партии.

Поуэс, возникший здесь, на Мире Хатчинсона, занимал до недавних печальных событий достаточно большую часть дворца Генерал-губернатора. В детстве я даже состояла в списке дворцовых слуг. Выполняла обязанности пажа в перерывах между операциями, тренировками и долгими, тяжкими часами в подземельях Капитолийского массива.

Ядро везде и нигде. Дома нигде и повсюду. Некоторые

полагают, что между Ядром и Домами нет никакой разницы; другие — что между ними пропасть.

Детство мое прошло в полетах и падениях. Летала и падала я чаще, чем любой человеческий ребенок.

Детство мое прошло в подготовке к такому дню, как этот.

Миновав уровень грозовых облаков, я на собственной шкуре ощутила, как тонка грань между величественной красотой и разрушительной, повергающей в ужас силой бури. Здесь, внизу, начиналось царство тяжелого тумана, ледяного дождя вперемешку с градом и сильнейшего ветра, ветра повсюду. Холод был настолько жесток, что даже моих способностей терморегуляции оказалось недостаточно, чтобы побороть его.

Черт тебя побери, Ядро. Если тот второй подонок все же прорвался следом, не развалившись на кусочки, то здесь он и обретет покой.

Внезапный порыв ветра с ошеломляющей силой ударил меня сбоку, закружил, ломая крылья, и швырнул на поверхность Колосса вниз головой. Я едва успела заслониться руками, прежде чем рухнула в сугроб, пропахав корку наста и ободрав ткань и кожу. Сущий ад.

— Проклятие, — буркнула я, несмотря на забитый снегом рот.

Такого я не планировала, не с моими крыльями. Там, где ударом вырвало соединения из нейрошунтов, все ныло от боли. Я отключила питание и потратила некоторое время на то, чтобы снять крылья. Довольно болезненное занятие. Пришлось поерзать и повозиться.

Освободившись, обнаружила пару морозных лис, наблюдавших за мной.

— Обеда не будет! — крикнула я с улыбкой сквозь завывания ветра. Как будто мне это могло помочь.

Морозные лисы, чешуйчатые, длиннотелые падальщики, отличались врожденной глухотой. Питались они в основном белыми жуками, лишайниками и друг другом. Но при весе сорок килограммов даже один такой зверь мог стать проблемой.

К вою бурана добавился какой-то звук, и я подняла голову точно в тот момент, когда второй истребитель с ревом пронесся по небосклону, сотрясаемый шквальным ветром. Морозные лисы исчезли.

Ледяной Колосс напоминал скорее пустыню, чем океан. Здесь были дюны, сугробы, глубокие расселины — пейзаж, сотворенный бесконечным бураном. Плотность льда варьировалась в основном под действием естественного выветривания, но также

существенное влияние оказывали минеральные формации и давление под ложем ледника. Рельеф Колосса словно маскировался под обычное геологическое образование — при желании в ледяном массиве можно было найти сходство с обнажениями горных пород и скалистыми склонами. Вся разница состояла в том, что нормальная геология предполагает неспешные изменения ландшафта. А вот Колосс… Что ж, тектоническая активность входила в число его природных характеристик. Однако скорость ее никак не соответствовала планетарным меркам. Скорее — меркам человеческой жизни.

По этой причине мы никогда не составляли карт Колосса. И каждый день здесь был не похож на другие, всякий раз — приключение под покровом бури.

До туннелей, пробуренных зондами, оставалось несколько километров. Входы могло занести снегом, но если хотя бы один свободен, есть шанс довести дело до конца.

Я спустилась сюда не только, чтобы укрыться от Ядра или тех, кто пытался заполучить меня, — я не солгала Моксу, назвавшись планетологом. Тайна Колосса пленяла меня, это была моя тайна, мне надлежит раскрыть ее и поведать остальным. Это куда важнее Поуэса и политики. Генри никогда не поймет.

Так что пора вставать и шагать наперекор ветру, даже осыпая проклятиями то, что меня так восхищает.

Свободный туннель мне все же посчастливилось обнаружить. Зонд номер один одолел изрядное расстояние, прежде чем наткнулся на формацию, выглядевшую более или менее постоянной. Бурить ледяную глыбу зонд начал с подветренной стороны, и в сгущавшихся сумерках вход в туннель напоминал распахнутую черную пасть.

Неожиданно по спине у меня побежали мурашки. Не от холода. В конце концов, ветра здесь не было.

Чтобы проникнуть внутрь, пришлось опуститься на четвереньки. Передвигаться можно было лишь ползком. Лучше бы Дом добавил в мою ДНК генную структуру ледниковых червей. Овальный зонд с чуть смещенным центром тяжести придал скважине соответствующую форму. Он растапливал лед, а затем точечно впрыскивал обратно в стены. Образующиеся плотные ледяные шипы оберегали туннель от разрушения. При движении на четвереньках едва сохранялся зазор между спиной и потолком лаза. Случись необходимость воспользоваться карманным компьютером — пришлось бы вытянуться ничком. Словом, угодила в ледяной гроб. Что ж, надеюсь, удастся прикинуться трупом — неизвестно ведь, с чем или кем я столкнусь на другом

конце скважины.

Чтобы видеть, мне пришлось использовать свой низкочастотный биомаяк. Сверхчеловек. Как планетолога, меня это оскорбляло, но лучше обойтись без сюрпризов и держать ситуацию под контролем, пока я не найду зонд.

Сказать, что в туннеле было холодно, — значит не сказать ничего. К счастью, мне удавалось поддерживать температуру тела на необходимом уровне, во многом благодаря тому, что восходящий поток воздуха в лазе не подпитывался холодным ветром: вероятно, сработало что-то вроде эффекта Бернулли.[107]

Тем не менее, будь я обычным человеком, нехватка пространства и гипотермия добили бы меня в два счета.

Гул электрического напряжения и слабый след машинного масла привели меня к зонду. С крайней осторожностью я подползла ближе, не зная, что меня ожидает. Аппарат ведь что-то повредило.

За всю историю Ядра, Домов, да и вообще человечества, никто и никогда не находил механизмов, созданных иными цивилизациями. Нам встречались планеты с явными признаками транспортных магистралей, портов, бурения горных пород. Но ни разу не удалось натолкнуться ни на гайку, ни на кусок металла: никакой техники и прочих артефактов.

Мы подвергали анализу каждый сантиметр подобных мест на предмет генетического материала другой жизни, чуждой человеческой. Хотя длящейся веками неразберихи с Ядром хватало, чтобы понять, что самые необычные и странные гены содержатся в наших собственных клетках.

Зонд номер один замер в ступоре, хотя отключен не был. И рядом — ни малейших признаков того, что пыталось его разрушить.

Прибор отчасти напоминал картофелину шириной полтора метра, высотой метр и три — длиной. У картофелины была прочная обшивка, утыканная распылителями, с помощью которых создавался туннель. На первый взгляд все в порядке. Никаких следов загадочного агрессора. Только я и зонд в четырехстах метрах от поверхности Колосса.

Может, кто-то «пошутил» с нашей телеметрией? Трюк древний, как призрак Николы Теслы. Но ведь зонд недвижен. Это больше чем розыгрыш.

Я «заглушила» все свои системы жизнеобеспечения. Надо провести разведку. Погружаюсь в темноту. Подавляю электромагнитное излучение тела. Отключаю контроль над температурным режимом. Только мое сознание и обостренный до

предела слух.

Колосс рокотал и трещал, откликаясь на вращение планеты. Исполинских размеров кристаллическое образование, распростертое на ее поверхности. Дышащий монстр вечной мерзлоты величиной полконтинента.

Но было еще что-то.

Едва уловимое слухом трение кристалликов льда, словно ослабевали стенки туннеля. Отдаленное эхо бурана.

Почти неслышный треск сжимающегося вещества: будто что-то металлическое еще не обрело температурного равновесия с окружающей средой.

И в этой почти мертвой тишине звучит голос:

— Прощай, Алисия.

Это Генри.

Он оказался быстрее. Тонны льда погребли меня прежде, чем в голове возникла мысль: «Сестроубийца».

> «Обычно умерщвление применяют к кадетам на двенадцатом или тринадцатом году их жизни. Предпринимаются все меры по сохранению стволовых клеток мозга. Особое внимание уделяется тем структурам, которые отвечают за психологическую целостность личности и нормальное функционирование процессов памяти. В подобном пограничном состоянии кадеты пребывают до начала очередной тренировки. Данная практика подразумевает благотворное влияние на становление характера воспитанников Дома. И поскольку смерть неподвластна ходу времени, танатический опыт не воспринимается кадетами как таковой и никак не влияет на психомоторные характеристики. Известны случаи, когда воспитанников «возрождали» столетия спустя».
>
> *«Дом. Тайная история в рассказах» (автор неизвестен), процитировано Файрамом Палатинским в книге «Изучение запретных текстов и комментарии», Фримонт Пресс, Лэнгхорн-Клеменс Па.*

Когда начало возвращаться сознание, я обнаружила, что лежу на рыхлом снегу.

Значит, во льду меня не замуровали.

Что ж, в сотовую структуру нановолокна, заполняющего мои трубчатые кости, были встроены ультразвуковые термоядерные реакторы. Другими словами, при наличии минимального

температурного градиента я могла получить энергию. Трехметрового сплава металла и пластика глубоко под ледяным панцирем вполне достаточно.

Получив энергию, тело, сконструированное в Доме, или тело представителя Ядра будет неизменно возвращаться к жизни.

Интересно, если я не погребена более подо льдом, сколько же я здесь нахожусь? Биологические часы молчали.

«Инерция».

Не время мне, как видно, обрести покой. Леденящий холод закрался в душу: может, я тут уже месяцы. Или годы.

Потом я поняла, что слышу завывание ветра, так близко, будто нахожусь прямо под поверхностью. Выходит, вернулся слух. Уже что-то. Собрав все силы, я поползла на шум бури.

Сквозь рев шквального ветра пробивался протяжный вой. Искусственного происхождения, судя по всему. Та часть сознания, которая уже восстановилась, определила его как сигнал сирены.

Аварийный или позывной?

Не знаю, как долго я пыталась выбраться наружу, но в конце концов мне это удалось. Физиология постепенно приходила в норму. Затем вернулось зрение.

Я оказалась у подножия пологого склона. Того самого, в котором был пробурен туннель? Или это уже время и ветер постарались? Как долго я пролежала под поверхностью Колосса?

Снова над белым простором разнесся сигнал сирены, и я направилась на звук, карабкаясь по снежным наносам. Нечеловеческими руками.

Я замерла, уставившись на то, что прежде было ладонями. Теперь пальцы срослись голубоватыми перепонками в самые настоящие клешни. Такого не производил ни один геном за всю историю человечества. Я восстановила себя, используя тот генетический материал, что нашелся в толще льда.

Загадочные архигены стали теперь частью меня.

Внезапно раздался новый звук: выстрел, вызвавший волну адской боли. Оглушительный рев вырвался из моей собственной груди.

Надо мной стоял Мокс с пистолетом-транквилизатором в руке. На лице его читался ужас.

Я вдруг ощутила, как клокочет, вздымается во мне странное чувство. Захотелось кинуться в ответ, разорвать, отомстить, но я заставила утихнуть волну ярости, позволяя транквилизатору делать свое дело. Просто смотрела на Мокса, молясь, чтобы он догадался.

Но как заставить его поверить, что монстр перед ним — я?!

Очнулась я на полу в нашей хижине. Руки и ноги мои были неумело связаны чем-то, что, я знала, меня не удержит. Мокс сидел напротив, с пистолетом на колене, напуганный и ошеломленный.

Вновь звериный инстинкт потребовал разорвать путы и новоявленного охотника. К счастью, остатки человеческого во мне возобладали.

Я попыталась заговорить, но вместо слов раздался нечленораздельный рык. Мокс вскочил, направив на меня оружие. Вторая попытка оказалась более удачной.

— Планк тебе в ребро, Мокс. Опусти пистолет.

Я говорила очень тихо, но почему-то звуки голоса сотрясали стены нашего крошечного домика.

Мокс вздрогнул и уронил транквилизатор:

— Вега?!

Я кивнула. Лучше болтать поменьше.

— Что с тобой такое?! Я пожала плечами:

— Архигены.

— Но как?!

— Поуэс.

Семена Дома тяжело уничтожить. Я вот, например, переработала и генетически усвоила содержимое льда.

Мокс кивнул. Он ведь тоже знал о глубинных образцах, и еще он считал меня сверхчеловеком. Он принял это. И поверил.

Зверь во мне успокоился.

— Что же теперь? — спросил Мокс.

— Доставь меня на Хайнань.

С момента моего исчезновения, как выяснилось, прошел год. Генри стал Генерал-губернатором. И неуязвимым тоже?

— Я навел справки, — сказал Мокс. — Убийство родственников — необходимое среди таких, как ты, условие, чтобы получить власть.

— Я не была ему соперником! — рявкнула я. Ну что мне делать со своим звериным рыком?

Вздрогнув, Мокс покачал головой:

— Думаю, Генри мало волнует тот факт, что однажды ты решила выбыть из игры.

Просто смешно, насколько я была наивна, если могла хотя бы предположить, что удастся порвать с Домом и политикой.

Памятуя о том, что Моксу однажды отдали приказ арестовать меня, мы решили, что именно это он и сделает и таким образом доставит к Генри. Лучше плана не придумать. Добраться до

своего брата. О, вновь эта волна странного неудержимого чувства вздымалась во мне. Теперь я воспринимала ее как естественное состояние той звериной сущности, что стала частью меня. Что-то среднее между яростью и всепоглощающим стремлением выполнить долг, совершить своеобразный ритуал отмщения.

Разумеется, Генри мог убить меня, едва завидев, но на риск я шла вполне осознанно. К тому же, зная брата, я не сомневалась: любопытство в нем возьмет верх. Ему захочется узнать, как мне удалось выжить.

О да. Ему захочется на меня взглянуть.

Транспортер оказался тесноват. Он был сконструирован для двух человек, а я в размерах, мягко говоря, увеличилась.

Пока мы летели над Хайнанем, я оценивала изменения здешнего ландшафта. Капитолийский массив превратился в груду каменных обломков посреди того, что осталось от залива Бешеного Пса. Город будто бы не пострадал. Выглядел как прежде. Верхушки зданий, подобных древним пирамидам, по-прежнему утопали в изумрудной пышной зелени. Волны цветов, стаи птиц… Пасторальный пейзаж, написанный по-отечески мягкой, правящей рукой Ядра. Баржи и плавучие деревни скользили по водной глади. Построили их, несомненно, после обрушения массива. Вероятно, тогда поднялась настоящая волна цунами.

Но вызвало ее не землетрясение, я была уверена. Едва увидев город, я убедилась в своей правоте: вовсе не природная катастрофа помогла Генри претворить амбициозные планы в жизнь.

Слишком уж большая часть нагорья Хайнань осталась нетронутой.

Истребители-перехватчики окружили транспортер и сопровождали нас до самой посадочной площадки при новом дворце, выстроенном на противоположной стороне залива Бешеного Пса, где сейсмоактивность была крайне низкой. Нас встречал целый отряд вооруженных до зубов пехотинцев, хотя мои клешни для видимости были связаны за спиной. Эскорт повел нас гулкими галереями и коридорами, еще более запутанными, чем те, что запомнились мне с детства.

Возможно, Дом действительно может стать Ядром.

После взору открылся огромный приемный зал. Увешанный зеркалами, он выглядел еще просторнее. Множественные отражения того, чем я стала, окружили меня. Нечто массивное, нескладное, с перепончатыми конечностями, синюшными покровами. Нечто нечеловеческое. Страшнее черта и еще более опасное. И как только Мокс сохранял способность вести себя со

мной, как с прежней Вегой? Разве это взгляд той женщины, которая когда-то вызывала в нем желание? Да мой новый вид меня саму приводил в ужас!

Брат стоял в дальней части зала, заложив руки за спину. Прямо как я со связанными сзади конечностями. Сходство было бы очевидным, если бы не тот факт, что лицо его хранило безупречные черты породы Поуэса, пестуемой веками. Одним только взглядом он мог вызвать восхищение или добиться беспрекословного повиновения. Я же была… Другой.

Красавец и Чудовище.

Генри смотрел то на Мокса, то на меня.

— Это, я полагаю, моя сестра? — спросил он наконец, для пущего эффекта вздернув совершенной формы бровь.

— Генри! — прорычала я, прежде чем мой друг смог ответить.

От рокота, вырвавшегося из моих легких, задребезжали зеркала, что заставило брата взглянуть на меня со всей серьезностью. Впрочем, он только покачал головой:

— На Алисию это мало похоже. У вас никчемное чувство юмора.

Жажда мести вновь всколыхнулась во мне, и я зарычала, принуждая всех, включая Мокса, отступить назад. Друг спохватился первым:

— Просто поговорите с ней.

— Это даже не человеческое существо.

— Думаю, она восстановила себя, используя палеогенный материал из толщи льда.

— Да что же в этой твари заставляет вас верить, будто это Алисия?!

— Планк тебя побери!!! — взревела я, устав быть пустым местом. — Генри! За что?!

Слова прежде дела: это единственное, чем я пыталась удержать себя от прыжка на лицемера. Путы на запястьях — одно название. Я разорвала бы брата на куски.

Он вздрогнул, как и все, кто находился в зале, но теперь смотрел на меня иначе: узнал если не по голосу, то по манере говорить. Согласился принять как факт метаморфозы моего тела. Расчетливая улыбка Поуэса искривила его губы.

Нет. Не Поуэса. Ядра.

— Политика, — произнес Генри, будто это все объясняло. Ну разумеется. По меркам Ядра, все без исключения. — Планировалось замуровать тебя во льдах навеки.

— Что ж, я вернулась.

Вновь задрожали зеркала. Это мой голос стал громче или ярость рвалась наружу?

— Правда, связанная. — Генри откровенно насмехался.

На этот раз буря во мне взяла верх. В миг я высвободила конечности и отшвырнула одной длинной, могучей клешней кинувшихся ко мне стражников, удивленная не меньше остальных своей силой. Один из них поднялся, прицеливаясь, но молниеносным ударом я переломила ему спину и оставила корчиться и выть на мраморном полу. Я могла бы зашибить его насмерть, но взгляд Мокса остановил меня: такого дикого ужаса на лице своего друга я не видела даже тогда, в снегах.

— Стоять! — Бесполезный приказ Генри. Никто и не думал шевелиться, кроме извивавшегося от боли солдата на полу. Брат приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки: — Раз тебя так трудно уничтожить, то у меня есть предложение, сестрица.

Так близко он стоял… Его никто не спас бы. И выстрелы настигли бы меня уже после того, как обмякло бы его безжизненное тело. Существо, которым я стала, инстинктивно просчитывало скорость, расстояние и движения, и только громадным усилием воли мне удавалось сдерживать этого зверя, как и жгучую жажду совершить обряд мести.

Кроме того, боковым зрением я заметила троих стражников, приблизившихся к Моксу вплотную с оружием наготове. Нельзя рисковать.

Головы я не повернула, но стало ясно, что от Генри не ускользнули мои попытки оценить ситуацию. Вместе с тем он прекрасно сознавал, с какой легкостью я могу свернуть ему шею.

— Предложение? — отозвалась я.

Генри улыбнулся, довольный собой, — улыбка Ядра.

— Мне пригодится создание с твоими способностями. Наводящий ужас телохранитель. К тому же теперь ты мне не помеха… В таком-то виде.

В таком-то виде. Монстр. Более не семя Дома. Исполнилось мое самое заветное желание. Но какой ценой?!

— Я могу убить тебя, — взрыкнула я. Он только покачал головой:

— Нет, не можешь. Потому что ты такое же Ядро, как и я, дорогая сестра.

— Я не Ядро.

Улыбка Генри стала шире.

— Тогда кто?

Действительно, кто? Очевидно, машина для убийства. Что ж, отчего бы не воздать должное своему назначению и не прикончить брата — который, собственно, первым проделал это

со мной — и не освободить Мир Хатчинсона от Ядра?

Двое санитаров вбежали в зал и погрузили на носилки раненого стражника. Его вопли вскоре стихли вдали.

Среди запахов, окружавших меня, стоял крепкий запах крови, боли, испражнений, крошащейся в прах самоуверенности брата и всепоглощающего страха. Напуган был каждый: Мокс, охранники, даже Генри. Ввергнуты в ужас чудовищем, которым я стала.

Что же, черт побери, такое было там, под поверхностью Колосса? Какую мощь, какую опасность сдерживала эта исполинская ледяная могила?

Меня. И что-то похожее на меня.

Было ли оно разумным?

А я? Остались ли во мне сознание, душа?

Мысли эти кружились в голове без остановки. Я была огромным, сильным, натренированным в Поуэсе яростным зверем, к тому же вернувшимся с того света. Я могла уничтожить Генри, не сходя с места, прямо здесь, на его территории. Вновь внутри вскипала волна, алчущий мести монстр. Расстановка сил давала мне преимущества.

Я постаралась взвесить все как следует. Неторопливо, на манер Ледяного Колосса, я погрузилась в размышления, уделяя внимание малейшим деталям. Расстановка сил давала мне преимущества. И могла лишить их.

Возможно, Ядро и не настолько дурная вещь. Раз уж теперь на этой планете Ядро — это Поуэс, то я становилась его частью, пусть и чудовищной. Но какова бы ни была моя сущность, я не останусь здесь и убью любого, кто преградит мне путь. Я собираюсь стать совершеннее, чем тварь, в которую превратили меня палеогены. Совершеннее, чем сверхчеловек, созданный в подземельях Капитолийского массива.

Брату никогда не сравниться со мной. Я расширю возможности, дарованные мне собственным геномом. И не приму предложения Генри.

— Я не стану твоим телохранителем. Ухмылка сошла с его лица.

— В таком случае придется снова тебя убить. Ты же понимаешь.

Его право. Но какой у меня оставался выбор? И на чьей стороне на этот раз окажется удача? Я взглянула на Мокса, кажется оправившегося от страха. В долгом нашем взгляде мне почудился отблеск прежней дружбы.

Мокс все понял. Ради его же блага я должна уйти.

В последний раз я поглядела на Генри:

— Я не Ядро и никогда им не буду. Убей меня, это ничего не

изменит.

Я отвернулась, ожидая выстрелов в спину.

Генри удивил меня: их не последовало.

И тогда я зашагала вдоль рядов высоких зеркал, миновала запутанные коридоры и гулкие галереи Нового Дворца, спустилась к заливу Бешеного Пса, погрузилась под воду, вышла на сушу и в течение долгих дней пересекала равнины, поднималась в горы, спускалась в низины, пока наконец не вернулась домой, к Ледяному Колоссу.

Бескрайний, глубокий… Мир посреди мира. Мое пристанище отныне. Моя семья, мой Дом. Мое Ядро. Кто знает, если я спущусь поглубже, может, отыщу там нового брата.

Грегори Бенфорд
Головная ударная волна [108]

Ральф бочком проскользнул в кабинку, где уже дожидалась Ирэн, с задорным видом прихлебывая из бутылки чай «Снаппл». — Как де?.. — Взглянув на его лицо, она не закончила вопроса.

— Расскажи что-нибудь совершенно ужасное, чтобы мои дела выглядели не так паршиво.

— Да, сэр, слушаюсь, сэр, — осторожно отозвалась она. — Гм… — Ехидная улыбочка. — Я когда-то держала птичку, так она покончила с собой, просунув голову между прутьями клетки.

— Что-о?

— А, тебе еще похуже? Бывает и хуже. — Вспышка ослепительной улыбки. — Моя сестра забыла покормить ручных песчанок, и одна умерла. Тогда вторая съела мертвую подружку.

До него только теперь дошло, что она дурачится, пытается его развеселить. Он от всего сердца расхохотался:

— Спасибо, как раз то, что требовалось.

Ирэн с облегчением улыбнулась и повернула голову. Русые волосы взметнулись, напомнив ему маленькое торнадо. Лицо без слов одарило его сочувствием, вниманием, вопросами, молчаливой поддержкой — мгновенная смена выражений, осуществленная при помощи полных, умело подкрашенных губ и голубых, как небо, глаз.

Глаза не отрываясь смотрели на него, пока он рассказывал, как обнаружил статью, обратившую в прах все его труды.

— В астрономии главное — успеть первым? — недоверчиво спросила она.

— Иногда. Вот, например, в данном случае.

Потом он пересказал ей разговор с деканом целиком, слово в слово — он их теперь до конца жизни не забудет, — и Ирэн кивнула.

— Мне пора обзаводиться рекомендательными письмами, вот только к кому? Моя работа уже устарела. Я… я просто не знаю, что делать, — признался он. Не впечатляющая концовка рассказа, а чистая правда.

— А чего тебе хочется?

— Работать вдвое больше, — вздохнул он.

— Притом что не видишь цели?

Именно так, вспомнилось ему, в каком-то фильме определяли *фанатизм.*

— Моя цель — быть астрономом, — упрямо сказал он.

— Но ведь не обязательно заниматься академической наукой.

— Да, только в NASA нынче мало вакансий.

Агентство астронавтики, которое, начав с нуля, за семь лет добралось до Луны, теперь тратило больше долларов, чтобы повторить этот успех за пятнадцать лет.

— Ты многое умеешь.

— Я хочу заниматься фундаментальными исследованиями, а не прикладными.

Она подняла чашку со своим чаем и, театрально подчеркивая каждое слово, прочла написанное изнутри:

— «Вместо выигрыша вот вам реальный факт номер двести тридцать семь: сосчитайте, сколько раз прострекочет кузнечик за пятнадцать секунд, прибавьте тридцать семь, и вы получите температуру воздуха».

— И уж конечно, по Фаренгейту, — добавил он, гадая, к чему она клонит.

— Большая часть твоей «фундаментальной науки» состоит из столь же потрясающих фактов. Кому они нужны?

— Гм… теперь мы переходим к дискуссии о ценности знания?

— Кто его ценит, вот вопрос?

Он тоже умел к слову вставить цитату:

— Слушай, Марк Твен говорил, что чудо науки в том, какое множество умозаключений можно вывести из одного установленного факта.

— С моего места их видно не так уж много.

Она сдержанно улыбнулась и снова взметнула волосами. Он невольно признался себе, что на него это отлично действует.

— Мне нравится астрономия.

— Понятно, только это не значит, что ты ей нравишься. Во всяком случае не слишком.

— Так что, мне?.. — Раз у нее сегодня на все готов ответ, так пусть и подсказывает. К тому же он не слишком поверил в историю про песчанок.

— Может, заняться чем-то, где твои усилия будут вознаграждаться?

— Например?

— Компьютеры. Математика. Смотри шире. Попробуй наняться в хеджевый фонд аналитиком.

Хеджевый фонд… Он с трудом припомнил, чем они занимаются.

— Они страхуют краткосрочные рыночные вложения?

— Точно. И там требуются хорошие математики. Я в Интернете вычитала. — Что ему в ней нравилось, так это острый

ум. — Анализ данных, которым занимаешься ты, ку-уда сложнее, чем работа Герба Линцфилда.

— Герб?..

— Один мой знакомый, обедает в том же индийском кафе, куда и мы иногда заходим. — Взгляд ее затуманился, и он задумался, что еще они обсуждали с этим Гербом. Уж не его ли? — Он рассчитывает страховые риски на бонды.

— Для корпорации или для муниципалов?

— Э… кажется, для корпорации. — Снова тот же затуманенный взгляд.

— Я не для того вложил шесть лет жизни в аспирантуру и диссертацию, чтобы…

— Понимаю, милый, — взгляд вдруг потеплел, — но ты сделал все, что мог.

— Сделал? Ничего я еще не сделал.

— Ну, я просто хочу сказать, что ты мог бы заняться и чем-то другим. Раз здесь… не получается.

Задумавшись, он принялся рассказывать ей о лабиринтах академической политики. Большинство астрономов в Калифорнийском университете в Ирвине занимались близлежащими галактиками, рассматривали детали эволюции звезд и прочие масштабные космологические явления. А он работал в промежуточной области — выискивал диковинных зверей, проявляющихся в радио- и микроволновой частях спектра. В этой области знаний шла большая конкуренция, но это ему и нравилось. Так он объяснял, почему делает то, что делает. Почему прикладывает столько сил для достижения цели. Ради слышавшейся только ему музыки он отодвинул в сторону личную жизнь, так что их роман увядал, а о долговременных отношениях и речи не было.

— Так вот почему ты, попав туда, остался без… связей? — Она задумчиво поджала губы.

— Угу, хотелось иметь свободу действий.

— Свободу для…

— Вот для этого.

Он широко взмахнул рукой, с горестной иронией охватив все его воображаемые достижения. Желанные назначения, способ вырваться из аспирантской рутины, ассистентская должность в КУИ на сожженном солнцем побережье округа Оранж, где жизнь обходится безумно дорого. Он выиграл конкурс у сотни претендентов. А почему бы и нет? У него, несомненно, хорошая голова, отточенные исследовательские навыки и связи, и к тому же он настойчив до зубовного скрежета, чем отпугивает большинство женщин. Они при взгляде на него будто слышат

шепоток: «Осторожно, карьерист». Казалось, небеса открылись перед ним.

Но то было тогда.

Он криво улыбнулся ей — горестная усмешка, но все же он почувствовал в себе твердость.

— Я не сдаюсь. Пока еще нет.

— Ну, ты просто поразмысли на этот счет. — Она медленно погладила его по плечу, и глаза у нее стали грустными. — Просто поразмысли…

— Конечно.

Он знал, в каком мире она живет, видел, как она работает над газетными статьями, перечитывая биографии отцов-основателей и зарываясь в книги о «лидерстве», отыскивая в них ключ к подъему в оживленной деловой атмосфере.

— Обещаешь? — Это прозвучало на удивление жалостно. Он невесело усмехнулся:

— Куда я денусь, сама понимаешь.

Однако ее слова причинили ему боль. Главным образом потому, что посеяли холодное сомнение в его собственной душе.

Позже, в ту же ночь, лежа в ее постели, он заново проигрывал сцену. Вопреки всем усилиям Ирэн, она теперь казалась главным событием дня.

Проклятие, думал Ральф. Опередили!

И кто? Энди Лэйкхерст! Ему пришлось закусить губу и переключиться на экран, где только что появилась статья, присланная из Лос-Аламосской библиотеки, веб-сайт «астро-ф».

Снимок в радиоспектре того самого объекта, что должен был прославить Ральфа. G369.23-0.82. Качество наблюдений потрясающее. Яркие, четкие, подробные. Лучше, чем у него.

Он стукнул кулаком по диску, расплескав свой кофе.

Проклятие!

И стал промокать лужицу, залившую несколько постановок задач, записанных им в последнее время.

Уставившись на перекачанный предварительный оттиск, исходя паром, он увидел, что Энди со своей группой получил по-настоящему точные данные на его — его! — новый объект, G369.23-0.82. Как видно, времени для наблюдений у них было вдоволь и задержек не случалось.

Где? Он нашел глазами обычные данные о наблюдениях и… Аресибо! Ему *там* дали время для наблюдений? Здорово же ему пришлось нажать. Или повезло, кто-то выпал из графика? В Аресибо самая большая в мире тарелка, целый круглый ковш посреди тропических джунглей, только неподвижный. Приходится дожидаться нужного момента, а потом

синхронизировать с антеннами в других точках мира, чтобы получить карту.

И старый добрый однокашник Энди это сделал! Прямолинейные, серьезные манеры Энди смягчались легкой улыбкой, открывающей ему все двери, порою даже двери спален. Может, он сговорился с Бет Конвэй из Аресибо?

«Нет, — подумал Ральф, — это недостойно меня». Он наткнулся на G369.23-0.82 и сделал напрашивавшийся следующий шаг, только и всего.

Кроме того, Энди закончил Гарвард, а это помогает жить. Еще как. А все же досадно. Ральф до сих пор дожидался вестей от Харкина, обещавшего выжать для него немного времени на Очень Большом Массиве.[109] Да, уже шесть недель дожидался.

И, как будто этого мало, через пять минут ему предстояла встреча с деканом. Он снова пробежал глазами статью Энди. Работа была превосходная. К сожалению.

Он вздохнул в темноте спальни Ирэн, вспомнив роковой час беседы с деканом. Как видно, этот долгий день не кончится, пока он не пересмотрит все заново.

Он начал с застывшей улыбкой. Альберт Госсиан был снисходительный старомодный декан, из тех, что являются на службу в костюме. Этот бессознательный сигнал не сулил ничего хорошего. Госсиан коротко улыбнулся ему напряженной улыбкой и жестом пригласил сесть.

— Я просматривал вашу Currriculum Vitae,[110] — заговорил Госсиан. Он всегда полностью произносил латинское выражение. Другие называли ее попросту «Си-Ви». Декан медленно покачал головой. — Вам надо больше публиковаться, Ральф.

— Я получил грант и…

— Да-да, очень мило. ННФ[111] интересуется этими вопросами, весьма похвально… — Госсиан оторвался от своих заметок, послал быстрый взгляд поверх очков. — Именно потому факультет и решил взять сотрудника в этой области. Но… продлят ли вам финансирование?

— Я два года работаю по гранту ННФ, так что решающим будет следующий годовой отчет.

— Я рад отметить, что вас высоко ценят как преподавателя и сотрудника университета, и все же… — Растянутые гласные, казалось, несли в себе сообщение, никак не связанное с произносимыми фразами.

Все ассистенты каждые два года проходили переаттестацию, отслеживающую их продвижение на пути к «святому Граалю» штатной должности. Ральф двигался по траектории, типичной для начала века: шесть лет обучения и аспирантуры, стажировка в

Гарварде, где Энди Лэйкхерст числился восходящей звездой, затмевая и его, и многих других. Оттуда Ральф ушел после тяжелого для обоих романа с биологиней из Тафта,[112] сбежал на край света и тут нашел Калифорнийский Ирвиновский, который быстро расширялся и нуждался в астрономах. Университет заслужил кое-какую репутацию в вопросах теории частиц, к тому же именно здесь Фред Райнес заработал Нобелевскую, доказав существование нейтрино и использовав их для определения спектра яркой сверхновой 1987 года.

Группа физики плазмы котировалась на факультете выше других и на первых порах сильно помогла ему. Они понимали, что большая часть массы Вселенной состоит из горячх, ободранных с ядер электронов из плазмы. Вселенная еще не остыла и не созрела. В ней разыгрывались поистине драматические события. Конечно, жизнь возникает на прохладных, спокойных планетах, но основное действие происходит в безмятежных небесах. Небеса рассказывали истории, приводившие его в трепет.

Но, причалив в КУИ, он потерял скорость. В условиях скудного финансирования гипотезы не оплачивались, так что он мало что сумел прибавить к своей диссертации и не приобрел ни поддержки, ни положения. Его скрупулезные наблюдения неохотно способствовали возникновению новых идей. Вот уже пять лет. Через три месяца он упрется в стену. Либо получить должность штатного профессора, либо распрощаться с надеждой. Игра навылет.

Правда ли, что его место в кущах академической науки? Ему нравилось преподавать, он засыпал на совещаниях, считал теоретиков ханжами, а бумажную работу нудятиной. Жизнь размывалась…

Изучение быстрых нейтронных звезд несколько лет назад было в моде, но в выверенных фразах Госсиана ему слышались нотки скепсиса. Декану выпала участь выразить чувства старшего состава кафедры.

Госсиан, кажется, наслаждался моментом:

— Ваш пунктик с быстрыми звездами… кое-кто из ваших коллег считает, что они блекнут.

Ральф прикусил губу. «Не показывай злости».

— Это не пунктик. Открытия идут одно за другим.

— Но к чему они ведут?

— Об этом говорить преждевременно. Мы думаем, что они возникают в результате взрывов сверхновых, но это лишь наиболее очевидное объяснение.

— Одна из этих заметок утверждает, что первый «беглый

пульсар», так называемая «Мышь», уже достаточно полно изучен. Другие, открытые недавно, вероятно, будут развиваться подобно ему.

— Рано об этом говорить, — продолжал настаивать Ральф. — Исследование требует времени…

— Но времени у вас нет.

Вот в том-то и суть. По количеству публикаций Ральф проигрывал. Даже в узкой области «беглых пульсаров» его обходили другие, располагавшие лучшим оборудованием, лучшими компьютерами и большим временем для наблюдений. Калифорнийский не вылезал из бюджетного кризиса, факультет беднел, и потому основной упор делался на «добудь (федеральные) доллары». Правда, маленькая программа Ральфа дала тему работ двум аспирантам, но это была мелочь.

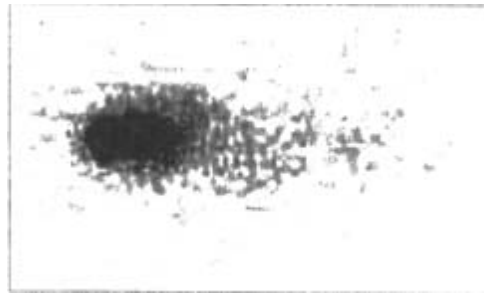
— Я приму это к сведению, — сказал Ральф.

Пустая формальная фраза не улучшила его положения — это отчетливо читалось на лице декана, но помогла ему выбраться из кабинета.

Он мало спал в ту ночь. Ирэн надо было рано выходить, и он по дороге на работу заказал себе двойной кофе. Потом внимательно перечитал статью Энди и задумался, прихлебывая из чашки.

Мало кто из астрономов предвидел обнаружение такого множества беглых нейтронных звезд.

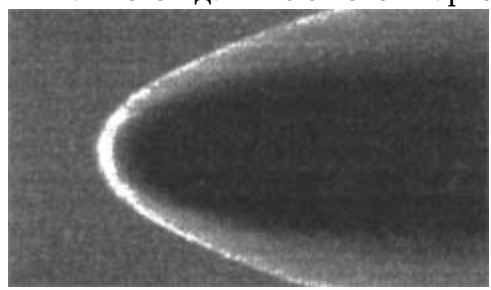
Предполагалось, что они берут начало от двух молодых больших звезд, вращающихся одна вокруг другой. Одна превращалась в сверхновую, вторая, нейтронная, оставалась пока на орбите. Затем звезда-спутник тоже взрывалась, вышвыривая более старую нейтронную звезду в пространство. Ральф начал свою работу в Ирвиновском с составления подробной карты в микроволновом диапазоне частот. Это требовало длительных наблюдений на крупных радиотелескопах, и он выбивал для этого время, где только мог, в обсерваториях по всему миру. На этих картах он и нашел первого кандидата, G369.23-0.82. На карте объект выглядел еле видным пальцем, нацеленным к центру Галактики, всего лишь смутной черточкой. Тугим узелком с косматым хвостом.



Он отыскал его с помощью программы, просматривающей карты с целью выделять все объекты, длина которых превосходит ширину. Под это определение попало немало выбросов из областей, окружавших черные дыры, или с орбитальных дисков молодых звезд. Он потратил несколько месяцев, чтобы отсеять эти фальшивки, выбирая из них компактные звезды-беглянки. Потом ему дали время на Очень Большом Массиве, немного, но достаточно, чтобы чуть отчетливее выделить G369.23-0.82 из помех. Результат был вполне удовлетворительным.

Ральф заказал еще кофе и просмотрел свою работу, опубликованную меньше полугода назад. До сегодняшнего дня лучших данных не получал никто. Он искал признаки вращения головного узла, но ничего не обнаружил. Первая открытая звезда-беглец, «Мышь», обнаруженная много лет назад, в конечном счете оказалась вращающейся нейтронной звездой-пульсаром, посылающей гудки радиолучей в круглые уши радиотелескопов.

Он стал сравнивать свои данные с новой картой Энди.



Четкая, гладкая, красота! Он снова перечитал раздел «Выводы». Мысли метались и неслись вскачь.

> *«Таким образом, нам не удалось подтвердить, что G36923-0.82 является пульсаром. Объект, несомненно, создает головную ударную волну, вызывающую ветровую туманность, питаемую, несомненно, нейтронной звездой. Однако при высочайшей чувствительности аппаратуры не получено и следа пульсирующего сигнала в микроволновом или оптическом диапазоне с обычной для пульсара периодичностью. Изгиб фронта головной ударной волны предполагает, что G36923-0.82 движется со скоростью около Мах 80 что дает пространственную скорость около 120 км/сек, сквозь локальный газ плотностью около 0,3 на кубический сантиметр. Мы пользуемся оценкой дальности по Эйлеку и др. для объекта, находящегося на половине поперечника Галактики. Его динамика и светимость соответствуют динамике и светимости отдаленных нейтронных звезд, движущихся со скоростью, полученной при выбросе сверхновой. Если это пульсар, он не излучает в нашем направлении».*

Прекрасная работа. Увы!

Яркий участок впереди — микроволновое излучение от столкновения с электронами высоких энергий. Внутренний круг — это не нейтронная звезда, просто даже антенна Аресибо не дает разрешения, достаточного для столь малого объекта. Учитывая расстояние, круг этот, однако, больше Солнечной системы. Головная ударная волна дает идеальный гладкий конус. За ним следует микроволновое излучение относимого назад газа, нагревшегося и захваченного потоком, создающим хвост. В ядре находится нечто, способное мощным импульсом разбрасывать в стороны межзвездный газ. Целая звезда, сжатая гравитацией в шар не больше залива Сан-Франциско.

Но каким образом Энди добился такого отменного разрешения?

Ральф просмотрел таблицы данных и обнаружил, что последние наблюдения показали гораздо более мощный сигнал, чем предыдущие. Объект становится ярче. Почему? Возможно, он столкнулся с более плотным газом, так что излучает большее количество электронов?

С минуту он просто любовался. Его никогда не покидало чувство преклонения перед подобными чудесами. Красота работы помогла немного унять обиду. Немного.

От появления работы Энди на веб-сайте «астро-ф» до большого весеннего путешествия оставалось не так уж много времени. До отъезда он пересмотрел свои данные и продолжил преподавательскую работу.

Они с Ирэн уладили свои проблемы, или, по крайней мере, отсрочили их решение. Он отчитал свою лекционную неделю, дал трем аспирантам задание на обсчет данных и не нашел ничего нового в картах, над которыми те работали.

Он потратил еще не все деньги, выделявшиеся в финансировании гранта на разъезды, и неосторожно упомянул об этом при Ирэн. Она не упустила случая, хотя научная конференция проводилась в маленьком городишке.

— Зато во *Франции!* — произнесла она с таким наивным благоговением, что он не смог устоять.

Так что они вместе вылетели на конференцию Международных астрономических объединений в Бранконе. Городок оказался симпатичной коллекцией каменных домиков, цеплявшихся за склоны Альп. Туристский сезон еще не начался, острые горные пики вокруг, несмотря на конец мая, были покрыты снегом, стояла чудесная тишина, но астрономы не замечали этих радостей. Кое-кто из участников катался по вечерам по окрестностям, но Ральф не выезжал из города, проводя время в беседах с такими же честолюбивыми трудоголиками, как он сам. Ирэн ходила по магазинам.

В местных лавках торговали, как она выражалась, «моднейшими соблазнительными штучками», и в тот вечер она хвасталась перед ним покупками в тесном гостиничном номере. Она крутнулась на каблуках, хвастаясь розовой блузкой со спущенными плечами, искусно приоткрывающей белье и бретельки. Штучка и впрямь была соблазнительной, но Ральф смотрел все так же рассеянно.

В этой самой комнатушке, восполняя вызванный перелетом сдвиг времени, она продемонстрировала умения, памятные ему по первому свиданию, и заставила его очнуться. Таким образом, через несколько часов им удалось заснуть. Хорошие вышли часы.

Утреннее заседание было интересным, послеобеденное — немного скучноватым. Ирэн честно отсидела несколько докладов. Он не знал, занимает ли ее сама наука, или она просто хочет участвовать в его жизни. Ее хватило на несколько часов, после чего Ирэн снова отправилась по магазинам.

— Таким образом я познаю их культуру, — заявила она.

В программу конференции входила вечерняя экскурсия по огромным толстостенным замкам, венчавшим здесь каждый

горный пик. В одной из этих холодных гулких крепостей устроили банкет, где их угощали местными деликатесами: острой полентой и свежевыловленной форелью. Ирэн обвела взглядом толпу в шортах и футболках.

— Знаешь, странная у вас профессия, — заметила она. — Целая толпа ужасно умного народу, и никому в голову не приходит подумать, как он выглядит.

Ральф засмеялся: она попала в точку. Она была бабочкой среди астротрутней, ей вслед оборачивались головы, расцветали улыбки. С ней он чувствовал себя богачом. А может быть, дело было в вине, в красном *vin local*,[113] ударившем прямо в голову, чему отчасти способствовала двухкилометровая высота.

После десерта они сошлись в высоком сводчатом зале для приемов. Все двести человек были слишком взбудоражены, чтобы разойтись по номерам, а потому выпили еще вина. Тут Ральф высмотрел в толпе Энди Лэйкхерста.

— О-го! — протянула Ирэн, перехватив его взгляд.

— Эй, он мой старый друг.

— Да? Ты так и прожигаешь его взглядом.

— Ладно, скажем, есть кое-какие счеты. Она сонно взглянула на него.

— Я пойду спать, а вы, мальчики, играйтесь себе, — сказала, зевнув, Ирэн.

Ральф, почти не слушая ее, кивнул. Он вслушивался в разговоры толпы, окружившей Энди. Голос этого долговязого широкоплечего мужчины разносился над головами, достигая всех присутствующих. Энди разглагольствовал о старой доброй G369.23-0.82. Ральф протиснулся к нему.

— Я полагаю, может быть, если проследить подольше, G…

— «Пуля», — перебил его Ральф.

— Что? — Высокий лоб Энди, прерванного на полуслове, собрался морщинами.

— Объект похож на пулю, почему бы так его и не называть вместо длинного кодового наименования?

— Ну, — бодро ответил Энди, — люди могут не понять…

— У него даже дымный хвост имеется, — ухмыляясь, продолжал Ральф. — Если хочешь, чтобы о нем написали в «Сайентифик американ», смени имя.

— Знаешь, Ральф, ты нисколько не изменился.

— Стал беднее, только и всего.

— Ну, мы все занимаемся этим делом не ради денег.

— Постоянная должность не помешала бы.

— Вот это верно, дружище! — Энди хлопнул его по плечу. — Я зимой ее получу, знаешь?

Ральф не знал, но отговорился комплиментом:

— Ты ее заслужил. Я и не сомневался, что ты ее получишь. — И добавил, не удержавшись: — Хотя в Гарварде пробиться нелегко. Карл Саган[114] тому подтверждение.

— Правда? — Энди нахмурился и сменил тему: — Так, говоришь, лучше назвать ее «Винтовкой»?

— «Пулей», — повторил Ральф. — Летит она быстро, и еще неизвестно, правда ли это нейтронная звезда.

— Ну, до нее далековато для точного диагноза.

— Может, и далековато. Хотя я тут подумал…

— И по другим параметрам все сходится.

— Только пульс не определяется, так что, может, это и не пульсар.

— Должен быть пульсар, — возразил Энди, и кто-то вставил замечание, которого Ральф не расслышал, и взгляд Энди снова охватил остальных.

Пока Энди общался с окружающими, Ральф получил время на размышление.

К настоящему времени было известно около тысячи пульсаров — вращающихся нейтронных звезд, посылающих вспышки лучей, как маяки Галактики. Некоторые совершали тысячу оборотов в секунду, другие, старые, были медлительнее, но у всех луч сдвигался при вращении. Все эти коллапсировавшие звезды рассказывали свои долгие истории о том, как стираются жернова: чем старше, тем медленнее. Некоторые были выброшены при рождении ярких пылающих сверхновых, за несколько минут сжатых катастрофическим давлением в ядерном костре.

Здесь, в Бранконе, размышлял Ральф, наша компания сообразительных болтливых шимпанзе, едва начавших свое развитие, когда старушка G369.23-0.82 давно вырвалась из звездного лона, усердно изучает трупы великих катастроф, звезд, убитых беспощадной гравитацией.

Не то чтобы глаза приматов когда-нибудь непосредственно увидели эти объекты. На самом деле благодаря своим тарелкам размером с футбольное поле они видели ярчайшее излучение возбужденных электронов, вращающихся в небесной гармонии вокруг магнитных полей. Электронные облака перемещаются со скоростью, близкой к скорости света, и выжатые ими волны орут на всю Вселенную, что они живы и сильны и хотят, чтобы все это знали. Самая наглая реклама не сравнится с ними в умении нарушать тишину дремлющих ночных небес.

— Просто мы не попадаем под луч, вот в чем дело, — сказал Энди, снова обратившись к Ральфу и подхватив нить разговора с улыбкой, которая стала чуть менее естественной. — Луч не

нацелен на нас.

Захваченный врасплох, Ральф моргнул: его мысли блуждали довольно далеко отсюда.

— Ну, я просто подумал, что следует учитывать все возможности.

Вероятно, последний стакан *vin local* был лишним.

— А чем еще она может быть? — настаивал на своем Энди. Голос его стал жестче. — Компактный, быстро движущийся объект с ярким передним краем свечения, вызванным его головной ударной волной. Нейтронная звезда, вырывающаяся из Галактики.

— Если она настолько удалена, как мы думаем. А если нет?

— Нам неизвестны другие объекты, способные давать такое излучение.

Ральф заметил, как кивают люди вокруг.

— Надо мыслить… — он искал слова, — ну, сняв шоры. Наверное, это *vin local.*

Энди склонился к нему и шепнул своими жесткими, уже почти профессорскими губами:

— Старина, чтобы побить идею, нужна идея.

Да, определенно *vin local.*

Утром он проснулся с железнодорожной катастрофой в черепной коробке. Только сейчас он вспомнил, что в светской беседе с Харкином, сиятельным представителем Очень Большой Антенны, так и не было сказано ни слова о времени для наблюдений. А ему еще предстояло читать доклад.

Это был провал.

Оформление было броским. И даже его ноутбук не подкачал, сменяя картинки. Но все эти многоцветные радиокарты и графики не могли скрыть скудость идей. Если бы удалось пронаблюдать пульсирующее излучение, можно было бы вычислить возраст и затем проследить путь беглянки, чтобы проверить, просматриваются ли в его начале останки сверхновой. Сброшенная оболочка горячего газа, небесный «бычий глаз», подтверждающий всю теорию.

Он продемонстрировал свои результаты по старушке G369.23-0.82. У него были подробная микроволновая карта и множество расчетов, но Энди уже представил собственный доклад, доказывавший, что это не пульсар. А G369.23-0.82 — Ральф упорно называл ее «Пулей», однако недоуменные взгляды показывали, что никто не оценил его остроумия, — увы, была основой его работы.

— Имеется достаточно сомнительных аспектов, — неуклюже

закончил он, — которые заставляют воздержаться от выводов. У нас есть привычка классифицировать объекты на основании поверхностного сходства с другими.

Дальше шли радиокарты компактных облаков, излучающих в радиодиапазоне, которые, по его мнению, тоже могли оказаться звездами-беглянками, но не оказались. Несколько суток наблюдений на ОБМ и на других установках в Нидерландах и в Итальянской Болонье. Он сумел выжать много времени.

И… ничего. Конечно, он обнаружил множество остатков сверхновых, кое-какие обломки менее масштабных катастроф, таинственные выбросы, быстро гаснущие на радиочастотах, но ни одной беглянки с отчетливым хвостом, впервые наблюдавшимся у знаменитой «Мыши». Он постарался скрыть провал, быстро сменяя кадры обманувших его надежды объектов, без слов намекая, что существуют и другие возможности. Аудитории, кажется, понравился калейдоскоп цветных диаграмм. Этому фокусу обучила его мать при игре в бридж: если ничего другого не остается — прорезывай ход.

Доклад его пришелся перед самым обеденным временем, и у слушателей был голодный вид. Он надеялся, что отделается одним-двумя вопросами. В заднем ряду поднялся Энди и невинно вопросил:

— Так почему вы считаете, что… э… «Пуля» *не* нейтронная звезда?

— А где останки породившей ее сверхновой? — отразил удар Ральф. — На много световых лет позади нее ничего нет.

— Возможно, облако газа уже погасло, — сказал Энди. Голос слева, голос одного из Великих Старцев, произнес:

— Не забывайте, что… э… «Пуля» отделена от нас целой Галактикой. Старые слабые остатки на таком расстоянии трудно различить. И, — скептически поджатые губы, — достаточна ли чувствительность применявшейся аппаратуры?

— Я использовал все время, какое смог получить, — ответил Ральф, снова прогнав на скорости свои кадры, и остановился на общем виде. — Беспорядочные точки, не заметно никакой структуры. Области на дальнем отрезке следа «Пули» за пределом помех.

Этим термином астрономы обозначали уровень шума, на котором уже не удается выделить сигнал. Отвечая на следующие один за другим вопросы, Ральф думал, что в жаргонном выражении больше смысла, чем видно с первого взгляда. Предел помех ограничивает доступное им познание, сколько бы снимков они ни нащелкали.

Тут снова встал Энди. Он углубился в детали данных и

расчетов, отыгрался за вчерашнее и закончил уколом:

— Я не понял вашего замечания о классификации объектов по поверхностному сходству.

Серьезных аргументов у Ральфа не было, однако он ухмыльнулся и попытался отшутиться:

— Ну, «Пуля» не так перекошена, как «Утка»… — Так называли странного вида след одного из пульсаров, неровный мохнатый хвост молодой звезды, открытой два года назад Энди. — Астрономы забывают, что публика предпочитает описательные названия. Они легче запоминаются, чем, скажем, G369.23-0.82. — Смешки в зале. — Поэтому мне подумалось, что нам не следует спешить с выводами. И не поддаваться сладкому соблазну сенсационности. Знаете, как бывает? — Он набрал в грудь побольше воздуха и перешел на пронзительный фальцет, заранее отрепетированный в номере — Звезда-беглянка! Скоростная! Скоро навсегда покинет нашу Галактику!

Энди кисло скривил рот, и Ральф слишком поздно вспомнил, что недавно какой-то газетчик брал у него интервью и опубликовал его в рыночной газетенке под очень похожими заголовками.

Ой!

Ирэн произвела фурор в Бранконе, хотя не всем из его коллег удавалось за ней угнаться. Она была чудачка, некоторых она раздражала, но рядом с ней он чувствовал себя в центре внимания. Иной раз она мешала ему сосредоточиться, но он старался. Вернувшись в КУИ, он попал в суматоху недочитанных лекций, подготовки к экзаменам и множества новых идей, которые надо было проверить. Его захлестнуло с головой.

Некоторые считают, что существует только две науки: коллекционирование марок и физика. Это сказал Эрнст Резерфорд, но, с другой стороны, он же считал, что атомная физика не имеет прикладного значения.

Большая часть наук начинается с каталогизации. Только со временем тонкие различия наводят на мысль о великих, всеобъемлющих законах. Ньютон привнес в суматоху, поднятую Галилеем, дифференциальное исчисление и тем дал первый толчок к современному миру.

Астрономам долго суждена была участь астроботаников: отыскивать разновидности космических объектов и раскладывать их по категориям в надежде найти между ними что-то общее. Коллекционировать марки. Когда в семидесятых годах двадцатого века теоретики порешили, что пульсары относятся к нейтронным звездам, интерес от них переместился на квазары, выбросы,

источники гамма-излучения, на темную энергию и далее по всей ботанике в поисках все более фундаментальной физики. Ральф только радовался их благословенному равнодушию. Его влекла детективная сторона науки, вечная надежда, что объект окажется не тем, чем кажется. И он зарылся в полученные данные, сравнивая их с картами наблюдений, привезенными из Бранкона. В небе было полно длинных хвостов, изобилие выбросов, а вот новых кандидатов на роль нейтронной звезды-беглеца не обнаруживалось. Так что ему пришлось вернуться к «Пуле» и продолжить ее изучение. Для этого требовалось время для наблюдений.

И для него, и для Ирэн хорошее свидание требовало солидной порции откровенности и спиртного. В первую ночь с ней после возвращения из Франции он вооружился запасом внимания и аппетитом. Он готов был принять и цыплячье филе, предпочтительно с доставкой на ее квартиру, и даже ресторан с тихой романтической музыкой, который не раз производил то же действие, что и жареный цыпленок.

Он возвратился к новостям, хорошим и плохим. Факультет не заинтересовался его предложением, оставленным перед отъездом: отложить решение относительно его определения на профессорскую должность. Зато Харкин наскреб для него немного времени на ОБМ. Клинышки между большими наблюдениями, пояснил он Ирэн.

— И что тебе дадут эти минуты?

— В астрономии лучше всего смотреть внимательно и долго. Но и короткий взгляд, если повезет, может принести тот же успех.

К тому же время ему выделили в выходные, так что не придется искать себе замену на лекционные часы.

Итак, в ресторан он пришел определенно в приподнятом настроении. Ему всегда нравилось выбираться куда-нибудь с Ирэн, видеть, как глазные яблоки других мужчин разворачиваются к их столику, и говорить ей об этом. Она в ответ неизменно округляла глаза и приподнимала брови. К тому же каждый мог и наглядеться на другого, и поесть. И если вечер пройдет хорошо, к десерту происходящее будет выглядеть как сценка из фильма «Том Джонс».[115]

Они заказали: она утиную грудку под глазурью, а для него — нежного латиноамериканского цыпленка с бананами.

Аппетитное начало, заметила она, поглядывая на солидных посетителей. Золотой Берег изобиловал университетскими магистрами с изысканными стрижками и стройными, непринужденно элегантными телами, мускулистыми, но не

слишком (я не хочу походить на работягу!), а также женщинами, переливающимися всеми оттенками волос, от платиновой блондинки до клубнично-рыжей. «Ух ты, как *soigne!»* — оценила Ирэн, испытывая свой обновившийся французский словарь.

Ральф чувствовал в ней какую-то напряженность и предпочел не торопить события, неспешно рассматривая шумную толпу. Люди вокруг демонстрировали не юношескую энергичность, а скорее выдержанную опытность, напоминавшую старый «роллс», в котором масло с религиозным фанатизмом заменяется через каждые полторы тысячи миль. Рядом с ними любой рабочий парень почувствовал бы себя малость потрепанным.

Он с горестной улыбкой промолвил:

— Жизнь в Калифорнии на высшем уровне. — И задумался, замечает ли она излишества Американской Мечты так же, как он. Они жили среди песочно-желтых холмов, покрытых роскошными особняками в псевдоиспанском стиле, раскинувшимися по крошечным участкам. Аффлюэнца, как назвал кто-то эту болезнь, когда сколько ни дай, все мало. Все вокруг кричало: «Изобилие вокруг тебя», и дома, окружавшие забитые яхтами гавани и бухточки, сверкали, как филигранная оправа драгоценных камней. Он уважал людей вроде нее, занимающихся бизнесом, как работяг, создающих богатства, из которых оплачивается его работа. Но как раз сегодня он подвозил ее на сервисную станцию фирмы «Мерседес», к оставленному там для замены масла автомобилю. Чуть задержавшись, он увидел, что в список услуг входило бесплатное мытье машин и что, ожидая, вы, вместе с декофеинизированным капуччино с коричной пенкой, могли сделать маникюр или погонять мяч на лужайке для гольфа. Простой ученый в такой обстановке чувствовал себя бедным родственником.

Он смотрел, как она проверила всю посуду и протерла ее платочком. Обычно она этого не делала: она не страдала манией чистоты, не раскладывала папочки по цвету и не планировала свои дела по минутам, хоть и была счастливой обладательницей магистерского диплома по менеджменту.

— Отлично съездили, — проговорила Ирэн задумчивым тоном, означавшим, что она соблюдает вежливость. — И… ты намерен всю жизнь провести среди этих людей?

— Мне они кажутся весьма интересными людьми, — оправдался он, еще не поняв, к чему она клонит.

— Они… как бы это помягче сказать, чертовски много работают.

— Как все ученые.

— И деловые люди тоже, но у них находятся и другие темы

для разговора.

— Это же была конференция специалистов. У них нет других общих тем.

— Если не считать невыносимой сексуальной озабоченности.

— Раньше она не казалась тебе недостатком, — усмехнулся он.

— Вспоминается мне один тип из Массачусетского технологического, вообразивший, что сумеет меня захомутать посредством… — она пальцами изобразила кавычки, — «умного разговора», включавшего цитаты из «Симпсонов», гангстерских киношек и какой-то кинотрилогии.

— Из Толкиена.

— Да, эльфы с мечами. Я думала, вы, ребята, ученые.

— У нас тоже есть… хобби.

— Больше похоже на мании.

— Наша работа в том числе? Она развела руками:

— Я, конечно, уважаю твою увлеченность астрономией. — Ирэн закатила глаза. — Но она так плохо окупается! И профессора тебе то ли дадут, то ли нет. После того, как ты потратил столько лет!

— Карьера не делается в один день.

— И жизнь тоже. Помнишь, что у нас сегодня?

Он сделал каменное лицо: единственный способ не дать прорваться просившемуся наружу выражению загнанного оленя.

— Э… нет.

— Шесть месяцев назад…

— А, да, мы собирались снова поговорить о женитьбе. Она сверкнула глазами:

— А ты прячешься за свою работу… опять.

— Эй, так нечестно.

— Я не могу ждать до бесконечности.

— Я сейчас в такой запарке! А на отношениях не пропечатывают срок годности.

— Время никого не ждет. И я тоже. Заключительная фраза, вот как! Он твердо начал:

— Так что я должен?..

Она протянула ему деловую визитную карточку:

— Герб Линцфилд. Позвони ему.

— А что мне за это будет? — За ухмылкой он скрывал озабоченность.

Заказывая десерт, она ответила ему загадочным взглядом искоса и улыбочкой, мелькнувшей на больших полных губах. А теперь переходим к «Тому Джонсу».

Чтобы попасть из КУИ на ОБМ, надо было вылететь из аэропорта Джона Вэйна, где стояла могучая бронзовая статуя героя, чей ковбойский наряд пленил его в свое время, и сделать пересадку в Фениксе на Альбукерке. Ральф проделал перелет, втиснув ноги под переднее кресло, не позволявшее даже раскрыть ноутбук, — любезность Юго-Восточной авиалинии! — а дальше взял напрокат «баджет» и повел его в Сокорро.

Опаляющий зной спал, когда он выехал на высокое плато, где по железнодорожным рельсам, проложенным в протяженной долине, разъезжали антенны. Большие тарелки перемещались, наставив круглые уши в небо и перестраиваясь так, чтобы лучше уловить своим «заменителем глаз» излучения далеких агоний. Поездка по четырехполосному шоссе, окаймленному полынью, заняла большую часть дня. Приехав, Ральф застал Харкина за восьмичасовым наблюдением радиогалактики.

— Я провел последние шесть часов с куда меньшей пользой, — заметил он, и Харкин ухмыльнулся.

Харкин был одет в джинсы, красную шерстяную рубаху и ковбойские сапоги, и в этом не было позерства. Местные прозвали астрономов «сплошными шляпами без единой скотины» — лаконичное описание поддельных ковбоев. Лицо Харкина походило на скомканную и не до конца разглаженную бумагу: результат двадцати лет, проведенных под здешним небом.

Радиогалактика имела странный искаженный вид. Облако радиоизлучающих электронов обволакивало мишень Харкина — яркий выброс. Харкин малость помешался на выбросах, доказывая, что они должны изменять форму под действием сопутствующих им магнитных полей. И поля, и ядра были побочными продуктами вращающихся дисков в глубине ядра галактик. Черные дыры, вызывающие такое высвобождение энергии, с трудом поддавались обнаружению, будучи крошечными и окутанными газом. Зато выбросы относились к самым броским рекламным плакатам Вселенной, подобным дымкам из пистолетного дула. Крошечные кладбища, где погребались массы, умудрились растянуть свои вывески по всему небу.

Ральф разглядывал длинный тощий выброс на радиоснимке. Он напоминал черно-белый снимок стрелы. Предстояла еще уйма работы. Сначала ярчайшие снимки в пылающем ядре Галактики, затем долгое медленное наблюдение сигналов в движении выброса вокруг галактического диска навстречу межгалактическим ветрам.

Однако же выброс уверенно держал направление, четко нацелившись в окружающую тьму. Его длина уже во много раз

превосходила размер породившей его Галактики, и он обозначал себя оглушительным излучением радиоволн. Оно вызывалось спиральным движением высокоэнергетических электронов вдоль магнитных силовых линий. Ральф все это знал, но не мог без трепета смотреть на радиокарты вихрей и спиральных воронок, превосходящих величиной звездные скопления: автопортреты, выгравированные электронами, оживленными своей безумной энергией.

— Большое облако, — проговорил Ральф.

— Ага. Ума не приложу, что это такое.

— Тайны. Многие из них никогда не будут разгаданы. Убийства звезд оставляют после себя лишь лохмотья улик.

Долговязый остроносый Харкин происходил из крепкой новоанглийской породы. Ральфу подумалось, что Харкин сильно напоминает изучаемый им выброс. Его лысая голова гребнем сужалась к макушке и сверкала, отражая флюоресценцию огоньков наверху. Харкин беспрестанно передвигался от панели управления антеннами к компьютерным экранам, на которых фокусировалось изображение. Выбросы несутся со всей своей неугомонной энергией, но астрономам достаются только моментальные снимки. Черные дыры обеспечивают заказ на рекламу на сотни миллионов лет, так что выброс Харкина был ровесником динозавров.

Заниматься астрономией — значит осознавать себя бабочкой-однодневкой.

— Надеюсь, я не зря вытащил тебя в такую даль. Харкин вывел на экран полный файл по G369.23-0.82.

В одном изображении он узнал первое наблюдение позапрошлого года, когда Ферретти из Болонской обсерватории выделил ее из фона при наблюдении какого-то выброса. За последние годы появились три новых: подробные карты Энди и Ральфа, данные по поляризации, статьи. Всё в цифровом виде — никто уже не хранит сведения на бумаге.

— Вот, видишь? График времени наблюдений. В периоды, когда G369.23-0.82 в небе, я получил только три вставки на время перестановки антенн. Каждая примерно на полчаса.

— Черт! — скривился Ральф. — Не много же!

— Да. — Харкин выглядел довольно виноватым. — Когда я тебе обещал… понимаешь, я потом подумал как следует, но ты тогда уже вылетел в Женеву.

— Vin local, — сказал Ральф. — Меня оно тоже подвело. Харкин смущенно кивнул, глядя в пол:

— Ну ладно, так насчет G369.23-0.82…

— Я называю ее «Пулей». Легче выговаривается, чем

G369.23-0.82.

— А, да. — Харкин пожал плечами. — Ты говорил в Бранконе. Но что можно успеть за получасовые клочки? Он как раз раздумывал над этим вопросом, когда услышал его от Харкина.

— Энди довольно достоверно показал, что пульсирующего луча там нет, — доброжелательно подсказал Харкин, — так что…

Ральф пролистал свои заметки:

— Нельзя ли получить более отчетливый передний край? Головную ударную волну «Пули».

Харкин разочарованно покачал головой:

— При таком коротком времени наблюдений никак. Слушай, ты говорил, у тебя есть неожиданные идеи?

Ральф начал беситься:

— А как насчет хвоста «Пули»?

Харкин неуверенно накарябал несколько значков на желтой разлинованной табличке.

— Никак. У него недостаточная светимость. След рассеивается довольно быстро. Предел помех. Получишь один шум.

— На краю «Пули» видна звезда, — напомнил Ральф.

— На переднем плане, — уточнил Харкин. — Может помочь при определении удаленности.

— Если рассчитывать по общепринятой методике, она очень далеко, за пол-Галактики.

— Угу. Ладно, это оставим на потом.

Ральф пошарил у себя в голове:

— Энди в каком диапазоне искал пульс? — Он порылся в сделанных в Бранконе записках. — Да, в коротком и не меньше десятисекундного периода.

Харкин покивал:

— Это молодая нейтронная звезда, значит, должна вращаться быстро.

Ральфу страшно не хотелось выглядеть в глазах Харкина дилетантом, однако он уверенно выдержал его взгляд:

— Возможно. Если газ не затормозил ее быстрее обычного. Харкин скептически вздернул бровь:

— «Мышь» не тормозилась. Она вращается с периодичностью около одной десятой секунды. Юсуф-Заде и прочие считают, что ей, вероятно, около двадцати пяти тысяч лет.

Двадцать пять тысяч лет — не много для пульсара. Пульсар «Мышь» был сферой, состоящей из одних нейтронов: солнечная масса, упакованная в шар размером всего с Сан-Франциско и вращающийся десять оборотов в секунду. На картах, полученных на радиотелескопах, ее маячный луч исходил из точки на самом

кончике носа, а за ней вздувалось выпуклое тело и тянулся длинный тонкий мышиный хвост. Открытие «Мыши» предопределило парадигму. Но первый — не обязательно значит типичный.

Ральф, положившись на предчувствие, стиснул челюсти.

— Давай проверим, — вспомнил он.

За полчаса, пока команда Харкина под его руководством переставляла антенны, передвигая по рельсам большие белые тарелки и настраивая их для нового многочасового наблюдения, Ральф работал как сумасшедший. Без помощи Харкина, наблюдавшего за всем комплексом, он мог управлять двумя или тремя антеннами. Чтобы полностью использовать свои полчаса, он решил вести наблюдение на середине микроволновой полосы, где-то от одного до двух гигагерц. В последние несколько дней, как предупредил Харкин, они принимали какие-то помехи, возможно от переговоров по сотовой сети, отдававшихся даже здесь, посреди пустынного высокогорного плато, но эти помехи не превосходили одного гига и не заходили на его частоты. Поэтому Ральфу не приходилось беспокоиться из-за болтунов, каждые несколько минут звонящих друг другу и стирающих его данные.

Он тщательно просматривал полученную информацию с помощью программы, настроенной на поиск любых долговременных флуктуации. Согласно теории пульсаров, с возрастом нейтронная звезда увеличивала период вращения и посылала луч своего маяка с частотой около раза в секунду. Они тратили вращающий момент, предавая его энергию в излучение: гори ярко и умри молодым. Агонии подростков. Только от них не остава лось красивых трупов — они и были трупами. Пульсары продолжали гаснуть, замедляя вращение. Известные пульсары с периодом две-три минуты можно было пересчитать по пальцам.

Так что его поиск был довольно безнадежен. Но ничего другого ему в голову не приходило.

К третьему получасу он завяз. Техники, обслуживавшие антенны, действовали четко и эффективно, но долгие промежутки между короткими наблюдениями наводили скуку. Поэтому он воспользовался их богатыми компьютерными ресурсами для обработки собранных данных: программное обеспечение ОБМ заглатывало длинные колонки цифр, пока он следил за экранами. Программа Харкина раскладывала сигнал от «Пули» на двоичный код, определяя временные закономерности. Она проверяла каждую поступившую волну, отыскивая повторы. Компьютер работал час за часом, прогоняя и фильтруя сигнал «Пули».

По большей части одни помехи. Но вот…

— А это что? — Ральф указал на пятно, выделявшееся в поле помех.

Экран, на который уставились они с Харкином, рябил, пурга гармоник, сталкивавшихся между собой и блекнущих на глазах. Но этот пик оставался на месте.

Харкин нахмурился:

— Повторяющийся сигнал в микроволновом… — Он просмотрел данные, вглядываясь в переменчивый узор на экране. — Период… ну-ка, посмотрим… сорок семь секунд. Многовато для молодого пульсара.

— Наверное, ошибка. Слишком много.

В астрономии скептический подход к собственным работам обычно окупается. Каждый должен был готов столкнуться с ошибкой. Джо Вебер ошибся в определении гравитационных волн, воспользовавшись изобретенным им методом. И навсегда остался с подпорченной репутацией, хотя был блестящим, оригинальным ученым.

Лицо Харкина застыло.

— Все равно, так и есть.

— Наверняка ошибка.

— Черт возьми, Ральф, я знаю свою программу.

— Давай проверим как следует.

Еще несколько часов работы показали, что ошибки нет.

— Ладно, забавно, но это на самом деле. — Ральф задумчиво протер глаза. — Тогда давай посмотрим сам пульс.

А вот пульса не оказалось. Закономерность не распространялась на широкую полосу частот. На одной целой и одной десятой гигагерца она выделялась явно и отчетливо, а больше пиков не было.

— Это не пульсар, — сделал вывод Харкин. Ральф почувствовал, как чаще забилось сердце.

Повторяющаяся вспышка. Пиковый сигнал, выделяющийся из шума и проявляющийся для нас каждые сорок семь секунд.

— Чертовски забавно, — с беспокойством проговорил Харкин. — Надеюсь, это не сбой в программе.

Об этом Ральф не подумал.

— Да ведь это лучшая фильтрующая программа в мире. Харкин ухмыльнулся, дубленая кожа лица пошла морщинами.

— Как бы твои комплименты не вскружили мою хорошенькую головку.

Еще два часа Харкин потратил на тщательнейшую проверку программного обеспечения ОБМ и ничего не нашел. Ральф не возражал, ему нужно было время на размышления. Он устроил

себе передышку — Харкин был не из тех, кто отдыхает, когда есть работа, — и посмотрел игры Кубка за компанию с инженерами в операторской. Им пришлось опустить антенну для ремонта, но прием был достаточно хорош, чтобы дотянуться до горизонта и перехватить передачу чикагского телевидения. В широком эфире Кубок не транслировался, а здесь были двое из Чикагского университета. Матч они проиграли, но игра была увлекательной, и Ральф вернулся отдохнувшим. К тому же у него возникла идея. Или зародыш идеи.

— А что, если эта штука намного больше нейтронной звезды? — обратился он к Харкину, который так и не тронулся со своего места на вращающемся кресле перед панелью с шестью экранами.

— Тогда где источник энергии?

— Ума не приложу. Но я к тому, что это может оказаться что-нибудь довольно обыкновенное, просто движется быстро.

— Например?

— Например, белый карлик, только очень старый, мертвый.

— Так что невидим в визуальном диапазоне? Телескоп Хаббла уже направляли на местоположение «Пули» и ничего там не увидели.

— Вырвался из какой-то звездной системы, движется быстро, не нейтронная звезда… Может такое быть?

Харкин скептически хмыкнул:

— Гм… надо подумать. Только… откуда берутся релятивистские электроны, обеспечивающие микроволновый сигнал?

Это с трудом поддавалось объяснению. Старый белый карлик определенно не мог испускать электроны.

— Слушай, не знаю, — помедлив, признался Ральф. — И мне надо возвращаться к себе, у меня занятия. Нельзя ли выкроить для меня еще несколько лоскутков времени при настройке антенн?

— Попробую, — неуверенно отозвался Харкин.

— Перешлешь мне результаты, когда найдется время?

— Ты сможешь сам обработать данные?

— Если ты дашь мне программу, конечно, просчитаю. Харкин пожал плечами:

— Этот сорокасемисекундный период… чертовски забавно. Так что… ладно, пожалуй…

Ральф вымотался, зато, по крайней мере, игра продолжалась. К чему бы она ни привела.

На следующий день Ральф несколько часов просидел над

программой-фильтром, на цыпочках пробираясь сквозь методики Харкина. Многие считали Харкина лучшим в мире наблюдателем при работе с большими антеннами. Он играл на электронике, как на скрипке.

Харкин был хорошим учителем, потому что не умел учить. Вместо того чтобы учить, он просто показывал. Сопровождая показ рассказами и примерами, иногда даже шутливыми, а иногда непонятными, Харкин наконец открывал новый параметр обзора или же вводил новую ноту в песню, и тогда все становилось ясно. Таким способом Харкин показал ему, как пользоваться программой, чтобы дотошно проверить все результаты. Этот костлявый астроном научил его играть на радиотелескопе шириной с футбольное поле, как на музыкальном инструменте, понимать его капризы и заблуждения и извлекать из него истину, которой он сам не знает. Это была наука, строгая и скрупулезная, но создавать ее было искусством. В конечном счете надо было оправдать каждый шаг, каждый вывод, но все доказательство держалось на интуиции, как ледяной кубик на слое талой воды.

— Слушай, Энди, — непринужденно обратился Ральф к трубке сотового, разглядывая в широкое окно пустыню Нью-Мексико и белые тарелки антенн, направленные в небо. — Я не припоминаю, вы там просматривали «Пулю» на длинных периодах или нет? Данные по «Пуле». Помнишь, мы об этом говорили в Бранконе?

— «Пуля»? Ах да, G369.23-0.82.

— Точно. Слушай, на каком периоде вы остановились? Долгое молчание. Ральф, кажется, даже расслышал шум уличного движения.

— Эй, я не вовремя?

— Нет, просто иду по Масс-авеню, пытаюсь вспомнить. Кажется, мы дошли примерно до тридцати секунд. И ни черта не увидели.

— Отлично. Я тут снова занялся «Пулей», получил кое-какие предварительные данные и подумал, что лучше свериться с твоими.

— Ага… — Новая пауза. — И сколько же?

— Много, — осторожно ответил Ральф. — Понимаешь, мы еще анализируем данные.

— Значит, действительно старый пульсар. Я думал, старые уже не способны излучать.

— Я тоже. Во всяком случае, им бы не полагалось.

Ральф напомнил себе, что надо посоветоваться с

теоретиками.

— Тогда неудивительно, что мы не нашли останков сверхновой. Они уже погасли или слишком удалены.

— Правда, забавно, что нам удалось принять такой старый сигнал от пульсара за пол-Галактики от нас? Хотя, как я заметил, он становится ярче.

— Да, забавно… — озадаченно отозвался Энди. — Хм, ярче… — Интересно, виден ли он на прежних обзорных снимках?

— Да, вот я и подумал, что надо бы тебе сказать.

Они обменялись еще парой личных фраз, и Ральф отключился.

Харкин работал с экранами, но обернулся к нему, приподняв бровь.

— Бинго! — воскликнул Ральф.

Едва Ирэн вошла в кофейню и они поцеловались, Ральф заметил в ее глазах любопытство. В облегающем голубом платье она выглядела ослепительно, и он тоже щеголял в нарядном костюме. Он велел ей принарядиться, и теперь она часто моргала, ожидая объяснений.

— Куда мы собираемся?

Он, даже не присев, сообщил ей:

— Знаешь, единственное место, где в меня не кидают гнилыми фруктами, едва я запою, — это церковь.

— Никогда не знала, что ты религиозен, — ошарашенно заметила Ирэн.

— Да это я фигурально. К тому же я заплатил за место, где можно потанцевать, так что… мы идем в «Ритц».

От удивления брови у нее взлетели вверх.

— Какое загадочное приглашение. Гольф в «Ритце»?

Они танцевали на площадке с видом на вечерний прибой и серфингистов. Он подхватил выбившуюся у нее прядь волос, заложил ей за ухо. Она все время болтала о работе. Он рассказал ей о своей работе над «Пулей», и она искренне заинтересовалась, задала несколько вопросов. Потом снова вернулась к интригам в своей конторе. Иной раз казалось, что эта женщина живет одними сплетнями. Он немного послушал, а потом, когда оркестр заиграл: «Бегэн оф бегуэн»,[116] сказал:

— Мне нужно еще время. Она напряглась:

— Чтобы познать бездны мужского мира?

— Да. Я ухватил за хвост что-то настоящее.

— Стало быть, Гербу Линцфилду ты не звонил.

— Нет.

— Ну что ж, отлично!

Он отступил на шаг и уставился на ее губы. Роскошные, как всегда, они скривились и поджались. Это выражение было ему знакомо.

«Отлично. Ну что ж. Давай. Уходи. Увидишь. Обойдусь. Без. Тебя».

Тогда он погрузился в этот ритм: гуща деталей и неожиданно обрушивающаяся на тебя красота. Надо уйти с головой в барабанную дробь данных, услышать симфонии программ, форма которых позволяет человеческому глазу увидеть в них некий доступный гуманоидам смысл. Условные цвета передавали нечто не видимое простым глазом — краски микроволн. Сухие числа прятали эту красоту, скрывали ошеломляющее великолепие.

Подумать только, размышлял он, ведь волны, которые они «видели» огромными глазами антенн, всего-то длиной в палец. И волны эти докатываются через уйму световых лет, перенося послания из древних времен. Они хлещут в жесткий металл радиоантенн, в возбужденные электроны, только и дожидавшиеся, пока их пригласят на танец. Миллиарды электронов дрожат и поют, и ответная осцилляция вызывает эхо сигнала в цепях, собранных людьми. Новые электроны вливаются в возникающий ток, и единички и нолики в компьютере складываются в нечто, еще не виданное никем: в картины для глаз размером с гору. Эти видения никогда не существовали во Вселенной. Волны переносили их, но потребовался разум, чтобы вытянуть их из блуждающей ряби радиоволн, из вьюги микроволн, где они скрывались прежде, живые, но невидимые. В сущности, это истории, или они представляются историями нашим обезьяньим умам. Моментальные снимки. А превратить их в связный рассказ уже наше дело.

В эти долгие часы он осознал, какую опасность несет в себе сужение луча поиска, если нацеливать его исключительно на то, что рассчитываешь увидеть. Астрономы говорят об этом так: «Ни за что бы не увидел, если бы не поверил».

Статья на веб-сайте «астро-ф» была короткой и сжатой, всего три страницы.

Ральф много минут просидел перед ней разинув рот. Он перечитал ее дважды. Потом позвонил Харкину.

— Группа Энди объявляет, что их данные показывают пик с сорокасемисекундной периодичностью.

— Стало быть, он вернулся и присмотрелся хорошенько…

— Это воровство! — Ральф все еще не пришел в себя и не решил, что делать.

— Из этих помех многое можно вытянуть, если знать, где искать.

— Уф, — выдохнул Ральф, обалдело мотая головой. — Да, пожалуй.

— Он нас обогнал, — равнодушно сказал Харкин.

— Гонится за профессорской ставкой! Харкин засмеялся:

— Вот тебе и Гарвард. — И после долгого молчания взорвался: — Да что же это за штуковина, чтоб ее!

Стук в дверь квартиры застал его врасплох. Это была Ирэн — пристальный взгляд и закушенная губа.

— Я только на секунду залетела на твой радарный экран.

— Я…

— Работаешь. Слишком много за те деньги, что тебе платят.

— Знаешь, — выговорил он, — искусство и наука во многом схожи. Иногда. Требуют тебя целиком.

— Искусство, — сказала она, — это ответы, к которым нет вопросов.

Он моргнул:

— Похоже на цитату.

— Да, из меня.

— А… э…

— Так что, хочешь удовольствия на скорую руку?

— Ну, если ты так ставишь вопрос… Час спустя Ирэн приподнялась на локте.

— Новости, — сказала она.

— А? — Он сонно моргнул. — Какие?

— У меня задержка. Две недели.

— А… О… Гром с ясного неба.

— Надо обсудить… «Ох, ты!»

— …что делать.

— Это для тебя необычно? Первым делом уточнить данные.

— Больше недели никогда не бывало… — Она сложила губы в изумленное «О». — Раньше.

— Ты ведь пользовалась… Мы…

— Эти таблетки редко подводят, однако…

— Однако бывает. А ты не забывала принять?

— Нет. Долгая пауза.

— И что ты об этом думаешь? — Всегда помогает выиграть время, когда в голове каша.

— Мне тридцать два. Пора бы уже.

— И еще есть мы.

— Мы… — Она послала ему долгий душевный взгляд и, откинувшись на спину, уставилась в потолок.

Он решился:

— А как бы ты отнеслась…

— К аборту?

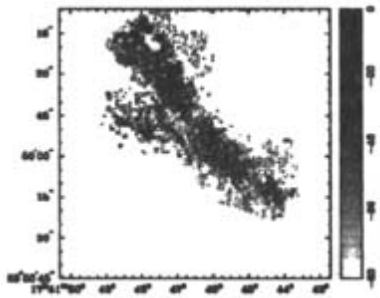
Она этого ожидала.

— Да.

— Легко, если так надо. — Она снова приподнялась, взглянула на него. — Надо?

— Слушай, мне бы надо немножко подумать.

— Мне тоже, — кивнула она, скривив губы.



Ральф обратился к болонской группе через друзей, двух Фанти, с просьбой сканировать ее местоположение. Они нацелили итальянские телескопы на нужную часть неба, обработали данные и переслали по электронной почте. На следующее утро его поджидало сообщение с сорока семью мегами приложения. Он открывал его, дрожа от волнения. В Болонье работали первоклассные астрономы, на их результаты можно было положиться.

Запросив по Интернету визуальное соединение, он спросил:

— Роберто, что это? Не может быть объектом, который я изучаю. Это же каша!

Роберто на экране недоуменно наморщил лоб:

— Да, мы тоже удивились. Через несколько дней я смогу добиться лучшего разрешения. Увеличив время наблюдений, получим очень четкое изображение.

— Да, пожалуйста. Наверняка тут какая-то ошибка.

«Сорок семь секунд…»

Декан что-то еще говорил, но Ральф смотрел в окно, на эвкалипты, раскачивающиеся под переменчивым береговым бризом. Госсиан перечислял, что еще предстоит сделать, для того чтобы «возможно» получить штатную должность: выбить два федеральных гранта, найти своим защитившимся аспирантам хорошую работу, опубликовать еще пару-тройку статей, и все за несколько месяцев. Слова пролетали мимо, он их даже слышал, но он пришел сюда, в знакомое и любимое место, где жила его вера, и в нем поднималось волнение, загоралось предчувствие,

его наполняло внутреннее состояние благодати. Идеи роились перед ним, забивались в ноздри, он заморгал…

— Ральф, вы слушаете?

— Да, о да… — «Но только не вас, нет».

Он вошел в здание физического факультета, рассеянно сложил зонт, промокший под кратким ливнем. Замурлыкал сотовый телефон.

— Хотел тебя предупредить, — раздался голос Харкина, — что в ближайшие дни много времени выжать не смогу. Есть старые снимки, но я их еще не разбирал.

— И на том спасибо.

— Завтра, может быть, попробую сделать еще снимок, но я чертовски занят. Останется немного времени при перенастройке антенн…

— Я послал тебе карту Фанти.

— Да, наверняка ошибка. Ни один объект не мог настолько измениться за такой малый срок.

Ральф согласился с ним, но все же добавил:

— Но все-таки надо проверить. Фанти знают свое дело.

— Если будет время, — сдержанно пообещал Харкин.

За лекциями и семинарами и в долгие часы работы фильтрующей программы он совсем забыл о назначенном свидании. В девять вечера зазвонил телефон. Ирэн. Он принес свои извинения, говорил рассеянно и отрывисто. И вид у него был усталый, бледный лоб в морщинах.

— Никаких… изменений? — спросила она.

— Никаких.

Они помолчали, потом он рассказал ей о карте Фанти. Ирэн заметно посветлела, обрадовавшись случаю поговорить о другом.

— Такие изменения ведь возможны?

— Вообще-то да, но так быстро? А ведь они огромные, один хвост тянется на световые годы.

— Но, ты говоришь, карта изменилась, размылась.

— Да, весь объект.

— Не может там быть какой-то ошибки?

— Может, но Фанти отлично знают дело.

— Нельзя ли нам встретиться попозже? Он вздохнул:

— Я хочу еще раз просмотреть… — На ее молчание он ответил новыми извинениями и закончил словами: — Я не хочу тебя потерять.

— Тогда не забывай, где ты меня оставил. Середина ночи.

«Ни за что бы не увидел, если бы не поверил».

Ошибка, как он понимал, могла крыться в исходном предположении. В его предположении.

Это должна быть беглая нейтронная звезда. Она должна находиться на большом расстоянии, за пол-Галактики от нас. Они в этом не сомневались, потому что искажение сигнала показывало, что на его пути много плазмы.

Да, исходное предположение. Так должно быть.

Вполне резонно. И совершенно неверно?

Он потратил большую часть выкроенного на ОБМ времени, изучая продолговатую шкурку-оболочку некогда гордой звезды, видневшейся на краю «Пули». Она казалась клочковатой от большого количества выброшенного умирающим солнцем газа. А мог бы вместо этого понаблюдать затемнения: какая часть линий спектра поглощается или рассеивается межзвездной пылью, плазмой и газом. Только по этим признакам можно определить, далеко или близко расположен источник радиосигнала. Хитрое дело — истолковывать эти колеблющиеся призраки, видимые сквозь межзвездный туман. Что, если между объектом и огромным глазом антенны была гораздо более плотная плазма, чем они предполагали?

Что, если они ошиблись в оценке расстояния? Так бывает, когда плотное облако закрывает от вас солнце. Рассеивает свет, до неузнаваемости искажает картину, а ведь солнце, по астрономическим масштабам, совсем рядом.

Может, и эта штука ближе, гораздо ближе…

В таком случае ее должна окружать необычайно плотная плазма — облако ионизированных частиц, которое она создает, пробиваясь сквозь межзвездную ночь. Возможно ли, чтобы она ионизировала гораздо больше частиц газа, сквозь который движется, чем предсказывают расчеты? Каким образом? Почему?

И что это за штука, черт возьми?

Он моргнул при виде компьютерного изображения, вызванного им на экран из чащи программ, анализирующих виды и спектры. Размытые очертания старой звезды занимали несколько пикселей, а рядом находился старый рваный завиток останков сверхновой — древнее сферическое надгробие мертвого солнца. Линии понесли большие потери, пробиваясь сквозь хвост «Пули». По ним он мог оценить среднюю плотность плазмы, окружающей саму «Пулю».

Проделывая расчеты, он ощущал, как закрадывается в него холодное предчувствие, заглушавшее все посторонние шумы. Он так и этак поворачивал идею, пробуя ее на ощупь, испытывая на прочность. Его заливало звенящее возбуждение, сдерживаемое

осторожностью.

«Интересно, видна ли она на прежних обзорных снимках», — сказал Энди.

Ральф проверил.

На радиокарте, сделанной итальянцами одиннадцать лет назад, совсем близко к нынешнему местоположению «Пули» виднелась слабая царапина. Совсем слабая, на порядок ниже величины светимости, какую он наблюдал сейчас. Ошибка в калибровке? Так или иначе, детектируется.

Он нашел ее потому, что она ярко светилась. Может быть, столкнулась с густой межзвездной плазмой и разгорелась?

Ральф позвонил Харкину, чтобы обсудить с ним эту карту и карту Фанти, но нарвался на автоответчик. Он кратко описал положение и пошел читать лекцию по механике.

Его автоответчик голосом Харкина говорил:

— Ральф, я послал тебе карту, сделанную два дня назад, когда я выбрал время пронаблюдать ее на четырех и восьми гигагерца.

— Замечательно, спасибо! — отозвался он, прежде чем сообразил, что Харкин его не слышит. Тогда Ральф позвонил сам и, когда Харкин ответил, даже не поздоровавшись, спросил: — Как тебе нравится карта Фанти?

— Совсем не нравится.

— Работа совсем свежая.

— Да, а то, что я тебе послал, наблюдалось раньше. Думается, они что-то намудрили при обработке данных.

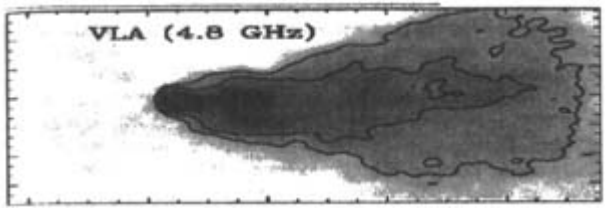
— Они работают очень скрупулезно.

— То, что я послал, действительно отличается от наблюдавшегося раньше. Картинка, так сказать, чревата гипотезами.

Чревата… От этого слова он на миг окаменел. Когда снова сосредоточился, Харкин продолжал:

— Я попробовал применить сорокасемисекундный фильтр, но ничего не вышло. На этот раз сигнала не было. Прогнал дважды. Не представляю, что там творится.

Карта, прилагавшаяся к сообщению, выглядела еще более странно.



Мало подробностей, потому что у Харкина он не смог пронаблюдать ее подольше, но картина достаточно отчетливая. «Пуля» вытягивалась в длину, меняла форму. Возможно, оказалась в новых условиях.

Но то было два дня назад. Карта из Болоньи составлена четырнадцать часов назад.

Ральф еще раз просмотрел расплывчатый болонский снимок и задумался, каким образом это изображение соотносится с картой, сделанной на 4,8 гигагерца. Неужели Фанти все-таки ошиблись?

— Ты можешь прямо сейчас переслать мне снимок? — спросил Ральф. — Очень важно.

Он выслушал долгое молчание, прежде чем Харкин откликнулся:

— Я сейчас занят по горло. Подождать нельзя?

— Фанти из Болоньи — они отстаивают ту, свою, карту. Очень странно.

— Гм… ну…

— Пожалуйста, удели мне всего несколько минут. Может, в интервале загрузки…

— Ладно, дружище, попробую, но…

— Я понимаю, — сказал Ральф, покривив душой. Домашний автоответчик записал голос Ирэн, проговорившей быстро и негромко:

— Нашел себе другую, да? Так если я тебе больше не нужна, могу перестать отвечать на звонки и сообщения, хотя и отвечать-то не на что. И вообще, увертка в самый раз для шестиклассника, нет? Я первая пошла на разрыв, намек был так ясен, что ты не мог его не понять, так что можешь считать, что во всем виновата я, и жить с чистой совестью. Можешь считать: «Да, она не могла отказаться от прошлого. Карьеристка. Плоский деловой ум». Или трудоголичка. Нет, трудоголик — это о тебе. И получишь восхитительную имитацию жизни…

После долгой паузы, когда время почти кончилось, она всхлипнула, помолчала и проговорила: — Ладно, может, это я зря…

Он сел, чувствуя себя оленем, попавшим под свет фар, и

прокрутил запись сначала.

Они были близки, она удивительная, что правда, то правда.

Он ее любил, это точно, и всегда считал, что больше ничего и не требуется.

Но в ближайший год он может потерять работу.

И не способен сейчас думать ни о чем, кроме «Пули».

А она гадает, рожать или не рожать.

Хотя, вспомнил он, она ведь так и не сказала, хочет ли ребенка.

Он понятия не имел, что ей ответить. В прошлом году, на докладе, посвященном Эйнштейну, докладчик процитировал лаконичное замечание жены ученого, что иной раз, работая над задачей, великий человек целыми днями ни с кем не разговаривал. Она, понятное дело, ушла от него. И вот теперь Ральф находил в себе какое-то родство с легендарным гением. Потом он сказал себе, что глупо равняться…

Ладно, пока пусть идет как идет.

Восьмая чашка кофе показалась горькой. Хотелось сладкого. Он впился зубами в пончик. Когда же он в последний раз ел?

Ральф глубоко вздохнул и выбросил это из головы, чтобы прочистить мозги.

Он теперь не сомневался в своей работе, в программах, но все еще ничего не понимал. Прежние оценки рассеяния были ошибочны. Это становилось ясно из расширения пульсации, только что измеренной им. Энди и все прочие определяли удаленность «Пули», основываясь на обычной плотности межзвездного вещества. И получали расстояние около пяти тысяч световых лет.

Его измерения пульсирующего сигнала показывали, что «Пуля» гораздо ближе, всего около тридцати световых лет. Они видели ее сквозь ионизированную и сжатую давлением плазму, окружавшую… что? Вряд ли нейтронную звезду.

И дальнейшие выводы: если «Пуля» настолько близко, то она гораздо меньше по величине и светимости.

Да, султан у нее огромный, но сама «Пуля» — плотный кружок в самом центре, неразличимый даже на снимках Энди, при самом высоком разрешении может оказаться всего в несколько сотен километров длиной. Или даже меньше, это только верхний предел.

Предположим, так оно и есть, она гораздо ближе. Тогда и выход энергии, если считать его примерно равным мощности излучения, тоже гораздо меньше. Он записал несколько чисел. Объект излучал энергию, сравнимую с той, что потребляется

населением Земли. Десяток гигаватт или около того.

Куда ниже энергии, излучаемой нейтронными звездами. Он уставился в пространство, мысли у него кипели.

И еще сорокасемисекундный период.

Он подсчитал, что если объект вращается и имеет на окружности гравитацию, равную половине земной, то он должен быть около тридцати метров в поперечнике.

Резонно.

Но откуда же такое быстрое изменение радиосигнала? За несколько дней, а не лет, как обычно для астрономических объектов? За несколько дней!

Он боязливо открыл сообщение от Ирэн: «Ты сорвался с крючка. Я тоже.

Цикл восстановился. Ложная тревога.

А нам урок. Мне, по крайней мере. Я получила полезные сведения (для тебя, данные) о том, какой ты засранец. Пока».

Он развалился на стуле и позволил себе насладиться чувством облегчения.

«Ты сорвался с крючка». Отлично. «Ложная тревога». Уф! «Засранец». Гм… Однако…

Уж не собирается ли он подражать ей. Поднимать шум из-за пустяков?

Ральф вернулся к себе в кабинет, добавил к бедламу на столе заметки к лекции и рухнул в кресло. Лекция прошла не блестяще. Он никак не мог собраться с мыслями. Стоит ли на время держаться подальше от Ирэн, дать ей остыть? Чего ему на самом деле хочется?

Слишком много сразу навалилось. Зазвонил телефон.

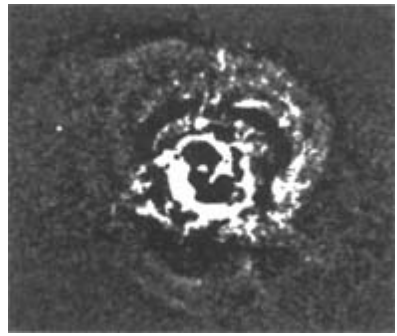
Харкин даже не поздоровался:

— Я выжал немножко дополнительного времени наблюдений. Результаты уже отправил по е-мэйлу.

— Голос у тебя усталый.

— Скорее… озадаченный. Он повесил трубку. Сообщение уже пришло.

Ральф долго разглядывал изображение. Оно было куда ярче прежнего. Огромный выброс энергии.



Мысли неслись вскачь. Результаты Фанти, а теперь это. Карта, снятая Харкином при 4,8 гигагерца еще раньше, так что она не противоречит ни Фанти, ни этому. Временная последовательность некого события, протекающего быстро — за несколько дней или часов.

Это была не нейтронная звезда.

Она была ближе, меньше и у них на глазах отправилась в преисподнюю.

Он склонился над столом, дав полную волю своим прежним соображениям. Уф!

Ирэн ошарашенно смотрела на него:

— Ты меня разыгрываешь!

— Нет. Я знаю, нам еще многое надо обсудить, но…

— Это уж точно.

— …но я не для того послал тебе тот е-мэйл, чтобы вытащить на свидание. — Ральф прикусил губу.

Стены комнаты вращались вокруг него.

— Ты написал… — недоверчиво протянула она, — что это… космический корабль?

— Был. В последние несколько дней с ним что-то случилось. Именно поэтому след за ним, — он постучал пальцем по карте Фанти, — удлинялся. Несколько часов спустя в нем возникла турбулентность и… он взорвался.

Она отхлебнула кофе.

— До него… было несколько световых лет?

— Да, и он направлялся куда-то. Регулярно посылал куда-то передающий луч, вращавшийся вместе с кораблем каждые сорок семь секунд.

Глаза у нее стали круглыми.

— Ты уверен?

— Скажем так, это рабочая гипотеза.

— Слушай, ты устал, может быть, отдохнешь, прежде чем делать выводы?

Он взглянул на нее и заметил морщины у губ:

— Тебе и самой досталось. Извини.

Она выдавила отважную вымученную улыбку:

— Меня встряхнуло. Я в самом деле хочу ребенка. Он затаил дыхание, потом решился:

— И я… тоже.

— Правда?

Они уже обсуждали это, но ресницы у нее удивленно вздрогнули.

— Да. — Он помолчал, вдохнул сквозь зубы и договорил: — От тебя.

— Правда? — Она посидела с закрытыми глазами. — Я всегда мечтала, как это будет.

— Я тоже, — ухмыльнулся Ральф. — Пора переходить к делу.

— Да?

— Да. Уф!

Они поговорили еще немного, заказав выпивку в честь такого события. Улыбки, одуревшие взгляды, сумятица в мыслях.

Потом они, без слов, как-то догадались, что пока сказано достаточно. Есть вещи, которые лучше не торопить, дать им вылежаться.

Они посидели, улыбаясь друг другу, и Ирэн с тихим вздохом произнесла:

— Ты волнуешься. Из-за?..

Ральф кивнул. Как рассказать ей то, что казалось вполне ясным ему и Харкину, но никак не укладывалось в неловкие слова.

— Это разрушает нашу базовую теорию о том, что все, что мы видим в ночном небе, естественного происхождения.

— Ну и что?

— Астрономическое сообщество, знаешь ли, это не Голливуд. Астрономы больше похожи на… жрецов.

Он отпил кофе и уставился за окно. Огоньки на крыльях самолета, заходившего на посадку на дальний аэродром, неярко подмигивали. Всякий видел самолеты, никто не обращает на них внимания. То ли дело межзвездный корабль, давший о себе знать через радиокарту.

Перед ними встанут стены сомнений. Наука требует строгости, так и должно быть. Направление атаки уже ясно, но теперь его ждут долгие труды по обработке данных, множество вычислений. Чтобы ввести новую теорию, требуется строгая логика, принимающая в расчет все прежние теории. Два шага вперед, один назад: сравнение, взвешивание, сопоставление — данные всегда следует оценивать критически. Величественный

танец, гавот разума, и надо все время держать в уме вероятность ошибки.

И все же… когда тебя осеняет счастливая догадка, не упускай ее.

— Тебе нужно поспать. — В ее прищуренных глазах читалась забота. — Пойдем ко мне.

Его накрыла теплая волна счастья. Она здесь, с ним, и вместе они выстоят в предстоящем долгом сражении.

— Знаешь, будет довольно паршиво. Вспомни, каково пришлось Карлу Сагану, когда он всего лишь *допустил* возможность существования внеземного разума.

— Думаешь, убедить людей будет нелегко?

— Взгляни на это так: когда люди сталкиваются с ограниченностью своих знаний, с безмерностью своего невежества, они привычно спускают все на тормозах. Людям нужна уверенность.

Он думал: если мы не осознаем, где лежит граница в разумной степени установленных научных теорий и где начинается безбрежное море неоткрытых истин, разве можем мы надеяться на продвижение вперед?

Ирэн нахмурилась. Он давно знал ее и понял, что она рада случаю поговорить о чем-то большем, чем они двое. Она медленно начала:

— Но… почему же тогда все ваши великие гении, те, что не сходят у тебя с языка: Хокинг,[117] Фейнман,[118] Ньютон, — смиренно признавали, как жалостно малы пределы наших познаний?

— Да потому, что они были великими, — сухо сказал он. — «А мелкие души шумно провозглашают непоколебимость своих выводов». Ну, отсюда и берут начало все разногласия, сомнения и скепсис. — А корабля теперь уже нет. Мы узнали о нем, увидев его гибель.

Она уставилась на него:

— Я вот думаю… сколько?..

— Это был большой мощный корабль. Возможно, он каким-то образом создавал впереди себя плазму. Потом магнитными полями зачерпывал эту плазму и превращал ее в энергию. И отбрасывал назад, чтобы получить импульс движения. Представь себе реактивный самолет, ракету. Может, он тормозился за счет магнитного поля, не знаю.

— А пассажиры?

— Я… Об этом я не думал.

— Он большой… был?

— Может… вроде «Титаника». Она моргнула:

— Столько людей.

— Кого-то вроде людей. Направлявшихся к новому дому.

— Может… сюда?

Он моргнул, мысли ворочались с трудом.

— Нет, он двигался в небесной плоскости. Иначе мы бы видели его в виде точки, только голову, без хвоста. Хотя он летел куда-то недалеко.

Она откинулась, глядя на него с выражением, какого он прежде не видел.

— Это все попадет в газеты, верно. — В голосе не было вопроса.

— Боюсь, что так. — Он выдавил скорбную улыбку. — Может, «National Enquirer» уделит мне даже больше места, чем Энди.

Она звонко рассмеялась. Ему так нравилось слушать ее смех. Но тут же на него навалилась вся тяжесть предстоящего. Столько дел…

— Мне придется проверить твою догадку насчет того, что они направлялись к нам. Во всяком случае, мы сможем провести обратную экстраполяцию и вычислить, откуда они вылетели.

— И просмотреть все прежние карты, данные… — (Губы у нее дрожали.) — По прошлым…

— Они разбились. Всей этой жизни больше нет.

Теперь он понимал, отчего она так бледна и невесела. «Только что жили, и вот их нет». Она кивнула, ничего не ответив.

Он взял ее за руку. Прошла долгая минута, и он не нашел другого способа прервать молчание, как только продолжить:

— В SETI[119] за это ухватятся. Найдут исходную звезду, прослушают ее излучения.

Ирэн невесело улыбнулась:

— Мы можем послать им сообщение. Соболезнования. Угу. Комната перестала вращаться, и она потянула его за локоть:

— Идем.

Устало поднимаясь на ноги, Ральф уже предвидел, какая предстоит драка за его гипотезу. Всегда найдется какой-нибудь Энди, который любым путем рвется к выигрышу. И декан Госсиан…

Продвижение к штатной профессорской должности — процесс долгий и размеренный — и горячка жаркой открытой дискуссии — практически несовместимые понятия. Но это тоже наука. Может, его карьера выдержит предстоящую бурю, а может, и нет, но разве это важно, когда стоишь на берегу огромного океана, вглядываясь в неведомое?

Джастин Стэнчфилд
В Реке [120]

Вытащенная на холодный воздух, Дженна Ри закричала — насыщенная кислородом вода вырвалась из ее легких вместе с пронзительным, нечеловеческим воплем. Она замолотила руками и ногами, но странные бледные создания держали ее очень крепко. Они привязали Дженну к твердой доске и повлекли прочь от прямоугольного люка, ведущего к теплу и безопасности корабля внизу. В горле образовался комок паники.

— Не сопротивляйтесь. Дышите медленно, глубоко, доктор Ри, — произнесло одно из существ. Второе, с лицом, обрамленным бурыми волосами, оттолкнуло первое в сторону.

— Дженна? Это я, Вал. Тебе нужно дышать.

— Она вас не понимает, — заметило первое. — А теперь отойдите, доктор Ястренко. Пожалуйста. Нам нужно работать.

Резкие, щелкающие звуки ничего не значили для нее. Только гул в ушах казался реальным. Ей хотелось взмолиться о пощаде, но датчик запаха больше не функционировал. Пятно ослепительно-белого света сузилось до размеров булавочной головки, остальное поле зрения заняла тьма.

— Валиум, скорее! Готовьте реанимацию!

Что-то ужалило ее в горло, но Дженне было уже все равно. Она смутно ощутила, как ей насильно разжали челюсти и протолкнули в горло нечто холодное, металлическое.

«Отпустили бы меня умереть домой, — подумала она, когда свет померк. — Почему они не отпускают меня домой?»

Она снова плыла в Реке, в мягком голубом сиянии. Снаружи, за обросшими мхом стенами, за разбросанными по корпусу иллюминаторами, ярко горели беспрестанно движущиеся звезды — мир вращался вокруг своей оси. В принципе она знала, что Река — это такая конструкция, машина, созданная для путешествия по пустоте космического пространства, бесконечный поток, текущий от звезды к звезде, но расстояния казались немыслимыми. Никто здесь не видел Старого Дома. Никто не проживет столько, чтобы увидеть его снова. Дженна ощутила на языке горечь тоски — вкус меди и тухлой рыбы.

Далеко внизу, там, где вода становится густой от криля и свежей соли, вяло кружила возле обогревательно-вентиляционного клапана семья. Дженна попыталась нырнуть, но не смогла пошевелиться. Одно существо из Речного Народа

заметило ее и оторвалось от группы. Она узнала Ищущую — по крапчатому зеленому пучку, струящемуся за удлиненным черепом. Медленно, чуть подрагивая элегантными щупальцами в ритме печали, огромное создание поднялось в верхние, прохладные слои воды.

— Сестра, — выдохнула Дженна на языке уважения. — Кажется, я больна. Я не могу больше плыть вниз, навстречу тебе.

— Чужая сестра… — Ищущая поприветствовала ее простым поглаживанием по лицу хватательной рукой. Дженна вкусила сожаление, пропитавшее слова старого пилота, но также и радость. — Тебе пора возвращаться домой.

— Но я дома.

— Нет, малышка. Ты должна отправиться в свой исконный дом, над водой.

— Над водой лишь смерть. — Дженна повторила старую детскую поговорку, которую услышала еще личинкой. Только… была ли она личинкой? Мысли трепетали пучком запятнанных, перепутанных, грязных лоскутов. А Ищущая вновь погладила ее по щеке.

— Прощай, Чужая сестра. Да будут щедры твои воды.

— Нет!

Дженна попыталась ринуться вслед за массивным созданием вниз, но не смогла. Слой сладкой воды уже стал тоньше. И холоднее, вздрогнула она. Слабый шелест где-то поблизости привлек ее внимание, и Дженна с усилием подняла веки. Свет был болезненно резок, но уголком глаза она заметила движение. Существо с бородатым лицом и бежевым полотнищем в руке приблизилось и нависло над ней. Человек накрыл Дженну одеялом и осторожно подоткнул его.

— Добро пожаловать домой, соня. Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть.

К удивлению Дженны, она поняла мужчину, хотя сами слова почти не имели смысла. Она неохотно втянула воздух и ощутила слабый химический привкус.

— Кто ты? — прохрипела Дженна.

— Меня зовут, — медленно произнес он, — Валерий Ястренко. Я твой муж.

Жизнь покатилась по новой будничной колее. Ленивые утренние часы сменялись болезненными, разочаровывающими сеансами физиотерапии. Дженна ненавидела упражнения и покровительственный тон врачей: лучше уж быть раздавленной личинкой, оставленной на милость быстрой смерти. Но ни одно из унижений, которые она претерпевала во время этих сеансов, и

сравниться не могло с адскими часами, ожидающими Дженну после полуденного перерыва.

— Добрый день, доктор Ри, — поздоровалась сухопарая женщина с блеклыми безжизненными волосами. Прическа придавала ей болезненный вид, словно сама плоть готова была соскользнуть с костей. — Ну, как мы сегодня?

— Почему вы называете меня «доктор»? — спросила Дженна. Грубые невыразительные слова теперь давались ей легче. — Я врач?

— Нет. Вы учитель.

— И чему я учу?

Бледная женщина улыбнулась. Расстроившись, Дженна повторила вопрос:

— Чему я учу, доктор Эмили Марксер?

— О, сегодня вы вспомнили мое имя. Отлично. — Она похлопала Дженну по руке. — Вы профессор абстрактной математики. Вы добровольно вызвались участвовать в программе Глубокого Погружения, потому что чувствовали, что, возможно, способны разобраться в системе счисления тедризов.

— Вы неправильно произносите имя Речного Народа. — Дженна ощутила превосходство над этой бледнокожей. Она подозревала, что, вернись она в Реку, сумела бы объясниться даже без датчика запахов. А Марксер и остальным этого определенно не дано. — Говорите медленнее. Тэйд триссы.

— Тэд триззы, — буркнула Марксер, раздосадованная тем, что ее перебили. — Так вам удалось разгадать систему счисления тэд триззов?

— Валерий Ястренко… — Дженна с трудом, запинаясь, жевала трудную фразу. — Он говорит, это важно, что я помню, как тэйды считают.

— Да. Очень важно. — Дзинькнул звонок, Марксер поднялась и пересекла маленькую каюту. Несмотря на низкую гравитацию, женщина плыла, как раненый угорь. Секунду спустя она вернулась с запечатанной кружкой в руке. Дженна уловила слабый запах плещущейся внутри горьковато-сладкой жидкости. Чая, вспомнила она. Доктор Марксер медленно, словно нерешительно, отпила немного. — Пока мы не поймем их математики, мы не сумеем разобраться в их технологии. Вот почему мы пришли сюда, на край Солнечной системы. Нам необходимо узнать, как они аккумулируют энергию нулевых колебаний.[121]

Дженна нахмурилась, смутно припоминая термин и пытаясь вставить его в контекст.

— Они называют это Невидимым Потоком. Марксер застыла,

не донеся чашку до губ.

— Вы узнали, как они добывают ЭНК?

— Да.

Дженна попыталась оформить мысли, но без своего датчика, без тысяч тонких оттенков вкуса и запаха она не могла описать то, что понимала инстинктивно. Женщина попыталась снова — без толку. Холодный пот выступил на ее лбу, она почувствовала дурноту. Стены комнаты надвинулись на нее, свет тошнотворно замигал. Ощущение кружения усилилось, и Дженна ухватилась за край стола. Ее трясло, она не справлялась с руками и ногами, глаза закатились. Свет померк, и она выпала из удерживающих тело объятий кресла. Волна мрака накрыла Дженну, но она еще успела услышать вопль Марксер:

— Проклятие! У нее очередной припадок.

— Почему вы оставили меня? — бросила мольбу в глубины Дженна, но ее слова унес прочь водоворот. Далеко внизу, освещенная мерцанием обогревательного клапана, отдыхала семья. Некоторые подняли вытянутые лица, нюхая воду, возможно уловив след Дженны, но не делая попыток подняться. Слезы побежали по лицу женщины и исчезли в пучине, слившись с течением. Наконец Ищущая оторвалась от обшивки и двинулась вверх по длинной спирали. Одно из ее щупалец ткнулось во влагу под глазами Дженны и поднесло соленую каплю к широкому безгубому рту.

— Иди домой, Чужая Сестра, — мягко сказала она. — Иди домой.

— Дженна?

Она заставила себя разлепить веки, несмотря на буквально раскалывающийся череп. Свет в маленькой комнате был слишком ярок, ослепительные точки плясали в радужных облаках. Валерий Ястренко отвел от глаз жены растрепанную прядь.

— Перестань пугать меня, — сказал он. — Я уже слишком стар для этих твоих «американских горок».

Она поняла меньше половины, но тон мужчины заполнил пробелы. Дженна все яснее и яснее понимала, что ключ к этой невыразительной, зачастую бессмысленной тарабарщине зависит от слушателя не меньше, чем от говорящего. Она попыталась растянуть губы в такой же, как у мужчины, улыбке, но напряжение мускулов только усугубило страдания.

— Я была больна?

— Больна? — Ястренко тряхнул лохматой головой. — Ты была мертва почти полторы минуты. Пришлось применять дефибриллятор.

— Я вернулась в Реку. Мне не хотелось уходить. Я хочу обратно, к моей семье. — И, глядя в его глубоко посаженные серые глаза, она добавила: — Пожалуйста.

Мужчина отвел взгляд; в выражении его лица Дженна не разобралась. Секундой позже он тяжело, медленно вздохнул.

— Дженна, ты помнишь, что они сделали с тобой? Я имею в виду хирургов, перед тем как ты отправилась к тэйд триссам? — Он споткнулся на слове, словно вкус его обжигал губы. — Они имплантировали в твою лимбическую систему[122] пучок чужеродной нервной ткани, и еще один — в corpus callosum.[123] Эти пучки и позволили тебе вступить в контакт.

Дженна рассеянно высвободила руку из-под изолирующего одеяла и, тронув пальцами висок, нащупала над левым ухом тонкий рубец — волосы вокруг него были короткими и кололись.

— Датчик запахов?

— Да. — Мужчина бережно отвел ее руку от шрама. — Ольфакторный[124] узел был подсоединен к точкам связи. Это позволило тебе жить среди них. Позволило общаться, возможно, даже думать, как они. Но это также явилось причиной, по которой нам пришлось вывести тебя из программы раньше, чем ожидалось. Чужая ткань начала отторгаться, и это повлияло на твой мозг. Доктор Марксер и я решили, что необходимо удалить ее, прежде чем повреждения станут необратимыми.

Дженна осознала сказанное невероятно отчетливо — такой ясности она не испытывала с того момента, как ее извлекли из Реки, — и отшатнулась, потрясенная предложением мужчины.

— Если вы сделаете это, — выдавила она, — я никогда не смогу вернуться.

— Нет. Не сможешь. — Ястренко хотел прикоснуться к щеке женщины, но она оттолкнула его руку — и, к собственному удивлению, увидела в уголках его глаз слезы. — Дженна, я не хочу снова потерять тебя. Я хочу, чтобы вернулась ты прежняя.

— Маловероятно, — бесстрастно ответила Дженна, — ее больше нет.

Она осталась одна.

В семье она никогда не ощущала подобного отсутствия контакта. Даже когда они плавали не вместе, течения приносили следы родных. Расстояния значения не имели, каждая прорененная мысль становилась известна всем. Только после того, как ее оторвали от бесконечной нити Реки, она по-настоящему поняла, ***что*** потеряла. Даже чувства казались усеченными, насыщенность бытия обескровилась в этом сухом, стерильном мире. Медленно, борясь с головокружением, Дженна

отстегнула удерживающие ее ремни.

Комната, к счастью, была пуста. Невесомая, Дженна воспарила к тому, что сперва показалось ей входом в смежную комнату, но вместо проема она, к своему разочарованию, обнаружила, что это лишь отражение. Женщина прикоснулась к зеркалу и нахмурилась.

— Кто ты?

Пальцы пробежали по стеклу, повторяя абрис лица. Среди тэйдов внешность почти не имела значения. Там все было просто. Здесь же каждый не только претендовал на свое отличие от других, но и, казалось, наслаждался им. Внезапно она ощутила душераздирающую необходимость увидеть звезды. Дженна толкнула скользящую дверь и выплыла в коридор.

Обитые мягкой материей стены образовывали туннели, разветвляющиеся коридоры, словно без всякой системы сворачивающие под всевозможными углами. Легкий сквозняк подсказал Дженне, где тут путь наружу; вращение корабля обеспечивало умеренную гравитацию. За неимением течения, которое повлекло бы ее, Дженне пришлось передвигаться, цепляясь за тянущиеся вдоль стен поручни.

Грудь начала болеть, дыхание стало неровным и быстрым, когда она ускорила движение. Один раз она наткнулась на группу людей, но ничего не сказала, а лишь торопливо миновала их, игнорируя удивленные гримасы и возгласы. Впереди ждал еще один коридор. Дженна добралась до развилки, но не смогла решить, куда повернуть. В висках стучало, и женщина в изнеможении закрыла глаза.

— Почему вы оставили меня? — прошептала она, зная, что ответа не будет.

Былые грезы уже поблекли, постоянное, обвивающее прикосновение Реки превратилось в смутное воспоминание о воспоминании, в которое вторглись другие картинки, старые проблески иной жизни, жизни, которую она столь тщательно похоронила. Дженну затрясло, она съежилась, сжалась в тугой шар, обхватив руками колени, но дрожь лишь усилилась, и женщина прикусила губу, надеясь, что боль отгонит прилив памяти.

— Нет, нет, нет… — Остановить поток не получалось. Прежняя жизнь распускалась вокруг Дженны, вычленяя по кусочкам ту, кем она была до того, как хирурги сделали свою работу. Она всхлипнула и затряслась в страшных, корежащих тело конвульсиях, перекрывающих дыхание. — Нет! Пожалуйста, нет!

Крадущаяся тьма сомкнулась над ней, сбивая с толку,

дезориентируя. Дженну стошнило. Содержимое желудка выплеснулось наружу, кислая желчь обожгла ноздри и горло. Вдруг возникшие из ниоткуда руки стиснули ее плечи. Женщина попыталась вырваться, но силы покинули ее. Откуда-то издалека, словно она сидела на дне пересохшего колодца, донеслись голоса:

— Готовьте ее к операции. Имплантаты отслаиваются.

Пустота поглотила ее, пустота и накатывающая, точно упрямый прилив, тупая боль. Дженна попробовала пошевелиться, но голову и плечи удерживало что-то жесткое, неудобно врезающееся в тело.

— Не пытайся сесть, — раздался мужской голос с сильным акцентом.

Дженна с трудом открыла глаза. В полутемной комнате было холодно и сухо. Над Дженной стоял человек, в глубоко посаженных глазах которого гнездилась тревога. Несмотря на боль, женщина улыбнулась.

— Привет, Вал.

— Привет, Джен. — Мужчина облегченно ухмыльнулся сквозь бороду. До сего момента Дженна и не замечала, как коряво он говорит или какими чудесными могут быть эти домашние черты. Он поднес к губам жены бутылку с водой и позволил ей сделать маленький глоток из жесткой соломинки. — Не ворочайся, ладно? Тебя удерживают специальные фиксаторы, пока не пройдет наркоз.

— Так я и думала. — Она снова закрыла глаза и расслабила напряженные мышцы лица. Пульсация в висках чуть-чуть замедлилась. — Имплантаты удалены?

— Да.

— Все?

— Хирурги уверены, что извлекли всю чужеродную ткань. Если, конечно, доверять машине.

Дженна хихикнула. Как ни странно для ученого, Валерий Ястренко отличался почти патологической подозрительностью к роботомедицине. Во многих смыслах он оставался старомодным человеком, привязанным к Земле и гордящимся этим. Частично в этом и заключался его шарм. Частично потому она и влюбилась в него.

— Я так счастлив, что ты вернулась. — Мужская рука скользнула между ее ладоней, разведя их. — Как ты себя чувствуешь?

— Опустошенной, — ответила Дженна. — Досуха. Ты и представить себе не можешь, что это такое — быть связанной с

ними. — Она помедлила. Несмотря на усиливающуюся боль, она должна была узнать ответ на терзающий ее вопрос. — У меня получилось разгадать их математику?

Тишина наполнила комнату, долгая тишина, нарушаемая лишь мягким хлюпаньем ухаживающей за пациенткой аппаратуры. Дженна открыла глаза и сфокусировала взгляд на лице Ястренко.

— Что случилось?

— Может, поговорим об этом позже?

— Нет. Сейчас.

— Дженна. — Ястренко вздохнул. — Ты перестала передавать информацию месяцы назад. Если ты и открыла, как истолковать их математику, то не позаботилась сообщить это нам.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Запах его бороды напомнил женщине старого пса, которого она так любила в детстве. Снова нахлынули воспоминания, они низвергались каскадом, множась и цепляясь одно за другое, словно человеческая сторона ее личности мстила за то, что какое-то время была подавлена. Дженна отчаянно пыталась думать о времени, проведенном с чужаками, но все пропало — словно скрылось за выросшей в памяти стеной. Руки и ноги вдруг стали горячими и как будто липкими — несомненно, автоматы ввели пациентке успокоительное, борясь с ее нарастающим расстройством. Не в состоянии больше бодрствовать, она позволила снова увлечь себя в водные сны.

Когда Дженна проснулась, фиксаторы исчезли, ничто не удерживало ее, кроме одеяла и спальной сетки. Рядом кто-то храпел. Дженна отважилась повернуть голову. В углу маленькой комнаты парил завернутый в плед Ястренко, похожий на младенца-переростка. Она улыбнулась, но веселье быстро рассеялось, и рой последних мыслей вырвался из лекарственного тумана. Время, проведенное ею среди тэйд триссов, потрачено впустую. Она почувствовала себя пребывающей одновременно в двух измерениях — а ведь это невозможно. С холодной уверенностью Дженна поняла, что утрачивает воспоминания о Реке.

Неудивительно, если и странные дрейфующие существа не помнят ее.

И опять рутина, и дни, разбитые на периоды терапии и отдыха. Она подчинялась распорядку без особого энтузиазма. Как ни убеждай себя, потерянные месяцы молили о возмещении, и Дженна обнаружила, что ее все сильней и сильней влечет в крохотную обсерваторию на брюхе корабля.

Ей все еще хотелось увидеть звезды.

Воздух в тесной каюте был холоден, узкое окно обрамляли завитки инея, дыхание и влага превращались здесь в бесплотные, вечно меняющиеся узоры. Дженна поскребла ногтем хрустальную гравировку. Что-то в этом соприкосновении льда и немигающих звезд взывало к ней, словно ключ, который она искала, лежал прямо перед ней на самом видном месте, только и дожидаясь, когда его заметят. Отражение в толстом стекле насмехалось над ней, словно вторая Дженна Ри парила по ту сторону окна.

— Свет, выключиться, — тихо произнесла женщина.

Освещение потускнело, осталась лишь слабая голубая полоска, отмечающая выход. Теперь звезды казались бриллиантами, яркими драгоценностями, рассыпанными в маслянистой луже. С этой точки далеко за пределами орбиты Плутона Солнце выглядело просто одной крапинкой из миллиарда таких же. Пятнадцать лет прошло с тех пор, как корабль тэйд триссов впервые объявился в пространстве на краю Солнечной системы, подавая жалобный, неменяющийся сигнал, из-за которого человечество и предприняло эту экспедицию. Жизнь Дженны поглотило загадочное послание, эта попытка установить контакт. Много воды утекло за полтора десятка лет, много чего произошло. Ее брак с Валерием. Частичная расшифровка языка тэйд триссов. Решение построить этот корабль и долгий, длиной в четыре года подъем к огромному судну чужаков. Дженна наклонила голову, изогнув, насколько получилось, шею, пытаясь разглядеть то, что находится за пределами их корпуса, внизу. Расплывчатая цилиндрическая тень заслоняла Южный Крест — тень наполненного водой межзвездного корабля больше шести километров длиной. В сравнении с ним их собственный корабль казался рачком на боку кита.

— Почему вы привели нас сюда? — прошептала женщина. Неяркий прямоугольник, один из тысячи иллюминаторов, испещряющих бок инопланетного судна, привлек ее внимание. На секунду Дженне показалось, что нечто проплыло мимо — удлиненный череп, гладкие щупальца — привидение, смутный фантом. Тэйд триссы так отличаются от людей. Как она вообще могла помыслить о том, чтобы понимать их? Дженна прислонилась лбом к холодному стеклу в отчаянной попытке разглядеть больше, но фигура продолжала двигаться. Двигаться.

Звезды вращались. Ледяные кристаллы на стекле таяли, узоры менялись, не было ничего постоянного. Дженну повело, она прижала руку к потолку, пытаясь остановить головокружение, и тут на нее обрушилась лавина информации. Стена рухнула. Все было так просто. Ошеломленная, она оттолкнулась от темного

окна и ринулась назад, в освещенные коридоры. В голове пчелиным роем жужжало новое понимание, данных было столько, что она боялась, как бы они не ускользнули прежде, чем она успеет поделиться ими с кем-нибудь. На Ястренко женщина наткнулась перед лазаретом и с разбегу влетела в его объятия.

— Вал! — победоносно воскликнула она. — Я нашла ключ!

— Ключ? — Он нахмурился, затем кивнул и коротко улыбнулся — морщинки в уголках глаз мужчины углубились. — Это хорошо, Дженна. Очень хорошо.

— Что-то ты не слишком обрадовался. — Дженна отпрянула, равнодушие мужа поумерило ее пыл. — Ты что, не понял? Я наконец нашла способ совместить наши математические системы. Я разгадала код.

— Прекрасно. — Он поцеловал женщину, но как-то отстранение, будто нехотя. — Я счастлив.

— Какого черта, что с тобой? Я думала, ты запрыгаешь от восторга! Мы ведь наконец начнем разбираться в их технологии!

— Да… — Ястренко приоткрыл рот, чтобы сказать еще что-то, но промолчал. Бережно, крепко держа Дженну за плечи своими большими руками, он отстранил ее так, чтобы смотреть жене прямо в глаза. — Дженна, немногим более двух часов назад тэйд триссы прислали сообщение. Просят, чтобы мы отстыковались и отошли на безопасное расстояние. Они намерены отбыть через три дня.

— Нет. — Дженна смотрела на мужа, не веря. — Нельзя позволить им уйти. Только не сейчас. Ради бога, Вал, нам нужно что-то сделать.

— Знаю. — Голос его упал, и Дженне даже показалось, что он сейчас расплачется. — Вот почему Эмили имплантировали ольфакторный датчик.

— Марксер? — Желудок Дженны перевернулся, когда она подумала о бледной, напрочь лишенной чувства юмора женщине-психологе, занявшей ее место в Реке. — Ты же не серьезно? Если кто-то и должен отправиться вниз, так это я!

Ястренко, не мигая, глядел на нее. На один жуткий миг у Дженны создалось впечатление, что он хотел, чтобы именно она, а не Марксер подверглась опасной операции. Она отскочила, убежденная, что в зрачках мужчины мелькнуло предательство. Вина. Стыд. Подтверждение. Дженна не отрывала от него взгляда, слишком ошеломленная, чтобы говорить, ведь то, что осталось от ее когда-то незыблемого мира, в мгновение ока превратилось в ничто. Ну и дура же она, раз не заметила этого раньше. Пока она, не подавая о себе вестей, находилась в странном мире тэйд триссов, ее муж влюбился в другую женщину.

Гравитация выросла, и все незакрепленные вещи скопились грудой в дальнем углу крошечной каюты — корабль тэйд триссов постепенно увеличивал скорость вращения. Оцепеневшая от дневных событий Дженна сидела, набросив на плечи одеяло, у своего рабочего пульта. Ее знобило. Ей отчаянно хотелось моргнуть и обнаружить, что роман мужа всего лишь иллюзия, очередной побочный продукт ее погружения. Она знала Эмили Марксер не один год, но никогда не думала о ней как о сопернице. Эта женщина казалась стерильной, практически бесполой, бледной карикатурой на холодную особь из Лиги плюща.[125] Чем эта вобла могла привлечь такого естественного, пылкого мужчину, как Валерий Ястренко? Дженна поплотнее завернулась в одеяло. И чем она сама оттолкнула мужа? *Лига плюща* — и…

— Прекрати, — прошептала женщина, коря себя. — Я не виновата.

Она рассердилась — и обрадовалась гневу. Вдруг раздался треск, словно сломалась сухая ветка. Дженна опустила взгляд и с удивлением увидела в своих пальцах расколовшийся пополам тонкий пластиковый стилус.

Женщина разжала кулак — обломки лениво полетели в дальний угол — и уставилась на планшет, мерно мерцающий на ее столе. На маленьком экране горели написанные от руки символы и уравнения, некоторые знакомые, другие грубо приближенные к «вкусо-запахо-касательным» схемам тэйдов. Она даже не осознавала, что машинально рисует, пока не узнала свой стремительный, почти неряшливый почерк. У нее все еще не было доказательств, но Дженна знала, что длинная цепочка цифр сойдется. Она вздохнула.

— Возможно, ублюдку стоило обмануть меня месяцы назад. Тогда бы мы все могли отправиться домой.

За ее спиной кто-то кашлянул. Дженна медленно обернулась и увидела ждущего снаружи в коридоре Ястренко. Рука его лежала на дверном косяке.

— Я пришел, только чтобы забрать свои вещи, — сказал он.

Она молча кивнула. Ястренко проскользнул мимо жены, нашел дорожную сумку и принялся торопливо запихивать в нее одежду и прочие пожитки. Дженна сидела за столом и наблюдала. Ястренко вытащил последнюю пару носков из своего ящика, затем крепко затянул раздувшийся баул ремнем.

— Прости, Дженна, — начал он, но Дженна не дала ему продолжить:

— Не надо. Мне не нужны твои извинения или твои

треклятые оправдания. Может быть, когда-нибудь, но не сейчас.

Он отвел глаза, стыдясь встретить ее взгляд. Ястренко с набитой сумкой в руке уже повернулся, чтобы уйти, но остановился, заметив символы на экране электронного блокнота.

— Это твои теоремы? Дженна кивнула.

— Похоже на описание гармонических вибраций.

— Да. — Несмотря на злость, чувство открытия все же рвалось на волю. — Во всем, что касается тэйд триссов, нет абсолюта. Неудивительно, что мы не могли понять, что они пытаются сказать нам. Нам требуются конкретные цифры. А им даже понятие это недоступно. Фактически в их лексиконе есть только два числа.

— Но это невозможно. — Ястренко нахмурился.

Дженна развернула планшет, тайно наслаждаясь замешательством мужчины, и провела пальцем по разбросанным на экране знакам, вычерчивая кривую.

— Для нашего образа мыслей — да. Но не для их. Для них вся Вселенная — это бесконечная нить. У тэйд триссов существуют лишь две цифры: единица и не-единица. Один плюс один у них не два. Сложи один и один — и получишь большую единицу.

— Большую? — В голосе Ястренко прозвучало сомнение, но он наклонился ближе, изучая уравнения. — И это позволяет им манипулировать пространством-временем?

— По-видимому. — Дженна пожала плечами. — Я не физик. Ястренко выпрямился, не отрывая взгляда от планшета, и удивленно покачал головой.

— Нам потребуются годы, чтобы вникнуть в это. — Внезапно возбуждение в его глазах угасло, сменившись виной. — Дженна, я люблю тебя.

— Странный же ты выбрал способ показать это.

Он подхватил сумку и шагнул к выходу, но повернулся, еще не покинув тесной каюты.

— Да, вот еще что. Экипаж хочет, чтобы ты присутствовала в кабине, когда Эмили спустится вниз. — Голос мужчины дрогнул, споткнувшись об имя той, другой. — Им нужно, чтобы ты контролировала ее передачи.

— Я там буду, — бесстрастно ответила Дженна. Она дождалась, когда муж уйдет, затем бросилась на кровать и плакала, пока не заснула.

Рубка скорее походила на торговый зал биржи, чем на пункт управления звездолетом. Дженна присела к небольшому пульту, к которому ее проводил один из инженеров-экологов, с твердым

намерением держаться как можно незаметнее. Чтобы занять себя, женщина провела третью диагностическую проверку оборудования, связывающего Марксер с кораблем. По экрану побежали цифры, за ними вспыхнула надпись «Все системы работают нормально». Удовлетворенная, Дженна откинулась на мягкую спинку кресла и стала ждать. Вскоре молодой человек с густой рыжей бородой, сидящий на другом конце круглого помещения, громко произнес:

— Капитан, тэйдриссы только что прислали сообщение.

Дженна поморщилась — его жуткое произношение покоробило ее. Худая седовласая женщина с короткой стрижкой торопливо пересекла комнату и присоединилась к юноше.

— Что они говорят? — спросила Паула Сполар, капитан, пилот первой категории. И все в рубке умолкли, прислушиваясь к переводу, читаемому бородачом.

— «Делаем предупреждение. Скоро расстыковка. Мы решили уйти во время следующего дневного цикла».

Дженна нахмурилась. Как бы ей ни хотелось не привлекать к себе внимания, она тоже направилась к пульту связи.

— Они использовали повелительное или сослагательное наклонение? — уточнила она.

— Точно не знаю, — беспомощно пробормотал мужчина. — Как тут различишь?

— Извините. Я забыла, что большинство людей не провели шесть месяцев, живя среди тэйд триссов. — Дженна улыбнулась, чтобы юнец расслабился. — Могу я послушать запись?

— Конечно. — Техник отодвинулся, открыв Дженне свой рабочий экран. На мониторе группками плясали разноцветные пики в сопровождении омывающих их низких, жалобных нот. Дженна закрыла глаза и прислушалась. Слабая трель в конце последней глагольной линии сказала ей все, что женщина хотела узнать. Даже без датчика запахов сообщение было ясным.

— Ну? — Капитан Сполар выжидающе смотрела на нее.

— Они собираются включить реакторы, — сказала Дженна. — Часов через шесть. Они хотят, чтобы мы отошли на приличное расстояние, прежде чем они запустят двигатели.

— Мы не можем позволить им уйти! — раздосадованно воскликнул офицер связи. — Мы только-только поняли, как с ними говорить.

— Не думаю, что в этом случае у нас есть выбор, — тихо сказала Дженна и подняла взгляд на капитана. — Тэйд триссам требуется много времени, чтобы достичь консенсуса, но как только они приняли решение, изменить его невозможно.

Сполар с задумчивым видом почесала свой длинный тонкий

нос, словно взвешивая немногочисленные варианты. Секунду спустя она нажала сенсорную кнопку, укрепленную на ее левом запястье.

— Воздушный шлюз? Возобновить погружение. — Она словно разговаривала с призраками; вживленный в челюсть приемник повторял сообщение. — Отправляйте доктора Марксер вниз, но предупредите ее, что если она в течение трех часов не убедит чужаков передумать, пусть возвращается без вопросов. — И добавила, обращаясь к Дженне: — Вам лучше сесть за свой пульт. Марксер отправится в любую минуту.

— Хорошо.

Дженна пересекла рубку и опустилась в свое кресло. Канал все еще функционировал, хотя биостатистические параметры Марксер изменились кардинально. Несмотря ни на что, Дженна поймала себя на сочувствии Эмили Марксер. К ней вернулись воспоминания о собственном погружении: жуткое ощущение того, что ты тонешь, когда жидкость наполняет твои легкие, и шквал незнакомых чувств, который обрушивается на тебя, когда датчик запахов начинает собирать и порождать информацию. Дженна внимательно следила за цифрами на мониторе. Ей была предоставлена роскошная возможность готовиться к визиту к тэйдам несколько месяцев, и то Дженне потребовались не один и не два дня, чтобы приспособиться к водной среде. Глупо надеяться, что Марксер добьется того же в считаные часы.

Внезапно значки вспыхнули красным. Бородатый техник на другом конце рубки воскликнул:

— Она внутри!

Дженна поспешно разделила экран. Левую сторону монитора заполнило голубоватое свечение воды, видеосигнал стал четче. Женщина увидела, как Марксер плавно опускается ногами вперед, оставляя за собой след из крохотных пузырьков. Навстречу ей поднялись из глубины три огромных существа. Длинные щупальца первого тэйд трисса обвились вокруг лодыжек Марксер, остальные создания немедленно присоединились к замысловатому танцу. Цифры на другой половине экрана тревожно изменились: пульс Марксер участился, уровень адреналина опасно подскочил.

— Не сопротивляйся, — прошептала Дженна, словно женщина на мониторе могла услышать предупреждение.

На главном экране рубки светилась та же картинка. Отчаянно трепыхающаяся Марксер почти потерялась в клубке извивающихся щупалец тэйд триссов, увлекающих ее глубже в Реку.

— Они напали на нее! — выкрикнул кто-то.

— Нет, — повысила голос Дженна. — Это ритуал приветствия.

Она снова взглянула на данные состояния здоровья Марксер и ужаснулась, увидев, насколько ухудшились цифры. Внезапно пики зазубренных кривых стали сглаживаться. Дженна резко крутанулась в кресле.

— Капитан, Марксер потеряла сознание.

Изображение на экране стремительно уменьшалось. — Марксер в объятиях баюкающих ее щупальцев продолжала погружаться.

— Выводите ее оттуда, — приказала в пространство Сполар. — Посылайте водолазов.

— Капитан, — Дженна поднялась, — тэйды могут воспринять это как угрозу. Сейчас они считают доктора Марксер гостем. Если мы попытаемся вернуть ее силой, они вполне могут кинуться защищать ее.

— И все же рискнем, — ответила Сполар. — Надо извлечь ее оттуда прежде, чем чужаки запустят двигатели. Посылайте водолазов.

На экране появились две гладкие черные фигуры в гидрокостюмах, с лицами, скрытыми водолазными масками. Насыщенная кислородом вода Реки была пригодна для дыхания, но спасатели предпочли традиционное снаряжение. Пара быстро и слаженно поплыла в пучину. Затаив дыхание, Дженна напряженно наблюдала, ожидая продолжения.

С ошеломительной скоростью двое тэйд триссов развернулись и бросились на водолазов. Все в рубке дружно охнули — на экране закружились обрывки трубок и лоскуты неопрена вперемешку с тонкими ручейками крови. Не прошло и секунды, как голые, покрытые синяками водолазы отступили. Тэйд триссы вернулись к Марксер и увлекли ее за пределы досягаемости камеры. Комок в горле Дженны затвердел. Она глубоко вздохнула и шагнула к Сполар.

— Передайте шлюзу, что я иду.

— Что вы собираетесь сделать?! — рявкнула капитан.

— Я собираюсь спуститься. — Дженна изо всех сил пыталась не показать страха. — После этого все будет зависеть от тэйд триссов.

Когда она добралась до воздушного шлюза, водолазов уже отправили в изолятор. От задраенного люка тянулась цепочка кровавых следов. Здесь было жарко, но Дженну пробрала дрожь. У пульта ждал один-единственный техник: та самая женщина, которая много месяцев назад контролировала погружение

Дженны.

— Привет, доктор, — кивнула она. — Капитан Сполар просила вас связаться с ней.

— Спасибо. — Дженна включила интерком. На экране вспыхнуло искаженное линзами камер лицо Сполар.

— Доктор Ри, к вашему сведению, чужаки разорвали контакт. Не знаю, техническая ли это проблема или умышленный ответ на произошедшее. Вы по-прежнему намерены отправиться туда?

Дженна заколебалась. Она вдруг поняла, что меньше всего ей хочется возвращаться на инопланетный корабль. Раньше, оснащенная симбиотическими имплантатами и ольфакторным датчиком, она могла говорить с тэйд триссами на их собственном текучем, сказочном языке. Она стала одной из них — настолько, что едва не потеряла себя. Но теперь, без средств связи, женщина понятия не имела, как сделать так, чтобы ее поняли. Хуже того, Дженна боялась, не придется ли ей пожертвовать своим рассудком, закружившись снова в мире тэйдов. Ее тянуло развернуться и убежать, но вместо этого она твердо взглянула в крохотные линзы.

— Если не я, то кто?

Женщина начала раздеваться. Выпущенные из рук, комбинезон и ботинки поплыли к дальней стене. Гравитация заметно выросла — скорость вращения увеличилась, тэйд триссы готовились к отправлению. За спиной Дженны с тяжким вздохом открылась дверь в коридор.

— Какого черта, что ты задумала?

В проеме стоял Ястренко, глаза его были красны. Он шагнул к ней, но Дженна отступила, скрестив руки, пряча грудь. Хотя муж сотни раз видел ее голой, кожа стоящей перед ним в нижнем белье Дженны отчего-то покрылась мурашками.

— Марксер без сознания. Не знаю, в обмороке она или у нее судорога. В любом случае ее надо вытащить оттуда до того, как тэйды запустят двигатели.

— Значит, играешь в героя, да? — Полные щеки Ястренко побагровели. — Решила таким способом отомстить мне?

— Что? — Дженна разинула рот. — Дело не в тебе. Если уж на то пошло, то и не в Марксер тоже.

— Неужто? — Ястренко фыркнул. — Тогда почему бы не положиться на спасательные команды? Нет, ты швыряешь всем в лицо — вот, раненая героиня спасает соперницу.

— У меня нет времени на споры. — Злость вытеснила страх на задний план. Дженна рывком стянула бюстгальтер, избавилась от трусиков и бросила оператору: — Открывай шлюз.

Внешняя дверь с шипением затворилась. Игнорируя тяжелый

взгляд Ястренко, Дженна сосредоточилась на том, что ей предстоит. Меж тем давление воздуха в тесном отсеке ощутимо выросло. Женщина зажала нос и дунула, прочищая заложенные уши, затем шагнула к люку в полу и ухватилась за перила над ним. Крышка медленно скользнула в сторону. Колеблющаяся в люке вода походила на туго натянутую мембрану.

— Дженна, — голос Ястренко стал умоляющим, — не делай этого. Я не хочу снова потерять тебя.

Она встретилась с ним взглядом, но ничего не сказала. Не давая себе передумать, Дженна ступила в воду и оттолкнулась от поручней.

Река была теплой и густой, как околоплодные воды, и, как околоплодные воды, уютно окутала ее. Женщина отдалась течению, но легкие разрывала жажда воздуха. Когда эта жажда стала невыносимой, Дженна, борясь с инстинктами, вдохнула. Жидкость хлынула в горло, заполнила дыхательные пути, забулькала в носу. Она уже успела забыть, как неприятен переход. Справившись с незваной паникой, женщина вытолкнула из себя воду и вдохнула еще раз. Ощущение пустоты в груди пропало, кислород снова проник в кровь. Женщина рыгнула — это вышел, оставив дрянной привкус во рту, газ из желудка — и вдохнула снова. Терпкая, похожая на сироп вода омыла язык, дразня старыми, полузабытыми ароматами. Соль. Медь. Намек на лимон и уксус. Мед, моча, ржа. Повсюду вокруг дрейфовали тэйд триссы, порождая смесь неуловимых ощущений. Дженна попыталась распробовать этот коктейль, но не смогла. Без датчика запахов, который перевел бы слабые химические следы, она была глуха. Продолжая медленно опускаться, Дженна взглянула вниз, на мягко светящееся ядро.

Пара темных фигур поднималась из глубины навстречу ей. Дженна замерла. Все инстинкты кричали: «Беги!», и женщине стоило огромных усилий не повернуть обратно к шлюзу, который уже превратился в маленький белый прямоугольник над головой. Тэйд триссы по природе своей мирное племя, но, спровоцированные, способны атаковать. Дженна понимала, что сейчас жизненно важно оставаться спокойной. Подгребая кончиками пальцев, она приняла вертикальное положение в сильном течении, дожидаясь пары тэйдов, юных гермафродитов, еще не достигших половой зрелости. Дженна попыталась вспомнить их имена, но тщетно.

Ближайший тэйд погладил ее по лицу скользким холодным щупальцем. Пара часовых изучала гостью черными фасеточными глазами, поблескивающими всего в метре от ее собственных. Один из тэйдов открыл широкий рот и пропел короткую

переливчатую трель. Рот Дженны наполнился неодолимым вкусом чего-то, напомнившего женщине анчоусы.

— Прости, — ответила Дженна простой графической формой, которой тэйд триссы пользовались при радиопереговорах. — Я не понимаю тебя.

Тэйд повторил фразу, затем медленно отплыл. Дженна осторожно подняла правую руку. Часовые не шелохнулись, и она, продолжая эксперимент, вскинула обе руки над головой. И снова пара ничего не сделала. Дженна сочла это подтверждением того, что она прошла их проверку.

— Спасибо, — сказала она и не узнала собственный голос. Женщина наклонила корпус, готовясь плыть вниз, на поиски Марксер.

Острая боль обожгла пятку. Дженна охнула и кувыркнулась в потоке. Вокруг левой ноги колыхалось коричневое облако. Щупальце, нанесшее удар, последовало за ней, готовое хлестнуть снова. Куда уж яснее. Ей не разрешают погружаться дальше.

— Пожалуйста. Мне нужно найти друга. — Дженна попыталась не обращать внимания на иронию фразы. — Она больна. Мне надо забрать ее домой. — Она показала на голубоватое свечение вокруг вентиляционного клапана, снова нагнулась, на этот раз решительнее, чем раньше, и поплыла вниз.

Вода вокруг нее взорвалась. На тело обрушились хлесткие, вышибающие из груди дыхание удары, щупальца, недавно целовавшие ее лицо, теперь превратились в беспощадные кнуты. Лишенная возможности уклониться от бешеной атаки, Дженна свернулась клубком и только морщилась, когда часовые бичевали ее незащищенную кожу. Новый запах заструился в воде — запах ее собственной крови. Она почувствовала, что падает, кувыркаясь, увлекаемая течением в глубокие, густые воды Реки.

— Пожалуйста, остановитесь! — выкрикнула она, сама не понимая, говорит ли на родном языке или на языке тэйдов. Это не имело значения. Часовые, казалось, не могли — или не хотели — слушать. Странная отрешенность охватила женщину, осознавшую, что сейчас она умрет. — Стойте.

Слово пророкотало в окружающем пространстве, влилось с шипением в воду вместе с волной уксусной кислоты, такой едкой, что она обожгла раны на спине и ногах Дженны. Внезапно буря метущихся щупалец прекратилась. Прохладные водовороты огладили Дженну — часовые отпрянули от нее. Оглушенная женщина открыла глаза. Третий тэйд трисс, самка, размерами вдвое превосходящая молодых часовых, плыла на одном уровне с ней, следя за гостьей непроницаемыми темными глазами. Несмотря на боль, Дженна улыбнулась.

— Ищущая?

Зондирующие руки старой тэйд потянулись к Дженне и бережно погладили ее по спине. Кровь и рубцы, казалось, тревожили ее. Ищущая приблизилась к Дженне и заговорила — медленно, точно обращаясь к только что выклюнувшемуся из икринки мальку.

— Чужая сестра, — пророкотала она. — Почему ты вернулась?

— Мой друг болен, — повторила Дженна, надеясь, что применила правильную интонацию. — Пожалуйста. Можно ее увидеть?

Ищущая промолчала. Сердце Дженны упало. Она сообразила, что без вживленных хирургами приспособлений ее слова — всего лишь бессмысленный лепет для народа, среди которого она жила когда-то. Женщина глубоко вдохнула, впустив в легкие новую порцию густой солоноватой воды, но, прежде чем она успела сказать еще что-то, Ищущая открыла жаберные щели и выпустила горькую желтоватую струю. Далеко внизу тэйд триссы уловили запах ясной команды, и один тут же поднялся, почтительно остановившись возле Ищущей. Ошеломленная Дженна увидела в гнезде щупалец доктора Марксер. Древняя самка коснулась лба Дженны, затем точно так же дотронулась до Марксер.

— Твоя сестра? — издала она трель.

Дженна посмотрела на неподвижную женщину. Лицо Марксер окаменело, руки и ноги подергивались — судороги продолжали сотрясать ее нервную систему. Затем она перевела взгляд на Ищущую и приложила руку ко лбу.

— Да, — подтвердила Дженна. — Моя сестра.

Ищущая всплеснула хватательными руками в знак понимания.

— Сестра идет домой.

И огромная тэйд трисс издала новый приказ, зеленовато-золотой, так что тэйд под ней незамедлительно ринулся наверх, неся Марксер к шлюзу. Они остались одни, и Ищущая снова дотронулась до лба Дженны.

— Моя сестра остается? — Тэйд подыскивала простые слова, но чувства ее были ясны Дженне даже без датчика запахов. — Идет теперь с Рекой?

Дженна едва не сказала «да». Мысль о путешествии среди звезд с тэйд триссами на миг показалась ей жутко соблазнительной. Когда-то она была счастлива здесь, довольствуясь их бесконечными снами-грезами. Но, с грустью поняла она, то время ушло. Ее жизнь, пусть и претерпевшая крушение, течет в другом месте. Женщина почтительно подплыла

к Ищущей и прикоснулась к ее заостренной морде.

— Я иду домой, — сказала она.

Время как будто замерло. Дженна не дышала, боясь, что снова может соскользнуть в хитросплетения тэйдов, поглотившие ее когда-то. А Ищущая медленно вытащила из-под туловища какое-то маленькое устройство и протянула женщине. Дженна нерешительно потянулась к странному предмету. Гладкая серая керамика закручивалась и изгибалась нескончаемой петлей, словно моллюска-наутилуса вывернули и превратили во что-то опасное и чужое. Приборчик вибрировал, вода вокруг него потеплела. Дженна вгляделась в темные глаза Ищущей.

— Это один из твоих двигателей.

— Ты пришла за этим, да?

— Да, — тихо ответила Дженна.

Массивная тэйд втиснула устройство в руки человека.

— Добра тебе, сестра.

Хватательные руки Ищущей в последний раз приласкали женщину, а потом тэйд исчезла в водовороте. Дженна же направилась наверх. Тэйды у шлюза расступились широким кольцом, пропуская ее. Женщина задержалась под люком, огляделась напоследок и ринулась в освещенный прямоугольник. Сильные руки схватили ее и помогли взобраться на палубу. Дженна рухнула на колени, выкашливая из дыхательных путей воду. А Ястренко, как будто раздосадованный чем-то, закутал ее плечи одеялом.

— Слава богу, ты вернулась, — сказал он. — Ты в порядке? Дженна утерла лицо краем одеяла и обвела взглядом тесное помещение. Марксер лежала на носилках, в окружении медиков, с вставленным в горло дыхательным аппаратом. Вроде бы ей уже стало лучше. Приборчик, подаренный Дженне Ищущей, все еще пульсировал. Извлеченный из воды, он казался тяжелее, более насыщенным энергией, почти живым. Женщина осторожно передала устройство техникам. Ястренко шагнул к жене, но ее нахмурившиеся брови остановили его. Дженна не готова была простить его. Пока не готова. После всего, что произошло, она сомневалась, что все это имеет значение.

— В порядке ли я? — Она, пошатываясь, поднялась и спокойно отрезала: — Нет. Но буду.

Уолтер Йон Уильямс
День инкарнации [126]

Я восхищаюсь вашей мудростью и способностью понимать, доктор Сэм, потому и желаю беседовать с вами. О том, как Фриц встретил Голубую Даму, и что случилось с Дженис, и почему ее мать решила убить ее, и что в конце концов из всего этого вышло. Мне необходимо во всем разобраться, а для этого мне нужен настоящий друг. Которым для меня являетесь вы.

Дженис всегда насмехается надо мной за то, что я говорю с вымышленным собеседником. Еще больше она забавляется по поводу того, что мой воображаемый друг — англичанин, умерший сотни лет назад.

— Ошибаешься, — сказала я ей, — доктор Сэмюэл Джонсон[127] реально существовал, так что воображаемым его называть нельзя. Воображаемыми являются только мои с ним беседы.

Мне кажется, Дженис не понимает той разницы, которую я ей пытаюсь объяснить.

Но я знаю, что вы меня поймете, доктор Сэм. Вы понимаете меня с тех самых пор, как я с вами познакомилась на занятиях, где рассказывали про век рационализма, и я поняла, что вы не просто говорили и делали то, что позволило вам обрести бессмертие, но говорили и делали это, болтаясь по кабакам с актерами и поэтами.

А это — жизнь почти идеальная, как мне кажется.

Я считаю, что Дженис полезно было бы тоже беседовать с каким-нибудь «доктором Сэмом». Тогда она, возможно, намного меньше досадовала бы на жизнь.

Я имею в виду вот что: когда я испытываю сильный стресс, пытаясь разобраться в уравнениях парамагнитного резонанса электрона или в чем-нибудь подобном, и мне просто невыносимо впихивать в свой мозг еще одну порцию знаний, я всегда могу представить себе моего доктора Сэма — большого толстого мужчину (хотя в те времена, как мне кажется, употребили бы слово «дородный») — толстого мужчину в смешном парике, одной рукой делающего величественный жест и говорящего совершенно мудро и серьезно: «Всякое интеллектуальное совершенствование, мисс Элисон, порождается досугом».

Кто мог бы сказать это лучше него? Кто еще мог бы быть так разумен и мудр? Кто мог бы так хорошо понимать меня?

Среди моих знакомых таких, конечно, не найдется.

(Я еще не говорила, насколько мне нравится то, что вы называете меня мисс Элисон?)

Можно начать и с Дня инкарнации Фахда на Титане. Это была первая инкарнация в Отряде Славной Судьбы, поэтому, естественно, присутствовали мы все.

Празднование было тщательно спланировано, чтобы во всей красе показать нам самый крупный спутник Сатурна. Сначала нас должны были погрузить на «Кассини Ренджер», корабль, находящийся на орбите Сатурна и обслуживающий все поселения на его спутниках. Потом нам предстояло сесть в индивидуальные капсулы и быть сброшенными в плотную атмосферу Титана. Нам предоставлялась возможность покружить в воздухе, влетать и вылетать из метановых туч, гоняться друг за другом по облачному небу Титана, замутненному фотохимическими веществами. После этого мы должны были покататься на лыжах на леднике Томаско, побывать на торжественном ужине в честь Фахда, а потом отправиться кататься на коньках по метановому льду.

Всем нам положено было носить тела, соответствующие характерным для Титана пониженной гравитации и высокому атмосферному давлению, — то есть крепкие, приземистые, покрытые шерстью, с шестью ногами и куполообразной головой, торчащей впереди, между парой рук.

Но мое тело будет выдано мне специально для этого случая — это одно из тех тел, которые держат на курорте для проката туристам. А для Фахда все будет по-другому. Он проведет следующие пять-шесть лет на орбите вокруг Сатурна, после чего у него появится возможность перебраться куда-нибудь еще.

Шестиногое тело, в котором он окажется, будет его собственным — первым из его тел. Он получит инкарнацию, то есть юридически станет взрослым и юридически же будет признан человеком, несмотря на свои шесть ног и густую шерсть. У него будут собственные деньги и имущество, работа, и на него будут полностью распространяться права человека.

Чего пока не скажешь о нас, остальных.

После ужина, где Фахд формально обретет статус взрослого и гражданство, все мы отправимся кататься на коньках на метановом озере под ледником. Потом нас загрузят обратно, и мы вернемся домой.

Все, кроме Фахда, у которого начнется новая жизнь. Отряд Славной Судьбы отдаст первого из своих членов межпланетной цивилизации.

Я завидовала Фахду по поводу его инкарнации — завидовала его шестиногому телу, его независимости и даже его должности, которая, вообще-то, не казалась мне особенно блистательной.

Четырнадцать лет пробыв скоплением электронов, носящихся по квантовой матрице, я хотела настоящей жизни, пусть даже это означало бы тело с двенадцатью дюжинами ног.

Мне кажется, что, поскольку вы родились в эпоху, когда электричество пытались получить с помощью воздушных змеев, тут я должна пояснить, что на момент празднования в честь Дня инкарнации Фахда я не совсем была человеком. Не была им юридически, да и физически, само собой.

В старые времена, когда люди еще только обустраивались в первых поселениях за пределами Марса, в поясе астероидов и на лунах Юпитера, а затем Сатурна, ресурсов не хватало. Самое необходимое, например воздух и воду, приходилось завозить из других мест, и это очень дорого обходилось. А окружающая среда, конечно же, была очень опасна — в первые годы сохранялся невероятно высокий уровень смертности.

К счастью, люди в основном глупы, иначе никто не отправлялся бы на эти планеты.

И все же поселения должны были расти. Им нужно было обрести самодостаточность и не зависеть от исходных миров на Земле, Луне или Марсе, ведь этим мирам рано или поздно надоело бы высылать им ресурсы, не говоря уже о замене всех тех людей, которые нелепо гибли в несчастных случаях. А для независимости требовалось, помимо прочего, обеспечить растущее или, по крайней мере, стабильное население, а это означало необходимость заводить потомство.

Но на детей требуется тратить много ресурсов, которые, как я уже отмечала, были немногочисленны. Поэтому первым поселенцам приходилось обходиться детьми виртуальными.

Должно быть, поначалу это давалось непросто. Родителям, чтобы обнять младенца, нужно было надеть головную гарнитуру и специальный костюм. Ведь объективно ребенок представлял собой лишь огромное число строк компьютерного кода…

Достаточно будет сказать, что нужно было изо всех сил желать иметь такого ребенка. Особенно потому, что к нему нельзя было физически прикоснуться до тех пор, пока он не станет взрослым, и только тогда его загружали в тело, выращенное специально для него в кювете. Теоретически все обосновывалось тем, что бессмысленно держать в поселении кого-либо, кто не сможет вносить свой вклад в экономику и оплачивать имеющиеся скудные ресурсы, поэтому воплощение потомков должно было осуществляться только тогда, когда они уже вырастали и обретали способность работать и вносить плату за кислород.

Из всего сказанного вы можете сделать вывод, что жизнь первых поселенцев в новых краях была нелегкой.

Сейчас все намного проще. Для того чтобы перемещаться по виртуальным мирам, человеку достаточно щелкнуть воображаемым переключателем. И он получает подробные сенсорные данные, сообщаемые ему несколькими наномерными компьютерами, вмонтированными в его мозг, поэтому для того, чтобы потрогать своего малыша, не нужно надевать неуклюжие рукавицы. Своего отпрыска можно покачать на ручках, поиграть с ним, учить его говорить и даже кормить. Как утверждают, жизнь в виртуальных мирах реалистична на сто процентов, хотя мне кажется, что скорее на девяносто пять, и то лишь в тех областях, в которых намеренно изображается реальность, — а ведь кое-где таких попыток и не делается. Некоторые элементы реальности не воспроизводятся, и в этом есть свои преимущества — по крайней мере для родителей. Ребенок не пускает слюни, не пачкает подгузники, не срыгивает. Когда малыш спотыкается и падает, он чувствует боль, — ведь надо же научить его не падать и не стукаться головой о предметы, — но при этом не бывает ни сотрясений, ни переломов. И несчастных случаев с фатальным исходом из-за разлитого горючего или неосторожного обращения с вакуумом тоже не бывает.

Наши родители позаботились и о том, чтобы предотвратить несчастные случаи иного рода. Такие, как незапланированная беременность, случайное употребление алкоголя, нечаянное знакомство с наркотиками.

Случайные азартные игры. Случайный вандализм. Случайный суицид. Случайное присвоение чужой собственности. Случайный захват чужого блока для выхода за борт и катание на нем среди астероидов.

Случайные развлечения. Поскольку, можете мне поверить, взрослые все устроили здесь так, что любые развлечения спланированы заранее.

Да, доктор Сэм, неплохо жить, когда ты уже взрослый. Дети твои здоровы, умны и чрезвычайно образованны. Они живут в безопасном, хорошо организованном мире, наполненном восхитительными познавательными возможностями, полезными для здоровья командными видами спорта, семейными развлекательными программами и играми, в которых вырабатывается умение прилагать коллективные усилия, сотрудничать и быть хорошими гражданами.

От всего этого меня тошнит. То есть тошнило бы, если бы я могла это чувствовать, но я не могу. (Я еще не говорила, что случайной булимии у нас тоже нет?)

«Тело наше — сплошной порок, мисс Элисон, а разум — сплошная добродетель».

Вот именно, доктор Сэм. И как раз о пороке я надеюсь получше все разузнать. Это, конечно, как только у меня будет тело.

Мы понимали, что нам не светит особенно предаваться пороку в День инкарнации Фахда, но все члены Отряда Славной Судьбы с восторгом ожидали этого момента и, возможно, немного завидовали тому, что Фахд наконец станет взрослым, воплотится в настоящем мире и сможет испытать все его радости. И не важно, что ему предстоит торчать на обледеневшей луне и что работа инженера-электрика довольно тосклива.

Как мне кажется, всякая работа тосклива, поэтому Фахду ничуть не хуже, чем остальным.

Несколько дней перед празднованием я как-то избегала Фрица. Поскольку существуем мы в электронной форме, нам несложно избегать друг друга — мы просто становимся невидимыми для другого человека и не отвечаем на его послания, но мне не хотелось его обидеть.

Фриц в конце концов был членом нашего отряда.

Поэтому я старалась найти себе побольше дел, чтобы не было времени общаться с Фрицем, — я была слишком занята учебой, или работой, которую делала для Дейна, или проектами, которые мы выполняли с другими членами отряда. Но за несколько часов до нашего отправления на Титан, когда мы с Бартоломео и Пармайндер сидели в конференц-зале и выполняли задание к занятиям по искусственному интеллекту, Фриц постучал к нам в дверь, и Бартоломео впустил его, не дав нам с Пармайндер успеть подать ему знак, что делать этого не следует.

Итак, входит Фриц. Поскольку мы существуем в электронной форме, предстать друг перед другом мы можем в любом виде, например в образе Марии Шотландской или в виде вихря снежинок, или даже в вашем облике, доктор Сэм. Все мы экспериментируем с собственной внешностью. В данный момент я чаще всего использую аватару, напоминающую женский портрет Пикассо, — он иногда выворачивал лица на своих полотнах так, что человека или какую-то его часть было видно со всех сторон, и мне это кажется интересным, поскольку весь мой образ меняется в зависимости от того, под каким углом смотреть.

Фриц в качестве аватары использовал изображение второстепенного актера из боевиков, Нормана Исфахана. Он выглядел неплохо, по крайней мере если вы могли не вспоминать те жалкие фильмы, в которых он снимался, только вот Фриц добавил к образу нотку индивидуальности в виде круглой, как шар, красной шляпы. Ему казалось, что в шляпе он смотрится классно, но в действительности она казалась нелепой и сам он

вызывал жалость.

Мгновение Фриц глядел на меня с туповатой улыбкой, и Пармайндер отправила мне личное электронное сообщение с выражением сочувствия. Я была благосклонна к Фрицу, и за последние несколько месяцев он повсюду за мной следовал, везде, где только было возможно. Иногда он проводил со мной много часов, не произнося ни слова, иногда все время говорил, не давая мне и рта раскрыть.

Я делала для него все что могла, но у меня была и своя жизнь. И друзья. И семья. И я не хотела, чтобы этот человек всякую минуту находился со мной, поскольку, пусть он и вызывал у меня жалость, его присутствие приносило сплошное разочарование.

«Дружба не всегда является результатом взятых обязательств». Увы, доктор С, как же это верно.

Фриц был единственным членом нашего отряда, который вышел не таким, как было задумано. Нас, то есть программное обеспечение, которым мы являемся, создают, опираясь на реальность, на основе ДНК наших родителей. Подбирают удачное сочетание генов, закладываются некоторые наши особенности, и тут играет роль мнение социологов, которые отмечают, какие особенности потребуются следующему поколению, и все данные собираются блестящим искусственным интеллектом, и в конце концов появляется виртуальный ребенок.

Но иногда, несмотря на весь интеллект живых и неживых существ, участвующих в этом процессе, случаются и ошибки. Одной из них стал Фриц. Его нельзя было назвать глупым — он был так же умен, как и остальные, — но его умственные реакции проявлялись не в том плане, в каком полагалось. Совсем маленьким он мог часами не разговаривать и не общаться со всеми нами. Родители Фрица, Джек и Ганс, оба были программистами и верили, что проблему можно решить. И они обратились с жалобой, и тогда то ли они, то ли искусственный интеллект, то ли кто-то еще написал к программе патч,[128] который должен был решить проблему, — и Фриц вдруг стал активным, злобным и начал драться с людьми, а иногда без всякой причины начинал вопить и мог так вопить часами напролет.

И тогда Ганс и Джек снова стали работать над кодом, и появился новый патч, и на этот раз Фриц стал воровать, — правда, живя в числовой модели, украсть по-настоящему ничего нельзя, поскольку владелец легко может отыскать любой виртуальный объект, просто отправив электронный запрос.

И вот Фрица снова стали приводить в порядок; и так

продолжалось годами. Так что хотя никто из отряда не был человеком в полном смысле слова, Фриц был им еще меньшей степени, чем кто-либо из нас.

Мы старались помочь ему изо всех сил. В конце концов мы были одним отрядом, а члены отряда заботятся о своих. Но наши возможности были небезграничны. Мы слышали о непредвиденных петлях обратной связи, об авариях в подсистемах и о странных квантовых переносах, в результате которых возникает психическая реакция бегства. Думаю, что специалисты на самом деле не особенно понимали, что происходит. Мы тоже.

Было много непонятных моментов, касавшихся того, что случится, когда Фриц инкарнируется. Если все его проблемы были вызваны мелкими сбоями в программе, то исчезнут ли они, когда он станет плотью и перестанет быть программой? Или же эти недочеты приведут к короткому замыканию у него в мозгу?

Изучение похожих случаев не давало особо утешительных ответов на такие вопросы.

А потом Фриц стал моей проблемой, потому что сильно ко мне привязался и повсюду следовал за мной.

— Привет, Элисон, — произнес он.

— Привет, Фриц.

Я сделала вид, что очень занята своей работой, хотя это не так-то просто для Женщины с портрета Пикассо, хотя бы потому, что облик мой выглядел весьма абстрактно.

— Скоро мы отправимся на Титан, — сказал Фриц.

— Угу, — ответила я.

— Не хочешь ли поиграть со мной в шпионов? — спросил он.

В тот момент я была рада, что обладаю внешностью Женщины с портрета Пикассо, а не плотью прошедшего инкарнацию существа, поскольку понимала, что, будь у меня настоящее тело, я покраснела бы.

— Конечно, — ответила я. — Если наши капсулы окажутся неподалеку, когда мы будем входить в атмосферу. Но нас может разнести далеко друг от друга.

— Я тренировался в симуляциях, — сообщил Фриц. — И игра в шпионов стала у меня хорошо получаться.

— Фриц, — обратилась к нему Пармайндер, — сейчас мы работаем над проектом по искусственному интеллекту. Давай попозже поболтаем, уже на Титане?

— Само собой.

И я отправила сообщение с благодарностью Пармайндер, которая вместе со мной и с Дженис участвовала в заговоре и понимала, что Фрица в наши планы посвящать нельзя.

Вскоре после этого моя электронная сущность была передана с Цереры с помощью мощных коммуникационных лазеров и загружена в реальное тело, и не важно, что у этого тела было шесть ног и оно мне не принадлежало. Тело было уже одето в скафандр и находилось в капсуле для посадки — никому же не нужно, чтобы мы, в телах, к которым еще не успели привыкнуть, в условиях нулевой гравитации болтались по «Кассини Ренджер» туда-сюда, — так что возможностей устроить себе какие-то развлечения у меня особенно и не было.

И это было неплохо. Я находилась в теле впервые и полностью погрузилась в наблюдение за всеми небольшими отличиями между реальностью и симуляциями, в которых я выросла.

В действительности, как мне показалось, все было немного потише. В симуляциях многие вещи конкурируют, стремясь добиться вашего внимания, а теперь мне было нечем заняться, и оставалось только прислушиваться к собственному дыханию.

А потом громыхнуло и сильно тряхнуло, но толчок был самортизирован вспененной прослойкой, и меня запустили в космическое пространство, направив в сторону оранжевого шарика — Титана; позади него виднелась огромная бледная сфера — Сатурн.

Зрелище, которое нам открылось, несколько разочаровывало. Как правило, мы видим Сатурн в электронной обработке, подчеркивающей малейшие различия оттенков. В действительности же эта планета больше напоминает бледную каплю, покрытую неясными бурыми полосами, а в южном полушарии заметна небольшая рваная каракуля — бури.

К сожалению, я не могла хорошо разглядеть кольца, потому что они были направлены ко мне ребром, напоминая прямое серебряное лезвие ножа, пролетающее через живописный холст.

Кроме Титана, я видела еще полдюжины спутников. Я узнала Риону и Рею, и Энцелад, потому что он был такой яркий. Легко определялся Иапет, наполовину светлый и наполовину темный. Виднелись еще многие крошечные светящиеся точки, которые, возможно, были Атласом или Паном, Прометеем или Пандорой, а может, и какими-то из множества других спутников.

У меня не было времени определить, какие же еще спутники я вижу, поскольку Титан становился все больше и больше. Он был тускло-оранжевого цвета, и лишь по самому краю шла голубая дымка. Если не считать этого голубого ореола, Титан настолько же оранжевый, насколько Марс — красный, то есть оранжевый цвет окружает тебя в течение всей посадки, а после приземления все оказывается еще более оранжевым.

Похоже, первые годы своей взрослой жизни Фахду придется провести в достаточно скучном месте.

Я понимала, что если бы это путешествие я проделывала в симуляции, то текущий фрагмент прошла бы в режиме ускоренного воспроизведения. Если и остальная реальность окажется такой скучной, что же, такова моя судьба.

Когда капсула влетела в атмосферу, все неожиданно оживилось. Было много шума, и капсула загремела и затряслась, а в окошке смотрового порта показались яркие языки пламени — ионизирующая радиация. Я почувствовала, что у меня быстрее заколотилось сердце, и я стала чаще дышать. Это же *мое* тело швыряло туда-сюда, *мои* нервные импульсы пробегали по *моему* позвоночнику. Было намного интереснее. Этим и отличалась реальность от симуляций, пусть я и не могла сказать, в чем именно заключается различие.

«Это то самое различие, мисс Элисон, которое существует между неокультуренным благоговейным ужасом, который мы можем испытывать при виде благородного дикого зрелища, обнаруженного нами в природе, и тем чувством, которое пробуждает в нас напыщенный трагический актер, который важничает и пыхтит на сцене в порыве зловещей ярости, пытаясь описать ту же самую картину».

Благодарю вас, доктор Сэм.

«Мы, живущие для того, чтобы приносить удовольствие, должны получать удовольствие от жизни».

Некоторое время мне было ничего не видно, а потом капсулу встряхнуло, и послышался грохот и стук — раскрылся тормозной парашют, — и вот меня бешено закачало из стороны в сторону в наступившей тишине, а сердце мое быстро застучало; ветра, свирепствующие в верхних слоях атмосферы, соперничали за право обладать моей капсулой. Далеко в высоте я видела полоски ионизированного газа, которые оставляли капсулы остальных членов отряда, двигавшиеся в мою сторону.

И только тогда, когда вокруг стало не на что смотреть — кругом был только оранжевый туман, — я поняла, что благоговейный трепет от всего, что я видела вокруг, был настолько сильным, что заставил меня забыть о необходимости наблюдать. И я начала ругать себя за это.

Недостаточно просто внимательно смотреть, если хочешь заниматься изобразительным искусством, а именно к этому я стремлюсь больше всего. Благородное дикое зрелище (как вы это назвали бы, доктор Сэм) — это не только красивый вид, но и целый круг проблем практического характера. Пропорции, цвета, фактуры. Выразительные средства. Идеи. Рамки. Решения. Когда

была возможность, я ни о чем таком не подумала, а теперь было слишком поздно.

Я решила быть повнимательнее, но снаружи уже ничего не происходило, лишь ацетиленовая крупка вспыхивала, ударяясь о раскаленную поверхность капсулы. Я посмотрела на дисплей, отражающий движение капсулы, и на карту поверхности Титана. Так что я была уже готова, когда получила личное сообщение от Дженис:

— Элисон. Ты готова?

— Конечно. А как же.

— Это будет великолепно.

Я тоже на это надеялась. Но в каком-то уголке сознания я то и дело слышала голос доктора Сэма: «Помните, что все хитрости бывают либо подлыми, либо инфантильными».

Моя выходка по отношению к Фрицу была и подлой, и инфантильной одновременно.

Я иногда подрабатывала у Дейна, специалиста по коммуникациям, потому что такая работа позволяла получить настоящие деньги, а не баллы за гражданскую деятельность, которые нам начисляли в симуляциях. И Дейн передал мне часть работы по подготовке Дня инкарнации Фахда, так что у меня была возможность распределить, кто в каких капсулах отправится.

Я поместила Фрица в капсулу, которой предстояло быть запущенной на Титан в последнюю очередь. А капсулы тех из нас, кто участвовал в заговоре, возглавляемом Дженис, — это были Дженис, Пармайндер, Энди и я, — были запущены первыми.

По сути это означало, что на Титане мы окажемся на пять-шесть минут раньше Фрица, таким образом, у него не было шансов нас нагнать. На некоторое время он станет не моей, а чьей-то чужой проблемой.

Я пообещала себе, что потом буду обращаться с ним как можно лучше, но это не помешало мне чувствовать себя подлой и инфантильной.

После того как мы вошли в атмосферу Титана и, некоторое время покрутившись и помотавшись из стороны в сторону, подлетели к разрыву в облаках, я наконец смогла увидеть неровную поверхность Титана. Обледеневшие горы, сугробы метанового снега, сияющие оранжевым этановые озера, кое-где — кратеры. Вдалеке, в долине между двумя горами, на которых громоздились валуны, шел гладкий склон ледника Томаско, будто созданный для катания на санках. В стороне, на плато, мигали огоньки, отмечавшие зону нашей посадки.

А прямо подо мной было этановое облако, в котором вскоре

скрылась моя капсула. Здесь парашют был сброшен, и, пока не раскрылись аэродинамические поверхности, капсула падала так, что у меня будто скручивало желудок. Я не привыкла к таким ощущениям — вспомните, если вам угодно, мои прежние замечания по поводу тошноты, — поэтому лишь через нескольку секунд я смогла прийти в себя и начать управлять капсулой, которая теперь стала планирующим летательным аппаратом, большим и маневренным.

Нет, прежде мне не доводилось управлять летательным аппаратом. Но я последние несколько недель тренировалась в симуляциях, да и технология была безотказной. Для того чтобы пострадать самой или нанести повреждения другим, и мне, и бортовому компьютеру требовалось допустить какие-то просто чудовищные ошибки. Взяв на себя управление капсулой, я направилась к секретному месту встречи, назначенному Дженис.

Когда капсулы падают в атмосферу, можно развлечься разными играми. Можно развернуть аэродинамические поверхности так, чтобы они образовали красивые, замысловатые фигуры.

(Мне кажется, если вокруг густые облака, то это будет очень глупо.) Можно поиграть в шпионов — что мне и предлагал сделать Фриц, — в этом случае следуешь точно над другой капсулой, над ее аэродинамическими поверхностями, чтобы тебя было не видно, и нужно повторить каждый маневр капсулы, летящей под тобой, которая при этом пытается уклониться от тебя и совершить такой маневр, который позволит ей оказаться выше тебя. Можно устраивать гонки, то есть участники пытаются раньше других достичь некоторой точки в небе. А можно просто носиться туда-сюда, мелькая в небе, и это, пожалуй, не менее забавно, чем все остальное.

Но у Дженис были другие планы. И Пармайндер, Энди и я, обычно составлявшие Дженис компанию в ее приключениях, решили, по нашему обыкновению, участвовать в ее замысле. (Нравится ли вам, как я использую выражение «по обыкновению», доктор Сэм?) А еще два члена отряда, Мей и Бартоломео, присоединились к нашей группе, не зная о нашем тайном замысле.

Для маскировки мы решили сделать вид, что играем в шпионов, и оказалось, что эта игра мне дается очень хорошо. Здесь важно уметь не просто летать, но чувствовать пространственные отношения, а тому, кто хочет заниматься изобразительным искусством, следует хорошо в этом разбираться. Я больше времени, чем остальные, провела наверху, над капсулами одного или более игроков.

Хотя, возможно, остальные не сосредоточились на игре. Ведь мы не только выполняли замысловатые спиралеобразные маневры, поскольку нашим прикрытием была игра в шпионов; нет, нам приходилось еще и внимательнейшим образом следить за тем, как дуют ветры на разной высоте, — для этого у нас были лазеры, просвечивающие облака насквозь, кроме того, нам постоянно передавали метеорологические данные с поверхности планеты, — и мы использовали как маневры, так и подходящие ветра, чтобы постепенно отклониться от предписанной посадочной площадки и направиться в сторону выбранной нами цели.

Я все время ждала сообщений от Фрица о том, что он хочет присоединиться к нашей игре. Но он не написал. Я решила, что он без нас нашел чем себя развлечь.

Все то время, пока мы выписывали фигуры высшего пилотажа, Дженис посылала нам сообщения с корректировками курса и высоты, и благодаря ее навигационным рекомендациям мы оказались на краю участка с пониженным давлением, откуда нас понесло в сторону цели со скоростью около двухсот километров в час. И вот тогда Мей развернула свою капсулу и начала спускаться в сторону посадочной площадки.

— Мне только что прислали предупреждение о том, что мы находимся на самом краю зоны перелета, — сообщила она.

— Поняла, — ответила я.

— Да-да, — сказала Дженис. — Мы знаем.

Мей устремилась вниз и в сторону, за ней последовал Бартоломео. Остальные продолжили подниматься с потоком бешеного ветра. Теперь мы уже не притворялись, что играем в шпионов, а старались улететь подальше.

Наземное управление с посадочной площадки связалось с нами позже, чем мы ожидали.

— Капсулы шесть, двадцать один, тридцать, — произнесла диспетчер наземного управления. У нее был такой ровный, спокойный голос, которым обычно обращаются к детишкам, чтобы уговорить их кушать не конфеты, а шпинат. — Вы вышли за пределы безопасного расстояния от посадочной площадки. Немедленно разворачивайтесь и следуйте на посадочный маяк.

Я ждала, что ответит Дженис.

— С участка, на котором мы находимся, нам проще добраться до Томаско, — ответила она. — Мы просто направимся к леднику и там встретим всех остальных.

— Программой полета предусмотрена посадка на озере Саутвуд, — ответил голос. — Просим вас немедленно настроиться на посадочный маяк, и включите свои автопилоты.

Дженис ответила громко и нетерпеливо:

— Посмотрите программу полета, которую я вам высылаю! Так будет проще и быстрее добраться к Томаско! Ветер несет нас в ту сторону со скоростью сто восемьдесят километров в час!

Две-три минуты ответа не было. Потом голос раздался снова, и теперь он звучал недовольно:

— Получено разрешение на изменение программы полета.

Я с облегчением расслабилась внутри своего скафандра, ведь мне не пришлось переживать нравственный кризис. Мы все поклялись, что будем следовать программе полета, составленной Дженис, независимо от того, получим ли разрешение наземного управления, но это еще не означало, что мы обязательно так поступили бы. Дженис, конечно же, действовала бы так, как решила, а вот я вполне могла бы и передумать. Если бы рядом был Фриц, у меня был бы повод направиться на указанную нам посадочную площадку вместе с ним, — мы не хотели брать его с собой, поскольку он мог не справиться с посадкой, которая проводилась на участке, не являвшемся абсолютно плоским.

Мне приятно думать, что я все равно последовала бы за Дженис. Ведь раньше я всегда делала именно так.

И, честно говоря, этим все и кончилось. Если бы это был один из тех видеофильмов, одобренных взрослыми, на которых мы были воспитаны, то что-нибудь произошло бы совершенно не так, как мы рассчитывали, и случилась бы ужасная авария. Пармайндер погибла бы, а мы с Энди провалились бы в расселину или были бы завалены тоннами метанового льда, а Дженис пришлось бы приложить невероятные, героические усилия, чтобы спасти нас. В конце Дженис усвоила бы Важный Жизненный Урок о том, что лучше следовать Руководству Мудрых и Опытных Старших, а не выкидывать дикие фокусы и проявлять непослушание.

По сравнению с этим реальные события оказались довольно бледными. Атмосферный фронт нес нас почти до самого ледника, а потом мы нырнули вниз, где погода была поспокойнее. Мы по спирали спустились и совершили мягкую посадку на чистом снегу, на вершине ледника Томаско. Аэродинамические поверхности аккуратно сложились, атмосферное давление внутри капсул сравнялось с давлением на поверхности спутника, открылись люки, и мы, в скафандрах, вышли на Титан.

Меня охватила радость. Никогда прежде моя нога — настоящая нога — не ступала на настоящей планете, и, пробираясь по снегу, испытывая обжигающую радость, я ликовала от ощущения всех тех маленьких деталей, которые меня окружали.

Хруст замерзшего метана под моими ботинками. Ветер, поднимавший вверх длинные полосы снега, которые с тихим шипением ударялись о мое переднее стекло. Обогреватели скафандра, которые работали неравномерно, так что некоторые части моего тела оставались прохладными, а некоторым становилось жарко.

Все это воспринималось не так непосредственно, как в симуляциях, но и такой точности деталей я тоже не припоминала. Даже тот полиамидный запах, которым тянуло от теплоизоляционного слоя наших скафандров, был резче, чем обобщенный запах скафандров, привычный нам по симуляциям.

Все это было настоящим, и это было чудесно, и хотя мое тело выдали мне на время, я все равно получала такое удовольствие, как еще никогда в жизни.

На своих шести ногах я понеслась к Дженис и бросилась на нее, охваченная радостью и теплыми чувствами к ней. (Не так-то просто обниматься, когда на тебе скафандр.) Потом подбежала Пармайндер и налетела на нее с другой стороны.

— Наконец-то мы выбрались из Платоновой пещеры! — сказала она; Пармайндер всегда выражается такими неясными намеками. (Потом я нашла, к чему это относится, и поняла, что она точно выразила суть ситуации.)

Те, кто должен был выдать нам спортивное снаряжение на вершине ледника, так рано нас не ждали, поэтому в нашем распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы поиграть в снежки.

Мне кажется, что играть в снежки не так весело, когда все тело закрывает гермокостюм, но ведь каждый из нас по-настоящему играл вснежки впервые, и поэтому мы все равно получили огромное удовольствие.

Мы уже надевали лыжи, а шаттл, на котором находились остальные члены нашего отряда и их капсулы, еще только подлетал. Мы видели, как они смотрят на нас в желтые иллюминаторы шаттла, и лишь помахали им руками и устремились вниз с ледника. Нас сопровождал взрослый, решивший присоединиться к нам на случай, если мы попытаемся выкинуть еще что-нибудь, не входящее в сборник предписаний.

Катание на лыжах — не особенно опасный вид спорта, если у тебя шесть ног, а туловище подвешено над самой землей. Лыжи здесь короткие, едва длиннее коньков, поэтому они не зацепляются одна за другую; упасть очень трудно — самое худшее, тебя может закружить, и остановить это вращение удастся не сразу. К тому же мы тренировались на имитационных моделях, и ничего плохого с нами не случалось.

Интереснее всего было прыгать с трамплинов, высеченных в леднике через равные промежутки. Благодаря пониженной гравитации на Титане можно, подпрыгнув, взлететь очень высоко и долго оставаться в воздухе. Из-за того, что атмосфера на Титане плотная, ты, расставив конечности в стороны, зацепляешься за этот густой воздух и почти паришь, особенно если ветер дует в нужную сторону и тебя поднимает восходящий поток. Это было так непривычно и волнительно — зависнуть в воздухе, слышать свист ветра вокруг суставных сочленений твоего скафандра, лететь навстречу блестящему оранжевому снегу, а в ушах эхом раздавались твои собственные радостные вопли.

«Я большой сторонник публичных развлечений, поскольку они ограждают людей от порока».

Ну, пожалуй, и так. Посмотрим.

Самым лучшим в катании на лыжах было то, что я не настолько увлеклась, чтобы забыть о необходимости наблюдать. Я думала о том, как можно передать матовый оранжевый цвет ледника, бешеные каракули, оставленные в снегу тремя парами лыж, бесконтрольно выписывающими круги под нависшим над поверхностью телом, небольшие хрустящие волны на поверхности, вылепленные непрерывно дующим ветром.

Ни ледник, ни озеро не остается постоянно в твердом состоянии. Иногда на Титане формируется теплый фронт, от которого тает верхний слой ледника, и жидкий метан стекает с горы и образует озеро. Когда это случается, горнолыжный курорт разваливается и расползается на своих колеях. Но рано или поздно все снова замерзает, и курорт восстанавливается.

По широкому, остекленевшему оранжевому спуску мы скатились прямо на озеро, откуда были видны далекие огоньки курорта. На лыжах мы въехали в большой шарообразный ангар, сделанный из какой-то прочной ткани и надутый; там персонал снял с нас гермокостюмы и выдал маленькие войлочные бахилы. Я отлично провела время, но прошло несколько часов, и я чувствовала усталость. Сейчас банкет в честь Дня инкарнации был как раз кстати.

Болтая и смеясь, мы группками расположились вокруг столов с угощением и стали пробовать множество таких продуктов, с которыми мне еще не приходилось иметь дела в симуляциях. (В симуляциях нам приходится есть, чтобы привыкнуть к мысли об этом, и не уморить себя нечаянно голодом после инкарнации, а заодно — чтобы мы научились правилам поведения за столом, но вкус продуктов бывает обычно несколько однообразным.)

— Классная штука! — сказала Дженис, жуя какое-то выращенное в специальных резервуарах хрустящее блюдо; я уже

успела его попробовать и нашла ужасным. Она протянула тарелку остальным. — Попробуйте! Вам понравится!

Я отказалась.

— Что ж, — сказала Дженис, — если тебя пугает новое… Вот так обращается с тобой Дженис — настаивает, чтобы все окружающие приобщились к ее жизненному опыту, и злится, если ты не находишь ее жизнь такой великолепной, как считает она сама.

Почти в этот момент Энди и Пармайндер начали давиться тем блюдом, которое Дженис уговорила их отпробовать, и она снова засмеялась.

Остальные члены отряда подтянулись примерно через час, и начался настоящий пир. Я посмотрела на собравшихся за длинным столом: сорок с лишним членов Отряда Славной Судьбы, все многоногие, покрытые шерстью, с маленькими головами, толпились вокруг стола и впихивали в себя первые в своей жизни настоящие пищевые продукты. В старые времена такое сочли бы сценой из фильма ужасов. А теперь это лишь один из срезов жизни постчеловечества: потомки землян, устроившие праздник на обледеневшей скале вдали от дома.

Но, поскольку все, кроме Фахда, были в выданных им на время телах, я не могла отличить их друг от друга. Чтобы понять, с кем я разговариваю, мне приходилось отправлять запрос на их встроенные модули связи.

Фахд сидел на почетном месте во главе стола. Шерсть на его лохматом теле была пепельного цвета, а линия волос на лбу выступала вперед треугольником, отчего его голова приобретала некоторую геометричность.

Фахд мне нравился. Именно с ним я занималась сексом в тот раз, когда Дженис уговорила меня украсть у Дейна, для которого я пишу программы, симуляцию, изображающую секс. (Мне следует отметить, доктор Сэм, что наши тела в симуляциях снабжены всеми полагающимися органами, но взрослые устроили все так, чтобы мы никак не смогли воспользоваться этим в сексуальных целях.)

Мне кажется, что в симуляции что-то было устроено неудачно. Мы с Фахдом не ощутили ни восторга, ни экстаза от того, что мы делали; все было только… как-то странно. Через некоторое время мы прекратили наше занятие и нашли себе другие дела.

Дженис, конечно же, настойчиво уверяла, что замечательно провела время. Она была для нас лидером, и все, что она делала, не могло не быть совершенно великолепным. Например, та кошмарная закуска, выращенная в резервуаре, которую она

попробовала, была не просто самой замечательной едой, которую ей доводилось отведать, но и вообще лучшей едой, и все мы должны были приобщиться к этому блюду вместе с ней.

Надеюсь, что Дженис действительно получила удовольствие от той программы, моделирующей секс, поскольку именно у нее в буфере эта программа была обнаружена, причем уже после того, как я посоветовала ей удалить это приложение. Иногда мне кажется, что она просто сама хочет, чтобы ее застукали.

За ужином те, кому разрешили родители, в честь Фахда смогли выпить две точно отмеренных дозы алкоголя; это был напиток под названием «Лед катка», местного производства. Мне показалось, что от него у меня в пищеводе вздулись волдыри.

После «Льда катка» все зашумели и повеселели. И еще больше шума и забавы прибавилось тогда, когда сотрудники курорта обнаружили, что несколько членов отряда смылись в одну из дальних комнат, чтобы, получив наконец настоящие тела, попробовать, что такое секс. И как раз в тот момент, когда я смеялась над этой ситуацией, я глянула на Дженис и увидела, что она сидит молча и совершенно неподвижно. Обычно она ведет себя более шумно и нарочито, чем все остальные, поэтому я поняла, что у нее большие неприятности. Я воспользовалась своим встроенным коммуникатором и спросила ее об этом личным сообщением. Она ответила одним словом:

«Мама…»

Я отправила ей значок, изображавший сочувствие, и задумалась о том, как матери Дженис удалось так быстро узнать о нашем маленьком приключении. Времени едва-едва хватило бы на то, чтобы отправить сигнал со скоростью света на Цереру и обратно.

Должно быть, сотрудницу наземного управления произошедшее вывело из себя. А может, она, как и мать Дженис, была из числа Неизменных Солдат движения Пяти Принципов и вовсю шпионила за всеми вокруг — во имя всеобщего блага, конечно же.

Но, каким бы ни было сообщение, полученное Дженис, она быстро пришла в себя. Почти сразу же она тихонько подошла ко мне и сказала:

— Слушай, одолжи мне свой гермокостюм, а? — Блеск в ее огромных, как блюдца, глазах заставил меня насторожиться.

— И зачем я стану это делать? — спросила я.

— Мама говорит, что я под домашним арестом. Меня не отпускают покататься со всеми остальными. Но ведь эти тела никто не может отличить одно от другого; я подумала, что, если мы с тобой поменяемся местами, я смогу ее приструнить.

— А я останусь торчать здесь одна?

— Здесь есть официанты, и некоторые из них вполне симпатичные, если тебя не смущает их волосатость. — Тут она заговорила серьезным тоном: — Настала пора проявить солидарность, Элисон. Мы не можем позволить маме и на этот раз выиграть.

— Тебе, пожалуй, стоит обратиться к кому-то другому, — подумав мгновение, ответила я.

Ее огромные глаза вспыхнули от гнева.

— Я знала, что ты это скажешь! Ты всегда боялась противостоять взрослым!

— Дженис, — вздохнула я, — ну подумай. Неужели тебе кажется, что только твоя мать получила сигнал от наземного управления? Мои родители будут очень внимательно читать все данные о произошедшем. Поэтому я считаю, что тебе следует привлекать к участию в твоем плане кого-то другого, причем не Пармайндер и не Энди.

Все ее лохматое тело выразило угрюмость. Я чуть было не засмеялась.

— Похоже, ты права, — согласилась она.

— Ты же знаешь, что по возвращении твоя мама прочтет тебе длиннющую нотацию.

— Да-да. Я уверена, что она уже сейчас пишет текст своей речи, чтобы не упустить ни единого пунктика.

— Может, тебе стоит дать мне возможность вас подслушать, — сказала я. — Постарайся не терять самообладания.

Она казалась еще более угрюмой.

— Наверно, тебе так и стоит сделать.

Мы поступаем так, потому что мы из одного отряда. В прошлом, когда начали выращивать в виртуальном пространстве первых детей, многие из них срывались сразу после инкарнации. Они сходили с ума, у них появлялось множество ненормальных пристрастий, или же они пытались покончить с собой, или у них обнаруживалась та степень аутизма, при которой контакт с окружающей действительностью возможен только через интерфейс компьютера.

Так что сейчас большинство родителей уже не воспитывают детей сами по себе. У детей обычно по-прежнему двое родителей, потому что двоим реально выплатить необходимое количество баллов за гражданскую деятельность и налогов, взимаемых за воспитание ребенка; иногда, когда баллов не хватает, набирается трое родителей или даже четверо или пятеро. Как только баллы внесены, бедняжкам мамам и папам приходится дожидаться, пока

не наберется достаточное число заявителей для того, чтобы составить отряд. Затем вместе растет целая группа виртуальных детей, которыми занимаются и родители, и воспитатели. Более старшие отряды часто встречаются с младшими и также принимают участие в их образовании.

Основная цель системы отрядов состоит в том, чтобы мы присматривали друг за другом. Никому не дают уйти в свой собственный мирок. Заметив, что кто-то впадает в крайности, мы совместными усилиями стараемся вернуть его в нормальное состояние.

Наши родители создали тот маленький ад, в котором мы обитаем. А наша задача — помочь друг другу в нем выжить.

«Того, кто привык к злоключениям, не так легко повергнуть в уныние».

Это, конечно же, верно и в отношении Дженис, хотя при всей солидарности нашего отряда ей так и не удалось никого уговорить с собой поменяться. Мне было ее жаль, но не слишком, ведь она уже успела одержать свою победу; а как только я надела скафандр и встала на лед, все ее проблемы тут же вылетели у меня из головы.

Кататься на коньках, как мне кажется, не так весело, как на лыжах, но мы все же здорово позабавились. Если встать в цепочку и толкать друг друга, то крайний благодаря низкой гравитации может укатиться по гладкому метановому льду на пару километров.

А потом наступило время вернуться в курортный поселок. Мы все приняли душ, а сотрудники курорта в это время почистили и привели в порядок наши костюмы, которые мы надели снова, чтобы следующая партия туристов получила арендованные тела в полном снаряжении, готовыми для спортивных развлечений.

Мы открыли шлемы, чтобы на головы нам поместили сканеры. Квантовые сверхпроводящие устройства прошлись по клеткам наших мозгов и собрали все, что там обнаружили, а затем наши мозги — нашу сущность — загрузили в буфер и выслали с помощью коммуникационного лазера обратно на Цереру в симуляцию, в которой все мы обитали.

По сравнению с реальностью Титана симуляция показалась несовершенной. Но у меня не было времени разобраться, в какой степени проявляются эти отличия, поскольку мне нужно было спасать Дженис от тех проблем, которые она нашла на свою задницу.

Так мы и живем. Такова система отрядов. Один за всех, и все за одного.

Кроме того, Дженис почти всю мою жизнь была моей лучшей

подругой.

Анна-Ли, мать Дженис, конечно же, поджидала ее, сидя в маленькой гостиной перед спальней Дженис. (Упоминала ли я, что мы спим, доктор Сэм? Спим мы не так много, как те, кто уже воплотился, а лишь несколько часов, но наши родители хотят, чтобы мы к моменту инкарнации привыкли к мысли о том, что надо спать, когда устаешь, чтобы мы не вырубались от переутомления как раз в тот момент, когда будем заниматься каким-нибудь опасным или важным делом.)

(Единственное отличие наших снов от ваших состоит в том, что мы не видим сновидений. Собственно, какое это имеет значение, если мы все равно не можем вырваться из мира, существующего в мечтах наших родителей.)

И только я оказалась в моем смоделированном теле, в моей спальне, находящейся в симуляции, как раздался вопль Дженис, обращающейся ко мне по личному каналу:

— Здесь мама! Ты нужна мне прямо сейчас!

И вот я щелкаю несколькими переключателями в мозгу, оказываюсь прямо в голове Дженис и получаю тот же сенсорный материал, что и она. Я смотрю на нее и говорю:

— Послушай, нельзя тебе разговаривать с Анной-Ли в таком виде.

Дженис находится в своей обычной аватаре, которая напоминает картинку мелками, нарисованную умалишенным. Тельце из черточек, огромные желтые ботинки, круглая, как пузырь, голова с вьющимися рыжими волосами, похожими на проволочки.

— Загружайся в свой кводбод! — велю я ей. — Немедленно! И вот она перезагружается, и теперь у ее аватары четыре руки — две из плеч, две из тазобедренных суставов. А волосы по-прежнему ярко-рыжие. На всех своих аватарах, как бы они ни выглядели, Дженис всегда рыжеволосая.

— Что ж, — говорю я, — теперь все нормально.

То есть нормально для Цереры. Это же астероид с совсем небольшой гравитацией, поэтому иметь ноги там действительно нет смысла. Из-за микрогравитации ноги просто тащатся за тобой, ударяются о предметы, и на них остаются синяки и царапины. А вот запасная пара рук еще никому не помешала, верно? Так что большинство живущих в среде с низкой или нулевой гравитацией используют кводбоды, намного более практичные, чем тело с двумя ногами.

И вот Дженис отталкивается левыми руками и проплывает через двери в гостиную, где ждет ее мама. Анна-Ли тоже предстает в виде кводбода, только в ее случае это не аватара, а

трехмерный голографический скан ее настоящего тела. Заметно, что она в ярости: губы поджаты, глаза прищурены, лицо напряжено, обе пары рук сложены на туловище, и пальцы вцепляются в плечо противоположной руки, как будто она сдерживает себя, чтобы не впиться в Дженис и не тряхнуть ее.

— Привет, мама, — произнесла Дженис.

— Ты поставила под угрозу не только себя, — начала Анна-Ли, — но и других.

— Сначала сядь, потом отвечай, — пробормотала я изнутри Дженис на ухо. — Не торопись.

Меня слегка удивило, что Дженис меня послушалась. Она проплыла к креслу, устроилась в нем, воспользовавшись нижними конечностями, а потом заговорила.

— Никто не подвергался опасности, — рассудительно возразила она.

Ноздри у Анны-Ли сжались.

— Ты отклонилась от курса, заложенного программой полета, которая создавалась ради вашей безопасности, — сказала она.

— Я составила новую программу полета, — уточнила Дженис. — Наземное управление ее приняло. Если бы это было опасно, то они бы мне отказали.

Голос Анны-Ли зазвучал монотонно, как это бывало тогда, когда она следовала собственной, внутренней логике. Иногда мне кажется, что это она — программа, а не мы.

— Ты не имеешь права предлагать собственные программы полета! — рявкнула она.

— Наземное управление приняло мою программу, — повторила Дженис. Ее голос стал немного более резким, и я шепотом попросила ее не горячиться.

— И из наземного управления немедленно обо всем сообщили мне! Они уже готовы были вызвать спасательный шаттл!

— Но они этого не сделали, потому что никаких проблем не было! — гаркнула Дженис, и наступила пауза, во время которой я попросила ее говорить тише. — Наземное управление приняло вариант плана, который я предложила, — сказала она. — Я приземлилась в соответствии с планом, и никто не пострадал.

— Ты планировала все это с самого начала! — И все это этим ее монотонным голосом. — Это было умышленное неповиновение!

И это верно, конечно же.

— И что же плохого я этим сделала? — спросила Дженис.

— Слушай, — сказала я Дженис. — Скажи ей просто, что она права, а ты — нет и что больше ты так делать не будешь.

— Врать я не собираюсь! — ответила Дженис по закрытому каналу связи. — Что бы мама ни делала, врать она меня не заставит!

Все это время Анна-Ли говорила:

— Мы должны сообща трудиться ради новых благ! Твой акт неповиновения привел только к тому, что люди были вынуждены отвлечься от своих обязанностей! Кроме как волноваться из-за тебя, наземному управлению Титана есть чем заняться!

Теперь Дженис было не удержать.

— Это же ты хотела, чтобы я изучила навигацию! И я ее освоила — по твоей воле! И теперь, когда я показала, что умею это, ты на меня злишься! — Она так яростно размахивала руками, что вылетела из кресла и начала метаться по комнате туда-сюда. — И знаешь почему, мама? — спросила она.

— Заткнись ты ради бога! — крикнула я ей. Я знала, куда она клонит, но Дженис в своей ярости уже зашла так далеко, что не прислушивалась к моим словам.

— Все из-за твоей второсортности! — кричала Дженис матери. — Отец улетел к звезде Барнарда, а тебя не взяли! А я умею делать все, чем хотела заниматься ты, и делаю это лучше тебя, а для тебя это невыносимо!

— Помолчи! — просила я Дженис. — Помни, что ты ей принадлежишь!

— Я приняла решение комитета! — кричала Анна-Ли. — Я — Неизменный Солдат и веду продуктивную жизнь, и я не стану нести ответственность за то, что вырастила ребенка, который будет обременять общество и напрасно тратить ресурсы!

— Кто сказал, что я буду обременять общество? — спросила Дженис. — Только ты такое говоришь! Если бы завтра мне предстояла инкарнация, я нашла бы себе работу через десять минут!

— Вовсе нет, если у тебя будет репутация никому не подчиняющейся анархистки!

К этому моменту стало ясно, что поскольку Дженис меня уже не слушала, а Анна-Ли не в состоянии была слушать, то мне не было смысла дальше участвовать в этом разговоре, успевшем превратиться в скандал с весьма предсказуемым сценарием. Поэтому я закрыла канал связи и стала готовить оправдания, которые неизбежно потребуются при встрече с моими собственными родителями.

Вместо Женщины с портрета Пикассо я облачилась в свой кводбод, которым я пользуюсь при беседах с родителями, — по крайней мере тогда, когда мне от них что-нибудь нужно. Моя аватара-кводбод изображает девочку, на пару лет младше, чем я

на самом деле, одетую в школьную форму, с воротником в стиле Питера Пэна и с белым бантиком в волосах. Мои красивые карие глаза на этом кводбоде лишь чуть-чуть больше, чем бывает в действительности; это из-за того явления, которое называют «неотенией», — ты напоминаешь младенца, а внешность младенцев рассчитана на то, чтобы неминуемо очаровывать взрослых.

Я вам расскажу, как это действует на практике. Иногда мне достаточно моргнуть этими огромными глазами, и мне сходит с рук почти все.

И в этот момент меня позвал отец и сообщил, что они с мамой хотят поговорить со мной о моих похождениях на Титане, поэтому я тут же появилась у родителей в гостиной в виде голографического изображения.

Мои родители — вполне разумные люди. Конечно же, я сама, насколько могу, стараюсь, чтобы они оставались разумными. «Позвольте мне улыбаться с мудрыми, — как говорит доктор Сэм, — и пировать с богатыми». Свои взгляды я буду держать при себе и изо всех сил постараюсь не тревожить людей, обладающих властью надо мной.

— Почему ты направилась вместе с Дженис, поддержала ее программу полета? — поинтересовался мой отец.

— Потому что мне показалось, что ей не следует отправляться туда одной, — ответила я.

— А ты не пробовала ее от этого отговорить? — спросила мать.

— Дженис ни от чего невозможно отговорить, — ответила я. И это моим родителям было понятно, поскольку они знали Дженис.

В итоге родители велели мне быть осторожнее, и на этом беседа более или менее завершилась.

Что показывает вам, что у нас тут не все родители сумасшедшие.

Мои разумнее большинства остальных. Не думаю, что многие родители благосклонно отнеслись бы к моему желанию посвятить себя изобразительному искусству. Здесь таким просто не занимаются, не говоря уже о том, что хочу делать я, — получить инкарнацию на Земле и учиться у настоящего художника или скульптора. Здесь у нас используют только цифровую съемку, а представления о творчестве художника сводятся к фотографии, редактированию снимков или сочетанию их друг с другом, или разного рода их обработке.

Я хочу создавать произведения с самого начала, маслом на холсте. И использовать при этом не программируемый

краскопульт, а настоящие кисти и краски. Поскольку, по моему мнению, огромную важность имеет фактура, за что я и люблю масляные краски. Точнее, мне нравится идея использовать масляные краски, потому что попробовать их на практике у меня еще так и не было возможности.

Кроме того, как говорит доктор Сэм, «тот, кто не был в Италии, постоянно осознает свою неполноценность, как не видевший того, что человеку полагается повидать. Великая цель странствий состоит в том, чтобы увидеть берега Средиземноморья».

И вот когда я сказала родителям, чем хочу заниматься, они только как-то пожали плечами и взяли с меня обещание, что я освою еще какую-то специальность, что-то более практичное. Поэтому изобразительное искусство — моя вторая специализация, а первая — компьютерный дизайн, функционирование компьютера и программирование, что достаточно интересно, поскольку все сложные программы написаны искусственным интеллектом, умственные способности которого превышают наши, поэтому, для того чтобы заставить их выполнять наши пожелания, мы занимаемся не только наукой, но и чем-то вроде магии.

Таким образом, нам с родителями удалось прийти к компромиссу, который всех устраивал, так что мне кажется, что мне с ними вполне повезло.

Минут через двадцать после моего разговора с родителями в дверь ко мне постучалась Дженис, и я дала двери команду исчезнуть, и Дженис вошла, и тогда я вернула дверь на место. (Как удобно устроены эти вещи в симуляциях.)

— Похоже, разговор прошел не лучшим образом, а? — спросила она.

— Если оценивать по шкале любезности, действующей в твоей семье, — ответила я, — то, как мне кажется, все прошло примерно на среднем уровне.

Глаза ее сузились (от расстройства она забыла переключиться из своего кводбода, из-за чего у нее были сейчас глаза, способные прищуриваться).

— Я с ней рассчитаюсь, — сказала она.

— Мне кажется, это не очень разумно, — отозвалась я. Дженис колотила кулаками по стенам, полу и потолку моей комнаты, носясь туда-сюда, и это действовало мне на нервы, хотя стены и были виртуальными и она не могла ничего повредить и даже оставить где-нибудь отпечатки пальцев.

— Слушай, — сказала я. — Тебе всего-то и надо не воевать с твоей матерью, пока ты не закончишь диссертацию и не получишь

инкарнацию, и тогда она тебе ничего не сможет сделать. Ждать осталось всего несколько месяцев, Дженис.

— Моя диссертация! — На лице Дженис расплылась торжествующая улыбка человека, совершившего открытие. — Я воспользуюсь моей диссертацией! Мама получит от меня удар в самое уязвимое место!

Я схватила ее и заставила остановиться на месте, передо мной, удерживая ее всеми четырьмя руками.

— Послушай, — сказала я. — Перестань ее оскорблять. Голос Дженис триумфально зазвенел:

— Посмотришь и увидишь!

— Пожалуйста, — попросила я. — Я тебя умоляю. До инкарнации ничего не делай!

Я видела, что перед ее глазами проплывают образы грядущей славы. Меня она не видела и не слышала.

— Ей придется признать, что я права, а она ошибается, — заявила она. — Я прибью свою диссертацию гвоздями ей на лоб, как Карл Маркс — к той церковной двери.

— Вообще-то это сделал Мартин Лютер. — (Иногда я просто не могу удержаться в таких ситуациях.)

Она фыркнула:

— Да кому до этого есть дело?

— Мне. — Я решила сменить тему. — Потому что я не хочу, чтобы ты умерла.

Дженис фыркнула:

— Я не собираюсь перед ней кланяться. Я ее сокрушу. Я покажу ей, насколько она глупа, бесполезна и второсортна.

И в это мгновение позвонили в мою дверь. Я не стала обращать внимание.

— Сила наказания состоит в том, чтобы присмирить, а не в том, чтобы доказать неправоту, — сказала я.

Лицо ее сморщилось, как будто в рот ей попало что-то кислое.

— Просто не верится, что ты снова цитируешь того мертвого старика.

Найдя для вас довод, — хотелось мне сказать вместе с доктором Сэмом, — я не обязана искать вам понимания.

Звонок в мою дверь раздался снова, и в этот раз он прозвучал одновременно с электронным сигналом, обозначавшим чрезвычайную ситуацию. От неожиданности я заставила дверь раствориться.

У входа оказалась Мей в своем кводбоде, с выражением гнева на лице.

— Если вы уже закончили поздравлять друг друга по поводу

своей гениальной проделки, — сказала она, — то вы, пожалуй, успели заметить, что пропал Фриц.

— Пропал? — Я не могла понять, как кто-то мог пропасть. — Разве его программа не вернулась с Титана?

Если что-нибудь случилось при пересылке, Фрица могли бы загрузить из резервной копии.

На лице Мей было непроницаемое выражение.

— Он туда и не отправлялся. Он встретил Голубую Даму. А потом она оттолкнулась двумя руками и понеслась прочь, а нас окружила внезапная тишина, глубокая и жуткая.

Ничего не говоря, мы последовали за Мей в гостиную. Там уже находились все остальные члены отряда, и все они смотрели на нас, пока мы вплывали в помещение.

Еще совсем маленьким ты впервые слышишь про Голубую Даму от других членов своего отряда. Никто точно не знает, как получается, что про Голубую Даму узнают все, то есть отряды не только на Церере, но и на Весте, на Ганимеде, везде.

И все мы знаем, что иногда ты можешь ее увидеть, эту добрую улыбчивую женщину в голубом одеянии, и она протянет к тебе руку, и покажется тебе такой милой, что ты позволишь ей взять себя за руку.

И только тогда, когда будет уже поздно, ты заметишь, что у нее нет глаз — вместо них лишь черная пустота, наполненная звездами.

Она заберет тебя. И друзья тебя больше никогда не увидят.

И конечно же, Голубую Даму посылает за тобой не кто иной, как твои родители, если ты плохо себя ведешь.

Все мы знаем, что на самом деле Голубой Дамы не существует и что простые техники в простых кабинетах посылают команду об обнулении вашей программы вместе со всеми ее резервными копиями, но при этом все мы все же верим в Голубую Даму, и не только в детстве.

И тут мне следует вернуться к тому, что я уже говорила об инкарнации. После инкарнации ты считаешься человеком и на тебя распространяются права человека.

А до этого — нет. Не пройдя инкарнации, ты являешься просто компьютерной программой, принадлежащей твоим родителям, и если они решат, что эта программа бракованная, или испорченная, или с ней сложно иметь дело, они могут добиться твоего обнуления.

Тебя обнуляют, а не убивают. Взрослые настаивают, что это разные вещи, а я вот не вижу разницы.

Потому что Голубая Дама и в самом деле приходит за некоторыми, как пришла она за Фрицем, когда Джек и Ганс в

конце концов решили, что не смогут привести его в порядок. В большинстве отрядов таких визитов не случается. А в некоторых бывает не один. В одном отряде на Весте недосчитались восьми членов, а из выживших некоторые покончили с собой сразу после инкарнации, и был большой скандал, о котором взрослые договорились никогда не упоминать.

Я ни мгновения не думала, что мои родители когда-нибудь пошлют за мной Голубую Даму, но все же мысль о ней всегда присутствовала где-то на задворках сознания, и именно поэтому, как мне кажется, возникшая ситуация так ужасна. Родители обладают властью, которую им вовсе не следовало давать, и эта власть порождает глубинное недоверие между детьми и родителями.

Взрослые недовольны системой отрядного воспитания в основном из-за того, что дети привязываются к членам своего отряда, а не к родителям. Возможно, это потому, что товарищи по отряду не могут убить друг друга.

Каждый член отряда получил официальное сообщение по поводу Фрица, гласившее, что откорректировать его было по сути невозможно и что шансы его успешной инкарнации практически сводились к нулю. В сообщении писалось, что никто из нас не виноват в том, что случилось, и что всем известно, что мы сделали для него все возможное.

Все это поступило в той же очереди сообщений, что и послание Фрица, которое он отправил перед самым обнулением. Вот и он, в своей глупой шляпе, улыбается мне.

«Спасибо, что согласилась поиграть со мной в шпионов, — писал он. — Ты классная, я правда так считаю. — Он рассмеялся. — Увидимся на Титане!»

И тогда я долго плакала, и стерла сообщение, чтобы никогда не поддаться соблазну снова его посмотреть.

Все мы ощущали собственную несостоятельность. Мы должны были привести Фрица в порядок, и у нас это не вышло. Все мы росли вместе с ним, и он был частью нашего мира, пусть с ним и было непросто. Последние несколько дней я избегала его, и из-за этого теперь ужасно переживала; но и все остальные когда-то делали то же самое.

Нам всем его не хватало.

Отряд решил облачиться в траур, и мы долго вели глупый спор о том, нужно ли нам носить белое, традиционный цвет траура в Азии, или черное, как в старой Европе.

— Носите синее, — сказала Дженис.

Так мы и поступили. С тех пор, какие бы аватары мы ни использовали, все они или были одеты в синее, или основным

цветом их композиции был синий.

Возможно, кто-то из родителей это заметил, говорил об этом или жаловался, но я о таком не слышала.

Я начала много размышлять о том, какие отношения связывают меня с людьми, прошедшими инкарнацию, и подумала, что я, наверное, немного более уступчива, мягка и приятна в общении, чем была бы в иных обстоятельствах, и все из-за того, что хочу избежать последствий, которые могут наступить, если я такой не буду. А Дженис, пожалуй, ведет себя более дерзко, чем при иных обстоятельствах, поскольку хочет показать, что не боится. «Вперед, мама, — призывает она, — нажми на курок. Я сама тебе это предлагаю».

Она всегда недооценивала Анну-Ли. А ведь Анна-Ли — Неизменный Солдат Пяти Принципов, а это означает, что она подходит к делу серьезно.

Первый из Пяти Принципов гласит: «Принадлежность к человеческому роду определяется образом мысли, а не является побочным эффектом таксономии», — это означает, что ты являешься человеком, если мыслишь, как человек, вне зависимости от того, шесть ли у тебя ног и четыре руки или просто две ноги, как у жителей Земли и Марса.

А затем, в остальных Принципах, вплоть до пятого, нас подводят к мысли о том, что человечество, в разнообразных своих формах, предназначено для того, чтобы заселить, насколько это возможно, все экосистемы всей Вселенной или, по крайней мере, в той ее части, которая окажется досягаемой. Вот почему движение Пяти Принципов всегда уделяло такое внимание генетическим экспериментам, а также различным экспедициям к ближайшим звездам.

Сама я спокойно отношусь к движению Пяти Принципов. Оно рационально по сравнению с такими группами, как «Дети Венеры» или «Меню Господа».

Кроме того, если в Пяти Принципах нет разумного зерна, то что мы вообще здесь делаем?

Мне чужды только те, кого привлекает это движение, то есть люди вроде Анны-Ли. Те, кто поглощен навязчивыми идеями, лишен чувства юмора и совершенно не способен понять точку зрения другого человека. Такие не только беззаветно отдают себя любому движению, членами которого они стали, но еще и настаивают, чтобы к ним присоединялись все остальные, а любого, кто не входит в их группу, считают дурным человеком.

Поэтому, несмотря на то что я в значительной степени согласна с Пятью Принципами, я, думается, не стану вступать в ряды этого движения. Я буду помнить мудрые слова моего

славного доктора Сэма: «Большинство проектов политического совершенствования весьма смешны».

Но вернемся к Анне-Ли. Когда-то давным-давно она вышла замуж за Карлоса, также являвшегося членом движения, и вместе они много лет прилагали большие усилия, чтобы их взяли в экспедицию к звезде Барнарда, на космическом корабле «Истинная судьба». Вместе они создали Дженис, поскольку иметь детей тоже является частью освоения Вселенной, и так далее.

Но Карлосу предложили место в команде корабля, а Анне-Ли — нет. Карлос предпочел звезду Барнарда, а не Анну-Ли, и теперь он далеко, на расстоянии пары световых месяцев отсюда. Он и остальные поселенцы находятся в электронной форме, ведь какой смысл тратить ресурсы на пересылку целого тела в другую галактику, если можно просто отправить данные и создать тело сразу же после приземления; в пути они в основном дремлют, потому что до прибытия на место назначения им нечем заняться. Но примерно раз в неделю Карлос просыпается, чтобы отправить дочери электронную открытку.

Все его письма весьма скучны, что неудивительно для человека, находящегося в просторах космоса, где не на что посмотреть и нечем заняться, и все вокруг только и делают, что спят.

Дженис посылает ему сообщения подлиннее, в основном о своих стычках с Анной-Ли. Анна-Ли тоже отправляет Карлосу большие письма о проступках Дженис. Находящийся на расстоянии двух световых месяцев от них Карлос отказывается взять на себя роль посредника в их конфликте, и обе на него ужасно злятся.

Так что Анна-Ли зла на мужа, который бросил ее, и зла на Дженис за то, что дочь не стала безупречным Неизменным Солдатом Пяти Принципов. Дженис злится на Карлоса за то, что он не придумал способа взять ее с собой, злится на Анну-Ли за то, что та не попала в команду «Истинной судьбы», и за то, что мать не сумела после этого добиться, чтобы муж остался дома.

И еще Дженис зла на Анну-Ли за то, что та снова вышла замуж, на этот раз за обеспеченного члена своего движения по имени Ри, у которого хватило средств на уплату налогов за создание еще двух дочерей, каждая из которых — звезда своего отряда и которые растут безупречными детьми Пяти Принципов, которым предстоит продолжить работу по заселению человечества на новых территориях у далеких звезд.

Так, по крайней мере, утверждает Анна-Ли.

Поэтому мне и кажется, что Дженис недооценивает свою мать. Я полагаю, что у Анны-Ли, с ее точки зрения, есть две

младшие дочери, полностью соответствующие ее пожеланиям. И старшая дочь, которая создает одни проблемы и за которой можно послать Голубую Даму, ничего при этом не теряя, поскольку Дженис она все равно уже потеряла. В конце концов, мужа она уже отдала звездам.

И это является еще одной причиной, по которой я хочу получить инкарнацию на Земле, где многие по-прежнему заводят детей старым способом. Родители создают эмбрион в устройстве для сборки генов, а затем эмбрион помещают в резервуар, и через девять месяцев вы, вскрыв резервуар, получаете настоящего младенца, а не компьютерную программу. И пусть это процедура требует намного больше времени и осуществляется не так аккуратно, я все же считаю, что этот вариант лучше.

И вот я разослала заявления на получение работы на Земле — как на должности, где требуется знание компьютера, так и на программы стажировок в области изобразительного искусства. Но на Земле почти на любую должность имеется список желающих, чьи кандидатуры рассматриваются по очереди, кроме того, нужно выплатить большой налог при въезде, за исключением случаев, когда в тебе имеется острая необходимость, так что я не особенно тешила себя надеждой; кроме того, я еще не завершила работу над своей диссертацией.

Я собиралась закончить колледж одновременно с большинством членов нашего отряда, в четырнадцать лет. Понимаю, доктор Сэм, что в ваши дни колледж заканчивали намного позднее. Как я полагаю, для этого различия имеется несколько важных причин: (1) мы, виртуальные дети, не спим столько, сколько спите вы, поэтому у нас больше времени остается на учебу; (2) здесь, кроме этого, почти и заняться-то нечем; и (3) мы очень-очень-очень умны. Представьте себя родителем, мнение которого учитывается при создании вашего ребенка (наравне с мнением врачей, социологов и автоматических предсказателей); неужели вы сказали бы: «Нет, благодарю, пусть мой будет тупицей»?

Думаю, что не сказали бы.

И физические мозги, которые мы получаем при инкарнации, тоже весьма умны. Это я так, на случай, если вы сомневались.

Мы могли бы при необходимости взрослеть еще быстрее. Компьютеры, в которых мы существуем, работают с такой скоростью, что мы могли бы пройти весь путь от зачатия до зрелости всего за два-три месяца. Но тогда мы не сумели бы поддерживать контакты с родителями, которые, будучи существами во плоти, намного медлительнее нас, а также с любыми другими людьми. Поэтому, для того чтобы строить хоть

какие-то отношения со старшими и получить хоть какую-то социализацию, нам приходится притормозить и двигаться в темпе своих родителей. Надо сказать, что против этого я не возражаю.

Для завершения своего образования я должна написать диссертацию; к сожалению, мне не разрешили писать на тему, на которую хотелось бы, а именно, о том, каким образом полотна Брейгеля и других мастеров отражали теологию соответствующего периода. Вся моя подготовка в сфере компьютерных систем, а также знания по искусству и истории искусств дали мне представление о том, как функционируют абстрактные системы типа теологии и каким образом можно визуально представить на плоском холсте понятия весьма абстрактные.

Но, возможно, об этом я буду писать в своей докторской диссертации, а сейчас, поскольку моя основная специализация находится в области теории вычислительных систем, я пишу достаточно скучную диссертацию по взаимодействию систем. Если вам интересно знать, это наука о том, как наладить общение между различными машинами и узкоспециализированными операционными системами, а это довольно сложная задача, если интеллект машин, с которыми приходится иметь дело, оказывается намного выше твоего.

Вообще-то, предмет достаточно интересный. Только вот писать про это диссертацию было скучно.

Пока я этим занималась, я еще подрабатывала у Дейна. Он был из отряда, прошедшего инкарнацию на несколько лет раньше нас, и мы познакомились, когда его группа встречалась с нашей, чтобы помочь нам в учебе и развить наши навыки социализации (поскольку требуется, чтобы мы умели общаться не только с членами нашего собственного отряда и со своими родственниками, а без практики этому можно никогда и не научиться).

Так вот, Дейн работал программистом в коммуникационном центре Цереры и с удовольствием был готов уступить мне самые скучные из своих задач, за соответствующую плату. Таким образом, я уже начала собирать средства, которые позволят мне выплатить большой налог при поселении на Земле, а в случае, если меня освободят от налога, я смогу некоторое время пожить на Земле и поучиться живописи.

— В конце концов ты станешь первым на Церере художником-оформителем интерьеров, — посмеялась надо мной Дженис.

— А разве это плохо? — спросила я. — Ты только посмотри вокруг! Здесь же все так функционально и скучно, и ведь, ради всего святого, ну можно было бы подобрать краску поинтереснее

серой.

Это был один из немногих случаев, когда мне удалось побеседовать с Дженис после наших приключений на Титане. Мы обе занимались своими диссертациями и все еще ходили на занятия, а у меня к тому же были и контракты на выполнение внешних работ. Она же, как мне кажется, старалась меня избегать, потому что не хотела рассказывать мне, чем занимается, чтобы не выслушивать моих призывов прекратить это.

Между прочим, это было обидно. Мы ведь были такими верными подругами до того самого момента, как я попросила ее не добиваться того, чтобы ее убили, и тогда за то, что я хотела спасти ей жизнь, она решила со мной больше не разговаривать.

Теперь я видела Дженис в основном на празднованиях в честь инкарнации других членов нашего отряда. И мы посмотрели Ганимед, и Иапет, и еще раз побывали на Титане, и на Рее, и на Плутоне, на Каллисто и Ио, и на кольце, генерирующем антивещество, в пространстве между Венерой и Меркурием, и снова на Титане, и в четвертый раз на Титане.

Должно быть, у нашего отряда какая-то странная склонность к оранжевому цвету, не знаю.

Мы посетили Палладу, Юнону и Весту. Хотя, как мне кажется, поселения на астероидах мало чем различаются.

Побывали на Третьем небе — это поселение, построенное на L2 сторонниками движения «Меню Господа». Как мне показалось, меню у них действительно было разнообразным.

Мы побывали на Луне (это вы назвали бы ее так, доктор Сэм, как будто существует только одна луна). Мы осмотрели «Вечную династию», космический корабль, построенный на лунной орбите для экспедиции на Тау Кита, — как раз туда на поселение Анна-Ли изо всех сил стремилась отправить Дженис.

Еще мы трижды побывали на Марсе. Помимо прочих развлечений мне удалось бросить взгляд на эту планету с вершины Олимпа, самой высокой горы в Солнечной системе, и заглянуть вниз с обрыва самого большого в Солнечной системе каньона, а потом посмотреть ввысь со дна того же каньона.

Все мы старались по возможности носить синее, в память о том, кто не смог быть вместе с нами.

Дни инкарнации были хороши не только тем, что мы видели различные пейзажи, но и тем, что прибывали все уже прошедшие инкарнацию члены отряда; для таких мероприятий они брали тела напрокат. Мы были, конечно же, по-прежнему близки и постоянно выходили на связь, но наше общение ограничивалось скоростью света, и оно не шло ни в какое сравнение с моментами, когда мы могли лично встретиться с Фахдом, Чандрой и Соланж,

потузить их и обнять.

На Земле мы не побывали. Из всего отряда только одна я подала заявку на инкарнацию там, и ответ все еще не пришел. Я все представляла себе, каким будет праздник в честь моего Дня инкарнации, если бы можно было устроить его на Земле: куда бы я отправилась? Что бы мы стали осматривать? Рим? Эверест? Поселения в глубинах океана? Равнины Африки, где зародилось человечество?

Было больно думать о том, что мне, вероятнее всего, никогда не случится увидеть ни одно из этих мест.

В дни празднований Дженис ни разу не попыталась устроить никаких маленьких бунтарских выходок в своем стиле. Хотя бы потому, что о нас стали говорить и установили за всеми довольно тщательное наблюдение. Поведение Дженис полностью соответствовало пожеланиям Анны-Ли. Но при этом я чувствовала, что Дженис замышляет какую-то решительную выходку.

Я пыталась поговорить с ней об этом. Рассказывала ей о своей диссертации, надеясь, что разговор коснется и ее работы. Но все безуспешно. Она полностью избегала этой темы.

При этом она была очень занята своим проектом, чему бы он там ни был посвящен. Ведь она постоянно носилась от одного члена отряда к другому и расспрашивала, где можно поискать нужную ей информацию.

Из ее вопросов я никак не могла составить для себя ясной картины. Они касались слишком многих сфер. Социология, статистика, минералогия, криминология, экономика, астрономия, проектирование космических кораблей… Ее работа, похоже, была слишком масштабной.

О диссертации Дженис я знала только то, что она должна была быть посвящена управлению ресурсами. Именно этой темой заставила ее заниматься Анна-Ли, поскольку в этой сфере требуются многие навыки, которые были бы полезны и в экспедиции на Тау Кита. На случай, если это не поможет, Анна-Ли потребовала, чтобы в качестве второй специализации Дженис выбрала пилотирование и навигацию космических кораблей и шаттлов.

Наконец я закончила свою диссертацию и расслабилась, ожидая, когда последуют предложения от работодателей. Но единственное приглашение на работу было с Иапета, где мне предлагали стать оператором устройств переработки отходов. Если бы писавший потрудился почитать мое резюме, то он понял бы, что на такую работу я не соглашусь.

Возможно, он просто был уже по горло завален мусором и

отчаянно пытался кого-то найти, уж не знаю.

А потом произошло нечто совершенно поразительное. Вместо предложения работы, связанной с компьютерами, я получила приглашение на учебу в Пизанской академии.

А это — школа искусств. Расположенная в Италии, где было создано большинство замечательных картин.

Приемная комиссия писала, что в моей работе они увидели «наивный, но весьма оригинальный сплав социальной критики и формальностей геометрической организации». Не стану даже притворяться, что понимаю, о чем шла речь, при этом у меня есть подозрения, что для них просто неожиданной была возможность получить студентку, практически вся жизнь которой прошла в компьютере на Церере.

Свои радостные вопли я разослала всем членам нашего отряда, даже тем, кто уже покинул Цереру и, возможно, поморщился за своей рабочей станцией, получив мои восторженные сообщения.

Я прыгала по гостиной, и все пришли поздравить меня. Даже Дженис, в последнее время взявшая за правило появляться в виде аватары, даже отдаленно не напоминающей человеческое существо, — на ней изображался огромный молот, раз за разом ударявший по каменной глыбе.

Утонченности ей всегда недоставало.

— Поздравляю, — сказала она. — Ты добилась того, к чему стремилась.

А потом она отправила мне сообщение по закрытому каналу связи. «Ты прославишься, — писала она, — а я стану легендой».

Я посмотрела на нее, а потом послала ей ответ: «Давай об этом поговорим?»

«Через несколько дней. Когда я подам свою диссертацию».

«Не надо», — умоляюще попросила ее я.

Слишком поздно.

Молот ударил по каменной глыбе, осколки полетели по комнате и исчезли.

Следующие несколько дней я составляла планы празднования в честь своего Дня инкарнации, но мысли мои были о другом. Я то и дело задумывалась, доживет ли Дженис до этого дня, чтобы повеселиться вместе с нами.

Наконец я решила устроить праздник в Таиланде, потому что там можно увидеть так много различных интересных природных сред, а также Великого Будду. А еще я там нашла ресторан, обслуживающий мероприятия, который считался очень хорошим.

Я определилась с тем, какое тело мне хотелось получить, и работающие на Земле специалисты по инкарнации начали

готовить его в одном из своих резервуаров. Тело напоминало не четырнадцатилетнюю уроженку Земли, а девушку постарше, лет восемнадцати. Каштановые волосы, карие глаза — большие, что мне всегда так помогало.

И две ноги, конечно же. У них там у всех две ноги.

Я назначила дату. Отряд предупредили. Мы все натренировались в симуляциях пользоваться только двумя руками. Все были готовы.

А потом Дженис закончила свою диссертацию. Я загрузила себе копию в ту же секунду, как работа поступила на рассмотрение в комитет, и прочитала ее в один присест, хотя времени потребовалось много; с каждой строчкой меня охватывал все больший ужас.

Дженис представила всеобъемлющую критическую оценку всего нашего общества! Работа была блестящей и при этом крайне опасной.

Общество эпохи постчеловечества губит своих детей, утверждала Дженис, и это подтверждает доля невротичных, не приспособленных к жизни взрослых. Проблемы, от которых страдало первое поколение детей, проводивших свои годы становления в виде программ, — аутизм, навязчивые состояния и импульсивные устремления, пристрастие к электронной среде, — не исчезли полностью, а лишь сократились настолько, что стали фоновыми помехами, настолько привычной частью нашей цивилизации, что мы ее никогда не замечаем.

Дженис приводила и соответствующие данные. Число пациентов, проходивших лечение в связи с определенными заболеваниями. Процентная доля тех, кому трудно приспособиться к своей инкарнации, и тех, кто не желает общаться ни с кем, кроме членов своего отряда, а также тех, кто не умеет засыпать, не погрузившись в симуляцию. И тех, кто покончил с собой. И погибших в результате несчастного случая. Дженис высказывала сомнения относительно того, были ли все эти смерти следствием суровой среды обитания. Наши машины и наши поселения стали намного безопаснее, чем в прежние времена, но смертей в результате несчастных случаев было все еще очень много. Сколько таких происшествий произошло из-за невнимательности недовольных жизнью операторов или даже являлось намеренным «самоубийством с помощью техники»?

Дженис далее описывала одну из жертв этого безжалостного воспитания: «Унылая, лишенная эмоциональных реакций, страдающая от расстройств и не способная справляться с препятствиями на своем пути, она не в состоянии действовать, не придерживаясь системы убеждений столь же жесткой, как

искусственные и ограниченные среды, в которых она выросла».

Поняв, что Дженис описывает Анну-Ли, я чуть было не отключилась.

Дженис предлагала пути к решению проблемы: отказаться от виртуальных сред и начать производить на свет настоящих младенцев, уже имеющих инкарнацию. Она приводила большой объем статистических данных, показывающих, что там, где поступали таким образом, — в первую очередь на Земле, — дети, вырастая, становились более успешными взрослыми. Дженис отмечала также, что первоначальный дефицит ресурсов, из-за которого начали создавать виртуальных детей, давно преодолен, — в наши дни с Пояса Кайпера поступало достаточное количество льда для получения питьевой воды и в нашем распоряжении были все необходимые минералы. Единственной причиной, по которой система продолжала свое существование, являлось ее удобство для взрослых. Но настоящие младенцы, в отличие от компьютерных программ, были бы полезны и для взрослых, которые не стали бы превращаться в диктаторов, обладающих абсолютной властью над своим потомством. Дженис писала, что это дало бы взрослым возможность стать более совершенными личностями.

В подтверждение приводилось множество статистических данных, графиков и прочих сведений. Дочитав, я поняла, что Отряд Славной Судьбы произвел на свет одного истинного гения, и гением этим была Дженис.

«Истинный гений есть разум, обладающий большими общими возможностями, который случайным образом подтолкнули в определенном направлении».

Ну да, Анна-Ли ее подтолкнула, но проблема заключалась в том, что Дженис, возможно, не так долго оставалось жить. Анна-Ли не могла не заметить помимо беспощадной критики в свой адрес, что все исследование Дженис разоблачало и движение Пяти Принципов. По мнению членов движения, все имеющиеся ресурсы следовало направить на расселение человечества за пределами Солнечной системы, в новой среде. Для них не имело значения, что сейчас в распоряжении имеется намного больше ресурсов, чем в прошлом; их принципы явно не допускали возможности задействовать больше ресурсов на воспитание детей, если теми же средствами можно было рвануть подальше на просторы Вселенной.

И хотя сторонники Пяти Принципов признавали достаточно высокую смертность, они списывали ее на опасную среду обитания в наших поселениях. Нужно просто генетически модифицировать людей, лучше приспособить их к среде, и

проблема будет решена.

Я не стала читать приложения и направилась из своей комнаты через гостиную к двери Дженис; там я нажала кнопку, чтобы сообщить ей о своем прибытии. Дверь исчезла, и передо мной оказалась Дженис; впервые после стычки с Анной-Ли она была в своей аватаре-кводбоде. Она просияла озорной улыбкой.

— Классно, да?

— Великолепно! Но нельзя показывать это Анне-Ли.

— Не будь наивной. Я сама послала маме файл.

Я была в ужасе. Должно быть, Дженис увидела, как разинула рот моя аватара, сделанная по мотивам Пикассо, и это ее рассмешило.

— Она же тебя сотрет! — сказала я.

— Если она так поступит, — заявила Дженис, — она только подтвердит мою правоту. — Она положила руку мне на плечо, стараясь утешить. — Извини, что не смогу быть на твоей инкарнации.

Когда влетела Анна-Ли — а случилось это весьма вскоре, — Дженис начала передавать всему нашему отряду все это противостояние, по одностороннему каналу. Мы могли только смотреть, но не вмешиваться. Наших советов она не желала слышать так же, как и советов своей матери.

— То, чем ты занимаешься, противоестественно! — бушевала Анна-Ли. — Ты рассылаешь пасквили! Ты предала высочайшую истину!

— Я изложила истину! — ответила Дженис. — И ты знаешь, что это — истина, иначе сейчас ты бы так не бесилась.

Анна-Ли застыла на месте:

— Я Неизменный Солдат Пяти Принципов. Я знаю истину и знаю свои обязанности.

— Каждый раз, произнося это, ты подтверждаешь мою правоту.

— Ты отзовешь диссертацию и извинишься перед комитетом за то, что подала такой гнусный текст.

Анна-Ли не знала, что отозвать документ невозможно и что Дженис разослала его всем, кого только знала. Дженис засмеялась.

— Ни за что, мама, — сказала она.

Анна-Ли не выдержала. Она замахала кулаками и завопила:

— Я знаю свои обязанности! Я не позволю, чтобы кто-либо увидел всю эту клевету! — Она ткнула пальцем в Дженис: — Даю тебе три дня на то, чтобы отозвать работу!

Дженис презрительно фыркнула:

— А что будет, если я не стану?

— Я сочту тебя неисправимой и прекращу действие твоей программы.

Дженис рассмеялась.

— Действуй, мама. Сделай это сейчас же. Ничто так не способствует распространению новой идеи, как мученичество. — Она раскинула в стороны все четыре руки. — Сделай это, мама. Ненавижу жить в этом аду. Я готова.

«Меня покорят, но я не сдамся». Да, доктор Сэм. Именно так.

— В твоем распоряжении три дня, — заявила Анна-Ли твердым и грозным голосом, а потом ее виртуальное изображение исчезло.

Дженис посмотрела туда, где только что была ее мама, и на лице ее расплылась глупая улыбочка. Она снова включила свою рыжеволосую аватарку из черточек и, зависнув в воздухе, начала пританцовывать, двигаясь, как неудачно сделанная анимация.

— Э-ге-гей! — пропела она. — Я все-таки попаду на праздник к Элисон!

Я была так поглощена этими драматическими событиями, что и позабыла, что через два дня предстоит моя инкарнация. Но теперь она вместо праздника превратится в поминки.

— Доктор Сэм, — сказала я, — я должна спасти Дженис. «Триумф надежды над опытом».

— Только надежда у нас и есть, — произнесла я, а потом задумалась. — А может, еще и немного опыта.

День моей инкарнации прошел хорошо. Мы спустились на планирующих летательных аппаратах, как и тогда, в первый раз, на Титане, но на этот раз я обратилась в наземное управление с просьбой позволить моим друзьям приземляться, где им заблагорассудится. Благодаря этому мы смогли осмотреть Великого Будду; это был стройный мужчина, сидевший, скрестив ноги, с глубокомысленной улыбкой; на голове у него были шишечки-рукоятки. Высота фигуры — два с половиной километра, и вся она наполнена массивно-параллельными квантовыми процессорами, работающими с огромным количеством данных и обдумывающими разного рода глубокие понятия, как и подобает искусственному интеллекту такого масштаба, и повторяющими миллионы сутр, священных буддийских текстов, и все это — со скоростью света.

Он ежедневно смещается на два-три сантиметра и через много тысячелетий погрузится в пролив у оконечности полуострова Кра.

Рассмотрев безмятежный лик Будды со всех сторон, мы взлетели и многие километры неслись над ярко-зелеными джунглями, а затем приземлились на пляже. Собственно, то, что

мы все приземлились именно на пляже, несколько меня удивило. А потом мы изо всех сил старались научиться серфингу — и, сразу замечу, симуляторы серфинга совершенно не соответствуют действительности. Удерживаться на доске мне удавалось не дольше двадцати секунд.

Меня поражало множество ощущений, нахлынувших на меня со всех сторон. Легкий ветерок, щекотавший мою кожу, запахи моря, растений, угля, на котором готовился наш банкет. Горячий песок под босыми ступнями. Соленый вкус океана на губах. Жжение там, где коснулись моих рук и ног маленькие медузы, запах йода от водоросли, запутавшейся у меня в волосах.

В смысле, я и понятия не имела. Программы-симуляторы совершенно не передают того, что чувствуешь на Земле.

А ведь это была только часть Земли, крошечная доля тех сред, которые там имеются. Мне кажется, что я убедила многих членов нашего отряда поскорее накопить денег, найти работу на Земле и перебраться туда.

После купания и игр на пляже мы отправились на ужин в честь моего Дня инкарнации. Продукты вызывали слишком сильные ощущения, так что много съесть я не могла. Если мне предстоит есть земную пищу, то придется начинать с чего-нибудь намного более пресного по вкусу.

А во главе стола сидело мое тело, тело девочки с каштановыми волосами, и она смотрела на всех членов Отряда Славной Судьбы, поднимавших в мою честь бокалы с тропическими напитками, украшенные зонтиками.

У меня выступили слезы на глазах, и они оказались намного более влажными и горячими, чем слезы в симуляциях. Почему-то от этого я расплакалась еще больше.

Мои родители прибыли на ужин, ведь у них впервые появилась возможность по-настоящему обнять меня, то есть сделать это в реальной действительности, а не в симуляции. Они загрузились в тела, совсем не напоминавшие кводбоды с четырьмя руками, которыми родители пользовались дома, на Церере, но это не имело значения. Обняв их, я снова расплакалась.

Утерев слезы, мы надели костюмы для подводного плавания и отправились вокруг рифа, и это было потрясающе. Я и не представляла, что увижу столько цветов, форм и фактур, — и не могла вообразить, как передать это в произведении искусства.

«Произведение искусства, которое воплощает все, не выбирая ничего, есть не искусство, а лишь монотонное изложение».

Вау. Вы правы. Благодарю, доктор Сэм.

После плавания вокруг рифа мы посетили одно из подводных

поселений, обитатели которого приспособились дышать под водой. Трудность состояла в том, что нам пришлось оставаться в костюмах для подводного плавания, кроме того, никто из нас не владел языком жестов, используемым в жидких средах, а именно так там предпочитали общаться.

Потом мы выбрались из океана, обсохли и еще раз напоследок обнялись перед тем, как нас загрузили в наши нормальные места обитания. Я обняла Дженис посильнее и прошептала ей на ухо:

— Береги себя.

— Кто, я? — ухмыльнулась она.

А потом там осталось только маленькое тело девочки с каштановыми волосами, и со стороны оно казалось очень одиноким; все остальные подключили электроды и перенеслись обратно, в свои привычные и очень далекие миры.

Как только я прибыла на Цереру, я включила свою аватару в квартире родителей. Они посмотрели на меня, как на привидение.

— Что ты здесь делаешь? — только и смогла проговорить мать.

— Мне тяжело вам об этом говорить, — сказала я, — но, похоже, вам придется нанимать адвоката.

На самом деле провернуть все это оказалось на удивление легко. Как вы помните, я помогала Дейну, специалисту по коммуникациям, отвечавшему за загрузку на Землю наших искусственных мозгов. Не забывайте, что моя диссертация посвящена взаимодействию систем, в силу чего я разбираюсь и в непригодности систем к эксплуатации.

Мне ничего не стоило устроить так, что парочка искусственных интеллектов начала носиться как бешеная в системе Дейна как раз в тот момент, когда он был занят нашей загрузкой. Это его так отвлекло, что, когда я предложила сделать работу вместо него, он тут же согласился.

А когда я получила доступ в систему, мне осталось только поменять местами пару серийных номеров — это заняло считаные мгновения.

В итоге в мое тело, тело девочки с каштановыми волосами, была загружена Дженис, и это она выслушивала произносимые тосты, и обнимала моих родителей *могши* руками. И именно она находится сейчас на Земле, получив инкарнацию и полный комплекс прав человека, так что ей ничего не грозит со стороны Анны-Ли.

Жаль, но о себе я того же самого сказать не могу.

Анна-Ли, конечно же, не могла сделать так, чтобы меня

убили, поскольку я ей не принадлежу. Но у нее была возможность подать в суд на моих родителей, которые, с ее точки зрения, позволили программному обеспечению, принадлежащему *им,* помешать ей отомстить программному обеспечению, принадлежавшему *ей.*

Анна-Ли, конечно же, вышла из себя в ту же секунду, как обо всем узнала, — а произошло это почти что сразу, ведь Дженис, выпив в честь праздника четвертый или пятый бокал, украшенный зонтиком, тут же послала ей по радиосвязи небольшое насмешливое сообщение.

Получила от Дженис послание и я: «Могла бы, по крайней мере, сделать мне рыжие волосы».

Ее волосы. Иногда я сама не понимаю, зачем в это ввязалась.

Вся эта история имела неожиданный побочный эффект: все мы стали знаменитыми. Оказалось, что возник беспрецедентный с правовой точки зрения случай, вызвавший большой интерес общественности, кроме того, в деле участвовали яркие личности. Средства массовой информации сделали звездами и Дженис, и меня, и Анну-Ли.

Анна-Ли ничего не выиграла от этой славы. У нее был слишком негибкий образ мышления, не позволявший ей выдержать то пристальное внимание и расспросы, с которыми приходится иметь дело любому известному деятелю. Столкнувшись с критическим отношением, она тут же потеряла над собой контроль. Одного из ведущих журналистов, который брал у нее интервью, она обозвала таким словом, которое я не стану повторять, поскольку вам, доктор Сэм, это не понравилось бы.

Какими бы ни были конкретные обстоятельства данного дела, при виде Анны-Ли, вопившей, что я лишила ее возможности реализовать ее неотъемлемое право — убить собственную дочь, мало кто решил встать на ее сторону. В конце концов представители Пяти Принципов поняли, что ее поведение бросает тень на их организацию, и Анну-Ли сменил официальный представитель движения, который старался не говорить лишнего.

Дженис тоже выступала с заявлениями, но не так часто, как ей хотелось бы, поскольку она находилась под домашним арестом за прибытие на Землю без визы и без внесения иммиграционной пошлины. Полицейские явились, пока она еще отсыпалась после всех выпитых ею коктейлей с зонтиками. Возможно, ей повезло, что ей особенно не позволили говорить, поскольку если бы она начала толкать свои напыщенные речи, то интерес к ней остыл бы так же быстро, как к Анне-Ли.

Было предписано депортировать Дженис обратно на Цереру,

но перевозку настоящего человека, прошедшего инкарнацию, организовать намного сложнее, чем затереть лазером симуляцию, так что ей нужно было дождаться корабля, приспособленного для перевозки пассажиров, а он мог прибыть и через несколько месяцев.

Она сказала, что может взять управление кораблем на себя, поскольку у нее была соответствующая подготовка, но ее предложение не приняли.

Диссертацию Дженис прочитали многие из тех, кто в ином случае и не узнал бы о существовании этой работы. А в обсуждении приняли участие миллионы как читавших, так и нечитавших. Некоторые говорили, что Дженис права, а другие — что Дженис в основном права, но преувеличивает. Были и те, кто считал, что проблемы в действительности не существует и что она носит исключительно статистический характер.

Были и те, кто считал, что проблема связана исключительно с программным обеспечением и что система будет работать хорошо, если симуляции станут в большей степени похожи на реальность. Мне пришлось высказать несогласие, поскольку мне кажется, что симуляции и без того похожи на реальность, но лишь для некоторых людей.

Проблема состоит в том, что люди воспринимают реальность несколько по-разному даже в том случае, когда сами они являются компьютерными программами. Программист может, приложив большие усилия, создать искусственную реальность, точно отражающую его собственное восприятие реальности, но для другого человека такой точности уже не будет, и соответствие окажется лишь приблизительным. Получается то же самое, как если бы все стали примерять себе на руку перчатку одного и того же размера.

Наконец, работу прочитал кто-то из университета Аделаиды, и Дженис предложили должность профессора на факультете социологии. Она согласилась, и ее выпустили из-под домашнего ареста.

«Бедная Австралия», — подумалось мне.

Мне часто приходилось выходить на видеосвязь. Я использовала все ту же аватару маленькой девочки и часто хлопала своими большими глазами. Я по-прежнему носила синюю одежду, в знак траура по Фрицу.

Почему, спрашивали меня, я стала что-то делать, чтобы спасти Дженис?

— Потому что мы — отряд, и нам полагается помогать друг другу.

Что я думаю об Анне-Ли?

— Я не понимаю, почему она жалуется. Я же сделала так, что Дженис теперь — уже не ее проблема.

А не был ли твой поступок кражей?

— Освобождение раба кражей не является.

И так далее. За все эти годы я натренировалась вести такого рода разговоры с родителями, и мое умение не пропало даром. Сотни отрядов, в полном составе, подписали петиции о том, чтобы дело было прекращено. Многие взрослые сделали то же самое.

Надеюсь, что это поможет, но судье, рассматривающему дело, полагается прислушиваться только к закону, а не к общественному мнению.

И все забывают, что судить будут не меня, а моих родителей, за то, что они позволили своему программному обеспечению украсть программное обеспечение Анны-Ли. И конечно же, я, а таким образом, и они, несомненно, виновны, поэтому моих родителей почти наверняка оштрафуют, и им придется расплатиться и деньгами, и баллами за гражданскую деятельность.

Меня это огорчает, а родителей, похоже, нет.

Как бы то ни было, судье придется принять достаточно интересное решение, касающееся того, каким образом оценить программное обеспечение, которое его владелец откровенно намеревался уничтожить.

Не знаю, доведется ли мне снова побывать на Земле. Я не могу занять свое место в городе Пиза, поскольку не прошла инкарнацию, и не знаю, сделают ли мне такое предложение еще раз.

Но, как бы все ни обернулось, Фриц так и останется обнуленным. И я по-прежнему ношу синее.

У меня больше нет подработки. Дейн со мной не разговаривает, поскольку получил выговор от начальства, и его подозревают в том, что он был моим соучастником. И даже те, кто мне сочувствует, стараются держать меня подальше от своих компьютеров.

И даже если мне удастся где-нибудь найти работу, я не могу получить инкарнацию до окончания судебного разбирательства.

Мне кажется, что единственный, кто остался безнаказанным, это Дженис. Как обычно.

Так что сейчас главная моя проблема — скука. Четырнадцать лет я провела в жестких рамках программы, предназначенной для того, чтобы наполнить мое время благоразумной, развивающей интеллект деятельностью, а теперь все это позади.

А заняться чем-нибудь неблагоразумным у меня нет

возможности до тех самых пор, пока я не пройду инкарнацию.

«Всякий либо является бездельником, либо надеется им стать».

Спасибо, доктор Сэм.

Я предпочитаю занимать свое время созданием картин. Возможно, их удастся продать и я смогу заплатить налог за поселение на Земле.

Я называю эту серию «Доктор Джонсон». Сэмюэл Джонсон на Марсе. Сэмюэл Джонсон посещает Нептун. Сэмюэл Джонсон с усмешкой разглядывает ледник Томаско. Сэмюэл Джонсон среди астероидов.

У меня еще много замыслов в таком духе.

Надеюсь, доктор Сэм, вы это одобрите.

Грег Ван Экхаут
Иди, пока можешь идти [129]

Я не ходил в школу из-за болезни нервов, но это не говорит о том, что я был тупым. Это значит лишь, что у меня оказалось много свободного времени. Я болтался с Бименом, мы прочесывали вдоль и поперек свалки Бывшего Города в поисках металлолома и прочего хлама, который можно продать. Мы стали хорошими бизнесменами.

Бимен — робот. Меня это не очень-то волновало. Из-под ободранной кожи у него на лице виднелись пластиковые щеки и механизм глаз. По-моему, Бимен выглядел классно, потому что не притворялся человеком. Он не хотел казаться фальшивкой.

Мы занимались привычным делом до того дня, когда я впервые почувствовал запах моря. Контуры небоскребов расплывались в небе белыми привидениями, где-то над нашими головами завывали полицейские сирены. Мы с Бименом сидели, прислонясь к бетонной стене. У моих ног лежала банка горохового супа с истекшим сроком годности, пара девятивольтовых батареек, моток провода и два стальных стержня, которые можно было использовать в качестве палочек для еды.

— Хорошая добыча, — сказал Бимен. Слова робота сопровождались легкими щелчками, от которых мне очень хотелось его избавить. Они появились в его речи из-за повреждения голосового блока.

— Кроме супа, — ответил я. — Я отнесу его домой, маме.

— Твоя мама жирная и слишком много ест.

— Закрой свою пасть!

Я треснул друга банкой по голове, но не сильно. Бимен не собирался грубить, просто программа выдала не те выражения.

Я хотел объяснить ему, что моя мама вовсе не много ест, просто в той дряни, которой ее кормят на обувной фабрике, содержится слишком много жиров и углеводов. Как растолковать роботу слово «углеводы» — то ли как слишком сильно заряженная батарейка, то ли, наоборот, недостаточно заряженная? И тут как раз подул этот ветер, не горячий и влажный, как всегда в Бывшем Городе, а прохладный, словно из открытого холодильника, и соленый.

— Что за чертовщина? — удивился я.

Бимен подключил свое обоняние. Мы с ним предполагали, что до того, как сломался и пришел сюда, он был кем-то вроде

повара. Сейчас я помалкивал, пока робот производил какой-то анализ. Спустя некоторое время он заявил:

— Я покажу тебе, чем это пахнет.

Он задрал футболку, которую носил не для того, чтобы походить на человека, а чтобы в трещины его туловища не попадала грязь, и показал картинку из своей информационной базы. На жидкокристаллическом экране, установленном над левым соском-отверстием, появилось большое поле, синее, как небо в погожий день, только жидкое и с белой полоской пены. Туда ныряли белоснежные птицы. Я увидел другой мир, необитаемый, без суматохи, без удушливой дымки, без покореженного бетона и мертвых шлаковых холмов. Безмятежный мир, простор до самой линии горизонта.

— Это море, — пояснил Бимен. — Мы чувствуем запах моря.

Наваждение продолжалось недолго. Капризный ветер утих, и вскоре Бывший Город снова источал запах Бывшего Города. Я ощутил непонятную боль — как будто у меня что-то отняли. Я сказал, что хочу к морю. Бимен пожал плечами и ответил:

— Почему бы и нет?

Конечно, мы не могли туда отправиться, но я решил не останавливать друга. Он говорил, что мы будем бродить босиком по воде. Мы станем нырять за моллюсками. Мы наловим крабов, разведем костер и сварим их. Мы даже сможем рыбачить.

— Рыбалка, — начал Бимен, — это когда…

— Я знаю, что такое рыбалка.

Если я не ходил в школу, то это не значит, что я ничего не понимал. Все-таки есть обязательная программа и книжки. Рыбалка — это когда обманом убиваешь рыбу, с помощью пищи, только это не просто пища, но еще и ужасный крючок, за который цепляется рыба. Ты вытаскиваешь ее из воды, и она умирает.

Я ответил, что на все это согласен, но сначала мне нужно зайти домой и взять кое-какие припасы. На самом деле это был лишь способ отделаться от Бимена. Я не собирался никуда идти, и уж точно — ни на какой пляж, который вполне мог оказаться на Луне. Напрямик я этого другу не сказал, потому что он становился раздражительным, когда чего-то не понимал. Однажды он объявил, что мы пойдем убивать драконов. Бимен порой путал реальность и вымысел. В тот раз он неделю приставал ко мне, напоминал, чтобы я остерегался драконов. Он все твердил, мол, драконы такие да драконы этакие. Все это продолжалось до тех пор, пока его случайно не дернуло током и он наконец не пришел в себя.

Итак, теперь я избегал Бимена почти целую неделю, которая из-за этого прошла невесело.

Моя мама шнуровала ботинки на обувной фабрике. После работы она лежала на кушетке и смотрела телевизор. На экране почти всегда были горящие дома или горящие пальмы, похожие на факелы.

— Я чувствовал запах океана, — сообщил я ей, стоя у плиты и вскрывая банку с тем самым гороховым супом. Содержимое плюхнулось восковым цилиндрическим комочком. Я размял его ложкой. — Это длилось всего минуту, — продолжил я, — но запах был приятный. — Я помешал и размазал суп по тарелке. — Мой друг Бимен знает, как добраться туда, к побережью. Он говорит, там хорошо. Я думаю, он жил там до того, как… как заболел и приехал в Бывший Город.

Мама знала, что у меня есть друг по имени Бимен, но это было все, что она о нем знала.

Суп становился все жиже и уже больше походил на еду. Когда он закипел, я выключил огонь, налил полную миску маме, полмиски себе и отнес все в гостиную.

Мама все так же лежала, уставившись в телевизор. Теперь там показывали больницу и окровавленных людей. Диктор рассказывал о нападении девок-мусорщиц. Я убавил звук и поставил перед мамой поднос с супом. Потом проверил ее пульс и зрачки, но она была в порядке. Она отработала семнадцатичасовую смену и просто чувствовала себя разбитой из-за какой-то пакости, которую рабочим добавляли в напитки, чтобы они держались на ногах. Я вложил ей в руку ложку, и она начала есть.

— Бимен говорит, что мы могли бы ловить рыбу прямо из моря. Он сказал, что серебристую можно даже есть. А что касается ночлега, то Бимен знает в скалах несколько пещер. — Я подхватил ложкой зеленый суп с уголка маминого рта.

В ту ночь я спал на крыше нашего дома. Когда солнце встало, я пошел и обменял сломанную технику на консервы. Остаток дня я провел, швыряя камни и пронзая воздух острым металлическим прутом. Я болтался на улице до самой темноты. Когда я вернулся домой, мама так и сидела там, подставив лицо излучению телевизора. Она даже не пошевелилась.

— Наверное, я пойду с Бименом, — сказал я. — Ты хочешь с нами?

С одной стороны, я мечтал, чтобы она сказала «да», потому что мне не хотелось оставлять ее одну. А с другой — боялся, что такого путешествия мама не выдержит. Кроме того, весь этот треп Бимена про побережье мог оказаться совершенной чепухой — не потому, что он врал, а из-за повреждений его головы.

Но мама вообще ничего не ответила.

Я открыл свой ящик и достал наши лучшие трофеи, которые приберегал на тот случай, когда смогу повыгоднее их продать или когда они действительно мне понадобятся. Я сложил все кучей на кухонной стойке и написал записку: «Мама, я отправляюсь с Бименом. Мы попытаемся найти море. Если хочешь, можешь продать этот хлам. Спасибо за еду, за кров и за одежду. Я тебя очень люблю. Не волнуйся».

Я встретился с Бименом на лестничной площадке, где он задержался, так как там имелась электрическая розетка, до которой он мог дотянуться с помощью удлинителя. Увидев меня, он вытащил штепсель, встал, спустился с лестницы и зашагал вперед. Я вышел вслед за ним в пышущую жаром ночь.

Я тащил на себе рюкзак, полный орешков, картофельных чипсов и бутылок с водой. У Бимена была сумка, но он не говорил, что в ней, а только сообщил, что заходил к алхимику. Из его объяснений я понял, что это кто-то вроде аптекаря.

— Ты в самом деле знаешь дорогу? — спросил я.

— Да.

Мы шли по крысиным тропинкам, обходя мусорные холмы. С их склонов, потревоженные грызунами и собаками, скатывались куски резины и пустые пластиковые бутылки. Бимен внимательно смотрел вокруг, улавливая десятки картинок и анализируя их с точки зрения возможной угрозы, такой как кочерга-головые, или девки-мусорщицы, или свиньи, или полицейские.

— И мы сможем есть рыбу? И жить в пещерах?

— Я же сказал.

— Но как получилось, что ты помнишь все про море, если не можешь вспомнить другие вещи, например, как ты попал в Бывший Город или что произошло с твоим лицом? Как ты можешь знать дорогу, ведь у тебя даже карты нет?

Бимен немного помолчал, обдумывая вопрос. Гравийная тропинка чересчур громко хрустела под нашими ногами. В воздухе запахло страхом.

— Побережья нет ни на одной карте. Настоящих мест там никогда не бывает.

На это мне нечего было ответить.

— Это как Моби Дик, — сказал он.

Я по-прежнему молчал, не понимая. В тишине раздавались лишь пощелкивания глазных камер Бимена.

— Ладно, — сдался он наконец. — Я не знаю дороги, но помню тропинку.

Я замер на месте. Он, глядя на меня, тоже остановился. Над нами было оранжевое небо. В мусоре копошились мелкие твари.

Теплый ветер разносил вопли и стоны. Так всегда было в Бывшем Городе.

Я закрыл глаза и вспомнил резкий, чистый запах моря.

— Пойдем просто вперед, — сказал я.

Бимен кивнул. Если бы у него были губы, я думаю, он бы улыбнулся.

К рассвету мы вышли к карьеру. Он был неглубок, но тянулся на многие мили. Механизмы с натужным кашлем подхватывали бетонные блоки и рассортировывали их по гигантским бункерам на платформах грузовиков.

— Мы будем обходить? — спросил я.

— Нет. Пойдем прямо.

— А что если нарвемся на карьерщиков?

— Одно из двух, — сказал Бимен. — Первое: постараемся задобрить их твоей едой и водой.

— А я что тогда буду есть?

— Вопрос сформулирован неверно, — сказал Бимен. — Лучше спроси, что они будут есть, если поймают нас.

— Ты ведь знаешь, что я бегаю быстрее тебя.

— Поэтому остается второй вариант: не попадаться им в руки. Мы двинулись вперед.

— Я начинаю вспоминать дорогу.

Бимен прокладывал путь сквозь лабиринт каменных отвалов. Крупные капли дождя с металлическим звуком плюхались на его тело. Мы завернулись в полиэтилен: нехорошо, когда на тебя попадает вода, из чего бы ты ни был сделан. Кроме того, робот спрятал лицо от строителей. Мы не хотели, чтобы на нас кто-то напал и забрал глаза Бимена на металлолом.

— О чем ты думаешь? — спросил я.

— О существах, на которых мы можем наткнуться в пути. Они опасные.

Робот обошел стелившийся по земле ядовитый газ от мусорных отвалов.

— Земли между Бывшим Городом и хорошими местами не заселены. Там могут быть ронины — самураи, у которых нет властелина. У них свои правила.

Это мне было не очень ясно, но потом Бимен сказал, что они, как девки-мусорщицы, у которых нет королевы, и я понял.

— Это только проблески памяти, — признался он. — Я видел самураев, когда в первый раз шел к Бывшему Городу.

— Так ты не помнишь никаких надежных уловок против них? Он долго жужжал и щелкал. Потом предложил:

— Может быть, тебе стоит вернуться?

Я знаю, у Бимена не могло быть чувств. Существовали лишь режимы поведения. Так что из того? У моей мамы были эмоции, но их убили шнуровка ботинок и допинг. Если программа заставляет тебя поступать по-дружески, разве это хуже, чем иметь чувства? Бимен был моим другом, и мне этого хватало.

Думаю, в душе многих из нас есть что-то такое, что заставляет куда-то стремиться, искать приключений — как в обрывочных историях Бимена. Но что происходит, если идти некуда? Когда вокруг, куда ни глянь, одно и то же? Наверное, в этом случае люди кончают так, как моя мама. Словно внутри человека живет птица, но не может улететь, а только мечется, пока не переломает себе кости.

Возможно, море Бимена было не более реальным, чем его самураи и драконы.

Ну и пусть. Я не хотел умереть из-за поломанных костей.

Я почувствовал вибрацию прежде, чем что-либо услышал, затем ощутил толчки под ногами и тошнотворную дрожь в кишках. Потом раздалось рычание, низкое, утробное и очень громкое. Впереди сквозь пыльный воздух мы увидели веер голубого света. Над грядой холмов возник неясный контур купола с шипами, его обвивали нити растревоженного ядовитого газа. Купол поднял в небо крылья, похожие на стрекозиные. Я попробовал что-то сказать, но язык у меня прилип к нёбу.

— Это дракон? — выговорил я наконец.

— Сторожевой трутень, — щелкнул Бимен. — Они охраняют здесь внешнюю границу. Но мы можем называть его драконом. Наверняка.

Хриплый визг оглушил меня, когда это чудовище покатилось вперед на гибких лапах. Из-за неисправности солнечной батареи «крылья» его вывернулись наружу. Шипы же на спине были не чем иным, как системой датчиков. Это не дракон. Но он может плеваться огнем. Расположенные на носу орудия раскрасили нас с Бименом красными точками прицела.

— Что будем делать? — хрипло прошептал я.

Бимен повернул ко мне свое ободранное лицо.

— Мы убьем его, — сказал он. — Иди за мной. Неуклюже пошатываясь на скрипучих ногах, он помчался к высокой куче шлакоблоков, залатанных лоскутами из отбросов. Наше перемещение подхлестнуло стражника, и, пока я догонял Бимена, орудийный огонь поливал мне пятки ошметками грязи. Задохнувшись, я бросился на землю и покатился, как мячик. Жужжание и ворчание трутня приближалось.

— Не бойся, — произнес Бимен громким, но ровным голосом.

— Мы умрем, — огрызнулся я. — Буду бояться, сколько мне захочется.

— Нет, ты не прав. Если будешь очень бояться, то не сможешь прицелиться.

Он вынужден был еще повысить голос, так как грохот усилился. Я закрыл голову руками. Осколки сыпались мне на пальцы.

— Открой глаза, — сказал мой друг. — И я сделаю тебя убийцей драконов.

Я почувствовал, как его холодные пластмассовые пальцы отрывают мои руки от головы. Сопротивлялся я недолго. Бимен был сильнее меня.

— Вот. — Он протянул мне твердый шар, завернутый в коричневую гофрированную бумагу. Сверху из него торчал тугой завиток.

— Это… граната?

— Это то, что мне дал алхимик. Я подожгу ее, а ты бросай. — Он нажал большим пальцем на зажигалку.

— Погоди! А почему именно я должен бросать?

— У меня проблема с плечевым суставом, — объяснил он. — Я могу промахнуться.

А я мог замешкаться с гранатой, и мне оторвало бы руку.

Я услышал, как что-то просвистело рядом с моим ухом. Пули насквозь пробивали блок, за которым мы спрятались.

Чтобы проделать все правильно, я должен был прицелиться. А это означало, что мне надо встать и высунуть голову из-за стены. От одной мысли, что я подставлю себя под гудящие орудия, ноги у меня ослабели.

— Боюсь, что не смогу, — сказал я и услышал в своем голосе слезы, но на это было уже наплевать.

Бимен не стал со мной спорить. Он поднес зажигалку к гранате. Запал зашипел и заискрился.

Кажется, я закричал. Кажется, я встал и увидел, что гудящие орудия развернулись в мою сторону, а затем лазеры ослепили меня. Но я знаю точно — гранаты у меня в руках больше не было, а куски бронированного покрытия, алюминиевых стержней и гибких ячеек сыпались градом. И еще послышался оглушительный грохот, меня отбросило назад. Было такое ощущение, словно по голове ударили битой.

Я лежал на земле, изо всех сил зажмурившись и ожидая стрельбы. Но время шло, а слышно было лишь мое дыхание. Я открыл глаза. Надо мной стоял Бимен.

— Теперь ты убийца драконов, — произнес он, помогая мне

встать.

— Дерьмо, — отозвался я, еще не придя в себя от испуга. Я чувствовал и облегчение, и злость на Бимена. А еще, по-настоящему гордился собой за то, что уничтожил чудовище. Я хихикнул. — Дерьмо.

Бимен побрел по обломкам трутня.

— Положи в свою сумку, — сказал он. — Детали дракона могут быть ценными.

Два дня спустя мы вышли на дорогу. Я раньше уже видел дороги — они сохранились даже в Бывшем Городе, — но не такие. Она возвышалась над землей на мощных столбах. Непрерывный рев автомобилей напоминал вой ветра и гул стремительного водного потока. Бимен мог не объяснять мне, что это Верхняя Дорога, о которой все знали. Никогда не думал, что увижу ее. Услышав шум машин, я ощутил острое чувство скорости, движения, понял, что люди спешат, что они должны куда-то мчаться.

Я посмотрел, нельзя ли забраться наверх. Там виднелось высокое ограждение, с витками острой как бритва проволоки. Она была так плотно скручена, что сливалась в сплошное мутное пятно. Внизу лежали изрезанные тела людей, пытавшихся преодолеть преграду.

— Человек не ходит через Верхнюю Дорогу, — заявил Бимен. — Человек ходит под ней.

Мы прошли вдоль полотна много миль. Глаза Бимена продолжали щелкать, но он не говорил, что высматривает. Порой мы отклонялись от дороги и приближались к возвышавшимся в отдалении дюнам. Наконец робот остановился перед металлическим люком. Я помог Бимену стряхнуть пыль с рифленой крышки, и мы двумя рывками открыли ее. В темноту люка ныряла ржавая лестница.

— Это слишком просто, — сказал я.

— Подожди, вот спустимся, — сказал Бимен, — тогда увидим, будет ли и дальше так легко.

Мы шли под дорогой. Зеленоватый колдовской свет позволял видеть на несколько ярдов вперед, но не более того. Над головой шумели машины, так гулко и мощно, что пол дрожал под ногами. Некоторое время мы никого не встречали на своем пути, кроме пузатых ящериц с тускло блестевшими глазами.

— Если этот путь ведет в хорошие места, то, наверное, его кто-то охраняет.

Щелчки в речи Бимена усилились, как будто он не был

уверен в том, что хотел сказать.

— Там есть стража, — сказал он наконец. — Просто они пока не выдают себя.

И тут я услышал голоса. Они плыли и кружились в воздухе.

— А алхимик не дал тебе больше гранат? — спросил я. Но Бимен промолчал.

Спустя некоторое время голоса стали слышнее, скрипучие, как у старух. Мне почему-то вспомнилась мама. Хотел бы я знать, встала ли она с кушетки. Я оставил ей достаточно трофеев, чтобы продать их и накупить продуктов на несколько недель. Если бы она сидела там, страдая от голода, я сошел бы с ума.

— Я не должен был покидать маму, — сказал я.

— Осторожно! Стражу привлекают твои боль и страх.

— Ну и что? Все равно я не должен был ее покидать.

— Выпущенная пуля не выбирает траекторию.

Я немного поразмыслил над его словами, а голоса змеились вокруг, как провода.

— Но я сам выстрелил из пистолета.

— И это лучшее из того, что ты когда-либо делал. Теперь ты не кончишь, как остальные. Что бы ни случилось, ты добьешься чего-то в жизни. Или, по крайней мере, попытаешься. Даже не важно, что это будет. Важно что-то делать.

Я подумал, что звучит это здорово. Но мне было не до красивых слов.

— Я не хочу, чтобы моя мама голодала, — сказал я.

— Она не будет голодать. Действие допинга не продлится дольше двух смен. Она придет в себя и увидит твою записку, а ты свою маму хорошо обеспечил. К тому же она толстая.

— Да, — согласился я. — Наверное, это хорошо.

Бимен громко щелкнул. Впереди, в нескольких ярдах от нас, стояли три фигуры. Они были в юбках, свитых из травы, рубашек на них не было, так что их голубоватые вздувшиеся животы и безобразные плоские груди были на виду. Тела оказались сплошь размалеваны, у каждой на свой манер: у одной по всему туловищу красовались глаза, у другой — уши, у третьей — языкастые рты.

Бимен церемонно поклонился:

— Приветствуем вас, дорожные ведьмы.

Та, что с узорами в виде ушей, слегка развернулась и подалась всем телом в нашу сторону. Потом сделала шаг вперед другая, с глазами.

— Вы ошибаетесь, — сказала первая. — Мы не дорожные ведьмы. Те девчонки были неженками. Они погибли. Не они ли содрали с тебя кожу, пластмассовый человек?

— Они к тому же отобрали у меня память. По-моему, я уже ходил этим путем, но я не уверен. Я никогда ни в чем не уверен. А кто же вы, леди?

— Мы еще те штучки. Нам-то уж точно цена повыше. Мы ведьмы пропащих.

— Но мы не пропащие, — возразил я. — Мы идем к морю. Мы чувствовали его запах. Мы идем, чтобы доставать рыб и есть их.

Та, что с языками, негромко засмеялась, но смех ее так гулко прокатился по туннелю, словно все три ведьмы захохотали разом.

— Один из вас, может быть, попробует рыбу, — сказала она. — Но не оба.

— Ну да, Бимен не ест, — уточнил я. Мне казалось, что это достаточно очевидно.

Но Бимен прощелкал:

— Они не это имеют в виду.

— Вопрос в том, — подтвердила языкастая, — кто из вас дойдет? Двоих встречаем — одного пропускаем. Это наша добыча.

Я понял. Кто-то должен умереть, чтобы другой мог продолжить путь. У меня был опыт торговли в Бывшем Городе, я понимал, как совершаются сделки. Им нужна была чья-то жизнь.

— Нам следовало взять кого-нибудь, — сказал я. Бимен щелкнул.

— Бежим. — Я дернул его за руку. — Мы найдем другую дорогу.

Но Бимен не двигался с места. А потом он сделал нечто странное, да так быстро, что я не успел его остановить. Он задрал футболку, с треском сорвал крышку в центре груди и вытащил оттуда блок питания. Это была маленькая черная коробочка с несколькими хвостиками проводов. Робот уронил ее на землю, а затем упал на колени. Если бы из твердого пластика мог спуститься воздух, то это произошло бы именно так.

Какой же Бимен идиот! Я схватил блок, чтобы воткнуть его обратно. Но из полумрака ко мне протянулись руки. Они были похожи на лапы пауков или клешни крабов. Я заорал, когда они поползли вверх по моему телу, я отбивался, брыкался, чертыхался, не выпуская блок питания. Но мои пальцы разжали силой и отняли жизнь Бимена.

Схватив свой трофей, ведьмы бросились врассыпную. Я погнался за ними, но, не зная, у кого из них блок, метался из стороны в сторону, и ругался, и плакал, пока не потерял их в темноте.

— Ну и балбес же ты, Бимен! — Мне хотелось пнуть его. — Чертов балбес!

У него оставалась маленькая резервная батарейка. Она была рассчитана только на подзарядку часов, да еще предупреждала о необходимости экономить энергию, когда блок питания разряжался. Только благодаря этому глаза у Бимена погасли не сразу. И он успел сказать мне перед последним щелчком:

— Иди куда-нибудь. Делай что-нибудь.

Я оглянулся туда, где были ведьмы. Может, еще не поздно с ними договориться? Но они исчезли.

Я попытался поднять Бимена, но он оказался ужасно тяжелым. Тогда я поволок его по камням и строительному мусору, обдирая пластиковую кожу. Это была совершенно безнадежная затея. Ведь для того, чтобы попасть сюда, мы спустились по лестнице, и я представлял себе, что для того, чтобы выйти наружу, надо подняться по лестнице вверх, а я понятия не имел, как сумею втащить туда робота.

Прошло немало времени, но в конце концов я добрался до лестницы.

Я похоронил своего друга не под мусором, а под чистыми камнями, самыми чистыми, какие только смог найти. На большом булыжнике я нацарапал отверткой букву «Б» и перевернул его вниз надписью, чтобы никто не догадался, что там спрятано что-то важное.

Потом я поступил так, как мне велел Бимен. Помчался вперед, словно выпущенная из пистолета пуля.

Насчет пляжа он был не прав. Песок оказался белым, как кость, но в нем блестели осколки стекла, валялись бочки всех видов, консервные банки и множество дырявой посуды. Там обнаружилось много хлама, который стоило собирать, даже получше, чем в Бывшем Городе. Я занялся привычным делом — копался в отбросах.

Люди здесь жили в лачугах и в пещерах, и я учился различать, с кем иметь дело, а кого избегать. Спустя пару недель я освоился.

Темно-зеленое море простиралось во все стороны до горизонта. Оно был всегда в движении, мерцающее, необъятное, оно накатывало на берег и разбивалось, оставляя на песке волнистые водоросли. Иногда я взбирался на скалы, ложился на живот и смотрел вниз. Подо мной метались в воде серебристые тени, и хотя я заготовил хорошую острогу, все же решил не ловить рыбу, пока не буду по-настоящему голоден.

Зато я ел крабов, которых находил в песке, они этого заслуживали: уж очень напоминали мне ведьмины руки.

Каждый вечер садилось солнце. Оно казалось таким большим,

когда висело над самой водой. Это самое красивое зрелище, которое я видел в своей жизни, может быть, самое красивое в мире.

Я кочевал с места на место и скоро потерял счет времени.

Но вот однажды я увидел город. Стоял ясный день. У самого горизонта искрились под солнцем башни. Этот город был словно сделан из оранжевого стекла, как садившееся в воду солнце. Может быть, когда Бимен рассказывал мне о море, он как раз это и вспоминал.

Я не умел плавать, но смог бы добраться туда на плоту. Собирая материал для постройки судна, я вдруг обнаружил полузасыпанную песком черную коробку. Я сразу понял, что это.

Я подержал блок питания в руках, потом очистил от песка контакты.

Бимен не был моим духовным наставником или каким-нибудь магом, толкавшим меня на рыцарские странствия. Он ведь всего лишь робот с неисправными мозгами. Я толком так и не понял, как он убедил меня отправиться с ним в путешествие. Потому что его ум был поврежден? Почему пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы я смог его завершить? Наверное, потому что у него были сломанные механизмы и никуда не годный код. Или потому, что мы были друзьями.

Далеко впереди тускнел в закате золотой город. А далеко позади, на дороге, лежал мертвый Бимен, или то, что от него осталось.

Я подождал, пока солнце совсем сядет, и пошел прочь от берега в надежде, что сердце в моих руках все-таки исправно.

Роберт Рид
Хорошая гора [130]

Точка на старой бумаге

Край мира. Приближаемся к Краю мира! Смотритель червя, пожилой мужчина по имени Брейс, стоял посреди длинного кишечного тракта. На нем были заплатанная, но безупречно чистая темно-серая форма и сапоги на мягкой подошве. На бедре висела дыхательная маска. В сильных руках смотритель держал наполненное густой белой целебной мазью ведро из ангельского дерева. Мазь источала кислый запах. Перед именем, вышитым на кармане рубашки, было указано звание — «мастер». Громким глубоким голосом мастер Брейс пояснял нескольким дюжинам пассажиров:

— На этой станции вы сможете пересесть на транспорт, направляющийся к Хаммеру, Мистеру Лоу и Зеленому острову. Если Край мира и есть место вашего назначения, желаю вам удачи. Пожалуйста, собирайте вещи и готовьтесь к проверке на контрольно-пропускном пункте. А если вы намереваетесь продолжить путешествие в этом замечательном черве, сообщаю, что наша следующая остановка — Левое захолустье. Конечный пункт следования — порт Краусс.

Смотритель уверенно улыбался, говорил спокойно и размеренно. В его присутствии ничего не подозревающий сторонний наблюдатель запросто мог решить, что в мире царит полный порядок.

— Но даже если вы планируете остаться со мной, — продолжил Брейс, — вам все же придется выйти на Краю мира хотя бы на некоторое время. Моей малышке нужно отдохнуть и пообедать. К тому же необходимо обработать ее маленькие ранки. — Затем он подмигнул пассажирам и направился с ведром к желудку, где размещались псевдолюди. — Мы и застрять тут можем, — пошутил старик. — Но это маловероятно, не волнуйтесь.

Опал вздохнул и прислонился к теплой розовой стене. Слова смотрителя не внушали ему беспокойства и не потому, что Опал отличался храбростью. Просто Опал и без того был слишком напуган, так что для новых тревог почти не осталось места. По крайней мере, в тот момент ему так казалось. Да, после того как Опалу удалось выспаться, он чувствовал себя значительно увереннее. Постепенно давал о себе знать осторожный оптимизм. Подумав о проделанном пути, Опал понял, что пересек уже большую часть мира и не будет особым преувеличением сказать, что порт Краусс ждет прямо за горизонтом.

Ему даже удалось выдавить вполне сносную улыбку, и,

наблюдая за другими пассажирами, Опал заметил лицо с выражением такого же оптимизма.

Невысокого роста и довольно привлекательная стройная молодая женщина расположилась прямо напротив него. Вероятно, она села в червя, когда Опал спал. «Может, на Распутье», — предположил он. В том древнем городе имелся прекрасный университет. Сейчас все учебные заведения официально закрыты, и, возможно, это студентка, направляющаяся домой. С собой она везла лишь несколько небольших сумок. На узких коленях лежала тяжелая книга. На одном боку висела дыхательная маска, которой, казалось, никогда не пользовались, на другом — мощный фонарик. Одежда пассажирки была удобной, но лишенной легкости — сотканная из зеленой шерсти, на коленях и локтях толстые кожаные вставки. Пальцами ног женщина теребила плед. У ее кожаных сапог была жесткая резиновая подошва, и поэтому она не носила их внутри червя. Казалось, женщина приготовилась к долгому путешествию в холодную темноту. Она улыбалась, вероятно строя планы на будущее. Но куда она ехала?

Опал поймал взгляд незнакомки, кивнул и дружелюбно подмигнул.

— Вы направляетесь туда же, куда и я, мисс? — осведомился он. — В порт Краусс?

Студентка помедлила с ответом, глядя на других пассажиров.

— Нет, — ответила она. Опал решил, что понимает.

— Но вы проедете через Краусс, — настаивал он. — Возможно, по пути в какое-то другое место?

Он думал о Новых островах.

Но женщина покачала головой. По-видимому, она была немного смущена, однако в то же самое время наслаждалась его замешательством.

В кишечнике червя была хорошая слышимость. Один за другим трое молодых людей назвали предполагаемые места назначения, выбирая маленькие города, расположенные на дополнительных маршрутах. Каждый мужчина очень хотел, чтобы эта молодая женщина направлялась туда же, куда и он.

— Нет, — ответила она. — Нет. Мне очень жаль, но нет.

Другие пассажиры тоже решили поучаствовать в этой незамысловатой игре, и женщина, к ее чести, оставалась веселой, терпеливой и сразу всем отвечала. Затем большой червь принялся переползать на один из боковых путей, его мускулистое тело тряслось и изгибалось. Внезапно появился повод ускорить игру. Эти молодые люди сходят здесь; разве не заслуживают они одного или двух намеков?

— Ладно, — кивнула женщина. — Дорога мне предстоит неблизкая. — Она захлопнула книгу и широко улыбнулась, думая о месте, в которое направлялась.

— Левое захолустье?! — крикнул кто-то.

— Уже предлагали, — пожаловался другой пассажир.

— Куда же еще можно ехать?

— У кого-нибудь есть карта?

Опал встал. Когда червь, в котором они сейчас путешествовали, был молодым и сравнительно маленьким, в его мясистых боках проделали отверстия, не затрагивающие крупные группы мышц. Эти отверстия закрыли резиновыми пробками и увеличивали их размер по мере роста червя. Наконец их заменили небольшими мутноватыми пластиковыми окнами. Через эти окна были видны высокие здания города, их длинные тени, а также ясное небо. Его цвет довольно точно соответствовал представлениям Опала о ночи. Интересное путешествие, и оно еще не закончилось. Не в первый раз Опал жалел, что не ведет дневник. Однажды, когда появится время — возможно, на Новых островах, — он напишет подробный отчет обо всех ужасных событиях, а также о своих триумфах.

Дюжина путешественников изучали сейчас свои карты и выкрикивали названия крошечных поселений и покинутых городов. Когда-то люди жили во Вздыбленных землях и за ними, но с тех пор минуло много лет. Только на самых старых картах были обозначены эти места, в которые уже давно никто не ездил. Молодой человек, очень высокий и пугающе худой, стоял рядом с женщиной — по мнению Опала, слишком близко, — и перечислял названия станций, существовавших лишь в виде выцветших надписей на листе пожелтевшей бумаги, которую он держал так, чтобы на нее падал свет из окна.

— Да, — один раз произнесла женщина.

Но высокий мужчина этого не заметил. Он продолжал читать названия, водя пальцем по черной линии на карте, и женщина говорила: «Нет, нет, нет», мило улыбаясь его глупости.

Но Опал оказался внимательнее.

— Повтори, что ты читал раньше, — попросил он. Обеспокоенный тем, что его прервали, пассажир посмотрел на него.

Старая коренастая женщина вытянула руку и хлопнула парня между лопаток.

— Она же сказала «да». Ты разве не слышал?

— Читай в обратном порядке, — велела другая женщина. Молодой человек совершенно растерялся.

Опал взял у него карту и высказал свою лучшую догадку:

— Может, Хорошая гора? Женщина еще раз сказала «да».

— А что это за название? — спросил парень, забрал свою карту и принялся аккуратно ее складывать. — Что означает это слово? «Гора»? Никогда раньше его не слышал.

Но игра уже закончилась. Внезапно вернулся старый смотритель, держа в костлявой руке пустое ведро.

— Мы прибыли на станцию «Край мира», — громко объявил мастер Брейс.

Червь остановился.

— Моей малышке нужно подышать и поесть, — напомнил смотритель. — Поэтому прошу вас выйти. Вместе с багажом и билетами. — Затем на его обветренном лице появилось озорное выражение, и он добавил: — Но если вам угодно, можете оставить здесь свои надежды. Мне бы они не помешали.

Несколько пассажиров засмеялись этому мрачному юмору. Но большинство, недовольно забурчав, просто покачали головами или тихо сплюнули на розовый пол.

Молодая женщина взяла с собой книгу, сумки и тяжелые сапоги. Среди всех остальных пассажиров ее выделяла радостная улыбка.

О месте, куда она направлялась, — загадочной Хорошей горе женщина ничего не сказала.

Немного истории

Любая обжитая местность служила когда-то игрушкой капризных ветров. Но край, где вырос Опал, по-прежнему являлся относительно молодым и большую часть своего существования дрейфовал по океану.

Опал гордился родной древесиной. Плотная, волокнистая, темная и с толстой кутикулой. В глубине древесина была почти черной и источала приятный запах при распиливании стальными пилами. Судя по внешнему виду и генетике, она являлась потомком родов «Грейтелл» и «Свитсап». Согласно самым старым морским картам остров, соответствующий этому описанию, впервые столкнулся с Континентом возле того места, которое сейчас называлось «порт Краусс». Но надолго остров там не задержался. В те древние времена Континент вращался, хотя и необычайно медленно, словно гигантское колесо, глубоководные корни помогали его зеленой поверхности держаться в лучах вечного солнца. Крошечный безымянный остров прицепился к внешнему краю колеса и оставался там, пока не оказался в полярных водах. Затем упоминание о нем исчезло из всех записей — вероятно, он отдрейфовал в холодный сумрак.

Остров, неспособный расти, уменьшался. Испытывая голод, он исчерпал свои запасы сока. Вероятно, этот участок суши мог бы еще несколько раз соприкоснуться с Континентом, но какое-нибудь течение или случайный шторм неизменно отгоняли его в сторону. Таким образом, остров блуждал по темному лику мира. Свидетельство тому сохранялось и по сей день: самая старая древесина была полна шрамов и пурпурно-черных узлов — признаков перенесенных лишений. Ни единым лучом солнце не касалось его обесцвеченной поверхности. Голодая, остров переваривал свои глубоководные корни и каждую крупицу крахмала. На поверхности процветали сапрофиты, а глубины прогрызались гигантскими червями. Но все эти враги являлись и благом. Самые высокие ветки сапрофитов улавливали случайные бризы, помогая становящемуся все более хрупким острову дрейфовать по спокойной воде, а благодаря червям в его теле образовалось много наполненных воздухом пустот, поэтому ему удавалось легко держаться на поверхности.

Наконец полумертвый остров попал в штормовой пояс, и бури вынесли его под неподвижное солнце. Там он опять покрылся зеленью и пустил новые корни, которые поглощали минералы из почти бездонного океана, изгибались и колыхались, чтобы помочь острову остаться на ярком солнечном свету.

Именно тогда образовалась новая древесина, потекли реки питательного сока, и множество колонистов начали прибывать к берегам острова, в том числе далекие предки Опала.

Двенадцать сотен лет назад остров снова столкнулся с Континентом, налетев на этот раз на восточный берег. Место столкновения находилось очень далеко от порта Краусс. Подветренный край острова врезался в равнину Славных деяний. В то же самое время другое дрейфующее тело врезалось в него сзади. В течение следующих нескольких лет прибыло еще два острова. В подобных случаях острова часто раскалывались, или же сначала одна их часть вздымалась, и потом они, не выдерживая напряжения, все равно разламывались. Иногда слабые дрейфующие тела заталкивались под древний Континент, начинали там гнить и выделять анаэробные газы. Но родной остров Опала оказался не только прочным, но и на редкость удачливым. Образующая его древесина изогнулась, образовав ряд фантастических хребтов и глубоких долин, но ему удалось уцелеть в отличие от островов, приплывших к Континенту после него. Тело острова надолго нашло укромный уголок внутри Большой Матери мира.

Когда Опал появился на свет, его родина находилась далеко от открытой воды. Солнце перемещалось по небу, но никогда не поднималось слишком высоко и не скрывалось за линией горизонта. К тому времени к Континенту прикрепилось множество островов и два небольших континента, элегантное колесо превратилось в громоздкий овал. Этот овал напоминал цельный неподвижный купол, закрывающий большую часть дневной стороны мира. Между прибывавшими островами происходила борьба, и самые слабые оказались погребенными в глубинах океана. Эти «трупы» напоминали киль большого корабля и удерживали Континент на одном месте. Только сильнейшие течения и самые продолжительные ветра могли сместить овал к востоку или западу.

Когда Опал был маленьким, случилось несчастье. Пассаты внезапно усилились, и за год Континент отдрейфовал на запад почти на тысячу километров. Города и целые края погрузились во тьму. Миллионы свободных граждан видели, как гибнет урожай и голодает их родина. Наиболее благоразумные ушли, предпочитая стать беженцами. Однако нашлись и исключения. Например, жители порта Краусс решили остаться и во мраке изо всех сил бороться с трагедией.

Маленькому мальчику катастрофа не принесла ничего, кроме веселья. Волнующая атмосфера и приятное чувство опасности. Странные новые дети прибывали со своими необычными семьями

и селились в крошечных домах, предоставленных им благотворительными организациями и фондами. Опал познакомился с несколькими из этих людей, и они рассказывали ему о бесконечной ночи и о мерцании безымянных звезд. Но он все еще не понимал, что теперь его жизни угрожает опасность. Опал был смышленым ребенком, но обычным. И он воспитывался в обычной семье, которая уверяла его, что пассаты скоро ослабнут и Континент вернется на прежнее место. «Все мертвое снова станет живым, — твердили родные. — Темные земли снова зацветут». И поскольку Опал был маленьким и от природы склонным к оптимизму, он с нетерпением ожидал, когда же начнется это замечательное возрождение.

Но мальчик превратился в менее оптимистично настроенного молодого человека, а молодой человек стал обычным респектабельным учителем литературы. Во время среднего цикла между одним тихим сном и следующим Опал и не предполагал, что в мире произойдут хоть какие-нибудь важные перемены.

Ни о чем не подозревая, он спал у себя дома, когда в результате средней силы толчка земля разделилась.

Датчики раннего оповещения зафиксировали это событие. Опал прочитал о землетрясении в утренней газете, но никто из экспертов не упоминал о какой-либо особой опасности. Континент всегда смещался и раскалывался. Затонувшие острова разрушались, и пузыри сжатого газа постоянно проталкивались к поверхности. Для беспокойства серьезной причины не было. Опал позавтракал и поехал на велосипеде на работу в небольшую помещичью школу, находившуюся на более мягкой и бледной земле сразу за его родным поселком. Там Опал провел занятия по классической литературе со своими равнодушными учениками, высидел долгое совещание в департаменте, затем вернулся домой, где в тишине поужинал и принялся читать. Наконец ему захотелось спать, он натянул на голову ночной колпак и свернулся в постели.

Опал жил в длинной процветающей долине в маленьком, относительно новом доме, стоящем на окраине родительской фермы. Сам он фермером не был и поэтому сдавал большую часть земли в аренду соседям. Те выращивали сельскохозяйственные культуры и разводили скот — молочные породы. Как только животные старели, они тут же шли на тушенку и костяную муку. Еще соседи держали ползунов — ради сладкого мяса. В хозяйстве использовался труд псевдолюдей — эти существа обрабатывали землю и ухаживали за животными. Таким образом, на ферме постоянно кипела работа.

Опал поднялся со следующим циклом и отправился

преподавать в школу. Точно так же он поступал во все последующие циклы.

Прозрачная кутикула из твердого воска покрывала черновато-зеленую долину. Ее грубые стены заросли эпифитами и кишели паразитами, вылезающими из щелей и червоточин. Встречались даже дикие животные, но по сравнению с тем временем, когда Опал был маленьким, их количество сократилось. С каждым проходящим годом людей становилось больше, о лесах заботились лучше, и, как все населенные части мира, его родной уголок становился цивилизованным, преуспевающим и обычным.

В течение двадцати циклов Опал жил, ни о чем не беспокоясь, и не подозревал о том, что за первым землетрясением последовал ряд вибраций и медленных скрытых смещений, которые позволили газу и черной морской воде проникнуть в промежуток между бывшим островом и погребенной береговой линией. Никто не знал об этой опасности; впоследствии некого было винить. Более того, лишь несколько десятков людей погибли в ходе разыгравшейся трагедии, и это означало, что ее почти не заметили за пределами края, где жил Опал.

В то последнее утро он проснулся и тихонько выскользнул из дома. В его постели все еще спала соседка. Она пришла к нему в конце последнего цикла, немного пьяная и настроенная на секс. Опал при случае наслаждался ее обществом, но не чувствовал себя обязанным быть рядом с ней, когда она проснется, вот почему он быстро оделся и уехал в школу. Никто не знал, что морская вода и ее яды движутся в такой близости к поверхности. Вскоре находящаяся под давлением вода попала внутрь открытого колодца, над которым было лишь небо.

Образовавшийся в результате гейзер являл собой впечатляющее зрелище; так говорили все выжившие. Вероятно, обреченные были потрясены еще больше, наблюдая, как в воздух с шумом взметнулся столб соленой воды и пены, как вокруг падают куски древесины и пузырями выходит на свободу газ — смесь метана и сероводорода.

Удушье стало основной причиной смерти людей и остальных живых существ.

Целая долина погибла за считаные минуты. Но высокие горные хребты удержали яды, не допустив массовой гибели. Прежде чем Опал узнал о случившемся, катастрофа завершилась. Когда он вернулся домой, бригады псевдолюдей, одетых в водолазные костюмы, уже перекрыли гейзер. Инженеры составляли планы восстановительных работ. Обстановка была достаточно безопасной, и выжившие могли, прижав к лицу надушенную тряпку, с тоской смотреть с горного хребта на

последствия трагедии.

Вода затопила дно долины — стоячее серое озеро уже нагревалось под ярким солнцем. Покрытые лесом склоны затонули либо были обесцвечены удушающими газами. Опал с места, где он находился, не мог видеть свой дом. Но долина под морем все еще была жива, оставалась яркой черновато-зеленой. Придется установить насосы, осмотические фильтры, и тогда все остальное можно будет спасти. Но если работа затянется, слишком много соли пройдет через кутикулу, и тогда древесина заболеет и погибнет. Долина превратится в огромную язву, атакуемую грибками и гигантскими червями. Если позволить природе действовать свободно, эта крошечная часть Континента прогниет, вновь поднявшееся море будет распространяться вдоль древних линий сброса, и газ в огромном количестве пузырями выйдет на поверхность, быстро отравляя воздух.

Людям следовало спасать долину.

Что могло заставить их поступить иначе? Опал знал, что поставлено на карту, — многие предсказания гласили, что это неизбежно. Но он не мог справиться с эгоистичной потребностью наслаждаться следующим циклом и всей жизнью. Это земля всегда являлась частицей его души. Почему ее не нужно спасать? Пусть другие люди лишатся родных уголков. Пусть Континент погибнет везде, но не здесь. Вот что сказал себе Опал, охваченный кратковременным оптимизмом, когда шел по тропинке, прижимая надушенную тряпочку к носу и рту.

Там, куда газам не удалось добраться, по-прежнему процветали эпифиты. Каждое дерево стояло отдельно от своих соседей, подобно волосам на голове пожилого псевдочеловека. Лес был высоким и открытым, что, в свою очередь, позволяло земле получать солнечный свет. Дневные тараторки, сложив кожистые крылья, сидели на высоких ветвях и с тревогой наблюдали за Опалом ярко-голубыми глазами. Гигантские лесные тараканы ползали от трещины к трещине. В гнездах из ворсинок и переплетающихся веток прятались дикие ползуны, которые кричали на Опала мягкими заунывными голосами. Затем тропа повернула, и все изменилось. У деревьев лежали мертвые тараторки, а также множество чешуйниц и молодых червей, выползших перед смертью из своих укрытий. Гигантское золотое спиральное дерево — одна из любимых пород Опала — уже чернело у основания. Но ветер разогнал самые опасные яды, и воздух снова стал пригодным для дыхания. Опал с радостью надел бы дыхательную маску, но он оставил ее дома, и сейчас она плавала где-то рядом с мертвой любовницей. Эта женщина всегда составляла хорошую компанию, но, когда умерла, стала

нереальной, абстрактной и какой-то далекой. На следующем повороте тропинки Опал вдруг представил себе ее похороны и ту деликатную роль, какую ему, возможно, придется сыграть. Затем он увидел диких ползунов, которые пытались убежать от поднимающегося газа. Они принадлежали к одному из сухопутных видов; к какому именно, Опал точно не знал. У этих существ были короткие волосатые тела и длинные конечности. Несчастные создания в тщетных усилиях вытянули лапки с маленькими кистями. Мордочки животных были голыми, но их головы венчали гребни ярко-синего меха. Газы лишили ползунов кислорода, отняли у них жизнь. Трупы уже начинали распухать и чернеть, погибшие животные выглядели странно и непривычно. Глядя на их несчастные маленькие мордочки, Опал испытал острый невыносимый страх.

После смерти ползуны больше походили на людей, чем при жизни.

Именно сейчас в душе ученого джентльмена, приверженца традиций и привычек, всегда исполненного оптимизма и безразличия, все перевернулось. Всматриваясь в дымчатые зеленые глаза и широкие рты, из которых торчали толстые пурпурные языки, Опал видел свое будущее. Важную роль играло то, что он не любил мертвую женщину: если бы они были женаты, имели детей и его семья погибла бы сегодня, Опал чувствовал бы неослабевающую привязанность к этому крошечному уголку мира. В память о них он проигнорировал бы стремление спастись бегством и оставался бы здесь, даже когда, источая яды, раскалывалась бы земля, превращаясь в пыль и мертвую воду.

Но Опал хотел убежать. Побуждение оказалось внезапным и непреодолимым. И позднее, обдумывая возможные варианты, он нашел только один выход, сулящий хоть какую-то уверенность в будущем.

Если продать землю родителей выжившим соседям и родственникам и истратить все сбережения, тогда можно будет покинуть родной дом, отказаться от солнца и забыть об этих глупых маленьких ползунах, которые жили лишь настоящим…

Край мира

Большой червь остановился, но, несмотря на это, его мускулы продолжали волнообразно сокращаться. О страданиях червя также свидетельствовал глубокий низкий стон, который был столь жалобным, что Опалу показалось, будто он сам испытывает боль.

Край мира… В одну из прошлых эпох на берегу Континента стоял город. За ним не было ничего, кроме темнеющих небес и бездонной воды. В течение поколений этот большой порт служил домом для рыбаков и, что более важно, для храбрых душ, путешествовавших по морю и охотившихся на гигантских ржавоплавов, медных угрей и злобных многоротов. Мясо морских обитателей было несъедобным, но в их костях содержалось большое количество железа. Чтобы его добыть, разрезанные на куски туши сжигали в печах, и в результате получались десятки килограммов драгоценного металла. Но рождались новые острова, часто очень и очень далеко, они росли, дрейфовали по морским просторам и в конечном счете врезались в берег Континента. Великий город оказался лишенным средств к существованию, и для него наступили тяжелые времена. Большинство соседних городов полностью исчезли, но Краю мира удалось выжить, и за ним закрепилось его устаревшее название. Времена постепенно менялись, население росло, и город опять начал процветать. В нем появились новые отрасли промышленности, развивались торговые отношения, и он превратился в метрополию, в которой спокойно жили и трудились два миллиона человек, ведя ничем не примечательную жизнь.

За рождением и ростом следовали смерть и повторное рождение — весьма поучительная история, из которой человечество могло сделать важные выводы.

Затем Континент внезапно задрейфовал к западу, но Край мира продолжил носить свое первоначальное название.

Опал, направляясь с сумками к выходу, расположенному в искусственном сфинктере, встроенном в бок червя, думал об этих превратностях судьбы. Выйдя из червя, он поднялся на высокую деревянную платформу станции. На верхней части приветственной арки мелькнула информация о погоде, затем появилось радостное обещание: «Никаких опасностей нет и не предвидится». Прищурившись, Опал посмотрел на висящее над восточным горизонтом солнце. Стратосферические облака и слабо загрязненный воздух лишь в незначительной степени

смягчали его сильное свечение. В небе виднелись два больших воздушных шара, прикрепленных к земле длинными канатами. С этих воздушных шаров за землей велось тщательное наблюдение — не образуются ли где гейзеры или небольшие трещины. Позади Опала длинные тени тянулись к областям, которые стали непригодными для нормальной жизни. Нельзя сказать, что никто и ничто не могло жить там, но все же Опал чувствовал себя так, словно перед ним разверзлась бездна глубокого одиночества, и этот образ поразил его до самой глубины души.

Смотрители шли по телу червя, внимательно оглядывая его серую кожу и ощупывая длинные усталые мышцы. Иногда они применяли электрошокеры. Рефлексы червя оказались замедленными. Старый смотритель обратился к более молодым помощникам.

— Она проделала долгий путь, и в ее пустом животе было слишком много народу, — жаловался мастер Брейс, показывая на находящихся неподалеку пассажиров. — Ей необходимо хорошо поесть и отдохнуть как минимум полцикла.

Опал понял, что задержится здесь дольше, чем ожидалось. Вытащив два билета из дорожного пояса, он внимательно прочел информацию, написанную сложным юридическим языком. Если он не попадет в порт Краусс в течение следующих пятнадцати циклов, владельцы червя вернут половину стоимости первого билета. Но в данном случае это не имело особого значения, поскольку второй билет давал ему право на маленькую каюту на борту корабля, работающего на метане. Корабль этот отправлялся к Новым островам через два цикла. От Опала требовалась пунктуальность. Если он опоздает, билет станет бесполезным и Опал застрянет в порту, как и каждый второй беженец. Ему придется очень бережно расходовать имеющиеся у него остатки денег, внимательно слушать новости со всего мира и надеяться, что он успеет попасть на другое судно раньше, чем разразится трагедия.

Какую пользу Опалу принесет сейчас страх? Или ярость?

— Никакую, — пробормотал он напряженным голосом, поворачиваясь спиной к солнцу.

Станция представляла собой на удивление тихое место. Остальные черви были маленькими или явно больными, и даже они смотрели на запад, в темноту, словно ожидая приказа спасаться бегством. Кроме смотрителей на станции находились солдаты, и среди них молодых почти не было. Дисциплинированные и, вероятно, одинокие — именно на таких людей можно положиться в трудные времена. Двое солдат охраняли сфинктер, ведущий в желудок. Псевдолюди ждали в

темноте. У каждого из этих существ было имя, вытатуированное на предплечье и спине. Чтобы забрать своих слуг, людям требовалось подойти к солдатам и ответить на вопросы, задаваемые подозрительными голосами, — словно кто-то мог попытаться украсть одно из этих созданий.

Таинственная молодая женщина стояла с другими пассажирами, держа книгу в руке, и наблюдала за разгрузкой.

— Кто из них ваш? — спросил Опал.

Она, казалось, не расслышала вопроса. Затем он понял, что она смотрит не на псевдолюдей — ее яркие желтовато-карие глаза были устремлены на ночные земли. Вероятно, женщина думала о месте, в которое направляется.

— Хорошая гора, да? — спросил Опал.

— Извините, нет. — Она с улыбкой отвечала на его первый вопрос. — Я не владею ни одним из этих созданий.

Опал взял с собой служанку из дома, чтобы она помогала ему. Сейчас же благодаря этому у него появился повод стоять здесь и разговаривать с молодой попутчицей.

Тихим голосом настоящего джентльмена он назвал свое имя.

Она кивнула и ответила:

— Да. Хорошая гора.

Между ними выработался определенный способ общения: Опал о чем-нибудь ее спрашивает, а она отвечает на его предыдущий вопрос.

— Слово «гора», — сказал он. — Вы знаете, что оно означает? Теперь женщина улыбнулась, глядя на его лицо.

— А вы?

Опал позволил себе кивнуть с ученым видом.

— Это древнее слово, — ответил он. — Встречается в самых старых текстах. Но даже в те времена оно уже почти не употреблялось.

— В самом деле?

— У нас есть слова, обозначающие хребты и холмы. Мы можем подробно описать цвет и качество любой земли. Но, судя по нашим старейшим источникам, слово «гора» означает огромную возвышенность, состоящую из материала гораздо более твердого, чем любая древесина. Этот материал не только тверже, но и долговечнее, и настоящая гора устремлена в небо. По крайней мере, так считают некоторые эксперты.

Она мягко рассмеялась:

— Знаю.

— Правда?

— Вот почему они выбрали такое название, — объяснила она. Опал не понял, и выражение его лица, вероятно, говорило о том

же.

— Конечно, там на самом деле нет настоящей горы, — признала она. — Речь идет о плоской равнине, которая оказалась высоко поднятой благодаря разломам и плавучим субстратам. Но как-то раз давным-давно Континент со всех сторон окружили острова, и они давили на него. Один из островов оказался погребенным глубоко под водой.

Казалось, женщине нравится давать объяснения. Она учитель?

— Интересно, — произнес Опал, хотя в душе он в этом сомневался.

— Видите ли, тот остров напоминает перевернутую гору. Он тянется глубоко вниз под водой, напоминает кулак, торчащий из дна Континента. Ничто из известного нам не проникает столь глубоко в наш океан.

— Понимаю, — пробормотал Опал.

Но почему женщина говорит «наш океан»? Сколько их там?

— Поэтому там построили научную станцию, — объяснила она. — Хорошая гора для проведения исследований. Так шутили мои коллеги.

— Каких исследований? — спросил он.

— В основном деформации поверхности земли и водные циклы. Несколько экспертов также работают с той затопленной землей.

— Правда? — с фальшивым энтузиазмом осведомился Опал. Женщина кивнула, и на ее лице снова появилось отстраненное выражение.

— Это ваша специальность? — спросил Опал, пытаясь прочитать надпись на переплете книги. — Доисторические острова?

— О нет. — Незнакомка переложила тяжелую книгу в другую руку.

— Тогда чем вы занимаетесь?

Исключительно разумный вопрос, но она была особым созданием. Улыбаясь так, словно она никогда не слышала ничего смешнее, женщина ответила:

— Ду-эйн. — Она почти не смотрела на его лицо. — Это мое имя. Он несколько растерялся.

— Вы назвали мне свое имя. Я подумала, вам хотелось узнать мое.

— Спасибо, — пробормотал Опал.

— Простите, но больше я ничего не могу сказать.

Он кивнул и пожал плечами. В этот момент из червя вышел его псевдочеловек: зрелая самка с большими голубыми глазами,

высоко посаженными на широком лице, сохраняющем стоическое выражение. Опал приобрел ее недавно у кузена взамен слуг, которых он потерял, когда затопило долину. Служанка Опала отличалась нехарактерным для псевдолюдей умом и легко приспосабливалась к новым условиям. По любым стандартам она была верной и помогала в бесчисленных домашних делах. Как и все пассажиры, вышедшие из внутренностей червя, она пахла кислотой и другими неприятными секрециями. Но, по крайней мере, это существо не хотело играть в слова или донимать его всякими пустяками.

Опал заговорил с одним из солдат, доказывая, к обоюдному удовлетворению, что этот псевдочеловек принадлежит ему.

— Мои сумки, — приказал он. Существо схватило их за веревочные ручки.

— Сюда, — сказал Опал. Затем, чуть кивнув, он извинился перед Ду-эйн, и, проталкиваясь через образовавшуюся на станции толпу, принялся искать место, где благородный беженец мог бы утолить голод.

Паранойя

Столовые рядом со станциями для червей редко отличались элегантностью и изысканностью. Край мира являлся исключением. Из местной древесины ремесленники вырезали балки в форме буквы «омега» и соединили их таким образом, чтобы получилась одна длинная комната. Из ветвей спирального дерева сплели пористую крышу. Пол был выложен из тяжелых побеленных досок, каждая крепилась к фундаменту прочными гвоздями из плотной черной узелковой древесины. Столы и стулья ярких цветов — преобладали оранжевый и золотистый — были сделаны из новой блестящей пластмассы — преисполненное благими намерениями правительственное агентство профинансировало специальную программу, что помогло облечь небольшое количество метана в твердую форму. Находящиеся в помещении эпифиты прикрепились к верхним балкам. Сильные растения с темными листьями прекрасно развивались при искусственном освещении, их пальцевидные корни впитывали лишь нервное дыхание путешественников. За столом Опал заметил знакомую фигуру. Рядом с этим человеком находилось двое псевдолюдей, которые, повернувшись к нему спиной, сидели на вращающихся стульях и держали тарелки с едой на коленях. Подобный обычай был распространен во многих местах.

— Можно к вам присоединиться? — спросил Опал.

— Пожалуйста.

Мужчина был высоким, даже когда сидел, и почти единственным, кто не ел. Перед ним лежала старая карта, и, водя по ней длинными пальцами с заточенными ногтями, он в очередной раз измерял расстояние между тем местом, где они находились, и портом Краусс.

Опал поставил тарелку на стол и протянул своему псевдочеловеку две порции тараканов в сиропе. Большая самка села на пол, скрестила ноги и принялась отвинчивать крышки с деревянных банок.

Не зная, о чем говорить, Опал молчал. Однако, почувствовав себя неловко в затянувшейся тишине, он наконец выбрал самую очевидную для беседы тему.

— Зачем вы направляетесь в порт Краусс?

Попутчик, по-видимому, сильно удивился и на мгновение оторвался от карты.

— Вы направляетесь туда, верно?

— Нет.

— В таком случае прошу прощения, — произнес Опал. — Я

просто подумал…

— Мое путешествие не заканчивается там, — продолжил мужчина. — У меня есть дело, кое-какое дело… в другом месте…

— Новые острова? Удивление сменилось радостью.

— Вы тоже едете туда? Опал кивнул.

— Что ж, хорошо. Я знал, что буду не единственным. Чудесно!

Почему-то эта новость не успокоила Опала. У него создалось впечатление, что его собеседник весьма трудный человек, и мысль о путешествии с ним по Континенту, а затем через Океан была обескураживающей, если не совершенно неприятной.

— Мне нужен спутник, который помогал бы мне поддерживать уверенность, — объявил мужчина.

Какое отношение уверенность может иметь к чему-либо?

— Меня зовут Рит.

— Опал.

Казалось, что Рит его не слышит.

— На кухне не работает никто из людей, — бросив взгляд через плечо, прокомментировал он. — Вы заметили?

Готовили и мыли посуду только псевдолюди. Не было даже надзирателя, следящего за порядком.

— Я не знаю, смогу ли я заставить себя работать, — признался Опал. — Учитывая все, что происходит, даже если это далеко отсюда…

— Не так уж далеко, — прервал его Рит.

— Что? Есть какие-то новости?

— А разве теперешнее положение не ужасно? — Верзила вздрогнул, однако решил оставить эту опасную тему. Он облизал губы и, растопырив пальцы, опустил взгляд на большую карту. Затем, всматриваясь в линии и крошечные точки, мужчина напряженным голосом спросил: — Вы и вправду верите в эти острова, не так ли?

— А почему бы мне не верить? Узкое лицо перекосила гримаса.

— Но вы видели эти острова? Или знаете кого-нибудь, кто на самом деле их видел?

Подобные мысли никогда не приходили Опалу в голову.

— Что вы имеете в виду? Как они могут не существовать? — Он сразу же полез за единственной книгой в своем ранце. Она была в кожаном переплете, профессионально напечатана, с фотографиями и исчерпывающими объяснениями. Опал повысил голос: — Я ничего подобного не слышал. Ни малейшего слуха.

Рит покачал головой и, складывая свою карту, заговорил, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Прошу прощения. У меня приступ паники. Всегда так. Мужчина был сумасшедшим или почти сумасшедшим.

— Дело в том, что в такие времена… — Рит взял себя в руки. — Когда миру грозит беда, для мошенников полное раздолье. Вы разве не заметили? Преступники выползают из своих убежищ и начинают действовать открыто. Они вредят людям ради собственной выгоды и просто чтобы получить удовольствие.

На подобные утверждения нетрудно было мрачно возразить.

— Нам никогда не доводилось жить в столь тяжелые времена, — заметил Опал.

Рита напугало это высказывание, но все же в его взгляде чувствовалось и уважение.

— Пожалуй, я соглашусь с вами.

— Зачем кому-то так стараться ввести нас в заблуждение? В далеких землях сейчас происходит самое худшее, возможно, то же самое скоро начнется и здесь… Даже презренный вор знает, что у него скорее всего не будет времени насладиться украденными деньгами.

— Если он верит, что умрет. — Рит навис над столом, приблизив свое костлявое лицо к лицу Опала. — Большинство людей по-прежнему не осознают, что могут погибнуть. Они читают о смертях чужестранцев, но не знают, что места, где они живут, уже отравлены или могут сгореть. Однако, пока болезнь не поразит их легкие и не загорится их дом, люди будут считать, что им ничего не грозит.

Да, в мире полно упрямцев. Опал знал учителя истории — блестящего человека по любым меркам, который открыто насмехался над ним.

— В мире ничто никогда не меняется, — заявил коллега. — Континент будет ломаться в тех или иных местах, и некоторые старые острова окажутся уничтоженными. Но другие уцелеют вместе с находящимися на них людьми. Это неопровержимый урок нашего прошлого, Опал. Наш мир прочен, роду человеческому сопутствует удача, и мы переживем все невзгоды.

Опал медленно склонил голову, словно соглашаясь с поучением коллеги. Затем с искренней убежденностью он напомнил Риту:

— Существуют более простые и не столь дорогие способы дурачить людей. И при этом еще украсть целое состояние.

Его спутник нехотя кивнул.

— Я похож на вас, — продолжил Опал, зная, что на самом деле у него нет ничего общего с этим сумасшедшим. — Меня терзали такие же подозрения. Я тоже хотел знать, действительно

ли эти Новые острова так прочны и столь технически совершенны, как утверждают люди, их построившие. Поэтому, прежде чем тратить деньги на дорогу туда, я навел справки. Да, Новые острова действительно существуют. Они построены в порту Краусс на главной верфи. Последний остров был спущен на воду всего год назад, и его все еще тянут на буксире к месту назначения. Я даже говорил по радиотелефону с рабочими в порту. И хотя ребята не могли гарантировать, что островам ничего не угрожает там, где они находятся, и что для меня и моего псевдочеловека зарезервировано место, они не сомневались в одном: они потрудились на славу, построив самые крупные и прочные корабли в истории человечества.

Опал бросил взгляд на обложку своей книги. С отвесных утесов, нависающих над неосвещенным океаном, кто-то сфотографировал широкое судно, построенное из крепкой старой древесины, бывшей когда-то частью Континента. Эту древесину отделили от него, вырезали из нее несколько громоздких, но прочных кораблей-островов и на буксире доставили в запланированные места. Чтобы сделать острова еще прочнее, из огромного количества очищенного от примесей металла, которым славился порт Краусс, были изготовлены кабели, опоры и длинные гвозди. Получали этот металл из редких элементов, отфильтрованных из холодной темной морской воды. Лучшие в мире сплавы послужили материалом для изолированных баков. Их наполнили метаном и подвесили под каждым островом. Для поддержания газа в сжиженном состоянии использовались давление моря и его холод. Этот газ найдет применение в осветительных приборах и гидропонных установках. Энергии хватит и для разложения морской воды, для отделения водорода от драгоценного кислорода, что позволит всем дышать, не прибегая к неуклюжим маскам.

С уверенностью хорошего учителя Опал развеял опасения Рита.

— Там по-настоящему безопасно, и меня ожидает новый дом. Мне просто нужно попасть туда. И я не сомневаюсь, что так и будет.

Произнося эти слова, он искренне в них верил.

Казалось, Рит принял все сказанное близко к сердцу. Он убрал карту, достал свой экземпляр справочника и открыл его на любимых страницах.

Опал наконец принялся за еду. Он заказал соленый суп, заправленный искусственно выращенными водорослями, две поджаренных, но не слишком жирных лапки ползуна и кусок торта. Еду он запил ферментированным соком, импортируемым

из Эрландов. Этот напиток был самым дорогим из того, что предлагалось в скудном меню, и очень ценился. Крепость ликера уже начала влиять на настроение Опала, когда его спутник обратился к нему жалобным голосом:

— Но что если?..

— Если что? — раздраженно переспросил Опал.

— Что если эти воры и мошенники действительно верили, что наш мир скоро прекратит свое существование? И, обещая места нам и, может, еще миллионам таких как мы, они получили достаточно денег на собственное спасение.

Опал, дыша сквозь зубы, скорчил гримасу.

— А что если Новые острова ждут, но не нас? — упорствовал Рит.

Опал почувствовал, что его губы против воли растягиваются в улыбке. Затем, горько рассмеявшись, он сказал своему спутнику:

— Что ж, тогда мы в таком же положении, как и остальной мир. Верно?

Снова в пути

В школе Опал всегда отличался успехами в учебе и получал приличные оценки по трем научным дисциплинам, но по-настоящему понять генетику и естественный отбор ему никогда не удавалось. Он выучивал то, что являлось абсолютно необходимым, а на стандартных экзаменах его выручала хорошая память. В школе ученикам давали лишь основы, и глубокого понимания не требовалось. В высшем же учебном заведении, где в ученом кругу профессоров ожидалось, что студенты не будут просто зазубривать научные факты и «священные» уравнения, Опал эти дисциплины изучать не собирался.

Но все же благодаря науке он усвоил одно: псевдолюди — чудесные создания, по любым человеческим меркам, уступчивые и способные к труду.

Беглый взгляд на станцию подтвердил эту азбучную истину. Большинство псевдолюдей были крупными существами, в два или три раза больше обычного взрослого человека. Их создали такими, чтобы они проявляли покорность или силу в зависимости от ситуации и потребляли как можно меньше пищи. Тем не менее некоторые псевдолюди были маленькими и стройными, как дети. И несколько кухонных рабочих действовали быстрее любого человека, что приносило неоценимую пользу, поскольку готовить еду для посетителей — дело хлопотное. Более того, невозможно перепутать одного с другим, даже родственников. Несмотря на общие для этого вида внешние признаки — овальное лицо и выступающий подбородок под небольшим ртом, каждый отличался уникальностью. Псевдочеловек Опала происходил из рода гигантов, не одно поколение живших на ферме его семьи. На голове служанки росли неприятные на вид рыжие волосы, на лице внимание привлекали длинный свисающий подбородок и голубые нечеловеческие глаза, наблюдающие за полным движения миром. Но цель его существования она понять не могла. Псевдолюди изначально создавались как универсалы, кроме того, их специально обучали. Если бы служанка могла говорить, ее словарный запас составлял бы несколько сотен несложных слов, но, когда она была младенцем, ей, конечно, прокололи гортань, и поэтому у нее осталась возможность общаться лишь посредством простых жестов и звуков, отдаленно напоминающих человеческую речь. Она являлась существом привычки и долга и не могла понять зловещего состояния мира. Опал, по крайней мере в данный момент, искренне завидовал подобному невежеству.

«Все живые существа, имеющие позвоночник, произошли от

общего предка». Опал давно это выучил. Его учительница биологии — старая женщина с крепкой спиной — объясняла классу:

— Некое существо, вероятно, являлось предком всех нас. На древнем континенте, который уже давно погиб и сгнил, этот предшественник людей передвигался на двух ногах, взбирался на сапрофиты и эпифиты и потреблял в пищу то, что мог схватить примитивными руками.

— Как ползун? — поинтересовался один из учеников.

К счастью, не Опал задал этот вопрос. Учительница щелкнула языком и грустно покачала головой.

— Вряд ли, — ответила она. — Ползуны отстоят столь же далеко от нашего прародителя, как мы. Как псевдолюди. Летающие тараторки, медные угри и остальные известные нам живые существа… все они считали бы этот исчезнувший организм своим весьма отдаленным предком. Конечно, лишь в том случае, если простые животные когда-либо могли бы мыслить подобным абстрактным образом.

— Но откуда появились первые позвоночные? — спросил другой ученик. — Из моря? Или с какого-нибудь более раннего континента?

— Никто не знает, — ответила учительница и подытожила с уверенностью пожилого человека: — И никто никогда не сможет найти ответ на этот вопрос. Более того, в ответе нет необходимости, поскольку изучить данный вопрос глубже, чем он уже изучен, невозможно.

Опал сидел на станции уже несколько часов и, ерзая на неудобном пластиковом стуле, размышлял о давно умершей преподавательнице биологии и о природе уверенности. Время от времени он обращал внимание на поразительное разнообразие мнимых людей, которые сидели и ходили среди настоящих.

Внезапно в столовую вошел псевдочеловек, самка, одетая в стесняющую движения форму работника станции. Как и у нескольких других псевдолюдей, у нее был раздувшийся череп и привлекающий внимание настоящий лоб под шапкой густых черных волос. Самка открыла рот и заговорила ясным и исключительно сильным голосом.

— Движущийся в западном направлении червь отдохнул и готов продолжить путь, — объявила она.

Все путешественники были поражены четкостью каждого произнесенного ею слова.

— Дамы и господа, выходите через дверь, находящуюся позади меня. Если у вас есть билет. У вас должен быть билет.

Червь, направляющийся на запад, накормлен, и ему не терпится продолжить путь. Червь скоро отправляется, друзья мои.

Почти все встали.

— Я уж боялась, что нас задержат дольше. — Пожилая женщина в элегантной одежде и с янтарными украшениями улыбалась этому радостному известию. — И настроилась на долгое ожидание, — поведала она своему спутнику.

— Интересно, а с чего бы это так? — пробормотал красивый мужчина, возможно, в два раза моложе ее.

— Все дело в том, что мы особенные, дорогой, — рассмеялась богатая женщина. — Какие тебе еще нужны причины?

Опал оказался в числе последних, кто подошел к открытой двери. Солдаты внимательно проверяли каждый билет и документы, удостоверяющие личность. Тем временем псевдочеловек в форме стоял рядом с длинной очередью и радостно улыбался. Почему из-за этого существа у него было как-то неспокойно на душе? Дело в лице? Голосе? Нет, Опала беспокоило то, как она смотрела на лица других пассажиров. Ее черные глаза были устремлены лишь на людей.

— Приятной вам поездки, — пожелала работница станции Опалу.

Риту, который стоял за Опалом, она сказала:

— Вы в надежных руках, сэр. Не стоит беспокоиться. Работница ясно видела страх на лице этого мужчины. «Единственное такое создание на миллион», — подумал Опал.

Или имелось другое объяснение, значительно более зловещее? Бросив взгляд через плечо, он предположил, что эта самка могла быть гибридом — при рождении биологическую особенность этой самке не устранили и стали готовить ее к выполнению работы средней сложности. На родине Опала такое существо просто не могло бы появиться. Это было запрещено. Но Край мира — иная часть света, и Опал за время долгой поездки успел многое увидеть и понять, что у каждого места своя культура, которая определяется странными обычаями, понятными только его жителям.

— Сюда, сюда! — крикнул старый смотритель.

Опал предъявил документ и билет, а его служанка стояла молча, справа от него.

Мастер Брейс находился в конце длинной платформы и, размахивая руками, кричал, обращаясь к пассажирам. Даже на расстоянии на его лице читалось выражение неподдельного беспокойства. Вероятно, что-то случилось. Но гигантский червь неподвижно лежал на скользкой колее и, по-видимому, спал. Его кишечный тракт был забит наполовину переваренной пищей. О

том, что червь недавно хорошо поел, свидетельствовал и его раздутый вид. Опал, бросив взгляд на пластиковые окна, увидел обильную темную смесь пережеванной древесины и сладких корней. После долгого ожидания мышцы пищеварительного тракта наконец-то выполняли свою основную функцию.

Пассажиров вели к желудку.

Опал испытывал отвращение, но не возмущался. Богатая женщина, недавно рассуждавшая об «особенных», и не пыталась скрыть недовольство. Указав трясущимся пальцем на смотрителя, она заявила:

— Я платила не за кислую ванну!

Смотритель утратил прежнее обаяние. Он выглядел усталым, возможно, немного напуганным и, конечно, не отличался терпением.

— Червь больше не голоден, — медленно и громко произнес он. — Кислота в желудке уже полностью нейтрализована, мадам. Вам там будет удобно. Обещаю.

— Но мои псевдолюди…

— Поедут сверху, на открытом воздухе.

Брейс нетерпеливо взмахнул рукой. На длинной голове червя размещалась кабина кучера. Позади нее находились веревки, ремни и простые стулья. Громким голосом Брейс обратился к пассажирам:

— Если мы будем ждать, пока моя малышка очистит кишечник, нам придется остаться здесь до следующего цикла. Все бы ничего, но пришло известие из Былого…

Это место находилось на расстоянии двух циклов к востоку.

— Там образовалась новая трещина. Ситуация рискованная. И поскольку в желудке достаточно места, я уверен, вы увидите — это лучшее решение многих наших проблем!

Пассажиры повернулись и принялись смотреть на восток. Пока все набивали животы, солнце скрылось. Далекие облака казались неестественно густыми, слишком черными и, поднимаясь над зеленой местностью, напоминали зловещую стену.

Толпу охватила паника.

Опал взял свои вещи у служанки и, приказав ей забираться на червя, вошел через тесный сфинктер в желудок, принюхался и с удовольствием обнаружил, что воздух там достаточно свежий и в нем чувствуется легкий приятный запах. Розовый шероховатый пол был чуть влажным. Желудок у червей короче двенадцатиперстной кишки, и он оказался почти целиком занятым. В задней его части находился туалет. Ду-эйн сидела одна в центре свободного пространства, поставив рядом походные

сапоги. На появление Опала она отреагировала лишь вежливой улыбкой. Куда еще он мог пойти? Никуда. Заняв место справа от нее, он постелил себе плед, надул подушку и попытался не обращать внимания на женщину. С другой стороны от Ду-эйн стал на колени Рит и принялся аккуратно расстилать плед, готовя слабые нервы к очередному этапу долгого пути.

К моменту, когда прозвучал сигнал тревоги, Опал испытывал ужас, настоящий ужас.

Резкое завывание сирен сначала донеслось издалека. Для пассажиров червя эти звуки оказались приглушенными и искаженными. Затем включились сирены станции, и пол угрожающе затрясся. Землетрясение или просто просыпался червь? Вероятно, и то и другое, решил Опал. Затем сфинктер желудка закрылся, шум стал значительно тише, и гигантское существо принялось набирать воздух в длинные легкие и пустой живот. Оставалось дать червю сигнал ползти по скользкой колее. Работающие мускулы и длинный мощный хвост создавали звук, не похожий ни на что в природе. Опалу вспомнилась густая жидкость, текущая по узкому стоку. Очень медленно червь набирал скорость, покрытая жиром колея почти полностью устраняла трение.

Пассажиры держали в руках дыхательные маски, ожидая указаний или нестерпимой вони газового облака, потому что где-то неподалеку должен был быть газ, из-за простого землетрясения в городе не стали бы включать сигнализацию. Как ни странно, но в этой определенно критической обстановке Опал чувствовал себя гораздо увереннее. Он знал, что ему нужно оставаться спокойным и внимательным. Газ же мог причинить лишь временное неудобство человеку с соответствующим снаряжением. Стоя у одного из окон, Опал наблюдал, как станция постепенно исчезает из виду и сменяется широкими правительственными зданиями, различными магазинами и бесчисленными домами. Они располагались группами по три, и между ними проходили узкие тенистые улочки. Шаркающей походкой по ним бродили несколько псевдолюдей, больше никого не было видно. Почти во всех домах стояли ставни, а двери герметично закрывались. Если из земли начнут подниматься газы, детекторы это обнаружат, люди укроются в своих жилищах и будут дышать бутилированным кислородом, отфильтрованным или просто сильно затхлым воздухом. Опал знал, что это очень неприятно. Чувство большей беспомощности испытать невозможно. Тем не менее сейчас Опала переполняло почти головокружительное облегчение.

Снова удалось вовремя ускользнуть в самый последний

момент.

К Опалу подошла Ду-эйн. Окно было крошечным, поскольку предназначалось лишь для того, чтобы пропускать солнечный свет и дать возможность смотрителю наблюдать за псевдолюдьми, которые обычно ездили здесь. Ду-эйн встала на цыпочки и выглянула на улицу. Нервничая, женщина казалась красивее и привлекательнее. В руке она держала газометр. Опалу раньше не доводилось видеть столь технически совершенных приборов.

— Сероводород, — прошептала женщина.

Уверенность Опала улетучилась. Метан, удушающий и горючий газ, ужасен, но отвратительный сероводород гораздо хуже. Под Континентом имелись места, где растворенный кислород оказался израсходованным. Живая древесина и темновые токи больше не могли освежать воду, и там начинали развиваться различные типы гнили, а анаэробные бактерии приводили к образованию кислого яда, способного убить за считаные минуты.

За окном по-прежнему проносился город.

— Это труп? — внезапно спросила Ду-эйн.

Нечто похожее на псевдочеловека лежало на боку вплотную к фундаменту длинного дома. Или это просто мусор, завернутый в одеяло? Опал точно не знал. Скоро и тело, и улица скрылись из виду.

— Беспокоиться не о чем, — тихо произнес Опал.

— Там был человек, — сказала Ду-эйн.

— Спящий псевдочеловек, — предположил он. — Или мертвый. Но это ничего не значит. Болезнь, возраст или, может, уличные хулиганы решили уничтожить чужую собственность.

— Вы так думаете? — с надеждой спросила Ду-эйн.

— Да, — ответил Опал. Поскольку от этого слова становилось легче на душе, он повторил его снова: — Да. — И рассудительно предположил: — Если газ столь ужасен, то на улицах часто будут попадаться задыхающиеся живые существа.

Попутчица посмотрела на него, отчаянно желая верить прозвучавшим ужасным словам.

Опал вдруг понял, что не может вспомнить, почему эта молодая женщина беспокоила его. Он улыбнулся, Ду-эйн тоже, и после этого они прислонились к розовой стенке желудка, продолжая наблюдать за сельской местностью, приходящей на смену городу. Высокие эпифиты обратили листья к ослабевающему солнечному свету. На юге шли проливные дожди. Возможно, эти облака будут плыть в северном направлении, что уменьшит вероятность пожаров, по крайней мере на некоторое

время. Верно? Тем временем газометр Ду-эйн продолжал фиксировать колебания уровней сульфидов, а также количество метана и этана — эти газы оказывались внутри всякий раз, когда червь срыгивал и проглатывал воздух. Но ни один из этих токсинов не вызывал удушья, и их воздействие ощущалось лишь по неприятному привкусу во рту.

Наконец солнце соприкоснулось с линией горизонта, и концентрация газов в воздухе начала снижаться до уровня, который считался нормальным, по крайней мере последние несколько лет.

Опал сел на плед, радуясь своей удаче.

Он вдруг вспомнил женщину-гибрида на станции, черноволосое существо с чудесным громким голосом, и осознал, что, в отличие от солдат-людей, у нее на бедре не висела дыхательная маска.

Выжила ли та женщина?

И почему он вообще об этом беспокоится?

Планы бегства

В школе, где преподавал Опал, окончание каждой четверти сопровождалось вечеринкой, которая устраивалась для преподавателей и служебного персонала. Там обычно подавали спиртные напитки и обсуждали жизнь школы. На последней вечеринке общение временами протекало бурно. Перед самым ее началом пришло известие о том, что на севере из-за выбросов ядов погибло несколько деревень. Коллеги серьезным тоном обсуждали слухи, оказавшиеся ложными, о том, что местные инженеры и бригады псевдолюдей не в состоянии остановить огромные выбросы метана. Собравшиеся на вечеринке скоро разделились на два лагеря: одни хотели принять свою судьбу, другие были готовы хвататься за соломинку. Опал не знал, чью сторону принять. Затем рядом оказался коллега с пустой чашкой и затуманенным алкоголем сознанием. Слушая рассказы о всяких ужасах, обычно робкий человек вдруг расхрабрился.

— Положение не такое уж опасное, — заявил он. — Поверьте мне, мы можем заделывать отверстия, которые в десять раз больше тех, о которых столько говорят.

Оптимисты с радостью восприняли эту браваду. Но учитель не обратил внимания на их похвалу.

— Вы такие же глупцы, как и остальные, — заявил он. — И как минимум столь же невежественные.

— Вам что-то известно? — спросил кто-то.

— Больше, чем любому из присутствующих здесь, смею вас уверить. — Пьяный мужчина обвел взглядом помещение. Искал путь к бегству? Нет, ему была нужна большая кожаная чаша, наполненная сладким пуншем и забродившими ягодами. — Смотрите сюда! — воскликнул он. — Я вам сейчас покажу, что я имею в виду.

Вокруг стола собрались люди, молчанием выражая свой скептицизм.

Учитель принялся покрывать напиток в чаше толстыми декоративными листьями. Раскладывая их, он рассказывал о деревянном Континенте, бездонном Океане и о том, что метан и гниль — неизбежные конечные продукты очень древнего цикла.

Опал понял, или, по крайней мере, ему так показалось.

Тут в разговор вмешался третий учитель — лучший эксперт по науке в школе.

— Это ведь не ваша специальность, — прочистив горло, объявил он.

— Специальность? — осведомился возившийся с листьями

оратор. — А какая у меня специальность? Напомните мне, пожалуйста.

— Карты, — ответил ученый, и в его голосе явственно прозвучало высокомерие.

На лице учителя появилось сердитое выражение, но он не вышел из себя, а просто покачал головой и положил на поверхность пруда еще один слой листьев.

— Опал, — окликнул он тихим прерывающимся голосом.

— Да?

— Что тебе известно о текстах «Человек и небо»?

Опал читал отрывки во время учебы в университете, однако среди сослуживцев имело смысл казаться хорошо подготовленным.

— Я изучал их один семестр, — осторожно ответил он. — О чем именно речь?

— Сколько лет они существуют?

— Никто не знает.

— Но, судя по различным мертвым языкам, мы можем предположить, что им, вероятно, несколько веков… Этот сборник текстов принадлежит перу нескольких безымянных авторов. Да?

Опал кивнул.

Его коллега перевел дух.

— Ученые считают, что в текстах «Человек и небо» содержатся как минимум три описания мира, возможно, четыре. Пять. Или даже шесть. Точно известно одно: каждое описание не сильно отличается от нашего мира. Имеются большой континент и неподвижное солнце. Изменились лишь названия тех или иных мест, люди говорят на разных языках, и иногда трудно понять, о каких растениях или животных идет речь.

Подобно скучающим ученикам, преподаватели принялись тихо переговариваться между собой.

Оратор положил руку на плавающие листья.

— Область моей специализации, моя интеллектуальная страсть слишком сложна для обычных умов. Признаю это. Тысячелетиями острова срастались в единое образование, каждый остров сражался с упрямыми «соседями», чтобы остаться на поверхности Океана и купаться в лучах солнца. Это просто невероятно, замечательная загадка, которая собьет с толку большинство из вас…

Чувствуя себя оскорбленными, слушатели замолчали.

— Тексты «Человек и небо» знакомят нас с лучшими картами былых континентов. Они содержат наиболее интересные описания того, как старые континенты рассыпались на кусочки. — Географ взял со стола светло-желтую соломинку и

вымучено улыбнулся. — Вы, вероятно, кое-чего не знаете. Эти исчезнувшие континенты по размеру едва ли достигали половины нашего Континента. Нет никаких свидетельств тому, что этим островам в прошлом когда-либо удавалось покрыть всю дневную сторону мира. Это наводит на мысль о том, что все происходящее сейчас является единичным событием. Сложное противоречивое взаимодействие отдельных случайных явлений и, возможно, естественного отбора.

— Что там насчет естественного отбора? — проворчал ученый.

— Какие острова процветают? — спросил преподаватель. — Прочные, конечно. И те, которые остаются на поверхности дольше всего. Острова, способные сопротивляться ядам в тяжелые времена, и те, которые выдержат самые долгие и мрачные периоды голода. — Он пожал плечами. — При ранних циклах древесина под нами давным-давно погибла бы. Континенты разрушались бы раньше; масштаб трагедий значительно уменьшился бы. Но на этот раз — в нашу эпоху — образовались прочные острова. Более того, все остальные действующие в мире силы поставили нас в невообразимо тяжелое положение.

Опал не хотел этому верить, даже когда находился в мрачнейшем расположении духа.

— Мы не знаем, сколько метана у нас под ногами, — признал оратор. — Но даже предполагаемое количество вселяет ужас.

Раздался тихий грустный голос:

— Весь мир может задохнуться. Эти слова произнес Опал.

— Все гораздо хуже! — Его коллега сунул длинную соломинку в рот, потом опустил другой ее конец в маленькую деревянную фляжку, лежащую в кармане пальто, и принялся втягивать жидкость. Затем учитель прикрыл верхний конец соломинки большим пальцем, убрал часть листьев, чтобы стал виден пунш, и погрузил соломинку в сладкий напиток. — Конечно, это всего лишь иллюстрация, — произнес он и подмигнул ученому: — Знаю, знаю. Среди экспертов нет подлинного единодушия. Или правильнее сказать среди специалистов? Поскольку если вы призадумаетесь, то поймете, что между этими словами существует значительная разница…

— Не надо, — предостерег коллегу Опал.

Но мужчина чиркнул спичкой, и она загорелась желтым пламенем. Обратившись к слушателям, оратор продолжил:

— Конечно, Континент может разрушаться постепенно в течение многих поколений. Немного газа здесь, много там. Люди умирают, но почти всех нас эта участь обходит стороной. И возможно, нам удастся должным образом распорядиться

необходимыми ресурсами. Проделать отверстия на дне Океана и выпускать пузырьки газа в небольших, легко контролируемых количествах. Или закачивать чистый кислород в землю, чтобы освежать холодную мертвую воду. — Мужчина помахал горящей спичкой перед глазами. — Возможно, люди смогут сделать то, что требуется, и наша атмосфера не будет уничтожена, когда углеводороды поглотят наш драгоценный свободный кислород.

— Ты пьян, — недовольно проворчал ученый.

— Замечательно пьян, да. — И тут знаток названий городов и положений островов засмеялся и опустил спичку.

Все уставились на прикрытый листьями пунш. Опал предполагал, что во фляжке был чистый алкоголь. Но коллега, вероятно, заранее планировал более эффектную демонстрацию своих доводов и воспользовался приобретенной на заводе смесью длинноцепочечных углеводородов — весьма огнеопасной массой, которая с мягким шипящим звуком воспламенила листья, затем руку пьяного мужчины и спустя мгновение его изумленное, искаженное болью лицо.

Вечерний воздух

Следующей официальной остановкой было Левое захолустье — безопасная станция, где уставший червь мог перевести дух и опорожнить раздувшиеся кишки. Большинство пассажиров к этому моменту уже заснули. Единственный свет внутри переполненного людьми желудка исходил от биолюминесцентной культуры, висящей на протравленном кислотой медном крючке. Ду-эйн, не надев ночного чепца, спала, свернувшись, на пледе, положив под голову руки. Риту, по-видимому, не удалось успокоиться: он не спал и время от времени поправлял свой колпак и проглатывал очередную таблетку мелатонина. Только Опал не чувствовал усталости — иллюзия, созданная излишним количеством нервной энергии. Он вышел наружу, решив воспользоваться этой краткой паузой, чтобы проверить здоровье своего псевдочеловека, подышать на открытом воздухе и бросить взгляд на унылую обстановку.

На станции было пусто и темно. Информационные дисплеи не работали, двери служебных помещений и кафетерия заперты. На платформе в одиночестве стоял мастер Брейс и наблюдал за тем, как его коллеги стимулируют задний проход червя с помощью электрошокеров. Опал направился было к Брейсу, но в нерешительности остановился. Старый смотритель плакал. Почувствовав его приближение, мастер Брейс быстро вытер глаза рукавом и повернулся к одинокому пассажиру. Привычка или, возможно, неослабевающее чувство долга помогли смотрителю выдавить приличествующую случаю ободряющую улыбку.

— Темнота гнетет, но климат очень приятный, — заметил он. — Вам так не кажется, сэр?

Опал кивнул.

— Я останавливался здесь сотню раз, не меньше, сэр.

— С нашим червем?

— Да.

Такие люди, как Брейс, часто заботились об одном и том же черве, изучая его таланты и особенности, и, поскольку черви являлись существами привычки, им редко меняли маршрут или график.

— Хорошо здесь, — снова произнес старик.

На восточном горизонте стояли высокие облака, скрывая последние лучики солнечного света. На расстоянии облака напоминали толстую пурпурно-красноватую башню, одних она привела бы в восторг, других ужаснула бы.

Опал спросил, из чего состоят эти облака: из дыма или воды.

Мастер Брейс пожал плечами.

— Мы не будем здесь задерживаться надолго, сэр. Больше смотритель ничего не добавил.

Левое захолустье представляло собой небольшой город, и, судя по просторным складам, стоящим рядом с колеями для червей, он процветал. Большие плиты свеженапиленной древесины лежали на санях возле самых широких путей, ожидая буксировки на восток гигантскими грузовыми червями. Но сейчас на станции кроме их червя находился лишь еще один червь. Он был мертв и лежал между двумя зданиями, его бледная туша гнила изнутри и уже начала распухать.

— Это древесина?.. — начал Опал.

— Лучшая в мире, — проговорил смотритель. — Она плотная и прочная, с красивой текстурой и почти без сучков. Пользуется спросом веками. А когда Континент сместился к востоку, местные горняки быстро адаптировались. — Брейс махнул рукой в сторону юга. — Они отравили свою лучшую древесину солями мышьяка. Даже если их родной край голодал, они не собирались допускать нашествия червей. Здесь по-прежнему делали прекрасные доски… но вряд ли кто захочет дышать опилками, смею вас уверить.

К северу от станции раскинулись дома, во дворах стояли высокие столбы. Между ними были подвешены газовые фонари — уловка, чтобы компенсировать отсутствие солнца. Но ни один из фонарей не горел сейчас, и ни в одном из домов не наблюдалось ни малейших признаков жизни.

Отсутствовали даже самые непритязательные псевдолюди.

— Потому что никого нет, — объяснил смотритель. — Все ушли… я точно не знаю… может, сорок циклов назад? Когда я последний раз проезжал мимо, они были тут. Никто меня не предупредил. Но они молчали, и это было весьма необычно. Как правило, они любят поболтать. Похоже, они уже тогда приняли решение.

Червь начал дрожать. Кишки сократились, и длинное тело стало еще длиннее, существо опорожняло свои внутренности. Вонь была ужасная, но это беспокоило лишь одинокого пассажира.

Опал отвернулся.

— Какое решение? — спросил он, прикрыв рукой нос и рот.

— Жители подготовились к бегству, — ответил смотритель. — Вероятно, много лет тому назад. Многие небольшие сообщества… здесь в темноте… у них есть планы. Убежища из специальной древесины.

— В самом деле?

— Да, — ответил Брейс, словно это было общеизвестно. —

Люди, живущие в ночи, имеют представление о катастрофе. Они обладают опытом и здравым смыслом. Это относится и к жителям Левого захолустья. Одна дама по секрету рассказала мне, что ее семья построила несгораемое убежище и окружила его глубоким рвом. Когда воздух окислится, они будут дышать бутилированным кислородом. А если начнется пожар, затопят ров водой и станут брызгать ее себе на голову.

Опал едва сдержал возражения.

Но смотритель увидел сомнение на его лице.

— Я знаю, сэр. Понимаю. Вряд ли им поможет что-то вроде этого. Речь ведь идет не об обычном пожаре, и эта плотная древесина, конечно, будет пылать жарко и долго. Если действительно наступят эти тяжелые времена. — Он дружелюбно рассмеялся. — Та женщина определенно лгала мне. Я знаю об этом сейчас, возможно, догадывался и тогда. Видите ли, я обычно останавливался здесь на цикл или два. Мы любим давать нашему червю как следует поспать и потолстеть. Эта же местная жительница делила со мной постель. Замечательная женщина и хороший друг. Она сообщила мне о своих приготовлениях. Но этого недостаточно для того, чтобы найти ее. Вполне разумно, и мне не стоит обижаться. Куда бы ни ушли эти люди, там нет места для случайных любовников.

Опал не знал, что сказать, и промолчал. Смотритель резко повернулся спиной к своим коллегам и предупреждающе выкрикнул:

— А ну не трогайте экскременты! Слышите?

На скользкой колее стояла молодая женщина. Шипованные сапоги помогали ей удержаться на ногах, а в руках она держала специальную палку, чтобы отодвигать омерзительные отходы в сторону.

— Но по правилам… — начала она.

— Правилам? — прервал ее старик. Забыв об Опале, он подошел к краю платформы и, выругавшись, напомнил своей бригаде: — Главная забота — это наш червь. Вторая — наши пассажиры. И мы не должны тратить время на то, чтобы убирать дерьмо с пути других червей и чужих пассажиров. Слышите, что я говорю?

Мольба в последний момент

Друзья и коллеги поддержали решение Опала покинуть родные края. Многие произносили вежливые слова, а некоторые задали самые очевидные вопросы. «Откуда ты узнал об этих Новых островах?» — спрашивали они. Он натолкнулся на статью в небольшом журнале для богачей. На свой гонорар Опал приобрел книгу с фотографиями и полезными описаниями. «И там есть свободные места? — интересовались люди. — Когда уже прошло столько времени?» Но каждые несколько лет заканчивалось строительство очередного Нового острова — этот процесс будет продолжаться, пока не наступит катастрофа или опасность не минует. Поэтому — да, для него было место. «Но как учитель может себе такое позволить? — допытывались они. — Откуда у тебя такие деньги?» Опал в ответ пожимал плечами, застенчиво улыбался и упоминал о немалом наследстве. Он всегда с осторожностью делал подобное признание, предполагая, что остальные могут начать открыто ему завидовать или даже озлобиться. Но люди воспринимали эту новость с удивлением и смирением. Это вызывало любопытство и немного разочаровывало. Опал чувствовал бы большую уверенность и оптимизм по поводу принятого решения, если бы оно вызывало ненависть в людях, с которыми ему предстояло расстаться.

Казалось, что коллеги-учителя и просто знакомые уже подготовились к худшему — они надеялись на местную службу гражданской защиты и на частные бункеры. И для надежды имелись основания: старые червоточины во всем районе были загерметизированы и снабжены провизией. Если начнутся пожары, население укроется в темноте и станет потихоньку дышать бутилированным воздухом, пока земля наверху будет пропитываться чистой водой и специальной пеной — субстанциями, которые легко могли справиться с обычным жаром.

Проблема заключалась в том, что пожары ожидались катастрофические. До сих пор самые ужасные возгорания случались на юге, недалеко от полярной зоны. Леса эпифитов оказались уничтоженными за мгновение. Легковоспламеняющаяся кутикула выкипела. Затем сгорела дотла глубинная живая древесина, что позволило затонувшим, наполовину сгнившим островам всплыть на поверхность. В результате метан вырвался на свободу и усилил пожары. Самая мокрая и прогнившая древесина пропеклась, стала хрустящей и воспламенилась. Несмотря на все усилия армии псевдолюдей и

храбрых пожарных, эта круглая зона полного уничтожения расширялась за каждый цикл на километр. Покинутые деревни и ставшие бесполезными фермы поглощались свирепым, не знающим преград огненным вихрем.

Тем не менее друзья Опала храбрились и делали вид, что все в порядке.

— Мы скоро одолеем врага, — заявляли они, будто сражались на линии фронта. — И справимся со следующими двадцатью пожарами. Подожди и увидишь.

Но в мире ничего не происходит быстро. Цикл за циклом южный пожар продолжал распространяться, а в других отдаленных местах вспыхивали новые. Приближение неотвратимой катастрофы пошатнуло самые стойкие убеждения. Именно тогда люди стали осознавать ужасные перспективы, особенно в разговорах со старыми друзьями.

— Продолжаю твердить всем, что остаюсь, — объявил один из соседей Опала. Такой же холостяк, как и сам Опал, умный и начитанный, он признавал: — Я считаю, что эти пожары будут потушены или же пройдут мимо. Но когда дело дойдет до этого, знаешь, как я поступлю? Убегу. Отправлюсь на восток к Океану, так же как ты бежишь на запад. Если мне удастся проскользнуть мимо провинциальных стражников и исчезнуть в хаосе…

— Может быть, — ответил Опал, не зная точно, чем все это закончится.

Его сосед решил рассказать интересную историю:

— Знаешь кое-что о тех последних островах, которые слились с Континентом? Я слышал, их жители закладывают взрывчатку внутрь старых линий разлома. И когда придет время, произойдут крупнейшие взрывы в истории.

Опал снова сказал:

— Может быть.

Он не хотел критиковать мечту этого человека. Но, видимо, на его лице отразилось сомнение, потому что друг резко спросил:

— В чем дело?

Опал не являлся экспертом, но он читал описания тех гигантских пожаров и знал, что они сопровождались невероятно сильными ветрами. Они дули в направлении распространения пожаров, снабжая огонь необходимым для выживания кислородом. Можно было полностью разрушить старые разломы и отколоть острова от обреченного Континента; но в таком случае перепуганным людям на огромных кусках древесины пришлось бы выйти в открытый океан навстречу свирепой буре.

— Что ж, — ответил друг. — Эту проблему можно решить. Вероятно, жители отделят при помощи взрывов острова от

Континента задолго до прихода пожаров.

И таким образом люди освободят неизвестное количество метана, сами создадут смертельное пламя. Но на этот раз Опал тактично заметил:

— Это разумно, безусловно. — И добавил: — Я плохо разбираюсь в технических вопросах.

— Просто помни об этом, Опал. — Погрозив пальцем, старый друг заметил: — Ты ни в чем не разбираешься.

Друг был прав.

К удивлению Опала, родственники отнеслись к его желанию отправиться на Новые острова со спокойным, но упорным неодобрением. Дяди, старшие братья и сестры сочли его глупцом, раз он подобно многим поддался отчаянию. Яды и пожары уничтожат чужестранцев в далеких землях, некоторые регионы мира сгорят дотла. Но не их добрая земля, нет. Они не могли представить себе, что их счастливый остров изменится надолго. В худшем случае леса и фермы сгорят, что вызовет голод, который быстро справится с лишними ртами. «Но это станет благом и создаст большие возможности», — утверждали они. Опал с изумлением узнал, что его семья готовилась годами: потайные шкафы были полностью заполнены сушеными ползунами и деревянными бочками с маринованными фруктами. Имелись и пирожные с тараканами, и сироп, чтобы кормить самых полезных псевдолюдей. «Несколько лет будет тяжело, — соглашались они. — Выживут только подготовившиеся». Но родственники Опала на это и настроились — выжить любой ценой. Затем жизнь снова войдет в свое привычное, благополучное русло.

— Оставайся с нами, — просили они, но не слишком упорно. Возможно, они решили, что Опал и есть один из лишних ртов.

— Ты сойдешь с ума в темноте, — уверяла его одна из теток, старая женщина. — Звездный свет оказывает подобный эффект на людей.

Это не соответствовало действительности. Люди могли адаптироваться, и, кроме того, Новые острова освещались голубовато-белым светом, очень похожим на солнечный. Тем не менее он холодно поблагодарил старушку.

— Ты сойдешь с ума, — повторила тетя. — Ни на секунду не сомневайся в моих словах, мой мальчик.

Затем юные кузены Опала — брат и сестра, близнецы, — поделились тем, что считали совершенно очевидным.

— Когда придет время, — заявили они, — дух Человека поднимется из центра Океана и спасет всех хороших людей.

Это была старая вера, наполовину забытая и адаптированная к новым временам.

— Только истинные верующие будут спасены, — обещали они. — А ты, Опал? Ты присоединишься к нам с возрожденными?

— Никогда, — ответил он, удивляясь собственному гневу.

Его брат и сестра, вероятно, заблуждались относительно будущего ничуть не больше, чем люди, подготовившие себе бункеры. Но он заметил, что говорит на одном дыхании:

— Глупое кредо, и я на это не куплюсь.

— Тогда ты погибнешь ужасной смертью, — ответили они ему в один голос. — Именно этого ты и заслуживаешь, Опал.

Но люди редко получают то, чего заслуживают; не является ли это главным уроком современного мира?

Упаковав самые необходимые вещи, драгоценные билеты и документы, Опал направился к ближайшему червевокзалу в сопровождении своего единственного оставшегося псевдочеловека. Никто не провожал его с добрыми пожеланиями. Слава богу. Опал и несколько других путешественников стояли на открытой платформе и смотрели на восток. Огромный серый червь появился по расписанию и остановился перед ними. От глубокого влажного дыхания червя затряслась вся станция. Путешественники выстроились в очередь и приготовили документы для солдат. Вдруг раздался голос:

— Опал.

Это был женский голос, смутно знакомый. Опал бросил взгляд через плечо. Он вырос вместе с этой женщиной — настоящей красавицей, которая и десятком слов с ним не обмолвилась за последние десять лет, — но сейчас она стояла там, одетая как человек, собравшийся в путь, и улыбалась только ему.

Опал предположил, что женщина направляется на запад, возможно даже к Новым островам.

Однако его знакомая объяснила, что у нее нет билета. Она слышала о планах Опала и просто пришла сюда поговорить с ним.

— Пожалуйста, — умоляла красавица, приложив одну руку ко рту, а другой проводя по роскошным волосам.

Опал вышел из очереди.

— Это трудно, — признала женщина. Затем с глубоким душераздирающим вздохом она добавила: — Хотела бы я сделать то, что удалось тебе.

Но она, конечно, не сделала.

— Если я останусь здесь, я умру, — сообщила она ему и всем находящимся неподалеку. — Но я спрошу тебя Опал: можно ли сделать так, чтобы я отправилась с тобой?

Такой возможности не было. Нет.

— Все места на Новых островах уже заняты. Я в этом не сомневаюсь. И я беру с собой лишь то, что мне позволено взять. Даже с этими маленькими сумками я почти выхожу за пределы.

Женщина обхватила себя руками и задрожала, словно ей было холодно.

— Но существует способ, — сквозь сжатые зубы проговорила она.

— Какой?

Рядом с Опалом стояла его рыжеволосая служанка. Красавица подняла взгляд на гигантское существо.

— Оставь ее здесь и возьми меня с собой, — потребовала женщина напряженным и чуть сердитым голосом.

Может, Опал неправильно расслышал?

— Я поеду в желудке червя вместе с псевдолюдьми, — пообещала она. — И буду носить твой багаж.

— Нет, — отказался он.

— Я даже буду есть еду псевдолюдей…

— Нет.

Женщина зарыдала, слезы потекли по ее красивому, искаженному болью лицу.

— Я сделаю все, что ты пожелаешь, Опал. Я даже откажусь от моих законных прав, и ты сможешь бить меня, если я буду нерасторопной…

— Прекрати! — воскликнул он.

— Пожалуйста, Опал! Прошу тебя!

Подошедший солдат попросил предъявить документы. Что Опал мог поделать? Он был ошеломлен и растерян. Предложение последовало слишком неожиданно, у Опала не было времени обдумать его. Эта женщина никогда не смогла бы жить жизнью, о которой просила. Кроме того, Опал не привык обходиться без псевдочеловека. И если ему когда-нибудь понадобятся деньги, за его служанку дадут хорошую цену на любом рынке.

Единственным разумным выходом для Опала стало следующее: отвернуться от женщины и ничего больше не говорить. Он молча протянул солдату удостоверение личности, а свой драгоценный билет — пожилому человеку в серой форме смотрителя.

На нагрудном кармане было написано «Мастер Брейс».

— Вы едете до самого порта Краусс, сэр? — спросил пожилой мужчина.

— Да.

Подмигнув и радостно засмеявшись, Брейс заметил:

— Что ж, сэр. Мы с вами хорошо познакомимся к концу путешествия, сэр. Я в этом не сомневаюсь.

«Он приближается»

На совершенно темном небе не было ни облачка, виднелась лишь точка мягкого желтого света — одна из Четырех Сестер, медленно кружащихся вокруг невидимого солнца. Через толстое стекло нельзя было разглядеть далекие звезды. Эти несколько сотен точек светились слишком тускло и интересовали только ученых, которые придумали им названия и нанесли на карту. Звезды значили очень мало для Опала. Его разум занимала мягкая почва за окном: Вздыбленные земли. Непрекращающееся давление ломало древесину, нарушая швы между пластами в наиболее слабых местах. Из-за частых землетрясений образовались длинные хребты и одиночные холмы. В результате колея представляла собой далеко не прямую линию, и необходимость взбираться по склону в сочетании с усталостью замедляла движение червя. Но свежие препятствия на пути отсутствовали, во всяком случае пока. Пассажиры, казалось, радовались тому, что живы, или, по крайней мере, притворялись, что снова обрели уверенность. И конечно, все хотели взглянуть на высокие сапрофиты, которые росли рядом с колеей. Пассажиры подходили к окнам, бросали взгляд на экзотический лес, возвращались на места и погружались в свои мысли.

Опал никогда не видел подобной местности, разве что на картинках в книгах.

Он поделился впечатлениями с Ду-эйн, и она отреагировала так, как он надеялся.

— Я видела Вздыбленные земли, — призналась она. — Уже несколько раз. Но я все равно думаю, что они чудесные. Просто замечательные.

Эта женщина могла быть жизнерадостной, когда хотела.

Опал стоял рядом с ней, наблюдая за бледным, отличающимся многообразием оттенков светом, исходящим от густой листвы. Иногда Опал спрашивал об особенно ярком или величественном дереве. Ду-эйн предупредила, что разбирается в грибах не так хорошо, как хотелось бы, но всякий раз ей удавалось назвать вид. Дождавшись, когда остальные пассажиры заняли свои места, оставив их одних, она тихо спросила своего нового ученика:

— Вы знаете, почему здесь такая богатая растительность?

— Старые острова разломались на сотни кусков, — ответил он. — Многие свежие поверхности готовы сгнить.

— Это лишь одна из причин, — сказала она. — Но в первую очередь — из-за влажности. Три больших острова оказались

сжатыми и раскололись, что привело к образованию Вздыбленных земель. Каждый из тех островов обладал огромными запасами свежей воды под поверхностью. А именно в этом сапрофиты нуждаются так же сильно, как и в питании.

Опал дружески кивнул.

— И кроме того, дождям нравятся холмы, — продолжила она. — Если дать им возможность выбирать, они будут проливать свое богатство на пересеченную местность.

— А ваша Хорошая гора? Там очень сыро?.. Женщина покачала головой:

— Не слишком. Местность там плоская и скучная. А под поверхностью древесина исключительно сухая.

— Почему?

— Потому что остров на поверхности больше не имеет доступа к Океану. — Ду-эйн положила одну крошечную ладошку на другую в качестве наглядной демонстрации. — Кажется, я об этом упоминала. Под ним находится еще один остров, толстый и сплошной, ни один корень не может прорасти сквозь него.

— Это и есть ваша Гора? Тот остров, который внизу?

Ду-эйн задумалась, потом снова выглянула в окно и произнесла «нет» таким тоном, каким отвечают, когда хотят сказать гораздо больше.

Опал ждал.

— Расскажите подробнее, — не выдержал он.

Женщина искоса взглянула на него, но ничего не ответила.

— О вашей находящейся в глубине моря горе, — упрашивал он. — Чем вы там занимаетесь?

— Исследованиями, — призналась она.

— Биологическими? — спросил Опал. И когда женщина не ответила, он прибег к небольшой лжи: — Я когда-то с огромным энтузиазмом изучал биологию. С той поры прошло несколько лет.

Ду-эйн бросила взгляд на пассажиров. Рит спал, а из остальных никто не обращал на них внимания. Тем не менее молодая женщина зашептала так тихо, что Опал едва мог расслышать ее слова:

— Нет. Я занимаюсь не биологией, нет.

— В самом деле? — продолжал допытываться он.

Ду-эйн не обязана была отвечать, но, видимо, чувствовала потребность кое-что объяснить.

— Я не могу, — слегка улыбнувшись, заявила она.

— Я не хочу устраивать вам допрос, — солгал Опал. Жизнь молодой женщины была тесно связана с работой. Это чувствовалось по ее лицу, манерам. По ее озабоченному, радостному молчанию.

— Забудьте о моих вопросах, — пробормотал он.

Рядом с колеей стоял огромный гриб — колонна, покрытая сверху плодовыми телами, излучающими яркий пурпурный свет. Это был обыкновенный вид, название которого Опал уже позабыл. Глядя на этот призрак гниения и смерти, Опал заметил как можно более холодным тоном:

— Непохоже, что мир скоро прекратит свое существование.

— Оно и не прекратится, — ответила Ду-эйн.

Опал слегка шмыгнул носом и понял, что плачет. Это походило на своеобразную манипуляцию, которую он мог бы попытаться применить. И не добился бы успеха. Но его слезы были такими же искренними, как и все, что он делал. Опал испытывал невероятную душевную боль, и было достаточно малейшего повода, чтобы она проявилась даже на людях.

— Подобная катастрофа уже случалась, — уверила его молодая женщина.

— Я тоже об этом слышал.

— Но это правда. На освещаемой солнцем стороне мира всегда растет новый континент. Вода внизу постоянно лишается свободного кислорода. Старая древесина сжимается и разламывается, через отверстия и трещины поднимается метан.

— А пожары? — спросил Опал.

— Сильные пожары бывали и раньше. — Женщина улыбнулась, словно очарованная увлекательным романом, полным вымышленных трагедий. — Эти пожирающие мир пожары происходили семнадцать раз.

Не шестнадцать и не пятьдесят тысяч.

Опал несколько минут думал над точностью приведенных ею цифр. Потом спросил:

— Откуда вы знаете? Точное число.

— Не могу, — ответила она.

— Не можете сказать мне?

— Нет.

Сдерживая закипающий гнев, Опал устремил пристальный взгляд на лицо женщины.

— Место, куда вы направляетесь, — начал спрашивать он, — эта вот гора?..

— Да?

— Ваши коллеги, ученые, обнаружившие эту особенность, не думаю, что они употребляли старое слово «гора», потому что теперь подобная особенность рельефа может простираться в любом направлении. К небу или к ядру мира.

Ду-эйн избегала взгляда его наполненных слезами глаз.

— Хотите знать, что я думаю? Этот объект назвали в

соответствии с его составом. Еще одно качество, присущее данному слову. Мифическая гора гораздо тверже и прочнее, чем любая древесина. Я прав?

Молодая женщина снова уставилась в окно. Леса как такового уже не было, лишь иногда попадались случайные гигантские грибы, между которыми простирались безжизненные участки. Теперь через окно были видны самые яркие звезды, а благодаря движению червя создавалось впечатление, что они не только сверкают, но и прыгают. Ду-эйн стояла так близко к Опалу, что могла дотронуться до него. Она часто и неглубоко дышала, лицо ее становилось ярче, а пустая местность за окном чернела.

Опал затаил дыхание.

Затем очень тихо его спутница произнесла два слова — «большой пожар» и прикоснулась двумя пальцами к пластиковому окну.

— Он приближается! — объявила Ду-эйн.

Сердце вещей

Когда черви, подобные тому, в котором они путешествовали, были маленькими, над ними издевались самыми ужасными способами. По крайней мере, так могло показаться человеку, не интересующемуся суровой действительностью современного мира. Новорожденное существо отбирали у матери, затем прорезали его в нескольких местах насквозь и не позволяли ранам затягиваться до тех пор, пока они не превратятся в постоянные отверстия для первых сфинктеров. С ростом червя размер сфинктеров увеличивался. Диета червей строго контролировалась, а профессиональные дрессировщики оценивали их склонности и возможности использования. Умных и спокойных червей готовили к перевозке пассажиров. Многие из кандидатов не выдерживали адаптирования желудочно-кишечного тракта или дополнительных хирургических операций. Осуществлялись, например, следующие изменения: в тело прямо за головой вставляли надувные пузыри. В них жили смотрители. Последняя в ряду полость была оснащена резиновой дверью, ведущей в узкий и удивительно сухой пищевод.

Опал стоял под светильником и громко звал Брейса. Послышался чей-то голос. Спустя несколько мгновений старый смотритель вышел из одного из небольших помещений, потирая сонное лицо, и спросил, что случилось.

Отчаянно жестикулируя, Опал объяснил, в чем дело.

Сначала смотритель не поверил ему. На обветренном лице отразилось сомнение, а скривив губы, старик дал понять, что не придает значения услышанному. Однако по узкому пищеводу уже бежала одна из кучеров, выкрикивая ту же самую новость.

— Где мы сейчас? — спросил у женщины смотритель.

Она назвала число и букву. Для Опала это прозвучало сущей абракадаброй.

Но старик мгновенно все понял.

— Остановимся в Кингс-Кроссинг, — распорядился он. — Станции уже нет, но с высоты хребта мы сможем увидеть, насколько плохи дела. А также что есть хорошего.

Опал не мог представить себе ничего хорошего. Смотритель повернулся к нему.

— Сэр, мне нужно знать… — В голосе звучала твердость. — Остальные пассажиры что-нибудь заметили?

— Только одна. Женщина…

— Ничего не говорите, — подумав мгновение, велел старик. — А я попытаюсь узнать по радиотелефону последние

новости… и тогда скажу пассажирам несколько слов…

Брейс замолчал. Как он мог сейчас кого-либо подбодрить?

Повисло напряженное молчание, затем послышался глубокий медленный рокот. От этого звука большое горло червя задрожало.

— Что это? — был вынужден спросить Опал.

— Вероятно, сердце червя, — ответил смотритель. Он наклонил голову, задержал дыхание и прислушался. — И можно слышать, как работают ее легкие. Вот почему мы живем здесь, сэр, — чтобы наблюдать за нашей малышкой.

Опал кивнул.

Затем смотритель прикоснулся к грубой розовой стенке. Погонщик сделал то же самое. Оба воспользовались этой паузой, чтобы сдержать слезы.

Ду-эйн отошла от окна и сидела теперь на своем пледе, читая книгу при свете электрического фонарика. Все остальные тоже сидели, в том числе и Рит. Перед ним была развернута старая карта. Он посмотрел на Опала, но ничего ему не сказал.

— Что случилось? — опустив взгляд на карту, поинтересовался он.

— Ничего, — невольно солгал Опал.

Рит посмотрел на Ду-эйн и со свойственной параноикам паникой объявил:

— Что-то не так!

Женщина украдкой бросила взгляд на окно.

Но Рит заметил и решил посмотреть сам. Он перевел дух, однако у него не хватило мужества встать. Тогда мужчина снова вытянул ноги, вытер рот рукой и стал внимательно разглядывать старую карту, пытаясь убедить себя, что все в порядке.

— Вы сказали? — прошептала Ду-эйн, заложив книгу пальцем. Опал кивнул.

Она пристально посмотрела ему в глаза. В выражении лица женщины появилось что-то новое — ее жесткий взгляд, по-видимому, хотел проникнуть в самую глубь его души. Наконец она приняла решение и, снова открыв книгу, принялась листать страницы, пока не нашла нужную. Повернувшись спиной к Риту, Ду-эйн подтолкнула книгу к Опалу, протянула ему свой фонарик и взглянула на его лицо, чтобы убедиться, что поступает правильно.

Страница оказалась пустой.

Точнее, неразвернутой. Опал заметил загнутый уголок, развернул страницу и увидел замысловатый рисунок какого-то червя.

— Это?.. — начал он.

— Гора, — перебила его женщина, поднеся пальцы к губам.

Рит, казалось, ничего не замечал. Никто не обращал на них внимания. Богатая пожилая пассажирка — та, что путешествовала с молодым спутником, — заставляла его взглянуть в окно. Но она лишь хотела узнать, к чему они приближаются. Тот бросил взгляд вперед и сообщил лишенным эмоций голосом:

— Длинный склон. Все, что я могу сказать. «Гора — это червь?» — думал Опал.

Он вновь обратился к изображению и нашел масштаб, что помогло ему представить размеры. Однако в рисунке, несомненно, крылась какая-то ошибка. Даже если масштаб был неверным и искажал действительную величину в десять раз, этот червь оказался бы больше дюжины выставленных в ряд ржавоплавов. А если масштаб правильный, тогда по сравнению с этим гигантом сто двадцать взрослых ржавоплавов покажутся карликами… Таким образом, его величина превышает размеры многих городов…

Опал оторвался от книги.

— Червь живой? — прошептал он.

Ду-эйн не смогла дать простой ответ. Она пожала плечами и негромко произнесла:

— Сейчас нет. — Затем еще тише: — Посмотрите снова. Опал вовсе не являлся экспертом по червям. Но он понял, что эта гора имеет мало общего с существами, знакомыми ему с детства. Огромная пасть, лишенная челюстей и зубов, представляла собой совершенной формы круг. Горло было прямым, широким и напоминало туннель. Оно постепенно сужалось и становилось таким крошечным, что не поддавалось отображению. Анальное отверстие было в равной степени крошечным и начиналось в самом кончике хвоста, а между ртом и анусом находился желудочно-кишечный тракт, занимающий лишь часть огромного тела червя.

— Что это? — спросил он.

— Камеры. Полости. Своего рода помещения, — прикоснувшись к рисунку, ответила Ду-эйн.

Опал не понял.

— Как можно выжить после стольких хирургических операций? — спросил он. Не получив ответа, Опал вскинул на нее взгляд, начиная осознавать. — Но это ведь не червь, верно?

— Да, — одними губами подтвердила она.

— Это машина, — пробормотал Опал.

Ду-эйн наклонила голову, словно говоря: «Может быть».

— Или оно живое?

— Сейчас нет. Больше нет. Мы так думаем.

Везущий их червь начал взбираться на последний длинный

склон. Скорость движения постепенно снижалась. Еще один человек встал, чтобы выглянуть наружу, но он находился на северной стороне червя, и оттуда не было видно, что происходит сзади.

— Хвост и некоторые полости, расположенные в средней части, затоплены, — сообщила Ду-эйн Опалу.

Они были нарисованы синими чернилами.

— Хвост — это самая глубокая часть? — спросил Опал. Женщина кивнула.

— А пасть?

— Погребена внутри ископаемого острова, — сообщила она.

— Подавилось за обедом? — Опал выдавил из себя смешок в надежде пошутить.

Но Ду-эйн просто покачала головой.

— Мы не знаем, что оно ело при жизни, — ответила она. — Но этот организм, эта машина… чем бы она ни являлась, вероятно, требовала больше энергии, чем когда-либо можно было извлечь из древесины и украденного сока.

Опал закрыл книгу и принялся рассматривать переплет, на котором не было ничего, кроме загадочного слова «Заметки» и даты.

— То, чем я занимаюсь… — начала Ду-эйн. Он снова открыл книгу и развернул рисунок.

— Кто вы?

— У меня нет специальности в научных дисциплинах. — Женщина гордо улыбнулась. — Я участница специального проекта. Конфиденциального исследовательского проекта, понимаете? Мои коллеги и я подготовлены в соответствующих областях. Надежда заключается… заключалась в том, что нам удастся собрать то, чем это штука, возможно, является…

— Она металлическая? — предположил Опал.

— Внутри ее тела, — ответила Ду-эйн, — мы нашли больше железа, меди и цинка, чем собрали на данный момент все народы мира. Там также есть золото, серебро и необычные элементы, не имеющие устоявшихся названий.

Опалу захотелось полистать книгу, но он все еще не мог разобраться, что это за существо.

— Тем не менее тело этого организма состоит в основном из других веществ, — продолжила Ду-эйн. — Различные пластмассы и похожие на них сложные соединения. Керамические материалы. А внутренняя поверхность пасти и конструкции, напоминающей электростанцию… что ж, есть места, прочность которых не позволяет взять из них образцы. Поэтому мы даже не можем толком их проверить…

— Так кто же вы? — снова спросил он.

— Одна из участниц большой секретной команды, пытающейся разобраться во всем этом. — Женщина одарила его мрачной улыбкой и добавила: — Я пока еще новичок. Некоторые из нас уже сорок лет работают над этим проектом.

— Вам удалось что-нибудь узнать?

На ее лице мелькнула надежда, но тут же сменилась ничего не говорящим выражением. Опал почувствовал, что она уже и так ему слишком много рассказала. Они дошли до законов и установлений, которые необходимо соблюдать, даже когда мир катится к катастрофе.

Червь снова замедлил ход.

Пассажиры заметили это и спустя мгновение заволновались.

— Откуда? — спросил Опал.

Ду-эйн провела пальцем по гигантской пасти.

— *О* чем вы спрашиваете?

— О происхождении этой штуковины, — пояснил он. — Вам это известно?

— Угадайте, — прошептала попутчица. Он мог предположить лишь два варианта.

— Она из центра мира, — проговорил Опал. — Там есть металлы. Помню это со школы. Глубоко внутри нашего мира температуры и химические реакции слишком странные, такие, что мы даже представить не можем.

— Второй вариант?

Он вспомнил, что Ду-эйн говорила раньше. «Наш океан», — сказала она, словно мог быть еще один. Опал указал на небо.

— Представители моей скромной профессии, — вздохнула она, — разделились на два лагеря. Я одна из тех, кто считает, что эта штука прибыла из другого мира, что это корабль, предназначенный для межзвездных путешествий.

Опал закрыл книгу и пододвинул ее к женщине.

К этому времени их червь снова остановился, и пассажиры принялись переглядываться, интересуясь, что происходит. Но мастер Брейс отсутствовал, вероятно, все еще говорил по радиотелефону, поэтому Опал встал со своего места.

— Это Кингс-Кроссинг, — сообщил он пассажирам.

— А почему здесь? — полюбопытствовал Рит, поднеся карту ближе к лицу.

Опал сумел улыбнуться, как сделал бы хороший смотритель. Но больше он лгать не мог. Качая головой и глядя на сырой пол, Опал напомнил всем:

— Мы по-прежнему живы. — И направился к закрытому сфинктеру.

Огонь

Ночной воздух был прохладным и сухим, на восток дул ветерок, мягкий, но постепенно набирающий силу. Много лет назад на этом хребте вырос аккуратный маленький город, но затем солнце исчезло и город погиб. Дома и магазины быстро пришли в упадок и развалились, однако станции удалось сохраниться. Она лишь недавно лишилась металла, но в остальных отношениях осталась нетронутой. Только несколько сапрофитов пустили корни в самых мягких досках. Сырые стены главного здания были покрыты грибком. Независимо от цвета каждая поверхность неизменно светилась красным. Опал прочитал на приветственной арке слова «Кингс-Кроссинг». Надпись была выполнена красивым витиеватым шрифтом, популярным во времена детства Опала. Вслед за ним на платформу медленно выходили шепчущиеся пассажиры. Опал не пытался разобрать произносимые ими слова, а обращал внимание лишь на ужас, сквозивший в голосах людей. Несколько мгновений Опал, затаив дыхание, просто стоял и смотрел на доски под ногами и на свои дрожащие руки. Собравшись с духом — когда уже не оставалось выбора, — он обернулся и устремил взгляд на пылающий мир.

Опал как-то посещал фабрику, где драгоценное железо плавилось в печах, построенных из столь же ценных керамических кирпичей. Он помнил, как раскаленная докрасна жидкость разливалась сиропообразными полосами, с которыми потом начинали работать искусные ремесленники. Опал решил, что этот пожар обладает таким же неистовым неземным свечением. Оно было алым и ослепительным, от него слезились глаза. Казалось, что движимый злобными побуждениями могучий ремесленник разлил расплавленный металл по всему восточному горизонту.

Все пассажиры вышли из червя. Смотрители пытались взломать находящийся поблизости склад, вероятно получив приказ найти там что-либо полезное.

— А огонь далеко? — спросил какой-то юноша.

Опал не мог этого определить, но остальные охотно выкрикивали те или иные цифры. Оптимисты заявляли, что пожар от них на расстоянии всего нескольких километров. Рит же, согласившись с тем, что пламя было огромным, пытался мыслить позитивно и считал, что пожар полыхал на Краю мира.

— Он ближе! — воскликнул старый смотритель. — Пока мы стоим здесь, огонь пожирает Левую пустошь.

— И откуда вы это знаете? — надменным тоном осведомился

Рит.

Распухшие глаза старика были устремлены на горизонт. Мастер Брейс недавно плакал. Но он вытер лицо, прежде чем подойти к остальным пассажирам, и ему удалось ответить спокойным ясным голосом:

— Я слушал репортажи по радио. Эта информация поступила от наблюдателей, находящихся непосредственно в районе пожара.

На всех лицах отражались печаль и страх.

— Помните тряску, когда мы выезжали с Края мира? — Брейс покачал головой. — Это был старый шов к юго-востоку от города. Шов раскрылся, длина щели составляет сто километров. Я узнал об этом только сейчас… Из трещины вырвался газ, столь быстро, что аварийные бригады даже не успели среагировать. Многие погибли. А метан продолжал выходить. В течение целого цикла он смешивался с воздухом. Затем достаточно было случайной искры или молнии, чтобы начался этот адский пожар.

— Что случилось с городом? — спросил Опал.

Брейс несколько мгновений смотрел на него, затем опустил взгляд на доски.

— Я разговаривал с наблюдателем. Она находится на воздушном шаре к востоку от Края мира. Она говорит, города больше нет. И суша, на которой он стоял, тоже исчезла. Эта женщина видит открытую воду там, где совсем недавно были миллионы людей…

— Открытая вода? — спросил Рит. — Это означает, что огонь гаснет?

Брейс медлил с ответом.

— Нет, — вмешалась Ду-эйн. Женщина казалась крошечной и невероятно юной. Она надела сапоги, но не застегнула их. Откашлявшись, Ду-эйн объяснила: — Если атмосфера переполнится метаном, а кислород закончится… тогда больше не будет огня…

Опал закрыл глаза, вспоминая ту красивую станцию и черноволосую женщину с чудесным голосом.

— Сейчас имеются два фронта пожара, — кивком согласившись со сказанным, заговорил Брейс. — Один движется на восток, другой на запад. А между ними вода поднимается с такой силой, что огромные куски сгнившей древесины взлетают в воздух. Поэтому метан продолжает поступать, да, сэр. Наблюдатель сообщила, что наш пожар — тот, который преследует нас, — только что достиг границ Вздыбленных земель… затем связь прервалась…

Некоторые заплакали, остальные были столь ошеломлены или устали, что и вовсе никак не отреагировали на это известие.

Два кучера стояли возле головы червя. Одна из них внезапно выкрикнула несколько слов, которые едва можно было разобрать.

— Но пламя не кажется таким высоким, — сказала богатая женщина. Она покачала головой, не желая мириться с ужасными перспективами, и обратилась к своему спутнику: — Возможно, горят лишь леса.

Молодой человек пробормотал что-то утешительное.

— Вы ошибаетесь, — возразила Ду-эйн. — Вас вводит в заблуждение дым.

— Прошу прощения, мисс?

— Та местность совершенно точно горит, — произнесла она. — Огромное количество древесины превращается в дым и пепел, которые скрывают верхушки пламени. А благодаря ужасному жару дым и пепел поднимаются даже еще выше. — Она показала на небо: — Видите?

Опал раньше этого не замечал. На восточной половине неба не было звезд. Создавалось впечатление, что умирающий мир закрыт черной крышкой. Если озарить эту местность дневным светом, под небом окажется не земля, а зловонная масса кипящих ядовитых облаков.

— Вы уверены? — с сомнением спросила старая женщина. — Что вы вообще об этом знаете?

Ду-эйн медлила с ответом.

— Эта девушка — ученый, — вмешался Рит. — Она разбирается во всем, что с нами происходит.

— Это так, мисс?

Ду-эйн прищурилась и бросила взгляд на Опала, словно обвиняя его в том, что он выдал ее тайну. Но Опал никому не сказал ни слова.

— Она и ее друг думали, что я дремал, — признался Рит. — Но они ошибались, и я слышал каждое произнесенное ими слово.

Ду-эйн казалась смущенной. Она сделала небольшой шаг назад и стояла, нервно сцепив руки.

Опал пытался цайти что сказать — добрые слова, что смогли бы разрядить напряжение. Но в это мгновение доски, на которых стояли пассажиры, сильно затряслись и осели на несколько метров.

Старая женщина обратилась к Ду-эйн:

— Не могли бы вы объяснить это, дорогая? Что сейчас произошло?

— Этот хребет… — начала Ду-эйн, расцепив руки. — Мы стоим на последнем пласте Вздыбленных земель. На самом большом пласте. Он тянется на восток, в глубине под водой, и заканчивается под Левой пустошью. — Во время объяснений Ду-

эйн жестикулировала подобно учителю. — По мере того как древесина сгорает и метан устремляется к открытой поверхности, основание этой местности отделяется от других пластов.

Словно в подтверждение слов женщины, хребет снова задрожал.

Опал бросил взгляд через плечо, но мастер Брейс незаметно покинул их. Он стоял рядом с червем и вместе с двумя кучерами возился с кожаным мешком, наполненным густой жидкостью. От мешка отходил шланг, соединенный с большим шприцем, которым вполне можно было проткнуть двух взрослых мужчин. Что-то не ладилось, и, заметив Опала, смотритель воскликнул:

— Сэр, не поможете ли нам?! Это займет всего одну минуту. Червь знает, что мы собираемся что-то сделать, и упрямится.

Кучера бросили взгляд на Опала. Тот был удивлен, что его позвали, и, возможно, немного польщен.

Червь остановился у ближнего края колеи, но, чтобы подобраться к нему, все равно нужно было сделать несколько шагов по скользкой поверхности. Поколения червей проползали по этой колее, оставляя после себя маслянистую жидкость — ту же самую белую смазку, которой дикие черви смазывали свои огромные туннели. В туфлях на мягкой подошве Опал просто соскользнул к червю. Он не прикасался к червям с детства и не горел желанием дотрагиваться до одного из этих существ сейчас. В воздухе чувствовался едкий запах смазки и пота червя. Опал посмотрел на тонкую изогнутую рудиментарную конечность, плотно прижатую к огромному серому телу.

— Берите этот электрошокер, сэр, — сказал Брейс. — Делайте то же, что и я. Просто водите им по животу червя.

На острие резиновой палки находился металлический электрод, к деревянной рукоятке крепились батарейки. Кучера поставили рядом с червем высокую лестницу, острые наконечники вонзились в маслянистую поверхность. Женщина-кучер быстро поднялась по лестнице, за ней последовал ее коллега — молодой паренек, держащий огромную иглу как копье. Лестница оканчивалась узкой площадкой. Женщина схватила конечность и принялась тянуть ее, а Брейс стал водить электрошокером по гладкому животу червя. Вокруг кончика электрошокера вспыхивали синие огоньки. Червь, вероятно, ощущал просто приятное покалывание.

Женщина сумела вытянуть конечность.

— Почему туда? — поинтересовался Опал, повторяя движения старика.

— Это хорошее, богатое кровью место, — быстро проговорил смотритель, словно произнося одно длинное слово. — Кроме

того, нет времени открывать обычные вены.

Подошли остальные пассажиры, чтобы посмотреть и послушать. Только Ду-эйн отошла к дальнему концу платформы и устремила взгляд на величественный пожар.

— Это наркотик? — спросил Опал.

— Мне нравится слово «лекарство», — ответил смотритель. Похлопывая по мешку, он пояснил: — Мы держим эту штуку в основном для кучеров, а не для червя. Конечно, лекарства в этом мешке хватит на то, чтобы убить тысячу человек. Но…

Кто-то выругался, и спустя секунду послышался крик:

— Осторожно!

Длинная игла упала между Опалом и Брейсом.

— Это стимулятор, сэр. — Смотритель поднял шприц. — Он позволит нашему червю двигаться быстрее, и ему не нужно будет спать. Но в то же время это может убить его, хотя сейчас, конечно, у нас нет выбора.

— Я полагаю…

— Еще две просьбы, сэр. Поможете?

— Да.

— Отнесите шприц наверх. Хорошо? — Затем он попросил о втором одолжении, заверив: — Вы нам очень поможете.

Опал никогда не любил высоты, но он не колебался. Нужно было преодолеть двадцать ступенек, и ветер, казалось, усилился, пока мужчина поднимался. Бросив взгляд через плечо, он увидел людей, возвращающихся со склада. Ничего стоящего они не несли. Опал стоял на узкой площадке, а женщина постаралась вытянуть конечность как можно сильнее. Помощник взял иглу обеими руками, вонзил ее кончик в открытую плоть и крикнул:

— Давайте!

Крошечный насос зашумел.

— Кисть, сэр! — воскликнул Брейс. — Пожалуйста, сэр.

Конечность червя по сравнению с его огромным телом казалась крошечной, но была значительно длиннее, чем конечности человека. Она оканчивалась тремя пальцами, образующими выпуклость. Рядом с ней находился мизинец. Также был и большой палец. Не у каждого червя имелись большие пальцы, Опал читал об этом странном факте. Что еще необычнее, этот палец мог двигаться и обвился вокруг рук Опала, когда тот схватился за червя. Затем Опал изо всей силы сжал конечность червя, стараясь, чтобы большое существо это заметило и почувствовало некоторое облегчение, по крайней мере пока лекарство не будет полностью введено.

Черви

Они снова продолжали путь. Движение казалось быстрым, но червь скользил вниз по довольно крутому склону. Без ориентиров обычному человеку трудно было определить истинную скорость, но позднее, когда они ехали по пустой плоской равнине, Опал не сомневался в том, что они движутся быстро. Он снова зашел в горло червя и прислушался к биению его сердца. Червь тратил огромное количество энергии.

Вернувшись в желудок, Опал увидел, что все пассажиры собрались вокруг Ду-эйн.

— Покажите нам вашу книгу, — говорил Рит. — Покажите вашу машину.

— Нам очень интересно, — произнес спутник богатой женщины. Подмигнув, он спросил: — Чем это может навредить?

Люди были растеряны, напуганы и отчаянно желали хоть как-нибудь отвлечься.

Опал сел рядом с Ду-эйн.

Женщина, по-видимому, думала, как поступить. Решившись, она сказала: «Вот», и открыла книгу на странице с фотографиями гигантских камер и гладкостенных туннелей. Направив свет фонарика на фотографии, она рассказывала то же, что ранее говорила Опалу, добавляя некоторые подробности:

— Мы считаем, что это жилые помещения. Трудно представить, сколь велики… но вот здесь на заднем плане изображен мой коллега…

На фоне сероватого ландшафта ученый выглядел не больше точки.

— Если эта машина была кораблем, который совершал межзвездные путешествия, как считают некоторые… как и я… это означает, что его двигатели сообщали ему ускорение. А вот это, наверное, был пол. — Она провела пальцем над изображением. — Этой фотографии десять лет. Видите грязь в углу?

Некоторые кивнули, но стоящие сзади ничего не могли разглядеть.

Ду-эйн перевернула страницу. Следующая большая черно-белая фотография запечатлела череп, ребра и очень длинный позвоночник, согнувшийся в момент смерти. На гигантском черепе стоял коллега Ду-эйн. Как и на предыдущем снимке, он выглядел небольшой точкой.

— Это мертвый червь, — прошептал Опал.

Ду-эйн посмотрела на него, затем перевела взгляд на остальных пассажиров.

— Эта машина прибыла с другой звезды, — произнес Рит, повторив ее вердикт.

— Да, — подтвердила она.

— Космический корабль, говорите?

— Это очевидно…

— А наши черви тоже оттуда? — Высокий мужчина стоял рядом с ней на коленях, и на его лице отражалось сомнение. — Они с этого вашего корабля?

— Да, — ответила Ду-эйн, но тут же возразила: — Нет.

— Так оттуда или нет? — уточнил Рит.

Молодая женщина вздохнула. Потом еще раз. Наконец она подняла взгляд и обратилась ко всем:

— Допустим, мы построили звездолет и затем отправились на поиски нового дома. Даже такой мощной машине, как эта, требуется много времени, чтобы перелететь от одного солнца к другому. И если это солнце нам не понравится, нам придется продолжить путешествие. А если и там нам будет неуютно, мы снова продолжим путь. Если так и не удастся найти планету, похожую на наш прежний дом, разве нам не придется выбрать лучший из имеющихся миров?

Опал попытался рассмотреть скелет червя.

— Я не утверждаю, что именно так все и было, — сказала Ду-эйн. — Но это то, что мы узнали. Команда этого звездолета ничем на нас не походила. Они не были людьми или простой органической формой жизни. — Женщина провела пальцем по краю ископаемого черепа. — То, что напоминает кость, на самом деле таковой не является. Это очень прочная древняя керамика. Ее возраст мы определить не в состоянии. А обнаруженные нами органы — это вовсе не печень, сердце или легкие. Это машины, и мы пока нисколько не продвинулись в определении того, как они функционировали, находясь внутри живого организма.

Рит собрался было отпустить пару замечаний, но промолчал.

— Эти существа были построены из металлов, керамики и редкоземельных элементов, которые существуют в крошечных количествах. Невероятно редких элементов. Но если мы заглянем вглубь галактики, в спиральные рукава, мы увидим там солнца, в которых больше металлов, чем в нашем. И возможно, вращающиеся вокруг них планеты состоят из похожих элементов.

Ду-эйн несколько раз перевела дух.

— Видите ли, наше солнце… очень большое, яркое, молодое и в нем почти нет металлов. Во многих отношениях оно долго не просуществует. Менее миллиарда лет. Для Вселенной это небольшой срок. — Она подняла фонарь выше, чтобы больше людей увидело причудливый скелет. — У меня ни в чем нет

абсолютной уверенности. Я вам что-то рассказываю, но, может, это все не соответствует действительности. Однако мои мысли по поводу случившегося… того, что мои коллеги, истинные гении, участвующие в нашем начинании, считают очевидным… Этот звездолет прошел весь путь до нашего мира и больше не мог двигаться дальше. Он приземлился на Океан, его экипаж попробовал воду, воздух и взял то, что мог. Металлов было очень мало, так же как кремния и многих тяжелых элементов. Но они воспользовались самым старым генетическим материалом, имеющимся внутри их тел. Чтобы построить функционально самостоятельную экосистему, они вывели тысячу новых видов. Людей. Псевдолюдей. Медных угрей и многоротов. Всех этих маленьких ползунов. Также они задействовали другие виды, которые привезли с собой. Мы нашли на корабле споры и мертвые семена, поэтому мы уверены, что наши предки брали с собой растения.

Они вывели гигантские растения, которые могли расти на поверхности Океана. Их корни проникали в самую глубину и извлекали редкие минералы. Вспомните также наших лесных тараканов. В темных уголках корабля мы нашли их мертвые маленькие аналоги. Каким бы невероятным это ни показалось, но, возможно, они были паразитами.

— Но где же человеческие кости? — спросил Опал. Ду-эйн посмотрела на него, и на ее лице мелькнула грусть, сменившаяся выражением осторожного изумления.

— Я говорю об экипаже, пилотировавшем этот звездолет, — продолжил Опал. — Что с ними случилось?

Судя по некоторому оживлению, остальные тоже стали задаваться этим очевидным вопросом.

Ду-эйн покачала головой и мрачным, не допускающим возражений тоном произнесла:

— Представьте себе такую ситуацию. Вы летаете от звезды к звезде. Ваше тело в равной степени является как машиной, так и плотью. И все, что вам нужно, вы получаете с помощью верных машин. Обладая такой свободой, можно приобретать любую желаемую форму. Вот почему с течением эпох можно укорачивать свои конечности или стать червем. Если, конечно, исходить из того, что мы начинали свой вид как человеческие существа. Или как существа, напоминающие людей на той нашей другой планете. — Она помолчала. — На той потерянной родине, названия которой мы не знаем.

Хорошая гора

Смотрители по двое и трое начали быстро носить ведра, наполненные целебной мазью, и мешки с нейтрализующими веществами в пустой кишечник. Опалу стало интересно, что бы это значило. Когда пришла еще пара смотрителей и принялась поспешно разбирать туалет, он успокоился. Но откуда возьмут еду для червя и сколько придется ждать, пока он съест свою порцию?

Закрыв почти полный туалет, смотрители начали двигать его к пищеводу. Опал уже собрался было обратиться к ним с вопросом, но в этот момент наконец появился мастер Брейс.

Старый смотритель растянул губы в улыбке-гримасе. Он попытался подмигнуть Опалу и затем заметил сидящую среди пассажиров Ду-эйн. Женщина листала свою огромную книгу.

— Мы скоро остановимся? — спросил Опал. Брейс кивнул.

— Впереди аварийный склад. — В его голосе сквозило беспокойство. — Там всегда есть корни и бочки с соком. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Смотритель замолчал.

— Сколько времени это займет?

— Моей малышке необходимо поесть, — не допускающим возражений тоном заявил Брейс. — Обязательно. Если она не получит глюкозу, мы не сможем выбраться из этой пустоши. Пожар или не пожар, но мы должны остановиться.

Опал кивнул:

— Понятно.

— Хорошая гора, — произнес смотритель. — Мы остановимся там.

Его слова привлекли внимание пассажиров.

Понимая, что его заметили, Брейс выпрямился, перевел дух.

— Всем придется высадиться, — отчеканил он без малейшего колебания. — Кормление будет проведено по возможности быстро. А потом все поедут на черве. Там, где сейчас сидят псевдолюди.

— А где же поедет моя прислуга? — недовольно осведомилась старая женщина.

— Нигде, мадам. — Расправив плечи, смотритель посмотрел прямо в лицо избалованной пассажирке, а затем объяснил ей и остальным: — Раньше такого, может, и не случалось, но сейчас возникла настоящая чрезвычайная ситуация. И я говорю как официальное лицо, исполняющее свои обязанности. Не пытайтесь мешать мне.

Женщина отпрянула.

Но ее спутник счел себя обязанным вмешаться и встал.

— Мы не можем просто оставить этих существ, — заявил он. Брейс улыбнулся. Затем тихо и с огромным удовольствием засмеялся и, показав руками на желудок червя, ответил:

— Я вовсе не собираюсь оставлять их.

Хорошая гора не являлась станцией как таковой. Там даже не было временной колеи, по которой червь мог бы сползти в сторону, но виднелись фундаменты домов и вехи, обозначающие улицы. Единственными признаками недавнего пребывания здесь людей служили склад — подземное помещение размером чуть больше желудка червя — и стоящий к северу маяк, представляющий собой деревянную башню, увенчанную огромным подобием чаши. В ней мерно горело колышущееся на ветру желтое пламя. Оно служило ориентиром для заблудившихся и раньше было самым ярким пятном, заметным с расстояния в сотни километров. Но сейчас все изменилось. Ничто в мире не могло сравниться со стремительно надвигающейся и испепеляющей все на своем пути огненной стеной с востока.

Ветер усилился и принес холод с запада. Опал вздрогнул.

Смотрители работали в бешеном темпе. Взломав склад, они выкатывали бочку за бочкой прямо перед червем на колею. Несколько смотрителей приказали псевдолюдям спуститься со спины червя и велели им стоять на сухой пыльной древесине, не делая ни шага в сторону.

Опалу показалось, что он слышит огненную бурю, хотя она отставала от них на десять или двадцать километров.

Как ни странно, звук напоминал шум стремительно падающего водного потока.

К Опалу неожиданно подошла Ду-эйн, так близко, что могла до него дотронуться. Ее сапоги были застегнуты. Под мышкой женщина держала книгу. Несколько мгновений Ду-эйн внимательно изучала его лицо, затем столь же напряженно принялась смотреть на огненную бурю.

— Пойдем со мной, — наконец сказала она Опалу.

Опал не удивился. Он уже давно мечтал о подобном приглашении. Но собственная реакция поразила его. Он растерялся.

— Мои коллеги сейчас там, — продолжила Ду-эйн, кинув на далекую башню. — За маяком стоит маленькая хижина, там есть шахта и лифт, который доставит нас прямо на звездолет…

— Может, и меня возьмете? — вмешался Рит.

Дуэ-эйн перевела взгляд на него. Казалось, она была не

готова к этому совершенно естественному вопросу.

— Ваш корабль огромный, — напомнил ей Рит. — Огромный и пустой. Вы не думаете, что ваши друзья, возможно, с радостью примут и меня?

Она попыталась что-то сказать.

Затем вышла вперед богатая пожилая женщина.

— Времени мало, мисс. Где этот ваш?..

— За той башней! — воскликнул Рит.

— Спасибо. Ты мне поможешь, дорогой? — обратилась она к своему приятелю. — Не уверена, что смогу пройти так далеко.

Ее молодой спутник держал сумки. Он устремил взгляд на север, и на его лице появилась слабая улыбка.

— Я уверен, что вы прекрасно справитесь, — приятным тоном произнес мужчина и неожиданно подмигнул даме. — Отправляйтесь в путь прямо сейчас. Идите как можно быстрее. — Он бросил сумки и помчался к маяку.

Многие пассажиры последовали его примеру.

— Что ж, — пробормотала старая женщина и шаркающей походкой отправилась к маяку, пытаясь догнать ушедших пассажиров.

Рит пристально смотрел на Ду-эйн. Шокированный происходящим, он спросил:

— А этот лифт большой? Быстрый? Он сможет отвезти сразу нас всех?

Она попыталась ответить, но голос изменил ей.

Рит оглянулся на червя, затем перевел взор на башню.

— Куда вы?! — крикнул мастер Брейс. Минутой ранее он стоял рядом с пастью червя, но сейчас быстро шел к ним. — Что вы, черт возьми, делаете, а?

Ду-эйн увидела, что он подходит. Она бросила все, кроме своей драгоценной книги, и, взглянув последний раз на Опала, побежала по пустой равнине.

Рит смотрел на Опала, очевидно сомневаясь, что тот в здравом уме. Затем он тоже направился к маяку. Он шел большими шагами и быстро обогнал сначала Ду-эйн, потом пожилую женщину.

— Сэр, — начал Брейс, подходя к Опалу.

Опал попрощается, затем тоже побежит. Он думал, что ничто не заставит его изменить принятое решение.

— Не надо, — посоветовал старый смотритель.

— Что не надо? — спросил Опал. Брейс взял его за плечо.

— Вы мне нравитесь, сэр, — тяжело дыша после быстрой ходьбы, признался он. — И я искренне хотел предупредить вас раньше.

— Предупредить?

— И затем… затем я увидел, как эта женщина разговаривает со всеми, и я не думал… не мог представить, что вы все поверите ей…

— В чем дело?! — воскликнул Опал.

— Она и раньше ездила в моем черве, сэр. — Брейс устремил взгляд на равнину. Яркое пламя на востоке вздымалось столь высоко, что освещало всех ушедших пассажиров. Они казались крошечными. Суетливо двигающиеся фигуры, которые скоро пропадут из виду на этом обширном участке сухой мертвой древесины.

— Да я знаю, что ездила! — воскликнул Опал. — Конечно. Она приезжает сюда, чтобы изучать тайную гору.

Брейс покачал головой.

— Нет, сэр. — Затем смотритель посмотрел Опалу в глаза: — Я расскажу, чем она занимается. У нее есть книга, и она заводит дружбу с мужчиной… обычно с пожилым… убеждает его, что все, что она говорит, правда. Затем она высаживается в этом месте и приглашает его пойти с ней. Конечно, каждый мужчина с радостью пойдет с такой красивой молодой штучкой. Но она больна, сэр. Я уверен. — Мастер Брейс помолчал немного и продолжил: — В моем черве она направлялась на запад уже как минимум пять раз. И три раза она зажигала сигнальный огонь, чтобы мы остановились и подобрали ее по дороге на восток. — Брейс вдохнул прохладный воздух. — Так поступают люди в этой местности, где нет станции, сэр. — Мрачно улыбнувшись, смотритель добавил: — Но иногда огонь зажигали мужчины. Мы спасли нескольких джентльменов вашего возраста. Они характером и манерами походили на вас. И они были очень сердиты. «Она показывала мне эту большую книгу, — говорили они. — Я хотел посетить древний звездолет и увидеть останки богов».

Опал обхватил себя руками и тихо застонал.

— Эта женщина безумна, сэр. Только и всего. — Брейс положил руку на плечо Опала. — Она уводит мужчин в темноту. Она продолжает твердить им, что они уже почти пришли. Но там ничего нет. Даже самый глупый мужчина наконец понимает это. И знаете, что делает эта женщина? В определенный момент она говорит: «Это все из-за тебя. Ты не веришь, поэтому, конечно, мы не можем его найти».

Тогда эти мужчины возвращаются сюда и продолжают путешествие на запад, а она бродит некоторое время по равнине, потом приходит сюда и ждет червя, направляющегося на восток. Каким-то образом эта женщина всегда при деньгах. Она живет,

путешествуя в червях и читая свою книгу. Она уже не осознает, что все то, что она говорит, не имеет ничего общего с реальностью. Насколько я могу судить, ничем другим эта женщина не занята.

Опал был растерян — никогда прежде он не испытывал столь сильного гнева. Но по какой-то причине рассказ смотрителя не стал для него полной неожиданностью.

— Мне следовало вмешаться, — подытожил Брейс. — В желудке червя, когда я видел, как она разговаривает со всеми пассажирами.

— Может, нам их вернуть? — предложил Опал. Но смотритель лишь покачал головой:

— Нет времени, сэр. И по правде говоря, я не думаю, что мы сможем убедить этих людей прислушаться к голосу разума. Они сейчас цепляются за единственную оставшуюся у них надежду.

— Но мы должны попытаться, — настаивал Опал. — Возможно, нам удастся хоть кого-то уговорить вернуться…

— Сэр, — прервал его Брейс и неожиданно рассмеялся. — Не знаю, заметили ли вы это, сэр. Но весьма вероятно, что мы и сами проживем не очень долго.

Опал снова услышал мягкий рокот пожара.

— Да. Конечно.

К порту Краусс

Брейс зашагал к голове червя.

Червь медленно полз вперед, глотая на ходу сладкий сок. Впереди помощники смотрителя загнали в колею несколько дюжин псевдолюдей. На расстоянии эти существа выглядели как настоящие люди, казались маленькими и напуганными. Стараясь удержаться на белой скользкой смазке, они хватались друг за друга.

Опал остановил Брейса и, боясь растерять остатки мужества, поспешил обратиться к нему с серьезной просьбой.

— Знаю, я прошу о многом, — признал он.

— Это не так уж сильно изменит ситуацию, — отозвался старик и мрачно рассмеялся. Он остановился, поднес ко рту сложенные чашечкой руки и громко выкрикнул новые распоряжения.

Рыжеволосая самка отделилась от группы псевдолюдей.

Опал снова был вместе со своей служанкой. Они вдвоем взяли сумки и затем по веревочной лестнице забрались на широкую спину червя.

Не дожидаясь указаний, самка села на один из низких стульев и вытянула перед собой ноги. Если это существо испытывало благодарность, это никак не отражалось на его лице. Либо служанка была слишком глупа и не могла оценить поступок Опала, или же, напротив, отличалась умом и презирала его за то, что он спас только ее, не попытавшись избавить остальных от ужасной смерти.

Голая плоть червя была теплой на ощупь. Опал расположился сразу за своей служанкой, и ее крупное тело защищало его от ветра. Он чувствовал, как движется огромный позвоночник червя. Опал сидел спиной к направлению движения и поэтому не видел завершения кормления, и, если не считать нескольких неясных криков, он ничего не слышал. Затем червь начал набирать скорость, наркотик и еда снабдили его феноменальной энергей. Спустя некоторое время, когда они мчались по пустой местности, подошел мастер Брейс и сел рядом с ним.

— Но книга… — начал Опал.

— Похожа на подлинную, — ответил старик, угадав его мысли. — И может, она действительно подлинная. Не исключено, что эта женщина украла ее у настоящего ученого, который на самом деле знает, где погребен звездолет. Возможно, это — древний манускрипт, и когда-то был звездолет… но он давным-давно погрузился в ядро, а манускрипт по чистой случайности

попал ей в руки.

— Или она все выдумала, — высказал предположение Опал.

— Не исключено. — Брейс кивнул, не отрывая взгляда от огненной бури. — Возможно, эта женщина услышала рассказ о космическом полете, затерянных мирах, и она обладает талантом, позволяющим ей рисовать сложные схемы и устраивать трюки с фотокамерами. А нынешние времена превратили ее в сумасшедшую. Под влиянием ужасных событий и сумасбродных надежд она стала считать свои выдумки правдой. Возможно.

«Или она была в совершенно здравом уме, — подумал Опал, — и где-то там действительно нас ждал корабль. А Брейс повредился рассудком и ввел меня в заблуждение, принудив остаться со своим драгоценным червем».

— Но название… — пробормотал Опал.

— Сэр?

— «Хорошая гора». Она объяснила мне, почему те ученые использовали это старое слово. И по правде говоря, я не вижу другой причины называть это нелепое место столь благородным именем.

— Во-первых, сэр…

— Называйте меня Опал, пожалуйста.

— Опал. Хорошо. — Брейс положил обе руки на тело червя и прислушался. — Во-первых, я прекрасно знаю эту местность. Если бы здесь занимались каким-нибудь проектом, если бы здесь находилась научно-исследовательская станция любого размера, это не было бы для меня секретом. И могу искренне сказать вам, Опал: кроме этой странной женщины и введенных ею в заблуждение мужчин, никто не приходит в этот заброшенный край…

Опал и смотритель почувствовали, как содрогается колея, по которой они ехали.

Когда тряска прекратилась, Брейс продолжил:

— Не исключено, что нам повезет, сэр. Возможно, Ду-эйн говорила вам, что под этой местностью находится мертвый остров. Между нами и метаном — большое количество древесины, поэтому, когда пожар доберется до Вздыбленных земель, скорость его движения должна замедлиться. По крайней мере ненадолго. Древесина, естественно, будет гореть, но не так быстро, как этот проклятый газ.

Опал попытался приободриться.

— Во-первых, — повторил он.

— Сэр?

— Вы сказали: «Во-первых». А что во-вторых? Мастер Брейс задумчиво кивнул.

— Моя мать была смотрителем точно такого же червя. А ее отец работал кучером грузового червя, который ползал по этой вот колее, возил новое железо из порта Краусс. Именно дедушка рассказал мне, что даже когда здесь светило солнце, это место было ужасным для жизни. Таким же пустым и мертвым. Здесь трудно было заниматься фермерством и еще тяжелее жить. Но какой-то жадный человек заполучил эту землю даром и распродал ее по частям людям в густозаселенных уголках мира. Он назвал местность «Хорошая гора», поскольку считал, что старое слово звучит солиднее и закрепится надолго. Но на самом деле мошенник лишь хотел заманить глупцов в эту ловушку…

Опал протянул руку назад и запустил ее в густые волосы своей служанки. Внезапно ему захотелось прижаться спиной к ее спине.

— Это всего лишь старое слово, — говорил Брейс. Его лицо было освещено заревом пожара. — И я не знаю, заметили ли вы это, сэр, но слова являются просто звуками и буквами. А смысл им придают люди. Без нас слова вообще не смогли бы существовать.

Они продолжали путь, спеша к Океану в попытках спастись от преследующего их конца мира.

Дэвид Левин
Папина лапа в моей руке [131]

Там, где положено быть бровям, у секретарши росли перышки. Голубые, зеленые, черные, радужные, как у павлина, они легонько трепетали в неслышном дыхании кондиционера. — Вы хотите что-то спросить, сэр?

— Нет, — ответил Ясон и взял в руки журнал, но поскольку уже трижды пытался начать читать и никак не мог сосредоточиться, то положил его обратно. — Вообще-то, да. Э-э, я хотел у вас спросить, вы… а-а… вы… перерожденка?

Это слово упало на мягкий, тканый под траву ковер приемной, и Ясону захотелось подобрать его, сунуть в карман и уйти. Просто уйти и никогда не возвращаться.

— О, вы имеете в виду брови? Нет, сэр, это только мода. Мне больше нравится быть человеком. — Она любезно ему улыбнулась. — Вы давно не были в Сан-Франциско, не так ли?

— Да, я только сегодня утром приехал.

— Перья здесь очень популярны. В этом месяце особенно. Не хотите ли брошюру?

— Нет! Э-э… я имею в виду, благодарю вас, нет. Опустив взгляд, Ясон осознал, что мнет журнал. Он неловко попробовал его разгладить, потом отказался от этой затеи и бросил обратно в кипу других, лежащих на кофейном столике. Все журналы были свежие, а столик, похоже, из натурального дерева. Ясон провел по нему грязным ногтем большого пальца — так и есть, настоящее. Затем, испугавшись собственного поступка, попытался прикрыть царапину стопкой глянцевых изданий.

— Сэр?

Ясон вздрогнул от голоса секретарши и тормознул журналы на полпути.

— Что?

— Вы не возражаете, если я дам вам маленький дружеский совет?

— Э-э… я… нет. Пожалуйста.

Вероятно, она хотела сказать ему, что у него расстегнуты брюки или что в этом офисе положено быть при галстуке. Ее собственный галстук гармонировал с цветом стен: роскошное золотое тиснение на темно-бордовом фоне. Ясон даже не был уверен, застегнут ли на его толстой шее воротник выцветшей рабочей рубашки.

— Может быть, вам не стоит спрашивать наших пациентов, не

перерожденцы ли они.

— Это невежливо? — Он готов был залезть под стол и умереть от неловкости.

— Нет, сэр. — Она снова улыбнулась, на этот раз с неподдельным юмором. — Просто кое-кто из них переведет разговор на другую тему, проявив лишь видимость интереса.

— Я, э-э… благодарю вас.

Раздался перезвон часов, густой негромкий звук которых слился с игравшей в приемной классической музыкой, и секретарша на мгновение устремила взгляд в пространство.

— Я дам ему знать, — произнесла она в пустоту, затем, как бы вспомнив о Ясоне, добавила: — Мистера Кармилка увезли из операционной.

— Благодарю вас.

Было так странно слышать эту редкую фамилию применительно к кому-то еще. Он не встречал ни одного Кармилка уже больше двадцати лет.

Спустя полчаса дверь приемной открылась в коридор с гладким блестящим полом и ровными светлыми стенами. Несмотря на эту изысканность и продолжавшую звучать классическую музыку, легкий запах дезинфекции напоминал посетителю, где он находится. Молодой человек в форме медбрата провел Ясона к двери с табличкой: «Доктор Лоренс Стейг».

— Здравствуйте, мистер Кармилк, — сказал сидевший за столом человек. — Я доктор Стейг. — Он был ростом пониже Ясона, тощий, кареглазый, с аккуратной седеющей бородкой. Галстук завязан с хирургической четкостью. Его рукопожатие, как и голос, оказалось твердым и грубоватым. — Прошу вас, присаживайтесь.

Ясон пристроился на край кресла, намеренно избегая комфорта.

— Как мой отец?

— Операция прошла нормально, скоро он придет в сознание. Но вначале я хотел бы с вами поговорить. Полагаю, есть… некоторые семейные проблемы.

— Что вы имеете в виду?

Доктор не отрывал пристального взгляда от своего позолоченного органайзера, то открывая, то захлопывая его.

— Я наблюдаю вашего отца уже почти два года, мистер Кармилк. В такого рода работе отношения «врач — пациент» неизбежно становятся доверительными. Мне кажется, я довольно хорошо узнал его. — Он поднял глаза на Ясона. — Отец никогда

не упоминал о вас.

— Я не удивлен. — Ясон почувствовал в своем голосе горечь.

— От моих пациентов часто отрекаются семьи.

У Ясона вырвался резкий короткий смешок, который напугал обоих.

— Его… биологическое перерождение здесь ни при чем, доктор Стейг. Мой отец оставил нас с матерью, когда мне было девять лет. С тех пор я с ним не разговаривал. Ни разу.

— Простите, мистер Кармилк. — Доктор казался искренним. «Если только это не чисто профессиональный такт», — подумал Ясон.

Врач хотел что-то добавить, но передумал и отвел взгляд.

— Пожалуй, сейчас не лучшее время для воссоединения семьи, — сказал он наконец. — Его состояние может быть несколько… пугающим.

— Я не для того проделал весь этот путь из Кливленда, чтобы развернуться и уехать ни с чем. Я хочу поговорить со своим отцом. Пока еще могу. И это мой последний шанс, верно?

— Завершающая стадия рассчитана на пять недель, начиная с сегодняшнего дня. Операция может быть, конечно, отложена. Но все бумаги уже подписаны. — Доктор словно припечатал ладони к столу. — Вы не сможете его отговорить.

— Разрешите мне только встретиться с ним.

— Разрешу, если он захочет вас видеть. Ответить на это было нечего.

Когда Ясон вошел, отец лежал на боку, спиной к двери. Запах дезинфекции здесь ощущался сильнее. Аппаратура тихонько подавала короткие высокие сигналы.

Отец был лысым, лишь затылок обрамляла редкая бахромка седых волос. Череп гладкий, розовый, блестящий и очень круглый — точь-в-точь как круглая голова самого Ясона, слишком крупная для стандартных шлемов, которые носили у него на работе. «Большой Яс» — было написано черным маркером на желтом пластике его каски.

Но если голова отца казалась большой, то вздымавшиеся от дыхания плечи были узкие, а грудь резко опадала к еще более узким бедрам. Подтянутых к туловищу ног не было видно. Обходя вокруг кровати, Ясон почувствовал комок в горле.

Загорелое лицо отца выглядело скорее шершавым, нежели морщинистым. От носа к углам рта сбегали глубокие борозды, а брови над закрытыми глазами были седые и очень густые. Он казался одновременно и старше, и моложе того, каким Ясон его себе представлял, когда пытался мысленно состарить образ

двадцатилетней давности.

Пристальный взгляд сына проследовал вниз, от свежевыбритого подбородка к густому кольцу серовато-белой шерсти на шее. Затем к мохнатым лапам с аккуратно подстриженными когтями и чистыми, еще не стершимися подушечками.

Тело отца теперь походило на тело волка или английского дога, оно было сильное, крепко сложенное, перетянутое мускулами и сухожилиями. Но все это казалось каким-то ненастоящим. Грудь, хотя и узкая, все же шире, чем у любого нормального пса, да и шерсть неестественная — чересчур чистая, чересчур красивая, чересчур правильная. Ясон знал из статьи на стенде, что она пересаживалась пациенту из его собственных волос и была лишь пародией на настоящую собачью шкуру с подшерстком.

Это было великолепное животное. Это был душераздирающий уродец. Это было чудо биотехнологии. Это был яркий образец высокомерия и потворства собственным желаниям.

Это был пес.

Это был отец Ясона.

— Папа. Это я, Ясон. — У него возникло смутное желание похлопать отца по мохнатому плечу, но он удержался.

Лежащий приподнял дрогнувшие веки и тут же снова их сомкнул.

— Да, доктор мне сказал. — Он говорил немного невнятно. — Какого черта ты здесь делаешь?

— Я столкнулся в О'Хэйр[132] с тетей Бриттани. Я ее не узнал, но она меня тут же узнала. Она сообщила мне о… тебе. И я сразу приехал.

«Это мой отец, — объяснил Ясон по телефону своему боссу. — Он в больнице. Я должен повидаться с ним, пока еще не поздно». И позволил начальнику сделать неверный, хотя и не слишком далекий от истины вывод.

Нос у отца сморщился от отвращения.

— Никогда не доверял Бриттани.

— Папа… почему?

Он снова открыл глаза. Они были такие же холодные, синие, как у Ясона. Отец пытался сфокусировать взгляд.

— Потому что я это могу. Потому что Конси… туция, черт возьми, дает мне право делать с моим телом и с моими деньгами все… все, что я захочу. Потому что я хочу, чтобы меня лелеяли всю оставшуюся жизнь. — Он закрыл глаза и скрестил лапы на переносице. — Потому что я больше не хочу принимать никакие решения, будь они прокляты! А теперь убирайся.

Ясон хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Но, папа…

— Мистер Кармилк?

Ясон поднял взгляд, а его отец повернул голову. У двери стоял доктор Стейг. Ясон не знал, давно ли тот здесь находится.

— Прошу прощения, я имел в виду Ясона. Отец снова закрыл лапами лицо.

— Мистер Кармилк, я думаю, вам следует пока оставить его в покое. Он еще не совсем отошел от анестезии. Может быть, утром он будет более… готов к разговору.

— Сомневаюсь, — последовал ответ из-под скрещенных лап. Ясон протянул было руку, чтобы погладить лоб, может быть, взъерошить шерсть — он и сам не знал зачем, — но потом отдернул.

— До завтра, папа. Ответа не последовало.

Закрыв дверь, Ясон привалился спиной к стене, потом осел на пол. Он зажмурился и вытер слезы.

— Мне очень жаль.

Ясон вздрогнул и открыл глаза. Перед ним на корточках сидел доктор Стейг, в руках у него была папка для бумаг.

— Обычно он не такой.

— Я никогда его не понимал, — качая головой, сказал Ясон. — С тех пор, как он ушел. У нас все было хорошо. Он не пил, ничего такого. У нас не было финансовых проблем — тогда, во всяком случае. Мама его любила. И я его любил. Но он сказал: «Мне здесь делать нечего», и ушел из нашей жизни.

— Вы упомянули о деньгах. Все дело в них? Видите ли, большую их часть он уже отдал на благотворительные цели. Того, что осталось, достаточно, чтобы оплатить черепно-лицевую операцию и оформить трастовый фонд для его содержания.

— Дело не в деньгах. Это никогда не было проблемой. Он даже предлагал выплачивать алименты, но мама отказалась. Это было не самое практичное решение, но она тогда действительно не хотела иметь с ним ничего общего. Думаю, это один из тех случаев, когда разбитая любовь оборачивается лютой ненавистью.

— Ваша мать знает, что вы здесь?

— Она умерла восемь лет назад. Лейкемия. Отец даже на похороны не приехал.

— Мне очень жаль, — снова сказал доктор.

Он опустился рядом с Ясоном, уронив папку на сверкающий пол. Некоторое время они молча сидели в тишине коридора.

— Позвольте мне поговорить с ним вечером, мистер Кармилк, а утром посмотрим, как пойдут дела. Хорошо?

Ясон с минуту подумал, потом кивнул.

— Хорошо.

Они помогли друг другу подняться.

Маленькое новое тело отца Ясона чуть покачивалось на четырех лапах, когда на следующее утро он вбежал в офис доктора. Пациент легко запрыгнул на обтянутую ковром платформу, благодаря чему его голова оказалась на одном уровне с Ясоном и врачом. Но встречаться взглядом с сыном он отказывался. Сам Ясон сидел в кожаном гостевом кресле, на этот раз удобнее в нем устроившись.

— Ной, — начал доктор, обращаясь к отцу Ясона, — я знаю, для вас это тяжело. Но мне хочется, чтобы вы поняли: вашему сыну еще тяжелее.

— Нечего ему было сюда приезжать, — ответил Ной Кармилк, все еще не глядя на Ясона.

— Папа, как я мог не приехать? Ты единственный родной человек, который у меня остался на всем белом свете, я даже не знал, жив ты или мертв, и вот… это! Я должен был приехать. Даже если не смогу переубедить тебя, я… я хочу просто поговорить.

— Тогда говори. — Он наконец повернул лицо к Ясону, но синие глаза смотрели холодно, а губы были поджаты. — Я могу даже послушать. — Он положил голову на лапы.

Ясон почувствовал, как ему хочется уйти. Он мог все бросить, освободиться от неловкости и боли. Вернуться в свой одинокий маленький дом и постараться забыть все, что узнал о своем отце.

Но он помнил, что из этого вышло в прошлый раз.

— Я говорил им, что ты умер. Своим школьным товарищам. В новой школе, после нашего переезда в Кливленд. Не знаю почему. У многих из них родители были в разводе. Они бы поняли. Но почему-то было легче притворяться, что ты мертв.

Отец крепко зажмурил глаза; в их уголках и между бровей пролегли глубокие морщины.

— Не скажу, что осуждаю тебя, — ответил он наконец.

— Не важно, скольким людям я лгал, все равно я знал, что ты где-то есть. Мне хотелось знать, чем ты занимаешься. Скучаешь ли по мне. Куда ты уехал?

— В Буффало.

Ясон подождал, пока не убедился, что других подробностей не последует.

— И жил там все это время?

— Нет, я пробыл там всего несколько месяцев. Потом в Сиракузах. Некоторое время — в Майами. Я нигде не оседал надолго. Но последние десять лет я провел на заливе. Торговал

программным обеспечением в «Romatek». Это действительно захватывающее занятие.

Ясона не интересовала работа отца, но он понял, что это удобная тема.

— Расскажи мне об этом.

Они проговорили полчаса о формах управления, системах контроля, о курсах акций — короче, о вещах, в которых Ясон ничего не понимал, да и не хотел понимать. Зато они разговаривали. Ной Кармилк умудрился даже развить эту тему так, что она казалась интересной. Губы Ясона невольно искривила усмешка, когда до него дошло, что он присутствовал на презентации, которую проводила собака. Собака с головой его отца.

Отец и сын сидели во внутреннем дворике позади клиники, под красным, вздыхающим на ветру японским кленом. Над забором, покрытым абстрактной росписью, виднелись небоскребы Сан-Франциско. Слышался щебет птичек, а воздух, пропитанный слегка обжигающим минеральным привкусом моря, напоминал Ясону, как далеко он находится от дома.

К левой передней лапе отца ремешком был прикреплен телефон с двумя большими кнопками. Чтобы позвать на помощь в более или менее экстренных ситуациях, он мог подбородком нажать на кнопку. Отец сидел на скамейке рядом с Ясоном, поджав под себя задние лапы и высоко подняв голову, чтобы по возможности смотреть Ясону в глаза.

— Так или иначе мне надо было что-то делать с коленями, — сказал он. — Прежде в них была прямо-таки простреливающая боль. Артрит. Теперь они как новенькие. Я опробовал лапы нынче утром, перед твоим приходом. Уже многие годы я не мог так бегать. А когда находишься так близко к земле, кажется, что мчишься со скоростью сто миль в час.

Ясон перевел эту цифру в километры и понял, что отец преувеличил.

— А как насчет… ну, не знаю, ресторанов? Музеев? Кино?

— После того как они разберутся с моей головой, у меня будут уже другие интересы. А вот кормить обещают по высшему разряду. Музеи — дерьмо, я сроду туда не ходил. Что касается фильмов, то просто подожду, когда их начнут показывать на портативном компьютере. Тогда свернусь клубком рядом с хозяином и буду под них посапывать.

— Конечно, кино станет для тебя черно-белым.

— Хе-хе.

Ясон не упоминал, даже думать не хотел о других переменах,

которые повлечет за собой финальная операция, — переменах в чувствах отца, в его личности. После этой черепно-мозговой процедуры разум человека настолько приблизится к собачьему, насколько это позволяет современная медицина. Возможно, он будет счастлив, но Ноем Кармилком больше не будет.

Отец, похоже, догадался, что мысли сына пошли в нежелательном направлении.

— Расскажи мне о своей работе, — попросил он.

— Я работаю в «Bionergy», — ответил Ясон. — Гражданский инженер. Мы переоборудуем старую кливлендскую газовую систему в биогазовую, это значит, что приходится раскапывать много улиц, а потом заново их прокладывать.

— Забавно. Я был некоторое время гражданским инженером, пока не нанялся в «Romatek».

— Серьезно?

— Серьезно.

— Я шел по твоим стопам и даже не знал об этом.

— Мы думали, ты станешь художником. Твоя мама так гордилась твоими рисунками всяких сараев и коз.

— Надо же. Я уже много лет не делал ни одного наброска. Они разглядывали роспись на стене и оба вспоминали покрытый его рисунками холодильник.

— Хочешь, я тебя нарисую? Отец Ясона задумчиво кивнул.

— Да. Пожалуй.

В клинике нашлись блокнот и угольный карандаш. Отец и сын устроились под кленом. Ясон прислонился к забору и начал рисовать. Ной сидел, поджав под себя задние лапы и вытянув передние.

— Ты похож на сфинкса, — сказал Ясон.

— Хм.

— Можешь разговаривать, если хочешь, — я пока не рисую твой рот.

— Мне нечего сказать.

Карандаш Ясона помедлил, затем продолжил работу.

— Вчера вечером я прочел газету, которую нашел в ресторане. «Вой». Ты ее знаешь?

Полный заголовок был такой: «Вой. Газета сообщества поменявших биологический вид». В ней было полно сердитых статей, адресованных местным политикам, о которых Ясон никогда не слышал, и объявлений об услугах, в которых он ничего не понимал и не собирался понимать.

— Я узнал о разных причинах, заставляющих людей изменять свой биологический вид. Одни говорят, что родились не в том теле. Другие считают, что человечество вредит планете. Кое-кто

видит в этом театральное действо. В тебе я ни одной из этих причин не нахожу.

— Я же тебе сказал, что просто хочу, чтобы обо мне заботились. Это вроде ухода на пенсию.

Набросок в блокноте становился мрачным, черным.

— Не думаю, что дело в этом. Я смотрю на тебя и вижу человека с амбициями, сильного, напористого. Ты не стал бы заниматься всеми этими биржевыми операциями, если бы был типом, который в пятьдесят восемь лет мечтает о пенсии.

Угольный стержень сломался в руке у Ясона, и он швырнул его остатки в сторону.

— Проклятие, папа, как ты можешь отвергать свою человеческую природу?

Отец Ясона подпрыгнул на всех четырех лапах и занял оборонительную позицию.

— Конституция гласит, что я имею право изменить свое тело и разум так, как мне этого захочется. Думаю, сюда относится и право не отвечать на подобные вопросы.

Он с минуту не отводил взгляда от Ясона, собираясь еще что-то сказать, потом поджал губы и рысью пустился прочь.

В руках у Ясона остался незаконченный набросок сфинкса с отцовским лицом.

На следующий день он просидел три часа в приемной клиники. Наконец доктор Стейг вышел и сказал, что ему жаль, но убедить отца увидеться с Ясоном оказалось совершенно невозможно.

В обеденный перерыв Ясон бродил в толпе по улицам Сан-Франциско. Весенний воздух был чистым и бодрящим, люди спешили. То тут, то там он видел перья, шерсть, чешую. Официант, который принес ему сэндвич, был полузмеей с глазами-щелками и мелькавшим во рту раздвоенным языком.

Ясон так удивился, что забыл оставить чаевые.

После обеда он подошел к дверям клиники. Долго ждал в приемной, но, когда из лифта вышли две женщины с одинаковыми мордами сиамских кошек, Ясон стрелой метнулся между ними и, не обращая внимания на их оскорбленный визг, ударил по кнопке «закрытие двери». Лифт поехал, он вцепился в поручни, вжался в угол и попытался успокоить дыхание. Той же ночью в 12:30 он приземлился в Кливленде.

Люди в касках, товарищи по работе, вручили ему открытку с выражением соболезнования. Он принял их сочувствие, но в подробности вдаваться не стал. Одна из женщин отвела его в

сторону и спросила, как долго протянет отец.

— Доктор сказал, пять недель.

Шли дни. Иногда Ясон обнаруживал, что сидит в кабине экскаватора, уставившись на свои руки и не имея понятия о том, как долго там находится.

Он ни с кем не делился. В голову лезли дурацкие мысли, что он превратится в объект для шуточек типа: «Хорошо, что это не твоя мать, а то ты стал бы сукиным сыном!». Любимой закуской для него теперь был противоязвенный препарат.

Домик, который они с Марией когда-то купили, строя глупые надежды, стал ему в тягость. Питался он в ресторанах, в тех районах, где никого не знал. Однажды ему в руки попала газета местных перерожденцев. Это было тощенькое издание, выходившее два раза в месяц, с такими же гневными статьями в адрес местных политиков и объявлениями об услугах, о которых ему не хотелось ничего знать.

Спустя четыре недели, в понедельник вечером, ему позвонили из Сан-Франциско.

— Ясон, это я, твой папа. Не вешай трубку.

Рука была уже на полпути к рычагу, когда прозвучали последние три слова. Ясон, помедлив, снова поднес ее к уху.

— Зачем?

— Я хочу поговорить.

— Ты мог это сделать, пока я был там.

— О'кей, признаю, что был резок с тобой. Мне жаль. Трубка скрипнула в руке Ясона. Усилием воли он заставил себя ослабить хватку.

— Мне тоже жаль.

Последовала длинная пауза. Оба слышали дыхание друг друга сквозь разделявшие их три тысячи километров. Молчание нарушил отец Ясона.

— Операция назначена на восемь утра в четверг. Я… я хотел бы до того еще раз увидеть тебя.

Ясон прикрыл рукой глаза, пальцы его с силой вдавились в брови. Наконец он вздохнул и сказал:

— Думаю, в этом нет смысла Мы только разозлим друг друга.

— Пожалуйста. Я знаю, я был для тебя не лучшим отцом…

— Ты вообще никаким отцом не был!

Снова тишина.

— Ты сам загоняешь меня в угол. Но я в самом деле хотел бы…

— Хотел бы чего? Сказать «до свидания»? Опять? Нет уж, благодарю! — И Ясон швырнул трубку на рычаг.

Он долго сидел, чувствуя боль в желудке и надеясь, что

телефон снова зазвонит. Звонка не было.

В тот вечер он пошел и до чертиков напился.

— Мой отец превращается в собаку, — едва ворочая языком, сказал Ясон бармену, но тот без лишних слов отправил его на такси домой.

Во вторник утром его рвало, и весь день он провалялся в постели, то и дело засыпая. Потом смотрел какую-то мыльную оперу; смехотворные проблемы ее героев казались такими мелочными и разрешимыми. Ночью ему не спалось. Ясон достал коробку с письмами матери и просмотрел их, стараясь найти ключ к разгадке. На дне коробки он обнаружил свою фотографию в восьмилетнем возрасте рядом с родителями. Карточка была разорвана пополам, между ним и отцом остались острые зазубрины — как зигзаг молнии. Половинки неаккуратно склеены. Он вспомнил, как спас эти обрывки из мусорной корзины тайком от матери, как соединил их скотчем и спрятал в коробку от старых компакт-дисков. До поздней ночи он разглядывал снимок, мучаясь одним вопросом: почему?

В среду утром он выехал в аэропорт.

В О'Хэйр была забастовка, и их самолет развернули в Атланту, где Ясон ел отвратительный гамбургер и плыл в потоке злых, расстроенных людей, рвущихся поскорее улететь. В конце концов дежурный администратор пристроил его на самолет до Лос-Анджелеса. Оттуда он ночным рейсом вылетел в Сан-Франциско.

В клинику Ясон попал в пять часов утра. Дверь была заперта, но Ясону удалось отыскать номер телефона для внеурочного обслуживания. По нему отвечал автомат. Ясон общался с автоответчиком, пока трубку не снял какой-то заспанный человек, который ничего не знал, но обещал передать сообщение врачу.

Спустя пятнадцать минут перезвонил удивленный доктор Стейг.

— Вашего отца уже готовят к операции, но я предупрежу, чтобы вам позволили с ним встретиться. Я рад, что вы приехали, — добавил он, прежде чем повесить трубку.

Такси везло Ясона по темным пустым улицам, по лужам, мерцавшим отраженным светом уличных фонарей. Капли дождя струились по оконным стеклам, как пот, как слезы. Ясон прошел по больничному фойе, моргая от резкого голубовато-белого света.

— Я хочу увидеться с Ноем Кармилком. Меня ждут. Медсестра выдала ему бумажную маску, чтобы прикрыть нос и рот, а также защитные очки.

— Предоперационная стерильна, — пояснила она, помогая ему засунуть ногу в бумажный комбинезон. У Ясона было ощущение, словно его наряжают для костюмированной вечеринки.

Потом двойные двери разъехались в стороны, и он увидел почетного пациента клиники.

Отец лежал на боку, неровное дыхание приподнимало и опускало его мохнатую грудь. К лицу была прижата похожая на намордник кислородная маска. Полуопущенные веки, невидящий взгляд.

— Ясон, — выдохнул он. — Мне сказали, что ты идешь сюда, но я не поверил. — Его голос глухим эхом отозвался в пустоте прозрачного пластика.

— Здравствуй, папа. — Его собственный голос приглушала бумажная маска.

— Я рад, что ты здесь.

— Папа… я должен был приехать. Мне нужно тебя понять. Если я не пойму тебя, то никогда не пойму себя. — Он весь сжался, у него перехватило дыхание; голова готова была взорваться от тоски и усталости. — Почему, папа? Почему ты бросил нас? Почему не приехал на мамины похороны? И почему сейчас не жалеешь свою жизнь?

Лысая голова на мохнатой шее слегка шевельнулась.

— У тебя когда-нибудь была собака, Ясон?

— Ты знаешь ответ, папа. Мама страдала аллергией.

— А когда ты стал взрослым?

— Большую часть времени я жил один. Мне казалось, я не смогу как следует заботиться о собаке, если мне каждый день нужно уходить на работу.

— Но собака любила бы тебя.

Ясон почувствовал, как под очками защипало глаза.

— Когда я был ребенком, у меня жила собака, — продолжал отец. — Джуно. Немецкая овчарка. Хорошая псина… быстрая, сильная и послушная. Каждый день, когда я возвращался из школы, она выскакивала во двор… такая счастливая, что видит меня. Она подпрыгивала и лизала меня в лицо. — Он повернул голову и посмотрел на сына. — Я оставил твою мать потому, что не мог с такой же силой любить ее. Я знал, что она меня любила, но мне казалось, что она достойна лучшего человека, чем я. А на похороны не приехал потому, что знал — она не хотела бы, чтобы я там был. Не хотела бы после того, как я так больно ранил ее.

— А как же я, папа?

— Ты мужчина. Мужчина, как и я. Я рассчитывал, что ты поймешь.

— Я не понимаю. Никогда не понимал.

Отец тяжко вздохнул — долгим собачьим вздохом.

— Мне жаль.

— Ты превращаешь себя в собаку, чтобы кто-то любил тебя?

— Нет, я превращаю себя в собаку, чтобы я сам мог кого-то любить. Я хочу быть свободным от своего человеческого разума, свободным от решений.

— Как ты сможешь кого-то любить, если ты уже будешь не ты?

— И все-таки это буду я. Но я смогу быть собой вместо того, чтобы все время думать о том, как быть самим собой.

— Папа…

В палату вошла медсестра.

— Сожалею, мистер Кармилк, но я вынуждена попросить вас выйти.

— Папа, ты не можешь просто так меня покинуть!

— Ясон, — проговорил отец. — В договоре есть пункт, который позволяет мне точно указать члена семьи в качестве моего основного попечителя.

— Не думаю, что я смог бы…

— Пожалуйста, Ясон. Сын. Это так много значило бы для меня. Позволь мне жить в твоем доме.

Ясон отвернулся.

— И видеть тебя каждый день, зная, кем ты был?

— Я спал бы у твоих ног, пока ты смотришь фильмы. Я бы так радовался, когда ты приходишь домой. Скажи только слово, и я наложу голосовую спектрограмму на контракт прямо сейчас.

У Ясона так перехватило горло, что он не смог ответить. Но он кивнул.

Операция продолжалась восемнадцать часов. Восстановительный период занял несколько недель. Когда сняли бинты, морда была длинной и лохматой, а нос — влажным. Но голова по-прежнему осталась очень круглой, а глаза — все такими же синими.

Два бездонных колодца искренней собачьей любви.

Пол Макоули
Мертвецы идут [133]

Думаю, это конец. Я не в состоянии спуститься вниз, да и все равно мне не хватило бы кислорода. Ближайшая спасательная станция расположена в пяти километрах отсюда, но с таким же успехом она могла бы находиться на противоположной стороне этого крошечного спутника. Я не жду, что кто-нибудь поможет мне в последнюю минуту. Никто не знает, что я здесь, мой телефон и аварийный маяк вышли из строя, сигнальные ракеты погибли вместе с поясом, и я не думаю, что беспилотные самолеты патрулируют местность на такой высоте. Но, по крайней мере, ноги у меня больше не болят, хотя сквозь пелену обезболивающих я чувствую пульсацию в обрубке правой руки, словно далекий грохот боевых барабанов…

Если вы — тот, кто обнаружил мое тело, то сомневаюсь, что у вас найдется время выслушать мою последнюю речь. У вас будет много дел: вызвать помощь, оцепить территорию, убедиться, что вы и ваши спутники не наступили на какие-нибудь драгоценные улики, валяющиеся под ногами. Нет, я думаю, что вы — следователь или гражданский чиновник, сидящий в офисе, спрятанном внутри гигантского бюрократического муравейника, и по долгу службы слушаете эту запись, прежде чем отправить ее в архив. Вы узнаете, что мое тело было найдено поблизости от восточного края огромной расщелины грабена[134] Эллиота на Ариэле, четвертом по величине спутнике Урана, но думаю, что вы вряд ли когда-нибудь посещали это место, так что я должен дать представление о том, что вижу перед собой.

Я сижу, плотно прижавшись рюкзаком своего скафандра к огромной глыбе грязного, твердого как камень льда. Впереди, недалеко от моих сломанных ног, начинается отвесный спуск высотой примерно километр, который ведет в гигантскую котловину грабена. Два миллиарда лет назад дно котловины было скрыто под слоем водно-ледяной лавы, и теперь плоская равнина усеяна бескрайними полями полувакуумных организмов. Оранжевые, красные, черные как сажа, рыжевато-коричневые, ярко-желтые — они тянутся, насколько я могу видеть, во всех направлениях до самого горизонта, похожие на самое большое во Вселенной лоскутное одеяло. Этот спутник мал, а грабен очень велик, так что его западный край находится за линией горизонта. Высоко над полями плывут вереницы ламп, похожие на горящие

эскадрильи самолетов. Здесь имеется кое-какое атмосферное давление, двадцать миллибаров азота и метана, и вид скрывает легкая дымка, давая представление о расстоянии, о том, как огромен на самом деле этот сад. Это тюремная ферма, и каждый квадратный сантиметр поля орошен потом мужчин и женщин, обреченных на медленную смерть после крушения своих идеалов, но сейчас для меня это не имеет никакого значения. Я сижу наверху, над полями, выше ламп, примостившись под карнизом огромной пластиковой крыши, которая покрывает грабен. Повернув голову, я могу увидеть одну из могучих опор, поддерживающих крышу. Над ней в черном небе плывет гигантский зелено-голубой шар Урана. Южный полюс газового гиганта, покрытый коричневатой пеленой фотохимического смога, обращен в сторону блестящей точки — Солнца, которое висит над западным горизонтом.

До заката осталось три часа. Я его не увижу. Ноги мои охватило приятное оцепенение, но пульсация в ладони усилилась, я чувствую тупую боль в груди, каждый вдох дается мне с трудом. Интересно, проживу ли я достаточно, чтобы рассказать вам свою историю…

Все нормально. Я сделал себе еще один укол обезболивающего. Для этого мне пришлось отключить автоматику скафандра и перейти на ручное управление — это смертельная доза…

Боже, все еще болит. Больно даже смеяться…

Меня зовут Рой Брюс. Это не настоящее имя. У меня никогда не было настоящего имени. Предполагаю, что, когда меня изготовили, я получил номер, но я его не знаю. Мои инструкторы звали меня Дейвом — но они всех нас называли Дейвами, это была шутка, понятная только им самим, и они не давали себе труда объяснить ее. Позднее, вскоре после начала войны, я стал жить жизнью человека, по образу и подобию которого я был создан. Я присвоил его жизнь, его личность. А после того, как война закончилась, после того, как я игнорировал приказ вернуться и оказался в бегах, у меня было несколько разных имен, одно за другим. Но Рой, Рой Брюс — это имя я носил дольше остальных. Это имя вы найдете в списке охранников. Под этим именем вы можете меня похоронить.

Меня зовут Рой Брюс, и я жил в Гершель-Сити, на Ариэле, восемь с половиной лет. Жил… Уже в прошедшем времени.

Меня зовут Рой Брюс. Я служу охранником в тюрьме. Эта тюрьма, Исправительное учреждение № 898, представляет собой

скопление помещений — мы называем их блоками, — вырытых в восточном склоне грабена Эллиота. Гершель-Сити уходит на двадцать километров под ледяную поверхность Ариэля, это гигантская цилиндрическая шахта, стены ее покрыты зеленым пышным лесом, растущим вертикально из многочисленных уступов и расщелин. Общественные здания и небольшие парки торчат из этого леса, словно грибы-трутовики; дома расположены внутри деревьев и между ними. Ариэль имеет едва ли тысячу километров в диаметре и в основном состоит из льда; гравитация здесь очень низкая. Жители Гершель-Сити — акробаты-древолазы, они раскачиваются, карабкаются, скользят, летают вверх-вниз, туда-сюда по кабельным проводам и трапецеидальным балкам, сеткам и веревочным дорожкам. Это неплохое место для житья.

У меня однокомнатный дом-дерево. Он невелик и просто обставлен, но по утрам там можно посидеть на веранде, наблюдая, как белки-обезьяны гоняются друг за другом среди сосен…

Я являюсь членом парильни № 23. Я развожу поющих сверчков, которые выиграли несколько соревнований. В основном они натасканы петь фрагменты из Моцарта, ничего особенного, но мои сверчки весьма выносливы и обладают превосходным тембром и высотой. Надеюсь, старый Уилли Гап продолжит мое дело…

Я также люблю пешие походы, люблю восхождение в свободном стиле. Как-то раз я в одиночку преодолел маршрут Сломанной Книги в каньоне Просперо, на Миранде[135] — двадцать километров по вертикальной поверхности — за пятнадцать часов. К рекорду даже не приближался, но неплохо для страдающего неизлечимой болезнью. У меня уже несколько раз начинался рак, но ретровирусы довольно легко с ним справились. Меня убивает — хотя нет, ему уже не суждено убить меня — какое-то общее системное заболевание, нечто вроде волчанки, туберкулеза кожи. Разумеется, я не мог получить лечение, потому что врачи узнали бы, кто я на самом деле. Кем я на самом деле был.

Думаю, у меня оставался еще год или около того. Возможно, и два, если бы мне повезло.

Короткая жизнь, но вся она принадлежала мне.

У Урана двадцать с чем-то спутников, большинство из них — захваченные его гравитационным полем глыбы грязного льда диаметром несколько десятков километров. До Тихой Войны здесь жило не более двухсот человек. Привычные к невзгодам семьи пионеров, отшельники, несколько ученых и члены некой

индуистской секты, которые выращивали на огромных участках черной поверхности Умбриэля медленно растущие вакуумные лишайники. После войны Альянс Трех завладел научной станцией на Ариэле, одном из крупных спутников, переименовал ее в Гершель-Сити и построил исправительное заведение строгого режима в большом грабене неподалеку. Различные лидеры и герои революции, которые уже провели два года на допросах в Тихо, на Луне, были переведены сюда, чтобы отбывать сроки заключения, заново получать образование и подвергаться моральной перестройке. Сначала это заведение содержал Военный Флот, но после того, как грабен Эллиота был покрыт крышей и там были устроены фермы по разведению вакуумных организмов, к делу привлекли гражданских. Большая часть персонала тюрьмы — бывшие военнослужащие, после войны обосновавшиеся во Внешней Системе. Я один из них.

Во время подготовки нас обучали созданию фальшивых личностей с убедительными легендами; мое последнее воплощение с легкостью прошло проверку. Восемь с половиной лет Рой Брюс, охранник третьего класса, увлекающийся разведением сверчков и скалолазанием, жил тихой незаметной жизнью на краю Солнечной системы. А потом два охранника наткнулись на тело Гетера Лайла, бывшего лидера Сената Афин, что на Тефии,[136] которые, вместе с дюжиной других городов-государств Внешней Системы провозгласили независимость от Земли.

Я немного знал Гетера: это был трудолюбивый, серьезный человек, в свободное время он работал над каким-то философским сочинением. Его обнаженное тело было обнаружено посреди главной дороги, соединяющей тюрьму и фермы, руки и ноги были раскинуты в стороны, ладони и ступни прибиты к земле гвоздями. Гениталии были отрезаны и помещены в рот; язык вырван через разрез в горле. Тело замерзло и было твердым как камень — температура в котловине составляет примерно минус сто пятьдесят градусов по Цельсию, это курорт по сравнению с поверхностью Ариэля, но все же значительно холоднее, чем в домашнем холодильнике; углекислый газ, выделяемый некоторыми видами вакуумных организмов, оседает на поверхностях в виде изморози. Для того чтобы провести вскрытие, тело потребовалось размораживать в течение шести часов; выяснилось, что увечья были нанесены после смерти. Лайл умер от удушения, а уже потом над телом проделали все эти штуки.

Когда было найдено тело Гетера Лайла, я находился более чем в тридцати километрах от тюрьмы, наблюдая за работой

команды из десяти заключенных, — мы называем ее отрядом, — которая собирала урожай с поля вакуумных организмов. Необходимо чем-то занимать заключенных, а работа в скрюченном состоянии на полях и переработка сырья весьма утомительны, так что у них не остается времени, чтобы причинить серьезные неприятности. К тому же экспорт высококачественных продуктов, производимых вакуумными организмами из метана в здешней разреженной атмосфере, помогает покрыть огромные расходы по содержанию тюрьмы. Так что я узнал об убийстве лишь после того, как привел свой отряд обратно в его блок в конце шахты, а мрачные подробности дошли до меня только вечером, в парильне.

В мирках со слабой гравитацией, подобных Ариэлю, где вы можете захлебнуться в душе, а вода свободно расплескивается во всех направлениях, парильни, сауны и турецкие бани — идеальное средство для поддержания чистоты. Вы варитесь в горячем пару, вместе с потом из пор выходит грязь, затем вы соскребаете ее с кожи и болтаете при этом со своими соседями или друзьями. Даже в таком крошечном городке, как Гершель-Сити, существует множество парилен, обслуживающих людей почти любой сексуальной ориентации и вероисповедания. Моя парильня № 23 предназначена для холостых гетеросексуальных мужчин-агностиков. В тот вечер, как обычно, я сидел в компании дюжины обнаженных мужчин различного возраста и телосложения вокруг каменного очага, в пахнущем эвкалиптом пару. Мы скребли себя абразивными рукавицами, намазывали кожу зеленой мазью для депиляции, плескали воду на камни очага, чтобы подбавить пару, и обсуждали убийство Гетера Лайла. Мустафа Сеслер, который работал в лазарете, сообщил нам отвратительные детали. Все гадали, было ли убийство совершено из личной мести или в ходе борьбы за влияние между группировками. Кто-то отпустил неизбежную шутку о том, что это, возможно, самое изощренное самоубийство за всю историю тюрьмы. Еще один человек, мой друг Уилли Гап, спросил меня, есть ли у меня какие-нибудь мысли насчет этого.

— В прошлом году этот парень работал в твоей команде, Рой. Были у него враги, не знаешь?

Я ответил уклончиво. Нанесению увечий, описанных Мустафой Сеслером, нас обучали на занятиях по убийствам, тактике ведения партизанской войны и черной пропаганде. Я обдумывал ужасную вероятность того, что Гетер Лайл был убит мне подобным.

Теперь вы, конечно, догадались, кто я такой. Я не совсем человек. Я клон, созданный с помощью чудес генной инженерии,

я выращен в пробирке и вышел оттуда взрослым, оснащенным полным набором встроенных навыков и отличительных черт. Я был должным образом обучен и послан убить человека, точной копией которого я являлся, и занять его место. Не знаю, сколько двойников, берсерков, мастеров организовывать самоубийства и других клонов-подрывников было использовано за время Тихой Войны, но думаю, мы сыграли немалую роль в боевых действиях. Моей целью был Шарвал Ях Шарья, второстепенный генетик, который жил в одиночестве в джунглях неподалеку от города К-Востоку-от-Эдема, на Ганимеде,[137] и управлял оттуда замкнутой экосистемой этого города-государства. Заняв его место, я приступил к выполнению программы саботажа, существенно нарушив круговорот водяных паров и увеличив концентрацию в атмосфере углекислого газа и других токсичных веществ. Когда примерно четыре недели спустя разразилась Тихая Война, жители К-Востоку-от-Эдема носили дыхательные маски, леса и парки начали умирать, а большинство сельскохозяйственных животных и посевов погибли или находились в тяжелом состоянии. Населению пришлось питаться биомассой, производимой на фермах вакуумных организмов. Коммандос Альянса Трех аннексировали фермы К-Востоку-от-Эдема в первые несколько часов войны, а еще через две недели умирающие от голода жители согласились сдаться на условиях осаждающих.

Предполагалось, что, как только в городе наведут порядок, я вернусь к своим хозяевам, но неожиданно во время формальной сдачи фанатики-самоубийцы перебили половину сената и атаковали оккупационные войска. В последовавшем хаосе мой дом погиб, Шарвал Ях Шарья попал в список жертв, и у меня появилась возможность ускользнуть. Я успешно скрывал свою личность и с тех пор жил инкогнито среди обычных людей.

Почему я не подчинился приказу? Каким образом я разорвал путы своих врожденных установок и инстинктов? Все очень просто. Пока я изображал Шарвала Ях Шарья, я полюбил жизнь. Я захотел узнать о ней как можно больше за то короткое время, что мне было отпущено моими создателями. Поэтому я позаимствовал личность другого погибшего и после того, как закончилась война и Альянс Трех разрешил продолжать торговлю и путешествия, я покинул К-Востоку-от-Эдема и отправился в Солнечную систему, чтобы увидеть все, что могу.

В своих скитаниях я ни разу не встретил себе подобных, но однажды наткнулся на свидетельство того, что по крайней мере один из моих братьев и сестер по пробирке пережил войну. У всех нас в мозгу были запечатлены разнообразные кодовые послания, предназначенные для множества случаев, и через год после

побега я обнаружил одно из таких посланий в безлюдном переходе, связывавшем два помещения в городе Ксамба, на Рее. [138]

Обыкновенному человеку это показалось бы бессмысленными каракулями; я же словно увидел вспышку черной молнии, которая выжгла в моем мозгу зашифрованный телефонный номер. Стены коридора были густо испещрены граффити, оставшимися еще с довоенного времени. Послание могло быть написано год назад или на прошлой неделе; это могла быть ловушка, оставленная агентами, охотившимися на беглецов, подобных мне. У меня не хватило храбрости это выяснить. Я отправился прямо в космопорт и купил билет на шаттл, летевший на Фебу, ключевой порт для отбывающих на другие спутники Сатурна и остальные планеты Солнечной системы. Полгода спустя под новым именем Роя Брюса я стал охранником в исправительном учреждении № 898.

Вот почему теперь, почти девять лет спустя, я сомневался, что кто-то из моих братьев и сестер остался в живых. Я смог убедить себя, что Гетер Лайл стал жертвой порочной внутренней политики тюрьмы и был убит и изуродован кем-то, кто знал о техниках черной пропаганды, которой нас обучали. Но эта утешительная иллюзия вдребезги разбилась уже на следующий день, когда было найдено второе изувеченное тело.

Жертвой оказался бывший сенатор Багдада, города на Энцеладе, принадлежавший к тюремной банде, периодически враждовавшей с группировкой, членом которой являлся Гетер Лайл. Послание, написанное кровью на земле рядом с телом сенатора, поясняло, что он был убит друзьями Гетера Лайла. Кем бы ни являлся убийца, он должен был совершить преступление в камере где-то между вечерней перекличкой и окончанием ночной смены, тайно вынести тело из здания, будучи незамеченным, и оставить его в поле видимости видеокамеры. Этот кто-то взломал систему безопасности, и камера вместо реальных событий показывала запись. Члены враждующих банд жили в разных блоках, в их черепа были встроены чипы, позволяющие постоянно наблюдать за их перемещениями, и в любом случае всю ночь эти люди были заперты. Если убийцей был заключенный, ему пришлось бы подкупить более дюжины охранников; гораздо более вероятным казалось предположение, что сенатор был убит кем-то из персонала тюрьмы. А когда я услышал, что именно было проделано с телом, я окончательно убедился, что это дело рук одного из моих собратьев. Сенатор был ослеплен, затем задушен, а его легкие были вырваны через разрезы в спине. Эта операция

называлась «кровавый орел» и была изобретена викингами примерно две тысячи лет назад. Я помнил холодный, терпеливый голос инструктора, который демонстрировал «кровавого орла» на трупе.

Кто-то в офисе начальника тюрьмы пришел к аналогичному выводу. Наша ежедневная инструкция начиналась сообщением, что на Ариэль вылетела группа специалистов, в космопорту были приняты повышенные меры безопасности. Вечером, в парильне, Уилли Гап рассказал нам, что, по мнению начальника тюрьмы, оба убийства — дело рук выращенных в пробирке киллеров, использовавшихся во время Тихой Войны.

— Так что если вы наткнетесь на что-нибудь подозрительное, не предпринимайте ничего героически глупого, друзья мои. Эти твари умны, смертельно опасны и полностью лишены каких бы то ни было человеческих чувств. Делайте как я. Не поддавайтесь панике, но и не лезьте на рожон.

По коже у меня поползли отвратительные мурашки. Я понял, что если Уилли и остальные догадаются, что одна из «этих тварей» сидит среди них в раскаленном пару, они навалятся на меня все разом и разорвут на кусочки. И еще я понял, что не могу оставаться в стороне, не могу предоставить событиям идти своим чередом. Никто не покинет Ариэль, пока соблюдаются меры безопасности, и команда специалистов обшаривает каждый квадратный сантиметр здания тюрьмы и Гершель-Сити, проверяет досье и ДНК каждого заключенного, работника тюрьмы, горожанина и посетителя планеты. Они выпустят мириады крошечных летающих роботов, которые обоснуются на каждом дышащем кислородом существе и определят, кто выделяет продукты метаболизма, характерные для клонов. Следователи почти наверняка вычислят убийцу, но заодно они обнаружат и меня.

О, думаю, я смог бы отправиться пешком в какую-нибудь отдаленную часть планеты и спрятаться там на время следствия, но я понятия не имел, как долго оно продлится. Единственным способом пережить это время было бы заставить мой скафандр погрузить меня в спячку на месяц-другой, но как бы я объяснил свое отсутствие после возвращения? А кроме того, я знал, что умираю. Я уже принимал ежедневно значительные дозы стероидов, чтобы уменьшить распухание суставов и воспаление соединительной ткани, вызванное моей псевдоволчанкой. Приостановление жизнедеятельности замедлит течение болезни, но не избавит меня от нее. Может быть, мне не стоит просыпаться?

Я провел долгую безрадостную ночь, размышляя над своим

положением. К тому времени, как освещение города начало приближаться к дневному, а члены местной стаи паукообразных обезьян устроили негромкую перекличку на деревьях вокруг моего небольшого домика, я понял, что мне нужно делать. Я понял, что я должен найти убийцу, прежде чем прибудут следователи.

Моя решимость укрепилась пару часов спустя, когда я заступил на вахту и узнал, что произошли еще два убийства и небольшой бунт в тюремной библиотеке.

Взломать тюремную базу данных оказалось до смешного просто. Меня хорошо обучали, а информационная система была того же типа, что и моя. Для начала я проверил досье недавно принятых на работу сотрудников, но не нашел ничего подозрительного. Мне повезло не больше, когда я изучил досье друзей и родственников заключенных, их адвокатов, торговцев и бизнесменов, пребывающих в настоящее время в Гершель-Сити. Возможно, я что-то упустил — без сомнения, легенда убийцы была не менее прочной, чем та, что так долго и успешно служила мне. Но, более или менее сократив список основных подозреваемых, я вынужден был остановиться на мысли, что убийца скрывается на Ариэле со времени окончания войны. У меня было так много общего с моими братьями и сестрами, что не случайно один из них пришел к тому же решению, что и я, и стал работать в тюрьме. Возможно, в конце концов он сошел с ума, а возможно, глубоко внедренные в его мозг приказы снова дали о себе знать. Или, возможно, подобно мне, он обнаружил, что его короткая жизнь подходит к концу, и решил немного повеселиться…

За короткое время, оставшееся до приезда специалистов, было невозможно тщательно проверить более трех тысяч досье персонала тюрьмы. Я зашел в тупик. Я решил, что нуждаюсь в совете.

Весь Гершель-Сити и тюрьма только и говорили, что об убийствах. Во время ничего не значащего разговора с Уилли Гапом мне не составило труда спросить своего старого друга, как, по его мнению, можно выяснить личность убийцы.

— Человек, у которого есть мозги в голове, будет держаться подальше от всего этого, — ответил Уилли. — Он постарается не совать нос куда не следует, держать в узде свой отряд и ждать приезда специалистов.

— Которые будут здесь не раньше чем через неделю. За это время здесь может разразиться настоящая война.

Уилли признал, что в моих словах есть смысл. Он работал в

тюрьме со дня ее основания, был ветераном Тихой Войны, служил на военном корабле, занимавшемся снабжением. Он руководил отрядом, положившим конец бунту в библиотеке. Трое заключенных погибли, восемнадцать были серьезно ранены — одна женщина выдавила другой глаза большими пальцами — и этот случай произвел на Уилли неприятное впечатление и заставил задуматься. Несколько минут он пристально разглядывал меня, затем сказал:

— Если бы я решил заняться этим, то не стал бы трогать базу данных. Я слышал, что начальник тюрьмы составляет список тех, кто рыщет повсюду, ищет улики и тому подобное. Он терпит их возню потому, что жаждет как можно скорее положить конец этим неприятностям, и ему очень повезет, если какой-нибудь идиот действительно найдет убийцу. Но это вряд ли случится, а когда все закончится, бьюсь об заклад, этим сыщикам-любителям не поздоровится. А возможно, убийца тоже следит за компьютерами. Любого, кто подойдет к нему близко, ожидает неприятный сюрприз. Нет, друг мой, те, кто шарит по досье, только наживают себе неприятности.

Я понял, что Уилли догадывается о моих занятиях. Я понял также, что начальник тюрьмы — самая меньшая из моих забот.

— Ну и что бы ты сам сделал? — поинтересовался я как можно легкомысленнее.

Уилли ответил не сразу, сначала наполнив свою грушу для питья ледяным чаем из кувшина. Мы сидели на веранде его домика, на краю ниши в стене в верхней части шахты-города. Банановые листья и древовидные папоротники заслоняли его от соседей; с обеих сторон простирался лес. Принадлежавший Уилли сверчок-чемпион, превосходный белый с золотом экземпляр, сидевший в плетеной бамбуковой клетке, насвистывал Баха, одну из вариаций Голдберга. Уилли передал мне кувшин со словами:

— Мы рассуждаем чисто гипотетически.

— Разумеется.

— В тебе всегда было что-то необузданное, — сказал Уилли, — и я не хотел бы, чтобы ты решился на какой-нибудь необдуманно храбрый, опасный или глупый поступок.

— Я просто обычная рабочая лошадка, — пожал я плечами.

— Которая совершает длинные пешие походы по поверхности. Которая в одиночку преодолела тот маршрут по каньону Просперо и не удосужилась упомянуть об этом, пока кто-то не выяснил это пару лет спустя. Я знаю тебя почти девять лет, Рой, и все же ты остаешься для меня загадкой. — Уилли улыбнулся. — Эй, что ты так смотришь на меня? Я всего лишь

сказал, что ты необычный человек, и все.

На какое-то мгновение мои врожденные рефлексы взяли верх. Несколько секунд я размышлял, а не раскрыл ли этот человек мою легенду и не следует ли мне убить его? Я тщательно изобразил улыбку и сказал, что не знал, какое у меня лицо.

— Почти у каждого из нас есть свои секреты, — продолжал Уилли. — Именно поэтому мы оказались здесь, друг мой. Мы такие же заключенные, как эти бедолаги в камерах. Они этого, конечно, не понимают, но ослы, шарящие по базе данных, пытаются сбежать от самих себя.

— А убежать от себя невозможно, — отозвался я. Момент сомнений миновал. Теперь улыбка моя была искренней, а не маской, под которой я прятал свое истинное лицо.

Уилли чокнулся со мной своей грушей.

— Любой разумный человек в конце концов понимает это.

— Ты так и не рассказал мне, каким образом ты стал бы ловить убийцу.

— Я не собираюсь его ловить.

— Но если говорить гипотетически…

— Ну, самая подходящая кандидатура — это начальник тюрьмы. Он может ходить где ему вздумается, у него есть доступ к системе безопасности.

— Начальник тюрьмы? В самом деле? Уилли усмехнулся.

— Шутка. А если говорить серьезно, я кое-что узнал об этих тварях. Это не просто роботы-убийцы: они прекрасно умеют скрывать свою личность. Любой из нас может оказаться убийцей. Начальник, ты, я, кто угодно. Пока эта мразь не совершит ошибку, нечего и надеяться изловить ее. Все, что мы можем сделать, — это продолжать выпускать беспилотные самолеты для слежения за территорией, держать заключенных под замком и молиться, чтобы до приезда следственной группы не произошло никаких неприятностей.

— Думаю, ты прав, — согласился я.

— Не пытайся стать героем, брат мой. Даже гипотетически.

— Ни за что, — пообещал я.

Но одно замечание Уилли подало мне мысль, каким образом можно добраться до убийцы, и мозг мой уже работал над планом действий.

Я подумал, что если убийца действительно отслеживает всех, кто взламывает базу данных, то он (или, по крайней мере, его демон[139]), вероятнее всего, прячется в корневом каталоге информационной системы. Именно там я оставил зашифрованное послание, объясняющее, кто я такой и зачем мне нужно

поговорить с ним, а заодно и демона, который должен был отследить любого, кто прочтет это послание. Демон позвонил мне шесть часов спустя, среди ночи. Кто-то обнаружил мое письмо и хотел поговорить.

Демону не удалось идентифицировать личность этого пользователя, и он оказался заражен каким-то вирусом. Я обнаружил простую программу для связи. Я проверил программу, удалил несколько строчек кода, которые могли бы выдать мое местонахождение, и запустил ее. Показалось пустое протяженное окно, в котором стали появляться слова. Возникая буква за буквой, они проплывали справа налево и исчезали.

Ты избавился от вируса-шпиона, неплохо для ветерана — если ты на самом деле один из нас.

Нас хорошо учили, — напечатал я.

Ты думаешь, что знаешь, кто я. Ты думаешь, что я похож на тебя.

Кто бы ни был на другом конце, он хотел перейти прямо к делу. Это меня устраивало, но я понимал, что нельзя уступать врагу инициативу.

Мы оба родились в пробирке, — напечатал я. — *вот почему я ищу тебя, вот почему я хочу помочь тебе.*

Последовала пауза, во время которой мой корреспондент обдумывал эти слова.

Это может быть ловушкой.

Послание привлекло твое внимание потому, что оно впечатано в твою зрительную кору, так же как и в мою.

Подобные вещи больше не являются секретом, но допустим, что я верю тебе…

В пустом пространстве на долю секунды возник вращающийся черный диск, стробоскопический источник черного света осветил вереницу букв и цифр и исчез.

Знаешь, где это?

Я понял, что буквы и цифры, выжженные в моем мозгу, представляют собой координаты.

Я смогу найти это место.

Встретимся там через четыре часа, сначала мне необходимо обделать одно маленькое дельце.

Была глухая ночь: именно в это время убийца совершал свою работу.

Пожалуйста, не убивай никого, пока мы не поговорим.

Мои слова уплыли во тьму. Ответа не было.

Место с указанными координатами находилось точно в центре небольшого выветренного кратера в шестидесяти

километрах к югу от тюрьмы, в необработанной области, на нее падала тень от восточной стены грабена. Прежде чем отправиться на свидание, я вооружился до зубов и загрузил в систему безопасности вирус, позволяющий мне свободно передвигаться, не будучи замеченным. Странно, но я был счастлив, чувствовал глупую уверенность в себе. Хорошо было снова оказаться в деле. Когда я ехал на трехколесной тележке по старой дороге, в голове у меня стоял шум. До встречи оставался примерно час: у меня будет полно времени, чтобы ознакомиться с местностью и подготовиться к встрече, прежде чем появится убийца — если я действительно говорил с убийцей.

Я хочу пояснить, что мои действия диктовались отнюдь не альтруистическими мотивами. Единственная жизнь, которую я хотел спасти, была моя собственная. Да, я знал, что умираю, но никто не любит жизнь больше тех, кому осталось совсем мало; только умирающие проживают каждое мгновение так живо. Я не собирался бросать на ветер свою жизнь. Я хотел разоблачить убийцу и избежать расследования.

Дорога пересекала плоскую равнину, покрытую сцементированной серо-бурой пылью; равнину усеивали огромные глыбы, за миллионы лет обточенные метеоритными дождями. Слева от меня вздымалась стена грабена, замысловатыми складками и выступами напоминающая замерзший занавес. У подножия ее громоздилась пологие пики и круглые холмы осыпей. Справа местность понижалась, вдали, более чем в километре от меня, виднелась блестящая лента изгородей и валов — это была граница огромного лоскутного одеяла полей. Было два часа ночи, но висящие над полями лампы светили ярко, как обычно, и мерцающая над западным горизонтом тусклая точка Солнца почти терялась в их сиянии.

До места назначения оставалось около двух километров, и дорога как раз вгрызалась в крутой хребет, упиравшийся в стену грабена, когда убийца нанес удар. Краем глаза я заметил небольшое движение, но, прежде чем я успел отреагировать, в мою тележку попал электрический дротик, и мотор заглох. В следующее мгновение на меня обрушилась сеть, скользнула по телу, и мускульные нити миоэлектрического пластика затвердели, сжав мои руки и грудь. Я попытался вырваться; тележка, двигавшаяся по инерции, наконец остановилась. Но руки мои были прижаты к бокам сетью, и я не мог даже расстегнуть ремни безопасности. Мне оставалось лишь сидеть и наблюдать, как фигура в черном скафандре двумя гигантскими прыжками спустилась по пологой стороне хребта и еще в два прыжка добралась до меня. Убийца вырвал у меня телефон, отстегнул

пояс, вытащил пистолет из кармана на правом бедре, нож из кармана на левом бедре. Затем он отсоединил меня от баллона с кислородом, одним ударом открыл замок ремня безопасности, вытащил меня из низкого сиденья и поволок прочь с дороги. Швырнув меня на землю около тележки, припаркованной в тени камня размером с дом, убийца отступил назад и направил на меня электромагнитную пушку.

Нейтронная камера, которую я установил внутри своего шлема, показала смутно различимые черты лица, скрытого за щитком, покрытым пленкой золота. Демон провел экстраполяцию и поиск в базе данных, которую я загрузил в компьютер скафандра, и установил личность человека, взявшего меня в плен. Дебра Торн, два года работает медсестрой в тюремном изоляторе, возраст — двадцать два, не замужем, детей нет… И тут я понял, что совершил серьезную ошибку. Убийца была клоном-двойником, все верно, но она была копией человека, достигшего совершеннолетия только после войны, следовательно, ее изготовили совсем недавно. Она не была сумасшедшей, она не жила годами под чужой легендой. Она убивала людей потому, что для этого ее сюда прислали. Потому что таково было ее задание.

На расположенном у меня перед глазами экране замигал огонек — заработала аварийная рация, действовавшая в пределах прямой видимости. Я принял вызов, и искаженный помехами голос произнес:

— Ты один?

— Совершенно.

— Кто ты такой? Прежде чем отправиться на встречу, я сорвал с костюма все нашивки, по которым меня можно было идентифицировать, но двойник, убивший Дебру Торн и занявший ее место, направил мне в голову ружье, так что я решил, что будет лучше сказать ей свое имя. Мгновение она молчала, без сомнения, заглядывая в мое досье.

— Я не двойник Роя Брюса, если ты так думаешь, — заговорил я. — Человек, которого я убил и заменил, был генетиком по имени Шарвал Ях Шарья.

Я вкратце рассказал ей историю, которую вы уже слышали.

— И ты действительно проработал здесь восемь лет? — поинтересовалась она, когда я закончил.

— Восемь с половиной.

Я совершил большую ошибку, я ошибся относительно мотивов убийцы, но, должно быть, я задел ее любопытство, иначе я уже был бы мертв. И даже если бы я не смог договориться с ней и убедить ее оставить меня в живых, у меня осталось кое-какое оружие, которое она не нашла… Я рискнул и солгал, сказав, что

ее сеть нарушила тепловой баланс моего скафандра. Я сказал, что теряю тепло, соприкасаясь с холодной поверхностью, и что замерзну насмерть, если не встану на ноги.

Она ответила, что я могу сесть, но велела делать это медленно.

Подобрав под себя ноги и сев перед ней на корточки, я бросил беглый взгляд на вершину хребта и произвел необходимую триангуляцию.[140]

— Мои инструкторы заверили меня, что я проживу не больше года, — сообщила убийца.

— Возможно, они сказали тебе, что ты сгоришь быстро, но очень ярко — так они говорили мне. Но они солгали. Думаю, они солгали насчет множества других вещей, но я обещаю говорить тебе только правду. Мы вольны уехать отсюда и отправиться куда пожелаем.

— Мне нужно закончить работу.

— Убивать людей, поднять восстание.

Убийца шагнула к тележке, вытащила из сетки, расположенной позади сиденья, какой-то предмет размером с баскетбольный мяч и бросила его в мою сторону. Предмет медленно прокатился по пыльной земле и остановился между моих ног отрезанная голова пожилой женщины, с почерневшей от мороза кожей и покрытыми изморозью глазами.

— Бывшая глава парламента Спарты, Тефия, — пояснила убийца. — Тело я прибила к земле на одном из полей, где работают ее друзья, и оставила забавное маленькое послание.

— Ты пытаешься развязать войну среди заключенных. Возможно, люди, пославшие тебя сюда, надеются, что после скандала тюрьму закроют. Возможно, они думают, что это единственный шанс освободить их товарищей. На кого ты, кстати, работаешь?

— Здесь я задаю вопросы, — ответила убийца.

Я спросил ее, как она собирается бежать, когда закончит работу.

— Сюда едет специальная группа. Если ты будешь здесь, когда они приедут, они выследят тебя и убьют.

— Так вот почему ты искал меня. Ты испугался, что эта команда найдет тебя, пока будет охотиться за мной.

Возможно, она была молода, но зато соображала быстро.

— Я пришел, потому что хотел поговорить. Потому что ты такая, как я, — сказал я.

— Потому что после всех лет, проведенных среди людей, ты скучал по своим собратьям?

Несмотря на помехи, я услышал в голосе убийцы насмешку. Я

осторожно произнес:

— Люди, которые послали тебя сюда, люди, которые тебя сотворили, не собираются забирать тебя после окончания работы. Им нет дела до того, выживешь ли ты. Их волнует лишь твое задание. Ты хранишь верность людям, которые считают тебя расходным материалом? Людям, которые тебе лгали? У тебя впереди много лет жизни, и нарушать приказы гораздо легче, чем ты думаешь. На самом деле ты уже их нарушила, связавшись со мной. Все, что тебе требуется, — это сделать еще один шаг и позволить мне помочь тебе. Если мы будем действовать сообща, мы выживем. Мы найдем способ сбежать.

— Ты думаешь, что ты человек. Но это не так. Ты такой же, как я. Ходячий мертвец. Кстати, так нас называли наши инструкторы: мертвецы. А не «Дейвы». Ничего остроумного. Когда нас переводили из одного места в другое, они выкрикивали предупреждение: «Мертвецы идут».

По-моему, это традиционное предупреждение, которым пользуются в тюрьмах, когда приговоренного выводят из камеры. Я никогда не работал в блоке «Н», где ожидали казни заключенные, убившие или пытавшиеся убить сокамерника или охранника, так что я никогда не слышал этих слов и не пользовался ими.

Убийца продолжала:

— И они правы, верно? Мы — искусственно созданные существа, как же мы можем быть живыми?

— Десять лет я вел более или менее обычную жизнь. Если ты оставишь все это и пойдешь со мной, я покажу тебе, как это делается.

— Ты украл чужую жизнь, так же как и я. Под твоей личиной скрывается мертвец, такой же мертвец, как я.

— Жизнь, которой я теперь живу, принадлежит мне, а не кому-то другому, — возразил я. — Брось свою работу, и я покажу тебе, что это значит.

— Все равно ты труп, — сказала убийца. — Тебе недолго осталось дышать. У тебя меньше часа. Я оставлю тебя умирать здесь, закончу свою работу и в суматохе скроюсь. После этого меня должны были забрать отсюда, но теперь я думаю, что это ни к чему. Найдется немало людей, нуждающихся в моих услугах. Я стану работать на любого, кому понадобится киллер, и заработаю много денег.

— Прекрасная сказка, — возразил я, — но она не имеет ничего общего с реальностью.

— А почему бы мне не получить выгоду от работы, для которой я была создана?

— Я прожил среди людей больше десяти лет. Возможно, я знаю их хуже, чем следовало бы, но мне точно известно, что они нас очень боятся. Не потому, что мы от них отличаемся, а потому, что мы воплощаем те стороны их натуры, которые они хотели бы забыть, — темные стороны. Я прожил так долго, потому что очень тщательно скрывал, кто я такой. Я научу тебя делать это, если ты отпустишь меня.

— По-моему, не очень-то похоже на приятную жизнь, — сказала убийца.

— Тебе не нравится быть Деброй Торн? — спросил я.

В тот же миг я оттолкнулся от земли, надеясь, что, назвав ее этим именем, я отвлеку ее, приведу в замешательство и выиграю драгоценные секунды.

В микроскопической гравитации Ариэля мой прыжок подбросил меня выше головы убийцы, и я перелетел через хребет. Взлетая вверх, я выпустил электрический дротик, вшитый в рукавицу моего скафандра. Заряд, хранившийся в его сверхпроводящем контуре, закоротил нити миоэлектрического пластика, связывавшие мне руки. Я стряхнул сеть, приземлился, снова оттолкнулся от земли и очертя голову полетел вдоль хребта к складчатой стенке обрыва и узкой расщелине, образовавшейся в черном, твердом как камень льду.

Я находился на полпути к обрыву, когда в мою левую ногу со страшной силой ударил кинетический патрон и сломал бедро.

Я рухнул на ледяной торос и, едва не свалившись с хребта, успел схватиться за невысокий остроконечный выступ. Сквозь пронзительный шум электронных помех у меня в ушах прозвучал торжествующий выкрик убийцы, и, поскольку рация ее действовала в пределах прямой видимости, я сообразил, что она совсем рядом. Я сразу же вскочил и заковылял к расщелине, как хромая обезьяна. Я почти добрался до цели, когда второй кинетический заряд раздробил мое правое колено и повредил скафандр. Я почувствовал страшную боль — это интеллектуальное волокно стиснуло мою ногу плотно, словно жгут, — но я не сдавался. Сила удара была такова, что я полетел вверх тормашками на поле, усеянное осыпавшимися сверху кусками льда, и оказался в пределах досягаемости от расщелины. Когда я начал наполовину ползти, наполовину плыть к ней, третий заряд сбил верхушку источенного эрозией валуна, упавшего с обрыва, наверное, миллиард лет назад, но я уже добрался до цели и начал взбираться вверх.

У убийцы не было опыта в восхождении свободным стилем. Несмотря на свои ранения, я вскоре обогнал ее. Примерно через пятьсот метров расщелина закончилась, но у меня не было

выбора, и я продолжал карабкаться по голой обледенелой поверхности. Меньше чем через минуту после меня убийца тоже добралась до конца расщелины и выпустила патрон, который врезался в обрыв прямо надо мной. Я прижался к скале, и мимо меня лениво проплыл огромный кусок скалы, миновал увеличивающееся облако обломков, гальки и ледяной крошки, барабанившее по моему шлему, а затем задел край узкого выступа.

Моя левая нога согнулась в середине бедра и жутко болела, правая нога онемела ниже колена, на суставе образовалась толстая корка замерзшей крови. Но у меня не было времени залечивать раны. Я сел и вырвал шланг из системы оборота воды. Убийца, описав изящную дугу, выплыла из-за края обрыва с дротиком в одной руке и электромагнитной пушкой — в другой. Я повернул вентиль и ударил противницу струей воды, которая попала на щиток ее шлема и мгновенно замерзла. Я обеими руками оттолкнулся от земли — очередной кинетический заряд ударил в пыльный лед в том месте, где я только что находился, — столкнулся с убийцей в воздухе, зажал рукавицей диагностический порт ее рюкзака и выпустил свою вторую электрическую стрелу.

Стрела пробила электронные «мозги» скафандра убийцы, и через порт прошел заряд, оглушивший ее. Мы начали падать на уступ, и я оттолкнул ее, но, прежде чем она исчезла в пустоте за краем уступа, ей удалось выпустить последний заряд. Она оказалась либо феноменально везучей, либо невероятно меткой: выстрел снес четыре пальца на моей правой руке.

Она упала с высоты более километра. Даже в условиях низкой гравитации этого было достаточно, чтобы разбиться, но я для верности бросил ей вслед несколько глыб льда. Третья разбила ей шлем. Вы найдете ее тело, если еще не нашли, оно должно находиться примерно под тем местом, где вы нашли мое.

Убийца лишила меня большей части кислорода и забрала мой телефон и аварийный маяк; стрела, с помощью которой я ее прикончил, привела в негодность то, что осталось от моей системы жизнеобеспечения. Скафандр неплохо изолирован, но холод уже пробрался внутрь, и рука моя устала нажимать грушу насоса, качающего воздух через регенерирующее устройство. У меня начала ужасно болеть голова — концентрация углекислого газа внутри скафандра неотвратимо растет. Я уничтожил экосистему К-Востоку-от-Эдема, нарушив баланс газов в его атмосфере, а теперь точно такой же дисбаланс приканчивает меня.

Чуть ли не единственное устройство, которое еще

работает, — это крошечный простенький чип, который я установил в своем шлеме, чтобы записывать разговор с убийцей. Теперь вы, вероятно, знаете о ней больше, чем я. Возможно, вы даже выяснили, кто послал ее сюда.

У меня осталось мало времени. Вероятно, причина тому — повышение концентрации углекислого газа, который погрузил меня в приятное оцепенение, но я чувствую безразличие к смерти. Я сказал вам, что встретился с убийцей, желая спасти свою жизнь. Теперь я думаю, что ошибался. Хотя я сбежал от вас после окончания Тихой Войны, но продолжал служить вам до самой смерти.

А теперь я заканчиваю. Я хочу провести последние мгновения своей жизни, вспоминая двадцатикилометровый подъем по отвесной ледяной стене каньона Просперо. Я хочу вспомнить, как, достигнув конца пути, я стоял в одиночестве на краю трещины, оставшейся после сокрушительного столкновения, произошедшего четыре миллиарда лет назад и расколовшего планету пополам; на горизонте виднелась наклоненная громада Урана, наполовину скрытая в тени, далекая и безмятежная, а надо мной простиралось бесконечное черное звездное небо. Я почувствовал себя тогда таким незначительным, но и таким счастливым, и не сожалел ни о чем в своей короткой бессмысленной жизни.

Мэри Розенблюм
Домашнее видео [141]

Кайлу разбудил звонок агента. Ей снилось бесконечное зеленое поле, испещренное голубыми и белыми точками цветов. Фрагмент воспоминаний какого-то клиента? Иногда они просачивались в ее мозг, хотя считалось, что это невозможно. Кайла села в кровати, еще одурманенная сном, пытаясь вспомнить, не бывала ли она когда-нибудь в прерии-заповеднике в качестве самой себя.

— Доступ разрешен. — Она зевнула и сфокусировала взгляд на голографическом экране, возникшем над ее рабочим столом.

— Обычно в такое время ты уже на ногах. — Азара, агент, сурово взглянула на нее из-под мерцающей декоративной вуали.

— Я не работаю. — Кайла потянулась. — Могу спать допоздна.

— Уже работаешь, — фыркнула Азара. — Свадьба, недельная семейная встреча, клиентка желает получить все, цена не имеет значения. Прикройся, пожалуйста.

— Сразу понятно, к какой религии ты принадлежишь. — Но Кайла потянулась к платью, сброшенному вчера вечером, и натянула его через голову. — Целая неделя. — Она снова зевнула. — Не знаю. Вчера я встретила такого клевого парня, не уверена, что хочу отсутствовать целую неделю.

— Если хочешь, чтобы я осталась твоим агентом, ты это сделаешь. — Азара гневно воззрилась на нее. — Впервые за много лет я имею дело с такой требовательной клиенткой. Но она выплачивает премию, и к тому же ты мой единственный хамелеон, который удовлетворяет ее требованиям к внешности. — Она неодобрительно кашлянула.

Одна из этих. Кайла вздохнула и повернулась к небольшому кухонному блоку.

— А ты сказала ей, что ни наш возраст, ни наша внешность, ни даже наш пол не имеют отношения к результатам работы?

— Ах, — вздохнула Азара, закатив глаза. — Я ей несколько раз все популярно объяснила. — Неестественно красные губы вытянулись в широкой улыбке. — Но она пообещала заплатить за свои причуды, так что придется смириться.

— Должно быть, она богата. — Кайла насыпала в чашку ложку суматрийского зеленого чая и поставила ее в заварочный автомат. — Как мило с ее стороны.

— Старший управляющий Марсианской колонии. Разумеется,

она богата, иначе она не позвонила бы мне. — Азара щелкнула пальцами. — У тебя с ней беседа через два часа. — Она критически оглядела Кайлу. — Внешность для нее имеет значение.

— Не волнуйся. — Кайла, потягивая чай, провела рукой по взъерошенным волосам. — Я буду выглядеть как надо.

— Постарайся. — И изображение Азары, мигнув, исчезло. Кайла покачала головой. Но все же клиент всегда прав… ну хорошо, обычно прав… а за то, чтобы совершить виртуальное путешествие с Марса, Европы или одного из поселений с низкой гравитацией на Землю, клиенты охотно платили бешеные деньги. Она допила чай, приняла душ и надела зеленое платье из паучьего шелка, купленное во время поездки по орбитальным платформам. Цвет платья гармонировал с цветом ее глаз и подчеркивал рыжеватый оттенок волос. В этом платье она действительно хорошо выглядела.

Точно два часа спустя зажужжал компьютер: это был вызов из Брэдбери, главного города Марсианской колонии. Кайла приняла вызов, снедаемая любопытством. Когда-то она купила пару виртуальных туров на Марс, но большая часть подземных городов вызвала у нее приступ клаустрофобии, как и платформы, несмотря на водоемы и растения в надземных куполах. Голографический экран засветился, и появилось изображение женщины. Пожилая. Евро-кельтский фенотип, отсутствие генной селекции. Кайле понравилось источенное временем лицо женщины, морщины, решительный взгляд. Если учесть, как далеко шагнула медицина, то клиентка должна быть *очень* старой, если так выглядит. Видна была привычка к самоконтролю.

— Кайла О'Коннор, к вашим услугам, — произнесла Кайла и изобразила вежливую, доброжелательную улыбку.

Женщина несколько мгновений молча разглядывала ее, затем наконец кивнула.

— Меня зовут Джеруна Несмит, я главный управляющий Брэдбери. Я бы хотела побывать на свадьбе внучатого племянника. Свадьба состоится на небольшом острове, находящемся в частном владении, и включает семейную встречу продолжительностью в неделю. — Женщина наклонилась вперед, словно для того, чтобы взглянуть Кайле в глаза. — Агент, с которой я беседовала, заверила меня, что вы поймете, что я хочу увидеть.

Да, она действительно привыкла контролировать себя. Кайла улыбнулась.

— Только после того, как мы с вами пообщаемся и я узнаю вас ближе. — Вообще-то, она уже сейчас могла бы сказать, что

нужно старой суке. — Обычно я довольно точно выполняю пожелания своих клиентов.

— Агент сказала мне то же самое. Надеюсь, она была права. — Несмит выпрямилась. — У меня мало времени, так что давайте начнем.

Да, придется забыть об интересном молодом чиновнике из Шанхая, с которым она вчера познакомилась в клубе.

— Как вам будет угодно. — Кайла, продолжая улыбаться, включила запись. — Расскажите мне, пожалуйста, об этой свадьбе.

— Что вы хотите узнать?

— Все. — Кайла откинулась назад, и кресло, вытянувшись, приняло удобную форму. — Кто женится? Почему? Они хорошая пара? Что об этом думают их родители? Кого бы вы хотели видеть, а кого избегали бы? Что вы думаете о каждом из родственников и гостей, которые будут там присутствовать?

— Какое отношение все это имеет к продукту, который вы для меня сделаете? — Несмит подняла брови. — Это вас не касается.

— Запись нашего разговора будет уничтожена после того, как я выполню работу… вы же подписывали контракт, — мягко напомнила ей Кайла. — Если вам просто нужна видеозапись, гораздо дешевле нанять кинооператора. Но если вы хотите, чтобы я смотрела на все *вашими* глазами, замечала детали, которые заметили бы *вы,* — она улыбнулась, — то мне нужно думать, как вы.

И снова Несмит пристально взглянула на нее.

— Женится один из моих внучатых племянников. — Она взмахнула рукой с длинными пальцами. — Ничтожный, испорченный мальчишка, из которого никогда не выйдет ничего стоящего; невеста — такая же избалованная эгоистичная девушка, принадлежит к одной из больших аквакультурных семей. Это спектакль, призванный произвести впечатление на другие богатые кланы.

Отлично, теперь она знала, как смотреть на жениха и невесту. Женщина продолжала говорить, и Кайла настроилась слушать. Надо будет отметить бессмысленную роскошь, всякие глупости как доказательства ее мнения о родственниках. Да, но это не все… Она опустила веки, слушая монотонно говорившую клиентку, обращая внимание на нюансы ее голоса и тон, время от времени вставляя наводящий вопрос. У старухи есть какая-то скрытая цель. Интересно. Кайла впитывала каждое слово, словно надевая на себя эту женщину, как надевают платье на вечеринку.

Утром перед перелетом она заехала в клинику, где обычно готовилась к работе. Процедуру проводила Ан Йи, ее любимый техник.

— Куда вас посылают на этот раз? — спросила она, усаживая Кайлу на кушетку и проверяя ее показатели на приборах. — Что-нибудь забавное?

— Во всяком случае, необычное.

Но в общей картине чего-то не хватало, и это слегка беспокоило Кайлу. Рассказывая Ан Йи о свадьбе и встрече, она снова мысленно прошлась по интервью. Ничего. Она не могла понять, в чем здесь дело. Она смотрела, как техник очищает крошечное отверстие в ее сонной артерии и готовит препарат.

— Ах, это так мило звучит, — вздохнула Ан Йи, делая инъекцию. — Может быть, на будущий год я съезжу на какой-нибудь курортный остров. В этом году мне придется провести отпуск в Фужу. Отец хочет, чтобы мы все собрались на его сотый день рождения. — Она скорчила гримасу и рассмеялась. — Возможно, мне следовало нанять вас, чтобы вы поехали туда вместо меня.

— Почему бы и нет? — ответила Кайла, а затем препарат начал действовать, и стены комнаты, задрожав, исчезли.

Ей всегда неприятно было думать о том, как наноустройства вторгаются в ее организм. Крошечные механизмы быстро распределялись в мозгу и образовывали сетку, заполняя проводящие пути нервной системы, ответственные за память. Это занимало не много времени, но, пока шел процесс, все ее чувства быстро изменялись и искажались, и в желудке поднималась знакомая тошнота. Ан Йи проводила подобные операции уже долгое время и потому держала наготове таз. Затем она вытерла Кайле рот и положила на лоб ткань, смоченную в холодной воде. Накатила головная боль — словно ее ударили копьем. Кайла закрыла глаза, сосредоточившись на дыхании в ожидании, пока боль пройдет.

Когда все наконец закончилось, Ан Йи помогла ей сесть и протянула стакан апельсинового сока с экстрактом женьшеня. Терпкий вкус сока и знакомая горечь женьшеня прогнали тошноту, и последние отзвуки головной боли исчезли.

— А вашим клиентам, наверное, не нравится, что их тошнит, когда они получают запись? — полюбопытствовала Ан Йи.

— Возможно, — кивнула Кайла. — Но они, если захотят, могут, заплатив деньги, перевести воспоминания сразу в долговременную память. Так что с побочными эффектами придется столкнуться всего один раз. — Она окончательно пришла в себя и поднялась. — Я лучше пойду. Мне нужно еще

закончить собирать вещи.

— Повеселитесь там как следует, — с завистью сказала Ан Йи.

— Постараюсь.

Выйдя из клиники, Кайла села на монорельс и отправилась домой, забрать багаж. Скорее всего, ей понравится на этом острове, подумала она, даже если весьма невысокое мнение марсианского управляющего об ее обширной родне окажется верным. А потом, есть еще Итан. Оплатив проезд в автомате и выходя из поезда, Кайла улыбнулась. Скрытая цель ее клиентки. Интересный мужчина, и старуха, очевидно, питает к нему слабость. Так что неделя будет потрачена не совсем зря. Она может пофлиртовать с ним; Джеруна нисколько не стала бы возражать против этого.

Прежде чем выйти из дома, Кайла сделала пометки о предстоящем путешествии в своем секретном дневнике. Предполагалось, что записей о работе у нее не остается, но они находились в полной безопасности — она писала от руки в небольшой бумажной книжечке, которую обнаружила на рынке, на лотке со всяким старьем. Эти заметки служили путеводителем по ее прошлому, состоящему из провалов в памяти. Иногда она забавлялась, сравнивая рассказы клиентов со своими собственными впечатлениями. Мнения клиентов редко были объективными. Будь это так, они не нуждались бы в Кайле.

Путешествие на арендованный остров оказалось утомительным. Семья выложила большие деньги за охрану. Это было необходимо в эпоху, когда похищение стало обычным делом. Проверки документов и различные задержки отняли много времени, поскольку Кайла путешествовала как приглашенный гость лица, которое не планировало свадьбу. И которое не платило охранной фирме. Но это было ей не в новинку, так что она стоически терпела знакомые затруднения. Нападения похитителей были реальностью, и ее клиентке тоже придется испытать все это, когда она получит запись.

Но когда Кайла взошла на борт частного самолета в аэропорту Майами Интернэшнл, все изменилось. Пригласительный билет оказался в порядке, и все чаевые были к месту. Служитель предложил ей свежий натуральный сок из тропических фруктов и вино. Кайла с удовольствием выпила превосходного чаю. Она привыкла спать в самолетах и проснулась, освеженная, когда они стали снижаться над островом. Она была единственным пассажиром. Открылась дверь, Кайла ступила на трап и глубоко вдохнула влажный воздух,

насыщенный ароматами цветов, гниющих растений и земли. В мозгу зашевелились какие-то остаточные воспоминания. Да, прежде ей приходилось бывать в подобном месте… может быть, даже *здесь*… Забавно: запах был самой сильной составляющей воспоминаний о прежней работе, которая просачивалась в ее мозг, несмотря на все предосторожности. Она спустилась по трапу на небольшую взлетно-посадочную полосу и направилась к розовым оштукатуренным зданиям крошечного аэропорта, решив, что кто-нибудь там поможет ей с багажом. Стены были увиты цветущими лианами; их побеги переплетались над дорожкой, покрытой плиткой, и запах цветов вызвал у Кайлы очередной прилив воспоминаний. Да, она была здесь… Она приостановилась, и в этот момент в дверях показался высокий мужчина.

— Вы, должно быть, гостья Джеруны. — Он улыбнулся ей слегка настороженно. На нем были шорты и рубашка из полупрозрачной льняной материи. — Меня зовут Итан. — Он протянул ей руку. — Я паршивая овца в семье, так что при случае бываю шофером. Добро пожаловать на свадьбу этого десятилетия. — Он произнес все это легкомысленным тоном, но в глазах его застыла настороженность.

— Рада познакомиться, Итан.

Кайла обменялась с ним крепким рукопожатием, решила, что он такой же привлекательный, как и на видео, и позволила ему взять свой багаж. Отбросив с лица волосы и улыбнувшись, она принялась изучать его. «Почему ты?» — удивлялась она, следуя за ним по мощеному дворику частного аэропорта мимо неглубокого мраморного фонтана, полного водных брызг и золотых рыбок.

— Я с нетерпением ждала приезда сюда, — сказала она, когда они дошли до дороги.

— Вот как, в самом деле? — Он обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, рука его лежала на маленькой электрической тележке, припаркованной у обочины. — Но ведь это ваша работа, не так ли? А вы можете по-настоящему получать удовольствие от таких вещей? Ваши собственные мысли не мешают вам, не портят вашу запись?

Прекрасно. Кайла испустила вздох.

— Так кто проговорился? О том, что я хамелеон?

— Значит, вы так себя называете? — Итан сложил ее чемоданы, доставленные носильщиком в униформе, в багажный отсек в задней части тележки. — А вам самой не жутковато от этого? Оттого, что вы собираетесь кому-то отдать свои мысли и чувства… за деньги?

Он не пытался унизить, как многие другие до этого. Ему

действительно было интересно.

— Наноустройства не могут записывать мысли.

Кайла, забираясь на пассажирское сиденье, улыбалась, но на самом деле этот разговор не на шутку вывел ее из себя. Когда окружающие все знали, работать было труднее. Теперь ей не получить нормальной реакции, пока он не привыкнет к ней, не забудет, что она все записывает. И не раз случится, что кто-нибудь из родственников, приняв лишнего, вспомнит о ней и скажет что-нибудь язвительное. Она вздохнула.

— Эта штука фиксирует только то, что воспринимают мои органы чувств: зрение, слух, вкусовые ощущения, осязание, обоняние. И не больше. Мы еще не дошли до телепатии. Ваша прапрабабка, или кто она вам, испытает все то, что испытывала я, а не только увидит и услышит то, что здесь происходило.

— О. — Итан уселся рядом с ней, на лице его появилось задумчивое выражение. — И все равно, по-моему, это не очень-то приятно, все время болтаться среди незнакомых людей, а?

— Все не так страшно.

Тележка тронулась, и Кайла убрала волосы с шеи, наслаждаясь ветерком, который при движении возникал в тяжелой, душной атмосфере. Да. Он никогда не жил в обычном мире, он привык к роскошной жизни, которую ведут богачи, избранные.

— Это моя работа… Я узнаю все о семье, понимаю в общих чертах, что на самом деле интересно клиенту, чтобы действовать так, как действовал бы мой клиент, если бы попал сюда. — Она улыбнулась. — Я действительно чувствую себя членом данной семьи или группы, пока я на работе. Именно поэтому у меня все получается.

— Хамелеон. — Он произнес это с улыбкой. — А как насчет вашей собственной семьи? Это меняет ваше отношение к ней?

— У меня никогда не было семьи. — Кайла пожала плечами. — Я сирота, выросла в Лондоне. Тогда к людям с ирландской внешностью не очень-то хорошо относились. Воспитывалась в убогом приюте.

— Простите.

Кайла снова пожала плечами; она давным-давно устала от этой темы и сама не заметила, как заговорила об этом. Обычно она не обсуждала свою жизнь на работе.

— А как вы дошли до работы шофера? — Кайла улыбнулась Итану. — А может, вы привыкли к тому, что вас считают неудачником?

— В моей семье были актеры, не признанные на Бродвее, музыканты, писатели-неудачники, обычный набор бездельников…

если смотреть с точки зрения семьи. — Он засмеялся, и в тоне его не было обиды. — Семья берет нас на поруки, прежде чем мы успеваем сотворить что-нибудь скандальное, и теперь они уверены, что мы знаем свое место. — Он пожал плечами и искоса взглянул на нее. — Сам я играю джаз. Это одна из вещей, которые не одобряет семья. Но я не занимаюсь незаконной продажей наркотиков, убийствами, разбоем или прочими слишком страшными вещами, и потому я получил приглашение на эту гулянку.

— Чтобы выполнять обязанности шофера.

— Ну да. — Итан ухмыльнулся, сверкнув карими глазами. — Они хотят убедиться, что я знаю свое место.

— А это вас волнует? — спросила Кайла из чистого любопытства.

— Нет.

Он говорил искренне. Она взглянула ему в лицо, чтобы клиентка тоже увидела его. Она будет возмущена, решила Кайла. А какая реакция понравилась бы ей больше?

Они прибыли в курортный комплекс. Снова розовая штукатурка. Просторные здания с множеством террас, заботливо подстриженные тропические растения, призванные придать многочисленным коттеджам уединенный вид, неестественно голубые пруды с водопадами, изображающие естественную природу, и площадки для загара, изобилующие зонтиками, шезлонгами и барами. Итан подвез Кайлу к главному входу, и она зарегистрировалась, отметив, что он заглядывает ей через плечо.

Разумеется, персонал не давал ей и шагу ступить самостоятельно. Два весьма привлекательных молодых человека с полинезийской внешностью, в набедренных повязках с тропическим рисунком, подхватили багаж и повели Кайлу в отдельный коттедж, расположенный в тени пальм. Из окна открывался вид на кусочек белого песчаного пляжа и синего моря. Кайла улыбнулась про себя, отметив расположение коттеджа. Она предложила носильщикам чаевые и получила два вежливых отказа. Не в первом ряду, откуда открывается вид на океан… лучшие места были предоставлены главным членам семьи. Но она все же могла разглядеть море за стволами пальм и цветами плумерии. Немножко. А мебель была высшего качества. Лакированный бамбук и стекло, цветастая хлопчатобумажная обивка… натуральное волокно, не синтетика.

Стук в дверь возвестил о прибытии очередного слуги, толкавшего перед собой тележку с шампанским, бокалами и подносом с закусками. *Рии-рии.* Непрошеное слово всплыло в памяти. Закуски. Что это за язык? Кайла попыталась поймать

ускользающую мысль, но связь отсутствовала. Два бокала.

— Не присоединитесь ко мне? — спросила она Итана.

Она улыбнулась молодому человеку с тележкой, тот улыбнулся в ответ, взглянув темными глазами прямо на Кайлу, расставил тарелки и еду на низком столике перед шелковым диваном, театральным движением открыл шампанское и наполнил бокалы. С поклоном подал ей один, и его пальцы коснулись ее руки.

Обслуживание по высшему разряду, подумала она, встретилась со служителем взглядом, улыбнулась и слегка кивнула. Он понял ее и исчез. Кайла протянула Итану второй бокал.

— Один глоток, — сказала она. — Больше нельзя. Затуманивает восприятие. Итак, за это прекрасное место и время.

— Какая жалость! Но вы правы насчет места и времени. — Итан прикоснулся краем своего бокала к ее бокалу, и раздался мелодичный звон хрусталя. Разумеется, это хрусталь. — Расскажите мне, что хочет увидеть моя прапрабабка, или кто она там.

«Тебя», — ответила Кайла про себя, молча подняла бокал и сделала глоток.

— Семью. Церемонию. Как остальные воспринимают все это.

— Вы чего-то недоговариваете.

— Именно, — ухмыльнулась она. — А как же иначе?

— Простите. — Итан засмеялся и отпил вина. — Мне не следовало спрашивать. — Он сел на диван, на лице его появилось задумчивое выражение. — Просто дело в том, что она такая… не знаю, как сказать… пария. Но ей все нипочем. — Он усмехнулся. — Она просто уехала и завоевала собственную планету. — Снова смешок. — Она успешная пария. В отличие от нас, которые так и остались при своем. Просто не могу поверить, что ей на самом деле интересна эта великосветская свадьба, а вы?

Кайла тоже не верила в это. Она откинулась на спинку дивана, вытянула затекшие во время путешествия ноги и взглянула на Итана, изучая его с головы до ног, словно он был ее новым любовником.

— Значит, вы никогда с ней не встречались?

— С Джеруной? — Итан пожал плечами. — Нет. Не думаю, что она вообще возвращалась сюда после того, как переехала на Марс. А это случилось еще до моего рождения.

Интересно. Зачем же он нужен старухе? Кайла не торопясь наслаждалась зрелищем. Он оказался симпатичнее, чем на видеозаписях. Не какой-то избалованный богатый мальчишка, которого она ожидала встретить. Да, плохо, очень плохо. Она

подавила мимолетную боль, вызванную мыслью «если бы…».

Итан вздрогнул, порылся в кармане и вытащил сотовый телефон.

— Охо-хо. Очередной гость на подходе. — Он поднялся, поставил на столик недопитый бокал. — Я как раз собирался спросить вас, не сможете ли вы сегодня вечером увильнуть от большого семейного ужина? Тогда поедим внизу, на пляже. — Их взгляды встретились. — Держу пари, что не сможете.

— Нет, не смогу. — В голосе Кайлы прозвучало сожаление, и оно было искренним. — Хотите помочь мне? — По его тону она решила, что он сам не собирался идти на этот ужин. — Будете сидеть рядом, подскажете мне кое-что. Хочу как следует отработать деньги старушенции.

Итан поколебался, затем пожал плечами. Сморщил нос.

— Ради вас я готов пострадать. — Он рассмеялся. — Но теперь вы у меня в долгу.

— Отлично.

Она засмеялась вместе с ним, охватила взглядом его худощавую атлетическую фигуру, когда он повернулся, чтобы уйти, пообещав встретить ее в назначенный час. «Так что же он для тебя значит?» — спросила она про себя клиентку. Значит, и немало, это точно. Услуги Кайлы стоили недешево.

На предсвадебном ужине гостям предлагалась превосходная еда, тонкие вина и обычные занудные, никому не интересные разговоры. Очевидно, слухи о работе Кайлы продолжали распространяться. Но после открытия бара, закусок и первого тоста все расслабились и забыли о ней. В этой семье существовала склонность к нытью. Кайла быстро устала от жалоб, произносимых в нос высокими голосами. Неутомимые официанты не облегчали ей задачу, наполняя бокалы, как только гости отпивали первый глоток. Она заплатила метрдотелю, чтобы ей вместо красного и белого вина наливали безалкогольные напитки, но остальные, естественно, пили от души.

Итан потягивал вино, но много не пил и едва ковырялся в тарелке. Наклонившись к Кайле, он нашептывал ей в ухо гротескные комментарии относительно разных членов семьи, и ей потребовалась вся ее выдержка, чтобы не рассмеяться, разбрызгивая выпитое.

— Из-за вас у меня будут неприятности, — пробормотала Кайла, искоса взглянув на него.

— Бьюсь об заклад, эти неприятности будут исходить не от пратетки, или как ее. — Итан подмигнул ей. — Она всю нашу компанию ни в грош не ставит. — Он отпил каберне, которое

только что налил ему официант; вино подавалось к барашку, эффектно разрезанному и сервированному. — Я все еще удивляюсь, зачем она это сделала. Вы… хамелеоны, как вы себя называете… вы, должно быть, вникаете в чувства своего клиента. — Он изогнул брови. — Вы можете мне сказать? Зачем ей это нужно?

— Я действительно не знаю. — И это была правда. Вот что не давало ей покоя, наконец поняла Кайла. — Обычно я догадываюсь, но не на этот раз. — Она подняла бокал. Улыбнулась, глядя Итану в глаза, запечатлела его анфас, каждую черточку и тень. — Думаю, ваши комментарии весьма порадуют ее.

— Надеюсь. — Он чокнулся с ней, и в глазах его мелькнула усмешка. — Мне нравятся такие, как она.

Бесконечный обед подошел к своему неизбежному завершению. Итан хотел заняться с ней любовью. Она чувствовала это. И Кайла знала, что не отказала бы ему; по ее телу прошла волна сожаления, возникшая внизу живота.

Джеруна Несмит заглядывала ей через плечо.

И через несколько дней фильтры Ан Йи освободят ее от наноустройств, их доставят к клиентке, и все воспоминания об Итане исчезнут без следа. Ах да, может быть, взгляд чьих-то карих глаз как-нибудь знойным летним вечером затронет некую струну в ее душе, и она лениво удивится, откуда взялось это воспоминание. У нее в дневнике останется его имя — но только как большой вопрос. *Почему он?*

Она попрощалась с ним у дверей своего коттеджа, и они взглянули друг другу в глаза через пропасть, широкую, как это проклятое море. Кайла первая отвернулась и захлопнула за собой дверь, не заботясь, что госпоже Несмит придется это услышать, спотыкаясь, прошла через шикарную, элегантную, очаровательную комнату к бару с алкоголем, налила двойную порцию очень дорогого бренди, осушила стакан одним глотком и отправилась спать.

Свадьба прошла так, как и следовало ожидать. Толпа богатых людей, одетых в дорогие дизайнерские тряпки, множество показухи, помпы, церемоний, цветы, деликатесы, дорогое спиртное-Кайла, чтобы не выделяться, оделась в длинное платье-сари из полупрозрачного шелка. Она испытала приступ паники, войдя в огромную часовню. Проход к алтарю был устлан красным ковром, скамьи украшали гирлянды тропических цветов. Но Итана не было, и клиентка вполне могла прочесть между строк… или между взглядов… и решить, что вчерашнее безмолвное

прощание что-то означало.

Но затем она заметила Итана в конце прохода, рядом с женихом. Он держался очень прямо и официально. Кайла зафиксировала отличный вид в три четверти; Итан, по-видимому, забыл обо всем, что вчера произошло, и выражение его лица было высокомерным и непроницаемым. Затем, словно почувствовав на себе ее взгляд, Итан посмотрел прямо на нее. Он не улыбнулся, но глаза их на несколько мгновений встретились, и клиентка перестала существовать. Кайла вздрогнула, слегка улыбнулась ему грустной улыбкой и села на скамью со стороны невесты, откуда могла хорошо его видеть.

Церемония проходила в соответствии с традициями, и Кайла отметила важные моменты: процессию, брачные клятвы, кольцо, все прочие атрибуты. Но время от времени она оборачивалась и пристально смотрела на профиль Итана, повернутый к ней в три четверти. Он, казалось, был сделан из пластмассы. Но она оглядывалась на него снова и снова, давая старухе увидеть то, за что она заплатила.

Церемония закончилась, и гости разбрелись кто куда, затем в конце концов все собрались к месту, где была организована вечеринка. Итан куда-то скрылся; Кайла смешалась с толпой, отмечая подробности семейной встречи, которые могла бы пожелать увидеть клиентка, — небольшие стычки, язвительные замечания, побелевшие костяшки пальцев, стиснувших бокал мартини. «О да, — думала Кайла, притворяясь безразличной и замечая все. — Я знаю, что ты думаешь об этих людях и на что ты обратила бы внимание, попав сюда». Итан был прав. Она презирает их всех. Кроме Итана.

Его нигде не было.

Она нашла себе место, с которого открывался прекрасный общий вид на сад и застолье. Пальмы отбрасывали ажурные тени, беседки, увитые душистыми цветами, приглашали уединиться. Длинные столы, украшенные ледяными скульптурами и букетами тропических цветов, были уставлены свежими морепродуктами, крошечными порциями деликатесов и фруктами; к услугам гостей был открытый бар. Гигантский свадебный торт красовался на особом столике, украшенном цветочными гирляндами, окруженном ведерками с шампанским и подносами с бокалами. Обжигающие солнечные лучи упали Кайле на лицо, и, отвернувшись, она увидела Итана, который провожал к столу какого-то пожилого гостя.

Она смотрела на эту сцену, когда прямо у Итана за спиной возник ревущий реактивный самолет. Самолет завис, затем приземлился на поляне. Взвыли двигатели. На траву выпрыгнули

фигуры в камуфляже, масках, с автоматами в руках. Один из бандитов выпустил короткую очередь в сторону пальм, изрешетив листья.

— На землю, — прорычал голос, усиленный громкоговорителем. — Всем лечь на землю, немедленно!

Вот дерьмо. Это похищение.

Раздался женский визг, крики, и на долю секунды возник хаос. Один из людей в камуфляже выстрелил из небольшого пистолета, и официант упал, прижав руку к шее, в которую попала стрела со снотворным. Клочья пальмовых листьев, кружась, опустились на его распростертую белую фигуру. Гости начали укладываться на траву, и вскоре сад приобрел такой вид, словно сюда впустили ядовитый газ. Кайла растянулась на земле, не сводя взгляда с Итана, который все еще стоял. Не надо изображать героя, мысленно просила она, желая, чтобы он лег, потому что он им не нужен. Где же охрана? Один из налетчиков толкнул официанта, и Итан выступил вперед. Нет, беззвучно вскрикнула Кайла, но бандит уже взмахнул прикладом, и Итан упал. Кайла напряглась, впившись глазами в неподвижное тело, отыскивая признаки жизни.

— Не шевелиться, и мы вас не тронем! — взревел громкоговоритель.

Австралийский акцент, отметила Кайла. Большинство профессиональных наемных похитителей были родом из Австралии. Самые лучшие. Уголком глаза она заметила фигуры, пробирающиеся среди гостей; время от времени они хватали у лежавших часы или ожерелье, но не занимались серьезным грабежом. Они искали кого-то. Им заплатили за человека. Они заберут его и улетят.

Рука сомкнулась на ее локте, рывком подняла, как пушинку, и поставила на ноги. У Кайлы перехватило дыхание, заколотилось сердце. Она уставилась в холодные серые глаза, смотревшие на нее через отверстия в зеленой маске.

— Пошла, — сказал человек.

— Вы ошиблись. Я не…

Кайла смолкла, хватая ртом воздух, — похититель заломил ее руку за спину, и тело пронзила острая боль. Кайла, спотыкаясь и пошатываясь, пошла вперед, а он толкал ее в спину.

— Я никто, — выдохнула она, но он только заломил ей руку сильнее, на глазах у нее выступили слезы, и от боли она не смогла произнести больше ни слова. Ее схватили чьи-то руки, хлопнул шприц со снотворным, и зрение заволокла тьма. Мелькнул клочок неба, и остаток сознания шепнул ей, что ее тащат в самолет.

Затем все исчезло.

Она очнулась с головной болью и на какой-то миг решила, что находится в клинике. Затем сильная влажность и запах тропического леса напомнили ей о поездке на остров и нападении похитителей. Она села и широко раскрыла глаза, стараясь разглядеть что-нибудь в кромешной тьме. Слепота? Неужели наркотик, который ей дали бандиты, вступил в реакцию с наноустройствами? Ослепил ее?

— Все хорошо. Я здесь.

Знакомый голос, знакомые руки, обнимающие ее.

— Итан? — Голос ее задрожал, Итан притянул ее к себе, и она прижалась к нему. Кайла видела его, могла различить его фигуру. Она не ослепла. — Где мы? Что произошло?

— Произошла большая ошибка. — Итан жестко рассмеялся. — Это похищение было организовано кланом Йеллоу Ру. Я узнал форму. Они уже нападали на членов нашей семьи. Обычный бизнес — касается людей с определенным доходом.

— Я знаю… но почему я? — Кайла сглотнула ком в горле. Она нащупала под собой матрас, рассмотрела в темноте стены, пару пластиковых ведер, химический туалет. — Я не принадлежу к вашей семье.

— Я могу сказать про себя то же самое. — Итан глубоко вздохнул, — Это ошибка. Идиоты схватили, наверное, именно тех двоих людей на всей чертовой свадьбе, которые не могут заплатить приличный выкуп. Или вы можете?

— О боги, я бы не стала этим заниматься, если бы у меня были деньги. — Кайла закрыла глаза, прислушиваясь к биению сердца. — Они могут проверить. На моем счету нет таких денег, на которые стоило было бы позариться.

Она содрогнулась. Похищение официально считалось профессией, и правила игры были вполне цивилизованными… если вы могли заплатить. Если нет, то правила становились совершенно нецивилизованными.

Итан откинул волосы с ее лица.

— Может быть, Джеруна за вас заплатит, — сказал он. Кайла покачала головой. Нет, она стала хамелеоном потому, что разбиралась в людях. Джеруна Несмит не станет выкупать у бандитов человека, чьи услуги она уже оплатила.

— Ну что ж, тогда нам лучше начать строить план побега. — Итан снова усмехнулся жесткой усмешкой. — У меня перспективы получить выкуп не лучше ваших.

— Вы принадлежите к семье. Вы один из них.

— Да. Когда я был маленьким, клан похитителей захватил

моего старшего брата. Ему было около семи лет. Семья не стала платить. Они дали нам понять следующее: «Вы хотели идти своим путем, так идите».

Кайла не стала спрашивать, что произошло с его братом. Она поняла это по голосу Итана, резанувшему ее, словно бритва. Она осмотрела стены. Они с Итаном находились в какой-то примитивной хижине. Должно быть, близился рассвет — Кайла могла различить тонкие жерди, на которых держались стены. Хижина была покрыта листами пластика, намертво прикрепленными к стенам. Эта конструкция на поверку оказалась очень прочной. Сделанная из металлической сетки дверь плотно прилегала к железным уголкам. Но…

— На самом деле они не ожидают, что мы попытаемся сбежать, — прошептала Кайла на ухо Итану, словно признание в любви. Возможно, их разговоры подслушивали.

— Конечно нет. Это просто место, где мы должны ожидать окончания переговоров. Заложник не должен пытаться сбежать. Обычно безопаснее оставаться взаперти. Таковы правила.

— Смотри, — показала Кайла. — Видишь, какое широкое пространство? — прошептала она. — Мы можем здесь пролезть. Возможно. Жерди очень тонкие, и нам наверняка удастся их выдернуть. Тогда получится широкая щель между большими кольями.

Прежде чем она успела договорить, Итан уже стоял у стены. Кайла подошла к нему и схватилась за тонкую жердь. Они одновременно потянули. Почувствовали, как жердь подается. Немного, на волосок. Он изменил положение, схватился за палку рядом с ней, и они потянули вместе. На этот раз жердь подалась на пару сантиметров. Они потянули снова. И снова. Когда они высвободили две жерди, руки у них были разодраны в кровь. Кайла помогла Итану уложить колья на пол и вытерла руки разорванным платьем. Щель оказалась узкой, не больше пятнадцати сантиметров. Но женщина была худощава. Она обмотала бедра подолом платья, соорудив нечто вроде шорт. Затем обернулась к Итану, обхватила его голову ладонями и поцеловала. Крепко.

— Пожелай мне удачи, — сказала она.

— Детка, я иду с тобой. — Он страстно поцеловал ее в ответ.

— Нет. — Она оттолкнула его. — Тебе следует оставаться здесь.

— Я же сказал тебе…

— Ей нужен был *ты.* — Кайла схватила его за руки, страстно желая, чтобы он понял. — Я не должна говорить об этом, но это так. Вот почему она наняла меня. Чтобы увидеть тебя на этой

свадьбе.

— Джеруна? — Он был ошеломлен. — Какого черта я ей нужен? Она уже жила на Марсе, когда я родился. Мы в очень отдаленном родстве.

— Понятия не имею. — Кайла отвернулась. — Но я уверена в этом. Она заплатит выкуп за тебя. Я это гарантирую. Так что ты в безопасности.

Она отпустила его, оттолкнула от себя и перекинула ногу через нижнюю жердь. Два толстых бревна стиснули ее тело, сдавили позвоночник, грудную клетку и легкие. Протискиваясь сквозь щель, Кайла в панике почувствовала, что задыхается, тонкое платье рвалось, грубая кора царапала обнаженное тело. Кайла упала на сухую землю снаружи, сильно ударилась бедром и расцарапала колено. Пошатываясь, она поднялась на ноги.

— Держи вот это. — Итан высунулся из хижины. — Здесь полно еды и воды. Я проверил, пока ты лезла. Подожди минуту, и я брошу тебе несколько упаковок. Эти хижины не строят поблизости от цивилизованных мест. Вероятно, предстоит долгая прогулка.

Он скрылся и через несколько секунд начал передавать ей через дыру бутылки с водой. Слишком много для нее одной.

— Это много, — сказала Кайла и приняла пакеты с чем-то сухим и кожистым, которые он спустил ей. Связав из юбки нечто вроде мешка, чтобы нести пищу и как можно больше воды, она подняла взгляд и увидела, как Итан протискивается сквозь щель наружу.

— Нет, — сказала она.

Мужчина с силой выдохнул и внезапно оказался снаружи — грузно упал на землю рядом с ней.

— Ты идиот, — заявила Кайла, протянула ему руку и помогла подняться.

— Возможно, и идиот — если ты права насчет Джеруны. — Он с трудом встал на ноги и легко поцеловал ее в лоб. — Но я не собираюсь сидеть там и ждать, пока не выяснится, так это или нет. — Итан схватил ее за руку. — А кроме того, я волновался за тебя. Идем.

Небо посветлело, и они смогли различить в полумраке высокие деревья и ветвистый подлесок. Они оглянулись на хижину — это оказалась небольшая коробка из переплетенных веток, укрытая сверху кронами деревьев. Их окружали гигантские стволы, казавшиеся черными на фоне сереющего небосвода. Широкие листья, похожие на папоротник, касались лица, и миллионы голосков скрипели, каркали, жужжали и бормотали вокруг. Что-то мягкое задело щеку Кайлы, она вздрогнула, и

сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди. Джунгли? Удушливая атмосфера и непроходимые заросли вызывали слабый приступ клаустрофобии.

— Прекрасно. — Она подняла взгляд к далеким клочкам серого неба. — Где мы?

Внезапно предрассветную тишину разорвал громоподобный вой, и Кайла развернулась, с бьющимся сердцем, ища среди сплетенных ветвей над головой кого-то или что-то. Вой становился все громче.

— Вот и ответ на твой вопрос. Ничего страшного. Это ревуны. — Итан внезапно рассмеялся, откинув волосы со лба. — Они живут только в Амазонском заповеднике. Я сразу подумал, что мы, вероятно, находимся в нем. Пахло именно так.

— Как мило. Рада, что тебе здесь нравится.

Кайла попыталась выудить из памяти какие-нибудь сведения о заповеднике. Он большой. Очень большой. Кто-то укусил ее, и она, передернувшись, прихлопнула насекомое. Наверху, среди ветвей, стая каких-то длинных черных теней перепрыгивала с дерева на дерево. На землю дождем сыпались листья и веточки. Ревуны? Ей захотелось заткнуть уши.

— Думаю, нам надо просто идти, — предложила Кайла, — и надеяться, что мы наткнемся на какую-нибудь дорогу или что-то вроде этого.

— О, здесь множество дорог. Это гигантская экологическая лаборатория. Только маловероятно, что на дорогах мы встретим людей. Разрешение здесь работать получить непросто. — Итан снял рубашку и начал связывать рукава. — Лучше нам взять столько воды, сколько мы сможем унести.

Что-то маленькое и коричневое с жужжанием приземлилось на его обнаженном плече. Он вскрикнул и, хлопнув, раздавил жука. В воздухе разнесся запах крови.

— Лучше надень рубашку. — Кайла развязала юбку. — У меня здесь полно ненужной ткани.

Без ножа разорвать материю оказалось нелегко, но в конце концов им удалось соорудить нечто вроде мешка для воды и пищи. К тому времени, как Итан взвалил его на плечи, на беглецах уже пообедало великое множество насекомых. «Джеруна получит гораздо больше за свои деньги», — мрачно подумала Кайла, когда они тронулись в путь.

Они раздвигали перед собой листья, карабкались через толстые лианы и невысокие растения, которые скрывали землю, и без того едва видную в тусклом свете. Влажный воздух окутал людей, словно одеяло, и Кайла, пробираясь вслед за Итаном через джунгли, боролась с ощущением, будто она тонет. Вечерние

босоножки едва защищали ее ноги, но это было лучше, чем ничего. Тем не менее вскоре она начала хромать.

Наступил день, но внизу так полностью и не рассвело. В желто-зеленых сумерках жужжали и кусались крылатые существа. Внезапно Кайла отпрыгнула назад: искривленная лиана оказалась змеей, испещренной коричневыми и оранжевыми полосами.

— Обыкновенная копьеголовая змея, — объяснил Итан, осторожно проводя Кайлу мимо. — Довольно ядовита. Нужно больше внимания обращать на то, что творится под ногами. Змей, живущих на земле, непросто заметить. Южноамериканский королевский аспид — самый страшный, но его сразу видно. Обычно. Бушмейстера трудно разглядеть, он хорошо маскируется. — Итан криво усмехнулся. — Вот почему я иду первым. Я почти нечувствителен к их яду. Если меня укусит какая-нибудь из этих тварей, я, скорее всего, останусь в живых.

— Боги, так чем же ты занимаешься? — Кайла с опаской вглядывалась в землю. — По-моему, ты сказал, что играешь джаз. Кто ты такой? Заклинатель змей?

— Я действительно играю джаз. Но кроме этого, у меня есть степень в области тропической экологии. — Итан пожал плечами. — Полностью бесполезная степень, по мнению нашей семьи, но я провел в этих местах много времени.

Змеи им больше не попадались, но Кайла нервно оглядывалась на каждую тень. Идти стало легче, когда они набрели на звериную тропу — узкую дорожку, извивавшуюся между стволами и толстыми лианами. Кайле казалось, что влажность и жара высасывают влагу из ее тела, и, несмотря на то что она часто пила драгоценную воду, ее начала мучить жажда. Время от времени они останавливались, и она напрягала слух, но не слышала ничего, кроме несмолкающего гудения насекомых, иногда — крика какой-нибудь птицы или обезьяны, а один раз раздался странный глухой кашель, заставивший Итана прищуриться.

— Ягуар, — сказал он и натянуто улыбнулся. — Они не просто так выбирают место для тюрьмы. В большинстве случаев для узника лучше оставаться в камере.

— Тебе следовало остаться. — Кайла вытерла грязной юбкой пот со лба. — Она действительно заплатила бы за тебя.

— Ты предпочла бы разгуливать здесь в одиночестве? — Он ухмыльнулся, но улыбка его быстро погасла. — А кроме того… я просто не мог сидеть там. Думаю, частично именно поэтому мой отец ушел, чтобы стать художником и жить в бедности. Он мог бы быть художником, оставаясь богатым, и по-прежнему принадлежать к семье. Но ему не нравились их правила. Да, у них

есть свои правила. — Свет внезапно померк, и Итан взглянул на небо. — По-моему, сейчас пойдет дождь.

Это была правда. Кайла, широко раскрыв глаза, смотрела, как клочки неба, видимые сквозь балдахин листьев, в считаные минуты из голубых стали черными. Внезапно небеса разверзлись, и вода хлынула, словно душ. Итан схватил Кайлу за запястья и потащил в естественное укрытие, образованное накренившимся деревом, увитым лианами. Густая листва почти не пропускала дождя. Кайла слизнула с губ сладкие капли воды, рассмеялась, снова вышла под ливень и почти мгновенно промокла до нитки, наслаждаясь дождем, который смывал с тела пот и грязь. Она стянула платье с плеч, и вода ручьями потекла по обнаженной груди. Черт возьми, она стала почти чистой. Дождь прекратился почти так же внезапно, как начался.

Там, вверху, над кронами деревьев, показалось солнце, и воздух немедленно стал тяжелым, как в сауне. Повсюду журчала вода, капли сверкали, словно драгоценные камни. Лучи солнечного света пронзали листву, как копья, среди деревьев порхали яркие птички с малиново-синим оперением. Кайла беззаботно рассмеялась. Ее влажные волосы прилипли к голове, платье свисало с бедер.

— Это прекрасно, — сказала она. — Здесь чертовски трудно идти, но это прекрасно.

Она повернулась к Итану и сняла платье. Пропади пропадом эта Джеруна. Она на другой планете. Кайла развесила платье сушиться среди ветвей.

Не говоря ни слова, Итан сорвал с невысокого куста несколько похожих на папоротники листьев и постелил их под навесом из лиан. Крошечная обезьяна с личиком клоуна, на котором застыло вечное удивление, заверещала на него с древесного ствола, затем понеслась вверх и исчезла среди ветвей. Он по-прежнему молча обернулся и взглянул Кайле в лицо, взял ее руки в свои и притянул к себе, и его ладони легко легли ей на плечи.

В одно мгновение порезы, синяки, удушающая жара — все перестало существовать. Она склонилась к нему, скользнула губами по его губам, обвела их кончиком языка. Она почувствовала, как он дрожит. Он грубо рванул ее на себя, прижался ртом к ее рту, такому же горячему, яростному, голодному, как и его.

Они занимались любовью, дремали, затем снова занимались любовью. Он рассказывал ей о мире богатых людей и о том, каково это — жить на границе, не вполне принадлежать к семье, но тем не менее быть словно в плену у семьи, не позволяющей

тебе быть независимым. Семья оставалась семьей… В ней вы были не только представителем племени, но и товаром. Но он все еще был *внутри*. Она рассказала ему о детстве в приюте. Снаружи. О том, как она обнаружила в себе сильную способность к сопереживанию, талант к работе хамелеона.

— Так ты именно поэтому занимаешься такой работой? — Он лежал рядом с ней, облокотившись на руку, и кончиками пальцев водил по ее лицу. — Чтобы испытать, какова жизнь внутри?

— Да. — Кайла сказала правду, потому что поняла — она не может лгать этому человеку. — Я действительно хочу этого. И за это хорошо платят. — Ее укусили, и она взвизгнула. — Чертовы жуки. — Она села, хлопнула себя и яростно уставилась на окровавленную ладонь. — Может, нам лучше еще немного пройти? А что если ты ошибся и они скоро вернутся? — Но, попытавшись встать, она поморщилась и едва не упала.

Итан, осмотрев ее ступни, резко втянул в себя воздух.

— Кайла, ну почему ты молчала? Сядь и дай мне взглянуть.

— Не было смысла жаловаться, — ответила она, но не смогла сдержать крика боли, когда он начал счищать оторванным рукавом грязь с ее ноги. Ткань окрасилась кровью, и порезы снова заныли.

— Можно разорвать мою рубашку и хотя бы перевязать их, прежде чем мы снова пойдем. Прости. Я просто не подумал, что на тебе только босоножки. — Он нежно погладил пальцы ее ног. — Понимаешь, я помечен. — Он рассмеялся, и в смехе его проскользнула нотка горечи. — Если они дадут себе труд взглянуть.

— Помечен? — Она отбросила с лица влажные волосы.

— В моем теле находится чип GPS. С рождения. Это правило нашей семьи. Если они поищут, то найдут нас.

— Так почему же они не ищут?

— Похитители пользуются маскирующими устройствами. Вероятно, такое устройство находилось на крыше хижины. Все играют по правилам, так что мои родственники будут ждать известий от похитителей, а потом дадут ответ. Они не пойдут и не посмотрят. — Итан нахмурился и оглянулся в ту сторону, откуда они пришли. — Знаешь, я помню, как профессионально был проведен налет, и не могу поверить, что похитители сваляли дурака. Эти парни свое дело знают. Они должны уметь находить нужную жертву среди ночи, в суматохе. — Он покачал головой и вздохнул. — Думаю, ты права, и они тоже не собираются играть по правилам. — Он невесело усмехнулся. — Так что лучше пойдем.

Итан ухитрился разорвать свою рубашку из натурального

волокна на неровные полосы и перевязал Кайле ноги, так что она смогла надеть хрупкие босоножки. Она по-прежнему хромала, небольшие порезы и ранки причиняли сильную боль — прилив адреналина, вызванный побегом, прошел. Медленно, с трудом они пробирались по звериной тропе, направляясь в сторону заходящего солнца, петляя среди бесконечного переплетения листьев, лиан и громадных стволов.

Солнце село, быстро наступила темнота, и они в конце концов остановились на ночлег, найдя еще одно укрытие под старым погибшим деревом, увитым лианами. И не зря — вскоре после того, как угас последний луч света, хлынул дождь. Укрывшись от ливня, они выпили еще воды и поужинали: в мешках оказались сушеные манго и папайя. И снова занялись любовью.

В ночи бродил ужас. Он не имел формы, но издавал различные звуки. Ворчание, свист, кашель и рев, который якобы производил ягуар. Итан узнавал каждый звук, подробно описывал то, что происходило в густой тьме, пахнущей гниющими растениями, словно у него был волшебный фонарик, пронзающий мрак. Он прогнал ужас, и Кайла слышала нотки любви в его голосе, когда он превращал для нее ночь в день. Она едва сдерживала смех. Братец Кролик в терновом кусте. Если бы у нее были хорошие ботинки, путешествие стало бы просто увеселительной прогулкой. В какой-то момент Кайла задремала, проснулась, почувствовала слабые объятия спящего Итана и снова уснула спокойно, потому что Итан знал, что никто их не съест. И этого было достаточно.

Она проснулась с онемевшим телом, ощущая в желудке спазмы голода, несмотря на сушеные фрукты, съеденные вечером. Светало; темные стволы деревьев и вееропoдобные листья укрывавших их растений начинали принимать форму. Итан спал рядом, и она посмотрела на него сверху вниз, едва различая его черты в предрассветном сумраке. На лице его горел румянец, и, прикоснувшись к нему, она почувствовала жар. Он болен. «Я забуду тебя», — подумала она, и острая боль пронзила ее. Если хамелеон отказывался отдавать клиенту наноустройства с записью, он терял лицензию. Люди не хотели тратить целое состояние на то, чтобы нанятые ими глаза и уши исчезали вместе с воспоминаниями, купленными клиентом для себя самого. Лицензия, за которую она дорого заплатила, давала гарантию того, что ей можно полностью доверять. Если она обманет это доверие хоть один раз, то потеряет его навсегда.

И это не поможет ей. Наноустройства разрушались через определенный промежуток времени, если их не выделяли из

организма и не стабилизировали. Через несколько дней эти воспоминания исчезнут, отдаст она их Джеруне или нет. Разумеется, через несколько дней она может еще пребывать здесь. Она безрадостно улыбнулась, глядя на серый рассвет. Может быть, стоит надеяться, что они не найдут дорогу домой. По крайней мере, не сразу.

Она не обманывала себя насчет дальнейшего. Стена между избранными и простыми людьми была непроницаемой. Вы могли проникнуть за нее один раз. Но ненадолго. Правила. Никакого будущего с И таном. Она медленно, протяжно вздохнула, сожалея, что согласилась работать на Джеруну, сожалея, что агент нашла ей этот контракт. Она провела пальцами по щеке Итана, глядя, как дрожат его веки, как его отсвечивающие золотом глаза смотрят на нее, как его губы изгибаются в нежной узнающей улыбке.

Нет, она не жалеет ни о чем. Она склонилась к нему, и губы их встретились.

В полуденную жару они, продравшись сквозь, казалось бы, непроницаемую стену листвы и лиан, добрались до дороги, покрытой красной грязью, и вышли на палящее солнце, заставившее их заморгать и зашататься. Несколько минут они не в силах были двигаться дальше, лишь стояли, держась друг за друга, и щурились на солнце. Затем Итан издал дикий крик, сгреб ее в охапку, и они повалились на землю, хохоча, как сумасшедшие.

Через несколько минут из-за поворота вырулил небольшой электрический джип, и темнокожий водитель в камуфляжной форме нажал на тормоза. Он говорил на центральноамериканском испанском, но Итан знал этот язык и мог общаться с ним. Их спаситель оказался смотрителем заповедника, и этим утром как раз проверял этот сектор. Он дал им понять, что им повезло и что он бывает здесь очень редко, и закудахтал, качая головой, выслушав рассказ Итана. Ему очень не понравилось, что банды похитителей использовали тропический лес для устройства тюрем. Это могло представлять опасность для смотрителей. У него с собой были вода и ланч, состоявший из тушеных бобов и кукурузы, и он поделился с ними, а затем отвез их на свою базу, находившуюся в четырех часах езды.

К тому времени, когда они прибыли туда, семейная машина уже заработала, несмотря на то что Итан был незначительным представителем клана. Их встретил реактивный самолет с врачами, их осмотрели, обработали раны, переодели и провели на борт, прежде чем Кайла смогла перевести дыхание.

— Нас везут в семейную клинику для обследования и лечения, — объяснил Итан, усаживаясь в комфортабельное кресло рядом с Кайлой. — Мой дядя послал этот самолет, чтобы нас забрали. — Он прикоснулся к ее руке, и его карие глаза казались темными в полумраке кабины. — Нам, возможно, придется ненадолго расстаться. Кайла… — Он смолк, перевел дыхание. — Я не хочу, чтобы ты забыла… это.

— Это невозможно. — Ей стоило немалых усилий сохранять спокойствие.

— Нет, возможно. Сохрани это. Впитай в себя, как это делают твои клиенты. — Он схватил ее за руки, лицо его побелело. — Они не смогут помешать тебе.

Кайла покачала головой.

— У меня иммунитет, — прошептала она. — Наноустройство не отдаст мне информацию. Я не смогу усвоить ее.

— Как ты можешь этим заниматься? — Внезапно его охватил гнев, глаза яростно сверкнули. — Как ты можешь вот так… отдавать кому-то часть своей жизни? Как ты можешь выбрасывать свое прошлое?

У прошлого бывают зубы. Иногда от него следует бежать без оглядки, а не лелеять его. Но так было прежде. Она отвернулась, чтобы не видеть упрека в его взгляде.

— Если я постучу в твою дверь, я буду незнакомцем. Ничего этого не было. Я буду никем.

— Возможно, — прошептала она. — Я не знаю.

— *Я хочу, чтобы ты помнила это.*

Она посмотрела на него, встретилась с ним взглядом и кроме гнева увидела в его глазах страх.

— Я не могу, — ответила она, потому что не хотела лгать ему. Некоторое время он молчал, затем отвел взгляд.

— Ты собираешься отдать это Джеруне? — хрипло спросил он.

Кайла не могла лгать ему, поэтому промолчала. Если она этого не сделает, где она найдет себе работу? А богачи остаются богачами.

Итан содрогнулся с ног до головы и отвернулся от нее.

— Шлюха, — произнес он, встал и нетвердым шагом направился в хвост самолета.

Долгое время она сидела неподвижно, глядя на свои исцарапанные, покрытые струпьями руки, прислушиваясь к пульсирующей боли в перевязанных и обработанных ногах, облаченных в медицинские хлопчатобумажные брюки.

Через несколько дней она забудет и это слово, которое он бросил ей.

Она надеялась хоть раз увидеться с ним. Ее продержали в больнице еще сутки, провели интенсивную терапию, залечили израненные ноги, привезли багаж со свадебного острова и предложили доставить домой на частном самолете. Незадолго до отъезда раздался стук в дверь, от которого у нее замерло сердце, но это оказался всего лишь семейный адвокат. Он передал ей чек на значительную сумму и предложил подписать документ об отказе от претензий к семье.

Она подписала. Не их вина, что похитители совершили такую невероятную ошибку.

Внутри нее медленно разгорался гнев, и она сжала губы, глядя на адвоката, который едва кивнул и удалился. Молчаливый слуга явился, чтобы унести ее багаж на частный самолет, и она медленно последовала за ним; ее зажившие ноги в простых сандалиях еще немного побаливали. Она поднялась по ступеням, покрытым ковром, к входу в самолет и обернулась, чтобы взглянуть на семейную клинику. Клиника выглядела как огороженный коттеджный городок с домиками, дорожками для прогулок и садами. Главное здание походило на курортную гостиницу. Немногочисленные служители в форме, встречающиеся на дорожках, не обращали на нее внимания, а какой-то старик в инвалидном кресле, выбравшийся подышать свежим воздухом, даже не взглянул в ее сторону.

Она вошла в самолет, и дверь за ней закрылась.

Она игнорировала настойчивые звонки агента так долго, как только могла. Когда она наконец ответила, на экране немедленно возникло изображение Азары. Она взглянула на Кайлу: ее темные глаза пылали гневом, усыпанная бусинками вуаль тряслась.

— Что, во имя Аллаха и его демонов, ты вытворяешь? Клиентка угрожала мне судом. Как тебе известно, согласно контракту я не несу никакой ответственности, но я угрожаю тебе. И я с тобой не судиться буду, ты, испорченная девчонка. Ни один из моих хамелеонов еще никогда не пытался украсть продукт. И лучше тебе не быть первой, слышишь меня?

Какая-то часть сознания Кайлы удивилась этому гневу. Прежде ей не доводилось видеть на лице Азары даже малейших признаков раздражения.

— Я хочу поговорить с ней, — ответила она.

— Я с тобой не в игрушки играю. Немедленно в клинику! — рявкнула Азара. — Я говорила с твоим техником. Она сказала мне, что у тебя есть только двадцать четыре часа до того, как наноустройства разрушатся. Времени едва хватит на то, чтобы

извлечь их и сделать цифровую копию для передачи.

«Спасибо тебе, Ан Йи», — подумала Кайла. Она умоляла, но Ан Йи ничего не обещала.

— Времени более чем достаточно. Я сразу же пойду в клинику. — Кайла склонила голову. — Как только поговорю с Дже-руной Несмит.

Азара прищурилась, и изображение застыло. Она вызывает кого-то еще, очевидно, Марс, Джеруну.

— Она согласна говорить с тобой. — Азара выглядела слегка удивленной. Очевидно, ответ клиентки явился для нее неожиданностью. — Если ты выполнишь условия контракта, я, возможно, дам тебе еще один шанс… если ты пообещаешь никогда больше не совершать таких ребячеств. Но, разумеется, тебя ждет испытательный срок. — Она пристально оглядела Кайлу. — Клиентка не винит тебя. — Она подняла брови, словно ожидая комментариев от Кайлы. Пожала плечами. — Я забуду этот эпизод, если она останется довольна.

Главное — правильно рассчитать время. Кайла встала.

— Я напишу Ан Йи, чтобы убедиться, что она может все сделать.

— Она ждет тебя. — Красные губы Азары искривились в легкой улыбке. — Не подведи меня, девочка.

Угроза, скрывавшаяся за этими словами, шла дальше лишения лицензии. Кайла снова склонила голову и выключила экран.

Итан не связался с ней.

В глубине души она и не надеялась на это. Его последнее слово повисло в воздухе, словно едкий запах гари. Она ждала. Голографический экран замерцал — ее соединяли с Брэдбери.

На экране постепенно появилось источенное временем лицо Джеруны Несмит. По его выражению ничего нельзя было прочесть, но где-то глубоко в глазах светились искорки триумфа.

— Мне жаль было услышать, что вы получили травму, — мягко произнесла она. — Разве это не благо цивилизации? Даже от ужаса можно навсегда избавиться после часа в клинике.

— Вы послали похитителей. — Кайла неподвижно сидела в кресле, не сводя взгляда с морщинистого лица женщины. — Вы приказали им забрать меня. И Итана. — Ее голос чуть-чуть дрогнул, когда она произносила его имя, и она пристально посмотрела на Джеруну. Триумф стал явным. — Зачем? — Она наклонила голову. — Зачем тратить столько денег? Зачем было играть в эти игры?

— Ты весьма проницательна. — Тонкие губы старухи сложились в удовлетворенную усмешку. — Как ты догадалась?

— Похитители не настолько глупы. Если они приходят за богачами. — Она пожала плечами. — Вы забываете. Я разбираюсь в людях. Они твердо знали, кого следует взять. Они знали, что похитили именно тех людей. И этот смотритель так кстати оказался на дороге. Он выслеживал нас, верно?

Теперь Джеруна открыто улыбалась.

— Ты беременна?

Кайла сглотнула ком в горле — у нее возникло такое чувство, словно ее пнули в живот.

— Нет, — ответила она. Стиснула челюсти. — Вам это было нужно?

— Нет. — Джеруна вздохнула. — Но это оказалось бы приятным дополнением.

— Зачем вы это сделали? — Кайла не осмеливалась повысить голос и говорила шепотом.

— Чтобы искупить свои грехи. — Джеруна покачала головой. — Как ни трудно тебе в это поверить, но я тоже когда-то была молодой. И довольно привлекательной. И неглупой. — Она улыбнулась. — Один из моих дальних родственников влюбился в меня. Он любил не только мое тело, но и душу.

— Отец Итана, — сказала Кайла.

— О нет, милая, ты мне льстишь, — хихикнула Джеруна. — Его дед. Но я жаждала покинуть планету, а он — нет, и я сочла, что любовь подождет, пока я не найду для нее время. — Она смотрела на Кайлу с легкой улыбкой. — Никогда не совершай подобной ошибки, дитя мое. Теперь я считаю, что небеса дают нам только один шанс.

Нет! Кайла проглотила слово, прежде чем оно успело сорваться с ее губ. Заставила себя выглядеть бесстрастной.

— Так что вам было нужно? Воспоминания, чтобы заменить то, чего так и не случилось?

— Нечто вроде этого. — Улыбка Джеруны медленно ширилась, в глазах ее появилось голодное выражение. — И я подозреваю, что ты доставила мне прошлое, создать которое у меня не хватило ума. Я навсегда в долгу перед тобой. Поверь, я хорошо заплачу тебе. — Улыбка ее сияла, в глазах мелькнуло нечто похожее на удовлетворение. — Очень щедрый бонус. Возмещение ущерба.

Шлюха, вот как он назвал ее.

— Азара ошиблась. — Кайла подождала, пока Джеруна не сфокусирует на ней взгляд.

— Ошиблась в чем? — забеспокоилась старуха.

— Мы не просто занимались любовью, — сказала Кайла. — Мы полюбили друг друга. Вы хотели, чтобы это случилось, так?

Свести нас, подвергнуть опасности, но в месте, знакомом Итану, чтобы он чувствовал себя как дома, а я получила эти раны. — «Ты сука», — подумала она. — Ну что ж, вам не стоило утруждать себя. — Полные горечи слова душили ее. — Эта любовь не продается.

— Мы заключили контракт. — Лицо Джеруны побелело. Изображение замерло. Она вызывает Азару.

— Не беспокойтесь, — рассмеялась Кайла. — Мой агент ошиблась насчет времени распада. Вы уже не успеете вызвать штурмовой отряд.

— Ты не сможешь завладеть им. Я знаю, как это действует. — Джеруна стиснула кулаки. — Не будь дурой. Ты никогда больше не сможешь работать хамелеоном, я об этом позабочусь, черт побери.

— О, об этом позаботится мой агент. Не трудитесь. — Кайла взглянула на цифры, мелькавшие внизу экрана. — Мы обе проиграли. Прямо… сейчас.

Она рассчитала все точно, но все равно это случилось неожиданно, словно она нажала на кнопку. Она никогда не испытывала подобного, и ей было любопытно, насколько это отличается от фильтра, — там она погружалась в сон и просыпалась свежая и отдохнувшая.

«Итан, — произнесла она про себя, вызвала в памяти его лицо, его прикосновения, то чувство, что испытывала, когда они были вместе, когда он был частью ее. — Я не могу просто взять и забыть».

Все таяло… таяло… теряло смысл… имя исчезло… словно вода, вытекающая из ванны. Ее не удержать в пригоршне, она все равно утечет…

Пронзительный вопль расколол ее череп. Кайла моргнула.

Старуха на экране стиснула голову в ладонях, и пучки коротко стриженных волос встали дыбом. Клиентка, с которой они только что говорили о работе. Джеруна, как ее там…

— Нет, сучка, ты врешь! — визжала женщина. — Итан, отдай мне Итана!

Она отправилась в клинику на имплантацию, она это помнила. Ошибка наноустройства? Женщина все еще кричала.

— Вам придется связаться с моим агентом, — сказала Кайла и выключила экран.

Знакомая боль вонзила стальные пальцы в ее мозг, и она, втянув в себя воздух, застонала. Это должно происходить в клинике Ан Йи, а не здесь. Кайла осторожно дотронулась до больной головы и пододвинулась к кухонному блоку, чтобы выпить чаю. Это ошибка. Как давно она была в клинике?

— Проверка времени, — произнесла она, и внизу пустого экрана возникли цифры. Она ошеломленно уставилась на них, и в душу ее заполз холодный ужас.

Это невозможно.

Кайла уронила чашку, едва услышав всплеск разлившегося чая, ринулась к дивану с хлопчатобумажным матрацем и вытащила из тайника под каркасом свой секретный дневник. Книжка раскрылась, из нее вылетел сухой, сморщенный лист папоротника. Страница была вырвана… заметки о последней работе? О той женщине, которая кричала на нее?

Я покончила с этим. Петляющие буквы словно прыгали со страницы прямо на Кайлу. *Я знаю, что ты будешь психовать, но это надо прекратить. В последние несколько дней я потеряла кое-что. Ты не знаешь об этом, потому что ты не переживала этого, но это имеет для меня значение. Каждый раз, когда я это делаю, я создаю «мы»… это я, которая переживала что-то, и ты — которая находится на другой стороне. Я… мы… нас сотни, и что мы потеряли? Я не знаю, ты не знаешь. Я больше ничего не скажу тебе, потому что это ушло навсегда и с тобой не происходило. И больше это не повторится. Я отказалась отдать продукт, и он разрушился внутри меня. Начинай искать работу, детка. Мы — все мы — больше не хотим заниматься проституцией и не годимся для этой работы.*

Кайла, похолодев, выронила книжку. «Я этого не писала», — сказала она себе, но понимала, что автор — она сама. Подобные мысли посещали ее. Чаще всего они мучили ее среди ночи, после выполнения очередного контракта.

Что произошло?

Она попыталась угадать, напрягла память, вспомнила клинику, Ан Йи, их болтовню, кушетку, на которой она лежала, когда Ан Йи готовила инъекцию…

…И лицо кричащей женщины на экране.

На экране возникло дрожащее изображение Азары — она тряслась от ярости. Кайла не дала себе труда ответить. Украсть продукт можно было лишь один раз. После этого ты попадал в черный список.

— Надеюсь, это было неплохо, — произнесла Кайла, и, несмотря на горечь этих слов, почувствовала что-то вроде облегчения. Это было безумием. Она оглядела квартиру. — Неплохо, когда оно происходило с нами.

Азара прислала ей уведомление об увольнении и официальную бумагу, в которой говорилось, что ее лицензия аннулирована навсегда. И спокойную угрозу мести, скрытую за

вежливыми словами. Кайла уехала из города, отправилась на запад, заметая следы и надеясь, что Азара не захочет тратить слишком много денег на ее поиски. Она сняла комнату в большой трущобе на окраине — это была часть старого частного дома, возможно, гостиная, думала она. Кухня и ванная были общими, но в комнате стояла небольшая раковина с холодной водой, пригодной для питья. До того как стать хамелеоном, Кайла много лет готовила в микроволновке и электрогриле, так что все оказалось не так уж плохо. Она нашла себе и работу, стала официанткой в одном из многолюдных городских кафе. Она получала неплохие чаевые, потому что была привлекательной, а сочувствие к людям, которое делало ее хорошим хамелеоном, вызывало симпатию клиентов.

Иногда, просыпаясь по утрам, она перебирала свои сны. Анализировала их, искала в них воспоминания о тех нескольких потерянных последних днях.

Пришла осень, а с нею дожди, и слякоть, и долгие ожидания электричек на мокрой платформе. Однажды утром, когда Кайла поливала цветы в горшочках, купленные в ночном супермаркете, чтобы украсить комнату, кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросила она, глядя в глазок через дверь, которая обеспечивала «безопасность» комнаты. Наверное, Сухара, соседка, пришла «одолжить» риса, подумала она. Опять.

Но за дверью стоял какой-то незнакомец.

— Кайла, ты меня не помнишь. Но мы были… друзьями. Какая-то нотка в его голосе… или, может быть, сам голос…

Она вздрогнула, словно прикоснулась к электрическому проводу. «Ключ», — подумала она и решила не открывать, позвать Дарио, здоровенного борца, жившего в задних комнатах, попросить его выбросить этого парня прочь.

«Я не хочу ничего знать», — мелькнула у нее было мысль, но в конце концов Кайла открыла дверь и отступила, впустив его. Привлекательный. Сердце ее забилось чаще. Он огляделся, и на его лице появилось страдальческое выражение.

— Прости, что я побеспокоил тебя, — сказал он. — Ты… не помнишь меня.

Мужчина сказал это утвердительным тоном, но в глазах его была мольба.

Кайла не торопясь изучала его волосы, его изможденное лицо, небрежную одежду из дорогого натурального волокна — судя по ярлыкам, он был богачом, принадлежал к элите. Что ж, богачи когда-то были ее клиентами. Она покачала головой, и плечи его опустились.

— Я знаю, что-то произошло, — сказала она. — Возможно,

между нами что-то было. Но воспоминания просто исчезли. Мне жаль.

— Ты не нашла каких-нибудь заметок об этом? О том… о том, что произошло?

«Обо мне», — хотел он сказать. Она покачала головой.

— Это моя вина. Я был зол. А потом… — Мужчина закрыл глаза. — Я заболел, сильно заболел, подцепил какую-то тропическую заразу, устойчивую к лекарствам. Когда я более или менее пришел в себя, было слишком поздно. Наноустройства разрушились, ты уехала и… я не мог найти тебя. И когда мы виделись в последний раз, я был зол. Я знал — ты подумаешь, что я… — Внезапно он сжал кулаки, стукнул себя по бедру. — Ты действительно ничего не помнишь, все исчезло, все!

Горе его было так сильно, что заполнило всю комнату. Не думая, что делает, Кайла шагнула вперед, положила руку на плечо незнакомца.

— Прости, — произнесла она. — Я не знаю, что я хотела бы услышать от тебя. — Она взглянула ему в глаза — карие, в глубине их вспыхивали золотые искорки. — Все действительно исчезло.

«И ты — избранный, — подумала она. — А я — нет».

Он смотрел мимо нее, словно разглядывал что-то вдалеке.

— Пообедаешь со мной?

— Я же сказала тебе…

— Я знаю. Я слышал. — Наконец он взглянул на нее, и уголок его рта искривила слабая улыбка. — Я не буду говорить о… о том. Я просто хочу с тобой пообедать.

Кайла разбиралась в людях и поняла, что с его стороны ей ничто не грозит.

— Хорошо, — согласилась она. Потому что он был привлекателен, что бы там ни произошло в прошлом. И он ей понравился. — Сегодня вечером я свободна.

— Прекрасно. — Мужчина улыбнулся, и глаза его засияли золотым светом. — Я музыкант… когда не шныряю по джунглям без особо веских причин. — Он подождал мгновение, вздохнул. — Сегодня у меня концерт в другой части города. После обеда… ты не хочешь прийти послушать? Я играю классический джаз. Действительно старинная штука. И… — его золотистые глаза вспыхнули, — я принадлежу к той части семьи, которая нарушает правила. Иногда очень важные правила.

Не важно, что это значит. Он в самом деле нервничал, словно она могла отказать.

— Конечно.

Кайла улыбнулась, взяла его за руку. В то мгновение, когда

их пальцы соприкоснулись, она увидела зеленую листву, золотой свет, вдохнула влажный воздух, ощутила запахи цветов, гнили, земли. Странно — именно запахи по большей части просачивались к ней сквозь наноустройства, напоминая о прошлых заданиях. Внезапно рука его показалась ей знакомой.

— С удовольствием послушаю, как ты играешь.

Дэрил Грегори
Дамаск[142]

I

Первое, что почувствовала Паула, когда пришла в себя, — трепет его ладони в своей. Она лежала на каталке в машине «скорой помощи» и не могла шелохнуться: к рукам были пристегнуты какие-то пластиковые штуки наподобие наручников, грудь стягивал широкий ремень: видимо, врачи приняли все меры, чтобы больная случайным или намеренным рывком не сбила поставленную ей капельницу. Паула вела себя тихо только по одной причине: он был с ней. Его голубые глаза смотрели на нее из-под неровно обесцвеченной челки, бледные щеки покрывала многодневная щетина. Казалось, воздух вокруг него светится от его любви к Пауле: так леденеет морская вода вокруг айсберга.

Наконец машина остановилась у больницы, и санитары повезли Паулу в приемный покой. Он и тут не оставил ее: шел рядом с носилками, гладил по плечу. Паула никогда не работала в приемном покое, но знала в лицо многих здешних врачей и медсестер. Она сосредоточилась, несколько раз глубоко вздохнула, чувствуя, как при этом на груди растягивается и ослабляется ремень, а потом невозмутимо заявила санитарам, что с ней все в порядке и она, пожалуй, уже в состоянии идти домой. Их, судя по всему, такой поворот событий не слишком устраивал, по крайней мере, расстегивать стягивавшие ее ремни они не торопились. Окончательное решение оставалось за лечащим врачом.

К Пауле подошла старшая медсестра — ей полагалось беседовать со вновь поступающими пациентами. Это была довольно смуглая, дородная, рано поседевшая женщина. Паула забыла ее имя, хотя прежде они были знакомы, ведь когда-то Паула тоже работала в этой больнице. Потом ее, правда, уволили. А вот сейчас она вернулась сюда уже в новом качестве — как пациент.

— Расскажите, Паула, что с вами сегодня произошло, — ледяным тоном обратилась к ней медсестра.

Они не очень-то ладили, когда были коллегами. С Паулой тогда вообще нелегко было иметь дело.

— Мне вдруг стало нехорошо, голова закружилась, — ответила она.

— Говорят, это был припадок, — вмешался один из санитаров. — Парни из Красного Креста сказали, у нее начались сильные судороги, так что им пришлось положить ее на землю и держать, чтобы она случайно обо что-нибудь не поранилась.

Спазмы продолжались минут пять-шесть, а потом подъехала наша бригада, мы забрали ее и привезли сюда. Ей вкололи десятипроцентный раствор лоразепама, и по дороге в больницу она пришла в себя.

— Уже второй случай эпилепсии за дежурство, — пожаловалась медсестра.

Паула удивленно посмотрела на нее. Неужели сюда привезли кого-нибудь из обитательниц желтого коттеджа? Или это кто-то из новообращенных? Она покосилась на своего хранителя, стоящего возле каталки: он смотрел на нее добрым радостным взглядом и выглядел очень спокойным. События развивались так, как он задумал, все происходящее было частью его замысла, раскрывать который он, видимо, не собирался. По крайней мере пока.

Медсестра заметила, что Паула отвлеклась, и окончательно посуровела.

— Сейчас вас осмотрит врач, — предупредила она.

— Но мне уже намного лучше, — попыталась остановить ее Паула.

Медсестра сделала вид, что не слышит.

Наконец Паулу освободили от ремней, которыми она была пристегнута к носилкам, и перенесли на кровать в смотровую. Санитар положил на тумбочку ее сумку и попрощался:

— Ну, всего хорошего, удачи!

Вспомнив, что лежит в сумке, Паула уставилась на нее, но потом быстро отвела взгляд: ни в коем случае нельзя привлекать внимание окружающих к этому безобидному на вид ридикюльчику.

— Спасибо! И простите, что вам пришлось со мной повозиться, — ответила женщина.

Медсестра принесла ей анкету пациента.

— Думаю, вы еще помните, как это заполнять, — сказала она. — А что у вас с рукой?

Тут Паула поняла, что ее пальцы сами собой сжались в кулак. Она изо всех сил старалась их расслабить, но они отказывались повиноваться. В последнее время такое происходило довольно часто. И почему-то всегда с левой рукой.

— Это все от нервов, — пояснила она.

Медсестра задумчиво кивнула, но явно не поверила. Поняв, что Паула тем не менее в состоянии заполнить анкету, она ушла.

А тот, кто был с молодой женщиной все это время, остался. Он сел на стул возле ее кровати и вытянул перед собой босые грязные ноги. Он улыбался, и невольно верилось, что все будет хорошо.

«Я с тобой, Паула. Я всегда буду с тобой».

II

Самым любимым альбомом Ричарда был «In Utero» группы «Nirvana». Именно этот диск она сожгла первым.

Ричард ушел в пятницу, а в понедельник подал на развод, твердо намереваясь добиться опеки над дочерью. Клэр тогда было десять, она росла необщительной и замкнутой. Паула, впрочем, скорее сожгла бы дом и себя вместе с ним, чем позволила забрать у нее ребенка. После ухода мужа ей доставляло странное удовольствие уничтожать то, что Ричард любил больше всего. Получив повестку на слушание по делу об опеке, она принялась сбрасывать с полок его диски, кассеты и пластинки. Их у Ричарда было очень много — огромные стеллажи высились вдоль стен в гостиной и занимали половину подвала. Сотни дисков с грохотом обрушились на пол и образовали огромную кучу. Она вынесла их на задний двор. Клэр плакала, протестовала, пыталась помешать ей и спасти хоть что-нибудь из отцовских сокровищ, так что в конце концов пришлось запереть ее в спальне.

Потом Паула вышла во двор, облила гору дисков зажигательной смесью, нашла в гараже канистру с бензином, выплеснула и его туда же. На самый верх этой груды она положила диск «Нирваны».

В огне пластиковые футляры оглушительно трещали и лопались. Впрочем, пламя продержалось недолго — компакт-диски горят не слишком хорошо. После них в ход пошли книги и музыкальные журналы Ричарда.

Проезжавшие мимо полицейские заметили дым, остановились и сообщили ей, что жечь мусор на территории города запрещается.

Паула рассмеялась в ответ:

— Вы правы, черт возьми! Это действительно самый настоящий мусор!

Уж кто-кто, а она не могла позволить каким-то полицейским указывать, что ей делать, а что нет. Между тем из соседних домов на них начали таращиться любопытные. «Да пошли они все», — думала Паула.

Она жила на окраине Филадельфии, в районе, который считался довольно разномастным: тут селились и негры, и латиносы, попадались азиаты и арабы. Совсем новенькие коттеджи с уютными двориками, выложенными яркой плиткой с мексиканским орнаментом, соседствовали с притонами наркоманов и какими-то уж совсем ветхими лачугами. Паула переехала сюда из пригорода, потому что так захотел Ричард, и

никак не могла ему этого простить. Еще до рождения Клэр она заставила мужа сделать сигнализацию и поставить на все окна решетки. Ей все время казалось, что их дом — это крепость, которую вот-вот пожелают взять штурмом весьма плотно населяющие этот район уголовники и психи.

Соседи из желтого коттеджа напротив легко могли сойти и за тех и за других. Их канареечный домик как две капли воды походил на дом Паулы: такое же крыльцо, такая же островерхая крыша, такие же узкие сводчатые окна. Однако если дом, в котором жила Паула, был благородного синего цвета, то его близнец на противоположной стороне улицы был выкрашен в сумасшедший лимонно-желтый тон, который оттеняли ярко-оранжевые водостоки и ослепительно-белые оконные рамы и дверные проемы.

В доме жили не то пять, не то шесть женщин самых разных национальностей. Паула то и дело видела кого-нибудь из них в окнах дома или в саду. Безработные они, что ли? Женщины вроде бы были еще совсем не старые, но почему-то все передвигались с трудом, а одна из них ходила, опираясь на трость. Паула была медсестрой, и двенадцатилетний опыт работы подсказывал ей, что все они страдают каким-то нейромышечным расстройством. Это мог быть, например, рассеянный склероз в ранней стадии. Вероятно, желтый коттедж служил чем-то вроде приюта для страдающих этим заболеванием.

Иногда Паула встречала соседок на улице: выглядели они обычно будто не от мира сего, иногда она даже слышала, как они разговаривают сами с собой. Однако стоило им заметить девушку, как они тут же начинали улыбаться ей, правда, как-то странно и натянуто. Они всегда были приветливы и с Паулой, и с Ричардом, но особенно им нравилась Клэр: к девочке они обращались в особой манере — говорили медленно и сосредоточенно, как обычно разговаривают с детьми школьные учителя или глубокие старики. Одна из них, высокая худая женщина по имени Стеф, судя по характерному цвету лица, преждевременно состарившаяся из-за постоянного употребления метамфетамина, стала особенно внимательна к Пауле после ухода Ричарда. Соседка приносила молодой женщине и ее дочке домашнюю еду: фасолевый суп в пластиковых мисках, кукурузную кашу с мясом, свежий хлеб.

— Уж я-то знаю, каково это: растить ребенка одной, — как-то сказала она.

Паула оставляла Стеф посидеть с Клэр несколько дней в неделю и даже иногда разрешала ей брать девочку с собой в магазин и на прогулки в парк. В глубине души Паула знала, что

все это сочувствие оказывается ей неспроста. Наконец его причина дала о себе знать в форме неожиданной проповеди.

— Мне тоже в этой жизни пришлось несладко, — как-то вечером разоткровенничалась Стеф, дождавшись, когда Клэр уйдет к себе в комнату слушать музыку.

Женщины сидели на кухне, ели сырные булочки, испеченные кем-то из обитательниц желтого коттеджа, Стеф запивала их вином, Паула потягивала виски. И тут Стеф принялась рассказывать про свое наркоманское прошлое, про подлых дружков, про вечные проблемы с деньгами.

— Бывали минуты, когда мне больше всего на свете хотелось вскрыть себе вены. Если бы Христос не пришел в мою жизнь, я бы наверняка так и сделала.

«Ну вот, приехали», — подумала Паула. Она молча допивала виски и слушала, как Стеф разглагольствует о том, насколько легче становится жить человеку, когда он понимает, что он не один, что его любят, что о нем заботятся.

— Свой Иисус — для каждого из нас, — подытожила Стеф. — Так, кажется, поется в той песне?[143]

Паула отлично знала эту песню. Ричарду страшно нравилось слушать подобное старье. У него в коллекции, помнится, даже был ремейк этого хита в исполнении Джонни Кэша.[144] Вот только коллекция Ричарда, не без помощи Паулы, обратилась в золу.

— Нет уж, спасибо, обойдусь, — попробовала отшутиться Паула. — Мужчинам больше нет места в моей жизни.

Стеф не обиделась. Она продолжала приходить к ним, они все так же мило беседовали. Постепенно Паула привыкла к Стеф, потому что, не будь у нее такой доброй соседки, в отсутствие Ричарда она ни за что не справилась бы с домашним хозяйством, не смогла бы как следует присматривать за Клэр. И уж конечно, у нее не было бы никакой возможности побыть одной, а сейчас ей это требовалось как никогда. Паула вполне отдавала себе отчет в том, что женщины из желтого коттеджа — сумасшедшие сектантки, однако считала их безвредными. По крайней мере, она старалась внушить себе веру в их безвредность. Так было до тех пор, пока однажды вечером, вернувшись домой, Паула не обнаружила, что Клэр пропала.

III

Паула отлично знала, что следует делать, чтобы поскорее выйти из больницы. Правила игры предельно просты: нужно как можно меньше говорить, вести себя как ни в чем не бывало, стараться не смотреть на то, чего не видят другие. Она была уверена, что результаты анализа крови у нее окажутся в норме. Врачам не останется ничего другого, как пожать плечами и отпустить ее домой не позднее полудня.

Лечащий врач ее, однако, удивил. Им оказался мистер Лауден, невысокий, очень аккуратный мужчина, всегда безупречно, чуть ли не до синевы, выбритый. Медсестры, помнится, относились к нему неплохо: он, конечно, особенно не блистал, но зато и не зазнавался, был, в общем, довольно хорошим специалистом и никогда не затягивал процесс лечения. Но тут на Лаудена что-то нашло: случай Паулы, похоже, не на шутку заинтересовал его. С утра он велел сделать ей УЗИ, томографию и энцефалографию, потом пригласил на консилиум коллег.

В совещании участвовали четверо врачей: двое неврологов, психиатр и эпидемиолог (последнюю Паула не знала). Каждый по очереди осматривал пациентку и задавал стандартные вопросы: как давно у нее наблюдаются припадки? Что она во время них ощущает? Знает ли она кого-нибудь еще с такими же симптомами? Ее тщательно осмотрели, проверили активность рефлексов и скорость прохождения нервных импульсов и несколько раз задали вопрос: «У вас нет галлюцинаций? Может быть, вы видите людей, которых никто, кроме вас, не видит?»

Паулу это очень развеселило, ведь ее хранитель все это время сидел на краешке кровати, держа ее руку в своей руке. Как можно его не видеть?

По-настоящему неожиданными для Паулы оказались только вопросы, которые задала ей эпидемиолог.

— Вы едите мясо? — спросила она.

Паула кивнула в знак согласия.

И тогда врач, эта невозмутимая женщина с квадратным лицом и короткими каштановыми волосами, учинила Пауле настоящий допрос. Доктора интересовало все: какое мясо ела Паула в последнее время, как часто она его ела, готовила ли она его сама или заказывала в ресторане и так далее. Эпидемиолог тщательно записывала ответы Паулы.

Ближе к вечеру ее перевели в другую палату, где находилась еще одна пациентка — уже немолодая женщина по имени Эстер

Уинн, настоящая южанка, при макияже и прическе, словно только ожидавшая удобного случая, чтобы отключить капельницу и направиться в какой-нибудь роскошный ресторан.

В тот вечер, прежде чем уйти домой, доктор Лауден еще раз заглянул к Пауле. Он сел на край кровати, задумчиво провел рукой по седеющей шевелюре.

— Мне кажется, ты не все нам рассказала, Паула, — начал он. От усталости врач выглядел немногим лучше, чем его пациентка.

— Вроде бы мне больше нечего вам сказать, — отозвалась Паула. За спиной у Лаудена ее невидимый друг одобрительно кивнул и улыбнулся.

Лауден тоже улыбнулся, но как-то грустно и скептически.

— Паула, ты должна понять, что нам тут не до шуток. Ты уже десятая пациентка с такими симптомами, и это только в нашей больнице. Такие же случаи зарегистрированы во всех клиниках города. Многие из моих коллег считают, что это эпидемия. Нам нужна твоя помощь, чтобы разобраться, с чем мы имеем дело.

— Доктор, как вы думаете, это заразно?

Он в раздумье почесал подбородок, потом отвел взгляд.

— Скорее всего, нет. У тебя ведь нет ни температуры, ни признаков воспаления — не похоже, чтобы это была вирусная или бактериальная инфекция.

— Тогда что со мной?

— Мы сами толком не знаем, — признался врач.

Он явно скрывал от нее правду, разговаривал с ней, как с дурочкой.

— Однако симптомы твоей болезни, как мне кажется, вполне подлежат лечению. Завтра мы постараемся поставить окончательный диагноз, но пока я думаю, это очень похоже на ВЭ, височную эпилепсию. Ну, это когда отдельные участки мозга…

— Можете не объяснять мне, что такое эпилепсия.

— Да, конечно. В общем, данные томографии, как бы это сказать, отклоняются от нормы…

Он как-то неуверенно пожал плечами, потом достал из папки несколько скрепленных листов и протянул Пауле.

— Я тут принес тебе кое-какой материал, прочти. Может быть, мы вместе скорее разберемся, что с тобой происходит.

При этом голос его звучал не слишком убедительно. Паула взяла бумаги. Это была распечатанная информация с какого-то медицинского сайта.

— Ознакомься с этим, а завтра мы… Да, заходите, пожалуйста. — Последнее относилось к медсестре, которая пришла дать Пауле лекарство.

Лауден, кажется, обрадовался возможности сменить тему.

— Это топамакс, антиэпилептическое средство.

— Я не стану его принимать, — воспротивилась Паула.

В ее жизни давно уже не было места ни таблеткам, ни алкоголю.

— Поверь мне, я бы не прописал тебе этот препарат без необходимости, — убеждал ее Лауден.

Этакий врач-профессионал. Сама забота.

— Мы хотим избежать новых нервных и сосудистых спазмов, которые могут вызвать припадки вроде сегодняшнего. Ты ведь не хочешь упасть в обморок и получить сотрясение мозга?

От этих дурацких объяснений, предостережений и ласкового тона Паула взбесилась.

Ее невидимый хранитель пожал плечами. Подумаешь, какой-то там врач. Не стоит обращать на него внимания. Все идет, как задумано.

Тогда Паула смирилась, приняла таблетки, запила их водой.

— Когда вы меня выпишете? — поинтересовалась она. Лауден встал, собираясь уходить.

— Завтра утром поговорим. Мне кажется, нам придется сделать еще несколько анализов.

Может быть, врачи не хотят отпускать ее домой, потому что все-таки думают, что это заразно? Может, как сказал Лауден, они боятся начала эпидемии?

Паула покорно кивнула. Лаудена это несколько успокоило, и он направился к двери. Когда он был уже на пороге, Паула спросила его:

— Почему доктор Геррхардт, или как ее там, спросила меня, ем ли я мясо?

Лауден обернулся.

— Ее фамилия Геррхольц. Она не из нашей больницы.

— А что она тогда тут делает?

— Ее прислали сюда из ЦЭНа, — ответил он таким будничным тоном, как будто Центр эпидемиологического надзора постоянно рассылал своих специалистов по больницам, направо и налево. — Не бери в голову, у них работа такая — задавать странные вопросы. Мы постараемся выписать тебя как можно скорее.

IV

Когда Паула вернулась домой в тот вечер, входная дверь оказалась не заперта, а в комнатах горел свет. Было только начало восьмого, но в ноябре в это время уже довольно темно. Паула бегала по комнатам, звала Клэр. Девочка получила самые подробные инструкции: она знала, что, вернувшись из школы, нужно как следует запереть входную дверь и отвечать на звонки, только если на определителе номера высвечивается номер мобильного или рабочего телефона матери. Наверняка Ричард забрал ее. Даже добившись частичной опеки, он не успокоился, ему все мало.

И тут на кухонном шкафчике между стопкой тарелок и открытой коробкой кукурузных хлопьев она заметила записку. Паула узнала почерк Стеф.

Молодая женщина решительно направилась к желтому коттеджу, изо всех сил забарабанила в дверь. Открыла Стеф.

— Привет, у нас все нормально, — поспешила она успокоить рассерженную Паулу. — Клэр уже сделала уроки и сейчас смотрит телевизор.

Паула не слушала, она метнулась мимо нее в гостиную с обшарпанной мебелью и выцветшими ковриками на полу. В комнатах горели все лампы, их яркий свет отражался на всех гладких поверхностях: на дубовом паркете, натертом до блеска, на свежеокрашенных молочного цвета стенах, на оконных стеклах. Из кухни доносился приятный запах каких-то экзотических специй — там явно готовили ужин. Паула вдруг поняла, что она очень голодна, — с самого утра ничего не ела.

Клэр сидела на полу перед телевизором, на овальном коврике ручной вязки. Ее сиреневый рюкзак лежал перед ней на полу. Девочка смотрела какую-то передачу про животных и одновременно слушала музыку в CD-плеере. У нее за спиной на диване лежала худая негритянка лет пятидесяти — шестидесяти.

— Клэр! — позвала Паула.

Девочка притворилась, что не слышит.

— Клэр, я с тобой разговариваю, сейчас же сними наушники! Она старалась говорить строго, но спокойно, как и положено хорошей матери.

— Я, кажется, говорила тебе, чтобы ты не выходила из дома? Девочка даже не посмотрела на нее.

— У вас по соседству, в зеленом коттедже, что-то случилось, туда приехала полиция, — начала объяснять Стеф.

Зеленый коттедж и впрямь был тот еще притон. Перед ним

вечно парковались байкеры, дом был в ужасном состоянии. Паула не сомневалась, что там торгуют наркотиками.

— Я решила пойти проведать вашу дочь, увидела, что бедняжка напугана, и пригласила ее к нам. Я сказала ей, вы не будете на нее сердиться.

— До тебя невозможно дозвониться, — сказала Клэр, даже не повернувшись и так и не сняв наушники. Видимо, решила показать характер. Думает, в гостях Паула не станет ее ругать.

— Надо было продолжать звонить до тех пор, пока я не отвечу, — негодовала Паула.

На самом деле она забыла включить телефон, когда закончила дежурство в больнице. После работы Паула зашла в какой-то бар, немного выпила, посидела там с полчаса, а потом поехала домой и добралась не позже обычного.

— Ты не должна никуда уходить из дома! — строго повторила она.

Тут опять вмешалась Стеф. Она взяла Паулу под локоть и указала ей на женщину, лежащую на диване.

— Познакомься, Паула, это Мэрили.

Похоже, Мэрили была не в состоянии встать с дивана. На столике у изголовья Паула увидела стакан с водой, носовой платок и пачку салфеток. Возле дивана стояла пластиковая урна. Мэрили полулежала на подушках, укрытая белой простыней. Ее ноги были как-то неловко подогнуты, а левой рукой она обхватила себя за шею, при этом рука ее все время дрожала, словно испуганный зверек. Женщина смотрела на экран телевизора и при этом так блаженно улыбалась, словно наблюдала самое прекрасное зрелище на земле.

Стеф тронула Мэрили за плечо, та медленно отвела взгляд от телевизора.

— Мэрили, это Паула.

Мэрили протянула Пауле здоровую руку, но не совсем удачно: намного правее, чем надо. Потом рука вообще отказалась повиноваться своей хозяйке и принялась раскачиваться в воздухе. Паула кое-как дотянулась до дрожащей ладони и слегка пожала ее. На ощупь кожа была сухая и очень холодная.

Женщина улыбнулась и сказала что-то на непонятном языке. Паула вопросительно посмотрела на Стеф, и тогда Мэрили вполне отчетливо произнесла:

— Я тебя съем.

— Что вы сказали?

Паула не поверила собственным ушам.

— Это традиционная форма приветствия в ее племени, — пояснила Стеф. — Мэрили родом из Папуа-Новой Гвинеи. Кстати,

Мэрили, а ведь Паула — мама твоей любимицы Клэр.

— Ах да, конечно, — с трудом выговорила Мэрили. Она как-то уж слишком интенсивно артикулировала, а ее губы постоянно норовили расплыться в улыбке, мешая правильно произносить слова. — Какая милая девочка, — продолжала она, причем было непонятно, кого она имеет в виду: Клэр или Паулу. Потом ее левая рука, обнимавшая шею, сама собой соскользнула, словно шарфик, и упала на грудь. Мэрили опустилась на подушки и, по-прежнему безмятежно улыбаясь, уставилась в телевизор.

«Да что с ней такое, черт возьми?» — подумала про себя Паула.

— Мы собираемся ужинать, поешьте с нами, — предложила Стеф.

— Нет, мы, пожалуй, пойдем, — отказалась Паула.

На самом деле ей очень хотелось остаться. Дома холодильник был совсем пуст. А тут в воздухе витали такие невероятные кулинарные ароматы…

— Оставайтесь, — настаивала Стеф, — вам же вроде всегда нравилась наша стряпня.

Это была чистая правда. Весь прошлый месяц Паула и Клэр питались в основном тем, что приносила им Стеф.

— Ладно, мы останемся, только недолго, — согласилась Паула. Стеф проводила их в столовую. Почти всю комнату занимал длинный стол под белой скатертью, накрытый на десятерых. При этом за столом еще оставалось немного свободного места.

— Сколько вас здесь? — поинтересовалась Паула.

— Семеро, — ответила Стеф, проходя в кухню.

— А у вас тут совсем не тесно.

Паула села к столу и увидела перед собой высокую зеленую бутылку.

— Можно мне вина? — попросила она. Ей вдруг очень захотелось выпить чего-нибудь покрепче.

— Сейчас-сейчас, — заторопилась Стеф.

Она вернулась в столовую, неся стаканы. Вместе с ней к гостям вышла молоденькая негритянка лет восемнадцати-девятнадцати. Она представилась, но Паула не расслышала, как ее зовут: не то Таня, не то Тоня. В руках она держала огромную голубую тарелку с маисовыми лепешками. Паула не раз видела эту девушку: та часто прогуливалась с ребенком мимо их дома. На улице сразу бросалось в глаза, что молодая мама хромает, но здесь, в доме, это было почти незаметно.

Стеф налила всем вина, но не села: она стояла и словно ждала чего-то, потом вздохнула и выдержала паузу. Больше никто

в столовую не шел.

— Прошу всех к столу, — наконец сказала Стеф достаточно громко, чтобы Мэрили тоже могла слышать.

Тоня — да, ее точно звали Тоня, — взяла лепешку и передала тарелку дальше. Паула принялась за еду. Лепешки оказались особенно вкусные: они были с начинкой из сметаны, сальсы и помидоров. Еще в начинку были добавлены кусочки мяса, так тщательно выдержанного в каком-то особом маринаде, что Паула так толком и не поняла, что это было: не то свинина, не то курица, не то соевый заменитель.

Тоня и Стеф все время смотрели на Паулу. Их лица были непроницаемы, но молодой женщине казалось, что они как будто чего-то ждут. Паула облизала остатки соуса с губ.

— Спасибо большое, очень вкусно, — поблагодарила она радушных хозяек.

Стеф улыбнулась и подняла бокал.

— На здоровье! — ответила она.

Тоня повторила этот не то вежливый ответ, не то тост. Паула тоже подняла бокал, и они выпили. Вино по вкусу чем-то напоминало бренди, но при этом было густое и очень сладкое. Тоня кивнула в ее сторону и что-то прошептала. Стеф принялась толковать с Мэрили на непонятном языке. Потом Паула заметила, что Стеф с трудом сдерживает слезы, и ей стало не по себе.

— В чем дело? — встревожилась она.

Ей вдруг расхотелось есть и пить. Она поставила стакан на стол. Тут явно было что-то не так. Паула в задумчивости смотрела на горку маисовых лепешек и темное вино в бокалах. Что-то ей все это напоминало. Черт возьми, так ведь ей тут, похоже, устроили не ужин, а самое настоящее причастие!

— Эй, что здесь происходит? — спросила она, стараясь сохранять спокойствие.

Стеф вздохнула и смущенно улыбнулась.

— Мы очень переживали за вас: за тебя и твою дочь. Клэр все время сидит дома одна, а ты, похоже, до сих пор не можешь оправиться после ухода мужа.

Паула уставилась на нее, чувствуя, как в ней закипает возмущение. Проклятые самодовольные ханжи! Неужели они таким вот нелепым образом обращают людей в свою веру? Да какое они право имеют вмешиваться в чужую жизнь!

— Клэр как-то даже сказала мне, будто ты подумываешь о самоубийстве.

Паула вскочила из-за стола, едва не опрокинув стул. Ее сердце бешено колотилось. Тоня смотрела на нее с искренним сочувствием. Такая зануда!

— Чего вам еще наговорила Клэр? Неужели вы всерьез верите всему, что болтает ребенок?

— Паула, дорогая…

Но женщина уже больше ничего не хотела слышать. Она выбежала из столовой и направилась в гостиную. Стеф бросилась за ней.

— Клэр, нам пора! — позвала она дочку, стараясь не повышать тон, хотя ей очень хотелось закричать.

Клэр, однако, не сдвинулась с места. Она сидела и испытующе смотрела на Стеф, словно спрашивала у нее совета или разрешения. Это окончательно вывело из себя Паулу.

Она схватила Клэр за руку, заставила ее встать. Наушники упали, из них послышалась приглушенная музыка. Клэр молча повиновалась.

Стеф твердила все то же:

— Мы, правда, очень переживаем за вас обеих, Паула. Поэтому мы решили тебе помочь. Возможно, ты не сразу оценишь нашу помощь, но…

Паула обернулась и со всего размаху ударила Стеф по лицу, едва не свернув ей нижнюю челюсть. Стеф зажмурилась от боли, но не отступила и даже не ответила ударом на удар.

— Не смей больше приближаться к моей дочери! — рявкнула Паула.

Она решительно направилась к входной двери, таща за руку дочь, — Клэр едва успевала за ней. Паула распахнула дверь, вытолкнула дочку на улицу. Девочка не проронила ни звука.

И тут за спиной она услышала голос Стеф:

— Подожди минутку!

Женщина вынесла ей оставленные второпях вещи Клэр: рюкзак и CD-плеер.

— Ты когда-нибудь обязательно все поймешь, — пообещала Стеф. — Иисус скоро придет к тебе.

V

— Ты ведь христианка, верно? — спросила Паулу ее соседка по палате. — Я по твоему лицу сразу догадалась, что ты знаешь Божию благодать.

Паула и Эстер завтракали и беседовали о том о сем.

— Многие из больных такой формой рака, как у меня, умирают очень быстро, — рассказывала Эстер. — Мне повезло: Господь дал мне время со всеми проститься.

Ее рак сейчас находился в фазе ремиссии, но зато воспалился мочевой пузырь, поэтому врачам пришлось сделать ей капельницу и начать вводить антибиотики.

— А ты-то, молодая и красивая, как тут очутилась? Паула рассмеялась. Да уж, молодая, — ей уже тридцать шесть.

— Они всерьез думают, что я больна какой-то там болезнью, которую они называют ВЭ.

Эстер нахмурилась, стараясь расшифровать аббревиатуру.

— Даже и не знаю, то ли это надо понимать как «Врачебный энтузиазм», то ли как «Воображение эскулапов», — пошутила Паула.

— Знаешь, у меня тоже какой-то похожий диагноз. С этими врачами вообще ничего не поймешь!

В тех материалах, которые Пауле накануне вечером принес доктор Лауден, были иллюстрации, изображавшие структуру височных долей мозга. Специальные стрелки с комментариями указывали на наиболее значимые участки этой мозговой зоны: например, «мозжечковая миндалина отвечает за эмоциональное переживание событий и определение их личностной значимости» или «гиппокамп делит всю поступающую в мозг информацию на внешнюю и внутреннюю» и все в таком духе. К рисунку прилагалась таблица, в которой перечислялись наиболее явные симптомы болезни, которой, по мнению врачей, была больна Паула: повышенная возбудимость, религиозная фанатичность, вера в судьбу и в собственное высшее предназначение…

А еще зрительные галлюцинации, постоянное ощущение чужого присутствия.

«В результате гиперактивности ассиметрично функционирующих лобных долей головного мозга самоидентичность человека распадается надвое — каждое полушарие мозга как бы создает собственную проекцию личности. Доминирующее полушарие (как правило, левое) интерпретирует вторую часть собственной личности как другую личность. Характеристики этой личности зависят от того, какое

полушарие мозга более активно».

Паула не стала читать дальше, глубоко вздохнула и взглянула на своего постоянного спутника, видимого только ей. Тот стоял у стены и смотрел на нее. Заметив ее растерянность, он подмигнул ей и тихонько рассмеялся, мотнув при этом головой так, что челка упала на глаза.

Как она может в нем сомневаться? Нет в этом мире ни такой книги, ни такого человека, которые могли бы поколебать ее веру в него, причинив тем самым боль, сильнее которой она не в состоянии вообразить.

Паула решила не читать дальше. Если бы ее хранителя не было с ней, она, может быть, и впрямь поверила бы прочитанному, засомневалась в себе и отчаялась, но он был тут, и он помог ей в этом разобраться. Авторы статей, которые принес ей Лауден, перевернули все с ног на голову: перепутали причину и следствие. Конечно, мозг не может не реагировать, когда Бог входит в жизнь человека. Нейроны полушарий чувствуют Бога и отвечают ему, подобно тому как зрачки сокращаются при ярком свете.

— Паула? — вдруг услышала женщина чей-то голос. — Паула, с вами все в порядке?

Она очнулась от своих размышлений. У ее кровати стояла медсестра: она принесла пациентке лекарства. Поднос с завтраком куда-то делся. Неужели она так надолго выпала из реальности?

— Извините, я, похоже, задумалась, — объяснила Паула. Медсестра дала ей топамакс, проследила, чтобы больная его приняла, а потом, исполнив традиционный ритуал — измерив пульс, давление и температуру, — наконец удалилась.

— О чем это ты так задумалась? — поинтересовалась Эстер. Паула устроилась поудобнее на подушке и прикрыла глаза.

Ее хранитель снова сел на краешек кровати, стал растирать ее левую руку, массажировать сведенные судорогой пальцы.

— Я тут подумала, что когда Бог звонит тебе по телефону, не стоит долго размышлять над тем, откуда он знает твой номер, надо сразу брать трубку.

— Аминь, — сказала Эстер.

Доктор Лауден зашел к ней перед обедом вместе с доктором Геррхольц, эпидемиологом из ЦЭНа. Видимо, остальные врачи утратили к ней интерес.

— Мы решили еще раз сделать тебе томографию, — сообщил ей Лауден.

Бедняга, похоже, вообще не спал прошлой ночью.

— Может быть, Паула, ты хочешь кому-нибудь позвонить?

Известить семью?

— Нет, спасибо, — ответила Паула. — Я не хочу никого беспокоить.

— Мне кажется, тебе это пошло бы на пользу.

— Не волнуйтесь, доктор Лауден. Все в порядке. Лауден задумчиво поскреб в затылке.

— Паула, неужели тебе неинтересно, почему мы хотим еще раз сделать томографию? — спросил он после некоторой паузы.

Тут доктор Геррхольц посмотрела на него как-то неодобрительно.

Паула пожала плечами:

— И почему же?

Лауден недоуменно покачал головой — он, судя по всему, был разочарован ее равнодушием. Разговор продолжила доктор Геррхольц:

— Вы медик, Паула, поэтому мы будем с вами предельно откровенны.

— Спасибо.

— Мы пытаемся обнаружить в вашем мозге очаг воспаления. Нам кажется, это должна быть амилоидная язва. Вы знаете, что это такое?

Паула отрицательно мотнула головой, и доктор Геррхольц продолжила:

— Особые типы белков встраиваются в структуру амилоидных волокон, в результате чего клетки начинают разрушаться и возникает язва. Подобные образования имеются в мозговой ткани пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера, но есть и другие заболевания, которые имеют те же симптомы. Мы думаем, что причина ваших припадков как раз в этом. Другие признаки тоже на это указывают.

Значит, есть еще и другие? Ее ангел-хранитель прилег рядом с ней, взял ее за руку.

— Все понятно, — сказала Паула.

Лауден поднялся, собираясь уходить. Он выглядел довольно удрученным.

— Может быть, мы обо всем поговорим после томографии, доктор Геррхольц?

Но эпидемиолог уже не слушала его.

— Мы просмотрели базы данных, Паула, в поисках карточек пациентов, у которых наблюдались похожие симптомы, — тут ее интонация стала какой-то угрожающей, — и выяснили, что за последние три месяца около десятка таких больных поступили только в эту клинику. Неизвестно, сколько их по городу, сколько по всей стране. Если у вас возникнут хоть какие-нибудь догадки

насчет того, где и как вы могли заразиться, поделитесь с нами, я вас очень прошу.

— Непременно, — ответила Паула.

Доктор Геррхольц прищурилась. Она, похоже, хотела еще что-то сказать, может быть, даже обвинить ее в сокрытии важной информации, но потом отвела взгляд и вышла.

Эстер наблюдала за их беседой. После некоторого молчания она принялась утешать Паулу:

— Не переживай, дорогая! На самом деле от докторов тут ничего не зависит.

— Я и не переживаю, — сказала Паула.

Она впрямь была очень спокойна. Геррхольц ей явно не поверила, возможно, даже заподозрила, что Паула неспроста скрывает то, что знает. Впрочем, какая разница? Ведь это все — часть ее миссии, часть его замысла — все, даже доктор Геррхольц.

До самого обеда Паула ждала, когда ей сделают томографию. Она то засыпала, то просыпалась. Пару раз женщина внезапно приходила в себя и с ужасом понимала, что ее спутника нет в комнате. Но всякий раз он тут же появлялся, возникал из ниоткуда.

Санитары пришли за ней как раз тогда, когда медсестра принесла обед. Впрочем, Паула все равно была не голодна. Ее посадили в кресло-коляску и покатили к лифту. Постоянный спутник Паулы шел рядом, сосредоточенно уставясь на свои грязные босые ноги.

Санитары оставили ее у дверей лаборатории вместе с еще тремя пациентами: мертвенно-бледным стариком, латиноамериканской девочкой-подростком с загипсованной ногой и круглолицым молодым человеком лет двадцати. Старик спал, девочка играла в какую-то электронную игру, а юноша разглядывал потолок и безмятежно улыбался. Его губы едва заметно шевелились.

— Простите, — обратилась к нему Паула.

Он не сразу услышал ее. Наконец ей удалось привлечь его внимание.

— Простите, вы когда-нибудь были в желтом коттедже? Молодой человек удивленно посмотрел на нее.

— Ну, в таком доме, выкрашенном в желтый цвет снаружи и изнутри.

Он покачал головой.

— Мне очень жаль, но я не знаю, о чем вы говорите.

Ни одна из обитательниц желтого коттеджа никогда не предпринимала попыток спасти кого-нибудь из мужчин. Но проверить все-таки стоило. Значит, этот юноша был одним из

новообращенных, одним из тех, кто спасся благодаря Пауле. Значит, ее миссия выполнена.

— Можно еще вопрос? — спросила Паула, понизив голос. В общем, конечно, бояться тут было некого: старик крепко спал, девочка увлеклась своей игрой, — и все же осторожность не мешала. — С кем вы разговариваете?

Молодой человек взглянул на нее и усмехнулся:

— Да так, ни с кем.

— Вы можете доверять мне, — зашептала она, наклонившись к юноше. — Я тоже с некоторых пор не одна.

Парень вытаращился на нее:

— Неужели вас тоже преследует призрак?

— Призрак? Нет, это не…

— Моя мама умерла при родах, — объяснил он, — а недавно она явилась мне и с тех пор всюду ходит за мной.

Паула погладила юношу по плечу.

— Вы, наверно, не понимаете, что происходит?

Парню, наверное, действительно сложно разобраться в этом самостоятельно. Он ведь ни разу не был в желтом коттедже, не видел сестер, не говорил с ними. Естественно, бедолага придумывает какие придется объяснения для того, что видит.

— Это не призрак. Это Иисус Христос.

Парень рассмеялся так громко, что даже девочка на миг отвлеклась от своей игры и посмотрела на них.

— Мне кажется, я бы смог отличить собственную мать от Иисуса Христа, — заявил он довольно уверенно.

— Иисус просто предстал перед тобой в ее облике, — пыталась вразумить его Паула. — Он всем являет себя по-разному. Видимо, для тебя воплощением самой чистой и беззаветной любви является твоя мать: еще бы, ведь она пожертвовала собой ради тебя.

— Допустим, вы правы, — сказал молодой человек, слегка отстранившись от нее. — А каким видите его вы?

VI

Господь впервые явил себя Пауле ослепительной вспышкой, внезапно озарившей лобовое стекло автомобиля. От неожиданности Паула вскрикнула и ударила по тормозам. Ее миниатюрный «ниссан» едва не перевернулся, диски, лежавшие на переднем пассажирском сиденье, с грохотом упали на пол.

Потом был белый свет. Сплошной сияюще-белый свет. Она словно ослепла.

Машина остановилась прямо посреди перегруженной четырехполосной трассы, неподалеку от огромного универсама. Она, собственно, собиралась заехать в его задний двор, где стояли мусорные контейнеры, и наконец-то раз и навсегда избавиться от этих дурацких дисков.

Со всех сторон завизжали тормоза. Паула инстинктивно сжалась в комок, стиснула рычаг и зажмурилась. Свет не ослабевал. Внезапно раздался удар, «ниссан» резко бросило вперед, Паула повисла на ремне безопасности.

Когда она открыла глаза, сетчатка едва не воспламенилась от яркого горячего света. Обжигающие слезы потекли по щекам.

Женщина попыталась на ощупь отстегнуть ремень, руки дрожали и отказывались повиноваться. Наконец ей это все-таки удалось. С огромным трудом Паула переползла на пассажирское сиденье. Пластиковые футляры дисков беспощадно царапали колени и ладони.

Проклятые диски! Она нашла их спрятанными в шкафу Клэр. Девочка тогда была у отца: по решению суда ребенок жил по полмесяца с каждым из родителей. Прибирая ее вещи, Паула наткнулась на эти диски, спрятанные среди одеял и мягких игрушек. Многие футляры треснули, расплавились в огне, большинство дисков было вообще без футляров. На следующий день после ритуального пожара Паула застала дочку на пепелище, увела ее оттуда и строго-настрого запретила ей снова выходить во двор. Видимо, Клэр все-таки ослушалась ее, тайком пробралась туда, чтобы спасти те диски, что уцелели, прежде чем мусорщики приехали чистить их двор. Значит, ее собственная дочь вот уже несколько месяцев обманывала ее. Все это время Паула думала, что Клэр слушает обычную подростковую дребедень, а на самом деле в ее наушниках постоянно играла любимая музыка Ричарда: «Talking Heads», «Depeche Mode», «Pearl Jam», «Nirvana»…

Паула с трудом открыла дверь машины и буквально выпала на асфальт. Холодный мартовский ветер помог ей немного

прийти в себя. Она поднялась, прикрыла глаза рукой, но легче не стало. Вокруг был сплошной ослепительный свет. Ничего, кроме света. Она сделала пару шагов, ударилась обо что-то металлическое — видимо, тротуарное ограждение. Протянув руку, она попыталась нащупать его. Ледяной металл обжег пальцы. Справа кто-то громко ругался. Дикий шум машин сводил с ума.

Паула рухнула на колени прямо в дорожную грязь — джинсы тут же промокли насквозь. Женщина пригнулась и обхватила голову руками. Свет продолжал жечь ей затылок, ослепительным градом колотил по спине.

Этот свет уничтожит ее. Впрочем, она сама виновата, она заслужила такую кару.

Кто-то коснулся ее волос. Она вздрогнула в ужасе. Ей было очень страшно и очень стыдно. Она испытывала какой-то странный трепет почти экстатического свойства, впрочем, не имеющий ничего общего с любовными плотскими переживаниями. Паула задрожала и разрыдалась.

— Пощади! — взмолилась она. — Спаси и помилуй!

Она почувствовала, что рядом с ней кто-то стоит. Паула подняла голову и увидела его. Он появился из столпа света. Вернее, так: он сам и был свет. Свет в образе человеческом.

Она никогда не видела его, но сразу узнала.

Он взирал на нее — голубые глаза ласково смотрели на нее из-под светлой челки. Он улыбался только ей. Он был похож на Курта Кобейна.[145]

VII

— Я больше не буду принимать эти таблетки, — заявила Паула. Она старалась сохранять спокойствие.

Доктор Лауден подошел к ее кровати, справа от него встала доктор Геррхольц, держа в руках папку, огромную, как Ветхий и Новый Завет, вместе взятые. Никто из врачей даже не поздоровался с Эстер.

Хранитель Паулы, согнувшись, лежал на полу возле ее кровати. Он стал какой-то жалкий и полупрозрачный. Он пролежал там все утро, почти не шевелясь и даже не глядя на нее.

— Сейчас не время прекращать терапию, Паула, — сказал доктор Лауден.

Он придвинул стул к кровати, так что ножка стула пронзила ее хранителя. Врач упорно не хотел его замечать. Это вывело Паулу из себя. В ней опять закипел гнев. Она закрыла глаза и попыталась успокоиться.

— Я прошу вас прекратить давать мне это лекарство, — повторила она. — Вы не имеете права принудительно лечить меня таблетками, которые я отказываюсь принимать.

Лауден тяжело вздохнул.

— Паула, что происходит? Ты ведь никогда не была такой раньше!

— Вы меня плохо знали.

Он подпер голову руками, потом в задумчивости потер лоб. Каждый день в больницу прибывали все новые пациенты с теми же симптомами. Медсестры начинали поговаривать об эпидемии. Несчастный доктор, Мистер Хороший Специалист, вел войну с неведомым врагом, совсем не будучи готовым к этой войне.

— Так помоги же мне! — не выдержал он. — Объясни, что с тобой творится, скажи, что ты чувствуешь!

Паула уставилась в телевизор и молчала. Она вообще перестала выключать его в последнее время — он, правда, работал в основном без звука. Мелькающие картинки на экране отвлекали ее от грустных и тревожных мыслей о слабеющем хранителе — о том, что он все так же лежит на полу и его уже почти не видно.

И тут опять вмешалась доктор Геррхольц:

— Можно вопрос? Смею предположить, вы не хотите продолжать принимать лекарства, потому что перестали видеть своего воображаемого друга? Ведь так?

Паула бросила на нее гневный взгляд. Вот ведь сволочь. Она чуть не сказала ей это в лицо. Доктор Геррхольц смотрела на

пациентку спокойно и бесстрастно.

— Два дня назад в соседней больнице умерла одна ваша знакомая. Стефани Возниак. Она ведь ваша соседка? — продолжила она.

Неужели Стеф умерла? Паула не могла в это поверить. Потом невозмутимая доктор Геррхольц достала из своей необъятной папки какие-то снимки и положила их перед Паулой.

— А теперь взгляните на это.

Паула повиновалась почти автоматически. Снимки походили на картинки из учебников по биохимии. Это были микрофотографии тканевых клеток, слегка побуревших под воздействием какого-то химического вещества. Внутри каждой клетки виднелись темные сгустки.

— Видите черные пятна на клетках? На самом деле это узлы прионов, — пояснила Геррхольц. — По своей структуре они очень напоминают обычные белки, вместо которых они начинают функционировать, но если вы присмотритесь, то увидите, что прионы имеют неправильную форму.

Паула рассеянно глядела на фотографии. Руки сами собой перекладывали снимки, один за другим, и она покорно таращилась на них. На некоторых изображениях ткани совсем почернели от размножившихся прионов. Стеф такого явно не заслужила. Она всегда мечтала умереть достойно и упокоиться в соответствии с обычаями своей веры. Вместо этого врачи, похоже, разделали ее, как кролика, а останки запечатлели на этих снимках.

— Ну же, Паула, соберитесь с мыслями, — призывала ее доктор Геррхольц. — Вы должны знать, что если один белок мутирует, в этом нет ничего страшного. Но если этот белок находится в клетке головного мозга, возникает эффект конформационного каскада, мутация прогрессирует по принципу снежного кома.

Паула по-прежнему механически перекладывала снимки, она уже не видела изображений. Эпидемиолог продолжала вещать что-то про нуклеацию и кристаллизацию. Она несколько раз повторила, что в результате заболевания «мозг становится как губка», будто надеялась таким образом напугать Паулу.

Та давным-давно знала обо всем этом, причем наверняка знала гораздо больше, чем доктор Геррхольц. Женщина просто не имела ни малейшего желания прерывать врача. Прямо над головой выдающегося эпидемиолога современности на экране телевизора о чем-то возбужденно тараторила в микрофон молодая дикторша, у нее за спиной мигали маячки полицейских машин и неотложек.

— Паула, вы меня слышите?

Лицо доктора Геррхольц пылало гневом. Паула подумала, что она сама, должно быть, выглядела приблизительно так же, когда, бывало, ругалась с Ричардом или кричала на Клэр.

— В своей краткой лекции о заболеваниях мозга вы, кажется, забыли упомянуть коровье бешенство, — заметила Паула, — а также болезнь куру.

— Ты знаешь про куру? — удивился Лауден.

— Конечно знает, — ответила за пациентку доктор Геррхольц. — Она ведь наверняка была примерной студенткой.

Врач встала в изножье кровати и буквально нависла над Паулой.

— У болезни, от которой умерла Стефани, до сих пор нет названия. Мы полагаем, это особая разновидность куру. Ее тоже вызывает патогенный прион, в структуре которого, правда, еще наблюдается какая-то непонятная мутация. И насколько мы понимаем, эта форма заболевания неизлечима. Попав в организм, прионы заставляют все остальные белки функционировать по-своему. Понимаете, о чем я говорю, Паула?

Доктор Геррхольц, похоже, все еще надеялась, что ей удастся напугать чрезмерно скрытную пациентку. Неужели эта стерва всерьез надеялась, что перед лицом смерти Паула откажется от своей веры?

Диктор на экране теперь указывала на двух полицейских, которые опечатывали дверь дома и натягивали вокруг него желтую оградительную ленту, цвет которой удивительно гармонировал с цветом самого дома. Паулу теперь интересовало только одно: не добрались ли они и до Мэрили?

На вопрос доктора Геррхольц Паула ответила так:

— Да, я все понимаю. Это значит, что Бог есть идея, а идею не так-то легко истребить.

VIII

Паула тогда очень обрадовалась, когда наконец увидела перед собой желтый коттедж. До сих пор все вокруг плыло у нее перед глазами, и она шла на это ярко-желтое пятно, словно на маяк: теперь она понимала, почему дом выкрашен в такой цвет. После аварии на дороге зрение не вполне восстановилось: все было как в тумане, Паула видела ясно только самые яркие предметы. Новый знакомый вел ее по темным улицам, шел впереди, указывая дорогу, освещая ей путь своим нимбом.

Дверь открыла Стеф. Увидев слезы на глазах Паулы, она радостно вскрикнула и обняла ее.

— Наконец-то ты с нами, мы так долго этого ждали, — сказала она.

Потом Стеф тоже расплакалась.

— Прости меня, — обратилась к ней Паула. — Вы все меня простите, я понятия не имела…

Остальные обитательницы дома стали по одной подходить к ней, обнимать ее. Все они плакали. Только Мэрили не встала поприветствовать ее. Как и четыре месяца назад, она лежала на диване. Только на этот раз ее руки и ноги были крепко спеленуты, так что она напоминала какое-то умирающее насекомое. Паула присела перед ней, слегка коснулась своей щекой ее щеки и обратилась с традиционным приветствием: «Я тебя съем».

В тот день закончилась ее прежняя жизнь и началась жизнь новая.

Через некоторое время зрение восстановилось, но ее новообретенное божество не покинуло ее, наоборот, оно с каждым днем становилось все реальнее. В желтом коттедже Пауле объяснили, что отныне новый знакомый никогда ее не покинет. На следующий день она взяла больничный и почти целую неделю провела у соседок: то плакала, то смеялась, а иногда плакала и смеялась одновременно. Она без конца рассказывала всем о том, что произошло с ней в тот вечер на дороге, о том, как ей явился он, и стоило ему только улыбнуться, как она тут же осознала всю тщетность и пустоту своей прежней жизни.

Та Паула осталась в прошлом. Как она могла проводить выходные, глотая виски и какие-то таблетки и постоянно ругаясь с Ричардом? Как ей пришло в голову сжечь его музыкальную коллекцию?

Она набрала номер мужа и начала с того, что просто сказала:

— Извини меня.

— Что тебе нужно, Паула? — спросил Ричард недоверчиво. Он точно знал, что его бывшая жена никогда не использует фразу «извини меня» по назначению. Обычно извинение было лишь фигурой речи, при помощи которой Паула перебивала его в ежедневных ссорах, чтобы в очередной раз перейти в наступление.

— Со мной случилось чудо, — сообщила она.

Паула рассказала ему обо всем: о Стеф, об обитательницах желтого коттеджа, потом, опустив инцидент с первым причастием, перешла к описанию ночной аварии, ослепительного света и тех чувств, которые она испытала в тот момент. Она так тараторила, что иногда Ричард просил ее говорить помедленнее. Потом женщина рассказала ему про своего спасителя.

— Кто это был? — переспросил он, сперва решив, что Паула говорит о реальном человеке, ставшем свидетелем аварии.

Женщина опять принялась объяснять ему, кто ей явился в тот вечер.

В конце концов Ричард сделал собственный вывод из всего услышанного:

— Я думаю, будет лучше, если Клэр останется у меня еще на неделю.

— Что? Не-е-ет!

Пауле очень хотелось поскорее увидеть дочь, извиниться перед ней, пообещать исправиться. Она в отчаянии изо всех сил вцепилась в трубку. Ну почему Ричард ей не верит? Вечно он с ней спорит!

И в этот момент кто-то коснулся ее волос. Она обернулась. Его внимательные голубые глаза смотрели на нее. Под этим взглядом руки Паулы, бешено сжимавшие трубку, ослабили хватку.

Ее хранитель удивленно приподнял бровь. Он явно просил свою подопечную успокоиться.

Паула вздохнула. Потом еще раз. Обеспокоенный долгим молчанием в трубке, Ричард несколько раз назвал ее по имени.

— Я понимаю, что нам нужно многое исправить в наших отношениях, — сказала наконец Паула; нужные слова сами пришли ей в голову, ведь ее спаситель был с ней. — Я знаю, ты хочешь для Клэр только лучшего. Ты очень хороший отец.

И это была правда, хотя Пауле нелегко было ее признать. Она предпочитала считать Ричарда слабаком. Но даже если в этом ее убеждении была доля истины, с появлением Клэр Ричард понял, что должен стать сильным ради дочери, ведь она гораздо слабее его и о ней нужно заботиться. По мере того как Клэр взрослела, она все чаще принимала в спорах сторону отца. Супружеские

ссоры становились все серьезнее, хотя Пауле казалось, что она неизменно одерживает в них победы. Ей и в голову не приходило, что размазня Ричард может уйти от нее да еще и попытаться забрать у нее Клэр.

— Если ты думаешь, что сейчас нашей дочери лучше пожить у тебя, пусть остается, — разрешила Паула.

Это оказалось самым действенным способом заслужить доверие Ричарда.

В течение нескольких следующих недель Клэр оставалась у отца, а Паула только и делала, что общалась с обитательницами желтого коттеджа. В больнице старшая медсестра объявила ей выговор за долгое отсутствие на работе, но Пауле было все равно. Теперь ее подлинная жизнь протекала в желтом коттедже, среди его чудесных обитательниц. Дом самой Паулы словно стал частью их дома.

— У нас же еще столько свободного места, — часто повторяла Паула. — Надо рассказать всем о том, что мы знаем. Несправедливо держать правду в секрете, ведь в этом мире еще столько страдальцев!

Жительницы желтого коттеджа молча кивали в ответ. Они не то были и впрямь согласны с ней, не то просто не хотели спорить. Все они были спасены, причем в обстоятельствах гораздо более сложных и трагических, чем Паула. Они-то должны были знать, как дальше развивать их учение.

— В этом деле нельзя торопиться, — сказала ей как-то Стеф. — Этот драгоценный дар передается от женщины к женщине, от бабушки Мэрили ко всем нам. Ведь нельзя даровать хранителя кому угодно. Так как дело это очень ответственное, нам приходится тщательно выбирать последователей. Мы не имеем права наделять даром всех подряд.

— Но почему? — возмутилась Паула. — Не будь, например, у меня этого дара, я бы точно погибла. А ведь вокруг полно таких, как я, — наша вера могла бы спасти мир.

— Мы его и спасаем. Просто нельзя сделать это сразу, нужно действовать постепенно.

— Но ведь промедление стоит многих человеческих жизней, — настаивала Паула. — Должен же быть какой-то способ сделать так, чтобы наш дар вышел за пределы этого дома?

— Хочешь, я тебе кое-что покажу? — предложила в ответ Стеф.

Она подошла к книжному шкафу и достала с верхней полки огромную семейную Библию. Открыв ее на том развороте, где принято помещать генеалогическое древо, она дрожащей левой рукой протянула книгу Пауле.

— Имена, которые здесь перечислены, принадлежат твоим сестрам. Здесь записаны все, кого я знаю.

Разворот был заполнен именами. Список продолжался на нескольких последующих страницах. Всего там было более сотни имен.

— Как давно это продолжается? — спросила Паула, удивленно разглядывая Библию.

— Мать Мэрили приехала сюда в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Некоторые из перечисленных здесь женщин жили в этом доме какое-то время, а потом перебрались в другие места и основали собственные общины, вроде этой. Мы и сами уже не знаем, сколько наших последователей теперь в этой стране. Полный перечень их имен и точное количество никому неизвестны.

Стеф ободряюще улыбнулась.

— В общем, не думай, что нас так уж мало. Однако нам приходится быть осторожными. Мы встречаемся небольшими группами, совсем как первые христиане.

— Или как террористы, — горько усмехнулась Паула. Стеф посмотрела куда-то в сторону, видимо слушая, что ей скажет ее божественный спутник. Потом она кивнула и, судя по всему, повторила его слова:

— Вот именно. Террор — это ужас, но нет большего ужаса, чем ужас смертного перед Господом.

IX

Он разбудил ее в три часа ночи. Паула плохо соображала, что происходит, и только недоуменно хлопала глазами. Хранитель парил в воздухе возле ее кровати и был не слишком ясно виден: словно отражение в витрине.

Женщина заставила себя проснуться, присмотрелась к нему как следует, но это не слишком помогло: он по-прежнему был какой-то полупрозрачный.

— Что случилось? — спросила она.

Он предупреждающе поднес палец к губам и молча указал на кровать Эстер. Он явно чего-то ждал.

Паула встала с кровати и бесшумно направилась к шкафу, стоявшему в дальнем углу комнаты. Громко заскрипела дверца, Паула замерла: не хватало еще только разбудить Эстер! Однако соседка продолжала мерно посапывать.

Паула кое-как отыскала на нижней полке свою сумочку, поднесла ее к окну. В бумажнике среди визиток женщина нащупала пластиковый футляр, раскрыла его и осторожно, словно живую бабочку, положила на подоконник.

В свете, падающем из окна, ярко блеснул шприц.

Паула сжала пальцы в кулак, немного поразминала сведенную судорогой левую руку. В тусклом свете оказалось не так уж легко сразу попасть в вену: она, однако, справилась благодаря многолетнему медицинскому опыту. Ей было не впервой: она ощупала следы от предыдущих уколов на локтевом сгибе, потом подыскала подходящее место для новой инъекции, взяла шприц в правую руку и вколола иглу под кожу. Шприц начал медленно наполняться ее кровью.

Потом Паула на ощупь двинулась к кровати Эстер, пока не наткнулась на капельницу. Женщина по-прежнему мирно спала: ее губы были приоткрыты, и она слегка посапывала. Не было ничего легче, чем добавить кровь из шприца в содержимое капельницы.

Возможно, впрочем, в случае Эстер это уже не имело смысла. Спасителю обычно требовалось в среднем от трех до шести недель, чтобы дать о себе знать своей очередной избраннице.

Значит, новая подруга Паулы сможет обрести дар, только если ремиссия продолжится. Лишь в этом случае она поймет, что Бог — это не абстракция, не условность. Бог на самом деле есть.

Паула потянулась к трубке капельницы, но ее спутник остановил ее, тронув за руку. В замешательстве она опустила шприц. Женщина посмотрела на него, пытаясь понять, почему он

препятствует ей, но его было так плохо видно, что выражения лица она так и не рассмотрела.

Потом ее хранитель повернулся и прошел сквозь стену. Паула открыла дверь и вышла в освещенный коридор. Лампы были такие яркие, что она зажмурилась и не сразу разглядела его. Он жестом велел ей следовать за ним.

Теперь Паула точно знала, что чувствует человек, когда идет по болоту за блуждающим огоньком. В руке она сжимала шприц. Они поднялись по лестнице на другой этаж, повернули налево, потом еще раз налево. Какой-то санитар в голубом халате прошел в нескольких метрах от девушки, но она осталась незамеченной.

Не иначе Паула тоже стала невидимкой.

Ее спутник остановился перед какой-то дверью и посмотрел на свою подопечную. Это была одна из комнат отдыха для врачей, где те могли немного поспать, если дежурство проходило спокойно. «Нам сюда?» — вопросительно посмотрела она на хранителя. Он кивнул и показал на дверь еле видимой рукой.

Паула осторожно повернула ручку. Дверь оказалась не закрыта. Она медленно вошла.

В полоске света, проникавшего в комнату из коридора, женщина увидела фигуру под пледом на широкой кровати. Паула догадалась, кто это, по знакомой одежде: светлой шелковой блузке и клетчатой юбке до колен. Возле кровати стояли туфли, словно ожидая, когда их хозяйка снова впрыгнет в них и помчится спасать мир.

Паула оглянулась на своего спутника. «Неужели доктор Геррхольц?» — удивилась она. Неужели он и впрямь хочет спасения этой зануды?

Он поджал губы и слегка нахмурился, и Пауле стало стыдно. Кто она такая, чтобы оспаривать его волю? До знакомства со Стеф Паула была самой жалкой женщиной из ныне живущих. Каждый человек достоин спасения. В этом и состоял подлинный смысл великой миссии.

Доктор Геррхольц пошевелилась во сне, и свет из коридора осветил ее лицо. Паула занесла над ней иглу, готовясь нажать на поршень шприца. Дело обещало быть сложнее, чем с Эстер: остаться незамеченной могла инъекция в капельницу, но не укол. Женщина наверняка проснется. И наверняка закричит.

— Кто здесь? — сонно спросила доктор Геррхольц, открыв глаза и заслонив их от света рукой.

— Иисус скоро придет к тебе, — прошептала Паула и вонзила шприц ей в ногу.

X

Паула и Тоня стояли на краю ямы и отдыхали. Они копали давно и очень осторожно, вонзая лопаты не слишком глубоко в землю и все время перенося извлеченный грунт в задний дворик, чтобы не привлекать внимания соседей. Они работали в майках на холодном ветру, но все равно вспотели. Чем глубже делалась яма, тем жарче им становилось.

Работа была тяжелая, у Паулы отчаянно ныла спина. Они с самого утра рыли эту яму, таскали огромные камни, чтобы укрепить ее края. Паула добровольно взялась за эту работу: ей нужно было доказать всем, что она может быть полезной, что она работает не меньше остальных.

Из открытых окон дома доносились веселые голоса и смех: обитательницы коттеджа рассказывали друг другу какие-то истории, делились новостями. Паула копнула еще раз, потом воткнула лопату в землю и спросила подругу:

— Тоня, у тебя никогда не возникал вопрос, почему среди избранных нет мужчин?

Сама Паула в последнее время часто думала над этим и теперь решила спросить об этом у Тони — та была молода и более откровенна, чем другие жительницы желтого коттеджа.

Тоня взглянула на нее, потом рассеянно ковырнула землю лопатой.

— Таков обычай.

— Но как быть, например, с Донелом? Разве ты не хотела бы спасения для него?

Донел, двухлетний сын Тони, жил с ней в одной комнате и был всеобщим любимцем.

Тоня воткнула лопату в землю и облокотилась на нее.

— Я иногда думаю над этим… Но я ведь понимаю, что это не положено. Мужчинам нет места среди нас.

— Но, может быть, стоит найти для них место? — упорствовала Паула. — Я много читала об этом заболевании и об истории племени Мэрили. Веру можно распространять несколькими способами. Мы с тобой, например, смогли бы сами заняться миссионерской деятельностью и нести наш дар другим.

Тоня покачала головой:

— Мэрили говорит, мужчины опять все испортят. У них уже был шанс, но они им не воспользовались.

— Да, я знаю. В прошлый раз учение распространяли мужчины. Сейчас эту миссию взяли на себя женщины. Но мне кажется, это все-таки неправильно. Подумай о Донеле.

Сама Паула при этом, разумеется, думала о Ричарде.

— Давай-ка работать дальше, — сказала Тоня, дав понять, что разговор окончен.

Они продолжили копать. Ричард никак не шел у Паулы из головы. В последнее время он стал таким заботливым, таким ласковым с Клэр. Когда дочери исполнится четырнадцать, Паула обязательно приведет ее в общину. Но как быть с Ричардом? Если бы можно было сделать так, чтобы он разделил с ними их веру, их семья обязательно воссоединилась бы.

Через несколько минут под их лопатами зашуршала мешковина — женщины наконец докопались до того, что им было нужно. Смахнув землю с мешка, они кое-как подняли его из ямы и положили на деревянные носилки. Отдышавшись после тяжелой работы, подруги позвали остальных обитательниц дома.

В желтом коттедже собралось не менее семидесяти женщин, приехавших сюда из самых разных частей света, даже из Новой Зеландии. Все они, разумеется, прибыли не одни — в воздухе чувствовалось присутствие множества невидимых хранителей.

Восемь самых достойных служительниц культа взялись за носилки. Процессия очень медленно двинулась в сторону дома — многие из общины передвигались с большим трудом. Постоянное непосредственное общение с Господом невероятно истощало бренные человеческие тела — они сгорали, как свечки. Ранняя смерть Мэрили послужила тому дополнительным подтверждением. Однако каждая из присутствующих была готова ради своей веры на что угодно. В загробной жизни не будет ни боли, ни страданий.

Стеф запела что-то на языке Мэрили, прочие подхватили. Они пели на несколько голосов, некоторые знали слова, другие просто тихонько подпевали. Кто-то при этом плакал, кто-то смеялся, кто-то воздевал руки к небу, а кто-то шел молча — видимо, все вели себя так, как им велели хранители.

Дверной проем оказался слишком узким, так что на входе им пришлось немного наклонить носилки. В конце концов они оказались внутри, пронесли тело через кухню, где громоздилась посуда, ножи и разделочные доски, потом через столовую в гостиную. Там они положили мешок на стол посреди комнаты.

Паула начала снимать с тела мокрую загрубевшую мешковину — они обмыли покойницу, прежде чем Стеф огромным ножом сделала на ее теле ритуальный надрез. Терпкий запах имбиря и еще каких-то специй, которые принято было зашивать в мешки с мертвыми, быстро распространился по комнате.

Наконец Пауле удалось извлечь тело из мешка, и вот уже

Мэрили лежала перед ними — ее лицо искажала ужасная ухмылка. Губы отслоились от десен, обнажив зубы. Кожа на лице загрубела и приобрела странный блеск. Перед смертью Мэрили подробно рассказала им, как следует поступить с ее телом: умирающая велела набрать листьев, обернуть в них ее тело и положить его в мешок, добавив туда также папоротник и еще какие-то лесные травы. В таком саване она хотела предстать перед Господом.

Стеф встала у изголовья покойной, остальные тоже подошли и окружили стол. Самые старые и немощные расположились на полу возле стола, прочие встали вокруг, положив руки друг другу на плечи.

Стеф открыла большой деревянный ящик, похожий на футляр для инструментов, достала оттуда ножик, положила его на белоснежную салфетку рядом с головой Мэрили и сказала:

— Я, как и многие здесь присутствующие, имела честь быть на тризне по матери Мэрили, и именно там Мэрили рассказала нам историю, которую я сейчас поведаю вам. В племени форе, откуда происходила Мэрили, мужчины и женщины всегда жили отдельно. Когда кто-нибудь умирал, на тризне разрешено было присутствовать только женщинам и детям. И вот мужчин обуяла зависть, и они наслали на женщин страшное проклятие, которое назвали «куру», что на языке племени значит «трястись от страха». Белые миссионеры называли эту болезнь «смеющейся лихорадкой», потому что она обычно сопровождалась ужасными гримасами.

Повествуя, Стеф продолжала доставать из ящика инструменты: разделочные ножи, ножи для мяса, столовые ножи, вилки с серебряными зубцами.

— Бабушка Мэрили была еще совсем молода, когда в те края, где жило ее племя, прибыли первые белые: врачи, чиновники, миссионеры. Однажды какой-то священник велел всем членам ее племени выйти на берег реки и раздал им по кусочку хлеба. Он велел им обмакнуть хлеб в чашу с вином и повторил слова, которые Иисус сказал Своим ученикам на Тайной вечере: «Сие есть Тело Мое. Сия есть Кровь Моя».

Стеф взяла в руки нож с длинной ручкой и молча смотрела на него некоторое время, пытаясь совладать со своими чувствами. Потом она продолжила рассказ:

— Как только бабушка Мэрили проглотила хлеб, с ней случился припадок: нестерпимо яркий свет ослепил ее. Когда она пришла в себя, перед ней стоял маленький мальчик. Она подал ей руку и помог встать.

«Ты ведь Иисус Христос, верно?» — сразу узнала она его и

радостно ему улыбнулась. Но кроме нее, разумеется, его никто не видел, поэтому все сочли ее за сумасшедшую.

Собравшиеся засмеялись и закивали головами.

— Потом врачи решили, что причиной куру являются тризны, и запретили их. Но бабушка Мэрили точно знала, что древнее проклятие переродилось в ней, ведь ей явил Себя Сам Иисус Христос. Поэтому она велела своим дочерям после ее смерти соблюсти древний ритуал их племени. В ночь после ее смерти они провели тайную тризну, подобную нашей сегодняшней.

Стеф добралась до дна ящика и достала оттуда ножовку с остро заточенным лезвием. Инструмент был совсем новый — на голубой ручке виднелся наклеенный ценник.

— Так Тело Христово перешло от матери к дочерям, — подытожила Стеф. — Так оно было передано нам и живет теперь в нас. И благодаря Мэрили Христос сможет явить Себя еще многим нашим пока не обретенным сестрам.

— Аминь, — сказали женщины хором.

Стеф занесла ножовку над головой Мэрили и торжественно сказала:

— Мы делаем это во имя Его и во имя Мэрили.

XI

На громкий крик прибежал доктор Лауден.

— Если не прекратишь, мы будем вынуждены ввести успокоительное, — попробовал он урезонить Паулу, но резко отступил, потому что та попыталась наброситься на него. Наручники удержали ее.

— Верните мне его! — кричала она не своим голосом. — Верните немедленно!

Прошлой ночью они перевели ее в другую палату, без окон, и связали: ноги вместе, руки врозь. Потом они сделали ей капельницу, увеличив дозировку препаратов: две части топамакса на одну часть локсапина, сильного нейролептика.

Доктора Геррхольц экстренно госпитализировали и отправили в какую-то специализированную клинику в соседний город.

У дверей в палату Паулы круглосуточно дежурила охрана. Как-то раз к Пауле пришли полицейские. Они сказали, что прессе пока неизвестно ее имя, но это только вопрос времени. До средств массовой информации еще даже не дошли сведения о нападении на доктора Геррхольц: в данный момент журналисты пытались разобраться с тем, что именно происходило в желтом коттедже. Однако в статьях и передачах обо всех этих происшествиях то и дело начало мелькать слово «биотерроризм». Поэтому, скорее всего, Паулу придется перевести в полицейский изолятор.

Вводимые внутривенно препараты медленно делали свое дело — Паула чувствовала, что теряет своего хранителя. Она решила, что, если будет смотреть на него постоянно, он не исчезнет. Изо всех сил вытянув шею, она вглядывалась в очертания его фигуры: вот тень, в которой уже с трудом можно узнать его ногу в голубых джинсах, вот какое-то темное пятно на линолеуме, которое вполне могло бы быть следом его грязной босой ноги. Когда шея и спина затекали, она на время откидывалась на подушки передохнуть, потом принималась разглядывать его снова. Со временем видеть его становилось все сложнее. Через пару часов после того, как ей поставили капельницу, хранитель пропал. Лауден все еще пытался ей что-то объяснить:

— Это был фантом, Паула, иллюзия, вызванная спазмом сосудов в височном отделе мозга. В Канаде есть один ученый, который может провоцировать подобные видения при помощи воздействия на мозг электрическими импульсами. Ему это раз плюнуть. Пойми же, твое божество… его на самом деле не было.

Твои галлюцинации были вызваны серьезным заболеванием.

— Если ты не перестанешь пичкать меня этой отравой, — заорала на него Паула, — я сама найду способ сорвать эту чертову капельницу и задушу тебя ею!

— Это действительно очень серьезное заболевание, Паула, — не унимался Лауден. — Некоторые пациенты, как и ты, видят Иисуса Христа, другим являются ангелы, демоны, призраки, да кто угодно. Один индуист уверяет меня, будто с ним делит больничную койку сам Кришна.

Она опять постаралась сорвать с себя наручники, боль пронзила плечи. Паула стиснула зубы, челюсти свела судорога.

— Паула, тебе нужно успокоиться. Твои муж и дочь ждут внизу. Они хотят навестить тебя, прежде чем тебя переведут из больницы.

— Что? Нет, только не это.

Нельзя было допустить, чтобы они видели ее в таком состоянии. Ричард тогда сразу решит, что он был абсолютно прав насчет нее. А Клэр… Ей тринадцать, она только начинает взрослеть. Вряд ли стоит раз и навсегда портить ей жизнь таким вот свиданием. Потом девочка будет постоянно вспоминать эту встречу и думать, что ее мать — буйная сумасшедшая.

— Скажите им, чтобы они оставили меня в покое. Той Паулы, которую они знали, больше нет.

В то утро полицейские добрались до ее сумки, нашли там пачку поддельных водительских прав и социальных страховок. В результате у них возникли новые вопросы: как долго это продолжалось? Сколько у нее было соучастниц?

Они дали Пауле бумагу и карандаш и велели составить список имен. Она сидела и сосредоточенно рассматривала кончик графитового стержня. Ей вспомнилась недавно прочитанная книга по эпидемиологии, в которой говорилось, что углерод, в зависимости от структуры атомов, может быть либо графитом, либо алмазом. Теперь, начертав этим странным веществом на бумаге несколько букв, она могла одним махом выдать полиции несколько десятков своих сестер в вере.

Паула не знала, что ей делать. Она хотела бы попросить совета у своего хранителя, но тот уже почти совсем исчез.

— Слишком поздно, вам уже ничего не изменить, — сказала она полицейским. — Вы опоздали как минимум на полгода.

Она сломала карандаш пополам и запустила его обломками в полицейских. Те, должно быть, и не подозревали, что в них бросили почти что алмаз.

XII

Они называли себя миссионерками. Паула считала, такое название им очень подходит: у них была своя миссия, а их целью, как она шутила, являлась «трансмиссия этой миссии».

На первую и последнюю встречу группы миссионерок пришли восемнадцать женщин. Сначала Пауле удалось убедить Тоню и Розу, жительниц желтого коттеджа, в необходимости создания подобной группы, а потом они смогли вовлечь в это дело некоторых своих знакомых из других общин в Филадельфии, а те, в свою очередь, обратились за помощью к подругам из Нью-Йорка и Нью-Джерси. Некоторых из них Паула видела на тризне по Мэрили, но с большинством они были незнакомы. У кого-то из миссионерок, как и у Тони, были сыновья, которых они хотели посвятить в веру, но все миссионерки полагали, что уже наступило время распространить благую весть по всему миру.

Они встретились в ресторанчике «У Денни» на западной окраине города, там, где Стеф и прочие обитательницы желтого коттеджа не могли их увидеть.

— Мы имеем дело не с вирусом, — объясняла им Паула, — и не с бактерией. Это белок, чистая форма без содержания, — он не реагирует ни на антибиотики, ни на детергенты.[146] Из листа бумаги можно сделать кораблик, а можно лебедя. Точно так же простой белок, воспроизведенный миллионы раз, может вызвать болезнь куру, или губчатую энцефалопатию, или самого Спасителя. В теле Христовом сокрыта великая сила! — продолжала наставления Паула.

Все собравшиеся и сами прекрасно об этом знали: они присутствовали на тризнах и через причастие обрели спасение.

— Не меньшая сила сокрыта и в крови!

Она сумела сделать для каждой из миссионерок по два водительских удостоверения. Благодаря старым связям Розы это обошлось им не так уж дорого: всего по пятьдесят долларов за штуку.

— По этим удостоверениям вы будете сдавать кровь в донорских центрах. Скоро мы сможем достать еще документы. А когда у каждой из нас будет по четыре водительских удостоверения, мы станем сдавать кровь в два раза чаще.

Потом Паула подробно проинструктировала сестер, как отвечать на анкеты Красного Креста, какие витамины принимать и что есть, чтобы избежать анемии. Они договорились работать втайне от остальных: большинство их сестер по вере были еще не готовы к выполнению новой миссии и придерживались традиций,

не понимая, что таким образом они служат Богу лишь вполсилы.

Такой была, например, Стеф. Паула много раз спорила с ней, но так и не смогла ей ничего доказать. Паула любила Стеф и была ей многим обязана, но не могла больше оставаться в бездействии.

— Наша цель — сдавать кровь как можно чаще, — объясняла миссионеркам Паула. — Таким образом наша вера начнет распространяться по всему свету, причем так быстро, что уже ничто не сможет ее остановить.

Инкубационный период болезни напрямую зависел от количества вещества, поступившего в организм, так что чем больше донорской крови попадало в кровеносное русло, тем быстрее происходило обращение в истинную веру. Пауле на это потребовалось несколько месяцев. С некоторыми это может произойти даже через несколько лет.

— Но процесс обращения в истинную веру необратим, — обнадежила Паула. — Одна молекула в конце концов обязательно преобразит целый океан.

Женщина чувствовала поддержку соратниц. Все они были готовы на все ради спасения мира.

Больше они не будут встречаться — это слишком опасно. Впрочем, им это и не нужно. Миссионерки уже и так основали собственную общину внутри другой общины.

Прощаясь, сестры по очереди обнимали Паулу, а она говорила каждой: «Идите и размножайтесь!»

XIII

Лицо этой женщины сразу показалось Пауле смутно знакомым. Она даже приподняла голову, пытаясь рассмотреть посетительницу сквозь прутья решетки, когда заметила, что та идет к ее камере. Раньше Паулу вывозили из камеры в зал для судебных заседаний на инвалидной коляске, но в последнее время она могла уже только лежать, и ее перестали беспокоить — теперь все посетители сами приходили к ней. Посетители были всегда одни и те же: либо врачи, либо юристы. Эта женщина вроде бы не относилась ни к одной из этих категорий.

— Привет, Паула, — обратилась к узнице посетительница. — Я Эстер Уинн, помнишь меня?

— Ах да, Эстер. — Память вернулась к Пауле.

Конечно же, это была ее соседка по больничной палате. Христианка. Поэтому, видно, и решила, одна-единственная, навестить Паулу.

— Привет, Эстер.

Женщина постаралась выговорить эту фразу как можно яснее. С тех пор как они виделись, прошел год, — за это время состояние Паулы резко ухудшилось. Губы и челюсти отказывались повиноваться, руки дрожали и совершали самопроизвольные движения. Левая рука сейчас лежала на груди — почти так же, как у Мэрили при их первой встрече. Позвоночник согнулся почти пополам, так что теперь она могла лежать только на боку.

— Ты… — Тут из ее горла вырвался странный звук, похожий на сдавленный смех или икоту, диафрагма сама по себе сократилась, потом расслабилась. — Ты отлично выглядишь.

Охранник поставил перед решеткой стул, и Эстер села. У нее была модная стрижка и хорошая укладка, под безупречным макияжем кожа выглядела вполне здоровой.

— Я беспокоилась о тебе, — сказала Эстер. — Как тебе тут живется?

Паула попыталась улыбнуться.

— Не хуже, чем всякому особо опасному убийце.

Она отдавала себе отчет в том, что сделала. Миссионерки передали свою болезнь тысячам и сотням тысяч людей. Но что гораздо хуже, своей диверсией они абсолютно дискредитировали деятельность банков крови. На рынок, конечно, поступили новые прионовые фильтры, но до того, как это случилось, пришлось уничтожить миллионы литров крови. Это значило, как уверяли обвинители, что Паула несет косвенную ответственность за гибель миллионов пациентов, оставшихся без донорской крови.

Паула выдала им всех, кого смогла вспомнить. ФБР удалось найти восемнадцать первых миссионерок, но ко времени их ареста деятельность организации вполне могла продолжаться и без их участия. После того вечера в ресторане каждая из тех восемнадцати наверняка завербовала новых соратников, мужчин и женщин, и их имена Паула знать просто не могла. Общину оказалось не так просто уничтожить — она осталась жить, несмотря на преследования со стороны ФБР, эпидемиологических служб, всех спецслужб мира. Община ушла в подполье, чтобы там продолжать расти и развиваться. Между тем все новые и новые люди продолжали обретать своих хранителей. На молочном комбинате в Огайо одного из работников застали за тем, что он пытался подмешать собственную кровь в молоко. Во Флориде полиция арестовала женщину, которая вводила свою кровь курицам. Ущерб национальной экономике, нанесенный деятельностью Паулы, оценивался в миллиарды долларов. Что до морального ущерба, принесенного общественности, доведенной до паники и массовой паранойи, оценить его оказалось просто невозможно.

Эстер оглядела камеру Паулы.

— У тебя здесь совсем ничего нет. Может, принести тебе какие-нибудь книги или журналы? Мне сказали, тебе можно читать.

— Мне ничего не надо, — ответила Паула.

Для того чтобы читать, нужно держать голову неподвижно, а это сейчас у нее не очень получалось. Она целыми днями смотрела телевизор, чтобы вполне осознать, что натворила. Под окнами тюрьмы сотни новообращенных разбили палаточный лагерь: они пели гимны и молились за ее освобождение. И каждый день сюда же приходили сотни протестующих: они выкрикивали угрозы в ее адрес, швыряли камнями в ее сторонников, молились, чтобы она умерла. Наиболее буйных митингующих с обеих сторон регулярно арестовывала полиция.

Эстер нахмурилась:

— Я подумала, может, тебе принести Библию? Теперь Пауле и впрямь стало смешно.

— Зачем ты пришла, Эстер? Я вижу, как ты смотришь на меня. Тогда, в палате, ты смотрела на меня так же, думаешь, я не помню?

Паула собралась с силами и немного приподнялась на кровати. Эстер не была заражена — ей бы ни за что не разрешили прийти сюда без предварительной проверки. Но ее вера, похоже, была не слабее веры сестер Паулы по общине.

— Неужели это Христос велел тебе прийти сюда?

— Мне кажется, да. — Эстер нисколько не смутилась, услышав этот вопрос.

Паулу это почему-то разозлило. Между тем Эстер продолжала:

— Ты не должна проходить через все это одна. Даже здесь, после всего, что ты сделала, ты можешь надеяться на милость Божию. Господь простит тебя. Ты можешь обрести его здесь, если ты сама этого захочешь.

Паула уставилась на Эстер немигающим взглядом. «Если захочешь…» Да она только этого и хотела. Бог явил себя ей, обосновался среди клеток ее мозга, а потом его оттуда насильно изъяли. Теперь она даже не нуждалась в препаратах, чтобы не видеть его. На его месте осталась рваная рана, очертания которой были очертаниями фигуры Иисуса Христа. Эта рана зияла ужасной кромешной пустотой.

Бог был нужен ей больше, чем лекарства, чем алкоголь, чем даже Ричард и Клэр. Раньше ей казалось, она точно знает, что такое одиночество, но за последние месяцы она поняла, как заблуждалась. Больше всего на свете теперь ей хотелось уверовать в нового бога, опять ощутить великую любовь и милость.

Эстер встала к самой решетке и смотрела на Паулу через прутья — их лица теперь были совсем рядом.

— Паула, ты должна знать, что после смерти ты воскреснешь для жизни вечной!

Охранник велел Эстер отойти от решетки, но она не послушалась. Она протянула Пауле руку через решетку:

— Если ты хочешь, чтобы Бог был с тобой, возьми меня за руку, ну же!

— Не надо, Эстер… — Тут верхняя губа Паулы дернулась, обнажив десны. — Только жизни вечной мне не хватало.

Она откинулась на подушки, прижав здоровую руку к груди. На ее совести жизни миллионов людей. Есть преступления, которые нельзя прощать. Есть долги, которые нужно заплатить сполна.

— Я больше не играю в прятки, — сказала Паула и покачала головой. — Мне не нужны ни таблетки, ни божества. Все, чего я сейчас хочу… — тут она вдруг опять рассмеялась истерическим невеселым смехом, а когда спазм прошел, глубоко вздохнула и продолжила: —…это спокойно умереть.

Джек Скиллингстед
Купол [147]

«Бегуна» трясло из-за сильного встречного ветра. Борясь с желанием отключить автопилот, Кайли слегка наклонила штурвал, пустив машину в сторону тусклого зеленого сияния над Сиэтлом, вниз, под рассекаемую молниями завесу грозовых туч. Защитный Купол укрывал весь город и прибрежную зону залива Эллиот. Снаружи — бесплодное море и выжженные земли.

Кислотный дождь хлестал немилосердно, бушевал ураган. «Бегун» лег на крыло. Растущая на глазах громада Купола напоминала прозрачное зеленое желе.

Едва Кайли миновала защитный барьер, как яркий слепящий свет залил все вокруг. Пришлось активировать солнцезащитный экран, а заодно и выпустить тормозные лопасти. «Бегун» плюхнулся в воду и понесся в сторону причалов.

Окружающий пейзаж ничем не отличался от видов на старых фотографиях и кинопленках. Судя по расположению солнца, утро только занималось. Что ж, это к лучшему. Кайли сбросила скорость и мягко направила штурвал вниз от себя. «Бегун» послушно ушел под воду. Стало темно. Солнцезащитный экран был убран. Машина с легкостью разрезала толщу воды, оставляя за собой спирали жемчужных пузырьков, перекатывающихся по корпусу из плексигласа.

Больше в работу автопилота Кайли не вмешивалась, надеясь, что координаты заданы верно. Через несколько минут «Бегун» оказался у заброшенного пирса. Балласт был сброшен, и аппарат всплыл на поверхность, закачавшись, словно поплавок. Чуть подальше, у лестницы, девушка остановила его.

В наряде, выбранном для путешествия, стало жарко. Джинсы, черные кроссовки, кофта оливкового цвета и дождевик. Да здравствует городская Америка начала двадцать первого века: вылитая девчонка из Сиэтла.

Выключив двигатель, Кайли перевела кресло в нейтральное положение и открыла люк. Воздух был свежий и чистый, пахло морем. На северо-западном побережье Тихого океана царила осень. О сваи лениво плескалась вода.

Взобравшись по просмоленной, запачканной птичьим пометом лестнице, девушка замерла, потрясенная.

Этот город… Нетронутый, невредимый, раскинувшийся под чистым ясным небом… Она кожей ощущала тысячи и тысячи здешних жителей, их энергия, животворное начало заставляли

вскипать ее кровь. За свои девятнадцать лет Кайли не видела ничего подобного. Вот как все выглядело в последний день мира! И она здесь — чтобы уничтожить это.

Кайли навела на «Бегуна» пульт дистанционного управления: люк закрылся, аппарат погрузился под воду. Потом коснулась рукой кармана на молнии, нащупала лежащую там сферу: детонатор. Сердце бешено заколотилось.

«Что ж, я на месте», — подумала она.

Девушка двинулась вдоль берега, и обострившиеся чувства были подобны натянутым струнам. Шокировало количество прохожих вокруг. Мир погиб в субботу, девятого ноября две тысячи четвертого года. Перед глазами Кайли людей было больше, чем она видела за всю свою жизнь.

Она достала локатор и открыла панель. Устройство напоминало сотовые телефоны, какими тут все пользовались. Сигнал шел четкий. Пытаясь определить направление, Кайли медленно повернулась в сторону сверкающих небоскребов. Она стояла посреди набережной, и вокруг повсюду были люди. Так много людей… Кто-то совершает утреннюю пробежку, кто-то катится на скейтборде, кто-то прогуливается с семьей… Влюбленные парочки… Одинокие люди… Настоящий поток нес свои воды мимо Кайли в обоих направлениях. В небесах раздавались крики чаек, а у тротуара желающих прокатиться ждали лошади, запряженные в коляски. Сколько жизни! И запахи… насыщенные, многогранные… И множество машин… И всепоглощающий гул человеческих голосов… И буйство жизни… И все это смешано в непрерывном, бесконечном…

— Вам плохо?

Кайли вздрогнула от неожиданности. Высокий молодой человек в черной куртке участливо глядел на нее. Куртка пахла *кожей.* Невероятно.

— Извините, конечно, просто вид у вас… потерянный.

Не ответив, Кайли направилась через дорогу. В сторону сигнала. В сторону своей миссии. Внезапно загудела машина, девушка отпрянула и уронила локатор. Тот отскочил под ноги одной из лошадей. Кинувшись за ним, Кайли напугала животное, оно попятилось… О нет! Копыто опустилось прямо на прибор.

Как же теперь его достать?! Лошадь грозно мотала головой, недовольно фыркала, кричал возница… Кайли совсем забыла об опасности в отчаянной попытке вернуть локатор.

— Осторожно!

Парень в черной куртке оттащил ее назад и сам достал локатор. Нахмурившись, оглядел и протянул Кайли. Та схватила аппарат, потрясла, потыкала кнопки. Ничего. Дисплей треснул и

не подавал никаких признаков жизни.

— Очень жаль, — сказал молодой человек. Кайли не ответила.

— Правда, очень жаль. Она подняла голову:

— Вы не представляете. Понятия не имеете, насколько это скверно.

Парень поморщился в недоумении.

— У меня даже инструментов нет, — буркнула она. Не ему. Себе.

— Может, я…

Кайли побрела прочь. Но не через дорогу. Что толку? Локатор уже не помощник, и в технике она не разбиралась. Долететь на «Бегуне» и установить взрывчатку — вот и все умения. Настала пора плана «Б», которого нет. Значит, дело дрянь. Без локатора Ядро Цикла ни за что не найти.

Лошадь. Святые небеса…

— Дерьмо.

Она присела на каменную скамью рядом с фонтаном. Вода перекатывалась и сияла, как кусок фольги. Напрасно Кайли пыталась придумать новый план действий: это казалось непосильной задачей.

Лица коснулась тень. Девушка подняла голову, щурясь на солнце.

— Эй!

— Чего тебе? — спросила она у высокого парня в черной куртке.

— Подумал, может, хочешь мороженого.

— Чего?

— Мороженого. Ну, знаешь, «нежный, сливочный пломбир — вот что любит целый мир»?

У него было бледное лицо, и брови как будто подвели угольком, а на переносице Кайли заметила маленький шрам. В руках парень держал два вафельных рожка, каждый венчал круглый розовый шарик. Люди вокруг ходили с такими же штуками. Неподалеку красовалась вывеска «Мороженое».

— Неужели не любишь клубничное?

— Никогда не ела.

— Ну да, конечно.

— Ага, я вру. Иди. Мне надо подумать. Парень протянул один рожок:

— Хотя бы раз стоит попробовать, даже в прохладный день. Кайли знала, что такое мороженое. В старых фильмах герои ели его. Это доставляло им радость. Девушка взяла мороженое.

— Не против, если я присяду?

Кайли вновь проигнорировала его, вертя в руках вафельную трубочку, словно это был некий мистический артефакт. Парень сел рядом.

— Я Тоби.

— Действительно, розовое…

— Ну да. Э… предполагается, что ты будешь его лизать. Кайли посмотрела на него.

— Вот так, — показал Тоби на своем мороженом.

— Я знаю. Я не идиотка. — Она лизнула розовый шарик. Боже! Ее сердце возликовало. — Это…

— Ну, как?

— Бесподобно.

— Ты правда раньше не ела мороженого?

Кайли покачала головой, с жадностью поедая лакомство, она проглотила половину за жалкие секунды.

— В это едва ли можно поверить… Как тебя зовут? Дать платок? — Тоби показал на ее подбородок.

— Кайли. — Она взяла платок, вытерла подбородок и губы. Почувствовала, что объелась. Никогда не пробовала ничего настолько жирного и сладкого. Там, где она жила, подобного не существовало. Ее даже замутило.

— Мне пора. — Она поднялась. Тоби вскочил вслед за ней.

— Слушай, ты сказала, у тебя нет инструментов. Я… Ты знаешь, у меня есть. В смысле, я могу починить. Невелика важность, но мне это дело нравится, да и выходит у меня хорошо. Могу все что угодно починить. Наладонники, сотовые… Что угодно.

Кайли помахала локатором перед его носом:

— Ты даже не знаешь, что это такое.

— Мне и не нужно знать, чтобы оно снова заработало.

С сомнением она протянула Тоби устройство. Пока тот крутил его в руках, Кайли заметила Туриста в плотном черном пальто и вязаной синей шапочке, как у моряков. Он шел прямо на нее, пряча левую руку в кармане. Бесстрастный, решительный. Не человек.

Тоби заметил, что Кайли встревожилась, и проследил за ее взглядом:

— Знаешь этого типа?

Кайли бросилась бежать, не оборачиваясь, чтобы проверить, мчится ли Турист следом. Сердце прыгало как сумасшедшее, пока она проталкивалась сквозь толпу на набережной. Через минуту девушка сообразила, что забыла локатор у Тоби. Но было поздно. Черт с ним. Пусть оставит этот хлам себе.

Она бежала что есть сил. (Старик выбрал Кайли для миссии,

полагаясь как раз на ее молодость и здоровье — слишком много среди них было слабых и больных.) Но спустя какое-то время пришлось остановиться и отдышаться. Она огляделась. Ослепительная водная гладь. Город, само совершенство, превосходное творение, не умещающееся в рамки сознания, фантасмагория, лучше, чем в фильмах… Старик предпочитает называть это «мерзостью». Все равно, что там он говорит. Она здесь — ради матери, умирающей и горюющей по запертым в ловушке душам.

Кайли заметила еще двоих Туристов.

Нет. Троих.

Они приближались с разных сторон. Один уже переходил улицу, не обращая внимания на поток машин. Широкий шаг, нечеловеческий взгляд… Для Кайли в этой толчее он все равно что таракан среди зерен белого риса: столь же заметен.

Она приготовилась бежать, но прямо перед носом вдруг затормозила смешная желтая машинка. Водитель распахнул дверь и крикнул: «Садись!» Как ни странно, это был Тоби.

Покатый автомобильчик напомнил Кайли «Бегуна». Не раздумывая, он прыгнула внутрь, и Тоби выжал газ до упора. Турист скользнул пальцами по дверной ручке И повалился на асфальт, не удержавшись. Кайли посмотрела назад: двое других стояли и ждали, пока их товарищ поднимется. Резкий поворот — и девушку кинуло вбок. Начался крутой подъем. Тоби умудрялся одновременно держать руль, переключать передачи и выбирать радиостанцию. Поймав нечто громкое и несуразное, он заулыбался и довольно закивал головой в такт.

— Лучше пристегнись. Штрафуют только так. Кайли щелкнула ремнем безопасности.

— Спасибо, — сказала она. — Ты появился так внезапно…

— Пустяки. Что за ребята?

— Туристы.

— Ясно. Знаешь что?

— Что?

Вынув из кармана куртки локатор, он вручил его Кайли:

— Могу поклясться, я починю эту штуковину.

— Прямо душой клянешься?

— Почему бы и нет? — Тоби засмеялся.

Они заехали к нему домой — за необходимыми инструментами. Кайли ждала в машине. Часы там показывали одиннадцать сорок пять. Девушка выставила таймер на своем хронометре.

Еще двенадцать часов — и смена цикла.

В Бэллтауне[148] они зашли в кафе. Из динамиков под

потолком неслась все та же громкая несуразная музыка. На стенах висели картины местного художника: яростные, пестрые мазки, собачьи морды, лица мужчин и женщин, распахнутые рты.

Кайли была настороже: вдруг объявятся Туристы.

Тоби разложил свой рабочий арсенал подле чашки эспрессо и, вооружившись ювелирной лупой с подсветкой, склонился над локатором. Начинка устройства показалась ему весьма экзотичной. Куртка Тоби висела на спинке стула. Закатанные рукава черной толстовки обнажали волосатые руки. На правом запястье красовалась татуировка: терновый браслет.

Какое-то время молодой человек молчал, сосредоточенный на своих мыслях. Кайли допивала вторую чашку кофе и чувствовала себя королевой мира: какой пустяк — заказать и выпить еще одну чашечку великолепного эспрессо!

— Ну как? — спросила она наконец.

— Э… хм…

— Что?

— Не скажешь, что это такое?

— Тебе вроде знать не обязательно… Сам говорил.

— Говорил, но знать-то хочется… Хотя бы просвети, для чего нужна штуковина, ради которой я душой поклялся.

— Не всегда мы можем утолить любопытство, правда? К тому же я в души не верю. Просто так сказала.

А вот мама в души верит, вспомнилось Кайли. А Старик нет. Он все больше о зоопарках твердит.

— Смотрю, ты кофе потребляешь с катастрофической скоростью. Еще хочешь?

— Очень.

Тоби усмехнулся, вручил ей пару долларов. Кайли направилась к барной стойке, хотя в голове от эспрессо уже порядком шумело. Что за чудесное ощущение!..

— Это поисковое устройство, — все-таки сжалилась она над Тоби, когда вернулась за столик. — Локатор.

— Да? И что же он ищет?

— Ядро Цикла.

— О, ну тогда понятно. А не уточнишь немного?

— Механизм пришельцев. Генерирует особое поле вокруг города и держит его в шестнадцатичасовой временной петле.

— Вопросов больше нет.

— Теперь починишь?

— Секундочку. Последняя деталь. Кайли отхлебнула эспрессо:

— Валяй.

— Где источник питания? Не вижу ничего, хотя бы отдаленно

напоминающего аккумулятор.

Кайли наклонила голову, почти касаясь лба Тоби, и ткнула мизинцем:

— Полагаю, вот эта завитушка.

Молодой человек недоверчиво хмыкнул. Кайли, и не думавшая отодвигаться, вдыхала его запах, запах его кожи. Тоби поднял взгляд от затейливых внутренностей локатора. Глаза у него были светло-голубые. Ирисовые радужки, окаймленные черным.

— Странная ты девчонка.

— Согласна.

— Люблю таких.

— Там, откуда я родом, почти все мужчины импотенты, — брякнула вдруг Кайли.

— Да ну? Она кивнула.

— А откуда ты? С Запада?

— С западной окраины ада.

— Почему-то я не удивлен.

Она вдруг поцеловала его, бездумно, порывисто… В крови кипел коктейль из кофеина и застоявшихся феромонов. Потом откинулась на спинку стула, отерла губы ладонью и сердито буркнула:

— Лучше бы ты этого не делал.

— Ах, я!

— Просто почини локатор, ладно?

— Ты точно с приветом, — покачал Тоби головой и потянулся за отверткой с лезвием не толще паучьей лапки.

Чуть позже, когда Кайли вернулась из туалетной комнаты, он уже собрал устройство и колдовал над сенсорной панелью. Даже нашел кнопку включения. Двухдюймовый экран озарился холодным голубым светом.

Кайли тут же забрала локатор и активировала координатную сетку. Объект обнаружился без промедлений — замигала сигнальная точка.

— Ну как, работает? — спросил Тоби.

— Да. — Девушка на миг задумалась, потом добавила: — Прокатимся. Я укажу дорогу.

Так и поступили.

Круглая желтая машинка Кайли очень нравилась: чувствовались роскошь и практичность одновременно. Следя за направлением по локатору, она говорила Тоби, куда ехать. После доброй дюжины неверных поворотов и двух с половиной миль на счетчике пробега Кайли наконец заявила:

— Останови. Нет. Езжай, но медленно.

Сколько манипуляций… Сцепление, тормоз, переключатель передач… И все для того, чтобы машина тронулась с места. Они не спеша покатили по Первой авеню. Миновали давно закрытый магазин с вывеской секс-шопа. Запыленные стеклянные витрины, изнутри оклеенные грубой коричневой бумагой. У входа околачивались двое в дешевых деловых костюмах. Туристы.

Кайли сползла по сиденью:

— Не смотри на них. Просто проезжай мимо.

— Как скажешь.

Потом они ели сэндвичи под монорельсовым виадуком. Как же все тут было здорово! Кофе, еда, даже воздух… Блаженство. Кайли с трудом верила, что может быть так хорошо. Было. Пока не исчезло навсегда.

— Что ж, — сказала она скорее самой себе, — им известно, что я здесь. Потому Ядро и охраняют.

— Вот негодяи.

— Знай ты, кто они такие, не смеялся бы.

— Тянут на продавцов подержанных машин.

— Это Туристы, — сказала Кайли.

— Господь Всемогущий! Снова они!

Кайли набила рот сэндвичем. Откусила слишком много, ну и пусть. Вкус был бесподобный: лук, сыр, индейка, горчица, перец… Настоящий наркотик.

— И откуда понаехали эти злобные туристы? Из Калифорнии?

— Из другого измерения.

— Я и говорю: из Калифорнии.

Хронометр Кайли подал сигнал. Десять часов до смены цикла. В маленькой желтой машинке собралось много запахов. И один из них — запах Тоби.

— У тебя есть еще татуировки?

— Есть одна. На…

— Не рассказывай.

— Ладно…

— Лучше покажи. Только не здесь. Поедем туда, где ты живешь.

— Ты хочешь ко мне?

— К тебе. Да.

— Ну хорошо, чудик. — Он улыбнулся. И Кайли тоже. Бесценное время… И снова запищал хронометр, где-то среди одежды, сваленной на деревянном полу.

Тоби, поднявшийся к холодильнику за грейпфрутовым соком, спросил:

— Что с твоими часами?

— Обратный отсчет, — ответила Кайли, разглядывая его тело.

— Перед чем?

— Перед завершением нынешнего цикла. Перед концом петли. Тоби стал пить из бутылки; кадык задвигался под кожей.

Кайли получала удовольствие, наблюдая. Вот закончил пить, закрутил крышку…

— Петля, ну надо же… — Покачав головой, он поставил бутылку обратно в холодильник. Снова мелькнула его вторая татуировка: крест в лучах света на левой лопатке.

— Тебе ведь креста своего не видно, — сказала Кайли. Тоби лег рядом.

— Зачем мне его видеть. Я знаю, что он там. Прикрывает тылы.

— Ты католик?

— Нет.

— Моя мама католичка.

— А мне просто симпатичен Иисус, — сказал Тоби.

— Кто из нас еще чудик.

— Уж точно не я.

Кайли поцеловала его, но ласки продолжить не позволила, мягко отстранилась:

— Отвези меня в одно место.

— Куда?

— В дом моей бабушки. — Она имела в виду, конечно, прабабушку, но не решилась пуститься в объяснения, сколько минуло времени снаружи Купола.

— Прямо сейчас?

— Да.

Белый дом в Куин-Энн-Хилл[149] стоял на улице, засаженной раскидистыми дубами. Солидный, каркасный… И по соседству такие же, уютные и красивые. Кайли прижалась носом к пассажирскому окну «жука», как называл Тоби свой автомобильчик.

— Это здесь. Останови.

Тоби подъехал к тротуару, выключил двигатель. Кайли переводила взгляд с выцветшей фотографии в руках на дом. Мать ее матери сделала снимок всего за несколько недель до конца света: прадедушка и прабабушка Кайли стоят, обнявшись, на веранде, машут руками и улыбаются.

Сейчас на веранде никого не было.

— Всю жизнь я глядела на эту фотографию… И вот он, настоящий.

— Ты здесь ни разу не была?

Кайли покачала головой. Одновременно подал сигнал хронометр.

— Как там с нашим отсчетом? — спросил Тоби.

— Восемь часов.

— А что случится в полночь?

— Все начнется заново. Конец — это начало. Он рассмеялся. Кайли — нет.

— Выходит, начнется воскресенье. Так? А потом пойдет отсчет до понедельника?

— Нет, не воскресенье. Повторится тот же самый день.

— Две субботы? Неплохо.

— Не две субботы. Одна. В очередной раз девятое ноября начнется. А потом снова оно. И так без конца.

— Ну, раз ты говоришь…

— Можешь смотреть на меня так, сколько влезет. Мне все равно, веришь ты или нет. Только знаешь что?

— Что?

— Сегодня очень хороший день. Правда, хороший.

— Это девятое ноября для тебя.

Кайли улыбнулась, поцеловала его. Вкус губ, чувства, запахи… Ощущения захлестнули новой волной.

— Пойду погляжу на моих стариков.

Кайли вышла из машины, миновала лужайку, усыпанную яркой осенней листвой, поднялась на веранду, обернулась посмотреть, не уехал ли Тоби, ждет ли в своем желтом автомобиле. Ее друг. Ее возлюбленный.

У двери она остановилась, не решаясь постучать. В доме раздавалась громкая музыка, смеялись люди. Кайли огляделась. Оранжевый лист, игриво подхваченный ветром, слетел с ветки и, кружась, опустился на траву. Небо сияло чистой, студеной синевой. Позже сгустятся тучи, пойдет дождь. Кайли знала о сегодняшнем дне все. С малолетства ей рассказывали эти истории. Последний день мира. Великолепно сохранившийся экспонат для инопланетных Туристов и ученых. Некоторые считали произошедшее трагической случайностью: иной разум создал трещину в пространстве, что разрушило материю реальности Земли. Кайли же думала, что все дело во внезапности. Не было ни оккупации, ни захватнических армий. Они пришли, уничтожая все вокруг, намеренно или без злого умысла… Выживших не замечали вовсе. Купол — вот единственное, что их интересовало в отношении бывших хозяев планеты.

Но это уже прошлое. История. Сейчас Кайли волновало другое. Зная об этом дне все, она никогда не задумывалась, каким он был на самом деле, не догадывалась о его сути, чувственном

наполнении, непередаваемой красоте и жизнеутверждающей цельности. Все ее существо вдруг пронзил пульс чистого восхищения и на миг посетило истинное, безграничное счастье.

Она постучала.

— Да? — Женщина за пятьдесят, блестящие зеленые глаза, мягкие морщины вокруг рта — улыбчивая. Как и дом, она словно картинка, которая вдруг ожила. Будто бабушка вновь показывает Кайли выцветшую, потрепанную карточку.

— Здравствуйте.

— Вы что-то хотели? — спросила живая фотография.

— Нет. То есть я бы хотела узнать у вас кое-что. Как же знакомо это выражение ожидания на лице!

— Хотела спросить, как вам сегодняшний день. Нравится он вам? Действительно ли он для вас хороший?

Удивленный поворот головы, неуверенная улыбка, надежда, что вопрос без подвоха, а девушка на пороге опасности не представляет.

— Это опрос, — поспешила заверить Кайли, — школьное задание.

Показался мужчина лет шестидесяти.

— Что тут? — взглянул на гостью поверх очков.

— Опрос счастья, — рассмеялась прабабушка Кайли.

— Ах, опрос счастья. — Он обнял жену за плечи и добродушно притянул к себе.

— Да, для школы, — кивнула Кайли.

— Что ж, я счастлив и доволен, как слон, — заулыбался прадедушка.

— О, я тоже слон, — подхватила супруга, — весьма довольный.

— Спасибо.

— Да не за что. Боже, деточка, у вас такое знакомое лицо.

— У вас тоже. До свидания.

Сев в машину, Кайли взяла Тоби за руку. На Окраинах был один паренек. Бессильный, как и все мужчины там, но ему нравилось проводить с Кайли время и прикасаться к ней. И он не был против смотреть с нею фильмы, от которых Старик, например, становился угрюмым и злым. Руки у того паренька всегда оставались холодными и бесстрастными. И не его была вина. Лучший свой вечер они провели в полуразваленном доме у костра, который поддерживали обломками мебели. С собой у них был томик стихов, так что они читали друг другу по очереди.

Смысл большинства строк оставался для Кайли загадкой, но ей нравилось, как звучали слова, как складывались в предложения необычным порядком. Снаружи бушевал

нескончаемый шторм, исполинские молнии разрезали небо, озаряли вспышками одинокую, почему-то уютную комнатку с костром посредине.

Здесь, в желтой машинке, рукопожатие Тоби было теплым. Дружеским, глубоко личным. Сокровенным.

— Ну, как там?

— Они счастливы.

— Здорово. Куда теперь? Кайли посмотрела на него:

— Если бы ты знал, что сегодня последний день твоей жизни, что бы стал делать?

— Нашел бы чудаковатую девчонку и занялся с ней любовью.

Они поцеловались.

— А еще?

— Э…

— Учти, из Сиэтла ты уехать не можешь.

— Почему?

— Потому что ты застрял под Защитным Куполом во временной петле. Кажется, что люди свободно перемещаются за пределы города, но на самом деле это не так.

Тоби приблизил к ней лицо, посмотрел пристально, пытаясь понять, в какую игру она играет. Потом усмехнулся:

— Не хотел бы я, чтобы такое и впрямь случилось.

— Я тоже.

— А сама бы ты чем занялась в свой последний день?

— Нашла бы чудаковатого парня, который чинит все подряд. Пусть бы и меня починил.

— Ты же не сломана.

— Сломана.

— В самом деле?

— Давай покатаемся. Устроим пир. Отведаем самое лучшее, что только можно представить.

— Идея хорошая.

— А потом к тебе.

— А как же отсчет?

— Да черт с ним. — Кайли отключила таймер. — Все. Нет отсчета.

— Пиццу любишь?

— Не знаю. Что это?

Кайли задремала на широкой низкой кровати Тоби. Она не привыкла к такому количеству сильных эмоций, к обильной еде и питью, к любовным ласкам.

Звук падающей с неба воды… Вздрогнув, Кайли открыла глаза, не в силах припомнить только что увиденное во сне. Шел дождь, но как он отличался от нескончаемых ядовитых ливней ее

мира! Уличный свет бросал зыбкую, текучую тень на изножье кровати. Кайли вспомнила сияющий фонтан на набережной. Как уютно здесь, в полумраке спальни… Спокойно. Безопасно. Часы на тумбочке возле кровати Кайли проигнорировала: лучше не знать, когда все закончится.

Она села. Тоби, в одних джинсах, за своим столом рассматривал что-то под прямым и очень ярким лучом ювелирной лампы. На стене, помещенный в рамку, висел постер какого-то фильма.

— Привет, — сказала Кайли.

Резко обернувшись, Тоби улыбнулся в ответ:

— А вот и ты. Как спалось?

— Пить хочется.

Он поднялся и достал из холодильника начатую бутылку с водой. Кайли заметила на его столе разобранный локатор.

— Это больше не понадобится, — показала она на устройство.

— Просто любопытство одолело. Я соберу обратно, ты не волнуйся.

— Да забудь. — Она откинулась на подушки и закрыла глаза.

— Кайли?

— Мм?

— Кто ты? На самом деле.

— Твоя девчонка с приветом.

— Помимо того. Она открыла глаза:

— Пожалуйста, не порть все.

— О чем ты?

— Об этом. О нас. О нашем вечере. Только это и важно.

В окно барабанил дождь. Он будет идти всю ночь, долгий, очищающий. Вода, которую никому не собрать и не выпить, — вода с неба.

Тоби стянул джинсы и скользнул к ней под простыню. Его горячее тело действовало на Кайли, словно магнитное поле. Она прижалась щекой к его груди. Сердце Тоби билось тихо и ровно.

— Все просто замечательно, — прошептала она.

— Да. — Похоже, Тоби не был так уверен в этом.

— Что не так?

— Ничего, только… Довольно быстро. Тебе не кажется, что нам бы стоило побольше узнать друг о друге?

— Зачем? Важно только то, что сейчас.

— Да, но все же… Я имею в виду, чем ты занимаешься? Где живешь? И прочие элементарные вещи. Ну и вещи посложнее, например, веришь ли ты в Господа Бога и за кого голосовала на выборах?

— Хочу под дождь. Долго бродить под дождем. Промокнуть до нитки, чтобы вода заливала лицо. И не бояться заболеть.

— Что это значит?

— Ты все портишь. Прошу, пусть каждая секунда будет наполнена счастьем. Давай сделаем так, чтобы этот день нам хотелось проживать снова и снова.

— Я не хочу проживать снова и снова ни один день.

— Тогда пойдем гулять.

— Что за спешка?

Кайли вскочила и начала одеваться, повернувшись к Тоби спиной.

— Не сходи с ума.

— Я и не схожу.

— Нет, сходишь.

Она обернулась, застегивая кофту:

— Не интересно твое мнение.

— Извини.

— Ты готов прошляпить самый важный день в своей жизни.

— Не ношу шляпы.

— Неужели даже не хотелось, чтобы у нас была любовь?! Неуверенный смешок:

— Да я как зовут тебя не знаю!

— Все ты знаешь. Кайли.

— А фамилия?

— Какая разница!

— Для меня большая, — сказал Тоби. — Потому что ты мне не безразлична.

Покончив с кофтой, Кайли уселась на край кровати надеть кроссовки.

— Это просто слова. Тебе же все про меня нужно знать. Всю подноготную. Только так возможно будущее. Не живется тебе спокойно и счастливо даже один-единственный день!

— Ты просто Хемингуэй в юбке.

— Не знаю, о чем ты, и знать не желаю. — Кайли застегнула дождевик.

— Куда собралась?

— Я говорила, что хочу прогуляться.

— Ах да. Кажется, я пропустил мимо ушей. Прошляпил. Кайли с силой хлопнула дверью.

И вот рыжеватый, как мякоть тыквы, свет уличного фонаря. Мысли в беспорядке, душа в смятении. Лицо поднято к небу: по щекам стекают капли дождя. Смотрит ли он из окна? А его сердце? Разрывается ли на куски? Кайли стояла и ждала. В такой момент положено выбегать за девушкой, хватать в объятия,

осыпать поцелуями и без конца повторять, что любишь, любишь, любишь, любишь… Тоби не выбежал.

Шахматный порядок перемежающихся друг с другом освещенных и темных окон. Кайли даже не смогла бы точно сказать, какие из них — окна Тоби.

Он не вышел. Момент был испорчен.

Мимо с шумом прокатил автобус. За стеклами — безучастные, бледные лица пассажиров. Кайли натянула поглубже капюшон и побрела прочь. Дождь, пусть и не ядовитый, был холодным и, честно говоря, неприятным. На мокром тротуаре — размытые огни неоновых реклам: словно пестрые мазки на палитре художника. Рука в кармане касалась сферы-взрывателя. Можно было бы направиться прямиком к тому магазинчику с бумагой на окнах. Даже если Туристы попытаются остановить ее, у Кайли есть шанс попасть внутрь и уничтожить Ядро Цикла. Этого ждет ее мать, ждет Старик. Но вдруг Кайли схватят? Если она останется под Куполом до конца очередного цикла, то навсегда сделается пленницей временной петли. Это было бы невыносимо, учитывая обстоятельства с Тоби. Она не знала, который час. *Который.* Надо вернуться к «Бегуну». И гори оно все.

Внезапный гудок автомобиля раздался прямо за спиной. Вздрогнув, Кайли обернулась. Низкая широкая машина, водитель перегнулся через пассажирское кресло. Скользкая неприятная ухмылка:

— Эй, прокатимся?

— Нет.

— Ну и к черту тебя, дура! — Он заржал, и машина с оглушительным ревом умчалась.

Кайли прибавила шагу. Шла, не разбирая дороги. Улицы путались перед глазами. Она заблудилась, и подступил страх. Настоящая паника. Почему он не выбежал, чтобы извиниться и любить до конца дней? Все не так, как в тех мелодрамах. Реальность оказалась совсем, совсем другой. Есть много похожих деталей, но в целом… Возможно, мама была права. Однако Кайли не верит в души. Так не лучше ли один и тот же день проживать бесконечно? Чем вообще не жить? Разве не лучше?!

«К черту тебя, дура».

Она повернулась и побежала наугад обратно. Сначала ей казалось, что она не найдет дом Тоби. Но ей повезло: вот он, а вот и сам Тоби — выходит на улицу, застегивает куртку. Он заметил ее, и Кайли ринулась навстречу. Ни один из них не планировал подобного, каждый поступал по наитию… Случайность. Сцена внезапной встречи и счастливый финал: оставшееся время будет замечательным. Чудесное время после

воссоединения.

Выходит, страданиям и радостям положено смешиваться. Невзгоды лишь делают счастье ярче. Кайли подбежала к Тоби и обняла со всей силой, вдыхая крепкий запах мокрой кожи.

— Ты вышел за мной, — прошептала она. Тоби промолчал.

— За мной…

— Да.

Сердце Кайли трепетно сжалось.

— Это самый лучший из дней, — выдохнула она.

— Я бы сказал, на семерку с половиной.

— Ты ничего не понимаешь. Ты заполучил свою чокнутую девчонку и заодно спас целый мир.

— Ну, раз так… Тогда день явно тянет на девять баллов. Идем. Куплю тебе кофе, и ты расскажешь про своих туристов из пятого измерения.

— А который час? Тоби взглянул на часы:

— Пять минут одиннадцатого.

— Не хочу кофе, — замотала головой Кайли. — Отвезешь меня куда-нибудь, где красиво?

— Без проблем.

Город расстилался перед ними. Чернели воды залива Эллиот. Дождь шуршал по крыше желтого автомобильчика. Время от времени щелкала система охлаждения двигателя, словно замедленный таймер. Передние сиденья сулили мало удобств, но Кайли и Тоби это не беспокоило: ее голова покоилась на его груди, и было очень уютно. Тоби включил радио, но на этот раз выбрал волну джаза — лучшее дополнение к дождю. Разговор шел тихий, доверительный, только для двоих. Из рассказов мамы и бабушки Кайли сложила выдуманную жизнь и подарила ее Тоби. Тот называл ее чудиком — так он выражал обожание — и строил их общие планы на завтра. Кайли без колебаний принимала это будущее, это сокровище, оставаясь в сиюминутном, проживая полно, впитывая без остатка момент, сладостный миг настоящего. Счастливый, счастливый конец. Позже огни Сиэтла будто потускнели, потонули в ночной темноте. Кайли сомкнула веки, все еще сжимая в руках сферу-детонатор. Мысли, сознание немедленно поглотил сон, словно мрачный, плотный кокон.

Едва Кайли миновала защитный барьер, как яркий слепящий свет залил все вокруг.

Паоло Бачигалупи
Человек с желтой карточкой [150]

Блеск мачете, горящий склад. Пылают коробки с джутом, тамариндом и сжатыми пружинами. Всюду эти люди: зеленые повязки на головах, окровавленные лезвия, яростные лозунги… Их крики эхом разлетаются над улицами. Первый Сын убит. Телефон жены не отвечает. Лица дочерей… Превращены в кашу, похожи на лопнувшие гнилые плоды.

Пожар усиливается. Отовсюду валит черный дым. Тран бежит по складским помещениям, мимо офисов, мимо тиковых корпусов вычислительных машин с ножными приводами, мимо груд пепла, оставшихся от сожженных документов с именами тех, кто субсидировал «Три-Просперитис».

Легкие едва справляются с жаром и дымом. Ворвавшись в собственный офис, Тран бросается к решетчатым жалюзи, дрожащими руками нащупывает медные задвижки. Склад горит, за спиной — толпа смуглых людей уже ломится в двери, размахивая липкими от крови мачете… Он просыпается, тяжело дыша.

Жесткий угол ступени давит в спину. На лице — чья-то липкая, потная нога. Тран скидывает ее. Влажная от жары кожа блестит в темноте — только так и различишь шевелящиеся вокруг тела. Они толкаются, пускают газы, охают, переворачиваются с одного бока на другой… Плоть к плоти, кость к кости. Живые и задушенные жарой. Вповалку.

Кто-то кашляет и харкает мокротой рядом с лицом Трана. Тело его слиплось с чужими — голыми и потными. Он изо всех сил сопротивляется клаустрофобии. Лежи спокойно, дыши глубже, забудь о жаре. И пусть разум в смятении — ты выжил посреди духоты и мрака.

Он не смыкает глаз, пока другие спят. В нем еще теплится жизнь, тогда как остальные уже подобны мертвецам. Он принуждает себя лежать тихо и слушать.

Сигналы велосипедных звонков. Внизу, далеко, за тысячи тел отсюда, на расстоянии в целую жизнь… Кто-то едет на велосипеде и сигналит. Значит, надо поторапливаться. Тран высвобождается из-под массы переплетенной человеческой плоти, вытягивает за собой тряпичный мешок со всем своим скарбом. Похоже, он опаздывает. А ведь именно сегодня этого нельзя делать. Закинув рюкзак на костлявое плечо, он начинает спускаться по лестнице, ищет путь в каскаде спящих тел… Переставляет ноги между

семьями, любовниками, скрюченными голодными полупризраками, желающими ему оступиться и сломать себе шею… Шаг — на ощупь, шаг — на ощупь.

Вслед несутся проклятия. На лестничной площадке, среди счастливчиков, спящих в горизонтальном положении, Тран переводит дух и снова пускается «вброд». Ниже, ниже, минуя повороты, по ковру из тел соотечественников… Шаг — на ощупь, шаг — на ощупь. Еще поворот. Внизу — серый просвет. Свежий воздух уже ласкает лицо. Свалка безымянной плоти редеет, теперь можно разглядеть, что это мужчины и женщины растянулись на глухой лестнице; их подушки — грязный бетон. Серый свет становится золотым. Велосипедные звоночки бренчат все ближе. Звук такой чистый, как сигнал об эпидемии цибискоза.

Из плена высотки — на запруженную людьми улицу. Здесь торговцы вареным рисом, ткачи конопляных изделий, развозчики картофеля. Тран опирается ладонями о колени и тяжело дышит, благодарный за каждый вдох, пусть и наполненный уличной пылью и запахом утоптанных нечистот. По спине струится пот. Соленые хрустальные капли падают с кончика носа, усеивают влажными точками красную брусчатку. Жара убивает людей. Убивает стариков. Но пекло позади; он выбрался, не превратился в жаркое, хотя сезон засухи в самом разгаре.

Поток велосипедистов напоминает стаю карпов; люди спешат на работу. За Траном — тень высотки. Сорок этажей нестерпимой духоты, лестничных изгибов и гнили. Выбитые окна, разграбленные квартиры. Останки былого величия времен экспансии. Теперь это гроб, жаровой шкаф. Ни электричества, ни систем кондиционирования… Никакой защиты от слепящего тропического солнца. Бангкок загнал всех беженцев под самое небо и желает, чтобы они оставались там. Но Тран все еще жив. Он вновь спустился с небес на землю, несмотря на Навозного Короля, «белые рубашки» и преклонный возраст.

Он распрямляет спину. Лавочники помешивают лапшу в котелках и снимают пароварки, полные баоцзы,[151] с бамбуковых поддонов. От высокобелковой каши из серого риса «Ю-Текс» тянет порченой рыбой и маслами жирных кислот. Желудок Трана сжимается от голода, и вязкая слюна наполняет рот — единственная реакция, на которую способно его обезвоженное тело. Чеширцы, эти воришки, снуют под ногами у торговцев, как акулы, надеясь перехватить кусочек-другой. Их быстрые мерцающие силуэты-хамелеоны шныряют тут и там: цвет хаки, потом окрас сиамских кошек, затем — рыжие полосы… После они окончательно сливаются с бетоном и толпой голодных людей, их конкурентов.

Метановые горелки подсвечивают зеленым кипящие котелки; те жарко бурлят, источают новые ароматы, едва лапша попадает в кипящее масло. Тран заставляет себя отвернуться.

Он пробирается сквозь плотную толпу с рюкзаком за спиной, не смотрит, кого задел, не слышит, что кричат ему вслед. Калеки, ютящиеся у дверей, шевелят изувеченными конечностями, просят милостыню. Мужчины горбятся на табуретах, глядя на знойное марево, и по очереди затягиваются крохотными самокрутками из листьев желтого табака, найденных на мусорных отвалах. Женщины сбились в кучки и тихо переговариваются, сжимают в пальцах желтые карточки, на случай, если явятся «белые рубашки» для проверки регистрации.

Всюду, насколько хватает глаз — люди с желтыми карточками: целая раса переселенцев, бежавших из Малайзии в Таиланд. Для «белых рубашек» из министерства среды — это лишь очередная эпидемия, вроде вызванных цибискозом или ржавчинными грибами. В одном ряду с нашествием популяции генно-модифицированного долгоносика. И методы борьбы — соответствующие.

Желтые карточки, желтые люди. *Хуан жэнъ*[152] заполонили все пространство вокруг. И шанс покинуть пределы этой безликой толпы может быть вновь упущен. Тот единственный за многие месяцы шанс для беженца-китайца — для человека с желтой карточкой. Неужели слишком поздно? Тран сталкивается с продавцом крыс, и запах жареной плоти вызывает новый ком густой слюны во рту. Чуть дальше по улице — водяной насос. Тран останавливается там, пытается отдышаться.

К насосу выстроилась очередь — старики, молодые женщины, матери с детьми.

Тран чувствует, как подкашиваются ноги. Он придерживается рукой за стену дома. Если бы у него были силы — если бы он наелся вчера досыта, или хотя бы пару дней назад, — он завыл бы зверем и запинал бы свой рюкзак до состояния мочалки. Но калорий слишком мало. Очередная возможность ускользнет легко, как песок сквозь пальцы, и не заметишь. Проклятая лестница! Не надо было жалеть, надо было отдать Навозному Королю последний бат, чтобы получить место рядом с окнами, выходящими на восток. Смог бы встать раньше.

Но ведь это единственная монета! Возможно, единственный шанс на будущее. Как часто твердил он своим сыновьям: чтобы делать деньги, следует их тратить! Но пугливый беженец с желтой карточкой, которым он стал, счел благоразумным придержать оставшийся бат. Словно последняя крыса, он припрятал добро, сэкономив на ночлеге. А ведь должен был, как

тигр, бросить вызов «белым рубашкам» с их дубинками, несмотря на комендантский час! Теперь что же… Он опаздывает, стоит, насквозь пропитанный вонью лестницы, а впереди еще десять человек, каждый из которых напьется, почистит зубы и наполнит ведро мутной водой из реки Чао Прайя, прежде чем подойдет очередь Трана.

Было время, когда он требовал пунктуальности от своих подчиненных, собственной жены и сыновей, от наложниц, но тогда у него имелись великолепные наручные часы, так что он мог положиться на точный ход стрелок. Время от времени он подводил механизм, вслушивался в сладкое тиканье и бранил сыновей за праздное отношение к обязанностям.

Не стань он такой развалиной, безмозглой и медлительной, он все предусмотрел бы. Бунт «зеленых повязок» тоже. И когда только его мозг превратился в труху?

Один за другим люди в очереди завершают свои утренние омовения. Женщина с беззубым ртом и серыми наростами *фа гань* за ушами наполняет ведро и уступает место Трану.

Ведра у него нет. Только мешок. Бесценная ноша. Он кладет его перед собой и посильнее запахивает саронг на костлявых бедрах, прежде чем опуститься на корточки под насос. Иссушенной рукой берется за рычаг. Мощный бурый поток воды обрушивается на его тело. Речная благодать. Под ее напором кожа Трана провисает складками, как у лысой кошки. Он раскрывает рот и глотает не очищенную от песка воду, трет зубы пальцем, подспудно размышляя, какую инфекцию может сейчас подхватить. Не важно. Он надеется на лучшее. Все, что остается.

Дети наблюдают за Траном, пока их матери роются в кучах манговой кожуры и шкурок тамариндов с наклейками «Чистых Калорий» и «РедСтар» в надежде найти кусочки фруктов без цибискозных пятен, lllmt.6… Или это 111 mt.7? А может, mt.8? Когда-то Тран мог определить по пятнам конкретный вид цибискоза, которым заражен продукт. Он был способен предсказать, погибнет ли урожай, знал, испорчен ли семенной фонд нового. Своим успехом он был обязан этому знанию: клиперы Трана пускались в плавание, груженные только здоровыми семенами и «чистыми» продуктами питания. Но все это было вечность назад.

Трясущимися руками он раскрывает мешок и достает одежду. Откуда эта дрожь? Возраст или волнение? Чистая одежда. Дорогая. Белоснежный льняной костюм богача.

Вещь не всегда принадлежала Трану, но, завладев ею, он бережно хранил ее. Как раз для такого случая. Не продал, когда положение было особенно отчаянным, не надел, когда тело

прикрывали лохмотья…

Балансируя на одной ноге, он натягивает брюки; торопливо застегивает рубашку. Внутренний голос подгоняет, твердит, что время уходит.

— Собираешься продать? Будешь расхаживать тут, пока кто-нибудь с достаточным количеством мяса на костях у тебя его не купит?

Тран поднимает взгляд — хотя нужды нет, ему знаком этот голос. И все равно смотрит, не может удержаться. Прежде он был тигром. Теперь — запуганная мышка, которая шарахается в тень при первом признаке опасности. И вот перед ним Ма. Сияющий, раскормленный, пышущий здоровьем, с ухмылкой на лице.

— Смотришься, как манекен в «Палаван Плаза».

— Не знаю. Для меня там слишком дорого. — Тран продолжает одеваться.

— Да? А костюм как из бутика. Где взял? Тран молчит.

— Да брось, кого тут дурачить? Размер больше твоего раз в десять!

— Не всем же быть толстыми и везучими, — шепчет Тран.

Он что, всегда шептал? Всегда был размазней, крысиной падалью, едва ворочающей языком и кряхтящей при малейшем усилии?! Вроде бы нет. Но слишком тяжело помнить, каким должен быть рык настоящего тигра. Он повторяет, пытаясь совладать с голосом:

— Не всем же быть везучими, как Ма Пин, который живет в пентхаусе, под боком у самого Навозного Короля.

Это не рык. Это шорох тростника.

— Везучими? — Ма хохочет. Такой молодой. Такой самодовольный. — Я заслужил. Не ты ли мне всегда говорил, что удача и успех — это разные вещи? Что люди сами творят свою судьбу?

Он снова смеется.

— А на тебя посмотреть… Тран сжимает зубы:

— Да те, кто лучше тебя, — пали. Все тот же жалкий шепот.

— А те, кто лучше тебя, — вознеслись.

Пальцы Ма пробегают по запястью, касаются часов, прекрасного золотого хронометра, старинного, с бриллиантами. Это «Ролекс». Ушедшее время… Другое место, другой мир. Оцепенев, Тран смотрит на часы, словно впавшая в транс змея. И не может отвести взгляда.

Ма лениво улыбается.

— Что, нравятся? Нашел в одной антикварной лавке. Где-то мы их уже видели, правда?

Тран вскипает от злости. Хочет ответить, но оставляет эту

идею. Время не ждет. Покончив с пуговицами, он надевает пиджак. Поправляет редкие пряди на голове. Расческа не помешала бы… Тран морщится. Глупо желать большего. Костюма достаточно. Он надеется.

Ма насмешливо хмыкает:

— Теперь ты вылитый Мистер Важная Шишка.

«Не обращай внимания», — велит внутренний голос. Тран достает свой последний бат из мешка, злосчастную монету, из-за которой он теперь и опаздывает, и опускает ее в карман.

— Вижу, торопишься. У тебя встреча?

Тран спешит прочь, стараясь не выдать волнения, пока обходит тушу Ма.

Тот кричит ему вслед:

— Куда намылился, Мистер Важная Шишка? Мистер Три-Просперитис! Есть чем поделиться с остальными?

Окружающие оборачиваются на крики. Голодные желтые лица. Голодные рты. Куда ни глянь — люди с желтыми карточками. И все они таращатся на Трана. Выжившие. Мужчины. Женщины. Дети. Все вдруг узнают его. Ведь он легенда. Другая одежда, издевки Ма — и вот он внезапно восстает из пепла забвения. Чтобы попасть под настоящий шквал насмешек:

— Эй! Мистер Три-Просперитис! Шикарные тряпки!

— Огонька не найдется, Мистер Важная Шишка?

— Куда разоделся?

— Женитесь?

— Десятую наложницу берете?

— Никак на работу?

— Мистер Важная Шишка! Для меня местечка не найдется?

— Куда торопишься? Прежняя конторка еще фурычит?

У Трана горит шея. Он пытается избавиться от накатившего волной страха. К счастью, даже если они и увяжутся следом, шансы не на их стороне. Впервые за полгода он чувствует уверенность — у него есть опыт и знания. Это большое преимущество. Лишь бы хватило времени.

Он проталкивается сквозь утреннюю толчею Бангкока. Мимо едут велосипеды, рикши, заводные скутеры. Тран обливается потом. Дорогая рубашка промокла насквозь, даже пиджак уже влажный. Он снимает его. Седые волосы липнут к покрытой старческими пятнами коже. Он то и дело останавливается, переводит дыхание; ноют щиколотки, изношенное сердце бешено стучит в груди, подступает одышка.

Придется на пресловутый бат нанять велорикшу. Но Тран никак не может решиться. Вдруг он уже опоздал? В таком случае

деньги будут потрачены впустую, и Тран останется без ужина. А с другой стороны, какой толк от потерявшего вид, пропитанного потом костюма?

Одежда делает человека, повторял он сыновьям. Первое впечатление — самое важное. Начни достойно — и ты в фаворитах. Кого-то обойдешь благодаря знаниям и опыту, но люди — это прежде всего животные. Презентабельная внешность. Дорогой запах. Пусть останутся довольны первым впечатлением. После, заполучив их благосклонность, делай предложение.

Не потому ли Тран поколотил Второго Сына, когда тот притащился домой с татуированным красным тигром на плече, как у пищевых гангстеров? Не потому ли заказал дочери каучуковые скобы из Сингапура, чтобы ее зубы были прямые и острые?

«И не потому ли малайзийские «зеленые повязки» ненавидели нас, китайцев? Потому что мы хорошо выглядели? Выглядели дорого? Говорили грамотно и работали до седьмого пота, пока они слонялись без дела?»

Тран глядит вслед группе заводных скутеров, прошмыгнувших мимо. Все они собраны на заводах китайцев Таиланда. Гениальные, быстроходные изобретения — сжатая пружина в мегаджоуль, маховик, педали и фрикционная муфта для выработки кинетической энергии. Их производство под полным контролем чаочжоу.[153] А ведь в жилах Таиланда нет ни капли крови этой этнической группы. Тем не менее чаочжоу прижились здесь, хотя и прибыли в Королевство как *фаранги*.[154]

«Если бы мы ассимилировались в Малайзии, как чаочжоу в Таиланде, выжили бы мы?»

Тран гонит прочь эту мысль. Невозможно. Его семье пришлось бы принять ислам, предкам нашлось бы место только в мусульмайском аду. Нет-нет. Возможно, такова карма его соотечественников — быть уничтоженными. Вознестись до небес, покорить города Пенанга и Малакки,[155] всего западного побережья Малайзийского полуострова. Познать короткий век славы и погибнуть.

Одежда делает человека. Или убивает его. Теперь Тран понимает. Белоснежный, шитый на заказ костюм от братьев Хван — это только тряпка. Старинный золотой механизм на запястье не стоит ничего, если лишен главного назначения — привлекать внимание. До сих пор ли, думает Тран, безупречные зубы Первого Сына лежат среди пепла складов компании «Три-Просперитис»? А великолепные часы Второго Сына… Теперь они привлекают разве что акул и крабов: остались навеки на дне океана вместе с затопленными клиперами.

Он должен был предвидеть, не упустить момент, когда взъярилась жаждущая крови подпольная секта националистов. Так же как и человек, за которым Тран шел два месяца назад, должен был понимать, что костюм его не спасет. Человек в дорогой одежде, причем владелец желтой карточки… Ему следовало знать, что он лишь кусок мясистой наживки перед мордой комодского дракона. По крайней мере, этот идиот не запачкал кровью свой дорогущий костюм, когда «белые рубашки» разделались с ним. Определенно он был лишен способности к выживанию и, видимо, забыл, что больше не является Мистером Важная Шишка.

Но Тран — способный ученик. Как прежде он досконально изучал статистику приливов и карты глубин, мировые рынки и биоинженерные разработки в области эпидемиологии, схемы повышения прибыли и бухгалтерские книги, так теперь перенимает повадки чеширцев, этих котов-дьяволов, исчезающих при первой же опасности. Учится у ворон и коршунов, прочно обосновавшихся на свалке. Эти животные подают отличный пример выживания. Трану необходимо подавить в себе рефлексы тигра. Тигры остались только в зоопарках. Тигр — это всегда повод для охоты. Но у мелкого зверя, рыщущего среди отбросов, есть все шансы обглодать тушу большой полосатой кошки и уйти с костюмом от братьев Хван — последним из Малайзии. Семья Хван уничтожена, склады с тканями сожжены, не осталось ничего, кроме воспоминаний, антиквариата и одного нищего старика, которому одинаково хорошо известны сильные и слабые стороны безупречного внешнего вида.

Свободный велорикша вопросительно глядит на Трана, привлеченный контрастом дорогого костюма и тщедушного тела. Старик неуверенно поднимает руку. Рикша притормаживает.

Оправдан ли риск? Так легкомысленно потратить последние деньги?

Во времена величия он без колебаний отправлял целые флотилии с пахучим дурианом[156] к порту Мадраса просто из предположения, что индийцам не успеть вырастить новый вирусоустойчивый урожай, прежде чем очередная мутация ржавчинных грибов погубит его. Или на всякий случай скупал черный чай и сандаловое дерево у речных жителей северной Малайзии для торговли на южном побережье. Теперь же он даже не в состоянии решить, — идти ему пешком или нанять рикшу. Жалкое подобие человека! Голодный призрак, застрявший среди миров, не способный сделать выбор, чтобы избежать незавидной участи…

Рикша катится по инерции, ожидая решения; голубая майка,

мокрая от пота, блестит под тропическим солнцем. Тран жестом указывает в сторону. Рикша ставит ноги на педали и проезжает мимо. По мозолистым пяткам хлопают сандалии.

Трана вдруг охватывает паника. Он бежит следом, машет рукой.

— Стойте! — Снова шепот.

Рикша теряется в толпе, среди велосипедов и огромных неуклюжих фигур мегадонтов. Тран безвольно роняет руку, испытывая смутную радость, что его не услышали, что решение о судьбе последнего бата было принято не им, но некими более могущественными силами.

Плотным потоком вокруг — утренняя толчея. Сотни ребятишек в матросках спешат к школьным воротам. Монахи в одеждах цвета шафрана прогуливаются, укрываясь от солнца широкими черными зонтами. Человек в шляпе пристально смотрит на Трана и перешептывается со своим приятелем. Оба внимательно изучают его. Страх струйками сбегает по спине старика.

Они повсюду, как в Малакке. По привычке он зовет их чужаками, фарангами. Хотя и сам он здесь чужой; ему тут не место. И они это знают. Женщины, развешивающие саронги на балконах, босые мужчины, потягивающие кофе с сахаром, торговцы рыбой и карри. Все они знают, что он чужак, и это внушает Трану бесконтрольный ужас.

Бангкок — это не Малакка, повторяет он себе. Это не Пенанг. У нас нет жен; и золотых часов — тоже. Нет и торговых флотилий, чтобы воровать. Спросите у змееголовов, нелегально переправивших меня в болотистые джунгли на границе. Я отдал им все мое добро. У меня ничего не осталось. Я не тигр. И тут я в безопасности.

На пару секунд Тран даже верит в это. Но потом смуглый мальчишка отсекает верхушку кокосового ореха ржавым мачете и с улыбкой протягивает ему. Едва не закричав, Тран бежит прочь.

Бангкок это не Малакка. Здешние люди не станут жечь склады и превращать твоих служащих в груды акульей наживки. Тран отирает потное лицо. Стоило повременить с костюмом. Слишком много внимания. Безопаснее котом-дьяволом шмыгать по городу, чем вышагивать тут, как павлин.

Постепенно ряды стройных пальм вдоль улиц сменяет открытое пространство квартала иностранцев. Тран торопится к реке, вступает на территорию промышленной империи белых фарангов.

Гвейло, ян гуйцзы, фаранг. Столько названий на стольких языках для потных обезьян с бледной кожей. Два поколения

назад, когда мировые запасы нефти исчерпали себя и заводы *гвейло* обанкротились, все вздохнули с облегчением — белые оставили эти земли и их жителей в покое. Теперь же они вернулись. Монстры из прошлого. Вооруженные новыми игрушками и передовыми технологиями. Герои страшных историй на ночь, которыми пугала Трана мать, вновь наводнили азиатское побережье. Сущие дьяволы. Бессмертные.

И он собирается на них работать: на старых знакомцев из «Агро-Гена» и «Чистых Калорий», монополистов в производстве риса «Ю-Текс» и высококалорийной пшеницы. Благодаря их инвестициям биоинженеры, вдохновившись детскими сказками, создали котов-дьяволов и пустили по всему миру плодиться и множиться. Это их щедрому спонсорству обязана полиция по охране интеллектуальной собственности, не раз фрахтовавшая клиперы Трана для патрульных рейдов. Эти магнаты словно волки охотились на каждую неучтенную калорию, на каждое генно-модифицированное зерно без лицензии… Будто созданных в их же лабораториях бесчисленных штаммов цибискоза и ржавчинных грибов было недостаточно для поддержания высоких прибылей…

Тран хмурится: впереди толпа. Следует поторопиться, но он принуждает себя идти шагом — бег требует слишком много ценных калорий. Настоящая живая цепь выстроилась перед заводом белых дьяволов — братьев Тэннисон. Она тянется почти на ли,[157] огибает угол, минует литые чугунные ворота «Сухумвит Рисеч Корпорэйшн» с велосипедной шестеренкой на логотипе, сплетенных драконов восточноазиатского отделения «Чистых Калорий», здание компании «Мисимото энд К⁰», специализирующейся на гидроаэродинамике; сюда однажды обратился Тран за проектом для клиперов.

Мисимото, как говорят, вовсю использует труд дарум,[158] нелегально созданных существ, едва умеющих говорить, покачивающихся из стороны в сторону при движении и питающихся рисом, как настоящие люди. По слухам, у них нет ног, чтобы не сбежали, восемь рук, как у индуистских богов, и огромные, с блюдца, глаза, которые видят едва ли дальше нескольких футов и придают дарумам чрезвычайно любознательный вид. Впрочем, доказать достоверность слухов нельзя, и даже если «белые рубашки» в курсе, то умные японцы платят им достаточно, чтобы не афишировать свое преступление против природы и религии. В конце концов, у дарум нет души. Это единственное, в чем согласны и добропорядочный буддист, и набожный мусульманин, и даже христианин.

Трану до этого не было никакого дела, когда он покупал

клиперы «Мисимото». Теперь же он думает: действительно ли там, за этими высокими стенами, вкалывают уродливые дарумы и люди с желтыми карточками толпятся снаружи и молят о работе напрасно?

С трудом он добирается до ограничительной линии. Вдоль прогуливаются охранники с дубинками и пружинными пистолетами, время от времени отпуская шуточки по поводу фарангов, жаждущих работать на *фарангов*. Жара лишает сил, беспощадная к людям, выстроившимся в цепь перед воротами завода.

— Ты смотри! Что за тряпки, красота!

От неожиданности Тран вздрагивает. Ли Шэнь, Ху Лаоши и Лао Ся тоже здесь. Три старика, не менее жалкого вида, чем он сам. Ху призывно машет рукой, предлагает только что скрученную сигарету. При виде табачных листьев Трана охватывает волнение, но он говорит «нет». Соглашается лишь на третий раз, довольный, что друг настойчив, и все гадает, где же тот разжился таким сокровищем. Впрочем, что тут думать: Ху из четверых самый сильный. Плата носильщику гораздо выше, если он способен работать так же быстро, как Ху.

Тран отирает потный лоб:

— Как много народу.

Его беспокойный вид вызывает у друзей смех. Ху зажигает для него сигарету.

— Думал, наверное, ты один в курсе?

Тран пожимает плечами и глубоко затягивается, передает «сокровище» Лао Ся.

— Просто слухи. Из заявления Картофельного Короля ясно, что его племянника повысили. Я решил, место освободится.

Ху насмешливо морщится:

— А, так вот где я это слышал: «Эгэ, да он будет богачом. Управлять пятнадцатью служащими! Да, он будет богачом». Мне вот хотя бы одним из этих пятнадцати стать.

— По меньшей мере, слухи подтвердились, — говорит Лао Ся. — В конце концов повысили не только племяша.

Он вдруг яростно чешет лысеющий затылок, словно пес, гоняющий блох. Его локти покрыты пятнами наростов *фа гань,* как и потная кожа за ушами. Он любит шутить: ничего, мол, немного деньжат, и я вылечусь. Шутить хорошо. Но сегодня его одолевает чесотка, и наросты потрескались и кровоточат. Лао замечает, что все смотрят, и быстро опускает руку. С гримасой передает сигарету Ли Шэню.

— Сколько вакансий? — спрашивает Тран.

— Три.

— Мое любимое число, — усмехается старик.

Сквозь толстые линзы Ли Шэнь оценивает длинный хвост очереди:

— Будь оно хоть пятьсот пятьдесят пять. Нас слишком много.

— Да нас четверых уже многовато! — фыркает Лао Ся. Он хлопает по плечу стоящего впереди: — Эй, отец! Кем раньше работал?

Незнакомец, удивленный, оборачивается. Он был прежде уважаемым человеком, судя по строгому воротничку и тонким кожаным туфлям, теперь, правда, стоптанным и почерневшим от угля, который встречается повсюду на мусорных отвалах.

— Я преподавал физику. Лао Ся кивает:

— Что я говорил? Все мы тут семи пядей во лбу. Я был управляющим каучуковой плантацией. Ли — Профессор со степенью по гидроаэродинамике и дизайну материалов. Ху — известный врач. И еще наш друг из «Три-Просперитис». Не просто торговая компания, а целая международная корпорация. — Он, словно пробуя слова на вкус, повторяет: — Международная корпорация.

Странное, могучее, чарующее звучание. Тран скромно опускает голову:

— Ты слишком добр.

— *Фан пи.*[159] — Ху делает затяжку, передает сигарету. — Ты нас тут всех с потрохами мог купить. А теперь, посмотрите только, убеленные сединами, а занимаемся работой для сопляков. Да тут каждый в тысячу раз опытнее, чем требуется.

Сзади кто-то заявляет:

— Я занимал пост юрисконсульта в «Стандард энд Коммерс».

Лао Ся корчит рожу:

— Да кого это волнует, гондон собачий? Теперь ты пустое место.

Униженный, банковский служащий отворачивается. Хмыкнув, Лао Ся глубоко затягивается и отдает сигарету Трану. Ху вдруг подталкивает того локтем:

— Глянь! Старина Ма притащился.

Тран резко втягивает табачный дым и поворачивается. Сначала он думает, что Ма преследовал его, но потом понимает, что ошибся. Это фабрика фарангов. Ма работает на западных дьяволов, ведет бухгалтерию. Компания по производству пружин «Спринглайф». Да, «Спринглайф». Вполне естественно, что Ма, блаженно развалившийся позади взмокшего велорикши, явился сюда.

— Ма Пин, я слышал, живет нынче в пентхаусе. Прямо под крылышком Навозного Короля, — говорит Ли Шэнь.

Тран хмурится:

— Однажды, давным-давно, я его уволил. Ленивый был и воровал.

— Какой же он толстый.

— Я его жену видел, — говорит Ху. — И сыновей. Жирные. Едят мясо каждый день. Парни жирнее самого жира. Просто напичканы белками «Ю-Текс».

— Да ты болтаешь.

— Уж толще, чем мы.

Лао Ся чешет костлявый бок:

— Толще тебя даже бамбук.

Тран смотрит, как Ма Пин исчезает за дверьми завода. Что было, то было. Жить прошлым — безумие. Что у него осталось? Ни часов, ни наложниц, ни трубок, набитых опиумом, ни нефритовых скульптур божественной Гуаньинь.[160] Ни роскошных клиперов, плавно скользящих по волнам, несущих в себе богатство и успех. Он качает головой и передает остаток сигареты Ху. Тот его еще сможет разок запалить. Все в прошлом. Ма, «Три-Просперитис». Чем скорее он расстанется с воспоминаниями, тем скорее выберется из этой зловонной дыры.

Сзади ему кричат:

— Эй! Лысый! Очередь не для тебя? Нашелся, основной!

— Очередь?! Не смеши! — Лао Ся машет рукой на стоящих впереди. — Вон сколько народу, какая разница, где стоять?

Но остальные уже волнуются.

— А ну в очередь! *Пай дуй!*[161] *Пай дуй!*

Возмущение растет, и охранники подходят ближе к живой цепи, небрежно помахивая дубинками. Они не «белые рубашки», но голодранцев с желтыми карточками не переносят.

Тран успокаивающе поднимает руки:

— Конечно, конечно. Вот, смотрите, я уже иду. Не стоит волноваться.

Он прощается с друзьями и следует вдоль этого туловища длинной желтой змеи, пытаясь найти ее хвост.

Когда он доберется до него, всем уже будет отказано в работе.

Снова ночь в поисках объедков. Голодная ночь. Тран рыщет по темным переулкам, избегая удушливых тюрем-высоток. Вокруг и впереди бурлит, перемещается мерцающая волна котов-дьяволов. Мигают метановые фонари, горят слабо, коптят, чернят город. Жаркий бархатный мрак оплетает зловонным запахом гниющих фруктов. Сильная влажность тяжелит воздух. Духота. Темень. Пустые прилавки. На тротуаре спят актеры, словно

разыгрывают сценку из истории о Раване.[162] Подобные серым горам, возвращаются домой мегадонты. Массивные тени и ведущие их неясные золотистые пятна тел погонщиков.

По узким улочкам прячутся дети с острыми блестящими ножами, поджидают неосторожных владельцев желтых карточек и пьяных тайцев, но Тран достаточно мудр, чтобы не стать их добычей. Год назад он их не заметил бы. Теперь же взрастил в себе необходимое для выживания чутье параноика. Эти существа не страшнее акул: предсказуемы, бесхитростны. Не они заставляют кишки Трана сворачиваться от страха. Слишком эти хищники явны. А вот хамелеоны, обычные люди, которые работают, торгуют, улыбаются так открыто и располагающе, а потом внезапно поднимают мятеж, — вот кто пугает Трана до смерти.

Он роется в мусорных кучах, дерется с котами-дьяволами за остатки пищи, жалея, что силы уже не те, иначе давно поймал бы одну из этих кошек-невидимок себе на ужин. Он тщательно исследует выброшенные кем-то плоды манго, то подносит их к старческим глазам, то отстраняет, принюхивается… Кожура пахнет ржавчинным грибом, а внутри — уже сплошь пятна заразы. Тран отбрасывает плоды в сторону. Некоторые из них еще неплохо выглядят, но даже вороны не станут их клевать. Они скорее накинутся на вздувшийся труп, чем обратят внимание на зараженный ржавчинными грибами плод.

Прихвостни Навозного Короля сгребают лопатами испражнения животных в мешки и грузят в тележки трехколесных велосипедов: ночные сборщики дневного урожая. Они с подозрением наблюдают за Траном. Тот не поднимает взгляда, чтобы не спровоцировать драку. В конце концов, на костре из ворованного дерьма ему нечего приготовить да и продать на черном рынке не удастся: Навозный Король подстелил соломку везде, где мог. Здорово было бы найти себе местечко в рядах сборщиков навоза. Такая работа — гарантия, что ты выживешь. Фабрики по производству метана — прибыльное место. Но это, разумеется, опиумные грезы. Человеку с желтой карточкой вход в подобный «элитный клуб» заказан.

Тран поднимает еще один манго и вдруг замирает. Медленно наклоняется, подозрительно щурясь. Отодвигает в сторону мятый плакат с жалобами на министерство торговли, разгребает буклеты с рекламой нового роскошного комплекса «Ривер Ват». Отбрасывает черную кожуру банана и погружает руки в мусор. Там, в глубине, он нащупывает запачканный обломок огромного рекламного щита, который, возможно, высился как раз над этой рыночной площадью: «…огистика. Судоходство. Торгов…»

Обрывки слов написаны поверх величавого силуэта Утренней Звезды. Остаток логотипа компании «Три-Просперитис», на котором в лучах рассветного светила плывут три клипера, обгоняющие ветра, гладкие, словно акулы… Дорогая краска на полимерах пальмового масла. Белоснежные, острые, будто крылья чаек, паруса…

Потрясенный, Тран отворачивается. Все равно что разрыть могилу и увидеть там свой труп. Его гордость. Слепое тщеславие времен, когда он считал, что может соперничать с западными дьяволами и стать судоходным магнатом. Этакий Ли Ка Шин[163] или Ричард Квок[164] эпохи новой экспансии. Возрожденная слава китайского морского торгового флота. Словно пощечина: часть его «эго» похоронена тут, среди ржавчинной гнили и отбросов, пропитана мочой котов-дьяволов.

Тран оглядывается, пытается нащупать другие части щита. Кто-нибудь еще набирает тот старый номер?.. А секретарь, которому он прежде платил… Сидит ли он за своей стойкой в приемной? Работает на нового хозяина, урожденного малайца, вероятно… С безупречной родословной и религиозными взглядами… А те клиперы, которые люди Трана не успели затопить… До сих пор ли они бороздят морские просторы?

Хватит. Он заставляет себя прекратить поиски. Даже будь у него деньги, он не решился бы позвонить. Не стал бы тратить калории. Не вынес бы потери еще раз.

Тран выпрямляется, отгоняет котов-дьяволов, уже собравшихся вокруг. Кроме очистков и навоза, на рыночной площади ничего не осталось. Зря потратил силы. Даже тараканов и жуков подъели. Искать дальше бесполезно. До него здесь побывало слишком много людей.

По пути к своей высотке ему приходится трижды прятаться от «белых рубашек». Съеживаться, сливаться с тенью, когда те слишком близко, проклиная белый костюм, столь заметный ночью. На третий раз его охватывает суеверный страх: дорогая одежда притягивает патруль министерства среды, потому что жаждет смерти очередного владельца. В каких-то сантиметрах от его лица руки небрежно вертят черные дубинки. Пружинные пистолеты сверкают серебром. Хищники стоят так близко, что Тран без труда может сосчитать количество патронов в их джутовых плечевых ремнях. Один из патрульных мочится на аллею, где прячется старик, и не замечает его лишь потому, что напарник решил проверить документы сборщиков навоза.

Снова Трана душит желание сорвать с себя белоснежный костюм, стать безликим, безымянным и получить шанс на

спасение. Ведь это только вопрос времени, когда до него доберутся «белые рубашки» и превратят его китайский череп в кашу из крови и костей. Лучше уж нагишом раствориться в липком, жарком мраке, чем подохнуть важным павлином. И все же он не в состоянии расстаться с костюмом. Гордыня? Глупость? Но рука не поднимается. Несмотря на то что эти вызывающие тряпки заставляют потроха трястись от ужаса.

К моменту, как он добирается до ночлежки, даже на Сухумвит-роуд и на проспекте Рамы IV уличные фонари погашены. На торговых лотках, мимо которых он шел утром, все еще кипят котелки — ужин для кучки оборванцев, которым повезло работать ночью, да еще и в комендантский час. На столах горят свечи из свиного сала. В кипятке шипит лапша. Недалеко прохаживаются «белые рубашки», неотрывно следят за людьми с желтыми карточками, проверяют, не позволил ли кто себе бесстыдную роскошь заснуть под открытым небом и не оскверняет ли тротуара, растянувшись на нем и захрапев.

Тран шагает на спасительную территорию ночлежки, ощущает себя под сенью безграничного могущества Навозного Короля. Задерживается у входа, гадая, как высоко ему придется подняться, прежде чем найдется место для его худого тела. — Тебя не взяли, да?

Тран съеживается при звуке голоса. Ма Пин. Сидит за столиком посреди тротуара, с бутылкой «меконга» в руке. От возлияний лицо сияет, как красный бумажный фонарь. Полупустые тарелки по всему столу. Еды столько, что насытятся еще пять человек.

Облик Ма не дает Трану покоя. Молодой служащий, которого он прогнал за слишком вольное обращение со счетами компании; человек, у которого сын толстый и сытый; мужчина, сумевший очень рано сделать карьеру. Раньше он умолял о том, чтобы его приняли назад в «Три-Просперитис», а теперь разъезжает по Бангкоку с последней собственностью Трана — золотыми часами на запястье, единственной вещью, которую даже «змееголовы» не получили. Тран приходит к выводу, что судьба поистине жестока, если неустанно сводит его с тем, кого он однажды счел недостойным своего внимания.

Вновь, несмотря на намерение говорить бодро, старику удается лишь прошептать:

— Какое тебе до этого дело?

Ма наливает очередную порцию виски, пожимает плечами:

— Не будь костюма, я бы тебя в очереди не заметил. Хорошая идея — вырядиться. Правда, стоял ты слишком далеко. Жаль.

Трану бы уйти, проигнорировать заносчивого щенка, но

объедки на его тарелках… Дымящийся окунь и лаап,[165] лапша из риса «Ю-Текс». Дразняще близко! Запах свинины заставляет рот наполниться слюной. У Трана буквально зудит челюсть при мысли, что зубы могут впиться в мясо. Интересно, вынесут они испытание такой роскошью?..

Неожиданно он понимает, что смотрит на еду слишком пристально. Полным вожделения взглядом. А Ма внимательно наблюдает за ним. Тран краснеет и шагает прочь.

— Я покупал часы не для того, чтобы досадить тебе. Тран останавливается.

— Для чего тогда?

Пальцы Ма рассеянно пробегают по золотой безделушке в бриллиантах. Потом будто бы застают себя за непозволительным занятием и тянутся за спиртным.

— Хотел получить напоминание.

Ма делает глоток и ставит стакан обратно, между нагромождениями тарелок, аккуратно, неторопливо, как всякий пьяный. По лицу скользит неожиданно робкая улыбка. Как-то виновато он постукивает ногтем по золотому браслету часов:

— Да. Хотел получить напоминание. А не отомстить. Тран сплевывает:

— Фан пи.[166]

Ма решительно трясет головой:

— Нет! Серьезно! — Заминается и продолжает: — Крах подстерегает каждого. Участь «Три-Просперитис» вполне может ожидать и меня. Хотел, чтобы напоминание об этом было рядом, если забуду.

Заливает в рот виски.

— Ты правильно сделал, что уволил меня. Тран усмехается:

— Тогда ты так не думал.

— Я был зол. Кто ж знал, что это спасет мне жизнь. — Ма снова пожимает плечами. — Не выгони ты меня, я бы из Малайзии не уехал. И восстания я не предвидел тем более. Столько денег вложил, чтобы жить там…

Неожиданно он садится прямо и предлагает Трану присоединиться:

— Иди, выпей. Поешь. Как-никак, я тебе многим обязан. Ты спас мою задницу, а я не отблагодарил. Садись.

Тран отворачивается:

— Я еще уважаю себя.

— Сохранить лицо тебе дороже, чем нормальная еда?! Расслабься. Плевать мне, что ты меня ненавидишь. Просто позволь тебя накормить. А проклинать потом станешь, когда пузо набьешь как следует.

Напрасно старик борется с гордостью. Голод берет свое. Да, он знает людей, которые умрут от истощения, но не примут даров Ма, но Тран не один из них. Нет. Прежде — может быть. Теперь… Жизнь среди отбросов показала, каков он на самом деле. Конец иллюзиям.

Тран садится за стол. Ма придвигает к нему тарелки с едой.

За какой такой проступок приходится ему сейчас расплачиваться подобным унижением? И как справиться с жадностью, ведь он готов наброситься на еду руками! К счастью, ему приносят палочки и ложку с вилкой. Лапша со свининой отправляются в рот. Тран пытается жевать, но едва пища касается языка, он тут же ее глотает. Еще еды. Больше. Он держит тарелку близко к губам, буквально сгребает в себя то, что не доел Ма. Рыба, подвядший кориандр, горячее, вязкое масло — сущее блаженство.

— Ешь, ешь. — По знаку Ма на стол ставят еще один стакан. Резкий запах спиртного аурой повисает вокруг, пока молодой мужчина наливает виски. В груди у Трана все сжимается от этого аромата. Он вытирает ладонью запачканный маслом подбородок, неотрывно следит за льющейся янтарной жидкостью.

Как-то Тран пил коньяк, старый, шестилетней выдержки. Доставленный его же клиперами. Заоблачно высокая цена плюс расходы на перевозку… Вкус обители западных дьяволов из эпохи, предшествующей коллапсу, призрак, возрожденный к жизни новой экспансией и собственным осознанием Трана, что мир очень мал…

Совершенный дизайн корпуса, полимерные высокие технологии… Его божественные клиперы обогнули всю планету и вернулись домой, груженные бутылями, в которых плескалась легенда. И малайзийские клиенты были счастливы отдать за нее любые деньги, не важно, что предписывала их религия. То была баснословная прибыль…

Ма протягивает стакан Трану, поднимает свой для тоста.

Все в прошлом. Все это в прошлом.

Они выпивают. Тепло алкоголя достигает желудка Трана, присоединяется к специям, рыбе, свинине, сочной масляной подливе и лапше.

— Действительно очень жаль, что тебе не дали работу. Старик морщится:

— Не спеши злорадствовать. У судьбы есть привычка держать все в равновесии. Я усвоил этот урок.

Ма отмахивается:

— И не думал злорадствовать. Правда в том, что таких, как мы, слишком много. Ты ведь в тысячу раз опытнее, чем требуется

для той работы. Для любой работы, которую тебе здесь могут предложить. — Он смотрит на собеседника поверх стакана. — Помнишь, как назвал меня ленивым тараканом?

Тран рассеянно кивает: не может отвести взгляда от бутылки.

— Я и похуже тебя называл.

Он ждет, не наполнит ли Ма ему стакан еще раз. Гадает, как велико его состояние и как далеко тот готов зайти в своих щедротах. Ненавидит себя: сидит тут, ни дать ни взять попрошайка, перед сосунком, которого однажды выгнал с работы. Теперь его мир — сферы, управляющие жизнью таких, как Тран… Щенок… Все-таки наполняет стакан старика до краев, позволяет виски литься через край. Янтарный каскад в мерцающем сиянии свечей…

Ма отставляет бутылку, смотрит на лужу спиртного:

— Поистине мир перевернулся. Молодой король вознесся над старым. Малайзийцы выставили китайцев вон. Западные дьяволы ринулись обратно к нашим берегам, как побитая болезнью гнилая рыба во время прилива…

Он улыбается.

— Держи ухо востро, чтобы не упустить шанс. Ты не такой, как эти старики, сидящие вдоль улицы и считающие за благо тяжелую работу. Найди себе новую нишу. Как я сделал. Меня поэтому взяли.

Тран кривится:

— Ты просто перебрался сюда в более подходящее время. — Он вдруг оживляется. Его живот наполнен, спиртное разгорячило тело, разрумянило лицо… — В любом случае гордиться нечем.

У тебя еще молоко на губах не обсохло, хотя ты и живешь в пентхаусе Навозного Короля. Может, ты и король среди желтых карточек… Но, в сущности, что это значит? То, что ты и в подметки мне не годишься, все еще нет. Мистер Большая Шишка. Ма выпучивает глаза, хохочет:

— О нет! Разумеется нет! Куда мне… Однажды, может быть. У меня хороший учитель. — Снисходительная улыбка, намек на жуткий вид Трана. — Исключим эту главу твоей жизни, естественно.

— Правда, что у вас там, наверху, повсюду вентиляторы? Что там не жарко?

Ма смотрит в сторону своей высотки.

— Да, правда. И сильные люди, чтобы заводить их, когда требуется. Они носят воду, работают противовесом в лифте — весь день, вверх-вниз, — выполняют все, что ни пожелает Навозный Король. — Он снова хохочет, подливает виски, предлагает Трану выпить еще. — Но ты прав, конечно. Это

пустышка. Жалкий притон. Впрочем, уже не важно. Я и моя семья переезжаем. Получили постоянную регистрацию. Завтра заберу свой оклад — и все. Больше никаких желтых карточек. Никаких откупных лакеям Навозного Короля. Никаких «белых рубашек». Я все уладил с министерством среды. Теперь мы тайцы. Пусть иммигрировавшие. Не какие-то беженцы. — Ма поднимает стакан. — Вот, праздную.

Тран хмурится:

— Должно быть, ты доволен. — Допивает виски и со стуком опускает стакан на стол. — Только не забудь, что рука дающая вольна забрать, когда ей вздумается.

Ма отмахивается. Блестят насмешливые, пьяные глаза:

— Бангкок это не Малакка.

— А Малакка не Бали. И все равно они взялись за мачете и винтовки, покромсали наши тела и спустили по реке до самого Сингапура.

Но молодому, похоже, все равно:

— Чего ворошить прошлое?

Он делает знак торговцу, требует еще еды.

— Теперь наш дом будет здесь.

— Неужели? Думаешь, кто-нибудь в белой рубашке упустит шанс выпотрошить тебя в переулке по дороге домой? Мы другой породы. И в этой стране удача против нас.

— Удача? Когда это Мистер Три-Просперитис стал таким суеверным?

Трану и Ма приносят тарелки с крошечными поджаристыми крабами — каждый не больше мизинца. Хрустящие, соленые, политые масляной приправой… Ма палочками берет одного и отправляет в рот.

— Так когда Мистер Три-Просперитис превратился в размазню? Уволив меня, ты сказал, что моя удача в моих же руках. А сам твердишь, мол, собственная тебя покинула? — Он сплевывает под ноги. — Дарумы жизнь больше ценят, чем ты.

— *Фан пи.*

— Да-да! В баре, куда наведывается мой босс, есть японка, дарума. — Ма подается вперед. — Все при ней, хоть не человек. А что вытворяет… — Он похабно улыбается. — У тебя стоит, как каменный. Ни разу не слышал, чтобы она ныла или судьбу проклинала. «Белые рубашки» озолотили бы того, кто закопал бы ее живьем на компостных отвалах, а ей хоть бы что. Танцует, бесстыжая, каждую ночь в баре, на виду у всех. Да так, что слепой разглядит все подробности.

— Ерунда.

Ма пожимает плечами.

— Думай, что хочешь. Но я собственными глазами видел. И она не умирает с голоду. Берет все, что дают, объедки, деньги… И плевать ей на «белые рубашки», на законодательство Королевства, на националистов и религиозных фанатиков. Танцует себе, и уже давно.

— В чем же секрет?

— В том, сколько зарабатывает за час? А может, кувыркается с каким-нибудь уродом *фарангом*… Кто знает. Но она уникальна. Настоящей женщине такое не под силу. Пульс зашкаливает. Забываешь даже, что перед тобой дарума, глядя на все эти выкрутасы…

Ма смеется, сверлит взглядом Трана.

— Так что не болтай про удачу. Везения всего Королевства не хватит, чтобы спасти ей жизнь. И уж точно не карма держит ее на плаву. Она же дарума.

Трану остается только неопределенно хмыкнуть и набить рот крабами.

— Признай, ведь я прав. — Ма опустошает стакан с виски и наполняет его по новой. — Мы держим удачу за хвост. Правим судьбой. Дарума танцует в баре, а я пашу на богатого верзилу *фаранга,* который до задницы своей дотянуться не может без моей помощи! Разумеется, я прав! Кончай себя жалеть и выбирайся из норы. Западные дьяволы плевать хотели на везение и судьбу. Одно их заботит: вернуть азиатский рынок. Они как очередной изобретенный вирус. Даже коллапс их не остановил. Живучие, словно коты-дьяволы. Стабильно на плаву. Сомневаюсь даже, что влияние кармы на них распространяется. И уж если таким кретинам благоволит успех, то неужели мы, китайцы, будем прозябать? Человек сам творец своей судьбы, так ты говорил. Сказал, что я свою удачу не удержал и винить могу только себя.

Тран поднимает глаза на Ма:

— Может, мне нашлось бы место? — Он морщится, старается не выглядеть жалким. — Я бы мог зарабатывать деньги для твоего ленивого босса.

Взгляд Ма делается непроницаемым.

— Э, трудно сказать. Вряд ли.

Вежливый отказ. Надо принять и заткнуться. Но поздно: минутной слабости достаточно, и Тран вновь раскрывает рот, чтобы умолять и настаивать:

— Тебе, наверное, нужен помощник. Вести бухгалтерию. Я говорю на языке дьяволов. Научился, когда торговал с ними. Я могу пригодиться.

— Да мне самому приходится выдирать работу с боем!

— Но если он такой безмозглый, как ты говоришь…

— Безмозглый, это правда. Но не настолько, чтобы не заметить новичка в офисе. Наши столы слишком близко друг от друга. — Ма руками показывает расстояние. — Думаешь, тощий, как щепка, узкоглазый старикан за компьютером не привлечет внимания?!

— Тогда на его фабрике? Ма трясет головой:

— Была бы возможность, я бы помог. Но энергией там снабжают мегадонты, а в охранники *фарангов* не берут. Без обид. И конечно, никто не поверит, что ты разбираешься в производстве метана. Нет, фабрика — это не для тебя.

— Мне подойдет любая работа, даже сборщиком навоза!.. Но в ответ мужчина напротив мотает головой еще сильнее, и Тран, опомнившись, умолкает, прерывает поток раболепия.

— Ничего, ничего. — Он выдавливает улыбку. — Уверен, что-нибудь да подвернется. Даже не сомневаюсь.

Не обращая внимания на протесты, Тран выливает остатки виски в стакан Ма и залпом опорожняет свой собственный — за молодого мужчину, который обставил его во всем. У костлявых ног старика вьются едва различимые коты-дьяволы, ждут, когда человек уйдет, и надеются на его глупость, чтобы полакомиться объедками.

Утро. Тран блуждает по улицам в поисках непозволительной роскоши: съедобного куска на завтрак. Бредет вдоль торговых рядов, благоухающих рыбой, заваленных несвежими зелеными пучками кориандра, расцвеченных яркими пятнами лимонного сорго.[167] Зловонная груда колючего дуриана сплошь покрыта ржавчинной накипью. Тран присматривается — не удастся ли стянуть какой-нибудь плод. Зараза еще не добралась до питательной мякоти фруктов. Интересно, какое количество этой дряни выдержит организм человека, прежде чем наступит кома?

— Хотесь? Специально сделка! Пять са пять бат! Идет, да? Скрипучий голос принадлежит беззубой женщине, которая улыбается ему голыми деснами и все повторяет:

— Пять са пять бат!

Говорит она на мандарине,[168] признавая в Тране соотечественника, хотя родилась уже здесь, в Королевстве, а Тран имел несчастье перебраться в Малайзию. Истинная чаочжоу, счастлива под покровительством своего клана и короля. Помимо воли Тран завидует.

— Лучше четыре за четыре,[169] — говорит он и сам удивляется каламбуру. Четыре за смерть. — На них ржавчинный гриб.

Торговка вяло помахивает рукой:

— Пять са пять. Есе хоросо. Отень хоросо. Вовремя сняты. — Блестящим мачете она рассекает один плод пополам, демонстрируя чистую желтизну его липкого и мясистого нутра. Тошнотворный сладковатый запах дуриана повисает в воздухе. — Видеть? Внутри хоросо! Вовремя снят! Есе чисто!

— Ну, может быть, один я куплю.

Сказать по чести, даже один ему не по карману. Но как отказаться от торга? Вдруг почувствовать себя покупателем! Какое неожиданное удовольствие! Конечно, дело в костюме. Братья Хван возвысили его в глазах этой женщины. Она и рта не раскрыла бы, если бы не костюм. Какой уж там разговор…

— Бери больсе! Больсе брать, дольсе зить!

Тран нерешительно улыбается. Он уже сам не рад, что начал торговаться.

— Я всего лишь одинокий старый человек. Мне много не нужно.

— Одинокий и тосий. Есь больсе! Набери зиру!

Они смеются. Тран тщетно пытается подобрать слова, чтобы поддержать неожиданный приятельский тон разговора, но язык не слушается. Заметив беспомощность в его глазах, торговка качает головой:

— Да, отес. Тязелые времена для всех. Слиском много таких, как ты. Никто не думать, сто так плохо будет сдесь.

Тран опускает голову в смятении.

— Я отвлекаю вас. Извините.

— Стой. Вот. — Женщина протягивает ему половину дуриана. — Бери.

— Нет денег.

Она нетерпеливо сует ему в руки плод.

— Бери. Рада помось кому-то с презней родины. — Усмехается. — К тому зе фрукты слиском плохи, стобы продать.

— Вы очень добры. Да озарит вас улыбка Будды.

Тран принимает дар, и взгляд его вдруг снова падает на груду дурианов позади торговки. Аккуратно сложенные, в кровавых пятнах ржавчины. Совсем как головы китайцев в Малакке; головы его жены и дочерей взирают на него в немом упреке. Тран роняет плод, пинком отшвыривает в сторону, судорожно вытирает руки о пиджак, словно пытается стереть кровь с ладоней.

— Э-э-э! Так не напасесся!

Но Тран едва ли слышит. Нетвердой походкой он пятится от фрукта, все смотрит на его колючую кожуру, на убийственно пахнущую мякоть. Затравленно озирается. Прочь. Прочь из толпы, на свежий воздух, подальше от шевелящейся человеческой массы

и вони дуриана, от которой выворачивает кишки. Прижав ладонь ко рту, Тран пускается бежать, лавируя между торговцами, проталкиваясь сквозь давку.

— Куда ты? Вернись! *Хуэйлай*![170]

Женский окрик немедленно тонет в общем гаме. Тран распихивает прохожих, задевает старуху с корзиной, полной белых корней лотоса и фиолетовых баклажанов, едва не налетает на крестьян, громыхающих по брусчатке бамбуковыми тележками, петляет среди бочек с кальмарами и змееголовами. Он, словно воришка, которого застукали, мчится, не разбирая дороги… По сути, ему все равно, куда бежать, лишь бы подальше от сваленных в кучу голов, среди которых и останки его домашних.

Прочь. Без оглядки…

И вот Чароен-Крунг-роуд.[171] Оживленная широкая улица, яркий солнечный свет, в котором клубится взвесь частиц переработанного навоза и дорожной пыли… Сигналят велорикши. Пальмы и невысокие банановые деревья поражают сочной зеленью.

Паника внезапно оставляет Трана, так же быстро, как овладела им. Он замирает на месте, тяжело дыша, уперев руки в старые колени и проклиная себя. «Глупец! Глупец! Не будешь есть — протянешь ноги!»

Выпрямившись, он думает вернуться, но едва вспоминает запах дуриана, как приходится спешно отбежать на обочину — его опять тошнит. Назад дороги нет. Ему не вынести вида кровавых груд. Рвотный рефлекс заставляет согнуться пополам, но желудок выдает только сгустки слюны.

Утерев рот лацканом пиджака, Тран оглядывает чужие лица вокруг. Бесконечное море иностранцев, в котором он должен научиться держаться на плаву. Для каждого из идущих мимо он фаранг. Все в нем бушует при одной только мысли об этом. Как при мысли, что в Малакке, где китайский клан пустил прочные корни, где его семья с многовековой историей жила в роскоши, он сам был не более чем контрабандистом. Что трагедия, разыгравшаяся в Малайзии, — только очерк на тему доказавшей свою несостоятельность китайской экспансии. Что соотечественники Трана по сути лишь горстка рассыпанного риса, который теперь собрать гораздо сложнее.

Ночная разгрузка мешков «Ю-Текс», доставленных Картофельному Королю. Трану наконец повезло. Удача, несмотря на ноющие колени и подступающую слабость. Удача, хотя руки дрожат от тяжелой ноши. Сегодня у него есть возможность не только получить плату за труд, но и прикормиться от десницы

дающего. Картофель «Ред Силк» в мешках мелкий и собран раньше времени, чтобы избежать порчи плесенью, — четвертой ее генетической мутацией за год. И все же он хорош. А отличное сочетание компактных размеров и питательности означает, что корнеплоды прекрасно поместятся в карманах Трана.

Мешки с мегадонта ему скидывает Ху. Огромные животные переступают с ноги на ногу и фыркают, ожидая конца разгрузки. Тран ловит груз специальными крючьями, затем спускает на землю. Зацепить, схватить, раскачать, скинуть. Снова, и снова, и снова, и снова.

Они здесь не одни. Толпа женщин из высотки сгрудилась у лестницы, на которой стоит Тран. Руки тянутся к каждому мешку, едва тот оказывается на земле, пальцы ощупывают дерюжину, ищут дыры, бреши в надежде на счастливую случайность, тщательно следуют вдоль швов и прерывают свое занятие, лишь когда носильщики подходят, чтобы забрать мешки и отнести к Картофельному Королю.

Спустя час такой работы у Трана трясутся руки. Через три он едва держится на ногах. Шаткая лестница поскрипывает всякий раз, как он спускает очередной мешок на землю. Тран тяжело дышит, то и дело встряхивает головой: пот заливает глаза ручьем.

Ху окликает:

— Ты там как?

Тран осторожно глядит через плечо. Картофельный Король считает мешки, которые несут на склад. Время от времени пробегает взглядом по контейнерам на спинах мегадонтов и лицу Трана. Неподалеку, затаившись в тени, пятьдесят неудачников молча ждут своего шанса, и один из них куда более наблюдателен, чем большой босс. Тран готовится принять очередной груз, стараясь не думать о пристально следящих за ним глазах. Сколько терпения в их ожидании. Сколько тишины. Сколько голода.

— Я в порядке. В порядке.

Ху кивает и вытягивает на край контейнера следующий мешок. Место у него определенно лучше, но Тран не сетует. Лестница все равно кому-то досталась бы, а Ху, как-никак, нашел эту работу. У него есть полное право на более выгодную позицию. На возможность перевести дух. Останься Тран без помощи друга — вновь пришлось бы голодать. Все честно.

Новый мешок повисает над лесом женских рук. В повороте Тран освобождает крюки и бросает ношу на землю. Такое чувство, что суставы стали резиновыми и разболтанными, что бедро и большая берцовая вот-вот разъедутся. От жары кружится голова, но Тран не смеет просить сбавить темп.

Алчущие руки внизу подобны сплетенным морским водорослям, которые колышет течение. Духу не хватит отогнать этих женщин. Прикрикни на них Тран — они все равно вернутся. Словно коты-дьяволы. Голод сильнее воли.

Внезапно, в тот самый момент, когда Тран принимает новый мешок, раздается треск, и лестница теряет устойчивость, кренится в сторону, дребезжа краями о бок контейнера. Потом замирает. Тран, покачнувшись, изо всех сил старается удержать мешок и равновесие. Руки вокруг возбужденно тянутся к ноше, толкают, ощупывают…

— Осторожно!

Лестница падает, и женщины бросаются в стороны. Тран камнем летит вниз. Боль пронзает колено. Мешок лопается, как спелая ягода. Что скажет Картофельный Король? Эту мысль заглушают крики вокруг. Старик перекатывается на спину: прямо над ним угрожающе раскачивается контейнер. Люди с воплями разбегаются кто куда. Мегадонт срывается с места; яростный разворот — и мимо Трана пролетает контейнер, кроша повалившиеся на брусчатку бамбуковые лестницы в щепки. Сила и проворность животного ужасают. Монстр распахивает огромную пасть и издает протяжный, высокий, тревожный крик. Почти человеческий.

Остальные тут же отзываются. Их рев какофонией разносится по улицам. Мегадонт встает на задние ноги и всю силу своих мышц обрушивает на обломки контейнера, топча его, словно игрушку. Люди ссыпаются с его спины, будто облетает вишневый первоцвет. В приступе ярости животное пинает контейнер, и тот снова летит в нескольких жалких сантиметрах от Трана.

Старик силится подняться, но тщетно. Контейнер разбивается о стену. Мегадонт жаждет полной победы: дробит бамбуковые и тиковые обломки тяжелыми ступнями. На локтях Тран ползет прочь от бушующего зверя, волоча за собой обездвиженную ногу. Погонщики пытаются обуздать животное, выкрикивают команды. Старик назад не смотрит. Он сосредоточен на груде булыжников для мостовой неподалеку. За нею можно укрыться. Нога не слушается. Отказывается работать. Как будто отвергает Трана. Мстит. Наконец он в укрытии. Опирается спиной о камни.

— Ничего, — бормочет он под нос. — Все в порядке. — И осторожно переносит вес на покалеченную ногу.

Нога дрожит, подкашивается, но страшной боли нет. Пока что.

— *Мэй вэньти,*[172] *Мэй вэньти,* — шепчет Тран. — Пустяки. Просто трещина. Пустяки.

Повсюду крики людей и рев животных. Но перед его глазами

только старое разбитое колено. Он отталкивается от каменной груды, делает шаг и немедленно падает, словно марионетка, нити которой лишились натяжения.

Стиснув зубы, Тран вновь опирается на камни и массирует колено, оглядывая беспорядок вокруг. Через спину разъяренного мегадонта перекинуты веревки. Два десятка человек тянут их вниз, заставляя животное пригнуться к земле и утихнуть. От контейнера остались только щепки. Рассыпанный картофель превращен в густое месиво. Женщины ползают на коленях, дерутся за питательную массу, соскабливают ее с мостовой. Красное пятно быстро расползается по этой каше, но никому нет дела. «Сбор урожая» не прервать. В самом центре пятна из картофельной жижи торчат чьи-то штаны. Тран подозрительно хмурится и на здоровой ноге скачет туда. Неподалеку от разбитого контейнера замирает. Тело друга жестоко искалечено, обезображено, смешано с навозом мегадонта и картофельной массой. Огромная серая ступня животного испачкана в крови и плоти Ху. Кто-то зовет врача, но нерешительно, словно по привычке, оставшейся от времен, когда они не были сбродом с желтыми карточками.

Тран пробует идти — снова неудача. Он опирается на каркас контейнера, шевелит больной ногой, пытается понять, в чем дело. Колено сгибается, не особенно болит, но совершенно не держит вес. Еще попытка. Тот же результат.

Мегадонт наконец обуздан. Тело Ху оттаскивают в сторону. Коты-дьяволы немедленно сбегаются к луже крови — пировать. Мерцают в неясном свете метановых фонарей. Невидимые лапы ступают по картофельному месиву; число следов, усыпающих его, постоянно растет. Причем новые появляются уже совсем недалеко от тела Ху.

Тран тяжело вздыхает. Что ж, все мы умрем. Даже тем из нас, кто силен духом и телом, путь в один конец. Он решает сжечь несколько ритуальных банкнот ради Ху, чтобы облегчить ему долгий путь в потустороннем мире, потом одергивает себя: не слишком ли прыткий? Даже *мин би*[173] для тебя теперь непозволительная роскошь…

Подходит Картофельный Король, злой, взмыленный, разглядывает Трана, недоверчиво щурится:

— Сможешь работать?

— Да. — Тран хочет доказать, но нога снова подводит. Король качает головой.

— Заплачу, сколько накапало.

Машет рукой молодому парню, разгоряченному после схватки с мегадонтом.

— Эй ты! Шустрый! Работаешь. Оставшиеся мешки — на склад. Парень выжидает очередь к уцелевшему грузу, берет мешок, по пути к хранилищу минует Трана. Быстро отводит взгляд, радуясь, что старик уже не конкурент.

Довольный вновь налаженным процессом, Картофельный Король направляется назад к складу.

— Заплати мне больше, — говорит ему в спину Тран. — Вдвойне заплати. Твои мешки стоили мне ноги.

Король глядит на старика с жалостью, переводит взгляд на тело Ху. Пожимает плечами. Он не против. Мертвец своей доли не попросит.

Лучше подохнуть в состоянии полной невменяемости, чем осознавать и переживать в подробностях каждое мгновение неизбежной смерти от голода. Заработанные деньги Тран спускает на бутылку «меконга». Дряхлый. Немощный калека. Последний из своего рода. Его дети давно мертвы. А предкам суждено прозябать и мучиться в загробном мире: никто не зажжет для них благовоний, не пожертвует духам сладкого риса.

Должно быть, они проклинают его.

Сильно хромая и без конца спотыкаясь, Тран бредет сквозь душный мрак ночи. В одной руке сжимает начатую бутылку, другой — опирается о двери, стены, фонари, чтобы не упасть. Порой колено даже слушается. Но чаще отказывается работать. Сколько раз Тран уже поцеловал мостовую — не сосчитать.

Он даже пытается уверить себя, что валится на землю нарочно: вдруг съестное подвернется. Но Бангкок — это царство падальщиков и охотников за объедками. Коты-дьяволы, вороны и дети уже все здесь подобрали. Если Трану действительно повезет, то он наткнется на «белые рубашки», и они изобьют его до обморочного состояния, а может, отправят к бывшему владельцу костюма от братьев Хван. Эта мысль кажется ему весьма привлекательной.

В пустом желудке плещется целый океан виски. Тран весел и беззаботен впервые с тех пор, как случилось восстание. Он пьет, хохочет и призывает «белые рубашки», обзывая их бумажными тиграми и собачьими гондонами. Пусть придут к нему. Набор ругательств настолько впечатляющ, что любой услышавший не сможет устоять перед соблазном намять бока сквернослову. Но полиция министерства среды, видимо, слишком занята другими «желтокарточниками», ибо Тран блуждает по зеленой мути бангкокской ночи в совершенном одиночестве.

Ну что ж. Пусть так. Если не «белые рубашки», то он сам себя прикончит. Доберется до реки и бросится в грязный поток. Какое

блаженство. Течение вынесет его в открытые воды океана, словно клипер. Так окончится род Трана. Он прикладывается к бутылке, теряет равновесие и мешком валится на мостовую, всхлипывая и проклиная «белые рубашки», «зеленые повязки» и мачете.

Добравшись до ступеней неподалеку, Тран переводит дух, скрючившись и прижимая к груди чудом уцелевшую бутылку. Словно бесценный осколок нефрита в слабых руках. Тран смеется от радости. Было бы совсем скверно расплескать остатки живительного пойла по брусчатке.

Он делает новый глоток и смотрит на мерцающие фонари. Цвет горящего метана нынче — это цвет отчаяния. Прежде зеленый был цветом кориандра, шелка и нефрита. Теперь же метановая муть напоминает только о кровожадных людях в зеленых повязках и о ночных поисках еды среди мусорных куч. Фонарный свет подрагивает. Бесконечный зеленый город. Бесконечный мир отчаяния.

Внезапно, держась тени, кто-то пересекает дорогу. Тран подается вперед, чтобы разглядеть. На миг кажется, что это «белая рубашка». Но нет. Слишком уж воровато движется. Это женщина. Точнее, девушка. Ладная, все при ней. И сколько соблазна в этой странной перекатывающейся походке…

Дарума.

Тран ухмыляется. Точнее, складки на его худом лице собираются в удивленную гримасу при виде этого невероятного существа, крадущегося в ночи. Вот это потеха! Дарума. Дарума Ма Пина. Противоестественная форма жизни.

Она скользит от тени к тени. Создание, которое «белые рубашки» пугают больше, чем старого пьяного китайца с желтой карточкой. Беспризорное дитя, вырванное из привычной среды обитания и брошенное в городе, презирающем все, что дарума собой представляет: ее генетический набор, ее производителей, ее нечеловеческое телосложение. Отсутствие души.

Она призрак. Который был здесь каждую ночь, неподалеку от Трана, роющегося в мусоре и объедках. Призрак уродливо ковылял сквозь удушающий мрак, когда Тран прятался от патруля «белых рубашек». Несмотря ни на что, даруме удается выживать. Раз за разом.

Покачиваясь, Тран встает на ноги и шагает, опираясь рукой о стену. Глупая мысль, нелепая прихоть, но дарума полностью овладела его пьяным воображением. Тран собирается проследить путь «японской поделки», этого чужеродного тела, презираемого сильнее, чем что бы то ни было в Бангкоке. Он идет за нею. Возможно, в надежде украсть поцелуй. Возможно, чтобы защитить от опасностей, таящихся в ночи. В конце концов, представить, что

он еще тигр, а не пьяная немочь, жалкая карикатура на человека.

Дарума следует по самым темным из улочек, держится спасительного мрака, укрытая от глаз «белых рубашек», которые зарыли бы ее живьем, она и пикнуть не успела бы. Коты-дьяволы мяукают ей вслед, чуя ту же циничность, с которой сами были созданы. Королевство кишит болезнями, его осаждает такое количество монстров, выведенных в биоинженерных лабораториях, что контролировать их нет никакой возможности. Будь то возбудитель серых чесоточных наростов или гигантские рабочие животные — их не остановить. И с той же настойчивостью, с которой Таиланд сопротивляется нашествию мутантов, Тран идет за дарумой. Два захватчика здешних территорий, подобные ржавчинному грибу на дуриане. Нежеланные гости. Неприкаянные.

Несмотря на способ передвижения, дарума довольно резвая. Тран едва поспевает следом. Колено трещит и болтается; старик то и дело стискивает зубы от боли. Порой он падает, но отступать не собирается. Дарума, качнувшись, ныряет в очередную тень. Походка неваляшки выдает нечеловеческую природу. Не важно, насколько девушка красива. Не важно, насколько умна, насколько здорово ее тело и как нежна ее кожа. Она дарума и создана служить. И весь ее генный набор сбалансирован и подобран именно с этой целью. И каждый ее неестественный шаг выдает в ней всего лишь рабу человеческих прихотей.

Наконец, когда Тран понимает, что ноги его больше не удержат, дарума останавливается перед чернеющей пастью входа в высотку. Многоэтажная башня вроде той, где ночевал Тран. Еще один жалкий, полуразваленный остов, призрак времен старой экспансии. С высоты доносятся звуки музыки и смех. В красном свете, льющемся из окон пентхауса, мелькают тени, силуэты танцующих женщин. Пьяные вопли, грохот барабанов… Дарума исчезает внутри.

Перешагнуть порог подобного заведения… Спустить последний бат, пока женщины вокруг танцуют и поют похабные песни… Неожиданно Тран жалеет, что уже потратил выручку на бутылку виски. Вот где он хотел бы умереть. В притоне плотских удовольствий, которых не ведал с тех пор, как прибыл сюда. Он поджимает губы, соображая. Может, и удастся проникнуть внутрь. Обтрепавшийся костюм вполне сгодится для блефа. А сам Тран, возможно, и сойдет за приличного посетителя. Да. Пожалуй, стоит рискнуть. Если же с позором выставят, если снова смешают с грязью, что с того? Все равно его ожидают мутные речные воды, по которым он отправится в последний путь к океану, чтобы встретиться с сыновьями.

Собравшись перейти улицу, Тран падает — снова подводит колено. И снова чудом цела бутылка. Остатки янтарной жидкости сверкают в метановом свете. Поморщившись, Тран отползает и усаживается спиной к стене дома, поближе к дверному проему. Сперва отдохнуть. И покончить со спиртным. Дарума останется здесь надолго. Есть еще время перевести дух. А если свалится снова, то хотя бы виски ничего не будет угрожать. Он запрокидывает голову, упирается затылком в стену и подносит бутылку ко рту. Вот так. Просто перевести дух.

Вдруг раздается громкий смех. Тран вздрагивает. Из входа в высотку показывается пьяный, хохочущий человек. За ним вываливается целая толпа таких же, гогочущих и толкающих друг друга. Они тащат за собой хихикающих девиц, машут велорикшам, поджидающим надравшихся толстосумов. Неспешно толпа редеет. Тран прикладывается к бутылке, но та уже пуста.

Показываются еще двое. Один из них — Ма Пин. Другой — *фаранг,* видимо, его босс. Последний подзывает рикшу, взбирается в повозку и машет Ма на прощание. Молодой человек поднимает руку в ответ, и золотые часы на запястье искрятся в мутном зеленом свете фонарей. Часы Трана. Сияющий осколок его жизни. Семейная ценность. Тран хмурится. Заполучить бы их обратно…

Рикша Навозного Короля отъезжает. Все дальше скрип несмазанной цепи и пьяная болтовня. Ма Пин остается один посреди пустой дороги. Смеясь, направляется обратно к высотке, потом, будто что-то вспомнив, поворачивается и нетвердым шагом идет через дорогу, прямо в сторону Трана.

Старик отодвигается в тень дверного проема, не желая, чтобы Ма застал его в подобном виде. Довольно с Трана унижений. Он сжимается все сильнее, пока пьяный человек блуждает в поисках рикши. Все извозчики разъехались. И у высотки бездельников не осталось…

В метановой мути сверкают золотые часы.

Из зеленой клубящейся завесы появляются неясные фигуры. Идут трое, их коричневая кожа почти сливается с ночным мраком, контрастируя с белыми мятыми рубашками. На запястных ремешках крутятся черные дубинки. Ма, похоже, не замечает, как приближаются патрульные. В ночном воздухе отчетливо слышно каждое слово, которое они произносят:

— Что-то вы припозднились.

Ма вздрагивает, нервно улыбается:

— Неужели? На мой взгляд, еще не очень поздно! Трое окружают его.

— Довольно поздно для человека с желтой карточкой. Вы

должны быть дома. Весьма неразумно гулять после комендантского часа. Особенно с такими вещами на запястье.

Ма успокаивающе поднимает руки:

— Да что вы. Какая желтая карточка… вы ошиблись.

— Судя по акценту — нет. Ма шарит по карманам:

— Серьезно, сейчас я покажу…

Один из патрульный подходит совсем близко:

— Я сказал, что можно шевелиться?

— Мои бумаги, взгляните…

— Руки за голову!

— Взгляните на печати!

— Я сказал, за голову!

Вхмах дубинки. Ма вскрикивает, хватается за руку. Обрушивается град ударов. Человек корчится, закрывается руками:

— *Нгшадэ би*![174]

«Белые рубашки» давятся от смеха:

— А наречие желтых карточек знаешь!

Дубинка быстро и сильно опускается, и Ма с воплем падает, схватившись за ногу. Пинок в лицо заставляет разогнуться, и патрульный стучит окровавленной дубинкой по груди жертвы:

— Смотри, что за рубашка, Тонгчай. Получше, чем у тебя.

— Наверное, протащил через таможню с полной задницей нефрита.

Над Ма склоняются:

— Это правда? Ты гадишь нефритом?

Будто полоумный, китаец мотает головой и ползет прочь. Изо рта обильно льется кровь. Одна нога недвижна. Патрульный пинает Ма еще раз, переворачивает носком ботинка на спину, ставит ногу ему на лицо. Другие двое, перепугавшись, пятятся. Бить человека — это одно…

— Саттипонг. Не надо… Тот оборачивается:

— Чего струхнули? Эта мразь не лучше ржавчинного гриба. Все они ныть начинают, выпрашивают жратву, когда нам едва хватает. — Он пинает руку Ма. — А сами… Поглядите. Золото.

Ма хрипит, пытается снять часы:

— Возьмите. Пожалуйста. Заберите…

— Не тебе подачками сорить, желтая карточка.

— Не желтая карточка… Нет… — Ма едва ворочает языком. Не ваше министерство…

Он судорожно рыщет в кармане под пристальным взглядом «белой рубашки». Наконец достает документы, трясущейся рукой протягивает…

Саттипонг берет бумаги, разглядывает. Наклоняется:

— Думаешь, местные нас не боятся?

Он швыряет документы на землю и набрасывается на Ма, как кобра. Пинки так и сыплются. Он очень быстр. Избивает со знанием дела. Ма клубком катается по земле, пытаясь увернуться. Наконец, тяжело дыша, Саттипонг отступает.

— Теперь вы, научите его уважению.

Товарищи нерешительно переглядываются, но перечить не смеют и принимаются за дело, подбадривая друг друга выкриками. Из высотки выходят люди, но, завидев патрульных, спешно возвращаются обратно. Свидетелей нет. Единственный наблюдатель не показывается из своего убежища.

Теперь Саттипонг, кажется, доволен. Он снимает «Ролекс» с руки китайца, плюет ему в лицо и жестом приказывает товарищам идти за ним. От места, где прячется Тран, они проходят угрожающе близко. Тонгчай с сомнением замечает:

— Он может пожаловаться.

Саттипонг качает головой, защелкивая браслет часов на запястье:

— Свой урок он усвоил.

Постепенно их шаги затихают. В пентхаусе все еще грохочет музыка. На улице — ни души. Тран терпеливо ждет на случай новых хищников. Но никто не появляется. Будто городу теперь нет никакого дела до искалеченного малайского китайца на мостовой. Тран направляется к Ма.

Несчастный, завидев старика, тянет к нему слабую руку:

— Помогите…

Сначала на тайском, потом на английском, затем на малайском, на языке прошлого. Узнав Трана, слабо улыбается окровавленным ртом. Произносит на мандарине, на наречии их прежнего союза:

— *Лао пэнъю*.[175] Ты что тут делаешь?

Тран опускается на здоровое колено рядом, изучает избитое лицо перед собой:

— Видел твою даруму.

Ма слабо улыбается:

— Теперь веришь?

Из-за огромного отека его глаз почти не видно, кровь струится из рассеченной брови.

— Верю.

— Кажется, они сломали мне ногу.

Ма пытается сесть, но, вскрикнув, валится на землю. Ощупывает ребра, голень.

— Не смогу идти.

От боли втягивает воздух: еще одна кость сломана.

— Ты был прав насчет «белых рубашек».

— Рука дающая вольна забрать, когда ей вздумается. Тон старика заставляет Ма повернуть голову.

— Прошу. Я ведь накормил тебя. Найди мне рикшу. — Он пристально вглядывается в лицо Трана, рукой по памяти ощупывает запястье, где раньше красовалась драгоценность. Попытка предложить сделку. Обмен на жизнь.

Неужто злой рок, думает Тран. Или удача? Злой рок, ведь часы теперь у «белых рубашек» с черными дубинками. Удача — Тран пришел сюда, чтобы увидеть мучения Ма. Неужто действительно так? Или кармой для них двоих уготовано куда большее предназначение?

Мольба в глазах несчастного. Тран вдруг вспоминает, как давным-давно уволил молодого служащего, выставив на улицу без компенсации и запретив возвращаться. Правда, тогда он был большим человеком. Теперь же полное ничтожество. Даже хуже. Он помогает Ма сесть.

— Спасибо… спасибо…

Старик методично ощупывает его карманы, шарит в поисках случайного бата, который не забрали «белые рубашки». Неосторожным движением задевает Ма, и тот со стоном выругивается. Тран подсчитывает добычу: жалкая мелочь, которая для него все равно что целое состояние. Ссыпает монеты в собственный карман.

Дыхание Ма учащается, он хрипит:

— Прошу. Рикшу. Это все. Его едва слышно.

Склонив голову набок, Тран размышляет, пока инстинкты в нем ведут борьбу. Затем со вздохом качает головой:

— Мы держим удачу за хвост, так ты говорил. Натянуто улыбается:

— Мое собственное высокомерие из свежих, молодых уст.

Все еще удивляясь своему прежнему сытому «эго», Тран разбивает бутылку о булыжники. Стекло брызжет в стороны. Осколки сияют зеленым в свете фонарей.

— Будь я прежним большим человеком…

Горькая ухмылка.

— Но в конце концов и ты, и я лишь рабы иллюзий. Мне очень жаль.

Бросив последний взгляд вокруг, он всаживает осколок бутылки в горло Ма. Тот дергается, и кровь фонтаном брызжет на руку Трана. Старик отскакивает, чтобы не запачкать костюма. Ма силится достать до осколка в клокочущей глотке, но рука безвольно падает. Булькающее дыхание замирает.

Трана колотит. Рука дрожит, как от электрического разряда.

Так много смертей он видел… Но редко убивал сам. И вот перед ним лежит Ма, еще один малайский китаец, в чьей гибели виноват только Тран. История повторилась. Сильная тошнота заставляет согнуться.

Он ползет в спасительную тень дверного проема и там поднимается на ноги. Проверяет колено. Будто бы держит. На улице пусто и тихо. Посреди дороги куча мусора: тело Ма. Вокруг все недвижно.

Тран поворачивается и хромает прочь, придерживаясь стен. Пройдя несколько домов, он замечает, как гаснут фонари, один за другим, будто подвластные чьей-то огромной руке. В это время министерство общественных работ отключает газовое снабжение. Улица погружается в кромешную тьму.

Широкая Суравонг-роуд темна и почти пуста, когда Тран добирается до нее. В свете звезд — пара старых быков, неспешно волокущих телегу на каучуковых колесах. Рядом с ними неясная тень хозяина, тихо приговаривающего что-то. Мяуканье возбужденных котов-дьяволов разрезает горячий воздух. Больше никого.

Вдруг со стороны — скрип ржавой велосипедной цепи. Шорох колес по мостовой. Тран оборачивается, опасаясь, что это патруль гонится за ним. Но это всего лишь велорикша. Старик поднимает руку, сжимая в пальцах бат из кармана Ма. Рикша тормозит. Худые потные конечности блестят в свете луны.

— Куда направляетесь?

Тран сверлит взглядом широкое лицо извозчика, вдруг тот переодетый хищник… Но рикша всего лишь жаждет заполучить монету в руках старика. Тран отбрасывает сомнения прочь и забирается в повозку:

— К фабрикам *фарангов*. У реки. Рикша удивленно оборачивается:

— Они все закрыты. Ночью тариф на энергию слишком высокий. Никто не работает.

— Не важно. Появилась вакансия. Будет конкурс на место. Рикша поднимается на педалях:

— Ночью?!

— Завтра. — Тран устраивается удобнее. — Не хочу опоздать.

Грег Иган
Оседлав крокодила [176]

I

На десять тысяч триста девятом году семейной жизни Лейла и Джазим начали подумывать о смерти. Они познали любовь, вырастили детей и стали свидетелями процветания многих поколений потомков. Посетили десятки миров, пожили среди тысяч культур. Получили великолепное образование во многих областях науки, доказали теоремы, овладели артистическим мастерством. Они вовсе не испробовали каждый мыслимый образ жизни — ничего подобного, ибо что станется с обществом, если всякий индивидуум попытается изменить собственное бытие? Они считали, что кое-какие приключения непременно стоит испытать, а некоторые предназначены лишь для малочисленной горстки людей. Им вовсе не хотелось отказываться от характерных особенностей, коренным образом менять уклад жизни и превращаться в череду абсолютно других людей, в которых они могли воплотиться. Лейла и Джазим оставались сами собой, для чего немало постарались.

Но перед смертью супруги желали испробовать что-нибудь грандиозное и дерзкое. Дело вовсе не в том, что их жизни казались незавершенными и нуждались в заключительном пафосном аккорде. Не было потребности в удовлетворении непреодолимого эстетического влечения, в заполнении гнетущей экзистенциальной пустоты. И тем не менее, как только они поделились мыслями друг с другом, к этому всецело устремились их сердца.

Спешки в выборе проекта не было, здесь в основном требовалось терпение. Потому что оба знали: они не пройдут мимо венчающего их жизнь дела. Каждую ночь, отходя ко сну, Джазим спрашивал Лейлу:

— Ну как, придумала что-нибудь?

— Нет. А ты?

— Пока нет.

Иногда Лейле казалось, что ответ придет ей во сне, но дальше этого дело не шло. Порой Джазим чувствовал, что решение вопроса таится под поверхностными мыслями, но стоило углубиться в размышления, пытаясь отыскать ответ, оказывалось, что там его ждет лишь обман зрения.

Шли годы. Супруги предавались нехитрым радостям: возились в саду, плавали и занимались серфингом, вели беседы с друзьями и общались с потомками. Они поднаторели в поисках времяпрепровождения, которое допускает повторения. Однако в ожидании неведомого приключения каждый вечер они бросали

кости, договорившись, что пара шестерок положит раздумьям конец.

Однажды ночью Лейла в одиночестве стояла в саду и любовалась небом. Из родного мира Наджиб они путешествовали только к ближним обитаемым звездам, затрачивая на каждое путешествие лишь по нескольку десятилетий, потому что не хотели надолго разлучаться с семьей и друзьями. Что и говорить, цивилизация Амальгамы опутала всю галактику, и ярый любитель путешествий запросто мог бы метаться между мирами двести тысяч лет и лишь затем вернуться домой, но к чему столь претенциозная одиссея? Дюжина миров по соседству в состоянии удовлетворить даже взыскательного путешественника, к тому же едва ли в тридевятых царствах найдутся неведомые новшества, скорее — бесконечные вариации уже знакомого. Одно дело при определенной необходимости следовать к месту назначения, но затеряться среди миров просто из любви к путешествиям — совершеннейший абсурд.

Место назначения? Лейла мысленно наложила на небо подробную карту тысячелетней давности. Вон там миры с захватывающими дух туманностями и скоплениями звезд, причем они совершенно точно поспеют туда вовремя, чтобы застать ожидаемое зрелище, но не лучше ли воспользоваться отличными фотографиями библиотеки Наджиба? Отмахать десять тысяч лет и проснуться под облаком из зеленого или фиолетового газа, конечно же, чудесно, но все же грозит страшным разочарованием.

Трепещущие звезды все сильнее привлекали внимание Лейлы. Какая там архитектура, реки, фестивали! Но даже если бы эти достопримечательности смогли сохраниться в течение тысячелетия и были действительно уникальны, то все равно не тянули на прелюдию к смерти. Если бы давным-давно у них с Джазимом возникла нежная привязанность к какому-нибудь миру на другой стороне галактики, выделяющемуся особенной красотой или достопримечательностями, и если бы они частенько раздумывали о возможности там оказаться, тогда, вероятно, стоило бы предпринять попытку увидеть именно этот мир, пусть даже путешествие привело бы их лишь к руинам. Но у них не оказалось в запасе такого хранящегося в памяти адреса, а изобретать его было уже слишком поздно.

Взгляд Лейлы блуждал по небу и в конце концов остановился на скоплении звезд в центре галактики. Млечный Путь относился к Амальгаме, где различные формы жизни соединились в единую цивилизацию, но центральное скопление населяли существа, отказавшиеся от общения с окружающими. Все попытки послать туда автоматические научно-исследовательские станции — не

говоря о разновидностях технических спор, необходимых для создания инфраструктуры путешествий, — отклонялись мягко, но непреклонно. Вторгшиеся на территорию скопления аппараты немедленно отправляли обратно. С незапамятных времен, даже до образования цивилизации Амальгамы, скопление звезд под названием Отчуждение безмолвствовало и держалось в полной изоляции от всего окружающего мира.

Последние новости относительно Отчуждения поступили двадцать тысяч лет назад, но полная изоляция скопления длилось уже около миллиона лет. Если они с Джазимом отправятся туда, то велика вероятность, что они застанут положение дел на Отчуждении неизменным. Впрочем, они нисколько не разочаруются, если скопление неожиданно откроет границы: ведь так интересно стать свидетелем столь внезапной либерализации. Но все же лучше было бы застать теперешнее положение дел.

Она позвала Джазима в сад и указала на скопление неведомых звезд.

— Туда отправимся? — спросил супруг.

— Приблизимся к Отчуждению насколько возможно.

— И что дальше?

— Попробуем понаблюдать за скоплением, — ответила Лейла. — Постараемся что-нибудь узнать. Предпримем попытку установить контакт любым способом.

— А тебе не кажется, что подобные попытки делали до нас, и не раз?

— Миллионы раз. Хотя в последнее время в этом не очень-то усердствовали. Возможно, они изменились и стали более открытыми именно тогда, когда интерес к ним поостыл.

— Или не стали, — улыбнулся Джазим. Сначала он был слегка ошарашен идеей жены, но теперь она все больше и больше ему нравилась. — Задача будет очень и очень непростой. Но попытка не пытка. — Он взял руки Лейлы в свои. — Посмотрим, что нам покажется с утра.

На следующий день оба уже были уверены: они доберутся до мира неуловимых незнакомцев и попытаются пробудить их от безразличия ко всему внешнему.

Они собрали семью со всех уголков Наджиба. Несколько внуков и дальних родственников проживали в других системах звезд на расстоянии десятилетий при скорости света, но супруги решили не звать их домой для последнего прощания.

В доме и саду собрались двести человек во плоти, и еще двести присоединились в виртуальном крыле. Как и на любом другом празднике, собравшихся ждали беседа, угощение и музыка, а Лейла пыталась побороть зародившиеся вдруг

сомнения. Торжество продолжалось всю ночь, и каждый раз, когда она целовала свое дитя или внука, когда обнимала старого друга, думала: «Наверное, в последний раз». Именно в последний раз, ведь прожить еще десять тысяч лет она не в состоянии. При мысли о прикосновениях, с которыми она расстается навсегда по своей воле, душа ее металась и билась, словно загнанный в угол зверь.

Приближался рассвет, и вечеринка превратилась в фантасмагорическое действо. Гости наряжались в маскарадные костюмы мифических героев или же просто шутили и развлекались с иллюзорными телами. Все проходило спокойно и мирно, куда уж до сюрреалистических крайностей молодости, но все равно у Лейлы слегка кружилась голова. Когда сыну Хал иду вздумалось удлинить уши и заставить их вращаться, эта милая глупость несла в себе суровое предсказание: оборудование дома, как всегда, с легкостью отделяло ее разум от тела, но на этот раз Лейлу не ждет возвращение в ту же самую плоть.

С восходом солнца послышались первые «прощай». Лейла заставила себя отпустить каждую протянутую к ней руку, разомкнуть объятия с каждым несуществующим телом. Она шепнула Джазиму:

— Ты тоже сходишь с ума?

— Да.

Мало-помалу толпа провожающих поредела. Стихло виртуальное крыло. Лейла блуждала по комнатам, словно желая случайно наткнуться на кого-нибудь из припозднившихся гостей, но вскоре заставила себя свыкнуться с мыслью, что дом опустел: дети и друзья ушли со слезами на глазах. Она подавила безутешную печаль, воспарила над ней и отправилась на поиски Джазима.

Он ждал супругу перед дверьми их спальни.

— Готова отправиться спать? — мягко спросил он.

— Хоть на целую вечность, — ответила Лейла.

II

Лейла пробудилась в той же самой кровати, в которой уснула. Джазим все еще спал рядом с ней. За окном рассвело, но не было видно ни привычных скал, ни океана.

У Лейлы был дом… После двадцати тысяч лет путешествия со скоростью света, с остановками на одну-две микросекунды для очистки и уточнения маршрута на различных промежуточных базах, пакет данных, несущий информацию о супругах, благополучно прибыл на Наздик-бе-Биган. Этот мир никак нельзя было назвать густонаселенным. Его немного изменили, чтобы сделать совместимым с рядом метаболических стилей. Дом образовал место, где при желании супруги могли комфортно жить во плоти сколько угодно.

Джазим шевельнулся и открыл глаза:

— С добрым утром! Как ты себя чувствуешь?

— Постаревшей.

— В самом деле?

Лейла серьезно задумалась на минутку и решила:

— Нет. Нисколечко. А ты как?

— Хорошо. Интересно, что там, вокруг нас.

Он подошел к окну. Впереди простиралась широкая пустынная равнина, покрытая низенькой желто-зеленой растительностью. Эти растения могли служить им пищей, а пока они спали, дом уже разбил огород с пряными травами. Джазим потянулся.

— Пойдем приготовим завтрак.

Они спустились вниз, ступая в новеньких, только что созданных телах, вышли в сад. В недвижимом воздухе уже припекало солнце. Дом подготовил им садовые инструменты для выращивания урожая. Такова суть путешествий — они являлись с пустыми руками, в округе нет ни родственников, ни пятнадцати кузенов или знакомых. Но где бы то ни было на Амальгаме им все равно рады, и механизмы, контролирующие этот мир от имени жителей, приложили все усилия к тому, чтобы Лейла с Джазимом ни в чем не нуждались.

— Итак, мы очнулись для загробной жизни, — задумчиво произнес Джазим, выкашивая желтые стебли. — Похоже на то, что жизнь после смерти довольно-таки крестьянская.

— Говори только за себя, — возразила Лейла. — Пока что я еще не мертва. — Она опустила косу, нагнулась и выдернула с корнем одно из растений.

Приготовленное блюдо оказалось сытным, но безвкусным.

Лейла подавила желание изменить себе восприятие блюда; надо бы придумать достойные рецепты, которые внесут нелишнее разнообразие в исполнение грандиозных задач, ради которых они здесь оказались.

Весь день супруги провели на ногах, исследуя окрестности. Вода в дом поступала из пробегавшей поблизости речушки, а солнечный свет обеспечивал необходимой энергией. С гряды холмов в часе ходьбы от дома они заметили какое-то здание, но решили не торопить события и представиться соседям попозже. В воздухе пахло чем-то странным, вероятно, тамошние жители обладали отличными от них метаболическими типами, но запах не казался слишком навязчивым.

Их застало врасплох наступление темноты. Еще до захода солнца на востоке появилось скопление звезд, и Лейла сначала подумала, что эти белые крапинки на постепенно темнеющем синем фоне — некий экзотический атмосферный феномен, может быть, небольшие облачка, образовавшиеся в стратосфере при понижении температур. Когда же она поняла, в чем дело, то позвала Джазима присесть рядом с ней на берегу речки и полюбоваться, как восходят звезды скопления.

Они разом появились на небе, когда Наздик оказался между Солнцем и центром галактики. В сумерках половина ослепительной поверхности территории Отчуждения простиралась от восточного горизонта до зенита, а все ярче сверкающие звезды медленным маршем двигались на запад по темнеющему небосводу.

— Думаешь, ради этого зрелища стоило умереть? — пошутил Джазим по пути домой.

— Если ты напрочь лишен честолюбия, то можно прямо сейчас покончить с этим.

Джазим сжал руку жены:

— Даже если наши изыскания займут десять тысяч лет, я готов.

Ночь была тихой и теплой, они могли бы лечь спать на воздухе, но разворачивающееся на небе действо слишком отвлекало. Они устроились внизу, в физическом крыле. Лейла смотрела, как по стенам скользят чудные дебри теней от мебели. Она подумала о соседях: «Когда мы придем и постучимся к ним, они непременно спросят, что же нас так задержало».

III

На Наздике оказались сотни обсерваторий, выстроенных и затем заброшенных прибывшими сюда с теми же самыми целями поселенцами. Когда Лейла смотрела на древнее, устаревшее космическое барахло, добросовестно содержащееся в исправности роботами-охранниками для истории, она чувствовала себя так, словно взирала на курганы предков, растянувшиеся в поле за домом насколько хватало глаз.

С Наздика можно было послать запрос на необходимое оборудование, но многие из заброшенных обсерваторий функционировали отлично, их оставили в полной готовности к выполнению всевозможных работ по наблюдению за космосом.

Лейла с Джазимом сидели в гостиной и пробуждали от тысячелетнего бездействия одну установку за другой. Некоторые из них, как выяснилось, вовсе не бездействовали, а производили систематические наблюдения и собирали данные долгое время после того, как хозяева потеряли к ним всякий интерес.

Мощные гравитационные эффекты в звездных пределах скопления сделали планетарный порядок более разреженным, чем он был в галактическом диске, а орбиты — менее устойчивыми. Однако все планеты нашлись. Их с Наздика можно было увидеть несколько тысяч, и одна обсерватория следила за их атмосферными характеристиками на протяжении последних двенадцати тысячелетий. В мирах Отчуждения за это время не было выявлено никаких отклонений газового состава атмосферы от вероятных, чисто геохимических моделей, что подразумевало отсутствие живой природы и нефтяной промышленности. Но не доказывало тот факт, что миры необитаемы, лишь выдвигало предположение о том, что Отчуждение изо всех сил старается скрыть отпечатки химических следов или существует совершенно по-другому, нежели любая из цивилизаций Амальгамы.

Одиннадцать форм биохимии, найденных в разных местах диска галактики, со временем породили сотни разумных биотипов, на основе которых возникло множество цивилизаций. Некоторые культуры пожелали существовать в качестве программ, другие предпочли остаться в телесном обличье. Сама Лейла никогда по своей воле не выбрала бы тот или иной способ существования, для всех видов это казалось весьма странным, но несложно было представить себе поступающую так целую субкультуру. В некотором смысле причудливая цивилизация Амальгамы фактом своего существования была обязана тому, что внутри каждого вида царило преизрядное культурное

разнообразие, так же как и между различными видами. В подобном многообразии перекрещивающиеся интересы были неизбежны и неминуемы.

Если Отчуждение являлось исключением и материальная культура скопления сжалась до нескольких процессоров, каждый из которых нуждается в крупице энергии рассеянных по триллиону кубических световых лет пыли и пылающих звезд, — в этом случае отыскать их будет невозможно.

Но этот наихудший вариант не мог соответствовать действительности хотя бы потому, что некий компонент материальной культуры Отчуждения отсылал назад каждую посланную в скопление исследовательскую ракету. Миллиарды автоматических станций, отправленных тысячами различных маршрутов, отслеживались, перехватывались и отсылались обратно; соответственно практически на каждой звезде по краю Отчуждения существовала некая форма жизни. Лейла и Джазим ознакомились с последними попытками проникновения в скопление, но за сорок тысяч лет ничего не изменилось. Твердых границ территории у Отчуждения не существовало, пограничный район проходил примерно в пятидесяти световых годах от скопления, и каждый оказавшийся там космический аппарат прекращал функционировать. Без всякого предупреждения замирали передатчики радиосигналов. Примерно через столетие аппараты появлялись вновь почти в том же самом месте, где прежде исчезли, и летели в обратном направлении: точно туда, откуда прилетели. Вернувшиеся назад ракеты тщательнейшим образом проверяли, причем выяснилось, что они полностью невредимы, разве что не сохранилось абсолютно никаких данных, относящихся ко времени их пребывания в Отчуждении.

— Вероятно, цивилизация Отчуждения давным-давно прекратила свое существование. Они создали прекрасную заградительную линию, которая сохранилась дольше их самих и ныне сторожит руины, — сказал Джазим.

— Никакая цивилизация, распространенная за пределами одной звездной системы, не исчезает бесследно, — решительно возразила Лейла. — Порой они изменяются до неузнаваемости, но такого, чтобы не оставить даже потомков, еще не бывало!

— Это исторический факт, а не закон Вселенной, — настаивал Джазим. — Если мы все доказательства будем строить на аналогии с Амальгамой, то не придем к верному решению. Нас бы тут не было, если бы Отчуждение не являлось исключением из правил.

— Верно. Но я отказываюсь признавать, что они погибли, до тех пор, пока не увижу доказательств.

— Что сойдет за доказательство? Кроме миллиона лет полного безмолвия?

— Молчание может означать что угодно. Если они действительно погибли, мы непременно найдем тому подтверждение, разыщем что-то конкретное, — твердо сказала Лейла.

— Что, например?

— Когда мы натолкнемся на это что-то, то обязательно поймем.

Супруги всерьез занялись претворением в жизнь проекта: изучали данные древних обсерваторий, прерываясь лишь для того, чтобы собрать корнеплоды, приготовить пищу и поспать. Они воздерживались от планирования обратного путешествия на Наджиб, понимая, что все, запланированное наперед, скорее всего, придется все равно пересматривать после того, как завершится исследование Отчуждения. Прилетев сюда и обнаружив отсутствие каких-либо изменений, Лейла очень пожалела, что отправилась в путь без надлежащей подготовки.

Если они вернутся на Наджиб ни с чем, то окажутся ни на что не годными дилетантами. Теперь Отчуждение стало для них *raison d'etre*,[177] более они не могли расслабиться, предаваясь построению гипотез, поскольку каждый систематический подход оказался неудачным. Проделав путь в двадцать тысяч световых лет, они просто не могли, выкинув нерешенную задачу из головы, проводить дни в фантазиях, наслаждаясь сельской идиллией Наздика. Итак, в поисках методологически нового подхода они изучили все, что было некогда опробовано, в надежде на то, что свежий взгляд может обнаружить в прежних изысканиях — пусть даже случайно, если не по какой другой причине — некое ключевое белое пятно, незамеченное всеми предшественниками.

После семи месяцев безрезультатных поисков именно Джазим наконец вытащил их обоих из мертвой трясины.

— Так мы ни до чего не додумаемся, — твердо сказал он. — Пришло время признать это, отложить до поры до времени и навестить соседей.

Лейла уставилась на мужа так, словно он лишился рассудка:

— Навестить? Как? С чего ты взял, что они вот так вдруг возьмут и впустят нас?

— Соседи. Помнишь? Там, за холмом. Те самые, которым, может, хочется с нами познакомиться.

IV

Их соседи направили обращение, в котором говорилось, что они в принципе приветствуют социальный контакт, но, чтобы ответить, им требуется время. Джазим отправил им приглашение и принялся ждать.

Ответ пришел через три дня. Соседи не желали видоизменяться для визита и предпочитали в настоящее время тела не менять. Учитывая менее жесткие требования при воплощении Лейлы и Джазима по причине их видовых особенностей, не согласятся ли супруги сами прийти к соседям в гости?

— Почему бы и нет? — ответила Лейла, и они договорились о дате и времени.

Синопсис соседей включал описание биологических и социологических деталей, необходимых для подготовки к встрече. Их биохимия основывалась на углеродном обмене и потреблении кислорода, но ДНК-репликатором они отличались от Лейлы и Джазима. Наследственный фенотип представлял собой огромную змею, покрытую шерстью, и, воплощаясь, они обычно жили в гнездах семьями особей по сто. Каждый индивидуум обладал абсолютно независимым разумом, но одиночество было им чуждо.

Чтобы прийти к соседям днем, Лейла с Джазимом вышли поздним утром. Небо заволокли низкие тяжелые тучи, но облачность не была полной. Лейла заметила, что, когда солнце прячется за тучу, можно различить самые яркие звезды края скопления.

Джазим сурово одернул ее:

— Перестань смотреть туда. У нас выходной.

Дом змей представлял собой большой приземистый цилиндр, напоминающий резервуар для воды, заполненный чем-то мшистым. У входа гостей поджидали трое хозяев, свернувшиеся кольцами среди мха у входа в туннель. По ширине их туловища были почти такими же, как у гостей, а длина — восемь или десять метров. На лицевой части головы — два глаза, остальные органы чувств не видны. Лейла разглядела, где у них находятся рты, и из синопсиса знала, сколько у них рядов зубов, но широкие розовые пасти были закрыты и едва виднелись в густом сером меху.

Змеи общались с помощью низкочастотного шипения, язык их был весьма сложен, поэтому Лейла мысленно назвала их произвольно выбранными и несколько необычными именами — Тим, Джон и Сара — и так обозначила их в своем переводчике.

Теперь она знала, кто есть кто, кто именно к ней обращается, и понимала язык их жестов.

— Добро пожаловать в наш дом, — с энтузиазмом приветствовал их Тим.

— Благодарим за приглашение, — учтиво ответил Джазим.

— К нам давно никто не приходил, — подхватила Сара, — поэтому мы действительно очень рады познакомиться с вами.

— Как долго у вас не было гостей? — поинтересовалась Лейла.

— Двадцать лет, — сообщила Сара.

— Но ведь мы прибыли сюда, чтобы жить спокойно, — добавил Джон. — Так что мы знали, на что идем.

Лейла задумалась: разве в клане с сотней голов может быть спокойная жизнь? Но, с другой стороны, непрошеные вторжения извне не имеют ничего общего с внутрисемейными разборками.

— Пойдемте в гнездо? — предложил Тим. — Мы не обидимся, если вы откажетесь, но всем бы хотелось повидаться с вами, а многим из нас выползать наружу совсем некомфортно.

Лейла взглянула на Джазима.

— Мы можем перевести наше зрение в режим инфракрасного излучения. И изменить себя таким образом, чтобы запах нас не беспокоил, — предложил он.

Лейла согласилась с мужем.

— Хорошо, — кивнул Тиму Джазим.

Тим скользнул в туннель и исчез быстрым грациозным движением, и Джон, мотнув головой, предложил гостям последовать за ним. Первой пошла Лейла, продвигаясь по пологому откосу на коленях и локтях. Поверхность туннеля оказалось прохладной, сухой и упругой. В десяти метрах впереди в образе гигантского сияющего теплом тела-светлячка она видела Тима, который приостановился, чтобы Лейла могла его нагнать. Обернувшись, она взглянула на Джазима: он выглядел еще более сверхъестественно, чем змей: от напряжения его голова и руки покрылись странными полосами излучения.

Через несколько минут они добрались до большого зала. Воздух там был влажный, но после тесноты туннеля все равно показался прохладным и свежим. Тим провел супругов в центр зала, где их уже поджидала дюжина змей. Они взволнованно окружили гостей и выстукивали хвостами радостные приветствия. Лейла почувствовала выброс адреналина, хотя прекрасно знала, что ни ей, ни Джазиму ничто не грозит, но размер и энергия громадных созданий ошеломляли.

— Вы можете рассказать нам, почему прибыли на Наздик? — спросила Сара.

— Конечно.

Секунду-другую Лейла пыталась смотреть ей в глаза, но Сара, так же как все другие змеи, беспрестанно двигалась. Переводчик Лейлы трактовал это как исполненное тепла и восторга чувство. Что до невозможности смотреть друг другу в глаза, личный переводчик змей прекрасно разберется в том, какие аспекты обычного вежливого поведения человека в данных обстоятельствах нецелесообразны, и правильно растолкует ее поведение.

— Мы здесь для того, чтобы узнать об Отчуждении.

— Об Отчуждении? — переспросила Сара. Сперва она казалась просто озадаченной, затем переводчик Лейлы намекнул на оттенок иронии. — Но они ничего нам не предлагают.

На секунду Лейла потеряла дар речи. С трудом, но она все же поняла смысл сказанного. Для удовлетворения любопытства друг друга жители Амальгамы поступали так: они издавали синопсисы, в которых писали о себе все, что имели сообщить другим живым существам, а также особо оговаривали, приветствуют они общение или же нет. Однако некоторые вовсе не желали распространяться о себе, посему не издавали синопсисы, и их решение все уважали. Когда никакой информации не предоставлялось, приглашения к дальнейшим расспросам не поступало, тогда никто не имел права лезть не в свое дело.

— Похоже на то, что действительно ничего не предлагают, — ответила Лейла. — Но это можно расценить как непонимание.

— Они отсылали обратно все ракеты, — парировал Тим. — Вы в самом деле думаете, что можно неправильно истолковать подобные действия?

— Это значит, что они не хотят, чтобы мы физически вторгались на их территорию, ставили наши машины рядом с их домами, но я совсем не уверен, что это можно расценить как доказательство их нежелания какого бы то ни было общения, — поддержал жену Джазим.

— Следует оставить их в покое, — настаивал Тим. — Они видели ракеты, значит, знают, что мы здесь. Если бы им хотелось установить контакт, в свое время и при желании они бы это сделали.

— Оставьте их в покое, — повторила другая змея. Ей вторили все обитатели гнезда.

Лейла стояла на своем:

— Нам неизвестно, сколько различных видов и культур населяют скопление. Одни отсылают ракеты назад, но ведь могут быть тысячи других, которые даже не знают о том, что Амальгама

пытается установить контакт.

Это предположение дало толчок дискуссиям как между гостями и хозяевами, так и между змеями. Все время змеи продолжали взволнованно кружить, в то время как в зал вползали все новые особи, желающие взглянуть на невиданных чужестранцев.

Когда шум споров поутих и приличия позволили сменить тему разговора, Лейла поинтересовалась у Сары:

— А вы, змеи, почему перебрались на Наздик?

— Планета находится на отшибе, вдалеке от основных маршрутов. Здесь мы можем размышлять и не опасаться за свой покой.

— Но ведь ту же самую приватность вы могли обеспечить себе где угодно. Все зависит от того, что вы укажете в своем синопсисе.

В ответе Сары сквозило изумление:

— Для нас было бы непростительной грубостью отказаться от всяких контактов. Особенно от общения с соплеменниками. Чтобы жить спокойно, нам пришлось максимально снизить вероятность встречи со всеми, готовыми броситься на наши поиски. Чтобы пожинать плоды обособленности, мы приложили усилия и физически удалились на возможно большее расстояние.

— Однако нас вы тепло встретили.

— Конечно. Но нынешнего общения нам хватит лет на двадцать.

— О чем именно вы размышляете в полном уединении?

— О природе реальности. Цели существования. О смысле жизни и ее прекращении.

Лейла почувствовала легкий озноб. Она почти забыла, что назначила встречу со смертью, хотя не оговорила точной даты.

Змеям она рассказала, как они с Джазимом решили перед смертью предпринять грандиозный проект.

— Любопытный подход, — сказала Сара. — Непременно поразмыслю на эту тему. — Она задумалась, а потом добавила: — Хотя я не уверена, что вы верно решили проблему.

— Что вы имеете в виду?

— Будет ли проще теперь назначить правильный миг для завершения жизни? Может статься, вы просто заменили одну весьма щекотливую проблему на другую, еще более сложную. Непросто будет решить, когда же вы совершенно измучаетесь, пытаясь наладить контакт с Отчуждением.

— Вы говорите так, словно у нас нет ни единого шанса преуспеть в нашем деле. — Лейла не боялась неудач, но намек на полнейшую безнадежность задуманного — совсем другое дело.

— Мы живем на Наздике пятнадцать тысяч лет, — пустилась в объяснения Сара. — На мир за пределами гнезда мы не особенно обращаем внимание, но даже из нашего уединенного жилища мы видели многих, кто уходил отсюда восвояси, потерпев крах.

— Так когда же вы сами признаете, что закончен ваш собственный проект? — парировала Лейла. — Если даже после пятнадцати тысяч лет вы не обрели желаемого, когда же вы признаете поражение?

— Не знаю, — созналась Сара. — Так же как и вы, не имею ни малейшего представления.

V

Когда впервые появилась возможность прорыва, ничто не отличало ее от тысяч предыдущих ложных сигналов тревоги.

Шел семнадцатый год на Наздике. Пятнадцать лет назад Лейла с Джазимом запустили собственную обсерваторию, оснащенную по последнему слову техники, но с ее помощью добились лишь подтверждения нулевого результата предшественников.

Они погрузились в неспешную рутину систематических исследований. Среди абсолютно глухих вариантов — наличия в скоплении энергичной, предприимчивой и экстравертной цивилизации, активно занимающейся поисками контакта любыми доступными способами, — и несметным числом возможностей, которые на таком расстоянии не отличить от отсутствия всякой жизни и механики, оставался один скрытый, но действенный шлюз, дразнящий ключ, который иногда всплывал из данных лишь для того, чтобы вновь раствориться в статистической бессодержательности вопреки продолжающимся исследованиям.

С Надзика можно было увидеть десятки миллиардов звезд в пределах территории Отчуждения, некоторые из них на протяжении лет или месяцев гасли или вступали в активное взаимодействие. Черные дыры проглатывали своих соседей. Нейтронные звезды и белые карлики захватывали свежее ядерное топливо и ярко вспыхивали новыми звездами. Скопления звезд сталкивались и разрывали друг друга на части. Если на протяжении достаточно длительного времени собирать об этом сведения, то начинает казаться, что повидал почти все. Лейла не удивилась бы, если бы вышла ночью в сад и увидела на небе надпись «добро пожаловать» перед тем, как случайный узор новых звезд изменился бы, растворив послание в хаосе.

Когда их телескоп для регистрации гамма-лучей уловил необычное тусклое мерцание — распадающееся в возбужденном состоянии ядро определенного изотопа фтора, хотя поблизости не было никаких источников радиации, способных привести ядро в подобное состояние, — они решили, что это еще один бессистемный необъяснимый факт в копилке подобных происшествий. Когда же то же самое мерцание было замечено неподалеку, Лейла рассудила, что если обогащенное фтором газовое облако в одном местоположении подвергается воздействию невидимого источника радиации, то нет ничего удивительного в том, что те же самые явления происходят и в другом облаке.

И вот опять мерцание. Три выстроившихся в пространстве и времени факта, похожих на короткие импульсы гамма-излучения в формате сфокусированного луча, бьющего в три разные точки газового облака. Однако в громадном объеме сведений предшественников сотни тысяч раз упоминались гораздо более интересные совпадения.

С четвертой вспышкой стало очевидно, что данный случай все-таки экстраординарный. Достигающие Наздика вторичные гамма-частицы давали лишь слабое и искаженное впечатление об изначальном излучении, но все четыре вспышки соответствовали одиночному острому лучу. В скоплении насчитывались тысячи известных источников гамма-лучей, но частота излучения, направление луча и временной график пульсации не подходили ни к одному из них.

В архивах упоминалось несколько десятков случаев подобных эмиссий, замеченных при схожих условиях по ядрам фтора. Никогда прежде не бывало более трех связанных явлений, но траектория одной последовательности проходила неподалеку от нынешней.

Лейла села у речки и принялась моделировать вероятные возможности. Если луч связывал два объекта во время активного полета, предсказание было невозможно. Если же получатель и отправитель преимущественно находились в невесомости и лишь изредка вносили коррективы, то при объединении прошлых и нынешних данных она получала вероятный прогноз на координаты нахождения следующего луча.

Джазим окинул взглядом моделирование, звезды и уравнения, парящие над водой.

— Вся траектория будет лежать за пределами, — сказал он.

— И не говори, — отозвалась Лейла. Территория Отчуждения была сферической и выпуклой, без проникновения на саму территорию было невозможно добраться из одного пункта в другой. — Но взгляни, как расширяется луч! Исходя из характеристик фтора, можно сказать, что к тому моменту, как он достигнет получателя, его ширина составит десятки километров.

— И они не смогут его перехватить? Позволят части луча добраться до диска? — Пока Джазим явно не был убежден.

— Смотри, если бы они действительно старались изо всех сил спрятать луч, мы бы вообще никогда не увидели выброс сигнала.

— Газовые облака с большим содержанием фтора крайне редки. Очевидно, они выбрали частоту, которая не стала бы рассеиваться при обычных обстоятельствах.

— Да, но это лишь вопрос получения сигнала через местную внутреннюю среду. Мы сами выбираем частоту и не можем

предугадать, какое вещество встретится по пути, но совершенного выбора нет, и с этим придется смириться. Думаю, они сделали то же самое. Если бы они были фанатичными пуристами, то общались бы посредством абсолютно других методов.

— Хорошо. — Джазим углубился в модель. — Так куда же мы попадаем?

Ответ краток: никуда. Если луч не полностью блокируется намеченной целью, то значительно распространится, продвигаясь через галактический диск, но не станет таким широким, чтобы переметнуться через точку аванпоста Амальгамы.

— Слишком здорово, чтобы упускать такую возможность, — сказала Лейла. — Нужно запустить современную обсерваторию по траектории луча.

— Причем следует сделать это до того, как узловые модули сообразят, что их снесло слишком близко к чему-то опасному, и включат двигатели для исправления курса, — согласился Джазим.

Супруги поразмыслили над возможностями выполнения задачи. Повсеместно, где Амальгама установила свое присутствие, инфраструктура могла трансформировать данные в материальные объекты. Также не составляла никакого труда передача в любую точку самого себя и нужного оборудования; единственным ограничением была скорость света. Чрезмерно обширные запросы порой отклонялись, но на умеренные заявки отказы приходили редко.

Намного труднее дело обстояло с сырьем, в этом случае вместо четких данных следовало посылать какую-нибудь техническую спору. Если время поджимало, то энергия затрачивалась не только на доведение споры до релятивистской скорости — затраты, растущие как снежный ком благодаря массе защитного экранирования, — еще приходилось терять изрядное количество времени на стадии торможения, иначе спора поразит цель с такой силой, что превратит ее в плазму. Для замедления споры можно использовать взаимодействие с межзвездной средой, чтобы не пришлось везти с собой еще большее количество массы в качестве топлива для торможения, но в целом занятие было страшно неэффективным.

Сложно доставить нечто вещественное в заданную точку громадного пустого пространства между звездами. Без сырья, подготовленного в назначенном месте, все должно было передаваться откуда-либо еще. Лучше начать с отправки технической споры в кометное облако, гравитационно слабо связанное с сопряженной звездой, но далеко не каждое такое облако было открыто для расхищения, на все требовалось время и

до безобразия много энергии.

Подготовка к доставке обсерватории в наиболее приемлемую точку по траектории луча и путешествие со скорректированной скоростью займет в общей сложности около пятнадцати тысяч лет. И то с учетом того, что местные культуры с ближайшими материальными базами, обладавшими правом вето на использование сырья, тотчас откликнутся на их запрос.

— Сколько на корректировку курса? — задавалась вопросом Лейла. Если разработчики гипотетической сети расторопны, то узлы без проблем могли дрейфовать в межзвездном пространстве, но в скоплении все происходило быстрее, чем в диске, следовательно, противодействие гравитационному эффекту потребуется гораздо раньше. Верные прогнозы сделать невозможно, но у них в запасе запросто могло оказаться всего восемь или десять тысяч лет.

Лейла постаралась примириться с действительностью.

— Попробуем в этом месторасположении, если повезет — сможем что-нибудь ухватить. Ну а если нет — тогда попробуем после смещения луча, — предложила она.

Бесполезно посылать первую обсерваторию вдогонку за лучом: даже при теперешнем движении узлов в невесомости точка наблюдения будет двигаться с изрядным коэффициентом скорости света относительно местных звезд. Учитывая огромные расстояния, малое изменение направления движения в скоплении может отнести луч на тысячи световых лет к тому времени, как он достигнет диска.

— Подожди-ка, — сказал Джазим и увеличил область вокруг проекции траектории луча.

— Что ты ищешь? Джазим спросил карту:

— Нет ли на прямой линии, которая перекрещивается с лучом, двух аванпостов Амальгамы?

— Нет, — скептически ответила карта.

— Ну что ж, тогда все было бы слишком просто. Может, на плоскости, которая пересекается с лучом, лежат три аванпоста?

— От десяти до восемнадцати троек удовлетворяют данным запроса, — ответила карта.

Лейла внезапно поняла, что имел в виду Джазим. Она рассмеялась и сжала руку мужа:

— Да ты вконец ненормальный!

— Дай мне сначала получить цифры, а потом дразни, сколько хочешь, — улыбнулся Джазим, затем слегка перефразировал вопрос к карте: — Через сколько из этих троек пройдет луч, пересекая треугольник с наиболее приближенными к траектории луча вершинами?

— Приблизительно от десяти до шести.

— На каком расстоянии от нас находится самая ближняя точка пересечения луча с любым из этих треугольников?

— Семь тысяч четыреста двадцать шесть световых лет.

— Торможение столкновением. С тремя компонентами? — поинтересовалась Лейла.

— У тебя есть идея получше?

«Лучше идеи экономии времени в целых два раза по сравнению с общепринятым методом?» — подумала она, но вслух сказала:

— Пока ничего не приходит в голову. Дай подумать. Торможение о неустойчивую межзвездную среду — процесс медленный. Если же хотелось быстро доставить нужный груз в точку, по счастью лежащую на прямой линии между двумя действующими аванпостами, можно было запустить два отдельных пакета данных из двух разных мест и позволить им «столкнуться» при встрече — или, скорее, позволить им затормозить друг о друга магнитным полем. Если пакетам данных обеспечить равный и противоположный кинетический момент, при остановке им не потребуется выбрасывать реактивную массу или хвататься за пролетающие молекулы, и их кинетическую энергию можно перевести в электричество и запасти для дальнейшего использования.

Цель и расчет времени обязательно должны быть определены безукоризненно. Релятивистские пакеты данных не производили корректировку курса в полете, и имеющиеся данные о точном определении местоположения на каждом месте пуска являлись всегда потенциально несовершенным прогнозом, а не твердой, наподобие скалы, констатацией факта. Даже с помощью изумительных астрометрических и вычислительных ресурсов Амальгамы невозможно было гарантировать соответствие до миллиметра при расстояниях в тысячи световых лет.

Джазим же хотел заставить встретиться три буллита, которые исполнят выверенный электромагнитный танец, в финале которого создастся правильная скорость, необходимая для сохранения курса движущейся цели луча.

Вечером, вернувшись домой, они вместе занялись проработкой модели. Несложно отыскать схему, которая сработает при благополучном стечении обстоятельств, но супруги продолжали искать самое разумное решение проблемы, допускающее небольшие неточности. При стандартном торможении путем двухчастного столкновения обычное решение проблемы было следующее: первый модуль в форме цилиндра проходит прямо через отверстие во втором. Когда первый

появлялся с другой стороны и оба вновь двигались раздельно, магнитные поля переключались с отталкивающего на притягивающее. Следовало несколько «скачков», и в процессе как можно большее количество кинетической энергии последовательно превращалось в сверхпроводниковый ток для хранения, а остальное рассеивалось электромагнитным излучением. Наличие встречающихся под углом трех объектов не только сделает выбор времени и определение координат критичным, но и разрушит простую осевую симметрию и внесет большой риск неустойчивости.

Только после рассвета супруги остановились на самом подходящем проекте, оптимальным образом делящем проблему на две. Первый модуль, сфера, встретит модуль два — полукруглый фриз, пройдет через отверстие посредине и спружинит вперед и назад семнадцать раз. Плоскость полукруглого фриза будет лежать под углом к направлению полета, позволяя сфере приблизиться к нему фронтально. Когда же два модуля придут в равновесие, то будут все еще обладать составляющей скоростью, которая принесет их прямо к модулю три: цилиндру с осевой горловиной.

Поскольку электромагнитные взаимодействия были такими же, как в двучастном случае — самоцентрирующиеся и, по сути, устойчивые, небольшие смещения в каждом из столкновений фатальными не окажутся. Тем не менее обычный двучастный случай не требовал комплексного модуля, чтобы после завершения всех спружиниваний и рассеивания энергии продолжать движение по точно установленной траектории для прохождения через другое узкое кольцо.

Не было никаких гарантий, и в конце концов результат зависел и от других существ. Супруги могли выслать запрос на три аванпоста с просьбой запустить эти объекты по заданной траектории в нужное время. Потребность в энергии колебалась на грани любезности, и могло статься, что как минимум один запрос не будет удовлетворен.

Джазим смахнул модели, и они рядышком расположились на ковре.

— Никогда не думал, что мы зайдем так далеко, — сказал он. — Даже если это лишь мираж, я все равно не надеялся, что мы найдем хоть что-то стоящее.

— Не знаю, чего ожидала я, — отозвалась Лейла. — Пожалуй, представляла некое невообразимое безрассудство: долгую, изнурительную, пьянящую борьбу, похожую на странствия по джунглям годами, длящуюся до смерти.

— И что потом?

— Сдаться.

Джазим некоторое время молчал. Лейла видела, что муж погружен в раздумья, и не мешала ему. Наконец он спросил:

— Мы отправимся в эту обсерваторию сами или здесь подождем результатов?

— Мы поедем! Определенно! Я не хочу мучиться здесь в ожидании целых пятнадцать тысяч лет. Мы оставим обсерватории Наздика охотиться за другими светящимися лучами и передавать сведения, таким образом, мы всюду будем в курсе событий.

— Ну да, не лишено смысла, — согласился Джазим. Поколебавшись, добавил: — Когда мы отправимся вдогонку за лучом, я не стану оставлять на Наздике резервную копию себя.

— Да?

Улетая с Наджиба, супруги не оставили там двойников: если бы не удалась передача на Наздик, то ничто не вернуло бы их к жизни. Конечно, степень риска путешествий в пределах устоявшейся сети Амальгамы была крайне мала, но все же. Если же они пошлют себя к гипотетическому местоположению еще только предназначенной для сборки станции среди неизвестности и пустоты, то перед ними замаячит весьма вероятная возможность остаться в пустоте навсегда.

— Ты устал от всего этого? — спросила Лейла. — И даже от наших достижений?

— Дело не в этом.

— Представившийся нам шанс — вовсе не все и не конец всему. Теперь, когда мы знаем, как искать лучи, мы найдем еще один, когда сместится этот. Если мы будем настойчивы, то найдем даже тысячу.

— Знаю, — ответил Джазим. — Я не хочу останавливаться и не хочу отказаться от нашего дела. Но испытываю необходимость рискнуть. Всего один раз. Пока это еще хоть что-то значит.

Лейла выпрямилась и тут же понурилась. Она могла понять чувства мужа, и они тревожили ее.

— Мы уже добились небывалых успехов. За миллион лет никому не удалось отыскать ничего подобного. Если мы оставим наше открытие потомкам, они доведут дело до конца, мы можем быть в этом уверены. Но я отчаянно хочу сам продолжить его. С тобой.

— Именно потому, что ты хочешь этого столь сильно, тебе нужно рисковать всем?

— Да.

Этого им еще не доводилось испытать. В молодости они никогда сознательно не рисковали жизнью. Они очень любили друг друга и страстно стремились к жизни, которая только

начиналась, поэтому ставки были чрезвычайно высоки. В осень жизни на Наджибе сделать это не составляло труда, но развлечение было бы уж очень сомнительным. Джазим взял супругу за руку:

— Своими словами я причинил тебе боль?

— Нет, нет. — Лейла задумчиво покачала головой, пытаясь собраться с мыслями. Скрывать чувства она не хотела, но желала выразить их точно, а не выпалить что попало в поспешном порыве. — Я всегда думала, что мы подойдем к концу вместе, рука об руку. Мы дойдем до некой точки в джунглях, посмотрим вокруг, обменяемся взглядами и поймем, что мы наконец-то пришли. Даже необязательно будет высказывать мысли вслух.

Джазим привлек жену к себе и обнял ее:

— Ну ладно, прости меня. Забудь. Раздраженная Лейла оттолкнула его:

— Сказанного не воротишь. Правда есть правда. Мне нужно время, чтобы понять, чего хочу я.

Больше к этому вопросу они не возвращались и погрузились в работу: оттачивали проект новой обсерватории, составляли запросы трем аванпостам. Одна планета, к которой предстояло обратиться с ходатайством, принадлежала змеям, поэтому супруги во второй раз отправились с визитом в гнездо за советом, как лучше попросить об одолжении родную планету соседей. Казалось, змеи скорее были просто рады вновь повстречаться с ними, чем заинтересовались новостями о том, что в длящейся миллион лет осторожности жителей Отчуждения появилась крохотная брешь. Когда Лейла все же попыталась втянуть Сару в разговор, та пояснила:

— Вы здесь, здесь и сейчас, и вы наши гости во плоти и крови. Я уверена, что умру задолго до того, как Отчуждение захочет пригласить вас в гости.

«Что за странная алчность терзает меня? — подумала Лейла. — Меня чествуют создания, совершенно отличные от меня. Я могу находиться среди них и философствовать о жизни и смерти. Амальгама уже собрала воедино всех желающих вступить в общую широчайшую беседу. А я желаю бросить все это и пробраться в Отчуждение, чтобы подслушать их неведомые речи? Просто потому, что тамошние жители в течение миллиона лет избегали общения с нами?»

Супруги отправили запросы о содействии в строительстве и отправке трех модулей еще ничего не подозревающим об этом соавторам проекта, оговорив отсчет времени готовности непосредственно перед пуском до наносекунды и дав им десять лет на обсуждение проекта. Лейла была преисполнена

оптимизма: как бы ни было интересно гнездо на Наздике, но все же она подозревала, что ни одна из населяющих Вселенную культур не смогла бы устоять перед искушением заглянуть под чадру неведомого мира.

Перед тем как последовать вдогонку за своими ходатайствами, супругам предстояло ждать тридцать шесть лет. Кроме данных на раздумья десяти лет, нужно дождаться новых модулей будущей обсерватории, которые будут идти со скоростью несколько меньшей, чем скорость света.

Из скопления более не появлялись предательские вспышки гамма-лучей, впрочем, Лейла не ожидала их так скоро. В другие миры поблизости от Отчуждения супруги разослали новость об открытии — значит, тысячи планет с различных позиций будут выискивать тот же луч, выдвигать собственные толкования и предлагать возможности изучения оного. Слегка задевало то, что добытым ценой больших усилий открытием приходилось делиться со всеми — возможно, кто-то даже умудрится опередить их, — но с момента появления на Наздике они пользовались великодушием предшественников и считали абсолютно неправильным жадно упиваться своим маленьким триумфом.

Близился день отъезда, и Лейла наконец приняла решение. Она понимала желание супруга поставить на карту все, даже в некотором смысле разделяла его. Но всегда представляла себе, как вдвоем они заканчивают жизнь, продолжая бок о бок бороться до тех пор, пока не потеряют путь и заросли не поглотят их, — вот этим она рискнула бы. А держать в пари сторону мужа не собиралась.

Когда дом отсоединял их разумы от тел и посылал вдогонку за лучом, Лейла оставила свою замороженную копию на Наздике. Если к определенному времени до нее не дойдет известие об их благополучном прибытии по адресу, она проснется и займется поисками.

В одиночестве.

VI

— Добро пожаловать на «Трезубец». Своим присутствием высокий гость оказал нам большую честь.

Джазим стоял у кровати и размахивал трехцветным флагом. Красный, зеленый и синий по краям, в середине флаг был белым.

— Когда ты проснулся?

— Около часа назад.

Лейла нахмурилась, и муж добавил извиняющимся тоном:

— Ты спала так сладко и глубоко, что мне не хотелось тебя будить.

— Приветствовать тебя следовало бы мне, — возразила Лейла. — Ведь именно ты мог никогда не проснуться.

За окном спальни простиралось ослепительное звездное поле. Причем вид был вовсе не на скопление — к этому времени Лейла с легкостью отличала характерные спектры звезд, — но даже звезды диска казались столь блестящими и яркими, что это небо ничем не походило ни на какое другое из виденных ею раньше.

— Ты был внизу?

— Нет еще. Я хотел, чтобы над нижним этажом мы поработали вместе.

Здесь их дом был лишен физического крыла. В крошечной обсерватории не было лишнего места для претворения в жизнь столь легкомысленных мелочей, не говоря уж о возведении архитектурных прихотей среди межзвездного пространства. «Внизу» означало не что иное, как пейзаж, который они вольны спроектировать по своей воле.

— Надо же, все сработало, — задумчиво протянула Лейла, еще не до конца поверив в чудо.

Муж протянул к ней руки:

— Мы ведь здесь, верно?

Супруги наблюдали за реконструкцией сближения первых двух модулей. Выбор времени и траектории оказался настолько близок к расчетному, насколько они смели надеяться, и сверхпроводящие электромагниты были сконструированы столь качественными и однородными, что магнитное объятие оказалось идеальным. Ко времени соединения двух модулей третий был уже рядом. Из-за непредвиденного несоответствия между реальностью и прогнозом в передаче кинетической энергии в излучение композитное перемещение сместилось от ожидаемого курса на крохотный угол, но при стыковке с третьим модулем магнитные поля все еще были сцеплены в устойчивой конфигурации, поэтому хватило энергии довести до конца окончательную сборку

точно в шаг с прогнозируемым отклонением луча Отчуждения.

Амальгама оправдала ожидания: три мира, населенных существами, с которыми ни Лейла, ни Джазим даже ни разу не встречались, которые совершенно ничем не были им обязаны и даже не имели общего молекулярного родства, предоставили достаточное количество энергии и следовали инструкции чужестранцев вплоть до атома, вплоть до наносекунды и помогли им справиться с задуманной работой.

Теперь же все зависело от Отчуждения.

На момент прибытия разработчиков «Трезубец» функционировал уже около месяца. Пока он не зафиксировал гамма-лучей, просочившихся из скопления. Конечно же, давно пропал тот особый светящийся импульсный сигнал, замеченный когда-то Лейлой и Джазимом, но выгода теперешнего положения определялась тремя параметрами: Отчуждение будет использовать тот же самый маршрут для прочих сигналов; часть содержащего данные излучения ускользнет от законного получателя; два узла сети продержатся в невесомости достаточно долго для того, чтобы сюда все еще поступали раздробленные данные, по тому же самому предсказуемому пути.

Три эти составляющие, зависящие от крайне ненадежных «партнеров» супругов, определяли ценность «Трезубца».

— Что же будет внизу… — проговорила Лейла. — Может, что-то вроде веранды со стеклянными стенами?

— По-моему, достойная идея.

Лейла вызвала в воображении план дома и сделала несколько набросков, потом они вместе отправились вниз, чтобы воплотить их в жизнь в натуральную величину.

Супруги бывали на орбите, вращались вокруг Наджиба и путешествовали во плоти к трем восхитительным и бесплодным родственным мирам, но никогда прежде не оказывались в межзвездном пространстве. По крайней мере, никогда не осознавали этого.

До сих пор Лейла и Джазим по-настоящему не воплотились, но чтобы чувствовать вакуум, вовсе не обязательно облечься в плоть и кровь, вполне достаточно бодрствовать и включиться в действительность. Ближайший из миров находился на расстоянии шестисот световых лет. Наджиб был немыслимо далеко. Лейла, страдающая головокружением в виртуальном теле, неустойчивая при ложной гравитации, бродила по террасе и смотрела на звезды.

Они покинули Наджиб двадцать восемь тысяч лет назад. Скорее всего, все дети и внуки Лейлы уже давно избрали смерть.

На Наздик от родственников весточки не приходили — так просила она сама, опасаясь, что будет слишком болезненно день за днем узнавать о событиях, в которых она не может принять участие. Теперь Лейла сожалела об этом. Она хотела бы читать о судьбах внуков, как могла бы читать биографии предков. Путешественница во времени, она желала знать, как окончились их жизни.

Второй месяц наблюдений прошел безрезультатно. С Надзика новости тоже не поступали, потому что пока луч доберется до Наздика, а затем сообщение об этом проследует до «Трезубца», пройдет на много тысяч лет больше. Поэтому если с Надзика увидят, что луч «все еще» направлен по курсу, то эти новости будут устаревшие, и не ради этого они оказались здесь. Однако если с Наздика сообщат о перемещении луча, то новость, по крайней мере, тут же положит конец их мучениям, ибо станет очевидно, что «Трезубец» они построили слишком поздно.

На террасе Джазим разбил огород и принялся выращивать в свете звезд удивительные овощи и фрукты. Лейла поддержала игру и ела их, сидя рядом с ним. Невинное занятие развлекало супругов. Вокруг своего дома они могли нарисовать все, что угодно: любую планету, которую некогда посетили, или воображаемый мир. Почему бы и нет, коль скоро такое незатейливое развлечение привязывало их к действительности и помогало сохранить здравомыслие.

Порой на Лейлу накатывало мучительное чувство, вызванное изоляцией на «Трезубце»: более она не имела в своем распоряжении знаний целой галактики. Ныне при них были лишь собственные закодированные обширные воспоминания, а также потрясающее собрание библиотеки, но Лейла привыкла иметь намного больше. На каждой цивилизованной планете существовал обширнейший банк всевозможных данных (уместить подобный на «Трезубце» не представлялось возможным), повсеместно из множества миров поступал поток информации. В каждой точке галактики какие-то новости устаревали, факты безнадежно теряли актуальность, а устойчивые теории дискредитировались. Лейла оказалась ужасно далеко от кипучей жизни и знала, что от нее ускользают миллиарды научных непреложных истин — результатов размышлении, экспериментов и наблюдений. Ответа на вопрос, который любой ребенок Амальгамы получит незамедлительно, ей придется ждать тысячу двести лет.

Пока что нуждающихся в ответе вопросов ей в голову не приходило, но порой сам факт подобного положения дел выбивал почву из-под ног, и Лейла чувствовала себя брошенной на

произвол судьбы, оторванной не только от прошлого, от людей, но и от цивилизации в целом.

— Новости! — возвестил «Трезубец».

Лейла как раз записывала открытку змеям с Наздика. Джазим на веранде поливал удивительные растения. Лейла обернулась и увидела, как муж шагнул сквозь стену, приказав кирпичам расступиться подобно легкой занавеске.

Они замерли бок о бок, наблюдая аналитические показания.

Только что «Трезубец» омыл импульс гамма-излучения ожидаемой частоты и в точности из прогнозируемых координат. Расстояние значительно истощило луч, не говоря уже о том, что большую часть энергии перехватил полноправный получатель, но более чем достаточно все же проскользнуло мимо и дошло до «Трезубца». Теперь они выяснят природу импульса.

Без сомнения, луч нес информацию. В естественном источнике гамма-излучения невозможно представить себе определенные повторяющиеся фразы, которые были бы бессмысленны и в любом искусственном луче, выпущенном не в целях коммуникации.

Импульс оказался длиной в три секунды и нес приблизительно десять в двадцать четвертой степени битов информации. Большая часть казалась бессистемной, что, скорее всего, говорило об умелом шифровании. Сеть Амальгамы посылала шифрованную информацию по таким же надежным классическим каналам, в то время как ключи для расшифровки отправлялись через квантовый канал. Лейла никогда не рассчитывала перехватить нешифрованные данные, обнажающие тайны Отчуждения. Чтобы получить убедительное доказательство общения в скоплении, требовалась дешифровка.

И это еще не все. Между посланиями «Трезубец» обнаружил краткие, аккуратные, нешифрованные последовательности. Пока все было на уровне догадок, но с такой обильной информацией статистические критерии также являлись авторитетными показателями. Одна часть данных походила на информацию о маршрутизации — адреса передаваемых по сети сообщений. Другая — на информацию о текущих и будущих траекториях узлов. Если «Трезубцу» удастся взломать шифровку, супруги узнают их местоположение. Фактически, если посчастливится подобраться поближе к скоплению, может, у них получится постоянно держать обсерваторию в области утечки информации из луча.

Джазим не смог противиться желанию сыграть «адвоката дьявола»:

— Знаешь, мы могли наткнуться на пограничников, отсылающих назад очередную исследовательскую ракету. Само Отчуждение вполне может быть мертво, а его система безопасности все еще носится с параноидальной болтовней.

— Давай-давай, можешь развивать свою гипотезу и дальше. Я не проглочу твою наживку, — беспечно улыбнулась Лейла.

Затем обняла мужа, и они поцеловались.

— Слушай, я совсем забыла, как положено отмечать радостные события. Напомнишь мне?

Джазим нежно провел кончиками пальцев по руке Лейлы, которая раскрылась ему навстречу, создавая четвертое пространственное измерение. Она взяла руку мужа, поцеловала и приложила к своему бьющемуся сердцу. Тела их изменили конфигурацию, нервные окончания покрыли всю поверхность: внутри и снаружи.

Джазим растворился в ней, а она — в нем, топология их тел изменилась, чтобы неразлучно соединить обоих во взаимном объятии. Из их жизней исчезло все, уступив место наслаждению, торжеству и близости друг друга, столь бесконечно тесной.

VII

— Приехали на Праздник Прослушивания?

Хитиновый гептапод, который лавировал по запруженным народом улицам с нагруженной вкусностями тележкой и раздавал налево и направо свою снедь, предложил тарелочку и Лейле. Она чуть помедлила, чтобы Тассеф, та планета, на которую они только что ступили, разъяснил ей значение фразы гептапода. Со слов Тассефа получалось, что отовсюду люди спешили в этот мир, чтобы стать свидетелями удивительного действа. Около пятнадцати тысяч лет назад расположенная неподалеку обсерватория зафиксировала последовательность сигналов из сети Отчуждения. Сама по себе последовательность сигналов ничего толком не означала, но местные жители надеялись, что по крайней мере одна из нескольких обсерваторий вблизи Массы, планеты на противоположной стороне скопления, замечала утечку сигналов тех же самых пакетов данных сорок тысяч лет назад. Если же действительно дела обстоят именно так, то новости о точном содержании должны теперь наконец добраться до Тассефа по длинным, кружным маршрутам сети Амальгамы. Как только можно будет сравнить результаты обоих наблюдений, станет ясно, какие сообщения с более ранней сессии Перехвата сообщений пробились через сеть Отчуждения и добрались до Тассефа. Сравнение продвинет вперед проект картографии всех символических адресов в подлинные физические местонахождения.

— Вообще-то мы приехали сюда по другой причине, но теперь, узнав, на какое событие невольно угодили, вдвойне рады оказаться здесь, — сказала Лейла.

Гептапод чирикнул в ответ, и Лейла расценила его щебет как радушное приветствие, потом существо удалилось, продолжая пробиваться сквозь толпу.

— Помнишь, — обратился к супруге Джазим, — когда мы были еще в пути, ты сказала, что Отчуждение всем скоро надоест.

— Я говорила о том, что произойдет в конце концов. Не в этом путешествии, так в следующем.

— Да, но ты говорила то же самое пять рейсов тому назад. Лейла нахмурилась и хотела было поправить мужа, но вдруг поняла, что он прав.

Они вовсе не ожидали застать на Тассефе подобное столпотворение, когда избрали его местом назначения около десяти тысяч лет назад. Им была предоставлена небольшая комната в городе Шалоуфе, а также объявлен тысячелетний срок,

в течение которого они по желанию могут оставаться здесь воплощенными без принятия местного гражданства. За последние пятьдесят лет сюда прибыло более миллиарда гостей, ожидающих новостей с планеты Масса, — ведь никто не мог предсказать точное время их появления на Тассефе, и они все еще были в пути.

— Никогда бы не подумала, что целью путешествия целого миллиарда человек может стать эта головоломка, — призналась Лейла.

— Целью путешествия? — рассмеялся Джазим. — Ты не забыла, что мы избрали ту же самую тему даже для собственных смертей?

— Да, но для нас это было предопределено. Среди давки Джазим отчаянно жестикулировал:

— Не думаю, что здесь мы конкурентоспособны. Погрузившись в атмосферу карнавала длиной в десятилетия, супруги бродили по городу и пробовали разные напитки. Здесь собрались представители каждого уже знакомого Лейле фенотипа, и даже больше того: двуногие, четвероногие, шестиногие, гептаподы; передвигающиеся шагом, скоком, бегом и ползком, а также парящие над улицей на всевозможных крыльях: перьевых, чешуйчатых и перепончатых. Некоторые гости отдавали предпочтение родной атмосфере и облачились в скафандры, другие, например Лейла с Джазимом, вместо этого предпочли воплотиться в подходящие именно для этой планеты суррогатные тела. Физика и геометрия тормозили эволюцию, и многочисленные попытки решения проблем сводились именно к этому, но различные репликаторы галактики все же не расставались со своими характерными отличительными чертами. Когда Лейла решила послушать какофонию голосов и сигналов без переводчика, ей показалось, что весь диск, вся Амальгама собралась в крошечной столице планеты.

На самом же деле большинство путешественников прибыли сюда из близлежащих районов, расположенных всего в нескольких сотнях световых лет. Супруги решили не афишировать свою роль в истории Прослушивания, и Лейла поймала себя на том, что пробирается сквозь толпу с весьма самодовольным чувством непризнанного мудреца, обескураженного отсталыми и, вне всякого сомнения, крайне поверхностными интересами недалекой толпы. Хотя по зрелом размышлении получалось так, что смысл происходящего был ясен всем, поскольку большинство собравшихся с молоком матери впитали новые разработки, которые Лейла только начала запоздало осваивать. Пока они с Джазимом были в пути, на базе

«сильных буллитов» было разработано новое поколение обсерваторий. Это были специально сконструированные фемтомашины,[178] представляющие собой устойчивые лишь на триллионную долю секунды грозди протонов и нейтронов. Их запускали в космос на сверхсветовых скоростях, столь высоких, что расширение времени давало им возможность существовать достаточно долго для того, чтобы столкнуться с другими компонентами и соединиться в крошечные, недолговечные обсерватории, занимающиеся изучением гамма-лучей. Основная хитрость, использованная при построении «Трезубца», из единственного в своем роде рискового предприятия обратилась массовым производством миниатюрных серийных обсерваторий, которых непрерывно запускали с тысяч планет по всему диску.

Сами фемтомашины устарели, и Перехват бросил технический вызов, чтобы побудить кого-нибудь выжать из них еще хоть что-то. Историки всегда понимали: когда у людей есть все, что хочется в плане физически возможного, тогда каждое пошаговое удовлетворение новых потребностей занимает все больше времени. Возможно, Амальгама потратит целую вечность, мало-помалу приближаясь к подобному плато, но всем было ясно, что изменения обстоятельств сами по себе все еще могут вызвать скромное Возрождение даже без великих научных открытий или совершенно новых технологий.

На площади подле небольшого фонтана, струящегося потоками ароматического углеводорода, супруги остановились передохнуть. Коренные жители Тассефа, четвероногие, с гладкими лоснящимися шкурками, играли в липких черных брызгах, а потом начисто вылизывали друг дружку.

Джазим заслонил глаза от солнца рукой.

— Ну что ж, — вздохнул он, — наша осень жизни увенчалась достойным дитя, и нам довелось повидать, как процветают внуки. Не уверен, что на нашу долю осталось что-то еще.

— Твоя правда.

Лейла не торопилась умирать, но ведь им посчастливилось проследить развитие своего открытия на протяжении пятидесяти тысяч лет. Они гонялись вслед за новостями о кружащих по внутреннему диску сигналах гамма-лучей, спеша от мира к миру. Сначала они искали себе новую важную роль в этом деле, но со временем им пришлось признать, что инициированная ими лавина обогнала их самих. Настолько быстро, насколько позволяли законы физики, создавались физические и логические карты сети Отчуждения. Миллиарды жителей тысяч планет с внутренней части территории Амальгамы делились своими наблюдениями, чтобы по крупицам собрать воедино ожившие

мощи неуловимых соседей. Завершенный проект станет вовсе не венцом, а началом нового длительного периода затишья. Зашифрованные классические данные не дадут ничего, кроме маршрутов движения; никакая изобретательность не сможет экстрагировать большего. Квантовые ключи, которые могли бы помочь (предположительно, Отчуждение владело этой техникой), окажутся неуязвимы к хищению, дублированию или тайным пробам. Однажды произойдет другой прорыв, вновь все изменится, но захотят ли они ждать сто тысяч лет или даже миллион для того, чтобы просто узнать: а что будет дальше?

Внимательные гептаподы — жители мира в тридцати световых годах отсюда, обладающие врожденным радушием и потому взявшие на себя обязанности гостеприимных хозяев, — имели дар появляться там, где кто-то желал перекусить. Лейла попыталась втянуть второго гептапода в разговор, но он вежливо извинился и умчался, спеша накормить кого-нибудь еще.

— Наверное, так и должно быть. Подождем новостей с Массы, попразднуем немного и закончим наш путь, — сказала Лейла.

Джазим взял ее за руку и согласился с женой:

— Так и сделаем. Не совсем уверен, но мне кажется, что я бы не хотел жить дальше.

— Устал? — спросила Лейла. — Заскучал?

— Вовсе нет, — покачал головой Джазим. — Я удовлетворен. Тем, что мы сделали, что мы повидали. И я не хочу опреснять свои впечатления. Не желаю вечно бродить из мира в мир и замечать, как блекнет мое мировосприятие. Однажды мы вновь почувствуем себя так, как тогда на Наджибе.

— Твоя правда.

Они сидели на площади до темноты. Потом смотрели, как на ночном небе скопление зажигает свои огоньки. Им посчастливилось наблюдать эти сияющие драгоценности звезд со всех возможных сторон, но именно это зрелище никогда не утомляло Лейлу.

Джазим вздохнул, и в том вздохе одновременно сквозило и преклонение, и раздражение.

— Что за дивный, сводящий с ума, недоступный мир! Думаю, Амальгама уйдет в небытие, так и не ступив туда ногой.

Внезапно на Лейлу накатило раздражение, тут же переросшее в отвращение:

— Этот мир ничуть не отличается от всякого другого! Звезды, газ, пыль, планеты — то же, что и везде, а вовсе не туманное метафизическое царство. Причем достаточно близкий мир. Наш родной Наджиб в двадцать раз дальше.

— Но наш родной мир не обнесен неприступным забором.

Было бы желание — мы бы туда отправились.

— Если бы нам действительно надо было попасть в скопление — мы бы туда попали, — вызывающе сказала Лейла.

Джазим рассмеялся:

— Ты прочла в тех сообщениях что-то такое, о чем мне не сказала? Тамошним привратникам можно сказать волшебную фразу типа «Сезам, откройся»?

Лейла встала и, вызвав карту Отчуждения, наложила на небо, а небо расцветила тонкими фиолетовыми конусами. Один конус крохотным основанием был направлен навстречу им: луч, проходящий вблизи Тассефа. Положив руку на плечо Джазима, Лейла увеличила масштаб изображения основания, и оно распахнулось перед ними загадочным манящим туннелем.

— Нам известно, откуда идет этот луч. Мы не знаем наверняка, что обмен сообщениями между этими конкретными двумя узлами является двусторонним, но, судя по всему, именно так и есть. Если мы подадим сигнал отсюда, вдоль траектории излучения, и сделаем его достаточно широким, тогда попадем не только в отправляющий узел, но также в получателя.

Джазим молчал.

— Нам известен формат данных, — продолжала Лейла. — И информация маршрутизации. Можно адресовать пакеты информации узлу на другой стороне скопления. Тому, где излучение выходит со стороны Массы.

— Почему ты считаешь, что они примут пакеты? — спросил Джазим.

— В формате нет ничего такого, что было бы нам неизвестно, чего мы не смогли бы написать сами.

— Ничего такого нет в нешифрованной части. Если же в зашифрованной части у них существует пароль, пусть даже простое число, любые пакеты данных без оного будут выброшены как помехи.

— Ты прав, — уступила Лейла.

— Ты действительно хочешь сделать это? — спросил Джазим. Рука Лейлы все еще покоилась на его плече, и она чувствовала, как напряглись его мускулы.

— Определенно.

— Отсюда мы пошлем на Массу нешифрованную информацию, которую каждый сможет прочесть, скопировать, изменить или исказить?

— Минуту назад ты говорил, что они вышвырнут нас как помехи.

— Вот это нас должно волновать меньше всего.

— Возможно.

Джазим вздрогнул, цветисто выругался, потом в горле его что-то булькнуло, словно он задыхался.

— Да что с тобой? — спросил наконец он. — Ты что, проверяешь меня? Ты блефуешь и сейчас сознаешься, что шутишь.

Лейла отрицательно покачала головой.

— Нет. Это даже не месть за то, что ты сотворил по пути на «Трезубец». Это наш шанс. Именно этого мы ждали — не Прослушивания, вовсе нет! Отчуждение прямо над нами, где-то там.

Мы не можем заставить их войти с нами в контакт, но зато можем сами оказаться ближе к ним, ближе, чем кто-либо до нас.

— Если мы заявимся к ним, то они будут вольны сделать с нами все, что заблагорассудится.

— Там живут не варвары. И они не ведут с нами войну. Даже технические споры возвращались оттуда невредимыми.

— Ты предлагаешь сотворить кое-что похуже, чем запуск технической споры. Мы собираемся засорить их сеть.

— «Засорить»! Ни один из маршрутов не забит информацией. Несколько эксабайтов погоды не сделают.

— Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, как они среагируют.

— Точно. Но я готова выяснить это.

— Сначала мы можем отправить пробное послание. — Джазим встал. — Потом явиться на Массу и проверить, дошло ли оно.

— Можем сделать и так, — согласилась Лейла. — План весьма разумный.

— Итак, ты согласна? — Джазим улыбнулся жене холодной, недоверчивой улыбкой. — Мы пошлем пробное сообщение. Энциклопедию, например. Отправим приветствие на каком-нибудь универсальном языке.

— Прекрасно. Сперва пошлем все это. Но после я не собираюсь ждать дольше одного дня. Я отправлюсь на Массу, но не обходным путем. Я избираю кратчайший путь. Через скопление.

VIII

Амальгама оказалась столь великодушна по отношению к Лейле, а интерес к Отчуждению так велик, что она почти забыла, что не имела права на безграничное пользование возможностями, которые предполагала задействовать для исполнения своей навязчивой идеи.

Когда она попросила планетарные власти Тассефа о содействии в постройке мощного передатчика гамма-излучения, направленного в скопление, ей сначала целый час задавали вопросы, а потом сказали, что предмет обсуждения потребует продолжительного и подробного разбирательства. Лейла поняла, что спорить бесполезно, ведь по сравнению с приемом миллиарда гостей и размещением их на протяжении пары столетий стоимость гамма-установки была просто ничтожна. Дело было вовсе не в потреблении энергии или в чем-то столь же незначительном. Власти опасались того, что Отчуждение могло расценить действия Тассефа как нежелательные и оскорбительные, а потому заслуживающие наказания.

Бесчисленное множество исследовательских станций и спор возвращались из скопления невредимыми, их просто разворачивали и отсылали назад. Вспышку гамма-лучей нельзя перехватить и возвратить прежде, чем она попадает к намеченному адресату. Хотя Лейле казалось, что сеть запросто сможет отклонить непрошеную информацию, но точка зрения Отчуждения на данную проблему вполне могла разниться с ее собственной.

Джазим отправился из Шалоуфа в другой город на противоположной стороне планеты. Лейла относилась к расставаниям двояко: с одной стороны, разлуку она всегда воспринимала болезненно, но напоминание о том, что они не безвозвратно спаяны вместе, давало превосходное чувство свободы и независимости. Она любила мужа безмерно, но даже не в этом дело. Лейла не была уверена в том, что в конечном итоге уступит и спокойно умрет подле него, когда из Массы придут новости; порой ей страшно хотелось спастись бегством от спокойного и достойного конца ради задуманного ею потрясающего и опасного безрассудства. Хотя она вовсе не была уверена в том, что Джазим изменит свою точку зрения и возьмет ее за руку, чтобы очертя голову прыгнуть в пропасть вместе с ней.

Скучно тянулись месяцы, а решение относительно ее запроса так и не двигалось с мертвой точки, не было новостей с Массы, муж не делал никаких попыток к примирению, и Лейла решила

стать оратором, агитирующим за взлелеянный ею план построения торного пути через сердце скопления. Конечно же, ее воззвание и изображение были представлены на виртуальных форумах, но благодаря личному присутствию к проблеме постройки передатчика оказалось привлечено всеобщее внимание, и гости Праздника, а также сами жители Тассефа приходили на митинги Лейлы. Она освоила язык местных жителей и манеру общения, скрасив их присущими иностранцу особенностями. Прошел слух, что она была в числе первых Перехватчиков информации, отчего интерес к ее митингам увеличился.

Добравшись до города добровольной ссылки Джазима, Лейла напрасно искала его в толпе своей аудитории. Когда после митинга она вышла в ночь, ее охватила паника. За себя она не боялась, но невыносима была мысль о том, что муж где-то умирает в одиночестве.

Плача, сидела она на улице. Как же дошло до этого? Они были готовы к великолепному провалу, готовы были оказаться сломленными неприступным молчанием Отчуждения, но вместо этого плоды их труда пожинают на всем диске, они возрождаются в творениях и мыслях тысяч культур. Так как же может быть столь горек вкус успеха?

Лейла представила себе, как она зовет Джазима, находит его, вновь прижимает к своему сердцу и залечивает саднящие раны…

Но Лейла не была сломлена, нет. Она подняла лицо к сверкающему звездами небу. Вот оно, Отчуждение, ждет, манит к себе. Зайти так далеко и отступить ради привычных родных объятий! Невозможно. Лейла не собиралась отступать.

Наконец с Массы дошли новости: сорок тысяч лет тому назад утечку с дальнего конца скопления уловили в срок. Многочисленные пакеты информации подстегнули наблюдения, которые Тассеф сдерживал в ожидании этого момента на протяжении последних пятнадцати тысяч лет.

Больше того: за считаные минуты последовали отчеты от других обсерваторий. Как только по диску ретранслировалось сообщение с Массы, объявился целый каскад соответствий с другими банками данных.

Из общего потока выпадали пакеты данных, абстрактные адреса обретали реальное местонахождение в скоплении. Пока Лейла как губка впитывала приходящие отчеты, стоя в сумраке на главной площади Шалоуфа, сеть Отчуждения с каждой минутой становилась все более ясной и менее бесплотной.

Бурная радость затопила улицы: многоязычные возгласы,

щебет и жужжание, праздничные ароматы и яркая многоцветная иллюминация. Площадь озаряли вспышки люминесценции. Даже спокойные обычно гептаподы побросали тележки, упали на спину и стали в восторге кататься по земле, дрыгая лапками. Упивающаяся всеобщим восторгом Лейла старалась везде поспеть и запечатлеть в мозгу единой эмоциональной вспышкой каждый жест и звук, тщательно трактуемый переводчиком.

Когда зажглись звезды скопления, на небо лег прозрачный экран, и все увидели только что нанесенные на карту маршруты, сияющие золотистыми магистралями. Отовсюду до Лейлы доносились сигналы присоединявшихся к необычайному зрелищу: люди каждой цивилизации, всевозможные виды живых существ наблюдали расцветившие ночное небо секретные пути Отчуждения.

Лейла бродила по улицам Шалоуфа, остро тоскуя по Джазиму; но боль была ей знакома и не могла подчинить себе дух женщины. Если сейчас отравлена радость момента, значит, каждое последующее празднество будет омрачено. Другого она не ждала. Ничего, Лейла привыкнет.

К ней обратился Тассеф:

— Граждане планеты приняли решение: они дают согласие на ваш запрос.

— Благодарю.

— Но при одном условии. Передатчик должен быть сооружен как минимум в двадцати световых годах отсюда: в межзвездном пространстве или же в околозвездной среде необитаемой системы.

— Понимаю.

В этом случае, даже если Отчуждение не на шутку разозлится и решит разрушить передатчик, хотя бы сам Тассеф избежит его мести.

— Рекомендуем вам подготовить заключительную концепцию и предоставить ее для окончательного рассмотрения.

— Конечно.

Лейла вернулась к себе и просмотрела уже подготовленные записи. Она предвидела, что Тассеф захочет максимально себя обезопасить, поэтому разработала энергетический бюджет и подробный план действий, включающий в себя отправку технических спор, а также определила сорок семь различных кометных облаков, находящихся под юрисдикцией Тассефа. Считаные секунды ушли на то, чтобы выбрать лучший проект, на котором Лейла без колебаний остановилась.

На улицах вовсю продолжался Праздник. Целый миллиард паломников оказался вне себя от счастья: все отправятся домой,

вернутся к внукам, потом спокойно умрут, зная о том, что они наконец-то повидали нечто новое в этом мире. Лейла даже завидовала им: когда-то она тоже могла довольствоваться малым.

Она вышла на улицу и вновь присоединилась к радостной толпе, позволив легкомыслию взять вверх над всеми прочими чувствами, принялась болтать, смеяться, танцевать с незнакомцами. Когда вышло солнце, Лейла отправилась домой, легко ступая между спящими прямо на улице существами.

Используемые технические споры принадлежали к последнему поколению: сильные буллиты запускали их со скоростью света, они проникали в самое сердце звезды, а затем, разложившись в звездной атмосфере, восстанавливались в атомной плотности. В результате фемтомашины превращались в наномашины, несущие те же разработки, что прежде содержались в ядерной плотности, затем продолжали путь в кометное облако, приступали к добыче сырья и построению передатчика гамма-лучей.

Лейла собиралась передать себя сигналом к месту постройки еще не завершенного передатчика. Риск не был столь велик, как в случае передачи Джазима на «Трезубец»: на сотнях звезд для этой цели уже успешно пользовались сильными буллитами.

Но все-таки она решила дождаться завершения работ на Тассефе. Она готовилась шагнуть в скопление, и было бы неразумно оступиться, даже не дойдя до пропасти…

В день отправления в центре Шалоуфа собралось около десяти тысяч жителей. Все хотели попрощаться с Лейлой и пожелать ей удачного пути. Сама она была бы не прочь ускользнуть незаметно, но после всех ее лоббирований о конфиденциальности можно было забыть вовсе. К тому же Тассеф явно рассчитывал на праздничные проводы.

После Праздника прошло уже сорок шесть лет, большинство пилигримов вернулись по домам, но из нескольких сотен все еще остававшихся в Шалоуфе иноземцев почти все почтили своим присутствием церемонию прощания с Лейлой. Ей казалось, что собравшиеся практически не сомневались в том, что Отчуждение отправит ее прямиком обратно на диск, но пожелания удачного пути и улыбки все-таки казались такими искренними. Кто-то даже откопал фразу на древнем языке предков Лейлы: «Сафар бекхейр».[179] Эти слова были начертаны прямо в небе древними письменами, которые Лейла не видела уже около восьмидесяти тысяч лет. И каждый на прощание обязательно пожелал ей хорошей дороги на древнем наречии.

С длинной скучной речью выступил робот — представитель

планеты. Лейле пришло в голову, что все происходящее напоминает публичную смертную казнь. Не беда. Она давным-давно попрощалась и с семьей, и с друзьями. Когда она пройдет через церемониальные врата, возведенные в соответствии с бытовавшим на Тассефе пониманием прекрасного, то закроет глаза и вспомнит последнюю ночь на Наджибе. Все живое в конце концов избирало смерть, но не было совершенного способа завершить жизненный путь. Лучше полагаться на собственные, пусть и странные, суждения и найти свой, хоть и нескладный, выход из затруднительного положения, чем ждать, когда природа просто случайно возьмет и заберет тебя.

Все притихли, и вдруг над толпой собравшихся взмыл знакомый голос:

— Ты действительно намерена сделать эту глупость? Лейла пристально посмотрела на мужа.

— Да.

— И не передумаешь?

— Нет.

— Тогда я отправлюсь с тобой.

Джазим пробился сквозь толпу застывших от изумления зевак и взобрался на сцену.

— Ты ставишь в неловкое положение не только себя, но и меня тоже, — тихонько сказала мужу Лейла.

— Не будь мелочной. Знаю, я причинил тебе боль, но мы оба виноваты, — шепнул Джазим.

— Зачем тебе это? Ты весьма недвусмысленно высказался насчет моей затеи.

— Думаешь, я могу спокойно смотреть на то, как ты шагаешь навстречу опасности, и не идти бок о бок с тобой?

— Ты мог, если бы провалился проект с «Трезубцем». Ты готов был бросить меня одну.

— Что мне оставалось делать? Ты же настаивала. — Джазим взял жену за руку. — Знаешь, все это время я избегал тебя, потому что таким образом надеялся отговорить от безрассудства. Что поделать, ты непреклонна. Поэтому я вернулся.

Слова мужа тронули сердце Лейлы. Она уточнила:

— Ты говоришь серьезно? Правда полетишь со мной?

— Уж лучше пусть они сотворят всякие напасти с нами двоими, чем с тобой одной.

Лейла не нашлась что возразить, да и не злилась на мужа. Она всегда хотела быть рядом с ним в конце жизни и не собиралась отвергать его сейчас.

— Еще один пассажир. Это возможно? — обратилась она к Тассефу. Энергетический бюджет предусматривал тысячи лет

контрольных передач после пробуждения, а Джазим будет лишь незначительной отметкой дополнительных данных.

— Возможно. — Представитель Тассефа приступил к разъяснению внезапных изменений группе поддержки полета и всей планете тоже.

— Лучше поместить данные о нас в единый пакет, — предложил Джазим. — Не хочу оказаться на Массе и обнаружить, что по ошибке они отправили тебя на Джахном.

— Хорошо. — Лейла внесла необходимые изменения.

Пока о том, что они в пути, не знал ни один из Перехватчиков, и сообщение, отправленное длинным путем, не смогло бы вовремя их предупредить, но данные, посланные в скопление, предварялись инструкцией, которую каждый в Амальгаме счел бы ясной и недвусмысленной: в ней говорилось, что их характеристики следует воплощать только тогда, когда они прибудут на Массу. Если их найдут в утечке по пути, то вовсе не хотелось воплощаться многократно. В том случае, если они вообще не окажутся на Массе, — что ж, да будет так.

Вторая речь представителя Тассефа подходила к концу. Лейла в последний раз окинула взглядом собравшуюся внизу толпу, позволив раздражению от претенциозной церемонии в целом перерасти в веселье. Если бы она пребывала в числе находящихся в здравом уме граждан, то запросто могла бы оказаться в числе зрителей, провожающих двух древних дураков в воображаемый путь по небу словами: «Сафар бекхейр».

Она сжала руку Джазима, и они вместе прошли через врата.

IX

Лейла сжала пальцы — в руке ничего не было. Она чувствовала, что летит вниз, но в поле зрения ничего не двигалось. И вот опять, и снова она видела только отдаленную черноту, и невозможно судить о ее масштабе и отдаленности: тысячи колючих голубых звезд на фоне тьмы космоса.

Она оглянулась в поисках Джазима, но безрезультатно. Также не наблюдалось механизма, который мог ввергнуть Лейлу в эту пустоту. Под ней не было даже планеты или звезды поярче, с которой она могла быть связана. Весьма нелепо, но она дышала. Однако все остальные органы чувств говорили ей, что она парит в вакууме, может, в межзвездном пространстве. Но все-таки легкие, как мехи, то наполнялись воздухом, то выдыхали его. Сам воздух, как и ее кожа, не был ни холодный, ни горячий.

Ее воплотил кто-то или что-то, или же управляли ею, как управляют программой. Одно Лейла знала точно: это явно не Масса, хоть ей ни разу не приходилось там бывать; но ни в одном мире Амальгамы так к гостю отнестись не могли. Даже если бы он нежданно объявился в виде информационной утечки прямо из скопления.

Лейла решила попытать счастья и попробовала заговорить: — Вы меня слышите? Понимаете меня? — Свой голос, плоский, совсем без резонанса, она все же слышала. Акустика много что значила в громадном, пустом и безветренном, если не сказать безвоздушном, пространстве.

В любой точке Амальгамы непременно знаешь, воплотился ты или же нет. Такова природа всех тел, как реальных, так и виртуальных: в любой момент можно запросить декларативные знания о чем угодно. Здесь же, когда Лейла попыталась мобилизовать информацию, разум ее остался чист. Похожее чувство непривычной рассеянности она ощущала на «Трезубце», отрезанная от хранилища данных цивилизации, но в этом непонятном месте отсечение коснулось ее самой.

Она глубоко вдохнула, но никакого запаха не почувствовала, даже запаха собственного тела, хотя он присутствовал всегда вне зависимости от того, воплощалась ли она в тело наследственного фенотипа или же любое другое, подходящее к требованиям окружающей среды. Лейла потрогала и щипнула кожу предплечья, которая на ощупь оказалась больше похожей на ее настоящую, нежели все заменители, которые ей когда-либо приходилось применять. Вероятно, тело смоделировали из чего-то одновременно удивительно похожего на живое и химически

инертного, затем поместили ее в большой, наполненный воздухом прозрачный контейнер. Внезапно она почувствовала сильный запах искусственной сущности. Воздух, как и кожа, предположила Лейла, были сотворены из битов, а не из атомов.

Где же Джазим? Может, его запустили в другой такой же контейнер? Она позвала его по имени, изо всех сил постаравшись лишить голос жалобного оттенка. Теперь она отлично поняла, почему Джазим так не хотел пускать ее сюда и отчего потом отправился вместе с ней. Мысль о том, что Отчуждение может сотворить нечто ужасное с беззащитным сознанием мужа в каком-то неведомом ей месте, до которого не добраться, не увидеть, раскаленным добела ножом полоснула сердце Лейлы. Сейчас максимум, что она могла сделать, — подавить нараставшую панику и поразмыслить над перспективами. «Хорошо, он там один-одинешенек, но и я тоже, и не так уж это плохо». Ее верой станет соразмерность. Если над ней никто не надругался, то отчего ж им вредить Джазиму?

Лейла заставила себя успокоиться. Отчуждение сочло необходимым даровать ей сознание, но стоит ли в данном положении рассчитывать на привычную для нее культуру поведения? Весьма вероятно то, что поначалу ее хозяева просто не могли или же не желали подключать ее к источникам информации, эквивалентным библиотекам Амальгамы, и, возможно, отсутствие соматических познаний вовсе не было столь разительным. Скорее всего, они не намеренно одурачили ее с телом, а порылись в соответствующих каналах и решили: что бы ни ввели они в них — все равно будет заведомо ложным. Одно дело — достаточно хорошо понять переданное ею описание для того, чтобы привести ее в сознание, а другое дело — знать, как переводятся технические детали их характеристик на язык Лейлы.

Если объяснение незнанием и прямодушием проглотить было весьма сложно ввиду его чрезмерного оптимизма, то предположение о том, что патологически замкнутое Отчуждение являлось таковым вовсе не по причине злокозненности, казалось адекватным. Также вполне можно было понять то, что они хотели сохранить в секрете способ, которым привели ее в чувство, чтобы не выдавать себя. Вероятно, они пробудили ее к жизни не ради того, чтобы всласть помучить.

Лейла внимательнее вгляделась в окружающее ее со всех сторон небо — оно показалось ей знакомым. Она запомнила положение ближайших к узлу звезд в месте, куда должна была попасть сразу после передачи, и теперь похожий узор вырисовывался среди других созвездий. Ей показывали небо с того узла. Это не очень-то помогло в определении ее

фактического местоположения, но самым простым объяснением было то, что вместо передачи ее по сети Отчуждение материализовало ее здесь. Звезды находились в предсказанном положении ее предполагаемого прибытия, так что если это была реальность, то, вероятно, хозяева размышляли, как обойтись с незваным гостем. Никаких промедлений длиною в тысячелетие, никаких передач новостей лицу, принимающему решения. То ли само Отчуждение пребывало здесь, то ли оборудование узла оказалось настолько изощренным, что оно все равно что было здесь. Ее явно разбудили не по нечаянности, а умышленно. Поэтому Лейле очень хотелось знать, ожидало ли Отчуждение что-нибудь подобное в этом тысячелетии.

— И что же теперь? — вопросила пустоту Лейла, но хозяева по-прежнему безмолвствовали. — Швырнете меня обратно на Тассеф?

Посылаемые на Отчуждение исследовательские аппараты возвращались обратно без единой записи, поэтому вполне вероятно, что и ее лишат воспоминаний о новых впечатлениях. Лейла умоляюще протянула руки к пустоте:

— Если вы все равно сотрете мои воспоминания, то почему бы вам сперва не поговорить со мной? Я всецело в ваших руках, и, будь на то ваша воля, я могу унести все тайны в могилу. Зачем же меня было будить, если вы не хотите общаться со мной?

В последовавшей тишине без труда читался ответ: чтобы изучать тебя. С математической достоверностью было ясно, что на некоторое количество вопросов относительно ее поведения невозможно ответить лишь на основании статических характеристик; единственно верный способ узнать, как она станет действовать в определенных ситуациях, — поставить в них Лейлу. И они были властны пробуждать ее прежде сколько угодно раз, просто стирая воспоминания. У нее даже голова закружилась: она могла пробудиться в тысячный, миллионный раз ради экспериментов захватчиков, помещавших ее во всевозможные ситуации, подмечавших ее ответные реакции.

Головокружение прошло. Возможно все, что угодно, но лучше рассматривать гипотезы более радостные.

— Я прибыла сюда с целью пообщаться с вами, — сказала Лейла. — Понятно, что вам не нравятся наши аппараты, бороздящие вашу территорию, но ведь мы можем обсудить кое-какие вопросы, поучиться друг у друга. Когда на диске встречаются две пусть даже самые разные цивилизации, они обязательно находят друг у друга что-то похожее: какие-то общие интересы, обсуждают взаимовыгодные проекты.

Услышав собственную, такую серьезную, речь, расточаемую

окружающему виртуальному воздушному пространству, Лейла вдруг захохотала. Аргументы, которые она вечно приводила Джазиму, друзьям с Наджиба, змеям с Наздика, теперь показались такими нелепыми и ничтожными! Как ей в голову пришло предстать перед Отчуждением и заявить, что она может предложить им нечто новое, вовсе не то, что они отвергали на протяжении сотен тысяч лет до нее?! Амальгама никогда не скрытничала, и Отчуждение видело, что происходит на диске, анализировало увиденное издалека и сознательно выбрало изоляцию. Явиться сюда, чтобы перечислять преимущества контактов, словно эта идея никогда не посещала ее хозяев, было просто оскорбительным.

Лейла умолкла. Если она и потеряла веру в себя как посланника, то по крайней мере доказала, к собственному своему удовольствию, что оказалась проворней автоматических космических станций и преодолела пограничную защиту. Хотя Отчуждение не прижало ее радостно к груди, но все же приложенные усилия в целом не пропали даром. Она едва ли смела надеяться очнуться в скоплении, пусть даже окруженной тишиной.

— Пожалуйста, позвольте мне увидеться с мужем, и мы тотчас оставим вас в покое, — попросила Лейла.

Но и эта просьба также осталась без ответа. Лейла устояла перед искушением вновь пуститься в разглагольствования о налаживании контактов. Она вовсе не считала, что насчитывающая миллион лет цивилизация заинтересована в испытании ее терпимости к изоляции путем разлучения со спутником, что Отчуждению интересно, через какое время она предпримет попытку самоубийства. Скопление отказывается слушать ее; что ж, прекрасно. Если она не являлась ни подопытной, у которой пытались отнять здравомыслие, ни дорогим гостем, каждое желание которого исполняется, значит, ей предстояло додуматься до третьего возможного варианта отношений между нею и Отчуждением. Ее пробудили не просто так.

Лейла еще раз пошарила взглядом в небе на предмет намека на сам узел или какую-нибудь другую незамеченную прежде особенность, но она, возможно, жила внутри звездной карты, лишенной обычных аннотаций. Делящую небо звездную плоскость Млечного Пути скрыли густые облака газа и пыли, но Лейла все равно прекрасно ориентировалась и знала, где простираются территории скопления, и какой путь приведет обратно к диску.

Со смешанными чувствами созерцала она далекое солнце

Тассефа — так моряк смотрит на теряющуюся вдали землю. Как только в Лейле шевельнулась тоска по знакомому месту, вокруг нее появился цилиндр фиолетового света, туннелем уходящий в направлении ее взгляда. В первый раз Лейла почувствовала нарушение состояния невесомости: плавное ускорение несло ее вдоль воображаемого луча.

— Нет! Погодите!

Она закрыла глаза, свернулась калачиком. Движение прекратилось, и когда Лейла открыла глаза, то световой туннель исчез.

Не обращая никакого внимания на небо, Лейла свободно парила в воздухе и ждала, что произойдет, если выбросить из головы всякую тягу к путешествиям.

Прошел целый час, но феномен более не повторялся. Лейла обратила взгляд в противоположном направлении — внутрь скопления. Очистив разум от неуверенности и тоски по родному миру, она представила себе, как с трепетом погружается в манящий, неведомый, захватывающий, чужой мир. Сначала ничего не произошло, и тогда Лейла изо всех сил сфокусировала внимание на втором узле, том самом, в который надеялась попасть путем передачи с первого.

Тот же фиолетовый свет, то же движение вперед. На этот раз Лейла переждала несколько ударов сердца перед тем, как рассеять чары.

Если ее не пытались вовлечь в некую бессмысленную садистскую игру, тогда Отчуждение предлагало сделать очевидный выбор. Она могла избрать Тассеф и вернуться в Амальгаму, объявить во всеуслышание о том, что чуть приоткрыла дверь, заглянула в щелочку таинственного мира, выжила и вернулась, чтобы рассказать об этом. Еще перед ней маячила реальная возможность погрузиться в скопление столь глубоко, сколь она представляла себе в воображении, и поглядеть, куда ее принесет сеть.

— Что ж, никаких обещаний? — спросила она. — Никаких гарантий, что я выберусь с другой стороны? Никаких намеков на возможность контакта, чтобы соблазнить меня последовать вперед? — Лейла размышляла вслух, вовсе не надеясь получить ответы на вопросы. Как ей начало казаться, хозяева рассматривали незнакомцев через призму сильного, резко обозначенного чувства долга. Безжизненные исследовательские ракеты они совершенно невредимыми отсылали владельцам. И ее, незваную гостью, они разбудили с целью поставить перед выбором: на самом ли деле она хотела отправиться туда, куда предполагала ее передача, или же бродила, словно потерявшийся

ребенок, которому нужно указать путь домой? Они не навредили бы Лейле, без ее согласия путешествие в неизвестность ей не грозило, но внимание хозяев этим исчерпывалось. Они вовсе не обязаны делать шаг навстречу Лейле. Не получит она ни приветствий, ни гостеприимства, ни беседы.

— А как же Джазим? Неужели вы не дадите мне с ним посоветоваться?

Лейла подождала немного, представляя лицо мужа, желая его присутствия, надеясь на то, что они прочтут ее мысли, если не понимают слов. Ведь если им удалось расшифровать стремление к определенной точке в небе, то, без сомнения, уразуметь жажду общения с родным человеком тоже будет несложно. Она испробовала всевозможные варианты и остановилась на абстрактной структуре двойной передачи данных в надежде на то, что это должно прояснить объект ее вожделения на тот случай, если им ничего не говорит физическая внешность.

Но она по-прежнему оставалась в одиночестве.

Лейла могла выбирать лишь из окружающих ее звезд. Если ей хочется еще раз увидеться с мужем перед смертью, необходимо сделать тот же выбор, что и он.

Очевидно, он столкнулся с той же дилеммой.

Что бы выбрал Джазим? Он мог бы склониться к возвращению назад, отправиться на безопасный Тассеф, но ведь в Шалоуфе он помирился с ней с единственной целью: последовать за ней навстречу опасности. Конечно же, он понимал, что Лейла не остановится на достигнутом и пожелает отправиться дальше, захочет пройти весь путь через скопление, попасть на Массу, открыв тем самым кратчайший путь сквозь сердце неведомого мира. Доказать его безопасность для путешественников будущего.

Поймет ли он, что Лейла чувствует вину, размышляя об этом, ведь изначально она предполагала лишь одну себя принести в жертву? Ради нее муж бросил вызов неизвестности, и они уже пожинали плоды: ближе них к Отчуждению не подбирался никто. Почему же этого недостаточно? Что бы там ни думала Лейла, хозяева могут даже не разбудить ее до прибытия на Массу. Так что же она потеряет, если вернется обратно?

А главное — чего ждет от нее Джазим? Того, что она непреклонно пойдет вперед, вслед за навязчивой идеей, или что она поставит на первое место свою любовь к нему?

Вероятности множились, образуя бесконечное число вариантов. Супруги знали друг друга настолько хорошо, насколько это возможно для двух разных людей. Но все же они не обладали способностью читать мысли друг друга.

Лейла плыла мимо мириад звезд и задавалась вопросом:

сделал ли свой выбор Джазим? Отправился ли уже обратно на Тассеф, удостоверившись в том, что Отчуждение не оказалось бессердечным палачом, как он опасался, поняв наверняка, что ей не грозит никакая опасность со стороны хозяев? Или же рассудил, что их познания относительно именно этого узла ничего не дают? Это все же не Амальгама, и здешняя культура может быть в тысячу раз более раздробленной.

Круговорот догадок и сомнений вел в никуда. Если она продолжит в том же духе, то с ума сойдет. Все равно нет никаких гарантий правильности выбора, она лишь может избрать меньшее из зол. Если она вернется на Тассеф и обнаружит, что Джазим в одиночку избрал путь через скопление, то это будет невыносимо: она ни за что ни про что потеряет мужа. Лейла может попытаться последовать за ним, тут же вернуться в скопление, но отстанет на столетия.

Если же она доберется до Массы и узнает, что именно Джазим пошел на попятную, то таким образом удостоверится в том, что муж закончил жизнь в безопасности. К тому же Лейла будет знать, что и муж не станет отчаянно за нее беспокоиться, ведь на этом первом узле Отчуждение выказало к ним мягкое безразличие. Этого станет достаточно, чтобы убедить его в том, что они и впредь не причинят ей вреда.

Ответ найден: следует продолжать путь до самой Массы. С надеждой на то, что Джазим рассудил так же. Однако без уверенности в этом.

Решение принято, но Лейла медлила. Тому виной не был пересмотр умозаключений, а нежелание так запросто терять возможность, за которую она боролась не покладая рук. Она не знала, смотрят ли, слушают ли ее жители Отчуждения, читают ли ее мысли и исследуют ли надежды и желания. Возможно, они настолько индифферентны, что передали все полномочия бесчувственным компьютерам и всего-навсего проинструктировали машины, чтобы те нянчились с Лейлой до тех пор, пока она не определится относительно дальнейших передвижений. Все же стоит предпринять последнюю попытку достучаться до них, или ей не удастся умереть спокойно.

— Быть может, вы правы, — сказала она. — Может статься, вы наблюдали за нами на протяжении последнего миллиона лет и пришли к выводу, что нам нечего вам предложить. Возможно, технологии наши отсталые, философия — бесхитростна, обычаи — дики, а манеры — ужасны. Если все вышеперечисленное — правда и мы настолько ниже вас в развитии, то вы могли бы, по крайней мере, подтолкнуть нас в нужном направлении. Выдвинуть какой-нибудь аргумент в пользу того, почему нам

следует меняться.

Тишина.

— Ну хорошо, — продолжила Лейла. — Не взыщите строго и простите мою дерзость. Но скажу вам честно: мы побеспокоили вас первые, но не последние. На Амальгаме полно народов, которые будут выискивать способы добраться до вас. Наверное, так будет продолжаться еще миллион лет, до тех пор, пока мы не решим, что поняли Отчуждение. Если это оскорбляет вас, то не судите нас чересчур строго. Мы ничего не можем с этим поделать. Такова наша сущность.

Она прикрыла глаза и попыталась заверить себя в том, что ничего не забыла сказать.

— Благодарим за то, что предоставили нам беспрепятственное передвижение, — добавила Лейла. — Если именно это вы имеете нам предложить, то надеюсь, однажды наш народ сможет отплатить вам за доброту, если, конечно, вам что-то может потребоваться от нас.

Она широко раскрыла глаза и отыскала место назначения: вглубь сети, по направлению к сердцу скопления.

X

Горы за городом Астраахатом начинались пологим подъемом, предвещавшим легкую прогулку, но мало-помалу становились все круче и круче. Также и растительность предгорий, сначала малорослая и негустая, по мере подъема становилась все более высокой и непроходимой.

— Довольно, — выдохнул Джазим, останавливаясь и опираясь на посох для восхождения.

— Может, пройдем еще часок? — просила Лейла. Муж обдумал предложение и предложил:

— Полчаса отдыха, а потом полчаса подъема.

— Час отдыхаем, и час идем вверх. Джазим устало рассмеялся и согласился:

— Ну хорошо. Час и час.

Вдвоем они расчистили место, чтобы присесть. Джазим вылил из фляги воды в ладошки Лейле, и она ополоснула лицо.

Супруги сидели молча, прислушиваясь к звукам неведомой дикой природы. Под пологом леса царил полумрак, и когда Лейла смотрела вверх, то в маленьких клочках неба среди переплетения ветвей видела звезды скопления, похожие на крошечные, бледные, полупрозрачные бусины.

Порой все случившееся в Отчуждении казалось ей лишь сном, но на самом деле воспоминания о пережитом никогда не покидали Лейлу. Ее пробуждали на каждом узле, знакомили с миром скопления, давали право выбора. Передвигаясь таким образом между двумя пограничными узлами Отчуждения, она повидала тысячу удивительных представлений: новые звезды-каннибалы, ослепительные скопления новорожденных звезд, сдвоенные звезды — белые карлики на месте столкновений. В центре галактики она видела черную дыру и ее светящийся рентгеновскими лучами аккреционный диск, медленно раздирающий звезды на части.

Увиденное могло оказаться на самом деле тщательно продуманной ложью, правдоподобной симуляцией, но каждая деталь, доступная расположенным на диске обсерваториям, подтверждала то, что она действительно видела все это. Даже если от Лейлы утаили что-то, то совсем немного. Возможно, материальные свидетельства существования самих жителей Отчуждения не были доступны ее зрению.

— Эй, где ты? — резко отвлек ее от размышлений Джазим. Лейла опустила взгляд и мягко ответила:

— Я здесь, с тобой. Просто вспоминаю…

Когда они пробудились на Массе среди безумного восторга радостных возгласов, их первым делом принялись расспрашивать: «Что же там происходит? Что вы видели?» Лейла даже не поняла, отчего молчит как рыба, потом безмолвно повернулась к мужу вместо того, чтобы тут же пуститься в детальное повествование. Может, она просто не знала, с чего начать.

Как бы то ни было, первым ответил Джазим:

— Ничего. Мы прошли в ворота на Тассефе, и вот мы здесь. По другую сторону скопления.

Около месяца Лейла решительно отказывалась верить мужу: «Ничего? Ты вообще ничего не видел?» Должно быть, это шутка или ложь. Похоже на месть.

Но подобные чувства не были свойственны мужу, Лейла отлично это знала. Но все же цеплялась именно за подобное объяснение, пока не признала свою ошибку и не попросила прощения у Джазима.

Шестью месяцами позже из скопления явился еще один путешественник. Один из неустрашимых пилигримов с Праздника отправился вслед за ними по кратчайшему пути. Как и Джазим, этот гектапод ничего не увидел, ничего не почувствовал.

Лейла пыталась догадаться, отчего именно она оказалась избранной. Что касается ее предположения о том, что Отчуждение чувствовало себя обязанным проверять каждого пассажира в своей сети… Им необходимо было убедиться в том, что незваные гости с диска делали осознанный выбор. Мог ли только один пример оказаться достаточным для того, чтобы сделать заключение: они поняли все, что им необходимо? Могло ли оказаться так, что этот каприз, напротив, был частью стратегии для привлечения большего количества посетителей, ведь как заманчива такая возможность: каждый мог по случаю стать свидетелем чего-то из ряда вон выходящего по сравнению с предшественниками? Или же это была часть проекта, направленного на то, чтобы обескуражить незваных гостей путем затуманивания впечатлений сомнениями? Наипростейшим мероприятием по расхолаживанию незваных туристов было бы повернуть вспять все нежелательные передачи, а наиболее эффективным стимулом стало бы самое обычное приветствие, но Отчуждение не было бы Отчуждением, если бы вдруг последовало голосу разума.

— Знаешь, что мне кажется? Ты так хотела проснуться, что Отчуждение просто не смогло тебе отказать. Я же не был столь заинтересован. Так что все гораздо проще, чем ты думаешь.

— Ну а гептапод? Он отправился туда один, а не просто так болтался в космосе ради того, чтобы присмотреть за попутчиком.

Джазим пожал плечами:

— Может, он действовал, поддавшись минутному импульсу. Все они очень привязались ко мне и горевали. Может, Отчуждение смогло разглядеть расположение его духа достоверней моего.

— Не верю ни слову из того, что ты сказал, — подытожила Лейла.

Джазим развел руками:

— Уверен, что ты бы за пять минут переубедила меня, дай я тебе возможность. Но если мы спустимся вниз с этого холма и подождем следующего путешественника, который пересечет скопление, а потом еще одного, и следующего тоже, то обязательно появится новый занимательный вопрос, а за ним — второй и так далее. Даже если бы мне захотелось прожить еще десяток тысяч лет, я бы лучше занялся чем-нибудь другим. И в этот последний час… — Он умолк.

— Конечно. Ты прав, — согласилась Лейла.

Она сидела тихо, прислушиваясь к странному щебету и жужжанию неведомых существ. Лейла могла бы вмиг узнать все об этих творениях, но уже не сейчас, знать все больше не требовалось.

После них придет кто-то еще, кто-то другой попытается понять Отчуждение или передать этот замечательный, непокорный, разочаровывающий мир следующему исследователю. Они вместе с Джазимом положили начало, и достаточно. Тогда, на Наджибе, Лейла даже не смела представить себе, что им удастся зайти так далеко. Теперь же пришло время остановиться, пока они еще были самими собой: обогащенные опытом, но не изуродованные до неузнаваемости.

Они допили воду до последней капли. Оставили флягу на земле. Джазим взял Лейлу за руку, и они вместе двинулись вперед, бок о бок взбираясь вверх по склону.

Элизабет Бир, Сара Монетт
Собачий остров [180]

Стемнеет еще нескоро, света должно хватить.

Сэр Эдмунд Тилни,[181] страдая от зубной боли и зловония собственного дыхания, стоял у буфета и щедро сыпал в херес песочно-желтые крупинки сахара. Размешав ставший приторным напиток, он отнес его к столу, на котором ждал неопрятный ворох четвертушек листов, разрезанных по сгибам перочинным ножом.

Тилни поставил чашку на пятно солнечного света, пододвинул стул, короткие ножки которого с привычным скрежетом проехались по потертому камышовому половику, и сел. Левая рука тут же потянулась к вину, правая — к сценарию пьесы. Узловатый палец взъерошил листы самой дешевой вержированной[182] бумаги от Шпильмана.

Сгорбившись на свету, морщась от каждого глотка, когда подслащенное вино омывало зубы, он приступил к чтению.

Последний лист, исписанный до половины, был перевернут одновременно с последним глотком (нерастворившиеся песчинки заскрипели на многострадальных зубах). Солнечный прямоугольник как раз перетек с края стола на пол. Тилни извлек собственный ножик, очинил перо и — на чистой четвертушке — начал писать необходимый документ. Да, мальчишка Джонсон[183] неопытен. Но Том Нэш,[184] уж он-то должен соображать.

Прежде чем скрепить запрещение своей печатью, Тилни отхлебнул еще хереса и торопливо проглотил, пока зубы не дали о себе знать. Он считал себя, ничтоже сумняшеся, человеком умным — интеллигентным, коли уж на то пошло. Ему, мастеру разоблачений, королевскому цензору, иначе нельзя, ибо эти писателишки-драматурги тоже не дураки — вечно ухитряются замаскировать сатиру многослойным остроумием и недомолвками. Чем лучше драматург, тем лучше пьеса и тем внимательнее, тем осторожнее должен быть Тилни.

«Собачий остров» — хорошая пьеса. Живая, остроумная. Очень острая и очень умная, каковой и следует быть пьесе Тома Нэша и этого новичка Джонсона. А натренированный, проницательный взгляд Тилни видел сатиру на каждой странице, насмешку — среди сонма прочих мелких целей — над Елизаветой, ее Тайным советом и самим лордом Чемберленом.

Такое не может быть поставлено никогда.

Праведник-во-имя Самсон: А почему остров называется Собачьим?

Умвсум: Потому как зыдесь люди чито ты вой дикие шавки. Коли их тьмуща, они сыхавают льва, но коли лев высытыретит одну из сытаи, то рявыкынет и высыпорет ей бырюхо. А коли лев и выпы-рямь лев, то и ее пырыятелей разорывет в кылочья.

Праведник-во-имя Самсон: Но разве это не правильно? Ибо несомненно шавка должна уважать льва.

Умвсум: Но на этом осытырове даже лев — шавка. [185]

Такое не могло быть поставлено никогда, но было. Несколькими днями позже, невзирая на запрет, Джонсон и граф Пемброк вывели «Собачий остров» на сцену «Лебедя». А еще через день Джонсон и ведущие актеры были доставлены — в цепях — в Маршальси[186] и подвергнуты мягкому допросу главным королевским палачом Топклиффом самолично. Второй автор, Томас Нэш, покинул город, дабы избежать ареста. «Театр», «Занавес», «Лебедь» — все ведущие театры Лондона томились и чахли: постановки были запрещены.

Томился и чах и «Собачий остров» — грудой бумаги на столе Тилни, придавленный его перочинным ножом (в промежутках между заточкой перьев). Украшенные кольцами — следами поставленных на них чашек, исчерканные не одним карандашом, страницы валялись «лицом» вниз. Тускло-черные чернила еще не начали выцветать и летняя жара еще не пошла на убыль, когда, чего и следовало ожидать, Тилни был удостоен визита мистера Джонсона.

Блошиные укусы и ссадины от кандалов все еще рдели на широких запястьях драматурга, лишь подчеркивая белизну старых шрамов на мощных руках. Немодные короткие завитки курчавились над простоватым, изрытым оспой лицом. Росту в нем, Бене Джонсоне, было поболе шести футов. В Нидерландах он служил солдатом.

При входе визитер нагнулся, но тут же выпрямился и, прикрыв дверь, шагнул в сторону, так чтобы стена оказалась за его спиной.

— Вы сожгли бумаги Тома.

— Он бежал из Лондона. Мы должны были убедиться, что не осталось ни одной копии пьесы.

— Ни одной копии? — Несмотря на грубоватую браваду, юность Джонсона выказала себя в том, как легко он удивился, не сумев скрыть изумления. — Но это всего лишь пьеса.

— Мистер Джонсон, — Тилни скрестил руки на груди, — она

насмехается над королевой. Более того, она способна побудить других насмехаться над королевой. А это подстрекательство к мятежу.

Джонсон фыркнул, по-видимому взяв себя в руки. Быстрыми короткими шажками он прошелся в одну сторону, затем в другую.

— И шпионы Паррот и Поли[187] сели в тюрьму вместе со мной? И что, вы полагаете, я должен был сообщить им?

— Это не мои шпионы, — ответил Тилни. — Возможно, Топклиффа. Видимо, он решил, что вы обладаете чем-то, что может заинтересовать его. Никаких папистских симпатий, а, мистер Джонсон? Или лояльности Шотландии?

Джонсон резко остановился и уставился в пространство. Его ботинки купались в блуждающей луже солнечного света. Массивная ладонь писателя легла на стену, голова упала на руку, лицо скрылось из виду. Но вторая рука, заметил Тилни, огладила бок буфета и оставила что-то за панелью, что — не видно из-за чернильницы.

— Полагаю, бессмысленно умолять вас вернуть рукопись?

— Уничтожена, — отрезал Тилни, не позволив взгляду упасть на кипу страниц на своем столе. И выпалил, словно потеряв вдруг самообладание: — Зачем, мистер Джонсон? Зачем было писать это?

Джонсон дернул плечом:

— Потому что это хорошая пьеса.

Бесполезно взывать к здравому смыслу поэта. С тем же успехом можно дискутировать с полосатой кошкой. Тилни взял колокольчик, лежавший на другом конце стола, на пьесе, которая давно уже должна была быть уничтожена, и позвонил, вызывая секретаря.

— Идите домой, мистер Джонсон.

— Мы видимся не в последний раз, сэр Эдмунд, — сказал Джонсон, когда дверь распахнулась. Не угроза, просто констатация факта.

На зов явился незнакомый клерк — толстый верзила с черными кудряшками, со свежим дыханием и крепкими белоснежными зубами.

— Нет, — отозвался Тилни. Подождал, когда щелкнет засов, и добавил: — Полагаю, не в последний.

Ангел л: Постриг овец, Грош?

Грош: Угу, хотя рунцо у них оказалось только серебряное.

Протягивает Ангеллу кошель.

Ангел л: Тогда стань Ясоном и найди золотое руно, или, может, стоит просто стричь чуть ближе к коже?

Грош: А овцы не померзнут, без шерсти-то?

Ангел л: Новая отрастет. И, верный Грош, что бы ты предпочел: чтобы овцы замерзли, или чтобы твой хозяин согрелся?

Грош: По мне, так пущай овцы трясутся сколько влезет.

Тилни подождал, пока смолкнет эхо шагов Джонсона, а потом — еще немного. Убедившись, что ни секретарь, ни драматург не вернутся, он на цыпочках обогнул стол и подобрал звякнувший мешочек, оставленный Джонсоном. Взвесил его в руке профессиональным жестом, нахмурился. Тяжелый.

Он опустил кошелек на прежнее место и занялся делом: отколол пару кусков от сахарной головы и налил себе хересу, чтобы пить, перечитывая пьесу. На этот раз он читал быстрее, стоя там, где свет ярче, ставя чашку на буфет, возле чернильницы и взятки Джонсона. Листы с шелестом ложились на стол. Пьеса закончилась вместе с хересом.

Он взвесил — на этот раз рукопись — и снова нахмурился. Причмокнул, посасывая ноющий зуб.

Август. Камин не разожжен.

Цензор кинул пьесу на буфет, придавил ее взяткой, запер за собой дверь и пошел сказать секретарю — кузену, как выяснилось, занемогшему лихорадкою, — что тот может идти.

Умвсум: Это Бля Двапенса. Ее называют Королевой Шавок.

Праведник-во-имя Самсон: Почему?

Умвсум: Пытаму чыто, есыли кыто гыворит о ней то, чего не должон, она натыравливает на него сываих пысов, чытоб он больше никыгда нычего не скызал.

Сэр Эдмунд Тилни не спал за полночь. Зубы болели; будь у него хоть капля здравого смысла, их стоило вырвать еще зимой. Ни капли, решил он. Здравого смысла у него не больше, чем у полосатой кошки. Или у поэта. Так что лежит он, бодрствует, терзается, представляя бумаги на буфете под бременем кошелька Джонсона. Надо было спалить их еще утром.

Вот он пойдет и сожжет их сейчас же. Возможно, перечитает еще разок, просто чтобы убедиться, что пьеса недостойна помилования. Иногда можно как-то выкрутиться, предложить варианты, подправить, найти способ — что-то вычеркнуть, что-то добавить, — чтобы пьеса стала «удобопоставимой».

Иногда драматурги уступают, пусть и нехотя, — и их произведения спасены!

Впрочем, хоть Джонсон и новичок, Тилни уже понял, что писатель не слишком хорошо относится к редактированию. Но пьеса-то и впрямь неплоха.

Возможно, шанс есть.

Тилни вскочил и зашагал во мрак дома, прямо в шлепанцах и ночной сорочке. В таком виде, со свечой в руке, он и предстал v двери своего кабинета. Он отпер ее — щеколды бесшумно скользнули по хорошо смазанным пазам — и толкнул створку, не позаботившись поднять свечу или отвлечься на вытаскивание ключа из замка.

Он и так отлично представлял, где и что расположено.

Ослепительная, резанувшая по глазам вспышка сверкнула подобно молнии, подобно взрыву пороха в кастрюле. Критик панически взвизгнул и вскинул руку, защищая глаза, постаравшись тем не менее не опрокинуть свечу. Кто-то выругался на незнакомом языке, тяжелая рука сомкнулась на запястье Тилни и втащила его в кабинет, а дверь с чьей-то помощью захлопнулась прежде, чем редактор успел завопить второй раз.

Кто бы ни стискивал его руку, у него была железная хватка. Высокий, молодой, мягкие, ненамозоленные ладони…

— Джонсон, — выдохнул Тилни, все еще наполовину ослепленный бесшумной молнией, пытаясь проморгаться и прогнать вертящиеся перед глазами розовые пятна, — тебя за это повесят!

— Сэр Эдмунд, — произнес мягкий голос, — простите. Слишком вежливо для Джонсона, да и эти руки, пусть и крупные, слишком мягки для солдата. Не Джонсон. Подставной секретарь. Тилни затряс головой, избавляясь от последних пляшущих точек, и всмотрелся во тьму кабинета, чуть-чуть разогнанную тусклым светом его свечи. Очертания комнаты проглядывали смутно, но непорядок критик отметил тут же. «Собачий остров» переместился с буфета на стол, портьеры на окнах плотно задернуты и прижаты взяткой Джонсона. Примерно четверть страниц пьесы были перевернуты.

— Я закричу и разбужу весь дом, — предупредил Тилни.

— Уже разбудили, — отозвался клерк. Он отпустил Тилни, как только тот успокоился и привалился к краю стола, и снова вернулся к рукописи.

— Из этой комнаты только один выход. — И Тилни стоял к нему спиной. Он слышал шаги за дверью, шаги и голоса людей, ищущих источник истошного вопля.

— Сэр Эдмунд, вам лучше зажмуриться. — Секретарь поднес к глазу что-то плоское, металлическое, размером не больше планки для замка, да и похожее на эту планку, с круглой дыркой посредине.

Вместо того чтобы последовать совету, Тилни шагнул вперед и схватил клерка за руку:

— Что это ты делаешь?

Человек помедлил, очевидно борясь с желанием оттолкнуть Тилни так, чтобы тот шлепнулся на пол.

— К черту! — рявкнул наконец он. — Ладно, слушайте. Я пытаюсь спасти эту пьесу.

— От огня?

— От забвения.

Человек опустил руку и повернул пластину так, чтобы Тилни мог увидеть ее обратную сторону. Большой палец коснулся пары маленьких бугорков, помеченных красными литерами, и Тилни охнул. Словно в камере-обскура,[188] изображение страницы «Собачьего острова» плавало в глубине стекла, врезанного в железную планку, — четкое, ярко освещенное, будто в безоблачный день. И страница оказалась не той, на которой была открыта пьеса.

— Меня зовут Балдассар, — сказал секретарь, точнее колдун. — Я здесь, чтобы сохранить это произведение. Оно было утеряно.

— Джонсон вызвал демонов, — прошептал Тилни.

В этот момент кто-то забарабанил в дверь кабинета. Дверь заскрипела, но не открылась. Балдассар, должно быть, прихватил ключи, когда втаскивал Тилни внутрь, а заодно задвинул засов, пока критик был ослеплен вспышкой. Впрочем, свет свечи виден из-под двери. Слуги поймут, что он здесь.

Это был его личный кабинет, и от него существовало всего два ключа. Кому-нибудь придется разбудить дворецкого — второй у него.

Он может закричать. Но Балдассар, со своей стороны, может убить его прежде, чем дворецкий вышибет дверь. Вон как уставился на него, колдун, словно ждет, что предпримет критик.

Тилни прикусил язык. Дверь затрещала еще раз, а потом шаги удалились.

— Я всего лишь историк, — проговорил Балдассар, нарушив воцарившуюся на минуту или две тишину.

— Историк? Но пьесе нет и трех месяцев! Балдассар покачал головой:

— Там, откуда я прибыл, она гораздо старше. И… — он замешкался, точно подыскивая слово, — она мертва. Никто не

читал ее, никто не видел постановки. Большинство людей даже не подозревают, что она когда-либо существовала. — Он ласково погладил бумагу кончиками пальцев. — Позвольте мне забрать ее. Позвольте дать ей жизнь.

— Это крамола. — Тилни дерзко (крайне дерзко) схватил край рукописи и выдернул ее из-под руки Балдассара.

— Это бриллиант, — возразил Балдассар, и Тилни не стал спорить, хотя и прижал пачку покрепче к груди.

Колдун до смешного вежлив с ним, как младший со старшим. Пожалуй, на этом можно сыграть. Пожалуй. Как-никак его обязанность — защищать королеву.

А Балдассар продолжил:

— Никто не узнает, никто не прочтет ее до того, как вы, и Елизавета, и Джонсон, и Нэш упокоятся в могилах. Она не причинит вреда. Клянусь.

— Слово колдуна, — пробормотал Тилни и, шагнув назад, прижался к двери.

Ключа в замке нет. Должно быть, он в кулаке Балдассара.

— Вы хотите, чтобы она затерялась навсегда? Действительно хотите? — Балдассар протянул руку, и Тилни отпрянул в угол — единственное оставшееся для отступления место.

— Сэр Эдмунд! — позвал кто-то из коридора.

Тилни услышал, как снаружи зазвенели ключи, как они заскрежетали в замке.

— Тебя повесят, — заявил он Балдассару.

— Возможно. — Балдассар вдруг ухмыльнулся, продемонстрировав свои отличные белые зубы. — Но не сегодня. — Один долгий, исполненный сожаления взгляд на скомканные бумаги, прижатые к груди Тилни, и колдун бросил ключ на пол, прикоснулся к чему-то на запястье руки, державшей металлическую пластинку, и испарился, оставив за собой лишь подрагивающий воздух и оханье Тилни.

Дверь распахнулась, и в черном проеме возникла фигура Джона, дворецкого Тилни. Цензор вздрогнул.

— Сэр Эдмунд? — Человек со свечой в одной руке и связкой ключей в другой шагнул вперед. — С вами все в порядке?

— Более-менее, — ответил Тилни, с трудом заставив себя не глядеть туда, где только что стоял пришелец.

Да, он может заявить, что в его кабинете появлялся демон. Заявить-то можно, только вот кто ему поверит?

Критик сглотнул и перестал судорожно прижимать к груди пьесу.

— Я уронил ключи.

Дворецкий с сомнением нахмурился:

— Вы кричали, милорд.

— Я просто споткнулся, — объяснил Тилни. — И испугался за свечу. Но все в порядке. — Он положил рукопись на стол и разгладил страницы. Слуга присел на корточки, чтобы подобрать упавшие ключи. — Благодарю за беспокойство.

Ключи были холодны и тяжелы, они звенели, ударяясь друг о друга, как обесцененные монетки, когда дворецкий протянул их хозяину. Тилни положил связку на стол, возле свечи и пьесы, потом взял с подоконника кошелек, раздернул занавески и снова взвесил деньги и страницы, после чего широко распахнул ставни, не обращая внимания на ночную прохладу. За окном стояла все та же летняя ночь, из сточных канав поднимался запах Лондона, но сквозняк всегда может принести что-нибудь неожиданное и удивительное, и он больше не чувствовал себя кошкой, гоняющейся за скомканной бумажкой.

Свеча едва мерцала.

— Сэр Эдмунд?

— Это все, Джон. Спасибо.

Слуга молча удалился, забрав свечу и свои ключи, оставив зев двери открытым во тьму. Тилни секунду постоял у стола, разглядывая пустое пространство.

Ключи были только у него и Джона. Балдассар явился и исчез, точно дьявол, сделавший шаг из ада и вернувшийся обратно. Без вони серы, однако. Возможно, он даже больше похож на ангела. Или на воспоминание, способное бродить по всем комнатам дома Тилни; по всем лондонским театрам, не оставляя следа.

Тилни присел на корточки (колени отчаянно заскрипели) и положил в камин растопку. Встал, посмотрел на рукопись, на четверть перевернутых страниц на краю стола, на остальные три четверти, скомканные и небрежно разглаженные. Он перевернул очередной лист, прочел строку, написанную рукой Джонсона, и следующую, уже рукой Нэша. Губы растянулись, открыв ноющие зубы, и цензор хихикнул в бороду.

Он опустил бумаги. Здравого смысла не больше, чем у полосатой кошки. Уже поздно разводить огонь. Пьесу можно спалить и утром. Перед тем, как он вернет Джонсону взятку. Он запрет за собой дверь, так что никто не войдет и не выйдет. Ключей-то всего два.

Сэр Эдмунд Тилни задул свечу и устало потащился вверх по лестнице сквозь привычный мрак. Утром он позаботится о сожжении.

Кен Маклеод
Зов автострады [189]

I
Стеклорезы

Первым это заметил Мурдо Мак. Он ехал с дробовиком на крыше, так что видеть мог дальше. Я же должен был еще следить за дорогой. И вот, слышу, Мурдо стучит по крыше кабины. Это знак остановиться. Я осторожно затормозил: ранним утром дорога была скользкой и коварной. Мы примерно полкилометра не доехали до деревни недалеко от Дингуолла. Деревня — это просто несколько домишек, каких множество в Хайленде.[190] И, как многие другие, она тоже была заброшена. Мы это знали.

Я опустил стекло. В кабину ворвался холодный воздух. В окне появилось раскрасневшееся лицо Мурдо в обрамлении мехового капюшона парки.

— Что случилось? — спросил я.

— Там дома какие-то странные, — ответил он. — Не соображу, в чем там дело, хоть убей.

Я покосился на Эвана Кэмпбелла. Тот подал мне бинокль. Я облокотился на руль и навел резкость. Впереди, у поворота дороги, стояли пять или шесть домиков. Они все хорошо просматривались. Как и многие другие постройки здесь, в Хайленде, они выглядели как-то неуместно: обычные дома городских предместий, почему-то попавшие в вересковые пустоши. Заросшие сады, разваливающиеся сараи, огромные глазницы окон, черные и пустые.

Вот оно что.

— В окнах нет стекол, — сказал я. — Ни в одном. И они вовсе не выбиты. Их просто нет. — Я передал бинокль Мурдо. — Посмотри сам.

Мурдо подкрутил колесико резкости. В толстых перчатках это сделать было непросто. Он засопел.

— Ты прав, — заключил он, возвратив мне бинокль.

— Похоже, их вынесли не так давно, — заметил Эван.

— Выглядит небезопасно, — добавил Мурдо.

— Поехали, — сказал я. — Подберемся потихоньку.

Мурдо убрал голову из окна. В боковое зеркало я увидел, как он нырнул обратно в смотровую кабинку. Сделанная в форме топливного бака, она крепилась позади кабины, прямо за местом водителя, и была выстлана изнутри слоем защитного материала, и еще там находилось низенькое сиденье. Не очень комфортно. Мы ездим в ней по очереди.

Я врубил первую передачу, и огромный трейлер покатился

вперед. Триста метров. Двести метров. Сто. У первого дома, на том месте, где раньше были ворота, росли две высокие рябины. Что и говорить, не много удачи они принесли хозяевам. Я затормозил и заглушил двигатель.

Ни звука, только пение черного дрозда да вопрошающее карканье серого ворона где-то на склоне горы.

— Пойду посмотрю. — Я выпрыгнул из кабины, скрипнув прорезиненным комбинезоном и глухо стукнув о землю резиновыми сапогами. — Прикрой меня, Мурдо. — Я и сам понял, что сморозил глупость.

— Мы в Китае или где? — насмешливо отозвался Мурдо.

— Ты сам выдернул нас сюда, — заметил я.

— Как скажешь, Джейс. — Мурдо откинул капюшон парки и надел шлем. Из кабинки высунулся ствол дробовика.

Я пошел по заросшей травой дорожке. В кустах валялся пластмассовый трехколесный велосипед, краска на нем давно облезла. Я пинком отбросил с дороги спущенный футбольный мяч и переступил через разбитый цветочный горшок, намереваясь осмотреть большое окно справа от двери. Я заглянул в комнату, просто для порядка. У дальней стены — ветхий диванчик, кофейная банка, заплесневелая кружка. Здесь опасности нет. Я осмотрел оконную раму. Из растрескавшейся древесины с облупившейся краской торчала, может быть, дюймовая полоска стекла. Одинаковая по всему периметру. Стекло было вырезано. Я подошел к окну с другой стороны от двери — еще одна пустая комната, посредине пластмассовое кресло, — и обнаружил то же самое. Дальше, за углом дома, было крошечное окошко нижней уборной: по полдюйма покрытого инеем стекла со всех четырех сторон.

Я проломился сквозь заиндевелые заросли папоротника и крапивы, поставил ногу на провисшую сетку забора и перепрыгнул на соседний заброшенный участок. С окнами в доме здесь было все то же самое.

— Кто-то стеклорезом вырезал все стекла, — заключил я, вернувшись к трейлеру.

— Стеклорезом? — удивленно повторил за мной Эван. — Что еще за новости?

— Зачем им это понадобилось? — недоумевал я. — Они могли бы купить любое стекло в Инвернессе.

— Чтобы не ездить в Инвернесс, — ответил Мурдо.

— Мы теряем здесь время, — сказал Эван.

— Минуту-то мы можем потратить, — возразил я, повернулся и пошел к пятому дому.

Он был меньше прочих, и вокруг него не было сада. Окно

первой комнаты оказалось вырезано так же, как и все остальные. В комнате у дальней стены стоял кроватный каркас. Но комната не походила на спальню. Я представил, как там лежит больной человек и смотрит в окно.

В окно. Вдруг меня осенило, что я смотрел на все это не с той стороны. На самом деле не с той. Я подошел к двери и толкнул ее. Внутри обнаружились узкий коридор и в нескольких шагах впереди — небольшая лестница. Стены и пол коридора, балясины лестницы были сплошь исцарапаны. Заглянув внутрь комнаты, я увидел, что царапины тянутся прямо к ножкам остова кровати.

Каркас сюда притащили. И притащили уже тогда, когда пол был голый, когда ковры и все остальное уже вынесли из дома.

Я присел на скрипучие пружины и поглядел в проем окна. Мне было видно дорогу и низкую каменную стену, выложенную сухой кладкой. За ней — клочок земли, заросший травой. Дальше — вереск, и за ними вдалеке — горы. Длинные тени от низких столбиков штакетника между участками. Эта замерзшая желтая трава через дорогу могла бы быть сочным зеленым лугом весной и летом. Дикие овцы спускались бы с холмов и паслись на нем. Или олени. Олени, наверное, сейчас сходят с гор, с вересковых пустошей в долины.

— Опа! — сказал я себе.

Через минуту я был уже за дверью и за дорогой. Перескочил канаву и стену, вышел на луг и обыскал подножие стены у дальнего конца. Я знал, что ищу, но то, что я все-таки нашел это, было чистой удачей: блеск стали. Я наклонился и поднял шестидюймовую стрелу с затупленным наконечником. Другой конец был заточен клином, и по бокам у стрелы, как ребра, торчали четыре узких лезвия. Она напоминала игрушечную ракету.

Стрела от арбалета.

— Этот дом — охотничья засада, — сказал я Эвану и Мурдо, вернувшись к трейлеру. — Примерно на дюжину охотников. Они вырезали стекла, натащили туда кресла, диваны, или чего там еще, устроились с комфортом и просто сидели там, поджидая стадо оленей или отару овец, которые ходили на пастбище. Животные их не видели и не чуяли. Оставалось только дождаться их появления и пострелять из арбалетов. При таком раскладе можно завалить десяток зараз. А то и больше.

— Чудесно, — сказал Мурдо.

Я не понял, что он имел в виду: мои детективные качества или то, как чисто и аккуратно осуществлялась эта резня, которую я расследовал.

— Почему бы просто не выбить стекла? — стал размышлять

Эван.

— Чтобы не поднимать шума, — ответил Мурдо.

— И кто их услышит? Олени? — продолжал допытываться Эван.

— Может быть, — ответил я, хотя и без особой уверенности.

— Не много удовольствия от такой охоты, — возразил Эван.

— Это не ради удовольствия, а ради пропитания, — сказал я.

— Ага, — согласился Мурдо. — И кстати, о пропитании: мой завтрак ждет меня в Лох-Карроне, а это в двух часах езды отсюда, если повезет.

— Завтрак? А как называется тот рулет с беконом, что ты съел в Дингуолле?

— Легкая закуска.

— Поздний ужин, — сказал Эван. — Было так темно, что я был готов представить, что рядом со мной жена.

— А это оказался всего лишь я, — сказал я. — Ты заставил меня поволноваться.

II
О никотиновом голоде

Прежде чем мы вернулись в кабину, Эван выкурил самокрутку. Никто не возражал. Мы стали как-то спокойнее относиться к его пагубной привычке с тех пор, как все началось. Может быть, сейчас, когда вы слушаете меня, это уже позабылось. Но вы наверняка должны помнить это имя: Цзинь Ян.

Да, Цзинь Ян. Парень, который заварил всю эту кашу. Он работал в сфере рок-музыки, был музыкальным агентом, который просто второй раз в жизни приехал на «Эдинбург Фриндж».[191] По всем отзывам, он добился большого успеха. Ловкач. Все из кожи вон лезли, чтобы получить возможность сыграть в Пекине. Он был уже на пути домой, самолет только что вылетел из аэропорта Эдинбурга. И вот он вскакивает с кресла при зажженной надписи «Пристегнуть ремни», начинает скандалить со стюардессой. Слово за слово — переходят к действиям, возникает небольшая потасовка. Он не знает, что она изучала боевые искусства. Антитеррористическая программа, слыхали? Она не знает, что он мастер кун-фу. Ситуация немного выходит из-под контроля, и в тот момент, когда он проводит бросок через спину с захватом руки и шеи, как раз и получает в череп пулю с мягким наконечником. Оказывается, в самолете был еще и переодетый коп, из той же программы по борьбе с воздушным терроризмом. Небесный маршал, так их американцы называют.

Так что китайский парень падает, все озираются на своих соседей. Повсюду кровь, мозги, кости. Кричат дети. Кричат взрослые. Всеобщий шок и паника. И тут небесный маршал видит, что из кармашка кресла усопшего мистера Яна торчит парочка книг. Они на китайском, но внутри попадаются слова на английском. Одна из них — Коран. Другая — избранные речи китайского вождя.

Небесный маршал тут же по рации докладывает обо всем своим боссам на землю. Все это слышат. В это время другой китайский пассажир, сидящий на несколько рядов кресел ближе к хвостовой части самолета, подскакивает и начинает вопить. Небесный маршал поворачивается к нему и наводит на него свою пушку. К этому времени половина пассажиров уже рассказывает о случившемся своим близким по мобильникам. Они все думают, что погибнут, и они правы.

Потому что вон та надпись мелким шрифтом, которая предупреждает вас не пользоваться мобильными телефонами и

компьютерами и не играть в электронные игры во время взлета или приземления, нанесена там неспроста. Все ваши устройства действительно могут помешать работе бортовых компьютеров. Ну, в этот раз так и вышло. Ясное дело, самолет завернули. Но когда он заходил на посадку, что-то пошло не так. В тот день над Фёрт-оф-Фортом был сильный туман. Пилот летел вслепую. По приборам. А приборы вывел из строя навороченный мобильник какого-то компьютерного маньяка, который в это время звонил своей подружке, клялся в любви и все такое.

Полет по наземным ориентирам, так это у них называется. В данном случае ориентиром становится военно-морская верфь в порту Росит, где как раз стоит на перевооружении перед походом в Южно-Китайское море флагманский авианосец британских ВВС. А в Южно-Китайском море в этот момент ощущалось некоторое беспокойство относительно Тайваня — отделившегося большого острова, на который китайцы очень обижены.

Бабах.

На следующий день я видел заголовок в газете: «Китайская Аль-Каида использовала в Росите ядерное оружие». И это писала, представьте, «Guardian». Она лежала на столе у моего преподавателя в Телфорд-колледже. «Record» просто заявляла: «Пора бомбить красных».

Большая часть британской армии была к тому времени уже в Иране. А Китай оттуда не так уж и далеко. Янки, как обычно, позаботились о тяжелом вооружении. Япония вмешалась, как я понимаю, просто в силу привычки.

После двух лет войны наши парни были по уши в дерьме, не зная, откуда ждать следующего удара — от коммунистов, исламистов, японцев, секты «Фалунь гун» и далее по списку.

Тем временем официальные структуры усердно трудятся. Правительственные дознаватели тщательно анализируют обломки на месте катастрофы. Терзают допросами выживших свидетелей. И выдают отчет.

Из которого становятся известны три важные вещи о Цзине Яне.

Первая — он родом из того района Китая, где проживают мусульманские меньшинства. Отсюда — Коран в кармашке кресла.

Вторая — он бизнесмен и член партии. Поэтому — книга речей коммунистического лидера. Все о том, что развитие бизнеса и обогащение — путь к славному будущему. Цзин Ян должен был знать это назубок и тупо повторять время от времени, чтобы его боссы были счастливы.

Третья — как и большинство китайских мужчин, Цзин Ян был

заядлый курильщик. Во время своего первого визита на фестиваль «Фриндж» он очень неплохо провел время. Заключая сделки, дымил себе как паровоз и горя не знал. В зоне вылета аэропорта, чтобы нервы успокоить, высадил полпачки сигарет — там была специальная выгородка для курильщиков. Все нормально. Во второй раз, много лет спустя, уже вошел в силу запрет на курение в общественных местах. Теперь его визит был далеко не такой приятный. Большинство своих сделок он заключал в дороге. Возвращаясь домой, он проходит таможенный досмотр и, попадая в зону вылета, обнаруживает, что курительную кабинку давно ликвидировали. Рейс задерживается. Точное время вылета никто не знает. Даже если бы он смог пройти обратно через зону таможенного досмотра, он боится пропустить свой рейс и, следовательно, потерять наработанные связи. Так что он там завис на три с половиной часа.

Три с половиной часа.

Так что это был не угон самолета. И не происки Аль-Каиды. И китайское правительство было ни при чем. Он просто очень хотел покурить. Вот так и началась война.

И поэтому мы все стояли вокруг Эвана и терпеливо ждали, пока он докурит свою самокрутку, тогда мы все дружно вернемся в трейлер — и в долгий путь, на Лох-Каррон.

III
Завтрак

Часа через два мы въехали в Лох-Каррон. Маршрут оказался несложным. Солнце сияло на снегу, когда мы ехали высоко по горным склонам, однако у меня были хорошие солнцезащитные очки. В низинах дорогу скрывала убийственно скользкая ледяная корка, но у нашего трейлера были добротные покрышки. Какой-то новый тип углеволокна. У них фантастическое сцепление с дорогой. И нам не встретились в пути ни бандиты, ни волки.

— Когда я был крохой, к этому времени снег уже давно сходил, — заметил Эван. — Линия снегов на высоте в пятьдесят метров — в марте! Раньше она не спускалась ниже двухсот!

Лох-Каррон располагался на милю-другую в сторону от нашего маршрута. Мы миновали поворот на боковую дорогу, которая вела к месту нашей будущей работы, где и заканчивалась. Эта тупиковая дорога пролегала по верхней части озера к старой железнодорожной ветке. Вдоль нее виднелись ярко-желтые вагончики рабочих и большая черная бобина, на которую был намотан кабель, змеей выползающий из воды. Лох-Каррон — это ряд домиков, растянувшихся на километр вдоль северного берега озера. Этим утром озеро было как зеркало. Длинные цепи гор, поднимающихся по обоим берегам, отражались в нем, как два волнистых крыла. Горные склоны чернели золой и пнями — все, что осталось от деревьев после первой по-настоящему холодной зимы и лесных пожаров следующего за ним лета. Высокие ветряные мельницы стояли вдоль голых заснеженных вершин. Если какое-то крыло и поворачивалось вообще, то слишком медленно, чтобы можно было это заметить. Опоры некоторых мельниц покосились. Другие вовсе упали. Я помню времена, когда фермы, использующие энергию ветра, считались перспективным начинанием, о котором вот-вот заговорят буквально все. У ветра было другое мнение.

На въезде я снизил скорость, и мы медленно ползли мимо заросшей травой площадки, бывшей когда-то полем для игры в гольф, мимо обнесенного стеной участка, который и до сих пор служил кладбищем. Вокруг холма к самой деревне. Бурые камни и серая галька старых домов перемежались яркими красками новых. Голубые, розовые, желтые, зеленые. Эти дома смахивали скорее на промышленные механизмы. Из них торчали трубы и антенны. Стены их покрывали толстые утепляющие маты. Крутые

крыши выступали, как шляпы у ведьм. Крыши старых домов были покрыты полотнищами грубой ткани солнечных батарей.

Гостиница размещалась в одном из старых зданий. Осыпающийся бетон с заплатами из утеплителя матов. Теперь гостиница занимала только малую часть здания. Все остальное помещение было отдано под кафе и ремонтный пункт. В пит-стопе стояли пара продовольственных фургонов и два или три небольших авто, в их бока были вставлены красные шнуры электропитания и зеленые шланги подачи биотоплива. За толстым пластиком витрины кафе было людно. Я припарковался за углом: наши топливные элементы были полностью заряжены, а биотоплива оставалось еще полбака. Втроем мы вошли в кафе. В теплом воздухе витали ароматы кофе и жарящегося бекона. За столами сидело около дюжины посетителей. Как обычно, все уставились на нас. Наши громоздкие желтые спецовки с надписями «Автострада» на груди и спине всегда привлекали внимание окружающих. Это жутко злило. Я еще не успел откинуть капюшон и расстегнуть молнию на куртке, как услышал первую колкость в наш адрес. Один из парней, чей грузовик заправлялся на улице — мне была видна надпись «Теско» на его куртке, висевшей на спинке стула, — наклонился и сказал водителю из «Федэкс», сидевшему с ним вместе за столом:

— Лаггеры. Слишком тупые для службы в армии.

Довольно забавно было услышать такое от какого-то там водилы. Я пропустил его слова мимо ушей. Даже не съязвил чтонибудь вроде: «Водилы. Слишком трусливые для драки». Я просто прошагал к стойке и заказал кофейник кофе и шесть рулетов с беконом.

Дело в том, что в его словах была доля правды. Перевозка грузов — тыловая профессия. Что это значит? Это значит, вы можете откосить от призыва, если умеете водить грузовик. Но водила был прав во всем, кроме одного: мы все-таки призваны на службу. Только не в армии. В армии нужны люди, которые могут управляться со сложной техникой. С такой, которая используется в гражданской промышленности, в этой Карбоновой долине. Люди, которые хорошо учились в школе. А остальных — тех, кто не мог или не хотел трубить солдатом или работягой высокого класса, — их забрала автострада. В нынешнее время не существует ни пособий по безработице, ни больничных. «Автострада — наш путь в светлое будущее», — как говорил первый министр.

Конечно, это уже не только строительство дорог. Бывшее Управление дорог взяло на себя работы по коммуникации. Такие как, например, теплоизоляция. Первой задачей, которая встала

перед управлением в условиях наступившей чрезвычайной ситуации, стала теплоизоляция трубопроводов. За лето перед первой по-настоящему холодной зимой нужно было уложить горы изоляции. Поэтому все, кто работает на автостраду, зовутся лаггерами. Ну, это первая причина. Вторая в том, что «лаггер» — ругательное слово: так называли у нас каторжников или умственно отсталых. Оно вошло в моду сразу после того, как перестало употребляться слово «дебилы».

Не то чтобы я возражал, нет. Я всегда хотел быть лаггером. Лет с восьми, во всяком случае. Это началось, когда на нашей улице за углом проложили несколько новых водопроводных магистралей из пластиковых труб. Мы тогда были этакой ватагой малолетних сорванцов. Но не такими уж отпетыми, как про нас говорили. Ну да, мы действительно однажды ночью вышибли все стекла у экскаватора JCB.[192] Но мы думали, что парни, которые прокладывали трубы, были крутыми. Они носили желтые пластмассовые каски, ярко-желтые жилеты и огромные грязные ботинки. Они выглядели такими сильными. Мы хотели стать такими, как они, когда вырастем. Такими, как они, или как летчики-истребители, или как крутые угонщики автомобилей. И знаете что? Чтобы стать летчиком-истребителем, нужен университет. Двое моих приятелей погибли пять лет спустя при попытке совершить крупную автомобильную кражу в реальной жизни. Повороты с использованием ручного тормоза не очень-то удаются на проселочных дорогах. Забавно.

Ну да ладно.

В отличие от водил, другие посетители, которые тоже на нас посматривали, были из местных. Пятеро — уроженцы этих мест и пятеро поселенцев. Уроженцы, как обычно, настороженно кучковались за отдельным столом. Они окинули нас долгим взглядом, только чтобы убедиться, что мы не собираемся наброситься на них. Потом отвернулись. Их спины были так же приветливы, как спины свернувшихся в клубок ежей.

Четверо из белых поселенцев сидели более непринужденно вокруг другого стола. Две пары, догадался я. Английский акцент или, может быть, шикарный шотландский.

— …и тогда Малкольм продал свою квартиру в Нью-Тауне и купил…

Внезапная пауза. Они посмотрели на нас, потом взглянули на свои носы. На переносице каждого из них имелась черная закорючка, напоминающая нижнюю половинку оправы очков. Последняя разработка Карбоновой долины. Похоже, наших лиц не было в онлайновой компьютерной базе данных на плохих парней, поэтому поселенцы дружно подняли головы, сморгнули и

продолжили беседу:

— …международный гражданский служащий от Всемирной торговой организации, и она очень обеспокоена…

Эта компьютерная штучка у них на носах, с помощью которой они нас проверяли, была таким же оскорблением, как и реплика водилы грузовика. Мне хватило одного взгляда на их лица, чтобы понять: эти люди прошли курс регенерации. Эта процедура имеет целью «повернуть время вспять», однако время не поддается. Не совсем поддается. Разглаживается кожа, и уплотняются мышцы. Говорят, полезно для костей и суставов. Но все приметы возраста стереть невозможно. Регенерация запрещена в Шотландии, потому что она изменяет структуру генов. Черт возьми, есть же законы, запрещающие использовать генно-модифицированное зерно. Генно-модифицированные люди еще большее табу. Но те немногие копы, что еще остались в Хайленде, или слишком заняты, или у них слишком много здравого смысла, чтобы преследовать этих «чудовищ Франкенштейна». Здесь их полно.

Женщина за стойкой — местная, очень толстая (она наверняка не проходила курса регенерации) — еще сворачивала полоски бекона, такие свежие, что я чувствовал их запах, когда я заметил, что нас разглядывает пятая посетительница из поселенцев.

Вид у милашки был маргинальный. Черные волосы заплетены в неопрятные косы. Черты лица довольно приятные, и, похоже, день-два назад она определенно умывалась. Жакет девушка сняла и повесила на спинку своего стула. На ней был бесформенный шерстяной свитер. Длинные ноги в брюках из клетчатого твида обуты в ботинки с пряжками. Ими девица упиралась в пластмассовый стул. Она сидела одна за маленьким столиком у окна около стойки. Перед ней стояли белый чайник и чашка зеленого чая. Рядом по столу были разбросаны перепечатки из сегодняшних газет.

Девушка лениво смерила нас взглядом и снова углубилась в чтение. Когда мы сели за свободный столик недалеко от нее, она не подняла головы. Однако ноги подобрала и склонилась ниже над страницами. Я чувствовал ее запах, не сказать, чтобы неприятный. Пот, шерсть, что-то свежее, похожее на запах моря.

С беконом было покончено, и уже пошла вторая чашка кофе. Я поигрывал арбалетной стрелой, вращая ее между пальцев. Мы говорили о нашей сегодняшней работе, и вдруг я затылком почувствовал взгляд. Обернувшись, я увидел, что милашка в упор смотрит на меня, потом она перевела взгляд вниз, на мои руки. Нет, она смотрела на то, что было в них. Потом отвернулась. Накинув на плечи свой мешковатый жакет, девушка подобрала

раздутую хозяйственную сумку, встала и вышла.

IV
Эйлисс

— Неплохая задница, — заметил ей вслед Эван.

— Ладно, ребята, — сказал я, меняя тему, — пора бы и нам последовать ее примеру.

— Только не такой походочкой, — сказал Эван, возвращая подачу.

Я кивнул, соглашаясь, что мы квиты. Эван уже сворачивал свою сигаретку. Он дважды плотоядно провел языком по верхней губе. Одно очко в его пользу.

— Давай, двигай задницей, — сказал я ему. — Поедешь на крыше. Кури там сколько влезет.

У меня не было уверенности, что я отыграл очко.

Выехав обратно на улицу, мы увидели, что девушка из кафе устало тащится по обочине дороги. Под тяжестью сумки «Теско» она сгибалась на одну сторону. Я притормозил и опустил стекло кабины:

— Подвезти?

Девушка открыла рот и что-то сказала. Боковым зрением я увидел две стремительно несущиеся тени, черные и заостренные, как метательные ножи японских ниндзя. Я быстро повернул голову и успел увидеть двоих истребителей, летевших над самой поверхностью озера, метрах в двадцати. Рев реактивных двигателей обрушился на нас за секунду до того, как они исчезли из виду.

— Что? — переспросил я.

— Я спросила, куда вы направляетесь.

— На Страткаррон, — ответил я.

— Мне по пути, — сообщила девушка.

Она пересекла дорогу и обошла грузовик спереди. Мурдо открыл дверцу, подвинулся и втиснулся в среднее сиденье. Девушка ступила на подножку и одним гибким движением поднялась в кабину. Она поставила сумку на пол между ногами и захлопнула дверцу. Когда она с улыбкой повернулась ко мне, чтобы поблагодарить, я увидел, что у нее в ухе нет телефона.

Я выжал сцепление и отпустил тормоз. Мы медленно выезжали из деревни. Я покосился на Мурдо. Он сидел, наморщив нос. Меня же ее запах совсем не раздражал.

— Как тебя зовут?

— Эйлисс, — ответила она, глядя вперед и по сторонам, как ребенок в лобовое стекло автобуса.

— Я Джейс, — представился я. — А это Мурдо.

— Вы не из этих мест, — заметила она.

Я мог сказать примерно то же самое о ней. Ее акцент немного походил на акцент Эвана.

— Я из Глазго, — ответил я. — Мурдо из Сторнуэя.

— Автострада большая, — вклинился Мурдо. — Ты сама не похожа на местную.

— Я родилась в Строме, — сказала Эйлисс и ткнула большим пальцем через плечо. — Это пять миль отсюда вниз по дороге.

— Белая поселенка во втором поколении, — предположил Мурдо.

— Ты много знаешь обо мне, правда? — поинтересовалась она.

— Да, — ответил Мурдо. — У тебя…

Я знал, что он хотел сказать дальше. К счастью, он сидел достаточно близко, чтобы можно было ткнуть его локтем в бок.

— Что? — спросил он.

— Не грузи девушку, — сказал я.

— Я просто поддерживал разговор.

— Думай, что говоришь, ладно? — Я смотрел на дорогу. — Прости, Эйлисс.

Она махнула рукой:

— Нет проблем. — Девушка повернулась к Мурдо. — Ты прав, мои родители из Южной Англии. Они были совершенно старомодные, собирали сосновую смолу для ароматерапии… — Она немного поговорила об этом.

Пока Эйлисс говорила, я следил за движением ее руки; похоже, она сама не замечала этого. Сначала рука двинулась к колену, потом поползла вниз, к верхнему краю ботинка.

— Я живу за Страткарроном, — сказала она, когда я притормозил у поворота.

— Отлично, — кивнул я. — Тогда мы высадим тебя около стройплощадки. Оттуда придется пройтись пешком, или тормознешь кого-нибудь.

— Я пройдусь, — сказала она.

— Далеко идти-то? — спросил Мурдо. Опять влезает.

— Совсем недалеко, — сообщила она. — В горах, за Страткарроном.

А ведь я прекрасно знаю, что в горах за Страткарроном ничего нет. Нет ничего и в самом Страткарроне, кроме старой железнодорожной станции, нескольких пустых домов и развалин ресторана. Горы за селением — заброшенная пустынная местность. Там и до похолодания никто не жил. Так, слонялось разное отребье — отсюда до самого Кинтейла. Их и людьми-то

назвать трудно, уж если на то пошло. Это до чего ж надо дойти, чтобы питаться дохлятиной, которую клюет разве что воронье.

Я ничего этого не сказал вслух и предупреждающе посмотрел на Мурдо, чтобы тот тоже помалкивал.

Мы переехали мост через Каррон и остановились, не доезжая до строительной площадки, где дорога заканчивалась, в двухстах или трехстах метрах от старой станции.

— Спасибо, — сказала Эйлисс.

Она выпрыгнула из кабины, выволокла сумку, помахала рукой, закрыла дверцу и зашагала вдоль дороги. Озеро осталось справа от нее, а стройка слева. Она не смотрела по сторонам и не оглядывалась.

— Ну, — сказал Эван, выбираясь из своей кабинки и становясь на подножку, — девочка, похоже, не боится бандитов.

Мы с Мурдо рассмеялись.

— Что смеетесь? — спросил Эван.

Он сунул дробовик в окно кабины. Я прикрепил его к полке за своим сиденьем.

— Она вооружена, — сказал я. — По крайней мере ножом, а может, еще и пистолетом. И живет она где-то в горах за Страткарроном. — Я неопределенно махнул рукой в сторону холмистой гряды.

— И у нее в сумке нет еды, — сказал Мурдо, — только немного сахара и пакет печенья «Абернети». Вся сумка забита батарейками и средствами для дезинфекции.

— Ну и что бы это значило? — спросил Эван.

Я завел мотор и начал поворачивать, мы проехали над засыпанной дренажной канавой и оказались на территории стройплощадки. Когда охранник на въезде сканировал нас, я взглянул на дорогу — посмотреть, не едет ли кто. Дорога была руста. Девушка торопливо удалялась, до нее было уже добрых две сотни метров.

— Она сама бандитка, — сказал я.

V
Стройплощадка

В прицепе трейлера мы привезли экскаватор «Катерпиллер». Спускать его на землю — тяжелая работа. В толстых перчатках держаться за цепи неудобно, но они слишком холодные, чтобы хватать их голыми руками. Тяжелые висячие замки и засовы прицепа примерзли. Пришлось поработать кувалдой. Задний откидной трап не поддавался. Чтобы Эван мог вывести машину на землю, пришлось паяльной лампой растапливать лед. Эван только-только переехал гусеницами через край платформы и осторожно, по миллиметру, подавал вперед, чтобы перевалиться на покатый съезд откидного трапа, когда я увидел на западе черное облако. Оно двигалось к озеру. К тому времени, когда машина была на земле, Лох-Каррона уже не было видно.

Я огляделся. Было странно стоять в лучах яркого солнца и смотреть, как приближается черная стена грозовых туч. По всей стройплощадке — там было около двадцати рабочих — люди что-то кричали, натягивали брезент на оборудование, укрывали технику и бежали в укрытие. Только охранники оставались на своих местах. Их бронированные костюмы были рассчитаны не только на грозу.

— Пора уходить, ребята, — сказал я.

Эван спрыгнул с «Катерпиллера» и захлопнул за собой дверцу. Мурдо натянул капюшон парки и побежал к ближайшему укрытию. Я с натугой втолкнул одну за другой аппарели трапа в прицеп трейлера, с грохотом закрыл борт и задвинул засовы.

Я уже слышал шум со стороны озера, которое было в паре сотен метров от нас.

Потом я побежал вслед за Эваном к дверному проему, где в толпе других рабочих уже стоял Мурдо, глядя куда-то мимо нас. Он махал нам руками, чтобы мы поторапливались. Порыв ветра толкнул нас в спины, как гигантская рука. Свист превратился в грохочущий рев. Мы едва успели заскочить в укрытие, как огромные градины размером с мячи для гольфа начали колотить в бетонированную площадку. Они ударяли так сильно, что разбивались вдребезги. Я почувствовал на лице острые осколки льда и прикрыл глаза. Все подались назад, натыкаясь на машины, инструменты и катушки шлангов.

Десять минут было темно почти как ночью. Земля перед нами постепенно белела. Градины стучали по крыше. Было видно, как они отскакивают от бокового окна сарая, и я задумался, почему

стекло до сих пор цело. Потом сообразил, что оно, вероятно, такое же закаленное, как ветровое стекло трейлера и окна кабины «Катерпиллера». Вслед за этой мыслью у меня в голове смутно пронеслось какое-то воспоминание, но я не успел удержать его. В таком грохоте я вообще с трудом соображал.

Ливень с градом закончился так же внезапно, как и начался. Небо было еще затянуто тучами, и дул свежий ветер, но шторм ушел вверх, в горную долину. Мы вышли из укрытия, обломки льда хрустели под подошвами ботинок.

— Земле не хватало дождя, — сказал Эван.

— Да, действительно, это будет очень полезно для всходов, — парировал Мурдо.

— Ага, особенно для весеннего посева, — добавил я.

Так мы перекидывались сельскохозяйственными репликами, пока нам не стало совсем несмешно. Этот момент наступил очень скоро.

Я шел впереди к желтому куполу конторы управления строительства. Когда мы вошли, девушка (из местных) посмотрела на нас из-за стола.

— Где можно увидеть начальника строительства? — спросил я.

— Он вернется через минуту, — ответила она.

— Ладно, — сказал я.

Ее руки порхали по клавиатуре, но она смотрела новости. Экран телевизора был прикреплен к стене, рядом с ним висел календарь. Мартом была обнаженная девушка на мокрой скале где-то в жарких странах. Должно быть, апрелем станет жаркая девушка на голой скале где-то в странах дождливых. На экране главной новостью был какой-то сибирский город, который за одну ночь затопило на два метра. У них там все тает, пока мы тут замерзаем. Русские парнишки в военной форме помогали людям забираться в грузовики с огромными толстыми колесами. Остальные новости были обычными. Заминированный грузовик в Тегеране. Нападение из засады в Кабуле.

— У Бодаха было много работы, — заметил Эван.

Бодах — старик — так местные называют Усаму бен Ладена. Никто не знает, жив он еще или нет. Может быть, он проходит курс регенерации, но у него вредная работа. Его злорадные выступления в записи на видео все еще появляются время от времени. Но это ничего не доказывает. То же самое можно сказать о Мике Джаггере.

Торопливо вошел человек в костюме и высоких сапогах, вид у него был такой, будто он только что сбегал по малой нужде. Ремень был затянут на одну дырку туже, чем требовалась для его

живота, редеющие волосы выглядели примятыми навсегда после двадцати лет ношения каски. Румяное лицо, песочного цвета брови и внимательный взгляд голубых глаз.

— Лайэм Моррисон, — представился он, пожимая нам руки.

— Мы привезли «Катерпиллер», — сообщил я после того, как мы назвали себя.

— Хорошо, — одобрительно сказал Моррисон. Семенящей походкой он подошел к столу и пошарил в бумагах. — Где план, Келли?

— Где-то здесь, — ответила девушка. — Вот, возьмите.

У круглой стены загудел принтер. Келли встала, подошла к нему и вернулась обратно с метровой распечаткой. Лайэм огляделся, подыскивая, на чем бы его развернуть, наконец прижал распечатку плана к стене.

— Вот как пройдет ваша канава, — сказал он. — Это все размечено на местности. От реки и до железной дороги. Желтые колышки и зеленая веревка, не перепутайте. Красные — это линия сточных вод.

Мы вгляделись в чертеж и постарались запомнить его.

— Ясно, — сказал я.

— Вам лучше взять план с собой, — предложил Лайэм. — Только не намочите.

Мы дружно рассмеялись, Лайэм кивнул, и мы направились к выходу.

— Только не намочите, — проворчал Эван.

— Когда будете мочиться, — добавил я. — Но для босса он довольно вежливый.

— Джентльмен хотел пошутить, — сказал Мурдо. Главное, что привело нас сюда, — нехватка воды. Осадки здесь обычно бывают в виде ливневых дождей с градом. Такое случается нечасто, да и дождь в этих местах — редкость, и даже снег. Дождь, даже когда он все-таки идет, сразу переходит в страшный ливень, и вода быстро уходит. Снег, который падает высоко в горах, тает не так быстро. Хайленд постепенно превращается в засушливую зону. Поэтому гидроэлектростанциям, которые прежде давали электроэнергию, теперь не хватает воды для нормальной работы. Идея с использованием энергии ветра разбилась как старый горшок, как только погода стала непредсказуемой. То безветрие, что и былинка не шелохнется, то бушует такой ураган, что столбы выворачивает.

Итак, мы прибыли на место со своим «Катерпиллером» и приготовились копать траншею для прокладки кабеля. Свободный конец кабеля был смотан на берегу Каррона. Дальше кабель тянулся по дну реки, через приливную отмель и затем по дну

озера, вплоть до новой атомной электростанции, расположенной на островке между устьем реки Каррон и островом Скай. Островок называется Эйлеан Мор, что значит «Большой остров». Атомную станцию построили там, потому что остров безлюден, значит, никто не станет возражать против строительства, и еще потому, что ее там легко охранять. У острова Скай стоит столько военно-морской техники, что хватило бы отпугнуть самого Бодаха.

Первый этап нашей работы заключался в том, чтобы выкопать канаву от Каррона до старой железнодорожной станции. От станции отходила железнодорожная ветка, которая вела к Лох-Локхарту, расположенному в двадцати километрах от озера, где находилась одна из тех гидроэлектростанций без воды, о которых я уже говорил. Кто-то наверху решил, что это было бы самое подходящее место для подключения новых энергомощностей в общую энергетическую систему страны. Электростанция была укомплектована оборудованием, но простаивала.

По Кайльской ветке поезда больше не ходили — слишком много оползней; поэтому железнодорожные пути можно было использовать для перевозки тяжелого оборудования. Пыхтящим локомотивом оно могло быть доставлено из Инвернесса. Потом поезд потащится обратно, а размещенная на нем дорожная техника будет двигаться рядом с ним и рыть траншею вдоль железнодорожного полотна. Одновременно будет укладываться кабель. Все, что от нас требовалось, — следовать за всем этим хозяйством и закапывать кабель, а на тех участках, где он будет проходить по голой скале, устанавливать над ним ограждения из сборного железобетона.

Все очень просто. Но сначала нужно выкопать эту канаву в пару сотен метров длиной. Завтра там будет вечная мерзлота. А послезавтра — болото, если все пойдет так, как на Аляске и в Сибири. Но это уже послезавтрашние проблемы.

Лайэм Моррисон выполнил свою часть работы, используя теодолит и лазерный дальномер. Двое его помощников (как было видно из подписей на чертеже) выполнили свою, используя колышки и бечевку. Линия, которую они разметили для траншеи, протянулась прямо от левого берега Каррона до картографически точно определенной самой восточной точки станции. Легко.

Единственное, что от нас требовалось, — копать на метр в глубину вдоль обозначенной линии. К тому времени, как Мурдо привел «Катерпиллер» к берегу реки, мы уже выровняли ряды и были готовы выступить в поход. За дело.

Нет ничего проще.

VI
Предупреждающие этикетки

Наш «Катерпиллер» был таким новым, что желтые и черные полосы краски на нем еще ни разу даже не запылились. Это была новейшая модель и все такое прочее. С большой цепной лебедкой. С буром, присоединенным к ковшу. Рядом с буром было смонтировано сопло тепловой пушки, соединявшейся гибким рукавом с двигателем, — для размораживания мерзлого грунта.

Так почему же тогда мне приходилось спускаться в траншею с кайлом, лопатой и ломом? Почему к концу второго дня работы мы продвинулись вперед только на пятьдесят метров?

Я вслух задавался этим вопросом, притом в не особенно вежливой форме.

— Это ледниковый период, парень, — объяснил Эван. Он стоял наверху, опираясь на свою лопату, придерживал цепь и, покуривая, делился советами. — Глетчеры оставили после себя кучу булыжников.

— В этом случае, — сказал я, всаживая лом в землю за одним из вышеназванных булыжников, — они будут ждать здесь их возвращения.

— Тогда ждать осталось недолго, — добавил Мурдо из кабины «Катерпиллера».

— Передай мне флексы, — сказал я.

Эван с грохотом скинул мне цепь. На ее конце крепилась связка шнуров из какого-то нового углеродного материала. Это и были флексы. Если вытянуть любые два, обмотать их вокруг чего-нибудь и потом соединить концы, они сами сплетутся в клубок, как змеи. Это было решением как раз той проблемы, которая сейчас стояла перед нами: утопленные в грунт валуны. (Флексы можно было использовать также для выкорчевывания пней, вытягивания застрявших машин и всего такого.)

Трудность заключалась лишь в том, что, для того чтобы как следует обмотать ими препятствие, требовалось расчистить вокруг достаточно свободного места. Я навалился на лом. Валун сдвинулся всего на несколько сантиметров. Почва, которая прежде не поддавалась даже буру, вдруг раскрошилась и скользнула в щель. Она засыпала ее полностью. Я навалился снова. Я знал, что это можно сделать. Мы уже делали это раз двадцать. На этой равнине сотни лет люди выращивали овес, картошку и турнепс. Можно было предположить, что они избавились от всех валунов. Оказывается, они избавились от них

только на глубину вспашки, а это даже не метр, даже не полметра.

— Почему бы вам просто не проложить траншею, огибая валуны? — спросил Лайэм.

Для наглядности он волнообразным движением ладони изобразил, как плывет рыбка.

— Вы знаете, что мы находим, когда пытаемся так делать?

— Новые валуны?

— Именно.

— Ах, ну да. Продолжайте, джентльмены.

И вот мы продолжали. От второго нажатия на лом валун снова шевельнулся. За ним образовалась черная щель.

— Нужна помощь, — сказал я.

Эван выплюнул сигарету, спрыгнул в траншею и обернул вокруг валуна пару флексов. Концы их сплелись в узел. В то же время из них выскочили крошечные захваты и прицепились к каменной поверхности, как плющ. Я отпустил лом. С минуту мы просто стояли и смотрели, что будет дальше.

— Плохой захват, — сказал я. — Слишком близко к верхушке. Эван протянул по поверхности валуна еще пять флексов и подергал за цепь.

— Будет держаться, как осьминог на маске, — пообещал он.

— Ну а меня рядом с этой штукой ничего не держит, не собираюсь тут торчать, — заявил я.

Мы выбрались из траншеи, отошли подальше и, подняв вверх большие пальцы, подали сигнал Мурдо поднимать. Лебедка заскрипела. Цепь распрямилась. Потом натянулась. Флексы вместе с цепью взвились в воздух, как плеть-девятихвостка, и с лязгом ударились о кабину.

— Так, проехали, — сказал Эван. — Попробуем еще?

Я огляделся. Солнце стояло над Атлантикой. На востоке розовое небо окаймляло четкий силуэт огромной горы. Местные называют ее Нос Веллингтона.

— Не сегодня.

Мы помылись и чего-то там пожевали в столовке. Потом попросили иракского студента-беженца, который работал здесь и очень хотел завести друзей, подбросить нас до бара гостиницы. Благодарение Богу, что есть на свете мусульмане. Я имею в виду тех, что играют на нашей стороне поля, если вы понимаете, что я имею в виду. Они не сетуют, когда приходится садиться за руль, возвращаясь из паба. Сначала была моя очередь платить, я взял большой стакан апельсинового сока для юного Фархада и по полпинты виски с элем для себя и парней. На всех бутылках с виски красовались этикетки с изображением пораженной печени.

Подставки для пивных стаканов демонстрировали различные увечья, полученные в автомобильных авариях. Помещение бара сильно смахивало на теплицу. Большие окна давно были залиты слоем теплоизоляционной пены. Видно, хозяева слишком скупые или слишком бедные, чтобы позволить себе вставить двойные рамы. Свет в баре был желтый. Народу человек двадцать — как обычно, местные пьяницы и пришлые (эти потрезвее). Сидела еще пара компаний с нашего объекта. Большинство наших рабочих предпочитали пить в бараках. Там нет детекторов дыма, напрямую подключенных к местному полицейскому участку. Да и обстановка получше, чем здесь, что там говорить. В баре на нас пялились только в первый вечер, потом перестали. Возвращаясь с подносом к своему столу, я внимательно разглядывал посетителей.

— Высматриваешь кого-нибудь? — спросил Эван.

— Он все по своей бандитке сохнет, — ответил за меня Мурдо.

Это было правдой, но я не признавался. Я заметил, что последние пару дней все время думаю об Эйлисс. Я всюду высматривал ее, но она не появлялась ни в селении, ни на дороге.

— Я вот хотел спросить, — сказал Эван. — Почему ты тогда назвал ее бандиткой?

Фархад обеспокоенно взглянул на нас:

— У вас тут есть бандиты?

— Так, по мелочи, несколько повстанцев в горах, — сказал Мурдо.

— Не дразни ребенка, — одернул я его и повернулся к Фархаду. — Они не похожи на ваших курдов, или на кого там еще. Это в основном молодежь, которая живет в горах небольшими группами. Они называют себя новой волной поселенцев. Некоторые из них иногда промышляют воровством. Иногда кто-нибудь даже может остановить грузовик на безлюдной дороге. Поэтому их называют бандитами.

— Но зачем они это делают? — спросил Фархад. Я пожал плечами:

— Чтобы разжиться каким-нибудь барахлом.

— Нет, я спрашиваю, почему они живут в горах?

— Чтобы уйти от, — я широким жестом обвел вокруг, — всего этого.

Я и сам не знал, что имел в виду, на что указывал рукой. Это были этикетки с предостережениями, и детекторы дыма, и камеры наблюдения. Или это были сильнопьющие местные и самодовольные пришлые. Или, может быть, без умолку вопящий телик, и ужасный спертый воздух заведения, где стоял

смешанный запах пота, табака, еды и выпивки. Желтый свет и заляпанные изоляцией окна. Я имел в виду все это, а еще все то дерьмо, что связывают с понятием «лагтер».

Фархад все еще не понимал:

— Распущенность?

— Ага, точно, она, — подтвердил Мурдо. — Распущенность и алкоголизм.

Когда бар стал закрываться, мы вышли в черную ночь, полную звезд. Они были едва ли не единственным источником света. Из-за гряды холмов на юге, за озером, появилась маленькая искорка и начала быстро возноситься в небо. Почти над самыми нашими головами она ярко вспыхнула на секунду-другую и погасла.

— Что это было? — спросил я.

— Космическая станция, — ответил Мурдо.

— Там же никого теперь нет, — сказал я.

— Да, — подтвердил Мурдо, — но сама она все еще здесь.

— Перед войной китаезы отправили человека на Марс, — сказал Эван.

— Двоих мужчин и женщину, — уточнил Фархад, открывая дверцу фургона.

— Может, они все еще там? — предположил Мурдо.

— Ага, — ехидно добавил я. — С паяльником и швейной машинкой. Собирают посылочку, чтобы отправить нам после войны.

— После войны, — насмешливо повторил Эван.

— Когда я был маленьким, — сказал Мурдо, — я слышал, люди говорили так.

Вернувшись на объект, я тормознулся у компьютера и попросил выходной. До воскресенья ничего такого не должно было произойти, так что выходной мне дали.

VII
Черные горы

В воскресенье на объекте было тихо, хотя я сомневаюсь, что многие отправились в церковь. Ясным морозным утром я вышел за ворота. Синее небо, синее озеро. Благостный покой. У меня в голове крутилась строчка из старой песенки, которую любил напевать мой отец: «Забери меня в черные горы, черные горы…»

В черные горы Лох-Каррона. Да.

Я вертел в пальцах арбалетную стрелу, которая до сих пор брякала в недрах кармана моей парки вместе с ножом и кое-какой мелочью. Из пустого окна старой станции на меня зашипела кошка, я подпрыгнул от неожиданности. Сквозь запахи развалин — мокрой золы, кошачьей мочи, плесени и сорняков — пробивался слабый душок дезинфекции. Остался после долгих лет обливания «Джейзом»[193] подножек вагонов. Он напомнил мне школьные коридоры и офисы автострады.

Я пересек ржавые пути и между покосившимися пролетами забора обнаружил поваленные ворота. Заросшая тропинка уводила наверх, в горы. Я направился по ней. Здорово, что у меня такие огромные ботинки. В них легко ступать по скользким камням, скрытым в траве, можно не бояться вывихнуть ногу. На нижних склонах я заметил несколько кроликов, и там и тут жались небольшие стада одичавших овец. Эти дикие овцы — с густой шерстью и длинными ногами — выглядели враждебными и настороженными. Совсем не такие, как домашние. Эволюция продолжается, ребята, что бы там ни говорили янки. Каждое маленькое стадо охранял черномордый баран с желтыми глазами, который в упор таращился на меня, когда я проходил мимо. Идешь, будто под взглядом сатаны.

Стараясь запомнить дорогу, я часто оглядывался назад. После небольшого поворота озеро скрылось за горами. Я был уже на такой высоте, где лежал снег, в царстве черного и белого цветов. Иней, залежавшийся снег и горелый вереск. Другие цвета встречались лишь изредка. Оранжевые лишайники на скалах походили на пролитую краску. Несколько зеленых побегов на прогретом клочке земли, куда днем подолгу заглядывало солнце и вода капала с сосулек на бурые заросли высохшей травы.

К десяти часам утра я миновал пару крошечных замерзших озер и шел вдоль маленькой горной долины. Горы вставали справа и слева от меня. Более высокие заслоняли горизонт впереди. Эта местность называлась лес Аттадайль. Как и в

большинстве мест, которые в Хайленде называют лесами, деревья здесь не росли. Не росло ничего выше вересков. Дорожка превратилась в тропинку, которую могли протоптать овцы. Но на такой высоте овцы уже не встречались, а тропинка была протоптана недавно. Значит, это люди. Можно сказать, я был на правильном пути.

Я не боялся встретиться с волком или медведем. Там, внизу, в широкой долине Каррона, они могли доставить неприятности, но не здесь. Не на этой бесплодной земле. Хотя Аттадайль и Глен-Африк, который находился чуть южнее, относились к числу тех мест, куда их снова завезли много лет назад. Тогда этому начинанию прочили такое же большое будущее, как и энергии ветра. И оно не оправдало надежд по той же самой причине. Изменение климата. Все боятся волков, которые будто бы водятся в Хайленде, но их тут нет, а вот на юге они стали большой проблемой. В Глазго они совершали набеги на продуктовые склады.

Я шел все дальше и выше. Вскоре там и тут на моем пути стали появляться верные следы присутствия человека. Просмоленная доска поверх склона, чтобы было легче пройти. Сложенные рядами камни, образующие низкую стену, или положенные рядами длиной в пару метров в топких местах.

Впереди я заметил струйку дыма. Я принюхался и почувствовал запах горящего дерева, который отдавал чем-то химическим.

Я взобрался по склону крутого холма, с которого открывался вид на горную долину, остановился и осмотрелся.

На дне впадины лежало замерзшее озеро, всего несколько метров шириной и около сотни длиной. Вдоль него виднелся ряд низеньких домиков. Ближайший ко мне походил на старинный дом со стенами из черного камня, выложенными сухой кладкой. Его соломенную крышу покрывала ткань солнечных батарей. Полотнище держалось под тяжестью камней, привязанных веревками по углам. Из трубы шел дым. Следующее строение было длинной теплицей. Дальше — другой черный дом и другая теплица. За домами виднелось несколько сараев — с каменными стенами и дерновыми крышами, устланными той же тканью. Птичники тоже были укрыты. На склоне горы паслись на привязи две тощие козы.

Не успел я толком все это разглядеть, как услышал резкий стрекочущий звук и затем громкий щелчок. Боковым зрением я уловил какое-то движение и обернулся. Из-за огромного валуна неожиданно появился маленький мальчик. Он целился в меня из арбалета.

Я широко развел руки в стороны.

— Опусти эту штуку, — сказал я.

Он держал нацеленное на меня оружие одной рукой. Держал его малец не очень уверенно, но не до такой степени, чтобы я рискнул достать его в прыжке. Свободной рукой мальчишка полез в свою парку, сшитую из кусков меха и синтетики, и вытащил свисток. Он изо всех сил дунул в него. Свист стоял у меня в ушах даже после того, как перестал отдаваться эхом среди гор.

— Даже не пытайся что-нибудь выкинуть, — сказал он, стараясь говорить сурово. От этого его голос звучал только тоньше.

— У меня есть лишняя стрела. Могу отдать, — предложил я.

Захлопали двери, люди стали выбегать из домов. Я засек какое-то мельтешение на склоне горы, будто маленькие черные мушки появлялись и быстро исчезали.

Вверх по тропинке взбежали трое и остановились за спиной у мальчика. Двое бородатых парней и с ними Эйлисс.

— Привет, Эйлисс, — сказал я.

— Ты знаешь этого парня? — спросил бородатый номер один. Его голос звучал довольно неприветливо.

— Я встречала его, — ответила Эйлисс. Она хмуро взглянула на меня. — Джейс?

— Да, это я, — ответил я.

— Это один из лагтеров, — пояснила она.

— Что привело тебя сюда? — спросил бородатый номер два. У него был английский акцент.

Я пожал плечами:

— Просто вышел прогуляться. У меня выходной.

— Шаббат, — сказала Эйлисс таким тоном, будто вспомнила что-то смешное. — Ах да. Тут нет ничего такого.

— Не могла бы ты попросить малыша опустить эту штуковину? — попросил я.

— Могла бы, — согласилась она. — Перестань, Николь. Малыш насупился, но сделал, как ему было велено. Он опустил арбалет и ослабил тетиву.

— Это не очень умно, — сказал я. — Вы не можете все время угрожать каждому, кто проходит мимо.

— Мы не угрожаем, — возразила Эйлисс. — Обычно. Просто мы немного нервные.

— Ага, ты можешь говорить что хочешь, — ответил я. Я понятия не имел, почему они такие нервные. — Но я не люблю, когда в меня целятся.

— Я думал, а вдруг ты бы оказался бандитом, — объяснил Николь. — Или зомби, или беженцем, или солдатом.

Бородатый номер один выглядел смущенным.

— Дети все подхватывают на лету, — оправдывался он.

— Пойдем в дом, выпьем чаю, — предложила Эйлисс.

Я понял, что они пытались загладить нерадушный прием.

— Спасибо, — сказал я. — Не откажусь. Малыш шагал рядом со мной по дорожке.

— Что это за имя — Джейс? — спросил он.

— Уменьшительное от другого имени, — ответил я.

— А от какого?

— Джейсон, — сказал я.

— Неплохое имя.

— Да, если у тебя второе имя Мейсон.

— Джей-сон Мей-сон, Джей-сон Мей-сон, — начал дразниться он.

— Не так громко, — сказал я.

— Чем ты заплатишь за мое молчание? — важно потребовал он.

— Ты что, телика насмотрелся?

— Ну ты спросил! Нету у нас телика! — ответил он. — Зато я много читаю.

Я вынул из кармана стрелу и повертел у него перед носом:

— Этого тебе довольно?

— У-у, конечно.

Я вручил ему стрелу.

— Спасибо, — сказал он, схватил подарок и поскакал вперед с криком: — Смотрите, что мне дал Джейсон Мейсон!

Ребенок, что с него взять.

VIII
Жилище отшельников

Малыш повернулся и неторопливо побрел назад; проходя мимо, он мне кивнул. Двое парней и Эйлисс проводили меня к входной двери первого дома. Мы пригнулись и вошли в низкий дверной проем. Сломанные доски и другие разные дрова они сжигали в камине. Кое-какие доски были окрашены или покрыты лаком. Вот откуда этот химический запах. Но огонь пылал довольно бойко, и на плите стоял чайник. Я пил черный и крепкий с сахаром чай. Печенья мне никто не предложил, а я не попросил. Бородатые парни назвали мне свои имена. Мартин и Ангус. Я решил, что им было где-то к тридцати. Интересно, почему их не призвали на службу? Для армии они выглядели довольно привлекательно. Спрашивать я не стал. Я прихлебывал чай и осматривался. Лампочка, свисавшая с потолка, была выключена, и свет шел из окна. Из мебели в доме были стулья со вспоротой обивкой и продавленный диван, видавший виды буфет и комод. Ковры и половики лежали на полу толстым слоем, еще больше их было прибито к стенам. К настенным коврам были пришпилены картинки, вырезки из газет, открытки. Многие изображения показались мне распечатанными из Сети. Роскошные зеленые пейзажи — знаете, такие, как на исторических полотнах. Деревья и цветочки, птички и пчелки. На вбитых в стену гвоздях висели три арбалета, чуть выше — дробовик и пара пневматических винтовок. Жестяные банки с дробью и арбалетными стрелами, коробка патронов на полке. Коробка была коричневая и вся промасленная, с какой-то старинной этикеткой. Еще с тех времен, когда их не запрещали, догадался я. Такие наверняка не украсть ни на оружейных складах, ни у копов.

Телевизора нет, как и сказал парнишка. И даже, по-видимому, нет беспроводного Интернета. Но книги — бумажные, я имею в виду, — аккуратными стопками стояли у каждой стены. Их можно было принять за элемент утепления.

В глубине дома — кухня, в ней, похоже, было довольно холодно. Водопроводные трубы были обернуты кусками старого ковра и обмотаны веревками. У раковины стояли ржавое кайло, лопата и мотыга. На стене висела коса. Я кивнул на нее:

— И для чего это служит?

Эйлисс проследила направление моего взгляда:

— А, коса. — Она улыбнулась. — Я найду как ее

использовать. Здесь снова взойдут колосья. Овес морозостойкий. Недалеко отсюда, вниз к Арданеаскану, есть пара участков с дикорастущим овсом.

— Эйлисс — оптимистка, — сказал бородатый сассенах[194] номер один. Почему-то раздраженным тоном. Он пожал плечами. — Мы нашли ее, вот и все. А Эйлисс надеется найти ей применение.

Эйлисс одарила его таким взглядом, что стало понятно: она нашла для косы еще одно применение. Но после этого они все переглянулись между собой, потом посмотрели на меня и заулыбались, как мормоны.

— Не хочешь ли показать ему наше поселение, Эйлисс? — спросил Ангус, шотландец. — Нам с Мартином надо возвращаться к работе. Встретимся на другом конце деревни.

— Пока, ребята, — сказала Эйлисс.

Они застегнули парки, надвинули капюшоны и, пригнувшись, вышли за дверь. Я допил чай.

— Хорошо, — сказала Эйлисс, она выглядела слегка смущенной, — давай я проведу тебя по селению, Джейсон Мейсон.

— Джейс, — поправил я.

— Ладно, Джейс, — согласилась девушка.

Она вывела меня из дома через заднюю дверь. Задняя стена дома была врезана в склон холма. Эйлисс повернула налево и провела меня вдоль узкого огороженного водостока, мимо мясного склада, где кроме мяса пахло еще чем-то.

— Козий сыр, — пояснила Эйлисс, когда я поморщился.

— Вы сами все это построили? — спросил я. Она оглянулась:

— Только теплицы. Каменные дома здесь были. Но когда мы пришли сюда, от них уже оставались одни стены.

— Сколько вас тут живет?

На этот раз она не оглянулась.

— Ну ты спросил!

— Это я уже слышал.

Она рассмеялась. И не объяснила почему.

Но она показала мне все. В теплице росли томаты и разные овощи, между их рядами была высажена всякая зелень. Повсюду из труб струилась вода, подогретая солнцем и солнечными батареями. Даже картошка росла — несколько квадратных метров. Навоз давали кролики и козы, которых держали в сараях на задворках. Мясо оленей и диких овец висело в холодной коптильне или вымачивалось в бочках с солью. Во втором доме я встретил родителей Николя, которые сшивали шкуры рыболовной леской на ножной швейной машине. Они оказались

немногословны и едва взглянули на меня. Во время нашей прогулки я видел всего, может быть, полдюжины людей, которые приходили и снова уходили в горы — кто с дровами, кто с убитыми кроликами. Все только внимательно поглядывали на меня, но ничего не говорили.

— Это закаленное стекло, должно быть, стоит кучу денег, — заметил я, когда мы осматривали вторую теплицу.

— Оно из заброшенных домов, — объяснила Эйлисс. Я так и думал.

— Стеклорезы — удобные маленькие штучки, — сказал я. — И в пустом доме легко устроить охотничью засаду.

— О, ты видел их?

— Ага, по дороге из Дингуолла. Как вы дотащили все это мясо?

Она пожала плечами:

— Наняли машину.

Наняли, ага. Ну ладно. Я ничего не сказал.

— Нет, на самом деле наняли. Мы проделали это вместе с другими новыми переселенцами из-за Черного острова.

Она стояла очень близко, ее странный, солоноватый запах смешивался со свежим ароматом земли и растений.

— Эйлисс, — сказал я.

Она хотела что-то ответить, но тут дверь теплицы распахнулась и вошли наши бородачи — Мартин и Ангус. Эйлисс отступила на шаг назад и ударилась бедром о цветочный горшок. Она невнятно выругалась, отвернулась и принялась собирать совком высыпавшуюся из горшка землю. Мартин и Ангус присели на край высокой скамейки.

— Ну вот, — сказал Ангус, — ты посмотрел, как мы живем.

— Да, посмотрел, спасибо, — поблагодарил я. — Вы прилично тут обустроились. Хотя я не понимаю, почему вы выбрали такую жизнь.

Ангус искоса взглянул на Мартина. Здоровенный сассенах встал и слегка наклонился вперед. Он сцепил руки за спиной и выставил вперед бороду.

— Чтобы выжить, — сказал он. — Мир катится в трубу. В Америке торнадо пылесосят пшеничные поля. Тают вечные ледники, а там, где их никогда не было, все замерзает. Запасы нефти иссякли, мы по уши увязли в войне, которая в любой момент может превратиться в ядерную. Льды Гренландии вот-вот съедут в море. Так или иначе, города обречены. Мы живем так, как будут жить все, рано или поздно.

— Что за ерунду ты несешь? — сказал я.

— Что? — переспросил Мартин. Он выглядел слегка

озадаченным.

— Вам просто нравится жить так. Если быть честными. Не пытайтесь убедить меня, что собираетесь пережить все на свете, все, что бы ни случилось. Если только вы еще не научились сами изготавливать пленки для солнечных элементов, лить сталь для своих самострелов и все такое. Не говоря уже о направлении ветра. Мартин пытался уследить за ходом моих рассуждений:

— Что ты имеешь в виду? Я показал рукой на запад:

— Ветер дует с запада. А что у нас находится в этом направлении? Атомная электростанция и вторая по величине база ядерного оружия после взорванного Росита. Если это оружие будет приведено в действие, вы погибнете вместе со всеми, разве что еще быстрее.

— А теперь слушай сюда, — начал Ангус. Мартин махнул рукой.

— Тут нечего говорить, — сказал он. — С такими, как этот тип, спорить бессмысленно.

— Отлично, — сказал я. — Я ухожу. Спасибо за чай. — У двери я обернулся через плечо. — Встретимся как-нибудь внизу, в деревне, Эйлисс.

— Может быть, — ответила она и отвела взгляд. — Пока.

IX
Воскресенье, вечер

Я был уже на полдороге домой, когда позвонил Мурдо и спросил, куда я, черт возьми, подевался. Я ответил, что прогуливался в горах и уже возвращаюсь. Он сказал, что я идиот. Я ответил, что он не моя мамочка, и разговор дальше не пошел. Но весь остаток пути настроение у меня было приподнятое, и на объект я заявился около полудня. Управившись с поздним ланчем — пирогом со свининой и банкой пива, я отправился в барак. Скинул ботинки, растянулся на койке и урвал немного Шаббатного сна.

В семь вечера в столовке нас собралось немного — я, Мурдо, Фархад, секретарша Келли и управляющий Лайэм. Мы сидели за одним столом и поедали свои обеденные порции, разогретые в микроволновке.

— Нашел свою бандитку? — спросил Мурдо.

— Ага, — ответил я. — Они живут в маленьком селении за Аттадайлем.

— Вытащил ее куда-нибудь?

— Сидел бы я с тобой сейчас? Мурдо рассмеялся.

Лайэм положил вилку и посмотрел на меня:

— Что там о бандитах?

— Они не бандиты, — ответил Мурдо, прежде чем я успел вставить слово. Просто браконьеры и танкеры.[195]

— Все равно, — сказал Лайэм. — Давайте послушаем, что Джейс может рассказать об этом.

Я рассказал им о поселении, опустив все неловкие моменты.

— Это довольно тревожное известие, — сказал управляющий.

— А что тут такого?

— Вооруженная шайка, живущая в нескольких километрах от нашей линии электропередач. Тебя это не настораживает?

— Ой, перестаньте, — сказал я. — Они ж никому не угрожают. И в любом случае здесь полно этих поселенцев новой волны. По всей горной долине.

Лайэм кивнул:

— Это точно. Мы не проявили к ним должного внимания. А ведь они представляют собой угрозу безопасности.

— Никакая они не угроза! — горячо возразил я. — Зачем им вообще портить вашу линию электропередач? Они считают, что весь мир и так уже катится к черту в ручной тележке без их помощи.

— Люди с подобными убеждениями могут быть очень опасными, — заявил Лайэм. — Понимаете ли, эти сектанты, верящие в конец света, не всегда просто спокойно ждут, когда он наступит. Иногда они пытаются приблизить его. Или они подпадают под дурное влияние, или, — он поучительно поднял указательный палец, — среди них могут затесаться другие, с более воинственными настроениями.

Мурдо громко рассмеялся:

— И те танкеры дойдут до того, что станут работать на Бодаха?

— Или на других экстремистов, да, — кивнул Лайэм. — Они могут даже не знать, на кого работают.

Мне вдруг сразу расхотелось есть.

— Они не сектанты, — сказал я, — и не экстремисты. Они просто, — я пожал плечами, — наивные и глупые.

— Ты сам рассказывал, что тебе угрожал маленький ребенок, — напомнил Лайэм.

— Да просто маленький мальчик играл в войну!

— Ага, с опасным оружием. — Лайэм, казалось, глубоко задумался. — Знаешь, с точки зрения охраны детства… Интересно, какое образование получает этот ребенок?

— Он умеет читать, — сообщил я. Лайэм только улыбнулся в ответ на это.

— Я обдумаю все это, — сказал управляющий. Он посмотрел на Келли. — Пометь это в моем ежедневнике.

Секретарша кивнула.

Позже, тем же вечером, я видел, как Лайэм шел по коридору, разговаривая сам с собой. Потом я понял, что он говорил по телефону. Возможно, он просто звонил домой, но я не очень на это рассчитывал.

X
Утро понедельника

Я проснулся около семи, как только стало светать. Но не свет разбудил меня. И моя тревога не прошла. Я лежал, глядя на маленькие красные циферки на часах, прикрепленных на койке надо мной, и не мог понять, отчего проснулся. Потом я услышал это: гулкий отдаленный рокот, нарастающий с каждой минутой.

Вертолет. Этот звук всегда вызывал у меня ощущение угрозы. Как будто включилась мясорубка, готовая превратить тебя в фарш. Я свесил ноги с кровати и сел. В бараке все еще крепко спали. Осторожно ступая, я подошел к двери, тихо вышел и заглянул за угол. В одном теплом белье было холодно. Озеро просматривалось хорошо, оно было серое и недвижное под низким сводом облаков. Вертолет казался жирной черной кляксой, которая мчалась прямо на меня. Поравнявшись с деревней, он заложил правый вираж и развернулся к югу. Это был огромный двухмоторный «чинук».[196] Транспортный вертолет для переброски десанта.

Рокот разносился над всей стройплощадкой. Вертолет летел низко над Страткарроном, едва касаясь линии горизонта. Он исчез за горами, но шум двигателей еще долго слышался в тишине. Вот тяжелый гул зазвучал монотонно. Я сообразил, что вертолет завис.

— Это он за твоими бандитами, — услышал я голос Мурдо за спиной.

Я обернулся. Он стоял, как и я, дрожа от холода, в толстовке и комбинезоне, и наблюдал за вертолетом. Мне захотелось от души заехать ему в мрачную самодовольную физиономию. Есть такое свойство у людей с Льюиса[197] — они всегда ожидают худшего, поэтому редко разочаровываются.

— Думаешь, солдат станут посылать за переселенцами новой волны? — спросил я. — Ерунда! Это наверняка обычные учения.

Мурдо покачал головой:

— Не пытайся обмануть себя. Ты отлично знаешь, где он сейчас завис. — Он фыркнул. — Я уверен, социальные службы уже в пути. Они будут там, как только солдаты обеспечат безопасность на месте.

— Черт, и что мне было не держать язык за зубами! — в сердцах бросил я.

— Для парня из Глазго ты довольно сообразительный, — сказал Мурдо.

Мне снова захотелось врезать ему, но я только стукнул кулаком о ладонь:

— Мы должны что-нибудь предпринять! Он насмешливо взглянул на меня:

— Мы? Говори за себя. Но что мы можем поделать?

— Надо пойти в горы и прикинуть, чем мы можем помочь.

— Мы не можем драться с солдатами.

— Не можем. Но мы можем хотя бы подобрать тех, кто будет от них удирать. Или помочь им перенести пожитки.

— Это реально, — сказал Мурдо. — Пожалуй, тогда я с тобой прогуляюсь.

Я тут же рванулся бежать за трейлером. Мурдо схватил меня за плечо.

— Оденься, — сказал он. — И сходи пописать.

Через десять минут я был в кабине, Мурдо и Эван сидели рядом со мной. Никто не дежурил на крыше. А может быть, мы дежурили все, если вы понимаете, о чем я. Эван дымил своей утренней сигаретой, заставляя мозги поскорее проснуться. Я открыл боковое окно и включил печку на полную мощность. Сонный охранник у ворот махнул рукой и выпустил нас. Он, наверное, слегка удивился, когда я повернул налево, на Страткаррон.

Подпрыгнув на рельсах, мы пересекли железнодорожный переезд. Я снова повернул налево, потом направо, и мы поехали вверх по старой тропе. Она была уже расстояния между колесами, и мы ехали, прокладывая колею с обеих сторон от нее, но благодаря хорошим покрышкам машина не буксовала.

— Как далеко мы сможем проехать? — спросил Эван, когда мы взбирались по первому крутому склону.

— Во всяком случае, дальше этого места, — ответил я.

Машину сильно тряхнуло на ухабе. Мы подпрыгнули на сиденьях. Я волновался о том, что ждет нас впереди, но настрой у меня был бодрый. Через несколько минут мы уже были почти в облаках. Потом из облаков посыпалась колючая мерзлая морось. Я закрыл окна и включил дворники и фары. В кабине слышались только скрип и приглушенный стук дворников. Видимость была около ста метров. Мы ехали то вверх, то вниз, но преимущественно вверх.

Вот мы перевалили последний взгорок и наконец увидели внизу горную долину, в которой располагалось поселение. Я остановился, но двигатель глушить не стал, а, сбросив рычаг на нейтральную передачу, удерживал ногу на педали тормоза. Машина стояла на склоне, сильно наклонившись вперед. Вертолет, большой и черный на фоне белой полоски льда, стоял

прямо под нами на берегу узкого озерца.

Около дюжины солдат в черных бронированных костюмах и закрытых шлемах окружили селение. Примерно такое же количество жителей селения столпились на дороге. Блестели разбитые стекла теплиц. От двух крайних домов поднимался едкий черный дым.

— О боже, они поджигают крыши! — воскликнул Мурдо, задохнувшись от возмущения.

Эван ударил кулаком по торпеде кабины. Он побледнел от гнева, костяшки сжатых в кулак пальцев побелели.

— Зачистка! — воскликнул он. — Это зачистка!

Он потянулся за дробовиком. Я перехватил его руку и с силой отдернул.

Двое солдат уже мчались к нам вверх по склону. Они подбежали с двух сторон трейлера, вскочили на подножки и застучали в окна. Я нажал на кнопку, и стекло в кабине опустилось. В окно просунулась голова в шлеме с забралом.

— Заглушите двигатель и сейчас же выйдите из кабины!

— Слушаюсь, — сказал я.

Солдаты спрыгнули на землю и навели на нас винтовки. Я посмотрел на своих товарищей.

— Ну, ребята, — сказал я, — пора.

Мы открыли двери. Мурдо и Эван спрыгнули на землю со стороны пассажирского сиденья. Я выключил двигатель и спрыгнул со своей стороны. Прежде чем мои ноги коснулись земли, трейлер покатился вперед.

Клянусь, это было не нарочно. Я действительно был слишком расстроен и просто сделал в точности то, что мне сказал солдат. Я заглушил двигатель и вышел из кабины.

Он ведь ничего не говорил о ручнике.

Огромный трейлер покатился вниз по склону. Я услышал пронзительные крики, затем выстрелы. Кажется, солдаты решили, что они имеют дело с подрывником-самоубийцей. Потом я увидел, что они стреляли по колесам. Я успел подумать, что это разумный ход.

Покрышки передних колес спустились как раз в тот момент, когда они свесились с края тропы в том месте, где она поворачивала к домам на берегу озера. Трейлер клюнул носом, его передний бампер с треском врезался в землю. О да, передняя часть машины успешно затормозила. Но трейлер продолжал двигаться вниз. Задняя его часть приподнялась в воздухе и, казалось, зависла так на секунду. Потом трейлер опрокинулся и с грохотом повалился вперед, как упавшее дерево, прямо на вертолет. Хватило пары секунд, чтобы топливо «чинука» и

электрика трейлера нашли друг друга. И всем вокруг тоже хватило этой секунды, чтобы припасть к земле к тому моменту, как топливный бак взорвался. Это был не такой взрыв, когда обломки разлетаются повсюду. Просто огромный столб горящих паров бензина взвился в воздух, да так, что мне обожгло затылок.

Когда я поднял голову, обломки трейлера и вертолета, превратившиеся в одно сплошное месиво, полыхали и дымили вовсю. Это было похоже на то, что показывают каждый день в новостях из Тегерана. Солдаты подбежали к месту взрыва и остановились, когда жар стал таким сильным, что ближе подойти было невозможно. Потом к горящим обломкам приблизилась мокрая фигура, с которой стекала вода. Это был пилот вертолета, который, должно быть, увидел, что сверху на него несется трейлер, выпрыгнул из кабины и проломил своим телом лед озера. От этого мне стало как-то легче.

Я поднялся, огляделся и заметил, что во всей этой суматохе люди из селения исчезли. Им удалось удрать. Они улепетывали вниз по крошечной долине, потом взбирались вверх по склонам, как олени. Я увидел офицера, который следил за ними в бинокль. Потом он опустил его, покачал головой и указал на нас.

После этого половина солдат построилась и направилась к нам вверх по склону.

— Похоже, нам сейчас достанется, — заметил Мурдо.

— Бежим, скорее!

— Нет смысла, — возразил я. — Они нас пристрелят.

— Интересный план, — сказал Мурдо.

Но мы не так уж отчаивались, не так уж. Мы подняли руки над головой и ждали ударов ботинок и прикладов.

XI
Цзинь ян номер два

Солдаты были уже метрах в двадцати от нас, когда я услышал странный свистящий звук и увидел вспышки на противоположном склоне. Потом, секундой позже, долетел другой звук, размеренное «та-та-та»…

Я бросился плашмя на траву. Шестеро солдат вскинулись, завертелись и попадали на землю прямо передо мной. Те, кто был на берегу озера, тоже упали. За несколько секунд все закончилось. Я лежал, закрыв голову руками, потом поднялся, меня вырвало.

За озером, на склоне горы, неожиданно появились темные фигуры, они начали спускаться. Мужчины, женщины, дети — всего человек двадцать, — их оказалось намного больше, чем я видел накануне. Двое тащили легкий станковый пулемет, Мартин и Ангус. Я еще удивлялся, почему их не призвали. Я ошибался. Они уже выполнили свой долг. А для того, кто однажды побывал в армии, рассказывали они мне позже, раздобыть оружие уже не составляет труда. У спекулянтов можно найти даже бронебойные снаряды. Но все это было потом.

А вот что случилось прямо тогда, пока дети мародерствовали, обчищая тела погибших солдат: к нам подошла Эйлисс, все ее лицо было перемазано, в руках она держала винтовку. Она улыбалась, зубы на ее грязном лице выглядели очень белыми.

— Это было замечательно! — сказала она. — Видит бог, ребята, вы герои! Это ж надо — так сбросить на них машину!

— Это была его идея, — сказал Мурдо, указав на меня. Эйлисс обняла меня, зажав винтовку в одной руке, что было довольно опасно.

Я посмотрел на Мурдо и Эвана. Они посмотрели на меня. Я знал, о чем они думали. Нам не удастся уйти. На минуточку, эта шайка теперь нас ни за что не отпустит. По очень понятной причине, ведь мы можем рассказать кому-нибудь о том, что знаем. Так или иначе.

Как и у бедняги Цзиня Яна, того китайского парня на борту лайнера, которого по ошибке приняли за воздушного террориста, у меня и в мыслях не было начинать войну. Но я начал ее. Войну в своей стране, войну между ветеранами и переселенцами, войну между эвакуированными и лаггерами. Войну, которая разрасталась так же неотвратимо, как поднимался уровень моря. Войну, которая длится до сих пор. Если бы я знал, что так

случится, я, наверное, рискнул бы убежать, даже если бы это означало получить пулю в спину. Я не знаю даже теперь, после всех этих лет. И конечно, не знал тогда. Все, что я знал, — это что Эйлисс смотрела на меня так, как никто никогда на меня раньше не смотрел. Смотрела так, будто гордилась мной.

Лаггеры, подумал я. Слишком тупые для службы в армии. Но не слишком трусливые для драки.

— Ну да, — сказал я. — Идея была моя.

Стивен Бакстер
Тайна Тихого океана [198]

Примечание редактора. **Сага о возвращении воздушного линкора «Relchsmarschall des Grossdeutschen Reiches Hermann Goering»[199] в небо Лондона и о героических подвигах объединенной команды, состоявшей из служащих ВВС Великобритании и личного состава люфтваффе на борту огромного schlachtschiff,[200] затмила историю о том, что приключилось с его давно погибшей командой и что она обнаружила во время своей попытки пересечь Тихий океан, — насколько их открытия вообще доступны для понимания. Поэтому с согласия семьи Би-би-си решила напечатать нижеследующую отредактированную копию сохранившегося на борту личного дневника корреспондентки Блисс Стирлинг. Мисс Стирлирг сдала с отличием экзамен на степень бакалавра по математике в Гиртон-колледже, в Кембридже, и потом служила фотокор-респондентом в ВВС Великобритании. Несколько лет она была картографом в рейхе, занималась топосъемкой объектов продовольственного снабжения армии для генерального плана «Ост» на востоке. Кроме того, она была еще и знаменитой летчицей. Когда она пропала, ей было всего двадцать восемь лет.**

15 мая 1950. День 1-й. Я забрала свой «Спитфайр»[201] на базе ВВС Великобритании в Медменхаме[202] и взлетела в чистое небо Англии. Я летала на «спитах» повсюду — в британских колониях и в Азии во время совместных операций с люфтваффе. И все же «спиты» предназначены для полетов в летних небесах Англии; жаль, что я родилась слишком поздно, — не успела поучаствовать в «странной войне»,[203] согласна была бы даже не стрелять, а просто полетать.

А сегодня началось настоящее приключение: я взлетела, чтобы войти в команду «Геринга» — «Зверя», как называл его Черчилль, до того как его повесили. Я набрала высоту, одновременно уравнивая наши скорости. Я уравнивала, а не «Зверь» — он-то ради нашего удобства не качнул бы и крылом. Мы летели **с** постоянной скоростью в 220 узлов курсом на восток, к центральному Лондону. «Зверя» трудно не заметить даже **с** земли — ясно различимую на фоне яркого неба черную махину. А вблизи он больше похож на большое гудящее здание — небоскреб где-нибудь в Нью-Йорке или, может быть, в Германии, — чем на

самолет.

Я сильно волновалась. А кто бы не волновался? На борту этой гигантской машины я собиралась вместе с другими смельчаками впервые в истории облететь вокруг земного шара — этого не удавалось еще никому из известных первопроходцев прошлого. Мы бросали вызов великой тайне Тихого океана. При условии, конечно, что я смогу сесть на эту чертову штуковину.

Я зашла сверху, прошла над хвостовым стабилизатором «Зверя», который сам был высотой с собор Святого Павла, и пошла на снижение. Она была как раз на спине «Зверя» — небесная взлетно-посадочная полоса, на которую мне предстояло посадить свой «спит». Я пересчитала крылья его знаменитой конструкции с огромными тяжелыми гондолами двигателей и гудящими пропеллерами — их было четыре пары, — разглядела стеклянные блистеры орудийных башен на концах этих крыльев, на хвостовом стабилизаторе и вокруг носа. Поговаривали, что у «Зверя» есть даже собственные зенитки. Несколько маленьких короткокрылых самолетов, которые, как я позже узнала, немцы называли «фаэтонами», крепились у оснований больших крыльев машины. Все были выкрашены в черный цвет и разрисованы крестами люфтваффе. Несмотря на то что, говорят, в брюхе у «Зверя» установлен атомный реактор, едва ли возможно поверить в то, что такое чудовище вообще способно летать, и, глядя на него, я никогда не поверила бы, что он вообще сможет приземлиться.

Но, как и вся техника нацистов, машина обольстительно красива.

Я почти завершила посадочные маневры, но этот последний этап приземления — проход сквозь лес лонжеронов и радиоантенн — был опаснее всех. Однако гордость не позволила мне ни малейшего колебания. Колеса бесшумно коснулись посадочной полосы, стопорный крюк зацепился за тормозные тросы, самолет тряхнуло, и он остановился перед заграждением. На спине «Зверя» стоял парковщик, одетый во что-то вроде прорезиненного комбинезона; он был привязан к палубе, чтобы не сдуло. Он сделал мне знак припарковаться около орудийной башни крыла.

Итак, я откатилась. Блисс Стирлинг, девушка-репортер, на палубе «Геринга»! Где-то там, внизу, я знала, проплывал Лондон. Но спина «Зверя» такая широкая, что, когда стоишь на ней, земли не видно…

День 2-й. Главным событием этого дня для меня был роскошный ланч в ресторане, который доктор Цилиакс называет

«одним из маленьких ресторанов на schlachtschiff», там на серебряных приборах подавались продукты из провинций Великой Германии, польская говядина и французское вино. Чувствовала я себя, как во время круиза на океанском лайнере или на каком-нибудь роскошном дирижабле.

Пока мы ели, «Зверь» кружил над Германией, которую Джек Бове упорно называл «Берлином», что очень раздражало Цилиакса. Флотилии самолетов-дозаправщиков взлетали в воздух, чтобы снабжать нас горючим, водой, провизией и другими расходными материалами, и мы постоянно были окружены бипланами, снаряженными кинокамерами с нацеленными на нас объективами.

Джек Бове символически представлял свою страну, США, в этой экспедиции, так же как я — Британию. Он — офицер ВВС Соединенных Штатов, поэтому ему было дано обещание какое-то время поуправлять самолетом во время этого эпохального полета. Мы — два символа — находимся в подчинении Вольфганга Цилиакса, который сам является офицером люфтваффе, хотя, будучи инженером, никогда не ссылается на свое воинское звание. Он — один из главных проектировщиков «Зверя». Думаю, нам втроем предстоит провести вместе много времени. Вот радость.

Этим утром Цилиакс повел нас с Джеком на экскурсию по «Зверю». Конечно, нам не показали ничего, что представляло бы серьезный интерес, например атомный реактор или реактивные двигатели, которые, говорят, стояли на некоторых «фаэтонах». По моим впечатлениям, Цилиакс действительно проявил редкое для ученого-исследователя самообладание, не выболтав нам все, что знал о своем детище, просто из любви к нему.

Однако взлетно-посадочная палуба размером с приемный зал Букингемского дворца поразила нас — с рядами стрекочущих телетайпов и необъятной приборной доской, с которой управлялись несколько из тех немногих женщин, которых я заметила на борту. Здесь есть гостиные, и бальный зал, и библиотека, и даже предмет особой гордости — маленький бассейн.

С нами на экскурсию ходили и другие пассажиры, большинство — из элиты оккупированных стран Европы. За нами следом шла шумная съемочная группа. Говорят, режиссер документального фильма о нашем грандиозном вояже — сама Лени Рифеншталь, хотя ее на борту и нет. Здесь много мрачного вида личностей в черной форме СС. После того как Джек Бове на него насел, Цилиакс был вынужден заявить, что «Геринг» — детище люфтваффе и СС здесь не командует.

Спустившись с палубы в глубь машины, мы прошли через грузовой трюм размером с Альберт-холл. Громадные емкости для масла и воды впечатляли. Мы были потрясены прочностью усиленных поперечных переборок и толщиной фюзеляжа из легированной стали — несколько дюймов! Заклепки размером с мой кулак!

— Это действительно линкор в небе, — довольно неохотно признал Джек.

И он был прав: этот исполинский schlachtschiff и правда скорее сродни стальным чудовищам океана, чем таким хрупким воздушным змеям вроде моего «Спитфайра».

Джеку Бове около тридцати, он коренастый, ниже меня, от него разит сигарным дымом, бриолином и бренди, постоянно ходит в потертой кожаной летной куртке, которую не снимает даже к обеду. Думаю, он из Бруклина. Уверена, что он толковее, чем хочет казаться.

— О да, это schlachtschiff, — подхватил Цилиакс, — но «Геринг» — экспериментальный корабль, и его главное предназначение, во-первых, демонстрация технологии и, во-вторых, исследовательский потенциал. «Геринг» — это первое судно в истории человечества, способное бросить вызов громадным просторам Тихого океана.

Эта привычка излагать информацию по пунктам многое говорит о Вольфганге Цилиаксе. Он еще достаточно молод — примерно лет тридцать пяти, — у него гладкие светлые волосы и очки с линзами размером с пенни.

— Исследовательский потенциал, — с кислым видом повторил Джек. — Поэтому вы решили непременно продемонстрировать нам его вооружение?

Цилиакс только улыбнулся в ответ. Конечно, он сделал это намеренно.

Каждый не немец на борту этого чертова летательного аппарата, и я в том числе, в той или иной степени шпион. Какие бы открытия ни ожидали нас в Тихом океане, прежде всего нам всем — представителям нейтральных или покоренных народов — явлены мощные технические возможности рейха. Все понимают, что это игра. Но Джек продолжает нарушать ее правила. В смысле, он слишком несдержан для выполнения той миссии, которая на него возложена.

При первой же встрече Джек оценивающе оглядел меня как бы между прочим, и Цилиакс тоже не совершенный сухарь — он использует каждую возможность, чтобы невзначай прикоснуться ко мне, задеть мою руку или похлопать по плечу. Но Джек кажется мне высокомерным. Полагаю, я для него — прежде всего

символ нации миротворцев. А для Цилиакса я — территория, которая должна быть завоевана, возможно, как Центральная Азия. Не сомневаюсь, что настанет день, когда мы сломаем наши национальные стереотипы. Но Блисс не станет заводить романы на борту «Рейхсмаршала Германа Геринга», даже не подумаю!

День 3-й. Заметка для памяти: узнать побольше об «илотах», обслуживающих атомные реакторы, о которых обмолвился Цилиакс.

Эти аппараты находятся за тщательно закрытыми переборками, облицованными свинцом, и туда никому не разрешается входить — во всяком случае, мне. Атомные реакторы, разумеется, представляют главный интерес для нас, шпионов. Перед полетом руководство ВВС Британии проинструктировало меня о планах нацистов разработать по этой же технологии оружие ужасающей мощности. Возможно, за этими переборками заперта целая колония рабов-«унтерменшей», славян или цыган, обслуживающих раскаленные машины, которые постепенно убивают их, пока мы пьем вино и рассуждаем о политике.

Днем я сидела в одном из больших обсервационных блистеров, закрепленных к брюху «Зверя», и вела радиопередачу для Би-би-си. Это моя официальная работа — быть глазами и ушами Британии в ходе этой замечательной миссии. Мы еще кружили над Германией, то есть над Берлином. Даже с воздуха ясно видно, какая огромная реконструкция проведена там за последнее десятилетие. Город выстроен заново вдоль решетки широких улиц, каждая в сотню ярдов шириной. Можно легко различить Триумфальную арку, Народный парк, огромный мемориал Армии. Джек презрительно фыркает, называя это «инфантильной гигантоманией», но, так или иначе, приходится любоваться творениями нацистов. И все время, как пчелы к огромному цветку, к нам подлетали самолеты-дозаправщики…

День 5-й. Сегодня ланч менее приятный. Нас едва не сбили.

Мы пересекли старую границу между Германией и Польшей и теперь летим над тем, что немцы называют просто «Остланд», — огромной центральной частью Азии. Цилиакс показал нам обнесенные стенами города новых колоний, где живут в основном германские солдаты — ветераны, обосновавшиеся в глубине прежних советских территорий. Города окружают огромные поместья, по существу, каждое из них — это коллективная ферма, «колхоз», название заимствовано у большевиков. Крестьянство тянет свой воз и платит десятину германским колонистам.

Джек возмущенно ворчал по этому поводу, в своей американской манере ратуя за свободу и права. Но он не уловил главное.

— Американцы редко обращают внимание на контекст, — сказал Цилиакс с едва скрываемым презрением. — Война, в которой мы победили, там, внизу, — это не война за свободу и не война за территорию. Азия — это зона окончательной войны между расами, кульминация миллионов лет бесконечной эволюции человечества. Фюрер писал: «Какая жизнь нас ждет! Перед нами — сотни лет радости и удовольствий».

Надо заметить, в устах Цилиакса подобная чушь звучит неубедительно. Думаю, он прежде всего инженер. Но приходится проявлять усердие, чтобы нравиться тому, в чьих руках кнут.

(Не забыть: проверить источник этой цитаты из Гитлера.)

От самой Германии нас сопровождали истребители — в основном «мессершмитты», — обеспечивая прикрытие с воздуха и ближнее сопровождение, и мы с Джеком Бове с удовольствием разглядывали их новые типы и модификации. Мы видели, как более легкие, скоростные истребители стремительно проносились мимо нас. Это могли быть реактивные истребители, о которых мы только читали, но никогда не видели вблизи. Я знаю многих начальников британских ВВС, которые с сожалением отнеслись к окончанию «странной войны» в мае 1940 года, видя в этом только потерю возможностей совершенствования военной техники. Этот опустошенный континент, очевидно, стал хорошим полигоном для такого совершенствования. Мы с Джеком вытягивали шеи, стремясь разглядеть получше этих экзотических птиц.

А потом началось представление. Мы были где-то над Украиной.

Один истребитель резко взмыл вверх сквозь ряды эскорта. Он описал дугу прямо от земли, как фейерверк, оставляя за собой шлейф дыма. Я поинтересовалась, действительно ли у него на хвосте были ракеты. Цилиакс что-то невнятно пробормотал, будто и сам был этим озадачен.

Вот представьте, мы сидели в креслах в обзорном блистере. У меня даже стакан бренди был в руке. И не было абсолютно никакого чувства опасности. И тут появился этот неопознанный самолет-ракета. От утробного рева двигателей на моем бренди появилась рябь; «Зверь», тяжело громыхая, менял курс.

— Если эта штука протаранит нас, — сказала я, — нас ждут арфы с нимбами и святой апостол Петр.

— И не говори, — поддакнул Джек Бове. Цилиакс ничего не сказал.

Неожиданно нос самолета прорезал сноп огня, фонарь

кабины разлетелся вдребезги. Самолет-ракета исчез, и все закончилось; я даже не видела взрыва, когда он упал на землю.

Джек надул щеки. Вольфганг Цилиакс щелкнул пальцами, чтобы всем принесли еще бренди.

Следующие восемь часов мы кружили над районом неудавшегося нападения.

Цилиакс сводил нас с Джеком в грузовой трюм, в бомбовый отсек. Бомбы были небольшие, из вороненой стали, прекрасно обтекаемые; они были похожи на «перевернутые миниатюрные субмарины», как сказал Джек. Их можно сбрасывать с высоты двадцати тысяч футов. Я подумала, что это еще один замечательный образчик технических достижений нацистов, но Цилиакс объяснил, что бомбы британского образца, изготовлены по лицензии «Викерс-Армстронг» в Вейбридже, а главного конструктора зовут Барнс Невиль Уоллес.

— Они британские, как и валы двигателей «Роллс-Ройс Мерлин» — те, что держат «Геринг» в воздухе, — сказал Цилиакс, внимательно глядя на меня сквозь стекла очков, дабы убедиться, что я осознаю свою сопричастность.

Но я думаю, его главным образом разозлило то, что кто-то осмелился поднять руку на его прекрасную машину.

В ту ночь «Геринг» одну за другой сбрасывал серии этих «таллбоев» на район, с территории которого, по-видимому, взлетел самолет-ракета. Даже не представляю, увенчалась ли успехом наша бомбовая атака. Киношники это все снимали, в цвете.

Отбомбившись, мы полетели на восток, к рассвету. Надо попытаться урвать немного сна…

День 7-й. Мы уже пересекли Китай — конечную цель программы колонизации японцев, зеркальное отражение которой немцы осуществляют на Западе. Евразия — огромный театр военных действий, театр ужаса и бедствий покоренных народов, театр, который протянулся позади нас до самого побережья Английского канала. В каком мире мы живем!

Тем не менее теперь мы миновали все эти земли, добрую половину всей суши поверхности земного шара. Наш эскорт исчез. Последний конвой с провизией был японский; Джек грозился выкинуть их сырую рыбу из бомбовых отсеков.

И теперь мы остались один на один с нашей главной целью: перед нами Тихий океан. Мы летим так высоко, что океан кажется плавно выгибающейся спиной какого-то огромного животного с серебристой светящейся шкурой.

Джек заступил на вахту на мостике пилота. Сегодня после

обеда я получила разрешение от Цилиакса тоже подняться туда. Мне не терпелось побаловаться с рычагами управления.

— Подозреваю, что я лучший рулевой, чем ты, — сказала я Джеку.

Джек рассмеялся. Впервые с тех пор, как я увидела его, он казался на своем месте — в своем островерхом шлемофоне, в куртке летчика под матерчатым комбинезоном он сидел в кресле пилота.

— Осмелюсь заметить, что ты права. Но Ганс лучший пилот, чем любой из нас.

— Ганс?

Ганс, как оказалось, — это вычислительная машина взлетно-посадочной палубы. Ганс может управлять полетом «Зверя» самостоятельно, и, даже когда пилот-человек сидит за штурвалом, он выполняет большинство функций.

— Думаю, имя — это немецкая шутка, — сказал Джек. — В своем роде созвучно «хендс офф» — «руки прочь».

Глядя на океан, я присела на корточки рядом с пилотским креслом.

— Как ты думаешь, Джек, что мы найдем там? Джек пожал плечами.

— Двенадцать тысяч миль океана, а потом Сан-Франциско, — прозаично ответил он.

— Тогда как ты объясняешь тот факт, что никто прежде не пересекал Тихий океан?

— Океанские течения, — сказал он. — Встречные ветры. Черт, я не знаю.

Но мы оба знали, что проблема гораздо сложнее. Это великая тайна Тихого океана.

Человечество берет свое начало в Африке — так говорит Дарвин. Во времена пещерного человека мы распространились на север и на восток, через Азию до самой Австралии. Потом полинезийцы перебрались на острова. Они преодолели тысячи миль, добравшись до Гавайев, со своими каменными топорами и лодками, выдолбленными из стволов деревьев.

Но дальше этого места Тихий океан не пустил их.

А тем временем другие шли на запад, к Американскому континенту. Никто точно не знал, как первые «коренные» американцы попали туда из Африки; некоторые говорят, что их случайно занесло в те края, когда они сплавлялись на плотах вниз по Конго, хотя я склонна усматривать в этой теории оттенок расовых предубеждений. Так что когда викинги переплыли Северную Атлантику, они столкнулись с темнокожими аборигенами, а когда в Америку прибыли португальцы, испанцы и

британцы, они нашли там сложные торгово-экономические отношения, расу, одинаково похожую и на северян, и на африканцев, которую они принялись истреблять. Вскоре европейцы добрались до западного берега Америк.

Но дальше этого места Тихий океан не пустил их.

— Вот загадка! — сказала я Джеку. — Земля круглая. Это можно определить, например, по изогнутой тени, которую Земля отбрасывает на Луну во время лунного затмения.

— Конечно, — сказал Джек. — Поэтому мы знаем, что Тихий океан не может тянуться дальше чем на двенадцать тысяч миль.

— Да, но западные мореплаватели, в том числе Магеллан и капитан Кук, проделали долгий путь от берегов Америки. Тысячи миль. Мы знаем, что они должны были наткнуться на Гавайи, например. А с востока средневековые китайцы и современные японцы плавали далеко за полинезийскую цепь островов. Немногие возвратились. Кто-то должен был уже это сделать. Джек, *Тихий океан слишком широк.* Вот она — загадка.

Джек фыркнул.

— Чушь собачья, — уверенно сказал он. — Дальше ты станешь рассказывать мне о морских чудовищах и демонах в облаках.

Но те древние тихоокеанские легенды еще никто не опроверг, и я видела, что некоторые члены вахтенной команды — те, кто понимал по-английски, — уже стали с опаской поглядывать на нас.

День 8-й. Мы остались без связи: последняя из японских станций уже недосягаема, и наш лес телеграфных антенн стоит без пользы. В такой ситуации вы не можете не чувствовать себя всеми забытыми, как на необитаемом острове.

Итак, нас трое — Цилиакс, Джек и я, мы жмемся друг к другу в своей металлической пещере, как первобытные люди. В этот вечер у нас троих был еще один неприятный обед. Ненавидя друг друга, мы слишком много пили и говорили тоже слишком много.

— Конечно, — бормотал Цилиакс, — полет самолета-ракеты длится всего несколько минут, и после включения ракетного двигателя самолет становится почти неуправляемым. Кто-то на земле, должно быть, был прекрасно осведомлен о точном маршруте «Геринга». Интересно, кто бы мог сообщить им?

Если это был намек на меня или Джека, то Джек сделал вид, что не понял его.

— Кто-то? И кто же? В Азии у вас, нацистов, множество врагов, Вольфи. Большевики, партизаны. Однажды вы встретитесь с японцами и набросите друг на друга…

— А может быть, это были американцы, — спокойно сказал Цилиакс.

— Зачем Америке нападать на объект, принадлежащий нацистам?

— Затем, что «Геринг» имеет стратегическое значение. Предположим, мы добьемся успеха в нашей экспедиции и пересечем Тихий океан. Америка всегда опасалась за свою протяженную западную береговую линию — она слишком уязвима…

Джек прищурился, но не потрудился отрицать это.

В 1940 году Америка действительно нервно оглядывалась через плечо на агрессивную экспансию Японии. Но Тихий океан оказался непроходимым, японцы не добрались до нее, и в «странной войне» Америка уверенно стояла на стороне Британии.

В апреле 1940-го Гитлер вторгся на территорию Дании и Норвегии, в мае обошел с флангов линию Мажино и сокрушил Францию. Блицкриги вызвали панику в британском кабинете министров. Премьер-министр Чемберлен был вынужден подать в отставку, поскольку его политика ведения войны не имела успеха.

Но Гитлер остановился. Северное море было границей его притязаний, по его словам, он не хотел воевать со своими «англосаксонскими кузенами».

Черчилль делал все для того, чтобы отклонить инициативы Гитлера о мирных переговорах и продолжить войну. Но лорд Галифакс, министр иностранных дел, доказывал, что условия Гитлера приемлемы. Тогда Черчилль удалился, пыхая сигарой, на задние скамьи парламента, а «пугало в шляпе-дерби» стал премьер-министром в течение недели, соглашение о перемирии подписал в течение месяца.

У Гитлера появилась возможность бросить все свои силы на восток, и к Рождеству 1941-го он взял Москву.

Как видите, это все случилось потому, что японцы оказались неспособны стать угрозой для американцев. Если бы не непроходимость Тихого океана, внимание американцев, возможно, было бы приковано к западу, а не к востоку. И без мошной поддержки, которую мы получали от Америки, если бы Гитлер не был вынужден предложить на таких выгодных для нас условиях мир в 1940-м и если бы он осмелился напасть на Британию, Германии пришлось бы воевать на двух фронтах, Западном и Восточном. Интересно, смогла бы Россия отразить нападение ослабленных нацистов? Можно себе представить, что Россия, Великобритания и Америка выступили бы как союзники против нацистов и даже против японцев? *И войну в конечном счете можно было бы выиграть?*

Все эти предположения — пустая болтовня, лучше оставить ее для завсегдатаев пивных. Но так или иначе, очевидно, что если бы Тихий океан можно было пересечь, весь результат войны с немцами был бы каким-то другим. И поэтому «Геринг» — самолет, сконструированный, чтобы бросить вызов неприступности океана, — действительно является оружием стратегического значения.

Вот о чем мы спорили за ланчами и обедами. Затерянные в огромном бездушном пространстве этого океана, мы находили утешение в своих мелких человеческих сварах.

День 10-й. Наверное, мне лучше отмечать пройденное расстояние, а не время.

Прошло три дня, с тех пор как мы оставили позади восточное побережье Азии. Над морем, уже независимые от снабжения и дозаправки, не имея необходимости заниматься бомбежками, мы смогли поддерживать постоянную скорость полета в двести двадцать узлов. Только за последние сорок восемь часов мы должны были покрыть расстояние в двенадцать тысяч миль.

Мы *уже* должны были пересечь океан. Мы *уже* должны были лететь над Америками. Когда я провожу астрономические наблюдения, получается, что мы просто летели вокруг совершенно гладкой сферы земного шара, на котором Америки как не бывало. Геометрия неба не согласуется с геометрией земли.

Я как-то не ожидала, что эта пресловутая загадка проявится так скоро. Только десять дней в полете, мы еще толкаемся из-за места за обеденным столом. И все же мы попали в тайну такую странную, как будто неожиданно оказались на пути к Луне.

Еще не видела капитана, которого зовут, как мне сказали, Фассбиндер. Даже здесь, посреди неизмеримого «ничего», социальные барьеры между нами такие же жесткие, как стальные переборки «Зверя».

День 15-й. Сегодня прогулочный полет в «фаэтоне». Вот забавно!

Мы прошли еще над одной группой островов, она больше, чем все предыдущие, видны темные конусы из базальта, покрытые зеленью и окруженные голубыми коралловыми рифами. Наблюдатели в блистерах, вооруженные биноклями и телескопами, объявили, что заметили движение по краям этих разбросанных по морю джунглей. Поэтому капитан приказал «фаэтонам» спуститься и взглянуть поближе.

В «фаэтоне» нас было четверо: я, Джек, Цилиакс и один член

экипажа, пилот — невысокий молодой парень по имени Клаус, он мне нравился. Оба немца были вооружены пистолетами; мы с Джеком — нет. «Фаэтон» — это короткокрылый гидросамолет, хорошо приспособленный для посадки на спину «Зверя»; крепкий малыш.

Мы скользили низко над просветами в джунглях, где бегали львы и рычали огромные медведи. Животные, похожие на слонов, покрытые бурой шерстью и с длинными загнутыми бивнями, поднимали хоботы, когда мы пролетали над ними, будто в знак протеста против рева наших моторов.

— Господи исусе, — сказал Джек, — чего я не отдал бы, чтобы спуститься туда с ружьем.

Мы с Цилиаксом нащелкали фотографий и сняли кинофильм, сделали записи и наговорили комментарии на пленки магнитофонов.

И еще нам показалось, что мы заметили признаки присутствия людей: от морских пляжей поднимались тонкие струйки дыма.

— Удивительно, — сказал Цилиакс. — Пещерные медведи. Какие-то звери, похожие на саблезубых тигров. Мамонты. Это фауна, которой не видывали в Европе и Америке с тех времен, как отступили ледники.

— Что с ними случилось? — спросил Джек.

— Мы истребили их, — ответила я. — Вероятно. — Что, из пулеметов? Я пожала плечами:

— При наличии времени достаточно каменных топоров и кремниевых наконечников для стрел.

— Ну и, — не унимался практичный Джек, — как они попали *сюда?*

— Уровень моря падает и поднимается, — пояснил Цилиакс. — В те периоды, когда ледники наступают, они аккумулируют мировые запасы воды. Возможно, это верно даже для этого аномального океана. Может быть, уровень моря опустился так низко, что обнажилась суша, которая теперь снова скрыта водой, или архипелаги, по которым можно было переправиться.

— Итак, в ледниковый период, — сказала я, — мы охотились на мамонтов и гигантских ленивцев, пока не согнали их с континентов. Но они продолжали бежать, и некоторые из них добрались до того или иного острова, а теперь они просто продолжают бежать курсом на восток.

И в этом безграничном океане, я думаю, найдется довольно места, чтобы бежать, и бежать, и бежать. Больше незачем вымирать.

— Но здесь есть люди, — указал Джек. — Мы видели костры. Мы летели вдоль берега на бреющем полете. Снизившись еще, мы увидели некое подобие лагеря, разбитого вокруг импровизированного очага. На шум из леса выбежали люди — голые, — завидев нас, большинство из них удрали обратно. Но мы хорошо рассмотрели их и сфотографировали.

Это были люди или существа, похожие на людей. У них были приземистые плотные тела с широкой грудной клеткой и шишковатые лбы. Думаю, мы все поняли, кто это были, даже Джек.

— Неандертальцы. — Цилиакс сказал это первым: это немецкое название. — Еще одна разновидность — да, животных, которых мы, люди, выжили из Африки, Европы и Азии.

— Они не кажутся достаточно умными, чтобы истреблять мамонтов, как это делали мы, — заметил Джек.

— Или, может быть, они слишком умные, — пробормотала я. Цилиакс воскликнул:

— Какое замечательное открытие: найти реликты эволюционного прошлого, в то время как судьба эволюции человечества решается в Центральной Азии!

По действующим инструкциям приземление запрещено. «Фаэтон» поднимает нас обратно к стальной безопасности «Зверя», и все заканчивается.

Прошло восемь дней с тех пор, как мы ушли от берегов Китая. Мы уже пролетели *тридцать пять тысяч миль* над океаном.

Может быть, нас больше не должно удивлять то, что мы видим внизу, — странные звери, мамонты, пещерные медведи и низколобые дикари. И мы все еще в пути. Что дальше? Как это все волнующе!

День 23-й. Сегодня случилась страшная электрическая буря.

Мы попали в самый ее эпицентр, двигатели дребезжат, молнии трещат вокруг мачт передатчиков. Возможно, в этом бесконечном океане и бури тоже бесконечные — никто этого не знает, наши метеорологи не могут ничего просчитать.

Но мы вышли из нее. Отважные техники выползли к основаниям крыльев проверить, все ли в порядке со «Зверем», поправить пару мачт, взглянуть, что с «фаэтонами». Я хотела проверить свой «Спитфайр», но, как и ожидалось, Цилиакс мне не позволил. Кроме того, Клаус любезно вызвался взглянуть на мою старушку и заверил, что с ней все в порядке.

Прошлой ночью оба — Цилиакс и Джек Бове — пытались приставать ко мне, один с несгибаемой решимостью, другой с

довольно безнадежным видом.

День 25-й. Довольно знаменательный день.

Наш нормативный запас провизии и воды рассчитан на пятьдесят дней. Сегодня, следовательно, день двадцать пятый, точка поворота обратно. А мы все еще не приблизились к суше, как не приблизились и к проникновению в великую тайну Тихого океана.

Капитан собрал нас в самом большом из ресторанов; *нас* — это пассажиров и старших офицеров; кухарки не присутствовали и «илоты» тоже — эти пропащие души из отсеков атомных реакторов. Капитан лично говорил с нами через переговорную трубу из капитанской рубки; пора бы мне все же увидеть его лицо.

Мы обсуждали, стоит ли продолжать полет. Мы заслушали доклад начальника хозяйственной службы о состоянии наших припасов, потом состоялись дебаты, за которыми последовало голосование. Голосование, проводимое на летящем нацистском *schlachtschiff!* Не сомневаюсь, что капитан Фассбиндер принял собственное решение еще до того, как мы собрались в обеденном зале из полированного дуба. Но он пытался поддержать наш боевой дух, равно как и намеревался предотвратить возможность мятежа в будущем. Мне Джек рассказывал, что Христофор Колумб использовал такую же тактику, когда его команда чувствовала себя затерянной посреди другого безбрежного океана.

И, так же как Колумб, капитан Фассбиндер одержал победу. Мы продолжаем лететь, урезав свой рацион вдвое. Киношники это все засняли, хотя все они до единого, слишком любящие пожрать, голосовали за возвращение назад.

День 28-й. Сегодня мы прошли над еще одной группой островов у довольно большой группой. Капитан Фассбиндер приказал несколько часов летать по кругу, пока «фаэтоны» совершат разведку внизу. Из нашей маленькой группы только я одна стремилась полететь вниз с моим другом Клаусом. Джек Бове не ответил на мой стук в дверь его каюты. Я не видела его весь день. Подозреваю, что он там накачивался спиртным.

Так что мы с Клаусом вдвоем летели низко над лесами и лугами. Мы обсуждали экзотических животных: они были похожи на слонов, и буйволов, и носорогов. Возможно, это архаические виды времен даже более ранних, чем ледниковый период. Живые ископаемые! Я радостно нащелкала кадров, сделала заметки и мечтала о том, как представлю свои наблюдения Королевскому географическому обществу, как это сделал Дарвин по

возвращении из своего путешествия на «Бигле».

Потом я увидела людей. Они были голые, высокие, худые, с прямой осанкой. И выглядели как-то более «современными», что ли, если это слово можно тут употребить, чем те неандертальцы с покатыми лбами, которых мы видели на островах мастодонтов много дней назад. Лбы у них уже не такие скошенные; хорошо очерченные черепа вполне могли содержать некоторое количество серого вещества, а их симпатичные глаза выражали только кроткое недоумение. Они исчезали при нашем приближении, как и другие обитатели саванны.

Сколь ни примитивными они были, казалось, что именно эта порода людей идет в авангарде экспансии. Я сделала еще снимки.

Я начала развивать теорию о природе мира и поверхности океана, над которым мы путешествовали, или, скорее, геометрическом континууме, в который он предположительно помещен. Думаю, Тихий океан — это вызов не только картографам, но и математикам. (Перечитала написанное — как напыщенно! Да, студентка Гиртона — это навсегда!) Я должна все же с кем-нибудь это обсудить. Я думаю, понять меня сможет только Вольфганг Цилиакс. Но прежде чем обратиться к нему, я предпочитаю убедиться в основательности своих предположений. Конечно, необходима радикально новая теория для этого нашего океана. Вы только подумайте! От берегов Азии мы уже прошли расстояние, достаточное, чтобы обогнуть Землю *по меньшей мере пять раз,* если бы не было этой странности, этой пространственной складки на теле мироздания.

Думаю, Тихий океан одержал победу над нами, сокрушив наши умы своими масштабами. Всего лишь после трех дней на половинном рационе все ворчат так же громко, как их животы. И все же мы продолжаем путешествие…

День 33-й. Мне потребовалось двадцать четыре часа, чтобы приступить к изложению случившегося. После вчерашних событий описание всего этого казалось мне бесполезным. Соберись, Блисс! Однако, как всегда говорила моя мама, стоическая женщина, когда случаются неприятности, нужно вести себя так, будто ничего не произошло.

Это началось, когда Джек Бове и на третий день не вышел из своей каюты. Неуправляемых пьяниц, да еще на свободе, не потерпят на любом воздушном судне, даже на таком большом, как наше. И ни в один уголок на «Геринге», даже в каюты пассажиров, не может быть воспрещен вход такому божеству, как капитан. Поэтому Вольфганг Цилиакс привел группу дюжих парней из состава экипажа к каюте Джека. Я пошла с ними по его

просьбе, поскольку на нашей посудине я была для него человеком, который больше всех остальных подходил под определение «друг».

Я смотрела, как немцы выламывали дверь каюты Джека. Джек был пьян, но вменяем и очень агрессивно настроен. Он бросился на крепышей из люфтваффе, и, когда его скрутили, Цилиакс приказал тщательно обыскать каюту — «тщательно» означает, что мебель была разобрана и обшивка вскрыта.

Потом все завертелось и понеслось. Цельную картинку того, что произошло далее, я составила только сейчас.

Немцы нашли маленький радиопередатчик, компактный кожаный ящичек, набитый электронными лампами и проводами. С его помощью, как выяснилось, Джек подавал сигналы тому самолету-ракете, когда мы пролетали над Украиной. Так что подозрения Цилиакса были вполне обоснованны. Я слегка разочаровалась в Джеке — такая грубая работа! Так или иначе, поднялся большой шум, наши головорезы окружили Джека. Но когда они приблизились к нему, он поднял правую руку, в которой было что-то зажато. Сначала я подумала, что это граната. Немцы попятились.

Цилиакс повернулся ко мне, лицо его было мрачнее тучи.

— Останови этого болвана, иначе он убьет нас всех.

Не разжимая кулака вытянутой руки, Джек вжался в угол развороченной каюты, его лицо было залито кровью.

— Блисс, — выдохнул он, — прости, что ты оказалась втянута во все это.

— Я в это втянута с того момента, как ступила на борт. Если ты пришел в себя, Вольфганг может приказать принести тебе кофе…

— Адреналин и зверское избиение — прекрасные средства от похмелья.

— Тогда подумай о том, что ты делаешь. Если ты взорвешь эту свою штуку, ты что, надеешься выжить?

— Я не надеялся выжить, когда вызывал тот *рюсски* самолет. Но речь не обо мне, Блисс. Это мой долг. Цилиакс фыркнул:

— Ваш президент, должно быть, совсем отчаялся, если его единственный способ борьбы с рейхом — смертники-камикадзе.

— Это не имеет ничего общего с Трумэном или его администрацией, — ответил Джек. — Если его даже спросят об этом, он скажет, что ничего не знает, и это будет правдой.

Цилиакса это не убедило.

— Звучать это будет достаточно правдоподобно. Я полагал, это была выдумка СС.

— Скажи мне, Джек, зачем, — настаивала я. Он посмотрел на

меня:

— Разве ты не понимаешь? Цилиакс сам это сказал. Все дело в глобальной стратегии, Блисс. Если мы перелетим через океан, немцы получат возможность ударить по Америке. Этого я не должен допустить.

— Но будут другие «Геринги», — сказал Цилиакс.

— Да, но по крайней мере я выиграю какое-то время: если это закончится здесь, если никто ничего не узнает, если тайна останется тайной немного дольше. Кто-то же должен уничтожить этот чертов «Зверь». Самолет-ракета не смог. Но я — Иона, неудачник, проглоченный китом. — Он засмеялся, и я поняла, что он, в конце концов, все же пьян.

— Джек, нет! — выкрикнула я.

В то же мгновение половина немецких крепышей навалилась на него, а другая половина, включая Цилиакса, вывалилась из каюты.

Я ожидала взрыва в каюте. Я съежилась. Но послышался только отдаленный сильный удар, будто далекий раскат грома. Палуба подо мной слегка закачалась…

День 34-й. Мы все еще живы.

Картина начала проясняться. Джек повредил основные цепи управления «Герингом»: тот выключатель, что он сжимал в кулаке, был радиоспусковым механизмом. Но он сработал не очень хорошо: мы не упали в море. Техники кое-как устранили неисправности, чтобы стабилизировать наше положение, и даже смогли сохранить курс, который мы держим прямо на восток. Этот небесный кит все еще плывет в своей стихии. Но экипаж пока не может сказать, останется ли он управляемым — удастся ли нам когда-нибудь привести его снова домой.

Шесть человек погибли: несколько членов команды взлетно-посадочной палубы, пара техников, которые выполняли ремонтные работы за бортом. И Джек, конечно. Уже избитый до полусмерти, он предстал перед трибуналом под председательством капитана. Потом Фассбиндер отдал его команде. Они повесили его в трюме, затем, еще живого, сняли с веревки и выбросили в море.

Я не знаю, какие выводы Цилиакс сделал из всего этого. Он сказал, что этим грубым авиаторам не хватает изобретательности эсэсовцев, которые давили на него, требуя отдать Джека им. Думаю, в Цилиаксе еще сохранились зачатки человеческой порядочности.

Итак, мы летим дальше. Техники трудятся посменно, пытаясь собрать воедино разорванные внутренности «Зверя». Я больше

верю в техников, чем в богов или горгулий, священников или политиков. Но я больше не верю, что когда-нибудь снова увижу Англию. Вот так. Я записала это, так что это должно быть верно. Интересно, какие странные морские существа полакомятся плотью Джека…

День 50-й. Еще одна круглая цифра, еще одна бессмысленная веха.

По моим подсчетам, мы прошли расстояние от Земли до Луны. Подумать только! Возможно, в другой вселенной немецкий гений от техники собрал бы людей для такого вот эпического рейса, а не для этого бессмысленного утомительного путешествия.

Мы продолжали лететь над группами и цепями островов. Вчера на одном острове, покрытом дикими на вид джунглями из огромных перистых папоротников, я видела экзотических животных, которые бегали стадами или подозрительно пялились в нашу сторону. Представьте себе нелетающих птиц — высоких, с длинными мускулистыми ногами и птичьими повадками; а теперь представьте исключительное терпение рептилий, свойственное крокодилам; теперь соедините это вместе, и вы поймете, что я видела.

Как вымерли динозавры? Случайное извержение мощного вулкана, комета или какой-то другой удар с неба, смертельная эпидемия или какая-то врожденная слабость рода рептилий? Что бы это ни было, кажется, что вне зависимости от того, какое случилось бедствие, всегда есть куда бежать. Возможно, в этом нашем необычном изгибе пространства ни одна разновидность живых существ не вымерла. Какая чудесная мысль!

Но были ли те животные на острове динозаврами, мы никогда не узнаем. Самолет уже не может задержаться над каким-то районом, кружа в воздухе, потому что потерял способность закладывать виражи; «фаэтоны» больше не летают вниз, чтобы исследовать огромных ящеров. И мы тащимся все дальше на восток, все дальше в океан, все дальше назад, в прошлое, туда, где еще нет динозавров.

Социальная среда, в которой я живу, немного изменилась в эти дни.

По мере того как иссякают запасы пищи и воды, наше маленькое воздушное сообщество постепенно распадается на феодальные поместья. Водные бароны торгуют с императорами кладовой или отправляются завоевывать отводной трубопровод. Время от времени я слышу речи невидимого капитана Фассбиндера, но не могу с уверенностью сказать, как долго

продержится его авторитет. Ходили слухи о заговоре с целью переворота среди офицеров СС. Киношники уже не снимают ничего из этого. У них, бедных барашков, моральное состояние упало у первых.

Последний раз я видела Цилиакса десять дней назад. Он стал хитрым и коварным; у меня сложилось ясное впечатление, что он хотел присоединить меня к своему, так сказать, гарему. Женщины — самый дефицитный товар в этом ковчеге. Женщины и сигареты. Можете представить отповедь, которую он получил от меня.

Я ложусь спать, предварительно забаррикадировавшись. Во внутренностях «Зверя» у меня припрятаны еда, и вода, и сигареты, и выпивка, чтобы использовать все это как валюту, когда уж совсем припрет. Я держусь в стороне от мелких разногласий, которые, так или иначе, все равно уладятся.

Однажды мне довелось прыгать с парашютом в Малайе, и я выжила в джунглях в течение недели, пока не добралась до первой военной заставы. Это похожая ситуация. Это также очень похоже на жизнь в колледже. Вот веселье!

Примечание редактора. **Дальше следует много отрывочных записей. Некоторые не датированы, другие содержат только математические выкладки или геометрические наброски. Читателю предлагается более полная публикация в готовящейся к выходу «Летописи психиатрии».**

День 365-й. Боже мой! Целый год, если я подсчитала правильно, хотя календарь — вещь бессмысленная, если сосчитать, сколько раз мы обошли вокруг этого земного шара, сплошь покрытого водой, или кажется, что обошли. И если бедный разрушенный «Зверь» еще держит свою крейсерскую скорость, тогда я, возможно, пролетела два миллиона миль. *Два миллиона.* А Америки все еще нет!

Я полагаю, что теперь осталась одна. Одна, если не считать машинного интеллекта Ганса и какой-нибудь случайно выжившей крысы.

Еда давно закончилась, кроме моих запасов. Войны между фюрерами консервов и царями яичного порошка начинались по все более мелким поводам, пока один не напал на соседа с целью отобрать окурок. Однако некоторые бежали на «фаэтонах», спикировав на какой-то затерянный остров. Клаус тоже сбежал. Надеюсь, они спаслись; почему нет? Возможно, какая-нибудь будущая экспедиция, лучше экипированная, чем наша, когда-

нибудь найдет их потомков.

И «Зверь» выпотрошен полностью, большая часть его сожжена и безлюдна, осталась только я. В поисках припасов еды и воды я обследовала каждый его уголок. В одно только место я не смогла пробраться — запечатанные отсеки атомного реактора. Даже если там кто и выжил, они не смогли выйти оттуда.

Однако двигатель продолжает работать. Лопасти «Мерлинов» еще вращаются. Даже обогрев не прекратился. Я должна записать, что, как бы плохо мы, слабые человеческие существа, ни вели себя, «Рейхсмаршал Геринг» выполнил свою миссию безукоризненно.

Хотя это не может продолжаться вечно. Следовательно, я решила для начала привести в порядок свои дела, свои геометрические расчеты. Я оставила более полные выкладки, то есть дополненные уравнения, в отдельном ящике. Эти вот журнальные записи предназначены для менее интересующегося математикой читателя, такого как моя мама (они для тебя, мамочка! Я знаю, ты захочешь узнать, что со мной приключилось).

Мне стоило быть менее доверчивой, если хотите. С тем, как мы устремлялись все вперед и вперед, не видя конечной цели своего путешествия, мне следовало учесть возможность того, что оно будет бесконечным, — как и вышло на самом деле. Тихий океан не просто аномально большой, он *безграничный.* Как это может быть?

Нашим самым великим геометром был Евклид. Вы ведь слышали о таком, правда? Он свел всю геометрию на плоскости всего лишь к пяти аксиомам, из которых можно вывести ограниченный набор теорем и следствий, и ими с тех пор мучают школьников.

Но даже Евклид был не в восторге от пятой аксиомы, которую можно сформулировать следующим образом: *параллельные линии никогда не пересекаются.* Это кажется таким очевидным, что не нуждается в формулировке: если вы постройте две линии под прямым углом к третьей, как железнодорожные рельсы, они никогда не пересекутся. На совершенно ровной бесконечной плоскости — да, никогда. Но на искривленной поверхности Земли — могут: вспомните о меридианах, сходящихся на полюсе. То есть, если само пространство искривлено, «параллельные» линии могут пересечься — или разойтись, что звучит также потрясающе. Позволив себе, таким образом, подвергнуть сомнению аксиому Евклида, мы открываем дверь в мир, который довольно неоригинально зовется «неевклидовой геометрией». Я назову вам одно имя: Бернхард Риман.[204] Эйнштейн присвоил

его идеи при разработке своей теории относительности.

И в неевклидовой геометрии можно получить любые неожиданные эффекты. Отношения длины окружности к ее диаметру может быть больше или меньше числа «пи». Можно даже ограничить окружностью конечной длины бесконечную площадь, ибо, видите ли, по мере того, как эти параллели сходятся, ваши измерительные линейки тоже сокращаются в размерах. Назову вам еще одно имя: Анри Пуанкаре.[205]

Думаю, вы понимаете, к чему я клоню. Кажется мне, что наш шарик — неевклидов объект. Его геометрия — гиперболическая. Он имеет конечный радиус — это можно увидеть, если посмотреть на его тень на Луне, — но бесконечную площадь поверхности, как мы с «Геринга» тут выяснили. Земля, на самом деле, содержит в себе какую-то складку пространства. Когда я попадаю в нее, я становлюсь меньше и для стороннего наблюдателя почти вовсе исчезаю; однако для самой себя я такая же Блисс, того же размера, только вот вокруг меня образуется с избытком свободного места.

Это кажется странным — как можно принять это спокойно! Но почему мы должны думать, что простая геометрия чего-то подобного апельсину может быть применима к объекту размером с огромную планету?

Конечно, это всего лишь математическая модель, которая соответствует наблюдениям; она может быть точной, а может и не быть. И много вопросов остается открытыми: такие как астрономические эффекты и природа гравитации в бесконечном мире. Я оставляю эти темы для читателя в качестве упражнения.

Вы спросите, не все ли нам равно, мы простые смертные. Но, конечно, география определяет нашу судьбу. Если бы в каменном веке можно было пересечь Тихий океан по какому-нибудь сухопутному перешейку, возможно, первыми жителями Америк стали бы азиаты, а не африканцы, пересекшие Атлантику. И определенно, уже в нашем веке, если бы Тихий океан был достаточно мал, что позволило бы Америке и Японии войти в непосредственное соприкосновение друг с другом, те военные катаклизмы, которые мы переживали в последние десять лет, не случились бы или пошли бы по другому сценарию.

И кроме того — как забавно обнаружить, что ты живешь на такой необычной маленькой планете, со складочкой! Вы так не думаете?..

Дата неизвестна. Простите, я прекратила считать дни. Вскоре после последней записи, однако.

Мои дела в порядке, можно дезертировать с корабля.

Почему?

Первое: Я съела всю еду. Не консервированный фарш, разумеется.

Второе: мне кажется, что я уже вылетаю за пределы нашего мира или, по крайней мере, того мира, в котором еще могу существовать. Много времени прошло с тех пор, как я видела последнего мастодонта или динозавра. Я еще пролетаю над группами островов, но теперь если что на них и можно разглядеть, то это или какая-то багрянистая слизь, или то, что выглядит как островки из водорослей. Они действительно очень древние, нет сомнения.

А впереди снова все меняется. Небо выглядит зеленоватым, и что, если я приближаюсь к месту или времени, где кончается кислород? Вдруг просыпаюсь ночью, задыхаясь, но это, конечно, оттого, что мне снятся дурные сны.

Во всяком случае, пора выбрасываться. Это конец для меня, но совсем необязательно для «Геринга». Думаю, я нашла способ кое-как починить оборудование: не настолько, чтобы сделать самолет снова полностью управляемым, но по крайней мере в достаточной степени, чтобы суметь развернуть «Геринг» и отправить под командой Ганса по обратному маршруту. Я не знаю, как долго он еще сможет лететь. «Мерлины» — двигатели повышенной мощности, у них особое масло и долговечные подшипники, но, конечно, не осталось инженеров, чтобы их обслуживать. Если «Мерлины» протянут, «Геринг» может однажды снова замаячить над Пикадилли — представляю, что это будет за зрелище. Конечно, мне не удалось бы придумать способ, как остановить его, но оставляю вам самим подумать об этом в качестве очередного упражнения, дорогой читатель.

Что до меня, я намерена взять «спит». Он не использовался с первого дня нашего полета, но так же хорош, как новый, насколько я могу судить. Я могу попытаться добраться до одной из тех покрытых тиной скал в море.

Или попробую долететь до чего-то там, что мельком видела на горизонте, под зеленоватым небом. Огни. Город? Не человеческий, конечно, но кто знает, что лежит в ожидании нас по ту сторону складки нашего мира?

Что еще я должна добавить, прежде чем отправлюсь?

Надеюсь, мы не будем последними, кто проделал этот путь. Надеюсь, что другие, кто сделает это, придут, в отличие от нас, в мирное время.

Мамочка, корми за меня моих кошек и прости за то, что внуков у тебя будет меньше. Би придется постараться и за меня (прости, сестра!).

Достаточно, пока я не начала орошать эти страницы соленой водой. Это Блисс Стирлинг, репортер Би-би-си, я закончила!

Примечание редактора. **Здесь расшифровка заканчивается. Найдено между переборками, остается единственным письменным отчетом о путешествии «Геринга», сохранившимся на борту. Ни фильмов, ни магнитофонных записей не осталось. Дневник публикуется с почтением к памяти мисс Стирлинг. Однако, поскольку мисс Стирлинг имела контракт с Би-би-си и Королевским географическим обществом именно для освещения тихоокеанской экспедиции «Геринга», все эти материалы должны охраняться авторским правом Би-би-си MCMLII. Подпись: Питер Каринхолл, совет управляющих, Би-би-си.**

Кэролин Ив Гилмэн
Оканогган-Фоллз [206]

Городок Оканогган-Фоллз раскинулся на холмах юго-западного Висконсина, — в этих краях листопадные рощи чередуются с пастбищами, трава на которых кажется мягкой, как соболиная шкурка. Оканогган-Фоллз, выросший когда-то в далеком прошлом вокруг лесопилки, скрывался в глубине круто спускающейся к реке долины и был затенен старыми деревьями. В центре городка параллельно реке проходила улица, по обеим сторонам которой шли магазины, расположенные в кирпичных домиках с коваными украшениями. Каким-то образом Оканогган-Фоллзу удалось пробраться между Сциллой и Харибдой франчайзинговых сетей и бутиков. Если вы, гуляя по Мейнстрит, решали съесть гамбургер, то приходилось идти в кафе «У Эрла», а душистое мыло продавалось только в аптеке Мейера. В парке, где стоял памятник солдату Гражданской войны,[207] перед старинным зданием мэрии, облепленным голубями, мистер Вудворд по-прежнему непокорно поднимал флаг Соединенных Штатов, как будто тот мир, который показывали в новостях по кабельному, был лишь иллюзией, а государство все еще реально существовало.

Маленькие американские городки успели измениться с тех времен, когда Синклер Льюис[208] яростно критиковал их, называя застоявшейся заводью конформистской самоуспокоенности. Все это теперь перенеслось на окраины мегаполисов. А те, кто остался жить в городках сельской местности, обладали значительной долей эксцентричности. Здесь было больше, чем в других местах, сварщиков, ставших скульпторами, и мастеров, делавших кукол на продажу, и автомобилей, раскрашенных самым невероятным образом, и больше людей с четко определенными взглядами, и больше терпимости по отношению ко всему перечисленному.

Как и почти везде на Среднем Западе, в Оканогган-Фоллз сравнительно мало ощущались вторжение и оккупация. Большинство жителей не видели ни одного захватчика-ватесуна, кроме как по телевидению. Поначалу стало зарождаться какое-то стихийное сопротивление, вызванное уязвленной национальной гордостью, но, когда ватесуны снизили налоги и смягчили законы, возмущение поубавилось. Теплых чувств к ватесунам жители по-прежнему не испытывали, однако, поскольку захватчики не совались в чужие дела и не трогали население, их

готовы были терпеть.

Но однажды воскресным утром все переменилось, когда Марджи Силенго, жившая в автофургоне на автостраде-14, влетела в город на своем хорошо амортизированном «шевроле», подскакивающем, как лошадка-качалка. Марджи всем рассказывала, что видела, как колонна армии ватесунов проехала мимо ее жилища и направилась в сторону старых лесопилок к северу от города, намереваясь, судя по всему, там расположиться. И почти в то же самое время зазвонил телефон в доме мэра, и Тому Эбернати, стоявшему босиком у себя на кухне, впервые в жизни случилось беседовать с капитаном ватесунов, который четким и официальным английским языком сообщил ему, что вышло постановление о сносе Оканогган-Фоллз.

Жена Тома, Сьюзен, еще не вполне осознавшая, что означает вся эта история с оккупацией, перестала намазывать арахисовым маслом бутерброды для сыновей.

— Да как они могут такое говорить! Кем они себя воображают? — возмутилась она.

Том был долговязым и беззаботным, с узловатыми суставами и четко очерченной челюстью. Должность мэра была для него не основной сферой деятельности; ему принадлежало одно из наиболее успешных предприятий города, поставлявшее строительные товары. Пост мэра он занял при тех же обстоятельствах, при которых оказывается у власти большинство разумных людей: он действовал из соображений самозащиты. Ему опротивело иметь дело с тем закосневшим консерватором, который управлял городом с начала 1980-х годов, и Том выдвинул свою кандидатуру на должность, движимый тем же порывом, который изредка заставлял его выругаться, — и неожиданно для себя он оказался избран подавляющим большинством голосов, 374 против 123.

А теперь он потер затылок, как всегда делал, когда бывал сбит с толку, и сказал:

— Как я полагаю, ватесуны имеют возможность делать практически все, что только пожелают.

— Тогда мы должны сделать так, чтобы им больше не захотелось портить нам жизнь, — ответила Сьюзен.

На этом, по существу, и держался брак Тома и Сьюзен. На протяжении семнадцати лет всякий раз, когда он говорил, что нечто сделать невозможно, она воспринимала это как предложение испытать собственные силы и осуществить это.

Но Том никак не ожидал, что она возьмется справиться с инопланетными захватчиками.

Заседания городского совета проходили в неформальной обстановке, и, как правило, несколько человек подтягивались с опозданием. В этот же день в здании мэрии все собрались уже к пяти часам, то есть к моменту, когда к ним обещал обратиться с речью представитель ватесунов. Члены совета уже успели узнать, что не только в Оканогган-Фоллз, но и во всех четырех городах, расположенных вдоль пятидесятимильного отрезка автострады-14, оккупанты разбили лагерь за городской чертой и в каждом городе капитан ватесунов обращался к собравшимся ровно в пять часов. Как и большинство военных операций ватесунов, все происходило безупречно согласованно.

Прибытие капитана не сопровождалось особыми церемониями. Два армейских транспортных средства песочного цвета быстро проехали по Мейн-стрит и остановились возле мэрии. Из одного вышли двое, а трое солдат, прибывших на втором, встали, удерживая любопытных на расстоянии вытянутой руки. Оружие висело у них через плечо. Судя по всему, они старались, чтобы атмосфера осталась ненапряженной.

Двое, вошедшие в мэрию, выглядели точно так же, как ватесуны, которых показывали по телевидению, — приземистые комки с неровной кожей цвета хаки, напоминавшие глину, перемешанную с гравием. Одеты они были в свою обычную военную форму бежевого цвета, которая герметично их облегала, будто термоусадочная пленка, от шеи до пят, но ни на одном из офицеров не было ни маски, ни перчаток, которые захватчики обычно надевали в случаях, когда приходилось иметь дело с людьми. От них тут же распространился запах, напоминающий о раскаленных камнях; неприятным его нельзя было назвать, просто в человеческом представлении он обычно не связывается с живыми существами.

Ватесун более крупного телосложения в грамотных, официальных выражениях представился капитаном Гротоном и сообщил, что его спутник — лейтенант Агуш. Никто из присутствующих не стал протягивать руки, помня об общеизвестном факте: ватесуны приходят в ужас от одной мысли о том, чтобы коснуться склизкой человеческой плоти.

Члены городского совета молчали, сидя за столами, где обычно проводились слушания дела, а капитан встал там, где подсудимыми давались показания, но ни у кого не было сомнений относительно того, в чьих руках сейчас все полномочия. Горожане ожидали услышать грубые приказы в категоричной форме, поэтому корректный тон капитана Гротона стал для них приятной неожиданностью, но само содержание его речи не обещало ничего хорошего.

Ватесуны желали превратить пятьдесят миль холмистой, покрытой лесом долины Оканогган в карьер для добычи ископаемых.

— В силу нашей деятельности проживание на данной территории станет невозможным, — сказал капитан Гротон. — Вооруженные силы прибыли сюда с целью способствовать вашему переселению. Вам потребуется координировать весь процесс, чтобы переезд состоялся быстро и мирно. — В последнем слове послышался еле заметный намек на угрозу.

Когда капитан договорил, ненадолго установилась тишина: члены совета были погружены в мысли о том, что все, ради чего они жили и что так любили, будет разрушено. Перед глазами каждого стояла картина: долина Оканогган превращена в карьер и нет больше ни кленов, ни сирени, ни собак, ни фонарей. Первым обрел дар речи Роб Масси, редактор достаточно бестолковой местной газеты.

— Что вы намерены добывать? — резким тоном спросил он. — Здесь же нет никаких полезных ископаемых.

— Кремний, — тут же ответил капитан. — Здесь под слоем известняка находится очень чистое месторождение этого минерала.

Он имел в виду тот белый рассыпчатый песчаник, который непригоден для строительства, но иногда используется для производства стекла. Для чего он им понадобился, было непонятно, как и многое другое из того, что касалось ватесунов.

— Получим ли мы компенсацию за нашу недвижимость? — спросила Пола Сандерс, как будто существовала такая компенсация, которая их устроила бы.

— Нет, — безучастно ответил капитан. — Эта земля наша. При всей возмутительности этого заявления, спорить было не о чем.

— Но это наш дом! — выпалил Том. — Некоторые семьи живут здесь уже на протяжении пяти поколений. Мы построили этот город. Это наша жизнь. Вы не можете просто так прийти и сровнять все с землей.

В его голосе слышалась такая мучительная боль, что даже капитан Гротон, этот комок, набитый гравием, ответил не сразу.

— Но мы это можем, — ответил он без злобы. — Остановить нас не в ваших силах. Все, что вы можете сделать, — это примириться с неизбежным.

— Сколько времени имеется в нашем распоряжении? — Пола выговаривала слова так, как будто от них оставался неприятный вкус во рту.

— Мы понимаем, что вам потребуется время, чтобы

обеспечить принятие этого решения, поэтому мы готовы дать вам два месяца.

Зал так и взорвался криками протеста и возражениями. Наконец капитан поднял толстый отросток, служивший ему рукой.

— Очень хорошо, — сказал он. — Я имею право продлить вам срок. Даю вам три месяца.

Потом они узнали, что все капитаны в других городках долины точно так же продлили срок. Все явно было спланировано заранее.

Зал уже начал раскаляться от негодования, но капитан развернулся и направился к выходу: свою задачу он выполнил. Но он не успел еще выйти, когда в дверях показалась Сьюзен Эбернати, и из холла тут же донесся запах свежезаваренного кофе.

— Капитан Гротон, — сказала она, — не желаете ли выпить с нами кофе? Мы по традиции делаем это после каждого собрания.

— Благодарю, мадам, — ответил он, — но мне пора возвращаться на базу.

— Сьюзен, — представилась женщина и, нарушая всякие требования этикета, протянула руку.

Ватесун заметно отпрянул. Но уже в следующую секунду он, похоже, снова овладел собой и усилием воли заставил себя протянуть руку. Сьюзен сердечно пожала ему руку, заглядывая в глубину его глаз-камешков.

— Поскольку мы будем соседями, по крайней мере в течение ближайших нескольких месяцев, нам стоит вести себя обходительно, — сказала она.

— Это очень предусмотрительно с вашей стороны, мадам, — ответил капитан.

— Зовите меня Сьюзен, — предложила она. — Раз уж вы не можете остаться сегодня, то могу ли я пригласить вас к ужину завтра?

Капитан заколебался, и все ожидали услышать еще одну отговорку, но в конце концов он произнес:

— С большим удовольствием, Сьюзен.

— Отлично. Я позвоню вам и все подробно объясню. — Когда капитан ушел, а лейтенант последовал за ним, она повернулась к членам городского совета. — Если хотите, я принесу вам кофе.

— Фи. И какая была эта рука на ощупь? — спросил ее сын Ник.

В глазах одиннадцатилетних ребятишек Сьюзен, прикоснувшаяся к пришельцу, казалась почти героиней.

— Сухая, — сказала она, не отрывая взгляда от ноутбука, стоявшего на столе в столовой. — Немного шершавая. Как кожа у ящерицы.

В соседней комнате Том говорил по телефону:

— Уоррен, то, что ты предлагаешь, — безумие. Мы вполне сможем добиться еще некоторых уступок. Мы над этим работаем. Но если ты начнешь в них стрелять, то мы обречены. Я больше не желаю слышать ни о какой «охоте на жаб», понимаешь?

— А ты помыла руку? — поинтересовался Ник.

Сьюзен выпустила «мышку», протянула руку и вытерла ладонь о руку Ника.

— Фу, какой ужас! Теперь я заражен жабьими микробами.

— Не называй их так! — резко сказала она. — Это невежливо. А сегодня вечером ты должен вести себя очень вежливо.

— Но я же не обязан к нему прикасаться, или как?

— Нет, конечно. Я уверена, что и ему вовсе не хочется прикасаться к противному мальчишке.

В соседней комнате Том набрал еще один номер:

— Слушай, Уолт, мне, похоже, понадобится, чтобы сегодня вечером у меня перед домом дежурила патрульная машина. Если эту жабу пристрелят на подходе к моей двери, то завтра от моего дома останется только дымящийся кратер.

— Это правда? — спросил Ник, широко раскрыв глаза.

— Нет, — солгала ему Сьюзен, — он преувеличивает.

— Можно мне сегодня пойти в гости к Джейку?

— Нет, мне нужно, чтобы ты был здесь, — ответила Сьюзен, стараясь не показать, насколько тревожно ей было об этом думать.

— Что у нас будет на ужин?

— Я как раз стараюсь выяснить, что они едят, поэтому лучше меня не отвлекай.

— Каких-нибудь жуков я есть не стану.

— Ну и я не стану, — отозвалась Сьюзен. — А теперь уходи. Том вошел и со вздохом опустился в кресло.

— Весь город вооружился, — сказал он. — В буквальном смысле слова. Пола хотела пикетировать сегодня вечером наш дом. Я сказал ей, что нужно тебе доверять, что у тебя есть план. В чем он заключается, я, конечно, не знаю.

— Думаю, что мой план — накормить его пиццей, — ответила Сьюзен.

— Пиццей?

— А почему бы и нет? Я не нашла никаких сведений о том, что у них существуют диетические ограничения, а пиццу любят все.

Том откинул голову и мрачно уставился в потолок.

— Конечно. Почему бы и нет? Если пицца его прикончит, ты станешь героем. Примерно на полчаса, после чего ты будешь уже мученицей.

— Никто еще не умер от пиццы, — ответила Сьюзен, встала и пошла приводить в порядок дом.

Семейство Эбернати жило в большом старом трехэтажном доме постройки 1918 года, с широким крыльцом и островерхой башенкой; вокруг раскинулся большой сад. В гостиную вели раздвижные деревянные двери; веерообразный верх окон украшали витражи; камин был обшит деревом. Такое помещение могло бы казаться затейливо отделанным, но в действительности гостиная выглядела пообносившейся и обжитой — горы книг, обгрызенный щенками восточный ковер, пианино, все заставленное моделями самолетов. На удобной, заметно поцарапанной мебели виднелись следы всего, что здесь случалось: приходили люди, дети готовили школьные задания, устраивались собрания. Редким вечером у Эбернати не собирались гости, но ужин никогда не был формальным. Формальность была чужда Сьюзен.

В прошлом она была медсестрой, но уволилась, устав не столько от пациентов, сколько от формальности. По своему крепкому телосложению Сьюзен напоминала немецких деревенских девушек, а характер ее отличался уверенной независимостью. Ее круглое веселое лицо обрамляли светло-каштановые волосы до плеч. Очень редко случалось ей появиться в чем-то более модном, чем джинсовая юбка и рубашка с закатанными рукавами. Когда избрали Тома, все поняли, что жена нового мэра не станет травмировать кого-либо своей манерой одеваться.

В тот вечер капитан Гротон прибыл точно вовремя. Он приехал на машине с тонированными стеклами; было не разглядеть, кто сидел за рулем, — водитель остался ждать в машине. Том встретил гостя на крыльце, немного нервно поглядывая то в один конец улицы, то в другой. Когда они прошли в гостиную, из кухни появилась Сьюзен, державшая в одной руке бокалы, а в другой — бутылку.

— Налить вам вина, капитан? — спросила она. Он заколебался:

— Если у вас так принято. Я, к сожалению, не знаком с вашими ритуалами, касающимися питания. Мне известно лишь то, что они сложны.

— Это забродивший фруктовый сок, он слегка опьяняет, — пояснила она, наливая немного ему в бокал. — Люди пьют его,

чтобы расслабиться.

Ватесун осторожно взял бокал. Сьюзен увидела его пальцы — толстые, короткие, будто недоразвитые. Работая медсестрой, она была вынуждена приучить себя сочувствовать даже самым непривлекательным пациентам, и теперь ей пришлось воспользоваться этим умением, чтобы не реагировать на его внешность.

— Ваше здоровье, — произнесла она, поднимая бокал. Раздался хруст, и ножка бокала в руке капитана Гротона раскололась пополам. Он попытался удержать осколки, и вино потекло у него по рукам.

— Простите, — пробормотал он. — У вас такая хрупкая посуда.

— Из-за бокала не стоит волноваться, — сказала Сьюзен, взяла осколки и передала их Тому. — Вы не порезались?

— Нет, конечно… — Ватесун не договорил фразы и уставился на свою ладонь, которую пересекала тонкая полоска крови.

— Я обо всем позабочусь, — сказала Сьюзен.

Взяв его за руку, она отвела капитана в ванную. Только уже промокая салфеткой кровь с его руки, женщина поняла, что он не отпрянул при ее прикосновении, как тогда, в первый раз. В душе она улыбнулась, радуясь своей маленькой победе. Но когда она достала бутылочку с дезинфицирующим спреем, он все же отшатнулся от нее.

— Что это? — спросил он с подозрением.

— Дезинфицирующий состав, — объяснила Сьюзен. — Чтобы не допустить инфекции. На спиртовой основе.

— Вот как, — отозвался он. — Я уже подумал было, что это вода.

Она слегка пшикнула ему на руку, а потом наложила повязку. Он с любопытством смотрел по сторонам.

— Что это за помещение?

— Это ванная, — ответила Сьюзен. — Мы пользуемся ею, чтобы… ну, чтобы приводить себя в порядок, ухаживать за собой, и так далее. А это — унитаз. — Она подняла крышку, и он с явным отвращением отшатнулся. Она засмеялась. — На самом деле он совершенно чистый, клянусь вам.

— В нем вода, — с отвращением произнес капитан.

— Но эта вода не грязная, по крайней мере сейчас.

— Вода всегда грязная, — сказал он. — Она кишит бактериями. Через нее передаются тысячи заболеваний, а вы, люди, прикасаетесь к ней без всякой осторожности. Вы разрешаете вашим детям с ней играть. Вы ее даже пьете. Полагаю, что вы к ней привыкли, ведь вы живете в мире, где все ею

заражено. Она даже падает с неба. От нее никуда не спрятаться. У вас не остается выбора, кроме как намокать в ней.

Пораженная этой невероятной картиной, в которой вода воспринималась как зараза, Сьюзен сказала:

— Находиться в нашем мире вам, должно быть, очень неприятно. А какова ваша планета?

— У нас очень сухо, — ответил он. — На многие мили тянутся горячие чистые пески, как у вас в Сахаре. Но ваше население не живет в местах, пригодных для обитания, поэтому и мы там поселиться не можем.

— Но вы, должно быть, иногда пьете воду. Обмен веществ в вашем организме не настолько отличается от нашего, иначе вы не смогли бы есть наши продукты.

— Нам достаточно самого малого количества пищи. Мы не выделяем ее переработанных остатков так, как это делаете вы.

— Так вот почему у вас нет туалетов, — сказала она.

Он замолчал, явно озадаченный. Потом он понял, что именно она пропустила, объясняя ему предназначение помещения.

— Значит, вы пользуетесь этой комнатой для осуществления выделительных функций?

— Да, — ответила она. — Это полагается делать в одиночку.

— Но ведь вы и в обществе постоянно выделяете жидкости, — сказал он. — Из носа, изо рта, с поверхности кожи. Каким же образом вы можете совершать выделения только в одиночестве?

Мгновение она была не в силах говорить, поняв, что собеседнику люди представляются какими-то мешками, которые изо всех дыр сочатся бактериями. Затем она произнесла:

— Вот почему мы приходим сюда, чтобы очистить себя от всего этого.

Он посмотрел по сторонам:

— Но здесь нет никаких устройств для того, чтобы что-то очистить.

— Конечно есть. — Сьюзен включила душ. — Вот видите? Его реакцией был ужас, поэтому она поспешила выключить душ.

— Понимаете, мы считаем воду чистой, — пояснила она. — Мы в ней моемся. А как купаетесь вы?

— В песке, — ответил он. — Ванны наполняют сухим горячим песком. Божественно.

— Думаю, да. — Сьюзен легко могла это представить: мягкий белый песок. Как тот, который можно откопать из-под известняка в долине Оканогган. Она посмотрела на него, внезапно начав что-то понимать. — Так вам для этого понадобилось…

— Этого я вам сказать не могу, — ответил капитан. — Прошу вас, не спрашивайте меня об этом.

Такого ответа ей было достаточно.

Когда они вышли, Том с сыновьями был на кухне, поэтому туда и направились Сьюзен с капитаном.

— Простите, нас задержал очень интересный разговор, — беззаботным тоном произнесла Сьюзен, бросив на Тома взгляд, говоривший: «Потом все тебе расскажу». — Это, капитан Гротон, наши сыновья, Бен и Ник.

Мальчики встали и неловко кивнули; очевидно» им заранее сказали не пожимать гостю руку.

— Оба ваши? — спросил ватесун.

— Да, — ответил Том. — А у вас есть дети, капитан?

— Да. Дочка.

— Сколько ей лет? — спросила Сьюзен, наливая ему вина в кружку.

Капитан Гротон молчал так долго, что она уже было стала думать, что сказала что-то неприятное, но в конце концов он покачал головой:

— Не могу подсчитать. Из-за растяжения временных интервалов это слишком сложно Да и вам бы это ничего не сказало: годы у нас с вами разные.

— А она сейчас там, дома, на вашей планете?

— Да.

— И ваша жена тоже?

— Она умерла.

— Как я вам сочувствую. Должно быть, вам было нелегко оставлять дочь одну.

— Это было необходимо. Меня направили сюда. Я исполняю свои обязанности.

Сьюзен подумала, что, возможно, выпечка из коровьих выделений не то блюдо, которое стоит предлагать этому гостю, поэтому она пошарила в буфете и быстро собрала на стол сухие закуски: жареные соевые бобы, крекер, сушеные яблоки, кедровые орехи, а чтобы на столе было и что-то сырое — сладкий картофель. Пока Том отважно пытался завязать с капитаном разговор о рыбалке, она стала готовить пиццу для своей семьи. За дверями лаяла собака, и она попросила Бена пойти покормить ее. Ник стал играть с приставкой «Gameboy». Вокруг царила привычная, приятная суматоха.

— Что вы едите у себя на родине? — выбрав момент, спросила Сьюзен у гостя.

Гротон пожал плечами:

— Мы уделяем питанию не так много внимания, как вы. Все подойдет. Мы всеядны.

— Надо бы присмотреть за нашими собаками, —

пробормотал Бен.

— Бен! — укоризненно воскликнула Сьюзен.

Капитан Гротон направил на него взгляд своих глаз, пятнистых, как мрамор:

— Ваш мясной скот не представляет для нас интереса. Вся семья в ужасе посмотрела на него.

— Наши собаки — не мясной скот! — выпалил Бен.

— А зачем же вы их держите? — логично поинтересовался капитан.

— Для общения, — сказал Том.

— Ради забавы, — добавил Бен.

— Потому, что они напоминают нам, что мы люди, — произнесла Сьюзен. — Если бы вокруг не было других видов, мы забыли бы об этом.

— А, понятно, — ответил ватесун. — Мы тоже чувствуем нечто подобное.

Последовала неловкая тишина, пока все присутствовавшие пытались представить, кого же держат ватесуны в качестве домашних любимцев.

Ситуацию спас сигнал таймера. Пиццу вынули из духовки, и вскоре снова воцарилась радостная суматоха.

В Интернете Сьюзен вычитала, что ватесуны питаются весьма умеренно, но капитан Гротон казался обжорой. Он попробовал все, что она подала на стол, в том числе съел и два куска пиццы.

Для того чтобы не заставлять гостя наблюдать неприятное зрелище — столы и кухонную утварь, залитые водой, — Сьюзен пригласила его осмотреть сад за домом, пока остальные приберутся. Раздвижные двери захлопнулись за ними, а следом, собираясь обнюхать незнакомца, пошел пес, но Сьюзен выгнала его на кухню. Потом она повела ватесуна в сад, где во влажных сумерках пели сверчки.

Стоял самый привычный для Среднего Запада вечер. Сад выходил к утесу над рекой, к выветренной известняковой плите, заросшей сумахом и виноградом. Сьюзен прошла мимо разбросанных обломков игрушечных летающих тарелок и мишеней для дротиков в нижнюю часть сада, где уже начиналась дикая природа. Она села на качели, висевшие на ветке кривого дуба; веревки скрипнули. В тихих сумерках она стала покачиваться, думая о вечерах из прошлого.

Сьюзен никогда не понимала, насколько ей дорого это место, пока не пришлось задуматься о том, что придется все это потерять. Она смотрела на темные кусты у обрыва, наблюдала за безмолвно светившимися светлячками.

— Ощущаете ли вы красоту всего этого? — спросила женщина, не пытаясь скрыть в голосе тоски.

Несколько мгновений они молчали, и, посмотрев на капитана, она увидела, что он глядит в темноту, погрузившись в глубокую задумчивость.

— Простите, — произнес он, придя в себя. — О чем вы сейчас спросили?

— Мне кажется, что в детстве в памяти каждого из нас отпечатывается определенный тип пейзажа, — вместо ответа на вопрос сказала она. — Мы можем получать удовольствие от других мест, но только в одном мы ощущаем, что будто сами насквозь сделаны из всего, что видим вокруг. Для меня вот это — как раз такое место.

— Да, — сказал ватесун.

— Значит, вы понимаете, каково нам сейчас? Мы много говорим о капиталовложениях и о средствах к существованию, но все это лишь для того, чтобы не показывать, как нам больно. Мы любим эти места. Мы привязаны к ним.

Он сразу не ответил, и она остановила качели, чтобы посмотреть на него.

— Я понимаю, — сказал он.

— Правда? — с надеждой произнесла Сьюзен.

— Простите, это ничего не меняет.

Она разочарованно уставилась на его бугристое лицо. Теперь, когда она к нему немного привыкла, он уже не так напоминал ей булыжник и не казался таким коротышкой. Он нетерпеливо взмахнул рукой:

— Почему ваши люди так любят быть недовольными? Вы наслаждаетесь, оказывая сопротивление и протестуя, вы всегда пытаетесь противостоять неизбежному. Это реакция незрелого сознания, и вы таким образом весьма усложняете свою жизнь.

— Но, капитан, есть вещи, против которых следует протестовать.

— Какие же?

— Сумасбродство. Преступные намерения. Несправедливость. Он перебил ее огорченным тоном:

— Все это — естественная часть мира. Мы никак не можем предотвратить этого.

— И вы даже не попытались бы? — спросила она.

— Жизнь несправедлива. Понятие справедливости существует только для дураков. Борьба приносит одни лишь разочарования.

— Ну, здесь мы отличаемся. Мы, люди, готовы мириться с тысячей бедствий, если считаем их справедливыми. Мы постоянно стремимся добиться справедливости внутри себя и в

нашем обществе. И в вашем тоже, если бы вы нам позволили.

— Значит, грубость людей по отношению к нам является исключительно попыткой сделать нас лучше? — поинтересовался ватесун.

Сьюзен рассмеялась от удивления:

— Ах, капитан Гротон, я ни разу не слышала, что ваш народ так ироничен.

Ее реакция его как будто поразила; казалось, он сожалел, что вызвал у нее такие эмоции.

— Я смеялась не над вами, — торопливо объяснила она. — По крайней мере, не смеялась над вами так, как вам не хотелось бы.

— Вы не можете знать, чего мне не хотелось бы, — холодно ответил он.

— Да, этого я не знаю. — Сейчас, в совершенно неофициальной обстановке, он казался таким же обидчивым и внутренне противоречивым, как любой мужчина человеческой расы. Размышляя об этом, она продолжила: — Вот вы сейчас говорили о справедливости. В ваших словах прозвучала обида, связанная, возможно, с каким-то жизненным опытом. Что это было?

Он уставился на нее, а лицо его было непроницаемым, гранитным. Несколько мгновений ей казалось, что он не станет отвечать.

— Это в прошлом, — промолвил капитан. — Нет смысла об этом говорить. Сегодня есть сегодня. Я признаю это.

Некоторое время они молчали, слушая звуки окружавшей их природы.

— А вот величайшая несправедливость нашей жизни еще только ожидает нас в будущем, — наконец сказала Сьюзен.

Ее охватили мысли об этом. Скоро вся эта милая долина исчезнет, превратится в зияющую рану на лице земли. У нее потекли слезы, наполовину от гнева, наполовину от утраты, и она встала и направилась обратно в дом. Подойдя к заднему крыльцу, она остановилась, чтобы взять себя в руки, и смахнула с лица слезы.

— Вы выделяете влагу, — потрясенно произнес капитан Гротон, шагавший вслед за ней.

— Да, — ответила она. — Иногда мы это делаем, в моменты, когда испытываем сильные эмоции.

— Мне жаль, что я… — начал было он и замолчал.

— Да-да? Вам жаль, что вы?..

— Не важно, — сказал он и отвел взгляд.

В ту ночь она, лежа в кровати, рассказала Тому все, что ей удалось узнать.

— Из-за песка, — потрясенно произнес он. — Эти ублюдки гонят нас отсюда, чтобы добывать песок для принятия ванн.

Он не чувствовал никакой доброжелательности по отношению к ватесунам. Когда отужинавший с ними гость уехал на своем лимузине с тонированными стеклами, Тому позвонил мэр города Уолкер, ближайшего метрополиса, где имелся даже универсам «Уолмарт».[209] Капитан, отвечавший за эвакуацию жителей Уолкера, оказался несгибаемым, послушным приказу воякой, который сообщил населению несколько дат, не допускавших отсрочки. Новости из Ред-Блафф вселяли еще меньше оптимизма. Направленный туда капитан открыто демонстрировал свои расистские взгляды и считал, судя по всему, что местное население не заслуживает эвакуации. Он, казалось, предпочел бы выдворить их силой.

— Лари хочет, чтобы мы все вместе оказали им сопротивление, — сказал Том. — Под девизом «Ни за что не уйдем». Просто оставались бы на местах и отказывались бы готовиться к отъезду. Мне это кажется слишком рискованным.

Сьюзен лежала, поглощенная размышлениями.

— Они сочли бы, что такой ответ продиктован незрелым сознанием, — после некоторого молчания произнесла она.

— Что, приняли бы нас за непослушных детей? — раздраженно спросил он.

— Я не Говорю, что я с ними согласна. Я только сказала, что подумали бы они.

— Так что же нам следует делать?

— Не знаю. Вести себя так, чтобы они считали нас взрослыми. Сопротивляться как-то так, чтобы сопротивление было незаметно.

Том повернул голову на подушке и взглянул на Сьюзен:

— Как ты только все это узнала? Мне он, кроме официальной линии, ничего не сообщал.

— Ты же занимаешь пост того же уровня, что и он. С тобой он должен держаться официально. А я никакой роли не играю.

— А может, ты играешь большую роль, чем я. Может, он с тобой любезничает.

— Да брось ты!

— Кто бы мог подумать, что у меня отобьет жену какая-то картофелина! — задумчиво сказал Том.

Она едва сдержалась, чтобы не ударить его подушкой.

— Знаешь, он в некотором роде философ.

— Сократ-карапуз.

— Скорее Марк Аврелий. Мне кажется, он сам не особенно жаждет здесь находиться. В прошлом с ним что-то случилось, какая-то трагедия, о которой он не хочет говорить. Но вдруг из-за этого он нам сможет посочувствовать? Мы могли бы перетянуть его на свою сторону.

Том поднялся на локте и серьезно посмотрел на нее.

— Господи, как же он с тобой разоткровенничался!

— Да я просто делаю очевидные выводы. К сожалению, я не уверена, что нам удастся чего-то добиться, завоевав его симпатию. Он просто выполняет приказы.

— Боже, даже один друг из рядов ватесунов — это уже достижение. Я бы тебе посоветовал продолжать в том же духе.

— Это приказ, господин мэр?

— Ты моя Мата Хари, — сказал он с простоватой улыбкой, которую она так любила.

Она подвинулась к нему поближе и положила голову ему на плечо. Когда он был рядом, все проблемы казались намного проще.

Следующие несколько недель капитана Гротона никто не видел. Из его офиса по-прежнему передавали информацию, инструкции и распоряжения, но сам капитан никого не принимал — в связи с недомоганием, как сообщали по официальным каналам. Услышав об этом, Сьюзен позвонила в штаб-квартиру ватесунов, беспокоясь, что его организм выдал аллергическую реакцию на тот странный набор блюд, которым он у нее угощался. К ее удивлению, трубку снял сам капитан.

— Не беспокойтесь из-за меня, Сьюзен, — сказал он. — Вы ничем не сможете мне помочь.

— Я вам не верю, — возразила она. — Вы так любите терпеливо переносить трудности, что легко доведете себя до токсического шока, так и не признав, что у вас какие-то проблемы.

— У меня нет никаких проблем.

— Я медсестра, капитан Гротон. Если вы больны, то я должна оказать вам помощь.

В трубке стало загадочно тихо.

— Вы не сможете понять, в чем дело, — сказал он наконец. — Заболевание, которое бывает у ватесунов.

Теперь, когда он признал проблему, она действительно встревожилась.

— Это серьезно? — спросила она.

— Не смертельно, если вы это хотели узнать.

— Могу ли я вас посетить?

— Ваша забота мне очень приятна, но я не нуждаюсь в помощи.

И этим ей пришлось удовлетвориться.

В конце концов первым его увидел Том, а не она. Встретились они на совещании, которое капитан не мог пропустить: там выступали с докладами о том, как идет подготовка к эвакуации.

— У него, должно быть, что-то вроде артрита, — неопределенно отвечал Том на вопросы Сьюзен. — Он хромает и ходит с тросточкой. И еще он стал немного раздражительным.

Полагая, что мужчина мог и не заметить чего-то важного, Сьюзен позвонила Элис Броди, которая тоже побывала на том совещании. Она была весьма склонна помочь Сьюзен.

— Он действительно кажется нездоровым, — сказала Элис. — Но не это меня удивило.

«Ага», — подумала Сьюзен.

— Он стал выше. На несколько дюймов. И у него изменились пропорции тела. Теперь он не кажется таким коротконогим толстячком, ну, ты понимаешь, о чем я. Он выглядит так, как будто очень похудел, но мне кажется, что масса тела у него просто перераспределилась. И кожа у него стала другой — теперь она ровнее и более естественного цвета.

— Что же, по-твоему, с ним происходит?

— Не знаю, черт возьми.

И вот тогда-то Сьюзен и пришла в голову мысль пригласить капитана Гротона на празднование в честь Четвертого июля.[210] Сам по себе факт, что праздник решено было отметить, вызвал неоднозначное отношение, особенно в сложившейся ситуации, но городской совет посчитал, что день, проведенный в легкомысленных развлечениях, поднимет всем настроение. Ватесуны посчитали мероприятие причудливым празднованием лета, совершенно не уловив вкладываемого в него патриотического смысла, поэтому единственное возражение с их стороны сводилось к тому, что толпа может начать бесчинствовать. Когда городские власти согласились запретить в этот день продажу спиртных напитков, оккупанты дали свое согласие.

Кульминацией празднования Четвертого июля в Оканоган-Фоллз всегда был парад, организованный силами любителей, которые начинали готовиться к нему как минимум за три месяца. Всегда проезжала команда операторов бензопил, кабриолет, в котором везли Принцессу Сливочного Масла, оркестр, игравший джаз на платформе открытого грузовика, и разукрашенные экскаваторы и ковшовые погрузчики, использовавшиеся вместо карнавальных платформ. В Висконсине давно сложилась

традиция язвительно насмехаться над самими собой.

Тому было поручено выехать на «форде-Т»,[211] надев шляпу в виде печной трубы, поэтому Сьюзен позвонила командиру ватесунов и пригласила его составить ей компанию.

— Там можно будет увидеть настоящие американские традиции, — сказала она.

Он колебался.

— Мне не хотелось бы провоцировать население. Они могут отнестись к моему присутствию недоброжелательно.

— Если бы вы выехали на карнавальной платформе, то да, возможно. Но если вы смешаетесь с толпой и будете угощаться жаренными на гриле сосисками и лимонадом? Некоторые, возможно, даже будут вам за это признательны. Если же к вам отнесутся не так, как хотелось бы, то я приму меры.

В конце концов он согласился, и они договорились о встрече.

— Не надевайте военную форму, — велела она ему.

Она и представить себе не могла, какую сложную задачу поставила перед ним, пока он не появился перед аптекой Мейера, одетый в нелепый наряд из разнородных предметов одежды, плохо подходивших ему по размеру; казалось, что он набрал это все в секонд-хенде. Однако больше всего поражало то, что он вообще смог это надеть, — в последний раз, когда она видела его, и речи не шло о том, чтобы надеть на него сшитую для людей одежду. А теперь, здороваясь с ним, она заметила, что они стали одного роста, кроме того, у него появился подбородок.

— Вы отлично выглядите, — поторопилась сказать она.

— Вы преувеличиваете, — отозвался он немного обиженным тоном.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Спасибо, уже лучше.

— Только вот ваша одежда. Боже мой.

— Она не соответствует случаю? — встревоженно спросил он. Сьюзен посмотрела по сторонам, на по-летнему небрежно одетых американцев — мужчин в мешковатых футболках и в сандалиях, женщин в едва прикрывавших телеса маечках на бретельках.

— Нет, — сказала она. — Вы не будете выделяться из толпы. Дело только в том, что для человека вашего ранга… — Она схватила его за руку и потащила в аптеку, где направилась к стойке с журналами. Сняв с полки номер «GQ», она сунула журнал ему в руки. — Посмотрите вот это, — сказала она. — Вы поймете, что носят мужчины высшего общества. — Внимательно просмотрев несколько других журналов, Сьюзен нашла образцы костюмов более неформального характера — ткани цвета хаки, в стиле курорта Кейп-Код. — Вот это не так официально, но все же

в хорошем вкусе. Вполне подходит для таких мероприятий, как сегодня, при этом никак не страдает ваша репутация. Он серьезно и вдумчиво рассматривал иллюстрации.

— Благодарю вас, Сьюзен. Вы мне очень помогли.

Она вдруг с тоской подумала, что Том, к сожалению, не принимает ее советы относительно одежды так близко к сердцу.

Они уже шли к кассе, чтобы заплатить за журналы, как вдруг он остановился, посмотрев на полки:

— Для чего нужна вся эта продукция?

— Для ухода за собой, для личной гигиены, — ответила Сьюзен. — Вот этим мы чистим зубы. Мы делаем это дважды в день, чтобы избежать неприятного запаха изо рта и не дать зубам пожелтеть. Вот это используется, чтобы сбрить нежелательные волосы. Мужчины бреются каждый день, иначе волосы снова вырастают.

— Вы хотите сказать, что у всех мужчин на лице растут волосы? — спросил капитан Гротон, слегка ужаснувшись.

— Да. Те, кто не носит бороды, их просто сбривают.

— А для чего нужны вот эти? — поинтересовался он, указав на дезодоранты.

— Мы каждый день наносим это под мышками, чтобы не появлялся неприятный запах.

— Да вы ведете войну с собственным телом, — наконец произнес он.

Сьюзен рассмеялась:

— Да, так вполне может показаться.

Она посмотрела на полки с шампунями, жидкостями для полоскания рта, кремами от прыщей, мылом, средствами для удаления мозолей, а также с другой продукцией, подтверждавшей, что людей их собственное тело во многих отношениях не устраивает.

За прилавком стояла Бет Мейер, и Сьюзен представила ее капитану Гротону. Не в силах скрыть враждебного отношения, Бет все же сказала:

— Надеюсь, что вы о нас кое-что узнаете.

— Ваш магазин мне уже о многом рассказал, миссис Мейер, — вежливо ответил капитан. — Я раньше и не догадывался, что люди подходят к уходу за телом с такой изобретательностью. Надеюсь, что как-нибудь зайду сюда снова.

— Всегда, когда мы открыты, мы не откажем ни одному покупателю.

На улице все готовились к параду, и было ясно, что жители стихийно воспользуются им для того, чтобы выразить свое недовольство. Некоторые из пришедших смотреть парад несли

плакаты с протестами, а на тротуаре один местный предприниматель установил палатку с вывеской «Проколи картошку», где за несколько долларов можно было получить возможность по-садистски помучить печеные картофелины. Наибольшей популярностью пользовался запуск картошки на фейерверке, о чем свидетельствовали фанерные стены палатки, все заляпанные картофельной массой. Приезжий телерепортер брал интервью у владельца этого прибыльного предприятия. Никто ни разу не произнес слово «ватесун», но смысл происходящего был и без этого всем понятен.

В том числе и капитану Гротону. Сьюзен наблюдала за его реакцией.

— Все это безвкусно, — тихо сказала она ватесуну, — но пусть лучше они делают это вот так, чем по-настоящему.

— Можно истолковать это и так, — сказал он с некоторым напряжением в голосе.

Она напомнила себе, что это не ее символические внутренности размазаны по стенам палатки.

И в этот момент его вызвали по радиосвязи. До этого Сьюзен и не замечала, что у него при себе радиопередатчик, скрытый под надетой навыпуск рубашкой.

— Простите, — сказал он и начал говорить по радиосвязи на своем языке.

Сьюзен не понимала слов, но говорил капитан спокойным и профессиональным тоном.

— Ваши солдаты уже приготовились войти в город? — спросила она, когда Гротон закончил разговор.

Мгновение он смотрел на нее, как будто взвешивая, стоит ли солгать или нет, а потом ответил:

— Глупо с нашей стороны было бы не принять мер предосторожности.

Тут ей пришла в голову мысль, что он выполняет функции разведчика и пользуется дружбой с ней, чтобы оценить, какие силы потребуется направить против ее соседей. Поначалу она почувствовала приступ ярости, но он тут же уступил место чувству облегчения: хорошо, что они не прислали кого-нибудь, легче поддающегося на провокации.

— Эй, капитан! — Человек за прилавком в палатке «Проколи картошку» заметил их и, воодушевленный присутствием телевизионной камеры, решил создать фотогеничную сцену. — Не желаете запустить картофельную ракету?

Стоявшие вокруг нервно засмеялись, с любопытством ожидая реакции ватесуна. Сьюзен уже было набрала воздуха в легкие, чтобы выручить его из сложившейся ситуации, но он остановил

ее, положив ладонь ей на руку.

— Я боюсь показаться вам убийцей, — сказал он беззаботным тоном.

Теперь все поняли, что он оценил жестокий подтекст происходящего, но предпочел считать все шуткой, а не провокацией.

— Мы не совершаем никаких убийств, мы разделываемся только с картошкой, — сказал владелец палатки. Это был приземистый, небритый мужчина в замызганной белой футболке. В его шутливой речи слышалась некоторая агрессия. — Прошу вас, я дам вам одну попытку бесплатно.

Капитан Гротон заколебался, а все напряженно ждали, что же он станет делать. Наконец он согласился.

— Хорошо, — сказал он и зашел в палатку. — Но я настаиваю на том, чтобы с меня взяли плату, не предоставляя мне никаких льгот.

Владелец палатки, комедиант-любитель, устроил целое шоу, выбирая картофелину: он подобрал длинную и тонкую, удивительно напоминавшую его посетителя. Потом он предложил на выбор оружие: кувалду, топор, ракету-шутиху, а также другие инструменты пыток.

— Ракету, конечно же, — сказал капитан. — Это же у вас сегодня уже традиция, верно?

— Такая же американская традиция, как и пиво. — Некоторые в толпе были недовольны тем, что ватесуны лишили патриотов права напиться.

Владелец палатки вручил капитану картофелину и шутиху:

— Втыкаем вот сюда. Прямо в задницу. — Когда капитан выполнил инструкцию, владелец положил картофелину в дальнем конце палатки. — Скажите, когда запускать.

Капитан подал сигнал, и владелец палатки поджег шнур. Затаив дыхание, все ждали; картошка, взорвавшись, обрызгала владельцу палатки лицо. Зрители заулюлюкали. Капитан Гротон вышел, любезно махнув рукой, как будто все происшедшее было им заранее запланировано.

— Как у вас все блестяще получилось, — сказала ему Сьюзен, когда они пошли прочь.

— Я мог бы разделаться с клубнем моим собственным оружием, — сказал он, — но мне показалось, что это нарушило бы праздничную атмосферу.

— У вас при себе оружие? — спросила Сьюзен, уставившись на него.

Все знали, как ужасно оружие ватесунов. Он мог бы взорвать и палатку, и всех стоявших вокруг.

Гротон посмотрел на нее уже без всякого юмора:

— Я должен иметь возможность защитить себя.

До начала парада почти не оставалось времени, а Сьюзен почувствовала, что тот, кого она привела с собой, чрезвычайно опасен.

— Давайте найдем где встать, чтобы быть подальше от толпы, — предложила она.

— Вот здесь, — сказал капитан Гротон.

Он уже осмотрел местность и выбрал наиболее подходящую позицию для наблюдения: высокое крыльцо старого многоквартирного дома, где капитан мог встать спиной к кирпичной стене. По ступеням он поднялся немного с трудом, двигаясь так, как будто не привык к сгибающимся коленям.

Оканоган-Фоллз превзошел сам себя. Парад вышел удивительно дерзким, и многие карнавальные платформы несли в себе двойной смысл, как, например, группа под названием «Банджо никуда не поедут», исполнявшая «Не надо меня окружать забором», или платформа с командой школьниц из группы поддержки под транспарантом «Нико-му-у-у не хочется уезжать», одетых в черно-белые костюмы, изображающие коров голштинской породы. А капитана то и дело вызывали по радиосвязи, и он с кем-то говорил сдержанно, командным тоном.

В конце концов никакие военные, кроме того, который стоял возле Сьюзен, на празднике не появились. Когда толпа стала расходиться, Сьюзен заметила, что давно уже от напряжения сжимает кулаки, и порадовалась, что только ей известно о том, как жители рисковали.

— А что будет сейчас? — спросил капитан Гротон.

Она понимала, что его это интересует с военной точки зрения; он уже не притворялся, что пришел поучаствовать в светском мероприятии.

— Теперь все разойдутся в разные стороны, — ответила Сьюзен. — Некоторые пойдут на площадку возле школы, где устраивается благотворительный пикник, но большинство соберется снова только к вечеру, когда начнется фейерверк. Это будет около девяти тридцати или в десять часов.

— Тогда я возвращаюсь на базу, — кивнул Гротон.

— Благодарю вас, капитан, — проговорила Сьюзен, стараясь справиться со смешанными чувствами.

Он серьезно посмотрел на нее:

— Я всего лишь выполняю свой долг.

В тот вечер в новостях по телевидению показали праздник в Оканоган-Фоллз, сравнив его с ситуацией в Ред-Блафф, где был объявлен строжайший комендантский час, фейерверки запретили,

а пустые улицы патрулировали танки ватесунов.

Неделю спустя Сьюзен позвонила капитану Гротону, и трубку взял лейтенант Агуш.

— Он не может с вами поговорить, — безразличным тоном сказал ватесун. — Он умирает.

— Что? — опросила Сьюзен, полагая, что ослышалась.

— Он заразился каким-то человеческим заболеванием.

— Врача вызывали?

— Нет. В этом нет необходимости. Он скоро умрет.

Спустя полчаса Сьюзен уже была в штабе ватесунов, с аптечкой в руке. Когда лейтенант понял, что эта женщина настроена не менее решительно, чем бойцы штурмовых отрядов, он не стал оказывать ей сопротивления, а провел ее в комнату капитана. Он по-прежнему не проявлял никакого беспокойства по поводу близившейся кончины своего командира.

Капитан Гротон понурившись сидел в кресле в своей строгой гостиной, где все же чувствовалась домашняя атмосфера. Внешность его изменилась еще более заметным образом: теперь он был даже по человеческим меркам высок и строен, а черты лица его стали определенно человеческими. При неярком освещении его можно было принять за обычного человека.

За очень несчастного обычного человека. Глаза у него покраснели, лицо было небритым (Сьюзен с удивлением заметила, что у него появились усы и борода), и голос его прозвучал, как хриплое карканье:

— Сьюзен! Я как раз думал, что мне следует поблагодарить вас за вашу доброту перед тем, как я… — Он не договорил, потому что чихнул.

Все ее внимание было по-прежнему поглощено его внешним видом.

— Вы превращаетесь в человека, не правда ли? — спросила она.

— Ваши микробы, судя по всему, так и решили. — Он откашлял слизь. — Я заразился чрезвычайно отвратительной болезнью.

Она поставила свой стул поближе к нему.

— И какие у вас симптомы?

Он покачал головой, явно считая эту тему неуместной для обсуждения:

— Не волнуйтесь за меня. Я готов принять смерть.

— Я спрашиваю вас с профессиональной точки зрения.

— Мое тело как будто растворяется, — неохотно ответил он. — Из всех отверстий течет жидкость. Как я уже сказал, это

отвратительно.

— У вас болит горло? И заложен нос? Вы чихаете и кашляете?

— Да-да.

— Дорогой капитан, то, чем вы болеете, называется простудой.

— Нет! — возразил он. — Мне совершенно тепло.

— Это, наверное, потому, что вас лихорадит. — Она потрогала его лоб. — Да. К счастью, я захватила кое-какие лекарства против этого.

Она достала баночку аспирина, пару антигистаминных препаратов, средства против отеков слизистой и от кашля. На всякий случай она достала и баночку витамина С.

— И вы не боитесь? — неуверенно спросил он.

— Неособенно. У нас эта болезнь обычно проходит сама по себе примерно за неделю. Насчет вас я не уверена, поскольку ваша иммунная система раньше с этим не сталкивалась. Вам следует все мне рассказать, капитан. Стали ли вы человеком в других отношениях, помимо внешности?

— Сколько прошло времени с тех пор? — спросил он в свою очередь.

— С каких пор?

— С того дня, когда я впервые вас увидел. Она постаралась припомнить.

— Около шести недель.

— Значит, трансформация зашла уже далеко. Через три недели меня будет не отличить от вас.

— Это касается и внутренних органов?

— Разницу можно будет выявить только при лабораторном исследовании.

— Тогда вполне безопасно будет лечить вас так, как человека. Но я все же предпочитаю действовать осторожно. — Она осмотрела комнату, надеясь заметить где-нибудь стакан воды. — Где у вас ван… — Но это же было жилище ватесуна, и ванной здесь, конечно же, не было. Теперь она уже знала, что выделения ватесунов имеют форму только твердых катышков без всякого запаха. — Где я могу взять стакан воды?

— Для чего? — На лице его изобразилось легкое отвращение.

— Для того, чтобы вы запили эти таблетки.

— Запил?

— Вы хотите сказать, что до сих пор не принимали никакой жидкости?

— Нам она не требуется…

— О господи. У вас, возможно, еще и обезвоживание организма. Вам, капитан, придется менять некоторые привычки.

Посидите здесь, а мне нужно сбегать в универсам.

В универсаме она купила фруктовые соки, питьевую воду, одноразовые платочки и, после некоторого колебания, туалетную бумагу, хотя ее совсем не радовала перспектива объяснять, зачем ему потребуется этот товар. Кроме того, она купила мыло, мочалку, эликсир для рта, гель для бритья, упаковку бритвенных станков, ведро и умывальник. Нравится ему это или нет, но ему придется учиться.

Ей случалось иметь дело с пациентами, страдающими всякого рода психическими расстройствами, но никогда не приходилось никого учить тому, как быть человеком. Убедив его принять таблетки и выпить бутылку апельсинового сока, она объяснила ему предназначение принесенных ею покупок простым, чисто практическим языком. Она показала ему, как надо сморкаться, и объяснила, как работают у людей кишечник и мочевой пузырь, и рассказала о необходимости мыться мылом и водой. Когда она закончила, вид у него был еще более отчаявшийся, чем до этого.

— Мало кому из ватесунов известно, что вы, люди, скрываете такие телесные дефекты, — сказал он. — Боюсь, я допустил серьезную ошибку, оценивая ситуацию.

— Вы же солдат, — сказала она. — Перестаньте драматизировать происходящее и начинайте решать проблемы.

На мгновение он уставился на нее, пораженный таким командным тоном. Потом, как она могла заметить, он призвал на помощь всю свою решимость, будто готовясь к истязаниям и смерти.

— Вы имеете полное право меня осуждать, — произнес он. — Я сам это выбрал и не имею права жаловаться.

Вскоре антигистаминное средство начало действовать, и он почувствовал сонливость, поэтому Сьюзен уговорила его снова лечь в кровать.

— Вам стоит просто поспать, — сказала она. — Каждые четыре часа принимайте таблетки и каждый раз при пробуждении выпивайте по бутылке жидкости. Если почувствуете напряжение и поймете, что вам необходимо выделить жидкость, то воспользуйтесь ведром. Не терпите, это очень вредно. Утром позвоните мне.

— Вы уже уходите?

Она собиралась уйти, но, увидев безутешное выражение на его лице, передумала. И поняла при этом, что теперь его мимика ей понятна. Она придвинула стул и села.

— Должна заметить, что ваши товарищи не проявляют к вам особого сочувствия.

Несколько мгновений он молчал, уныло уставившись в

потолок.

— Они стыдятся, — наконец признался он.

— Чего? Вас?

— Того, во что я превращаюсь.

— То есть того, что вы становитесь человеком? Значит, они расисты.

— Да. Вам следует понять, Сьюзен, что армия не всегда привлекает лишь самых выдающихся личностей.

Сьюзен догадалась, что то ли действие лекарств, то ли осознание того, что смерть уже не грозит ему, помогли капитану преодолеть его привычную скрытность. Она оказалась в странной ситуации: ей доверяет командир оккупационных войск, неосторожный в силу своего нынешнего состояния. Попытка выведать военные или политические тайны однозначно стала бы нарушением медицинской этики. Но возможно, ей удастся разузнать какие-то сведения личного или культурного характера? Сьюзен однозначно решила для себя: не делать ничего, что может быть ему во вред.

— Я не знала, что вы, ватесуны, обладаете таким… талантом… способностью… к перемене внешности, — осторожно начала она.

— У нас получается это делать только по отношению к сходным с нами видам, — сонным голосом пояснил он. — Мы не были уверены, что ваша раса в достаточной степени с нами сходна. Но выходит, что это так.

— Как же вы это делаете? Он долго молчал.

— Однажды я вам об этом расскажу, — пообещал Гротон. — Эта особенность нам очень помогает приспосабливаться к жизни на других планетах. И на таких, которые еще меньше похожи на нашу, чем Земля.

— Так вы для этого изменили себя? Чтобы лучше приспособиться к условиям?

— Нет. Мне показалось, что это позволит мне лучше выполнить приказы.

Она ждала, что он объяснит подробнее, но, поскольку он этого не сделал, спросила:

— Какие приказы?

— Обеспечить эвакуацию в срок и с минимальными беспорядками. Мне казалось, что если я буду выглядеть как человек, то мне будет проще добиться поддержки местного населения. Я хотел, чтобы вы видели во мне человека. Тогда я еще не знал, с какими проблемами придется столкнуться.

— Мне кажется, вам все равно не удалось бы нас обмануть, — немного скептически заметила Сьюзен. — А у вас еще есть

возможность передумать и вернуть себя в прежнее состояние?

— Нет. Хамелеоноподобные превращения — часть нашего репродуктивного процесса. Тут мы тоже не можем менять принятых решений.

При упоминании о репродукции Сьюзен заговорила о том, о чем так часто задумывалась.

— А почему сюда не прибыли ватесуны-женщины? — спросила она.

Похоже, этот вопрос пробудил в нем сильные эмоции.

— Наши женщины почти всегда умирают при родах, — сдавленным голосом ответил он. — Выживают, как правило, только бездетные, а они у нас редкость. Если бы у нас не рождались так часто двойни и тройни, то нам было бы трудно сохранить численность населения. Мы смотрим, с какой легкостью рожают земные женщины, и завидуем.

— Это не всегда было так, — ответила Сьюзен. — Наши женщины умирали при родах намного чаще. Но для нас это было неприемлемо. И мы совершенствовали нашу медицинскую систему до тех пор, пока не решили эту проблему.

— Для нас это тоже неприемлемо, — тихо сказал Гротон. И тут она догадалась:

— Так вот что случилось с вашей женой?

— Да.

Сьюзен вгляделась в его лицо:

— Мне кажется, вы ее очень любили.

— Да. Слишком любил.

— Вы не можете винить себя в ее смерти.

— А кого мне винить?

— Врачей. Ученых, которые не могут изобрести лекарств. Общество, для которого решение этой проблемы не входит в число приоритетных задач.

Он усмехнулся:

— Ответ полностью в духе человечества.

— Что же, мы-то нашу проблему решили.

Капитан так долго обдумывал ответ, что ей показалось, будто он уснул. Но как раз в тот момент, когда она собралась встать и убедиться в этом, он заговорил:

— Мне кажется, что лучше пройти по жизни мимоходом, не привязываясь ни к хорошему, ни к плохому. Особенно к хорошему, потому что оно всегда уходит от нас.

— Не всегда, — мягко возразила Сьюзен. Гротон посмотрел на нее затуманенным взором:

— Всегда.

И тогда он действительно заснул.

В тот вечер, когда мальчики уже ушли к себе, Сьюзен за бокалом вина все рассказала Тому. От некоторых медицинских подробностей он поморщился.

— Ой. Не повезло бедняге. Все это, похоже, хуже, чем половое созревание, и происходит всего за девять недель.

— Том, ты мог бы оказать ему большую помощь, — сказала Сьюзен. — Есть вещи, которые ты мог бы ему объяснить, как мужчина мужчине, о которых мне не…

— Ах нет, я не могу, — ответил Том. — Об этом не может быть и речи.

— Но есть же некоторые подробности мужской анатомии! — возмутилась она. — Ты что, хочешь, чтобы я его предупредила обо всем этом?

— Ты сделаешь это лучше, чем я, — ответил Том.

— Ты трус, — сказала она.

— Совершенно верно, черт возьми. Послушай, мужчины о таких вещах просто не говорят. Как я, по-твоему, должен завести об этом разговор? И, что самое главное, зачем? Он сам себе это устроил. Это была его военная стратегия. Он даже тебе в этом признался: он намеревался манипулировать нами, чтобы мы помогли им завоевать нас. Не знаю, почему ты ведешь себя так, как будто несешь за него ответственность.

Том был прав. Вглядываясь в вино в своем бокале, она с удивлением наблюдала за собственной реакцией. Она сочувствовала капитану Гротону, как будто он был ее пациентом, а не врагом. Он намеренно манипулировал ее чувствами, и у него это получилось.

«Что же, — подумала она, — в такую игру можно играть и вдвоем».

В то лето никто не лежал на пляже, не ходил на рыбалку, не отправлялся в бейсбольный лагерь. Все разбирали и укладывали вещи, готовились к переезду. Ника и Бена Сьюзен отправила в подвал и на чердак, поручив им задание полегче — упаковывать вещи и укладывать ящики друг на друга, но самая сложная часть переезда целиком легла на ее плечи: ей нужно было принимать решения. Что увезти, что оставить. Это была сложнейшая задача в ее жизни: выбрать среди всего прочего то, что стоило сохранить. Ни одна вещь не была просто самой собой: все они оказывались воспоминаниями, хранившимися в замызганных игрушках, открытках на дни рождения, луковицах садовых цветов, одеялах. Все это были крошечные точечки, из которых, как на полотнах пуантилистов, складывалась картина ее жизни. Ей нужно было как-то отделить себя от места, создавшего ее, утратить свои

корни.

То и дело тем летом происходили грустные церемонии: день, когда начали выкапывать из могил захороненных на городском кладбище; день, когда подъемным краном сняли стоявший в парке памятник солдату Гражданской войны; последняя служба в церкви, после которой демонтировали окна с витражами. Когда увезли мертвых, начало казаться, как ни странно, что призраков в городе стало намного больше.

Протесты так и не прекратились. В Ред-Блафф бунтовали открыто; спрятавшийся снайпер пристрелил трех солдат-ватесунов, и военные начали обыскивать там один дом за другим, чтобы конфисковать у населения оружие. По телевидению показывали митинги протеста в Уолкере, где жители кричали и плакали.

В Оканогган-Фоллз шли переговоры. Горожане добились, чтобы транспортировку трех наиболее значимых исторических зданий оплатили ватесуны, а район вокруг школы после выезда жителей оставался нетронутым. Капитан Гротон согласился даже перенести крайний срок переезда на середину сентября, чтобы фермеры успели собрать урожай; капитаны, распоряжавшиеся эвакуацией Ред-Блафф и Уолкера, пусть и неохотно, но вынуждены были пойти на такую же уступку.

Капитана стали часто видеть в городе: теперь он уже не на лимузине, а на взятом напрокат внедорожнике приезжал наблюдать за работой подрядчиков, встречаться с группами помощи гражданскому населению или просто останавливался пообедать в кафе «У Эрла» и болтал с официанткой. В его внешности уже ничто не говорило о том, что он ватесун; его выдавала только неловкость, с которой он завязывал узел или ловил мяч. Он превратился в высокого, благородной внешности пожилого мужчину с серебристыми волосами, а манеры его были столь же безупречны, как и его костюм. В обществе он держался сдержанно, но иногда его что-нибудь забавляло, и тогда он негромко и сдержанно смеялся. В то же время за его внешностью скрывалась стальная воля.

На него стали обращать внимание местные женщины. Дамы начали подходить к нему и заводить с ним разговор, но они неловко и навязчиво проявляли сердечность, застенчиво посмеивались, тогда как он слушал их внимательно, но возмутительным образом оставался совершенно непроницаемым. Начались разговоры по поводу того, что он еженедельно ужинает у Эбернати, как в присутствии Тома, так и в дни, когда его нет дома. Все обращали внимание, когда Сьюзен отводила капитана в парикмахерскую или когда она отправлялась с ним на машине в

торговый центр города «Ла-Кросс». Ее хорошее настроение начало раздражать других женщин, тогда как раньше они ничего подобного к ней не испытывали; когда она проходила мимо, они провожали ее взглядами.

«Наверное, она поцеловала эту лягушку как следует, потому что он превратился в настоящего принца», — сказала Джуэлл Хоган в салоне красоты, и ее фразу нашли столь остроумной, что стали повторять по всему городу.

У самой же Сьюзен появилась еще одна причина любить свою жизнь в Оканогган-Фоллз, пока она еще не потеряла все это. Она вела игру, придающую ее существованию необычный оттенок, яркие переживания, которых ей прежде не хватало. Ее патриотический долг состоял в том, чтобы, лежа в кровати по утрам, обдумывать, какими еще способами можно было бы углубить отношения с волнующе привлекательным, влиятельным мужчиной, который явно получал удовольствие от ее общества и полагался на ее помощь в некоторых непривычно интимных вопросах. В последний месяц перед тем, как все начало разваливаться на части, жизнь ее стала почти идеальной.

Том, занятый как переездом своего предприятия, так и обязанностями мэра, часто отсутствовал в те вечера, когда приходил ужинать капитан Гротон. Сьюзен знала, какие слухи ходят по этому поводу, — Ник, краснея, рассказал, что мальчишки дразнят его из-за поведения матери, — но не собиралась позволить недалеким людям ей помешать.

— Вот подожди, ты еще увидишь, как нам за это воздастся, — сказала она Нику.

И она подумала, что нужно начать добиваться того, чтобы эти отношения приносили результаты.

К тому времени капитан Гротон волей-неволей был вынужден познакомиться со всеми «церемониальными» блюдами Среднего Запада — такими как запеканка из фасоли, салат «Джелло», колбаски и бобы — и с ритуалами, сопровождавшими такие трапезы. Поэтому Сьюзен было интересно знакомить его с нетривиальной кулинарией. Вкусы у него были менее консервативные, чем у Тома, и он практически всегда расхваливал Сьюзен за ее старания. Однажды вечером, когда Том должен был вернуться поздно, она заказала пиццу для мальчиков, приготовила креветки с диким рисом, кориандром, артишоками и сметаной и добавила самую малость кайенского перца и лимона. Они ужинали в столовой, и вина пили немного больше, чем обычно.

Капитан рассказывал ей, как историк-любитель, работающий на мусорном полигоне, предпринял еще одну из бесчисленных

попыток убедить ватесунов отказаться от осуществления их планов. Он пытался убедить капитана, что под городом располагаются древние постройки, представляющие археологический интерес, кроме того, там зарыт клад. В качестве доказательства историк показывал даже какую-то старую французскую карту и фотографию металлического предмета, на котором были выгравированы загадочные изображения.

Сьюзен, которую вино делало немного легкомысленной, рассмеялась:

— Но вы-то на эту удочку не попались?

Капитан Гротон озадаченно посмотрел на нее:

— Нет, я не падал.

Теперь он уже так хорошо владел английским, что ей почти не случалось употреблять выражения, которых он не знал.

— Это такое выражение — попасться на чью-то удочку. Это значит, что он вас пытался сбить с толку.

— Пытался сбить. То есть я должен был упасть, да?

— Нет-нет, это просто такое выражение. Попасться на удочку означает быть обманутым. С другой стороны, когда мы говорим, что кто-то попался на чью-то удочку, мы имеем в виду, что они испытывают симпатию, влюбились.

Он задумался над этим:

— Так у вас одно и то же выражение обозначает и «быть обманутым», и «влюбиться»?

Она никогда прежде об этом не задумывалась.

— Похоже что так. Возможно, смысл в том, что для того, чтобы влюбиться, нужно строить иллюзии. И мы при этом часто занимаемся самообманом. Но и правды тоже много.

Внезапно она заметила, как серьезно он смотрит на нее; казалось, эта тема уже давно его занимала. Когда их взгляды встретились, она словно ощутила электрический разряд; потом он отвел глаза.

— А что вы имеете в виду, произнося название вашего города, Оканогган-Фоллз,[212] — обман или любовь? — спросил он.

— Любовь, конечно же.

— Но если бы название города значило «обман», вы бы мне об этом не сказали, — произнес он, слегка улыбаясь.

— Я вас не обманываю, капитан, — тихо сказала она. И к ее собственному удивлению, это было правдой.

Мгновение оба молчали. Потом Сьюзен, отбросив салфетку, поднялась из-за стола.

— Пойдемте в сад за домом, — сказала она.

Вслед за нею он пошел в жаркую летнюю ночь. Был конец

августа; в садах по соседству царила тишина, если не считать пения цикад на деревьях и задумчивых вздохов кондиционеров воздуха. Когда они подошли туда, где под деревьями росла высокая трава, капитан остановился, вдыхая наполненный ароматами воздух.

— Чего я не ожидал, когда приготовился стать человеком, это такой кожи, — сказал он. — Она так чувствительна, всегда настороже.

— А вам теперь уже нравится быть человеком? — спросила Сьюзен.

— Одно компенсирует другое, — ответил он, не отводя от нее взгляда.

Разум подсказывал ей, что следует переменить тему и заставить его обсудить общественные дела, но ее сознание переполняли мысли о личном, мешающие ей сосредоточиться. Она была немного пьяна, иначе ни за что не произнесла бы такие слова вслух:

— Черт возьми! Как все это несправедливо. Почему получилось, что такой идеальный мужчина оказывается инопланетянином?

Мужчина человеческой расы воспринял бы это как призыв. Капитан Гротон же заколебался и очень сдержанным, невинным жестом взял ее руки в свои.

— Сьюзен, — сказал он, — я должен кое-что вам объяснить, иначе получится, что я вас обманываю. — Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, а она смотрела на него, пытаясь разгадать причины его застенчивости. Он продолжил: — Эта внешность, которую я принял, не случайна. На моей планете, когда женщина выбирает мужчину, он становится таким, каким она желает. Это и есть хамелеоноподобная функция. Без этого мы давно бы уже вымерли. — Он чуть улыбнулся. — Как я полагаю, природа поняла, что мужчины никогда не смогут быть такими, какими их действительно хотят видеть женщины, если их не будут создавать женщины.

Сьюзен с трудом пыталась понять сказанное.

— Создавать?.. А кто же создал вас?

— Это сделали вы, — признался он.

— Вы хотите сказать…

— Что в день нашей первой встречи вы прикоснулись ко мне. Вот почему мы избегаем контактов с людьми. Достаточно, чтобы к нам прикоснулась подходящая женщина, и начинается реакция. После этого идут активные физиологические процессы. Всякий раз, когда вы прикасались ко мне впоследствии, организм получал биохимические данные, позволяющие проводить

превращение еще более совершенно.

Все эти мучения и потрясения, связанные с межвидовой трансформацией, произошли из-за нее?

— Боже, вы, должно быть, ненавидите меня! — воскликнула она.

— Нет, вовсе нет.

Конечно же нет. Мужчина, идеально ей подходящий, никогда не станет ненавидеть ее. Это противоречило бы цели трансформации.

От этой мысли она почувствовала себя как птица, внезапно налетевшая на оконное стекло.

— Вы хотите сказать, что вы — это все то, что я хочу видеть в мужчине? — переспросила Сьюзен.

— По-видимому, да.

— Я-то думала, что Том как раз тот, кто мне нужен, — слабым голосом сказала она.

— У вас уже есть он, — ответил капитан Гротон, — и другой вам не нужен.

Она внимательно рассматривала его лицо, созданное специально для нее, и видела в нем откровенное признание собственной души. Это лицо не было идеальным или красивым, как у кинозвезд, нет, на нем можно было прочесть следы, оставленные опытом и печалями.

— А ваша личность? — спросила она. — Ее тоже создала я? Он покачал головой.

— Нет, она полностью моя собственная.

— Но ведь это в вас самое лучшее, — заявила Сьюзен.

В тусклом свете ей было не разглядеть его лица, но по голосу ей показалось, что он очень растроган.

— Благодарю вас.

Они вели себя как подростки. Они и были как подростки, охваченные действием неожиданно обрушившихся на них гормонов, подчинившихся императиву эволюции. В то мгновение, когда она это осознала, Сьюзен почувствовала себя потрясенной. Она никогда не собиралась изменять Тому, ни на малейшую долю секунды не думала о таком. И все же сейчас казалось, что она уже все совершила в своем сердце. Она нафантазировала себе любимого мужчину и воплотила мечты в жизнь, сама не подозревая об этом. Он был живым подтверждением того, что в мыслях она оказалась неверна.

— Очень неловкая ситуация, капитан. Что же мы будем делать? — спросила она, стараясь вести себя как взрослая.

— Не знаю, — сказал он. — Возможно…

И в этот самый момент загорелся свет на заднем крыльце, и

они виновато отпрянули друг от друга, как будто их застали врасплох за тем, о чем оба они старались даже не думать.

Том стоял на заднем крыльце и смотрел на них.

— Вот ты и дома! — весело обратилась к нему Сьюзен, надеясь, что в ее голосе не будет слышно того напряжения, которое она ощущала. Она стала подниматься по лужайке к дому, а капитан Гротон последовал за ней. — Ты уже поел?

— Да, — сказал Том. — Я остановился в «Бургер Кинг"[213]в Уолкере.

— Бедняжка. А я как раз собиралась делать кофе. Ты будешь?

— Боюсь, мне пора возвращаться на базу, — сказал капитан Гротон.

— И вы даже не останетесь выпить с нами кофе? — спросила Сьюзен.

— Нет, я только сейчас заметил, который час. — С удрученной улыбкой он добавил: — Теперь я понимаю, отчего вы, люди, всегда опаздываете.

Она проводила его до парадной двери, оставив Тома на кухне. Капитан задержался на ступенях.

— Спасибо, Сьюзен, — сказал он, и она поняла, что капитан имел в виду не ужин.

— Вашим женщинам так повезло, капитан, — тихо ответила она.

— Нет, не повезло, — серьезным тоном возразил Гротон.

— Пусть они и живут недолго, но при этом, готова поспорить, они счастливы.

— Надеюсь, что вы правы. — Он торопливо ушел, будто пытаясь убежать от собственных воспоминаний.

Когда Сьюзен вернулась на кухню, Том спросил ее как бы невзначай, но заранее продуманно:

— Тебе удалось добиться с ним каких-то успехов?

— Нет, — ответила она, — он так верен своему долгу. — И стала разливать кофе. Подавая ему чашку, она впервые за все годы замужества заметила в его глазах беспокойство. Сьюзен поставила чашку и обняла его. — Том, — пылко произнесла она, — я тебя очень-очень люблю!

Он ничего не сказал, только обнял ее отчаянно крепко.

И все же в ту ночь, когда она лежала без сна в постели и слушала знакомое дыхание Тома, в голову ей приходило множество вопросов.

В ее жизни была прореха, о существовании которой она прежде и не подозревала. Теперь, когда Сьюзен это поняла, она не могла уже больше не обращать внимания на эту боль. Она смирилась с тем, что ее жизнь строилась на компромиссах, на

том, что «вполне устроит». И это ее больше не устраивало.

Но она никак не могла получить нечто большее, не причинив боль Тому. От осознания того, что он не является идеально подходящим для нее, она не стала любить его сколько-нибудь меньше. В конце концов, он человек. Его несовершенство — не его вина.

Глядя на скомканное одеяло, под которым спал ее муж, она думала обо всем том, чем обязана ему за эти годы верности и доверия. Ей нужно было каким-то образом отказаться от возможностей, от своего желания, пройти мимо них. Примириться с тем, что у нее есть. Просто потому, что это ее долг.

День переезда был спланирован до мелочей, как и все, что делали ватесуны. Со всего региона в Оканогган-Фоллз прибудут грузовики для переезда, начиная с шести утра. Сделав остановку на базе ватесунов, они въедут в город ровно в восемь и отправятся по указанным им адресам. Время переезда каждой семьи было опубликовано в газете, вывешено в магазинах и вручено горожанам лично по месту жительства. Был и веб-сайт, где каждый мог посмотреть, когда ему полагается выезжать.

Протестующие тоже действовали организованно. Говорилось, что все соберутся в семь утра в парке напротив мэрии. Оттуда они по Мейн-стрит двинутся к месту, где автострада проходила между утесом и рекой, и перегородят дорогу, по которой грузовики будут ехать в город.

Когда Сьюзен и Том остановили машину за зданием мэрии, на парковочном месте, зарезервированном для мэра, уже было ясно, что на марш протеста вышла целая толпа. Местная полиция регулировала движение и следила за правильностью парковки, но больше ни во что не вмешивалась. Вереницы людей, несущих самодельные плакаты, термосы и складные стулья, устремились в парк, как будто на праздник. Какие-то активисты, с которыми Сьюзен была незнакома, пытались разобраться с карманным компьютером.

Когда Том и Сьюзен подошли к парадному входу в мэрию, их увидел Уолт Нодэвей, шеф полиции. Он подошел к ним.

— Здесь действуют профессионалы, не только наши местные, — сказал он. — Возможно, они приехали из Мэдисона.

— У вас достаточно людей? — спросил Том.

— Если все будут вести себя мирно, то да.

— Офицеры не будут вмешиваться?

— Да-да, не будут. — Накануне вечером они все подробно обсудили.

Подошел репортер, неместный.

— Мэр Эбернати, вы прибыли сюда, чтобы поддержать протестующих? — спросил он.

— Все имеют право выражать свое мнение, — ответил Том. — Я поддерживаю это их право, независимо от того, согласен я с ними или нет.

— Но вы все же согласны с теми, кто выражает протест против переселения?

Сьюзен учила его, что не следует отвечать «Без комментариев», и сейчас она понимала, что именно это ему хотелось бы сказать.

— Людям трудно. Они хотят защитить свои дома. Я понимаю, что они чувствуют.

Сьюзен сжала его руку, чтобы придать ему решимости.

Начали подъезжать члены городского совета; они вставали на крыльце возле Тома, вполголоса беседуя и наблюдая за собиравшейся толпой. Как и можно было предугадать, акция протеста началась с опозданием: только в семь тридцать заработал громкоговоритель и кто-то запел «Мы не переедем», и песню хором подхватили. Люди уже начинали выстраиваться в колонны, чтобы отправиться маршем к автостраде, когда с противоположной стороны подъехал знакомый черный внедорожник; он быстро обогнул полицейские баррикады и затормозил перед мэрией. Ехавший за внедорожником фургон остановился на краю парка.

Капитан Гротон вышел из машины, и за ним последовали трое охранников-ватесунов, которые рядом со своим стройным командиром выглядели еще более пузатыми. Все были в униформах песочного цвета. Капитан бросил взгляд в сторону парка, где люди только начали понимать, что противоположная сторона уже прибыла, а потом повернулся и стал подниматься по ступеням. Подойдя к Тому, он сказал низким, властным голосом:

— На пару слов, мэр Эбернати. Пройдемте в здание. — Он повернулся к членам городского совета. — И вы тоже.

И стал дальше подниматься по ступеням к входу. Остальные последовали за ним.

Несколько наблюдателей успели просочиться внутрь до того, как охранники-ватесуны закрыли двери. Среди них была Сьюзен. Вместе с остальными случайными свидетелями она встала в дальнем конце зала, а капитан Гротон обратился к руководству города.

Никогда прежде они не видели его по-настоящему рассерженным, и это зрелище могло напугать. В нем чувствовалось холодное напряжение, самообладание, натянутое

до предела.

— Я вынужден возложить на всех вас ответственность за поведение собравшихся возле здания, — сказал он. — Они должны немедленно разойтись по домам и не мешать проведению текущей операции. — Он повернулся к Тому. — Я предпочел бы, чтобы приказ исходил от вас, господин мэр.

— Я не могу отдать им такой приказ, — возразил Том. — Во-первых, потому, что я с ним не согласен. Во-вторых, они ему не подчинятся, что бы я им ни говорил. Я им не командир, а всего лишь мэр. Они избрали меня, они же могут и снять меня с должности.

— В вашем распоряжении имеется полиция.

— Только Уолт и три офицера. Они не смогут выступить против целого города. Там собралось, пожалуй, человек четыреста.

— Что же, тогда учтите вот что, — сказал капитан Гротон. — В моем распоряжении силы имеются. Двести вооруженных солдат. Десять минут назад они начали оцеплять парк. Они ждут лишь моего приказа, готовые войти в парк и арестовать тех, кто не подчинится. У нас есть возможность надежно охранять задержанных. Решение за вами, господин мэр.

Такой жесткой тактики они как-то не ожидали.

— Среди собравшихся там есть дети и пожилые люди, — запротестовал Том. — Вы не можете отправить солдат грубо разобраться с ними. Они лишь выражают свою точку зрения.

— У них было три месяца, чтобы выразить свою точку зрения. А теперь время, когда это можно было делать, прошло.

— Время для этого никогда не пройдет, — предупредил Том. На мгновение их взгляды встретились, и тогда капитан Гротон заговорил другим тоном.

— Совершенно не понимаю, — сказал он. — Вы с самого начала знали, для чего мы здесь находимся. Я никогда вам не лгал и ничего не скрывал. Я делал все, что было в моих силах, чтобы вы были довольны. Я пошел на компромисс до такой степени, что мое руководство уже усомнилось в правильности моих решений. А вы все же мне открыто демонстрируете неповиновение.

— Дело не в вас, капитан, — сказал Том уже примирительно. — Вы очень хорошо относились к нам, и мы за это благодарны. Но речь идет о чем-то большем. О справедливости.

— О справедливости! — Капитан Гротон взмахнул рукой в отчаянии. — Значит, о фантазиях. О том, чего никогда не было и никогда не будет. Скажите мне: землетрясение вы тоже называете

несправедливым, а против бури идете с маршем протеста?

— Землетрясения и бури не отвечают за свои действия. У них нет ни сердца, ни совести.

— Ну, если это поможет вас примирить с происходящим, считайте, что у нас тоже нет.

— Я знаю, что это не так, — спокойно глядя на него, заметил Том.

На мгновение капитан Гротон замолчал, как будто признавая правоту этих слов. Но потом на его лице появилось суровое выражение.

— Значит, я ввел вас в заблуждение, — сказал он. — Мы неумолимы, как природная стихия. Беспристрастны и неизбежны. Ни ваши пожелания, ни мои, ни всех собравшихся там людей не могут ни в малейшей степени повлиять на исход событий.

Снаружи, вокруг крыльца, собралась толпа, и теперь они уже скандировали: «Сплоченный народ никогда не победят!» На мгновение в зале только и было слышно что их голоса.

— Покажите, что вы — лидер, Том, — тихо посоветовал капитан Гротон. — Предостерегите их, внушите им, что нужно уйти и спастись. Я могу дать вам десять минут на то, чтобы их убедить, а потом я вынужден буду отдать приказ. Мне жаль, но это мой долг.

Том уставился на него, злясь из-за предательства; то, что враг предлагал ему сотрудничать, вызывало у него ярость. Капитан Гротон встретил его взгляд спокойно, не отводя глаз. Тогда Том на мгновение взглянул на Сьюзен. Это произошло быстро, почти непроизвольно, но все присутствовавшие в зале заметили. И они поняли, что речь идет о чем-то большем, чем принципы.

Том выпрямился в полный рост, было видно, как он напряжен. В другой ситуации он посовещался бы с городским советом, но сейчас он просто повернулся и направился к двери. Когда он проходил мимо Сьюзен, она присоединилась к нему. Наблюдавшие расступились. Никто не знал, что собирается делать Том.

Охранники-ватесуны, не подпускавшие толпу к дверям, отошли в сторону, когда на ступени вышел Том. Он поднял руки, и скандирование стихло.

— Послушайте меня, все, — начал он, но голос его было плохо слышно. Он махнул рукой женщине, державшей в руках портативный громкоговоритель, и она взбежала по ступеням и дала ему микрофон. — Послушайте меня, все, — снова обратился он. Толпа замолчала, глядя на его мрачное лицо. — Солдаты-ватесуны окружили нас, и через десять минут начнутся аресты.

Толпа зашевелилась, охваченная протестом и тревогой.

— Они блефуют! — выкрикнул кто-то.

— Нет, — возразил Том. — Я уже хорошо знаком с этим капитаном. Он говорит совершенно серьезно. Теперь, если кто-то хочет, чтобы вас арестовали, избили и бросили в ватесунскую тюрьму, это ваше дело. Но всех остальных я прошу разойтись по домам. Возьмите своих детей и уходите. Я не хочу, чтобы вы пострадали. Вы знаете, что они на такое способны.

Некоторые из стоявших с краю толпы уже начали уходить, но большая часть собравшихся застыла на месте, разочарованно глядя на Тома, будто ожидая от него чего-то иного.

— Послушайте, мы же сделали все от нас зависящее, — сказал он. — Мы убедили их предоставить нам такие возможности, на которые и не рассчитывали. Мы тянули сколько могли. Но теперь наступил момент, когда они больше не пойдут на уступки. Теперь наша очередь смириться. Мы больше ничего не можем сделать. Пожалуйста, расходитесь по домам. Я сейчас сделаю то же самое.

Он отдал микрофон женщине и стал спускаться по ступеням. Сьюзен взяла его за руку и пошла вместе с ним. Дух решимости, царивший вокруг, как-то выдохся, исчез, и толпа начала расходиться. Один из приехавших из Мэдисона организаторов протеста попытался вновь раззадорить всех, но ничего не получилось. Люди пошли прочь, почти безмолвно и не глядя друг на друга.

Посреди парка Сьюзен прошептала Тому:

— Наша машина с другой стороны.

— Знаю, — ответил Том. — Я вернусь за ней попозже.

Она поняла, зачем он это делает, люди видят символическую картину, как мэр с женой уходят домой, и сейчас это самое важное.

«Не оглядывайся», — сказала она сама себе. Иначе покажется, что она колеблется, о чем-то сожалеет. И все же ей так хотелось. Дойдя до выхода из парка, она не выдержала и взглянула через плечо. Лужайка почти опустела, если не считать маленькой кучки самых упрямых, которые уже зашагали в сторону автострады, чтобы преградить путь грузовикам. На крыльце мэрии в одиночестве стоял капитан Гротон. Но он не разглядывал парк и не наблюдал за оставшимися демонстрантами. Он смотрел ей вслед. Сьюзен увидела его, и ее охватили самые разные мысли, а потом — ошеломляющее огорчение, и она чуть не споткнулась.

— Что случилось? — спросил Том.

— Ничего, — ответила она. — Все в порядке.

К вечеру второго дня в Оканогган-Фоллз все было кончено.

В Ред-Блафф произошло восстание; армия ватесунов все еще преодолевала сопротивление, которое ей оказывали в каждом доме. В Уолкере солдаты загнали неподчинявшихся жителей в тесные ограждения, и в конце концов все тоже закончилось бунтом; сообщалось о новых и новых жертвах. Только в Оканогган-Фоллз все прошло спокойно и мирно.

Фургон с вещами только что отъехал от дома Эбернати; Том и Ник последовали за ним на пикапе, а Сьюзен напоследок зашла в дом, чтобы пройти и посмотреть, не забыли ли они что-нибудь; и тут у нее зазвонил сотовый телефон. Решив, что это Том, она не стала смотреть на номер и сразу ответила.

— Сьюзен.

Она не думала, что снова услышит этот голос. Все решения уже были приняты, история закончилась. Ватесуны победили. Оканогган сдался врагам.

— Не могли бы мы с вами встретиться на пять минут? — спросил он.

Она хотела было отказаться, но ощутила укол огорчения и поняла, что между ними все еще существует какая-то связь.

— Не здесь, — ответила она.

— Где?

— На Мейн-стрит.

Бен был в саду; он взволнованно прощался с единственным в его жизни домом. Сьюзен выглянула с заднего крыльца и окликнула его:

— Мне нужно на секундочку сбегать в город. Я вернусь за тобой через десять минут.

В центре города с наступлением вечера автоматически включились фонари, и их свет придавал меланхоличности безлюдным улицам. Витрины магазинов были пусты, а к стеклам приклеены надписи «Закрыто. Навсегда». Сьюзен припарковала машину; из живых существ на улице были только копавшаяся в мусоре ворона и капитан Гротон, ныне единственный глава города-призрака.

Сначала они молчали. Бок о бок пошли они по знакомой улице. В аптеке Мейера были пусты те полки, где Сьюзен когда-то выбирала ему журнал. Они подошли к тому месту, с которого смотрели парад четвертого июля, и капитан Гротон протянул руку и коснулся теплого кирпича.

— Я никогда не забуду этих людей, — сказал он. — Возможно, я обманывал себя, но под конец я начал чувствовать себя среди них как дома. Возможно, будь у меня больше времени, я нашел бы здесь свое счастье.

— Это не помешало вам все разрушить, — напомнила

Сьюзен.

— Не помешало. Я привык разрушать то, что люблю. Если бы в его голосе послышалась жалость к себе, ее это разозлило бы, но он просто констатировал факт.

— Куда вы отправитесь теперь? — спросила она. Он заколебался с ответом:

— Мне нужно урегулировать некоторые разногласия, связанные с этим заданием.

Позади них хлопнула дверца автомобиля, и капитан Гротон бросил напряженный взгляд через плечо. Посмотрев в ту сторону, Сьюзен увидела, что из припаркованного военного транспортера вышел ватесун в черной униформе и стоял там, скрестив руки; он пристально смотрел на нее и капитана.

— Ваш шофер уже беспокоится.

— Это не шофер. Это охранник. Я под арестом. Сьюзен была потрясена.

— За что?

Он сделал жест, означавший: «не стоит об этом».

— Мое руководство недовольно стратегией, которую я применил при выполнении задачи.

Она догадалась, что имелось в виду неприменение силы.

— Вы хотите сказать… — Она указала на его человеческое тело.

— Да. Они решили, что им следует подойти к делу серьезно и отправить меня под трибунал.

Сьюзен поняла, что именно это он и хотел ей сообщить.

— Но вы же успешно провели операцию! — воскликнула она. Он иронично улыбнулся:

— Можно сказать, что так. Но тут затронут принцип, который имеет более важное значение. Они считают, что превращаться в тех, кого мы завоевываем, слишком рискованно. Это столько раз случалось в нашей истории.

— С нами это в некотором роде тоже происходит, — ответила Сьюзен. — Мне кажется, что ваше руководство пытается противостоять универсальному закону, которому подчиняется любое завоевание.

— Как бы то ни было, они представили себе будущее, в котором дети-ватесуны играют на школьных дворах таких городов, как этот, и их никак не отличить от людей.

Сьюзен тоже представила эту картину:

— Разве это было бы плохо?

— По-моему, нет, — ответил он.

— По-моему, тоже нет.

Наконец охранник не выдержал и направился к ним. Сьюзен

крепко взяла капитана за руку.

— Мне так жаль, что вас накажут за нарушение этого табу.

— Я с самого начала знал, что рискую, — ответил он, сжав ее руку. — Но все же… — В его голосе удивительным образом перемешались решительность ватесуна и негодование человека. — Это несправедливо.

И вот тогда Сьюзен поняла, что, несмотря на внешнюю сторону происходящего, она все же одержала победу.

Джон Барнс
Призраки [214]

Корабль был построен по меньшей мере четырнадцать тысяч лет назад по обычному времени, то есть более двух тысяч лет назад по корабельному. Однако в бортовых журналах имелись пробелы, а самые старые записи невозможно было прочесть на современном оборудовании, так что экипаж полагал, что судну, скорее, восемнадцать тысяч лет по обычному времени, или три с половиной тысячи по корабельному. За свою жизнь он носил множество имен. Сейчас он назывался «9743», и это название легко понимали диспетчеры любой заселенной людьми планеты.

В последние два века корабельного времени общение экипажа с большинством портов полностью сводилось к математическим формулам. Проводя корабль к причалу, устройства искусственного интеллекта болтали о физике и астрономии, затем — о ценах, количестве товара и адресах, а члены экипажа, несмотря на все свои усилия, не понимали ни слова из местного языка, разве что изредка догадывались о значении некоторых слов. Вероятно, первое слово в разговоре означало «привет», последнее — что-то вроде «до свидания», а в промежутке астронавты улавливали эквиваленты выражений «могу ли я?» и «благодарю».

Это не оказывало заметного влияния на работу корабля; к тому же в математических мирах не было ничего интересного; по крайней мере, они ничего не смогли бы добавить в судовую библиотеку. Где-то вдалеке маячила тревожная перспектива того, что математические миры вскоре начнут отклонять визиты кораблей и через какое-то время прекратят сношения с другими планетами. Но, как ни странно, после интервала длиной в несколько веков некоторые из этих чудных планет снова выходили на связь и призывали к себе корабли.

В этот вечер перед экипажем встала проблема, гораздо более насущная, чем пополнение развлекательной библиотеки, и гораздо более важная, чем постепенная изоляция планет. Астронавты нуждались в новом члене экипажа, и сегодня они устроили роскошный ужин, с настоящей пищей, вином и гравитацией, чтобы обсудить, где же раздобыть пополнение.

Для нормальной работы «9743» требовался экипаж из четырех человек. Но люди нужны были не всегда, а только при входе в систему, выходе из нее (таковы были законы космоса) и для совещаний. Эти собрания, посвященные вопросам бизнеса и

навигации, проводились всякий раз, когда цены в пункте назначения сильно изменялись по сравнению с предполагаемыми и требовалось скорректировать курс. Обычно во время совещания люди управляли кораблем в течение половины вахты. Тем не менее иногда движение около какой-нибудь звезды оказывалось таким плотным, что экипажу приходилось дежурить, пока корабль не удалялся на расстояние светового дня от планеты. В этом случае астронавты «9743» находились в обзорном куполе более одной вахты.

Таким образом, на тот редкий случай, когда потребовалось бы дежурить две вахты подряд, на корабле обычно летели восемь человек. Артур и Флокс были женаты и являлись капитаном и первым помощником; Деби и Йоко, две помощницы физика, делили просторные апартаменты со своим шефом Сквайром; Питер, астроном, был слишком замкнутым, чтобы спать с кем-то или даже поговорить лишний раз, но считался хорошим работником. С ним приятно было посидеть рядом, выговориться. На борту также находился Мтепик, математик, чья жена и помощница, Садден Кроу, умерла два года назад по корабельному времени.

В обычном времени с тех пор прошло десять с половиной лет, но у астронавтов была поговорка: «Никто не живет в обычном времени». Под словом «никто» подразумевались обитатели корабля.

Артур и Флокс решили, что Мтепик слишком стар для второй женитьбы, однако он удивил их, заявив, что у него впереди, возможно, еще двадцать лет по корабельному времени и он не хочет провести их в одиночестве.

Оставалось только одно возможное решение проблемы. Им придется купить раба. Такие вещи не поощрялись, но и не запрещались — на самом деле покупка раба являлась самым обычным делом. Деби, Питер, Садден Кроу и Артур сами когда-то были рабами. По крайней мере Деби и Артур искренне считали, что освободить невольника — поступок хоть и сомнительный с общепринятой точки зрения, но по отношению к рабу всегда гуманный.

Остальные были приняты на корабль детьми, росли на нем до четырех-пяти лет, затем были отправлены во внешний мир, на учебный корабль, и вновь присоединились к экипажу, став взрослыми. Все семеро, и свободнорожденные, и бывшие рабы, согласились, что лучше с самого начала воспитывать будущего астронавта на корабле.

Они не собирались никого брать на борт, но неожиданно Садден Кроу умерла в возрасте пятидесяти одного года от

ожирения, недостатка кальция в организме и атрофии сердечной мышцы, вызванной жизнью в невесомости. «9743» находился по меньшей мере в двух годах полета от мест, где можно было раздобыть свободнорожденного младенца. Им пришлось бы усыновить ребенка и растить его до четырех или пяти лет — долгий срок для экипажа грузового корабля. Ведь астронавты не очень любят общение с себе подобными, а ребенок требует постоянного внимания.

Им предстояло терпеть неудобства в течение нескольких рейсов — сначала до мира, где можно было найти свободных детей-сирот, затем до планет-близнецов (это были две населенные системы, находившиеся на расстоянии шести-семи световых лет друг от друга, на орбите одной из которых курсировал учебный корабль). До планет-близнецов придется лететь четыре-пять лет, то есть двадцать пять — двадцать семь световых лет при скорости 98,2 % от световой, которой обычно следовал «9743».

У двух планет «9743» должен будет передать ребенка на учебный корабль, совершить несколько коротких рейсов, затем вернуться и забрать привезенного когда-то ребенка, превратившегося в тинейджера — члена экипажа. Таким образом, пройдет не один год, а доходы корабля в это время будут неуклонно падать.

Они могли бы позволить себе это, но ближайшей парой звезд были Солнце и альфа Центавра, а система, в которой продавались дети, находилась от них на расстоянии почти пяти лет полета. Таким образом, придется ждать еще семнадцать лет, прежде чем подросший член экипажа вернется на борт и сможет составить компанию Мтепику.

Мтепику исполнился восемьдесят один год, и в случае его смерти у них вообще не останется математика. Флокс и Деби, изучавшим математику в качестве дополнительного предмета, придется заменить его, и экипаж вынужден будет довольствоваться не слишком образованными и менее способными работниками.

А кроме того, перспектива усыновления и обучения свободнорожденного ребенка выглядела удручающе — длительные рейсы и низкие прибыли. Да, конечно, раб — это выгоднее. И для раба это будет не самая худшая жизнь, уверяли они друг друга.

До рынка рабов на Тогмарче, крупнейшей населенной планете в системе Бейтидри, было всего шесть световых лет пути, а что касается торговли, то это путешествие не должно было принести им особых убытков. По крайней мере эти убытки

корпорация «9763» могла стерпеть легче, и все это обошлось бы гораздо дешевле, чем присутствие впавшего в депрессию математика на борту. Медицинский робот на 94,4 % был уверен, что Мтепик находится в депрессии. А кроме того, Мтепик и сам говорил об этом и считал, что депрессия — следствие одиночества. Робот заключил с вероятностью 78;5 %, что новый ученик математика поможет Мтепику прийти в себя, но команда была уверена, что вероятность выше — медицинские роботы ненавидят предсказывать что-либо относительно существ из плоти и крови.

У «9743» осталось некоторое количество лишнего топлива, и они могли бы, с легкостью поддерживая скорость 98,65 % от скорости света, достичь Тогмарча меньше чем за год. Если послать радиограмму немедленно, то она прибудет на Тогмарч почти на семь недель раньше самого корабля, так что покупатели и продавцы успеют подготовиться, а работорговцы выстроятся в очередь, желая продать им ученика математика со склонностью к жизни на космическом корабле.

— А все рабы, купленные «Девять тысяч семьсот сорок третьим», были благодарны за возможность остаться здесь после освобождения, — произнес Артур, завершая свою длинную неторопливую речь, начатую во время закусок и законченную, когда пили вино после десерта. — Жизнь здесь неизмеримо лучше той, которая ждет их там, на планете.

Артур обожал разъяснять вещи, понятные всем и каждому, что было весьма характерно. Как известно, капитаны тратят уйму времени на ненужные разговоры.

Все астронавты так изъясняются, для них говорить — это серьезное дело, это их отличительная черта. Они любят долгие, задушевные, обстоятельные беседы. Они приобретают привычку слушать вещи, слышанные множество раз, которые уже знают наизусть, просто чтобы сделать приятное рассказчику, испытывающему потребность выговориться. Поэтому, чтобы не надоесть друг другу, большинство астронавтов открывают рот очень редко, в основном на формальных мероприятиях.

— Дело в том, — начал Питер, и все вздрогнули от неожиданности — он очень редко вступал в разговор, — что мы даем им чувство собственного достоинства и личное пространство. — Он имел в виду рабов, хотя слова эти могли относиться к любому члену экипажа. — И к концу первого рейса они больше не скучают по дому. В любом случае их родина уже так далеко, что вернуться туда едва ли возможно. — Он выпил бокал охлажденного белого вина. Астронавты оставили корабль на автоматическом управлении на лишний час, чтобы поужинать

в общем зале: вопрос требовал серьезного обсуждения. При скорости 98,1 % от скорости света и перспективе изменения курса несколько часов дополнительного ускорения мало что значили. — Я — за, — сказал Питер.

— Мы еще не голосуем, — немного суетливо поправила его Деби — она все делала суетливо.

Сквайр похлопал ее по плечу: это не сдерживало ее суетливость, но нравилось обоим.

— Мы понимаем, что он имеет в виду. До сих пор подобные вещи работали. Мы найдем подростка с большими способностями к математике и отсутствием личных привязанностей. Рабовладельцы жестоки; мы просто безразличны. Если она не слишком привыкла к любви и вниманию, она может даже решить, что мы добры. Тебе ведь нужна девушка, верно, Мтепик?

— Да, девушка.

Сквайр махнул рукой с видом человека, который предпочел бы чурбан:

— Во всяком случае жизнь на корабле лучше, чем побои, плохое обращение и вечные придирки. Немного уважения и чувства собственного достоинства часто творят чудеса.

Флокс кивнула, а когда она кивала, люди понимали, что голосование уже закончено и предложение одобрено. Все, даже Артур, говорили, что после его смерти она станет лучшим капитаном. Она сложила ладони домиком перед собой, снова кивнула и произнесла:

— Когда мы освободим ее, она захочет остаться с нами. Они все так делают. Таким образом, мы получим новую помощницу математика, которая в конце концов может стать нашим математиком. Это не так гуманно, как усыновление свободнорожденного младенца и воспитание его на учебном корабле в качестве свободного члена экипажа, и не так легко, как обмен с другим кораблем, если бы такой корабль нашелся. Но это в достаточной мере гуманна и в достаточной мере выполнимо. Так что мы приступим к реализации нашего плана. А теперь мы можем еще несколько часов обсуждать этот вопрос.

Все закивали: астронавты всегда непосредственны и часто намеренно откладывают решение важных вопросов. Они хотят заранее знать, к чему приведет то или иное новшество, — ведь в их жизни так мало нового.

В досье Зрины Мтепик прочел, что молодая женщина была дочерью фермера с Тогмарча и, когда ей исполнилось два года, обанкротившиеся родители продали ее в рабство. В ее характеристике говорилось, что она обладает высоким

интеллектуальным потенциалом, но с трудом общается с людьми, поэтому на Тогмарче она ценилась мало. Торговец предназначал Зрину для места, где требовалась способность долгое время терпеть унижения, — либо для аристократа, любившего жестокое обращение с женщинами, либо для дома, где хвастались богатством, используя для мытья полов и чистки уборных живых людей вместо роботов.

Мтепик, как тот, кому предстояло жить и работать с этой девушкой, а также как самый чуткий человек на корабле (по последним оценкам медицинских роботов), был отправлен на планету, чтобы решить, стоит ли покупать Зрину. Сидя в воздушном резервуаре среди систем жизнеобеспечения, он думал, что купит ее в любом случае, чтобы поскорее избавиться от этой силы тяжести.

Его старые кости были источены жизнью в невесомости. Несмотря на худобу и удерживающие ремни, гравитация была все же слишком сильна.

Зрина изъяснялась на языке с неопределенной грамматикой и многочисленными алтайскими и семитскими корнями, так что автоматический переводчик работал вполне сносно. Похоже было, что, оказавшись на борту, с ее способностями она без труда выучит язык астронавтов. Мтепик подумал, что голос ее удивительно мелодичен для такого испуганного и несчастного существа. Кратко объяснив, что произойдет после того, как «9743» купит девушку, и убедившись, что переводчик донес это до нее, он спросил:

— Итак, ты хочешь, чтобы мы купили тебя?

Зрина ответила негромкой трелью, произнесенной приятным сопрано. Переводчик выдал:

— Вещь еще не поняла, есть ли у нее выбор относительно обсуждаемого вопроса, мой господин.

— Официально выбора нет. Неофициально могу сказать, что мы противники работорговли; «Девять тысяч семьсот сорок третий» никогда не перевозил и не будет перевозить рабов. Как тебе, вероятно, известно, планеты, на которых существует рабство, требуют от кораблей, перевозящих невольников, выполнения кодекса Каркха. По закону мы можем освободить тебя только после тридцати лет безупречной службы. Но кодекс Каркха действует в обычном времени; по корабельному времени, в котором мы живем, ты останешься рабыней не более семи лет, а возможно, и меньше. И, насколько это возможно в пределах кодекса Каркха, ты будешь рабыней лишь по закону. Мы станем относиться к тебе как к свободной женщине.

Мтепик вынужден был повторить это несколько раз, и они

снова и снова возвращались к этому вопросу, пока он не убедился, что Зрина понимает условия сделки.

— Но мой господин по-прежнему описывает все так, то есть, простите, придает этому такой оттенок, словно вещь может выбирать, а вещь не приучена делать выбор там, где это имеет право делать только господин.

Он принялся объяснять ей все заново, заставляя себя терпеть тупое равнодушие переводчика, вполне нормальное для робота.

Первым, самым важным предложением, которое произнес Мтепик, было:

— Если ты попросишь нас не покупать тебя, мы купим кого-нибудь другого.

Затем — возможно, это имело для нее значение, даже если ей не позволяли так думать, — он потратил какое-то время на дальнейшее объяснение:

— Когда ты окажешься на борту, тебе придется делить со мной постель — в моем возрасте требования минимальны, в основном я просто страдаю от одиночества. Остальные члены экипажа едва ли потребуют от тебя секса — им это не нужно, но, если это случится, тебе придется согласиться. Согласно кодексу Каркха, наш компьютер должен подтвердить это при твоем освобождении.

Девушка, по-видимому, приняла это весьма легко, и Мтепик не хотел заставлять ее думать, что это камень преткновения. Он продолжал объяснять:

— Тебя берут на борт не в качестве женщины для постели. Твоей основной задачей будет изучить математику в достаточной мере и стать моей помощницей до того, как мы прибудем в порт, где сможем на законном основании освободить тебя. Потом ты легко сможешь сменить корабль или сойти на какую-нибудь планету, а оттуда снова отправиться в полет. В этом порту ты сможешь покинуть нас, если захочешь, или остаться членом экипажа и акционером. — Объяснить это было гораздо легче, так как робот был создан для перевода подобных предложений. Затем Мтепик вернулся к основному вопросу, и на этот раз дело, казалось, пошло быстрее. — Если ты попросишь нас не покупать тебя, мы купим кого-нибудь другого. Мы не хотим брать тебя на борт насильно.

— Вещи запрещено рассуждать, хочет ли она или не хочет того, что угодно ее господину, и я не знаю, как будет чувствовать себя вещь, если ей позволят судить об этом, мой господин. — Сказав это, она улыбнулась, возможно, чтобы дать ему понять, что она умеет говорить лишь формулами или что переводчик облекает ее слова в формулы, но она принимает его предложение.

А может быть, что-то во всей этой ситуации затронуло ее чувство юмора? Во всяком случае эта улыбка ему понравилась.

Мтепик глубоко вздохнул и приказал тысячам механических пальцев выпрямить его, а нейростимуляторам — обострить его восприятие и облегчить боль.

У Зрины была смуглая кожа; работорговцы с помощью генной инженерии сделали ее волосы почти абсолютно белыми; она обладала длинным тонким носом и совершенными по форме подбородком и зубами. Глаза были темными, миндалевидными. Он подумал, что всего двадцать лет назад почувствовал бы к ней физическое влечение. А сейчас, когда ему исполнилось восемьдесят три, его привлекало то, что он ощущал за ничего не значащими словами переводчика. Она не хотела ничего преувеличивать и ничего обещать. Очевидно, она имела свое мнение и пыталась его выразить.

Мтепик описал ее будущее под другим углом, просто чтобы убедиться, что она все поняла.

— Мы считаем, на основании твоей психологической характеристики, что ты подходишь для жизни на корабле, и, как только мы покинем этот док, ты будешь жить с нами в качестве равноправного члена экипажа. — Более прямо уже нельзя было сказать.

— Если вещи дозволено будет спросить, похожа ли жизнь команды на жизнь свободных людей?

— Ты всегда можешь получить свою долю и сойти в следующем порту. Разумеется, до прибытия в порт тебе придется находиться на корабле. Если же ты решишь покинуть корабль, уже побывав в нескольких рейсах, то тебе необходимо будет некоторое время провести в больнице для реабилитации. Это в том случае, если ты захочешь постоянно жить на какой-либо планете. — Разговор напомнил Мтепику о том, как болезненна высокая гравитация, так что он решил ускорить переговоры. Он надеялся, что правильно понял эту странную улыбку, чудом возникшую на лице, отмеченном убийственной печатью рабства. — Я хотел бы, чтобы ты полетела с нами, — произнес он. — Я прошу тебя об этом. Я мог бы купить тебя и заставить. Но я предпочитаю, чтобы ты согласилась сама. — И, соображая, что бы еще предложить ей, он сказал: — Как только ты окажешься на корабле, моим первым приказанием будет следующее: перестань говорить людям «мой господин» и обращайся с нами как с равными.

Она ухмыльнулась, словно готова была вот-вот рассмеяться.

— В таком случае, если это доставит удовольствие господину, вещь желает, чтобы господин купил ее, мой господин.

Мтепик был абсолютно уверен, что она сказала совсем не это, но, во всяком случае, это означало согласие. Он не потрудился скрыть вздох облегчения.

Несколько часов спустя, на обеде в честь появления Зрины на «9743», когда ее заверили, что она больше никогда не вернется на Тогмарч, она с помощью другого переводчика объяснила:

— Я с самого начала собиралась согласиться, но переводчик не хотел, чтобы я знала, что меня просят об этом. Считалось, что у меня не должно быть своего мнения, не должно быть желаний. Когда я поняла, что он в действительности не переводит мои слова, я, разумеется, сказала «да» — было так приятно, что тебя спрашивают. Прошу прощения у Мтепика за то, что заставила его так долго сидеть в этом неудобном ящике. — И она снова одарила его своей непостижимой улыбкой.

На корабле прошло два года, в остальном мире — одиннадцать. Они направлялись в Солнечную систему, пропустив несколько совещаний, так как на Тогмарче взяли на борт груз под названием B-Ну-9743-R56, цена которого, как предполагалось, подскочит именно в момент их прибытия к Солнцу. Зрина бегло говорила на языке астронавтов, она уже неплохо разбиралась в теории групп и колец и оказалась более сообразительной, чем свидетельствовали тесты. Днем раньше Мтепику исполнилось восемьдесят пять, и Зрина была разочарована: в этом году никто не захотел организовать для него вечеринку (в прошлый раз она смогла уговорить только двоих), так что она устроила праздник только для него и для себя.

Зрина научилась находить приятное в том, как хрупкое тело Мтепика прижималось к ней в спальном мешке; кожа старика была такой мягкой и сухой, что на ощупь он походил на бумажный пакет с цыплячьими косточками. В то же время ей нравилось делать ему приятное, когда он хотел лечь в постель. Когда он умрет, думала девушка, ей будет не хватать его общества. Однако он мог протянуть еще долго — многие астронавты доживали до ста десяти лет.

В редких случаях, когда Мтепику требовалось нечто напоминающее секс, он осторожно будил Зрину и очень вежливо выражал свою просьбу. Она понимала его: он решил заставить ее забыть о том, что она — рабыня. Но Зрина верила в правила, она не хотела становиться свободной, прежде чем ее освободят. Тем не менее ей очень нравилось, что ей приказывают вести себя как свободной, — ирония ситуации смешила ее. Они часто добродушно спорили об этом — Мтепик хотел знать, что она думает, а Зрина пыталась говорить ему только то, что он хотел

слышать, и они оба получали удовольствие, потерпев неудачу.

Она сомневалась, сможет ли когда-нибудь полюбить, но знала, что если это случится, то ей не встретятся неудобства, новая привязанность не вытеснит из ее сердца любовь к Мтепику.

Когда его узловатые от старости пальцы начали гладить ее обнаженную спину, она повернулась к нему, чтобы он смог коснуться ее там, где пожелает. Но старик приложил палец к ее губам и выдохнул прямо в ухо:

— Пойдем со мной.

Он выскользнул из спального мешка и подплыл к своей одежде. В помещении было довольно темно — горел только ночник. Девушка тоже выбралась наружу вслед за Мтепиком. Он, как всегда, улыбнулся, увидев ее, и подтолкнул в ее сторону мешок с комбинезоном. Она поймала одежду и натянула ее, как давно уже научилась — одним движением, подобно Мтепику, но быстрее, потому что была молода.

Он жестом пригласил ее следовать за собой и открыл люк, ведущий в главный коридор. Они молча проплыли вдоль коридора и оказались в рубке. Зрина была здесь всего четыре раза, когда «9743» нуждался в управлении людьми. В первый раз это случилось, когда они выбирались из гравитационной ямы Тогмарча, во второй раз — в яме в трех световых неделях от Бейтидри, в третий раз — перед тем, как поменять курс и включить все двигатели, чтобы покинуть орбиту Бейтидри, и в четвертый раз — всего две недели назад на совещании, когда обсуждались бюджет, цены, положение в пространстве, относительные скорости и перспективы.

На той встрече, две недели назад, Зрина уже смогла следить за дискуссией, хотя и не участвовала в ней. Она поняла, что Мтепик — превосходный математик. Это заставило ее усерднее налечь на занятия. Быть превосходным математиком казалось ей чем-то грандиозным, отчасти из-за того, что остальные явно уважали эту профессию, но главным образом потому, что это означало быть похожей на Мтепика.

Но сейчас, когда она пришла в рубку в пятый раз, их было всего двое. Мтепик не стал включать свет: они проникли внутрь, словно собираясь что-то украсть.

Она ничего не спрашивала.

За два года, проведенные на корабле в обществе Мтепика, Зрина научилась доверять ему. Иногда она задавалась вопросом: а может быть, она просто очень преданная рабыня? Но она склонна была думать, что доверяет Мтепику как свободный человек, что они с ним друзья, как свободные люди. Втайне Зрина очень гордилась этим.

Итак, она ни о чем не спросила. Она просто плыла рядом с Мтепиком вдоль сферической стены рубки. Поскольку он явно старался двигаться бесшумно, она прилагала усилия, чтобы шуметь еще меньше.

Некоторое время спустя стены начали светиться, и на куполе сферы появились изображения звезд — так происходило, когда экипаж начинал какой-нибудь маневр. Но сейчас звезды светились в десять раз ярче. На мгновение изображение задрожало, затем возникла голубая полоса с расплывчатыми ярко-синими пятнами Кассиопеи, среди которых светились Солнце и альфа Центавра, и с размытыми красными созвездиями Льва и Девы. Меньше чем через секунду все стало на свои места.

Мтепик и Зрина как будто парили в открытом космосе среди звезд, спрятавшись в теплые уютные комбинезоны. Без рабочих экранов было так красиво, и девушка удивилась, почему команда не включает изображение звезд во время совещаний. Возможно, ей удастся получить разрешение иногда во время вахты парить здесь среди блестящих точек.

Она потеряла счет времени, едва дыша и глядя, как по куполу ползут изображения звезд. Вдруг неподалеку от медленно движущегося созвездия Льва появилось какое-то мутное, слабо светящееся белое пятнышко, похожее на кусочек Млечного Пути, которое вскоре преобразилось в прядь тумана размером не больше монеты. Прядь тумана увеличилась в несколько раз, превратилась в полупрозрачный клочковатый белый водоворот. Водоворот разбух — и вот уже облако, состоящее из каких-то частичек, окутало корабль, поглотило его и сомкнулось вокруг людей, как ладонь, схватившая птенца.

Теперь частички выросли до размеров человека. Это и были люди — полупрозрачные, светящиеся, многие жестикулировали, словно говорили с кем-то, но не друг с другом. Похоже было, что они участвуют в какой-то большой беседе. Огромная толпа окружила корабль и унеслась прочь, за исключением дюжины людей, которые прошли сквозь стену и оказались в рубке.

«Как это возможно?» — поразилась про себя Зрина. Пульт управления был скрыт глубоко в недрах корабля, его со всех сторон окружал 750-метровый слой трюмов, аппаратов жизнеобеспечения, кают и двигателей. Но полупрозрачные фигуры, светящиеся, наверное, вдвое слабее самых ярких звезд, казалось, проникли прямо из космического пространства в пространство корабля.

Мертвенно-белые призраки, всего лишь очертания людей, наполнили темное помещение. Они заняли места, принадлежавшие членам экипажа, словно имели право сидеть

здесь, включили перед собой рабочие экраны, проведя в воздухе пальцами или ладонями, как это делали живые астронавты. Ближе всех к Зрине сидела женщина в странном узорчатом костюме с рукавами и штанинами, в шлепанцах и перчатках. Зрина удивилась, на каких кораблях нужно столько одежды. Женщина, видимо, была астрономом, решила Зрина, заглянув через плечо на ее экран, но графики были подписаны на незнакомом языке.

Прямо перед ней мужчина в кителе, рубашке и брюках, похожий на героев рассказов о древней Земле, медленно ковылял, указывая куда-то и жестикулируя, как капитан. Сквозь его туманное одеяние Зрина видела обнаженную молодую женщину, у которой не хватало половины головы — ее словно срезали на уровне ушей — и по спине текли мозги. Несмотря на это, женщина работала за широким экраном, явно пытаясь справиться с большой матрицей. Она была недовольна работой, переделывая ее снова и снова; программа на экране внешне напоминала ту, которой пользовалась Зрина. Зрина смотрела, как женщина бьет по экрану кулаками, и гадала, в чем проблема: то ли в сложной задаче, то ли в отсутствии половины мозга.

Вокруг математика и его ученицы призраки трудились за своими призрачными экранами, казалось не подозревая о присутствии друг друга и живых существ. Они продолжали работать, смеяться, браниться, стучать по клавишам, и все это без единого звука, до тех пор, пока по кораблю не разнесся мягкий мелодичный свисток второй вахты. Тогда они прошли сквозь стены сферы, потускнели и скрылись, и звезды продолжали все так же светить на небе.

Мтепик включил главное освещение.

— Пойдем завтракать?

— Конечно, — сказала Зрина. — Может, нам стоит потом еще вздремнуть?

— Разумеется, ведь мы устали, — согласился он.

Если он и был разочарован тем, что она не задавала вопросов, то не показал этого.

Зрина дважды отмечала день рождения Мтепика: первый раз с Питером и Йоко, которые, будучи людьми добродушными, согласились все же не сразу, а второй — вдвоем с Мтепиком за день до того, как они видели призраков. Из этого Мтепик заключил, что она сама будет не против подобного праздника. Он заглянул в договор о продаже, чтобы узнать, когда у нее день рождения (они никогда не говорили об этом, и Мтепик решил, что не стоит показывать ей документ, пока она не попросит).

Как-то раз в конце вахты он удивил ее, сообщив, что ей только что исполнилось двадцать четыре года, и преподнес подарки, какие обычно дарят на кораблях: ее любимое блюдо, маленький сувенир, изготовленный в корабельной мастерской, — и выбрал время, чтобы посидеть с ней и посмотреть фильм, который, как он знал, понравится ей.

Зрина уже поняла, что Мтепик считает ее очень талантливой и думает, что когда-нибудь она станет прекрасным корабельным математиком, и еще она знала, что ему нравится ее общество. Но все же Зрину удивило, что он старается доставить ей радость. Раньше никому даже в голову не приходило сделать ей приятное — ни одной живой душе. Поступок Мтепика застал ее врасплох, немного вывел из равновесия, но она решила, что ей это нравится.

Накануне ее двадцать шестого дня рождения, после пяти месяцев, проведенных в порту на орбите Старого Марса, «9743» направился к Сигдракону, где Зрину должны были освободить. Теперь она была совершенно уверена, что ей нравятся доброта и забота Мтепика. Здоровье его начало понемногу ухудшаться, и молодая женщина осознала, что ей доставляет удовольствие ухаживать за стариком (до сих пор он лишь изредка нуждался в ее помощи) и быть с ним, когда ему становится страшно (эти приступы случались редко, но были весьма тяжелыми).

После длительных размышлений она пришла к выводу, что работорговцы причинили ей большой вред, и решила, что забота о Мтепике, возможно, самое близкое к любви чувство, которое ей доведется испытать за всю жизнь. Хотя она вполне могла обойтись без секса, ей хотелось, чтобы старик по-прежнему просил ее об этом. Иногда он бывал вспыльчивым и много спал. Ей нравилось сидеть или парить, прикасаясь к нему или обняв его, словно он был одеялом, а она — двухлетней девочкой.

Ум старого математика, когда он бодрствовал и не страдал от болей, казался по-прежнему острым, и Зрина благодарила за это судьбу. Она была довольна, что когда-то решила поехать с ним. Хотя это не обсуждалось, все знали, что она останется на корабле и, возможно, займет должность корабельного математика, когда Мтепик умрет или впадет в детство. Но никто не говорил с ней о неизбежности конца. Астронавты безразличны друг к другу, обычно они ничего не знают о чувствах своих товарищей, даже в тех случаях, когда это следовало бы знать. Однако даже они понимали, что Зрина будет ужасно тосковать по Мтепику и что звание математика мало значит для нее по сравнению с потерей единственного друга.

«Друг, — говорила она себе. — Мтепик — мой друг. Когда-то

я думала, что он может стать моим другом. Как хорошо, что я поняла это сейчас, пока есть время оценить это».

Они преодолели примерно половину пути до места назначения. Приблизительно через два года по корабельному времени им предстояло закрыться в специальных камерах, предохраняющих стенки клеток в их телах от перегрузки, в пятьдесят раз превышающей земную гравитацию. Три дня спустя они, шатаясь, выползут наружу, усталые и голодные. Зрине уже три раза приходилось испытывать подобное, и она не боялась. Для нее переход от обычного режима к замедленному полету означал лишь небольшое неудобство, за которым следовали превосходная еда и сон — она всегда любила поспать.

Но до этого события оставалось два года, а во внешнем мире должно было пройти более десяти лет. Ей почти нечего было делать — лишь думать и учиться. Учиться было занятно: Зрина уже сдала экзамен на помощника математика с высшей отметкой и далеко продвинулась на пути к званию математика.

Зрина много размышляла о рекурсии.[215] Она находила интересным следующее: она не всегда знала, что ей нравится, и думала, что у каждого должна возникнуть такая проблема. Она была хорошо знакома только со своими товарищами, обитателями корабля, а понять их было почти невозможно, может быть, потому, что они также не знали, что им нравится.

Она особенно любила эти размышления о том, как она может не знать, что ей нравится. Мысли ее при этом образовывали словно круги, завитки, волны, спирали и приводили ее к основному вопросу — откуда она знает, что вообще что-то знает. Она словно спускалась вниз, в темную примитивную пустоту. Когда ее мысли исчезали за краем этой немыслимой бездны, они обрисовывали ее границу, как мерцание исчезающей пыли и атомов обрисовывает границу сферы Шварцшильда, окружающей черную дыру.

Иногда Зрина целыми днями следила за тем, как одна мысль ведет к другой, и подсчитывала, как скоро и какими тропами эти мысли возвращаются на границу неведомого. Она могла бы щелкнуть пальцами по любой плоской поверхности и создать рабочий экран, произнести вслух данные и развлекаться сколько душе угодно. Но, размышляя о рекурсивности мыслей, она предпочитала парить во тьме обзорной комнаты и смотреть на изображения звезд в реальном времени. Она могла бы выбрать любой момент времени и любое положение звезд, но всегда выбирала реальное. Она всегда задавала небольшую яркость, чтобы видеть светящиеся точки, только когда глаза привыкнут к темноте.

Затем она задерживала дыхание, и сердце ее билось медленнее, и в полном спокойствии она дожидалась, пока ее *ци*[216] достигало *тан-тянь*,[217] и мысленным взором видела перед собой экраны, матрицы, графики, уравнения и без конца рисовала новые графики, статистические таблицы, чтобы изобразить и измерить рекурсию и цикличность своих мыслей. Она хотела выяснить, являются ли сами мысли о рекурсии рекурсивными и присуще ли им это свойство изначально. Она наблюдала, как все эти мысли плыли вниз, в неведомое, в непостижимую бездну, где таились главные вопросы, на которые не было ответа.

Когда Зрина наконец достигала внутреннего покоя и гармонии, она тихо приказывала устройствам рубки приглушить свет звезд, смотрела на небо, пока последняя звезда не угасала во мраке, а затем плыла обратно в комнату Мтепика. Часто она находила его спящим беспокойным, прерывистым сном, плавающим по комнате, потому что он заснул, не забравшись в мешок. Она мыла его и растирала, пока он не засыпал с улыбкой на лице, и, свернувшись рядом с ним, погружалась в приятный, глубокий сон без сновидений. Теперь кошмары, мучившие ее в детстве, почти исчезли, иногда появлялись лишь их бледные подобия.

Когда они прибыли в систему Сигдракона, кости Зрины еще сохраняли некоторую прочность, и, находясь на поверхности Алоизия, она смогла встать, поднять руку и получить освобождение. Она толком не знала, почему решила так поступить. Когда она вернулась на корабль, все это показалось ей грубым и неприятным, — она чувствовала, что на самом деле получила свободу на том обеде, который обитатели «9743» устроили в ее честь. Они обращались с ней так же, как прежде — как с равной, — но теперь они были обязаны так делать.

Она подтвердила свое освобождение, в архиве корабля была сделана соответствующая запись, и Зрина стала акционером «9743», наделенным равными правами с остальными. Теперь она могла распоряжаться фондом, который члены экипажа создали для нее, пока она не могла юридически иметь собственность. Это было сделано на случай, если им пришлось бы сесть на какой-нибудь планете, где соблюдалась конвенция Каркха, и подвергнуться проверке документов. В честь Зрины провозгласили тост.

Люди на Алоизии потребовали полной замены груза — такое случалось примерно раз в сто лет по корабельному времени. Организация, которую переводчик назвал «Корпорацией музея

духовного гнева Алоизия», купила весь их груз и продала «9743» совершенно новый товар: объемом 1024 кубометра, высотой, шириной и длиной шестьдесят метров, с идентификационными полосами на каждой стороне.

Давным-давно никто из экипажа «9743» понятия не имел, что везет корабль; исключение составляла перевозка рабов, поскольку астронавты не хотели заниматься работорговлей, и живых существ, требующих ухода, — члены экипажа не хотели учиться ухаживать за ними. Итак, им было известно, что в контейнере не содержится ничего живого или, по крайней мере, ничего активного.

Кроме этого, они не знали ничего. Десятки лет в переговорах с экипажами других кораблей велся бесконечный спор о том, почему никто не знает, что лежит в трюмах. Кто-то утверждал, что со времен войн, происходивших пятьдесят тысяч лет назад, установилась традиция, согласно которой экипаж не несет ответственности за свой груз. Другие говорили, что все гораздо проще: сотни тысяч культур, живущих в обычном времени, меняются так сильно и так быстро по сравнению с жизнью на корабле, что все равно никто не смог бы понять, что представляет собой товар. Кто-то утверждал, что жители планет не доверяют астронавтам, боятся, что те похитят груз, если будут знать его предназначение. Однако большинство считало эту последнюю идею самой глупой. Ведь всем было известно, что самую большую ценность на корабле имеет свободное место, и кто захочет хранить какой-то груз и отказаться от места в трюмах? И никто не решится купить или продать нечто явно краденное, ведь обо всех контрактах сообщалось в эфире открытым текстом.

Вообще-то, даже если бы Зрина и узнала, что представляет собой груз, ей это было бы безразлично. Она знала, куда нужно его доставить, — в конце концов, это входило в обязанности математика, — и ей это было по душе. Им предстоял очень длительный рейс: место назначения было расположено в северной полярной области скопления миров Третьего Пульса. Населенные планеты этой части галактики находились так далеко от Земли, что их не было видно невооруженным глазом. Поэтому в древности они не получили имен и наблюдатели Второго Пульса дали им абстрактные названия. Зрине нравилось, что солнца носят такие имена, как Проницательность, Милосердие и Сверхъестественное. До прибытия в следующую систему на корабле пройдет шесть лет, а может, и больше, если на совещании выяснится что-нибудь новое.

Когда наступил ее двадцать девятый день рождения, они уже находились в открытом космосе и жизнь приобрела приятную

монотонность. Она получила маленькие подарки, ей уделили особое внимание. Затем она растирала Мтепика, пока он не уснул, — он превратился в мягкую, тонкую оболочку, наполненную бугорчатыми костями, подумала она. После этого Зрина погрузилась в сон, довольная, что Мтепик присутствовал на ее первом дне рождения, который она отмечала в качестве свободной женщины. Она надеялась, что сможет завершить математическую подготовку и стать корабельным математиком, пока он еще здесь и в состоянии поздравить ее.

Мягкие пальцы и ладони Мтепика на какое-то мгновение прижались к ее лопаткам.

— В свой день рождения испытываешь какое-то странное чувство.

Она взглянула на часы: они с Мтепиком проспали пять часов после того, как отметили ее двадцатидевятилетие. Зрина повернулась и осторожно обняла его: в последнее время он иногда просыпался, разговаривая с людьми, которых видел во сне, и она не хотела пугать его.

Он обнял ее в ответ, сильно и уверенно, и она поняла, что он не спит, проснулся среди ночи, как это с ним часто бывало. Зрина подождала, пока он что-нибудь скажет или сделает. Вздохнув — ему нравилось обнимать ее, и она знала, что он с удовольствием лежал бы так еще долго, — Мтепик произнес:

— Сегодня в рубке появятся призраки. Я пойду, чтобы взглянуть на них еще раз. Хочешь пойти со мной?

— Разумеется, — ответила она. — Это случается, когда у кого-нибудь день рождения?

— Я думал, что только в мой день рождения. Но теперь и в твой. Одевайся быстрее. Предупреждение бывает только одно.

Мы должны попасть туда, прежде чем призраки зажгут свет, и сидеть тихо.

Они оделись, проплыли по главному коридору и оказались в сферическом помещении рубки.

В этот вечер все было как и в прошлый раз, только призраки были другими. Сначала размытые звезды, затем четкая картина неба, совсем тусклая, даже темнее, чем Зрина делала во время своей медитации. Быстро движущееся облако призраков, бесшумно приблизившееся из области Южного Креста, окружило их меньше чем за минуту. Тысячи призраков роились внутри (корабля? Рубки? Но пульт управления отделяли от внешнего мира 750 метров стен и помещений, и все же около двадцати призраков, казалось, приплыли сюда прямо из межзвездного пространства).

На этот раз Зрина в основном наблюдала за двумя молодыми людьми, очевидно близнецами, пытавшимися решить нечто вроде уравнения, хотя по обе стороны знака равенства находилась лишь вращающаяся разноцветная проекция какого-то бугорчатого эллипсоида.

А может быть, это была игра. Но что бы это ни было, оба от души смеялись. Зрине понравилось, как они обнимались и опускали головы на плечи друг другу, затем возвращались к своей задаче, или что это там было, сидя плечом к плечу, заставляя небольшие разноцветные шарики отделяться от одного эллипсоида и переплывать через знак равенства к другому эллипсоиду. Когда они это делали, оба пузыря меняли цвет и форму, а молодые люди одновременно хлопали в ладоши, ритмично, беззвучно, словно в такт неслышной песне.

Еще там была девочка-подросток. Зрина решила, что она приходится дочерью или родственницей женщине со срезанным черепом, виденной в прошлый раз. А может быть, это была та же женщина, но в детстве? Она сосредоточенно, как спортсмен, работала за экраном, испещренным текстом на каком-то языке, похожем на поздний конглийский.

Другая женщина, старая, толстая, с двойным подбородком, редкими седыми волосами, похожими на серый бархат, и странной, шершавой кожей на шее, была облачена в военную форму, которая могла принадлежать Последней Бразильской Империи, Древнему Лунному Мехико или Древней Гвинее. Во всяком случае, такую форму носили во времена Торговых и Импульсных войн, потому что она выглядела точь-в-точь как персонаж книги, с кодами банка на рукавах, в высоких ботинках и саблей в черных ножнах.

Зрина очень осторожно взмахнула руками, приблизилась к женщине в форме и присмотрелась к ней. Торговые марки какого-то банка на рукавах — значит, адмирал. В проколотой нижней губе украшения в виде маленьких черепов с рубиновыми глазами: четыре штуки, четыре победы в бою. На эмблеме банка были изображены древние знаки доллара и иены, скрещенные парами по обе стороны весов. Это могла быть эмблема любой из дюжин военных и финансовых компаний, существовавших в любое из трех тысячелетий той эпохи.

Адмирал была встревожена, пальцы ее скользили по экрану, изображение на котором постоянно менялось. На экране Зрина разглядела скопление белых точек, окруженных множеством красных точек, кое-где виднелись подписи на древнем романтийском языке. Некоторые скопления были соединены разноцветными линиями, некоторые — окружены

полупрозрачными сферами с тикающими рядом часами. Время от времени появлялась общая картина, которая колебалась и вращалась, показывая, как армия располагается в пространстве.

Женщина непрерывно дотрагивалась до белых точек, как кошка-мать, стерегущая своих котят. Внезапно Зрина поняла: эскадра пыталась соединиться, чтобы вырваться из захлопнувшейся ловушки, и адмирал не желала терять ни одного корабля. Это была классическая ситуация, часто возникавшая во время войн. Красные точки изображали корабли-роботы — они неслись к выбранной цели с ускорением, в сто раз превышающим обычное, расходовали все топливо, разряжали все свои магазины и, истратив боеприпасы, пытались протаранить врага.

Когда такой корабль захватывал цель, а двигатели его включались на полную мощность, все вокруг расступалось перед этой первобытной яростью, и жертвы готовы были сдаться без сопротивления. Роботы знали, что они представляют слишком большую ценность, и не тратили свои ресурсы впустую, а выбирали цель, когда оказывались достаточно близко, чтобы поразить наверняка. Адмирал пыталась вытащить свою эскадру из окружения, теряя как можно меньше своих кораблей. Похоже было, что без потерь дело не обойдется, но в запасе оставалось еще много часов, так что она могла выбрать, какие корабли спасти, но не могла вывести их все.

Очень полная смуглая старая женщина в костюме без рукавов, таком же, как у Зрины, открыла хорошо знакомое приложение. Зрина мягко проплыла по воздуху, чтобы получше разглядеть, чем занимается женщина, и столкнулась с Мтепиком, подплывшим с другой стороны.

Он парил в воздухе, и тело его освещал тусклый свет, исходящий от призрака. Выступающие части его тела — лоб, нос, костяшки пальцев, колени — были серыми в полутьме; казалось, он отступает назад, прочь от призраков и звезд, в абсолютную, вечную темноту.

Внезапно на лице, плечах, груди Мтепика появилась сетка ярко светящихся нитей, словно проступающих сквозь кожу, — так лапша в дуршлаге появляется из кипящей воды.

Нити становились толще, сливались, заполняли промежутки. Плотная мерцающая сетка обрисовала бледное тело новорожденного ребенка: оно выступало, словно барельеф, в сантиметре над освещенной призрачным светом старой, морщинистой кожей Мтепика. Ребенок потянулся и зевнул. Свет, исходивший от него, озарил серую неподвижную фигуру Мтепика и словно высосал краски даже из его красного костюма, и губы старика стали серо-голубыми, как засохшая грязь.

Кривые ножки младенца, заканчивающиеся крошечными ступнями, едва доставали до нижних ребер Мтепика, но голова его была почти такого же размера, как у старика. Ручки с ладошками, которые едва ли смогли бы обхватить большой палец Зрины, тянулись в стороны, но не достигали локтей Мтепика. На сморщенном личике сияла беззубая улыбка, словно младенец хотел сказать: «Что? Как? Что все это значит?» Затем темные глаза, ясные и широко раскрытые, уставились на Зрину, и крошечный подвижный ротик скривился, сложившись в усмешку, которой Мтепик отвечал на ее лучшие шутки. Она невольно улыбнулась в ответ.

Сама не зная зачем, она положила ладонь правой руки на грудь младенца, мягко, думая, что рука пройдет сквозь тело ребенка и прикоснется к Мтепику. К ее удивлению, грудь младенца оказалась теплой, влажной и твердой.

Затем она поняла, что это мальчик: светящаяся горячая струйка ударила ей в грудь, оставив на комбинезоне мерцающий след, — призрачный ребенок, если это на самом деле был призрак, вел себя так же, как дети из плоти и крови.

Это случилось так неожиданно, что она засмеялась, стараясь не проронить ни звука, только тело ее затряслось, и Зрина почувствовала, как под ее ладонью зашевелилось тело ребенка, — он тоже смеялся, разделяя ее восторг. Рука ее скользнула еще немного вперед, и младенец исчез. Ладонь уперлась в грудь Мтепика, и Зрина почувствовала тяжелое биение его сердца и хриплое дыхание, словно он снова долго и напряженно занимался в спортзале — он часто ходил в спортзал, несмотря на ее мягкие упреки. Его старые костлявые пальцы сомкнулись вокруг ее сильной молодой руки, и он улыбнулся ей, сжимая ее ладонь.

Остаток ночи они, держась за руки, наблюдали за смеющимися близнецами, женщиной-адмиралом, толстой женщиной-математиком и прочими членами призрачного экипажа. Наконец раздался сигнал окончания вахты, и призраки растаяли в воздухе, а затем погасли звезды.

— Медленно включить свет! — приказала Зрина, и помещение озарилась светом; появились матово-серые стены, сплошные скучные стены — это была все та же рубка, что и всегда. — Завтрак в нашей каюте и долгий разговор? — предложила девушка.

— Конечно! Я так рад.

— Отчего?

— Ты сказала «наша каюта», а не «твоя каюта». Это случилось в первый раз за шесть лет.

— Так это было важно для тебя? Если бы я знала, что это

имеет значение, я давно начала бы говорить так.

— Мне было важно, чтобы ты сказала это без моей просьбы. И сначала это не имело значения, а теперь имеет. — Они проплыли мимо сияющих всеми цветами радуги дверей. — А когда это стало важно, я начал отсчитывать время. Ты не будешь смеяться над моим старческим слабоумием?

— Ты не слабоумен, и я не буду смеяться над тобой.

— Ну хорошо. И вот, когда это стало для меня важно, я сосчитал дни с момента твоего появления на корабле, и теперь я знаю, что ты живешь здесь две тысячи двести двадцать два дня по нашему времени, и сегодня ты в первый раз назвала эту каюту «нашей».

— Кто-нибудь смог бы увидеть в этой цифре нечто странное, — сказала она. — Во всех этих двойках.

Они проплыли к своей каюте. Мтепик перевернулся в воздухе, как тюлень, отдыхающий среди морских волн, и сложил руки на животе.

— Другой нашел бы здесь нечто странное, но мы с тобой разбираемся в числах, а?

— Именно, — ответила она. — В восьмеричной системе это всего лишь четыре тысячи двести пятьдесят шесть, в двенадцатеричной — даже меньше, тысяча триста пятьдесят два. В метрической системе это будет тридцать две тысячи триста сорок два — самое большое значение, какое можно достичь, но это не очень много. И я бы сказала, что, если число не является инвариантом, мы можем не принимать его во внимание.

— Только сейчас игнорировать его нельзя, верно?

Это показалось им обоим забавным — они знали, что никто другой не оценит шутку, и они смеялись, заказывая завтрак и составляя официальное заявление о том, что сегодня они будут выполнять свои обязанности, находясь в каюте.

С годами Мтепик пристрастился к сладкому. Теперь его любимым блюдом на завтрак были мягкие, нежные оладьи, намазанные джемом из голубики, в такую оладью он заворачивал ванильное мороженое. Сегодня, неторопливо поглощая завтрак, старик, казалось, смаковал еду больше, чем обычно.

— Итак, — начал он, — что бы ты хотела узнать?

— Это все было на самом деле?

Он указал на ее грудь: влажное пятно еще светилось. Она провела по комбинезону пальцем; кончик пальца на мгновение замерцал, затем погас.

— И как это все происходит? — спросила Зрина.

— Не знаю, — признался Мтепик. — Я не знаю даже, почему я просыпаюсь с уверенностью, что призраки появятся. Или почему

было так важно показать их тебе и почему я сам хочу их увидеть. — Он откусил еще кусочек оладьи и мял его деснами, пока не разжевал; Зрина ждала, и наконец он продолжил: — Но, знаешь ли, я все равно пошел бы туда. Там был призрак Садден Кроу, моей первой жены, — хотя ты мне, конечно, не жена. Но если ты захочешь, можешь ею стать в любой момент. Для нее это имело большое значение, а для тебя, мне кажется, нет.

— Мне это безразлично. «Не рабыня» — это единственный статус, к которому я всегда стремилась, и ты дал мне его. Ты знаешь, что я буду с тобой, пока ты жив, — возможно, мне следовало сказать — «пока ты хочешь этого». Но хочешь ли ты этого? Ты тоскуешь по жене?

— По правде говоря, не слишком. У нее был дурной характер, и она иногда была груба со мной. Я не возражаю против встречи, но надеюсь, мне не придется проводить с ней время, когда я стану призраком. Тридцать лет вместе на этой стороне — больше чем достаточно.

— Ты говоришь «на этой стороне» потому, что речь идет о положении в пространстве?

Мтепик нахмурился, поразмыслил немного и наконец покачал головой:

— Скорее я имел в виду стороны в игре или в загадке, чем стороны какого-то предмета или поверхности. — Он еще подумал, с удовольствием откусил немного оладьи. — По правде говоря, твоя дружба — веская причина для того, чтобы оставаться на этой стороне, этой причины более чем достаточно, но вот эта еда могла бы стать еще одной причиной. И когда я размышляю о других вещах, которые доставляют мне радость, я понимаю, почему большинство людей не хотят отправляться туда, куда им суждено уйти. Но, увидев ее там, я почему-то вдруг понял, как я уйду, если захочу уйти. Знаешь, иногда старое тело так мешает жить, оно так болит и где-то ноет, где-то зудит. Итак, в тот момент я захотел уйти, но теперь я рад, что не сделал этого.

— А часто призраки появляются на корабле?

— В последние два раза ты была со мной. Всего это случилось шесть раз. Пять раз в мой день рождения, и вот теперь — в твой. Я никогда никому не говорил об этом, но знал, что именно ты должна увидеть это. Я прочесал всю историю двадцати семи тысяч лет межзвездной торговли, искал в судовых журналах более миллиона кораблей — грузовых кораблей, работорговцев, военных, разведывательных, колонистов. Я нашел много сообщений о призраках, но большая часть из них на деле оказалась выдумкой, а остальные — в основном обломки каких-то культур, сорвавшиеся со своего причала в какой-то сказке и

прибитые к берегу в культуре космических торговцев. Аппараты самого «Девять тысяч семьсот сорок третьего» могут зафиксировать появление призраков, но он не видит их. Мы можем разглядеть призраков на видео, но, если ты попросишь компьютеры корабля отыскать их на записях, сделанных в обзорной комнате за тысячи лет, они не найдут их. Компьютеры могут просматривать запись помещения, полного призраков, и не видеть их, они видят лишь пустую темную комнату.

— Значит, призраки не имеют физической природы. Но их можно зафиксировать на физических носителях. Что они собой представляют, как ты считаешь?

— Ярко выраженная дыра в пространстве-времени? — пожал плечами Мтепик. — Большая часть звездных торговцев хоронят тела в космосе на самой высокой скорости. В основном они движутся со скоростью девяносто восемь процентов от скорости света и выше. Когда тело оказывается вне защитного поля, атомы и пыль межзвездного пространства разрушают его, и оно теряет скорость, но это происходит медленно. И конечно, скорость тела гораздо ниже галактической скорости убегания.[218] За исключением немногих тел, которые падают на звезды и в черные дыры или сталкиваются с кометами; все похороненные в космосе тела должны оставаться там, разбросанные на расстоянии тридцати тысяч световых лет друг от друга, если учесть похороны во времена Первого Импульса, когда торговлю вели мало или не вели совсем.

— Каждый труп можно представить себе в виде длинной дорожки, на которой скопились атомы, ионы, молекулы и пыль из межзвездного пространства, по форме в данное время и в данной точке очень напоминающей умершего. Под воздействием окружающей среды тело постепенно разрушается, и в конце концов, через несколько миллионов лет, от него остается лишь облако нуклонов, летящее куда-то прочь из галактики. Возможно, нечто нефизическое течет обратно по тропе, которую они создали, и кристаллизуется? Или конденсируется? Наверное, самое подходящее слово — «организуется»; это облако организуется вокруг какой-нибудь случайной частички или ядра, называй его как угодно. Может быть, в месте, где пересекается множество таких «дорожек», они сплетаются, словно спагетти. Если в этот момент кто-нибудь вроде нас с тобой окажется рядом, он увидит рой призраков. Это объясняет связь с днями рождения. Дни рождения имеют большое значение, даже когда их даты так сильно различаются по корабельному и обычному времени, и полностью зависят от того, когда ты попал на корабль, и куда он летит, и какую продолжительность имел год на Старой Земле в

тот момент, когда его взяли в качестве стандарта. Так что, возможно, призраки образуются вокруг значимых вещей, таких как корабли и дни рождения. Это имело бы какой-то смысл. Смысл — нефизическое понятие; призраки — тоже нефизические объекты. А вообще, что физические создания вроде нас с тобой могут знать о нефизическом мире?

— Но все это не объясняет появление младенца из твоей груди, или то, что этот младенец — ты, или то, что мы оба помним это, не говоря уже о призрачной струйке мочи, угодившей на меня.

— Так я был ребенком? А я удивился, почему мое тело показалось мне таким странным и таким маленьким и почему у меня не было зубов. Да, это, конечно, добавляет загадочности.

— А зачем призраки или духи появляются на космическом корабле?

— А почему бы и нет? Они могут появиться где угодно. И если уж речь зашла об этом, зачем существуют космические корабли? Корабли, управляемые роботами, почти так же наверняка могут достигнуть места назначения, и было бы так легко учитывать фактор потерь при назначении цен; гораздо более выгодно посылать груз куда-то и просто смириться с некоторыми потерями. А корабль, на котором находятся живые люди, должен иметь огромное количество лишней массы и свободного места. Так зачем мы здесь? В этом нет никакой экономии. Мы создаем различные предметы путем трансмутации и молекулярной сборки — мы никогда не «запасаемся провиантом», хотя иногда покупаем новые виды товаров, чтобы производить свои по их образцу. И мы знаем, что люди, живущие на планетах, опередили нас в технике на века или тысячелетия. Так зачем нам груз?

— Ты думаешь, это имеет какое-то отношение к призракам, — сказала Зрина. Это был не вопрос, она просто пыталась следовать за ходом его мысли.

Мтепик явно обдумывал все эти вещи долгое время, создал для себя стройную картину, выработал наилучший способ изложения — именно так он обучал ее математике. Она знала: ему нравится, когда она понимает его сразу, и знала, что это, возможно, ее единственный шанс разобраться во всем.

— Я думаю, мы имеем дело с очередной «дырой» в пространственно-временном континууме. Когда-то люди вели оживленную торговлю, возвращаясь на Старую Землю. Затем стало выгоднее вести торговлю между звездами. Кораблей в космосе стало больше. Сейчас в межзвездном пространстве летает множество кораблей, множество тел находится в движении, и

торговля осуществляется словно сама собой. Возможно. Возможно, мы все лишь призраки людей, существовавших когда-то. Три четверти звездных систем, с которыми мы когда-то торговали, просто не желают принимать нас, появляются новые, затем после веков молчания вновь заявляют о себе старые планеты. Кто знает, что там происходит?

— Возможно, люди, живущие на планетах в обычном времени, просто сумасшедшие, а может быть, они играют в жизнь, потому что там не осталось жизни?

— Эти люди могли бы сказать то же самое о нас. Мы могли бы ликвидировать дела, укрыться на какой-нибудь подходящей планете и купаться в роскоши до конца наших дней.

— Я бы возненавидела такую жизнь.

— Я тоже. — Мтепик смущенно улыбнулся. — Как ты думаешь, мне не повредит, если я съем еще одну такую оладью?

— Ты в последнее время стал худеть, — ответила она, — и меня беспокоит твой плохой аппетит. Что касается меня, то можешь съесть хоть десять. И вообще-то говоря, поскольку меня это *очень* волнует, я хочу, чтобы ты съел как можно больше.

— Давай начнем с одной, но я учту твое пожелание. Да, ты права, я не очень много думаю о себе, но сейчас, по некоторым причинам, я хотел бы заняться собой — по крайней мере немного.

Зрина приготовила Мтепику еду — не потому, что он не в состоянии был сам делать это, и не потому, что это была ее обязанность. Подавая ему оладью, она сказала об этом, и он отозвался:

— Вот видишь? Тебе это приятно, потому что ты не должна делать этого.

Она подумала немного над его словами и сказала:

— Так, значит, призраки — это не галлюцинация. И они — не физическое явление в том смысле, как мы это понимаем, иначе роботы могли бы увидеть их, а не просто записывать их на видео. И ты думаешь, что, возможно, они находятся не там, где тела умерших, то есть следы тел.

— Именно так, только Садден Кроу разгромила эту теорию. — Мтепик пожал плечами. — Она всегда ловко громила теории. Это было одной из причин, по которым я считал ее хорошей спутницей жизни.

— Она обидела тебя! — воскликнула Зрина, сама удивившись своей горячности. — Ты говорил, что она была груба с тобой.

— Верно. Но я не был тогда таким беспомощным, как сейчас, а кроме того, она была ценным членом экипажа. И ты, конечно, тоже; и с каждым днем ты становишься все ценнее, и ты очень добра ко мне. Ты занимаешь здесь другую нишу, не ту, что она.

— Вот и хорошо, — отозвалась она. — Я совершенно не хочу занимать ее нишу.

Зрина произнесла это с излишней страстностью, и некоторое время они смущенно смотрели друг на друга. Она поспешно задала первый вопрос, который пришел ей в голову:

— Почему ты сказал, что Садден Кроу разгромила твою теорию о следах тел в пространстве-времени?

— Потому что ее похоронили в открытом космосе примерно в полутора годах пути от Эйди-Ридни. Ее путь никак не мог проходить поблизости от нас.

— Но она жила на этом корабле. Ее путь до смерти проходил по кораблю. А что, если здесь не имеет значения длина пути или места, где он пролегает? Допусти это — и, может быть…

— Но если мы допустим это, все слишком усложнится, — возразил Мтепик. — Тогда ограничений совсем не останется. Почему в таком случае мы не видим постоянно множества всяких призраков?

— «Математика — способ отыскания логических выводов из ограничений, и вся история математики — это история того, как ограничения становятся все более хрупкими и исчезают», — процитировала она. — Ты сказал мне это в тот день, когда я начала изучать алгебру. Возможно, мы видим их не так часто потому, что имеется недостаточно ограничений, чтобы породить их, или потому, что мы живем среди множества ограничений, или… вообще-то говоря, мы даже не знаем, что такое ограничения, верно?

— Трудно обозначить условия ограничения, — согласился Мтепик. — Но насколько я понимаю, все дело в дырах и пустотах. В мире, живущем по обычному времени, существует некая странная вещь, какое-то место, которое мы занимаем, хотя и не знаем, что это такое. Пустые места, остающиеся после людей, умирающих на корабле, и промежутки в пространстве, которые мы создаем, когда хороним их тела, и сама огромная пустота космоса… Каждая «дыра» ограничена со всех сторон, и каждая граница означает наличие дыры, — да, теперь ты наверняка считаешь меня слабоумным.

— Нет, — возразила она. — О *нет.* Ты *знаешь,* что это не так. Хочешь, я сделаю тебе еще оладью?

В последние несколько лет жизни Мтепика они беседовали больше. Зрине это нравилось. Она получила последнее повышение, возможное при его жизни, и стала «помощницей математика, готовой занять должность математика». Это заставило ее впервые задуматься о преемнике. Она решила, что,

независимо от того, каким образом она обзаведется учеником (она надеялась купить раба, ей хотелось бы освободить кого-то так же, как когда-то освободили ее), она поищет кого-нибудь со склонностью к беседам. Многие обитатели кораблей не разговаривают друг с другом неделями или месяцами.

Согласно еще одной теории Мтепика, на звездолетах собираются те, кто страдает аутизмом и не может жить в обычном обществе. Их математические таланты уже не востребованы, потому что у людей теперь есть роботы. «Разновидность шикарного приюта для душевнобольных-математиков», — говорил он, кашляя и смеясь, когда она купала его, вытирала насухо и растирала. Она тоже смеялась, просто потому, что это говорил Мтепик, потому что она чувствовала, что скоро он уйдет от нее, и знала, что будет тосковать и ей будет не хватать его шуток.

Ночью после своего тридцатого дня рождения она проснулась, зная, что скоро в сферическом пространстве рубки появятся призраки, и почувствовала, как проснулся Мтепик, лежавший в ее объятиях. Зрина быстро оделась, одела его и осторожно повлекла за собой, как делала это в последние несколько месяцев, — он стал слишком слаб, чтобы самостоятельно передвигаться в невесомости.

Все было как прежде: новая толпа призраков; и внезапно из тела Мтепика возник тот самый младенец. Она взяла младенца на руки и несколько долгих мгновений держала его, нежно поцеловала крошечный ротик, а затем смотрела, как он уплывал прочь, хихикая и спотыкаясь, прочь к звездам, пока сам не превратился в маленькую светящуюся точку и не исчез. Она перенесла останки Мтепика обратно в их каюту: почему-то ей не хотелось сообщать остальным, что он умер в рубке.

Когда в следующую вахту члены экипажа хоронили Мтепика в космосе, они могли бы удивиться тому, что глаза Зрины были сухи, а лицо совершенно безмятежно. Но астронавты никогда не удивляются человеческим эмоциям — они не понимают их и утратили к ним всякий интерес.

Теперь Трео часто парил вместе с ней во тьме рубки.

— Это большое повышение, — сказал он, — и большая честь. Из тебя выйдет отличный капитан. Признаюсь, я рад, что смогу стать корабельным математиком, не дожидаясь твоей смерти. — Это была самая длинная речь, которую он когда-либо произносил, и Зрина увидела некоторую иронию в том, что он произнес ее в этой комнате — месте, где обычно царило молчание.

Сегодня был не обычный день. Флокс после смерти Артура

решила добровольно уйти из жизни и собиралась осуществить свое намерение сегодня вечером, попрощавшись со всеми, так что им пришлось искать замену и капитану, и первому помощнику. Экипаж выбрал капитаном Зрину, а кандидату в офицеры Чангу было предложено досрочно стать первым помощником.

Зрина считала, что Чанг подходит для этой должности; он был молод и, в идеале, должен был еще несколько лет учиться. Но она рассчитывала, что он сможет поучиться потом, после ее смерти, когда станет молодым, энергичным, нацеленным на успех капитаном. Это было хорошее назначение во всех отношениях.

Сейчас они углубились в скопление систем Шестого Пульса, путешествовали среди новых миров, расположенных на малонаселенных окраинах освоенной людьми области, привозили и получали очередные грузы. Очевидно, здесь проходило совсем мало троп мертвых, о которых говорил Мтепик, но, когда они сбрасывали за борт тело Флокс, Зрина что-то почувствовала. На следующий день ей должно было исполниться пятьдесят лет, и чувства ее обострились. Так что она не удивилась, проснувшись с уверенностью, что в рубке сейчас появятся призраки. Она давно не видела призраков: они показывались только дважды со дня смерти Мтепика. Сегодня был первый раз с тех пор, как Трео появился на борту. Она разбудила его, велела быстро одеться и не шуметь.

Зажглись голубые звезды, затем стали красными, затем небо подернулось дымкой, звездное небо приобрело обычный вид, и появилась толпа призраков. Зрина только начала всматриваться в них с любопытством и радоваться, что снова видит это зрелище, как Трео в страхе закричал: он увидел Флокс, прошедшую сквозь стену и занимающую свое место. И все исчезло.

Это решило дело. Зрина заняла капитанскую каюту и отныне делила ее с Чангом. Она позволяла ему тереть себе спину, потому что ему, видимо, это нравилось. Время от времени она занималась с ним любовью, хотя его гораздо более привлекал второй помощник физика, Роберт, но, к несчастью, того любовь вообще не интересовала, по крайней мере та, которую предлагал ему Чанг.

Зрина не совсем отказалась от мыслей о любви, но прошло много времени, прежде чем она начала доверять Чангу не просто как коллеге и сносному партнеру в постели, — так много, что она успела узнать его слишком хорошо и смирилась с доверием без любви. Прошло еще больше времени, прежде чем она снова встретилась с призраками.

К тому дню, когда ей исполнилось восемьдесят пять лет, из

старого поколения на корабле остались только она, Питер и Сквайр. Сквайр в основном спал в аппарате жизнеобеспечения. Тем не менее, когда его будили, он был вполне адекватен и постоянно жаловался. «9743» после голосования, которого Зрина добилась, действуя очень осторожно, был переименован в «Улисс»; это имя он носил двести девяносто лет назад. Зрина сама не знала, почему выбрала именно его.

Они находились в пределах Седьмого Пульса, вблизи границы исследованной человеком области; от родной системы их отделяли сто пятьдесят световых лет пути. Время от времени, через большие промежутки, они улавливали сильный шум тел, двигающихся почти со световой скоростью. Эти объекты имели примерно километр в поперечнике, но проносились сквозь межзвездное пространство с огромной скоростью, и их головная ударная волна оказывалась слишком велика для того, чтобы создать колебания в следах плазмы и породить микроволны.

— Новые корабли колонистов движутся гораздо быстрее старых, — заметила капитан Зрина, сидя за общим столом.

Она настояла на том, чтобы отмечать день рождения каждого члена экипажа, отмечать по-настоящему, и даже откопала кое-какие старые традиции. Например, все надевали смешные шапки, ели рыбу и пели песню под названием «Годы и годы» на древнем конглийском.

— Прежде чем я отойду в мир иной, я хочу увидеть еще одну часть Вселенной, — сказала она. — Мне кажется, сейчас самое время сделать это, и все вы получите от этого выгоду. Проделанное путешествие навсегда создаст нам прочную репутацию среди торговцев. Имя «Улисс» будет известно всем, а это доставит мне удовольствие, — надеюсь, также и вам.

— Шестьдесят лет назад, если верить сообщениям по радио, стали открытыми Солнечная система и система альфы Центавра, так что мы можем сделать по пути одну остановку. Мой план таков. Мы заполним трюмы только наполовину, — вполне вероятно, груза не наберется даже для половины. В любом случае сейчас, мне кажется, ни в одном порту не найти больше. Потом возьмем на борт сколько удастся избыточной массы, которую можно будет использовать в качестве топлива. Тогда мы сможем лететь при скорости девяносто девять и четыре десятых процента от скорости света вместо обычных девяноста восьми и двух десятых процента. Это значит, что время на корабле будет течь в девять раз быстрее, чем в остальном мире, а не в пять раз, как это было раньше. Таким образом, мы доберемся до центральных систем примерно за семь лет корабельного времени. Там мы поменяем груз, возьмем еще топлива и направимся к цели, в

миры Седьмого Пульса, находящиеся на противоположной стороне галактики. В течение ста двадцати лет по обычному времени мы будем двигаться со скоростью девяносто девять и четыре десятых процента от световой. Корпорация в состоянии проделать это хоть сотню раз. Мне просто хочется быть там, когда путешествие закончится. Преодолев этот путь, мы создадим себе прочное имя среди межпланетных торговцев. Никакой другой причины нет.

Трео всегда голосовал так же, как Зрина; он всегда поступал так из боязни, что она сочтет его трусом, хотя она никогда не говорила ничего подобного. Его жена, помощник математика Фатима, тоже голосовала «за» вместе с ним. Питер мог бы проголосовать «за», потому что ему не нравилось заходить в порты и ему пришлась бы по душе идея умереть прежде, чем они сделают первую остановку. Вместе с ее голосом это будет пятьдесят на пятьдесят. Когда Зрина поделилась с Чангом своими мыслями, ей показалось, что ему понравилась эта идея, но про Чанга трудно было сказать, что ему понравится, а что — нет. Остальные трое поклонялись, словно богам, экономическим моделям, с шипением носившимся по компьютерам «Улисса» и парализующим всю деятельность ядом предельного дохода.[219]

— Есть вопросы? — спросила Слит, второй помощник физика, готовившаяся стать первым. Так было принято, потому что она была самой младшей по званию среди голосовавших, к тому же Слит была юна и обладала кипучей энергией в этом экипаже, состоящем из старых, усталых людей.

Большая часть команды шептала у нее за спиной, что она раздражает. Сквайр, когда выбирался из своего аппарата, бросал эти слова ей в лицо, а Роберт, первый помощник физика, говорил это холодно, словно сообщал атомную массу кислорода или орбитальную скорость какой-нибудь планеты.

Чтобы сгладить такое отношение, Зрина открыто показывала, что Слит сейчас так же дорога ей, как и в тот день, когда она появилась на борту двухлетней девочкой, слишком шумной для экипажа космического корабля. Старея, капитан все отчетливее понимала, что Слит здесь была единственным человеком, кроме нее, которая любила доводить дело до конца. Так что вопрос ее был естественным, а не только заданным по обязанности.

Проголосовали почти единогласно — только Сквайр и Роберт были против. Слит извиняющимся тоном сказала своим товарищам по каюте:

— Я хочу летать на знаменитом корабле, а эти рейсы по поверхности Шестого Пульса становятся скучными.

Зрина подумала, что дело, скорее, в другом. Просто Слит,

которой еще не исполнилось и двадцати (она вернулась с учебного корабля, когда ей было всего двенадцать лет), слишком долго прожила вместе со злобной мумией в ящике и холодным человеком, который никогда ни с кем не разговаривал. Зрина не раз спрашивала Слит, не обращается ли Роберт с ней плохо, и Слит отвечала «нет» таким тоном, что Зрина интерпретировала это как: «Да, но, пожалуйста, не надо ничего предпринимать». Сегодня Слит в первый раз показала, что не намеревается оставаться на побегушках у Роберта и Питера, и это доставило Зрине такую радость, которой она давно уже не испытывала.

Той ночью, заползая в спальный мешок рядом с Зриной, Чанг сказал:

— Когда мы приблизимся к родной системе и ты проснешься, понимая, что скоро в рубке появятся призраки, не буди меня. Я боюсь их и ничего не хочу о них знать.

— Хорошо, — ответила она. — Ты читал мой дневник?

— Да, — признался он. — Я имею право, как первый помощник, читать все, что ты пишешь, и я не люблю просить. Но я попросил Трео, и он рассказал мне, как испугался в тот раз. Я отыскал видеозаписи всех твоих дней рождения и дней рождения Мтепика и увидел призраков на экране. Это так испугало меня, что я с тех пор плохо сплю. Так что не бери меня с собой. Я не хочу видеть привидения. — И уже более мягко добавил: — Можешь поговорить об этом со Слит. Она всегда была твоей маленькой тенью, так что она взглянет в лицо страху просто из любви к тебе.

— Спасибо, — сказала она. — Я так и сделаю.

Зрина повернулась к нему спиной, чтобы наслаждаться его теплом, не желая больше разговаривать. «Наверное, я пошла смотреть на призраков только из любви к Мтепику, — подумала она. — Но я все равно хотела увидеть их, хотя сама узнала об этом, только когда он показал их мне. Надеюсь, со Слит все будет так же».

Вечером своего девяносто третьего дня рождения Зрина перекатилась на другой бок и дотронулась до Слит — та уже несколько лет спала с ней вместе.

— Призраки, — сказала она. — Наконец-то.

— Я рада, — ответила Слит, которая проснулась мгновенно. Они включили свет и быстро оделись.

Она не была уверена, что действительно рада. В последние пять лет Слит и капитан беседовали о призраках по крайней мере каждые несколько вахт, и Слит постепенно поняла, что ее первая встреча с ними станет для капитана последней. Во время

длительной и нестерпимо скучной остановки у спутника Старой Земли она заставляла себя казаться счастливой, изображала радость по поводу близкого появления призраков. И вот теперь, когда время пришло, у Слит не осталось времени обдумать свои эмоции: что она хочет чувствовать, что должна чувствовать. Она старалась лишь сохранять свои теперешние ощущения, которые были загадкой.

Зрина много рассказывала Слит о Мтепике, призраках и всех теориях насчет призраков, во время остановки, пока они искали необходимый груз, ей не приходилось много работать, всего лишь около часа в сутки. В конце концов роботы Старой Земли и «Улисса» нашли небольшую партию товара, но явно не в состоянии были объяснить, что находится в контейнерах. Они лишь дали понять, что, вероятно, этот товар понадобится кому-нибудь через двадцать лет в новом Шестом Пульсе, в мирах, находящихся в районе Южного Креста и Сентари.

Капитану не было дела до груза, так что Слит тоже решила не думать об этом. Малое количество груза означало, что у них останется больше места для урана-238. Он был нужен не для атомных двигателей, как в древности, — они могли с таким же успехом взять на борт сено, овес или воду, и взяли бы, если бы не нашлось ничего более плотного. Уран представлял собой достаточно плотное вещество, которое разлагалось на нуклоны в двигателе и выбрасывалось из носовой части корабля, чтобы расчистить им путь через межзвездное пространство. Имея дополнительную массу, они смогут двигаться со скоростью 99,7 процента от световой. Таким образом, время на корабле будет течь почти в тринадцать раз быстрее обычного. Теперь «Улисс» наверняка станет легендой.

«Но, — печально размышляла Слит, — легенда кончится не тем, что капитан Зрина приведет «Улисс» в порт Саммер». Этот порт они избрали в качестве места назначения на последнем совещании около года тому назад и, соответственно, изменили курс.

Зрина и Слит много раз беседовали о призраках, и Слит не могла дождаться, когда увидит их вместе со Зриной; но она знала, что потом ей будет не хватать этих разговоров, и ей печально было сознавать, что не с кем будет поговорить об этой первой встрече. Однако, с другой стороны, ведь Мтепик видел привидения пять раз, будучи в одиночестве, так что, кто знает — возможно, другие тоже видели их, но никогда не говорили об этом?

И все же Слит мечтала, как после встречи с призраками она сможет поговорить о них с капитаном Зриной. Она выросла на

корабле и из-за изменившегося плана полета провела на учебном корабле всего шесть лет — половину от обычного срока. Когда она была маленькой, то большую часть времени следовала за Зриной везде, куда бы та ни пошла, а позднее много ухаживала за ней. Зрина всегда была ее единственным другом.

Слит знала, что будет ужасно тосковать по капитану, но считала, что не следует говорить об этом, когда глаза капитана искрятся радостью; и, когда они оказались в рубке, ожидая видения в темноте, ей стало легче — теперь она могла молча плакать.

Все произошло так, как ей рассказывала Зрина.

Призраки появились, и Зрина завертелась и запрыгала, словно была в десять раз моложе. Когда невысокая худая фигура — очевидно, это был Мтепик — прошла сквозь стену и появилась в рубке, из головы и груди капитана в доли секунды возникла светящаяся крошечная девочка, она отделилась от старого тела и протянула руки к Мтепику. Тот устремился к новорожденной Зрине и заключил ее в объятия. «Всего лишь несколько секунд, я в первый раз увидела призраков, и все закончилось», — печально подумала Слит.

И, словно подслушав ее мысли, Мтепик, державший на руках ярко светящегося призрачного ребенка, обернулся, и на лице его появилась теплая понимающая улыбка.

Ко всеобщему удивлению — даже к удивлению призрака Мтепика, — Зрина-призрак, новорожденный беззубый младенец с огромными глазами на радостном лице, лежавшая в молодых и сильных руках призрака-математика, помахала Слит на прощание, точно так же, как это делают все дети. Слит не смогла удержаться и захихикала вслух, и все призраки, кроме Мтепика и Зрины, исчезли, а звезды начали гаснуть.

Улыбнувшись, Мтепик поднес палец к губам: «Тс-с!» — и Зрина повторила его движение, и оба они снова помахали Слит, а затем уплыли к звездам и угасли вместе с ними, оставив Слит улыбаться во тьме.

Эликс Делламоника
Город на Проклятом Море[220]

Рутлесс[221] двигалась бесшумно, но уверенно, стараясь держаться в тени. Она быстро шагала мимо небоскребов одного из новых районов Земного Города. В Северном полушарии Кабувы стояло лето, воздух был прохладным и плотным, но неморозным. Мускусный запах, доносящийся со стороны моря, напоминал, что это не дом, что это место никогда не станет домом. Прыгающая Луна была полной, она светила так ярко, что могло показаться, будто сейчас время рассвета, а не глухая ночь. Рутлесс прокляла этот свет, потом напомнила себе, что могло быть и хуже, — Безумной Луны сегодня не было.

Дойдя до Феникс-авеню, женщина с облегчением увидела, что, кроме нее, там нет ни единого живого существа. Вокруг вздымались к небу башни, собранные из наноструктур, одинаково высокие, монолитные, гладкие. Достав нелегально купленный сканер, Рутлесс быстро описала круг в середине пустого перекрестка, проверяя полицейскую частоту. Сканер уловил довольно много сигналов, но все они, к ее удовлетворению, исходили из жилой части города.

Кабу переоценили число изгнанников с Земли, которые могли добраться до Острова Беженцев. Они построили Земной Город, рассчитывая на три миллиона жителей; на самом деле лишь полутора миллионам людей удалось спастись с Земли. После этого кальмары запечатали излишек приготовленных зданий, деактивировали энергетические сети и водоснабжение, заблокировали дороги и отключили почти все камеры наблюдения, оставив лишь несколько штук.

Если верить ее сканеру, это была одна из мертвых зон — поблизости ни одного копа. Удовлетворенная, Рутлесс повернулась к разрубленной пластиковой двери, ведущей в ближайшее здание. Протиснувшись сквозь дыру, она трусцой взбежала по мертвому эскалатору на шестой этаж. Пройдя половину коридора, она наткнулась на другую взломанную дверь.

Рутлесс подползла к отверстию, постучала по двери затянутыми в перчатки пальцами:

— Рав?

— Тетя? — Голос Равиля звучал глуше, чем час назад, — в нем слышалось меньше страха, больше потрясения. Когда он позвонил, у нее как раз начался прилив, и, в то время как от слов племянника сердце у нее холодело, по лицу и груди градом

катился пот.

Тетя. Когда он в последний раз называл ее так? Еще до Изгнания?

— Открывай, Рав.

Створки двери рывками разъехались в стороны — их двигал живой человек, а не механизм. Рутлесс не помогла племяннику, она ни к чему не прикасалась, несмотря на то что, прежде чем покинуть свою квартиру, она надела перчатки и обрызгала себя специальным аэрозолем.

Она окинула помещение одним взглядом. Кровь, тела — человеческое, тело женщины, и тело кальмара-самца, — запах рвоты и, что было важнее всего, отсутствие непосредственной угрозы. Оценив размеры катастрофы, она сосредоточилась на Раве. Сын ее брата был бледен, глаза ввалились, от него несло блевотиной, из разреза над ключицей сочилась кровь. Кабу лишь слегка промахнулся — еще несколько дюймов, и он перерезал бы мальчику глотку. Она насчитала дюжину синяков и следов от присосок, но все они были несерьезными.

Светлые, почти белые волосы Рава слиплись от чернил и других жидкостей, выделяемых инопланетянами. Левая рука была вся в крови кабу — от плеча до кончиков пальцев.

— Думаю, ты хочешь, чтобы я сдался, — произнес он, и Рутлесс пронзила острая боль — она вспомнила точно такое же выражение на лице его отца. «Он собирает волю в кулак, — подумала она, — совсем как Мэтт перед битвой за Лас-Вегас». — Мне будет легче, если ты пойдешь со мной. Тетя, сможешь? — Рутлесс не ответила, и он, сглотнув ком в горле, начал: — Я могу позвонить прямо сейчас, если…

— Нет, детка. — Она покачала головой. — Мы не будем никуда звонить.

Лицо Рава загорелось огнем, на глазах выступили слезы. Он протянул к ней руки, но Рутлесс жестом остановила его:

— Ты можешь ответить на пару вопросов?

— Ко-конечно.

Она указала на мертвую женщину:

— Кальмар убил ее?

— Да, — ответил он.

— Ты убил его? Медленный кивок.

— Ты кого-нибудь из них знал?

— Нет.

— Совсем нет?

Поморщившись, Рав показал на женщину:

— Она местная проститутка. Иногда приходит в Риальто, но…

— Но вы никогда не разговаривали.

— Просто… — Он изобразил, как отрывает корешок билета. — Приятного просмотра, мэм.

— Хорошо.

— Ей нравится… нравилось немое кино. Всегда приходила посмотреть Бастера Китона.[222]

— О'кей, Рав. Ты пошел за ними, потому что…

— Я снимаю документальный фильм о торговле ощущениями.

— Снимаешь что? — Она отвыкла скрывать свои чувства, как прежде, — от ее тона Рав вздрогнул. — Фильм — ты принес с собой записывающее оборудование?

Он указал на пятнышко размером с пуговицу на стене, рядом с потолком.

— Это камера?

— Последняя модель. «Муха на стене», вот как они ее называют. — Он невесело рассмеялся.

Штука висела на стене на порядочном расстоянии от резни. Она была слишком маленькой и явно имела небольшой радиус действия. Быстро оглядев комнату, Рутлесс заметила приемник на голубом рюкзаке, который она подарила Раву на последний день рождения.

— Господи исусе, Рав, ты записал убийства?

— Я выключил ее, когда все кончилось.

— Сейчас она выключена? — Вместе со словами у нее вырвался какой-то рев.

Рав вскинул голову:

— Да. Выключена. Клянусь, тебя не записывают.

— Где хранятся записи?

— В моем архиве данных, дома.

— Ты передавал все это?

— Да, с использованием маминых шифровальных протоколов.

Рутлесс медленно выдохнула. Элва знает свое дело: записи в безопасности.

Рав поднес к лицу трясущуюся, залитую кровью руку, словно собираясь откинуть волосы. Дотронувшись до лица, он отдернул ладонь, уставился на почерневшие пальцы.

— Он засунул щупальце ей в горло. Она задыхалась. Я не мог…

— Ты должен был помочь ей.

— Я схватил его… то есть он схватил меня. Она задыхалась, и все эти щупальца…

Рутлесс кивнула — она слишком хорошо помнила, каково

сражаться голыми руками с разъяренным кальмаром. Они были крупнее людей и из-за щупалец казались сильнее, чем были на самом деле. Уж не говоря о том, что они скользкие и проворные.

— Я как-то раз подслушал, как мама рассказывала своим охранникам, что ты однажды во время войны засунула кальмару руку в глотку.

— Все понятно, — отозвалась Рутлесс, рассматривая тела. Брызги, генетическая информация. Предстоит много работы.

— Она сказала, что ты пальцами добралась до его мозга… — продолжал Рав, ощущая рвотные позывы при виде своей окровавленной руки.

— Ты все правильно сделал, Рав.

В обычное время она жутко разозлилась бы на Элву за то, что та позволяет ребенку слушать подобные вещи. Но поскольку этот рассказ, очевидно, спас ему задницу, она про себя благословила нескромность невестки.

— Правильно?

Она кивнула, продолжая размышлять о чистке:

— Ты добрался до дому с игровой площадки, это единственное, что имеет значение.

— Игровой площадки, — повторил он, не понимая.

— Э… о, прости. Военный жаргон. Это значит…

— Я знаю, что это военный жаргон.

— Значит, что ты не погиб.

— Ты никогда… от этого ты кажешься такой старой.

— Допотопной. — Она еще раз оглядела комнату. — Нужно убрать за собой игрушки — так бы мы это назвали.

Он содрогнулся.

— Если я поступил правильно и запись это доказывает, то почему не рассказать обо всем?

Она покачала головой:

— Правильно или нет, кальмары все равно утопят тебя. Ты убил одного из них, судя по всему, какую-то мелкую сошку…

— Он убийца!

— Всплывут старые воспоминания. Всякая чушь про войну, о которой кабу не любят говорить.

— А теперь это сокрытие преступления.

— Возможно, однажды все изменится, если мы раньше не вернемся на Землю. Но для перемен требуется время и мученики, Рав, а я не хочу, чтобы ты стал мучеником. Не за попытку спасения какой-то несчастной проститутки. Хорошо?

Вздрогнув, он кивнул.

— Тогда начнем. Мне нужно, чтобы ты достал гидратационный резервуар кальмара.

— Что?

— У него должен быть резервуар. Чтобы сохранять кожу влажной. — Она указала, где искать, и Рав неловко извлек металлическую канистру из вялой колоколообразной головы инопланетянина. — Подержи так, чтобы я могла видеть блок управления. Хорошо. Там хватит воды, чтобы ты смог вымыться.

— А может, мне просто пойти в душ?

— Нет! Твои клетки попадут в сток, и тогда все пропало. Сними одежду в том углу и с помощью этой воды приведи себя в порядок.

— На полу останется кровь и грязь.

— Ничего. Сейчас тебе просто нужно помыться.

Пока Рав обливался, она расстелила свой плащ на полу коридора и выложила набор различных аэрозолей и нанотехники, которые скопила с начала Изгнания. Потребовалось время, чтобы завести контакты в здешней лаборатории судебной медицины. Иногда ей казалось, что она зря тратит деньги. Разумеется, она думала, что вернется обратно на Землю, прежде чем ей понадобится хоть одна из этих игрушек.

Но месяцы, прошедшие со дня Отступления — никто из жителей Земного Города не называл это событие поражением, — растянулись на годы; они провели здесь уже семнадцать лет.

— Хм, — произнес Рав, стряхивая капли воды с прекрасных белокурых волос.

— Готов?

Он кивнул, отчаянно покраснев; одна из чисто вымытых рук прикрывала пах.

Рутлесс распылила наноаэрозоль на полотенце и передала ему через порог.

— Вот, возьми, вытрись. Хорошо. А теперь положи его на пол, как коврик, и пройдись по нему пару раз. Ступни сухие?

— Ага.

— Оставь полотенце там, где оно лежит, переступи через это щупальце и выходи в коридор.

Без одежды ее племянник выглядел юным и беззащитным. Когда он покинул место преступления, она стиснула его плечо одетой в перчатку рукой и почувствовала, как боль в груди отошла при этом прикосновении.

— Все будет хорошо, детка. Он сглотнул и кивнул.

— Теперь давай разберемся с раной.

Края разреза на его груди уже покраснели — все знали, что слюна кабу исключительно ядовита. Рутлесс насухо промокнула рану салфеткой, пропитанной антибиотиком, и сделала две инъекции для усиления иммунитета. Наконец она наложила на

рану тонкий слой искусственной кожи, которая склеилась с настоящей так, что разрез стал незаметен.

— Рану необходимо будет обрабатывать каждый день по меньшей мере неделю. Нельзя, чтобы у тебя остался шрам, — слишком очевидно, что это след от удара клювом. А пока ты будешь носить одежду с высокими воротниками, чтобы никто ничего не заметил. Никто не должен этого видеть, Рав, ты понял меня?

— О'кей.

— Ты с кем-нибудь спишь?

— Нет.

— Точно?

— Нет! — Он порозовел с головы до ног.

— Отлично. И не начинай, пока не выздоровеешь. — Затем она обрызгала его тело другим аэрозолем. Осев на кожу, капельки быстро расплылись, облепив тело Рава сплошным слоем, словно масло. — Это исчезнет через день-два.

— Щекотно.

— Эта штука поглощает все мертвые клетки, которые сбрасывает твое тело; также волосы, пот, слезы, кровь — все, что может оставить следы. Полицейские лаборатории кальмаров разработали ее, чтобы их следователи не загрязняли место преступления. Не то чтобы они проливали слезы, конечно. Этот вариант разработан для людей-копов…

Как она и надеялась, ее прикосновение успокоило юношу, а деловитый голос несколько снял напряжение и неловкость от наготы.

— Где ты достала этот спрей?

— В одной лаборатории в Малой Канаде, торгующей на черном рынке, — ответила Рутлесс, протягивая ему комбинезон. — Вот, одевайся. Смотри, чтобы синтетическая кожа не слезла.

Он с видимым облегчением натянул одежду.

— Ты все время носишь с собой эти штуки, чтобы заметать следы преступлений?

— В качестве меры предосторожности.

— Против чего? Все, кто здесь живет, сражались на стороне кабу. Почему кому-то может понадобиться скрывать…

— Убийство при смягчающих обстоятельствах? Он сглотнул:

— Ты когда-то была копом. Ты расследовала подобные вещи.

— А теперь я работаю на производстве зонтиков. Послушай, золотко. Ты пытался спасти девушку. Хорошее дело… а кальмара ты убил в честном бою.

— Ты бы прикрыла меня, даже если бы я напал на него. Не

будь я твоим племянником, мне была бы крышка.

— Да, думаю, ты прав.

— Так что на самом деле, прав я был или не прав, не имеет значения.

— И что, теперь ты собираешься убивать кальмаров для собственного удовольствия?

Он окинул ее яростным взглядом:

— Это не доставило мне удовольствия.

— Я не пытаюсь обидеть тебя, Рав. Я знаю, что гнев лучше, чем страх или психоз.

— Не рассказывай мне, что я чувствую!

— Можешь поорать на меня позже, если тебе это требуется, все, что хочешь, когда хочешь, обвинить меня во всем, чем хочешь.

— Это не…

Она перебила его:

— Тебе придется орать только на меня, потому что пока мы здесь, на Кабуве, ты не упомянешь о случившемся ни единой живой душе. Никогда, Рав.

Юноша рывком натянул комбинезон на бедра, дрожащими руками расправил ткань.

— А прямо сейчас нам необходимо избавиться от следов. Итак, я спрашиваю: тебе нужно успокоительное или ты справишься сам?

Рав нахмурился, смущенный, и она показала шприц.

— Мне не нужны лекарства, — выдавил он.

— Отлично. Надевай мой плащ и не забудь опустить голову — здесь могут быть стационарные камеры.

— Мы уходим? А как же моя кровь и тела…

— Мы вернемся и уничтожим все это.

— Как? Здесь столько… улик.

— Распылим их, — сказала Рутлесс, и на лице Рава появилось безвольное выражение, словно она действительно дала ему наркотик.

Склонив голову, он заскользил вслед за ней по коридору.

Кабу почти с самого начала заинтересовались гражданской войной на Земле, помогая Демократической армии в ее глобальной борьбе против фашистских Друзей Освобождения технологиями, медикаментами и в конце концов даже солдатами. Эта война стоила внеземной цивилизации огромных денег и унесла жизни миллиона молодых кальмаров, не считая призывников, вернувшихся домой искалеченными душой и телом, почти такими же мертвыми, как и их распыленные товарищи.

Друзья — Враги, как называли их противники, — также получали поддержку с другой планеты. В течение семидесяти лет кровопролитных сражений они наносили альянсу Демократов и кальмаров тяжелые удары. Враги поглотили мир милю за милей, начав в Азии и закончив Северной Америкой.

Самым ужасным оружием войны была пыль, наноагент, который разрушал все, что попадалось на его пути, молекула за молекулой. Пыль, одинаково эффективная как против неподвижных целей, так и против живой силы, стирала жертвы с лица земли. После прямого попадания не оставалось никаких следов. Никаких останков, даже ДНК, — только странные стерильные поля сражений, перекрывающиеся кратеры, наполненные тонким порошком цвета ржавчины, иногда окруженные кусками тел. Руки, ноги и головы — обычно именно эти части тела оставались целыми после удара.

Рав, дитя Отступления, вырос в страхе перед одним только упоминанием о пыли. Это была страшилка его поколения: «Спи, малыш, не то придут Враги и распылят тебя».

Эта угроза не мешала ему надоедать матери и тетке просьбами рассказать что-нибудь о войне: его увлечение прошлым было ненасытным. «Возможно, теперь это пройдет», — подумала Рутлесс, испытав укол совести за свой эгоизм.

Они добрались до Риальто сразу после полуночи и проникли внутрь через заднюю дверь.

— Иди надень подходящую одежду. Ту, что на тебе, принеси обратно, — приказала Рутлесс.

— Ладно.

— Но сначала дай мне доступ к своей базе данных.

— Для этого нужны отпечатки пальцев.

— Войди и разреши мне доступ, — сказала она, подталкивая его к терминалу.

— Что ты собираешься делать?

— Стереть запись и все, что может быть связано с ней.

— Я сделаю это позже.

— Просто иди и переоденься.

— Хорошо. — Приложив палец к сканеру и открыв базу данных, Рав исчез наверху.

Рутлесс довольно легко нашла нужную директорию: она была набита видеофайлами. На видео были запечатлены сцены торговли телом. Полуодетые женщины и мужчины притаились в каких-то подворотнях. Машины, управляемые шоферами-людьми, медленно проезжали мимо, давая возможность кальмарам протянуть щупальца из резервуара с водой и оценить предлагаемый товар. Сцены торопливого ощупывания: какой-то

старый кальмар с двумя обожженными щупальцами медленно снимал с женщины маску, осторожно ощупывал ее губы и уголки глаз. Мужчина, выпивший какого-то снадобья, от которого пот градом катился с него, медленно проводил щупальцем кальмара по своим половым органам.

Тот же мужчина появился в следующем фрагменте: он обводил щупальцем свое ухо и засовывал отросток внутрь. И еще одна сцена: человек надевал какое-то приспособление для дыхания, которое должно было позволить клиенту ощупать его горло, не задушив его.

Кабу, слепые, как котята, воспринимали окружающий мир с помощью осязания и обоняния: общаясь друг с другом, они неистово ощупывали и присасывались. Люди, имеющие с ними дело, носили одежду, закрывающую промежность, и маски для защиты лица. Предполагалось, что кальмарам довольно запаха и вкуса человеческих ног, ладоней и подмышек, но это правило соблюдалось так же «строго», как любое другое табу.

Рутлесс предпочитала не общаться с кабу в повседневной жизни, если этого можно было избежать. В маске она ощущала приступы клаустрофобии. Даже спустя много лет было что-то такое в воспоминаниях о щупальце, обвивающем ее запястье, о крошечных присосках, шарящих по ее ладони, что вызывало у нее тошноту.

Она добралась до последней записи. Видео начиналось с того, что пара, которую она видела мертвыми в квартире, подъезжала к зданию на Феникс-стрит. Когда машина отъехала, женщина подняла глаза — всего на секунду — и взглянула на зеленоватый диск Прыгающей Луны.

Камера, следуя за ними внутрь здания, то опускалась, то взмывала вверх в поисках лучшей точки обзора. К тому времени, когда она зависла неподвижно, женщина уже разделась и прислонилась к стене, чтобы кальмар смог ощупать ее.

Зачем это понадобилось Раву, удивлялась Рутлесс, — она испытывала тошноту, глядя, как щупальца шарят по телу женщины, залезают ей в уши, касаются уголков глаз и, наконец, ощупывают ее влагалище и анус. Сразу после этого все и произошло: кальмар одним щупальцем со страшной силой дернул ее за язык, а другое засунул ей в горло.

Когда женщина начала задыхаться, ворвался Рав.

Рутлесс испытала ярость медведицы, глядя, как ее племянник и кальмар схватились, как клюв чудовища разрезал грудь Рава и из раны хлынула кровь. Рав сунул руку в глотку врага, воткнул пальцы в мягкое нёбо инопланетянина. Резким движением он пробил желеобразную плоть и стиснул в кулаке мозг. Кальмар

забился в конвульсиях, затем рухнул на пол.

Высвободив руку, Рав подполз к женщине, вытащил из ее горла окровавленное щупальце. Проверил пульс, начал делать искусственное дыхание. «Хороший мальчик», — подумала Рутлесс, прокручивая запись вперед. Он старался изо всех сил, но напрасно, затем, рыдая, рухнул в лужу черной крови, и его стало рвать. Прошло некоторое время, прежде чем он пришел в себя и отключил камеру.

Рутлесс удалила все файлы и пошарила в базе, разыскивая копии. Она нашла копии старых файлов, последняя запись не была дублирована. Рутлесс с чувством облегчения уничтожила копии, выбрала парочку наиболее агрессивных защитных программ Элвы и запустила их, чтобы они стерли все следы уничтоженных файлов.

Затем, пробежав по коридору, она заглянула в театр.

Когда ее невестка приехала в Земной Город, из личных вещей у нее с собой имелась лишь надетая на ней униформа. В двух чемоданах, которые разрешалось взять с собой каждому Изгнаннику, и в одном чемодане, принадлежавшем Раву, Элва привезла фильмы, сотни фильмов: блокбастеры, высокохудожественное кино, мультфильмы, классику, всяческие развлекательные записи, которые ей удалось достать. Сойдя с корабля, она тут же отправилась в лицензионное бюро. На следующий день Элва получила документ, разрешающий заниматься бизнесом, единоличный контроль над большим кинотеатром и просторную квартиру рядом с ним. Она начала круглосуточно демонстрировать фильмы… и народ потянулся в ее заведение.

Прошла неделя по календарю Кабувы, и Элва получила все необходимое — одежду, кухонную утварь, книги. Беженцы, потрясенные расставанием с родной планетой, лишенные всего, радовались даже мимолетному видению дома.

Сейчас зрители допускались в кинотеатр исключительно за деньги. Как всегда, зал был забит до отказа, все двести мест были заняты, снаружи выстроилась очередь тоскующих по дому землян, большинство — ровесники Рутлесс. Показывали старую болливудскую[223] картину — «Мангал андей»,[224] подумала она. Многие сидели с отвисшими челюстями, словно в трансе. Некоторые бормотали вслух, читая английские субтитры.

Рутлесс позволила себе бросить лишь один взгляд на экран, один взгляд на опьяняющее зрелище лошадей и пустыни, на знакомое небо Земли. Затем она на цыпочках прокралась в офис Элвы. Немного повозившись и воспользовавшись одним из своих аэрозолей, она взломала сейф и взяла пачку контрамарок. Голос

Элвы заставил ее обернуться:

— Что ты здесь делаешь? Где Рав?

По стандартам беженцев, Элва была богатой женщиной, но годы лишений, предшествовавшие Изгнанию, сделали ее скупой. Она носила серую одежду самого простого покроя и старые кожаные сапоги. Волосы были коротко острижены, и рыжая с проседью щетина не скрывала шрама на черепе. Рав рассказывал, что она копит продукты и лекарства на тот день, когда они отправятся домой.

Глаза ее были похожи на изумруды — такие же блестящие, зеленые, враждебные. Рутлесс и ее невестка не раз сражались плечом к плечу, но никогда не были друзьями.

— Рав наверху, — ответила Рутлесс и, когда Элва сделала движение в том направлении, добавила: — Оставь его.

— Какое право ты имеешь указывать мне, что делать в моем собственном доме?

— Прости.

— С ним все в порядке?

— В общем, да.

— У него неприятности?

— Это ненадолго.

— Что произошло?

— Если я расскажу, ты пожалеешь, что спросила.

Элва быстро оглянулась на занавес, отгораживавший их от зрительного зала.

— Если ты хочешь позвать своих парней, чтобы они меня вывели из игры…

— Думаешь, я настолько глупа, чтобы применять силу, Рутлесс?

— Думаю, с этим лучше повременить, — любезно ответила она, но Элва не пошевелилась. Если невестка и вызвала своих псов, то не давала отбоя. — Возвращайся к работе, Элва. Веди себя как обычно. Рав будет дома к рассвету.

— И это все? Появилась здесь, напугала меня до смерти, обобрала до нитки — и не собираешься ничего рассказывать?

— Больше не спрашивай, — сказала Рутлесс. — Не здесь. Его тоже не спрашивай.

— Дерьмо собачье.

— Для всех будет лучше, если ты притворишься, будто не знала, что он выходил. Всем, кто спросит, отвечай, что он провел ночь дома.

— В какую грязь ты его затащила?

— Если не сделаешь, как я скажу, Элва, кальмары придут за ним. И утопят его. Ты — моя семья, Элва, но он — моя кровь.

Упомянешь об этом ему или кому-либо еще, и полиция может заинтересоваться, и тогда сына моего брата убьют. А я расскажу всем, что ты работала на Врагов.

— Я никогда…

— Слухи — это не обязательно правда, Элва. Ты женщина, ты богата, и в тебе есть что-то от суки. Тебя не любят, и ты это знаешь. А теперь возвращайся к работе, пока твой ребенок не пришел и не увидел, как мы спорим.

— Я не спорю с тобой.

— Мне кажется, мы поладим, — сказала Рутлесс, но тут Элва сильно ударила ее кулаком в челюсть.

Рутлесс упала навзничь на письменный стол. Она забыла о вспыльчивом характере невестки.

— Не угрожай мне, Руги. Это мой сын. Думаешь, шантаж…

— Все плохо, ясно? Он в беде, в большой беде. — Она ощутила вкус крови во рту, и у нее мелькнула мысль дать сдачи. Много лет прошло с того дня, как они дрались в последний раз… достаточно много, и она решила, что это будет даже забавно. Но вместо этого она сказала: — Мне не следовало этого говорить. Это твой ребенок. Ты будешь молчать, я знаю.

На лестнице послышались легкие шаги.

— Тетя?

Элва ударила Рутлесс кулаком в переносицу:

— Не проиграй. Какова бы ни была игра…

— Я никогда не проигрываю. — С трясущейся челюстью Рутлесс обошла Элву и скользнула обратно в вестибюль.

— Рутлесс? — Хриплый шепот.

— Просто Рут, Рав, — вздохнула она. — Ладно?

— У тебя кровь идет.

— Один из головорезов твой мамы решил, что я безбилетница.

— Он еще жив? — Шутка не удалась, потому что голос его дрожал.

— Внезапно убить — не так уж смешно, а, парень?

— Так что теперь?

Действительно, что? Элве нужно время, чтобы успокоиться, а Рав слишком возбужден, чтобы остаться. И в любом случае он уже в игре, не так ли? Правило клуба номер один: убирай за собой игрушки.

Она повела его по тротуару, благодаря небо за сгустившийся туман.

— Давай поговорим о том, как обычно люди попадаются.

— Хорошо.

— Они звонят по телефону или переводят большие суммы

денег примерно в то время, когда было совершено преступление.

— Я звонил тебе.

— Мы придумаем этому объяснение. Они признаются в совершенном своим возлюбленным или врачам через десять лет после преступления, затем возлюбленный или врач рассказывает кому-то еще, который рассказывает другому, и в конце концов секрет становится достоянием полиции. Они пишут обо всем в дневниках. Они перестают доверять своим партнерам…

— Партнерам?

— Соучастникам.

— Я был один, Рутл… Рут.

— Рав, — она поймала его взгляд, — теперь меня тоже могут утопить за это точно так же, как и тебя.

Он побледнел.

— Пошли, у нас мало времени.

Они сели на скоростной транспорт до района, где жила Рутлесс, и молча поехали по Бейджинг-авеню. За домами виднелись черные воды океана — его местное название, Винваломм, означало Проклятое Море. Побережье скрывал поднимающийся туман. Неясные силуэты собирателей раковин — людей и кальмаров, — словно призраки, двигались вдоль берега, окаймленного синей полосой прибоя.

Проходя по ярко освещенному рынку, Рав и Рутлесс рассматривали кальмаров, пришедших купить земные деликатесы — побеги фасоли, говяжий рубец, шелк. Торговые точки вроде этой обычно были открыты по ночам — днем здешнее солнце иссушало и обжигало нежную кожу кальмаров.

На рынке стоял шум, и Рав шепнул в ухо своей спутнице:

— Можно тебя кое о чем спросить? Взглянув на свой сканер, она кивнула:

— Спрашивай.

— Ты не была среди Врагов. Ты сражалась против них, верно, как и кабу?

— Да.

— Так как же случилось, что…

— Что мне пришлось голыми руками убивать кальмаров? Он кивнул.

— Тебе незачем это знать…

— Прошу тебя. «Нет», — мысленно ответила Рутлесс, и, когда она открыла рот, чтобы заговорить, ее тело запротестовало — она почувствовала, что челюсти словно заржавели и приросли друг к другу.

— Кальмарам нужны были шпионы — верные Демократы, которые должны были присоединиться к Врагам и сообщать об их

намерениях. Твоего отца взяли в плен, и я решила, что смогу о нем позаботиться и одновременно собрать информацию.

— Так ты притворилась перебежчицей?

— Верно.

— Ты сражалась вместе с ними? Я имею в виду — на их стороне?

— Да. Я убивала Демократов. Я распыляла кальмаров.

— Как после этого кабу могли доверять тебе?

— Я могла свободно вернуться при соблюдении двух условий: я должна была добиться результатов и убивать только солдат, но не офицеров.

Рав натолкнулся на женщину, тащившую блок мороженой рыбы, — не многие люди могли позволить себе покупать говядину или другую земную еду, которую они производили для кальмаров в качестве деликатесов.

Рутлесс невольно рассмеялась:

— Ты шокирован, а?

Он сложил пальцы в местном религиозном жесте, символизирующем почитание.

— Согласно философии кабу, водная жизнь священна…

— Они выбросили на ветер жизни миллионов своих детей. — От горечи у нее что-то сжалось в груди; это ошибка — никогда не следует обсуждать такие вещи с молодежью. Слова выходили у нее рывками, словно бьющая из раны кровь. — Сейчас им легко быть набожными. Прошло несколько лет, и они думают… Рав? С тобой все в порядке?

Он прижал кулак к груди в том месте, где его ранили:

— Болит немного, вот и все. А тебе когда-нибудь хотелось остаться? С Врагами?

Она покачала головой:

— Иногда мне нравилось играть за лучшую команду, но они на самом деле были негодяями.

— Ты нашла моего отца?

— Он умер прежде, чем я успела спасти его, — ответила она, стараясь взять себя в руки и подготовиться к неизбежному шквалу вопросов об этой смерти.

Но Рав с задумчивым видом молчал.

— Так вот почему нам пришлось бежать с Земли. Потому что ты предала Врагов.

И потому что взвод Элвы убил их несколько тысяч, в том числе одного русского князя — это произошло однажды солнечным утром в Чикаго. Хороший старый добрый ядерный заряд. Но она кивнула:

— После победы Враги убили бы нас всех.

Миновав рынок, они поднялись на служебном лифте в сердце инженерной системы, которая контролировала четыре квартала. Там, среди мониторов и компрессоров, они нашли пятидесятилетнего мужчину, его лицо покрывала молочная бледность. Это был гигант с длинными золотистыми волосами, тронутыми сединой, в поношенном комбинезоне — сквозь дыры на коленях виднелось голое тело.

— Это Коп, — сказала Рутлесс. — Коп, мой племянник Рав.

— Это сокращенное от Копенгаген. — Человек протянул грязную руку, и Рав осторожно пожал ее.

— Копенгаген — это такая еда?

— Это город, — резко ответил Коп.

— Где… — начал Рав, но Рутлесс перебила его, прежде чем он не наговорил лишнего:

— Коп, мне нужны гранаты. Две, если можно, три, радиус действия тридцать метров, с таймерами.

Бледно-голубые глаза сверкнули.

— Где играем?

— Новый район. Все нормально, никто не погибнет.

— Мм… — произнес он без выражения. — Вознаграждение? Она вытащила пачку бумажек, украденных из сейфа Элвы:

— Контрамарки.

Коп ощупал свое сокровище:

— Могу достать только две гранаты. Подождешь?

— Нет.

— Понятно. — Засунув билеты за пояс туники, Коп отодвинул панель под монитором системы вентиляции и кондиционирования. Он вытащил вышитую золотую подушку, засунул ее в блестящий пластиковый мешок. — Таймеры подключены.

— Спасибо.

— Помощь нужна?

— Ты очень помог нам.

Прежде чем вернуться к работе, он окинул ее жадным взглядом:

— Тогда безопасной вам игры.

Рутлесс вывела Рава обратно на улицу, чувствуя себя, как мать, вышедшая с сыном за покупками в ночной супермаркет. Если бы не…

— Не смотри на эту подушку, как будто там тикает бомба! — наконец прошипела она.

— Это…

— Рав, — предупреждающе произнесла Рутлесс.

— У него эти штуки просто так валяются?

— Я связалась с ним после твоего звонка.

— По-моему, ты говорила, что телефонные звонки могут нас выдать…

— А кто тебе сказал, что я звонила по телефону?

— Ах. — Он выглядел ошеломленным; Рутлесс не дала себе труда объяснить.

Снова оказавшись на краю нового района, они проскользнули через ограждение и направились к месту преступления. До рассвета оставалось около двух часов, похолодало. Когда они поднимались по ступеням эскалатора, Рутлесс заметила, что Рав пытается имитировать ее походку, ее бесшумные шаги. Примерно каждый третий или четвертый шаг у него получался.

Зажужжал сканер, висевший у ее бедра. Рутлесс притянула к себе Рава, обрызгала их обоих охлаждающим аэрозолем и приложила палец к губам. Она молилась, чтобы это был блуждающий монитор, случайный поиск. Аэрозоль скроет их, их не обнаружат по теплу тел… если не будут слишком тщательно искать.

Рав задрожал — явно устал и издерган. Он всего лишь подросток, и он в бегах… она помнила это чувство.

Сканер зажужжал снова — они были в безопасности.

— Можно спросить? — прошептала она, отпустив юношу.

— Конечно.

— Зачем ты снимал этих людей? Из всех вещей, происходящих в Изгнании…

— Думаешь, люди там, дома, не захотят знать об этом? — спросил он, и в голосе его прозвучала ирония.

— Им будет интересно все, что здесь происходило. Но почему сумасшедший кальмар?

Он пожал плечами:

— Я хотел сделать хоть что-то. Привлечь внимание к этой проблеме.

— Пошли, коп ушел, — сказала она. Он заспешил за ней следом.

— А ты знаешь, что люди, торговавшие ощущениями, начали исчезать?

— Может быть.

— И никто ничего не предпринимал?

— Значит, ты хотел поймать кальмара, которого убил?

— Нет! Это… там, на Земле, если кто-то рассказывал о проблеме, она попадала в новости… люди решали ее.

— Ты смотришь слишком много фильмов своей матери.

— Рутлесс, щупающие кальмары…

— Ты не можешь остановить их. Это как любая другая

психическая болезнь. Всегда найдется кальмар, который захочет попробовать нас на вкус. У них это в крови. До тех пор, пока мы не уедем домой…

Рав схватил ее за локоть, выругавшись на языке Кабувы.

— Что?

— Мы не вернемся на Землю.

— Конечно же вернемся.

Они уже были в коридоре. Им навстречу из темноты медленно выплыл запах смерти и человеческой рвоты. На лице Рава появилось яростное выражение.

— Тетя, ты же не такая, как эти тупоголовые ископаемые, которые целыми днями просиживают штаны в мамином театре, пересматривая старые фильмы.

— И что?

— Мечтаешь о том дне, когда мы поедем обратно? Зря. Мы никогда не вернемся на Землю.

— Рав, правление Врагов не может длиться вечно.

— Почему?

— Потому что оно… — она неуверенно запнулась, — они… Рав, это плохие парни.

— А как насчет того, что происходит здесь и сейчас? Если кто-то поднимет шум вокруг торговли ощущениями…

— Мы уедем домой, — повторила Рутлесс.

Она разозлилась на него, на своего безупречного маленького племянника, который значил для нее больше, чем вся Вселенная. Даже сейчас в груди у нее заныло — странно и сладко — при виде его, ее охватило чувство обладания, желание защитить его. Сына ее брата.

Внезапно ей захотелось свернуть ему шею.

— Мой дом здесь, — заявил Рав. — И я не хочу, чтобы он превратился в охотничьи угодья для инопланетян-извращенцев.

Она шагнула мимо него в двери квартиры, и зрелище бойни успокоило ее. Два трупа. Везде улики. Это была работа, которую нужно сделать.

— Помоги мне открыть это, Рав.

Они выпотрошили подушку, и по прихожей разлетелись синтетические перья. Внутри находились две коробки, размером и цветом напоминающие кирпичи, каждая с кнопками и всплывающим экраном.

Рутлесс поставила таймер на тридцать минут и протянула гранату Раву:

— Иди в комнату. Запихни это подальше под труп кальмара.

— А разве она не уничтожит все, куда бы мы ни положили ее?

— Я хочу, чтобы она осталась незаметной. — Она не стала

объяснять, что это предосторожность на случай, если кто-нибудь придет сюда до взрыва. Гранаты легко разряжались.

Второй заряд предназначался для вестибюля здания: входя и выходя, они могли оставить там свои отпечатки пальцев или другие следы. Они сбежали вниз, Рав наблюдал за улицей, а Рутлесс установила вторую бомбу у колонны.

— Там кто-то есть, — сказал он.

Рутлесс опрокинула его на землю и заглянула в дыру, проделанную в пластиковом щите. У обочины был припаркован лимузин, оснащенный аквариумом, мотор работал. Водитель, человек, искал что-то на перекрестке.

— Полиция? — прошептал Рав. Она покачала головой:

— Шофер того кальмара. Пошли, правила игры изменились. Бежим, сматываемся.

Она подождала, пока шофер не повернулся к ним спиной, затем повела Рава вдоль стены, и они скользнули к соседнему зданию.

Когда они прошли пару кварталов, Рутлесс оглянулась. Водитель наконец принял решение, направился к разрубленному пластиковому щиту и вошел в здание. Рав дернулся в том направлении, но она схватила его и удержала на месте.

— Слишком поздно, — сказала она. — Граната взорвется с минуты на минуту. К тому моменту, как он доберется туда, квартира превратится в пыль.

— Если он поспешит, то тоже превратится в пыль.

— Возможно.

— Мы еще можем вернуться. Предупредим его.

— Если мы его предупредим, Рав, то тебя утопят.

— Я не хочу, чтобы из-за меня погиб невинный человек!

— Он не невинен. — Рутлесс одним глазом посматривала на здание, говорила медленно, стараясь тянуть время. — Этот человек возил твоего кальмара по Земному Городу, когда тот подбирал проституток. Которые затем исчезали. Ни одного тела не нашли, так?

— А я-то думал, ты меня не слушала, — фыркнул он.

— Этот предположительно невинный человек, вероятно, помогал затаскивать тела в эту самую машину, помогал избавляться от них…

— Ты не знаешь наверняка, — возразил Рав. — Он может быть хорошим парнем.

— Может, — согласилась она. — Может быть врачом. Может быть санитаром, отцом новорожденного ребенка или единственным внуком великого генерала Интегро. Но я не собираюсь позволять тебе губить себя ради него.

На глазах ее племянника выступили слезы, они текли по щекам и превращались в ничто — наноаэрозоль поглощал все улики.

— Идем дальше, — начала Рутлесс.

Но в этот момент в окнах шестого этажа появилось белое свечение.

Она точно знала, что там сейчас происходит. Из гранаты возникло сферическое облако пыли, и все, к чему оно прикасалось, превращалось в ничто. Тела, блевотина — возможно, и шофер, если ему не повезло, — уже исчезли. Теперь пыль проедала дыру в стене здания.

— Пошли, — сказала Рутлесс. — Взрыв привлечет полицию. Рав не пошевелился.

«Прошу тебя, — мысленно произнесла Рутлесс. — Не вынуждай меня бить тебя».

— Он жив, — внезапно произнес Рав.

Шофер неожиданно показался на улице — некоторое время он сражался с пластиковым щитом, затем упал на землю. Хватая ртом воздух, он прислонился к стене, глаза его были расширены от ужаса, он трясущимися руками вытащил из кармана телефон и тупо уставился на него.

— Заметил? Он не звонит в полицию, — сказала Рутлесс.

— Заткнись! — прорычал Рав.

В стене здания на высоте шестого этажа образовалась круглая дыра, черное пятно расширялось, словно кариес, разъедающий зуб. «Отличное рассредоточение, — подумала Рутлесс, — игра окончена, спасибо Копу. Теперь нужно вытащить отсюда парня, пока он чего не натворил».

— Пошли, — сказала она, но Рав словно прирос к месту.

— Он жив, — пробормотал юноша, обращаясь скорее к себе. Шофер рыдал, съежившись у стены.

— Нет, — возразила женщина. — Ему конец.

— Что?

— За ним придет полиция, — объяснила Рутлесс. — Он не может уничтожить свои следы, как это сделали мы. Если в машине действительно обнаружат ДНК пропавших проституток… они поймут, что его босс был извращенцем, и утопят парня, чтобы заткнуть ему рот.

— А почему ты так уверена, что он все знает?

— Он ведь не звонит копам, а? И он не бежит.

— Но… — начал Рав, и в этот миг взорвалась вторая граната. Фейерверк искр медленно просачивался сквозь пластик.

У водителя была хорошая реакция: он пустился бежать в тот момент, когда искры стали огненно-рыжими и затем

коричневыми, начали разрушать здание, превратили в ничто огромный кусок улицы. Башня задрожала; в пластиковой стене образовалась щель, доходящая до восьмого или девятого этажа, нижние этажи затрещали. Послышался звон бьющегося стекла.

Облако пыли настигло бегущего шофера. Испустив дикий крик, он исчез.

Рав втянул в себя воздух, глаза его были расширены, как у младенца, собирающегося кричать. Рутлесс стащила его с главной улицы в боковой переулок.

— А теперь иди, или я вколю тебе успокоительное, — приказала она, и Рав, спотыкаясь, пошел вперед, опираясь на нее, пока она тащила его в безопасное место.

— Ну что — вот и я в твоем дурацком клубе, — сказал он, и в смехе его звучала горечь. — Мы должны были предупредить его.

— Он уже был мертв.

— Ты так уверена?

— Невинный или виновный — его все равно казнили бы. Рав, смерть от пыли наступает мгновенно. Он даже не понял, что умирает.

— Если бы я сдался полиции, он был бы сейчас жив.

— Он был бы сейчас в соседней с тобой камере на допросе и размышлял бы о том, скоро ли они привяжут к его ногам камень и поволокут к морю.

Он вырвал у нее свою руку и больше не открывал рта, пока они не оказались в электричке, идущей в сторону Риальто. На юге поднималась Крабовая Звезда. Рав сцепил руки, глаза его были красными и опухшими.

«Я не смогу жить, если он возненавидит меня, — подумала Рутлесс, — если не…»

— Рав, — сказала она, — ты говорил, что мы не вернемся назад.

— Я не вернусь, — ответил он без выражения. — Если я не поеду, мама тоже останется. Но не слушай меня, что я могу знать?

Электричка остановилась, автоматические двери открылись, и Рутлесс почувствовала запах тумана, вдохнула успокаивающий ветерок с моря.

— Твои товарищи по играм думают так же?

— Мои друзья?

Она постаралась сохранить спокойствие. Люди ее поколения никогда не пользовались этим словом, если оно не означало Врага.

— Да, — ответил он, выходя на платформу следом за ней. — Большинство из нас думают, что останутся.

— Потому что все вы выросли здесь.

— Кабува для нас — дом, Рут. — Он сплел пальцы, подражая жесту кальмаров, означавшему безопасность, спокойствие, убежище. — Тебе известно, каково это — потерять дом.

Он был для нее всем.

Так. Новая игра, новые правила. Рутлесс выбросила из головы свою давно лелеемую мечту о возвращении домой, отрезала ее, как гангренозную конечность, стараясь не обращать внимания на боль и чувство потери.

Надо подумать о насущных делах, напомнила она себе.

— Рав, кто знает о том, что ты снимал документальные фильмы?

— Мама. Ты. Несколько друзей, — монотонно ответил он.

— Что за друзья?

— Джеккерс, Кларк и Мэрион. А что?

Прежде чем ответить, она снова проверила, не подслушивают ли их.

— У места преступления остался лимузин, а это значит, что полиция, возможно, свяжет пылевые гранаты с исчезновениями проституток. Они идентифицируют пропавшего кальмара и проверят всех, кто был с ним связан, шофера и проституток.

— Если копы узнают, что я снимал торговлю ощущениями, они захотят поговорить со мной, — сказал он.

— Точно. Я подготовлю тебя к допросу, просто на всякий случай. Возможно, тебе стоит сказать, что ты снял пару эпизодов в качестве основы для большого проекта.

— Какого еще большого проекта? — Он сжал губы.

— Это ты мне расскажешь. Рав подавил зевок.

— За мной не придут. Никто не знает, что именно я снимал.

— Ты никому не рассказывал?

— Я считал, что это… плохая примета. Глупо, правда? Рутлесс протянула руку, желая утешить его» но Рав отступил, на его бледном лице отразилась борьба гнева и страдания. Она не настаивала, а просто сказала;

— Твой отец любил писать пейзажи. Но никому не позволял смотреть на неоконченные картины. Плохая примета, говорил он.

Он удивленно моргнул, и она испугалась, что сказала что-то не то. Но наконец Рав ответил:

— Предполагаю, ты потребуешь от меня бросить это занятие?

— Тебе придется прекратить снимать торговлю телом — да. Но если ты выбросишь оборудование и перестанешь снимать фильмы… это большая перемена в привычках, из тех, которые отслеживают копы. Особенно копы-кальмары — они очень скрупулезны.

— И что мне теперь делать? — Гнев победил.

— Ну, люди знают, что ты снимаешь видео, так что тебе придется срочно заняться чем-то другим. Всем известно, что это была часть какого-то проекта. Но тебе нужна другая тема.

— У меня нет вдохновения.

«Он собирается мучить себя из-за шофера, — подумала Рутлесс, — за ним нужно хорошенько присматривать. И любопытство Элвы тоже следует принять во внимание. Придется не спускать с них глаз».

— А о чем еще не принято говорить в Земном Городе? — спросила она.

Он тупо взглянул на нее.

— Ты делал это, чтобы люди заговорили, так? Сорвать коросту, залечить раны, что-то вроде этого?

— Не надо представлять все таким наивным.

— Послушай, ты говорил, что все замалчивают существование проституции. А к чему еще, как ты думаешь, следует привлечь внимание?

— Есть еще война, — буркнул Рав. — Что значит проиграть ее. Что значит оставить свой дом.

Проиграть. Рутлесс кивнула, обдумывая это.

— Многие мои товарищи по играм, те, кто выжил во время Отступления и пережил его, они здесь.

— Они не станут говорить со мной. Ты же видела этого парня, Копа. Он считает меня тупицей.

— Ну что ж, я хорошо умею переубеждать людей. Он прищурился на нее в свете восходящего солнца:

— И ты это сделаешь?

«Я сделаю для тебя все, дитя мое, — произнесла она про себя, — но непредусмотрительно давать тебе это понять, верно?» И она сказала лишь:

— Как ты сказал, теперь ты в нашем клубе. Люди это почувствуют; перед тобой откроются двери. И я помогу тебе.

— Хорошо. — Рав улыбнулся слабой, усталой улыбкой точь-в-точь как его отец, подумала Рутлесс. Затем он остановился. Они дошли до заднего хода кинотеатра Элвы. — Это было бы… я мог бы этим заняться.

— Тогда договорились — я позвоню тебе завтра, — сказала Рутлесс. — Поспи немного, ладно?

— Спасибо, тетя. — Наклонив голову, словно маленький мальчик, Рав на цыпочках вошел в темный театр и исчез.

— Последний оставшийся в живых выигрывает, — пробормотала Рутлесс, повернувшись на восток.

Обдумывая способы развязать языки своим долго молчавшим

товарищам, она направилась вдоль пляжа в ту сторону, где всходило скрытое в тумане солнце, — домой.

Аластер Рейнольдс «Найтингейл» [225]

Я еще раз сверила данный мне адрес Томаса Мартинеса, прикрывая листок бумаги от дождя, пока разбиралась в собственных каракулях. Номер, записанный мною, не соответствовал номерам давно устаревших офисных зданий, но зато полностью совпадал с цифрами, указанными на одном из сдаваемых за небольшую плату особнячков, которые располагались на уровне улицы.

В этом районе вертикальные поверхности каньона Тредфолл на высоту шести или семи этажей были изрезаны и застроены всяческими зданиями, занимавшими также и все свободное пространство внизу котловины. Большую часть стен покрывали строения, громоздившиеся на крышах друг у друга и поддерживаемые хаотично расположенными системами стоек и шаткими бамбуковыми мостками. С одной стороны улицы на другую протянулись перекидные мостики со ступеньками и веревочными лесенками, змеящимися в темных расщелинах между домами. Там и здесь стремительно рассекали воду колеса транспортников, гоня мутные волны коричневатой жидкости по собственным следам. Изредка над головами плавно скользили клешнеобразные «летуны». «Летуны» были техникой из внешнего мира, и поэтому не многие жители Края Неба могли позволить себе такую роскошь.

М-да, хотя и выглядит неправдоподобно, но очевидно — это то самое место.

Я шагнула с залитой водой улицы на деревянную платформу перед зданием и постучала в стеклянную входную дверь. Струи дождя обильно поливали меня сквозь прорези полосатого навеса над крыльцом. Я откинула волосы с лица, и в этот момент дверь отворилась.

Я видела достаточно фотографий Мартинеса, чтобы сообразить, что передо мной не он. Крупный, быкообразного вида мужчина занимал весь дверной проем. Он скрестил руки на мощной груди, прикрытой только черным жилетом с застежкой на талии. Мыщцы его выпирали столь рельефно, будто он натянул на себя нечто вроде обтягивающего костюма с накладной мускулатурой. Массивная и полностью лишенная волос голова покоилась на толстой и бугристой, как древесный ствол, шее. Кожу вокруг правого глаза украшало четко видимое бледное пятно, отличающееся цветом от остального лица.

Очень большой человек оглядел меня с высоты своего роста, как грязь, намытую дождем.

— Ну? — произнес он голосом, напоминавшим отдаленный грохот артиллерийской канонады.

— Я к мистеру Мартинесу.

— Мистер Мартинес перед вами, — заявил он.

— Как вам будет угодно. Но я здесь, чтобы увидеть мистера Мартинеса. Он назначил мне встречу, и я…

— Диксия Скэрроу. — Голос, произнесший мое имя, был намного приветливее и принадлежал невысокому пожилому мужчине, которой, сдернув изящное пенсне с носа, появился позади перегородившего дверь великана. — Впусти ее, Норберт. Ее ожидают. Просто она *немного опоздала.*

— Я задержалась в районе Арместо, мой взятый напрокат «колесник» угодил в яму и перевернулся. Я не смогла снова его завести, и поэтому пришлось…

Невысокий мужчина жестом прервал мои извинения:

— Вы уже здесь. Так что все это не имеет значения. Если хотите, Норберт высушит вашу одежду.

— Было бы неплохо Я сняла пальто.

— Норберт также позаботится о ваших галошах. Желаете что-нибудь выпить? Чай уже приготовлен, но если вы предпочитаете что-нибудь другое…

— Чай — это замечательно, мистер Мартинес, — сказала я.

— Пожалуйста, зовите меня Томас. Мое искреннее желание, чтобы мы сотрудничали и общались по-дружески.

Я вылезла из галош и вручила громиле забрызганное дождевыми каплями пальто. Мартинес сухо кивнул, по-птичьи склонив голову, и затем церемонно пригласил меня пройти в помещение. Он оказался худощавее и старше, чем я ожидала, но все же походил на свои фотографии. В его поредевших волосах обильно проступала седина, лицо было чисто выбрито. Серый плащ поверх серого же цвета рубашки — манера одеваться придавала Томасу Мартинесу вид унылого, скучного клерка.

Мы двинулись в глубь здания по извилистому лабиринту между штабелей коричневых ящиков высотой в человеческий рост.

— Прошу прошения за беспорядок, — извинился Мартинес, покосившись через плечо в мою сторону. — Я знаю, что мне следует всерьез заняться проблемами сортировки и хранения, но постоянно возникают более важные дела, а до этого руки не доходят.

— Я удивляюсь, что вы находите время, чтобы поесть, не говоря уже о вышеупомянутых проблемах.

— Ну, должен признаться, в последнее время такие вещи действительно мало меня беспокоят. Если вы следите за новостями, то знаете, что я уже поймал свою самую большую рыбу. Чтобы закончить эту работу, требуется совсем немного усилий, но я сейчас так занят, что… — Мартинес внезапно остановился около ряда коробок, водрузил пенсне на кончик носа и смахнул пыль с бумажного ярлычка, прикрепленного к боку ближайшего к нему ящика. — Нет, — раздраженно пробормотал он, покачав головой. — Не на том месте. Черт побери, не на том месте! Норберт!

Норберт плелся следом за нами, мое промокшее пальто было изящно наброшено на его огромную мощную руку.

— Мистер Мартинес?

— Этот ящик стоит не там, где надо! — Невысокий мужчина повернулся и ткнул пальцем в просвет между двумя коробками на противоположной стороне прохода. — Он должен быть *здесь*. Надо его передвинуть. Дело Кесслера передается в суд в следующем месяце, и мне не нужны неприятности из-за пропавшей документации.

— Позаботиться об этом, — громыхнул Норберт.

Прозвучало как приказ, но я восприняла это как высказывание в том смысле, что он займется ящиком после того, как справится с чисткой моих вещей.

— Кесслер? — переспросила я, когда Норберт ушел. — Тилман Кесслер, дознаватель Северной Коалиции?

— Именно так. Вы с ним пересекались?

— Ну, тогда бы я тут не стояла.

— Вполне вероятно. Однако имеется небольшое количество людей, которым удалось выжить после встречи с Кесслером. Их свидетельские показания отдадут Кесслера в руки суда.

— На котором вы подвергнете его пыткам.

— В ваших словах звучит некоторое неодобрение, Диксия, — заметил Мартинес.

— Вы правы. Это варварство.

— Подобные вещи всегда происходят. Вспомните Хауссмана, если вам угодно.

Скай Хауссман, человек, который дал имя этому миру[226] и развязал 250-летнюю войну, которую лишь недавно и с большим трудом удалось прекратить. Когда они пытали Ская, они думали, что таким образом положат скорейший конец жестокостям. Большей ошибки нельзя было допустить. С тех пор пытки применялись при каждой казни.

— Вы просили меня приехать сюда из-за Кесслера, сэр? Вы полагаете, я могу что-нибудь добавить к показаниям против него?

Мартинес приостановился у массивной деревянной двери.

— Нет, не из-за Кесслера. К концу года я очень рассчитываю увидеть его прибитым гвоздями к верхушке Моста. Дело касается человека, чьим орудием был Кесслер.

Я на мгновение задумалась:

— Кесслер работал на полковника Джекса, не так ли? Мартинес открыл дверь и ввел меня в комнату. Теперь, по логике вещей, мы должны были находиться внутри стен каньона. Дышалось здесь трудновато, словно в подземной гробнице.

— Да, Кесслер был человеком Джекса, — подтвердил Мартинес. — Я рад, что вы улавливаете связь. Это избавит меня от объяснений, почему Джекса надо отдать в руки правосудия.

— Я полностью с вами согласна. Половина здешнего населения разделяет ваше мнение. Но я боюсь, вы немного опоздали — Джекс давно умер.

В комнате нас уже дожидались двое. Мужчина и женщина сидели на диванчиках по обе стороны низкого черного столика, где располагалось скупое угощение — чай, кофе и какой-то алкоголь, кажется бренди с лимонным соком.

— Джеке не умер, — покачал головой Мартинес. — Он просто исчез, но теперь я знаю, где он. Садитесь, пожалуйста.

Он знал, что я заинтригована. Знал, что я не смогу выйти из этой комнаты, прежде чем не услышу всю историю о полковнике Брэндоне Джексе. Но было и еще кое-что, заставившее меня подчиниться. В голосе Мартинеса звучали непререкаемые командирские ноты, исключавшие всякую возможность неповиновения. Во время службы в Национальной гвардии мне пришлось усвоить, что некоторые люди обладают подобной харизмой, а некоторые нет. Этому нельзя обучить или освоить самостоятельно, и притворяться тоже бесполезно. Ты либо обладаешь такой способностью с рождения, либо — увы.

— Диксия Скэрроу, позвольте представить вам моих гостей, — произнес Мартинес, когда я заняла свое место за столом. — Джентльмен напротив вас — Сальваторе Николаси, ветеран одного из отрядов Службы анабиоза Северной Коалиции. Справа — Ингрид Соллис, эксперт по личной безопасности, специалист в области систем противовторжения. Ингрид первоначально участвовала в военных действиях на стороне Саутлэнда, но потом оставила военную службу и занялась работой в сфере личной безопасности.

Я прикусила язык и отвела взгляд от этой женщины, прежде чем с моих губ слетели слова, о которых мне пришлось бы сожалеть потом. Мужчина — Николаси — больше напоминал актера, чем солдата. Полное отсутствие шрамов. Лицо украшает

выхоленная остроконечная борода столь красиво очерченной формы, словно ее вырезали по трафарету. Агенты Службы анабиоза всегда меня раздражали, независимо от того, чью сторону они занимали. Они постоянно кичились своим превосходством над обычными войсками и поэтому не считали нужным утруждать себя физической подготовкой, а уж до того, чтобы обзавестись такой мускулатурой, как у Норберта, у этих ребят дело никогда не доходило.

— Позвольте представить вам Диксию Скэрроу, — продолжил Мартинес, кивнув в мою сторону. — На счету Диксии пятнадцать лет безупречной службы в Национальной гвардии Саутлэнда вплоть до окончания военных действий. У нее блестящий послужной список. Я надеюсь, она будет ценным дополнением к нашей команде.

— Возможно, мы немного забегаем вперед, — заметила я. — Я не давала согласие на участие в какой-либо команде.

— Мы преследуем Джекса, — примирительно пояснил Николаси. — Разве вас это не интересует?

— Он был на вашей стороне, — напомнила я. — Отчего вы так стремитесь увидеть его повешенным?

Николаси на мгновение скривился, как от боли:

— Он был военным преступником, Диксия. Мне очень хочется, чтобы такие чудовища, как Джекс, предстали перед судом. В той же степени я желаю подобной участи мерзавцам из Саутлэнда, которые занимались тем же, что и он.

— Николаси прав, — подала голос Ингрид Соллис. — Если мы собираемся научиться мирно сосуществовать на этой планете, мы должны судить по закону всех и каждого, невзирая на их бывшую государственную принадлежность.

— Слова, вполне естественные для дезертира, — медленно проговорила я. — Очевидно, государственная принадлежность не слишком много значила для вас в прошлом, поэтому меня не удивляет, что она ничего не значит для вас сейчас.

Мартинес, все еще стоявший во главе стола, примирительно улыбнулся, как будто ничего иного от меня и не ожидал.

— Вы неправильно поняли меня, Диксия. Ингрид не дезертировала. Ее ранило при исполнении служебного долга. Серьезное ранение. После выздоровления она была отмечена за отвагу, проявленную в боях, и ей предложили выбор между почетным увольнением и возвращением на фронт. Нельзя винить ее за вышеупомянутый выбор, особенно после того, что ей пришлось пережить.

— О, простите, я ошиблась. Просто я никогда не слышала о людях, вышедших в отставку до окончания войны.

Соллис холодно взглянула на меня:

— Некоторые из нас поступили именно так.

— Все присутствующие здесь имеют безупречный послужной список. — Мартинес слегка повысил голос. — Я твердо уверен в этом, поскольку весьма тщательно изучил ваши биографии. Вы именно те, кто подходит для нашей работы.

— А я в этом не уверена, — возразила я, порываясь встать. — Я просто отставной солдат, который испытывает неприязнь к дезертирам. Я не состояла ни в каких дерьмовых отрядах Службы анабиоза, и я не совершила ничего такого, за что бы мне выразили благодарность за отвагу. Так что жаль, *коллеги,* но мне кажется…

— Сядьте, Диксия.

И я вновь ему повиновалась.

Мартинес продолжил, его голос сохранил размеренность и терпение.

— Вы участвовали по крайней мере в трех операциях с высокой степенью риска, Диксия, — три опасных рейда в тылы врага. Вывод двух глубоко внедрившихся саутлэндских шпионов и — серьезный козырь — перебежчика из Северной Коалиции. Вы же не станете это отрицать?

Я покачала головой. Суть того, что он предлагает, все еще ускользала от меня.

— Я не смогу вам помочь. Я ничего не знаю о Джексе…

— *Знать* вам и не нужно. Это мои проблемы.

— Откуда у вас такая уверенность, что он жив?

— Я бы тоже хотел это знать, — вступил в разговор Николаси, поглаживая изящными пальцами бороду.

Мартинес наконец сел в кресло, стоящее во главе стола. Таким образом, получилось, что он возвышается над приглашенными. Он снял пенсне и, повертев в руках, положил на колени.

— Вы должны убедиться в важности и достоверности того, что я собираюсь вам сказать. Я долгие годы собираю данные о таких людях, как Джекс, и в этом деле приходится полагаться на целую сеть информаторов, многие из которых, поставляя мне сведения, подвергают себя огромному риску. Если я расскажу вам все полностью и хотя бы часть сказанного распространится за пределы моего кабинета, их жизнь окажется под угрозой. Не говоря уже о том, что это серьезно подорвет мои возможности передать в руки правосудия других скрывающихся от закона преступников.

— Мы понимаем, — кивнула Соллис, и меня возмутило, что она осмеливается говорить за всех.

Возможно, она считала, будто в долгу перед Мартинесом просто потому, что он принял ее сторону в недавней перепалке. И снова я прикусила язык и ничего не сказала.

— Долгое время я получал любопытные сведения относительно полковника Джекса: поговаривали, что он на самом деле не умер и находится на свободе.

— Где? — спросила Соллис. — На Крае Неба?

— Похоже что нет. Конечно, было много слухов и ложных следов, указывающих на то, что Джекс зарыт в землю где-то на этой планете. Но я не принимал их на веру и отмел один за другим. Постепенно правда становилась очевидной. Джекс все еще жив и находится в пределах этой системы.

Я почувствовала, что пришло время внести свой позитивный вклад в разговор:

— Не кажется ли вам, что такой кусок дерьма, как Джекс, попытался бы удрать из системы при первой же возможности?

Мартинес благосклонно отнесся к моему замечанию и удостоил меня взглядом:

— Я тоже боялся, что он может сбежать, но появившиеся факты говорят о другом.

Он протянул руку, чтобы налить себе чаю. Коктейли остались на столе невостребованными. Сомневаюсь, что желудки кого-либо из присутствующих способны потреблять алкоголь в это время суток.

— Где же он тогда? — спросил Николаси. — У множества криминальных сообществ есть причины, чтобы предоставить убежище такому человеку, как Джекс, но цена, назначенная за его голову, — серьезный соблазн выдать его властям…

— Он не скрывается, — возразил Мартинес, отхлебнув немного чаю, прежде чем продолжить. — Он на борту космического корабля, в полном одиночестве. Корабль предположительно утерян или разрушен в самом конце войны, когда обострилось противостояние в космосе, но у меня есть сведения, что корабль практически не поврежден, его системы жизнеобеспечения функционируют. Это веская причина предполагать, что Джекс еще жив и находится на борту этого транспортного средства в пределах системы.

— Чего же он дожидается? — поинтересовалась я.

— Когда воспоминания о нем потускнеют, — усмехнулся Мартинес. — Подобно многим физически крепким людям, Джекс мог применить препараты, продлевающие жизнь, или, по крайней мере, исключающие угрозу ее прекращения, на последних стадиях войны. Время не властно над ним.

— Этот корабль… — Я подалась вперед. — Вы полагаете,

надо просто проникнуть на борт и взять Джекса живьем?

Мартинеса, казалось, удивила прямолинейность моего вопроса. Прежде чем ответить, он на мгновение прикрыл глаза.

— По существу, да.

— Он не будет оказывать сопротивление?

— Думаю, не будет. Ультрас, которые определили местоположение транспорта, сообщили мне, что корабль производит впечатление впавшего в спячку: он находится в режиме силовой консервации. Сам Джекс, возможно, заморожен и пребывает в анабиозе. Корабль не отвечает на сигналы ультрас, поэтому нет повода полагать, что он как-то отреагирует на наш подлет и стыковку.

— Насколько близко подходили ультрас? — спросила Соллис.

— В пределах трех-четырех световых минут. Опять же нет причин полагать, что мы не можем подойти ближе, не вызвав тревогу на корабле.

— Откуда вы знаете, что Джекс на борту корабля? — подключился к расспросам Николаси. — Это может быть просто никому не нужный бродяга.

— Сведения, которые я тщательно собирал, указывают на присутствие на борту человека пожилого возраста, определенных размеров и внешнего вида. Все совпадает.

— Итак, давайте займемся охотой, — заявила Соллис, снова взяв на себя право высказываться за всех. — Вы собрали нас здесь, поскольку полагаете, что мы — подходящая команда, чтобы захватить полковника. Я специалист по вторжению, поэтому вы можете рассчитывать, что я проведу вас внутрь корабля. Николаси — ветеран службы, значит, не говоря уже о том, что он отлично управляется с несколькими видами оружия, он сообразит, как вывести Джекса из анабиоза, если полковник подвергся заморозке. А она — как вы сказали, ее зовут?

— Диксия, — напомнила я, и, возможно, в моем голосе прозвучала угроза.

— А она выведет нас оттуда. Как я понимаю, она спец в своей области, иначе бы ее здесь не было.

Мартинес выдержал паузу и затем кивнул:

— Вы совершенно правы, Ингрид: состав исполнителей подбирался именно так. Я приношу извинения, что мои намерения столь ясны и прозрачны. Но факт в том, что вы действительно идеальная команда для этой операции. Я не сомневаюсь, что, объединив ваши таланты, вы добьетесь успеха в возвращении полковника Джекса на Край Неба и, следовательно, передаче его суду. Теперь согласитесь: это будет нечто особенное,

не так ли? Убить последнего дракона!

Николаси обозначил свое согласие глубоким вздохом.

— Люди, подобные Кесслеру, просто безумцы. Когда вы уничтожаете таких чудовищ, как Кесслер, вы на самом деле караете нож, а не человека, который им орудует. Если вы желаете истинной справедливости, надо найти настоящего убийцу. Для этого нужны профессионалы.

— Сколько нам заплатят? — поинтересовалась Соллис. На лице Мартинеса промелькнула улыбка.

— Пятьдесят тысяч аустралов каждому после доставки полковника Джекса целым и невредимым.

— Что, если мы найдем его мертвым? — вмешалась я. — К этому времени мы уже не раз подвергнемся риску при подлете и стыковке.

— Если Джекс уже мертв, тогда вам заплатят по двадцать пять тысяч аустралов.

Мы обменялись взглядами. Я знала, о чем думают остальные. Пятьдесят тысяч аустралов — деньги, которые могут изменить всю твою жизнь, но и половина этой суммы совсем неплоха. Убить Джекса будет намного легче и безопаснее, чем вытаскивать с корабля…

— Само собой разумеется, я буду находиться рядом, — сказал Мартинес. — Поэтому вам не придется заботиться о доказательствах того, что Джекс уже был мертв, когда вы появились. Если это произойдет.

— Если с нами пойдете вы, — спросила я, — возможно, есть еще кто-то, о ком нам необходимо знать?

— Только Норберт. В его компетенции вы можете не сомневаться.

— Значит, нас будет пятеро.

— Пять — хорошее число, не правда ли? И это проверенная на практике оптимальная численность диверсионной группы. Я приобрел небольшой, но мощный корабль, полностью соответствующий нашим целям. Если он перевезет пятерых, у него хватит мощности вернуться обратно с полковником. Я обеспечу оружие, оборудование и скафандры, но вы вправе взять с собой все, что, на ваш взгляд, может оказаться полезным.

Я оглядела скупую, монашескую обстановку комнаты и вспомнила мрачные интерьеры офисов, расположенных у подножия каньона Тредфолл.

— Три раза по пятьдесят тысяч аустралов… плюс то, сколько стоит нанять и оборудовать корабль. Не возражаете, если я спрошу… Из каких источников вы черпаете деньги?

— Это мои личные фонды, — отрезал Мартинес. — Поимка

Джекса — долговременная цель, а не некая эксцентричная выходка, затеянная мною недавно. Я счел бы за счастье умереть в нищете, если бы знал, что Джекс подвешен на самой высокой опоре Моста.

Некоторое время все молчали. Мартинес высказался столь мягко и спокойно, что мы восприняли смысл его слов с некоторым запозданием. И когда он все же дошел до нас, думаю, мы все воочию увидели ошметки человеческого тела, казненного традиционным способом, «по Хауссману».

— Оружие качественное? — спросила я. — Никакого некондиционного дерьма с черного рынка?

— Только самое лучшее.

— Технические характеристики корабля Джекса? — Соллис подключилась к выяснению деталей операции.

— У вас будет достаточно времени, чтобы просмотреть данные в пути. Я не сомневаюсь, что женщина с вашими талантами легко сможет определить точку входа.

Соллис польщенно улыбнулась:

— Полагаю, что да. Что скажете, Сальваторе?

— Полковник Джекс и ему подобные позорят честь и достоинство Северной Коалиции. Мы не монстры. Если я могу сделать что-то, чтобы заставить людей поверить в это… — Николаси умолк и пожал плечами. — Да, я согласен. Это мой долг, мистер Мартинес.

— Тогда остаетесь вы, Диксия, — сказала Соллис. — Для меня сумма в пятьдесят тысяч аустралов звучит очень заманчиво. Полагаю, что и для вас тоже.

— Это вас не касается.

— Как сказать… Похоже, вам так же сильно нужны деньги, как и нам.

Я подумала, что очень близка к тому, чтобы ответить «нет», выйти из этой комнаты и вернуться под непрекращающийся мутный дождь каньона Тредфолл. Вероятно, если я сильно постараюсь, Норберт не станет меня задерживать, поэтому мне не придется выслушивать дальнейшую болтовню о том, как группа совместными усилиями арестует полковника Джекса. Но я никогда не получу шанса узнать, что задумал Мартинес, если не пойду с ним.

И еще мне следовало вспомнить о том, что я вижу, когда гляжусь в зеркало, и на что могу употребить пятьдесят тысяч аустралов.

Поэтому я сказала «да».

Мартинес жестом указал на одну из пустых свинцово-серых

стен в отсеке шаттла, она вспыхнула и заполнилась яркими неоновыми линиями. Эти линии, сливаясь и пересекаясь, образовывали схематический чертеж корабля в соответствующем масштабе.

— Сведения о корабле Джекса отрывочны и фрагментарны. Если отмести все противоречащие друг другу сообщения и избавиться от ненадежных данных, то у нас остается вот это.

— Это все? — спросила Соллис.

— Когда мы достигнем области визуального обзора, мы сможем добиться большего. Я перепроверю все сообщения, включая те, которые мы отбросили. Некоторые из них — когда мы проведем сравнение с настоящим кораблем — могут, в конце концов, вывернуть все наизнанку. Или, в свою очередь, пролить столь необходимый свет на внутреннюю планировку корабля и вероятное местонахождение Джекса. Кроме того, мы, естественно, получим данные наших собственных инфракрасных датчиков и радаров глубокого проникновения.

— Похоже, это очень большой корабль, — заметила я, оценив схему, мерцающую у меня над головой.

Мы находились в дне пути от Арместо, на маленьком шаттле, прикрепленном к брюху легкого перехватчика дальнего действия под названием «Смерть Софонисб».

— Большой, но не такой правильной формы, как у перехватчика, — добавила Соллис. — Ну и что нам теперь делать?

— Хороший вопрос.

То, на что указывал нам Мартинес, представляло собой прямоугольную оболочку длиной в километр, примерно сто метров в глубину и сто в ширину, с несколькими сферическими выпуклостями вдоль части длины. На одном конце находилось нечто, отдаленно напоминающее двигатели, а на другом — рукавицеобразный стыковочный комплекс. У корабля были слишком резкие очертания для межзвездных путешествий, и ему недоставало выносных опор для двигателей, что было характерно для всех транспортных устройств конджойнеров.

— Хотя выглядит как что-то знакомое… — Смутные образы вертелись у меня в голове. — Кого-нибудь еще посетило дежавю или только меня?

— Не знаю, — откликнулся Николаси. — Когда я это увидел, то подумал… — Он покачал головой. — Это невозможно. Дизайн корпуса должен быть стандартным.

— Ну, ты же сам видишь.

— У этого корабля есть имя? — обратился Николаси к Мартинесу.

— Я не знаю, как Джекс называет свой корабль.

— Он спросил не об этом, — сказала Соллис. — Он спросил…

— Я знаю имя этого корабля, — прошептала я. — Однажды я видела похожий корабль, когда меня доставили на его борт. Я была ранена в перестрелке в одном из последних больших сражений на поверхности. Меня вывезли в космос — вероятно, на шаттле — и доставили на борт этого корабля. Это корабль-госпиталь, вращающийся на орбите вокруг планеты.

— Как имя этого корабля? — настойчиво повторил Николаси.

— «Найтингейл», — ответила я.

— О боже, нет!

— Вы удивлены?

— Да, черт побери, я удивлен! Я тоже был на борту «Найтингейл». Мне наложили швы, потом репатриировали.

— Так же как и я. — Голос Соллис почти перешел в шепот. — Однако я не узнала его. Они чертовски потрудились надо мной, прежде чем затащили на борт этого корабля. Кажется, я догадываюсь…

— И я тоже, — кивнул Николаси.

Медленно, не сговариваясь, мы повернулись и посмотрели на Мартинеса. Даже Норберт, до этого момента ни во что не вмешивавшийся, обернулся и оценивающе уставился на своего хозяина. Мартинес слегка прищурился, но в остальном он безупречно сохранял самообладание.

— Это действительно «Найтингейл». Было слишком рискованно говорить вам об этом, когда мы еще находились на планете. Узнай об этом какие-нибудь друзья Джекса, и вся операция…

— Поэтому вы не сказали нам? — оборвала его Соллис. — Или потому, что мы все уже когда-то побывали на борту этой штуки?

— То, что все вы побывали на борту «Найтингейл», было одним из факторов вашего отбора, и не более того. Вы привлечены к выполнению этой миссии благодаря вашим навыкам, а не медицинской карте.

— Итак, почему вы не рассказали нам? — повторила она.

— Я уже сказал, что это не более чем разумное решение…

— Вы лжете!

— Я не занимаюсь подобными вещами.

— Подождите, — вмешался Николаси, его голос был спокойнее, чем я ожидала. — Давайте… просто разберемся, что нам сейчас делать. Вы зациклились на факте, что всех нас лечили на борту «Найтингейл», когда правильный вопрос, который нужно задать, состоит в следующем: что Джеке, черт возьми, делает на

борту корабля, который больше не существует?

— А в чем проблема с этим кораблем? — поинтересовалась я.

— Проблема в том, — ответил Николаси, обращаясь непосредственно ко мне, — что «Найтингейл», по поступившим сообщениям, уничтожена в конце войны. Или вы не имеете привычки слушать новости?

— Наверное, нет.

— И тем не менее вы знали о корабле достаточно, чтобы опознать его.

— Я уже сказала: я помню, как он выглядит при подлете с медицинского шаттла. Меня накачали лекарствами, я не знала, выживу или умру… Все было таким преувеличенно резким, как в плохом сне. Но после того, как они вылечили меня и отправили обратно на поверхность… Не думаю, что я вообще когда-либо вспоминала о «Найтингейл».

— И даже тогда, когда смотрели в зеркало? — тихо спросил Николаси.

— Я думала о том, что они сделали со мной… Это можно было сделать намного лучше. Но мне в голову не приходило поинтересоваться, что потом произошло с кораблем. Ну и что же произошло?

— Вы сказали: «Они вылечили меня», — заметил Николаси. — Значит ли это, что вы общались с докторами, женщинами или мужчинами?

— А что, могло быть иначе? Он покачал головой:

— Полагаю, что вы были ранены и перевезены на борт корабля-госпиталя вскоре после того, как он был развернут?

— Возможно.

— В тот момент «Найтингейл» находилась на стадии введения в строй. Я попал на борт позже. А вы, Ингрид?

— Я тоже. И я едва ли видела хотя бы еще одно человеческое существо за то время, что провела на борту этой штуки.

— Так ему и было предназначено функционировать — немногочисленный костяк персонала, чтобы принимать медицинские решения, которые корабль не в состоянии взять на себя. Большую часть времени они должны были находиться за сценой.

— Все, что я помню, — госпитальный корабль, — нахмурилась я. — Я ничего не знаю о введении в строй.

Николаси объяснил мне суть дела с таким терпением, словно я была маленьким ребенком, отданным ему на воспитание.

«Найтингел» финансировалась и строилась консорциумом бессмертных, действовавших из лучших побуждений. С тех пор как их политическое влияние не достигло успеха в прекращении

войны (а многие их высокопоставленные друзья находили удовольствие в продолжении оной), они решили внести свой вклад другим, более продуктивным способом: облегчить страдания смертных мужчин и женщин, участвовавших в войне.

Поэтому они создали корабль-госпиталь, который никак не был связан ни с Северной Коалицией, ни с Национальной гвардией Саутлэнда. «Найтингейл» предназначалась для всех раненых воинов, независимо от их гражданства. На борту нейтрального корабля раненых предполагалось лечить до полного выздоровления и затем возвращать на родину. Наибольшей критике подверглась идея очевидного возвращения раненых в действующие армии. Сама «Найтингейл» являлась последним достижением науки, с наилучшими медицинскими возможностями, которыми не обладал ни один госпиталь на Краю Неба или в его окрестностях. Конечно, не блистательная магия медицины демаршистов, но возможности госпиталя превосходили все, чем до сих пор обладало большинство смертных.

«Найтингейл» предназначалось неутомимо трудиться, посвятив все усилия совершенствованию процесса исцеления. Корабль был рассчитан на автономную работу. Под руководством специалистов из числа людей ему полагалось постепенно улучшать свои методики, пока он не превзойдет учителей. Я попала на борт госпиталя на ранней стадии его обучения, но — как я узнала от Николаси — «Найтингейл» вскоре вступила в «оперативную» фазу. К тому времени все многокилометровое судно находилось под контролем небольшой группы техников и хирургов, а его гамма-уровень интеллекта рос день ото дня, побуждая решать все более сложные задачи, В этот период на корабле побывали Соллис и Николаси. Их лечили машины, возникало лишь смутное ощущение того, что за ними наблюдают находящиеся за стенами люди.

— Какое-то время это работало, — продолжал Николаси. — Корабль делал все, на что рассчитывали организаторы проекта. Он функционировал как огромный квалифицированный конвейер: всасывал в себя раненых и выплевывал их вылеченными.

— Только для того, чтобы вернуть на войну, — добавила я.

— Деятельность корабля никак не контролировали до тех пор, пока выздоровевшие бойцы не возвращались обратно. По крайней мере все они были живы, никто не умер на поле битвы или на операционном столе. Спонсоры могли верить в то, что делают доброе дело, и спокойно спать по ночам.

— Итак, «Найтингейл» добилась успеха, — подытожила я рассказ Николаси. — Так в чем же проблема? Поворот к мирной

жизни после окончания войны?

— Корабль был взорван еще до прекращения огня. Поэтому мы не должны были обнаружить его здесь. Шальная ракета Северной Коалиции с ядерной боеголовкой — слишком быстрая, чтобы корабль успел принять контрмеры. Она уничтожила «Найтингейл» вместе с находящимися на борту пациентами и персоналом.

— Теперь, когда ты упомянул об этом… возможно, я что-то такое слышала…

Соллис бросила свирепый взгляд на Мартинеса:

— Думаю, мы пересмотрим условия соглашения. Он никогда не говорил нам, что мы должны вытащить Джекса с этого корабля-призрака, черт его подери!

Норберт двинулся в сторону хозяина, словно намеревался защитить его от разъяренной Соллис. Мартинес, долгое время молчавший, снял пенсне, протер стекла тряпочкой и неторопливо водрузил его на нос.

— Возможно, вы правы, что сердитесь на меня, Ингрид. И возможно, я совершил ошибку, не упомянув о «Найтингейл» ранее. Но это продиктовано тем, что я не могу одним опрометчивым шагом подвергнуть риску всю операцию. Вся моя жизнь нацелена на выполнение одной-единственной задачи: передать полковника Джекса в руки правосудия. Я не имею права потерпеть крах.

— Вы должны были сказать нам о госпитале, — покачал головой Николаси. — Ни у кого из нас нет причин распространять эту информацию. Мы все хотим, чтобы полковник Джекс получил по заслугам.

— Тогда я совершил ошибку, за которую приношу извинения.

— Не думаю, что, принося извинения, вы чего-нибудь добьетесь, — фыркнула Соллис. — Если бы я знала, что должна буду вернуться на борт *этой штуки*…

— Вы правы, — произнес Мартинес, обращаясь ко всем. — Этот корабль вызывает у вас травмирующие сознание ассоциации, и с моей стороны недопустимо было скрывать эту информацию.

— Да будет так, — отозвалась Соллис.

Я почувствовала, что наступила моя очередь принять участие в разговоре.

— Не думала, что кто-нибудь из нас вернется туда, Томас. Но, может быть, — с учетом того, что мы знаем о корабле, — слегка увеличить наше вознаграждение… Неплохая мысль, как вы думаете?

— Я сам собирался сделать вам подобное предложение, — заявил Мартинес. — Вы должны представлять, что мои карманы

небездонны, и мои первоначальные условия и так следует считать очень щедрыми… но сейчас мы можем говорить еще о дополнительных пяти тысячах аустралов каждому.

— Доведите до десяти, и тогда мы останемся в деле. — Соллис отреагировала быстрее, чем я сумела ей подмигнуть.

Мартинес посмотрел на Норберта, потом — с выражением лица, демонстрирующим, что он дает раздеть себя до последней нитки, — кивнул Соллис:

— Хорошо, десять тысяч аустралов. Вы заключили выгодную сделку, Ингрид.

— Пока мы обсуждаем условия, — вмешался Николаси. — Есть ли, по вашему мнению, еще какая-то информация, которую нам необходимо знать?

— Я сказал вам, что этот корабль — «Найтингейл». — Мартинес вновь привлек наше внимание к чертежу на стене. — Этим, к моему стыду, исчерпываются все имеющиеся знания о данном корабле.

— Существует ли конструкторский проект? — спросила я.

— Вся документация утеряна во время войны.

— Фотографии? Видеоматериалы?

— Тоже нет. «Найтингейл» функционировала в зоне военных действий, Диксия. Тем несчастным, кто оказывался вблизи нее, было не до обзора достопримечательностей.

— Что вы знаете о персонале, побывавшем на борту? — продолжил расспросы Николаси. — Они вам что-нибудь рассказывали?

— Я разговаривал с несколькими выжившими — докторами и техниками, которые находились на корабле в период введения его в строй. Их замечания были полезными… когда они изъявляли желание со мной беседовать.

— А как насчет людей, которые находились на борту перед перемирием? — гнул свое Николаси.

— Мне не удалось найти их следы.

— Но ведь очевидно, что они не умерли. Если корабль все еще в космосе, та неисправная ракета в него не попала.

— Зачем кому-то выдумывать историю о том, что корабль разнесло в клочья, если на самом деле этого не произошло? — спросила я.

— На войне иногда случаются странные вещи, — пожал плечами Мартинес. — Не обязательно подразумевается злой умысел. Возможно, был уничтожен другой корабль-госпиталь. В конце концов, на орбите вокруг Края Неба присутствовало не одно такое судно. Какое-то из них, может быть, даже имело похожее название. Весьма вероятно, что некоторые факты могли

перепутать в сумятице и неразберихе, царивших в те дни.

— Все же это не объясняет, почему вы не сумели найти никого из выживших, — возразил Николаси.

Мартинес беспокойно поерзал на сиденье.

— Если Джекс присвоил корабль, тогда он наверняка не захотел, чтобы кто-нибудь рассказывал о нем. Персоналу с «Найтингейл» могли заплатить за молчание или пригрозить.

— Полагаю, к этому все сводится, — сказала я.

— В этом мире деньги могут решить многие проблемы.

Два дня спустя «Смерть Софонисб» набрал скорость и умчался во тьму, в то время как корабль Мартинеса, следуя запрограммированному плану полета, доставил нас в зону видимости космического госпиталя. Ультрас еще раз просканировали «Найтингейл» и снова не получили никакого поддающегося обнаружению отклика от «спящего» судна. Все показания приборов свидетельствовали о том, что корабль находится в глубокой кибернетической коме, возможно, близок к смерти и только горсточка насущно необходимых систем жизнеобеспечения продолжала действовать, питаясь крохами резервной энергии.

За двадцать четыре часа мы подкрались ближе, сократив расстояние До световых секунд и затем до сотен тысяч километров. Никакой реакции не последовало. Но когда мы приблизились, наши приборы начали увеличивать детали, полученные при сканировании. Пока большинство из нас отсыпалось, Мартинес, сидя за пультом управления, сопоставлял данные и совершенствовал свои чертежи. Норберт также все время проводил склонившись над приборами, пристально всматриваясь в увеличивающийся в размерах корабль. Иногда он бормотал себе под нос какие-то пояснения или замечания, на которые Мартинес откликался терпеливым, слегка снисходительным шепотом, словно учитель, вынужденный прислушиваться к туго соображающему, но прилежному ученику. Уже не в первый раз меня трогала очевидная доброта Мартинеса по отношению к огромному, неповоротливому Норберту. Мне было очень интересно, что могло служить основой таких отношений.

За десять часов до стыковки Мартинес обнародовал плоды своего труда. Схема космического госпиталя теперь приобрела трехмерность и демонстрировалась на навигационном проекционном барабане, прикрепленном к полетной доске в рубке управления кораблем. Хотя базовая структура корабля не изменилась, новый план был намного более детализирован, чем предыдущий. Он показывал стыковочные узлы, воздушные

шлюзы, основные механизмы и самые большие коридоры и площадки, пронизывающие внутренности кораблся. О многом еще приходилось догадываться, но ощущения, что мы вступаем на полностью неизведанную территорию, уже не возникало.

— Наибольшая область теплоизлучения здесь. — Мартинес указал на пятно, расположенное примерно в четверти пути от входа. — Если Джекс тут, я полагаю, это самое подходящее место, где его надо искать.

— Тогда это просто, — сказал Николаси. — Входим через шлюз на верхнем фюзеляже, потом бросок вниз, чтобы попасть в шахту. Тут метров пятьдесят-шестьдесят, не больше.

— Ну, меня это не вдохновляет, — протянула Соллис. — Люк большой, вероятно, укреплен зубьями и набит датчиками слежения и системами сигнализации.

— Как ты предлагаешь войти? — спросил Николаси.

— Дверь предоставьте мне, внутрь я вас проведу. Но я не смогу обойти все возможные системы безопасности, и вы можете быть чертовски уверены, что корабль о нас узнает, если мы пойдем через основной шлюз.

— Как насчет других шлюзов? — Я постаралась, чтобы это не прозвучало так, будто я лезу в ее дела. — Какова вероятность чисто пройти через них?

— Никаких гарантий. Но я все же предпочла бы попытать счастье с черного хода.

— Думаю, Ингрид права, — произнес Мартинес, кивнув в знак одобрения. — Это даст нам возможность подойти тихо и незаметно пристыковаться. У Джекса будут деактивированы все второстепенные системы, включая датчики сближения. Если это так, если мы не увидим явных признаков тревоги при подходе, тогда я поверю, что мы наилучшим образом информированы о хитростях защиты. — Он указал на точки на схеме, в срединной части выпуклости. — Мы доберемся сюда или сюда через один из небольших служебных шлюзов. Я согласен с Ингрид: вероятно, они не поднимут тревогу.

— Тогда нам придется проползти четыре или пять сотен метров внутри корабля, — заметил Николаси тоном, не оставляющим сомнения в том, что он думает об этом плане. — Четыреста или пятьсот метров, относительно которых у нас есть только очень грубая карта.

— Указания о направлении движения будут передаваться по связи, — напомнил Мартинес.

— Это меня беспокоит. Но поскольку вы расплачиваетесь за принятые решения, то я это переживу.

Я повернулась к Соллис:

— Что ты сказала тогда… что не проведешь на борту «Найтингейл» ни одной лишней минуты сверх необходимого?

— Я не шутила.

— Знаю. Но потом ты назвала его *этой штукой.* Есть что-то, что ты знаешь об этом корабле, а мы нет? Ты явно нервничала, и я не понимаю почему. В конце концов, это просто заброшенный космический госпиталь.

Соллис, прежде чем ответить, некоторое время изучала меня взглядом:

— Скажи ей, Николаси.

— Сказать ей что? — Николаси безмятежно посмотрел на нее.

— То, что она явно не знает. О чем мы все очень боимся говорить.

— О, пожалуйста!

— О, пожалуйста, что? — переспросила я.

— Это просто сказка, примитивная легенда, — вздохнул Николаси.

— Глупая история, которая, однако, утверждает, что «Найтингейл» не взорвалась.

— О чем вы все говорите? — возмутилась я. — Что за история?

Объяснять взялся Мартинес:

— На ее борту произошел несчастный случай. Последняя партия больных и раненых поступила на корабль, но по каким-то причинам никогда его не покинула. Все попытки контакта с техническим персоналом провалились. Тогда на корабль послали исследовательскую группу, и потом о ней больше никто не слышал.

— Черт возьми! — Я рассмеялась. — Отличная новость! И теперь вы планируете попасть на борт?

— Ну вот, теперь ты понимаешь, почему я озаботилась по поводу дополнительной платы, — усмехнулась Соллис.

— Это просто легенда, — проворчал Мартинес. — И ничего больше. Сказочка для перепуганных детишек, которая не может повлиять на наше намерение захватить Джекса. Меня нисколько не удивит, если выяснится, что Джекс или его дружки каким-то образом несут ответственность за эту ложь. Если бы мы повернули назад из-за этого, они пришли бы в полный восторг, не правда ли?

— Может быть, — неуверенно согласилась я. — Но мне все же было бы намного приятнее, если бы мне рассказали раньше. Это не изменило бы моего отношения к работе, однако приятно знать, что мне доверяют.

— Я вам доверяю, Диксия. Я просто полагал, что вас не

интересуют детские сказки.

— Как вы узнали, что Джекс на корабле?

— Мы уже проходили это. У меня есть свои источники, — источники, которые я обязан оберегать, и потому…

— Он был пациентом, не так ли?

Мартинес резко сдернул пенсне с носа, словно мое замечание явилось для него неожиданным отклонением от темы разговора.

— Я знаю только, что Джекс на борту «Найтингейл». Обстоятельства, при которых он попал сюда, меня не волнуют.

— И вас не тревожит, что он попросту мертв, как мертвы все остальные, кто находился под конец на этом корабле? — спросила Соллис.

— Если он мертв, вы получите свои двадцать пять тысяч аустралов.

— Плюс еще десять, о которых мы договаривались.

— И их тоже, — сказал Мартинес так, словно делал нам одолжение.

— Ох как мне это не нравится, — пробормотала Соллис.

— И мне тоже, — откликнулся Николаси. — Но мы пришли сюда выполнить работу, и обстоятельства существенно не изменились. Есть корабль, и человек, который нам нужен, находится на его борту. Мартинес говорит правду: мы не должны бояться всяческих россказней, особенно когда наша цель так близка.

— Мы пришли сюда, мы раздобудем Джекса и вместе с ним уберемся из этого чертова места, — подытожила Соллис. — Никаких промедлений, осмотров достопримечательностей и охотничьих сувениров.

— С этим у меня совершенно нет проблем, — сказала я.

— Берите что хотите, — объявил Мартинес из-за плеча Норберта, когда мы вошли в оружейный отсек, расположенный в задней части секций шаттла. — Но помните, что на вас будут скафандры и вам придется двигаться в узких замкнутых пространствах. И вы будете на борту корабля.

Соллис, энергично протолкавшись вперед, ухватилась за то, что я едва заметила. Она погладила пальцами блестящий иссиня-зеленый ствол лазерной винтовки и взвесила оружие на руке:

— Ух ты, «брайтенбах»!

— Рождество наступило раньше, чем обычно? — съязвила я. Соллис встала в стойку и принялась осматривать винтовку, поворачивая ствол в сторону воображаемых целей и щелкая переключателем мощности. Оружие услужливо взвыло. Голубые огоньки усеяли его приклад, показывая готовность к стрельбе.

— Потому что я его достойна, — продекламировала Соллис.

— Хотелось бы, чтобы ты упражнялась с этой штукой где-нибудь в другом месте.

— Лучше бы ты нигде с ней не упражнялась, — поддержал меня Николаси. Он тоже осматривал предложенный на выбор арсенал. Бородатый пижон завладел длинным матово-черным оружием, на стволе которого был наляпан по трафарету рубиново-красный дракон с брюхом, раздутым, как у заглотившего добычу питона. — Плазменная базука с лазерным затвором, — восторженно пояснил он. — Мерзкая вещь, но работает отлично.

— Видимо, изящество не в твоем вкусе.

— Никогда не пользуйся такими штуками на войне, Диксия.

— И не собираюсь. Потому что их запретили. Одно из тех здравых решений, по которым обе стороны пришли к соглашению.

— Теперь это мой шанс.

— Мне казалось, что наша задача захватить Джекса, а не проделать десятиметровые дыры в обшивке «Найтингейл».

— Не волнуйся. Я буду очень-очень осторожен. — Николаси закинул базуку на плечо и пошел дальше по проходу.

Я взяла пистолет, взвесила его на руке и вернула на стеллаж. Дальше обнаружилось кое-что, пришедшееся мне по душе, — тяжелое двухкурковое ружье. Я, щелкнув, проверила магазин, чтобы убедиться, что обойма полная. Примитив, но зато безотказное оружие. Двое моих напарников купились на энергетическое высокотехнологичное вооружение, но я-то знала, как легко оно может выйти из строя в разгар боя.

— Отличный ствол, Диксия, — покровительственно сказала Соллис.

— Я — поклонник старой школы.

— Да, я заметила.

— Если у тебя есть проблемы с этим, мы всегда можем попрактиковаться в стрельбе.

— Эй, никаких возражений! Просто я рада, что ты нашла то, что тебе нравится. В любом случае действует лучше, чем старина Норберт. — Соллис кинула взгляд через плечо. — Похоже, он на самом деле спит на ходу.

Я посмотрела вдоль прохода. Норберт стоял в дальнем конце, около одной из стоек, и осматривал маленькое пузатое оружие — я не знала, что это за модель. В его огромных ладонях оно выглядело смешно, словно было игрушкой.

— Ты уверен, что хочешь взять это? — окликнула я. — Может, ты лучше посмотришь одну из тех…

Норберт взглянул на меня как на идиотку. Я не знаю, что он сделал потом — никакого движения руки я не успела заметить, — но это коротенькое и маленькое стремительно преобразилось, вытягиваясь и раскрываясь подобно сложной составной головоломке до тех пор, пока не увеличилось вдвое, став и на вид вдвое более смертоносным. Серебристое совершенство инженерной мысли, дорогая техника не из нашего мира. Игрушка демаршистов, наверное, но весьма и весьма страшная игрушка.

Соллис и я молча обменялись взглядами. Норберт отыскал самое продвинутое и самое эффективное оружие из того, что здесь имелось.

— Пойдем, — пробасил Норберт, сложил свою штуку и повесил ее на пояс.

Мы подкрадывались все ближе и ближе. Десятки тысяч километров, потом тысячи, потом сотни. Я наблюдала за пространством через иллюминаторы, смещая корпусные огни и направляя их туда, где по показаниям радаров и инфракрасных сканеров нас ожидал корабль-госпиталь. Когда мы приблизились на расстояние в два десятка километров, я поняла, что должна уже видеть корабль, однако передо мной были только звезды и отвратительный, тошнотворный мрак между ними. Внезапно у меня возникло интуитивное понимание того, как легко мы можем затеряться здесь, в этом пространстве, быстро сменившееся головокружительным ощущением нашего ничтожества и одиночества в космосе теперь, когда ушел перехватчик.

И затем неожиданно появилась «Найтингейл».

Мы подошли под таким углом, что корабль был наклонен по отношению к нам и зрительно уменьшался в размерах. В полной тьме четко виднелись только его контуры и поверхность. Ни иллюминаторов, ни ограничительных огней, ни освещения стыковочных причалов. Корабль выглядел мертвым и черным, как кусок угля. Мысль о том, что кто-то живой может скрываться на его борту, вдруг показалась полным абсурдом. Полковник Джекс, вероятно, мертвее мертвого, но его живущее или даже жизнеподдерживаемое тело гарантирует нам получение оговоренной платы.

Теперь Мартинес перевел корабль на ручное управление. Маленькими бросками, умело маневрируя, он сократил дистанцию до десяти километров. На шести километрах Мартинес в целях безопасности предполагал активировать каскадные огни и направить их вдоль корабля, чтобы окончательно удостовериться в том, где расположены шлюзы и площадки стыковки. На обшивке «Найтингейл» обнаружились

царапины от ударов небольших метеоритов и несколько подпалин от столкновения с высокоэнергетическими частицами, но в общем ничего особенного с учетом того, что корабль болтался в космосе со времен войны. Если на нем имелись ремонтные механизмы, они тоже спали. Даже когда мы облетели вокруг корабля и осмотрели его с другой стороны, никакой реакции не последовало. Николаси с неохотой признал, что мы можем следовать плану входа, предложенному Соллис, то есть пробраться внутрь через один из служебных шлюзов.

Пришло время действовать.

Мы пристыковались. Подошли мягко, но все же раздался сильный щелчок, когда захваты сцепились и прижали наш маленький космический корабль к огромному госпиталю. Я подумала, что эхо от щелчка распространится по всей длине «Найтингейл», постепенно затихая, но не настолько, чтобы не достигнуть чутких систем оповещения, которые предупредят спящий корабль о незваном госте. Несколько минут мы висели в космосе в тревожном молчании, глядя в иллюминаторы на датчики, фиксирующие малейшие следы активности. Но черный корабль оставался таким же темным и неподвижным. Видимых перемен в его состоянии не произошло.

— Ничего не происходит, — шепотом нарушил молчание Мартинес. — Он все еще не знает, что мы здесь. Шлюзы в вашем распоряжении, Ингрид. Я уже открыл наши люки.

Соллис, облачившаяся в скафандр, прихватив свой инструмент, двинулась в туннель к выходу. Пока она работала, остальные возились со своими костюмами и экипировкой, стараясь производить как можно меньше шума. Прежде мне не приходилось надевать скафандр, но Норберт помог нам справиться с этим непривычным занятием: его огромные руки расправлялись с непростыми соединениями и застежками с удивительной сноровкой. Надев скафандр, я не почувствовала больших отличий от костюма полномасштабной биологической защиты и быстро подключила датчики жизнеобеспечения, размещенные вокруг лицевого щитка. На проверку ушло минимум времени: за исключением некоторых незадействованных второстепенных функций, скафандр был полностью укомплектован энергией и ресурсами, обеспечивающими мне жизнедеятельность и полный комфорт на трое суток; при более длительном сроке пришлось бы мириться с некоторыми неудобствами. Однако никто из нас не собирался так долго торчать на борту «Найтингейл».

Соллис еще копалась в электронике, когда мы собрались за ее

спиной в шлюзе. Внутренние и внешние двери с нашей стороны были открыты, демонстрируя внешний серо-стальной люк космического госпиталя, намертво прижатый к переходнику шлюза пневматическими запорами. Я сомневалась, что ей когда-либо прежде приходилось проникать внутрь корабля, но, кажется, конструкция двери не представляла для Соллис особых трудностей. Она рывком открыла панель доступа и подключила к ней пучок разноцветных проводов, тянущихся к электронному модулю в ее наборе инструментов. Потом вытащила небольшую клавиатуру, которая замигала огоньками, изменяя коды панели доступа. Лицо женщины — темное, невыразительное и в то же время суровое и незабываемое — появилось в овальной рамке над панелью доступа.

— Кто это? — спросила я.

— «Найтингейл», — ответила Соллис и добавила, сочтя нужным объяснить: — Корабль имеет собственный гамма-уровень личности, сохраняемый на все время его существования. Во всех отношениях хитрый продукт мыследеятельности: полное соответствие по Тьюрингу;[227] умна, насколько вообще может быть умна машина, прежде чем она начнет бороться за права человека.

Я посмотрела на суровое лицо женщины, ожидая, что она в любой момент обратится к нам. Я представила ее резкий и оскорбительный тон, которым она потребует от нас объяснений: по какому праву мы находимся здесь, посягая на *ее* корабль, *ее* госпиталь.

— Знает ли она?.. — начала я. Соллис покачала головой:

— Это всего лишь информационная ячейка основной конструкции. Не просто неактивная — этот образ вморожен в память интерфейса, но, кажется, не имеет никакой связи с каналом передачи данных основной, наделенной сознанием машины. Так, «Найтингейл»?

Лицо смотрело на нас невозмутимо, и ответа не последовало.

— Видишь, мертвая зона. Полагаю, что сознание корабля практически полностью бездействует. Хватает лишь капли интеллекта, чтобы по инерции продолжать движение.

— Поэтому гамма-уровень отключают?

— Ха-ха. Тоже мне наилучший способ! Ты ведь не хочешь, чтобы одна из этих штук, расположенных вокруг, слишком долго ничего не делала?

— Почему нет?

— От бездействия они имеют тенденцию сходить с ума. Поэтому конджойнеры не позволяют устанавливать интеллект гамма-уровня на своих машинах. Они считают, что это своего

рода рабство.

— Чтобы вывести госпиталь из рабочего состояния, достаточно, чтобы гамма «Найтингейл» съехала с катушек?

— Будем надеяться, что так. На самом деле будем надеяться. — Соллис оценила взглядом свою работу, затем удовлетворенно хрюкнула, когда ряд огоньков замигал оранжевым цветом. Она отсоединила пучок цветных проводов и посмотрела на ожидающую сзади команду. — Отлично, мы можем двигаться. Открою дверь в любое время, если вы готовы.

— Что там, на той стороне?

— Непосредственно за дверью — воздух. Обычная тройная смесь. Жуткий холод, но не мороз. Давление приемлемое. Не уверена, что мы сможем там дышать, но…

— Нам не надо там дышать, — резко сказал Мартинес. — У воздушного шлюза остаются два человека. Одним из них будешь ты, Ингрид, пока до конца не разберешься, как работает этот механизм. Я составлю тебе компанию, а остальные подождут внутри шаттла, пока мы не убедимся, что условия безопасные.

— Может быть, вместо вас останется кто-то другой, — предложила я, удивляясь, почему Норберт не вызвался заменить своего хозяина. — В отличие от нас, вы незаменимы. Без вас до Джекса не добраться.

— Очень мило с вашей стороны, Диксия, но я плачу вам за то, чтобы вы содействовали мне, а не рисковали в моих интересах.

Мартинес пробрался вперед. Норберт, Николаси и я отодвинулись назад, чтобы можно было закрыть внутреннюю дверь. Я слышала, как Соллис говорит по общему каналу связи скафандра:

— Мы открываем «Найтингейл». Будьте готовы: сигналы могут ослабнуть, когда мы окажемся по ту сторону этого металла.

Николаси, оттолкнув меня, бросился в рубку управления. Я услышала тяжелое завывание моторов, открывавших дверь. Затем шелестящие и шаркающие звуки, но ничего тревожного.

— О'кей, — сказала Соллис, — мы проходим в шлюз «Найтингейл». Закрываем за собой внешнюю дверь. Когда вам придется снова ее открывать, нажмите «эни кей» на клавиатуре.

— Признаков жизни нет, — откликнулся из рубки Николаси.

— Внутренняя дверь выглядит так, словно откроется без особых усилий с моей стороны, — продолжала Соллис. — Должно быть, надо просто потянуть за этот рычаг… вы готовы?

— Давай, Ингрид, — послышался голос Мартинеса.

Опять гудение моторов, теперь более слабое. Спустя несколько мгновений Соллис доложила:

— Мы внутри. Сюрпризов пока нет. Вроде заплываем куда-то.

Конечно же, темно. От дальней стены — проход. Может быть, он ведет в основной коридор, который должен проходить вблизи от этого шлюза.

Я сообразила, что могу включить освещение на шлеме.

— Ты сумеешь открыть обе двери шлюза? — спросил Николаси.

— Давайте не все разом. И не поднимайте шума, чтобы нас не заметили.

— Мы пойдем в два приема. Норберт, ты первый. Я и Диксия следом.

Это заняло больше времени, чем хотелось, но в конце концов мы все пятеро оказались по ту сторону шлюза. Я только однажды побывала в невесомости, во время восстановительного периода после ранения, но воспоминания о том, как надо двигаться — по крайней мере так, чтобы не наделать особых глупостей, — сохранились, хотя и весьма смутно. Остальные вели себя примерно так же. Совместное освещение наших шлемов разогнало тьму по углам помещения, подчеркивая глубокий мрак открывшегося прохода, о котором упомянула Соллис. Мне вновь пришло на ум, что где-то в этой черной мгле находится полковник Джекс, или то, что от него осталось.

Немного нервничая, я проверила, хорошо ли закреплено ружье.

— Проверьте схемы движения на ваших шлемах, — велел Мартинес. — У всех есть схема с фиксацией положения каждого?

— У меня — порядок, — доложила я, присоединившись к хору трех голосов и остро осознав, как легко будет затеряться на борту такого огромного корабля, как «Найтингейл», если приборы, определяющие, где мы находимся, выйдут из строя.

— Я поведу, — заявил Николаси и нырнул во тьму прохода, прежде чем кто-то успел возразить.

Я двинулась за ним, стараясь дышать ровно и держаться бодро. На всех четырех стенах шахты имелись поручни и петли, так что процесс перемещения состоял в том, чтобы скользить от одной опоры к другой, преодолевая лишь сопротивление воздуха. Мы легко оставляли за собой один метр за другим: в таком темпе недолго и весь корабль пересечь — в ширину, разумеется. Видимо, мы каким-то образом пропустили идущий вдоль оси коридор, который искали, или он просто не существовал. Когда меня ужалила мысль, что мы забрались слишком далеко, Николаси замедлил движение. Я ухватилась за петлю, тормозя, чтобы не врезаться в его ноги.

Николаси оглянулся на нас, заставив меня прищуриться от яркого света лампы на его шлеме.

— Вот, основной коридор здесь, он просто немного глубже, чем мы ожидали. Проверим оба пути?

— Мы поворачиваем налево, — тихо, почти шепотом сказал Мартинес. — Налево, и проходим сто метров, может быть сто двадцать, пока не наткнемся на отделение с центрифугой. Мы пойдем медленно, препятствий не будет.

Николаси повернулся, всматриваясь в даль, потом вновь обернулся к нам:

— Мне кажется, впереди только метров двадцать коридора. Мы можем посмотреть, куда он ведет.

— Медленно и осторожно, — посоветовал Мартинес.

Мы двинулись вперед вдоль стены. В те мгновения, когда я дрейфовала от одной петли к другой, я задерживала дыхание, стараясь уловить внешние шумы, которые исходили бы от корабля. Но все, что я слышала, — шелест движения людей, свист и жужжание собственного жизнеобеспечивающего снаряжения. «Найтингейл» оставалась такой же безмолвной, как в момент нашего появления. Если корабль и осознал наше вторжение, то пока он никак не реагировал.

Мы проделали примерно сорок метров от места пересечения проходов, около трети расстояния, которое должны были пройти до центрифуги, когда Николаси затормозил. Я ухитрилась поймать очередную петлю, прежде чем наступить ему на пятки, и оглянулась, чтобы удостовериться, что остальные тоже вовремя сориентировались.

— Проблемы? — спросил Мартинес.

— Прямо впереди Т-образное пересечение коридоров. Не ожидал обнаружить здесь Т-переход.

— Никто не ожидал, — откликнулся Мартинес. — Но нас не должно удивлять, что реальное строение корабля кое в чем отличается от наших чертежей. Пока мы окончательно не упремся в тупик, мы продолжим движение за полковником.

— Ты хочешь бросить монетку или это сделаю я? — спросил Николаси, глядя на нас через плечо; я хорошо видела его лицо, освещенное лампой моего шлема.

— На стене нет указателей или обозначений?

— Ни того ни другого.

— В таком случае поворачиваем налево, — скомандовал Мартинес, предварительно взглянув на Норберта. — Согласен?

— Согласен, — кивнул великан. — Идем налево, потом следующий поворот направо. Вперед.

Николаси заскользил дальше, остальные потянулись за ним. Я задержала взгляд на инерционном компасе, укрепленном на моем шлеме, радуясь, что он отметил изменение направления,

хотя, если судить по карте, мы двигались через то, чему следовало быть прочной стеной.

Мы прошли двадцать или тридцать метров, когда Николаси вновь остановился.

— Туннель поворачивает направо, — сообщил он. — Похоже, мы возвращаемся на курс. Все в порядке?

— Да.

Но мы проделали лишь пятнадцать или двадцать метров в новом направлении, когда Николаси, схватясь рукой за поручень, обернулся:

— Мы уперлись в тяжелую дверь, что-то вроде внутреннего шлюза. Похоже, вновь потребуются усилия Соллис.

— Дайте мне пройти, — сказала Соллис, и я прижалась к стене, чтобы она могла, не задев, обойти меня.

Вдобавок к выбранному оружию, со скафандра Соллис свисали всевозможные приспособления для открывания дверей, брякающие друг о друга при каждом ее движении. Я не сомневалась, что она способна взломать любую дверь, дайте ей только время.

Но мысль провести долгие часы внутри «Найтингейл», пока мы будем дюйм за дюймом ползти от одного препятствия к другому, вовсе не вызывала у меня энтузиазма.

Мы дали возможность Соллис исследовать дверь; мы терпеливо выслушали ее размышления по поводу конструкции запоров, недовольные восклицания, гудение приборов и тихие переговоры под аккомпанемент ее дыхания. Она открыла панель и, так же как прежде, подключила оборудование. На овальном дисплее вновь замерцало то же неприветливое лицо.

Спустя пару минут Мартинес со вздохом спросил:

— Есть проблемы, Ингрид?

— Проблем нет. Я могу открыть эту дверь примерно за десять секунд. Я просто, черт побери, хочу быть уверена, что это еще одна информационная ячейка «Найтингейл». Если нет — на другой стороне проема чувствительные электронные датчики. Конечно, если пожелаете, мы просто прорвемся через…

— Говори потише, — предостерег Норберт.

— Я в скафандре, придурок.

— Снаружи есть давление. Звук передается. От воздуха к стеклу, от стекла к воздуху.

— У вас пять минут, Ингрид, — решительно заявил Мартинес. — Если к этому времени вы не найдете то, что ищете, открывайте дверь. И Норберт прав: старайтесь поменьше шуметь.

— Ладно, не надо на меня давить, — проворчала Соллис. Через три минуты она отключила свои приборы и с довольным

видом обернулась. — Просто запасной шлюз, на случай, если эта часть корабля разгерметизируется. Они, должно быть, решили устроить его после того, как были выполнены основные чертежи.

— Есть опасность, что, войдя, мы поднимем тревогу на «Найтингейл»? — спросила я.

— Никогда нельзя дать стопроцентную гарантию, но надеюсь, что нам повезет.

— Открывайте дверь, — распорядился Мартинес. — Всем закрепиться на случай вакуума или малого давления на той стороне.

Мы последовали его инструкциям, но, когда дверь отворилась, воздух за ней оказался такой, как прежде. Впереди, в волнах нашего освещения, виднелся короткий коридор, заканчивающийся точно такой же дверью. На этот раз помещение имело достаточные размеры, чтобы мы могли сгрудиться в нем, пока Соллис занималась механизмами второго шлюза. Какая-то соединительная система требовала закрыть первую дверь, прежде чем открыть вторую, но это не представляло трудностей. Теперь, когда Соллис знала, что ищет, она работала намного быстрее: ее квалификация и интуиция были на высоте. Я не сомневалась, что, если бы мы выбирались с корабля, она бы выполнила работу еще быстрее.

— Так, народ, мы готовы войти. Приборы говорят, что на той стороне так же холодно, так что застегните костюмчики.

Я услышала щелчок. Кто-то — возможно, Николаси, возможно, Норберт — снял оружие с предохранителя. Как будто кто-то кашлянул в полной тишине театрального зала. У меня не было выбора, кроме как взять ружье на изготовку.

— Открывай, — тихо сказал Мартинес.

Дверь бесшумно отворилась. Огни наших ламп вонзились в темную пустоту за ней, явив взору более глубокое и широкое пространство, чем я ожидала увидеть. Соллис наклонилась внутрь дверного проема, лампа ее шлема, отражаясь от поверхностей зала, стремительно выхватывала отдельные детали. Я увидела мгновенный отблеск стеклянных предметов, тянувшихся в бесконечность, потом он пропал.

— Докладывай, Ингрид, — велел Мартинес.

— Думаю, мы можем войти. Мы вышли почти к стене, или к полу, или к чему-то еще. Петли, поручни. Похоже, они идут по всему помещению, возможно до противоположной стороны.

— Стой, где стоишь, — велел Николаси, находившийся прямо передо мной. — Я снова пойду первым.

Соллис посмотрела назад и с трудом сглотнула:

— Все в порядке. На этот раз я сама справлюсь. Хочешь

прикарманить все самое интересное, правда?

Николаси поморщился. Не думаю, чтобы он обладал чувством юмора.

— Можешь воспользоваться моим оружием, если хочешь.

— Я и так крутая, — после некоторого промедления ответила Соллис.

Я не осуждала ее: одно дело возглавлять группу в узком коридоре и совсем другое — при прогулке по огромному темному помещению. В коридоре ничто не могло внезапно выскочить и схватить тебя.

Соллис с опаской шагнула в проем.

— Медленно и осторожно, Ингрид, — сказал позади меня Мартинес. — У нас есть время.

— Мы прямо за тобой, — добавила я, чувствуя, что она нуждается в моральной поддержке.

— Я в порядке, Диксия. Нет проблем. Просто не хочется потерять опору и улететь хрен знает куда…

Ее движения стали размеренными, она осторожно перемещалась по залу, преодолевая зараз расстояние от одной петли до другой. Николаси шел следом, я держалась прямо за ним. Если не считать производимых нами звуков и гудения систем скафандров, на корабле было тихо как в могиле. Но тьма была неабсолютной.

Теперь, когда мы вошли внутрь зала, перед нами тусклыми пятнами в неверном освещении стали открываться его тайны, тянущиеся вдаль во мрак на неопределенное расстояние. Здесь имелось свое освещение, просто слишком слабое, чтобы заметить его, пока не окажешься внутри.

— Что-то шевелится, — сообщила Соллис.

— Мы знали, — успокаивающе напомнил Мартинес, — мы всегда знали, что корабль спит, а не умер.

Я повернула шлем и постаралась еще раз найти взглядом стеклянные предметы, мерцание которых видела раньше. На другой стороне прохода с поручнями простирались многочисленные ряды с сотнями прозрачных контейнеров. Каждый контейнер был размером с цилиндрическую бутыль из-под масла, скругленную поверху, и опирался на серо-стального цвета подставку, оборудованную гнездами для подключения контролирующих и считывающих датчиков и устройств ввода данных. Контейнеры стояли в три ряда по высоте, при этом второй и третий ряды размещались над первым на каркасных стеллажах. Большинство подставок были отключены, но примерно одна из десяти мерцала огоньками считывающих датчиков.

— О господи! — выдохнула Соллис, и я поняла, что она тоже *это* видит.

Цилиндры содержали человеческие органы, плавающие в зеленоватом химическом растворе и подключенные к линиям питания и электрическим проводам. Я не сильна в анатомии, но я узнала сердца, легкие, почки, змеевидные спирали кишок. И предметы совершенно нераспознаваемые: штуки вроде глазных яблок, дюжинами растущие в отдельных чанах и качающиеся на длинных стержнях оптических нервов, подобно каким-то диковинным видам зрячих морских анемонов; нечто напоминающее кисти рук или целые конечности; гениталии, кожа или мускульные маски безглазых лиц… Каждая часть тела встречалась неоднократно и имела различные размеры, выстроенные по ранжиру от детских до взрослых, мужских и женских, и, несмотря на зеленую мутноватую жидкость, в которой она содержалась, можно было различить вариации в цвете кожи и пигментации.

— Спокойно, Ингрид, — сказала я, но эти слова скорее предназначались мне самой, чем Соллис. — Мы же знали, что это космический госпиталь. Это был просто вопрос времени — как быстро мы наткнемся на что-то подобное.

— Эта дрянь… — Николаси понизил голос. — Откуда она взялась?

— Два основных источника, — ответил Мартинес слишком спокойным голосом, и это мне не понравилось. — Не всех, кто попадал на борт «Найтингейл», удавалось вылечить, — очевидно, этот корабль был не более способен творить чудеса, чем остальные орбитальные госпитали. Везде существовала практика, что умерший жертвует свои части тела для дальнейшего использования. Полезно, конечно, но такие ресурсы никогда не восполняли основные нужды хирургов «Найтингейл». По этой причине на корабле имелось оборудование, производящее собственные запасы органов на основе широко известных принципов использования стволовых клеток. Производство органов шло все время, поддерживая наполнение этой коллекции.

— Она не выглядит полной, — заметила я.

— Мы больше не воюем. Корабль впал в спячку. У него нет необходимости сохранять объем запасов в прежнем состоянии.

— Тогда почему он вообще их сохраняет? Почему некоторые цилиндры поддерживают органы в состоянии жизнедеятельности?

— Не из экономии, я полагаю, и не из прихоти. Стратегический резерв на случай, если корабль вновь призовут в строй.

— Вы думаете, он просто дожидается, когда его

реактивируют?

— Он просто машина, Диксия. Машина в режиме ожидания. Не стоит нервничать.

— Никто не нервничает, — сказала я, но вышло фальшиво. Прозвучало так, будто я из тех, кого можно запросто испугать.

— Давайте двигаться на другую сторону, — предложил Николаси.

— Мы прошли примерно полпути, — сообщила Соллис. — Я вижу южную стену вроде бы. Похоже, там нас дожидается еще одна дверь.

Мы продолжили путь быстро и в полном молчании. Окруженная упрятанными в стеклянные ящики частями тела, я не могла думать ни о чем, кроме как о людях, которым они когда-то принадлежали. Если часть этого была бы *моим* телом, думаю, я являлась бы на «Найтингейл» в качестве привидения, источая злобную ярость.

«Эти мысли не к добру», — пронеслось у меня в голове, когда прозрачные контейнеры пришли в движение.

Все мы замерли, ухватившись за ближайшие петли. Ряд, отстоящий на два или три штабеля от прохода с поручнями, плавно заскользил по направлению к дальней стене зала. Контейнеры перемещались строго упорядоченно, в унисон. Когда мое сердце вновь начало биться, я сообразила, что весь ряд, должно быть, прикреплен к какой-нибудь конвейерной системе, упрятанной в каркасе, который его поддерживал.

— Никому не двигаться, — велел Николаси.

— Это не к добру, — повторяла и Соллис. — Это не к добру. Проклятый корабль не должен знать…

— Тише! — прошипел Мартинес. — Позвольте мне пройти. Я хочу видеть, куда направляются контейнеры.

— Осторожно, — предостерег Николаси.

Не обращая на него внимания, Мартинес выбрался вперед и возглавил экспедицию. Мы быстро последовали за ним, понимая, что лучше не шуметь и передвигаться по проходу плавно. Контейнеры продолжали мягко и бесшумно скользить в воздухе, пока не достигли дальней стены. Затем конвейер повернул на девяносто градусов, унося от нас прозрачные емкости в закрытый огороженный блок, напоминающий сканирующее устройство. Большинство стекляшек были пусты, но мы наблюдали за теми, в которых содержалось нечто, активные единицы также скользнули в блок. Все происходило стремительно, но мне показалось, что я увидела плечо и руку, торчащие из подставки жизнеобеспечения.

Конвейер остановился. Наступило полное молчание, затем сменившееся серией механических щелчков и жужжанием. Никто

из нас не мог видеть, что творилось внутри блока, но зрение нам и не понадобилось. Суть происходящего была очевидна.

Конвейер вновь пришел в движение, но на этот раз в обратном направлении. Емкости, которые въехали в блок, теперь были пусты. Я пересчитала контейнеры, чтобы удостовериться, не ошибаюсь ли я, но сомнений не было. Предплечье и руку вынули из контейнера. Как я полагала, переместили куда-то в другое место.

Прозрачные емкости поехали назад, вернулись на свои прежние позиции и замерли. За исключением исчезнувшей конечности, весь зал выглядел точно так же, как в тот момент, когда мы в него вошли.

— Мне это не нравится, — призналась Соллис. — Корабль должен быть мертвым.

— Спящим, — поправил Мартинес.

— Вы не думаете, что эта чертовщина, которая здесь творится, имеет отношение к нашему появлению на борту? Не думаете, что Джекс получил сигнал проснуться?

— Если бы Джекс осознал наше присутствие, мы узнали бы об этом сразу же.

— Не понимаю, почему вы так спокойны.

— Вся суть происходящего в том, Ингрид, что «Найтингейл» исполняет свои тривиальные повседневные обязанности. Мы уже поняли, что она сохраняет некоторые органы в годном для пересадки состоянии и это просто один из банков тканей. Едва ли нас должно удивлять то, что корабль периодически решает переместить некую часть запасов из точки А в точку Б.

Соллис издала короткий шипящий возглас, выражавший раздражение, — я могла бы поклясться, что она не купилась на его объяснение, — и подплыла поближе к двери.

— Очень много дерьма здесь происходит, я выхожу из игры, — заявила она.

— На твоем месте я бы дважды подумал, — отозвался Мартинес. — Мы чертовски далеко от дома.

Я догнала Соллис и дотронулась до ее плеча:

— Мне тоже все это не нравится, Ингрид. Но он прав. Джекс не знает, что мы здесь. Если бы знал, я думаю, он сделал бы что-нибудь покруче перемещения нескольких контейнеров.

— Надеюсь, что ты права, Скэрроу.

— Я тоже надеюсь, — прошептала я.

Мы продолжили движение вдоль оси корабля, следуя коридором, очень похожим на тот, по которому мы шли, прежде чем попали в банк органов. Он то отклонялся в сторону, то вилял вверх и вниз, но потом вновь выпрямился. В соответствии с

показаниями инерционного компаса мы направлялись к местонахождению Джекса или, по крайней мере, в ту часть корабля, где могли обнаружить его с наибольшей вероятностью, живым или мертвым.

— То, о чем мы говорили раньше… — сказала Соллис. — Я имею в виду — намного раньше; что корабль не разрушили в конце войны.

— Я думаю, что четко сформулировал суть, Ингрид. Прислушиваясь к мифам, мы не предадим искомого человека в руки правосудия…

— Мы видим здесь примерно миллион тонн уцелевшего и пригодного к использованию космического железа. Для кого-нибудь он должен представлять какую-то ценность? Почему никто не прибрал его к рукам после войны?

— Потому что произошло что-то очень нехорошее, — вставил Николаси. — Возможно, в истории об отряде, поднявшемся на борт и не покинувшем его, есть некая доля правды.

— О, ради бога! — вздохнул Мартинес.

— Ну и с кем они дрались? — поинтересовалась я. — Кто именно остановил тех, кто поднялся на «Найтингейл»?

Мне ответил Николаси:

— Основной персонал — агенты безопасности консорциума, который финансировал создание этой штуки. Может быть, даже защитные системы самого корабля. Если он решил, что подвергся атаке…

— Если здесь была перестрелка, — не отступала я, — то где следы повреждений?

— Мне наплевать на следы, — вмешалась Соллис. — Я хочу знать, что произошло со всеми телами?

Мы подошли к еще одной заблокированной двойной двери воздушного шлюза. Соллис немедленно приступила к работе. Но если можно было ожидать, что теперь она справится быстрее, поскольку до этого уже открыла несколько дверей, то тут я ошиблась. Она подключила приборы и считала показания, бормоча себе под нос достаточно громко, чтобы слова можно было разобрать по голосовой связи. Лицо «Найтингейл» смотрело на нас неодобрительно, наблюдая за происходящим со стороны, словно портрет давно исчезнувшего предка.

— Эта дверь может быть похитрее, — сказала Соллис. — Я поймала канал передачи данных, идущих от рамы.

— Значит ли это, что мы влезли в ее нервную систему? — спросил Николаси.

— Не могу это исключить.

Николаси провел ладонью вдоль гладкого черного ствола своего плазменного оружия.

— Мы можем вернуться по своим следам и поискать другой маршрут.

— Мы не вернемся, — покачал головой Мартинес. — Не сейчас. Открывай дверь, Ингрид. Мы рискнем и пойдем с максимальной скоростью.

— Вы уверены? — Соллис зажала в пальцах пучок проводов. — Когда я их подключу, обратной дороги не будет.

— Давай.

Она подсоединила провода. В то же мгновение по лицу «Найтингейл» прокатилась рябь и маска пробудилась к жизни. Дверь заговорила с нами. Тембр был резкий, металлический, но явно принадлежащий властной женщине.

— Это Голос «Найтингейл». Вы пытаетесь проникнуть в секретную зону. Обратитесь в центральную администрацию для получения надлежащего допуска.

— Черт! — сквозь зубы выругалась Соллис.

— Ты этого не ожидала? — спросила я.

— Я не ожидала активации изображения. Возможно, чувствительность машины не столь низка, как я думала.

— Ты можешь взломать дверь? — спросил Николаси.

— Да… думаю, могу. — Соллис нащупала другую линию, что-то там немного подрегулировала, и дверь плавно отворилась. — Вуаля.

Лицо на экране замолчало и вновь застыло, превратившись в безжизненную маску, но теперь я физически ощущала, что за нами наблюдают. Казалось, глаза женщины направлены одновременно во все стороны.

— Думаешь, Джекс знает, что мы здесь? — спросила я, когда Соллис протискивалась в тамбур между двумя дверями.

— Не знаю. Может, я вовремя открыла дверь, прежде чем она успела послать сигнал тревоги.

— Но ты не уверена.

— Нет.

Соллис приступила ко второй двери, стараясь работать быстро, но с исключительной осторожностью. Я проверила оружие, висящее на поясе скафандра, и удостоверилась, что оно хорошо закреплено. Остальные рядом со мной проделали аналогичный подготовительный ритуал.

Понемногу до меня дошло, что Соллис возится дольше, чем ожидалось. Она оглянулась, ее оборудование все еще торчало из открытой сервисной панели.

— Что-то пошло не так, — сказала она, с трудом сглотнув. — Эти скафандры, которые вы на нас напялили, Томас, — они действительно хороши?

— Полномасштабная боевая защита. Почему вы спрашиваете?

— Потому что дверь утверждает, что корабль впереди затоплен. Похоже, нам придется через что-то проплыть.

— Я понял, — кивнул Мартинес.

— О нет! — Я затрясла головой. — Это невозможно! Мы не можем оказаться под водой.

— Не уверена, что это вода, Диксия. — Соллис сунула мне под нос считывающее устройство, словно я могла разобраться в этих цифрах и символах. — На самом деле это нечто теплое и влажное.

Мартинес внутри скафандра пожал плечами:

— Могла произойти утечка содержимого контейнеров — и часть корабля залита. Тут не о чем беспокоиться. Наши костюмы легко справятся и обеспечат нашу безопасность.

Я в упор посмотрела в лицевой щиток его скафандра, встретившись с ним глазами и зная, что он не может отвести взгляд.

— Вы в этом уверены? Эти костюмчики не окостенеют на нас вскоре после того, как мы намокнем?

— Скафандры будут работать. И я в этом настолько уверен, что пойду первым. Когда вы услышите, что я на другой стороне и в безопасности, следуйте за мной.

— Мне это не нравится. Что, если приборы Ингрид не будут работать под водой?

— У нас нет иного выбора, кроме как двигаться вперед, — заявил Мартинес. — Если эта секция корабля затоплена, мы пройдем через нее, не отклоняясь от выбранного маршрута. Это единственный путь.

— Что ж, давайте, — вздохнула я. — Если эти скафандры предназначены для боевых действий, то я уверена, что они вытащат нас и из соседнего помещения.

— Меня беспокоят не скафандры, — сказал Николаси, вновь озабоченно проверив свою базуку. — Никто не упоминал… о погружении… когда мы выбирали оружие.

Я надежно укрыла в ладонях небольшой примитивный пистолет:

— Я поменяюсь с тобой, когда мы переберемся на ту сторону. Николаси промолчал. Не думаю, что он оценил юмор ситуации. Две минуты спустя мы попали внутрь, в беспросветный мрак заполненного жидкостью помещения. Жидкостью, похожей на воду, но едва ли поддающейся описанию. Когда ты носишь скафандр, всегда ощущаются инерция и замедленность движений, даже если ты находишься в воздушной среде. Мои датчики биологической опасности ничего не регистрировали, но из этого не следовало, что жидкость полностью безвредна. Ведь датчики настроены на сильнодействующие ядовитые вещества, применявшиеся во время боевых действий, и не рассчитаны на распознавание всех опасных химикатов, которые существуют на свете. В моем шлеме зажужжал голос Мартинеса:

— Здесь нет опор или направляющих. Мы просто должны плыть прямо по курсу, сверяясь с инерционным компасом. Если мы останемся в поле, зрения друг друга, обойдется без осложнений.

— Давайте с этим поторопимся, — поддержал его голос Николаси.

Мы пустились в плавание, изо всех сил стараясь не отстать от Николаси, который возглавил команду. Он продвигался вперед энергичными толчками, его оружие свободно болталось на ремне. Сопротивление среды в скафандрах и так преодолевалось медленно и трудно, а мы еще тащили на себе оружие. Каждый шаг вперед и взмах руками давался с великим трудом, каждое движение корпусом требовало усилий, к тому же мы практически ничего не видели перед собой. Лампы шлемов могли разогнать

мрак не более чем на десять-двадцать метров во всех направлениях, и дверь, через которую мы прошли, быстро затерялась во тьме. Я почувствовала подступающую панику и страх: если компасы выйдут из строя, мы никогда не найдем выход отсюда.

Однако компасы не подвели, а Николаси решительно сохранял темп.

Через две минутя плавания он крикнул:

— Я вижу стену! Она прямо перед нами.

Пару секунд спустя я увидела ее своими глазами, парящую в розовом сумраке. Испытанное мною чувство облегчения слегка подпортил ее внешний вид. Стена оказалась невыразительной, бледной плоскостью, утопавшей во мраке по краям, где кончалось освещение.

— Здесь нет двери.

— Возможно, мы немного отклонились от курса, — предположил Николаси.

— Судя по компасу — нет.

— Тогда, возможно, двери смещены в сторону. Это не важно, мы найдем их, простучав стены, и вырежем под углом к месту высадки.

— Если здесь есть дверь.

— Если ее здесь нет, мы проложим себе путь с помощью оружия.

— Я рада, что вы всё так хорошо продумали, — вздохнула я, поняв, что Николаси говорит серьезно.

Стена приближалась. Чем меньше метров до нее оставалось, чем яснее она высвечивалась огнями наших ламп, тем больше я осознавала: в ней было что-то неправильное. Совсем пустая стена, лишенная стоек или панелей, отверстий или элементов корабельного оборудования, — но не просто сделанная из цельного куска плоскость, как можно было ожидать от массивной переборки космического корабля, изготовленной промышленным способом. Непонятная структура материала, качеством напоминающая волокнистую поверхность дешевой бумаги. Вдоль стены тянулись слабо различимые линии, чуть более темные, чем остальная поверхность, но не складывающиеся ни в какой определенный геометрический узор. Они закручивались, разветвлялись и соединялись вместе из совсем нечетких второстепенных линий, утончаясь на концах, как прожилки на листе дерева.

С внезапным тошнотворным озарением я поняла, что представляла собой эта стена. Когда ладони Николаси прикоснулись к поверхности, она спружинила, как батут,

концентрируясь в точке воздействия, и затем отбросила его назад. Николаси отлетел прочь на некоторое расстояние, пока сила противодействия не скомпенсировалась вязкостью окружающей нас жидкости.

— Это… — начала я.

— Кожа! Я знаю. Я понял, прежде чем ударил.

Я попыталась замедлить движение, но недостаточно быстро, чтобы суметь избежать контакта со стеной из кожи. Она спружинила подо мной, потянув на себя так сильно, что я испугалась, не засосет ли она меня прямо внутрь. Потом она восстановила равновесие и вытолкнула меня, отправляя назад, в том направлении, откуда я явилась. Борясь с приливом отвращения, я окунулась в жидкость и присоединилась к остальным.

— Дерьмо, — бормотала Соллис. — Это невероятно. Эта штука не должна быть гребаной кожей…

— Не впадайте в панику! — приказал Мартинес. Он хрипло дышал и делал паузы между словами. — Это просто еще одна форма банка органики, как помещение, которое мы только что прошли. Полагаю, что жидкость, в которой мы плыли, должна быть разновидностью среды, поддерживающей рост, — чем-то вроде околоплодных вод. В условиях ведения войны весь этот зал, должно быть, заполняли куски растущей кожи площадью, исчисляемой акрами.

Николаси нащупал что-то у себя на ремне и вытащил зубчатое лезвие, мерзко блеснувшее даже в розовой жидкости.

— Я прорублюсь насквозь.

— Нет! — рявкнул Мартинес.

Соллис, ближе всех находившаяся к Николаси, придержала его за плечо:

— Полегче, парень. Придумай способ получше.

— Так, — выдохнул Мартинес, — убери нож, пожалуйста. Мы пойдем вдоль кожи, поищем край.

— Я бы все-таки предпочел сделать короткий разрез. — Николаси все еще держал клинок в руке.

— В этой коже есть нервные окончания. Перережешь их, и об этом узнают следящие системы. И следовательно, корабль.

— Вероятно, корабль уже знает.

— Мы не станем рисковать. Николаси неохотно вернул нож на пояс.

— Мне казалось, мы договорились продвигаться как можно быстрее, — сказал он.

— Быстро и безрассудно — не одно и то же, — заметила Соллис. — Ты собрался перейти черту.

Мартинес уже обогнул меня и поплыл влево. Я направилась за ним, остальные следовали по пятам. Менее чем через минуту упорных усилий в поле зрения появился темный край, похожий на раму для картины, тесно спаянный с полотном кожи. Единственное, что виднелось за кромкой кожи, — стена зала с массивными подпирающими металлическими стойками.

Я позволила себе на мгновение расслабиться. Мы все еще находились в опасности, в ситуации, вызывавшей сильнейшую клаустрофобию, но, по крайней мере, зал не оказался бесконечно большим.

Мартинес затормозил, ухватившись за раму. Я вместе с остальными приблизилась к нему и выглянула за край в надежде, что стена, вдоль которой мы перемещались, простирается дальше. Но вместо этого я увидела еще одно полотнище кожи, которое тянулось до следующей рамы, расположенной от нашей на расстоянии примерно в рост человека. В отдалении угадывалось очертание третьей рамы, и, возможно, за ней была еще одна…

— Сколько их? — выдохнула я, когда остальные добрались до рамы, усевшись на нее наподобие ворон.

— Не знаю, — сказал Мартинес. — Четыре, пять — до десятка, возможно. Но все в порядке. Мы можем проплыть вдоль рам, потом повернуть направо и двинуться туда, где, по нашим прикидкам, находится входная дверь. — Он повысил голос: — Все готовы? Проблем со скафандрами нет?

— Там огни, — тихо проговорил Николаси. Мы обернулись к нему.

— Внизу, — добавил он, кивнув в направлении других листов кожи. — Я увидел отблеск чего-то — отсвет в воде или в околоплодной жидкости… или чем там является эта дрянь…

— Я тоже видел свет, — заявил Норберт.

Я посмотрела вниз и увидела, что он прав и Николаси ничего не придумывает. Тусклый дрожащий свет исходил из промежутка между двумя слоями кожи.

— Что бы это ни было, оно мне не нравится.

— Мне тоже, — поддержал Мартинес. — Но если это нечто располагается между двумя слоями, то не должно нас касаться. Мы поплывем вдоль них, избегая контакта.

Он с удивительной решительностью бросился вперед, и я быстро последовала за ним. Обратная сторона полотна кожи имела четкую сетку из бледных вспомогательных волокон — структурную матрицу, на которой кожа росла и получала питание. Понизу тянулись толстые черные провода, уложенные в бухты.

Второе полотнище, начинавшееся непосредственно ниже

первого, было немного другой пигментации. Во всех остальных отношениях оно казалось практически идентичным первому — бесшовная полоса, распростершаяся в розовой мгле. Источник дрожащего и мерцающего света просматривался через ткань, отображая на плоскости вены и артерии, когда свет становился ярче.

Мы прошли под вторым листом и внимательно вгляделись в промежуток между вторым и третьим пластами. Едва различимая в пульсирующем освещении, перед нами предстала неожиданная картина таинственной деятельности. Здесь работали четыре робота, напоминавшие головоногих моллюсков. Каждая машина состояла из заостренного, конусообразного тела и прикрепленного к нему пучка похожих на хлысты рук, выходящих из основания конуса. Роботы занимались определенной хирургической операцией — перемещали прямоугольник кожи размером с одеяло, чтобы потом разрезать его вдоль четырех сторон. У каждого из них имелись собственные источники света на окончаниях хлыстов-щупальцев, но, кроме того, яркое пульсирующее сияние исходило из приборов, походивших на лазеры, которые каждый держал в единственной сегментированной руке, более толстой, чем другие конечности. Не могу сказать, была ли пульсация частью процесса разрезания или последующего заживления, поскольку ткани не кровоточили и окружающая кожа казалась нетронутой.

— Что они делают? — выдохнула я.

— Снимают урожай, — ответил Мартинес. — На что еще это похоже?

— Я знаю, что они снимают урожай. Я имела в виду — *зачем* они это делают? Для чего им нужна эта кожа?

— Понятия не имею.

— У вас нашлось множество ответов по поводу банка органов, мистер Мартинес, — вмешалась Соллис. Мы все впятером остановились, паря на том же уровне, что и роботы-хирурги. — Относительно корабля, который должен находиться в спячке… Черт возьми, я не вижу никаких признаков спячки!

— «Найтингейл» выращивает здесь кожу, — продолжала я. — Это я могу понять. Корабль поддерживает базовые запасы на случай, если его вернут в строй для следующей войны. Но это не объясняет, почему возникла необходимость снимать урожай *сейчас*.

— Может быть, это тестирование кожи, чтобы удостовериться, что развитие идет по плану, — рассеянно произнес Мартинес.

— Вы как раз подумали, что маленького образца для этого вполне достаточно, — подсказала я. — Уж наверняка поменьше,

чем несколько квадратных метров. Такого количества кожи хватит, чтобы обернуть целого человека.

— Я бы очень хотел, чтобы ты этого не говорила, — буркнул Николаси.

— Давайте двигаться дальше, — велел Мартинес.

«Он, конечно, прав», — подумала я. Деятельность роботов сильно выбивала из колеи, но, с другой стороны, мы прибыли сюда не для осмотра достопримечательностей.

Когда мы уплывали — роботы не проявили никаких признаков того, что заметили нас, — я вспомнила слова, сказанные ранее Ингрид Соллис. О том, как неумно оставлять интеллекты гамма-уровня в рабочем состоянии, но без определенного занятия. Потому что в противном случае — поскольку чувство долга слишком глубоко запечатлено в их логических извилинах — они имеют тенденцию медленно, постепенно и неотвратимо сходить с ума.

Но «Найтингейл» оставили в покое с тех пор, как закончилась война. Что это означало для ее управляемого разума? Работал ли госпиталь сам для себя, возродив исполняемые в предыдущей жизни операции, не глядя на то, сколь бессмысленными они стали, потому что его разум уже помутился? Или это был для него способ сохранения рассудка? Сражаться, так сказать, до последнего патрона…

И что, исходя из этого, произошло с человеком, за которым мы сюда пришли?

Мы продолжали плыть, ряд за рядом минуя пласты кожи. Мы заметили еще один отряд хирургов: другая группа роботов занималась сбором урожая. Когда они завершили работу, пласт был разрезан на ровные прямоугольники и полосы. Обнажилась сетка матрицы роста, напоминавшая проволочную. Случайно мне на глаза попалась частичка уже наполовину заживленная, с кожей, наросшей до плотности просвечивающей рисовой бумаги. Я сомневаюсь, что ко времени ее полного восстановления вообще будут видны какие-либо признаки того, где именно разрезали кожу.

Десять рядов, потом двенадцать — и вот наконец-то стена, которую я так ждала, вплыла в поле зрения наподобие миража. Нет, мне это не почудилось — и еще одного слоя натянутой, как барабан, кожи здесь нет. Передо мной такие же металлические опоры, как на предыдущем участке стены.

Соллис пробралась вперед:

— Народ, живо ищите дверь. Она где-то здесь. Я плыву вперед, чтобы начать работать.

— Хорошо, Ингрид, — отозвался Мартинес.

Несколько секунд спустя я своими глазами увидела воздушный шлюз и убедилась, что Соллис не ошиблась. Она быстро плыла к двери, на ходу снимая с пояса приборы и переходники. Сквозь розовую мглу я наблюдала за тем, как Соллис щелкает клавишами панели доступа и начинает обычную процедуру блокирования обслуживающих систем. Я радовалась, что Мартинес нашел именно Соллис. Что бы про нее ни говорили, она была крутым спецом по взламыванию дверей.

— О'кей, хорошие новости, — сказала она через минуту, подключив и вытащив какие-то штуки. — С той стороны воздух. Нам теперь долго не придется плавать в этой дряни.

— Как долго? — спросил Николаси.

— Не рискну предсказывать, парень. Давай решать проблемы по мере их поступления.

Пока она это говорила, я осознала, что мы отбрасываем тени на стену, причем, когда мы добрались сюда, никаких теней не было. Я крутанулась на месте и посмотрела назад, туда, откуда мы приплыли, в направлении нового источника света, который, как я поняла, здесь появился. К нам приближались четыре конусообразных механизма, транспортируя между собой полотнище свежесобранной кожи, каждый угол его двумя сегментированными серебристыми щупальцами зажимал один из роботов.

Они двигались быстрее, чем мы плыли, перемещаясь за счет какой-то импульсной системы, реактивной струей выталкивающей жидкость из острого конца конуса.

Соллис отпрянула назад, когда внешняя дверь шлюза внезапно отворилась.

— Я не… — начала она.

— Знаю, — быстро откликнулась я. — Сюда плывут роботы. Должно быть, они послали команду открыть дверь.

— Давайте уберемся с дороги, — предложил Мартинес и оттолкнулся от стены. — Ингрид, уходи от шлюза. Возьми что можешь, но долго не копайся.

Соллис стала отсоединять оборудование и трясущимися пальцами крепить его к поясу. Механизмы приблизились, полотнище кожи волнообразно колебалось между ними, словно ковер-самолет. Они замедлили движение, потом остановились. Их лампы испускали потоки резкого света, проходящие сквозь мутную жидкость. Роботы уставились на нас, удивляясь, что это мы делаем тут, между ними и дверью. Один из механизмов, привлеченный движением, направил луч света в сторону плывущей фигуры Мартинеса. Тот остановился и неподвижно завис в ослепительном круге света, словно мотылек, наколотый

на солнечный луч.

Никто из нас не вымолвил ни слова. Мое собственное дыхание казалось мне самым оглушительным звуком во Вселенной, но я не могла заставить себя дышать тише.

Один из роботов выпустил из шупальцев свой угол кожи. На мгновение он завис у полотна, словно оценивал варианты, потом выделил из группы меня и стал приближаться. По мере того как он подбирался ближе, механизм вырастал в размерах и обретал все более угрожающий вид, чем казалось издалека. Его конусообразное тело было длиной с меня, самое толстое щупальце выглядело достаточно мощным, чтобы нанести серьезный урон даже без применения лазера. Когда он расставил руки пошире, словно собираясь обнять меня, я едва поборола панику и не бросилась наутек.

Робот принялся меня изучать. Он начал с моего шлема, постукивая и царапая его, посветил лампой через лицевой щиток. Потом стал с силой скручивать его, пытаясь отсоединить шлем от шейного переходника. Признала ли машина во мне человека или просто расценила как кусок неидентифицированных плавающих обломков, но ее поведение наводило на мысль, что разборка — ее любимейший способ действия. Я сказала себе, что позволю потрудиться над скафандром еще несколько секунд, но если почувствую, что шлем начинает разрушаться, — придется принимать меры. Даже если это уведомит робота, что я не просто мусор.

Но именно тогда, когда я это решила, робот оставил в покое мой шлем и переместился вниз. Он развернул пару шупальцев с каждой стороны под моей нагрудной защитой, пытаясь поддеть и сковырнуть ее, словно большую коросту с раны. Кое-как я держала себя в руках, отчаянно веря, что механизм рано или поздно потеряет ко мне интерес. Потом он бросил нагрудник и начал возиться с моим оружием, постукивая по нему, как на спиритическом сеансе. Он дергал пистолет, стараясь отцепить его с пояса. Затем, так же внезапно, как и начал, робот прекратил эти исследования. Он отплыл назад, собрав щупальца в один пучок, напоминающий кулак. Потом медленно двинулся в сторону Николаси.

Я мысленно посоветовала Николаси стоять смирно. Попытка уплыть не имела смысла. Мы не могли передвигаться быстрее этих роботов. Николаси, должно быть, хорошо владел собой, или, наоборот, его парализовало от страха, но он не шевельнулся, когда механизм подобрался к нему. Конусообразный уродец помедлил, широко расправил щупальца и затем провел световым пятном с ног до головы Николаси, словно не мог решить, что он

такое. Потом выпустил пару манипуляторов и протянул острые, как иглы, кончики к его шлему. Машина изучала и обследовала скафандр с удивительной деликатностью. Через голосовую связь я слышала звяканье металла о металл, перекрываемое частым неровным дыханием Николаси.

Задержи дыхание…

Машина добралась до его шеи, исследуя устройства между шлемом и торсом, и затем принялась трудиться над нагрудником, пытаясь просунуть щупальце туда, где был скрыт уязвимый модуль жизнеобеспечения. Потом, очень медленно, робот отвел щупальца назад.

Машина отплыла от Николаси, повернувшись к нему тупым концом. Казалось, что эксперимент полностью завершен. Три других робота настороженно зависли в отдалении, поддерживая добытую кожу. Николаси вздохнул и расслабился.

— Я думаю… — прошептал он.

Это была большая ошибка! Машина дернулась, вновь расправив щупальца, и двинулась к Николаси, ее мощный свет с возрожденным интересом забегал по его телу. Второй робот тоже подобрался ближе, явно намереваясь ассистировать партнеру в изучении непонятного объекта.

Я взглянула на Соллис, наши искаженные ужасом лица развернуло друг к другу.

— Ты можешь попробовать… дверь… — начала я.

— Черт возьми, и не надейся!

— Николаси, — позвала я, на этот раз не беспокоясь, что меня услышат, — стой смирно, и, может быть, они снова отвяжутся.

Но на этот раз он не собирался вести себя благоразумно. Когда я взглянула на него, он нашаривал рукой плазменное ружье, разворачивая его на манер гарпуна, широкий раструб оружия нацелился в ближайшую машину.

— Нет! — закричал Норберт, его голос прогремел в воде, словно разрыв глубинного заряда. — Не трогай! Не здесь!

Но сейчас Николаси был недоступен доводам разума. Каждая клеточка его тела вопила: «Используй оружие!» Так он и сделал.

В некотором смысле все получилось, как он хотел. Плазменный заряд проткнул робота, как солнечный луч пронзает тучу. Механизм развалился на части во всплесках огня и кипящего пара, изорванные черные ошметки разбросало взрывной волной. Потом пар — испаряющаяся околоплодная жидкость — поглотил все, включая Николаси и его ружье. Даже внутри моего костюма я ощутила сильный гидравлический удар. Извержение длилось долго, словно для того, чтобы мы удостоверились, что

оно уничтожило робота. К этому времени вторая машина достаточно приблизилась, и ее отшвырнуло назад взрывной волной. Но она быстро пришла в себя и продолжила движение.

— Еще роботы, — сказал Норберт, и когда я посмотрела назад, поверх ограждения из полотнищ кожи, то поняла, что он имел в виду.

К нам по одному и по двое приближались другие механизмы. Они бросили работу по разрезанию кожи, чтобы выяснить, что здесь произошло.

— Мы попали в переделку.

Облако пара рассеялось, и показалась дрейфующая фигура Николаси, за ним тащился искривленный обрубок его ружья. Должно быть, когда он стрелял во второй раз, плазменная базука вышла из строя. Я не была уверена, что Николаси еще жив.

— Я беру дверь, — сказал Норберт, доставая оружие демаршистов. — Вы берете роботов.

— Ты собираешься бросить нас после того, что произошло с Николаси? — спросила я.

— Нет выбора, — откликнулся он, когда диковинное оружие развернулось в его руке.

Мартинес рывком приблизился к великану:

— Нет! Доверь это мне. Я позабочусь о двери.

— Слишком опасно.

Норберт помедлил, и на мгновение мне показалось, что он не уступит. Но здоровяк спокойно передал таинственную игрушку демаршистов Мартинесу и взял в обмен оружие старика — маленький револьвер, сразу исчезнувший в его огромной перчатке.

В тот же самый миг в моей душе исчезло и уважение, которое я питала к Норберту. Если он взял на себя обязанность защищать Мартинеса, он не должен был так круто поворачивать на сто восемьдесят градусов.

Из нас троих лишь у меня и Норберта имелось при себе оружие, стреляющее пулями. Я отцепила с пояса второй пистолет и передала его Соллис. Она приняла его с благодарностью, сознавая ненадежность выбранного ею энергетического вооружения. Роботов легко уничтожить, если подпустить их на расстояние выстрела. Я не сомневалась, что хирургический режущий инструмент может нанести значительные повреждения, но мы не предоставим им возможности до нас дотронуться. Ни один из этих механизмов не был рассчитан на появление неприятеля. Они вели себя так, словно изучали неисправности корабля, которые требовали ремонта. Роботы могли убить нас, но только по недоразумению: они не понимали, что мы собой

представляем.

Однако у нас не было возможности пополнить запас патронов, к тому же ручная перезарядка магазинов под водой — неблагодарное занятие. Когда я уже начала беспокоиться, что нас подавят превосходящим числом нападающих, в моем шлеме зарокотал голос Мартинеса:

— Я готов стрелять. Двигайтесь за мной как можно скорее, когда я высажу вторую дверь.

Оружие демаршистов выпустило заряд, озарив все помещение ярким, слепящим глаза светом. Затем последовал еще один выстрел, и еще один.

— Мартинес, — позвала я, — ответьте.

— Я все еще здесь, — после мучительно долгой паузы откликнулся он. — За первой дверью. Цикл оружия…

Большая часть роботов плыла над нами, их щупальца дергались, как кнуты. Хотелось бы знать, сколько времени пройдет, прежде чем сигналы тревоги достигнут сознания «Найтингейл» и корабль поймет, что имеет дело не просто с локальными повреждениями.

— Почему он не стреляет? — спросила Соллис, раз за разом нажимая на курок пистолета.

— Спортивное оружие. Три выстрела, перезарядка, три выстрела, — пояснил Норберт. — Не скорострельная модель. Но хорошо работает под водой.

— Мы могли бы использовать эти следующие три выстрела, — сказала я.

Голос Мартинеса зажужжал у меня в ухе:

— Готов. Я буду стрелять, пока хватит заряда. Плывите сюда.

Я взглянула на дрейфующую фигуру Николаси, он был так же неподвижен, как в тот момент, когда появился из облака пара, созданного его оружием.

— Я думаю, он мертв, — тихо сказала я. — Но мы все же должны…

— Нет! — резко пресек мою попытку Норберт. — Оставь его!

— Может быть, он просто без сознания.

Мартинес выстрелил три раза, три яркие короткие импульсные вспышки. Я услышала его крик: «Свободно!» — но голос старика изменился. Я поняла, что он, скорее всего, ранен, хотя не могла догадаться, насколько тяжело.

Норберт и Соллис произвели два последних выстрела по роботам, которые все еще пытались подобраться к нам, и бросились мимо меня к шлюзу. Я посмотрела на неподвижного Николаси и почувствовала, что никогда не смогу жить в мире с собственной совестью, если не постараюсь вытащить его отсюда.

Я укрепила оружие на поясе и поплыла к нему.

— Нет! — снова заорал Норберт, когда увидел, что я намереваюсь делать. — Оставь его! Слишком поздно!

Я добралась до Николаси и, ухватив правой рукой его шею, притянула голову к своему нагруднику. Со всей силы оттолкнулась корпусом, пытаясь продвигаться с помощью одной свободной руки. Нельзя было сказать, жив Николаси или мертв.

— Брось его, Скэрроу! Слишком поздно!

— Я не могу его бросить! — раздраженно закричала я не оборачиваясь.

На меня и на мой груз неслись три робота, сгруппировав перед собой щупальца. Я поморщилась от их яркого свечения и постаралась сосредоточиться на том, чтобы дотащить нас обоих до спасительного шлюза. Каждый удар ногами, каждый неловкий гребок руки, казалось, выкачивал из мышц последние капли энергии. В конце концов я окончательно выбилась из сил.

Я расслабила руку. Тело Николаси штопором закрутилось вокруг меня, и через щиток я увидела его лицо: бледное, с капельками пота, с напряженными от страха мускулами, но не мертвое и даже не утратившее сознание. Его глаза были широко открыты. Он точно знал, что произойдет, когда я его брошу.

У меня не было выбора.

Сильная рука зацепила мой шлем и потащила. Я видела, как Николаси понесло в сторону роботов, и закрыла глаза, когда они обвили щупальца вокруг его тела и начали выискивать слабые места в его скафандре, словно дети, пытающиеся сорвать обертку с подарка.

Голос Норберта пророкотал:

— Он мертв.

— Он был жив. Я видела.

— Он мертв. Все. Проехали!

Я прорвалась сквозь толщу колышущейся розовой жидкости. Воздух частично выдавился из коридора под напором околоплодных вод, хотя Мартинес пробил в каждой двери дыру размером в человеческий рост. Разорванный, искореженный металл изогнулся черными зазубренными лепестками. Впереди, едва различимые в движущемся пятне света, которое излучали лампы на их шлемах, неловко, по-крабьи удалялись от разрушенной двери Мартинес и Соллис. Соллис поддерживала Мартинеса, почти волоча его по коридору. Даже при нулевой гравитации приходилось прилагать усилия, чтобы тащить на себе чье-то тело.

— Помоги ей, — еле слышно сказал Норберт, встряхнув

оружие, чтобы извлечь из ствола последние розовые пузырьки.

Не дождавшись от меня реакции, он повернулся и начал стрелять в воду, целясь в оставшихся роботов.

Я догнала Соллис и приняла на себя часть ее ноши. Панели по всей длине коридора вспыхивали ярко-красным светом синхронно с воплями сирен тревоги, ужасными, как вой баньши. Примерно через каждые десять метров со стены к нам обращалось лицо «Найтингейл», множество голосов сливалось во взволнованный хор.

— Внимание! Внимание! — говорили лица. — Это Голос «Найтингейл». В отсеке выращивания номер три зафиксировано происшествие. Сейчас проводится оценка нанесенного ущерба и восстановление системы. Возможно, необходима частичная эвакуация пораженной зоны корабля. Пожалуйста, оставайтесь на местах и ждите дальнейших распоряжений. Внимание…

— Что с Мартинесом?

— Поймал немного шрапнели, когда проделывал дырку в двери. — Соллис указала на сильные вмятины на наружной защите Мартинеса, слева от грудины. — Скафандр не пробило, но я сильно подозреваю, что старику досталось. Сломано ребро, возможно даже, повреждено легкое. Какое-то время он говорил со мной, но сейчас вырубился.

— Без Мартинеса нам не справиться с заданием.

— Я же не сказала, что он умер. Его скафандр вроде бы функционирует. Возможно, мы сможем оставить его здесь и забрать на обратном пути.

— На поживу роботам, шатающимся тут вокруг?! Надолго ли, по-твоему, они оставят его в покое?

Я оглянулась, проверяя, как там Норберт. Теперь он стрелял не так часто, сдерживая нескольких отставших роботов, желающих исследовать повреждения. В конце концов Норберт остановился, всунул новую обойму в пистолет и, выждав секунд десять-двадцать, отвернулся от залитого водой проема и направился к нам.

— Может быть, здесь больше нет никаких роботов.

— Они будут, — сказал Норберт, присоединившись к нам. — Намного больше. Теперь опасно везде. Корабль поднял тревогу. «Найтингейл» оживает.

— Может быть, нам следует все отменить, — предложила я. — Мы потеряли Николаси. Мартинес выбыл из строя… Мы больше не обладаем необходимыми силами, чтобы захватить Джекса.

— Мы возьмем Джекса, — прохрипел Норберт. — Придем за ним и останемся с ним.

— Тогда как насчет Мартинеса?

Норберт посмотрел на раненого, и его лицо окаменело.

— Он остается.

— Но ты сказал, что роботы…

— Другого выбора нет. Он остается. — Затем Норберт придвинулся поближе и, просунув толстый палец под подбородок старика, поднял лицевой щиток его шлема. — Просыпайся! — заорал Норберт.

Когда ответа не последовало, Норберт завел руку за спину Мартинеса и нащупал застежки, освобождавшие нагрудную защиту. Он передал помятую пластину мне и занялся панелью доступа на передней части скафандра, тоже помятой и искореженной ударом. Норберт вычерпал оттуда пригоршню розовой воды, решительно вытряс пузырьки и затем принялся проводить ручную регулировку жизнеобеспечения костюма. Появились биомедицинские данные, сопровождаемые тревожным миганием красных огоньков.

— Что ты делаешь?! — возмутилась я.

Но Норберт не ответил, и я прокричала ему вопрос прямо в ухо.

— Ему необходимо быть в сознании. Это поможет. Мартинес под лицевым щитком закашлялся красной слюной.

Он с трудом дышал, и мы обменялись быстрыми взглядами. Норберт втолкнул заряженный пистолет в руку Мартинеса, затем быстро прицепил новую заряженную обойму к поясу старика. Потом он указал на коридор, на взорванную дверь и махнул рукой в ту сторону, куда мы направимся, когда оставим Мартинеса.

— Мы вернемся, — сказал он. — Ты останешься жив. Зубы Соллис сверкнули за лицевым щитком.

— Это неправда. Нам придется тащить его — или просто оставить здесь.

— Скажи им, — прохрипел Мартинес.

— Нет.

— Скажи им, ты, глупец! Они никогда не будут доверять тебе, пока ты им не скажешь.

— Скажи им — что? — спросила я.

Норберт, нахмурившись, мрачно посмотрел на меня:

— Старик… не Мартинес. Его имя… Квинлен.

— Тогда, черт побери, кто же Мартинес?! — закричала Соллис.

— Я, — заявил Норберт.

Я посмотрела на Соллис, потом вновь на великана.

— Не валяй дурака, — мягко сказала я, прикидывая, что же

такое произошло с ним в затопленном зале.

— Я Квинлен, — выдохнул старик между двумя приступами жестокого кашля. — Он всегда был хозяином. А я — просто слуга, подсадная утка.

— Они оба сошли с ума, — предположила Соллис.

— Это правда! Я играл роль Мартинеса — отвлекал внимание от него.

— Он не может быть Мартинесом, — возмутилась Соллис. — Прости, Норберт, но ты едва можешь связать вместе пару слов, не говоря уж о том, чтобы составить дело для суда.

Норберт постучал огромным пальцем по своему шлему:

— Повреждение речевого центра на войне. Сознание… память… аналитические способности… не затронуты.

— Он расскажет правду, — просипел старик. — Он — один из тех, кто должен выжить. Он, а не я. Он тот, кто может поймать Джекса. — Затем он направил пистолет в ноги великана, побуждая его уйти. — Иди!

Старик рявкнул так, будто это было последнее, что он собирался сказать. И в этот самый момент я увидела одного из роботов, просовывающего щупальца сквозь завесу розовой воды. Он постукивал острыми кончиками хлыстообразных рук по искореженному металлу, изучая дорогу в коридор.

— Думаю, он дело говорит, — сказала Соллис.

Но нам от этого легче не стало.

Мы оставили старика — я все еще не могу думать о нем как о Квинлене — в коридоре у стены, ствол его оружия, устремленный в направлении разрушенного входа, покачивался в слабых руках. Я все время оглядывалась назад, искренне желая, чтобы он как можно эффективнее истратил тот ограниченный запас патронов, который у него имелся. Мы прошли полпути до следующего шлюза, когда он выстрелил тремя короткими очередями, разорвав робота на бьющиеся в конвульсиях куски. Через небольшой промежуток времени еще один пучок щупальцев начал исследовать рваные края проема. Я подумала: сколько же этих проклятых устройств собирается натравить на нас корабль и скольких из их числа положат пули, оставшиеся в распоряжении у старика?

Вспыхивающие красные огни сопровождали нас всю дорогу до конца коридора. Я разглядывала дверь, размышляя, насколько трудная задача стоит перед Соллис, когда Норберт-Мартинес заставил нас остановиться, преградив мне путь толстой, как древесный ствол, рукой:

— Защитный козырек, Скэрроу.

Я поняла, что у него на уме. Больше никаких приятных бесед под дверью, пока Соллис ее открывает. С этого момента мы прокладываем путь через «Найтингейл» исключительно с помощью оружия.

Норберт-Мартинес навел оружие демаршистов на люк шлюза. Я надвинула на шлем защитный козырек. Три выстрела по первой двери смяли и вдавили ее внутрь, словно удар гигантского кулака.

— На той стороне воздух, — сказал Норберт-Мартинес.

Он вновь приготовился стрелять. Сквозь почти непроницаемый экран козырька я увидела три вспышки. Когда я подняла козырек, игрушка демаршистов уже автоматически сложилась в конфигурацию для переноски. Соллис отпрянула в сторону от дыма и обломков конструкции. Наш участок коридора все так же освещался тревожными вспышками, но пространство за шлюзом окутывала непроглядная тьма, как те помещения корабля, которые мы уже преодолели. Но едва мы шагнули в этот мрак, стены одна за другой вспыхнули ярким светом и отовсюду прямо на нас уставилось лицо «Найтингейл».

Это было очень странно. Лица на самом деле глядели на нас, хотя представляли собой только плоскостную проекцию, анфас. Изображения медленно поворачивались, когда мы двинулись по коридору.

— Это Голос «Найтингейл», — сказала она. Прозвучало так, словно с нами говорил прекрасно синхронизированный хор голосов. — Я обращаюсь к движущемуся отряду, состоящему из трех особей. Мои системы с высокой степенью вероятности определили, что этот отряд несет ответственность за нанесенный мне недавно ущерб. Ущерб поправимый, но я не могу позволить столь глубокое проникновение. Пожалуйста, оставайтесь на месте и дождитесь сопровождения в безопасную зону.

Соллис замедлила шаг, но не остановилась:

— Кто говорит? К нам обращается мозг корабля или вспомогательный дельта-уровень?

— Это Голос «Найтингейл». Я Тьюринг — совместимый интеллект гамма-уровня серии Ваалер-Лэйко. Пожалуйста, остановитесь и дождитесь сопровождения в безопасную зону.

— Это мозг корабля, — тихо сказала Соллис. — Значит, корабль полностью сосредоточился на нас.

— Может, нам удастся договориться о выдаче Джекса.

— Я не знаю. Вести переговоры с *этой штукой* может оказаться очень сложно. Во времена, когда собирали «Найтингейл», Ваалер-Лэйко были передовым достижением науки, но потом они себя не оправдали.

— А что случилось?

— В их конструкции оказался изъян. Через несколько лет работы большинство из них поймало вирус безумия. Я даже думать не хочу, во что мы вляпались, если *эта* — одна из них.

— Пожалуйста, остановитесь, — снова сказал Голос, — и дождитесь сопровождения в безопасную зону. Это последнее предупреждение.

— Спроси ее… — прогудел Норберт-Мартинес. — Говори от моего имени.

— Ты слышишь меня, корабль? — спросила Соллис. — Мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред. Мы просим прощения за ущерб, который нанесли. Просто нам кое-кто нужен. Этот человек здесь, он у тебя на борту, и мы крайне желаем с ним встретиться.

Некоторое время корабль молчал. Потом, когда я уже решила, что он нас не понял, «Найтингейл» заговорила вновь:

— Оборудование больше не действует. Здесь нет того, кого вы хотите видеть. Пожалуйста, дождитесь сопровождения в безопасную зону, откуда вас отошлют к функционирующим средствам обслуживания.

— Мы пришли за полковником Джексом, — вмешалась я. — Проверь учетные записи больных.

— Код поступления танго-танго шесть один три дефис пять, — добавил Норберт-Мартинес, морщась при каждом слове, будто от сильной боли. — Полковник Брэндон Джекс, Северная Коалиция.

— У тебя есть запись об этом поступлении? — спросила я.

— Да, — ответила Голос «Найтингейл». — У меня есть запись о полковнике Джексе.

— У тебя есть запись о выписке?

— В файле такой записи нет.

— Тогда Джекс либо умер, находясь на твоем попечении, либо он все еще на борту. В любом случае должно быть тело. Мы бы очень хотели его увидеть.

— Это невозможно. Остановитесь здесь. Эскорт уже прибывает, чтобы сопроводить вас в безопасную зону.

— Почему мы не можем видеть Джекса? — принялась выспрашивать Соллис. — Это он говорит тебе, что мы не можем его видеть? Если так, то он не тот человек, которого ты должна слушать. Он военный преступник, ублюдок и убийца и заслуживает смерти.

— Полковник Джекс находится под медицинским присмотром. Он получает необходимое лечение. Сейчас нет возможности посетить его.

— Черт возьми, в ее рассказе возникли изменения, — пробормотала я. — Минуту назад она говорила, что оборудование выключено.

— Мы просто хотим поговорить с ним, — сказала Соллис. — Это все. Просто известить его о том, что весь мир знает, где он, даже если сейчас ты не позволишь нам забрать его.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Сопровождение прибывает.

Плоские лица отвернулись от нас и уставились в темные глубины коридора. Стремительная суета приближающегося движения — и затем на нас, извиваясь, как змея, ринулась лавина механизмов. Множество роботов двигалось столь тесным строем, что их щупальца слились в дергающуюся массу серебристо-голубого металла. Я оглянулась туда, откуда мы пришли, в поисках путей к отступлению и увидела еще одну толпу механизмов. Нас атаковало намного больше машин, чем мы видели прежде, и в воздухе они перемещались столь же быстро, как и под водой.

— Корабль, — окликнула Соллис, — все, что нам нужно, — это Джекс. Мы готовы драться за него. Это причинит тебе намного больший ущерб, чем раньше. Но если ты отдашь нам Джекса, мы разойдемся полюбовно.

— Не думаю, что она хочет договориться, — процедила я и подняла оружие навстречу наступающей стене механизмов, уже достигшей разрушенного шлюза.

Я открыла огонь, выводя из строя по крайней мере одного робота при каждом выстреле. Соллис принялась за тех, что были слева от меня, в то время как Норберт-Мартинес со своим оружием демаршистов взял на себя заботу о второй линии атакующих. Каждый его выстрел наносил врагу серьезный урон, уничтожая по три или четыре механизма одним нажатием спускового крючка. Но ему приходилось выжидать, когда оружие само перезарядится, и эта задержка позволяла стене наступающих медленно ползти вперед. Я и Соллис стреляли почти без остановки, разворачиваясь, чтобы прикрывать друг друга, когда мы меняли обоймы или зарядные блоки, но стена с нашей стороны также приближалась. Не важно, сколько роботов мы уничтожили, — просвета в нахлынувшей на нас волне не образовалось. Должно быть, сотни и сотни механизмов зажимали нас в кольцо с обеих сторон.

— Нам с ними не справиться, — сказала я с неожиданной для самой себя покорностью судьбе. — Их слишком много. Может быть, если бы у нас было ружье Николаси, мы сумели бы пробиться…

— Я прошли весь этот путь не для того, чтобы капитулировать перед госпиталем с привидениями! — сквозь зубы процедила Соллис, выпуская боевой заряд. — Если это означает выбыть из борьбы… быть по сему.

Ближайшие роботы уже находились в шести-семи метрах от нас, кончики их шупальцев — еще ближе. Соллис продолжала палить в них, но они только теснее смыкали ряды, отбрасывая в стороны раскаленные обломки поврежденных товарищей. Отступать дальше было некуда, наши спины почти касались спины Норберта-Мартинеса.

— Может быть, нам просто остановиться, — сказала я. — Это госпиталь… он запрограммирован лечить людей. Последнее, что он захочет, — поранить нас.

— Не стесняйся, проверь эту мысль, — отозвалась Соллис. Норберт-Мартинес выпустил последний заряд, и его оружие умолкло, перезаряжаясь. Соллис стреляла. Я повернулась и попыталась передать ему мой пистолет, по крайней мере он сможет хоть как-то защищаться в ожидании, пока его ружье изготовится к выстрелу. Но механизмы предвидели этот момент. Ближайший робот выбросил щупальца и обвил ими ноги великана. Затем все произошло очень быстро. Механизмы наползали на Норберта-Мартинеса всей своей дергающейся массой, пока он не попал в пределы досягаемости другого пучка щупальцев. Тогда они взяли его. Он раскинул руки, стараясь дотянуться до опор на стене, но это оказалось не в его силах. Роботы вырвали у него оружие демаршистов и утащили с собой. Когда его ноги и туловище исчезли под массой нахлынувших конусообразных тел, Норберт-Мартинес завопил. И они накрыли его целиком. Несколько секунд мы еще слышали его дыхание — он перестал кричать, словно понимая, что это уже бесполезно, — и потом наступила полная тишина, как будто передачу сигналов с его скафандра внезапно перекрыли.

Затем, мгновение спустя, роботы набросились на нас с Соллис.

Я очнулась. То, что я все еще жива — и не просто жива, но нахожусь в здравом рассудке и расслабленном состоянии, — произвело на меня эффект электрического шока и вызвало мгновенную взвинченную тревожность. Я предпочла бы оказаться без сознания. Я помнила роботов и то, как они пытались пробраться внутрь моего скафандра, острый холодный укол, когда они чем-то пронзили мне кожу, и потом, миг спустя, безболезненное скольжение в блаженство сна. Я ожидала смерти, но, когда лекарство ударило в голову, оно уничтожило все

остатки страха.

Но я не умерла. И, насколько могла судить, даже не была ранена. Я лишилась скафандра, но теперь с относительным комфортом лежала на кровати или матрасе под чистой белой простыней. Мой собственный вес придавливал меня к матрасу так, будто меня поместили в отсек корабля с реактивированной центрифугой. Я чувствовала себя немного усталой и помятой, но в остальном находилась в хорошей форме — ничуть не хуже, чем в тот момент, когда поднялась на борт «Найтингейл». Я вспомнила свои слова, сказанные в последний момент Соллис: госпитальный корабль не может желать нам зла. Может быть, в этом утверждении содержалось нечто большее, чем попытка принять желаемое за действительное?

Однако рядом не было никаких признаков Соллис или Норберта-Мартинеса. Я находилась в одиночестве в отдельном закрытом отсеке, окруженная белыми стенами. Обстановка помещения напомнила мне первое посещение «Найтингейл». На стене справа от меня располагались белая стальная дверь и ряд отдельных люков, позади которых я заметила скрытое медицинское оборудование для обследования и реанимации. Полагаю, ни одно из них в моем случае не понадобится. К одной стороне моей кровати гибкой трубкой была присоединена управляющая панель, так что я легко могла дотянуться до нее правой рукой. С помощью клавиш на панели можно регулировать настройки оборудования отсека и вызывать службы госпиталя, чтобы получить еду и питье, умывальные и туалетные принадлежности и дополнительные дозы лекарства.

Имея в виду полуспящее состояние корабля, интересно, что из этого сейчас доступно. Я дотронулась до одной из клавиш, белые стены растаяли и приобрели голографическую видимость картины спокойного побережья с океанским прибоем, который с силой обрушивался на белый песок под вытравленным ослепительным солнцем небом. Высокие пальмы раскачивал ветер. Однако меня эти красоты не волновали. Я хотела пить — горло саднило, — потом мне хотелось бы узнать, что произошло с остальными и как долго нас собираются здесь удерживать. Поскольку, нравится вам это или нет, быть пациентом на борту такого устройства, как «Найтингейл», — все равно что быть узником в тюрьме. Пока госпиталь не сочтет, что ты выздоровел и годен к службе, тебе отсюда никуда не деться.

Но когда я нажала другие клавиши, ничего не произошло. Или это помещение было повреждено, или запрограммировано таким образом, чтобы игнорировать мои требования. Я попыталась слезть с кровати, поморщившись от боли, когда мои

ушибленные конечности весьма неодобрительно отреагировали на перемещение. Но белая чистая простыня усилила сопротивление, став твердой, как защитная броня скафандра. Когда же я отступилась, простыня ослабила хватку. Значит, я обладала свободой двигаться в переделах кровати, садиться и дотягиваться до предметов, но простыня не позволяла мне покинуть это лежбище.

Краем глаза я заметила движение в изножье кровати. Ко мне направлялся некий силуэт, он медленно брел вдоль голографической линии побережья. Женщина почти полностью была одета в черное, юбка волочилась по песку, тяжелая ткань едва колыхалась при ходьбе. Поверх черных волос виднелась маленькая белая шапочка, аккуратно сидящая на макушке, на горле — белый воротничок с застежкой из драгоценных камней. Я мгновенно узнала Голос «Найтингейл», но теперь ее лицо стало намного мягче и человечнее.

Она отделилась от стены и возникла в ногах моей кровати. Прежде чем заговорить, она какое-то время разглядывала меня с выражением неподдельного участия.

— Я знала, что ты придешь. В свое время.

— Как остальные? Они в порядке?

— Если ты говоришь о тех двоих, которые были с тобой, перед тем как ты потеряла сознание, то они оба здоровы. Двое остальных потребовали более серьезного медицинского вмешательства, но сейчас они оба стабильны.

— Я думала, что Николаси и Квинлен мертвы.

— Тогда ты недооцениваешь мои способности. Я только сожалею о том, что они нанесли ущерб. Несмотря на все мои старания, механизмы имеют необходимую степень автономии, что иногда заставляет их действовать глупо.

Ее лицо излучало доброту, совершенно несвойственную прежним плоским изображениям на дисплеях. В первый раз за маской механического существа я заметила скрытые доселе признаки разума. Я ощутила, что этот разум способен к состраданию и обобщающему мышлению.

— Мы не хотели причинить тебе ущерб, — заверила я. — Я прошу извинить нас за те повреждения, что мы нанесли, но мы лишь разыскивали Джекса, твоего пациента. Он совершил серьезные преступления. Он должен вернуться на Край Неба и предстать перед судом.

— Поэтому ты так рисковала? В интересах справедливости?

— Да.

— Тогда ты должна быть очень храброй и бескорыстной. Или справедливость только часть твоей мотивации?

— Джекс плохой человек. Все, что тебе надо сделать, — передать его нам.

— Я не могу позволить вам забрать Джекса. Он останется моим пациентом.

Я покачала головой:

— Он *был* твоим пациентом, когда поднялся на борт. Но тогда шла война. У нас есть запись о его ранении Оно было серьезным, но не угрожало жизни Джекса. Учитывая ресурсы, которыми ты обладаешь, тебе не составило труда поднять его на ноги. Поэтому Джекс больше не нуждается в твоем присмотре.

— Разве не мне самой судить об этом?

— Нет. Все просто: или Джекс умер, находясь здесь, или он достаточно здоров, чтобы предстать перед судом. Он умер?

— Нет. Его раны, как ты сказала, не угрожали его жизни.

— Тогда он или жив, или ты подвергла его заморозке. В обоих случаях ты можешь передать его нам. Николаси знает, как его разморозить, если тебя это беспокоит.

— Полковника Джекса не нужно размораживать. Он жив и в сознании, за исключением тех случаев, когда я разрешаю ему спать.

— Тогда у тебя нет ни малейшей причины удерживать его.

— Я боюсь, что эта самая серьезная причина в мире. Пожалуйста, забудь про полковника Джекса. Я не выпущу его из-под своего присмотра.

— Ты поступаешь нехорошо, корабль.

— Теперь ты тоже находишься на моем попечении. И когда ты все выяснила, я не позволю тебе уйти отсюда против моей воли. Но я отпущу тебя, если ты изменишь свои намерения относительно полковника Джекса.

— Ты личность гамма-уровня, — напомнила я. — Принимая любые решения, ты руководствуешься человеческим разумом. Это значит, что ты способна вести аргументированные переговоры.

Голос «Найтингейл» вскинула голову, словно прислушиваясь к чему-то отдаленно знакомому:

— Продолжай.

— Мы пришли арестовать полковника Джекса. Потерпев неудачу, мы нашли физическое подтверждение его присутствия на борту этого космического аппарата. Образцы крови, соскобы ткани — мы предоставим что-нибудь властям планеты и оповестим их о Джексе. За это нам много не заплатят, но по крайней мере они вышлют вооруженный корабль и заберут его силой. Но есть также и другой вариант. Если ты выпустишь нас с корабля, даже не показав нам полковника, ничто не помешает нам установить несколько магнитных мин на твоем корпусе и

разнести тебя на куски.

Лицо Голоса отразило разочарование.

— Значит, теперь ты прибегаешь к угрозам физической расправы.

— Я не угрожаю, просто обращаю твое внимание на определенные возможности. Я знаю, что ты заботишься о самосохранении, это глубоко встроено в твою конструкцию.

— В таком случае я должна была бы убить тебя.

— Это не поможет. Ты думаешь, Мартинес сохранил в тайне твои координаты? Он всегда знал, что задумал рискованное предприятие. Он даже был чертовски уверен в этом. Другой команде известно о твоем местонахождении, и тебе едва ли удастся скрыться. Если мы не вернемся, на наше место придут другие. И ты можешь не сомневаться — они также принесут с собой магнитные мины.

— В этом случае я ничего не добьюсь, позволив тебе уйти.

— Нет, ты добьешься того, что останешься жива. Просто отдай нам Джекса, и мы больше не побеспокоим тебя. Я не знаю, чем ты здесь занимаешься и что сохраняет твой рассудок, но это твое дело, а не наше. Мы просто разыскиваем полковника.

Голос «Найтингейл» внимательно посмотрела на меня, доброжелательно прищурившись. У меня создалось впечатление, что она действительно очень тщательно обдумывает услышанное, изучая мое предложение со всех возможных сторон.

— Это будет так просто?

— Абсолютно. Мы заберем Джекса, попрощаемся, и ты никогда больше о нас не услышишь.

— Я вложила в полковника много времени и энергии. Мне будет трудно с ним расстаться.

— Ты изобретательная личность. Я уверена, ты найдешь другие способы занять свое время.

— Речь идет не о том, чтобы занять время, Диксия. — (Впервые за все это время она назвала меня по имени. Конечно, она знала, как меня зовут: достаточно было отыскать образец ткани или крови, оставшийся со времени, когда я в первый раз попала на корабль.) — Здесь затронуты мои чувства, — продолжила Голос «Найтингейл». — Пока я находилась на орбите Края Неба, кое-что произошло. Назовем это моментом истины. Я видела все ужасы войны и то, ради чего они творятся. Я также осознавала свою роль в продлении этих ужасов. Я должна была что-то сделать. Самоустраниться от деятельности — это самое простое, но я понимала, что способна на большее. К счастью, полковник подсказал мне одну мысль. Благодаря ему я нашла путь к искуплению.

— Тебе нечего искупать, — сказала я. — Ты служила добру, «Найтингейл». Ты лечила людей.

— Только для того, чтобы они могли вернуться на войну. Только для того, чтобы их еще больше искалечило и они вернулись ко мне для дальнейшего лечения.

— У тебя нет выбора. Это то, для чего ты создана.

— Совершенно верно.

— Война окончена. Время забыть о том, что было. Поэтому так важно вернуть домой полковника Джекса, для того чтобы мы могли начать хоронить прошлое.

Голос «Найтингейл» изучала меня твердым бесстрастным взглядом. Так, словно она знала нечто ужасное о моем положении, некую истину, для осознания которой я пока еще слишком слаба.

— Каким будет вероятный приговор, если Джекса осудят?

— Его приговорят к смерти — тут не может быть двух мнений. Распятие на кресте. Повесят на Мосту, как Ская Хауссмана.

— Ты будешь оплакивать его?

— Нет, черт возьми. Я буду радоваться вместе с остальными.

— Тогда ты согласишься с тем, что его смерть тем или иным способом неизбежна.

— Думаю, да.

— Тогда я сделаю тебе встречное предложение. Я не позволю тебе забрать Джекса живым. Но разрешу тебе встретиться с ним. Ты увидишь полковника и поговоришь с ним.

— А что потом? — спросила я, опасаясь ловушки.

— Когда встреча завершится, я отключу систему, поддерживающую жизнь полковника. После этого он быстро умрет.

— Если ты позволишь ему умереть… почему бы просто не выдать его?

— Он не может быть выдан. Теперь уже нет. Он умрет.

— Но почему?

— Из-за того, что я сделала с ним.

На меня внезапно навалились усталость и апатия, туманя прежнюю ясность рассудка. С одной стороны, я хотела лишь покинуть корабль без дополнительных осложнений. Когда корабль натравил на нас свои механизмы, я приготовилась к смерти. Я все еще радовалась, что не умерла, и испытывала соблазн принять более легкий вариант и просто убраться отсюда. Однако я не могла вот так, за здорово живешь, проигнорировать приз, до которого сейчас было рукой подать.

— Мне нужно поговорить с остальными.

— Нет, Диксия. Это должно быть твое решение, и только твое.

— Ты сделала им такое же предложение?

— Да. Я сказала им, что они могут уйти отсюда или они могут встретиться с полковником.

— Что они ответили?

— Сначала я хочу услышать, что скажешь ты.

— Полагаю, они отреагировали так же, как и я. Здесь какая-то ловушка.

— Ловушки нет. Если ты уедешь отсюда, ты получишь личное удовлетворение оттого, что вы, по крайней мере, определили местонахождение полковника и то, что он жив. Конечно, эта информация не много стоит, но у вас всегда есть возможность вернуться, если вы все еще будете стремиться отдать его в руки правосудия. С другой стороны, вы можете увидеть полковника сейчас — увидеть и поговорить с ним — и уехать, зная, что он умер. Я позволю, вам быть свидетелями отключения его жизнеобеспечения и даже разрешу взять с собой его голову. Это стоит больше, чем всего лишь знание о том, что он существует.

— Это ловушка. Я знаю, что это ловушка.

— Уверяю тебя, что нет.

— И мы все уйдем отсюда? Ты не изменишь решения и не потребуешь, чтобы кто-то из нас занял место полковника?

— Нет. Вам всем будет позволено уйти.

— Всем вместе?

— Всем вместе.

— Хорошо, — сказала я, понимая, что выбор не станет легче, сколько бы раз я ни обдумывала его заново. — Я не могу говорить за остальных, но полагаю, что это будет решение большинства. Я готова взглянуть на этого сукина сына.

Мне разрешили покинуть комнату, но не кровать. Простыня вновь стиснула меня, придавив к матрасу, когда кровать приняла вертикальное положение. В помещении появились два конусообразных робота и отсоединили кровать от поддерживающей рамы. Затем ухватили ее с двух сторон и понесли. Меня точно приклеили к этой проклятой простыне, я торчала из-под нее наподобие игральной карты. Механизмы тащили меня плавно и без всяких усилий. Полнейшее молчание нарушало лишь мягкое металлическое шебуршение их шупальцев, когда они касались стены или пола.

Голос «Найтингейл» обратилась ко мне с прикроватной панели — над клавиатурой возникло маленькое изображение ее лица.

— Уже недалеко, Диксия. Я надеюсь, ты не будешь сожалеть о

принятом решении.

— А как остальные?

— Ты присоединишься к ним. И затем вы все отправитесь домой.

— Ты хочешь сказать, что все мы приняли одинаковое решение — увидеть полковника Джекса?

— Да, — подтвердила Голос.

Роботы вынесли меня из отсека с искусственной силой тяжести, который, по моим расчетам, располагался в передней части корабля. Простыня слегка ослабила хватку, так чтобы я могла немного двигаться под ней. Некоторое время спустя, протащив через несколько воздушных шлюзов, меня доставили в очень темную комнату. Будучи неспособной что-либо разглядеть, я ощутила лишь, что она очень большая и немного напоминает тот зал, где выращивали кожу. Воздух здесь был влажный и согревающий кровь, словно внутри оранжереи с тропическими растениями.

— Мне кажется, ты говорила, что здесь будут и остальные.

— Они скоро появятся, — сказала Голос «Найтингейл». — Они уже встретились с полковником.

— Разве у них было на это время?

— Они встретились с полковником, когда ты еще спала, Диксия. Тебя привели в чувство последней. Итак, хочешь ли ты сама поговорить с этим человеком?

Я напряглась и окаменела.

— Да.

— Он здесь.

Луч яркого света рассек помещение, осветив черты, которые я сразу узнала. Вырванное из темноты лицо Джекса парило в комнате, словно отдельно от его тела. Время никак не смягчило его разбойничью внешность и свирепый оскал тяжелых челюстей. Его глаза были закрыты, а лицо немного опущено вниз, будто он не ощущал направленный на него свет.

— Просыпайся. — Голос «Найтингейл» прозвучал намного громче, чем прежде. — Просыпайся, полковник Джекс.

Полковник очнулся. Он открыл глаза, дважды моргнул от яркого света, потом взгляд его прояснился. Джекс наклонил голову, резко очерченная тьмой нижняя челюсть, казалось, еще больше выдвинулась вперед.

— К тебе еще один посетитель, полковник. Ты позволишь мне ее представить?

Рот полковника открылся, оттуда потекла слюна. Из темноты вынырнула рука, провела сверху вниз по лицу, словно ощупывая его, и вытерла подбородок. Что-то неправильное было в этой

руке, что-то ужасное и неправильное. Джекс заметил мою реакцию и издал тихий омерзительный смешок. В этот момент я поняла, что полковник полностью и необратимо сошел с ума.

— Ее зовут Диксия Скэрроу. Она из той команды, с которой ты уже встречался.

Джекс заговорил. Его голос был слишком громким, словно шел через усилитель. Такой оглушительный и хлюпающий, словно ты слышишь голос кита.

— Ты солдат, девочка?

— Я была солдатом, полковник. Но сейчас война окончена. Я штатская.

— Ты хорошая девочка. Что привело тебя сюда, малышка?

— Я пришла, чтобы передать тебя в руки правосудия. Я пришла, чтобы арестовать тебя и ты предстал перед судом военных преступников на Крае Неба.

— Думаю, ты немного опоздала.

— Я приняла решение увидеть, как ты умрешь. Я согласилась на этот вариант.

Что-то в моих словах заставило полковника улыбнуться.

— Корабль еще не сказал тебе, в чем дело?

— Корабль сказал, что не выпустит тебя отсюда живым. Он обещал нам твою голову.

— Тогда я так понимаю, что тебя не посвятили в подробности. — Он повернул голову и посмотрел налево, словно там кто-то стоял. — Включи лампы, «Найтингейл»: она имеет право знать, во что ввязалась.

— Ты уверен, полковник? — отозвался корабль.

— Включи лампы. Она готова. Корабль включил освещение. К этому я была не готова!

Какое-то время я не могла даже полностью охватить взглядом представшую передо мной картину. Мой мозг отказывался воспринимать как реальность то, что корабль сотворил с полковником Джексом, хотя я видела это своими глазами. Я продолжала пялиться на него, ожидая, что это зрелище начнет приобретать смысл. Я ждала момента, когда пойму, что меня обманывает игра теней и света, как ребенок, который испугался, случайно приняв за ужасного монстра складки колышушейся занавески. Но миг облегчения не наступил. То, что появилось передо мной, существовало на самом деле.

Полковник Джекс расширился во все стороны — подрагивающее пространство пестрой плоти, на которой его голова являлась просто незначительной деталью, как маленький холмик на горной гряде. Он простирался вдоль дальней стены, имплантированный в нее на манер огромной, безбрежной

дышащей мозаики, должно быть двадцати метров в ширину, окаймленной валиком уплотненных мышц и кожи. Его голова покоилась на толстой шее, сливающейся с верхней частью торса без рук и без плеч. Я видела зарубцевавшиеся шрамы в местах, откуда раньше начинались руки. Ниже медленно вздымающейся грудной клетки тело расширялось, как основание расплавившейся свечи. Еще что-то незавершенное (туловище?) росло из плоти полковника двумя метрами правее. У этого не было головы, но имелась рука. Второй торс вылезал из Джекса сзади, снабженный парой рук, одна из которых, должно быть, вытерла полковнику подбородок. Далее, выступая из массива плоти под неестественными и причудливыми углами, маячили другие живые части тела. Здесь туловище, там — пара ног, а вот там — пятка или плечо. Все туловища дышали, но совершенно несинхронно. Конечности, когда они не занимались какой-то целенаправленной деятельностью — например, вытирали Джексу подбородок, — извивались и тряслись, будто при параличе. Кожа между ними была пестрой, как лоскутное одеяло, и формировалась из множества нарезанных клочков, которые соединили вместе. Кусками она напоминала поверхность барабана, туго натянутую на невидимый каркас из хрящей и костей. В других местах вздымалась тяжелыми складками, как штормящее море. Все это булькало и похрюкивало под воздействием скрытых пищеварительных процессов.

— Теперь ты понимаешь, почему я не могу уйти с тобой, — сказал полковник Джекс. — Пока ты не приведешь корабль побольше. Очень большой корабль. Даже тогда я не уверен, что ты долго сможешь поддерживать во мне жизнь без помощи «Найтингейл».

— Вы чудовищно уродливы…

— Да, не картина маслом, это точно. — Полковник Джекс наклонил голову, словно эта мысль поразила его. — Я произведение искусства, ты не согласна, малышка?

— Как вам будет угодно.

— Корабль определенно так считает, да, «Найтингейл»? Она сделала меня вот *этим*. Это ее блистательное художественное воображение. Сука!

— Ты сошел с ума.

— Очень может быть. Ты действительно думаешь, что можно прожить один день в таком виде и не сбрендить? О да, соглашусь с тобой, я безумен. Но по сравнению с кораблем я нахожусь в здравом рассудке. Она — подлинное мерило самого дерьмового безумия.

— Значит, Соллис была права. Оставь разумную машину в

одиночестве, и она выест себе мозги изнутри.

— Может быть, и так. Но *эта штука* — не результат одиночества. «Найтингейл» свихнулась задолго до того, как попала сюда. И знаешь, что послужило причиной? Та маленькая войнушка, которую мы устроили на Крае Неба. Они построили этот корабль и вложили в него мозги ангела. Разум, предназначенный для исцеления, сострадания и доброты. Ну и на хрена это надо проклятой машине? Она была рассчитана на то, чтобы бескорыстно заботиться о нас день за днем. День за днем! И этой работой она приносила чертовскую пользу. Какое-то время по крайней мере.

— Значит, ты знаешь, что произошло.

— Корабль сам себя довел до безумия. В его рассудке столкнулись два конфликтующих побуждения. Он был предназначен лечить нас, облегчать нашу боль, добиваясь выздоровления. Но каждый раз благодаря его стараниям нас посылали обратно на поля сражений и вновь рвали в клочья. Корабль облегчал наши страдания только затем, чтобы мы страдали заново. Он начал чувствовать себя так, словно он соучастник этого процесса: трудолюбивое колесико огромной машины, чьей единственной целью является продолжение агонии. В конце концов «Найтингейл» решила, что больше не может быть таким колесиком.

— Значит, она вышла из игры. Что же произошло со всеми пациентами?

— Она их убила. Безболезненная эвтаназия намного лучше возвращения на войну. Для «Найтингейл» это казалось более милосердным.

— А технический персонал? А люди, которых послали отремонтировать корабль, когда он вышел из-под контроля?

— Их также подвергли эвтаназии. Не думаю, что «Найтингейл» находила в этом удовольствие, она рассматривала их смерть как неизбежное зло. Кроме всего прочего, эта мера не позволила вновь использовать ее как космический госпиталь.

— Но она все же не убила тебя.

Сухой язык выскользнул изо рта Джекса и провел по губам.

— Она собиралась. Потом она поглубже изучила личные дела пациентов и поняла, кто я. В этот момент у нее появились другие мысли.

— Какие?

— Корабль оказался достаточно сообразительным, чтобы понять, что наибольшая проблема не ее существование — люди всегда могут построить другие космические госпитали, — а война сама по себе. *Сама война.* Поэтому она решила сделать что-то с

войной. Нечто позитивное. И конструктивное.

— И что же это было?

— Ты на *это* смотришь, малышка. Я — памятник жертвам войны. Когда «Найтингейл» начала работать надо мной — превращать меня в то, что я есть, — ей взбрело на ум, что я стану огромным художественным доказательством во плоти. «Найтингейл» предъявит меня миру, когда закончит. Ужас, который я вызову, заставит прекратить войну. Я был бы живым и дышащим аналогом картины Пикассо «Герника». Воплощенной иллюстрацией того, во что война превращает человеческие существа.

— Война окончена! Нам не нужны памятники.

— Может быть, тебе удастся объяснить это кораблю. Я думаю, беда в том, что она и в самом деле не верит в окончание войны. Ты ведь не можешь ее осуждать, так? У нее есть доступ к нашим историческим хроникам. Она знает, что не все люди выступали за прекращение огня.

— Чего ты стремишься от нее добиться? Чтобы она вернулась на Край Неба с тобой на борту?

— Именно так. Проблема в том, что корабль не хочет. Я думаю, что вполне закончен, куда уж хуже, но «Найтингейл» — она, ну, что ли, одержима стремлением к совершенству. Она постоянно меняет свое мнение. Никогда не находит, что я уже вполне хорош. Постоянно заменяет куски, какие-то части отрезает, потом отращивает новые и пришивает их. И все это время она должна быть уверена, что я не умру. Она нашла, куда приложить свой творческий гений. Она — Микеланджело со скальпелем.

— Это звучит так, как будто ты почти гордишься тем, что она сделала.

— Ты предпочитаешь, чтобы я вопил от ужаса? Могу вопить, если хочешь. Просто через какое-то время это надоедает.

— Ты слишком далеко зашел, Джекс. Я ошибалась, говоря о суде для военных преступников. Они передадут твое дело в ведение психиатров.

— Это было бы позором. Хотя я бы с удовольствием взглянул на их лица, когда они попробуют впихнуть меня в кабинку для дачи свидетельских показаний. Но до суда я не доберусь, так ведь? Она мне все выложила. Она отключит провода.

— Так она говорит.

— Звучит так, словно ты этому не веришь.

— Я не понимаю, зачем ей избавляться от тебя после тех усилий, которые она вложила.

— Она творец. Такие действуют по внезапному капризу.

Возможно, если бы я был готов, если бы она думала, что сделала со мной все, что могла, — но она так не считает. Я думаю, она знает, что подошла к решению проблемы три или четыре года назад… но тогда она изменила точку зрения и в основном почти все удалила. Теперь я — незавершенная работа. Она не хочет терпеть меня в этом качестве. Она предпочла бы разрезать полотно и начать заново.

— С тобой?

— Нет, я думаю, она более-менее изучила мои возможности. Особенно теперь, когда ей представился шанс сделать нечто совершенно иное, нечто, что позволит ей отправить послание намного ближе к цели. Такое, куда, несомненно, присоединишься и ты.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Именно так сказали и остальные. — Джекс снова отвел голову в сторону. — Эй, корабль! Может быть, пришло время показать ей, о чем идет речь, как ты думаешь?

— Если ты готов, полковник, — сказала Голос «Найтингейл».

— Я готов. Диксия готова. Почему бы тебе не принести десерт?

Полковник Джекс посмотрел направо, вытянув шею. За границами его тела, в стене, отворилась круглая дверь. В открытое пространство хлынул свет. В проем вплыл странный силуэт, поддерживаемый тремя или четырьмя конусообразными роботами. Появившийся предмет был темным, округлым и неровным. Похожим на полдюжины слепленных вместе шариков из теста. Я никак не могла сообразить, что это.

Потом роботы втолкнули *это* в зал, и я увидела. И тогда я закричала.

— Что ж, для тебя наступило время присоединиться к твоим друзьям, — сказала «Найтингейл».

Прошло три месяца. Они казались вечностью, которую, по нашим воспоминаниям, мы провели на хирургической кровати, пока машины появлялись и подготавливали нас к работе, а потом от всего происшедшего отсталось ощущение одного ужасного мгновения.

Мы в целости и сохранности добрались до Края Неба. Возвращение было тяжелым, как и следовало ожидать в сложившихся для нас обстоятельствах. Но у шаттла возникла небольшая трудность при вхождении на фиксированную орбиту, и нам пришлось послать сигнал бедствия, который привлек внимание властей планеты. Нас освободили от лишней нагрузки и перевели на безопасное стационарное устройство, находящееся

на орбите. Там нас подвергли изучению и всесторонне рассмотрели все версии нашей истории. Диксия ввела в заблуждение Голос «Найтингейл», когда сказала, что Мартинес наверняка сообщил еще кому-то координаты космического госпиталя. Вышло так, что он ни с кем не поделился, слишком осторожничая из-за возможных дружков Джекса. Ультрас, которые обнаружили первоначальное расположение корабля, теперь находились в пяти световых годах отсюда и отдалялись от Края Неба с каждым прошедшим часом. Прежде чем они вернутся, пройдут десятки лет, а может, и больше.

Тем не менее мы не думаем, что у кого-нибудь возникли серьезные сомнения в нашем рассказе, настолько странном, что никто не мог предложить более правдоподобной версии. У нас имелась голова полковника Джекса или, по крайней мере, дубликат, который прошел все возможные генетические и физиологические тесты. И мы явно побывали в месте, где специализировались на столь экстремально продвинутой хирургии, что подобного рода операции были просто невозможны — как на самом Крае Неба, так и в его окрестностях. Однако проблема существовала. Лучшие хирурги планеты с великой тщательностью обследовали нас, каждый жаждал поддержать собственный престаж, переделав работу «Найтингейл». Но все они спасовали, боясь принести нам больше вреда, чем пользы. Разделение сиамских близнецов по сложности и риску не шло ни в какое сравнение с процедурой, необходимой для распутывания той живой головоломки, которую сотворила из нас «Найтингейл». Никто из хирургов не желал поручиться за жизнь более чем одного из нас, и эти сложности оказались непреодолимыми. Мы совместно пришли к уговору, что согласимся на операцию, только если решение будет принято всеми нами единогласно.

С большими издержками (не нашими, к тому времени мы уже были объектом значительных филантропических вливаний) туда, где мы оставили космический госпиталь, послали второй корабль, чтобы шпионить за «Найтингейл». На нем находились лучшие войсковые сканирующие устройства, которые можно купить за деньги. Но корабль не нашел там ничего, кроме льда и пыли.

Исходя из этого, мы вольны были сделать два вывода. Или «Найтингейл» сама себя уничтожила вскоре после нашего отбытия, или она куда-то улизнула, чтобы не дать возможности еще раз себя обнаружить. Мы не могли сказать, какой вариант нравился нам меньше. По крайней мере, если бы мы знали, что корабль умер для добрых дел, мы могли бы отдаться на милость хирургов, невзирая на то, насколько это опасно. Но если корабль

где-то прячется, то существует вероятность того, что кто-то снова его обнаружит. И как-то убедит разделить нас.

Но возможно, «Найтингейл» не придется убеждать, когда она решит, что время пришло. Нам кажется, что однажды корабль вернется по своим собственным следам. Он займет орбиту у Края Неба и заявит, что для нас пришло время разделиться. «Найтингейл» решит, что мы хорошо послужили ее цели и достаточно долго болтались над этим миром. Возможно, к этому времени она изобретет какие-нибудь другие памятники. Или заключит, что ее послание полностью дошло до сердец людей и в продолжении акции нет необходимости. Это, как мы думаем, будет зависеть от того, как поведут себя те, кто в ответе за прекращение огня.

Это в наших интересах — быть уверенными, что планета опять не соскользнет назад, в эскалацию войны. Мы хотим, чтобы корабль вернулся и вылечил нас. Никому из нас не нравится наш способ существования, несмотря на то что мы можем читать или слышать. Да, мы знамениты. Да, мы стали объектом широко изливающейся симпатии и доброжелательства. Да, мы можем иметь почти все, что хотели. Однако это не компенсирует случившегося. Ни в малейшей степени!

Нам всем очень тяжело, но особенно тяжело Мартинесу. Прошло много времени с тех пор, как мы перестали думать об этом гиганте как о Норберте. Он тот, кто везде таскает нас, — вес, в два раза превышающий вес собственного тела. «Найтингейл», конечно, подумала об этом, и она убедилась, что наши сердца и органы дыхания взяли на себя часть ноши Мартинеса. Но его позвоночник сгибается под тяжестью, а его ноги едва поддерживают нас. Доктора, которые нас изучали, говорят, что он в хорошем состоянии и может играть эту роль в течение многих ближайших лет, но не вечно. И когда Мартинес умрет, то же произойдет и с нами. Пока же мы продолжаем надеяться, что «Найтингейл» вернется раньше, чем это случится.

Сегодня вы видите нас, тесно связанных вместе. Прежде вы видели наши фотографии и видеосъемки, но это не идет ни в какое сравнение с тем, как мы выглядим во плоти. Мы действительно производим впечатление, правда? Огромное дрожащее древо плоти, вызов по отношению к симметрии. Вы слышите наши голоса, всех нас по отдельности. Теперь вы знаете, что мы думаем о войне. Все мы в какой-то степени сыграли в ней свою роль, и даже более важную, чем остальные. Некоторые из нас были врагами. Теперь же сама мысль, что мы могли ненавидеть друг друга, — ненавидеть тех, от кого непосредственно зависит наша жизнь, — лежит за пределами

всякого понимания. Если «Найтингейл» задумала создать ходячий аргумент в пользу продолжения перемирия, то ей это в полной мере удалось.

Мы сожалеем, если сегодня ночью вам будут сниться кошмары. Мы вам помочь не можем. На самом деле, если говорить честно, нам вовсе не жаль. Ночные кошмары — это то, для чего мы созданы. Мы — ночной кошмар, который не позволит планете развязать новую войну.

И если вы плохо спите сегодня ночью, значит, вы думаете о нас.

notes

Примечания

1

«I, Row-Boat», by Cory Doctorow. Copyright © 2006 by Cory Doctorow. First published electronically online on *Flurb 1,* fall 2006. Reprinted by permission of the author.

2

Робот, персонаж произведений А. Азимова.

3

Тьюринг Алан Матисон (1912–1964) — английский математик, основоположник вычислительной техники и искусственного интеллекта. Предложенный им тест служит критерием на разумность ИИ.

4

Число Маха — отношение локальной скорости потока к местной скорости звука. Названо по имени австрийского физика Эрнста Маха (1838–1916). В газовой среде 1 Мах равен скорости звука.

5

«Julian: A Christmas Story», by Robert Charles Wilson. Copyright © 2006 by Robert Charles Wilson. First published as a chapbook, *Julian: A Christmas Story* (PS Publishing). Reprinted by permission of the author.

6

Которого я встречу шестьдесят лет спустя, когда только-только приду в книжный бизнес, — но это совсем другая история.

7

До бесконечности *(лат.)*.

8

Наш местный представитель Совета Доминиона — по большому счету мэр города.

9

Прошу у своих читателей терпения, если описываю вещи, заведомо им известные. Я принимаю во внимание возможность иностранной аудитории, читающей эти строки, или же будущих поколений, для которых нынешние обстоятельства не покажутся столь самоочевидными.

10

Мк 16.17–18.

11

Несколько женственная натура Джулиана завоевала ему репутацию содомита среди молодых аристократов. То, что они могли поверить в подобную чушь, не располагая какими-либо доказательствами, красноречиво свидетельствует об образе мыслей этого класса. Но столь странное убеждение неожиданно пошло на пользу мне. Не раз и не два его подруги — искушенные девушки моего возраста или даже старше — предполагали, что я состою с Джулианом в физической связи, а потому решали излечить меня от столь извращенной привычки, так сказать, прямым способом. Я был счастлив принять такое лекарство, и им всегда удавалось победить мою «пагубную страсть».

12

Иллюзия действительно потрясала, когда актеры были профессионалами, но и провалы запоминались надолго. Джулиан как-то рассказал мне об одном нью-йоркском фильме, «Гамлете» по Вильяму Шекспиру. Там актер пришел на выступление пьяным, и в результате несчастный датчанин произнес следующее: «Море невзгод — (непечатное ругательство), — у меня у самого невзгод хоть…» — после чего последовали еще более крепкие выражения, сопровождаемые совершенно неуместными перезвонами колоколов и вульгарным свистом, пока хулигана не заменил дублер.

13

Спешу добавить, талант родился не сразу и не во всей красе. За два года до этого я с гордостью показал Сэму Годвину свое первое творение, законченную историю, которую назвал «Западный мальчик: его приключения во вражеской Европе». Сэм похвалил меня за стиль и амбициозность, но указал на ряд недостатков: слоны, к примеру, не водились в Брюсселе и были слишком тяжелыми, американский мальчишка никак не мог повалить их на землю; путешествие из Лондона в Рим нельзя было совершить в течение нескольких часов, даже на «очень быстрой лошади». Сэм мог продолжать еще долго в том же духе, если бы я не выбежал из комнаты в состоянии острой авторской несостоятельности.

Flax *(англ.)* — лён.

15

«Хватай ее там, где должна быть шея, позади головы, не обращай внимания на хвост, как бы тот ни бился, и ударяй по черепу, сильно и часто, чтобы подчинить ее». Я рассказал об этих уроках Джулиану, страх которого перед змеями намного превосходил мой. «О, я бы никогда не смог сделать такое!» — воскликнул он. Подобная скромность может только удивить читателей, когда они узнают о дальнейшей карьере моего друга.

16

Ханукия — «менорат Ханука» — светильник, который зажигают в течение восьми дней празднования Хануки (иудаизм).

17

Или «culs-de-sac»? Я не силен во французском.

Хотя Старый Майами или Орландо уже подпадают под эту картину.

19

У Джулиана было особое чувство времени. Наверное, тут играли роль его театральные наклонности.

20

Когда-то они жили только на юго-востоке, но из-за потепления климата полозы распространились на север. Я читал, что древние держали их в качестве домашних животных, — еще одно свидетельство сознательного проявления извращенности наших предков.

21

«Tin Marsh», by Michael Swanwick. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* August 2006. Reprinted by permission of the author.

22

Тессера (от *грен.* — черепица) представляет собой обширные возвышенные участки расчлененного рельефа, изобилующего всевозможными трещинами, складками и т. д.

23

Poontang (сленг) — оскорбительное обращение к женщине как к сексуальному объекту.

24

Реголит — толстый разнозернистый обломочно-пылевой слой, образующийся от ударов мелких метеоритов.

25

De nada *(исп.)* — не за что.

26

«The Djinn's Wife», by Ian McDonald. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* July 2006. Reprinted by permission of the author.

27

Майдан — в Индии: большая поляна в центре города.

28

«Махабхарата» — величайший эпос народов Индии.

29

Дурбар — зд.: торжество.

Брамин — представитель высшей касты в Индии.

31

Садху — в индуизме — аскеты, давшие обеты отшельничества и странничества.

32

Хиджра — социальная группа людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, сформировавшаяся на стыке исламо-индуистской традиции.

33

Чандни Чоук — улица-базар в Дели.

34

Кхатри — беседка, увенчанная куполом, элемент индийской архитектуры.

Шикара — зд.: шпиль.

36

Биди — маленькие самокрутки. В состав биди входят только натуральные компоненты. Большую часть табачной смеси составляют различные травы и специи лишь с очень небольшим добавлением табака.

37

Шервани — традиционная индийская одежда: длинная рубашка на пуговицах.

38

Намасте (хинди) — слово приветствия, а также сложенные вместе на уровне сердца ладони и слегка склоненная голова. Букв.: «Я приветствую в тебе Бога!»

39

Газель — форма персидской песенной поэзии.

40

Каввали — жанр духовной музыки, распространенный среди последователей суфизма и исламских мистиков Южной Азии.

41

Мудра — сакральный жест.

42

Урду — индоевропейский язык, возникший в XIII веке. Является официальным языком в Пакистане и одним из 23 официальных языков Индии.

43

Чарпой — койка, деревянная рама с сеткой, на четырех ножках.

Ги — топленое масло.

Чарбагх — сад, разбитый в персидском стиле.

46

Табло (араб. — «барабан») — индийский классический ударный инструмент, состоящий из двух барабанов: дайяна — для правой руки и байяна — для левой.

Саранги — индийский смычковый музыкальный инструмент.

Бансури — поперечная флейта.

49

Санджит — ужин накануне свадьбы, сопровождаемый традиционными песнями и танцами. Санджитом также называют пение с музыкальным сопровождением.

Гопи (инд. миф.) — девушки-пастушки, почитаемые за свою преданность богу Кришне.

51

Роутер (маршрутизатор) — устройство, обеспечивающее трафик между локальными сетями, имеющими разные сетевые адреса.

Бхати — зд.: служитель.

53

Моляры — шестые, седьмые и восьмые зубы постоянного зубного ряда с каждой стороны обеих челюстей.

Гурдвара — храм.

Адхан — в исламе: призыв к молитве.

Гхарана — школа танцев.

Лакх — 100 000 единиц — монет или чего-нибудь другого.

Патпат — моторикша.

Муладхара-чакра — «корень жизни» — зона копчика.

60

Йони (санскр. «чрево», «место рождения») — термин, часто используемый для обозначения влагалища, вульвы, матки. В индуизме йони олицетворяет женское воспринимающее начало.

Деви (санскр.) — богиня.

62

Радха (инд. миф.) — главная возлюбленная-пастушка бога Кришны.

Тиффин — завтрак.

64

Процентиль — мера расположения данных выборки или распределения. N-й процентиль — это такое значение, ниже которого расположено n процентов наблюдений данной переменной.

65

«Рамаяна» (санскр.) — приключения Рамы, одна из двух эпических поэм древней Индии.

Шехнаи — индийский духовой язычковый инструмент.

67

Раджпуты — представители одного из военных сословий, военно-аристократических семей, проживающих на территории индийского штата Раджастхан со столицей в Джайпуре.

Зенана — женская половина дома.

69

Махоут — наездник, управляющий боевым слоном.

Гупшуп (пенджаб.) — сплетни, болтовня, а также название популярного sms-чата.

71

Око Шивы, или «третий глаз», — аджана — межбровная чакра.

Бюльбюль — певчая птица отряда воробьиных.

73

Дхака — столица Бангладеш.

74

Гамаюн (Хумайун) — император, сын основателя династии Великих Моголов Бабура. Его гробница (постр. в 1565 г.) — шедевр могольской архитектуры.

75

Кутуб Минар (Кутб Минар) — гигантский минарет высотой 72 метра, который был построен в XII веке и находится на территории Южного Дели.

«Пиммс»— тонизирующий алкогольный напиток.

77

Дупатта — длинный шарф — предмет одежды, распространенный в Индии повсеместно.

Самоса — жареные пирожки с овощной начинкой.

79

Вахана — в индийской мифологии: объект или существо, используемые богами как средство передвижения (обычно — ездовое животное).

Шаади (хинди) — свадьба.

81

Мандапа — в индуистском храме — помещение для молящихся.

82

Болливуд — название фабрики киноиндустрии индийского города Мумбай (бывший Бомбей) по аналогии с Голливудом в США.

Гарбагриха — центральное святилище храма.

Джапа — мантра-медитация (в индуизме).

«The House Beyond Your Sky», by Benjamin Rosenbaum. Copyright © 2006 by Benjamin Rosenbaum. First published electronically on *Strange Horizons,* September 4, 2006. Reprinted by permission of the author.

Агамный — в биологии термин, означающий «бесполый».

87

Трихомы (от *греч.* trichoma — волосы) — в ботанике различные по форме и размерам выросты внешних покровов растений, волоски.

88

Завоеватели Иудеи, борьба с которыми описана в ветхозаветной Книге Маккиавеев.

Имеются в виду ультрамикроскопические струны, фигурирующие в «теории струн» и в «теории суперструн». Это активно развивающееся направление квантовой физики постулирует, что все частицы возникают из колебаний микрострун.

Вейвлеты — математические функции, позволяющие анализировать различные частотные компоненты данных.

Свернутые измерения — в «теории суперструн» это компактные воспроизведения пространства-времени, в которых существуют различные типы струн.

92

Автор использует здесь положения монадологии. *Монады* (по теории Лейбница) — живые, духообразные единицы, из которых состоит все и кроме которых ничего нет. Каждая из них — это вселенная во вселенной. Движущая сила свойственна каждой монаде, она основа ее жизни. Монадология Лейбница — это попытка уменьшить пропасть между внешним и внутренним, материальным и духовным, где материя — лишь способ внешнего воздействия духа.

Парапространство — основываясь на теории многомерной вселенной, автор использует термин «парапространство» для обозначения одного из бесчисленных подуровней пространства.

Доверяющий домен — в Windows домен, предоставляющий другим доменам доступ к своим ресурсам.

95

Мемы — единицы культурной информации, отвечающие за хранение и распространение отдельных элементов культуры.

Циклы в операционных системах, которые не завершаются в силу логической ошибки или выполняются до прерывания их пользователем.

Логические бомбы — предустановленная в программе ошибка, вызывающая ее сбой при определенных обстоятельствах.

Процесс описан автором по аналогии с одним из вариантов гибели звезды, которая, исчерпав запас термоядерной энергии, теряет устойчивость и начинает сжиматься к центру, затем теряет внешнюю оболочку и вспыхивает как сверхновая.

99

Сфера Дайсона — в астрофизике гипотетическая оболочка вокруг звезды, созданная развитой цивилизацией для максимального использования ее энергии излучения.

100

«Where the Golden Apples Grow», by Kage Baker. Copyright © 2006 by Kage Baker. First published in *Escape from Earth* (Science Fiction Book Club) edited by Jack Dann and Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author and the author's agent, Linn Prentis.

101

Пер. А. Ефремова.

«Kin», by Bruce McAllister. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* February 2006. Reprinted by permission of the author.

103

«Signal to Noise», by Alastair Reynolds. Copyright © 2006 by Alastair Reynolds. First published in *Zima Blue and Other Stories* (Night Shade).

Проприоцепторы — рецепторы, обеспечивающие восприятие собственного тела.

105

Пен-и-Фан — самая высокая гора Брекон Биконз.

«The Big Ice», by Jay Lake and Ruth Nestvold. Copyright © 2006 by Jay Lake and Ruth Nestvold. First published electronically on *Jim Baen's Universe,* no. 4, December 2006. Reprinted by permission of the authors.

107

Эффект Бернулли описывает известное природное явление, когда давление в газообразной или жидкой среде обратно пропорционально скорости этой среды. Высокая скорость воздушных потоков у входа в туннель обеспечивает их низкое давление. В результате более высокое давление внутри туннеля не позволяет холодному воздуху проникнуть внутрь.

«Bow Shock», by Gregory Benford. Copyright © 2006 by Gregory Benford. First published electronically on *Jim Baen's Universe,* no. 1, June 2006. Reprinted by permission of the author.

109

Very Large Array (VLA) — комплекс из 27 радиотелескопов.

110

Сведения о научной карьере, резюме.

111

Национальный научный фонд (National Science Foundation).

Университет Тафта в Бостоне.

113

Местное вино *(фр.)*.

114

Карл Саган (1934–1996) — американский астроном и популяризатор науки. В 1962–1968 годы преподавал астрономию в Гарварде.

115

Фильм 1963 года. Премия «Оскар» 1964 года за лучший фильм года. В российском прокате «Ловелас».

116

Бегуэн — танец наподобие румбы. Название мелодии — «Начало бегуэна».

117

Хокинг Стивен Уильям (род. 1942) — один из наиболее влиятельных физиков-теоретиков современности.

118

Фейнман Ричард Филлипс (1918–1988) — выдающийся американский физик, лауреат Нобелевской премии.

119

SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence) — проект поиска внеземных цивилизаций (первые работы начались в 1960 году в Западной Виргинии).

«In the River», by Justin Stanchfield. Copyright © 2006 by *Interzone*. First published in *Interzone,* August 2006. Reprinted by permission of the author.

121

Суммарная энергия нулевых колебаний (или энергия основного состояния системы) конечного объема физического вакуума или конденсированной среды огромна, однако с точки зрения квантовой механики ее невозможно практически использовать, поскольку нет квантовомеханических способов отнять всю или часть энергии у нулевого колебания.

122

Комплекс структур среднего, промежуточного и конечного мозга, участвующих в организации висцеральных, мотивационных и эмоциональных реакций организма.

123

Corpus callosum *(лат.)* — «мозолистое тело», нервный узел, обеспечивающий обмен информацией правого и левого полушарий головного мозга.

124

Обонятельный.

125

Лига плюща — интеллектуальная элита, выпускники старейших университетов Новой Англии.

«Incarnation Day», by Walter Jon Williams. Copyright © 2006 by Walter Jon Williams. First published in *Escape from Earth* (Science Fiction Book Club), edited by Jack Dann and Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author.

127

Джонсон Сэмюэл (1709–1784) — английский критик, лексикограф, эссеист и поэт.

128

От *англ.* patch — «заплатка» — часть программы или небольшая отдельная программа, используемая для устранения проблем в программном обеспечении.

129

«Far as You Can Go», by Greg Van Eekhout. Copyright © 2006 by Greg Van Eekhout. First published in *Show and Tell and Other Stories* (Tropism Press). Reprinted by permission of the author.

«Good Mountain», by Robert Reed. Copyright © 2006 by Robert Reed. First published in *One Million A.D.* (Science Fiction Book Club), edited by Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author.

131

«I Hold My Father's Paws», by David D. Levine. Copyright © 2006 by David D. Levine. First published in *Albedo One,* no. 31, June 2006. Reprinted by permission of the author.

О'Хэйр — международный аэропорт в Чикаго.

«Dead Men Walking», by Paul J. McAuley. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* March 2006. Reprinted by permission of the author.

134

Грабен — участок земной коры, опущенный по крутым, нередко вертикальным разрывам относительно окружающих участков.

Миранда, Умбриэлъ — спутники Урана.

Тефия — спутник Сатурна.

137

Ганимед — спутник Юпитера.

Рея, Феба, Энцелад — спутники Сатурна.

139

Демон — скрытая от пользователя служебная программа, вызываемая при выполнении какой-либо функции.

Триангуляция — геодезическая операция, один из методов создания сети опорных геодезических пунктов.

«Home Movies», by Mary Rosenblum. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* April/May 2006. Reprinted by permission of the author.

«Damascus», by Daryl Gregory. Copyright © 2006 by Spilogale, Inc. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* December 2006. Reprinted by permission of the author.

143

«Personal Jesus», с альбома «Violator» 1989 г. группы «Depeche Mode».

144

Джон Р. Кэш (1932–2003) — американский певец в стиле кантри.

145

Курт Дональд Кобейн (1967–1994) — лидер группы «Nirvana».

Детергенты — синтетические очищающие вещества, некоторые из них используются в качестве антисептиков.

«Life on the Preservation», by Jack Skillingstead. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* June 2006. Reprinted by permission of the author.

Бэллтаун — район Сиэтла.

149

Куин-Энн-Хилл — пригород Сиэтла.

«Yellow Card Man», by Paolo Bacigalupi. Copyright © 2006 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* December 2006. Reprinted by permission of the author.

151

Баоцзы — китайское блюдо наподобие мантов.

Хуан жэнъ — желтые люди *(кит.)*.

153

Чаочжоу — общее название китайцев, иммигрировавших в Таиланд.

Фаранг (кит.) — презрительное название чужестранца.

155

Пенанг и *Малакка* — штаты в Малайзии, важные административные и экономические центры страны.

156

Дуриан — экзотический плод. Активно используется в азиатской кухне. Плод довольно крупный, кожура покрыта шипами. Мякоть желтого цвета, сладкая и очень питательная. Однако запах дуриана весьма неприятен, напоминает запах протухшего мяса. Интересно, что на вкусовые качества плода это не влияет.

Ли — китайская мера длины, равная пятистам метрам.

158

Дарума — японские традиционные игрушки, аналог неваляшек.

159

Зд.: Черта с два *(кит.)*.

160

Гуаньинь — в китайской мифологии богиня милосердия. По легенде, прежде была дочерью императора династии Чэнь.

161

В очередь *(кит.)*.

162

Равана — персонаж древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

163

Ли Ка Шин — китайский миллиардер.

Ричард Квок — вымышленный потомок современного, реально существующего китайского миллиардера Реймонда Квока.

165

Лаап — традиционное лаосское или тайское блюдо из рыбы или мяса.

Зд.: Иди ты *(кит.)*.

167

Лимонное сорго — растение, широко используемое в качестве приправы в азиатской кулинарии. Обладает цитрусовым ароматом. Употребляется молотым или свежим. Добавляют в чай, супы, карри.

Мандарин — официальный китайский диалект.

169

В китайском языке слова «четыре» и «смерть» различаются только интонацией. В связи с этим число «четыре» в Китае считается несчастливым.

170

Вернись *(кит.)*.

171

Чароен-Крунг-роуд — улица в Бангкоке, проходящая по китайскому кварталу.

172

Ничего *(кит.)*.

173

Мин би (Ming Bi, *кит.)* — китайские ритуальные деньги. Их сжигают в специальных печах при храмах в качестве жертвоприношения духам загробного мира, чтобы облегчить умершим их долю.

Зд.: Скоты! Мать вашу! *(кит.)*

175

Старый друг *(кит.)*.

«Riding the Crocodile», by Greg Egan. Copyright © 2006 by Greg Egan. First published in *One Million A.D.* (Science Fiction Book Club), edited by Gardner Dozois. Reprinted by permission of the author.

177

Смысл существования *(фр.)*.

Фемто — метрическая приставка, обозначающая 10^{-15}.

179

Счастливого пути *(фарси)*.

«The Ile of Dogges», by Elizabeth Bear and Sarah Monette. Copyright © 2006 by Elizabeth Bear and Sarah Monette. First published electronically in *Aeon Seven,* August 2006. Reprinted by permission of the authors.

181

Эдмунд Тилни — распорядитель королевских увеселений в 1593–1601 годах.

182

Бумага верже — сорт бумаги с узором в виде сетки из двух систем параллельных линий, напоминающим водяные знаки.

183

Бен *Джонсон* (ок. 1573–1637) — английский поэт и один из трех крупнейших — наряду с Шекспиром и Марло — драматургов Елизаветинской эпохи.

184

Томас Нэш (1567–1601) — английский сатирик. О его жизни известно очень мало. Его первые публикации появились в 1589 году. Потерянная комедия в соавторстве с Беном Джонсоном «Собачий остров» («Остров шавок», 1597) стала причиной заключения в тюрьму нескольких человек, в том числе и Джонсона, за «мятежный и клеветнический» язык.

185

Все цитаты взяты из издания «Собачьего острова», вошедшего в серию «Замечательные поэты прошлого» под редакций Энтони Балдассара (Лас-Вегас: Университет невадской прессы, 2206).

186

Лондонская тюрьма для должников.

187

Имена нарицательные, букв: «два попугая»; здесь — «подсадные утки».

188

Камера-обскура — известная со Средних веков темная камера с одним миниатюрным отверстием, способная проецировать на стенку, противоположную отверстию, перевернутое уменьшенное изображение предметов, на которые направлено отверстие.

«The Highway Men», by Ken MacLeod. Copyright © 2006 by Ken MacLeod. First published as a chapbook, *The Highway Men* (Sandstone Press). Reprinted by permission of the author.

Хайленд — горная местность в Шотландии.

191

Фестиваль искусств в Эдинбурге.

192

Известная марка строительных и дорожных машин.

193

«Джейз»— фирменное название дезинфицирующих жидкостей.

194

Пренебрежительное название англичан *(шотл.)*

195

Бродяги.

196

Марка военного вертолета.

Льюис — остров в Шотландии.

«The Pacific Mystery», by Stephen Baxter. Copyright © 2006 by Stephen Baxter. First published in *The Mammoth Book of Extreme SF* (Carroll & Graf), edited by Mike Ashley. Reprinted by permission of the author.

199

«Рейхсмаршал великого немецкого рейха Герман Геринг» *(нем.)*.

200

Линкор *(нем.)*.

201

Британский истребитель времен Второй мировой войны.

202

Деревня в Букингемшире.

203

Период Второй мировой войны с 3 сентября 1939-го по 10 мая 1940 года на Западном фронте.

204

Георг Фридрих Бернхард Риман (1826–1866) — выдающийся немецкий математик, внес вклад в преобразование нескольких разделов математики, в том числе и геометрии.

205

Жюль Анри Пуанаре (1854–1912) — выдающийся французский физик, математик, философ и теоретик науки. Наряду с Г. А. Лоренцем и А. Эйнштейном участвовал в разработке специальной теории относительности.

«Okanoggan Falls», by Carolyn Ives Gilman. Copyright © 2006 by Spilogale, Inc. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* August 2006. Reprinted by permission of the author.

207

Гражданская война в США (1861–1865) — война между буржуазными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

208

Синклер Льюис (1885–1951) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1930 года.

209

Сеть супермаркетов в США.

210

День независимости — национальный праздник в США. Четвертого июля 1776 года была подписана Декларация независимости США от Великобритании.

211

Автомобиль, выпускавшийся в 1913–1927 годах.

212

Английский глагол *to fall,* используемый в выражении *to fall for* («влюбиться», «поддаться на обман»), созвучен названию города Оканогган-Фоллз (Okanoggan Falls).

213

Сеть ресторанов быстрого питания в США.

«Every Hole Is Outlined», by John Barnes. Copyright © 2006 by John Barnes. First published electronically on *Jim Baen's Universe,* no. 2, August 2006. Reprinted by permission of the author.

Рекурсия — описание объекта в терминах самого себя.

216

Ци — основная концепция в традиционной китайской культуре, чаще всего определяемая как «воздух», или «дыхание», или, в более широком смысле, «психическая энергия», пронизывающая все мироздание.

217

Тан-тянь — точка, важная для медитации, находится в центре тяжести тела, поблизости от пупка.

218

Скорость убегания (вторая космическая скорость) — наименьшая скорость, которую необходимо придать объекту (например, космическому аппарату), масса которого пренебрежимо мала относительно массы небесного тела (например, планеты), для преодоления гравитационного притяжения этого небесного тела.

219

Предельный доход — дополнительный доход, полученный от увеличения затрат на одну единицу (например, дополнительный объем продаж продукции, полученный за счет увеличения затрат на рекламу, или дополнительный доход, полученный за счет приобретения дополнительных производственных мощностей).

«The Town on Blighted Sea», by A. M. Dellamonica. Copyright © 2006 by A. M. Dellamonica. First published electronically on *Strange Horizons,* August 28, 2006. Reprinted by permission of the author.

Ruthless *(англ.)* — безжалостная.

222

Бастер Китон (наст, имя Джозеф Фрэнсис Китон, 1895–1966) — американский актер и режиссер, популярный классик немого кино.

223

Название фабрики киноиндустрии индийского города Мумбай (бывший Бомбей) по аналогии с Голливудом в США.

«Восстание. Баллада о Мангале Пандей»(2005) — фильм о жизни индийского офицера, участника восстания сипаев 1857 года.

225

«Nightingale», by Alastair Reynolds. Copyright © 2006 by Alastair Reynolds. First published in *Galactic North* (Gollancz). Reprinted by permission of the author.

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — знаменитая сестра милосердия, первая из женщин Великобритании получила из рук короля Георга V орден «За заслуги перед Отечеством».

Sky *(англ.)* — небо.

227

Тьюринг Алан Матисон (1912–1964) — английский математик, основоположник вычислительной техники и искусственного интеллекта. Предложенный им тест служит критерием на разумность ИИ.